

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929205 6

Allen

15E7

MOCA
Bibin

**БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
LXXXVI.**

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀισχρὸν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινώσκει μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονότοις οὐχ ὁμοίαν καταλλομένην ταῖς
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

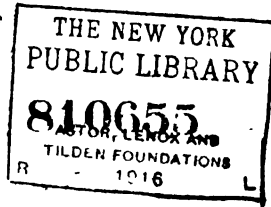
ТОМЪ ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ШЕСТОЙ.

=

21 6966
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

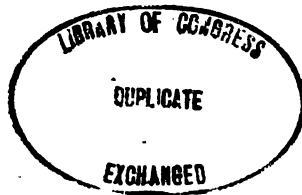
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 5 января 1848.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ Н. Срезневскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ШЕСТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Управитель. Повесть. <i>Аскольдова</i>	5.	✓
Люди страждущіе—люди страдающіе. <i>М. Ковалевскаго</i>	87.	✓
Воспоминаніе Фаддея Булгарина. Часть третья.	165.	
Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Часть двѣнадцатая. <i>А. Вельмана</i>	259	

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Заниски Врача. Романъ Александра Дюма. Часть одиннадцатая.	1	✓
Донъ-Карлосъ, инфантъ испанскій. Актъ первый и второй.	111	✓

Александр Дюма

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Впечатлѣнія и воспоминавія покойника. Статья первая.	1
✓ Манифестъ Дарія, сына Истаспова, и прочіе каменописные памятники древнихъ царей Персіи. <i>О. Сенковскаго</i> . Статья первая.	59
Семейная жизнь Римлянъ при Августѣ и Грековъ при Периклѣ. Статья первая.. . . .	95
✓ Впечатлѣнія и воспоминавія покойника. Статья вторая.	147
✓ Основныя понятія о музыкѣ какъ искусствѣ, необходимыхъ для всякаго желающаго судить объ ея произведеніяхъ. Статья первая.	185

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

✓ Закавказская торговля. <i>Г. Н—на</i> . Статья первая.	1
✓ Устройство лѣсовъ частныхъ владѣльцевъ. Статья первая.	33
Тоже. — Статья вторая.	73

V.

КРИТИКА.

Опытъ о народномъ богатствѣ и началѣхъ политической экономіи. Сочиненіе Александра Бутовскаго. Санктпетербургъ, 1847. Три части. Статья третья.	1
Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, отъ основанія государства до кончины Екатерины Второй. Сочиненіе графа Толстаго. Санктпетербургъ, 1848.	25

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Декабрь, 1847. Новыя книги и брошюры.	1
— — Разныя извѣстія.	24
Январь, 1848. Новыя книги и брошюры.	25
— — Разныя извѣстія.	40

VII.

С М Ъ С Ъ.

ЯНВАРЬ.

Хлороформъ, или хлороформъ какъ врачебное средство и какъ химическое тѣло	1
Искусственное пониженіе уровня озера Ойеренъ въ Швеціи.	4
Изверженіе волкана на лувъ.	4
Рѣчь англійской королевы, говоренная въ шестидесяти городахъ вдругъ посредствомъ электрическихъ телеграфовъ.	5
Открытіе новаго творенія Платона.	5
Последнія времена и нынѣшнее состояніе ордена Іоанна Иерусалимскаго	5
Жучокъ и сверчокъ. Сентиментальная басня въ прозѣ	35
Чортъ его возьми. Истинное происшествіе.	49
Виконтъ де Бражелонъ. Романъ Александра Дюма. Часть вторая.	59
Французскій театръ въ Парижѣ	
Музыкальныя новости.	156
Новыя французскія книги	165
Моды.	171

ФЕВРАЛЬ.

Опасности употребленія хлороформа. <i>Опыты господъ Плувиэ и Седильо.</i>	173
Присутствіе множества металловъ въ человѣческой крови. <i>Исслѣдованіе господина Миллона.</i>	175
Исслѣдованія господина Беклара о порядкѣ кровообращенія	176
Количество кислорода поглощаемаго при дыханіи. <i>Исслѣдованія господъ Реньо и Резэ</i>	176
Электрическое освѣщеніе	178
Электрическіе концерты	179
Новая атмосферическая желѣзная дорога.	180
Скипидарныя и эфирныя паровыя машины	181
Пароходы съ горизонтальными колесами	181
Составы для уничтоженія вони.	182
Доходы чистоплотности	182
Чортъ его возьми! <i>Истинное происшествіе (Окончаніе).</i>	182

Литературныя новости во Франціи. Франсоа Подкидынгъ, романъ Жоржъ-Санда	193
Семь смертныхъ грѣховъ, романъ Евгенія Сю.	196
Виконтъ де-Бражлонъ. Романъ Александра Дюма. Часть тре- тья. В. Дерикера.	201
Французскій театръ въ Парижѣ.	287
Музыкальныя новости.	293
Новыя французскія и нѣмецкія книги.	309
Новыя музыкальныя сочиненія	
Моды	

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

УПРАВИТЕЛЬ.

=

НОВЫЙ.

=

На берегу широкой рѣки, на краю предмѣстья значительнаго города.... я «сочиняю» истинное произшествіе, слѣдовательно имѣю право не называть мѣста.... На берегу широкой рѣки стоитъ большая фабрика, на которой выдѣлывается одинъ изъ тѣхъ сырыхъ или полу-обработанныхъ матеріаловъ, которыми преимущественно торгуетъ русская промышленность. Противъ длиннаго деревяннаго строенія, занимаемаго самою фабрикой, по прямой линіи такого же длиннаго двора стоятъ врозь на довольно большихъ разстояніяхъ три деревянные домика. У обонхъ крайнихъ веткииъ частоколъ огорожено по садку. Въ первомъ домикѣ живутъ двое русскихъ мастеровъ и приказчикъ; въ среднемъ, обставленномъ съ обѣихъ сторонъ множествомъ довольно безобразныхъ кое-какъ слѣпленныхъ досчатыхъ чулановъ, помѣщается артель работниковъ; во второмъ крайнемъ, двухъ-этажномъ; съ двумя крыльцами, внизу — другая артель работниковъ, вверху — управитель,

Петръ Ивановичъ Якоревъ съ семьей. По той же линіи, подальше — два небольшія каменные строенія, закопченныя, грязныя, съ высокими трубами, и нѣсколько сараевъ, которыми обставленъ задній дворъ.

Лѣто на походѣ. День воскресный; фабрика молчитъ; ни стуку, ни дыму нѣтъ. Нѣсколько работниковъ, нашивувъ армяки сверхъ красныхъ и розовыхъ рубашекъ, расхаживаютъ по двору, и то посматриваютъ на щедро смазанные сапоги, то поправляютъ столько же роскошно намащенные волосы и какъ-будто дожидаются, когда солнце подсушитъ ихъ. Другіе спятъ, развалившись на травѣ у фабричнаго строенія, — кто въ тѣни, кто на припекѣ, смотря по вкусу. Молодые ребята и мальчишки, на заднемъ дворѣ, играютъ въ бабки и, попеременно, партіями бѣгаютъ на рѣку, купаться. Они хотя и кричатъ безъ всякаго стѣсненія, однакожь этотъ крикъ какъ-будто глохнетъ и тонетъ въ знойной атмосферѣ, и около жилыхъ домовъ все тихо; изъ открытыхъ артельныхъ оконъ жарко дышетъ и сопитъ богатырскій сонъ.

На этотъ дворъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцать, высокаго росту, стройная, гибкая и граціозная въ походкѣ и во всѣхъ движеніяхъ. Она одѣта очень небогато, — простенькое блѣдно-голубое платье съ бѣлою фрезкой, бѣлый шарфъ тонкой шерстяной матеріи и маленькая бѣлая кисейная шляпка; — но во всемъ этомъ столько изящества, столько вкусу, столько умѣнья носить, и вся она такъ легка, такъ воздушна, что какъ-то странно было видѣть ее идущую пѣшкомъ мимо грязныхъ, закопченныхъ фабричныхъ строеній. Вы немного спросилъ бы, зачѣмъ она сюда зашла и кто она? Съ нею двѣ дѣвочки, одѣтыя еще проще. Однѣ по всему виду гораздо ниже, грубѣе ея, однако жъ она ведетъ ихъ бережно и вѣжливо, какъ сестеръ, и однѣ съ ней обращаются какъ сестры.

На дворѣ расхаживающіе работники посторонились, поклонились, но безъ удивленія: сначала, они видятъ ее не въ первый разъ. Дѣвушка прошла чрезъ длинный дворъ на первое крыльцо двухъ-этажнаго дома гдѣ живетъ управитель, и въ комнату, которая кажется просторною, потому что въ ней нѣтъ излишества мебели, — по одной стѣнѣ старый ломберный столъ краснаго дерева съ мѣдью; по другой обѣденный съ складными полами, березовый, желтый, вымытый; между двухъ оконъ третій, маленькій, неизвѣстнаго назначенія и неизвѣстнаго дерева; надъ нимъ аршинное тусклое зеркало въ почернѣвшей рамѣ;

по третьей, протякъ оконъ, между дверью и печью — старинная нишоньерка, а по другую сторону двери, въ углу — лосевый шкафъ съ ружьями, украшенный сверху чучелами вѣсколькихъ болотныхъ птицъ, и стѣнные деревянные часы; въ промежуткахъ старыя плетеные стулья, — вотъ и все.

Красавицу никто не встрѣтилъ; она вошла какъ своя и прошла дагѣ въ другую комнату. Вслѣдъ за тѣмъ является небольшого роста, сухоощавая старуха, съ сѣроватымъ, совершенно поблекшимъ, морщинистымъ лицомъ, въ затертомъ темномъ платѣ, въ совершенно замасленномъ и прожженномъ клѣтчотомъ передникѣ. Существо тихое, безмолвное, — что-то въ родѣ кухарки, однако много похожее и на хозяйку.

Она выдвинула обѣденный столъ на середину, подняла полы и стала накрывать не спѣша; постлала короткую, истертую, пожелтѣвшую и мѣстами прорванную скатерть, поставила семь или осемь паръ тарелокъ разныхъ размѣровъ, положила разнокалиберные ножи, не родные своимъ вилкамъ, двѣ или три оловянные да вѣскольکو обдержанныхъ деревянныхъ ложекъ, — по выбору, всякому свою, — потомъ поставила красную глиняную солонку, двѣ бутылки квасу, нарѣзала потребное количество толстыхъ ломтей чернаго хлѣба и пошла въ кухню, катать на скалкѣ несовершенно досушившіяся салфетки одинаковаго достоинства со скатертью.

Къ этому времени дѣвушка, которую мы видѣли, вышла, безъ шляпки и безъ перчатокъ. Художественная форма рукъ и шеи освобождена отъ щитовъ и не можетъ не выиграть отъ этого, точно такъ же какъ станъ, дивно тонкій, но не стянутый въ сухую деревянную трубку, а мягкою ливіей, красиво выгнутой на пыльное бедро. По линиямъ, лица, правда, нельзя назвать совершенствомъ красоты: въ немъ есть неправильности; но настоящую красоту его составляютъ не маленькій розовый ротъ съ блестящими перломутровыми зубками, не удивительная бѣлизна кожи и даже не эффектъ чудесныхъ свѣтло-блѣкурыхъ волосъ и блестящихъ карихъ глазъ, а миловидность и необыкновенно привлекательное выраженіе доброты, ума и немножко томной мечтательности, подъ которою скрывается восторженность; точно такъ же, въ станѣ у нея, несмотря на его совершенство, настоящую красоту составляетъ неподражаемая, гениальная грація.... я говорю — гениальная, потому что истинно граціозныя женщины граціозными рождаются, какъ рождаются великіе умы и творческія воображенія, которые развиваются сами собою и часто

даже, по-видимому, при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.

Проходя мимо стола, дѣвушка взглянула на приборы, оставившая и поправила недосмотры старухи, — перебила нѣсколько вилочекъ и ножей, разставила нѣкоторую посуду иначе, переложила только что принесенныя салфетки, такъ, чтобы не видать было желтыхъ пятенъ, и старый хламъ въ минуту какъ будто посвѣжѣлъ отъ прикосновенія такихъ пальчиковъ. Можно было ожидать, что потомъ и разведенная квасомъ окрошка, и простая кулебяка и ячная каша съ молокомъ, которымъ предстоитъ явиться, въ свою очередь обратятся во что-нибудь болѣе достойное прелестнаго рта волшебницы.

— Катенька, не пора ли подавать обѣдать? спросила замасленная старуха.

— Вѣдь брата еще нѣтъ, Даниловна, отвѣчала дѣвушка: погоди, я спрошу у батюшки.

И она пошла черезъ сосѣднюю маленькую комнату и узкій корридоръ въ другую большую комнату, — кабинетъ, спальню, приемную, гардеробъ и даже архивъ Петра Ивановича Якорева.

Если эта комната не великолѣпно убрана, зато она залита свѣтомъ, несмотря на кисейныя занавѣски, которыя впрочемъ при малѣйшемъ движеніи въ воздухѣ приподнимаются въ настежъ отворенныхъ окнахъ и гостеприимно впускаютъ и солнечные лучи и жужжащихъ мухъ.

У письменнаго стола, на плетеномъ стулѣ, въ просторной навковой курткѣ, безъ галстука, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, сидитъ высокаго росту, плотный старикъ, лѣтъ шестидесяти, плечистый, съ прекрасною выразительною головою..... Нужно сказать — съ выразительною головою, потому что, начиная съ сутуловатыхъ, вздернутыхъ, какъбудто натуженныхъ плечъ и наклоненной впередъ крѣпкой шеи, все, и широкій лобъ, продолженный большою лысиной, и сѣдые волосы на затылкѣ и вискахъ, все показывало, что шестидесяти-лѣтняя ноша была легка, но что ее несли съ достоинствомъ. На открытомъ, благородномъ, немножко загорѣломъ лицѣ вся эта ноша оставила только два рѣзкихъ слѣда, — она сдвинула густыя сѣдыя брови надъ прямымъ правильнымъ носомъ и нѣсколько стянула внизъ углы рта. Но и эта горькая черта очень часто пропадала подъ привѣтливою, спокойною, доброю улыбкой, или — когда свѣтлыя сѣрые, провицательные глаза подъ сѣдымъ щитомъ своимъ засвѣчивались какою-нибудь мыслью.

Это Петръ Ивановичъ Якоревъ. Онъ сидитъ у стола бокомъ и, опираясь лѣвою рукой, читаетъ книгу, которую старшій сынъ накануне принесъ отъ пріятеля, — читаетъ съ такимъ вниманіемъ, что правая рука, какъ-будто сама по себѣ, то играетъ табакеркой, то платкомъ утираетъ потъ со лба, то отмахиваетъ докучныхъ мухъ.

Старикъ не примѣтилъ, какъ вошла дѣвушка. Правда, что она вошла очень тихо, почти такъ же тихо какъ солнечный лучъ, которыхъ въ комнатахъ было уже много.

— Не прикажете ли подавать обѣдать, батюшка? спросила она.

— А который часъ? спросилъ старикъ вмѣсто отвѣту и устремилъ на дѣвушку взоръ совершенно равнодушный къ отвѣту о времени, зато полный нѣжности и тихаго удовольствія.

— Второй уже, отвѣчала дѣвушка.

— Сергѣй дома?

— Нѣтъ еще, не возвращался съ охоты.

— Ну, подождемъ еще немножко.

— Такъ я скажу Даниловнѣ....

— Даниловна и сама догадается; останься, поди ко мнѣ, милая моя Катя, сказалъ старикъ, отодвинувъ книгу и взявъ дѣвушку за руку: мы съ тобой вѣдь, кажется, еще не видались сегодня?

— Какъ не видались, батюшка! отвѣчала она, нѣжно поцѣловавъ отца въ щеку: вы все утро были дома и я только къ обѣдѣ сходила.

— Ну, такъ ты мнѣ еще не рассказала, какъ ты провела время у своей крестной матери. Вѣдь ты тамъ почти цѣлую недѣлю прогостила. Веселилась?

— Да, батюшка; но вы знаете, что я сажусь въ карету, которую за мной присылаютъ, и ѣзжу въ этотъ домъ, въ это общество только по необходимости, — изъ почтенія къ крестной матери, и потому что вы этого хотите. Я исполняю это какъ обязанность, несмотря на то что меня тамъ очень любятъ.

— Знаю, знаю, что ты дичишься людей, это не новость.

— Мнѣ дома спокойнѣе, батюшка.

— Спокойнѣе, правда, однако жъ не веселѣе. Покрайней-мѣрѣ тамъ ты что-нибудь видишь, можешь хоть изрѣдка найти развлечение... и мнѣ пріятно, что на мою Катю кто нибудь посмотритъ... И ты сама же сознаешься, не можешь не сознаться, что тебя тамъ всѣ любятъ.

— Все это правда, милый батюшка, но я все-таки лучше люблю быть дома, съ вами.

— Ну, расскажи же, что вы там дѣлаете? Такъ ли у вас много бываетъ гостей на дачѣ, какъ въ городѣ?

— Все такъ же и все то же. Только во вторникъ, когда и пріѣхала, никого чужихъ не было и изъ своего саду не выходили. Въ среду пріѣхало нѣсколько гостей и состоялся почти балъ; въ четвергъ съ утра поѣхали гулять верстъ за пятнадцать, на дачу къ знакомымъ; въ пятницу опять были гости и гуляли около своей дачи, смотрѣли на фейерверкъ, слушали музыку; въ субботу, — вчера, — какъ обыкновенно, опять было много гостей, опять танцевали... начали тотчасъ послѣ обѣда, въ саду, и, вѣроятно, кончили за полночь, но я съ утра еще упросила, чтобы меня въ девятомъ часу отвезли домой.

— Отчего же ты не хотѣла остаться до сегодня?

— Я не люблю танцевъ, батюшка, вы знаете, и притомъ... вѣдь я довольно погостила.

Старикъ не сталъ болѣе допрашивать: онъ очень хорошо понималъ, что дочь бѣдняка управителя въ домѣ крестной матери, если не очень богатой, то по крайней-мѣрѣ открыто живущей дворянки, помѣщицы, могла, правда, пользоваться удовольствіями, развлеченіями богатыхъ, но могла и находиться иногда въ неловкихъ, тягостныхъ положеніяхъ. Но все ли онъ понималъ? все ли онъ угадывалъ? Едва ли. Или по крайней-мѣрѣ, не обманывалъ ли онъ самъ себя изъ отеческаго тщеславія? Очень можетъ быть.

Петръ Ивановичъ Якоревъ когда-то служилъ во флотѣ и вышелъ въ отставку по убѣжденію стараго хозяина фабрики, Золотова, съ которымъ какъ-то случайно сошелся и подружился, въ полномъ смыслѣ этого слова, несмотря на несоразмѣрность состояній, — одинъ былъ совершенно бѣдный мичманъ, другой миллионеръ. Золотовъ упросилъ друга принять на себя управленіе фабрикой и назначилъ ему за это жалованья тысячу дѣсятъ рублей ассигнаціями, что по-тогдашнему, какъ старомодны говорятъ, значило больше нынѣшнихъ серебряныхъ рублей. Впрочемъ жалованье это считалось больше потому что Якоревъ, человекъ съ строгими правилами и гордый, не захотѣлъ бы вступить въ неопредѣленныя отношенія и не зналъ предѣловъ своихъ правъ, а Золотовъ между-тѣмъ умѣлъ очень точно дѣлиться своими удобствами жизни и находилъ тысячи способовъ окружить своего друга, повѣреннаго и управителя полнымъ довольствомъ, ни

мало не задѣвая его самолюбія. Люди способные на эти вещи встрѣчаются, но такъ рѣдко, что называются исключеніями. Это истинно добрые люди, а чтобъ быть истинно добрымъ чело-вѣкомъ, мало имѣть чувствительное воспримчивое сердце, нужей провѣщательный, здравый умъ и твердый характеръ, безъ котораго нѣтъ справедливости, а слѣдовательно нѣтъ и мѣры для чужаго достоинства, нѣтъ дѣйствительной доброты. Сколько на свѣтѣ людей, которыхъ называютъ добрыми и которые однако жѣ творятъ самую добротой своей столько вреда, что ужъ лучше бы имъ быть злыми... Но не о томъ рѣчь.

Старикъ Золотовъ.... мы должны называть его старикомъ, потому что все сказанное относится къ давно прошедшему и въ семействѣ Якорева воспоминаніе о прежнемъ хозяинѣ сохраняется преимущественно въ почти стерсотишной фразѣ «при старикѣ Золотовѣ не то было!» Старикъ Золотовъ умеръ и положеніе Якорева начало измѣняться постепенно, правда, однако жѣ очень замѣтно.

Молодой Золотовъ, сынъ богача, воспитанный сообразно богатству, вошедшій въ другое общество, въ другія связи, конечно, уже не могъ смотрѣть на Якорева такъ, какъ смотрѣлъ его отецъ. Онъ, по общему мнѣнію, добрый и хорошій чело-вѣкъ, и нельзя сказать, чтобы онъ не уважалъ Петра Ивановича, но Петръ Ивановичъ былъ для него хорошій, честный управитель и только. О дружбѣ стариковъ онъ зналъ, однако жѣ продолжать ее и поддерживать прежнихъ отношеній управляющаго и хозяина онъ не могъ и это очень естественно, тѣмъ болѣе, что Якоревъ, по упрямому правилу — знать свое мѣсто, и прежде бывалъ у своего друга-хозяина въ городскомъ домѣ очень рѣдко, только по дѣлу, по необходимости или въ годовые праздники. По безпечности, по эгоизму, но вовсе не по скупости, молодой богачъ не замѣчалъ, какъ довольство Петра Ивановича превращается въ бѣдность, почти въ нищету. Онъ въ двѣнадцать лѣтъ, съ-тѣхъ-поръ какъ наслѣдовалъ отцу, ни разу не сообразилъ и не догадался, что чело-вѣкъ, который за двадцать и за тридцать лѣтъ назадъ довольствовался сотнею рублей жалованья въ мѣсяцъ, могъ имѣть нужду въ прибавкѣ. Если бы онъ зашелъ къ Петру Ивановичу на квартиру, напри-мѣръ, въ обѣденный часъ и увидѣлъ на столѣ обыкновенную пищу своего управителя, — въ полуразрушенной мискѣ простые щи, да въ пожелтѣвшемъ, потрескавшемся отъ запековъ блюдѣ картофель или грѣчную кашу, — онъ, конечно, невольно вспомнилъ бы о временахъ своего дѣт-

ства, когда отецъ привозилъ его на фабрику къ Петру Ивановичу виѣстѣ со всѣмъ домоу, съ лакеями и съ кухней, — когда у Петра Ивановича обѣдали точно такъ же хорошо какъ и дома, и не было недостатку ни въ пирожныхъ, ни въ фруктахъ, и когда отецъ изъ своего бокалу давалъ ему отвѣдывать вина, которое пилъ за здоровье Петра Ивановича и его жены. Онъ замѣтилъ бы тогда, что между прошедшимъ и настоящимъ состояніемъ управителя есть маленькая разнища. Очень вѣроятно также, что, если бы Петръ Ивановичъ попросилъ, ему безъ слова прибавили бы содержанія. Но Якоревъ никогда ничего не просилъ, а молодой Золотовъ бывалъ на фабрикѣ раза два три въ годъ и никогда не заходилъ на квартиру къ управителю: не было надобности. Дѣло шло всегда хорошо, деньги и отчеты приказникъ приносилъ отъ Петра Ивановича исправно, такъ, что хоть и совсѣмъ не заглядывай.

Когда, однажды, рѣвка разлилась и наводненіемъ снесло одинъ изъ артельныхъ домовъ, Петръ Ивановичъ, который лишился при этомъ случаѣ бѣдшей половины своего имущества, спасаясь отъ воды, перебрался со всѣмъ хозяйствомъ въ верхній этажъ своего дому, да тамъ и помѣстился совсѣмъ. Низъ пришлось отдать оставшейся безъ крыши артели. Это сокращеніе квартиры казалось очень естественнымъ, потому что Петръ Ивановичъ давно уже не зналъ, что дѣлать съ такимъ большимъ помѣщеніемъ, и самъ сказалъ хозяйну, что строить новый домъ для артели не нужно. А о томъ, что въ то же время у Петра Ивановича, за разбитое окно, вслѣдъ за нѣкоторыми другими вещами, уплылъ сундукъ съ шубами и платьемъ, хозяйнъ, правда, слышалъ, только ему и въ умъ не пришло, что эта потеря можетъ имѣть какія-нибудь важныя слѣдствія. Что Петръ Ивановичъ сталъ зимою ходить по фабрикѣ въ нагольномъ тулупѣ, это не бросалось въ глаза: это можно было приписать известной любви Петра Ивановича къ простотѣ.

Молодой Золотовъ съ перваго своего дня опредѣлился жить на свѣтѣ на всемъ готовомъ, оттого никогда горя не видалъ и нужды не знавалъ: въ этомъ вся разгадка его обращенія съ Петромъ Ивановичемъ.

Можетъ быть также, онъ не разъ слышалъ отъ другихъ о нравахъ управителей вообще, о томъ какъ этого роду люди круглѣютъ около хозяйскаго добра, и не могъ представить себѣ, что есть между ними такой чудакъ, который вовсе не умѣетъ красть. Есть же множество людей, которые важли себѣ состояніе око-

лю чужаго совершенно честнымъ образомъ, такъ, что ихъ никто не называетъ ворами: напротивъ, кто на хлѣбномъ мѣстѣ не уиѣтъ нажить, тотъ просто — дуракъ, это дѣло извѣстное.

Съ наводненія въ особенности нужда стала приходиться къ Петру Ивановичу частенько, за-просто, какъ свой человекъ. Изъ того, что поуцѣлѣло отъ воды, — изъ серебра, да кое-какихъ не нужныхъ вещей, — большая часть въ ту же осень пошла въ залогъ и на одежду. Впослѣдствіи, кое-что лишнее продалъ, кое-что въ залогъ пропало и Петръ Ивановичъ обвинялъ совершенно, но онъ такъ постепенно привыкъ довольствоваться тѣмъ, что есть, такъ спокойно и равнодушно сносилъ ограниченія и лишения, что и вся семья какъ-будто не примѣчала своей бѣдности, тѣмъ болѣе что Якоревъ никогда не переставалъ быть хлѣбосоломъ, всегда жилъ по своему открыто, особенно праздничный пирогъ всегда рассчитывался на двойной комплектъ зубовъ, и кто и когда бы ни пришелъ, всякому гостю рады; къ чаю, такъ чай; къ обѣду, такъ за столъ милости просимъ, — чѣмъ Богъ послалъ, а чего нѣтъ, не погибвайте; далеко и поздно домой возвращаться, — переночуйте, какъ-нибудь уляжесь.

Только жена Петра Ивановича, можетъ-быть, примѣчала и чувствовала переходъ отъ былаго, несмотря на его постепенность, но она никогда не жаловалась и никто не видалъ, чтобы она плакала. Черезъ пять или шесть лѣтъ, послѣ наводненія, она умерла.

Спустя еще нѣсколько лѣтъ, въ ту пору, съ которой собственно начинается наша повѣсть, семья Петра Ивановича, кромѣ Кати, которой осьмнадцать лѣтъ, состояла изъ двоихъ сыновей, одного лѣтъ двадцати-трехъ, другаго лѣтъ двѣнадцати, да еще изъ двухъ дочерей: одной осьми, другой семи лѣтъ. По одной этой неровности уже видно было, что на войнѣ, называемой жизнью, нѣкоторые рядовые выбыли изъ строю.

Даниловна, общая нянька всѣхъ дѣтей Петра Ивановича, а потому и стряпуха и хозяйка въ одномъ лицѣ, также имѣла свое мѣсто за столомъ, хотя рѣдко пользовалась имъ, потому что въ продолженіи обѣда почти только и дѣлала, что ходила изъ кухни къ столу, отъ стола въ кухню.

По этому историческому очерку уже легко угадать положеніе Кати, дѣвушки, — почти можно сказать — къ несчастію, — болѣе нежелезъ щедро надѣленной отъ природы и красотой и умомъ.

Петръ Ивановичъ самъ былъ человекъ очень умный и начи-

танпый, — не имѣя трехъ своихъ книгъ въ домѣ, онъ въ продолженіи своей жизни прочиталъ почти все примѣчательное въ литературѣ, обогатился свѣдѣніями почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности, былъ знакомъ со многими науками какъ истинно практической человѣкъ и умѣлъ даже посмотреть на картину и на статую, такъ, что ни чья дѣльная рѣчь не могла казаться ему дикою.

Катя, при необыкновенно счастливомъ устройствѣ ума, имѣла только двохъ наставниковъ, или наставницъ, — бесѣду съ отцомъ и уединеніе, въ которомъ мечтала, прислушивалась къ своему сердцу; обдумывала то, что приносилъ опытъ; угадывала то, чего не видѣла; представляла себѣ людей, какъ они должны быть, и потомъ, увидѣвъ ихъ, повѣряла свои понятія. Счастливо созданные умы въ подобныхъ положеніяхъ зрѣютъ и развиваются раньше нежели при такъ называемомъ полномъ, хорошемъ воспитаніи, но они зрѣютъ и развиваются страдая.

Для себя собственно, для той жизни, къ которой, по-видимому, была предназначена, Катя знала довольно, даже слишкомъ довольно. Отецъ не могъ дать своей любимицѣ, своей милой, ненаглядной Катѣ только того, что называется свѣтскимъ воспитаніемъ. Зато онъ посылалъ ее гостить къ крестной матери, гдѣ она въ самомъ дѣлѣ развила свой врожденный тонкій вкусъ и быстро, почти незамѣтно для другихъ переняла у крестовыхъ сестеръ больше нежели онѣ сами могли и умѣли показать: она не только выучилась танцовать, она поняла свой даръ граціи и развернула его вполнѣ; она выучилась также нѣсколько музыкѣ, къ которой имѣла рѣшительную способность, даже страсть, и выучилась бы совершенно, если бѣ имѣла средства заниматься дома; она заимствовала въ этомъ кругу все, необходимое для того чтобы съ достоинствомъ являться въ немъ. Она училась, и училась охотно, слѣдовательно ей пріятно тамъ было. Но въ то же время она жестоко страдала. Она прибрѣла все, что нужно было, для того чтобъ казаться образованною дѣвушкой, только не могла прибрѣсти увѣренности въ себѣ и оттого, безпрестанно сознавая неполноту своего образованія, безпрестанно находя въ немъ недостатки, терзалась невозможностью пополненія, всегдашнимъ стремленіемъ къ недостигаемому совершенству, и виѣсть сомнѣніями въ своихъ силахъ и постояннымъ страхомъ, что другіе откроютъ ея недостатки. Она была горда. Крестная мать и всѣ въ томъ домѣ чрезвычайно любили Катю и всегда ласкали до излишества; но несмотря на это, дочь бѣднаго управителя,

очень часто выносила жестокия поражения въ самолюбіе, 'пораженія, отъ которыхъ любящіе не могли совершенно оградить ее и которыя даже сами иногда неволью навосили.

Оттого Катя говорила, что лучше любить быть дома. Но ясное, опредѣленіе она никогда не высказывала своей мысли объ этомъ предметѣ, — чтобы не огорчить отца сожалѣніемъ о его бѣдности, о своей бѣдности. Онъ никогда не жаловался на свою участь и она тоже не хотѣла жаловаться и дѣйствительно сносила все окружающее ее, всѣ лишенія совершенно безропотно и даже въ уединеніи, при всѣмъ сознаніи своего ума, не столько жалѣла о недостаткѣ средствъ къ образованію, сколько сомнѣвалась въ своей способности... или, можетъ быть, она только старалась увѣрить себя, что она мало способна знать все то, что другія воспитанныя дѣвушки знаютъ. Яковлевъ былъ увѣренъ, что его дочь неспособна къ зависти, но онъ не зналъ, не испытывалъ, что можно и безъ зависти страдать. Онъ предполагалъ только, что Катинно самолюбіе иногда подвергается испытаніямъ, и рассчитывалъ, что это еще не дорогая плата за уроки, гдѣ дѣвушка можетъ приобрести много полезнаго знанія и полировку формы, которую онъ самъ старался наполнить здоровымъ нравственнымъ содержаніемъ.

— Каково поживаетъ Марья Васильевна? спросилъ старикъ чтобы переменить разговоръ.

— Слава Богу, здорова; кланяется вамъ.

— А твои крестовыя сестры? весело прыгаютъ?

— Танцуютъ до упаду.

— Я очень радъ, что ты не до упаду доканцоналась, моя милая Катя, сказалъ старикъ съ улыбкой, привлекая дочь и цѣлуя ее въ лобъ: мнѣ хотя и пріятно, что ты бываешь тамъ... тебѣ это полезно... однако жъ мнѣ бываетъ еще веселѣе, когда ты воротитишься... Я, вѣрно, оттого и люблю тебя больше всѣхъ, что мы съ тобой иногда разстаемся.

— О! если только оттого, то я могу сдѣлаться въ расчетъ! отвѣчала дѣвушка со смѣхомъ: братъ Сергѣй тоже довольно часто разстается съ нами. Вѣтъ и теперь гуляетъ себя на охотѣ и не думаетъ, что вы ждете его къ обѣду.

— Въ темнотѣ и дѣло, что гуляетъ и не думаетъ. Но все равно, подождетъ немножко. Можетъ быть, онъ скоро воротится.

— Пора бы быть дома. Вѣдь они до разсвѣту, говорятъ, ушли.

— Съ кѣмъ онъ пошелъ?

— Съ Александромъ.

Петръ Ивановичъ, въ ожиданіи объѣда, опять принялся за книгу, а Катя, у которой уже начинало пробуждаться нетерпѣніе, вышла въ сѣни, откуда былъ видъ въ поле, и постоявъ тамъ, отправилась въ садикъ.

Въ этомъ садикѣ не только нетерпѣнію, самой дѣвушкѣ не слишкомъ можно было расходиться. На шестнадцати квадратныхъ саженьяхъ тутъ умѣщались полдюжины яблоней, два куста сирени, нѣсколько кустовъ смородины, одна гряда малины, двѣ гряды клубники, рабатка съ цвѣтами, четыре березы, четыре узенькія дорожки и бесѣдка:

Катя, уклоняясь почти на каждомъ шагѣ отъ вѣтвей, нѣсколько разъ обошла дорожки и присѣла въ бесѣдкѣ, но не надолго. Скоро нетерпѣніе повлекло ее къ калиткѣ и не даромъ: почти въ ту же самую минуту въ воротахъ показались два охотника въ полномъ нарядѣ, обвѣшанные ягдташами, порошницами и дробовиками, въ длинныхъ сапогахъ и картузахъ, съ ружьями подъ мышкой, усталые, вспотѣвшіе, запыленные. За ними высуну языкъ и тяжело пыхтя тащилась лягавая собака Валетка.

Это были Сергѣй и Александръ. Сергѣй рослый, плечистый, блѣокурый молодой человѣкъ съ пріятнымъ, открытымъ и немножко полнымъ лицомъ, вылитымъ въ отца, на котораго онъ походилъ еще и привычкою носить голову склоня: только брови еще не сдвигались и углы рта не стянулись внизъ отъ душевныхъ судорогъ, а живые глаза почти всегда искрились или немножко лукавымъ остроуміемъ или любознательностью. Эта постоянная игра глазъ иногда составляла странную и довольно оригинальную противуположность съ открытою простотою души и съ спокойными, почти флегматическими движеніями тѣла, въ которомъ всѣ мускулы, казалось, были сложены для терпѣнія, твердости и непоколебимаго присутствія духа.

Другой охотникъ, Александръ, ровесникъ Сергѣю, сухощавый, немножко блѣдный молодой человѣкъ, съ глубокими темно-карими глазами, съ черными, сросшимися въ одну прямую черту бровями и съ лицомъ немножко задумчивымъ, что однако жъ не мѣшало ему сѣяться очень громко и отъ души, когда представлялся удобный случай.

— Ахъ, посмотри какая картинка! сказалъ Александръ, вдругъ остановясь посреди двора: посмотри, какъ Катина головка мило выглядываетъ изъ подъ свѣжихъ листьевъ сирени и березы и какъ солнце играетъ съ тѣнями и съ розовой щекой и золотить локонь.... посмотри какъ это хорошо!

— Ну, ужъ у тебя все картины! отвѣчалъ Сергій, спохвативъ подхода къ крыльцу.

Этою фразой Сергій очень вѣрно опредѣлилъ товарища: Александръ былъ художникъ по ремеслу и по призванію. Стрелы къ охотѣ оба утоляли, разумеется, только по насиротствамъ и праздникамъ, потому что Сергій служилъ въ губернскомъ правленіи.

Александръ Степановичъ Павловъ, по просту Александръ, а еще проще Саша,—былъ очень дальній, до сомнительнаго дальній родственникъ Петру Ивановичу, но съ малыхъ лѣтъ часто гостилъ по цѣлымъ недѣлямъ, правильно бывалъ каждое воскресенье и такъ освоился, укоренился въ семьѣ, что ни кому и въ голову не приходило, будто онъ могъ быть когда-нибудь чужинъ. Оттого Петръ Ивановичъ и всѣ дѣти всегда называли его Сашей и продолжали такъ называть, несмотря на двадцати-двухъ-лѣтвій возрастъ.

— Здравствуй, Сергѣя, сказала Катя: что это вы такъ долго заставили батюшку ждать обѣда?

— Здравствуй.... Вьетка, тубо!... (Вьетка отправился локать воду въ черенкъ, за крыльцомъ, и куры съ крикомъ разлетѣлись).

— Зачѣмъ же было ждать? сказалъ Александръ: отобѣдали бы. Мы назадъ долго тащились, устали.

— А очень нужно было такъ далеко ходить! продолжала Катя, сердито взглянувъ на Александра: батюшка не велитъ подавать обѣдать, а послѣ недоволенъ будетъ, что все пересохло!...

— Ну, ну! одуванчикъ, одуванчикъ! губки падула! Цыпочка нахохлилась!... Здравствуй Катя! Душечка, не будь теткой, не ворчи, не сердись, сказалъ Александръ, подходя къ садовой калиткѣ: мы тебѣ дичи принесли.

Онъ вытащилъ изъ ягдташа одну утку и одного кулика и, держа за головы, хотѣлъ подать черезъ изгородь.

— Сдѣлайте одолженіе, Александръ Степановичъ, оставьте наши шутки: вы знаете, что я ихъ не люблю, отрывисто возразила Катя.

— А я ужасно люблю пемпожко подразнить васъ, Катерина Петровна, милостивая государыня, и это не помѣшаетъ намъ съ Катей сейчасъ же помириться, неправда ли, милая сестрица?

Это замѣчаніе, безъ сомнѣнія, было вѣрно, потому что Катя разсѣялась.

— Конечно, отвѣчала она, часто случается, что неудается и

разсердиться на васъ хорошенько, но.... смотрите, — я уже не разъ говорила вамъ,—берегитесь наскучить.... Гдѣ вы такъ долго были?

— О! мы версты двадцать неходили.

— А что нашли?

— Да вотъ пару только, отвѣчалъ Александръ, слова подиная добычу.

— Которая же ваша?

— Да ни-которая. Одинъ разъ ружье осклось, въ другой вещь-шку дало, да раза два промахнулось. Ружье мое предчувствовало, что Катя сердится на васъ.

— Когда вы стрѣляли, я, можетъ-быть, еще не сердилась.

— Ну, оно предчувствовало, что будете сердиться.

— Однако жъ, Саша, что же вы тутъ стоите? быстро пере-била Катя: ступайте скорѣе переодѣвайтесь. Давно пора обѣдать.

Александръ ласково кивнулъ головой и побѣжалъ наверхъ. Катя позвала меньшаго брата и сестеръ и пошла туда же.

Послѣ обѣда, къ которому подошли еще двое или трое племянниковъ Петра Ивановича, старикъ ушелъ въ свою комнату и опять принялся за книгу, только лежа. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которымъ непремѣнно нужно что-нибудь дѣлать, когда они не спятъ. Сергѣй отправился досыпать часы, отлитые у ночи, и отдыхать отъ мучительнаго удовольствія. Александръ, будучи гораздо по-слабѣе сложенъ, утомился можетъ-быть и больше товарища, однако жъ не захотѣлъ спать.

Онъ оставался подлѣ Кати, съ какою цѣлью, трудно опредѣлить: они или ничего не дѣлали, или безпрестанно мѣняли занятія; она то бралась за книгу, то за работу. Когда она становилась работать, онъ беретъ книгу; когда она вздумаетъ читать, онъ играетъ ея работой. Часто Александръ рисовалъ въ своемъ альбомѣ Катинъ портретъ, тысячу разъ нарисованный въ разныхъ видахъ и размѣрахъ. Но на этотъ разъ карандашъ не слушался дрожащей руки; художникъ шая начертилъ маску съ гримасой, надъ которой оба молодые люди отъ души похотали, и альбомъ отправился на шифоньерку. Вообще Александръ обращался съ Катей совершенно непринужденно, по-братски. Вы и ты у нихъ безпрестанно перемѣшивалось, смотря по расположенію. Онъ, какъ самъ говорилъ, очень любилъ подчасъ подразнить ее, но никогда не оскорблялъ и всегда умѣлъ первую же тѣнь неудовольствія прогнать или веселою шуткой или ласковымъ взглядомъ, или милымъ словомъ. Часто они проводили другъ подлѣ друга

во нѣскольکو часовъ, однако жъ никогда не вели многозначительныхъ разговоровъ и не задумывались, глядя одинъ другому въ глаза. Они ничего не дѣлали, однако жъ не скучали; врозь они желали видѣться, однако жъ не томилась, потому что легко было исполнить желаніе; вмѣстѣ имъ было весело, но они не спрашивали, отчего. По крайней мѣрѣ не оба спрашивали. Для большей ясности положенія, нужно замѣтить, что Александръ былъ рѣшительно и безусловно влюбленъ въ Катю, хотя не говорилъ и почти не думалъ объ этомъ; Катя, напротивъ, хотя очень много думала и мечтала, однако не совсѣмъ была влюблена: она только минутами увлекалась, когда видѣла своего художника, человека, который, послѣ отца, стоялъ выше всего, что ее окружало дома и на что она могла имѣть притязанія. Она находила въ Александрѣ довольно много недостатковъ, многое въ немъ не нравилось ей, — иногда нехотати поражала шутовство, иногда шероховатость и даже грубоватость необдѣланнаго алмаза. Но онъ всё-таки былъ алмазъ и она любила его, желала любить.

Молодые люди провели наединѣ на этотъ разъ не больше полтора или двухъ часовъ; потомъ пришло вдругъ нѣсколько гостей, а около осьмага часу, когда Сергій, выспавшись, выкушавшись и гладко пригладивъ прямые, но мягкіе блонкурые волосы, вошелъ и, склоня голову впередъ, веселымъ взглядомъ окинулъ столовую, тамъ уже было почти полное праздничное собраніе, какъ обыкновенно во всякое воскресенье. Кромѣ двоюродныхъ братьевъ, трое сослуживцевъ; одна тетушка Анна Ивановна, очень добрая и любезная женщина, которую только судьба преслѣдуетъ негодными кухарками, такъ, что она принуждена вѣчно мѣнять ихъ каждую недѣлю и оттого всякій разговоръ заводитъ съ разсказу о томъ, какъ она отпустила свою кухарку и наняла другую; потомъ двѣ Катины подруги, — одна признавая, другая признающая себя подругой, — одна хорошенькая, развязная, живая, почти рѣзвая брюнетка; другая неопредѣленной масти, толстая, очень чопорная, весьма зрѣлая, красы ради набѣленная, парумяненная и пестро, ярко разодѣтая дѣва, которая улыбается стиснувъ губы или отворачиваясь, чтобы не видно было черныхъ зубовъ.

По временамъ мелькаетъ старуха Давидовна, какъ прохожее темное пятно, потому что на ней вовсе не видать праздника; она рѣзко отдѣляется отъ присутствующихъ, хотя и у тѣхъ лоскъ не великъ и вся роскошь одежды заключается въ отсутствіи видимыхъ дыръ.

Въ сосѣдней маленькой комнаткѣ кипитъ большой самоваръ.

Ката разливаетъ чай и кого призываетъ взять стаканъ или чашку, кому сама подноситъ, — кому на поднось, кому просто изъ руку. Дети прибѣгаютъ и убѣгаютъ, да и гости также, то переходятъ въ другія комнаты, или на крыльцо, или въ садикъ, то опять возвращаются, такъ, что спокойныя минуты между приливомъ и отливомъ очень рѣдки, и тѣ наполняются однообразнымъ гуломъ разнообразнаго говору.

Поздоровавшись со всѣми, кого еще не видалъ, Сергѣй сѣлъ у окна подлѣ двѣхъ разговаривавшихъ, чтобы войти въ общій тонъ. Вазетка самъ отворилъ дверь, прямо подошелъ къ своему хозяину, спокойно улегся у ногъ и уткнулъ морду въ носокъ сапога.

Солнце уходило къ закату. Александръ вышелъ въ сѣни, чтобы посмотреть, какъ косвенныя лучи его переломляются въ надвигающихся на горизонтѣ облакахъ, окрашиваетъ ихъ то въ золотой и огненный, то въ розовый и багряный цвѣта, которые со всѣми своими отливами играютъ около свѣтлой полосы на гладкомъ зеркалѣ рѣки. Вечеръ былъ тихій, теплый, прекрасный.

Въ стѣнѣ, на болотѣ, глухо раздался ружейный выстрѣлъ охотника; бѣлый клубокъ дыму взлетѣлъ надъ кустарникомъ и разсѣялся.

На берегу, вдали, толпа работниковъ, объявшись или, лучше сказать, взявшись въ охапки, медленно, пошатываясь, ходитъ назадъ и впередъ, и на просторѣ распѣваетъ родныя заунывныя пѣсни, которыхъ звуки долетаютъ то слышимѣе и громче, то замираютъ въ отдаленіи, смотря по тому, куда движется хоръ.

Въ садикѣ на березахъ чрикаютъ воробьи. На дворѣ, двѣ дѣвочки скачутъ на доскѣ, и то одна вскрикнетъ, то другая. Подальше, въ другой толпѣ работниковъ, одинъ Малоросъ, гудочникъ, наигрываетъ на визгливой скрипкѣ, другой, Москвичъ, бряцаетъ на балалайкѣ, а изъ остальныхъ весельчаки, посмѣшно, парамп, отчаянно выплываютъ трепака. Спавшіе у фабричнаго строения, гдѣ давно уже легла длинная тѣнь, проснулись и, съ улыбками и зѣвками поглядывая на потѣху, выправляютъ бока; кто встаетъ, а кто заломивъ руки на затылокъ лежитъ на мѣстѣ, чтобы удобнѣе было покатываться со смѣху.

Александръ взялъ альбомъ и сталъ набрасывать эскизы, но кто-то изъ непосвященныхъ подошелъ и помѣшалъ. Художникъ воротился въ комнату.

Петръ Ивановичъ также вышелъ къ гостямъ и сѣлъ подлѣ тетухи Анны Ивановны, у которой нѣтъ счастья на кухарокъ. Все измѣ-

веще его костюма состоитъ въ томъ, что воротъ рубашки теперь застегнуть. Положеніе почти то же, спокойное, лежачее согбенное; голова наклонена впередъ. Петръ Ивановичъ никогда не спорить: этимъ объясняется, отчего всѣ безъ исключенія находили его чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ и теперь больше слушаетъ, чѣмъ говоритъ, а между-тѣмъ поддерживаетъ бесѣду и на право и на лѣво, — справа одинъ изъ племянниковъ трактуетъ объ астрономіи, о солнечномъ затмѣніи и о кометѣ, которая въ этомъ году должна явиться; слѣва разговоръ все еще только что заводится.

— А я, было, собиралась къ вамъ сегодня съ утра, да не могла отъ дому отлучиться.... Сегодня пришла новая кухарка, такъ сперва прождала ея, а потомъ.... новый человекъ вѣдь ничего не знаетъ: все надо показать, растолковать.... Утромъ-то надобно было все свое домашнее справить.... ну, туда да сюда, все сама да сама.... такъ время и прошло. Феклушку-то я отпустила.... негодница дѣвченка, лѣнтяйка такая, что изъ рукъ вошь.... прости Господи!... Билась, билась съ ней, терпѣнья не стало: и неопрятная, и ничего не умѣетъ сдѣлать, и посуду бьетъ.... разорецье да и только!....

Племянникъ между-тѣмъ объяснялъ, какъ и гдѣ будетъ видна Эскова комета, о возвращеніи которой предсказали астрономы, и восхищался торжествомъ науки. Петръ Ивановичъ кончилъ съ нимъ рѣчь и обратился влѣво.

— Ну, а теперь что же, вы довольны? спросилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, вотъ, не знаю, какова-то будетъ. Съ виду, кажется, женщина хорошая, и степенная такая. и за все такъ хорошо принялась, да и на себя то по-чще, такъ, что по-крайней-мѣрѣ въ комнату войти можетъ.... А ужъ Феклушка такая была грязная, такая неряха, и глупа, такъ, что страхъ, а туда же — жалованьемъ недовольна!.... Да онѣ только и знаютъ, что жалованье брать!.... Ужъ какой это народъ у насъ служащій избалованный, скверный, прости Господи, такъ хуже представить себѣ нельзя.... Вотъ, на примѣръ, до Феклушки у меня была Настасья....

Тутъ Даниловна пришла сказать Петру Ивановичу, что работникъ Бавило пришелъ и просить еще пластыря: у него весь вышелъ.

Дверь изъ передней осталась незатворенною и мужикъ съ перевязанною рукой, стоя за порогомъ, поклонился.

Петръ Ивановичъ всталъ, сходилъ въ свою комнату за пластыремъ и, отдавая работнику, спросилъ:

— Ну, что, заживаетъ?

— Слава Богу, батюшка Петръ Ивановичъ, заживаетъ; завтра хочу на работу идти.

— Совсѣмъ затянуло?

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ, да ужъ теперь ничего, владѣю рукой по-крайности.

— И жаръ еще есть?

— Есть маленько, да ничего.

— Нѣтъ, покуда не затянуло рану совсѣмъ и покуда жаръ не прошелъ, не ходи на работу, я не хочу. Развередить можешь. Завтра и послѣ завтра еще обожди.... Да смотри только, чисто держи.

— Слушаю, батюшка Петръ Ивановичъ.

— А что, Григорью давали лекарства, которое я послалъ?

— Давали, батюшка Петръ Ивановичъ.

— Ну, что жъ?

— Да полегче, говорить, стало. Тошнота прошла и голова не болитъ. Завтра тоже хочеть на работу идти.

— Ну, онъ пусть идетъ. Да присоветуй ты ему отъ горькой отстать: ему совсѣмъ пить не годится. Ступай.... А ты что? спросилъ Петръ Ивановичъ у другаго работника, который выглядывалъ изъ-за Вавилы.

— Да пришелъ къ вашей милости, батюшка Петръ Ивановичъ.

— Зачѣмъ?

— Да помогите денжонками, дайте впередъ за мѣсяцъ жалованье, батюшка Петръ Ивановичъ. Братъ зашелъ.... въ деревню отправляется, такъ кстатн бы послать, а въ семьѣ то теперь деньги нужны.

— Хорошо, приѣди завтра, утромъ.

— Благодарствуйте, батюшка Петръ Ивановичъ.... да братъ-то на разсвѣтъ завтра въ дорогу отправляется.

— А! ну, хорошо; подожди.

Работникъ отступилъ къ дверямъ въ сѣни; Петръ Ивановичъ сходилъ, принесъ деньги и далъ. Обрадованный мужикъ низко поклонился и ушелъ.

— А вы все сами своихъ людей подмечиваете, Петръ Ивановичъ? спросила тетушка, у которой кухарки не уживаются, когда Петръ Ивановичъ опять сѣлъ на свое мѣсто.

— Да, надобно, какъ же иначе? отвѣчалъ онъ: въ больницу посылать — много хлопотъ, трата времени. Чтò не важное, сами управляемся.

— Да у васъ вотъ и важное было... Когда она, холера-то была? пять или шесть лѣтъ тому назадъ?... У васъ вѣдь изъ шестидесяти человѣкъ только шестеро захворали и ни одинъ не умеръ.

— Да, слава Богу.

— Вотъ вы ихъ какъ бережете! Да зато ужъ и надобно сказать, какъ они всѣ любятъ и почитаютъ васъ! Вѣдь вы имъ всёми лучше отца роднаго...

Петръ Ивановичъ хотѣлъ что-то сказать, чтобы переменить разговоръ, но собесѣдница сама избавила его отъ труда.

— Впрочемъ, и то сказать, продолжала она: съ этими народомъ еще можно кое-какъ справиться, а вотъ съ служащими, съ кухарками, такъ истинная бѣда!... Вотъ, напримѣръ, у меня, до Настасьи, была Мароушка...

Между-тѣмъ какъ Анна Иваповна разсуждала о строптивости Мароушки, обращаясь иногда отъ Петра Ивановича къ его сосѣду справа, а въ противоположномъ углу одинъ изъ Сергѣевыхъ сослуживцевъ доказывалъ другому, что сданная ему вчера, въ преферансъ, игра всегда проигрывается и выиграна только оттого что вступящій не умѣетъ играть, Александръ, противившійся въ это время изъ сѣней, подошелъ къ Сергѣю, потерявъ Валетку за ухо и, осмотрѣвшись, спросилъ:

— А чтò же здѣсь давно не видать Бочечочка?

— Какого бочечочка?

— Ну, того Бочечочка, чтò на клещахъ въ приврыжку ходитъ!

— А! Петра Петровича?... Да онъ недавно какъ-то былъ. Чтò онъ тебѣ такъ дался? Сколько ты ему прозваній подавалъ, и Попрыгунчикъ, и Бочечочекъ, и еще какъ-то.

— Попрыгунчикъ къ нему лучше всѣхъ идетъ: онъ когда и спокойно стоитъ на своихъ клещахъ, такъ все какъ-будто приговаривается подъ потолокъ прыгнуть.

Говоря это, Александръ вынулъ изъ кармана карандашъ и на оконномъ косякѣ начертилъ бочечокъ, къ которому вмѣсто ногъ приставилъ кривые бузничные клещи, а сверху положилъ воровку.

— Посмотри, посмотри! вѣдь даже носъ похожъ! сказалъ художникъ указывая на свое произведеніе.

Сергѣй разсѣялся.

Александръ обратился къ другому предмету.

— Здѣсь теперь настоящее Эпикурово пиршество, сжизаль чашъ черезъ минуту: только выѣсто покойника у насъ сидитъ Похоронный Гость.

Третій Сергѣевъ сослуживецъ, котораго Александръ, а за нимъ и другіе обыкновенно называли Похороннымъ Гостемъ, сидѣлъ у двери въ маленькую комнату, подлѣ стола, на которомъ стоялъ его стаканъ съ чаемъ. Это была очень длинная, очень прямая тощая фигура, въ черномъ фракѣ, въ черномъ жилетѣ и въ блонмъ галстухѣ, съ постояннымъ соболѣзующимъ выраженіемъ на плоскомъ, блѣдномъ лицѣ. Онъ не принималъ почти ни какого участія въ заводимыхъ около него разговорахъ, а если и произносилъ слова два-три, то очень тихо, почти шепотомъ.

— Тихе ты, смотри; можетъ услышать, шепчуль Сергѣй: вѣдь онъ, кажется, знаетъ, что ты его такъ прозвалъ?

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ оттого онъ, вѣрно, и спрашиваетъ меня такъ часто о здоровьи! А меня каждый разъ морозъ по кожѣ дерветъ, когда онъ схватитъ своими граблями за руку и прошепчетъ: «Какъ ваше здоровье?» Онъ это говоритъ всегда съ такимъ тоскливымъ выраженіемъ, какъ-будто хочетъ сказать: «Когда я буду имѣть удовольствіе поминать васъ на похоронахъ?»

— Полно! возразилъ Сергѣй, разсѣявшись: ты изъ него дѣлаешь такое страшное лице, а онъ очень добрый и хорошій человекъ, только смиренный и притомъ больной, — грудью страдаетъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, но я желалъ бы знать, какими невидимыми путями онъ вбираетъ въ себя чай? продолжалъ Александръ: посмотри, вѣдь онъ, съ-тѣхъ-поръ какъ сѣлъ, ни разу, кажется, не шевельнулся, а между-тѣмъ стаканъ за стаканомъ опоражнивается. Развѣ это не страшно? Онъ, вѣрно, какой-нибудь вампиръ, упырь.... Я пойду, скажу Катѣ, чтобы она ему побольше чаю подливала: иначе онъ, пожалуй, такъ же невидимо примется сосать нашу кровь.

Александръ въ самомъ дѣлѣ пошелъ къ Катѣ и, проходя въ дверь мимо Похороннаго Гостя, осторожно посторонился, по этому движенію кромѣ Сергѣя никто не примѣтилъ.

Судя по этимъ сатирическимъ выходкамъ, можно заключить, что Александръ — злой насмѣшникъ, по это было бы невѣрно. Злости въ немъ не было нисколько: онъ нисколько не думалъ

идеть. Онъ только любилъ потрунить, подразнить, кого можно, пошутиться надъ самимъ собой столько же, сколько надъ другими, и дѣлалъ это со всею безпечною и простодушиемъ ребѣнка. Иногда онъ просто, что называется, дурачился, гримасничалъ, выдѣлывалъ голосомъ странные звуки въ подражаніе животнымъ и даже вещамъ, — какъ вапримѣръ, свисту ракеты, — или свѣшилъ какимъ-нибудь неожиданнымъ тѣлодвиженіемъ и радовался хохоту, который возбуждалъ между товарищами, но все это дѣлалось у него только мимоходомъ и мгновенно: голова его во всемъ этомъ какъ будто не принимала участія, такъ, что, когда въ глубокихъ наблюдательныхъ глазахъ сверкала молнія сатиры и маленькій ротъ подъ закрученными внизъ усами произносилъ остроу или забавное прозвище, — почти всегда очень иѣткое, — красивый лобъ, отѣисный густыми, волпстыми, каштановыми волосами, почти нисколько не утрачивалъ своего обыкновеннаго выраженія и слѣда думы.

Александръ былъ художникъ въ полномъ смыслѣ этого слова, — человекъ нервный, воспримчивый въ высшей степени, и притомъ одаренный счастливымъ, довольнымъ, здоровымъ сердцемъ, которое не сжималось отъ зависти и не черствѣло подъ ударами въ самолюбіе. Онъ все впечатлѣнія принималъ чрезвычайно живо оттого контрасты быстро поражали его во всемъ. Ничтожнаго, нестоящаго наблюденія для него не существовало: воображенію его нужна была постоянная пища, — когда у него не было предмета высокаго или прекраснаго, онъ обращался къ ближайшему предмету ввиду и около себя, перебиралъ все и даже въ уродливомъ открывалъ забавное. Но при всемъ этомъ онъ какъ будто больше прислушивался къ собственной мысли, къ тому какъ звучалъ его мозгъ, а его мозгъ постоянно звучалъ, постоянно работалъ.

Я безъ позволенія употреблялъ выраженіе «мозгъ звучалъ», потому что оно вѣрно, даже, если угодно, фзіологически вѣрно. Когда вы наберетесь множества сильныхъ пріятныхъ впечатлѣній, — какого бы роду они ни были, — все ваши нервы дрожать, вибрируютъ подъ стройными смычковыми ударами прекраснаго и высокаго въ искусствѣ или въ природѣ; васъ подымаетъ, вамъ легко идти, вамъ хочется пѣть, голова наполнена звуками, мозгъ звучитъ. Вся сила, все вліяніе музыки на человека заключается въ томъ, что она прямо, непосредственно производитъ это движеніе въ нервахъ и въ мозгу. Оттого музыку рѣдко кто не чувствуетъ; оттого же живопись и ваяніе, поражающія

не такъ прямо, дѣйствующія слабѣе, утонченнѣе, могутъ чувствовать и понимать только тѣ, у кого воспримчивость болѣе развита.

— Сама, хотите еще чаю? спросила Катя, когда Александръ вошелъ къ ней въ комнату.

— Дайте, душенька-сестрица; я только одинъ стаканъ выпилъ.

Александръ усѣлся на стулѣ между дверью и столомъ

По другую сторону стола, у окна, сидѣла Катина подруга, молоденькая брюнетка.

Катя очень живо вымыла, вытерла стаканъ и, осмотрѣвъ его на свѣтъ, налила чаю. Въ каждомъ малѣйшемъ движеніи дѣвушки примѣтно было, что не всякому такъ наливаютъ.

Размѣшавъ сахаръ и взглянувъ еще разъ, она съ довольною улыбкой взяла стаканъ и подошла, чтобы подать изъ руки.

Въ эту самую минуту на порогѣ изъ передней въ столовую показалось новое лицо, и Катина улыбка вдругъ исчезла, рука такъ задрожала, что стаканъ загремѣлъ на блюдечкѣ и чай плеснулся черезъ край.

— Чтò съ вами, Катя? съ испугомъ спросилъ Александръ.

— Ничего.... нога поскользнулась.... тутъ, на полъ, что-нибудь бросили.

Александръ наклонился, чтобы посмотреть.

— Ничего нѣтъ; все чисто. Вѣрно половница гладкая.

И онъ сталъ пробовать половницу ногой.

— Нѣтъ, я, вѣрно, просто неловко ступила, возразила Катя уже совершенно спокойно.

Кончивъ обыскъ, Александръ оглянулся и увидѣлъ прибывшаго, который раскланивался со всѣми по очереди, начиная съ хозяйки.

Это былъ небольшого росту угловатый, толстолыцый человекъ, лѣтъ двадцати-деяти, въ сюртукѣ пемножко подлиннѣе обыкновеннаго и съ пріемами ловкаго артельщика или сидѣльца. Рыжеватые волосы у него были острижены въ кружокъ, съ пробормомъ на сторонѣ. Зеленовато-сѣрые глаза нельзя было назвать косыми; но они были раздвинуты вѣскольکو болѣе нежели нужно. Голову онъ держалъ всегда кверху, — когда не кланялся.

— А! и Савка Ершъ явился! сказалъ Александръ въ полголоса.

Брюнетка размѣялась.

Очевидно, изъ этого не должно заключать, что новаго гостя

точно такъ звали: на Александра въ этомъ отношеніи не всегда можно было полагаться. Лицо это за нѣсколько лѣтъ до того звали Савкой, когда все значеніе его состояло въ томъ, что онъ сынъ записавшагося изъ крестьянъ въ мѣщане приказчика при управителѣ на фабрикѣ, — потомъ Савкой Семеновымъ, или просто Семеновымъ, — когда сталъ помогать устарѣвшему отцу въ исправленіи должности, — потомъ Савкой Семеновичемъ Семеновымъ, — когда отецъ, по просьбѣ его, записался въ третью гильдію и когда самъ онъ, по смерти отца, сдѣлался приказчикомъ; а Ершомъ купеческаго сына Савву Семеновича Семцова прозвалъ, разумеется, Александръ.

Кончивъ привѣтствія въ столовой, Савва Семеновичъ пробрался въ комнатку, гдѣ стоялъ самоваръ.

Въ эту минуту на дворѣ раздался крикъ и кто-то изъ дѣтей заплакалъ. Катя вздрогнула и бросилась къ окну. Но плачь тотчасъ же затихъ.

— Катеринѣ Петровнѣ мое почтеніе! произнесъ Савва Семеновичъ съ чувствомъ.

— Здравствуй, Ершъ! сказалъ Александръ.

— Здравствуйте, сухо отвѣчала Катя.

— Здравствуй-те, Александръ Степановичъ, отвѣчалъ Семеновъ съ принужденною полу-вѣжливостью, полу-короткостью, едва придыхая на слогъ *те*, такъ, что выходило почти просто «здравствуй».

Съ дѣвушкой, которая сидѣла у окна, Семеновъ раскланялся молча.

— Угодно вамъ чаю? спросила Катя не такъ, какъ спрашивала Александра.

— Привѣтливая хозяйшка не спрашиваетъ, а приневоливаетъ, отвѣчалъ Семеновъ съ улыбкой, за которую Александру захотѣлось переименовать его изъ ершей въ козлы.

У дверей было тѣсно. Александръ перешелъ на окно, вовсе однако жъ не съ тѣмъ чтобы уступить стулъ Семенову, — можетъ-быть для того, чтобы разговаривать съ брюнеткой, во всего вѣроятіи, съ тѣмъ чтобы остаться первымъ въ каморкѣ.

— Я никого не приневоливаю, отвѣчала Катя: кто хочетъ, пьетъ, а кто нѣтъ, такъ — была бы честь приложена.

— Пожалуйте, пожалуйста стаканчикъ, Катерина Петровна.

— А! вскричалъ Александръ: видишь, небойсь, когда не сталъ неволить, такъ и самъ лапки протягиваетъ! Налейте ему такого, чтобы ожегся.

— Не обожжемся: рукавички надѣнемъ! отвѣчалъ Сава Семёновичъ съ намѣреніемъ съострить.

Катя стала наливать чай, однако не сиѣшила.

Въ это же время въ столовую вошла меньшая дочь Петра Ивановича. Волосы на одной сторонѣ лба были спущены ниже и нѣсколько растрепаны, — причесаны безъ гребенки. Она держала носовой платокъ обѣими руками у рта и тиховько всхлипывая подошла къ отцу.

— Что ты, Оля? спросилъ онъ.

Дѣвочка зарыдала.

— Что ты? что съ тобой? спросилъ съ нѣжною заботливостью отецъ. Посадивъ ребенка къ себѣ на колѣни и оправивъ волосы, онъ увидѣлъ на лбу царапину отъ ушибу: какимъ образомъ это ты разбилась? Что это такое?

— Я упала!

— Значитъ, ты была неосторожна, душенька, не смотрѣла, куда идешь или на чемъ стоишь. Впередъ всегда смотри, будь осторожнѣй, моя милая. Гдѣ ты была? Вѣрно тамъ, куда тебѣ не велятъ ходить?

— Я не сама упала! Петя уронилъ меня?

— Ты жалуешься на брата? ты не сама помирилась съ нимъ?

— Я не жалуясь, папенька: я только говорю, отчего я упала.

— Отчего же Петя не самъ пришелъ сказать, что уронилъ тебя?

— Мы помирились и онъ хотѣлъ послѣ прійти сказать, когда гости уйдутъ.

— А гдѣ же ты была, что онъ тебя ушибъ?

— Онъ съ сосѣдовымъ Ваней, тащилъ доску и толкнулъ меня.

— Однако-жь онъ сказалъ тебѣ, чтобъ ты посторонилась?

— Сказалъ.

— Ну, вотъ, видишь! Кто же виноватъ?

— Я сама, папенька, простите, сказала дѣвочка, цѣлуя у отца руку.

— Конечно, сама. Тебѣ сказано, чтобъ ты уходила отъ брата, когда онъ играетъ съ мальчиками. Ты дѣвочка, тебѣ съ нимъ не слѣдуетъ играть. Ты не послушалась. Тебѣ сказали, посторопись; ты поупрямилась, и себѣ же повредила. Впередъ наука. Слушайся и не будь упряма. Ступай, душенька, къ сестрѣ, она умоетъ тебѣ лобъ.... Катя, примочи ей немножко свицовой водой.

Дѣвочка совершенно успокоилась, отерла слезы и пошла къ сестрѣ.

Это случилось въ ту самую минуту, когда неприисодеванный Савва Семеновичъ рѣшился самъ попросить чаю.

Катя успѣла налить только полъ-стакана и поспѣшила помочь сестрѣ, тѣмъ болѣе что царапина была на лицѣ. Женщины невольно, по инстинкту, всего болѣе пугаются тѣхъ ушибовъ и поврежденій, которые могутъ причинить ущербъ красотѣ.

Катя, заботливая и вѣжкая, какъ мать, и во всемъ граціозная, прелестная, утѣшая сестру почти тѣми же словами, какіе говорилъ отецъ, только съ болѣе вѣданнымъ участіемъ, осторожно стала приманивать ушибъ. Для этой хирургической операціи она посадила сестру на прежнее Александрово мѣсто, а Савва остался въ дверяхъ и уставилъ на группу свои раздвинутые глаза съ выраженіемъ, изъ котораго Александръ заключилъ, что душа Ерша стремится къ вождѣльщному чаю, и въ которомъ, однако жъ, заключался совѣтъ другой смыслъ.

Любитель астрономіи въ это время доказывалъ Петру Ивановичу, что ожидаемая комета не можетъ удариться въ земной шаръ и разбить его или завалить своими обломками, не можетъ, потому что имѣетъ свой собственный путь, который уже вычисленъ и опредѣленъ наукой,—въ чемъ и заключается новое блестящее торжество астрономіи.

Катя повязала сестрѣ лобъ бѣлымъ платкомъ и прижалась за простывшій стаканъ. Зеленовато-сѣрые глаза Саввы Семеновича разгарались все болѣе и болѣе.

Александръ съ улыбкой слѣдилъ за этимъ выростаніемъ жанды, потому что-то шевнулъ брюнеткѣ; та взглянула и разсмѣялась.

Посреди говору въ соедѣнной комнатѣ, Александръ какъ-то поймалъ на-лету слово комета, а что онъ, бывало, поймаетъ, то ужъ непременно пойдетъ въ дѣло.

Александръ, не спуская глазъ съ приказчика, опять наклонился къ дѣвухнѣ и шевнулъ:

— Представьте себѣ, что комета сейчасъ пролетитъ и хвостомъ задѣнетъ Ерша по носу, или вотъ отсюда стукнетъ въ лобъ?

— Какъ вы злы, разѣ вамъ жалъ чай?

— Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы только видѣть, какъ онъ моргнетъ своими совиными глазами. На ногахъ-то онъ устоитъ: лобъ у него мѣдвѣй.

Дѣвушка разсѣялась.

Тутъ Александръ и безъ кометы могъ бы видѣть движеніе въ глазахъ Саввы Семеновича, — разрозненные зрачки мгновенно сдвинулись и задрожали, — но въ эту самую минуту на дворѣ, у работниковъ, поднялся шумъ, крикъ, споръ; Александръ оборотился и высунулся за окно.

Шумъ на дворѣ выросталъ; дѣло, казалось, доходило до рукошашной.

— Что тамъ такое? спросилъ Петръ Ивановичъ: Сергѣй, сходи, пожалуйста, уйми ихъ.

Сергѣй молча всталъ, отеръ нижнюю губу перстомъ и указательнымъ пальцемъ и отъправился на дворъ.

Отереть или прихватить пальцами нижнюю губу у Сергѣя значило — приниматься за что-нибудь. Этимъ чуть примѣтнымъ движеніемъ, у него сопровождалось всякое рѣшеніе, а рѣшался онъ всегда скоро и твердо, но спокойно, безъ порывовъ. Эта спокойная твердость и всегдашнее присутствіе духа, виѣсть съ довѣріемъ, откровенностью и сильно развитымъ чувствомъ справедливости, были прямыми слѣдствіями полу-спартанской системы воспитанія у Петра Ивановича.

Предоставляя дѣтямъ развиваться самостоятельно, учиться у опыта, и только предостерегая, совѣтуя, направляя, Петръ Ивановичъ клалъ прочный фундаментъ, способный вынести самое великолѣпное зданіе, — достигалъ идеала разумнаго воспитанія и, въ другихъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія достигъ бы, потому что построенному недоставало только полноты отдѣлки и изящнаго лоску.

Какъ только Сергѣй вышелъ, на дворѣ шумъ началъ стихать.

Въ-подобныхъ случаяхъ у Сергѣя однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ прекращенію раздору между работниками были слова: «Смотри, батюшка услышитъ!» Но на этотъ разъ ему приходилось имѣть дѣло съ человѣкомъ совершенно пьянымъ, который не способенъ былъ понять слово.

— Что у васъ такое? спросилъ Сергѣй подходя.

— Да вотъ, Филпка пьяный пришелъ домой и буянить, отвѣчалъ десятскій или артельщикъ.

— Отчего же онъ буянить?

— Да разсыпалъ свои деньги по двору; я отобралъ, чтобы сберечь до завтра, такъ кричитъ — грабать, а самого хотѣли въ артель тащить, такъ дерется.

— Въ артели онъ не перестанетъ шумѣть; закройте его въ чуланъ; скорѣе уснуть.

Филипка между-тѣмъ продолжалъ кричать, что его ограбили, и съ распушоннымъ ариякомъ, встрепанный, грязный, кружился, согнувшись въ дугу, и отыскивалъ на землѣ своихъ денегъ; а когда товарищи подошли тащить, онъ разсвирѣпѣлъ, какъ только можетъ разсвирѣпѣть человекъ, который не держится на ногахъ, и, помплютно падалъ, билъ кулаками во что ни попадо.

— Оставьте его! сказалъ Сергѣй.

Работники разступились; пьяный повалился. Сергѣй спокойно подошелъ, взялъ его за воротъ и поднялъ на ноги.

— Батюшка Сергѣй Петровичъ.... ограбили! завопилъ Филипка: отецъ родной.... ограбили!

— Молчи! пойдѣмъ со мной.

Пьяный отшатнулся, чтобы взглянуть въ лицо.

— Пойдѣмъ, я тебя сведу, повторилъ Сергѣй.

Испачканное, мокрое лицо Филипки освѣтилось уродливою, но самодовольною, забавною улыбкой, и онъ подъ сильною рукой, которая держала его за воротъ, пошатываясь и выпрямляясь, какъ-будто гордился своимъ проводникомъ, пошелъ къ одному изъ чулановъ; но когда Сергѣй втолкнулъ его въ чуланъ и заперъ дверь, онъ догадался, что ошибся въ своей надеждѣ предстать передъ Петромъ Ивановичемъ и найти правый судъ на обидчиковъ.

— Батюшка, Сергѣй Петровичъ!... закричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ: за что вы меня обижаете?... Пустите меня къ Петру Ивановичу!...

— Сегодня ты правъ не будешь, Филипка; молчи! Проспись, тогда тебя разсудятъ.

— Да помилуйте, Сергѣй Петровичъ.... нешто я пьянъ, что ли?... Я не пьянъ.... ей Богу! пустите меня къ Петру Ивановичу!... Большой.... Леонька.... разбойникъ!...

«Большимъ» работники, живущіе артелямн, обыкновенно называютъ своего десятскаго или старшаго.

— Молчи, Филипка! строго повторилъ Сергѣй: ложись спать, нешто батюшка сейчасъ же со двора съгонитъ,—прямо въ полицію попадешь.

Это убѣжденіе подѣйствовало. Филипка притихъ и вскорѣ, въролатно, уснулъ.

Работники разошлись. Нѣкоторые усѣлись около своего дому кто на крыльцѣ, кто на скамьѣ, кто на старыхъ боченкахъ, и

разсуждала, какая Филицца скотина, что ни разу не может выпить без того чтобы не напиться до полусмерти.

Воротившись въ комнату, Сергій въ двухъ словахъ сказалъ отду, въ чемъ было дѣло, и пошелъ усаживать своихъ сослуживцевъ за прѣстолъ.

Саша Семеновичъ сидѣлъ съ своимъ стаканомъ въ столовой. Брюнетка ушла туда же, Александръ и Катя остались одни.

— Саша, не шутите, пожалуйста, съ Семеновымъ, не задѣвайте его, тихо сказала Катя.

— Отчего? спросилъ Александръ съ простодушнымъ удивленіемъ: да, впрочемъ, развѣ я съ нимъ шучу?

— Не съ нимъ теперь, но онъ все слышалъ, потому что и я слышала.

— Такъ что жъ за бѣда?

— Вы и прямо въ глаза иногда трюните надъ нимъ. Это не хорошо, Саша, право, не хорошо.

— Отчего же?

— Во первыхъ, оттого что онъ не умѣетъ отаѣчать на шутку шуткой и, слѣдовательно, почти всегда отвѣчаетъ грубостью.

— Такъ что жъ? Я его грубости принимаю за шутки и самъ съ нимъ шучу не утонченно. Для него нужно свернуть порядочный жгутъ, чтобы прошибить тулупъ.

— На что же вамъ прошибить его?

— Не могу.... это моя страсть, ты знаешь. Я люблю посмѣяться и надо мной пусть смѣется, кто хочетъ. Но на этого Ерша, на этого разноглазаго хамслеона у меня всегда является какая-то злость. Мнѣ иногда такъ и хочется схватить его какими-нибудь клещами за носъ, поводить съ полчаса, напримеръ здѣсь, по всѣмъ комнатамъ, и потомъ выбросить за окошко.

— За что же вы такъ злы на него?

— Не знаю, но онъ мнѣ немножко противенъ.

Катя задумалась.

— О чемъ ты думаешь, Катя, скажи мнѣ? спросилъ Александръ съ участіемъ.

Вмѣсто отвѣту Катя прѣстально, задумчиво взглянула на него и потомъ тихо процептала:

— Пожалуйста.... я прошу тебя, Саша, не заводи съ нимъ шутокъ.

Это было сказано съ такимъ выраженіемъ мольбы и почти страху, что Александръ схватилъ дѣвушку за руки и съ нѣмымъ участіемъ спросилъ:

— Оттого же? сами мнѣ, отчего?

— Оттого что... оттого что... я не знаю, но я боюсь этого человека... Мнѣ съ котораго времени все кажется, что куда онъ придетъ, туда и бѣда по слѣдамъ зайдетъ, и во всѣхъ страшныхъ снахъ я вижу и его. Когда онъ подходитъ ко мнѣ, у меня сердце сжимается, и его взглядъ производитъ во мнѣ какое-то холодное, неприятное омушенио...

Александръ съ удивленіемъ и состраданіемъ слушалъ рѣчь дѣвушки и старался на ея же лицѣ отгадать причину такого страха.

— Пожалуйте перестань шутить съ нимъ, заключила Катя: мнѣ неприятно слушать, когда онъ отвѣчаетъ тебѣ.

— Хорошо, я дамъ тебѣ слово, отвѣчалъ Александръ; однакожъ мнѣ малъ будетъ отказаться отъ удовольствія взглянуть его иногда. Если разобрать хорошенько, такъ я не нахожу, чтобы у меня была ненависть къ нему, и прежде я даже не видѣлъ въ немъ ничего особенно смѣшнаго, но съ некоторыхъ мѣръ... да, именно, съ недавняго времени... съ тѣхъ-поръ какъ мнѣ видимо въ голову прозвать его ершомъ,—за растопыренные глаза, которые у него торчатъ прозь какъ иглы у этой колочей рыбы,—съ тѣхъ-мѣръ мнѣ все кажется, что нужно бы его куда-нибудь закинуть, потому что онъ во все какъ-будто впивается... точно желѣзный ершъ, или гвоздь съ зубринами, который если выдернешь, стѣну испортишь.

— Ну, вотъ, ты самъ видишь, что лучше оставь его въ покоѣ, сказала Катя.

— Нѣтъ, я вовсе не вижу этого. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ воображаешь, что онъ тѣмъ-нибудь страшнѣе? Помилуй, что можетъ быть страшнаго въ такомъ оланнѣ? Онъ просто бываетъ иногда смѣшнѣе,—какъ, напримѣръ, давеча, когда онъ выкидалъ, чтобъ ты налила ему чаю.

— Ну, всё-равно, всё-равно, ты обещалъ....

— Изволь, изволь, я отстану отъ него, хотя и жалъ....

Рѣчь перебилъ Семеновъ, который пришелъ за другимъ стаканомъ.

Александръ всталъ съ ономъ, на которомъ сидѣлъ, и проходя мимо, въ тѣсной заморкѣ, не утерпѣлъ, чтобы не задѣть кепъ вѣроятно Ерма.

— Позвольте пройти, Савва Семеновичъ Семеновъ! скажи ему съ преувеличенной учтивостью.

— Извольте-съ, немножко извѣтливо отвѣчать Семеновъ.

Катя вздрогнула, только неизвѣстно, отъ голоса ли Семенова, или отъ неудовольствія на Александра, или оттого что въ это время на дворѣ съ громомъ разсыпались какія-то доски и ребятишки громко захохотали.

Черезъ минуту потомъ на крыльцѣ и на деревянной лѣтницѣ послышалась страшная стукотня, неровное топанье и ворчанье, какъ-будто взбиралось какое-нибудь очень грузное животное, непривычное къ ступенямъ.

Сергѣй поднялся и уже прихватилъ губу пальцами, чтобы не-ти посмотреть, когда дверь изъ сѣней отворилась и на порогѣ явился растрепанный Филипка.

Поотлежавшись немножко, онъ взвѣсилъ свое угнетенное положеніе и безвыпныхъ страданій, поднялся, собрался съ духомъ, какъ Самсонъ съ размаху сокрушительно ударилъ кулаками по стѣнамъ маткаго чулана, развалилъ его и,—не обращая вниманія на оторванную цолу и ушибъ доской по маковкѣ,—пошелъ искать правосудія.

Увидѣвъ его, наверху всѣ расхохотались не хуже ребятишекъ, самъ Петръ Ивановичъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Ну, зачѣмъ ты влѣзъ сюда, дуралей? сказалъ Сергѣй: какъ же съ тобой, съ пьянымъ говорить?

— Помилуйте, Сергѣй Петровичъ!... Батюшка Петръ Ивановичъ.... отецъ родной!... Право, я не пьянъ!... Ей Богу.... ей Богу! я не пьянъ! Чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться, если я пьянъ!....

И онъ ухватился за косякъ, чтобы не упасть.

— Ну, хорошо, хорошо, ступай, строго сказалъ Петръ Ивановичъ: приходи завтра, я разберу твое дѣло, а сегодня мнѣ нѣкогда. Слышишь? завтра приходи, а теперь ступай же и ложись спать.

Тутъ явился десятскій, который хотѣлъ увести неутомимаго. Филипка почувствовалъ, что его берутъ за руку, оглянулся и вскричалъ:

— А ты что?... Батюшка! отецъ родной, Петръ Ивановичъ! прибавилъ онъ плачевнымъ голосомъ: я уйду.... не смѣю беспокоить милость вашу; только не обидьте меня, грѣшнаго.... будьте благодѣтель.... не велите разбойнику Авонокѣ подходить ко мнѣ!... Я самъ пойду.... развѣ я пьянъ что ли?

— Ну, одинъ, одинъ ступай.

— Простите, батюшка!.... простите!.... Ей Богу, меня ограбили!

Филипка пошелъ и ступени затрещали подъ тяжелыми стопами. На половникъ лѣстницы онъ оборвался и съ новымъ грономъ зыкнулся на крыльцо.

— Вотъ и провалился Филипка съвозъ землю! замѣтилъ Александръ.

Волненіе произведенное въ собраніи неожиданнымъ появленіемъ Филипки не могло успокоиться въ комнатѣ: молодые люди, а съ ними и Савва Семеновичъ, по двое и по одиночкѣ, вышли на дворъ; только играющіе остались за своимъ столомъ, да подлѣ нихъ сидѣла несчастная на кухаркѣ Анна Ивановна. Подали свѣчь, потому что уже смеркалось.

Петръ Ивановичъ затѣмъ-то пошелъ въ свою коннату и Сергѣй слѣдомъ.

Часъ десятый въ исходѣ. Почти совсѣмъ стемнѣло. На небѣ между блуждающими облаками изрѣдка мерцають звѣзды. Въ тепломъ, отрадномъ воздухѣ такъ тихо, что листъ не шелохнетъ. Работники почти всѣ убрались спать; только пять или шесть дѣвушкъ еще сидятъ у воротъ и осипшими голосами въ полътона не поютъ, а гудятъ пѣсни, да около нихъ съ крикомъ рѣзвятся ребятишки, которыхъ матери напрасно зазываютъ спать. Изъ оконъ столовой, вмѣстѣ съ свѣтомъ падаютъ на дворъ отрывистыя фразы и замѣчанія играющихъ.

Молодые люди или ходятъ взадъ и впередъ по двору или сидятъ на крыльцѣ, разговариваютъ и хохочутъ.

Савва Семеновичъ всѣми мѣрами старался найти случай подойти къ Катѣ, чтобы сказать ей что-нибудь пріятное, но случай шутилъ надъ Саввой Семеновичемъ. Къ Катѣ не было возможности приступить: она то очень горячо разговаривала съ Александромъ, или съ которымъ-нибудь изъ двоюродныхъ братьевъ, или наконецъ ходила подъ-руку съ подругой, брюнеткой, которая со своими волнистыми, черными, въ видѣ крыльевъ на вискахъ причесанными волосами, съ блестящими провинцательными глазами, бойкой остроумной рѣчью и звонкимъ хохотомъ казалась бѣдному Саввѣ настоящимъ демономъ.

Ходя такимъ образомъ, дѣвушки о чемъ-то шептались и брюнетка отъ души хохотала, а за нею и Катя.

Савва бродилъ какъ потерянныи и наконецъ сѣлъ на крыльцо подлѣ сестры, — набѣленной и нарумяненной дѣвы, которая

признавала себя, однако не совсемъ была признана подругою Катя.

— Что ты, Савва, такой кислый?

— А ты, Матрена, что такая надутая?

— Я примѣчаю, что ты сегодня ужасно неловокъ: надъ тобой смѣются.....

— Знаю я, кто смѣется! перебилъ Савва съ досадою: да когда-нибудь и я же надъ нимъ посмѣюсь. Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

— Да, этотъ Сашка ужъ черезъ-чуръ востеръ. Не мѣшало бы пришибить ему языкъ. Вотъ сейчасъ почти въ глаза мнѣ сказалъ, что не любитъ ничего поддельнаго и оттого терпѣть не можетъ нарумяненныхъ рожъ!... Собака этакая!

— Зачѣмъ же ты съ нимъ говоришь?

— Чортъ съ нимъ говоритъ! я съ нимъ не говорила! да и онъ со мной тоже не говорилъ. Онъ съ Катериной да вотъ съ этой вертушкой про кого то вралъ, — не про меня, да вѣдь я знаю, куда онъ мѣтилъ!... А ты что жъ съ Катериной-то, небойсь, всё-ещё слова путнаго не сказалъ? Вѣдь я ужъ довольно натвердила ей. Что жъ ты самъ-то молчишь? Вѣдь такъ я у этой глупой дѣвченки въ дуракахъ останусь!... Видишь, ей Матрена Семенова только тогда хороша, когда никого другаго нѣтъ, а чуть кто изъ этой чиновной голи явится, такъ на Матрену Семенову и смотреть не хочетъ!... дрянъ этакая!

— Полно, Матрена, за чтожь ты ее бранишь? Вольно тебѣ отъ другихъ отставать! и что же они за важныя птицы? канцеляристы да регистраторы! Чѣмъ мы хуже ихъ? Мы купеческіе дѣтв! Только, вонъ, Сергѣевы пріятели постарше, да и тѣ все голыши, — живутъ-то хуже нашего.

— Хорошо, хорошо, утѣшайся ты, а между-тѣмъ дѣвка-то, того и гляди, за кого-нибудь выскочитъ.

— За кого же? ужъ не за Сашку ли? Полно, Матрена! въ умѣ ли ты? Да что объ этомъ толковать! Ты сегодня озлилась, такъ тебя не переспоришь. Поди ты лучше домой, не портъ печѣнки понапрасну. А я ужъ свое дѣло знаю. Погляди.... не то осенью, нето послѣ Рождества.... какъ-разъ и женись на Катѣ. Вѣдь Петръ Ивановичъ на чины-то не смотритъ, а я у него и теперь ужъ почти свой человекъ въ домѣ.

Последнія замѣчанія совершенно убедили Матрену. Савва Семеновъ, выросшій на глазахъ у Петра Ивановича, действительно

несколько не смотря на то, что с детства водился съ его дѣтьми и потому, какъ бойкій, понятливый мальчикъ, и какъ расторопный услужливый парень, и наконецъ какъ дѣятельный, толковый, знающій приказчикъ, всегда пользовался его расположеніемъ, всегда входилъ въ домъ какъ свой и садился вмѣстѣ за столъ, а отца его, человека дѣльнаго и умнаго, хотя совершенно необразованнаго, Петръ Ивановичъ даже очень уважалъ.

Самъ Савва былъ человекъ не глупый и вовсе не дурной: весь порокъ его состоялъ въ нѣкоторомъ излишкѣ самолюбія, и то не предосудительнаго. Савва не старался казаться важнѣй и больше того, чѣмъ былъ; онъ только старался сдѣлаться чѣмъ-нибудь, выйти въ люди, а къ достиженію этого существуютъ только два средства,—нужно или имѣть твердую волю съ рѣшительнымъ дарованіемъ къ чему-нибудь, или нужно кланяться и выслуживаться. Первое не всякому дается; второе—легчайшее, притомъ безобидное для другихъ,—меньше возбуждаетъ зависти, —и потому болѣе въ употребленіи. И Савва былъ человекъ очень почтительный и услужливый.

Виды его на Катю, при простотѣ нравовъ семейства Петра Ивановича, были почти естественны, хотя любовь такого человека къ подобной дѣвушкѣ кажется несообразностью, почти нелѣпностью. Всякая другая на мѣстѣ Катя, конечно, поставила бы себя такъ высоко, что Савва Семеновъ питалъ бы къ ней или подобострастное, робкое почтеніе, или ненависть. Но Катя съ величайшею осторожностью избѣгала малѣйшаго повода къ замѣчаніямъ окружающихъ насчетъ ея наклонностей и стремленій, всегда оскорбительныхъ и ненавистныхъ тѣмъ, которые неспособны имѣть и понимать ихъ. Катя и въ этомъ берегла отца: она знала, что всякое осужденіе, падающее на нее, пало бы вмѣстѣ съ тѣмъ и на Петра Ивановича. Оттого она въ обществѣ своей крестной матери, передъ всѣми бывавшими тамъ была горда,—даже иногда надменна, если встрѣчалась съ надменностью, —и тонкій, гибкій, прощительный умъ давалъ ей на это всѣ средства. Тамъ она умѣла вполне дать почувствовать свое достоинство и, — гдѣ нужно, — однимъ взглядомъ озадачить барскую вѣсь или унизить въ стыдѣ дерзкую вольность. Но дома она была проста до чрезвычайности, до крайности, и въ обращеніи старалась совершенно уравниваться съ тѣмъ, что обыкновенно окружало ее.... до того что Савва могъ влюбиться въ нее. Онъ действительно былъ привязанъ къ дочери Петра Ивановича,

однакожь смотрѣлъ на любовь вообще болѣе съ практической стороны, такъ, что неспособенъ былъ даже хорошенько ревновать, — то есть, что называется, ревновать по Оттеловски: его ревность только иногда выражалась досадою, но и той Савва еще не имѣлъ права показывать.

Такъ было и въ этотъ разъ. Видя, что съ соперникомъ нельзя сладить, онъ, по видимому, равнодушно отошелъ. Раздраженную сестру онъ нѣсколько успокоилъ обѣщаніемъ яля тутъ же вечеромъ, или на другой день выбрать время и начать дѣйствовать рѣшительно, — на первый разъ закинуть хоть одно какое-нибудь ясное словцо.

Матрена повторила ему, что онъ «мямя», присовѣтовала не зѣвать и ушла домой.

Савва посидѣлъ на крыльцѣ и отправился на верхъ.

Молодые люди продолжали болтать и хохотать.

Вдругъ раздался свистъ, шипящій, долгій, постепенно стихающій; на темномъ небѣ прорѣзалась вверхъ огненная струя; потомъ внизъ брызнули яркія бѣлыя искры и черезъ нѣсколько секундъ долетѣлъ глухой гулъ взрыву.

Гуляющіе сбѣжались на среднюю двора, откуда, черезъ садикъ, видно было вдаль, и столпились въ кучу.

Вслѣдъ за тѣмъ взвилась и хлопнула другая ракета. За рѣкою, на отдаленной дачѣ, кто-то тѣшился фейерверкомъ.

Покуда нѣсколько притихшіе молодые люди заняты этимъ зрѣлищемъ и наслаждаются на чужой счетъ, мы пойдемъ на верхъ и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

Савва постоялъ подлѣ играющихъ, послушалъ, какъ Анна Ивановна «заводитъ» разговоръ съ Даниловной, и пошелъ посидѣть гдѣ-нибудь въ уединеніи. На это всего лучше годилась Сергѣева комната и Савва ступилъ въ узкій корридоръ въ то самое время, когда захопала ракеты. Въ Сергѣевой комнатѣ онъ сѣлъ, въ потьмахъ, на диванъ и слышалъ какъ въ сосѣдней комнатѣ, за тонкою досчатою перегородкой, Сергѣй разговаривалъ съ Петромъ Ивановичемъ. Можно было разслышать почти каждое слово, но сначала Савва не обращалъ на это ни какого вниманія. Потомъ уже, отъ нечего дѣлать и не слишкомъ способный углубляться въ собственные думы, онъ сталъ вслушиваться.

Сергѣй просилъ у отца денегъ взаймы, до жалованья.

— У Федора Гавриловича, говорилъ онъ, продается старое, но превосходное дуэтовольное ружье, и почти за бездѣнокъ. Не хочется уступить.

— Не могу, Сергѣй, отвѣчалъ отецъ: у меня теперь денегъ нѣтъ.

— Нѣтъ, ну, нечего дѣлать, а жаль: чудесная вещь.

— Развѣ у тебя мало ружей? У тебя ихъ, кажется, пять или шесть.

— Да, но я всё отдалъ бы за это, только не возьмутъ: продаютъ, затѣмъ что деньги нужны. А я, какъ нарочно, вчера еще сдѣлалъ глупость, — у Семена Васильевича на пмяницахъ, — съѣлъ за презерансъ и проигралъ два цѣлковыхъ. Я думалъ, что играютъ по мѣдной копѣйкѣ, какъ обыкновенно, а они вздумали во пятаку!

— Зачѣмъ же ты не спросилъ?

— Сглушилъ.... да мнѣ и въ голову не пришло.

— Ну, впередъ наука. А отъ покупки ружья откажись, Сергѣй.... Я знаю, охота — твое единственное развлеченіе, единственное удовольствіе, но у тебя есть же одно хорошее ружье?

— Есть; разумѣется, надобности нѣтъ покупать.

— Вообще я совѣтовалъ бы теперь приберечь деньги.... Лѣто на исходѣ, настанетъ осень, зима, — окажутся вещи по необходимости....

Передъ этимъ на фейерверкѣ только что сожгли бураки; частое хлопанье и разноцвѣтные звѣзды оживили говоръ и вызвали нѣсколько восклицаній въ группѣ зрителей, на дворѣ. Потомъ опять всё поутихло въ ожиданіи новаго наслажденія.

Вдругъ посередѣ этой тишины кто-то дикимъ голосомъ завопилъ:

— О-о-грабили!....

Сергѣй поспѣшно отворилъ окно и выглянулъ. Свопъ ракетъ на минуту освѣтилъ толпу хохочущей молодежи.

— Чтò у васъ тамъ, Саша? спросилъ Сергѣй: кто это кричить?

— Ничего, это Филипка отъискиваетъ правосудія, отвѣчалъ Александръ.

И молодежь продолжала хохотать.

Сергѣй затворилъ окно и хотѣлъ уйти, но когда ступилъ на порогъ, Петръ Ивановичъ воротилъ его.

— Сергѣй!... погоди.

Молодой человѣкъ воротился и ждалъ.

Петръ Ивановичъ о чемъ-то думалъ и не рѣшался.

Это было такое необыкновенное явленіе, что Сергѣй съ безпокойствомъ взялъ старика за руку и спросилъ:

— Батюшка, что съ вѣщи?

— Ничего, отвѣчалъ старикъ, ничего.

Онъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ остановился передъ сыномъ, который молча слѣдилъ за всѣми его движеніями.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ, что намъ нужно гдѣ-нибудь.... какъ-нибудь занять денегъ, проговорилъ наконецъ старикъ съ усиленіемъ и, не давая сыну времени на отвѣтъ, продолжалъ: ты не знаешь, ты, можетъ быть, и не подозреваешь, какихъ напряженій, какихъ усилій мнѣ стѣдуетъ свести концы съ концами.... Я молчалъ и молчу, потому что не хочу, чтобы дѣти мои знали, какъ трудно мнѣ кормить ихъ.... Но ты уже не ребенокъ и не я тебѣ кормлю, ты самъ себя содержишь.... Я могу сказать тебѣ, хочу посоветоваться.... мнѣ нуженъ кто-нибудь, а ближе тебѣ у меня нѣтъ....

Сергѣй съ чувствомъ схватилъ отца за руки и ждалъ.

— У меня васъ двое, прибавилъ тотчасъ же старикъ, чтобы не показаться несправедливымъ: Катя тоже способна понять отца и раздѣлится съ нимъ все, я знаю, но Катя дѣвушка; она слабѣе, и я хотѣлъ бы до конца жизни устранить отъ нея всякую заботу, всякій трудъ.... Бѣдная, бѣдная моя Катя! продолжалъ онъ въ раздумьи, какъ будто говоря про-себя: ей уже осьмнадцать лѣтъ, а чѣмъ она окружена?... Что ожидаетъ ее.... Я ничего, ничего не могу сдѣлать для нея.... Но по-крайней-мѣрѣ я хочу, чтобы забота о насущномъ не доходила до нея. Ты другое дѣлю, ты мужчина; притомъ ты рожденъ нато чтобы въ потѣ лица добывать свой хлѣбъ и, можетъ-быть, тебѣ еще посчастливится лучше меня.... можетъ-быть, твой трудъ еще вознаградится по заслугѣ.

— Я надѣюсь, батюшка, отвѣчалъ Сергѣй: тѣмъ болѣе что я и труда несу еще немного. Это и не беспокоитъ меня. Но.... зачѣмъ вы не такъ приготовили меня къ труду, какъ бы слѣдовало.

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына.

— Да, батюшка, продолжалъ тотъ: вы такъ поставили меня и сами такъ всегда держались, что я до-сихъ-поръ, до этой минуты не догадывался, что мнѣ слѣдовало бы трудиться больше.... помогать вамъ.

Эти слова произвели впечатлѣніе на старика, но онъ ничего не сказалъ. Оба ходили взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Или, продолжалъ Сергѣй, зачѣмъ вы не приготовили меня, вмѣсто службы, къ такому труду, въ которомъ бы я могъ самъ,

произвольно брать свои силы съ потребностями и изъ второго ногъ бы ближе, скорѣе извлекать существованіи молча... деньги?

— Развѣ ты воображаешь, что это не во всѣхъ состояніяхъ одинаково? возразилъ старикъ: нѣтъ, если я сдѣлалъ промахъ, такъ это такой, въ потерю гораздо тѣснѣе осознаться.... Я долженъ сирекнуть одно изъ перлахъ нравилъ, какіе всегда преподавалъ мнѣ дѣтямъ. Я училъ довольствоваться малымъ, а теперь долженъ сказать — нѣтъ, Сергій, нѣтъ! нельзя довольствоваться малымъ.... Или ты долженъ стоять одинъ въ мірѣ.... совершенно одинъ. Тогда не ищи ничего въ людяхъ, находи все въ самомъ себѣ, будь доволенъ малымъ и будешь счастливъ. Но если ты не можешь или не хочешь стоять одиноко.... если у тебя есть близкіе, дорогіе сердцу, существа твоей плоти и крови,—ты долженъ шекать, выбиваться, приобретать.... ты не долженъ довольствоваться нищотнымъ, какъ бы не легко тебѣ было перенести лишения... ты не долженъ, потому что нищета — порокъ, великій порокъ, пятнающій не тебя одного.... хуже, сказалъ онъ глухо: нищета доводитъ иногда до преступленій,—и прибавилъ громче, отрывисто: выбивайся изъ нищеты, Сергій!

Онъ проходилъ нѣсколько минутъ молча, потомъ Сергій спросилъ:

— Вы что-то хотѣли сообщить мнѣ, батюшка?

— Да, отвѣчалъ старикъ, да, я не даромъ говорю съ тобой о нищетѣ. Намъ непременно нужно достать денегъ и я не знаю, гдѣ бы. На будущей недѣлѣ нужно отдать въ рынокъ лавочнику, у котораго уже давно забираемъ въ долгъ. Ему скоро понадобится деньги и онъ просилъ непременно отдать. Не знаешь ли ты, у кого бы занять?

— Ахъ, Боже мой!... не знаю, право, не знаю, батюшка! отвѣчалъ встревоженный Сергій: но сколько же нужно?

— Двѣсти рублей.

— Не можетъ ли онъ подождать до января? Я получилъ бы награжденіе,—рублей сто-двадцать или полтора, —а остальные собрали бы какъ-нибудь.

— Нѣтъ, ему невозможно ждать до января и мнѣ не хочется такъ долго затягивать.

Наступило молчаніе.

— Батюшка, сказалъ потомъ Сергій: вы хотите, чтобы я самъ ископывалъ?

— Да.

— Что вы не спросите у Золотова?

— Не хочу, отвѣчалъ старикъ отрывисто.

Опять наступило молчаніе; старикъ, заложивъ руки на спинку, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; Сергій сѣлъ на диванъ и сталъ въ раздумьи рвать попавшійся подъ руку клочекъ бумаги.

— Выслушайте меня, батюшка, сказалъ онъ наконецъ почти умоляющимъ голосомъ: выслушайте меня терпѣливо....

— Знаю, знаю, что ты хочешь сказать! перебилъ его старикъ: но я не могу, я не хочу!

— Вѣдь вы имѣете достаточное право потребовать у Золотова не только этихъ денегъ, но и вообще прибавки содержанія, продолжалъ Сергій.... можно бы, кажется, потребовать послѣ тридцати лѣтъ службы....

— Требовать! просить!... у него! вскричалъ съ раздраженіемъ старикъ: ни за что! Развѣ онъ самъ не знаетъ, что я тридцать лѣтъ работаю для него? Его отецъ не доводилъ меня до необходимости напоминать о пущахъ; тотъ и обращался со мною иначе.... но и у того я, можетъ-быть, не рѣшился бы просить.... а у этого.... нѣтъ! нѣтъ! никогда!

— Зачѣмъ же просить, когда можно требовать, батюшка?

— Я и требовать не хочу у человѣка, который не хочетъ знать нужды трудящихся для него и который можетъ еще сказать мнѣ, что я требую больше нежели заслуживаю.

— Золотовъ безпеченъ, батюшка, но....

— Это не безпечность, это пренебреженіе. Теперь только того и не достаетъ, чтобы онъ сказалъ мнѣ, что я зазнался!

— Онъ этого не скажетъ, онъ этого не смѣетъ сказать.... Но послушайте, батюшка.... развѣ только и свѣту, что въ окно? развѣ вы не можете прійскать себѣ другаго мѣста?

Якоревъ такъ привыкъ къ своему мѣсту, такъ сроднился съ фабрикой Золотова, что въ тридцать лѣтъ ему ни разу въ голову не приходила мысль о возможности некатъ другаго. Онъ даже не примѣчалъ, что за минуту самъ высказалъ почти тоже самое, наказывая сыну «некатъ». Сергѣево слово какъ молнія сверкнуло у него въ умѣ. Онъ остановился и устремилъ глаза въ полъ. Онъ какъ-будто окаменѣлъ. Между-тѣмъ волненіе его видимо росло; грудь дышала тяжело и прерывисто, шея и виски краснѣли и жилы на лбу наливались.

Сергій вскочилъ. Ему стало страшно: онъ опасался, чтобы съ отцомъ не случился ударъ.

— Пѣтъ! сказалъ наконецъ старикъ, схвативъ себя за затылокъ и сильно отдернувъ руку: пѣтъ! это невозможно....

— Отчего же?

— Отчего?... Оттого что я самъ связалъ себя!... оттого что.... Слушай, Сергѣй, и тебѣ все скажу.... Оттого что я долженъ Золотову.... безъ его вѣдома.... Я изъ его денегъ издержалъ на себя.... Ты знаешь теперь, — я уже говорилъ тебѣ, — моего жалованья не хватаетъ на потребности семьи.... Въ третьемъ годѣ и въ четвертомъ скопились долги; въ прошломъ нужно было занять.... Я взялъ изъ хозяйскихъ денегъ и отложилъ подачу отчета до февраля; тогда оборотился приходными деньгами, отослалъ къ хозяину и долгъ остался на выѣшній годъ. Этого долгу — осемь сотъ рублей ассигнаціями.... теперь августъ, а я ничего еще не могъ уплатить.... И мнѣ нужно еще двѣсти рублей!

Старикъ въ изнеможеніи опустился на стулъ.

Сергѣй съ глубокимъ состраданіемъ слушалъ эту короткую, поверхностную повѣсть, въ которой, кромѣ всѣхъ прежнихъ заботъ и лишеній, заключались цѣлые четыре года мучительныхъ терзаній, тайной тоски и ежедневныхъ тревогъ, — терзаній вполнѣ понятныхъ не тѣмъ, которые проживаютъ не ихъ потомъ купленное и за ошибку въ расчетѣ, за необдуманность своего тѣлесавіа принуждены бываютъ ограничиться съ сотенъ тысячъ на десятки тысячъ, — до времени, пока опять подойдетъ снесенное чужими руками; пойметъ это и не праздная, равнодушная нищета, которая шатается отъ порога къ порогу, собирая крохи на то чтобы купить себѣ безчувственность до завтра; поймутъ это вполнѣ только тѣ, которые сами извѣдали или еще извѣдываютъ настоящую, работающую бѣдность, на степеняхъ, не имѣющихъ и большею частію сознающихъ себя неспособными имѣть «состояніе»; тѣ которые сами вели или еще ведутъ вѣчный, безконечный счетъ копѣйкамъ, слѣпленнымъ изъ кроваваго трудового поту, и вѣчно не досчитываются; тѣ которые принуждены сегодня съѣсть то, что завтра добудутъ изнурительнымъ трудомъ, если достанутъ работы; тѣ, которые и сегодня и завтра взвѣшиваютъ, что для силъ нужнѣе, впередъ обогрѣться или впередъ утолить голодъ, и, отламывая кусокъ хлѣба, соображаютъ не съ тѣмъ, сколько требуетъ желудокъ, а съ тѣмъ, сколько нужно оставить другимъ, имѣющимъ право на долю, — и которые при всемъ этомъ хотятъ остаться людьми, существами съ честию, съ достоинствомъ, съ мыслью, съ благородствомъ чувствованій.

Якоревъ на какой почтѣ воцѣлся и до всю жизнь свою, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ, ссорившагося съ трудомъ до-вольства, проходилъ суровую школу, но по свойству своего нра-ву, никогда не ропталъ, не жаловался, и теперь это была не жалоба, это было мучительное сознаніе на своемъ безвѣдн. Оно сокрушило гордаго старика.

Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго молчанія, продолженія которыхъ Сергій не слускалъ съ отца глазъ, наполненныхъ слезами. Сказать было нечего: онъ понималъ, чего стоило его отцу признанію; онъ отгадалъ все, что старикъ вынесъ до того, и, соображая свою твердость съ твердостью отца, впервые оробѣлъ передъ жизнью.

Наконецъ Якоревъ отеръ лицо платкомъ и сказалъ:

— Я очень хорошо знаю, что не слѣдовало поступить такъ, какъ я поступилъ, — что было другое средство; я знаю, что я унизился больше, нежели унизилъ бы меня просьба; я знаю, что я почти укралъ, — я утаиваю, я обманываю, — но я не могъ иначе.... и теперь не могу. Я началъ хитрить (онъ произнесъ это слово съ горькою улыбкой), я началъ вывертываться, обманывать и долженъ продолжать, покуда не освобожусь отъ этого долга. Мы должны еще больше ограничиться, еще больше стѣсниться, убавить расходъ, и въ два три года я уплачу.... Ты мнѣ поможешь, сколько возможно.

Это было сказано такъ просто, такъ естественно, съ такою увѣренностью, что Сергію и на мысль не пришло подтверждать надежду увѣреніями. Впрочемъ, старикъ точно также просто сказалъ бы: «Сергій, мнѣ нужна твоя жизнь, я возьму ее.»

— Завтра, продолжалъ Якоревъ, я схожу, попытаюсь завять у кого-нибудь двѣсти рублей, которые нужно отдать лавочнику, а если не доставу.... такъ ужъ все равно, та же тысяча рублей.... возьму еще двѣсти изъ хозяйскихъ, а потомъ, Богъ поможетъ, очистимся. Ступай теперь; гостямъ, я думаю, пора до домамъ..... Я сейчасъ выйду.

Сергій пошелъ въ столовую.

Якоревъ, разумеется, не считалъ нужнымъ напоминать сыну, чтобы хранилъ тайну: онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что она хорошо сбережена, — только не зналъ; что ее берегутъ уже двое.

Савва все слышалъ и не смѣлъ дышать, чтобы не обнаружить своего присутствія, а когда Сергій выходилъ, онъ затрепеталъ во всемъ тѣлѣ и зашумрелъ. Это инстинктивное движеніе навело

«Она не слышит!» — протвориться дружно слышится. Однако жъ, къ сча-
стью его, Савва не замечъ въ свою комнату. Скоро Петръ Ива-
новичъ также вымѣръ въ столовую прощаться съ гостями, а
Савва тихонько прокрадётся по корридору въ переднюю, а оттудъ
на дворъ и уйдётъ домой, какъ будто его давно не было.

Фейерверкъ давно кончился и молодые люди одинъ за другимъ
ворочались уже на верхъ, чтобы собраться домой.

Распрощались, распредѣлились, кому съ кѣмъ по пути, и от-
правились гурьбой. Катя вышла на крыльцо со свѣчкой и, заго-
раживая её отъ лёгкаго вѣтру, который только что поднялся,
еще разъ закричала вслѣдъ уходящимъ:

— Прощайте!

— Прощайте! — Прощайте! откликнулись голоса и говоръ по-
шелъ къ воротамъ.

Сонный сторожъ пропустилъ, опять заперъ ворота и все стих-
ло; только въ отдаленіи слышался лживый, глухой лай собаки.

Черезъ полчаса послѣдніе огни погасли; все на фабрикѣ уснуло.
Только въ приказчиковой квартирѣ еще не спали, хотя и тамъ
было темно: два голоса вели бесѣду.

Савва рассказывала сестрѣ о томъ, что невольно подслушала
за перегородкой.

— А! вотъ каковъ нашъ Петръ Ивановичъ! вскричала Матре-
на, когда онъ кончалъ: не даромъ говорить, въ тихомъ онутѣ
чѣръ водятся!.... Посмотрѣть на него, такъ такая честность, что
куда тебѣ! и не подступайся! А, не бойся, туда же руки то на-
грѣваешь....

— Какое нагрѣваетъ! возразилъ Савва: слышишь ты, онъ чуть
не плачетъ, что задержалъ хозяйскія денѣги, и хочетъ убавить
домашній расходъ, чтобы года въ два уплатить....

— Да! слушай, слушай ты его! Рассказывай! уплатить онъ....
ты думаешь такъ легко уплатить осемь-сотъ рублей изъ сотни
калошника въ вѣсяцъ?.... Да какая ужъ тутъ уплата, пустяки!
Станетъ онъ уплачивать!.... Если онъ это въ первый разъ поми-
нилъ, такъ и еще возьметъ.

— Правда; онъ и то хочетъ нынче же взять еще двѣсти руб-
лей, если въ долгъ не дадутъ.

— Ну, вотъ видишь ты! Не моя ли правда?

— Да что жъ, Матрона, перебилъ Савва: неужто ты въ самомъ
дѣлѣ станешь ему это въ такой большой грѣхъ? Вѣдь другой на
то ищетъ, знаетъ ты, какъ нажился бы.... или ужъ по крайней-

мѣръ домъ-то всегда полонъ былъ бы. А у Петра Ивановича что? Вѣдь вотъ, я семь-сотъ получаю, да мнѣ гораздо лучше жить,—кое-что и прикупить могу, потому что мнѣ не отъ того, такъ отъ другаго перепадаетъ,—при отпускѣ товару, да при лучкахъ,—а Петръ Ивановичъ, не хочетъ или не умѣетъ ничего про себя высчитать. Если бы онъ хоть по кофѣйкѣ съ чистаго рубля бралъ, такъ, при доходѣ съ нашей фабрики, порядочно составилъ бы себѣ состояніе.... И глупо дѣлаетъ, право, глупо дѣлаетъ. Изъ чего онъ бьется....

— Что и говорить.... разумѣется, тутъ можно сколотить кофѣйку.

— Да можно-то еще совершенно честнымъ образомъ, такъ, что и хозяину ни какого убытку не было бы.

— Такъ затѣмъ же онъ честнымъ-то образомъ не наживаетъ, а крадетъ хозяйское? Что же послѣ этого его честность? Ужъ коли хочетъ быть честнымъ, такъ хозяйскаго не тронь. Вотъ бы сказать Золотову, такъ поубавилось бы гордости-то.

— Да кто жъ можетъ сказать?

— Какъ кто? А кто слышалъ да знаетъ, тому и говорить. Вѣдь тебѣ хочется же быть современемъ управителемъ, когда Петръ Ивановичъ умретъ? Ну, вотъ тебѣ — короче дорога. Завтра же можешь быть управителемъ.

— Матрена! что ты, съума сошла никакъ! Неужели ты думаешь, я пойду доносить на Петра Ивановича? Что я за доносчикъ? какое мнѣ дѣло? Да оно и скверно бы было: вѣдь онъ же меня самъ и приказчикомъ сдѣлалъ.... да вотъ еще и на Катѣ, авось, женюсь.

— Ну, чтожъ! я вѣдь и не посылаю тебя доносить: я только говорю, что можно бы тебѣ затра же сѣсть на его мѣсто, если бы ты хотѣлъ.

— Нѣтъ, этимъ чести не наживешь.

— Какъ не наживешь? Да коли ты самъ хочешь быть такимъ же честнымъ, какимъ всегда выказывалъ себя Якоревъ, такъ ты даже обязанъ все сказать хозяину: ты обязанъ беречь хозяйское.

— Обязанъ-то обязанъ, да только не такъ. Пойду я доносить на Петра Ивановича! И за что? Зато что онъ издержалъ на себя осемь-сотъ рублей, когда я знаю, что на его мѣстѣ можно, на худой конецъ, тысячи по три откладывать безъ всякой обиды хозяину. Вотъ, дай мнѣ только жениться на Катѣ, буду своимъ человекомъ, такъ ужъ тутъ какъ-нибудь будемъ ладить.... Вѣдь

двадцать летъ законоучъ и Петръ Ивановичъ, что за его благо-
вѣстію ему нѣтъ свадьбы не скажетъ. Нѣтъ, Матрена, ты нѣтъ
е доведешь ушь лучше и не говори: вѣдь я теперь ушь почти-то
зашъ Петру Ивановичу.

— Да кто жъ тебя посылаетъ съ доносомъ? Опять-таки ты
свое! Вѣдь слышишь ты, я говорю, что если бы ты захотѣла...

— А я тебѣ говорю, что не хочу, и полно объ этомъ. Пора
святъ. Прощай.

Савва, въ потьмахъ, ошумѣвъ ушелъ въ свою комнату и все
спокло.

На другой день, рано утромъ, Петръ Ивановичъ обошелъ толь-
ко собрику, сдѣлалъ самыя необходимыя распоряженія и отпра-
вился со двора прежде нежели Сергѣй пошелъ въ должность.

Въ четвертомъ часу Катя всё-еще ждала отца обѣдать. Петръ
Ивановичъ не велѣлъ ждать долго; Катя накормила дѣтей во вто-
ромъ часу, а сама всё-таки рѣшилась дожидаться. Пробыло четы-
ре, отца все нѣтъ. Въ выходѣ пятого пришелъ Сергѣй, а Петра
Ивановича все нѣтъ. Катя тревожилась, но братъ успокоилъ ее
и уговорилъ отобѣдать.

Когда они сѣли за столъ, послышался стукъ экипажа. Это dri-
ѣхалъ хозяинъ. Онъ пошелъ прямо на фабрику въ сопровожде-
ніи Саввы, который выбѣжалъ навстрѣчу и, держа фуражку въ
руки, отворилъ дверцы блестящей коляски.

Черезъ часъ смотръ кончился, Золотовъ вышелъ и готовился
сѣсть въ коляску, когда въ ворота вошелъ Якоревъ, — въ широ-
комъ долгополомъ сюртукѣ, въ помешенной старомодной шляпѣ,
въ замыленныхъ сапогахъ и съ толстою тростью. Онъ былъ
блѣднъ, скулы осунулись, — можно было сказать, что онъ поху-
дѣлъ съ утра, — глаза горѣли лхкорачочнымъ огнемъ.

Увидѣвъ хозяина, онъ вздрогнулъ, — чего съ нимъ никогда не
случалось, — однако жъ тотчасъ же оправился, принялъ сухое,
спокойное выраженіе и, подходя, поклонился. Золотовъ, не сня-
вая шляпы, кивнулъ головой и произнесъ равнодушное «здрав-
ствуйте.»

Они остановились одинъ передъ другимъ, оба съ виду спокой-
ные, равнодушные, оба гордые, только одинъ облеченъ во всё
досѣхки богатства и, гдѣ бы онъ ни стоялъ, его опружаетъ ат-
мосфера удобства и роскоши, и воздухъ какъ-будто прислужи-
вается ему и поддерживаетъ его охотнѣе; къ другому все окру-
жающее принадевается какъ-будто только для того чтобъ претереть,

оборвать что-нибудь и обшить новымъ нужду. Одинъ дѣталець, ужь хотѣтъ трудиться, но не знаетъ, что такое изнуреніе отъ труда; его трудъ вознаграждается съ лихвой и онъ не можетъ понять, что такое голодная нужда; другой также дѣталець, родившійся для работы, но только тщетно жаждетъ и надеется, что плодъ его труда дастся на потребности семьи. У одного изъ спокійствію принимается разсчитанная мысль о экономіи и приумноженіи своего состоянія, съ увѣренностью однако жъ, что исполненію ничто не препятствуетъ, и оттого равнодушіе переходитъ въ безпечность; у другаго лична спокійствія только прикрываетъ тяжкую заботу о насущномъ и равнодушіе, плодъ привычки и терпѣнія, при толкованіи съ всею противоположностью, переходитъ въ жадность, почти въ ненависть. У одного гордость родителя отъ сознанія своей силы и неприкосновенности и становится желаніемъ свободой, потому что все его поднимаетъ, носитъ; у другаго гордости нужно чрезвычайное напряженіе, чтобы удержаться на своей высотѣ, и востоянное вооруженіе, всегдашняя готовность отразить нападеніе униженія.

— Вотъ, я былъ у васъ въ гостяхъ, Петръ Ивановичъ. У васъ все въ исправности, какъ всегда, сказалъ Золотовъ и, окинувъ взглядомъ дворъ, сѣлъ въ коляску.

Петръ Ивановичъ поклонился, какъ обыкновенно, сѣнная шляпу.

Золотовъ дотронулся до своей и коротко сказалъ:

— Прощайте!

И коляска покатила.

Савва надѣлъ фуражку, которую все время держалъ въ рукѣ.

— Ну, что на фабрикѣ? спросилъ Петръ Ивановичъ, поворачиваясь, чтобы идти домой.

— Ничего, Петръ Ивановичъ; остановокъ нѣтъ, отвѣчалъ Савва.

— А о матеріалахъ говорилъ ты хозяину?

— Да, велѣлъ принять у Богачова.

— Развѣ ты не сказалъ ему, что у Филатова лучше, что въ Богачовскомъ матеріалѣ слишкомъ много брака будетъ и, стало-быть, дороже обойдется?

— Да, правда, Петръ Ивановичъ; Богачовскій поти-что на волосину бракъ.

— Что изъ ты, сказалъ?

— Нѣтъ, я не посмѣлъ возражать. Онъ рѣшительно сказалъ принять.

— Вздоръ. Это Богачовъ ему по знакомству навязываетъ свою драгю. Завтра ты сходишь и скажешь, или я самъ напишу.

— Да, конечно, лучше взять у Филатова, подтвердилъ Савва.

Петръ Ивановичъ пошелъ на верхъ.

Сергій смотрѣлъ въ окно и, видя отпа разговаривающаго съ Саввой, надвинулся на усѣхъ отлучки, но взглянулъ потомъ въ лицо, когда старикъ вошелъ въ комнату, и все угадалъ безъ словъ.

Петръ Ивановичъ обратилъ глаза на сына и тотъ прочиталъ въ нихъ:

— Не досталъ!

Этого взгляду Катя не видала, но блѣдное лицо встревожило ее; она подбѣжала къ отцу и заботливо сказала:

— Что съ вами, батюшка? Вы такъ блѣдны! такъ взволнованы....

— Ничего, мой другъ, ничего, отвѣчалъ отецъ, стараясь улыбнуться: я только усталъ.

Отъ Кати его попытка не укрылась. Она взглянула на Сергѣя, но тотъ, какъ-будто зная, что подвергается испытующему взгляду, наклонился что-то поднять съ полу.... чѣмъ можно было объяснить и быстро выступившую краску въ лицѣ его. Катя опять обратилась къ отцу и, со страхомъ хватая его за руки, пощупавъ високъ и пристально глядя въ глаза, продолжала:

— Голова у васъ горитъ, батюшка, а руки между-тѣмъ холодны! Ради Бога, что съ вами случилось?.... Вы нездоровы?.... вы больны?

— Нѣтъ, милая моя Катя, успокойся, отвѣчалъ отецъ съ удивленною наконецъ улыбкой: я просто утомился отъ ходьбы и жару. Отдохну, и все пройдетъ.... Обѣдать я не стану, прибавилъ онъ взглянувъ на оставленный приборъ и стараясь чѣмъ-нибудь отклонить вниманіе дочери: я уже обѣдалъ.

Катя чувствовала, что это была неправда, и потому не спросила, гдѣ онъ обѣдалъ.

Онъ кѣмъ-то поцѣловалъ ее и пошелъ въ свою комнату. Она осталась, глядя ему въ слѣдъ съ безпокойствомъ, со страхомъ, и какъ-будто порывалась вслѣдъ и не рѣшалась. Отецъ считалъ ее слишкомъ слабою, слишкомъ нѣжною для бремена довѣрія; онъ надѣялся предохранить ее отъ заботы, но напрасно: она слишкомъ хорошо умѣла читать на его лицѣ. Но она уважала волю отца, понимала его желаніе и не старалась проникнуть въ до-

вѣренность по предмету, о которомъ онъ хотѣлъ молчать. Впрочемъ, ей и не нужно было объясненія: все, что могла бы дѣлать признанная повѣренная, она уже дѣлала; она берегла старика, щадяла требованіями сколько было возможно, окружала нѣжными попеченіями и ласками, гдѣ только позволяли время и случай. Зато и Петръ Ивановичъ почти тогда только и улыбался, когда съ нимъ была его милая Катя. И теперь ей хотѣлось пойти къ нему, разогнать заботу, стереть слѣды огорченія, но она боялась прійти слишкомъ рано: она знала, что всякому тягостному чувству нужно свое время; что уязвленной, взволнованной душѣ нужно вынести поднятую бурю и тогда уже она сдѣлается способною къ развлеченію или утѣшенію, и что захотѣть ускорить это утѣшеніе или остановить волненіе на ходу значитъ только усилить боль, удвоить терзаніе.

Сергѣй примѣтилъ тревогу сестры и, опасаясь, чтобы она не принялась выпытывать у отца причину огорченія, сказалъ:

— Оставь батюшку, Катя. Ты видишь, онъ утомленъ и сверхътого, можетъ быть, огорченъ чѣмъ-нибудь.... по дѣламъ фабрики.... какія-нибудь непріятности.... а ты знаешь, что онъ не любить, чтобы его спрашивали.... Послѣ онъ самъ скажетъ.

Катя устремила взоръ на Сергѣя, догадалась, что ему извѣстна причина огорченія, и ей какъ-будто легче стало.

— Я не пойду, сказала она: не стану спрашивать.... Ты знаешь, что я никогда не спрашиваю.... Только бы онъ не захворалъ. Онъ такъ сильно принимаетъ всякую непріятность....

Сергѣй молча припаялся за бумаги, которыя принесъ изъ должности; Катя за свою работу и за свои мечты или, лучше сказать, думы, потому что она не такъ часто и не столько мечтала о себѣ и о судьбѣ своего сердца, — обыкновенномъ предметѣ мечтаний, — сколько раздумывала о тягостяхъ жизни и о многосложномъ, утомительномъ искусствѣ уживаться съ людьми.

Настала зима. Рождество на дворѣ, — подылъ полторы остается. У Петра Ивановича, по-видимому, все прежнее, обыкновенное, привычное, только онъ чаще прежняго отвѣчаетъ Катѣ и Данилову: «Нельзя, теперь денегъ нѣтъ», особенно Данилову, ко-

торая не имѣетъ ни какихъ поводовъ заботиться объ умѣренности своихъ требованій по хозяйству.

Петръ Ивановичъ больше озабоченъ, больше стѣсненъ. Но зимою вообще труднѣе жить: тепло и свѣтъ лѣтомъ отпускаются даромъ, а зимою стоятъ дорого. У Петра Ивановича еще хорошо, тепло: у него дрова хозяйскіе, оттого и нужда еще не такъ приѣтна, кромѣ развѣ въ одеждѣ и другихъ временныхъ потребностяхъ. Есть тысячи людей въ положеніяхъ, подобныхъ положенію Якорева, людей, которые такъ же спокойно и твердо переносятъ бы всякія лишенія, если бы не принуждены были жечь свои деньги: употребить съ трудомъ, съ тревогой и часто еще съ глубокимъ огорченіемъ добытую деньги на пищу, на одежду—еще сносно, но сжечь — тоска беретъ; а когда случается, что и радъ бы бросить въ печь, да нечего, упадетъ уныніе со всей вереницей своихъ слѣдствій,—съ замедленіемъ въ дѣлѣ, съ недосмотрами, съ неудачами, съ неприяностями отъ потребителей труда, съ лишеніемъ работы—и бѣдствіе доходитъ до крайности, до отчаянія.

Первую изъ всѣхъ премій, или всѣ существующія преміи разомъ и египетскую пирамиду вмѣсто монумента тому, кто изобрѣтетъ искусственное, ничего не стоящее тепло! Его открытіе принесло бы человѣчеству пользы не меньше, если не больше, паровой машины и книгопечатанія. Есть уже много изобрѣтателей по части удобнаго и дешеваго отопленія, но они придумываютъ снаряды для нагрѣванія дворцовъ, вѣнколовныхъ палатъ или постели и кареты богача. Отъ этого человѣчеству еще не велика выгода; не тутъ и слава ждетъ изобрѣтателя; вѣтъ, придумайте такую ничего не стоящую печь, которая бы работающему бѣдняку даромъ нагрѣвала и высушивала его уголь, и вы разомъ очастливите многіе милліоны бѣдствующихъ. Вы избавите ихъ отъ сырости и холоду, дадите имъ бодрость, здоровье, возможность работать, и они легко перенесутъ остальные лишенія. Всѣ, всѣ преміи благодѣтелю человѣчества, который изобрѣтетъ такую печь!

День субботній; часъ обѣда. Петръ Ивановичъ пришелъ съ сабрики, снялъ нагольный тулупъ, надѣтый сверхъ нанковой куртки и шерстяной фуфайки, положилъ баранью лезгинскую шапку на скамъ и сѣлъ съ дѣтьми за столъ.

На столѣ, между шестью извѣстными приборами.... Сергій обѣдаетъ позже, одинъ.... между шестью приборами и шестью

толстыми ломтями черного хлѣба стоитъ каменная чашка со щами.... Миска разбита и къ празднику предположено купить новую. Даниловна принесла, поставила на деревянную тарелку большой закопченной горшокъ съ гречневою кашей, накрытый другою деревянною тарелкой, и также съѣла.

Обѣдъ спокойно продолжается. Дѣти веселы; они ѣдятъ съ удовольствіемъ, но безъ алчнаго голоду.

Петръ Ивановичъ рано всталъ и былъ весь день въ большомъ движеніи, оттого и апетиту принесъ немножко побольше обыкновеннаго.

Дошла очередь до каши; Петръ Ивановичъ съѣлъ одну тарелку и сталъ накладывать еще.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Даниловна: масла то, кажется, ужъ нѣтъ!

Катя съ смущеніемъ посмотрѣла въ чашку, въ которой было растопленное масло и осталась только деревянная ложка.

Даниловну глаза недостаточно убѣждали въ отсутствіи приправы: она взяла ложку и поскоблила очищенное дно.

— Принеси, Даниловна, сказала Катя: я тамъ оставила для Сергѣя.

— Не надо, не надо! перебилъ Петръ Ивановичъ: принеси мнѣ немножко щей, жижицы. Со щами тоже очень вкусно, даже лучше нежели съ масломъ.

И Петръ Ивановичъ, за немнѣніемъ масла, вкусно приправилъ свою кашу щами.

Обѣдъ еще не кончился, когда пришелъ Сергѣй.

— Чтѣ ты сегодня рано, Сергѣй? спросилъ отецъ.

— Да пораньше ушелъ изъ должности: нужно было на рынокъ за воротничкомъ сходить. Вѣдь теперь почти съ полудня ужъ смеркается.

— Ну, чтѣ же, купилъ?

— Купилъ и; кажется, хорошо. Вотъ.

И Сергѣй развернулъ кусокъ черного бараньяго мѣху, на зимній воротничкъ для шинели.

— Славный барашекъ! продолжалъ Сергѣй поглаживая и ошупывая свою обновку: мягкій, густой, шелковистый.... И мездра вотъ какая здоровая!

Онъ потеръ, пощипалъ и стряхнулъ шкурку какъ отличный знатокъ въ товарѣ.

— А чтѣ стоитъ?

— Угадайте.

— Не знаю... рублей пять?

— Нѣтъ, два цѣлковыхъ: меньше не отдають. И то ужъ тергался какъ жидъ: три съ половиной запросилъ.

Сергій свернулъ покунку, сѣлъ за столъ и прерванный обѣдъ пошелъ къ концу. Покупка теплаго воротника уже достаточно важное событіе, для того чтобы прервать обѣдъ: всѣ дѣти обратили вниманіе на братнину обновку и забыли-было о своей кашѣ.

— Теперь еще нужно педъ старую подкладку прибавить фунта полтора ваты, такъ моя шинель и готова. Воротникъ такой, что на три зимы хватить.

— Видь ты хотѣлъ байкой подбить и расчитывалъ, что цѣлковыхъ осемь будетъ стоить!

— Да, но я раздумалъ, отвѣчалъ Сергій: если ваты прибавить, и такъ будетъ достаточно тепло.

Петръ Ивановичъ кончилъ обѣдъ и ушелъ въ свою комнату, составлять еженедѣльную записку о работахъ; дѣти также ушли, а Катя осталась за столомъ, чтобъ дожидаться конца братова обѣду.

— Катя, ты говорила батюшкѣ что-нибудь о платьяхъ для сестеръ, къ празднику? спросилъ Сергій.

— Нѣтъ еще, нужно будетъ напомнить: онъ, кажется, забылъ.

— Нѣтъ, не надо говорить: я уже купилъ... и для сестеръ и для тебя. Только... ты постарайся сдѣлать такъ, чтобы сестры много не шумѣли объ этихъ обновкахъ....

Катя посмотрѣла на брата и свѣтлые лучи утонули въ намерзшихся слезахъ.

— Благодарю, братецъ, сказала она, подавая ему руку черезъ столъ: благодарю; я постараюсь.

Они поняли другъ друга и замолчали. Сергій задумался, темное облако пробѣжало по его лицу: ему показалось, что онъ не осторожно открылъ сестрѣ то, что отецъ желалъ скрывать отъ нея. Катя угадала его мысль и, чтобъ отклонить тягостное объясненіе и успокоить брата, сказала:

— Я знаю, что у батюшки теперь денегъ нѣтъ и ему безъ того ужъ больно, что онъ не можетъ повеселить дѣтей на праздникъ. Если бы были, онъ самъ давно распорядился бы.... Такъ ужъ лучше не станемъ напоминать.

— Да, да, я для того и купилъ, сказалъ Сергій дохнувъ свободнѣе.

— И прекрасно сдѣлать, сказала Катя совсѣмъ весело: а я уже отчаявалась, думала, что мы останемся безъ обновокъ. Но какъ быть съ обувью? продолжала она: башмаки намъ всѣмъ нужны и у Пети сапоги худы.

— Ну, объ обуви, нечего дѣлать, надобно сказать, отвѣчалъ Сергѣй: на это у меня не хватить.

— Петя и на плечахъ оборванъ, сказала вдругъ Катя съ уныніемъ.

— Ахъ! вотъ бѣда! въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и ему нужно, сказалъ Сергѣй и задумался.

— Нельзя ли передѣлать для него что-нибудь? замѣтила Катя.

— Въ самомъ дѣлѣ, правда. Я дамъ передѣлать изъ моего стараго фрака. Куртка выйдетъ хорошая.... еще и фуражку можно сдѣлать. Портной денегъ пождетъ до будущаго мѣсяца.

Такимъ образомъ все казалось улаженнымъ и молодые люди успокоились.... но не надолго.

— И Даниловѣ вѣдь тоже нужно что-нибудь, замѣтила Катя: всего лучше купить бы ей тоже на платье.

— Да, конечно, нужно.

И Сергѣй опять задумался.

Когда потомъ рѣшили вопросъ о Даниловѣ, оказалась еще какая-то потребность въ домѣ, потомъ еще, и еще, такъ, что списокъ нуждъ, составленный къ подачѣ Петру Ивановичу, несмотря на нѣжную предупредительность и самоотверженіе его дѣтей, всё-таки вышелъ довольно длинный.

Праздникъ для бѣдняка семьянина — тяжкая пора. Къ празднику все какъ то понестаскается, понзотрется, а въ праздникъ больше люди видятъ; поправка становится совершенною необходимостью и обновки не роскошью, не излишествомъ, а неизбѣжными потребностями.

Подъ конецъ разговору, съ которыми Сергѣй кончилъ и обѣдъ, Даниловна пришла убрать со стола. Услышавъ, что рѣчь идетъ о праздникѣ, она напомнила о предстоящей покупкѣ припасовъ и пустилась въ воспоминавія о томъ, какъ, бывало, у Петра Ивановича встрѣчали праздникъ Рождества при старикѣ Золотовѣ; какъ это все было не то, что нынче; какъ старикъ Золотовъ, бывало, за два дня до праздника, пришлетъ прямо съ рынку цѣлый возъ разныхъ разностей, — и дичи, и битыхъ куръ, и гусей, и поросятъ, и телятины, и окороковъ, и муніи, и разныхъ лакомствъ, и всего, всего, — и какъ потомъ бывало весело,

сколько приглашало гостей, как шировали да праздновали, и прочая, и прочая.

Передать этихъ разсказовъ Даниловны нѣтъ ни какой возможности: они безконечны. Даниловна была старуха почти безмолвная, но когда у нея пробуждались воспоминанія о томъ, «какъ было и жилось при старикѣ Золотовѣ», она становилась дотога говорливой, что не умолкала бы трое сутокъ сряду, если бы только нашлось достаточное число слушателей, готовыхъ чередоваться.

Сергѣю было не до разсказовъ, — онъ вообще не принадлежалъ къ числу слушателей періодически болтливой Даниловны, — онъ пошелъ показывать портному, отставному солдату, какъ повесить барашковый воротникъ на шинели и какъ изъ стараго фрака сдѣлать куртку и фуражку, а потомъ принялся за чистку своихъ ружей и охотничьихъ приборовъ.

На Катю разговоръ съ братомъ и воспоминаніе Даниловны навели такую грусть, что когда она развернула обновки, сердце у нея стѣснилось и на глазахъ выступили слезы. Ей было жаль отца, жаль брата, жаль сестеръ, и самой тяжело, тоскливо, грустно.

Она думала, если бы прошедшее могло воротиться, какъ бы это было теперь.... и въ мечты ея влилось еще зѣвно, еще челоуѣкъ, родной какъ и другіе, а можетъ быть и ближе, дороже другихъ.... Хотя Катѣ по временамъ и казалось, что Александръ не совсѣмъ то, что создавало ея воображеніе, чего искалъ тонкій, разборчивый умъ, однако жъ она надѣялась, что сама со временемъ дополнитъ въ немъ недостающее, постепенно сгладитъ лишнее, неровное, — она собиралась перевоспитать его своимъ сердцемъ, — однимъ словомъ, она желала любить его и слѣдовательно любила, особенно въ минуты грусти и тоски или беззащитности, когда сердце требовало пищи или когда жизнь становилась страшнѣй и безотраднѣй. Когда же дѣвушка любить.... вѣдь дѣвушки существа ужасно неблагодарныя: ихъ цѣлая семья любить, ласкать, нѣжить лѣтъ семьнадцать, двадцать, и онѣ, кажется, привязаны до страсти, преданы до самоотверженія, но вдругъ подвернется какой-нибудь господинъ, Богъ его знаетъ, откуда, — совсѣмъ чужой, — и красавица какъ разъ скажетъ: «Прощайте, милые друзья мои; я васъ очень люблю, но теперь вы мнѣ уже не нужны: у меня есть милый, который мнѣ дороже васъ всѣхъ.» Этотъ складъ дѣвичьяго сердца до-того всѣмъ

известенъ, что никто уже не обижается за такое коверное предательство.

Катя думала также, во сколько разъ легче и пріятнѣе было бы ей мечтать объ Александрѣ, еслибъ.... еслибъ не нужно было голову ломать о томъ, какъ изъ старенькаго платья выхитрить новое, и если бъ не нужно было семь разъ передумать прежде нежели сказать отцу, что башмаки протоптались.

Она давно уже нанзустъ знала всѣ воспоминанія Далимовны и прежде слушала ихъ всегда, какъ ребенокъ слушаетъ сказку, — чудесно и невѣроятно кажется, а видитъ, что правда. Къ тому же, у нея самой сохранились еще нѣкоторые смутные слѣды первыхъ впечатлѣній дѣтства и она такъ любила рассказы старрой нянки, что нерѣдко заслушивалась по нѣсколькx часовъ сряду. Эти рассказы рисовали передъ нею какъ-будто отдаленный милый край, свѣтлыя, прекрасныя картины родины, куда еще предстоитъ современемъ воротиться.... Это было тогда, когда Катя на все настоящее смотрѣла еще какъ дѣти. Но потомъ, когда годы принесли ранній опытъ, — когда ужъ сталъ соврѣвать съ одной стороны надъ созданіемъ удобовѣ и украшеній изъ ничего, изъ старыхъ тряпокъ, съ другой въ борьбѣ съ самолюбіемъ, съ положеніемъ и съ преградами стремленію, — Катя все больше и больше стала чувствовать, что прошедшее уже не воротится, и порой тихо грустила по свѣтлой родинѣ, однако виѣсть съ тѣмъ старалась не выходить изъ своего положенія, привыкнуть къ участи, никогда не жаловалась, не роняла в, — съ виду по крайней мѣрѣ, — обыкновенно была тиха, спокойна, дѣятельна по примѣру отца и брата, и порой даже весела, ирива.

Любовь Александра, еще не высказанная, не утвержденная обѣщаніями, но уже давно понятая и постепенно, мало-по-малу слившаяся со всѣми мыслями дѣвушки, хоть минутами да увлекала, оживляла и ободряла ее, до того, что даже сулила вѣще похожее на освобожденіе отъ различныхъ стѣснительныхъ условій настоящаго, сулила осуществленіе мечты о счастіи. Это было тогда, когда Катя боролась еще только съ своимъ положеніемъ и съ самой собою. Но съ тѣхъ поръ, когда она все чаще и чаще стала пріимать нужду, затрудненія и возрастающую заботу отца, когда тонко чующее женское сердце ея разгадало всѣ страданія, всю тяжесть бремени, которое несетъ старикъ, а воображеніе, быть-можетъ, еще преувеличало это бре-

ня и эти страданія, ею начала овладѣвать тревога о настоящемъ, безпомощство объ отцѣ, о такъ называемой существенности и ближайшихъ, чисто матеріальныхъ потребностяхъ; вопросъ о жизни предсталъ передъ нею во всей своей суровой наготѣ и ей стало страшно.... страшно за Александра: она не захотѣла, чтобы Александръ изъ-за любви къ ней испыталъ когда-нибудь подобное тому, что испытывалъ отецъ.

Обновки слова вызвали всѣ эти сомнѣнія и страхъ, и Катя долго-долго стояла въ раздумьи надъ развернутыми кусками ситчу и холстинокъ, вовсе не видя ихъ.

Вдругъ въ передней раздался звонкій голосъ Матрены Семеловны, которая на-распѣвъ здоровалась съ Даниловной.

Катя встрепелась, но не успѣла столько опомниться, чтобы скрыть слѣды грусти и убрать обновки, какъ навязавшаяся подруга уже метѣла въ маленькую комнатку и, какъ дѣвка пронырливая, однимъ взглядомъ успѣла высмотрѣть все, и обновки и грусть, — даже угадала причину грусти, если не совсѣмъ, такъ по-крайней мѣрѣ очень приблизительно.

— Здравствуй, Катенька! Что ты дѣлаешь? обновки разсматриваешь?... Доброе дѣло, доброе дѣло.... Ахъ, какой миленькой ситецъ!.... Только, кажется, полиняетъ.... Эта краска всегда ужасно линяетъ: одинъ разъ выстираешь, все пропадетъ.... Вотъ эта холстишка получше.... только, какая рѣденькая! Вѣдь это непрочно! Какъ можно такую покупать!.... Вотъ, Савва купилъ мѣхъ.... ужю покажу.... чудо какая: точно коноусъ!.... А потомъ еще настоящее коноусовое.... чудо! прелесть, какая матерія!... Ахъ, вотъ этотъ ситецъ, кажется, плотный, хорошій.... только какой темный цвѣтъ, какой узоръ.... Что это для Даниловны что-ли?

— Нѣтъ, это для насъ: Даниловнѣ еще не куплено, отвѣчала Катя и, свернувъ покупки, убрала въ коммодъ.

— Ужъ какой у меня Савва добрый, если бы ты знала, Катенька! продолжала Матрена: какой онъ заботливый, какой ибъжный, предупредительный.... особенно дома. Ужъ что въ хозяйствѣ или нѣтъ самой нужно, такъ и заикнуться не дастъ, до спросу иль-что не допустить: все самъ, и купить, и сдѣлать, и приготовить.... Ужъ вотъ у него недостатокъ ни въ чемъ не увидишь.... Чего и нѣтъ, такъ увидеть такъ обласкать, что не прийтись.... Ссорился мы съ нимъ, правда, иногда, но это у меня нравъ немножко задерный, — ужъ нечего грѣха вапать, — ма-да съ мѣшкѣмъ не чужаешь: я чѣмъ набуду печально подожгу, ну,

а онъ немножко горячъ и вспылитъ. Зато уже сердце у него — золотое. Я воображаю, какъ онъ будетъ любить и беречь свою жену... И пора ему жениться, давно пора.... Да если бы ему еще жена попалась кроткая, добрая, тихая.... вотъ такая, какъ ты, напримѣръ.... ужъ какъ-бы мы зажили счастливо и весело....

Матрена продолжала трещать ва этотъ ладъ битые полчаса и вовсе не заботилась о томъ, что Катя не отвѣчаетъ. Ей и не нужно было отвѣтовъ: она старалась только настроить Катю и исполняла это по своимъ понятіямъ очень искусно; намеки ея дѣйствительно были бы довольно тонки для дѣвушки болѣе похожей на самое Матрену.

Не нужно и говорить, какъ дѣйствовали они на Катю, которая давно и много разъ уже слышала ихъ, и всегда старалась подавать видъ, что не совсѣмъ понимаетъ. Для отца и по правилу своему она не хотѣла показаться оскорбленною этими притязаніями, а притязанія повторялись такъ настойчиво, что самой Катѣ наконецъ и исполненіе начало казаться, хоть страшнымъ, однако возможнымъ. Катя воображала, что она можетъ быть поставлена въ необходимость выйти за Семенова. Матрена съ своей стороны была слишкомъ хитра, чтобы не примѣтить, что тутъ есть притворство; она только не знала побужденій къ нему; приписывала его совершенно другимъ причинамъ и довольствовалась намеками, никогда не высказывая своей мысли прямо, чтобы не принудить къ рѣшительному отвѣту не во время.

На этотъ разъ Матренины намеки становились уже осязательнѣе. Считая подругу уже достаточно приготовленною, она дошла до того что стала все чаще и чаще повторять: «Какъ бы мы были счастливы!» и наконецъ, въ увлеченіи, разъ сказала даже: «Какъ бы намъ съ тобой было весело!»

— Да, пошировали бы на свадьбѣ, спокойно отвѣчала Катя: что жъ, за чѣмъ же дѣло стало? Найди ему богатую невѣсту.

Тутъ Матрена пустилась доказывать, что Савва ищетъ любви и согласія, а не богатства, и, Богъ знаетъ, до чего дошла бы, если бы не пришелъ самъ Савва.

Приказчикъ несмотря на будній день, былъ приподнятъ, вычищенъ и вылощенъ замѣтно тщательнѣе обыкновеннаго. Видно было, что онъ къ чему-то приготовился; онъ носилъ на себѣ отпечатокъ какой-то торжественности; но видно было и то, что Саввѣ Ерму ужасно неловко подъ этою торжественностью:

она обременяла его, до того что онъ в ступалъ какъ-то не снѣмо и задѣвалъ плечами и локтями за углы.

Матрена ободряла его краснорѣчивыми взглядами, отъ которыхъ онъ однакожь только краснѣлъ, такъ, что, наконецъ, улучилъ удобную минуту и, наединѣ, мимоходомъ шепнулъ ей:

— Пожалуйста, ужъ ты лучше оставь меня. Ты меня совсѣмъ съ толку собьешь!

— Ну, ладно, ладно! Да ужъ я знаю, что ты одинъ ничего не сдѣлаешь.

Это было убійственное слово. Оно въ конецъ срѣзало нервни- тельнаго Савву. Однакожь самолюбіе пробудилось и онъ рѣшил- ся доказать сестрѣ, что справится и безъ нея.

Между-тѣмъ Катя чувствовала, что гроза приближается и ей было невыразимо неловко между этимъ братцемъ и сестрицей, которые приближались къ ней съ явнымъ намѣреніемъ взорвать давно прорытый подкопъ. Чтобы хоть сколько-нибудь замед- лить, если не отвратить нападеніе, она окружила себя сестрами какъ шанцами, и даже меньшаго брата тѣмъ-то заняла подлѣ себя. Опасность на волоскѣ висѣла надъ головой: нужно было собрать все свое хладнокровіе и присутствіе духа, чтобы не сдѣлать вылазки раньше времени.

Однакожь прошелъ часъ, полтора часа; Савва бродилъ изъ комнаты въ комнату, курилъ трубку, ходилъ смотрѣть, какъ Сергѣй чиститъ ружья, и все еще не пускался въ атаку.

— Чтѣ же ты, мамла? шепнула Матрена, поймавъ его на однонъ изъ такихъ переходовъ: будешь ли ты наконецъ гово- рить?

— Нѣтъ, Матрена, отвѣчалъ Савва также шепотомъ: сегодня я ужъ лучше ничего не скажу.... Сегодня у меня что-то языкъ не поворачивается и въ горлѣ сохнетъ. Я лучше завтра утромъ ирѣйду, скажу.

— Ахъ, ты просто-филъ! ахъ ты курица мокрая! Неправду ли я сказала, что тебѣ одному ничего не сдѣлать?.... Такъ убирай- ся же ты домой: я одна все обдѣлаю.... хочешь?

— Ну, сдѣлай, Матрена, съ радостью отвѣчалъ Савва.

Поголосившисъ еще нѣсколько минутъ по комнатамъ съ видомъ уже болѣе бодрымъ, потому что сбросилъ съ плечъ торжествен- ную мантию, Савва незамѣтно ушелъ.

Тогда Матрена тотчасъ же отправилась въ комнату къ Петру

Ивановичу, который только что вынул заплечку по работамъ и, въ ожиданіи чаю, легъ на диванъ отдохнуть.

— Савва здѣсь? спросила Матрена рѣшительно входя, и сама же отвѣчала себѣ: нѣтъ! А я думала, онъ у васъ, Петръ Ивановичъ.... Что вы, отдохнуть легли? прибавила она садясь подлѣ, на стулъ: да, я думаю, вы очень устали сегодня, по субботамъ у васъ всегда большая тревога....

— Да, я усталъ сегодня, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— Я думаю!.... Да и не сегодня только вы устаете. Сколько у васъ заботы, хлопотъ.... за работами за всѣми нужно при-смотреть, распорядиться и людей сколько.... за всякимъ нужно глазъ нѣтъ, всякому нужно свое дать.... да и семья то не маленькая.... тоже сколько разной заботы....

Петръ Ивановичъ, по своему обыкновенію, въ одно ухо впуская въ другое пропуская, спокойно слушалъ болтовню и Матрена распустила ее потоками. Только когда она касалась семьи, онъ становился внимательнѣе и повременамъ быстро перебивалъ рѣчь подтвержденіями:

— Да, да! разумѣется, что объ этомъ говорить.

— Вотъ и дочки-то подрастаютъ, продолжала Матрена, приближаясь наконецъ къ своей цѣли: вѣдь вотъ, Катеньку пора бы ужъ и замужъ выдавать.

— Нѣтъ еще рано, Матрена Семеновна, отвѣчалъ старикъ.

— Какое рано, помилуйте! Вѣдь ей, никакъ, ужъ двадцатый годъ!

— Нѣтъ еще, лѣтъ только что осымнадцатъ минуло.

— Ну, какъ можно! Развѣ это не пора?.... А въ самомъ дѣлѣ, Петръ Ивановичъ, не шута.... отдали бы вы Катю, если бѣ нашелся женихъ?

— Разумѣется, отдавъ бы, только теперь еще рано.

— Да вы все свое!... рано да рано! Помилуйте, Петръ Ивановичъ, не сегодня, такъ завтра, а надо же будетъ выдать. Годомъ раньше, годомъ позже, но все ли равно?.... А я вѣдь не даромъ спрашиваю: у меня для нея женихъ есть.

Петръ Ивановичъ разсмѣялся.

— Такъ вы въ свахи помыли, Матрена Семеновна? спросилъ онъ.

— А что-жъ такое? развѣ это худо?.... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Петръ Ивановичъ, крѣпъ шутомъ.... отвѣчайте мнѣ, выдать ли вы Катю?... Человѣкъ, право, очень добрый и любить васъ....

— Не я шушу, а вы, наметелъ, шутите надо мной, Матрена

Семёновна, отычала Яковлевъ: какъ же я могу знать, выдашь ли я мою дочь, когда не знаю, кто сватается, да и точно ли сватается.

— Сватается, сватается, Петръ Ивановичъ! ей Богу, сватается! вскричала Матрена съ убѣжденіемъ: и повторяю вамъ, что отецъ хороший человѣкъ, и любить, почитаетъ васъ такъ, что и сказать нельзя.

— Да кто же это, наконецъ?

— Мой братъ, Савва, сказала Матрена, какъ-будто гору съ плечъ свалила.

Петръ Ивановичъ слы. Предложеніе озадачило его. Какъ ни мало онъ смотрѣлъ на оболочку человѣка, какъ ни мало онъ заботился о рангахъ и разрядахъ, когда вѣлъ сношенія и водилъ знакомства съ людьми, однако жъ всё-таки ему некогда въ умъ не пришла бы отдать любимую дочь за своего приказчика, не потому что этотъ приказчикъ мѣщанинъ изъ крестьянъ, но потому что онъ по образованію стоитъ слишкомъ низко. Правда, Петръ Ивановичъ не могъ не сознаваться, что и дѣти его не высоко образованы, что даже его Катя, несмотря на многія рѣдкія достоинства, какъ совершенно бѣдная дѣвушка, не должна имѣть большихъ притязаній, однако жъ онъ всё-таки желалъ и надѣялся найти для нея жениха по-крайней-мѣрѣ равнаго и такого, котораго бы Сергій; не красилъ, могъ называть братомъ. А кто знаетъ? можетъ быть, подъ гордымъ поклоненіемъ человѣческому достоинству во всѣхъ формахъ скрывалось и немножко общаго всѣмъ грѣшнымъ суетнаго честолюбія. Можетъ-быть надежды его заходили и дальше, когда онъ посылалъ дочь къ крестной матери: Поручиться за претивное нельзя: сердце человѣческое — омутъ, а бѣсы, называемые страстями — хитры, — ухищряютъ всякою личною щеголять — и такъ эластичны, что сжимаются до невидимаго и прячутся въ самыхъ крошечныхъ уголкахъ.... до поры до времени. Впрочемъ, въ поступкахъ Петръ Ивановичъ былъ слишкомъ вѣренъ своимъ правиламъ. Онъ не только не обнаружилъ, что обижается сватовствомъ Саввы, но даже скрылъ изумленіе и только произнесъ сомнительнаго значенія звукъ:

— А!...

— Да, Петръ Ивановичъ, продолжала Матрена: Савва давно ужъ съ годъ носится съ этою мыслью.... Катерину Петровну онъ такъ любить, что во снѣ и на яву такъ ею и бредитъ....

Я думаю, если вы не выдадите ее за него, онъ или зарѣжется или утопится. Онъ просто съума' сходить...

Матрена распространилась о томъ, какъ страстно Савва любить Катерину Петровну, а Петръ Ивановичъ молчалъ и думалъ.... вѣроятно, не о томъ, какая опасность угрожаетъ Саввѣ отъ моря и воды.

— Что-же, Петръ Ивановичъ, что вы мнѣ скажете въ отвѣтъ? рѣшительно спросила наконецъ Матрена.

— Это такое важное дѣло, Матрена Семеновна, что я теперь сейчасъ ничего не могу сказать вамъ, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, какъ будто пробудившись.

— Неужели же ни однимъ словомъ не потѣшите, ни какой и надежды не дадите, Петръ Ивановичъ?

— Ничего не могу обѣщать. Я могу сказать только, что отцу всякое сватовство къ дочери пріятно. Я благодарю васъ, Матрена Семеновна, но обѣщать ничего не могу. Дайте мнѣ подумать нѣсколько дней.

— Да хоть долго-то ужъ не томите, Петръ Ивановичъ! вскричала Матрена ласково и нѣжно: мнѣ, право, жаль Саввы.... Онъ бѣдняжка и то ужъ изнываетъ!

— Три дня, три дня дайте мнѣ подумать, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ: въ среду я дамъ отвѣтъ.

— Ну, хорошо въ среду! съ живостью сказала Матрена, бросивъ на Петра Ивановича обольстительный взглядъ: извините меня, Петръ Ивановичъ, я, кажется, потревожила васъ? прибавила она.

— Ничего, ничего, Матрена Семеновна: еще успѣю отдохнуть, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ вставая, чтобы съ почетомъ проводить сваху.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, Петръ Ивановичъ! вскричала Матрена: сдѣлайте милость, лягте.... вы устали. Прощайте! до свиданія! до среды!

И толстая Матрена выпорхнула за дверь.

Она была вполне увѣрена въ успѣхѣ своего ходатайства. Лицо ея такъ сіяло торжествомъ, когда она вышла къ Катѣ, что та поблѣднѣла: бѣдняжкѣ показалось, что ее уже совсѣмъ продали.

Чтобы не проболтать чего-нибудь лишняго и не испортить дѣла, Матрена поспѣшила уйти. Однако жъ, прощаясь, не утерпѣла, чтобы не чмокнуть Катю въ щеку гораздо крѣпче обыкновеннаго и съ совершенно родственною нѣжностью.

Катя чуть не упала въ обморокъ.

Петръ Ивановичъ, разумѣется, никакъ не предполагалъ, чтобы сватовство велось съ согласія Кати, но догадался, что и ей что-нибудь сказано, и потому, едва узнавъ, что Матрена ушла, пошелъ къ дочери.

Услышавъ его шаги, Катя еще сильнѣй затрепетала, но когда онъ остановился, переступивъ черезъ порогъ; когда она увидѣла спокойное, прекрасное, дышущее довѣриемъ лицо старика и вѣжливый, кроткій взглядъ, который говорилъ:

— Вѣдь я твой отецъ, Катя!...

Дѣвушка бросилась къ нему на шею.

— Ну, не плачь же, не плачь, моя Катя! говорилъ отецъ лаская и уводя ее въ свою комнату: такъ ты знаешь, о чемъ со мной говорила Матрена Семеновна?

— Батюшка! батюшка! неужели это возможно? Спасите меня, избавьте меня!... ни за что не могу, не хочу!...

— Успокойся, успокойся, дитя мое. Кто тебя неволить!... Удивительнаго въ томъ ничего нѣтъ, если такой женихъ сватается къ такой бѣдной дѣвушкѣ какъ ты? Безъ всякаго вниманія мы этого оставить не можемъ, но оскорбляться не должны. Успокойся, поговоримъ толкомъ: вѣдь нужно отвѣтъ дать. Вотъ послушаемъ, что и Сергѣй скажетъ; посоветуемся. Сергѣй!... Дѣти, позовите Сергѣя!

Черезъ минуту Сергѣй явился.

Увидѣвъ, что сестра отираетъ слезы, онъ неспѣшно съ участіемъ спросилъ:

— Катя! что съ тобой? о чемъ ты?

— О женихѣ, смѣясь отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— О женихѣ? о какомъ женихѣ?

— Да вотъ выискался женихъ, сватается и нужно дать отвѣтъ, такъ мы тебя на совѣтъ призвали. Что ты думаешь о Саввѣ Семеновѣ?

— Савва Семеновъ сватается къ Катѣ? съ сомнѣніемъ спросилъ Сергѣй.

— Да. Что ты скажешь?

Сергѣй прихватилъ губу пальцами: это показывало, что отвѣтъ будетъ рѣшительный.

— Ахъ, онъ уродъ! вскричалъ онъ: видишь, что выдумалъ!... Не даромъ Александръ прозвалъ его Ершомъ!...

— Не брани же его, Сергѣй, перебилъ отецъ: нужно дѣло

говорять. Мы можем отказать, но ни браниться, ни сердиться не за что. Это ведь еще не беда, что онъ посватаался...

— И вы не находите, что онъ забывается? съ жаромъ возразилъ Сергѣй.

— Что жъ изъ этого, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ можно было сказать, что онъ забылся? Развѣ онъ не человѣкъ и мы не люди также?

— Да, вотъ оно! до чего доводить равное обращеніе со всякимъ! Сперва мужикъ какой-нибудь, неучъ, братается съ вами и говоритъ вамъ ты, да ты! а потомъ.... вотъ и свахъ подошла!... Ужъ, конечно, онъ не самъ явился съ этимъ дорогимъ предложеніемъ.

— Нѣтъ, сестру прислалъ.

— Ахъ, она беззубая кошка! да я бы ее за окно вышвырнула!...

Чтобы не повторять увѣщанія, отецъ только взглянулъ на сына и покачалъ головой.

— Вы знаете, батюшка, что я рѣдко горячусь, поспѣшно подхватилъ Сергѣй; но эта выходка выводитъ меня изъ себя! Я представить дебѣ не могу, какъ бы я этого Савку сталъ называть братомъ, злеть....

— Душенька, Серёжа, братецъ милый! успокойся, батюшка не выдастъ меня! говорила между-тѣмъ Катя, лаская и цѣлуя брата съ восхищеніемъ.

— Мы тебя, Сергѣй, призвали на совѣтъ, а ты только пыляшь, спокойно сказалъ старикъ: ну, не выдадимъ и полно; скажемъ нѣтъ, да и конецъ. Чего тутъ сердиться! Савва человѣкъ не дурной, не глухой, и по своему расчету поступилъ не предосудительно; особенно дерзкаго томе намъ ничего не сдѣлалъ, такъ за что же его оскорблять? Откажемъ ему, но откажемъ скромно, осторожно, вѣжливо.

Катя отъ брата бросилась къ отцу съ тѣми же ласками, съ тѣми же восхищеніемъ.

— Этакой Ершъ проклятый! проворчалъ Сергѣй: я бы его прикладомъ въ шею проводилъ!...

Катя, обернувшись на груди отца, улыбнулась и тихонько погрозила пальцемъ.

— Сергѣй! сказалъ отецъ съ укоромъ: какъ тебѣ не стыдно! Перестань же. Я прошу тебя, не показывай Семенову ни какого неудовольствія, а оскорблять никакъ не смѣй, слышишь?

— Я его не трону, батюшка, будьте спокойны, отвѣчалъ Сергѣй: но позвольте же мнѣ по-крайней мѣрѣ про себя ругнуть этого разноголазаго....

— И это напрасно: к чему горячиться? Отказали, да и полно думать.

Такъ и положили на совѣтъ сказать нѣтъ, и не черезъ три дня, а какъ-только Савва, или сестра его прійдетъ.

Катя повеселѣла такъ, какъ рѣдко ее видѣли. Она разомъ избавилась отъ давнишняго тяжкаго бремени. Но потомъ, когда торжество освобожденія было отправлено, она всё-таки опять задумалась и нѣсколько встревожилась: она не знала еще, чѣмъ дѣло кончится, какъ отказъ подѣйствуетъ. Сердце дѣвушки снова заняло отъ тайнаго, неопредѣленнаго страху, отъ сомнѣній и предчувствій. Она почти всю ночь не спала.

На другой день, въ воскресенье, къ обѣду пришелъ Александръ, какъ всегда веселый, живой, шутливый, и Катя опять ободрилась.

Послѣ обѣда пошли на задній дворъ, кататься съ горы, которая, благодаря распорядительности Сергѣя, была уже совсѣмъ готова къ праздникамъ.

Катя каталась съ Александромъ; Сергѣй поочередно съ братомъ каталъ меньшихъ сестеръ, каждый на своихъ санкахъ. Къ нимъ присоединилась толпа постороннихъ ребятшекъ, и наконецъ Савва съ сестрой.

У Саввы были припасены новыя санки и онъ всячески старался отличиться ѣздой и искусствомъ править, чтобы какъ-нибудь удостоиться чести скатить Катю, но сначала она все какъ-то успѣвала скатиться съ Александромъ прежде нежели несчастный женихъ подоспѣетъ, а потомъ, когда онъ рѣшительнѣе сталъ объявлять свое пламенное желаніе, она такъ же рѣшительно, однако жъ съ веселымъ лицомъ объявила, что уже нѣмѣтъ кавалера, съ которымъ вовсе не страшно кататься.

Савва не унывалъ: онъ утѣшалъ себя мыслью, что Катя просто жеманится и уклоняется отъ него, какъ отъ человѣка, который черезъ три дня объявится ея женихомъ. Но когда Савва подстерегалъ случая усадить Катю на свои санки, Матрена должна была стоять, ждать и мерзнуть въ бездѣйствіи. Это раздражало ее.

— Посмотри, ты, тю-якъ!... (Матрена каждый часъ давала брату новое нѣжное прозваніе)... Посмотри, они опять смѣются

надъ тобой, сказала она, чтобы вымѣстить на Саввѣ свою досаду и обидное одиночество. Посмотри, они просто вѣжничаютъ и чуть чуть не цѣлуются среди бѣлаго дня, при всемъ честномъ народѣ. Ты, Савка, въ дуракахъ! Поздравляю.

Савву обдало кипяткомъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ смѣялись, съ крикомъ и хохотомъ катились съ горы, кто на саняхъ, кто на рогожкѣ, а удалцы и просто на ногахъ, и скатившись весело бѣжали назадъ по хрустящему снѣгу. Только одинъ Сергѣй ходилъ не торопясь, занимался катаньемъ, какъ важнымъ дѣломъ и видимо избѣгалъ случая встрѣтиться или заговорить съ приказчикомъ.

Морозъ былъ не крутой и въ тонкомъ воздухѣ тихо. Луна давно уже всплыла на блѣдно голубое ясное небо, но еще не свѣтила, дожидаясь очереди. Сумерки только-что начинались и въ бѣломъ снѣгу еще оставалось много дневнаго свѣту.

Катя, въ стеганомъ капотѣ, въ большомъ платкѣ, повязанномъ крестъ на крестъ на груди, концами на поясищѣ, и въ простенькой шапочкѣ, окаймленной узкимъ рубцомъ темнаго мѣху, въ родѣ собольяго, походила, можетъ-быть, немножко на молочницу, но неоспоримо на красавицу молочницу. Лицо ея горѣло тѣмъ удивительнымъ, свѣжимъ румянцемъ, какой можетъ придать бѣлой и вѣжной кожѣ только русскій морозъ; глаза свѣтились какъ звѣзды; алый ротъ съ перломутровыми зубками дышалъ жарко и во всю грудь. Всѣ движенія дѣвушки были быстры, дѣятельны; она какъ-будто торопилась жить. Александръ не только бережно катилъ ее внизъ съ горы, онъ чуть не носилъ ее назадъ и по лѣстницѣ на гору.

Савва давно видѣлъ эту картину, однако, какъ мы уже сказали, утѣмалъ себя будущимъ. Но когда сестра, — отъ скуки, зависти, досады и озлобу, — кольнула его, ему и въ-самомъ-дѣлѣ показалось, что надъ нимъ смѣются не только Александръ и Катя, но и всѣ ребятишки.

Ребятишки дѣйствительно хотѣли и Савва промлялъ ихъ за этотъ дохоть.

— Ткнулъ бы тебѣ на языкъ! омазалъ онъ обращался потомъ къ сестрѣ: ты мнѣ все пророчишь неудачи, оттого мнѣ и въ-самомъ-дѣлѣ ничего не удается. Ужъ молчала бы лучше!

— Я тебѣ пророчу? Да какая мнѣ надобность пророчить тебѣ? Что мнѣ за дѣло, женился ты или не женился! Выгода что ли мнѣ какая? Можетъ-быть, еще и напротивъ, хуже бу-

доть, а я же тебѣ помогала.... Теперь ни слова больше не скажу: вѣдайся самъ, какъ знаешь. Мнѣ только досадно смотрѣть, что ты ничего не умѣешь сдѣлать. Прощай. Я не хочу стоять здѣсь и зѣвать на другихъ, какъ катаются.

— Ну пойдешь, я прокачу тебя, сказала Савва сестрѣ съ отчаяніемъ.

На горѣ промелькнула Катя съ Александромъ.

— Итъ, теперь ужъ не хочу, отвѣчала Матрена, уходя: я домой пойду; я совсѣмъ замерла.

Это была правда и неправда: носъ, руки и ноги у нея мерзли, но она всё-таки кипѣла какъ паровозъ.... да и помчалась почти также быстро.

Савва, унылый, жестоко уязвленный въ самолюбіе, — и сестрою и всѣмъ, что его окружало, — остался со своими новыми санками внизу лѣстницы и думалъ, не покатыться ли впередъ Александра и Кати, не упасть ли на горѣ, чтобы они перелетѣли черезъ и свернули себѣ шею? Но потомъ эту человѣколюбивую мысль прогнала новая надежда на Петра Ивановича, который, вѣрно, не станетъ обращать вниманія на ребяческую игру, когда человѣкъ сдѣлалъ ему основательное предложеніе.

И Савва принялся катать ребятншекъ и кого ни пошало, чтобы только не оставаться совершенно одинокому или презрѣмому.

Между-тѣмъ, катаясь, Катя рассказала Александру все, что происходило наканунѣ, вечеромъ; все, что она вытерпѣла, и отъ чего избаавилась. Рассказать этотъ, — не смотря на частые перерывы, при всякомъ восхожденіи на лѣстницу, — былъ живъ и жарокъ, и вскипятилъ кровь у Александра. Въ первые минуты художникъ готовъ былъ поколотить Савву, и Матрѣну катать, — тоже очень человѣколюбивое намѣреніе, — но скоро гнѣвъ его иссякся въ дѣятельной заботѣ и на морозѣ. Впрочемъ, счастливые не знаютъ продолжительнаго гнѣву, а Александръ былъ счастливъ въ этотъ день: онъ говорилъ Катѣ:

— Милая моя Катя, я люблю тебя и никому не отдамъ, никому! Ты будешь моею женою!

— Другъ мой, Савва мой милый! отвѣчала Катя, я ни за кого не пойду кромѣ тебя!

И молодые люди стремительно неслись съ гладкой горы и по длинному раскату, такъ, что духъ занимался, и все поворили, говорили.... И на раскатѣ имъ казалось всего удобнѣе говорить: тутъ ихъ никто не слышалъ. Они скатывались все чаще и ча-

ще; они блаженствовали и щеки у нихъ пылали отъ страсти и морозу.

Переходъ отъ Саввы къ Александру былъ достаточно великъ; неизмѣримъ; всѣ впечатлѣнія цѣлаго дня подготовили настроеніе, привели къ изліянію и Катя увлеклась, Катя вообразила, что дѣйствительно любить Александра.

Была и такая минута, когда снова набѣжало облако безпокойства.

— Но мнѣ все что-то страшно! говорила Катя: я боюсь, что предчувствіе не обманетъ меня.... Онъ все тутъ, онъ преслѣдуетъ меня, и мысль объ немъ какимъ-то чернымъ пятномъ лежитъ въ умѣ, камнемъ давитъ сердце. Я боюсь его.... боюсь, что отказомъ еще не кончится....

— Полно, ипля! полно, любимая моя! утѣшалъ Александръ: какъ можетъ безпокоить и тревожить тебя такой вздоръ? Что такое Савва? Посмотри на него хорошенько,—не воображеніемъ, а твоими хорошенькими, свѣтлыми глазками, посмотри на него! Что можетъ быть страшнаго въ этомъ мелкомъ человѣчкѣ! Онъ мнѣ теперь такъ жалокъ, что я и прозвища не счумѣю прибрать ему. Онъ просто мелкій человѣчекъ!

Катя невольно разсмѣялась, несмотря на сомнѣніе, еще не совсѣмъ разсѣянное.

— Да, отвѣчала она, онъ можетъ быть и мелочень, безхарактерень, но самолюбіе у него огромное. Онъ сильно оскорбится отказомъ и....

— И, небойсь, станетъ мстить? вскричалъ Александръ со смѣхомъ.

— Ахъ, не смѣйся, не шутя, Александръ! продолжала Катя. Ты можешь иначе, лучше утѣшить меня....

— То есть, я могу повторить, что люблю тебя? Я это сто тысячъ разъ повторю.... Я люблю тебя! я люблю тебя!...

Они въ это время неслись съ горы.

Катя прижалась плечомъ къ груди Александра и прошептала:

— Ахъ! если бы такъ умчаться далеко, далеко!... и безконечно такъ летѣть!...

Дневной свѣтъ давно уже смѣнился луннымъ и небо давно искрилось миллионами звѣздъ; свѣтъ подъ ногами захрустѣлъ звучнѣй; ребятишки, поплосше одѣтые, давно уже убѣжали и Сергѣй давно уже доказывалъ разыгравшимся сестрамъ, что красныя носы и щеки ихъ просятся домой и что самому ему становится холодно; только Александру и Катѣ было жарко. Они

уже не видѣли вокругъ себя никого и ничего: только луна, и казалось, свѣтитъ вслѣдъ солнца.

Наконецъ Сергѣй рѣшительно объявилъ имъ, что безъ ильменьскихъ дѣти не идутъ домой и совсѣмъ отморозятъ носы, и они проснулись.

Савва терпѣливо дождался конца катанью, выродолженіи котораго всѣ, естественно, были очень занаты, но и тутъ увидѣлъ, убѣдился наконецъ, что на него не обращаютъ, не хотятъ обратитъ ни какого вниманія,—что показалось ему не совсѣмъ совѣстнымъ съ званіемъ признаваемаго жениха.

Самолюбіе его обливалось горячею кровью, однакожъ онъ рѣшился еще продлить свою пытку, пойти на верхъ.

Но, сверхъ всякаго ожиданія, пытка не продлилась.

Петръ Ивановичъ, какъ-только увидѣлъ приказчика, тотчасъ воззвалъ въ свою комнату.

Еще разъ на минуту возродилась у Саввы надежда и еще разъ, навсегда уже, утонула въ кипящемъ отъ озлобленія сердцѣ.

— Савва Семеновичъ, сказалъ Петръ Ивановичъ спокойно и ласково: ты прислалъ ко мнѣ сваху. Спасибо тебѣ за любовь....

Савва готовъ былъ отгрызть себѣ руки по локти.

— Но, продолжалъ Петръ Ивановичъ, ты знаешь поговорку: насильно милымъ не будешь. Катя отказывается, а я невольтъя не хочу. Такъ ужъ извини, братъ, не погнѣвайся, Савва Семеновичъ.

— Что жъ дѣлать? Нечего дѣлать! проговорилъ Савва задыхаясь: простьте смѣлость....

— Какая тутъ смѣлость! И нечего тебѣ, Савва Семеновичъ, прошенія просить. Я прошу, чтобы ты не обижался отказомъ.... Но я не могу иначе поступить.... Да не повторять же тебѣ поговорку!

— Начто повторить! начто повторять, Петръ Ивановичъ! Простите!...

И Савва выбѣжалъ какъ раненый волкъ.

На другой день Савва, рано утромъ, ушелъ со двора, не сказавшись.

На третій его, по распоряженію хозяина, послали на нѣсколько недѣль въ другую губернію съ порученіемъ по дѣламъ фабрики.

Въ сочельникъ, когда оканчивалась уже суетя чистки и вслѣдствіи приготовленій къ празднику и наступала тишина ожиданія, когда на вымытыхъ полахъ уже были разостланы бѣлые поло-

шки и въ переднихъ углахъ теплились лампы, Катя собралась идти къ вечернѣ съ сестрами и съ меньшимъ братомъ, здоровымъ, блондиномъ мальчикомъ, который былъ уже совсѣмъ одѣтъ, туго завернуть и повязанъ, и съ шапкой въ рукѣ, прислонясь въ дверяхъ къ косяку, спокойно дожидается ихъ. Всѣ закутывались, потому что морозъ былъ вѣтливый.

Одѣвшись совсѣмъ; Катя пришла къ отцу, который, рассчитавъ работниковъ передъ праздниками, спѣшилъ привести счета въ порядокъ, чтобы также пойти въ церковь.

— Скоро вы пойдёте, батюшка? спросила Катя.

— Скоро, скоро!... Да вы ступайте; я сейчасъ за вами пойду, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ продолжая работать.

Всѣ ушли.

Въ это самое время артельщикъ, который по дѣламъ фабрики съ утра ходилъ къ хозяину, принесъ отъ него записку.

Петръ Ивановичъ былъ такъ занятъ, что сказалъ только: «Хорошо», и велѣлъ положить на столъ.

Отвѣту не требовалось и онъ хотѣлъ прочесть послѣ, увидѣвшись со счетами.

Но записка все какъ-будто тревожила его, мѣшала соображать дѣло. Наконецъ, чтобы только отвязаться отъ верблюдающей мысли, Петръ Ивановичъ распечаталъ.

Записка была такого содержанія:

«Любезный Петръ Ивановичъ, я съ новаго году предполагаю сдѣлать нѣкоторыя новыя распоряженія по фабрикѣ и для этого мнѣ непремѣнно нужно до перваго января получить отчетъ за истекшій годъ. Постарайтесь не замедлить доставленіемъ. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. *«Золотова.»*

По мѣрѣ того какъ эти ужасныя слова огненными чертами вѣзвыались въ гордое сердце старика, кипиющая кровь волнами приливала въ голову; жилы на вискахъ и на лбу вздувались; въ глазахъ зарыбило красными пятнами; сѣдины взъежились. Несчастный, дочитывая, медленно вытягивался, вышвыривался на сугдъ. потомъ вдругъ ослабъ, какъ будто сломился; голова опрокинулась назадъ и руки опустылись.... Записка упала на полъ.

Могучій, твердый старикъ сокрушился какъ столѣтній дубъ подъ ударомъ урагана.

Настала тишина, въ которой слышалось только тяжкое, прерывистое дыханіе и стукъ маятника.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Нечто старикъ обѣими руками судорожно схватилъ себя за горло, какъ-будто хотѣлъ удержать задушающую кровь, глубоко вздохнулъ и опять уронилъ руки на колѣни.

Онъ мало-по-малу приходилъ въ себя. На лбу и на вискахъ крупными каплями проступилъ потъ; въ лицѣ пылающая красна постепенно отступала; оно становилось блѣднѣе и блѣднѣе, до цвѣту смерти.

Несчастный сталъ медленно, съ трудомъ подниматься со стула.... Вдругъ онъ увидѣлъ на полу роковую записку. Лицо еще разъ мгновенно вспыхнуло; старикъ, не вставая, быстро наклонился, схватилъ бумагу и, озираясь, тщательно запряталъ въ карманъ.

Все было пусто и тихо, только въ дали, надъ городомъ, звучала благовѣсть.... какъ призывъ, какъ напоминаніе грѣшнику.

Но Якоревъ ничего не слышалъ. Онъ всталъ, невѣрными шагами прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ, опять сѣлъ и сдвинулъ голову обѣими руками. Онъ какъ-будто хотѣлъ вынуть изъ своего черепа какую-нибудь мысль, но напрасно: послѣ перваго совершенно инстинктивнаго движенія за занавѣской, Якоревъ какъ-будто одеревенѣлъ; онъ все забылъ, все, — въ потрясенномъ мозгу ничего не осталось кромѣ страшныхъ словъ «отчетъ къ первому январю» и «стыдъ!... униженіе!... позоръ!»

Онъ снова поднялся, снова пошелъ ходить взадъ и впередъ, но временамъ съ отчаяніемъ протирая лобъ и напрягая всѣ силы, чтобы вынудить у помраченнаго ума какую-нибудь новую, другую мысль. Вдругъ онъ остановился. Мысль явилась.... страшная, ужасная, но несчастный уловился за нее, какъ за единственное спасеніе. Въ глазахъ сверкнулъ мрачный огонь и блѣдныя губы задрожали.

— Отчетъ къ первому январю! проговорилъ онъ съ трудомъ, какъ будто затверживая для памяти: стыдъ.... униженіе.... позоръ!... Смерть! Да, только смерть! прибавилъ онъ и просѣбно пошелъ къ двери.

Однако жъ на порогѣ онъ остановился и задумался. Мозгъ началъ работать и за первую новую мысль явилось соображеніе, направленное однако уже только на одинъ предметъ, къ одной цѣли. Якоревъ соображалъ, какъ лучше и болѣе тайно отъ всѣхъ лишить себя жизни.

Можетъ-быть, онъ думалъ, что, когда его не будетъ, когда онъ исчезнетъ, пропадетъ совершенно безъ вѣсти, и никто не будетъ знать отчего, Золотовъ, хотя и откроетъ начеть, не по-

сидеть, постыдится позорить мертвого. Можетъ-быть онъ надѣлся, что безъ него и не найдутъ начету, но всего вѣроятнѣе, что онъ ни о чемъ не думалъ, не способенъ былъ думать, потому что онъ не вспоминалъ о семьѣ, о дѣтяхъ; онъ не вспоминалъ о Катѣ, о своей любимицѣ. Въ помраченномъ разсудкѣ оставался только одинъ двигатель, гордость, и выработывалась только одна мысль, смерть, избавленіе отъ встрѣчи глазъ на глазъ съ униженіемъ, со стыдомъ. И къ этой мысли устремились всѣ оставшіяся силы разбитаго ума и внезапно одряхлѣвашаго тѣла.

И помѣшанные бываютъ хитры, когда дѣло идетъ объ осушествленіи ихъ постоянной идеи. Якоревъ, подумавъ, осмотрѣлся вокругъ, прислушался и осторожно пошелъ въ столовую.

Ни въ передней, ни въ кухнѣ, никого не было. Даниловна распорядилась въ чуланѣ.

Въ столовой Якоревъ еще разъ осмотрѣлся и прислушался; потомъ пошелъ прямо къ ружейному шкафу, отворилъ и хотѣлъ взять пистолеть, но остановился, подумалъ и взялъ только одну изъ приготовленныхъ для охоты жестяныхъ патроновъ съ зарядомъ; потомъ досталъ изъ мѣшка нѣсколько штукъ картечи, и опять заперъ шкафъ.

Запасшись такимъ образомъ, Якоревъ воротился въ свою комнату, носѣшкомъ одѣлся, взялъ нѣсколько денегъ и пошелъ со двора.

Когда онъ вышелъ на лѣстницу, Даниловна изъ чулана сказала ему вслѣдъ:

— Чтѣ вы поздно къ вечернѣ, Петръ Ивановичъ?

Якоревъ не отвѣчалъ.

— Или вы не къ вечернѣ? продолжала Даниловна: вы скоро воротитесь?

— Скоро! отвѣчалъ онъ уже внизу и скрылся.

Отъ краю предмѣстья, гдѣ находилась фабрика, до городу довольно далеко. Якоревъ долго шелъ пустыремъ и только по мѣрѣ приближенія къ населеннымъ улицамъ передпраздничное движеніе становилось замѣтнѣе и замѣтнѣе, и наконецъ дошло до гоньбы, до суетни, почти до давки. Въ центрѣ города лавки и магазины сіяли огнями; толпы идущихъ и ѣдущихъ сбивали взадъ и впередъ съ узлами, съ ёлками, съ кордонками и съ мерзлыми поросятами; всѣ торопились, всѣ спѣшили. Якоревъ тоже спѣшилъ и протѣснялся между встрѣчными, обгонялъ попутныхъ,

не обращая ни какого вниманія на толчки, которыми подвергался.

Пройдя нѣсколько улицъ, онъ зашелъ въ лавку къ оружейнику и купилъ пистолеть....

Ему нужна была совершенная тайна, совершенная неизвестность; ему нужно было исчезнуть безъ слѣда. Въ этомъ заключался весь его планъ. Если бъ онъ у сына взялъ оружіе, оно извѣстило бы ему: вотъ почему онъ дома запасся только зарядомъ.

Съ приобретеннымъ оружіемъ Якоревъ пошелъ дальше и еще скорѣе. До сихъ-поръ онъ былъ завязъ двумя предметами,—своею цѣлю и обезпеченіемъ средствъ, для котораго нужно было хитрить, притворяться; теперь, передъ глазами у него оставалась уже только одна цѣль, къ которой велъ его мрачный демонъ пошнательства, страшая сзади униженіемъ, безчестіемъ, вѣдн ужасами позору, и указывая впередъ единственное убжище, единственное спасеніе—въ темной, невѣдомой бездн уничтоженія, въ смерти.

Якоревъ прошелъ весь городъ, вышелъ черезъ другое предмѣстье за заставу, на большую дорогу, и пошелъ все прямо, все скорѣе и скорѣе, сколько ноги несли. Онъ не ощущалъ ни усталости, ни стѣсненія въ груди, ни морозу, который къ ночи усиливался. Онъ не примѣтилъ нѣсколькихъ обвовъ, которые съ заунывнымъ скрипомъ протянулись мимо его на встрѣчу, или которые самъ онъ обогналъ. Онъ не чувствовалъ и не зналъ ничего кромѣ двухъ страшныхъ мыслей, которые его несли и преслѣдовали. Онъ шелъ все дальше и дальше и не зналъ, не думалъ, гдѣ остановится.

Но мало по малу физическія силы стали ослабѣвать. Якоревъ пошелъ тѣмъ,—также безсознательно. Вѣсть съ этимъ обезпеченіемъ постепенно и страхъ отсталъ назадъ и впередъ увлекавшая мысль разевалась. Коварный демонъ какъ-будто посаживался надъ несчастнымъ и блуждающимъ огнемъ завелъ его въ безвыходный пустырь. Но Якоревъ не понималъ уже и этой насмѣшки: онъ сталъ совершеннымъ автоматомъ и безотчетно продолжалъ выполнять когда-то задуманное, но уже забытое.

Только въ тѣлѣ еще сохранялся вѣстннть: оно, само ощущая потребность въ отдыхѣ, какъ-будто само и искало мѣста для этого. Якоревъ пошелъ ближе къ краю дороги, забрелъ въ рощу и сѣлъ подъ деревомъ.

Много нужно было времени для урвненія дыханія, захвачен-

наго стремительною кудьбой. Когда оно возстановилось, тогда и въ головѣ мало-по-малу началъ опять собираться мысли, сначала темныя, неопредѣленные, потомъ все яснѣе и яснѣе; сознаніе возвращалось и наконецъ Якоревъ спросилъ себя:

— Зачѣмъ я здѣсь?

Долго онъ не находилъ отвѣту, пока память не собрала разсѣянныхъ отрывковъ прошедшаго.

Вспомнѣвъ съ памятью воротилось и болѣе опредѣленное сознаніе физическаго состоянія. Якоревъ ощутилъ ознобъ, холодъ. Продолжая доискиваться причины, онъ сталъ спрашивать себя, зачѣмъ вышелъ со двора? что дѣлалъ до этого дома.... Вспомнилъ, что получилъ записку.... нашелъ при себѣ пистолеть и патроны съ зарядомъ.... повялъ и поспѣшно зарядилъ оружіе.

Страшная мысль — «пороры!» вдругъ снова предстала передъ нимъ со всею подавляющею силой, но только на минуту. Онъ опустилъ уже поставленное ко рту дуло пистолета и задумался. Мелькнула мысль — а что потомъ? Очистить-ли, смочь-ли смерть пятно безчестія? Не хуже-ли будетъ? не останется-ли по смерти чловѣка имя.... имя, которое неслать дѣти!... А дѣти? что они станутъ дѣлать, что они станутъ думать объ отцѣ? куда они дѣнутся?...

— Несчастнѣй! я позабылъ о моихъ дѣтяхъ! вскричалъ старикъ: какое ужасное помѣшательство! безуміе!... И что такое самоубійство? малодушіе.... побѣгъ отъ борьбы!... Нѣтъ! нѣтъ!... воротаться! воротаться!... А Золотовъ? Итти къ нему.... предать пощады? подвергнуться укорамъ, справедливымъ укорамъ, стыду, униженію....

И онъ судорожно сжалъ въ рукѣ пистолеть. Еще ескува, и онъ застрѣлился бы. Но еще разъ предстала мысль о дѣтяхъ, о невозможности совершенно безъ вѣсти исчезнуть и е совершенной безполезности даже этого обстоятельства для имени. Еще разъ онъ увидѣлъ, что самоубійство только малодушіе, малодушіе безполезное и унижительное для той же гордости, которая хотѣла оградиться имъ отъ униженія.

Такъ мало-по-малу гордость восторжествовала даже надъ самою собою и Якоревъ испугался уже не жизни и осужденія за прошлое, а позору по смерти, — онъ утѣдился своего отчаянія и ему стало страшно, что люди узнаютъ о его покушеніи на самоубійство.

Онъ поспѣшно выстрѣлилъ на воздухъ и забросалъ пистолеть въ рожу.

Невуганный солнечный морозъ каркнулъ и слетѣлъ съ осони, осыпавъ старика снѣгомъ.

Видѣвъ съ тѣмъ Яворевъ хотѣлъ встать, но не могъ: силъ въ ногахъ не стало; онъ и самыхъ ногъ какъ будто не чувствовалъ. Онъ сдѣлалъ еще попытку и содрогнулся отъ ужасу: онъ лѣтъ, ноги не повиனுется. Однако жъ Яворевъ еще не терялъ надежды, считалъ это простымъ слѣдствіемъ усталости, которая скоро пройдетъ: онъ придумывалъ всевозможныя объясненія, чтобы не испугаться, чтобы не унынуть до страху, но напрасно: гордый духъ еще шорывался, но тѣло уже не повиновалось ему: онъ зазнобилъ ноги и не могъ уже встать безъ помощи. Онъ сталъ звать на помощь, кричать. Онъ вспомнилъ, что еще недавно и, какъ казалось, довольно близко проезжалъ колокозольчичъ.... Быть можетъ, скоро еще кто-нибудь пройдетъ и услышитъ крикъ. Однако жъ легко было и замерзнуть советицъ. Явореву стало страшно за жизнь, которой онъ за минуту хотѣлъ лишить себя, но потомъ ему опять и за страхъ стало легче отидти.... Эта двойная борьба со смертію и съ самимъ собой грозила уже ослабѣвшему старому новымъ помѣшательствомъ, но онъ крѣпился и ждалъ, прислушивался и по временамъ кричалъ.

Иногда издали слышался какъ-будто свистъ саней и надежда снова оживлялась: Яворевъ кричалъ громче, но только глухой отголосокъ отвѣчалъ ему изъ рощи, заваленной снѣгомъ.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько попытокъ встать, но напрасно; сильная, гордая душа еще жила, но тѣло, казалось, уже лежало въ объѣмахъ смерти. Въ сердцѣ несчастнаго началъ задроживать безнадежность, которая быстро перешла въ ужасъ, когда онъ опять вспомнилъ о дѣтяхъ... въ какомъ они должны остаться положеніи... въ законѣ положивъ останетея его любимица, его Катя.... Какими некачественствами, какими преслѣдованіями она можетъ подвергнуться... хуже, это разъ хуже нежели отъ Совзы.... Какую бѣдность, какую нищету она должна будетъ сносить безъ отца, у бѣднаго Сергѣя, на котораго одного неожиданно обрушится все бремя.... Катя должна будетъ сама кормить себя.... взвурительную, но благодарною работою, которая еще менѣе, еще ничтожѣе нежели мужская вознаграждается, если ее предпринимать только двѣ руки безъ всякихъ другихъ орудій.... Катя, которую онъ такъ долго берегъ какъ сокровище, какъ цѣнный цѣтвѣкъ, предохранялъ отъ всякой тягостной заботы.... его гордая, благородная Катя должна будетъ идти въ служанки или, еще хуже, испытать крайность лишеній, голодъ, можетъ испытать край-

ность униженія, можетъ запутаться въ сѣтяхъ алчно стерегущаго жертвы распутства и погибнуть запятанная позоромъ...

Страшное отчаяніе напало на старика. Онъ собиралъ всю, всю силу своей могучей воли въ одно напряженіе; онъ порывался съ ожесточеніемъ; хватался окоченѣвшими руками за все окружающее и дико, какъ звѣрь озирался вокругъ, — все напрасно! Убийственный холодъ какъ будто отрѣзалъ половину тѣла. Вся жизнь собралась въ грудь и въ голову, гдѣ клочкоталъ вѣлканъ; которому не много уже оставалось, чтобы выгорѣть собою и оставить потухшее жерло во владѣніе снѣгу.

За отчаяннымъ порывомъ наступило мгновенное изнеможеніе и сонъ начиналъ клонить. Старикъ вспомнилъ опасность, какою грозитъ этотъ коварный сонъ на морозѣ, и отражалъ его постоянными движеніями всѣхъ членовъ, которые еще повиновались волѣ. Онъ всё-еще продолжалъ надѣяться; онъ снова сталъ кликать, кричать; изъ глубины изнывающаго, кипящаго въ страданіяхъ сердца; голосъ уже сталъ замерзать на поблѣдѣвшихъ губахъ, и въ отвѣтъ только мятель била въ почти безчувственное лицо, но онъ все кликалъ, прислушивался и ждалъ.....

Когда Катя пришла отъ вечерни, Сергій уже былъ дома.

Накрыли на столъ къ ужину, но не сѣлись, ждали отца. Дѣти ждали съ большимъ нетерпѣніемъ, потому что это былъ собственно не ужинъ, а поздній обѣдъ: въ сочельникъ передъ Рождествомъ, по обычаю, до звѣзды не ѣли.

Отецъ не возвращался, прождали часъ и другой, не дожались и молча сѣли за столъ; молча поѣли. Печальна была эта трапеза не въ обычный часъ. Дѣтей клонилъ сонъ отъ усталости; Сергій все думалъ, куда бы это могъ уйти отецъ въ такое время; Катя все прислушивалась ко всякому шороху, ко всякому скрипу.

И потомъ тревога ожиданія продолжалась. Даниловна рассказала какъ Петръ Ивановичъ ушелъ, не отвѣчая на первый ея вопросъ, что послѣдній, кого онъ дома видѣлъ, былъ артельщикъ, ходившій днемъ къ Золотову. Позвали артельщика. Тотъ на спросъ отвѣчалъ, что пришелъ отъ хозяина записку, — какую, онъ, разумѣется, не знаетъ.

Можно было предположить, что Петръ Ивановичъ отправился къ хозяину, но зачѣмъ въ такую пору? Притомъ изъ разсказа артельщика было видно, что на записку не требовалось немедленнаго отвѣта. Сергій, теряясь въ догадкахъ, пошелъ въ отцову

комнату, посмотреть, не найдетъ ли записки, чтобы узнать хоть что-нибудь.

Отъ нечего дѣлать и почти не отдавая себѣ ни какого отчету въ цѣли, Сергѣй перебралъ всѣ бумаги у отца на столѣ; потомъ самъ сходилъ внизъ чтобы спросить у артельщика, какого цѣту и виду была бумага; воротился, еще разъ перебралъ бумаги, обшарилъ всѣ углы и ничего не нашелъ, а между-тѣмъ записка не выходила изъ ума; молодому человѣку все казалось, что въ ней должна заключаться разгадка, и онъ продолжалъ искать съ возрастающимъ нетерпѣвиемъ.

Наконецъ ему попалась на глаза отцова домашняя куртка. Онъ скватилъ ее, опорожнилъ боковой карманъ и между нѣсколькими болѣе или менѣе затертыми бумагами нашелъ свѣжую, какъ видно, только что положенную. Онъ развернулъ, взглянулъ и поблѣднѣлъ. Все объяснилось: отецъ пошелъ доставать денегъ.

Въ этой мысли уже заключалась цѣлая бездна тревоги, но это было по-крайней-мѣрѣ объясненіе и Сергѣй нѣсколько успокоился, если только можно новое мучительное ожиданіе назвать спокойствіемъ.

Сергѣй спряталъ записку къ себѣ въ карманъ и пошелъ успокоить сестру. Онъ совѣтовалъ ей лечь спать и объяснялъ, что отецъ, весьма вѣроятно, отправился къ хозяину и, по непредвидѣннымъ причинамъ, остался у него или гдѣ-нибудь въ городѣ почевать. Онъ даже придумалъ нѣсколько болѣе или менѣе благовидныхъ причинъ, но Катя объявила, что не можетъ заснуть, и они рѣшились вмѣстѣ дожидаться.

Оба взяли по книгѣ и сѣли у ломбернаго стола, въ столовой. Но на тотъ ни другая не понимали, что читали. Черезъ нѣсколько минутъ Катя заплакала и пошла опять въ свою комнату, молиться.

Тогда было уже около полуночи. Сергѣй также оставилъ книгу, пошелъ въ свою комнату, въ раздумьѣ легъ, не раздѣваясь, и задремалъ.

Когда онъ проснулся, было уже шесть часовъ утра. Въ городѣ шель благовѣсть; фабричныя возвращались отъ заутрени.

Сергѣй поспѣшилъ заглянуть въ отцову комнату. Тамъ никого не было, только на диванѣ постель постлана и нетронута.

Сергѣй встревожился и пошелъ къ сестрѣ. Катя сидѣла на кровати и плакала. Она всю ночь не спала.

— Нѣтъ отца? спросилъ Сергѣй.

— Нѣтъ! до сихъ-поръ нѣтъ! отвѣчала Катя, вставая.

Сергѣй смутился и не зналъ, что дѣлать, что думать; тысячи предположеній, одно другаго невѣроятнѣе, одно другаго невозможнѣе, волновали его. Утѣшать сестру онъ уже не могъ: онъ досадовалъ на себя, зачѣмъ спалъ.

Катю кромѣ тоскливаго ожиданія томилъ страшныя предчувствія. Она вовсе не смыкала глазъ, но ей все какъ-будто во снѣ грезился Савва.... быть-можетъ, потому что съ нѣкоторыхъ поръ въ воображеніи дѣвушки все страшное принимало этотъ несчастный образъ. Чтобы отогнать его, она молилась пламенно, со слезами молилась объ отцѣ.

Сергѣй съ состраданіемъ посмотрѣлъ на слѣды томленія въ поблѣдѣвшемъ лицѣ и въ заплаканныхъ глазахъ, но не нашелъ словъ: онъ совершенно потерялся. Съ отцомъ никогда еще не случалось ничего подобнаго. Онъ никогда не отлучался такимъ образомъ.

— Надобно вснать, сказала наконецъ Катя и опять заплакала.

— Да... хорошо, я пойду... я и людей пошлю, отвѣчалъ Сергѣй: но теперь еще такъ рано... ни къ кому нельзя прійти.

Онъ ободалъ еще часъ, все надѣясь, что отецъ воротится самъ. Но Катя нетерпѣливо умоляла и гнала. Братъ казался ей безчувственнымъ, жестокимъ.

Наконецъ онъ ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ она и сама не выдержала, утрашилась ожиданія, психически и небрежно одѣлась и, никому ни слова не сказавъ, тоже побѣжала искать.

Морозъ былъ довольно крѣпкій; снѣгъ звонко хрустѣлъ подъ ногами, визжалъ подъ полозьями пробѣжныхъ саней; кровавое красное солнце безъ лучей плавало въ густомъ зимнемъ туманѣ, который застилалъ всю даль непроницаемою завѣсой, обильно сыпалъ инеемъ, убиралъ деревья кучами серебристыхъ иглъ вѣсто листьевъ и опушалъ мѣхъ на шапочкѣ и волосы и рѣсницы дѣвушки.

Она бѣжала и задыхалась; бросалась всюду, куда направляла встревоженная мысль; спрашивала у всѣхъ, спрашивала у совершенно чуждыхъ прохожихъ, не видали ли отца, и они останавливались, глядя ей вълѣдъ, и называли сумасшедшото.

Сергѣй тоже обходилъ почти весь городъ, перебивалъ всадъ, гдѣ могъ предполагать отца, и всадъ почти сестра опережала его, всадъ она была, такъ, что молодой человѣкъ наконецъ сталъ искать не одного, а двоихъ: онъ детоналъ Катю, чтобы отвезти ее домой, однако не нашелъ ни отца, ни сестры.

Оба, и Сергій и Катя, воротились домой, когда уже совсѣмъ смерлось, — братъ нѣсколькими минутами раньше сестры.

Онъ разсказывалъ только-что пришедшему и глубоко пораженному Александру объ ужасныхъ поискахъ, когда Катя вошла.

Молодые люди содрогнулись. Смертельно блѣдное, осунувшееся лицо дѣвушки было покрыто багровыми пятнами; глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Она была измучена такъ, что едва держалась на ногахъ, и ушала бы, вступивъ черезъ порожекъ, если бы Александръ не успѣлъ подхватить на руки.

Окоченѣвшую отъ холоду уложили, поручивъ перыя попеченія Давидовѣ.

Черезъ минуту старуха пришла сказать молодымъ людямъ, чтобы перешли въ другую комнату, подальше, потому что Катя, кажется, уснетъ. Катя не произносила ни слова.

Черезъ нѣсколько времени она въ самомъ дѣлѣ уснула и проспала часа два, но очень безпокойно, — безпрестанно или во снѣ плакала или вздрагивала. Сонъ ея былъ только продолженіемъ страданія подъ другой формой, и пробудилась она не такъ какъ отъ сна, а какъ-будто отъ обмороку.

— Гдѣ батюшка? пришелъ батюшка? спросила она осмотрѣвшись вокругъ. Нѣтъ! нѣтъ! нигдѣ нѣтъ! прибавила она потомъ зомая руки: нигдѣ нѣтъ!.... Господи! Господи! помилуй меня! отдай мнѣ моего отца! вскричала она съ отчаяніемъ и снова бросилась передъ образомъ на колѣни.

Другихъ она не спрашивала, нашли ли? Она какъ-будто была увѣрена, что если она не нашла, то ужъ нигдѣ кромѣ Бога не можетъ найти.

Утѣшать ее было невозможно. Александръ не могъ сказать ей ни слова; онъ только съ нѣмою скорбью слѣдилъ глазами за ея движеніями и повременамъ молча оказывалъ какую-нибудь мелочную услугу, — поднималъ платокъ, подвигалъ стулъ, — и опять отходилъ также молча, а она не принимала, не видѣла его и слезы отчаянія, которыя только увеличиваютъ страданіе, не превращались при его приближеніи въ спасительныя слезы тихой скорби, которыя облегчаютъ мученное сердце. Это лучше всего доказывало, что Катя не совершенно любила Александра; онъ не могъ замѣнить ей отца; онъ былъ ей какъ-будто совсѣмъ чужой. Но Александръ не разбираетъ этого: онъ слишкомъ много, слишкомъ безкорыстно самъ любитъ страданію, чтобы въ такую минуту замолчать или только подуматъ о себѣ.

Повременамъ они съ Сергѣемъ уходили въ другую комнату;

чтобы посоветоваться, какъ дѣйствовать. Александру все казалось, что Катя съ укоромъ смотритъ на его бездѣйствіе, и онъ терзался, что ничего не можетъ сдѣлать. Онъ порывался идти, но не зналъ куда, и не могъ оторваться, не могъ оставить Катю.

Наконецъ, часу въ девятомъ, Сергѣй вспомнилъ еще о двохъ или трехъ давнихъ знакомцахъ и сталъ собираться. Александръ обрадовался случаю хоть что-нибудь сдѣлать и вызвался сходить. Сергѣй согласился, потому что мало надѣялся найти тамъ что-нибудь. Рано утромъ Александръ предполагалъ начать поиски за городомъ и они съ Сергѣемъ условились пойти на разные дороги. Александръ собрался. Катя отпустила его безмолвно, безчувственно, такъ, что у бѣднаго сердце заныло. Онъ нерѣшительно остановился на порогѣ и устремилъ печальный взоръ на дѣвушку, но она все молчала, она все оставалась холодна какъ камень. Молодой человекъ быстро отвернулся, вздохнулъ и, молча пожавъ руку Сергѣю, побѣжалъ.

Сергѣй ходилъ назадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ всё-еще думалъ, что отецъ пошелъ или поѣхалъ куда-нибудь за деньгами, но безпокойство его возрастало, думы смѣнялись думами, сомнѣнія сомнѣніями, страхъ страхомъ, а надежды — ни какой! Онъ вспомнилъ, какъ, лѣтомъ, отецъ проходилъ цѣлый день, нища въ займы двухъ сотъ рублей, и какъ воротился ни съ чѣмъ. А теперь нужно было найти тысячу! Кто одолжитъ бѣдняку тысячу рублей безъ закладу? Разумѣется, никто. Одно средство старикъ — повиниться передъ Золотовымъ. И Сергѣй вспомнилъ, какъ отецъ говорилъ: «Не хочу! не могу!» Тогда что?... Обнаруженіе недочету, стыдъ.... позоръ.... можетъ-быть даже взысканіе.... совершенное безчестіе!.... Развѣ старикъ Якоревъ можетъ перенести это?

Кровь застывала въ жилахъ молодаго человека; онъ вдругъ остановился посреди комнаты. Внезапная, страшная, потрясающая мысль поразила его въ мозгъ и въ сердце. Онъ съ ужасомъ вслѣсенулъ дрожащими руками, сложилъ ихъ, ступилъ шага четыре впередъ и устремилъ неподвижный взоръ на шкафъ съ рублями.

— Что ты, Сергѣй? въ испугъ вскричала Катя и выбѣжала къ нему.

Сергѣй ничего не слышалъ. Онъ съ лихорадочною торопливостію отворилъ шкафъ и съ трепетомъ не пересмотрѣлъ, а пере-

хватать всё ружья и пистолеты, пересчитать их и опять каждую вещь осмотрѣть.

— Что ты дѣлаешь, Сергѣй? Ради Бога, скажи мнѣ, что ты дѣлаешь? закричала Катя съ отчаяніемъ, упавъ на колѣни и хватаясь за брата.

— Все тутъ! сказалъ наконецъ Сергѣй съ полу-сомнѣніемъ, съ полу-радостью, глубоко вздохнувъ.

— Сергѣй! братъ! чего ты ищешь? скажи, чего ты ищешь?

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Сергѣй, поспѣшно поднимая ее: я только такъ посмотрѣть....

Тутъ только, по уклончивому отвѣту, по замѣнительству брата, дѣвушка поняла его мысль, пронзительно вскрикнула и упала безъ чувствъ къ нему на руки.

Сергѣй понурился, смутился еще болѣе и, по невывычку къ подобнымъ явленіямъ, совершенно не зная, что дѣлать съ сестрой. Онъ утѣшалъ, ласкалъ ее, она не слышала. На крикъ приближала Дашаевна. Бѣдную дѣвушку опять уложили и всѣми доступными средствами старались привести въ чувство.

Черезъ часъ воротились признаки жизни, но не сознаніе: много обморока заступила нервная горячка.

Отразивъ самую ужасную мысль, Сергѣй насчетъ отца нѣсколько успокоился, но затѣ встревожился о сестрѣ, проклиная свою неосторожность и терзался мыслью, что причинилъ онаеое потрясеніе и болѣзнь. Онъ не соображалъ, что Катя уже была физически и нравственно разрушена, когда пришла домой съ напѣренныхъ поисковъ.

Пршлы еще тягостная ночь и еще день. Когда Катя, въ промежуткахъ между бредомъ, на минуту приходила въ себя, она уже не спрашивала—воротился ли отецъ? а нашли ли его? Она была уже убѣждена, что онъ погибъ, и въ бреду все твердила то же, такъ, что трудно было отличить ея бредъ отъ сознательныхъ рѣчей.

Повѣки продолжались. И Сергѣй теперь искалъ уже не живаго, а мертваго. Разсылаемые фабричные приносили разные невѣрные слухи и противорѣчащія извѣстія, какия въ подобныхъ случаяхъ изобрѣтаеть праздная молва, а ясныхъ слѣдовъ ни какихъ.

Наконецъ, на третій день, Александръ запыхавшись прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что встрѣтилъ знакомаго торгоющаго мужа изъ ближней деревни, который прибѣжая въ городъ, доволь-

но часто бывалъ и на фабрикѣ. Этотъ мужикъ, въ сочельникъ, видѣлъ Петра Ивановича за заставой, идущаго посерединѣ дороги, и окликалъ его, только не получилъ отвѣту.

Это былъ уже болѣе опредѣленный слѣдъ. Сергій тотчасъ же собрался и товарищи отправились въ указанную сторону.

Послѣ долгихъ поисковъ, напрасныхъ разспросовъ и утомительной ходьбы по глубокому снѣгу, они нашли его, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ городу и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, у большой сосны, которая стояла немножко поодаль отъ другихъ деревьевъ, въ рѣдкой рощѣ, и была снизу болѣе занесена снѣгомъ.

Кто опишетъ, что чувствовали искатели, подходя къ этому дереву и различая подъ снѣгомъ образъ сидящаго человѣка?... Дыханіе замирало у нихъ въ груди, сердце заныло жалостью, они стали подвигаться впередъ медленно, а между-тѣмъ какъ будто радовались.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ найденнаго они остановились, какъ-будто не смѣя удостовѣриться, а между-тѣмъ звали, чувствовали, что это онъ, ихъ отецъ, и слезы ручьями полились изъ глазъ.

Потомъ Сергій быстро ступилъ впередъ и Александръ послѣднимъ подошелъ. Начали огребать съ мертваго снѣгъ. Оба трепетали при этой необыкновенной работѣ, оба исполняли ее съ болѣзненнымъ стѣсненіемъ въ сердцѣ. Оставалось рѣшить еще одинъ ужасный, страшный вопросъ: какъ онъ умеръ?...

Покойникъ не носилъ на себѣ никакого слѣда насильственной смерти, не былъ тронутъ ни какимъ оружіемъ и оружія при немъ не нашли. (Пистолетъ былъ заброшенъ въ снѣгъ.) Язвръкъ уснулъ тихимъ, обаятельнымъ сномъ, какимъ обыкновенно засыпаютъ замерзающіе. Онъ сидѣлъ на поваленномъ пнѣ, подъ сосною, и упирался одною рукою въ этотъ пень, какъ будто силлся подняться. Въ другой рукѣ у него былъ сжать сухой, тонкій сучекъ, отломленный отъ дерева надъ головой, — свидѣтельство послѣдней его борьбы, послѣднихъ усилій одержать побѣду надъ судьбой. Судьба сломилась.... однако жъ не преклонилась гордаго старика.

На другой день утромъ Сергій былъ у Золотова.

— Ну, что, нашли? спросилъ тотъ довольно небрежно.

— Живаго не нашли, отвѣчалъ Сергій.

Золотовъ не понялъ или не разслышалъ отвѣту и вскричалъ:

— Можно себѣ представить! Онъ, разумѣется, бѣжалъ! На немъ

есть недочетъ. До моего свиденiя дошло, что онъ утаилъ мои деньги....

— Онъ не утаилъ, онъ выдержалъ ихъ по нуждѣ, по-крайней нуждѣ, въ которой вы оставили его,—его, Якорева, не слугу, а друга вашего отца. Вы знали его, вы знали, что онъ не можетъ, не умѣетъ просить; онъ умѣлъ только трудиться для васъ и вамъ слѣдовало предупредить его нужду....

— Послушайте, возразилъ Золотовъ надменно: вы, кажется, пришли читать мнѣ наставленiя?

— Нѣтъ, я пришелъ только сказать вамъ, что мой отецъ уже не существуетъ.... и....

Сергiю стоило нѣкотораго труда переломить себя, однако жъ онъ продолжалъ бы рѣчь, еслибъ его не перебилъ Золотовъ, во все не примѣтившiй этой борьбы.

— Какъ! онъ умеръ? вскричалъ фавркантъ съ изумленiемъ, въ которомъ проглянуло состраданiе.

— Да, и я хотѣлъ просить васъ, чтобы вы не порочили его памяти розыскомъ о вашихъ деньгахъ. Ихъ истрчено тысяча рублей. Остальное вы все найдете по книгамъ и въ кассѣ.

— Хорошо, хорошо, будьте спокойны, отвѣчалъ Золотовъ: если не больше тысячи рублей пропало, я не стану искать. Это еще не важное пожертвованiе.

Сергiй вспыхнулъ.

— Вы говорите — если? Стало-быть, вы сомнѣваетесь, вы думаете, что ихъ выдержано больше? Такъ ищите! разберите счета!... И вы называете исполненiе моей просьбы пожертвованiемъ? назовете можетъ-быть, даже великодушнымъ пожертвованiемъ? Такъ знайте же, что если бы я считалъ моего отца виновнымъ, я проработалъ бы хоть всю жизнь на васъ, чтобы отдать вамъ вашу тысячу рублей. Но я знаю, чего имѣлъ право требовать у васъ мой отецъ; я знаю, что онъ слишкомъ дорого заплатилъ за ваши деньги трудомъ и наконецъ жизнью, и потому не считаю себя обязаннымъ расплативаться съ убийцею моего отца.

Сергiй гордо вышелъ и не видалъ, какое впечатлѣнiе произвели его слова на Золотова.

На другой день Золотовъ прислалъ ему тысячу рублей съ объявленiемъ, что семейство Якорева должно находиться въ затруднительномъ положенiи и что онъ желаетъ по возможности помочь ему. Вѣроятно, богатъ хотѣлъ загладить легкомысленно нанесенное бѣдвiku оскорбленiе.

Но и Сергѣй былъ гордъ: онъ отвергъ подаяніе.

Когда Петра Ивановича Якоревъ хоронили, въ загородной церкви было много народу, много и такихъ которые знали причину смерти, потому что Сергѣй не таилъ ея. Въ его глазахъ отецъ былъ чистъ и всякій другой, самый строгій судья, долженъ былъ по крайней мѣрѣ сознаться, что проступокъ слишкомъ достаточно искупленъ. Сначала Сергѣй желалъ все скрыть и затѣмъ пошелъ просить Золотова, но потомъ, не довѣряя эгоисту, рѣшился предоставить всю правду всѣмъ желающимъ судить.

Между присутствующими на похоронахъ, разумѣется, никогда не обходится ни безъ такихъ желающихъ ни безъ замѣчавій о добродѣтеляхъ и порокахъ покойника.

— Какой прекрасный былъ человѣкъ, а вотъ, чѣмъ кончилось! говорила своей сосѣдкѣ одна кудрявая барыня въ чужихъ волосахъ.

— Да, матушка, отвѣчала бочковидная сосѣдка, хорошій былъ человѣкъ, да видишь слишкомъ возгордился, такъ вотъ Богъ и попуталъ.

— И за что вѣдь погибъ, скажите пожалуйста; за тысячу рублей! говорилъ въ другомъ мѣстѣ съ соболѣзнованіемъ одинъ клинообразный господинъ другому, четверугольному господину.

У клинообразнаго господина, начиная отъ центра тяжести, вверхъ все суживалось и заострялось до крайней оконечности хохла. Четверугольный господинъ со всѣхъ сторонъ и головой и лицомъ и туловищемъ представлялъ квадратныя плоскости. Они съ нѣкоторыми другими геометрическими фигурами стояли подлѣ Сергѣя.

— Да, за сущій вздоръ! отвѣчалъ четверугольный господинъ густымъ басомъ.

— Вѣдь надобно же такое несчастіе, что и о людяхъ-то забылъ! продолжалъ клинообразный господинъ: неужели никто не нашелся бы, кто бы далъ ему тысячу рублей въ долгъ! Да, хоть бы онъ мнѣ сказалъ, я бы ему съ радостью помогъ!

— Разумѣется! какъ не помочь человѣку въ такой нуждѣ! отвѣчалъ четверугольный господинъ: я его мало зналъ, но если бы онъ обратился ко мнѣ, я бы съ удовольствіемъ далъ....

Сергѣй и Александръ отошли подальше, чтобы не впасть въ искушеніе.

Клинообразный и четверугольный принадлежали къ числу тѣхъ господъ, у которыхъ Якоревъ лѣтомъ просилъ двухъ сотъ рублей въ займы.

Тяжкая, пожирающая болѣзнь, быстро развязывая связи организма и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно умѣрила душевное страданіе Катя. Хотя бѣдвяжка въ сознательныя минуты постоянно требовала, чтобы ей показали тѣло отца, дали проститься, однакожь ее все утѣшали отвѣтомъ, что онъ живъ, что онъ только уѣхалъ и наконецъ извѣстилъ объ этомъ: ее обманывали, чтобы не убить. Черезъ нѣсколько дней наступилъ переломъ болѣзни. Онъ на минуту обнадежилъ близкихъ, но только на минуту: Катя стало легче, но это былъ уже послѣдній ея отдыхъ въ этомъ мірѣ.

Больная сидѣла на постелѣ; Сергій подлѣ нея на стулѣ; Александръ стоялъ въ ногахъ и съ глубокою думою, съ нѣмною скорбью смотрѣлъ на свою разрушенную надежду, на свое разбитое счастье.

Тутъ Катя заставила Сергія открыть правду.

— Братъ, зачѣмъ ты скрываешь отъ меня смерть батюшки? говорила она тихо: зачѣмъ ты не далъ мнѣ въ послѣдній разъ на землѣ взглянуть на него, проститься съ нимъ? Вѣдь я знаю все..... я видѣла его!.... Зачѣмъ же ты напрасно томилъ меня, зачѣмъ же не скажешь мнѣ, что онъ умеръ?

— Да, онъ умеръ, чуть внятно отвѣчалъ Сергій, склонивъ голову; но ты была такъ больна.....

Страдальца не отвѣчала. Она высоко подняла бѣлую, похудѣвшую, прозрачную руку для крестнаго знаменія и возвела къ небу потухающіе, но все-еще прескрасныя глаза. Въ нихъ еще разъ блеснули свѣтлые лучи; крупныя слезы тихо покатались по блѣднымъ щекамъ; губы были сомкнуты и немощно разстроенныя свѣтлые волосы казались сіяніемъ.

Была торжественная тишина. Больная въ безмолвной молитвѣ вслѣдъ за восторженно любимымъ отцомъ уносилась въ вѣчность. Она просіяла и видимо покидала землю, обращалась въ безплотнаго духа.

Черезъ минуту Катя опустилась на подушки и тихо сказала:

— Теперь мнѣ легче.... Уйдите теперь, милые... Дайте мнѣ отдохнуть.... я усну....

Она закрыла глаза.

Сергій тихонько вышелъ; Александръ хотѣлъ пойти слѣдомъ, но ни ноги отъ полу, ни руки отъ стѣнки кровати не отдѣлялись; дыханіе притаялось; отуманенный слезами взоръ былъ прикованъ къ умирающей. Александръ вѣрилъ, всѣми силами души хотѣлъ вѣрить, что Катя только отдохнетъ, что послѣ перелома болѣзни она станетъ выздоравливать.

Черезъ нѣсколько минутъ больная, не открывая глазъ, прошептала :

— Отецъ мой!...

Александръ вздрогнулъ и, вслушиваясь, наклонился впередъ. Сердце у него стучало такъ сильно, что онъ боялся этимъ потревожить больную и старался еще больше сдерживать дыханіе; страхъ выросталъ вѣстѣ съ предчувствіемъ, а умъ между-тѣмъ торопился подбирать себѣ доказательства и убѣжденія, чтобы отразить страхъ, разсѣять предчувствіе смерти.

Прошло еще нѣсколько безмолвныхъ минутъ, Катя тихо вздохнула. Александръ затрепеталъ и съ трудомъ удержалъ въ сердцѣ раздирающій крикъ.

Еще черезъ минуту онъ упалъ на колѣни подлѣ умершей и съ отчаяніемъ прижималъ глаза, лобъ и ротъ къ остывшей милой рукѣ, но все еще сдѣрживалъ вопли сердца: онъ еще не вѣрилъ смерти и хотѣлъ остановить отлетѣвшую надежду.

Сергѣй, какъ и предполагалъ, какъ страшился отецъ въ борьбѣ со смертью, одинъ долженъ былъ поднять бремя заботы о семьѣ. Онъ подыалъ его и понесъ съ достоинствомъ.

Савва, о которомъ слухъ носился, будто онъ донесъ на Петра Ивановича, достигъ своей цѣли, получилъ мѣсто управителя, только изъ послѣдней поѣздки онъ привезъ съ собою склонность къ чаркѣ и скоро спился. Это, можетъ-быть, доказываетъ, что у него еще была совѣсть, а можетъ-быть онъ просто не перенесъ своего величія и погибъ оттого, какъ говорили работники, что «залетѣла ворава въ высокіе хоромы.»

Весною, въ ясный день, на закатѣ солнца, блѣдный, задумчивый молодой человекъ, съ рѣзкою черною бровью, пришелъ одинъ на кладбище и остановился надъ знакомою могилой, подлѣ только-что распустившейся душистой березки. Это былъ Александръ. Безпечный ребенокъ созрѣлъ. Видно было, что чужая судьба мимоходомъ дала и ему урокъ,—чтобы не шутилъ съ жизнью.

Александръ ѣхалъ туда, куда призывало его искусство, и пришелъ проститься съ Катей, уронить слезу, унести воспоминаніе.....

АСКОЛЬДОВЪ.

Л Ю Д И

СТРАНСТВУЮЩИЕ — ЛЮДИ СТРАЖДУЩИЕ.

=

Жить — значить странствовать ;
странствовать—жить. Впередъ, впе-
редъ, безъ оглядки! Гдѣ достигнетъ
ночлегъ, тамъ и стой... на вѣч-
ный упокой.

Вдоль юго-восточной границы, на пространствѣ болышею ча-
стію неизмѣренномъ и неизвѣданномъ, между Россією и ея кочу-
ющими сосѣдами, тянется *Линія*. Тутъ, съ нашей стороны, стоятъ
крѣпостцы, форпосты, редуты, изрѣдка городки, но въ сущности
это — деревни болѣе или менѣе обширныя, населенныя преиму-
щественно казаками, иногда Башкирцами, Мещеряками и чиновни-
ками, обнесенныя валомъ. Поселенія эти встрѣчаются обыкновенно
разстояніемъ одно отъ другаго на одинъ переѣздъ, кромѣ извѣстныхъ
переваловъ у китайской границы, отъ которой нужно удалиться
въ глубь Азіатской Россіи, въ самый центръ ея жизни, чтобъ
отыскать проѣзжую дорогу далѣе на востокъ. Только кочующіе
племенины, да дикіе моралы, да шатающіеся золотопромышленники
пролагаютъ себѣ тутъ и тамъ путь-дорогу.

Кое-какіе смѣлые форпосты выбѣгаютъ изъ-за Линіи впередъ,

въ непріятельскую землю, но городки пятаются внутрь Россіи, все еще называлась грознымъ именовъ крѣпостей. Почему? Просто, по преданію; вѣроятно, съ тѣхъ поръ когда въ этомъ краю каждый домъ служилъ крѣпостью отъ дикарей и каждый человѣкъ носилъ оружіе. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ, которое первоначально имѣло назначеніе и города и укрѣпленія и горнаго завода, и болѣе другихъ соотвѣтствовало своему назначенію..... мѣсто я назову, примѣрно, Каратабаномъ.... однимъ словомъ въ Каратабанѣ, природа, какъ бы вышедши изъ долгаго усыпленія, раскинулась широко и размахисто. Горы, покинувъ низовья плоской пустыни, занимающей полкрая этой части южной Россіи, идутъ гряда за грядой, повышаясь незамѣтно, и вдругъ, подойдя къ самому Каратабану, встаютъ грозно, величественно и обступаютъ его со всѣхъ сторонъ, какъ бы для того чтобы охранять поселеніе или съ пзумленьемъ, съ негодованіемъ смотрѣть съ высоты своего величія на его мелкую жизнь, на его расходныя страстишки, на его горькія нужды. Какъ бы съ досады что попали не туда, какъ бы не желая видѣть того, что происходитъ, закутались онѣ въ облака и туманы, которыя восемь мѣсяцовъ въ году разрѣшаются надъ бѣднымъ городомъ снѣгомъ, а остальные четыре всякой другой непогодю. Изрѣдка разоблачаются эти горы, и тогда стоятъ во всей красѣ своей, чтобы показать жителямъ Каратабана, какимъ бы зрѣлищемъ могли они наслаждаться, если бы туманы сжалились надъ ними и оставили надолго эту чудную картину. Тѣмъ не менѣе, Каратабанцы не съ укоромъ, но съ гордостью указываютъ на своихъ великановъ, хотя безъ нихъ они, конечно, наслаждались бы лучшимъ климатомъ и какими-нибудь произрастеніями, кромѣ капусты и картофеля, потому что Каратабанъ лежитъ почти подъ широтою Берлина, а въ землѣ не далеко отсюда находятъ окаменѣлыя пальмы, финики, бананы и ананасы допотопныя, отличнаго вкуса, по утверженію странствующихъ натуралистовъ. Всѣ эти блага водились здѣсь нѣсколько прежде того времени, какъ земля, по особеннымъ обстоятельствамъ, которыя очень искусно объясняютъ геологи, затряслась, сморщилась, вздула свою кору и выдала изъ себя Алтай.

Въ лучшей части города, въ лучшемъ домѣ, у раствореннаго окна сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и неподвижно глядѣлъ на равнину водъ, которая лежала почти у самаго окна и омывала подошву громаднхъ горъ. На дворѣ было на ту пору ясно и съ

первого разу вы могли бы подумать, что онъ наслаждается произведеніемъ сѣвѣлаго дня, но взглянувъши хорошо, легко было заметить, что ему не до природы. Лицо скучно, брови нахмурены. Блестящіе глаза, обведенные темными полукругами; блѣдныя, узлыя щечи; рѣдкіе волосы, выдавшіяся скулы, показывали, что этотъ человѣкъ жилъ другою жизнью, не каратабанскою. Окружающіе предметы подтверждали такое заключеніе. Въ комнатахъ былъ безпорядокъ и небрежность къ дорогимъ вещамъ, залитыя пылью въ всюду въ пыли и въ забытьѣ; одинъ раскрытый романъ свидѣтельствовалъ, что къ нему часто принасаются. На столахъ были разбросаны книги на языкахъ, неизвѣстныхъ каратабанцамъ, и богатые кнѣски, изъ подъ которыхъ выглядывали «дѣла» чудовищныхъ размѣровъ и видовъ. На простертой рукѣ статуэтки висѣлъ огромный ключъ отъ казенныхъ сундуковъ; на каррикатурахъ Тима лежали щеты вмѣсто presse-papier. Вездѣ видно было богатство и презрѣніе къ богатству, которое дешево или даромъ досталось и уже надѣло. Вездѣ выказывалась прихоть человѣка, желавшаго все имѣть и не пользовавшагося ничѣмъ за недостаткомъ терпѣнія или страсти. Во всемъ проявлялось смутное, тревожное чувство, не дающее покою обитателю дома, отсутствіе труда, нервическое раздраженіе мысли, переходившей отъ предмета на предметъ и ни одного не усвоившей,—за тѣмъ ли, что мысль была скована ограниченнымъ кругомъ дѣйствія въ бѣдномъ Каратабанѣ, или усталая отъ напряженія: это мы увидимъ изъ послѣдующихъ дѣйствій человѣка, неумѣстно очутившагося здѣсь въ качествѣ правителя города и его округа.

Альпинъ, такъ звали этого человѣка, глядѣлъ въ окно и не видалъ, какъ пронеслась передъ нимъ по горамъ черная туча. Она разразилась громомъ. Альпинъ не слышалъ грома. Два раза приходили ему сказать, что дежурный по карауламъ ожидаетъ. Секретарь давно переступалъ съ ноги на ногу, покашливая. Альпинъ оставался неподвижнымъ. Наконецъ какъ-будто измученный продолжительнымъ покоемъ, который только усиливалъ раздраженіе, онъ вскочилъ, отодвинулъ стулъ и машинально подошелъ къ секретарю.

— Вамъ что угодно?...

— Нужныя бумаги.... отвѣчалъ тотъ робко.

Альпинъ недоувѣрчиво поглядѣлъ на секретаря, и приступилъ къ дѣлу, но дѣло не вязалось въ его мысли, бумага показалась ему запутанною, дурно изложенною; онъ спѣшилъ проникнуть

смысль, пропускалъ отступленія, безъ которыхъ не можетъ существовать ни одной бумаги, и разумѣется она такимъ образомъ становилась всё темнѣе и темнѣе. Подозрѣніе Альпина росло по мѣрѣ того, какъ онъ путался въ лабиринтѣ канцелярскаго краснорѣчія: онъ былъ увѣренъ, что его хотятъ обмануть, но не зналъ въ чемъ именно, не имѣлъ терпѣнія разсмотрѣть, и грозно потребовалъ объясненія. Секретарь растерялся. Альпинъ вышелъ изъ себя, прогналъ несчастнаго, и приказалъ ему прислать своего помощника, челоуѣка, къ которому имѣлъ онъ нѣсколько довѣрія. Изнеможенный продолжительнымъ споромъ, въ раскаяніи, что такъ жестоко поступилъ съ бѣднымъ секретаремъ, который ушелъ чуть не со слезами на глазахъ, въ досадѣ, что не могъ отереть предполагаемаго обману, онъ упалъ въ кресла, стоявшія у окна.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ видѣлъ Альпинъ, что съ каждымъ днемъ характеръ его становится раздражительнѣй; что все окружающее терпитъ отъ него болѣе и болѣе; что въ пылу досады онъ не отличаетъ праваго отъ виновнаго. Для самаго ограниченнаго круга дѣйствія нужны — увы! — кромѣ ума, акуратность, знаніе, навыкъ, своего роду геройство и самопожертвованіе. Ясно было, что Альпинъ здѣсь противъ воли. Да съ другой стороны, чѣмъ же виноваты и Каратабанъ, что воля у Альпина не слушается его самого!

Знанія Альпина, конечно, стало бы, по не хватало мужества, чтобы посвятить себя пользамъ и благу горсти людей, которые такъ много отъ него ожидали, съ такою надеждою вѣровали въ него. Не смотря, однако, на свое страдательное положеніе, Каратабанцы столько же гордились Альпинымъ, сколько своими горами, не думая, что такъ много терпятъ отъ славы одного и отъ величія другихъ. Добрые Каратабанцы!... Дѣятельность у Альпина ключомъ била изъ сердца, но самыя мелкія преграды на пустомъ и скучномъ полѣ останавливали потокъ, затопляли сердце страданіями Тавтала. Для его пылкой души, стремительной мысли, для его гениа, нуженъ былъ Вавилонъ. Вавилономъ, особенно во время столпотворенія, онъ бы управлялъ на славу. Но всё таки, чѣмъ же виноваты добрые Каратабанцы!...

Альпинъ мало-по-малу начиналъ успокоиваться; чистый свѣжій воздухъ обвѣвалъ его воспаленное чело; самая природа, успокоившаяся на время, вызывала его къ сердечному миру. Было около полудня. Работающая, то есть, наибольшая часть населенія горо-

да, расходилась по домамъ на отдыхъ. Каратабанъ нѣсколько оживился. Проходившіе мимо дому благочинія, у котораго стояло что-то неопредѣленнаго виду, приостанавливались, глядѣли съ удивленіемъ, толковали между-собою, и потомъ толпой тихо удалялись. Люди съ топорами за поясомъ, или съ бревешкомъ подъ мышкой, позывая на диво, ускорили шаги, потому что для нихъ минуты отдыха были сочтены и тратить ихъ даромъ не приходилось. Лишь нѣсколько бабъ, да отставной солдатъ, да цѣловальникъ, гордящійся своей круглой шляпой, да дуракъ Вася, слѣдовали за поѣздомъ необыкновенной наружности, который, гремя многоразличными бубенчиками и колокольчиками, скрипя колесами, двигался къ дому Альпина и остановился у самыхъ оконъ.

Странный видъ представлялъ этотъ поѣздъ. Шествіе открывала кибитка, обтянутая сваружи кожей, порыжѣвшей, продривленной отъ времени и непогоды, внутри—тыкомъ, вѣкогда пестрымъ, теперь принявшимъ неопредѣлительный цвѣтъ глубокой древности. Двѣ тощія клячи чуть не повалились наземь, какъ скоро блячъ, рычагъ ихъ энергій, пересталъ хлестать надъ ними и по нимъ. Одна понурилъ голову въ землю, ворожила: скоро ль ты примешь меня, мать сыра земля? — другая оборотивъ взоръ къ повозкѣ, молила о влокъ сѣна за благополучное дотащевіе такой громады въ мѣсту, и, получивъ отъ кучера ударъ кнутомъ за обременевіе его несвоевременнымъ ходатайствомъ, стала обнюхивать тощую подругу, хотя отъ той уже несло мертвечинной.

Какъ ни дурень былъ передовой экипажъ со всею упряжью, но онъ казался великолѣпнымъ сравнительно съ тѣмъ, что слѣдовало; онъ на что-нибудь походилъ, по-крайней-мѣрѣ на развалины древности, между-тѣмъ какъ прочіе экипажи состояли изъ безладной кучи лубьевъ, веревокъ, колевокъ, колесъ: все это до того было загромождено всякимъ хламомъ, деревьями, домами, башнями, водопадами, пещерами, кадками, и прочая, и прочая, что изъ-за нихъ не видно было тощихъ скелетовъ, тащившихъ этотъ подвижной міръ въ хаосъ. Изъ-дали никто не могъ угадать, что это за массы двигаются. Одни изъ Каратабанцевъ увѣрили, что это караванъ верблюдовъ зашелъ такъ далеко въ наши границы. Другіе подумали было, не сбунтовались ли Башкиры и не идутъ ли на городъ съ неизвѣстными орудіями; а нѣкоторые поговаривали очень серьезно и многозначительно что это — ученая экспедиція, со своимъ инструментами, астрономы и натура-

листы, которые ѣдутъ хватать сибирскіе звѣды съ неба и искать букашекъ въ болотахъ для пользы науки и челоѳчества. Наконецъ, растерявшись въ догадкахъ, всё міромъ ничего не стали думать, и только двинулись въ молчаніи, увидѣвши все вблизи. Всего любопытнѣе было видѣть челоѳческія фигуры, шевелившіяся въ этомъ кламбѣ и несомнѣнно къ нему принадлежавшія.

Эти люди выглядывавшіе изъ-за этихъ лохмотьевъ, изъ-за кожи, холста, веревокъ и ремней, покрытыхъ грязью и смолою, были большею частью одѣты нарядно, обвѣшаны блестящими цѣпочками, женщины — въ шляпкахъ съ перьями и даже въ атласѣ; дѣти, собаченки, обезьяны, поросята.... Одинъ выгружался съ крикомъ, съ шумомъ, съ громкимъ и продолжительнымъ смѣхомъ, между-тѣмъ какъ лица иныхъ, испитыя нищетою, другихъ заклеивенныя страстями, предопредѣлялись по порядку вещей для горя, а не для смѣху. Представьте себѣ все это, и сердце ваше невольно сожмется грустью. Но Альпинъ все это видѣлъ вблизи, подъ самымъ окномъ, и смотрѣлъ равнодушно, во все не заботясь о томъ, что это за люди, зачѣмъ остановились тутъ таборомъ, потомъ высыпали на улицу и наконецъ вторгаются къ нему въ залу. Шопотъ, напрасно подавляемый смѣхъ, толкотня, показывали ясно, къ какому классу принадлежитъ эта нестройная толпа, не знавшая приличій, не привыкшая къ порядку, слушавшаяся угрозъ своего атамана только тогда, когда за ними немедленно слѣдовало самое исполненіе. Наконецъ глава этой общины вошелъ къ нему безъ доклада. Альпинъ окинулъ его взоромъ съ ногъ до головы и съ перваго взгляду повялъ, съ кѣмъ пиѣть дѣло. Онъ отвернулся. Дѣйствительно, вошедшій не могъ возбудить къ себѣ ни чьего участія. Его дерзкій видъ, рыжіе щетинистые волосы, закрученные къ верху усы, сѣрые глаза и красный носъ изобличали натуру пошлую, буйную. Гость не приунылъ отъ такого приему. Въ своемъ кругу онъ презиралъ другихъ: этотъ народъ ползалъ передъ нимъ, какъ учепая собака передъ своимъ учителемъ; но собака была нехорошей породы; она ласкалась только тогда, когда надъ нею была занесена палка, и всегда готова была кинуться на господина сзади, если ей не угрожала опасность побоевъ. Красноносый господинъ, нахивая своею шляпою, развязно поклонился Альпину и смѣло приступилъ къ объясненію причины своего посѣщенія.

— Наслышавшись о вашей учевости и покровительствѣ наукъ и искусствамъ, я рѣшился сверотить съ дороги, чтобы по-

считать прекрасный городъ Каратабанъ и, главное, чтобы засвидѣтельствовать мое глубокое высоко-почтеніе его достойному представителю.

Альпинъ молчалъ. Гость откашлялся, нѣсколько смѣшавшись, и продолжалъ:

— Мы вѣдь сродни нѣсколько, по Апполону; да, да; вы сочинитель, я содержатель театра. Вѣрно, слыхали о Мурдасовѣ: я и есть Мурдасовъ. Вы восхищаете читателя въ тишинѣ его кабинета, мы поражаемъ зрителей съ подмостковъ, при блескѣ свѣчей; при хлопавъ: восторженной публики....

Сравненіе укололо Альпинъ; лицо его подернулось негодованіемъ; онъ обернулся къ оратору съ досадою, но скоропѣ опомнился. «Сердиться на него» подумалъ Альпинъ — и принялъ видъ холоднаго равнодушія, хотя шумъ увеличивавшійся въ сосѣдней комнатѣ, на придачу къ рѣчи представителя толпы, начиналъ ему надоедать.

— Говорите скорѣе, чтѣ тамъ у васъ, спросилъ онъ: чтѣ вамъ надо?

— Если вы удостоите только взглянуть, то убѣдитесь сами, что здѣсь не мало достойнаго вашего воззрѣнія. Вы конечно видѣли многое на свѣтѣ и провинціальная труппа не диковинка для васъ, однако.... со всѣмъ тѣмъ.... я льщу себя пріятною надеждою, что здѣсь есть сюжеты, которые остановятъ на себѣ вашъ прихотливый взоръ. Извольте видѣть, продолжалъ импрессаріо.... не безнокойтесь.... господа не уютно ли пожаловать!

И вся странствующая труппа ввалилась въ кабинетъ къ Альпину.

— Никѣмъ честь представить. Вотъ нашъ благородный отецъ, — и онъ указалъ на рожу, которая походила болѣе на бандита, чѣмъ на благороднаго отца: могу рекомендовать.... мастеръ своего дѣла. А это — первый любовникъ!

Первый любовникъ оскалилъ зубы, какъ будто хотѣлъ укусить Альпинна.

— Но нашъ первый любовникъ еще лучше въ роляхъ дураковъ, продолжалъ импрессаріо. Вотъ наперсникъ.... попиваетъ каналья, да ужъ зато, когда трезвъ, никому не уступить. Въ Петербургѣ хотѣли заманить его.... Дѣвица Амурова съ.... наша примадонна, наша слава и гордость.... неподражаема во всѣхъ перьяхъ роляхъ.

Тутъ Мурдасовъ таинственно приблизился къ Альпину, и впол-

голоса произнесъ: «Бурундукии начальникъ оказывалъ ей маленькія ласки; въ театрѣ первый началъ ей хлопать, первый вызывалъ; за кулисы изволилъ приходить.... Мое дѣло сторона... А, право, она не дурна собою!... кромѣ своего удивительнаго таланта.

Альпина сильно обижали эти довѣренности. Онъ хотѣлъ уже выпроводить неотвязчивыхъ посѣтителей, какъ вдругъ замѣтилъ среди толпы дѣвочку, лѣтъ тринадцать или четырнадцать, съ милымъ, блѣднымъ личикомъ, бойкими карими глазами и особенно граціей въ движеніяхъ. Дѣвочка зажимала свой алый ротикъ силась додаться смѣхъ вырывавшейся изъ-подъ ладони; другою рукою указывала она подружкѣ на сцену *благороднаго отца*, которому между-тѣмъ успѣла пришиллить пукъ длинныхъ бумажекъ.

— Это что? спросилъ Альпинъ.

— Это?... произнесъ импрессаріо, выводя за руку пересрѣзанную дѣву: это — неподражаемая въ роляхъ субретокъ, едва ли на столичной сценѣ найдете подобную. — Вы не смотрите, что она въ веснушкахъ, продолжалъ онъ, примѣтивъ нетерпѣніе Альпина: это днемъ, въ комнатѣ, и только лѣтомъ, а на сценѣ, при свѣчахъ, ничего не замѣтно; а черные глаза, такъ и сыплютъ искры. А каковы зубы?

— Боже мой, совсѣмъ нето! я указываю на дѣвочку....

— А! это Ляля! Извините, что я ее такъ называю; мы?ири-выкли къ этому имени. Наша Ляля большая шалунья; смотрите, пожалуйста, опять напроказничала.

Онъ взялъ ее за руку, чтобы подвести къ Альпину, но такъ сильно, что бѣдняжка невольно присѣла и слезы навернулись на глазахъ.

— Чье это дитя?

— Живетъ у него, такъ можетъ быть и его, сказалъ импрессаріо, лукаво указывая на жалкаго старичка, стоявшаго позади всѣхъ.

Опытный взоръ узналъ бы, если не то, чье это было дитя, потому что въ человѣкѣ, на котораго указывалъ импрессаріо, не оставалось и черты первобытной, чтобы слитить съ чертами лица дѣвочки, такъ по-крайней-мѣрѣ то — кому всего дороже была она. Ноги у него подносились въ то же время, какъ у дѣвочки, и лицо выразило такое же страданіе. Не было только слезъ на глазахъ, да и то, вѣроятно, потому что источникъ слезъ изсякъ въ сердцѣ.

— А самъ то онъ что такое?

— Бѣднень, суелерь.... самое неблагодарное существо въ мѣрѣ. Суелерь! Ну, что такое суелерь? Какую роль онъ занимаетъ? Я было хотѣлъ поручить ему изъ-за должности отыгрывать роль подземнаго грома или духа или какого-нибудь голоса изъ могилы.... знаете, что сподручнѣй въ его будкѣ.... или хотя должность ламповщика: да все какъ-то не приходится. Смотришь, лампа лопнула во время самаго дѣйствія: гдѣ тутъ выходить изъ норы суелеру.... желѣзный листъ видѣнъ изъ-подъ полу и весь эфектъ пропалъ.... Ну, словомъ, ни къ чему нельзя употребить суелера; только на рассылкахъ и служить, да роли переписываетъ вмѣстѣ со своей Лялей.

Альпинъ, не слушая болтовни антрепренера, подошелъ къ себѣ дѣвочку, и приласкалъ. Ляля не дичилась, глядѣла въ его черные, гордые глаза смѣло, развязно. Дѣвочка понравилась Альпину; онъ далъ ей горсть конфетъ и приказалъ ходить къ себѣ: хоть какое-нибудь развлеченіе будетъ, думалъ онъ.

— Не обращайтесь на нее вниманія, сказалъ антрепренеръ; она — пустая шалуныя; она только тѣмъ и держится въ трунѣ, что смѣшнѣе всѣхъ; а ни къ чему не годится; ровно ни къ чему.

— Такъ она ни какихъ ролей не занимаетъ?

— Гдѣ ей!

— Но вы не пускали ее на сцену?

— Беже сохрани! Разъ спустили было ее амуромъ. Казалось, что за трудъ! только бы сможно висѣла на проволокѣ; такъ нѣтъ: стала на полетѣ орѣхъ грызть! Зрители подняли хохотъ, примадонна смѣшалась: ну, хоть занавѣсь закрывай. Въ другой разъ ее поставили въ живой картинѣ. Картина была чудная: пастушокъ играетъ на свирѣли, пастушка облокотившись на его плечо и прильнувъ щекой къ щекѣ, умилно улыбается. Освѣщеніе великолѣпное; ручей, горы, всѣ костюмы съ иголочки. Прелесть! Пастуха представлялъ самъ первый любовникъ; пастушку — Ляля. Открывается занавѣсь: публика въ восторгѣ. Только бы минутку простоять спокойно этому построеньку. Нѣтъ! бѣсъ соблазнилъ. Она неврѣмѣнно повернула голову въ пол-оборота и — хватъ зубами за кончикъ уха перваго любовника; тотъ выскочилъ благимъ матомъ; поднялся шумъ, занавѣсь закрыли къ общему соблазну публики и господъ актеровъ. Еще благо что публика была смиренная, а случись это въ Бурундукѣ... всѣ камни наомали бы: право, такъ-съ! Съ тѣхъ поръ мы уже не пускаемъ

Ляля на сцену, сохрани Богъ!.... О! бурундуковая публика чрезвычайно шевеллива, такъ сказать.... чувствительна къ достоинствамъ и недостаткамъ.... Я: со своей стороны не могу пожаловаться; она: вспомни улыбка оцѣнить наши таланты. Сидѣю ласкать себя надеждою, продолжалъ инпрессарио, понизить значительно голосъ и старался придать ему какъ можно болѣе пѣвучести, а лицу: медовой сладости: сидѣю ласкать себя надеждою; что вы примете участіе въ предпріятіи, которое не можеть не имѣть благопріятнаго дѣйствія на умягченіе нравовъ и образованіе вкуса публики, въѣрноюю достойному попеченію вашему....

— Вы хотите спросить, позволю ли я давать представленія? Пожалуй, дадите.

— Я очень благодаренъ.... Но.... покровительство.... знаете!.... Видѣ вы сами — писатель.

— А имѣ-то что!

— Это уже известно, что если начальство найдетъ что хорошимъ, такъ публика отъ того въ восторгѣ; оно — въ театрѣ; и публика — за нимъ. Все дѣлается свыше.

Улыбка невольнаю скользнула по бѣдыньш губамъ Альфина и исчезла, оставивъ лицо его еще мрачнѣе.

— Хорошо, я буду въ театрѣ, только чтобъ Ляля играла, сказалъ онъ.

Ему было все равно кто бы ни игралъ и что бы ни играли, но это была минутный капризъ; желаніе противорѣчить инпрессарио, который ему не понравился, но впрямствую впрочемъ ему замѣтить кой-ѣку въ Каратабанѣ!

— Все что вамъ будетъ угодно приказать, сказалъ инпрессарио весело. Я и вся моя труппа къ вашимъ услугамъ. Всякой разѣ, прежде постинюки пьесы, я буду являться къ вамъ за приказаніемъ.

— Не надо. Вотъ вамъ впередъ деньги за мой билетъ....

— Намилуйте!.... сидѣ ли?....

Позволительный видъ Альфина заставлялъ автрепренера принять проворно предложенныя деньги!

Толпа отвалила съ такимъ же шумомъ какъ и вошла. Суелеръ оставался по обыкновенно позади всѣхъ. Когда послѣдній человѣкъ скрылся за дверью, старикъ обратился назадъ, къ Альфину, приложилъ руку къ сердцу и поклонился въ полъ. Альфинъ и не замѣтилъ выраженія глубокаго чувства въ лицѣ старика. Впрочемъ если бы и замѣтилъ, то подумалъ бы что суелеръ уни-

лился отъ лишняго етакана вина. Какіа другія побудительныя причины къ выраженію чувствъ можно предположить въ странствующемъ скворцѣ!

Труппа разиѣстилась по квартирамъ, но импрессаріо и актерамъ было не до отдыха. Больше всѣхъ хлопоталъ суфлеръ, хотя Мурдазовъ и говорилъ, что онъ мало пригоденъ. Бѣдвевъ былъ вездѣ, гдѣ не хватало самого импрессаріо; изъ конюшни онъ устроилъ театръ: вы думаете, что это не возможно? Вотъ что значитъ сидѣть на мѣстѣ, не странствовать! Побѣжайте въ Неаполь — увидите, что знаменитый театръ San-Carlino устроенъ *ex aequo*. Были бы только умъ, веселость, острога, талантъ: слава иррідеть и въ конюшню. Всѣ обстоятельства мѣстности были искусно употреблены въ подзудъ: куча щебно послушила вместе подмостокъ, стойла превратились въ ложи; ясли — въ раскъ; а изъ сѣновала спускались разные боги и дѣухи, которыми суфлеръ устроилъ такъ очень комфортабельный Олимпъ. Суфлеру предстояла еще другая забота, важная, не отступная, отъ которой зависѣла его судьба: она состояла въ томъ, чтобы угодить примадоннѣ, которой свлу ощущала на себѣ вся труппа, и угодить этой мишурной царницѣ было не легко. Бѣдвевъ обѣгалъ всѣ лавки, всѣ дома, гдѣ торговали какою-нибудь дрянью, и явился съ подробнымъ отчетомъ о примѣчательностяхъ города, держа подъ мышкой какое-то живое существо: Суфлеру всего нужнѣе было теиерь расположеііе дѣвицы Сонючкиной, какъ обыкновенно печаталось на афишкахъ.

Въ домѣ, гдѣ издавна никто не жилъ, кромѣ двухъ трехъ дѣикихъ кошекъ, да нѣсколькихъ летучихъ мышей, помѣщалась большая часть труппы. Дѣвица Сонючкина занимала отдѣльную комнату съ особеннымъ выходомъ, рядомъ съ комнатою импрессаріо: такъ всегда водилось. Прочее бродячее общество разиѣстилось какъ могло, изошряя остроуміе свое на устройство постелей и дивановъ изъ сундуковъ, барабановъ и кулисъ. Сонючкина была въ утреннемъ пенюарѣ, съ нерасчесанными волосами, съ глазами красными, подернутыми влагою, обведеннымъ синевою, съ лицомъ блѣднымъ, измятымъ, котораго натуральиый цвѣтъ жестоко пострадалъ отъ сценической подмалевки. Сонючкина въ этомъ видѣ, съ ролью въ рукахъ, недовольная, сердитая, далеко не походила на ту дѣвицу Сонючкину, которая при блескѣ театральнаго освѣщенія и своего искромечущаго платья

восхищала, удивляла, поражала бурундукскую эмпиполюющую публику.

— Что тебѣ надо? спросила сурово припадочка.

— Я-съ, ничего, такъ.... засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе.

— Пришелъ полюбоваться, какъ я мучусь, разбирая твое сиверно-маравье?....

И она съ особенною энергіей ударила по роли размахистой-рукой, достойною Семирамиды.

Она однако напрасно гнѣвалась. Роль была перевисана четко, крушно. Семирамида только вымѣщала на ней свой гнѣвъ, причисляя къ ослабляющей памятью избалованной актрисѣ.

— Я только хотѣлъ....

— Чего ты еще отъ меня хочешь?.... Развѣ опять роль?.... Сегодня роль, завтра роль, послѣ завтра роль! Этотъ тиранъ замучить меня. За удовольствіе быть актрисой, за лишнюю милость, которой онъ изволитъ удостоить меня, я живу въ заперти съ утра до ночи, гляжу на улицу, гдѣ такъ свѣтло, такъ весело, не никакъ какъ сквозь плотно-закрытое окно; не удастся слова вымолвить съ чужимъ человѣкомъ, подышать чистымъ воздухомъ; а какъ нарочно, тутъ такъ хорошо, только бы и дѣлала, что бродила по горамъ.... Нѣтъ! лучше быть женою рыбака, да вольно развѣзжать вонъ тамъ, въ лодкѣ....

И она указала на лазурную гладь озера, разстлавшагося подъ чистымъ небомъ: — Лучшѣ....

Въ это время послышался шумъ и кашель въ сосѣдней комнатѣ.

— Ради Бога, тише, произнесъ со страхомъ суфлеръ.

Соючкнна быстро перешла отъ малѣйшаго раздраженнаго сердца къ роли, которую твердила до приходу суфлера. Она остановилась на монологѣ, составлявшемъ красу пьесы, и никто бы не догадался, что изъ сказаннаго актрисой принадлежало собственно ей, а что роли.

— Амѣза Дмитриевна, началъ опять суфлеръ тихимъ голосомъ: утѣштесь... я васъ чѣмъ-то порадую....

— Что такое? спросила оборотившись къ нему Соючкнна: не будетъ ли праздника или складчины? Нѣтъ, этотъ тиранъ, этотъ Борджія, не дастъ гроша, пока не убѣдится на дѣлѣ въ хорошемъ сборѣ: а чего хорошаго ожидать въ такомъ городишкѣ!

Ничего не будет, ты все это выдумалъ, ты обманывала меня. О, ты злой человѣкъ!...

И лицо актрисы опять подернулось гнѣвомъ.

Нѣтъ, Амеиза Дмитриевна, я не злой человѣкъ, да если бы былъ злодѣемъ, такъ вамъ бы ни за что не пожелалъ худа; Боже меня сохрани! я васъ знаю; вы не то что она: посердитесь, да и смилуетесь. Я вамъ досталъ вещьцу, за которую, вѣрно, скажете спасибо.

— А что такое?

И ветериніе, любовитство, живо отразились на лицѣ ея.

— Помните, вы когда-то плакались на людской родъ; говорили, что послѣ одного случая, перестали вѣрить людямъ, что желали бы найти друга между животными, но что и между ними многіе уже извѣрились, сжившись съ людьми.... что вы желали бы имѣть китайскую кошку.

— Ахъ, если бы я могла достать китайскую кошечку, какъ бы я была счастлива! Я повѣрила бы ей тайны своей печали, я знала бы вѣстѣ съ нею, дѣлала се, любила.... да! у меня было бы существо, любимое мною. Ахъ, если бы я имѣла китайскую кошечку!

— Вы ее будете имѣть, сказалъ значительно суфлеръ.

— Боже, что я слышу!

— Вы ее имѣете.... вотъ она.

Суфлеръ торжественно вынулъ изъ-подъ полы бѣлую кудрявую кошку, съ длинною шерстью, съ сердитою мордой.

— Кошечка, душечка, кисенька, милочка!...

Сонюшкина не находила словъ довольно нѣжныхъ, чтобъ выразить свои ласки, свою внезапную любовь. Она посадила кошку на кровать и придерживая за челюсти глядѣла въ ея красныя глаза, съ такою же нѣжностью, съ какою глядѣла бы въ глаза самаго прелестнаго Ромео. Она нѣжила и цѣловала животное, которое сердито фыркало, топырило шерсть, крутило торчащій хвостомъ и шмыгло, словно маленькая тигрица. Ласки ему не нравились.

Надо было удивляться, съ какою быстротою эта женщина переходила отъ одного ощущенія къ другому, новому, сильнѣйшему ощущенію. Лицо ея, подвижное словно облако въ бурю, то и дѣло мѣнялось, выражая то досаду, то радость, то страсть. Можно было подумать, что она на сценѣ, въ своей роли, и въ три

часа представления хочет выразить весь многообъемлющий период жизни женщины.

Суворь, видя, что глаза припадонны обращаются къ нему, благодарные, полные счастья, начал самымъ вѣжливѣмъ голосомъ, къ какому только способенъ человекъ, являющійся съ просьбою.

— Вы слышали, Амфиза Дмитріевна: правитель приказалъ, чтобъ Ляля дебютировала.

— О, да! И онъ вѣрно дастъ ей роль. Вѣдь онъ только съ нами чванится, а передъ сильнѣйшими покоренъ какъ аериканскій негръ.

— Такъ... но я, право, боюсь... Онъ не любитъ Ляли... Если бы вы при случаѣ... въ добрый часъ...

— Хорошо, я ему снажу... я сама выберу роль для перваго дебюта, сама стану учить ее. Я буду ей покровительницей. Жить только, что дѣвочка мало способна.

— Амфиза Дмитріевна, добрая, несравненная Амфиза Дмитріевна, все это предубѣжденіе, одно предубѣжденіе, увѣраю васъ. Моя Ляля по всему способна: надо только умѣть взяться за нее... приглубить ее... Вамъ это такъ легко... вашъ голосъ тронетъ; разжалобитъ камни... болѣе: его самого онъ смягчаетъ, умягчаетъ подчасъ... Амфиза Дмитріевна, всю жизнь буду вамъ благодаренъ: выведите мою Лялю въ люди!.. Вѣрите, я не ошибаюсь: въ ней большой талант!.. Только услышеть, что поютъ другіе, сойчасъ перенимаетъ на свой серебрянный голосокъ. Возметъ переписывать роль, и уже знаетъ ее наизусть. А какъ передразниваетъ Амурину!

— Да, я знаю, она позволяетъ себѣ многія вольности, замѣтила Сонючкина, и лицо ея опять нахмурилось отъ воспоминанія о нѣкоторыхъ продѣлкахъ Ляли, которая когда-то застала ее врасплохъ.

— Амфиза Дмитріевна! то были ребячьи шалости, но васъ она уважаетъ, можно сказать, чтить, какъ гевія, оственнаго славою. Сколько разъ она говаривала: Амфизѣ Дмитріевнѣ мѣсто не въ этой труппѣ, не въ городишкѣ какомъ, а гдѣ-нибудь въ Нижнемъ, Харьковѣ, а можеть и подальше.

— Въ Лялѣ есть тактъ (Сонючкина слышала это слово отъ одного саратовскаго франта): въ ней есть то, что мы называемъ тактомъ... только она дѣлива...

— Ужъ это мое дѣло заставить ее учиться, только бѣ попасть ей на сцену, только бѣ стать передъ публикой.

— Ахъ, Ильичъ, публика капризна, мы ее избаловали; не пидйся много на благосклонность публики....

— Не вы бы мнѣ это говорили. Къ вамъ, развѣ она не благосклонна!

— Тсъ!... его шаги.... прощай Ильичъ! положись на меня.

Сонючина проворно прикрыла платномъ кошку и принялась твердить роль, какъ школьникъ, послышавшій приближеніе грозиваго учителя.

Суелѣръ, робко прижавшись къ стѣнѣ, далъ дорогу импрессарию.

— Вѣчно шляется! провзнесъ глухо Мурдасовъ.

Надо замѣтить, что у него всегда былъ въ запасѣ упрекъ и грозная мина для своихъ подчиненныхъ, а сладкая улыбка и лестное слово для покровителей. Мурдасовъ былъ человекъ о двухъ лицахъ: одно свѣтлое, пріятливое, другое строптивое, угрожающее; о двухъ лицахъ, и безъ сердца. Онъ часто самъ говорилъ въ веселую минуту полного сбора: «Сердце! Что такое сердце? Къ чему оно? ни въ одинъ контрактъ нельзя включить сердца. Душа, то есть ревизская—дѣло другое: ее и продать и заложить можно. Хорошее личико также елавная вещь: за него всегда можно прибавить лишнюю сотню въ контрактѣ; а сердце—выѣденное яйцо, скорлупа, которую сколько ни оправляй въ золото, все-таки при первомъ ударѣ разобьется.»

Суелѣръ низко поклонился на суровое пріѣтствіе и задумчиво, грустно, побрелъ на улицу. Городъ Каратабанъ не больше моей шланцы. Очутиться за городомъ тамъ не трудно. По мѣрѣ того, какъ суелѣръ удалялся отъ общейквартиры и оставлялъ за собою стрессія, его заботливая физиономія оживлялась, сгорбленный стапъ расправлялся; шаги дѣлались тверже, шире и ровнѣе, онъ приподнял голову и черные глаза, дотолѣ попикише, устремились свободно вдаль, и озирали съ любопытствомъ величественную окрестность. Уже наступалъ вечеръ. Бѣдненькъ сошелъ съ дороги и сѣтановился, прислонясь къ развѣсистой лиственницѣ. Гладь озера лежала зеркаломъ. На пей отражалась полосы различныхъ цвѣтовъ, то темно-фіолетовыя, то прозрачно-голубыя или ярко-азыя, дивная игра лучей еклопявшагося за тучу солнца; за озеромъ подымались горы, одна другой выше. Нижвія гряды всанколѣино перелавались свѣтомъ и тѣнями. Выдавшійся впередъ, возвышенный мысъ заслонялъ городъ отъ Бѣднева. Кругомъ него все было дико, грозно, цуельяно. Пустынно, сказалъ я: но будто природа можетъ быть пустыней! Если внутри насъ нѣтъ пустоты, если

духъ нашъ не находится въ томъ безотрадномъ состояніи, въ которомъ человекъ глухъ для любви и слѣпъ для красоты, Аристотель правъ—пустоты не бываетъ въ природѣ. Не случилось ли вамъ, среди безконечной степи, любоваться на тысячу замѣчательныхъ предметовъ, на зелень луговъ, на блескъ соловчатковъ, на зыбь песчаныхъ волнъ, на перелетное облако, стараясь все замѣтить, уловить, уразумѣть, когда вы были довольны и счастливы и наоборотъ, не приводилъ ли васъ въ уныніе видъ самый величественный, самый разнообразный и веселый, потому только что васъ подавляла какая-нибудь жгучая, мучительная мысль?

Если расположеніе духа оживляетъ самую мертвенную картину, то на этотъ разъ величественная картина природы имѣла видимое вліяніе на убитую тоскою и нуждами душу суфлера. Его лицо приняло благородное, гордое выраженіе, къ которому никакъ нельзя было считать способнымъ за полчаса до этого. Бѣднень стоялъ неподвиженъ и важенъ. Небо продолжало играть свѣтомъ съ озеромъ. Вдругъ отразилось въ водѣ облако, быстро отдѣлившееся отъ горизонта и несшееся на средину неба, легкое, перистое. Воздухъ сдѣлался влажнымъ. Пахло дождемъ. Дунулъ вѣтерокъ, порывистый, рѣзкій. Въ горахъ быстрыя перемены погоды очень обыкновенны. Суфлеръ очулся, вздохнулъ; ему было такъ хорошо; но нечего дѣлать, надо искать убѣжища. Непогода ему была не страшна; грудь его могла выдержать бурю и пуще той, которая собиралась надъ головой; но гиплой сюртучишка и утлая пуховая шляпа, которымъ предетояло служить еще годъ другой, сильно боялись барометрическихъ измѣненій. Надо было позаботиться объ нихъ. Суфлеръ оглядѣлся кругомъ: пусто! жилье далеко! Но вскорѣ онъ примѣтилъ дымокъ въ лѣсу и отправился туда. Если тутъ есть люди, думалъ онъ дорогою, то, вѣрно, они позаботились укрыться отъ настигавшей непогоды. Онъ не ошибся; недалеко отъ дороги, въ группѣ лиственницъ былъ растянутъ дырявый шатеръ; далѣе стояла повозка; лошадь спутанная цѣпью, торочила уши и жалась къ дереву, чуя приближеніе бури. Собака залаяла, увидя чужаго.

— Молчать! раздалось подъ шатромъ.

Собака перестала лаять, но продолжала сердито ворчать. Бѣднень подошелъ ближе. Полуприкрытые шатромъ, поджавъ ноги, возмъ оговька сидѣли мушкетеръ и женщина и что-то варили въ котелкѣ. Мушкетеръ—лѣтъ пятидесяти, смуглый, черныи, съ свер-

маленькими глазами; женщина — несколько помоложе, съ такими же черными глазами и цвѣтомъ кожи. Мужчина былъ прикрытъ еще кое-какимъ тряпьемъ, но тѣло женщины видѣлось ото-всюду изъ-подъ дырливой рубахи; широкій платокъ или какое-то шестрое лохмотье висѣвшее на плечахъ, не прикрывало ихъ ни отъ вѣтру ни отъ любопытныхъ, и драпировалось вокругъ тѣщаго стана только «для проформы». Женщинѣ нельзя было опредѣлить лѣтъ, но, казалось, она еще недавно была хороша, и страсти не остыли въ ней. Въ глубинѣ навѣсу стоялъ старикъ полунагой. Наклонившись, возлея онъ около какого-то живаго существа, но внимательномъ разсмотрѣніи котораго можно было догадаться, что это существо, небольшое, замаранное, гадкое, принадлежитъ къ человѣческой породѣ.

Все это, люди, лошадь, собака, шатеръ, все вмѣстѣ взятое составляло цыганскій таборъ въ маломъ размѣрѣ. Довольно было взглянуть на картинку, чтобы вполне опредѣлить ея значеніе, и опытный глазъ суфлера сейчасъ узналъ ее.

Цыганка торопливо встала и пошла къ нему.

— Поворожить тебѣ, соколикъ мой! У тебя кобылка пропала; саврасая была?... Нѣтъ? Такъ видно отъ порчи отвести?... А, знаю, знаю: у барина деньги украли и на тебя поклясъ. Протаяни ко мнѣ ручку, сердечный мой, да коли задонъ посеребрена, все расскажу какъ по писанному.

— Нѣтъ, моя красавица, со мною ничего такого не случилось, а вотъ, соблазнился, пошелъ гулять, зазѣвался на горы—воды, и дождемъ пригнало на вашъ огонекъ; такъ если шлость будетъ, позвольте переждать.

Цыганка ничего не отвѣчала и сердито сѣла на мѣсто.

— Садись, садись, сказалъ цыганъ, намъ всѣмъ станеть нѣста. Ты, злая баба, зачѣмъ садишь его возлѣ мишки? развѣ не знаешь что онъ не любитъ чужихъ?

Тутъ только суфлеръ услышалъ густой басъ сосѣда; онъ хотѣлъ оправиться на мѣстѣ, и рука его уперлась о что-то мокшатое, мягкое. Медвѣдь съ самаго начала недовольный приходомъ незнакомца, озлился, когда потревожилъ его такъ неловко; и онъ взрѣвѣлъ и началъ вставать на дыбы; голова его приходилась въ уровень съ головою Бѣднева. Напрасно цыганъ дергалъ цѣпью медвѣдя: звѣрь не слушался, и, казалось, готовъ былъ загребети подъ себя суфлера. Но Бѣдневъ оставался неподвижнымъ. Красные, расклевнившиеся глаза чудовища встрѣтили

устроенный на него повелительный ларзъ челоушескій. Молва опустыла на переднія лапы, стала потать головой и потопъ легъ у ногъ суелера, который любовно поглядѣлъ мехнатаго, нишу. Цыганка глядѣла на гостя, сначала съ удивленіемъ, потомъ съ ужасомъ, отодвинулась отъ него по дальша, наконецъ встала и отошла, бормоча что-то про себя. Цыганъ придвинулъ къ нему мѣдный котелъ съ какою-то грязною жидкостью, въ которой плавалъ кусокъ сала, подавъ ложку и самъ съ жадностью принялся ѣсть. Суелеръ отвѣдалъ похлебки, только для того, чтобы не обидѣть хозяйку. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Цыганъ, отуживавъ, подавъ женщиѣ котелъ, до половины опро- станный, но та, противъ обыкновенія, не ѣла и выбросила остат- ки собакъ.

Между-тѣмъ облака выходили изъ-за горы густыми сплошны- ми массами, одна другія темнѣе и грознѣе, застилали небо, ко- торое уже бороздилось полосами дождя.

Суелеръ безпокойно поглядывалъ на небо.

— Ужъ когда ты до дождя не убрался домой, такъ теперь и грѣхъ было бы отпустить тебя.

— Спасибо, я пережду.

— Не въ обиду, и не для того, чтобы ты уходилъ, а такъ, къ слову пришлось: ты больно что-то изнѣжился; росы небес- ной боишься: кажется, житье твое не завидное, высохъ словно перекаши поле.

— А что, тебѣ жаль огня или мѣста подъ шатромъ? Пожа- луй, я уйду.

— Эхъ, что спѣсивишься! Сочтемся; я же у тебя въ долгу.

— Ты?... Развѣ зато, что я огадилъ посудину; твоя хозяйка не стала ѣсть послѣ меня: собакъ выбросила.

— Что на нее смотрѣть! У бабы волосъ дологъ, да умъ ко- ротокъ; узнаеть, такъ будетъ каяться.

— Я его и то признала: онъ—не изъ тѣхъ ли комедіантовъ, что третьяго-дня проѣхали. Негодные, станутъ у насъ хлѣбъ отби- вать. Экая невндаля, что люди кривляются; а народъ глупый такъ и пойдетъ глазѣть на нихъ, подальше отъ нашего Михайла Ивановича.

Ни Цыганъ ни суелеръ не сочли нужнымъ отвѣчать на эту выходку. Суелеръ, конечно, находилъ основательными опасенія Цыганки, которая не видѣла большой разницы между представле- ніями Цыганъ и его труппы. Цыганъ думалъ о другомъ. Молвія

разрывается небо, дико свиряет и тучи и горы и леса, востанчиво неопредѣленными образами; громъ разразился надъ самымъ нагсомъ и отаркнулъ перекатами съ горы на гору; Цыганъ вдругъ вскочилъ, и ударивъ по плечу своего гостя, вскрикнулъ:

— Га! что Али-Никуль? Еще ль не припомнишь моего долгу? Та ночь была страшная, правда.... Въ ту ночь и небо гремѣло громче и горы глѣдѣи угрюмѣе.... а все-таки похоже.... шибко похоже!... И ты со мною!... И Айша тутъ!... Не было только ихъ (онъ указалъ на стараго Цыгана и на Цыганенка). Да! морозъ по кожѣ подираетъ, какъ вспоминая. Такъ, кажется, и выснечуть злодѣи изъ за лѣсу... такъ и нахвѣтъ гарью отъ своей кожи, которую стануть поджаривать, потѣхи ради ... Да, Али-Никуль, нелюбю намъ теперь, некрасивы мы подъ своимъ лохмотьемъ; серебетъ насъ доля какъ мачиха, а все же кожи за живо не сдиратьотъ съ тѣла.... все же лучше теперь....

— Богъ знаетъ, что ты говоришь? произнесъ суелеръ, на котораго впрочемъ не произвели сильнаго дѣйствія слова Цыгана, хотя и вызывали изъ глубины души одно темное воспоминаніе. Самые ужасные удары судьбы, самые необыкновенныя событія были для него обыкновенными: онъ находился въ состояніи тѣхъ стариковъ, которыхъ уже ничто не поражаетъ, — потому-ль что они только на половину понимаютъ важность явленія, — или что для нихъ дѣйствительно уже нѣтъ ничего новаго въ жизни.

— Что жъ ты, и заправду изважничался въ свѣтѣ; видно, тебѣ въ самомъ дѣлѣ лучше того, какъ я думалъ, судя по твоему лицу да по одеждѣ. Ну, Богъ съ тобой, когда такъ! Не станемъ поминать прошлаго.

— Не сердись, пожалуйста, какая тутъ важность! моя доля не завиднѣй твоей. Я, точно, помню такую ночь, и такое же мѣсто съ горами и лѣсами, и такую же долину и грозу.... Да мало ль всего этого перебивало въ жизни!... Знаю, что меня звали когда-то Али-Никулемъ.... Но какими именами ужъ меня не называли, какими прозвищами не честили!... Я радъ забыть ихъ, потому что всѣ или были бранные или припоминають такое, что лучше никогда и не вспоминать.

— Да какъ же ты унялъ моего мишку, когда не зналъ его прежде?

— А тѣмъ и унялъ, что знаю не мишку, а всю его породу; медвѣдь бонтея много глаза. А если онъ не отошелъ прочь, и прилежь тутъ же, у моихъ ногъ, то видно и онъ узналъ меня, такъ же какъ и ты.... Вотъ и все.

— Развѣ что такъ! Пришлось же мнѣ припоминать и другое. Ты говоришь, что поминишь свою пличку. Ну, а скажи, гдѣ тебѣ называли Али-Никулемъ?

— Въ Хивѣ.

Хива! Знаете ли, что это за безцѣнная страна, сколько въ этомъ имени романа, эпопеи, баллады и комедии, сколько тайны, слезъ и могучаго интересу? О чемъ вы пишете, писатели русскіе? У васъ нѣтъ сюжетовъ для воображенія, вы не находите ничего поэтическаго на равнинѣ русскаго міра и русской жизни. А Хива гдѣ тысяча-одна-ночь донынѣ въ дѣйствіи, Хива нашъ Алжиръ и нашъ Багдадъ, у васъ на границѣ! Ступайте гулять на Ливію: если отправившись ночью бродить подъ окошкомъ своей возлюбленной, вы вдругъ почувствуете у себя на шеѣ петлю, которая давитъ васъ и тащитъ быстро въ степь, или нотою очутитесь въ кожаномъ мѣшкѣ, изъ котораго выпустятъ васъ черезъ нѣсколько дней на Божій свѣтъ въ странѣ ясной и пахучей, гдѣ васъ сдѣлаютъ изъ романиста воеводой сухонутныхъ и морскихъ слѣзъ какого-то калфа, или посадятъ на козъ, гдѣ вы можете также встрѣтиться нечаянно и съ вашей возлюбленной и еще быть приставленнымъ къ ней въ качествѣ знучуха — вотъ поэзія, вотъ событія великія, трогательныя, занимательныя, стоящія быть распѣтыми въ оперѣ, рассказаны въ стихахъ и прозѣ, къ общему удовольствію родныхъ читателей. Кавказъ! Что такое Кавказъ, къ которому въ отсутствіи всего новаго стремится мысль ваша по избитымъ слѣдамъ Пушкина? Кавказъ — пошлѣе желѣзной дороги. Хива — дѣло другое. Бухара, Самаркандъ тутъ же: тамъ еще и теперь живетъ братъ того султана, который былъ женатъ на Шехерзадѣ и порой, ночью, слушаетъ въ своемъ гаремѣ рассказъ русской красавицы о чудесахъ Сѣвера. Надобно знать, возвращаясь къ султеру, что въ Средней Азій невольники изъ Русскихъ часто сохраняютъ свои прежнія имена, но къ нимъ еще присоединяютъ другія, получаемыя отъ туземцевъ. Само собою разумѣется, что въ устахъ магометавъ это соединенное имя пзмѣняется на нѣсколько ладовъ, такъ что подъ-конецъ въ немъ едва отзывается остатокъ первоначальныхъ звуковъ: изъ Николая обращается въ Али-Никуля, изъ Егора въ Юранъ-Мухамета, и такъ далѣе.

— Ты начальствовалъ въ Хивѣ надъ артиллеріей, вѣстѣ съ бѣглымъ мѣщаниномъ изъ Астрахани, сказалъ цыганъ.

— И это помню....

— Повторяю: у насъ былъ Рахмъ-бай; плѣнный изъ Персія.

— Далеко.

— Товарищъ твой бѣжалъ, хотѣ ему было и житье въ Хивѣ; теперь онъ въ Астрахани продаетъ пряники. Спустя немного времени, Рахмъ-бай подумалъ: чтѣ жъ, когда Астраханецъ убѣжалъ, почему же и мнѣ не убѣжать! вѣдь я вѣсмысленнѣй и не шворобѣй. Ему, правда, тоже не худо было въ Хивѣ, да, можетъ, въ другомъ мѣстѣ лучше будетъ. Подговоривъ еще одного изъ своихъ, выждалъ онъ темной ночи и былъ таковъ. Да скоро спохватился. Въ ту же ночь ты, по приказу хана, кинулся со своимъ въ погоню и догналъ насъ.... Я бывшій Рахмъ-бай. Я знаю, что ты видѣлъ бѣглецовъ, узналъ.... и однажды проскакалъ мимо.... Спасибо тебѣ.

— Ну, довольно, довольно. Теперь я все припоминалъ: ты точно Рахмъ-бай!

— Слава Богу, на-слу-то узналъ. А я думалъ, что ты уже и совсѣмъ забылъ про наши артиллерійскія дѣла.

— Чему жъ ты обрадовался? Развѣ тебѣ легче отъ того, что я узналъ тебя; развѣ веселѣе, что мы увидѣлись? Ну, гляди: хороша я?... видишь, какое славное платье: красно? а кожа такъ пристала къ костямъ, что словно кто нарочно высушилъ ее. Поможешь ли мнѣ, что ли, если узналъ; или отъ меня хочешь помощи. Ладно, жди.

Цыганъ помоталъ головою, какъ человѣкъ, которому больно и глядѣть и слушать. Онъ не плакалъ, потому что не умѣлъ.... Гдѣ жъ Цыгану плакать; но чувствовать — чувствовалъ глубоко....

— Что будешь дѣлать, товарищъ? Видно, наша доля такая, сказалъ онъ: бѣжали отъ почестей, и вотъ я здѣсь — съ медвѣдемъ, а у тебя, пожалуй, и этого нѣтъ.

— Я самъ знаю, что доля такая; я не радуюсь ни чему да и не жалуясь.... Ты обрадовался мнѣ и зачалъ рассказывать бы-лос.

— Нельзя же мнѣ было не сказать, что не забылъ, какъ ты мнѣ спасъ жизнь; вѣкъ буду помнить и благодарить тебя....

— И что на память кое-что стащилъ у меня.

— Да, правда, стащилъ. Цыганская натура, знаете! Чтѣ жъ, я и не отрицаюсь! Я — честный человѣкъ; но есть что-то въ крови.... не надо чего, да когда плохо лежитъ, стащивъ неволью. Все-таки я буду помнить твою услугу. А коли нужно тебѣ твое добро, возьми его назадъ. Вотъ она, твоя Айша.

— Айша? вспракнуль суэлэръ, узвасомый воспоминаніи.

Цыганка оглянулась. Суэлэръ посмотрѣлъ на нее грустно. Айша успокоилась, увидя его кроткое лицо, и подошла поближе: она томе что-то припоминала...

— Айша, вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ мы не видались!

— Али-Никуль!....

— Чтò! не вѣритосъ глазамъ?

— Да вѣдь ты былъ совсемъ не таковъ: и молодъ, и красивъ, и силенъ.... если бъ не сманилъ меня этотъ проклятый (она указала на Цыгана) да было бы у тебя хоть сколько-нибудь нашей крови или нашего права, да еще жилъ бы ты на волю, а не въ рабствѣ, ни за что я бъ тебя не покинула. Гдѣ же, такое молодечество, Али-Никуль, вѣдь десять лѣтъ—не вѣки!... гдѣ жъ твоя сила, гдѣ красота?...

— Ты еще о чемъ-то не спросила, Айша?

Легкій вздохъ вырвался изъ изсохшей груди Цыганки.

— Что вспоминать о томъ, чего нельзя воротить.

— Почему знать?... а если можно!

— Айша махнула рукою, и прибавила въ дополненіе къ своему жесту:

— Я дура, что спрашивала, куда ты дѣлъ и молодость и красоту и силу.... Я знаю, куда все это дѣвается: оборветъ вѣтеръ вѣствѣ съ лохмотьями платья, обгложетъ нужда или высосетъ горе. Почти лучше и не имѣть ихъ, чтобъ потомъ не жалѣть и не маяться; почти лучше и не родиться, не знать всѣхъ мукъ, что испытали мы, отдавая и молодость и силу и красоту за кусокъ хлѣба; или ужъ кто родился не въ сорочкѣ, такъ скорѣе и умирай.... жалѣть объ умершихъ не должно: они спокойны и счастливы.

— Я жалѣю не объ умершихъ, а 'о живыхъ, о тѣхъ кому предстонтъ такая же доля какъ и наша.

Айша поглядѣла на него внимательно; потомъ, какъ бы желая, чтобъ сказанное было неправда, произнесла грустнымъ голосомъ:

— Полно дурить, Али-Никуль!....

И отошла прочь.

Между-тѣмъ Цыганъ, призадумавшійся на-время при видѣ стараго товарища, котораго зналъ когда-то въ славѣ, хотъ и въ рабствѣ, раздѣляя самъ выгодное положеніе его, успѣлъ обратиться къ естественному теченію житейскихъ нуждъ и потребностей.

Знаешь ли: что я узнала, отъ прощенье глупости — Эх-на, кабы старикъ: иная женщина бы съ тобою старину, какъ жили въ буржуазной землѣ, какъ пивали напореноръ заперту хитрѣ. Прислушай, товарищъ, не сердись, пожалуйста, за нее: ничего не стоитъ, вотъ те Богъ, ничего не стоитъ! За твою побѣду надъ Персианамъ, какъ подарили тебѣ, право, такую драгъ, что изъ ружья погнѣ. Спали наъ ослѣбе, за-то что я уирали ее: съ уна свѣдѣ: бы: тебѣ: мой надежда затымать себѣ уши отъ ея крику. Не сердись тоже и на нее: что она была у тебя?... невольница, в челоко. Ну, захотѣлось и еѣ подышать свободой, быть госпожой.... Вотъ теперь, когда мы съ тобою почти сравнялись и плашемъ съ горя, я съ надеждою, а ты съ безразличемъ, теперь.... по рукамъ! Все по поламъ.... да и давай занеать погарычью....

— Нѣтъ, товарищъ, она обманала отъ меня, когда я былъ по-малому и по-богаче: теперь и подавно не захочетъ она млыать со мною горе.

— Не ея дѣло разсуждать: куда волатъ, туда и ступай.

— Богъ съ нею. Она бросила меня однажды, бросила добровольно, такъ ея дѣло рѣшено. Тебѣ же хозяйка нужнѣе: тамъ что-то у васъ барахтается маленькое?

— Ну, отъ того она рада: бы убѣжать на край свѣта.

— А что, развѣ чужое кто называлъ?

— Когда бѣ чужое, Богъ бы съ нимъ! А то такое уродилось, что: смотрѣть гадко. Мы на него почти и не смотримъ.

— Не хорошо, товарищъ, все-таки своя кровь, человекъ: этакъ видѣтсѣ глупый ребенокъ, Богъ накажетъ, а вѣдь ты прежде боялся Бога.

— Что было прежде, Алл-Шкуль, того не воротить.

Бѣднень (соболѣзновательно покачалъ головою. Людей, сильнѣе волей и духомъ, бѣдетвія человеческія укрѣпляютъ, развѣщая въ нихъ: правды и утѣшенія религіи, внушая мужество въ лишеніяхъ; прозрѣніе къ опасностямъ; но люди слабые рѣдко выдерживаютъ тяжкія некую судьбы: они впадаютъ въ отчаяніе, становятся чуждыми чувствъ самыхъ естественныхъ, неприступными къ удовольствіямъ души, самымъ сподручнымъ и простымъ.

— Объ этомъ пострѣленкѣ не заботься, продолжалъ Цыганъ; какъ старикъ его восторжнѣ и взлетѣть лучше матери и отца; снѣ и намъ прѣдется помятаться за свою нелюбовь къ нему, потому что чертенокъ не терпитъ насъ болѣе чѣмъ мы его не

любимъ. Нужды вѣтъ, что мать гадаетъ еще не исполнилась, а если бы сслезки катили, покатилъ бы я еще и мать; на все смыслу хватаетъ у меня. А ужь что ни поладится даже, такъ и торопится; съ собакою грезится; только и знаетъ, что старика дѣла.

— Такъ видишь ли! вотъ тебя Богъ и наказалъ.

Цыганъ поворочился, почесалъ затылокъ, пелъ челобѣтъ, которому тяжело вспоминать о прошломъ, и, жонка дакъ другой оборотъ рѣчи, прибавилъ:

— А что, товарищъ, видно, на радости, что увидѣлся, не выпьемъ?

— Хероша твоя радость!... Слани, лучше, съ горя.

— Съ горя, такъ съ горя!

— На, возьми вотъ это, да вынесите адюсомъ съ Айшой, чтобъ она не поминала меня лихою, да чтобъ немасловѣй была, если въ иной разъ приду.

— Да самъ-то ты куда?

— Некогда, товарищъ, работы много. Теперь разгулялось, такъ я и побреду домой.

— Да ночь-то всегда наша.

— Была прежде. А теперь ни донь ни вочь не моя. Прощай, товарищъ. Прощай, Айша; можетъ быть мы еще увидимся.

Встрѣча Бѣднева съ Цыганомъ навела его на печальныя мысли, воскресивъ прошедшее, гдѣ много свѣтлыхъ точекъ манила душу, и гдѣ настоящее ложилось на нихъ чернымъ, страшнымъ пятномъ. Но Бѣднень старался прогнать отъ себя эти горькія думы. «Что жъ тутъ такое, думалъ онъ, было хорошо, было и худо, все изжилось, все забылось; право, какъ ни жить, всё-равно. Если бъ у меня не было заботы объ Лалѣ, такъ я бъ жилъ, какъ живетъ этотъ Цыганъ, и не зналъ бы печали. — Эхъ, старикъ, старикъ, сказалъ онъ про себя укоризненнымъ голосомъ: тебя видно стала тяготить житейская забота; стыдно, грѣхъ.... Безъ нихъ жизнь была бы не въ жизнь, а просто — прѣвѣншійся кормъ.»

Размышляя такимъ образомъ, Бѣднень вошелъ въ городъ. Тутъ онъ вступилъ въ свой обыкновенный кругъ труда и умиженія. По мѣрѣ того, какъ онъ оставалъ за собой величественныя картины природы и являлся передъ рядомъ бѣдныхъ домиковъ, душа его съживалась; робко проходилъ онъ по улицамъ, гдѣ уже было пусто, и торопливо снялъ шапку, поровнявшись съ домомъ импрессаріо, хотя на дворѣ было совсѣмъ темно.

Бѣднень въсталъ тихо въ чуланчикъ, отдающій ему в Лалѣ, онъ боялся потревожить ноюй дѣвочки. Но Ляля не спала. Наклонившись низко надъ тетрадкой, слабо освѣщенной догоравшимъ ночникомъ, она списывала одну изъ ролей, которыми былъ заваленъ сундукъ.

Бѣднень оставался у порога и нѣсколько времени глядѣть на дѣвочку взоромъ полнымъ нѣжности и соотраданія. Наконецъ онъ произнесъ ей нѣм. Ляля слегка вздрогнула и оборотила улыбающуюся головку; она узнала голосъ старика.

— А что я тебѣ говорилъ, Ляля? произнесъ старикъ съ упрекомъ, но съ упрекомъ полнымъ заботливаго участія.

— Тятя, мнѣ было скучно, и я, право, отъ скуки стала писать.

— Отъ скуки? Не обманывай меня. Развѣ не веселье писать спокойно въ своей постелькѣ? вѣдь теперь за полночь; а я вижу: ты во все время моего отсутствія и не прилегла, вотъ какая большая роль: всю списала! Не хорошо, Ляля, посмотри на себя, глаза красные, какъ у кролика, сама ты блѣдая, какъ смерть.

— Все же мнѣ молодымъ глазамъ легче разбирать каракульки чѣмъ твоимъ, да еще сквозь очки вечеромъ. У! тятя въ очкахъ! страшный какой.

Видно было, что Ляля хотѣла отдѣлаться шуткой.

— Не легче и теперь, продолжалъ старикъ, но-видному, неподдававшійся шуткѣ. Я прогулялъ весь вечеръ, а ты бѣдняжка отвѣтила за грѣхи мои, трудилась какъ мученица.

— Что ты, что ты! Да мнѣ было прелегало; роль такая забавная... Почти вся въ памяти осталась.

И Ляля стала декламировать своимъ звучнымъ голосомъ.

Бѣднень слушалъ съ наслажденіемъ.

— И ты только переписала роль, не учла?

— Гдѣ учить! До того ли! Я боялась, чтобы ты не засталъ работы неконченною и не засѣлъ самъ на всю ночь; ты вѣдь всегда отнимаешь у меня перо: такой сердитый!

И Ляля уже сидѣла на колѣняхъ у Бѣднева, и лукаво грозилъ ему пальчикомъ.

— Ну, хорошо, хорошо, плутовочка: я не хочу тебя хвалить, чтобы не избаловать. Ты устала, сердечная, закуси маленько. А знаешь, что я тебѣ сегодня припасъ?

— А что?

— Угадай.

- Булку, съ тухонскимъ масломъ?
- Лучше.
- Печеный картофель?
- Лучше.
- Неужели.... Да гдѣ намъ взять такой роскоши??
- А чѣмъ?
- Кашу съ молокомъ?
- Лучше.

Старикъ не желая болѣе испытывать терпѣніе Ляли, вынулъ изъ одного кармана колбасу, а изъ другаго два яблона и торжественно поднялъ вверхъ руки.

— Ахъ! яблоки!

И Ляля повисла на рукахъ старика, доставая эти сокровища нившей гастрономіи.

— Чтò, плутовочка! видишь ли, и тятя иногда бываетъ ласковъ, не всё журитъ тебя, бѣдненькую; кушай же на здоровье, а потомъ ложись спать.

Ляля обвила руками вокругъ шеи старика.

— Нѣтъ, тятя, нѣтъ! Вѣдь ты принялся бы за дѣло, когда бы я не переписала этой роли: теперь работы нѣтъ, такъ сиди со мною виѣсть. Ты всегда отрываешься для меня только на минутку; и тогда жаль смотрѣть на тебя: такой измученный!.. самой становится больно. Теперь же, самъ говоришь, что гулялъ вечеръ; и по лицу видно: свѣжое, ясное; на завтра снѣжной работы нѣтъ, такъ нечего вставать съ цѣтухами; посидишь часочекъ.

— Только бы ты не измучилась. Миѣ что дѣлается! старыя кости обтерлись. Покушай еще маленько.

Бѣднень съ нѣжностью женщины и со всею неловкостью мужчины кормилъ Лялю, не сходившую съ колѣнъ его.

— Миѣ сегодня весело, я ждала тебя, и первое слово что сказать хотѣла: весело, тятя!.. да вотъ ты заговорилъ о другомъ; я и забыла.

Старикъ также повеселѣлъ.

— А! знаю отъ чего тебѣ весело, знаю, знаю. Хочешь, скажу?

— Совѣмъ не то, что ты думаешь; не угадаешь.

— Нѣтъ, я угадалъ. Тебѣ весело отъ того, что скоро появившись на сценѣ.

— Вотъ и не угадалъ!

— Ну, полно притворяться со мною.

— Говорю, что не угадалъ. Мнѣ хотѣлось на сцену, я не тащусь, но я узнала, каково быть актрисой, и болѣе не думаю объ этомъ. Бывало, и страшно и весело передъ тѣмъ какъ выходить на сцену; а выйдешь, и ничего: всё равно что на улицу; только глазами больно отъ свѣту. Правда, стоишь за кулисами, сердце такъ и бьется, какъ слышишь хлопанье, а выглянешь изъ закулисы — у!... какіе пустяки. Люди хлопаютъ просто для своей забавы, словно орѣхи шелкаютъ. Имъ ни какой радости нѣтъ отъ насъ: кто разговариваетъ, кто зѣваетъ, кто аплодируетъ отъ нечего дѣлать; а если и есть пара другая глазъ, что смотреть на актеровъ, что какъ будто впились въ нихъ и хотятъ высосать изъ нихъ не только смыслъ роли, но даже и кровь, такъ эта пара глазъ сверкаетъ на такомъ жирномъ и гадкомъ лицѣ, и гладятъ такъ главно, что — смѣхъ и отвращеніе.

— Э! плутовочка! понимаю, чего тебѣ хочется: другой публички, болѣе блестящей, столичной.... Я знаю, ты достойна такой сцены, моя ненаглядная.... да что жъ дѣлать!... Капиталовъ не хватаетъ дѣлать до столицы.

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то!... что мнѣ въ публичкѣ? мнѣ гораздо веселѣе говорить свою роль передъ тобой. Если бъ было хоть одно лицо изъ всѣхъ въ театрѣ, такое лицо, передъ которымъ страшно осрамиться и весело отличиться.... такое лицо, на которое можно бъ было заглядѣться.... такъ всё же оно будетъ лицо не по мнѣ, недоступное, мучительное.... А то, просто, спать хочется на сценѣ.

— А лицо нашего содержателя театра, развѣ не наводитъ на тебя страху. Развѣ не стѣнитъ отличиться передъ нимъ?

— Что мнѣ онъ!... Не боюсь я его. Правда, больно дерется, да мнѣ весело видѣть, какъ онъ бьется.

— Лялечка, дружечекъ, уймись, хоть для меня, не сердн его болѣше; иначе онъ не дастъ тебѣ роли.

— А жалько бы было, потому что мнѣ сегодня опять захотѣлось играть.

— А почему именно сегодня?

— Да право я и сама не знаю: такъ!...

Бѣдненькій посмотрѣлъ на дѣвочку пристально, но онъ никогда въ ней ничего другаго не видѣлъ, кромѣ любви къ себѣ и ея красоты. Онъ былъ убѣжденъ, что Ляля произведетъ чудеса во всѣхъ родахъ искусства; но, не имѣя возможности развить въ ней образованіемъ ни одной изъ многостороннихъ способностей, одъ му-

чился душевно среди всѣхъ усилій вывести ее на подмостки. Онъ унижался передъ импрессарио и передъ примадонной. Умѣя твердо бороться съ самыми горькими испытаніями жизни, онъ не умѣя подчинить своей Лалѣ капризамъ надменнаго Мурдасова и условіямъ бродячей сцены. Ляля гордо возставала противъ тиранства людей, составлявшихъ труппу, въ которой всякій считалъ себя старше ея и, слѣдовательно, въ правѣ обижать бѣдную дѣвочку. Отъ совершеннаго загоненія ее спасали только шутовской, веселый нравъ и остроуміе, которое каждый старался привлечь на свою сторону въ этомъ страшномъ обществѣ, всегда жившемъ въ разладѣ между собою. Каждый нуждался въ оружіи Ляли, чтобы разить противника. Ляля также была необходима для переписки ролей, потому что Бѣднень въ одиночку не справился бы одной съ работою за множествомъ другихъ занятій. Притомъ отдѣлать ихъ другъ отъ друга было невозможно; а уступчивость суфлера, желаніе угодить всякому, необыкновенное терпѣніе и трудолюбіе заставляли импрессарио держать въ труппѣ и Лялю. Зато Ляля была въ родѣ паршивой собаченки, которой давалъ пивка всякій мимошедшій и которая отгрызалась отъ каждаго.

— Такъ вотъ видишь ли, Ляля, продолжалъ суфлеръ: отъ твоей покорности все зависить. Если ты отличишься въ первой роли, тебѣ дадутъ другую, лучшую, потомъ еще и еще, все лучше и лучше.... Ты превзойдешь и Амфизу Дмитріевну, за поясъ заткнешь ее.... (Бѣднень сказалъ это тихо); тебѣ будутъ аплодировать, кричать—браво; всюду, куда ни появишься, будутъ шествовать тебѣ букеты, писать тебѣ стихи, рассказывать о тебѣ въ губернскихъ газетахъ. Мурдасовъ поѣдетъ, пожалуй, и въ Нижній на ярмарку; теперь ему нечего тамъ дѣлать, не кѣмъ удивлять, а тогда вся ярмарка сбѣжится смотрѣть на тебя, какъ на чудо. Хозяинъ въ восторгѣ, обнимаетъ тебя, холить, вѣжливѣе, рядить.... На короткую ногу стать съ тобою не осмѣетъ; онъ теперь иногда бьетъ тебя. Но тогда—другое дѣло! Ты будешь жить какъ княгиня.... Чего тогда не будетъ? Тебя повезутъ въ Москву, въ Питеръ.... Въ Питеръ, слышишь Ляля?...

Суфлеръ взглянулъ на дѣвочку, сидѣвшую на колѣняхъ. Голова ея давно склонилась на плечо старика, какъ вѣтчикъ цвѣтка на стебель послѣ сильнаго дождя; глаза были закрыты. Усталость и поздняя пора ночи произвели свое дѣйствіе. Ляля спала сладко, тихо, подъ музыку отрадныхъ мечтъ, которыя напѣвала ей любовь старика. Румянецъ показался на щекахъ, какъ это

часто случается во снѣ съ лицами самыми блѣдными, потому что въ это время кровь течеть правильнѣе и самое дыханіе становится жарче. Алыі ротикъ Ляли былъ полураскрытъ: сонъ захватилъ ее именно въ ту пору, когда она хотѣла отвѣчать Бѣдневу, или, можетъ-быть во снѣ ждала она чьего-то поцѣлуя.... Дѣвочка была ангелообразна въ эту минуту. Бѣднень любовался долго; наконецъ бережно поднялъ ее на руки и понесъ къ постели, стоявшей изголовьемъ къ окну.

Поровнявшись съ окномъ, онъ услышалъ легкій шелестъ на улицѣ и невольно посмотрѣлъ. То, что Бѣднень увидѣлъ, заставило его такъ сильно вздрогнуть, что онъ чуть не уронилъ Ляли. Дѣвочка проснулась, раскрыла глаза; взоръ ея невольно ушалъ на окно; она вскрикнула.

Глаза ея встрѣтили пару черныхъ блестящихъ глазъ, но такихъ блестящихъ, что они врѣзались ей глубоко въ сердце. Лица, которому принадлежали эти глаза, она не рассмотрѣла; едва примѣтила его; одинъ глаза блеснули передъ нею, и такъ скоро-точно, такъ неопредѣленно, что Ляля не могла отдать себѣ положительнаго отчету, во снѣ ли, на яву ли видѣла ихъ. Но эти глаза, она видѣла ясно, помнила хорошо, и никогда не забудеть ихъ блеску. Напрасно Бѣднень увѣрялъ, что это ей пригрѣзилось во снѣ, что ничего не бывало: Ляля тоскливо поглядывала то на окно, то на старика. Она была не трусиха, но тутъ оробѣла; ей показалось, будто Бѣднень что-то скрывалъ отъ нея; безотчетный страхъ противъ воли тѣснился въ сердце. Наконецъ, убѣжденная отцомъ, Ляля легла въ постель и зажмурилась; но все перещилась ей пара устремленныхъ на нее глазъ, и тогда она быстро открывала свои.... Въ комнатѣ былъ только Бѣднень, сидѣвшій на краю постели. Ляля металась какъ въ лихорадкѣ.

— Богъ съ тобой! шепталъ встревоженный старикъ. Хочешь я что-нибудь почтаю.

— Боюсь, тятя!

— Не бойся, моя дитя: я говорю, что тебѣ пригрѣзилось, ты спала. Сама посмотри! Ничего нѣтъ, это кошка прыгнула на окно; да, точно черная кошка. У! я тебя, кошка, зачѣмъ пугаешь мою Лялю, и онъ грозилъ кулакомъ на окно, и силился улыбиться своей Лялѣ. Перекрестись, Ляличка, и закрой глазки.... а я стану читать.

Поправивъ на ней одеяло, онъ взялъ книгу и сталъ читать.

Онъ это часто дѣлывалъ. Въ Лялѣ была странная смѣсь эгоизма и безусловнаго самопожертвованія, ребяческаго каприза и силы воли удивительной, какъ-будто въ ней отразилась вся случайность и беспорядочность ея рожденія. Такимъ образомъ, она, готовая принести всякую жертву отцу, нерѣдко заставляла его проводить цѣлыя ночи у своего изголовья въ разсказахъ о страствованіяхъ его или добывать для себя вещицы, которыя стоили ему большихъ трудовъ и издержекъ. Ляля привыкла думать, что и при ея ограниченныхъ средствахъ для нея—все возможно. Конечно, дѣтскія ея желанія и не распространялись слѣшкомъ далеко. Лялѣ наконецъ стало жаль старика. Она натянула на голову одѣяло и притаялась спать. Старикъ всталъ, перекрестилъ ее, и самъ готовился лечь, но мысли его заняты были не сномъ: онъ безпрестанно поглядывалъ на окно, наконецъ, затуманивъ ночникъ, легъ, захравѣлъ, чтобъ Ляля думала, будто онъ спитъ. Черезъ нѣсколько минутъ, которыя показались ему часомъ, онъ оставилъ свое жесткое ложе, тихонько вышелъ на улицу, и очутился лицомъ къ лицу съ Айшой.

— Что тебѣ? спросилъ онъ довольно сурово.

— Это я.

— Кто такая?

— А твоя-то.... Айша.

— Зачѣмъ же ты очутилась здѣсь?

— Правда твоя, мнѣ что за дѣло? Да вотъ ты же соблазнилъ меня: ни съ того ни съ сего далъ четвертакъ; я и думаю себѣ: видно, богатъ, дай-ка посмотрю точно ли богатъ, или только тароватъ. Вѣдь можетъ-быть еще и сойдемся. Благо, шла въ городъ за виномъ, и зашла подглядѣть, что у тебя въ избѣ; да видно изъ-за плохихъ достатковъ разщедрился. Мы, Али-Никуль, когда-то жилали совсѣмъ не такъ.

— Айша, ты сама сказала, не годится вспоминать о томъ, чего нельзя воротить. Прошедшаго не воротить.

Айша ничего не отвѣчала. Подпершись рукою, она стояла въ задумчивости.

— Такъ прощай, Айша, пооди, пора спать.

— Все равно когда ни спать: днемъ или ночью, все равно спать или не спать, произнесла она, оставаясь все въ томъ же положеніи.

— Для тебя такъ, но для меня нѣтъ. Мнѣ надо собраться съ силами, чтобъ взаться по-обыкновенному за работу.

— Такъ ты много работаешь?

— Да; такъ много, что нельзя терять времени на разговоры.

— Вѣднjackа Али-Никуль!

— Прощай.

— Постой маленько. Выходить наша жизнь лучше твоей. Намъ время ни почемъ, мы и не думаемъ объ этой дряни; тратьниъ сколько хотишь, а тебѣ и оно дорого приходится. Съ нами лучше жить, чѣмъ въ городѣ.

— Можетъ-быть.

— Такъ что жъ, Али-Никуль, подумай. У насъ всегда просторъ; чужаго мѣста не отсидишь.

— Да мнѣ немного надо мѣста.

— Труднѣе было привыкать къ вашей жизни, а вотъ, видишь, я привыкла; тебѣ жъ не привыкать стать къ вѣтру, дождю и голоду.

— Пустяки, Айша. Можетъ-быть и послужаея бы тебя, когда бъ былъ одинъ. Я пожилъ на свѣтѣ: мнѣ теверъ все равно, какъ ни доживать вѣкъ; и какъ подумаю, чего не перетерплю здѣсь въ день, такъ право не хуже было бъ стать Цыганомъ, или бѣжать въ Хиву, въ Ташкентъ, въ Бухару....

— Ну, такъ что жъ? Ты вѣдь разумный, ты между нами скорѣе умудришься, какъ зашибить конѣику; а вотъ мы, такъ въ шу-пору не недѣламъ не видимъ хлѣба.

А ee ты забыла? сказалъ Бѣднень, указывая на окно.

— Ты говоришь про *твою-то*: Что жъ, и ee!...

— Ты съ ума сошла, Айша! Прощай.

— Ну, да ладно, мы поговоримъ послѣ объ этомъ.... Видно еще не присѣла пора. А вѣдь была хороша; смугла больно.... такъ, что, между нами, ея бы никто и не отличилъ отъ насъ.

— Не говори о ней ничего такого.... слышишь!... я не люблю, когда ты говоришь о ней.

— Смотри, не будь свѣсивъ больно, Али-Никуль! Мнѣ какъ-то сдается, что ты когда-нибудь заговоришь на другой ладъ со мною.

— Прощай, Айша, прощай! Не приходится съ тобою есоряться.

Али-Никуль ушелъ въ свою комнату. Айша не отвѣчала ни словомъ ни движеньемъ на его прощанье; долго оставалась она въ неподвижномъ положеніи, размышляя о чемъ то, потомъ, по своему обыкновенію, безопасно махнула рукой; сдѣлала нѣсколько шаговъ отъ дому, вынула изъ-подъ лохмотья штофникъ съ ви-

номъ, за которымъ приходила въ городъ, хлебнула изъ него глотка два и отправилась впередъ.

Дорогою она останавливалась у домовъ нѣсколько привлекательной наружности, стараясь выглядѣть или подслушать, что въ нихъ происходитъ, чтобы заготовить матеріалами для будущихъ предсказаній. Вниманіе ея обратилъ на себя особенно одинъ домикъ, стоявшій на береговой улицѣ, не далеко отъ дому правителя. Тутъ уже всѣ спали. Цыганка подошла къ окну кухни и тихонько постучалась. Ей отвѣчали изнутри, и вскорѣ на улицу вышла молодая дѣвушка, какъ видно было, поджидавшая таинственную посѣтительницу. Послѣ двухъ трехъ словъ, сказанныхъ въ полголоса, дѣвушка увела ее съ собою во дворъ.

Не нарушайте теперь своимъ любопытствомъ сладкой тишины и покою въ этомъ домикѣ.

На слѣдующій день, вечеромъ, въ домѣ, чистенькомъ снаружи, опрятномъ внутри, у стола, передъ полу-опорожненнымъ стаканомъ чаю, сидѣлъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, очень толстый, съ лицомъ здобынымъ, лоснящимся, широкимъ какъ каравай; сидѣлъ плотно, безпечно, прямо; руки, опущенныя въ самомъ лѣвномъ положеніи, покоились на колѣняхъ; взоръ, устремленный впередъ, составлялъ со спицею ливіей отлично прямой уголъ; нижняя челюсть нѣсколько отвисла, оттянутая массивнымъ подбородкомъ, но носъ широкій, толстый, раздвоенный, возстаивалъ симметрію, прикрывалъ собою безпорядокъ. Вся фигура изображала олицетворенныя безпечность и доброту. Съ перваго взгляду можно было сказать, что этотъ человѣкъ никогда не горевалъ, ни на что не сердился, а въ настоящую минуту ни о чемъ и не думалъ; впрочемъ, широкій лобъ показывалъ, что подъ нимъ могла помѣститься мысль, а общая молва утверждала, что Богъ не даромъ далъ ему таланъ. Около этого человѣка суетилась и хлопотала женщина, тоже не молодая, но сохранившая весь пылъ своей дѣятельной природы, въ чемъ ясно убѣждали бойкіе, блестящіе глаза и всѣ движенія. Она походила на легкой кавалерійскій отрядъ, осаждающій отовсюду крѣпость, идущій на нее приступомъ и налетомъ; но крѣпость не сдавалась. Толстый котъ, стѣжившись на лежанкѣ, посматривалъ, прищуривъ глаза, на ея маневры; въ углу, на столѣ, ворковалъ кипящій самоваръ, который, казалось, считалъ себя тутъ семейнымъ: группа — совершенно теніеровская.

Почтенная чета, — но не лишне прибавить, что одну половину ея звали Спиридомомъ Ильичомъ, а другую Мардаксеей Павловной, оба же имѣетъ Байбанцкиными, — почтенная чета сумерничалъ. Сумерничать — выраженіе мѣстное, чрезвычайно мѣтное; оно значитъ — сидѣть въ бездѣйствіи, въ совершенномъ покоѣ тѣла и мысли, когда день склоняется къ вечеру, а семейная экономія не позволяетъ подавать свѣчей, когда челоуѣкъ уже покончилъ труды и заботы дня, разсчитался и простился съ нимъ навсегда, бросающъ эту новую каплю въ море вѣчности и съ удовольствіемъ ждетъ ночи, а съ нею забвенія и счастья. Сумерничать — дѣло очень хорошее, но не всякому дается талантъ сумерничать.

Мардахея Павловна непремѣнно хотѣла говорить, потому что устала дѣйствовать. Всячески задорила она мужа, то вопросами, то колкими намеками: спорить или любезничать — ей было все равно, только бы говорить; но мужъ не поддавался; изрѣдка произносилъ какія-то однозвучныя слова, въ родѣ у или э, и дополнял ихъ въ знакъ согласія или отрицанія морганиемъ вѣкъ: вынуть головою ему было не легко — онъ сидѣлъ на крѣпкомъ фундаментѣ и сумерничалъ.

— Пипянька, душечка, хочешь еще стаканчикъ чайку? А?... что?... одинъ стаканчикъ еще?... Моргнуул?... ву, хорошо....

И она немедленно явилась съ огромнымъ стаканомъ чаю, поставила его передъ дражайшимъ супругомъ, и продолжала:

— А слышалъ ли ты, душеньокъ, какъ вчера сердился правитель на секретаря?

Расширеніе зрачковъ Байбанцкиныхъ выразило недоумѣніе.

— Вотъ то-то же! не слушаешь меня дуру, а сколько разъ и тебѣ твердила, чтобъ ты не пускалъ къ нему съ докладомъ этихъ неучей?... Нѣтъ, сидишь дома, будто дѣло дѣлаешь, будто не слышишь когда тебѣ говорятъ. А правитель дотога осердился, что съ нимъ чуть дурно не сдѣлалось. Тебѣ ни почемъ, лишь бы ты толстѣлъ да пыхтѣлъ; а онъ, сердечный, совѣмъ взмутился, на чемъ кожа держится.... Онъ за всѣхъ одинъ работаетъ. Больно, какъ подумую объ немъ. Ты вѣдь называешься его помощникомъ: къ тебѣ онъ вѣру имѣетъ, тебя слушается и не выходитъ изъ себя, когда съ тобою говорить. А вѣдь это трудно: будь хоть камень, и тотъ треснетъ споря съ тобою; надо имѣть мое терпѣніе. Вотъ каковъ ты: тебѣ говоришь, а ты и ухомъ не поведешь.

Объясненіе, вѣроятно, показалось Байбанькинѣ слишкомъ важнымъ, потому что онъ на этотъ разъ пошевелилъ губами:

— Мумочка, я не зналъ.... я сейчасъ пойду....

— Ну, вѣрю, вѣрю: ты ему предашь, ты его любишь, такъ любишь — что готовъ для него забыть и меня и дѣтей.... если бы у тебя были дѣти.... Да кушай же чай, дружокъ!... только не торопись.... нето поперхнешься; ты такой меловкой.... Вотъ недавно у правителя, ты, говорить, дотого расхотѣлся, что чуть не сбилъ съ ногъ инспектора.... Ты вѣдь только съ женою сидишь увальнемъ.... не найдешься ей слова сказать; жена дура, что жъ съ ней говорить!...

Байбанькинъ испустилъ звукъ, который, вѣроятно, означалъ самое упорное отрицаніе, потому что жена вдругъ подхватила.

— Ну, ну, ужъ ты мнѣ пожалуйста объ этомъ не говори! Молчи лучше, напрасно силишься переувѣрить; сама знаю, что я необразована, глупа, не умѣю доставить тебѣ ни развлеченія, ни удовольствія; знаю отчего ты бѣгаешь своего дому какъ чуми.

— Мумочка!...

— Ты хочешь сказать, что часто сидишь дома, что ли?... Э?... я угадала?... Часто, нечего сказать! Если ты и дома, что толку въ тебѣ? двухъ словъ не скажешь любовно, только и дѣла что споришь молча. Вотъ и въ четвергъ, какъ ѣхали актеры.... Ахъ, пипочка, слыхалъ ли ты, ангелочикъ мой, что актеры прѣехали? Я сама видѣла какъ они выходили изъ дому правителя. Наруженные такіе! Мы было подумали, что все графы и бароны, да докторша шепнула: «Какіе они графы!... на дровняхъ прѣехали.... видно, актеры....» Пипочка, актеры! Говорять, будутъ театръ давать!... говорить, уже устраиваютъ!... Тебя ни что не радуетъ!... по тебѣ хоть умри жена со скуки! А вотъ докторъ не таковъ. Уже заказалъ для жены платье, чтобъ было въ чемъ въ театръ ѣздить. Шелковое.... съ аграмантами.... какъ это будетъ мило! Счастье же этой дурѣ!...

Байбанькинъ медленно приподнялъ руку, махнулъ ею раза два-три у себя подъ носомъ, и протяжно произнесъ: «Минь!» Это былъ обыкновенный жестъ, которымъ онъ отгонялъ отъ себя мухъ. Мухи докучали ему порою еще больше чѣмъ жена. Совершивъ такой подвигъ, онъ, за однимъ уже поднятіемъ руки, взялъ стаканъ, хлебнулъ съ наслажденіемъ душистаго чаю, вздохнулъ, потомъ зѣвнулъ, опять пришелъ въ свое нормальное положеніе, или, какъ выражаются Китайцы, въ немъ возстановилось поколебленное равновѣсіе матеріи и духа.

— Ужь лучше и не отмахивайся; я знаю, что ты отмахиваешься от жены, а не от мухъ. Эй, нищичка, грѣхъ! тажкій грѣхъ! Жена какова ни есть, всё-таки не муха. Не хочешь ѣхать въ театръ, такъ и не поѣдешь: я не плачу, не роню. Пускай весь свѣтъ ѣдетъ: мы останемся. Но только подумай, что скажетъ свѣтъ? что скажетъ высшее начальство о такомъ тиранствѣ мужа? Или ты уже не признаешь надъ собою и начальства? Боже мой! да откуда ты этихъ правилъ набрался? И родители твои были благочестивые люди, и общество-то наше благоправное. Все этотъ волтеріанецъ инспекторъ! Онъ развратилъ тебя. Нога его не будетъ у насъ. Съ-тѣхъ поръ, какъ ты съ ними сталъ знаться, у тебѣ совсѣмъ другое на умѣ; не то выраженіе лица стало: непристойное такое; смотришь тигромъ, словно хочешь человека проглотить.... Пипочка! жизнечекъ! не хочешь ли еще стаканчикъ чайку?... Съ клюквеннымъ морсомъ?... свѣженъкій, вчера приготовила. Варю ягоды, а сама думаю: это для моего ангелочка; онъ любитъ испить чайку съ клюквеннымъ сокомъ, не всегда, а такъ, въ перемежку.

Тщетныя усилія! На Спиридона Ильича не дѣйствовали ни горькій ропотъ, ни сладкій морсъ жены. Но были, однако, силы, которыя дѣйствовали и на него.

Спиридонъ Ильичъ учился всему. Онъ воспитывался въ первомъ учебномъ заведеніи своего времени; учился лучше всѣхъ; былъ вѣукротимъ, пылокъ, хорошъ, ловокъ; въ связяхъ со всею молодою знатью, если не по рожденію, то по школѣ. Свѣтъ увлекъ его въ свой водоворотъ, тѣшилъ нѣсколько времени, и наконецъ бросилъ. Усилія его въ обществѣ и по службѣ не пугали другихъ. Байбашникъ присовѣтовалъ отправиться въ почетную экспедицію и, по возвращеніи, оставилъ его на границѣ, именно въ Каратабанѣ, также на почетномъ мѣстѣ, въ награду за труды и опасости. Но стѣ умничавая натура здѣсь не потерпѣла: онъ не равнялся, подобно Альпину, изъ круга, куда поставила судьба; не вѣчалъ о томъ, чтобы возвысить общество до себя, поставитъ его въ уровень съ собою: онъ сдѣлалъ гораздо прѣше, самъ низшелъ до того горизонта, на которомъ стояло мѣстное общество. Правда, сначала онъ скучалъ; сначала ему были дикіи и правы и языкъ и убѣжденія и задушевныя надежды Каратабандецъ, но вскорѣ потому-то они и стали занимать его, что были дикіи. Потому онъ началъ замѣчать въ нихъ хорошія стороны: надобно только отъезжать надлежащую точку зрѣнія, и вы всадѣ увидите цѣлый человѣческій міръ передъ собою, лишь бы кру-

гомъ васъ были хотъ нѣкоторыя черты разумной физиономіи. Байбаничкинъ невольно сталъ сближаться съ людьми, столь необыкновенными для столичнаго жителя. Потомъ его и въ самомъ дѣлѣ занимали радости и печали Каратабанцевъ; онъ посѣщалъ вечера и вечерняки; училъ французской кадрили, которая тогда только-что входила въ моду въ Сибири; слушалъ сплетни и подчасъ самъ сплетничалъ; по субботамъ ходилъ въ баню и послѣ бани съѣдалъ по сотнѣ пельменей, влюблялся въ барышень и вполчался за барынями; наконецъ женился..... и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ мы его видаемъ. «Эхъ, умяли бурку крутыя горки», говаривалъ объ немъ почтмейстеръ, который былъ товарищемъ его молодости, а, подобно ему, двадцать-пять лѣтъ занималъ съ честью свое мѣсто въ Каратабанѣ. А между-тѣмъ Байбаничкину очень хорошо. Онъ ужъ больше не надѣется на повышение, не мечтаетъ быть правителемъ; да правду сказать, и не хочетъ: много хлопотъ, церемоній; Богъ съ ними, съ этими почестями; только плеча труть мундиромъ.

Альпинъ былъ поставленъ почти въ то же положеніе, въ какомъ находился нѣкогда Байбаничкинъ, но не таковъ былъ этотъ характеръ, чтобъ могъ ужиться съ вѣшнимъ міромъ. Ктому-жъ, Байбаничкинъ увидалъ свѣтъ, онъ ринулся въ него безъ разсужденій, безъ оглядки, но вскорѣ и вынырнулъ. Альпинъ напротивъ, купался въ немъ душою и тѣломъ; увлекалъ свѣтъ за собою, упивался торжествомъ успѣха. Правда, этотъ успѣхъ доставался не даромъ, тяжелыми задушевными пожертвованіями; но зато для него была двойная радость, радость борьбы и радость побѣды, томленіе ожиданія и лучезарный блескъ осуществляющейся надежды.

— Что! будетъ правитель въ театрѣ? — Нѣтъ, онъ занятъ!
— А вы, Макаръ Алексѣевичъ. — До театруль намъ, батюшка, что годъ, то двое крестинъ справляемъ. Соблазнъ да и только!
— А вы? — Эхъ, почтенивѣйшій, пойду я въ театръ, когда ни правитель, ни помощникъ неидетъ; и то я прослылъ у нихъ Волтеріанцемъ. — Помилуйте, Дій Петровичъ, это вамъ такъ кажется; всякій знаетъ, что вы мухи не обидите. — Полноте ублаживать меня, я знаю что говорю....

Такъ толковали между собою обитатели Каратабана въ день назначенный для представленія.

На городскихъ часахъ уже пробило семь часовъ, а въ театрѣ было пусто и темно. Только на сценѣ раздавались тяжелые, не-

ровные шаги человека, который то мелькалъ, то исчезалъ въ лабиринтѣ кулисъ, едва освѣщенныхъ нѣсколькими огарками.

— Что! кричалъ онъ громко и грозно, обращаясь къ пустому пространству ложъ и креселъ.

Тренетный голосъ, выходившій откуда-то изъ далека, отвѣчалъ: «Четыре билета въ первыхъ мѣстахъ и одинъ въ рѣкъ: всего сбору одиннадцать рублей двадцать копѣекъ асс....»

Громкое проклятiе Мурдасова заглушило послѣднiя слова. Актеры разодѣтые въ мишуру и перья, жался робко къ кулисамъ.

— Все ты, проклятый! говорилъ раздраженный Мурдасовъ, обращаясь къ первому любовнику, красовавшемуся въ рыцарскихъ доспѣхахъ: ты соблазнилъ меня ѣхать въ это гнусное городишко; ты говорилъ, что Маркевичъ въ немъ какъ сыръ въ маслѣ катался; ты, разбойникъ, увѣрялъ, что тутъ есть и купечество и чиновники. Гдѣ жъ оно, это купечество! гдѣ чиновники? Ты хотѣлъ меня разорить, зарѣзать, уничтожить!... Прежде самъ провадешь, негодяй! Вотъ тебѣ на первый разъ....

И Мурдасовъ пустилъ понавшимся подъ-руку табуретомъ.

Первый любовникъ, однако, ни словомъ ни дѣломъ не былъ виноватъ. Онъ едва зналъ о существованiи Каратабана. Но онъ и не оправдывался, благополучно уклонясь отъ пролетѣвшаго въ воздухѣ табурета.

Во время театральнаго кризиса, когда касса не пополюляла расходовъ освѣщенiя, все безмолствовало вокругъ Мурдасова; одинъ онъ, грозный какъ Перунъ, раздражался бурей надъ трепетнымъ закулиснымъ миромъ; и нельзя удивляться рабскому терпѣнiю актеровъ, сносившихъ въ молчанiи эту бурю, если вспомнить, что отъ сбора зависѣло существованiе, насущный хлѣбъ всей общины. Недѣля, другая неудачъ, и они должны будутъ заложить свои блестящiе лоскутки, потомъ разбрестись въ разные стороны, отыскивая себѣ пропитанiе поденною работою. Кто видѣлъ труппы актеровъ, переселяющихся изъ города въ городъ, обыкновенно во время большихъ ярмарокъ, труппы, подобныя харьковской или ярославской, тѣ еще не вполне знаютъ, что такое актеры, кочующiе на рубежѣ Европы и Азiи и внутри Сибири. Элементы этихъ мелкихъ труппъ принадлежать къ такому разряду страждущаго грамотностью челоуѣчества, который и опредѣлить трудно.

Въ ту минуту, когда гнѣвъ Мурдасова поражалъ все попадавшееся въ его неукротимый потокъ, ламповщикъ, спокойно ожи-

далъ въ своей сальной конуркѣ приказанія зажгуть свѣчи, не зная о бѣдствіи, постигшемъ кассу. Заслышавъ стукъ подѣзжавшаго къ театру экипажа и думая не произошло ли какого недоумѣнія на сценѣ, онъ побѣжалъ туда и наткнулся на Мурдасова. Грозный видъ импрессаріо высказалъ ему все; но retirроваться было поздно; собравшись съ духомъ, онъ произнесъ:

Съѣзжаются.... не прикажите ль зажги.....?

Ловкій пинокъ не далъ ему докончить фразы.

Между-тѣмъ пять человѣкъ зрителей торжественно собрались въ театръ, и особенно четверо изъ нихъ, сидѣвшихъ въ такъ-называемыхъ первыхъ мѣстахъ, свирѣпствовали не менѣе Мурдасова въ ожиданіи, если не зрѣлища, по-крайней мѣрѣ освѣщенія, потому что вышесказанные огарки были только на сценѣ и свѣтъ едва пробивался сквозь дырявый занавѣсъ.

Вѣтъ извѣстно, что съ нѣкотораго времени львы расплодились чрезвычайно. Каждый провинціальный городокъ имѣетъ свой звѣринецъ, своихъ львовъ. Въ провинціи ихъ не очень жалуютъ; и, въ самомъ дѣлѣ, они тамъ жестоки и подчасъ опасны. Четыре зрителя принадлежали именно къ породѣ львовъ. За отсутствіемъ публики, они господствовали самовластно. Въ темнотѣ раздавался стукъ и трескъ потрясаемыхъ ими лавокъ и безпрестанные крики.

— Свѣчь! огня! скорѣй огня!... воды!.... трубокъ!.... Ламповщика на сцену!.... содержателя на сцену!.... суфлера!.... примадонну!.... театральнаго кота!.... кошку!.... шампанскаго!.... И охотъ содержателя!.... Скорѣе начинать, нето разоримъ театръ!

Мурдасовъ хорошо зналъ въ эту публичку и свое положеніе; онъ твердо понималъ, что имѣетъ дѣло съ людьми, съ которыми шутить нельзя, и, скрѣпя сердце, позвалъ актеровъ на сцену.

— Ты! произнесъ онъ, обращаясь къ тому, на чьей обязанности лежало быть посредникомъ между импрессаріо и публичкой. Ты, что смотришь! выходи скорѣе къ зрителямъ и скажи чтобъ унялись..... освѣщенія вѣтъ, потому что *театръ представляеть ночь*.... да смотри, говори слаще, ловчѣй, и если публичка осердится, тебя же выдамъ ей.....

Несчастный едва успѣлъ перевести духъ со страху и отправился за занавѣсъ.

Хохотъ и рукоплесканіе возвѣстили, что публичка осталась довольна объявленіемъ. Но актеры были въ видномъ недоумѣніи.

Чтобъ пояснить затруднительный случай, надо сказать въ чемъ

заклучалась афиша того вечера. За обыкновенной формулой, «Съ дозволенія начальства», слѣдовало названіе мѣстъ, которыя должны быть представлены почтеннѣйшей публикѣ. Піесы были слѣдующія: «Видѣніе Валтазара», трагедія въ семи картинахъ, представленная въ первый разъ при дворѣ Навуходоносора. За нею: Разнохарактерный дивертисментъ, подъ названіемъ: «Кто во что гораздъ, или Клинь клиномъ выбивай», съ хорами, танцами, музыкаю, бенгальскимъ огнемъ и общимъ ораженіемъ. Кажется, нельзя было составить афиши заманчивѣе этой.

Режиссеръ рѣшился подступиться къ ниррессарию.

— Смію доложить... трагедія начинается баломъ и волшебнымъ освѣщеніемъ.

— Играйте такую, гдѣ бѣ театръ представлялъ ночь.

— Смію доложить, въ нашемъ репертуарѣ таковой не имѣется.....

— Говорятъ тебѣ, дуракъ, чтобъ была ночь, вѣчная ночь, отъ начала до конца піесы. Балъ!... захотѣли балу!... Задамъ я вамъ балъ, промалые. Сборъ четырехъ огарковъ не окумите, а вамъ бы все балъ. А!... ни одного огарка больше. Чтобъ не было свѣта даже у сулгера. Слышите?... Ночь, темная ночь, отъ начала до конца.

Режиссеръ передалъ актерамъ въ точности слова содержателя.

— Съ позволенія сказать, надо это какъ-нибудь уладить.

— А какъ уладить? спросилъ первый любовникъ.

— Да вотъ какъ: вездѣ, гдѣ въ піесѣ, стонтъ: яркое освѣщеніе, огонь, блескъ, говорить: тьма, ночь, зги позидіе, и прочая.

— А танцы?

— Нѣтъ.

— А разговоры во время балу?

— Во смѣ, съ позволенія сказать, все во смѣ.

— А любовныя объясненія?

— Въ потемкахъ.

— Идетъ!.....

И шесса пошла.

Публика развеселилась и потребовала шампанскаго. Ей принесли шампанскаго, лъвы были въ восторгѣ и аплодировали до упаду: правду сказать, и было чему! Можете вообразить канал шла кутерьма на сценѣ. Актеры сталкивались другъ съ другомъ, отъ темноты, а частію и для потѣхи публики, которая кричала— *брасе, брасе, брасе*,— и стала ждать денегъ на сцену.

Въ заключеніе одинъ изъ зрителей, усачъ отчаянный и полу-

пьяный, прокрался за кулисы и, притаившись въ потьмахъ, ожидалъ добычи. Вскорѣ добыча явилась. Примадона уходила со сцены. Усачъ выскочилъ изъ засады, обхватилъ Соючкину и прежде чѣмъ она опомнилась, напечатлѣлъ на ея щекѣ увѣсистой поцѣлуй. Соючкина, пойманная въ располхъ, вооружилась добродѣтелью свыше человѣческой—закричала—очень обидѣлась; но Мурдасовъ не очень гнался за такими пустяками: напротивъ, онъ смѣялся вмѣстѣ съ другими, ни какъ не предполагая, чтобъ вечеръ кончился для него такъ удачно.

Будущее не представляло ему ничего утѣшительнаго. Послѣ такого дебюта, едвали кто рѣшится посѣтить театръ безъ сильной побудительной причины, кромѣ самыхъ отчаянныхъ повѣстей, а у нихъ не бываетъ столько денегъ, чтобъ выручить изъ бѣды цѣлую толпу людей.

Импессарио немедленно оставилъ бы Каратабанъ, но у него не было средствъ дотащиться до ближайшаго города. И Богъ знаетъ, что ожидало его тамъ!

Отсюда начались бѣдствія труппы Мурдасова. Не разъ испытывала она ихъ на пути своего странствованія; но эти бѣдствія никогда еще не принимали такого страшнаго виду. Актеры, терпѣливо переносившіе угрозы, брань, даже побои своего содержателя, не могли выдержать всякаго роду лишеній. Ропотъ становился громче и громче. Мурдасовъ не въ силахъ былъ ни удовлетворить ихъ, ни усмирить. Онъ уваль духомъ, смирился передъ людьми, которыхъ такъ нагло презиралъ, надѣялся чего-то отъ нихъ, а не отъ себя. Хозяинъ дому требовалъ денегъ за квартиру, выживалъ постояльцевъ, грозилъ полиціей. Мурдасову уже не вѣрили ни на грошъ въ долгъ; онъ закладывалъ свои дорогія бездѣлушки, но на нихъ добывалъ немного. Голодъ, начавшійся съ краю жилья, съ каморокъ ламповщика и суфлера, обошелъ весь домъ и стучался въ комнату примадонны и импессарио. Благородный отецъ покинулъ ремесло актера и сдѣлался цѣловальникомъ. Наперсница пріютилась подъ защитой сибирскаго льва, который за недостаткомъ въ красотѣ и молодости добычи, утѣшалъ себя тѣмъ, что она актриса, что она образованная. Каждый изъ членовъ труппы искалъ себѣ пропитанія тѣмъ могъ, а какъ бродячая жизнь отучила ихъ отъ полезныхъ занятій, то они употребляли средства ближайшія къ цѣлю, и не всегда правыяныя.

Слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было то, что Байбанишкина осаждали жалобы съ утра до вечера. Странствующая труппа

подняла весь городъ на ноги; полиція не жаловала тягостныхъ гостей; сплетни ходили тучами по Каратабану. Къ чести примадонны надо сказать, что, не смотря на всѣ искушенія, которыя представляли ей молодые и старые искатели прелестей, она оставалась вѣрною и своему тираву, какъ называла она импрессарио, и достоинству артистки. Правила долгу подобнаго положенія весьма не ясны для свѣта: гдѣ свѣту заниматься подобнымъ разборомъ! У него есть свои правила, совсѣмъ готовые, такія, что и слѣдовать имъ легко, и уклониться отъ нихъ подъ благовиднымъ предлогомъ не трудно. Прекрасныя правила!...

Сонючкина на чѣмъ не могла быть полезной себѣ въ настоящемъ критическомъ положеніи труппы: она ровню ничего не умѣла и была избалована, если не обращеніемъ содѣржателя, то лѣнью, которую цѣнила выше всего въ мірѣ, даже новаго платья и китайской кошки.

Грустно сидѣла она въ бездѣйствіи у окна и глядѣла на свѣтъ, веселый и счастливый свѣтъ. Она была въ костюмѣ жрицы, потому что другаго платья не было: все восильное давно лежало въ закладѣ, а это было такого свойства и покроя, что цѣломудренныя ростовщицы Каратабана ни за что не брали его, отплевывались отъ него, какъ отъ нагого соблазна.—Мимо шла Цыганка, прикрытая тряпьемъ; она остановилась у окна.

— Прияница моя прекрасная, дай сюда рученку атласную, я погадаю.

Сонючкиной нечѣмъ было заплатить за ворожбу, и она безъ сожалѣнія отказалась.

— Знаю я, красотка моя ненаглядная, вижу, что у тебя нѣтъ для меня награды, да не корыстница я какая, не надо мнѣ отъ тебя подарковъ; коли посулю добро, да сбудется, ты меня наградишь; а скажу худо, прогони меня старуху.

Сонючкина протянула красную руку. Ворожея поглядѣла на ладонь, потомъ въ лицо Сонючкиной, которая не выдержала этого испытующаго взгляду и покраснѣла. Цыганка покачала головой и продолжала:

— Ахъ ты, моя сердечная, ненаглядная! томнишься, какъ птичка въ заперти, ноешь, голубушка моя, изноешь вся.... А та-ли теперь пора!... погляди.... птичка на вербѣ щебечеть, дружка поджидаетъ. Выйди сегодня на улицу, дружокъ самъ навернется, и пригожій, и богатый; будешь ходить какъ княгиня какая.... Не губи своей молодости, другая не придетъ: вѣкъ будешь казаться.... Сердечушко твое не даромъ изныло: ему скучно си-

рогункой оставаться.... чуешь, бѣдное, что твой сумасшедшій вѣдалко, и рвется къ нему: слушай своего сердца, принцесса моя....

Въ продолженіи этой ворожбы, дышавшей соблазномъ, Сонючкина нѣсколько разъ порывалась отдернуть руку, но въ словахъ свивилы было столько привлекательнаго, что она невольно оставалась на мѣстѣ и только оглянулась, не подслушиваетъ ли «тиранъ». Но въ комнатѣ никого не было; только Ляля жалась къ плечу Сонючкиной, трепеща какъ листъ осенній и не сводя глазъ съ Цыганки, которая смутнымъ видѣніемъ представлялась ей взору. Ляля совершенно смѣшала сонъ съ существованіемъ, бредъ фантазіи съ истиною. Голова ея горѣла, глаза налились кровью и, казалось, готовы были лопнуть, но она не могла оторвать ихъ отъ страшной женщины.

— Что съ тобою, Ляля? спросила съ участіемъ Сонючкина.

Ляля указала на Цыганку, будучи не въ силахъ произнести отвѣта.

— Не дрожи, моя крошечка: коршунъ еще въ небѣ рѣшетъ; а кукушки не бойся.... вотъ-какъ спустится надъ тобою близко врагъ, ты сама кинешься въ гнѣздышко кукушки. А коршунъ не далеко, моя пташочка.... бойся его.... будешь долго помнить клювъ его да когти; будешь каяться, да поздно....

— Выговоривъ на-скоро эти слова, Цыганки ушла.

Вскорѣ появился усачъ, поцѣловавшій Сонючкину въ театрѣ. Видъ его не былъ дерзокъ и нахаленъ, какъ въ ту пору. Усачъ былъ блѣденъ и кротокъ. Медленно, нерѣшительными шагами прошелъ онъ мимо окна Сонючкиной, и робко, почтительно, поклонился ей.

— Бѣдняжка! какъ онъ измѣнился, сказала добрая Сонючкина, обращаясь къ Лялѣ. — Отчего бы это? прибавила она значительно, разсуждая сама съ собою: бѣдный молодой человекъ!.. Кто-бы могъ подумать, что этотъ раскрасившійся отъ вина пыхалъ будетъ такъ блѣденъ и почтителенъ.... только любовь творить такіа чудеса.

Кровь Сонючкиной разыграла, подогрѣтая словами Цыганки.

Блѣдень, оставшійся какъ и примадонна вѣрный своему патрону, одинъ кое-какъ пронытывалъ ядро труны. Подобно мѣдвѣ, бывавшимъ во всякихъ положеніяхъ, онъ умѣлъ извернуться и въ этомъ, хоть на первый случай. Въ Каратабанѣ онъ преуспѣвалъ починкою часовъ и шарманокъ, и настройкой фортепьянъ. Каратабанъ почиталъ себя музыкальнымъ городомъ.

Нѣсколько разъ Мурдасовъ являлся въ передней Альпина, ста-

рмь проникнуть до его кабинета, надѣясь вымолить покровительство или помощь, но Альфину, которому онъ не поправился съ перваго виду, удалялъ его отъ себя съ холодною чело-вѣка, не испытываемаго нужды. Впрочемъ, Альфинъ рѣшительно ни-кого не принималъ у себя и самъ никуда не ѣздилъ. Импресси-ю осаждалъ Байбанькинъ; но что могъ сдѣлать Байбанькинъ. Итти въ театръ и увлечь своимъ примѣромъ? На это онъ ни какъ бы не рѣшился, тѣмъ болѣе, что одни не пошли бы изъ подражанія Альфину, другіе остались бы дома, не повѣривъ слуху, будто Байбанькинъ дѣйствительно рѣшился быть въ театрѣ. Онъ на-везалъ Альфину на бѣдственное положеніе труппы, но бес-успѣшно.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Бѣднева потребовали къ Альфину для настройки рояля.

Ляля всегда слѣдовала за старикомъ, если могла быть чѣмъ-нибудь ему полезною, а тутъ она была необходима, потому что старикъ довѣрялъ ея слуху больше чѣмъ своему, и не безъ основанія.

До сихъ поръ Ляля не была въ домѣ Альфина, послѣ известнаго представленія труппы. Что ее удерживало, зачѣмъ не исполнила приглашенія Альфина, она сама не могла себѣ отдать отчета. Ляля робѣла, хоть вообще не была робка, и всѣ убѣжденія Бѣднева, приказанія Мурдасова, надѣявшагося сдѣлать ее представительницей своихъ выгодъ, и собственное ея любопытство побывать въ этомъ домѣ, оставались бессильнымъ противъ неопредѣленнаго чувства боязни. Только необходимость заставляла ее послѣдовать за Бѣдновымъ.

Робко вошли они въ залу и нѣсколько времени съ благоговѣніемъ глядѣли на великолѣпный рояль Альфина. Бѣдновъ со страхомъ приступилъ къ работѣ. Ляля съ изумленіемъ огляды-ваясь вокругъ.

— Ну, Ляля, что стоишь! давай сюда камертонъ.

— Тятя, погляди, погляди сюда: это что? Вѣдь это не живое; смотри, чуть не говоритъ, чуть не дышетъ; какъ нѣжно, Боже, какъ хорошо! что это, тятя, изъ чего?

— Изъ мрамора.

— Что же это? Не то что тѣ болванчики, которыхъ у насъ на сцену ставятъ.

— Конечно не то! Подержи ключъ.

Т. LXXXVI. — Отд. I.

Ляля рѣшилась пощупать мраморъ, но ощущавъ холодъ въ пальцѣ, отскочила какъ отъ мертвеца.

— Посмотри, что за птица, чудо! и она кинулась къ клѣткѣ шопугая.

Попугай закричалъ — «Здравствуй!» Ляля со страхомъ опять отскочила.

— Тятя, сказала она тихо, значить, птица все слышала что я говорила.

— Не бойсь, она ничего не слышитъ.

— Глуха?

— Глупа.

— Какъ можно! такая красивая птица!

— Да ну же, Ляля, помогай мнѣ стропить!

— Погляди, цвѣты! — точь-въ-точь такіе какъ у Оселин.... Только у Совючкиной были бумажные, а это настоящіе, живые, душистые.

— Ужь ты, Ляля, сегодня вккуда не пойдешь.

Но Ляля ничего не слушала и быстро переходила отъ предмета къ предмету, отъ удивленія къ удивленію. Ляля остановилась передъ зеркаломъ, большимъ, свѣтлымъ, которое отразило всю ее отъ головы до ногъ. Она не безъ любопытства загнула голову назадъ, чтобъ видѣть талию, и сама удивилась своей худобѣ. Нужда пренятствовала развитію формъ, и Ляля, подобно деревцу растущему въ тѣни, тянулась все вверхъ. Ея душа, пылающая, жаждущая выразиться въ комъ-либо или въ чемъ-нибудь, была укрыта отъ непогоды защитой Бѣднеча; но яркиѣ и теплыѣ лучей солнца она не знала. Бѣднечъ оглянулся, чтобъ опять поцѣловать Лялѣ, но увидѣлъ се въ этомъ кокетливомъ положеніи и укоръ замочкѣ на его губахъ. Старикъ любовался, готовъ былъ просить, чтобъ она осталась въ такомъ положеніи еще нѣсколько минутъ. Между-тѣмъ Лялю увлекли другіе предметы. Она кинулась къ раскрытому на фортепіанѣхъ кипсеку.

— А! какъ это хорошо? А! повторяла она, нѣсколько разъ въ удивленіи и глаза ея блестяи, тѣло трепетало. Какія прекрасныя вещи должны быть написаны въ такихъ красивыхъ книгахъ! Ты знаешь о чемъ тутъ писано?

Пока Ляля разсматривала мраморы, картины, книги, Бѣднечъ настроилъ фортепіано и попросилъ доложить о томъ Альпину. Альпинъ вышелъ скучный болѣе обыкновеннаго, и сѣлъ за фортепіано. Въ разсѣянности взялъ онъ нѣсколько аккордовъ, руки небрежно бродили по клавишамъ, къ которымъ онъ уже нѣсколь-

ко времени не прикасался; но душа мало по малу пробудилась при чистыхъ и ясныхъ звукахъ, которыя напомнили другой міръ, ясный, полный чудныхъ согласій, гармоній, полный выразеній сердца. Ничто столько не волнуется страстей какъ аккорды. Будь я Ликургъ, я бы запретилъ гармонію въ моей Спартѣ. Одно спасеніе, что на этомъ свѣтѣ всѣ фортепіаны разстроены, а ты одного сердца не было бы въ порядкѣ. Фантазія разыгрывалась. Альпинъ увлекся ею не замѣчая самъ того.... Онъ игралъ долго; глаза его блестяли; румянецъ выступилъ на щекахъ. Когда устали руки, тогда только онъ, по-прежнему блѣдный и разсѣянный, посмотрѣлъ на предметы сторонніе и увидѣлъ сцену, которой ни какъ не ожидалъ.

Позади его Ляля стояла на колѣняхъ, вѣроятно, для того чтобы удобнѣе видѣть ходъ рукъ его по клавиатурѣ, едва сдерживавшая дыханіе, забывшая о слезахъ, которыя обильно текли по щекамъ ея, забывшая присутствіе Альпина, при одной мысли о которомъ она робѣла и терялась, — вся слухъ, восторгъ, страсть, раздраженіе, отъ звуковъ для нея совершенно новыхъ, — полная жизни кипящей ощущеніями, далеко не тѣми ощущеніями, которыя возбуждаетъ внѣшній міръ, которыя испытывала она еще недавно, когда такъ дивилась въ комнатѣ Альпина. Ляля оставалась еще въ этомъ положеніи, когда Альпинъ возвратился въ ея сторону. Бѣднень дернулъ ее за руку. — Ляля! дитя мое! Ляля....

— А! произнесла она наконецъ, какъ-бы пробуждаясь отъ чуднаго сновидѣнія: что такое?... куда идти?...

И она приподнялась, взоръ ея встрѣтился съ любовицтвеннымъ взглядомъ Альпина и съ его блѣднымъ лицомъ, на которомъ въ это время мелькала улыбка насильника или удовольствія. Ляля быстро отерла свои слезки и покраснѣла. Она уже начинала угадывать стыдъ, который обдастъ жаромъ сердце и который вскипаетъ краской на лицѣ.

— Ба! это ты дитя мое!... какъ бинь зовутъ? спросилъ Альпинъ.

— Ляля, отвѣчалъ за нее Бѣднень.

— Зачѣмъ же ты, Ляля, не была у меня до-сихъ-поръ? Зачѣмъ ты не послушалась меня? Вѣдь я сказалъ тебѣ, поминется приходи ко мнѣ почаще?

— Робѣла, ваша милость, дитя еще! Да и какъ ей смѣть прийти къ вашей милости.

— Когда я этого требовалъ! сказалъ Альпинъ, какъ человекъ-

привыкши, чтобы все ему повиновалось; и потомъ прибавилъ: когда я просилъ тебя, Ляля! Развѣ ты меня не любишь, или боишься, что не хочешь ходить ко мнѣ за конфетами?

Ляля едва могла пробормотать: — Я приду къ вамъ ... когда захотите.

— Надѣюсь, что ты не будешь дичиться меня. Я не такъ страшень, какъ кажусь....

— Она поставитъ за особенное счастье, за честь, началъ было опять Бѣднень, но Альпинъ не хотѣлъ его слушать.

— А что Ляля, ты играла на сценѣ?

— Нѣтъ, не играла.

— Почему?... Вѣдь я сказалъ!

Тутъ Бѣднень не касаясь того, что при первомъ представленіи Ляля была устранена отъ игры, описалъ бѣдственное положеіе труппы, готовой совсѣмъ уничтожиться и превратиться въ артель поденщиковъ.

— Скажите же содержателю, отвѣчалъ Альпинъ, что я желаю чтобы завтра было представленіе. Я помогу, если нужно, и самъ тутъ-буду, если Ляля будетъ участвовать. — Можешь ли ты приготовиться къ завтрашнему дню? спросилъ онъ, обращаясь къ Лялѣ.

— Я знаю на память почти всѣ женскія роли репертуара.

— Этого еще недостаточно, чтобы играть; однакожь, посмотришь.... Приходи ко мнѣ завтра съ ролью: я самъ покажу тебѣ какъ читать.

Бѣднень началъ было разсыпаться въ благодарности, но Альпинъ остановилъ его. При нѣкоторыхъ словѣхъ суфлёра, онъ уже начиналъ скучать. Новая мысль разшевелила въ немъ кровь и жизнь: онъ желалъ посмотреть на первые шаги инстинктивнымъ предугадываемаго таланта, желалъ заставить Лялю играть на театрѣ. Альпинъ принималъ въ ней безотчетное участіе, въ силѣ котораго онъ не могъ бы равнодушно смотрѣть на погибель этой интересной дѣвочки.

Бѣднень и Ляля отправились прямо къ Мурдасову торговцевъ.

На другой день, вечеромъ, театръ представлялъ совсѣмъ другое зрѣлище чѣмъ въ первое представленіе. Онъ сіялъ огнями, ломался подъ тяжестью любопытныхъ зрителей, которые наводили его собою сверху до низу. Не нужно описывать радости импрессаріо и актеровъ. Труппу пополнили на скоро. Самъ Мур

мозгъ игралъ роль благороднаго отца; для роли негра взяли хохляка дому, кирпичнаго мастера, котораго глаза, отъ постояннаго дѣйствія горна, навились кровью и блистали какъ у негра, а лицо было еще чернѣе тѣмъ у негра: выборъ льстилъ честолюбію дебютанта; притомъ же пособить труппѣ личнымъ содѣйствіемъ было единственное средство получить съ нея что-нибудь за квартиру. Наперсница оставила своего поклонника и явилась на сцену, какъ скоро слышала театральнѣйшій свистокъ. Все было въ порядкѣ. Ожидали только прибытія Альпина, чтобъ начать представленіе. Каратабанская публка чинно, вполголоса занималась бесѣдою, самые львы притихли и выказывали свое благородное происхожденіе только тѣмъ, что не прямо сидѣли на жесткихъ лавкахъ, подобно прочимъ смертнымъ, но полу-лежали, задравши ноги по американски на спинку лавокъ, стоявшихъ передъ ними. Но вдругъ двое квартальныхъ растворили настежь двери храма Мелпомены. Вошелъ правитель. Всѣ встали, и львы вослѣдовали общему примѣру, встали и подобно другимъ, раскланялись, подобно другимъ провожали его глазами до мѣста. Музыка заиграла полонезъ. Занавѣсъ взвился. Началось представленіе.

Представленіе сначала шло, какъ и должно было идти на такомъ театрѣ. Самый блестящій успѣхъ получилъ кирпичный мастеръ, къ досадѣ всей труппы. Зависть уже окружала этого рождающійся талантъ: стоитъ ли послѣ этого имѣть геній? ... право, лучше дѣлать кирпичи! Тѣмъ не менѣе знаки нетерпѣнія не разъ выказывались на лицѣ и въ движеніяхъ Альпина, пока не явилась на сцену Ляля.

Еще до представленія разнеслись слухи, что Альпинъ, довольный успѣхами Ляли, самъ исправилъ и пополнилъ ея роль, особенно въ тѣхъ мѣстахъ пьесы, гдѣ Ляля оставалась на сценѣ одна. Эти рассказы сильно подѣйствовали на любопытство зрителей Каратабана и подвинули въ театръ даже самыхъ лѣнивыхъ и скупыхъ. Каратабанцы слишкомъ высоко ставили талантъ своего правителя и надѣялись увидѣть что-нибудь необыкновенное. Дѣйствительно, роль Ляли выдавалась изъ всей пьесы: вышло, рѣзко, граціозно, и вполне согласовалась съ ея талантомъ и граціей. Авторъ хотѣлъ изобразить дѣвочку развивающуюся физически и нравственно. Живая, рѣзвая, она дѣйствуетъ весело, беззаботно, переспорхиваетъ съ предмета на предметъ, любитъ на одинъ, увлекается къ другому.... и вдругъ, на всемъ

лету жизни юной, свѣтлой, радужной, она останавливается и задумывается... тревожное чувство волнуетъ ее; чаще и чаще задумывается она, не умѣя отдать отчету въ своей мысли... нѣтъ никого, кто бы объяснилъ ей эту мысль, это чувство, никого, кто бы раздѣлилъ ихъ и далъ имъ болѣе опредѣлительное направленіе. Она переходитъ черезъ разныя положенія души, перѣдко самыя противоположныя. Наконецъ, въ послѣднемъ дѣйствіи, упадаетъ покровъ съ сердца страдальцы: авторъ показываетъ его во всей наготѣ, окровавленнымъ, изтерзаннымъ, изнывшимъ. Нечего и прибавлять, что это чувство — сосредоточенная въ себѣ самой любовь.

Ляля была прелесть, совершенство въ этой роли, потому что роль заключалась въ ней самой. Ляля отразилась въ ней вся, почти вся, — какъ въ грудномъ портретѣ, для почтуну. Ей стоило только быть натуральной, чтобы быть удивительною. Сначала она иногда робѣла при видѣ серьезнаго лица Альпина; но когда на этомъ лицѣ мелькнула улыбка одобренія, когда черные глаза устремились на нее съ любопытствомъ и восхищеніемъ, Ляля уже не думала о дѣтскихъ шалостяхъ, она вдругъ почувствовала въ себѣ силу женщины, силу львицы, ту силу, которая двигаетъ міры, хотя мужчины изъ самолюбія называютъ ее слабостью, и воспринимчивая, пылкая, страстная, она слыхась съ своей ролью. Она не видѣла передъ собой публики, не слышала ни ея рукоплесканій, ни благодарности импрессаріо, ни лицемѣрныхъ поздравленій актеровъ: одно поздравленіе Совючкиной было искренно, и то потому что примадонна себѣ приписывала ея успѣхи. Ляля не замѣтила даже и сіяющаго радостію лица Бѣднева. Она ничего не видала, кромѣ двухъ черныхъ блестящихъ глазъ, которые свѣтили ей путеводными звѣздами во время всего представленія.

Ляля сошла со сцены преображенною, какъ будто послѣ долгой опытности въ жизни и въ свѣтѣ. Теперь она поняла, что значить чувствовать и страдать. Жить и чувствовать — было для нея одно и то же съ этнхъ поръ. Ея развитіе, задержанное нуждою и лишеніями, совершалось быстро подъ вліяніемъ палачей страсти, зажженной примѣчательнымъ человѣкомъ, который, казалось, не видѣлъ ея, не принималъ никакого въ ней участія.

Ляля каждый день бывала у Альпина. Онъ забавлялся ею какъ ребенкомъ, училъ ее декламировать, даже училъ музыкѣ. Ему нравилась необыкновенная понятливость дѣвочки. Глядя на нее,

онъ уносился далеко, далеко. Это дитя умѣло измѣнить направленіе его мысли, подавленной скукой одиночества. Въ удивленіи мы пристращаемся къ пауку, къ мышкѣ, къ собакѣ. Альпинъ радъ былъ, что въ домѣ есть живое существо, умное, веселое, порою шумное, что домъ его не сталъ походить на мрачный монастырь, гдѣ только раздавался глухо шумъ его собственныхъ шаговъ. Но рѣзвая Ляля не рѣдко останавливалась среди смѣху и задумывалась; румянецъ выступалъ на лицо; глаза то оживлялись, то вдругъ блекли, или наполнялись слезами. Ляля, закрывъ лицо руками, убѣгала въ другую комнату и возвращалась оттуда степенною, благоразумною. Альпинъ приписывалъ все это дѣйствию изучаемыхъ ролей, въ которыя она сильно углублялась. Онъ удивлялся ея необыкновеннымъ способностямъ и часто повторялъ:

— Ляля! ты рождена быть актрисой! Ты можешь быть великой актрисой.

А Ляля была въ высшей степени естественною.

Однажды Ляля рѣшилась спросить, отчего онъ такъ скучаетъ и вѣчно тревожится. Альпинъ печально поглядѣлъ на Лялю:

— Ты этого не поймешь, мое дитя, и ты счастлива своимъ невѣденіемъ.

— Однако жъ, скажите, сдѣлайте милость, скажите. Можетъ-быть, и пойму, можетъ быть угадаю, если не пойму. Вотъ и теперь, на видъ вы спокойны, а я насъвозъ вижу, что у васъ въ сердцѣ кипитъ.

— Ахъ! тяжело вздохнулъ онъ: да!... не легко! Но поймешь ли ты это чувство!

— Да; глядя на васъ, у меня часто, вотъ здѣсь (она указала на грудь) будто что свернитъ буравчикомъ или жжетъ раскаленнымъ гвоздемъ. Но это не долго бываетъ.

— Тебѣ что? ты сыта, одѣта, пригрѣта: чегожъ тебѣ больше?

— Вы жъ скажите... однакожъ...

Взоръ устремленный на Альпина, опустился. Ляля не кончила начатой рѣчи.

— Что жъ ты не продолжаешь?

— Я могла бы сказать объ васъ тоже!

— И не говоришь?...

Ляля молчала.

— Ты понятливое дитя.

Ляля дѣйствительно повела то, что было оскорбительнаго въ

словахъ Альпина. Будто бы дѣйствительно ей, бѣдной, ничего и не нужно было для жизни, какъ только быть сытой да согрѣтой! Но Ляля не сознавала еще въ себѣ гордости способной къ упреку и той силы воли, которая закаляется въ опытѣ и несчастіи. Съ дѣтской добротой обратилась она къ нему, желая смягчить даже самый намекъ на оскорбленіе.

— Говорите же, говорите, что тревожитъ васъ?... Не сердитесь.... Нужды нѣтъ, пойму ли я или нѣтъ, всё-таки говорите. Бывало, побьетъ меня Мурдасовъ, я побью его собаку, и мнѣ станетъ легче: а что понимаетъ его собака!... Найдеть скука, я стану передъ лысымъ Сократомъ, что мы возимъ вмѣстѣ съ кулисами, и говорю ему... говорю до-тѣхъ-поръ, пока языкъ не устанетъ, — и опять полегчаетъ. Ну, а вы сами знаете, Сократъ не больше какъ болванъ! Пусть я вамъ буду Сократомъ...

И она схватила лѣвъ бумаги, приколотла его къ своимъ волосамъ въ память огромной лысины мудреца, встала на колѣни, закинула назадъ руки и искривила свою красивую рожницу словно Сократъ, порядкомъ поколоченный сварливою женой. Все это сдѣлала она остроумно, граціозно, живо, весело, хотя за минуту глаза ея были влажны отъ навернувшихся слезъ. Альпинъ не могъ не разсмѣяться; и не быть въ восхищеніи отъ умищцы Ляли.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, будь лучше тѣмъ, что ты есть. Садись здѣсь и поговоримъ серьезно.

Ляля вспрыгнула отъ радости, повисла на шеѣ у Альпина, и плакала, и смѣялась, какъ сумасшедшая.

— А! такъ вы меня считаете за чтонибудь? я не кукла, не Сократъ, не глупенькое дитя на ваши глаза?... О! какой ты добрый, добрый... какъ я люблю тебя.

— Ну, уймись же, Ляля.

— Я слушаю.

— Видишь-ли, другъ мой: я не знаю и минуты душевнаго покою; все окружающее мучитъ меня; гляжу-ль на стрѣлку часовъ, и я готовъ бы разбить ихъ, зачѣмъ время такъ медленно течетъ; пробьетъ часъ, и я какъ въ горячкѣ, зачѣмъ время проходить, зачѣмъ прошелъ этотъ часъ... что сдѣлалъ я? какую пользу принесъ для другихъ? какую радость для себя?... Часъ погибъ, какъ много другихъ, безвозвратно, и менѣ часовъ осталось жить... а я все моллю дѣйствовать! И что предпринять мнѣ здѣсь, гдѣ приковала меня судьба? Судьба! Одна эта мысль

волнуетъ меня и бѣситъ, не дозволяетъ мнѣ прийтись за дѣло, потому что всякое серьезное дѣло требуетъ покою тѣла и духа. Я не зналъ принужденія съ дѣтства; я думалъ, я былъ увѣренъ, что никто не посягнетъ на мою волю: вышло иначе... И это томить и мучить меня. Другіе думаютъ, что я спокоенъ, когда сижу неподвижно въ своихъ креслахъ, а я едва удерживаю свое сердце отъ взрыву. Вотъ отчего такъ часто руки мои сжимаются въ кулакъ, какъ бы въ угрозу судьбѣ, или безпокойно мечутся когда ничего не попадетъ подъ нихъ.

— Да, точно какъ со мною, когда я, бывало, одна стану играть передъ пустыми скамьями, а тутъ никого нѣтъ чтобы мнѣ аплодировать. Я со злости укусила бы скамью, которая меня не понимаютъ; я часто кусаю свой кулакъ, и потомъ.... какъ пройдетъ.... смѣюсь сама надъ собою.

Альпинъ почувствовалъ всю меткость замѣчанія Ляли: скамьи пустыя—не кому аплодировать—вотъ и все тутъ, вотъ разгадка его сплина. Чтобы не измѣнить себѣ передъ ребенкомъ, онъ сказалъ глубокомысленно:

— Ты можешь еще смѣяться!

— А ты, нѣтъ.... бѣдный, мой бѣдный Александръ Павловичъ!.... О, злая судьба! я перестала-было сердиться на нее за себя, но теперь вдвое сердитѣй буду зато, что она обижаетъ моего добраго, бѣднаго Александра Павловича.

Ляля съ досадою топала ножкой.

— О, судьба! судьба! восклицалъ онъ, ударивъ по столу и отбросивъ далеко подъ столъ книгу, которую держалъ, тщетно силясь понять, чтѣ было въ ней написано.

Этотъ взрослый мужчина, избалованный отъ колыбели судьбою, и упрямился и капризничалъ противъ судьбы, которая въ первый разъ осмѣлилась не исполнить его воли; капризничалъ хуже Ляли. Ляля не была избалована и дикая воля не терпѣла узды, это правда, но только потому что волей ея отъ рожденія никто не занимался. Судьбѣ никогда и въ умъ не приходило, чтобы у этого голоднаго существа была своя воля. Ляля принуждена была исполнять ее сама, безъ вѣдома судьбы.

Каратабинцы радовались привязанности Альпина къ Лялѣ. Она нѣсколько проясняла лицо Альпина, доставляла какое-нибудь средство къ развлеченію. Самые злые языки не находили тутъ ничего предосудительнаго. Ляля была еще дѣтя, и ея быстрого развитія, совершившагося на глазахъ, никто не замѣчалъ. Ласки Ляли были такъ просты, такія дѣтскія! Она ни передъ кѣмъ ихъ

не скрывала, не красилась отъ нихъ. Всѣ знали строгость правилъ Адльпина, его благородство, его неподкупность, его совершенное безкорыстіе. Словомъ, злая судьба впервые была обманута въ самомъ непреложномъ законѣ своемъ: ни одна черная молва не коснулась репутаціи Ляли!.... Я боюсь, что съ Каратабанцами случится когда-нибудь большое несчастіе: злая судьба отмститъ имъ.

Труппа Мурдасова процвѣтала. Музыка его, состоявшая изъ туземныхъ артистовъ подъ руководствомъ театральнаго капельмейстера, восхищала публику. Каратабанъ съ ума сходилъ отъ Мурдасова и ни за что не хотѣлъ съ нимъ разстаться. Гордо похаживалъ импресарио по оживленнымъ улицамъ Каратабана, съ презрѣніемъ поглядывалъ на мелочь общества, и дружески пожималъ руки почтеннымъ гражданамъ. Со своими артистами доставившими ему славу и деньги, онъ обращался хуже прежняго, потому что, къ его врожденной жестокости, на этотъ разъ примѣшивалось еще чувство оскорбленнаго честолюбія. Мурдасовъ не могъ простить неповиновенія ихъ. То обстоятельство, что примадонна и Бѣдневъ остались ему вѣрными въ годину общаго бѣдствія, и что Ляля именно выручила его изъ этой бѣды, онъ пропустилъ безъ вниманія. Правда, онъ сдѣлался ласковѣе и снисходительнѣе къ Лялѣ, но это только для того чтобъ Ляля не требовала контракта и жалованья. Какъ-будто Ляля могла въ это время о чемъ-нибудь думать!

Сценическое искусство возбудило дѣятельность драматическаго города. Нѣсколько интригъ, прерванныхъ у самаго начала за неимѣніемъ мѣста и времени для своего развитія, потекли быстро къ цѣли при пособіи драматическихъ эффектовъ, полу-свѣта и коридоровъ театра.

Образованіе Каратабанцевъ въ цивилизаціи совершалось удивительно успѣшно: они наконецъ зашли историческою жизненною народомъ, — сплетнями. Сплетни шли вслѣдъ за событіями, и даже опережали ихъ..

Вскорѣ учредился и центръ для сплетней, что совершенно необходимо во всякомъ благоустроенномъ обществѣ. Онъ стекался всѣ къ Байбанькиной, не потому чтобы она любила по-злословить, — нѣтъ, Байбанькина была добрая женщина, — но ей, въ качествѣ первой дамы Каратабана, нужно же было знать, что дѣлается въ городѣ, если не для чего другаго, такъ для того чтобы умѣть держать себя въ-отношеніи къ разнымъ лицамъ. Центръ сплетней всегда бываетъ у самой доброй женщины: злыя уже

отъ нея получаютъ всё матеріалы; прямо имъ никто не хочетъ сообщать свѣдѣній, потому что онѣ—злые.

Кумушка Глафира Николаевна прибыла къ Байбашкиной съ запасомъ самыхъ свѣжихъ вѣстей и только выжидала окончанія обыкновенныхъ распросовъ о здоровьѣ, о погодѣ, о дороговизнѣ соленыхъ огурцовъ и объ ея собственномъ мужѣ, чтобы безъ нарушенія приличія приступить къ дѣлу. Глафира Николаевна знала приличія. Но Байбашкина, которая была также женщина съ обхожденіемъ, на этотъ разъ обошла всё условные обряды. По воспаленному лицу ея и блиставшимъ глазамъ, ясно видно было, что она не въ своей тарелкѣ. Безъ всякихъ околичностей, прежде еще чѣмъ гостя усѣлась, Байбашкина сказала:

— Ну, кума! стряслась со мною бѣда! Не знала попадья бѣды, купила себѣ поросенка. Жила я, какъ въ небѣ за печкой: такъ вѣтъ! надо было мудрить, да хитрить. А все мой Спиридонъ Ильичъ!... знаетъ, что бабье дѣло гребель да ухватъ, и вѣтъ того, чтобы уму-разуму поучить!

— Э, кумушка, ученаго учить только портить!

— Нѣтъ, мать моя, и на старуху бываетъ проруха.

— Вотъ ужъ и старуха.... Какая же вы старуха, Господь съ вами!

— Это такъ, только пословица говорится; а впрочемъ и года наши такъ не молодые.

— Да что это съ вами! И старуха-то вы, и не разумница, и Богъ знаетъ, что еще такое! Съ чего вы взяли поклены на себя взводить? Этакъ вы, чего добраго, и душегубство на себя взведете!

— Ахъ, мать моя, согрѣшила, видно, я передъ Господомъ Богомъ, такъ вотъ меня и попуталъ лукавый!

— Да что такое сдѣлалось? Не мучьте меня, расскажите поскорѣе.... сами знаете, я въ такомъ положеніи, что всякое раздраженіе мнѣ вредно.

Глаза доброй кумушки горѣли любопытствомъ. Но прежде чѣмъ ненасытная гидра любопытства получила въ пасть свою маковый пирогъ, несчастная кумушка должна была выслушать много аховъ и оховъ и даже отереть слезы бѣдной подруги.

Я избавлю читателей отъ всѣхъ вступленій, предисловія, припѣчаній, и перейду прямо къ существенной ихъ бесѣдѣ.

— Вы знаете, Глафира Николаевна, что подъ городомъ остановились таборомъ Цыганы.

— Плащеватые-то! Какъ не знать! Ворюшки такіе, что и ска-

зять нельзя. Намедни пришла ко мнѣ Цыганка, и ну приставать: дай, говорить, поворожу! — «Да ну, Богъ съ тобою, говорю, поворожи, черномаза!».— Отдай, говорить, прежде платочикъ съ шейки, шейка у тебя лебединая, плечики сахарные, незачѣмъ закрывать такое сокровище отъ людей.—Такая лукавая! Да нѣтъ, меня не соблазнишь. Сами судите: платокъ кашемировый, знаете, съ разводами по оранжевому....

— Подумай, какая дерзость!

— Я прогнала окаянную, а она, со злости, и ну реветъ: — Такъ вотъ же тебѣ зато! не выйдетъ твоя дочка замужъ!... такъ не выйдетъ! не выйдетъ! — и, постукивая кулакомъ объ ладонь да приговаривая, ушла.

— Смотри, пожалуй, арапка кака!

— Такъ вы говорили, кумушка....

— Вотъ эти самые Цыганы и спознались съ моею Акулиной! Чѣмъ ужъ они соблазнили дѣвку, Богъ ихъ знаетъ, только третьего дня, во вторникъ..... нѣтъ въ среду....

— Какъ же! въ среду.... я такъ и знала что въ среду что-нибудь случилось у васъ въ домѣ.... Вотъ, спросите мужа: пришла къ нему и говорю: ну, Харламуша, видно случилась бѣда у Мардахан Павловны; весь базаръ обошла, не нашла Акулины....

— Да! это было точно въ среду. Приходятъ ко мнѣ Акулина и говорить: — Барыня, а барыня! Вотъ что называется самое лютое несчастіе, оно то и есть.—Что такое, что такое?—Пошли спросы да разспросы.—Я все о Цыганахъ, говорить дѣвка: о тѣхъ самыхъ, о плашеватыхъ.—Ну, что о Цыганахъ?—У нихъ, говорить, есть мальчишка, сынъ ли ихъ, или нѣтъ, Богъ знаетъ: у нихъ вѣдь никогда нѣтъ ни роду ни племени. Мальчикъ бойкой... да ѣсть ему нечего; съ голоду умираетъ.... до-сей поры некрещенъ: такъ и умереть, говорить, на вашей душѣ грѣхъ. — Мать Пресвятая, помилуй насъ, говорю я; чтожь, Акулина, окрестимъ его? — Я и сала, говорить, такъ думала, по нѣтъ, не даютъ, окаянные; говорятъ, ужъ если хотите спасти душу, такъ спасите и тѣло, возьмите всего себѣ.—Я ну распрашивать: точно-ль онъ некрещенъ, да впрямъ ли съ голоду умираетъ.—Вотъ, вотъ, умереть и со всѣмъ некрещеный!—Я къ мужу.—Спиридонъ Ильичъ! такъ и такъ; спасемъ челоѣка въ здѣшней жизни и въ будущей.—Что жъ, спасемъ! говорить.—Я, было, туда и сюда. Да вѣдь вы знаете моего мужа! Ужъ если что зарядитъ въ голову, такъ и съ пущечнымъ фитилемъ не выстрѣлишь изъ нея этого. Что

ни говорила ему, онъ все свое: «Спасемъ, да и только!» Ну, вотъ и спасли!

— Что жъ, матушка Мардахея Павловна, на чемъ же вы каетесь? Что жъ тутъ дурнаго? Дѣло доброе, душеспасительное. Богъ не благословилъ васъ дѣтками, такъ послалъ на старости лѣтъ для утѣшенія чужое дитя. Видно вы угодили Господу Богу!

— Ужъ видно, кумушка, что угодили; точно, утѣшеніе себѣ приобрѣли въ дѣтищѣ.... ты сама увидишь, каково оно, это дѣтище. Хотѣли было хоть обмыть его, да напалить рубашечку: куда! бодаеть руками и ногами, реветъ благими матомъ; никому подступиться нельзя. Только и знаетъ, что кричить: дѣда! дѣда сюда!.... Нечего было дѣлать, побоялись чтобъ дитя не захлебнулось слезами, чтобъ не задохлось отъ всхлипыванія; послали за дѣдомъ. Привели Цыгана: чортъ чортомъ!.... срамъ срамской!.... Я отродясь не видала такого. А что убытку надѣлали въ три дня такъ и сказать невозможно. Старшкѣ что ни попадетъ на глаза, то и пропало; а мальиш, что хватить рученкой, тотчасъ переломить. Словно нечистая сила въ немъ сидитъ.

— Вотъ горе-то!

— Ужъ вотъ какое горе!

— Ну, а что слышно о комедіи, Мардахея Павловна? Что вашъ Матвей Петровичъ?.... Онъ все еще за дѣвницей Солючковой вѣлочится?.... У меня есть кое-какія свѣдѣнія на этотъ счетъ.

— Пойдемте ко мнѣ въ спальню, кумушка. Тамъ насъ никто не услышитъ. Пожалуй, люди подслушаютъ, и всё скажутъ, что сплетни выходятъ изъ моего дому. А я, вы знаете, не такая женщина, о томъ, что мнѣ говорить—ни слова передъ другими; развѣ ужъ самой короткой пріятельницѣ иногда сообщу по секрету.

Добрыя кумы ушли.

Между тѣмъ какъ Байбашинкина слушала докладъ вѣрной кумушки обо всемъ случившемся въ городѣ, мужъ медленно и безлечно шелъ изъ присутствія къ дому правителя, неся подъ мышкой беремя неразпечатанныхъ пакетовъ: это была только что полученная петербургская почта. Правда, его нѣсколько занималъ одинъ пакетъ, щегольской формы, съ надписью на немъ Альшина, «въ собственныя руки», и «весьма нужное», но Байбашинкинъ, чтобы не размышлять, рѣшилъ про себя, что — «Это должно быть такъ, просто, что-нибудь такое....», и пересталъ заботиться о пакетѣ. Не такъ однако жъ рѣшилъ Альшинъ. Онъ съ жадно-

стью схватилъ пакетъ. Печать поразпла его болѣе самой надписи. Сердце у него забилось. Руки дрожали.

«Неужели..... думалъ онъ: неужели наконецъ?.....» И печать хруснула подъ пальцами.

Въ то время, какъ онъ читалъ бумагу и письмо, бывшее въ томъ же пакетѣ, за нимъ слѣдилъ не одинъ Байбанькинъ. Было въ комнатѣ другое существо, которое не сводило глазъ съ него: это Ляля. Упершись подбородкомъ въ спинку кресель, почти вся скрытая за нимъ, она стояла неподвижно какъ статуя; только глаза ея, съ нѣкотораго времени влажные и томные, отражали внутреннее волненіе.

Лицо Альпина, по мѣрѣ того какъ онъ углублялся въ чтеніе, оживлялось болѣе и болѣе: оно сіяло радостью, съ трудомъ скрываемую ддятого только чтобы не показаться ребячески веселымъ въ присутствіи подчиненнаго. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ.

— Спиридонъ Ильичъ, радуйтесь, радуйтесь! Я ѣду.

— Какъ..... то есть, куда изволите ѣхать?.....

— Ёду туда, куда зовутъ меня тревога, дѣятельность, направленіе монаховъ способностей..... гдѣ ожидаютъ меня шумъ, волненія, лишенія, гдѣ долженъ я быть на сторожѣ день и ночь, между надеждою и страхомъ за успѣхъ трудовъ монаховъ, за славу вѣрренныхъ мнѣ дѣлъ, за торжество моихъ идей.

— Какъ же это..... Вы вѣдь не то чтобы изволите оставить васъ?.... совсѣмъ оставить?....

— О, совсѣмъ, совсѣмъ!..... и на всегда. Порадуйтесь вмѣстѣ со мною, добрый Спиридонъ Ильичъ! порадуйтесь! Время испытанія моего кончилось: я получаю другое назначеніе.

— Помилуйте!..... а мы какъ же останемся?.... а я-то какъ же?.... я вѣдь безъ васъ!.... да и я ли одинъ!.... вѣдь вы нужны и здѣсь?.... кто жъ безъ васъ будетъ управлять? Постъ важный, почти пограничный..... Тутъ и ученая часть, и военная, и гражданская. Польза службы требуетъ..... Казенный интересъ пострадаетъ.....

Въ первый разъ Байбанькинъ выказалъ чувство эгоизма, и то потому, что онъ самъ не зналъ, что говорить. Притомъ Альпинъ показалъ свою радость слишкомъ обидно для старика, въ привязности котораго онъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться. Слезы выступили на глаза его.

— О! простите, простите меня, сказалъ тронутый Альпинъ, взявъ его за обѣ руки: я оскорбилъ васъ своею холодностью: вѣрьте, я не былъ такъ безчувственъ прежде..... Судьба, люди,

пустыня ожесточила меня.... Вы первые навели меня на чувство любви къ ближнему.

Въ первый разъ Альпинъ открывалъ душу свою такъ чисто-сердечно. Онъ думалъ, что говоритъ новости. Но Байбашкинъ давно уже рѣшилъ это про себя, сумерничая, и за то притаился ему душевно. Нельзя сказать, чтобъ его не любили въ Каратабани: гордость, презрѣнiе къ деньгамъ, которыя онъ кидалъ безъ разбору, роскошь, которая была въ немъ такъ естественна, потому-что составляла принадлежность, а не замѣтлованiе его характера, неустранимость въ опасностяхъ, и самая выскочка права, когда онъ былъ взволнованъ, все это ослѣпляло общество, внушало къ нему удивленiе, неизбежно связанное съ уваженiемъ. Одинъ Байбашкинъ зналъ его коротко и находилъ въ немъ, по добротѣ своей, такія качества, которыхъ навѣрное Альпинъ не видѣлъ въ себѣ, потому-что онъ судилъ себя еще отраже чѣмъ другихъ.

Дружескія слова Альпина растрогали старина.

— Конечно, мы люди простые, врозься онъ, не умѣемъ вестя себя.... раздражали васъ, вмѣсто того чтобы беречь. Я виноватѣ другихъ. Плачу о себѣ, когда бы долженъ радоваться за васъ.... Вамъ было здѣсь такъ не хорошо! Поѣзжайте за счастье въ другое мѣсто.

Байбашкинъ былъ и въ обыкновенное время переговоривъ, по теперь, потрясенный до глубины души, онъ самъ не зналъ, какъ считался его рѣчь. Дѣйствительно, положенiе его представляло много скорбнаго. Передъ нимъ прошелъ рядъ правителей, которыхъ онъ былъ усерднымъ и ревностнымъ помощникомъ. Едва привыкалъ онъ къ одному, и тотъ уѣзжалъ помысленнымъ на другое мѣсто, покидалъ пустынный Каратабанъ съ радостью, съ веселiемъ разотавался со всѣми и въ томъ числѣ съ нимъ, съ Байбашкинымъ, который проводилъ его, печально возвращался домой, и въ ожиданiи прибытія новаго правителя предавался своимъ обыкновеннымъ заботамъ. Еще поправится ли одъ новому начальнику? еще какой будетъ этотъ новый начальникъ? Въ такой отдаленный край. Россiя пріѣзжаютъ обыкновенно съ предубѣжденiемъ и подозрѣніями: они иногда безъ слѣдствiй и справокъ распространялись а рѣчи и на честнаго Байбашкина. Оскорбленная гордость пошла его сердце, но онъ молчалъ и терпѣлъ. Наконецъ молодой правитель, убѣдась, что однихъ пышныхъ фразъ и обильнаго запаса самонадѣянности недостаточно для управленiя неизвѣстною областью, оцѣнилъ его умъ, опыт-

ность, способности, безнорыотіе, потнилъ его своеі доврѣнностью, утѣнилъ своей дружбой — и тотъ оставить его! Байбанинъ плакалъ отъ всего сердца.

— Спиридонъ Ильичъ, сказалъ Альпинъ: теперь мы оба такъ изволнованы, что едвали можемъ заниматься дѣлами. Возьмите съ собою почту: я приѣду къ вамъ вечеромъ; мы разберемъ и потомъ потолкуемъ о предстоящей сдачѣ должности.

Спиридонъ Ильичъ взялъ назадъ берема бумагъ, которое такъ привыкъ таскать изъ правленія въ домъ правителя, и побрелъ обычною дорогою, но далеко не въ обычномъ расположеніи духа. Еще никто не видалъ его такимъ въ Каратабанѣ. Жена, встрѣтившая его у порога, вскрикнула отъ испугу.

— Пипявка! дружокъ! что съ тобою? На тебѣ лица человѣческаго не видно!

— И не надо, отвѣчалъ онъ въ разсѣянности, полагая, что та предлагаетъ ему передъ-обѣденную рюмку «горькаго».

— Угодники, святители Божіи, помилуйте насъ! Онъ рхнулся, мой Спиридонъ Ильичъ! Голубчикъ, что съ тобою случилось? не послать ли за лекаремъ, не испить ли тебѣ бузинова цѣту, не истопить ли баню?

— Ничего не надо. Оставь меня, я совершенно здоровъ.

Байбанинъ заперся въ своемъ кабинетѣ.

Байбанинина нѣсколько минутъ стояла, какъ громомъ пораженная. Недоумѣвая что ей дѣлать, она послала за кумушкой, за городничимъ и за правителемъ дѣлъ, какъ за людьми, которымъ всего ближе и скорѣе знать политическія новости Каратабана. Въ ожиданіи прибытія гостей, она ударилась въ слезы и горькія жалобы. Но мы гостей ея не станемъ дожидаться. Мы знаемъ тайну и можемъ воротиться къ Альпину. Оставшись одинъ, онъ вдохнулъ свободный. Кругомъ его все привало радужный отблескъ. Видъ изъ окна на озеро и горы въ первый разъ показался ему восхитительнымъ, какимъ и былъ дѣйствительно. Видъ на площадь, обставленную огромными зданіями, съ церковью посрединѣ, надъ которой высоко возносился сіяющійся крестъ, этотъ видъ былъ также недуренъ. Легкая улыбка мелькнула на губахъ Альпина.

Въ широкихъ волтеровскихъ креслахъ, повиснувъ головою на ручку кресла, сидѣла Ляля. По судорожнымъ движеніямъ головы ясно было, что она плакала. Альпинъ удивился. «Доброе дѣта! подумалъ онъ: ей жаль моихъ ласкъ, моихъ конфетъ; она не

приучена къ блговству. Потомъ, подошедши къ ней, съ участіемъ произнесъ:

— Ляля! Ляля! дитя мое! что съ тобою?

— Ляля не отвѣчала. Альпинъ съ усиліемъ приподнялъ ея голову. Ляля закрыла лицо руками. Онъ отнялъ руки. Лицо дѣвочки было воспламенено; цѣлые токи слезъ омывали его; глаза были красны; волосы въ беспорядкѣ; Ляля рыдала, тщетно-смялся подавить свои рыданія. Нѣсколько минутъ она не могла произнести слова; ей жгло и давило въ груди. Альпинъ распустилъ ей платье и далъ выпить воды. Ляля вдохнула глубоко. Долго еще она всхлипывала и потомъ грудь ея колебалась какъ волны послѣ бури, но она уже нѣсколько успокоилась, вниманіе къ ней Альпина было живительно въ ея положеніи.

На многіе вопросы, она наконецъ отвѣчала:

— Ты идешь!... а со мною что станетъ?

— Что дѣлать, дитя мое, долгъ! Тебѣ же нечего беспокоиться за себя: участь обезпечена. Ты приобрѣла извѣстность отличной артистки. Современемъ ты будешь великою актрисой... я тебѣ предсказываю это: въ тебѣ есть геній... не оставляй этого поприща, а между-тѣмъ и самъ содержатель труппы не захочетъ тебя оставить.

— Я не хочу быть въ его труппѣ. Я не хочу болѣе играть на сценѣ.

— Полно ребячиться, Ляля; ты не понимаешь, что отъ этого зависитъ существованіе и счастье твое и твоего отца.

— Что бы ни зависѣло отъ этого, я не хочу играть... говорю, не хочу! Мнѣ не-передѣ-къмъ больше играть... если я выйду на сцену, я расплачусь...

— Это пройдетъ черезъ день, черезъ два послѣ моего отъѣзда.

— Никогда не пройдетъ!... о! я знаю себя!... я съ ума сойду, если ты меня покинешь.

— Такъ не прикажешь ли мнѣ остаться здѣсь, сказалъ онъ полу-ласковымъ полу-насмѣшливымъ тономъ.

— Здѣсь!...

Ляля взглянула на него и, по инстинкту женщины, угадала все, что было въ этомъ отвѣтѣ жестокаго и обиднаго.

— Здѣсь!... да, я понимаю, что не стою для тебя ничего..... что ты для меня ровно ничего не сдѣлаешь..... что я въ глазахъ твоихъ дѣвочка, нищая?.... и какъ я прежде этого не догада-

лась, продолжала она задумчиво.... съ чего я взяла, что твои лиски что-нибудь значать! отчего я придавала имъ такъ много вѣры.... Странно!

Ляля глубоко задумалась. Альпинъ уже не слушалъ ея и предавался блестящимъ надеждамъ, которыя сулило ему новое назначеніе. Нѣмая сцена длилась вѣскольکو минутъ. Ляля первая перервала ее. Весело соскочила она со своего мѣста, подошла къ Альпину, обвила руками вокругъ его шеи, какъ это часто дѣлывала прежде, и, глядя пристально ему въ лицо, сказала:

— Послушай, что я тебѣ скажу!

— Чтѣ?

— Но слушай внимательно!....

Она поворотила его голову къ себѣ, какъ-будто старалась навести его на предметъ, разогнавъ его новыя честолюбивыя мысли.

— Точно, безразсудно и подумать, чтобъ ты остался здѣсь для кого бѣ то ни было?

— Надѣюсь.

— Но вотъ, чтѣ возможно: я поѣду съ тобою....

Альпинъ захохоталъ. Ляля стояла удивленная.

— Чему жѣ ты смѣешься?

— Хорошо бы я былъ въ глазахъ своихъ тетусекъ и кузинъ, если бы явился въ Петербургъ съ дитятей.... съ дебютирующей актрисой.... Богъ знаетъ еще что подумали бы.... Воображаю, какъ вытянулись бы ихъ лица и безъ того вытянутыя лѣтами.

Альпинъ опять захохоталъ.

Лицо Ляли, на минуту просіявшее, заволокло слезами и отчаяньемъ.

— Мнѣ бы только доѣхать до Петербурга... а тамъ я уже ничего у тебя не попрошу....

— Говорятъ, съ какииъ были произнесены эти слова, тронулъ Альпинна; тѣмъ болѣе онъ приписывалъ часть этого желанія стремленію къ славѣ бѣдной дѣвочки, которое онъ уважалъ даже и въ ребенкѣ.

— Да, Петербургъ заманчивъ; слава его соблазнительна! Но, мой другъ, слава въ столицѣ то же что блуждающіе огоньки на сибирскомъ болотѣ. Берегись ея, Ляля! У тебя не станетъ ни бодрости, ни силъ перейти это болото: ты пропадешь въ немъ. Не такіе какъ мы гибли, завлеченные обманчивымъ призракомъ. Не пускайся въ Петербургъ, послушайся меня, будешь горько жалеться.

— Я буду великой актрисой!... ты самъ говорилъ это.

— Я говорилъ это по убѣжденію въ твоихъ необыкновенныхъ способностяхъ, но могу ли я ручаться за будущее?... Сколько случайностей... сколько обстоятельствъ, препятствій, преградъ лежать передъ каждымъ успѣхомъ на всякомъ поприщѣ!... За судьбу твою я отвѣчать не могу такъ же смѣло какъ готовъ отвѣчать за твои природныя дарованія.

— Судьба!... что такое судьба?... Я сама сдѣлаю себѣ свою судьбу. О, ты не знаешь къ чему я способна?... вскрикнула дѣвочка восторженнымъ голосомъ.

Альбинъ улыбнулся.

— Пусть и такъ!... Ты воображаешь, что стоить пожелать быть актрисой и сцена передъ тобой откроется. Нѣтъ, моя милая! До этого надобно дойти путемъ просьбъ, оскорбленій, пытки... Ты видѣла здѣсь это страшное чудовище, что зовутъ нищетою, но ты видѣла только его когти: ты еще не знаешь его пасть, не знаешь, что такое нищета въ столицѣ... О! это ужасъ!.. это бездна!... Я ни за что не толкну тебя въ нее самъ, своей рукой.

— Я вытерплю все... лишь бы ты былъ въ Петербургѣ.

— Я!... что могу я сдѣлать, или лучше сказать, могу ли я одинъ сдѣлать все! Буду ли я долго въ Петербургѣ?... никто за это не можетъ поручиться. Препоручить тебя, кому?... Въ Петербургѣ у каждаго столько заботъ о самомъ себѣ, что нѣкогда думать о ближнемъ; каждый по-неволѣ такъ глубоко погруженъ въ самого себя, такъ дорожитъ сохраненіемъ своей собственной особы, что ему не до другихъ. Его самого могутъ застать въ распλοхъ и низкая злоба и мелкая зависть и повсюду слѣдящій расчетъ въ различныхъ видахъ, расчетъ денегъ, расчетъ любви, расчетъ службы....

— Я тебѣ говорю, что мнѣ ничего не надо, я ничего не требую... только бы ты.... когда будешь со мною.... обращался по прежнему....

— Но скажи, пожалуйста, къ чему я тебѣ?... Я виновата.... и упрекаю себя въ томъ, что приучилъ тебя къ моимъ ласкамъ... къ моей дружбѣ.... Ты слишкомъ пылкаго, воспримчиваго характера.... Это — несчастіе, но вѣсть — и спасеніе. Ты скоро привязываешься къ предмету, но также скоро и забудешь его. Другіе приласкаютъ тебя и ты предашься имъ. Постарайся же забыть меня поскорѣе, если я въ самомъ дѣлѣ сколько нибудь дорогъ тебѣ.... и полно говорить больше объ этомъ.

— О, никогда, никогда не забуду я васъ!... Зачѣмъ я васъ узнала!... зачѣмъ позволили вы мнѣ узнать себя.... прежде чѣмъ начала жить!... теперь я погибла навсегда! вскричала она съ такимъ выраженіемъ страсти и прижалась къ нему такъ пламенно, что ни какая сила не могла ее оторвать отъ него.

Это поразило Альпина.

— Ляля! Ляля! успокойся, сказалъ онъ съ безпокойствомъ: ты въ горячкѣ.... Опять слезы. Успокойся. Не плачь.... Сегодня я, право, не знаю, чтѣ съ тобою?

Альпина начинала утомлять эта сцена. Любовь ребенка казалась ему странною неправильностью въ природѣ. Беттина Брентано была точно также влюблена въ Гёте и Гете точно также отвѣчалъ ей на страстные порывы полу-нѣжною холодною. Между-тѣмъ Беттина была нѣсколько старше Ляли: ей считали тогда шестнадцатый годъ, но она, впоследствии, считала это еще совершенно ребяческимъ возрастомъ. Альпинъ, въ нетерпѣвіи, скорыми шагами прохаживался по комнатѣ.

— Для тебя это шутка, простая шутка, сказала Ляля съ горькимъ упрекомъ: теперь я вижу это ясно. Но если бъ ты зналъ каково мнѣ! Я умру.... для меня ты все, и отецъ, и мать, и другъ.... богѣе всего этого.... потому что я люблю тебя.

— Этого только не доставало! вскрикнулъ Альпинъ — Ляля! ты дурачишься.... Любви не существуетъ на свѣтѣ. Любовь вспыхиваетъ, и проходитъ.

— Проходитъ, если не убьетъ съ перваго разу, сказала дѣвочка съ важною разсудительной особы.

— Любовь не убиваетъ никого.... особенно въ твои лѣта, возразилъ Альпинъ, и, почти безчувственную, положилъ ее на диванъ, вышелъ изъ комнаты и приперъ за собой дверь.

Ляля поняла свое положеніе. Она выразумѣла, чтѣ означаетъ этотъ приливъ чувствъ къ сердцу и крови къ головѣ. Теперь ей стало яснымъ, почему Сонюшкина сидитъ по цѣлымъ часамъ у окна, вздрагиваетъ и съ нетерпѣніемъ обращается на улицу при первой мелькнувшей тѣни прохожаго, съ досадою отворачивается если это не онъ, и вспыхнетъ вся если это онъ — известный нашъ усачъ — который заинтересовалъ ее до того что она занялась имъ исключительно, но — прошу не прогибаться — очень цѣломудренно.

Чѣмъ отвлеченнѣй и восторженнѣе понятіе о любви, тѣмъ могущественнѣе это чувство овладѣваетъ человѣкомъ. Она представляется ему, въ немъ заражается темное, неопредѣленное

желаніе чего-то иного, лучшаго, какъ проблема жизни, и неизвѣданная, неразгаданная: въ ней одной видѣть онъ преображеніе всего земнаго счастья и величія, всего, о чемъ мечталъ издѣтства, и къ чему стремится до гроба. Если таково обаяніе любви для мужчины, живущаго въ обществѣ и общества ради, для человѣка, которому предстоитъ такъ много цѣлей въ жизни, каково же оно должно быть для сердца дѣвочки, сосредоточенной въ самой себѣ, у которой, воплѣ понятій о любви, почерпнутыхъ изъ драмъ, только и было наставника что природа, могущественный идеалъ любви всеобщей.

Ляля мучилась невыразимо. Въ этомъ мученіи отражались и ныль страстей южнаго неба, подъ которымъ она родилась, и неуверенность характера ея матери, случайности рожденія, дѣтства, воспитанія. Ляля предалась безъ сопротивленія, безъ борьбы всепогружающей тоскѣ; сердилась, роптала, металась какъ въ горячкѣ, проклинала слабость свою, бѣдность, безъизвѣстность рожденія, все, что поставило ее такъ низко на ступени общества, гдѣ она не могла возбудить къ себѣ ни какого участія. Теперь она хорошо понимала слова Альпина. Были минуты, что она негодовала и на него, холоднаго, бездушнаго.... но потомъ, покорно слѣдовала за нимъ, какъ тѣнь, счастливая уже тѣмъ, что онъ удостоивалъ ее ласковаго слова, выпрошеннаго тяжкими страданіями.

Играть на сценѣ она рѣшительно отказалась. И какъ могла она въ этомъ раздраженномъ состояніи сердца приняться за роль, когда всякое занятіе, всякая мысль, которая къ нему не относилась, сама собою представлялась ей грѣхомъ и святотатствомъ? Умеченная любовью, которую, съ позволенія вашего, мнѣ хочется назвать *натуральною*, то есть происходящею отъ невольнаго вдохновенія самой природы, для отличія отъ любви *нарочной*, возбужденной искусственно, принсканной или выпрошенной, просто по желанію любить, она поглощена была этою страшною любовью всл, безусловно и безсознательно. Смѣю быть увѣреннымъ, что любовь *натуральная*, которая приходитъ сама собою, безъ спросу, безъ искательства, въ то время какъ мы объ любви вовсе не думаемъ и какъ насъ къ ней не подстрекаютъ, ни мы себя ничѣмъ не возбуждаемъ, что эта то любовь, весьма рѣдкая на свѣтѣ, одна только и есть настоящая любовь, страсть врожденная, суженая, глубокая, непреодолимая, почти всегда гибельная при препятствіяхъ. Ей надо принести въ жертву цѣлую жизнь: меньше она не беретъ. Всякая другая любовь, — я могу об-

дѣть многихъ, но, по важности дѣла, скажу откровенно мое мнѣніе, — всякая другая любовь, рожденная отъ возбужденія, отъ натяжки чувствъ, отъ скуки, отъ желанія любить, отъ кокетства, женскаго или мужскаго, всё-равно, словомъ отъ мыслей о любви, пустяки! — не любовь! — какъ бы любовью намъ ни казалась. Эта любовь непременно пройдетъ. Она не натуральна, хотя и согласна съ натурою. А, посчитавшіеся съ совѣстью, всё наши любви, въ обществѣ, принадлежать къ этому разряду, почти всё. Вотъ чего Альпинъ не понималъ, къ сожалѣнію.

Импредарио долго усиливался склонить Лялю не покидать театра, гдѣ она могла одна осуществить его надежды. Переродствомъ Ляли онъ уже расположился было выбиться изъ гравной колѣн и вдругъ предстать съ блистательною труппою въ значительномъ городѣ, напримѣръ въ Нижнемъ. Онъ предлагалъ Ляль довольно значительное жалованье: все было напрасно. Онъ грозился отказать ей и старикку отъ мѣста: Ляля была непоколебима, и содержатель, взбѣшенный, привелъ въ исполненіе угрозу. Бѣднень съ дочерью вдругъ очутились безъ крова, безъ пріюта.

Бѣднень всё-еще не ропталъ. Онъ даже и не убѣждалъ Лялю остаться на сценѣ, гдѣ она съ перваго дебюта оправдала и превзошла высокое мнѣніе и всё надежды старика. Бѣднень ни за что не рѣшался насловать волю и желанія дочери. Онъ считалъ святой обязанностью своей беречь ее, заботиться объ ея потребностяхъ, устранять отъ нея всё нужды и невзгоды жизни, не приневоливая дочери къ чему бы то ни было. Безпріютность сокрушила его. Бѣднень надѣялся еще на свои силы. Его болѣе всего приводило въ отчаяніе горькое положеніе Ляли, и онъ напрасно таялъ свою печаль, удерживалъ слезы. Горе взяло свое. Старикъ захлибалъ.

Между-тѣмъ труппа подымалась со своего временнаго гнѣзда, устроеннаго въ Каратабанѣ, гдѣ безъ Альпина и Ляли нечего ей было бы ни дѣлать ни ожидать. Каратабанцы совсѣмъ потеряли изъ виду комедію: они были въ страшныхъ хлопотахъ, по случаю ожиданія новаго правителя и проводовъ стараго. Да и Мурдасовъ не очень дорожилъ ими: онъ успѣлъ зашибить большую копѣйку, и сталъ важничать. Импредарио увѣрялъ, что его ожидаютъ на другомъ поприщѣ, несравненно болѣе блистательномъ, и что Каратабанъ не для него мѣсто.

Октябрь порошилъ снѣжкомъ и умищивалъ первый санный путь. Мурдасовъ этого только и ожидалъ.

Рядъ саней, розвальней, повозокъ, и впереди огромная крытая

кабегинъ изъ роду тѣхъ, которые предки наши называли *калмаками*, стояли у дому, гдѣ квартировала труица.

Бѣднень въ грустно глядѣлъ на приготовления; впереди совершались онъ безъ него. Ему стало жаль этой будущей и немощной сестры, съ кочевой жизнью и вольными нравами, съ которыми онъ такъ свыкъ. Бѣднень ожидала теперь участь горче всякой вранней. Некоторые изъ товарищей дружески протянули ему руку на прощанье. Другіе насильственно указывали на него пальцами.

— Что, братъ, выгналъ хозяинъ; плохо приходится; кочь милостыни прошу. Впередъ не кичись со своей двачонкой; да учи ее уму-разуму... говорилъ, проходя мимо, благородный отецъ.

Сонючкина отозвала его въ сторону.

— Послушай, Ильячъ, ты всегда былъ привязанъ ко мнѣ, окажи на прощанье послѣднюю услугу.

— Говорите, едва могъ произнести Бѣднень, котораго грудь уже надрызалась страданіемъ.

— Ты знаешь Бузункова (такъ звали усача): скажи ему чтобъ не сердился на меня, чтобъ не пропалъ мени... я рѣшилась назначить ему свиданіе... Но не думай, Ильячъ, чтобъ я навѣяла ссору... я не хочу, чтобъ говорили обо мнѣ, какъ говорятъ о наперсницѣ. Это свиданіе должно быть при свидѣтеляхъ, надежныхъ, неподозрительныхъ. Пускай оно будетъ въ твоей комнатѣ; пускай Ляля будетъ свидѣтельницей.

— Пускай! сказалъ Бѣднень.

— Ты пойдешь ли къ Бузункову? скажешь ли ему?...

— Иду... Но послушайте, Амеяза Павловна... у меня къ вамъ также просьба... задушевная, вродная...

— Говори, я слышу все, что могу..

— Попытайтесь еще разокъ уломать его.

— Ты права?

— Ну, да! скажите, что я буду работать вдвое противъ прежняго... пусть только возьметъ насъ; что я согласна на убавку жалованья... Пусть только не видитъ Ляли, пока сама она не подумается. Я и вамъ отслужу...

— Изволь, изволь. Я стану его просить... хоть бы онъ прибилъ меня. Ты же ступай къ моему сердечному другу.

Черезъ полчаса Бѣднень воротился и таинственно объявилъ Сонючкиной, что ее ожидаютъ.

Дрожь пробѣжала по жиламъ актрисы.—Хорошо, хорошо, про-

жентала она и кинулась въ комнату Бѣднова, но вопросительный взглядъ старика оставовилъ ее.

— Ахъ, да! произнесла она враскорю: жаль мнѣ тебя, Ильичъ!.. я просила его, умоляла; слышать не хочетъ; только и говорить: «Пусть Ляля играетъ, когда я прикажу; нето, къ чорту и его и ее.» Извини, Ильичъ, я повторяю его слова.

И Сонючкина, огладившись кругомъ, не поденатриваетъ ли грозный Мурдасовъ; нырнула въ комнатку Бѣднова.

Усачъ стоялъ удивленно посерединѣ комнаты какъ Аполлонъ въ затикавской ротондѣ. Гордый собою и своею побѣдой, въ которой уже не сомнѣвался, онъ оставилъ преннй видъ поворности и овалъ явился дерзкимъ, нахальнымъ, какимъ его впервые узнала Сонючкина.

— Мы не одни здѣсь, сказалъ онъ указывая на Лялю, бессмысленно глядѣвшую на эту сцену: прогони эту дѣвочку!

— Нельзя, Фридо, отвѣчала примадонна вѣжно коверкая по своему его ния, какъ это въ обыкновеннн въ закулисномъ мирѣ.

— Это почему! вскринулъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, Фридо, не кричите! насъ услышать! произнесла Сонючкина дрожащимъ голосомъ, зная, что во время отъѣздовъ Мурдасовъ церберомъ сторожить своихъ актрисъ на томъ основанн, что, дескать, чего добраго, пожалуй какъ-разъ сбѣжитъ которая-нибудь къ своему обожателю и останется.

— Хорошо, отвѣчалъ усачъ, я не буду говорить громко. Но вотъ въ чемъ дѣло. Я требовалъ свиданн безусловнаго. Ты призвала меня сюда... и теперь ставишь между нами преграду. Прочь ее!

— Фридо, другъ мой! не сердись, не требуй отъ меня новой жертвы; я и то уже много для тебя сдѣлала; я въ безпрестанномъ страхѣ, что наше свиданн откроется, что любовь моя будетъ известна ему....

— Что мнѣ въ такомъ свиданн, гдѣ я, съ моей страстной, безпредѣльной любовью долженъ стоять сложивши руки какъ дуракъ. Нѣтъ, не этой жертвы мнѣ нужно!

— Фридо!.... подумай, что у меня свой долгъ!

— Передъ кѣмъ?.... какой долгъ?

— Я обязалась контрактомъ не заводить ни какихъ любовныхъ связей.

— Вотъ прекрасный контрактъ!.... И откуда, взъ какой драмы, мнѣ какого водевиля, вы почерпнули его?

— Не смѣйся надъ этимъ. Содержатель очень естественно

смотреть за своими выгодами. Какая ему польза отъ любимыхъ актрисъ? отъ сюжетовъ, въ исправности которыхъ онъ не увѣренъ. Онъ какъ содержатель, платитъ вамъ: мы его рабы, пока состоимъ въ должности. Неустойка огромна; страшно подумать о нарушении своего долгу.

— Ну, если ты звала меня слушать условія твоего контракта, то напрасно беспокоилась. Я насильно вознагражу себя за мое продолжительное страданіе.

— Фридо, ты знаешь, что я люблю тебя. Развѣ тебѣ недовольно этого?

Усачъ захохоталъ. Чѣмъ она была нѣжнѣе и робче, тѣмъ онъ становился дерзче и настойчивѣй. Сонючкина все еще крѣпилась.

— Погоди, говорила она: пусть кончится срокъ контракту.... Поѣзжай за нами. Или пусть онъ первый нарушитъ чѣмъ-нибудь условіе....

— Нѣтъ, моя милая, я не намѣренъ странствовать за тобою рыцаремъ любимого образа: это теперь не въ модѣ. Ты должна отдаться мнѣ безусловно.

— Фридо, Фридо, пощади меня!....

— Нѣтъ, нѣтъ.... Прочь жеманство!.... Шагъ сдѣлать, и возвращаться поздно.

— Фридо! лучше убей меня, но пощади! Умоляю тебя, пощади....

Усачъ разгорячался болѣе и болѣе. Сонючкина, страстно любящая, едва могла противиться. Но вдругъ раздался крикъ Ляли, испугавшейся звѣрскаго лица усача. Усачъ оглянулся. Сонючкина успѣла вырваться изъ его рукъ и убѣжала за двери. Саладонъ послѣдовалъ за нею. Но во дворѣ толпа актеровъ уже садилась въ экипажи. Сонючкина птичкой порхнула въ каптану, и поѣздъ двинулся. Бѣдная примадонна со слезами на глазахъ провожала взоромъ угрожающіе взгляды усача и прижимала руку къ сильно бьющемуся сердцу, какъ-бы желая выразить этому бездушному человѣку, что она все-еще любитъ его. Любовь русской женщины почти всегда видитъ въ своемъ избранникѣ—будь онъ мужъ или любовникъ—повелителя. Это наследіе предковъ, еще остатокъ термиваго законодательства. Ляля съ ужасомъ увидала впервые этотъ цинизмъ развратной любви, эту бездушность мужчины, съ жестокостію пощрающего любящую женщину. Хотя она и выросла между людьми свободной нравственности, однакожъ не понимала зла до сихъ поръ, потому что Бѣднеевъ заслонялъ

его тщательно собою. Только теперь разсмотрѣла она мушкету нѣсколько лѣтъ, невольно сравнивала свое положеніе съ положеніемъ Союжковной, будучи свидѣтельницей сцены, происходившей въ комнатѣ отца, и вскрикнула, не отъ страха за участь, но отъ ужаса за себя собственно.

Съ этихъ поръ ея упорная воля слагалась подвигать то, что она называла слабостью сердца; но Бѣдная дѣвочка не соразмѣривла силъ своихъ: этотъ опытъ былъ только источникомъ новыхъ мученій.

Бѣднень въ грустно смотрѣлъ какъ усѣлась шумная ватага въ повозки, какъ тронулся разнохарактерный поѣздъ, какъ увѣжалъ, оставляя за собой тишину и пустоту. Такъ, среди пустыни, остается усталый, изнеможенный верблюдъ, вытягивая шею впередъ за отходящимъ караваномъ, какъ бы выпрашивая на колѣняхъ, чтобы его взяли съ собою, не покидали на жертву голоду и шакаламъ. Но караванъ въ синѣющей дали. Верблюдъ собираетъ остатокъ силъ, чтобы привстать, чтобы ревомъ поелать о себѣ вѣсть. Тщетнымъ усиліемъ! Глухой стонъ вырвался изъ груди его и онъ опять падаетъ. Отяжелѣвшая голова преклоняется къ землѣ. Въ этомъ положеніи, мучимый голодомъ, жаждой, перѣдко до половины занесенный пескомъ или снѣгомъ, онъ сохраняетъ жизнь еще съ недѣлю, если шакалы или волки не растерзаютъ его скорѣе. Это сравненіе невольно приходитъ мнѣ на память при воспоминаніи о Бѣднень.

У Бѣднень только и было одно это существо, которое призвало его къ жизни: безъ него, хоть сейчасъ умереть, — онъ перекрестился бы и умеръ. Но страшно оставить Лялю одну на свѣтѣ. Она жила еще для лучшей жизни, для другой любви, для свѣтлыхъ надеждъ. Міръ казался Бѣднень пустыней безконечной гораздо страшнѣе той, среди которой онъ, одинъ-одинешонекъ, преслѣдуемый людьми и звѣрами, укрывался въ чащѣ камыша или за одинокой мазанкой.....

Старикъ тихо побрелъ въ свою комнату провѣдать, что дѣлать его Бѣдная Ляля. Но Ляли не было дома. Едва рѣшилась она преодолѣть любовь, какъ уже опять искала того, кого должна была убивать, и пошла за нимъ въ домъ Байбанькина. Лялю всѣ знали и всюду ей былъ доступъ. Но едва она переступила порогъ, какъ ее поразило что-то странное, ползающее по полу. Ляля приостановилась по невольному чувству страху. Существо оказавшееся человѣческой породы, но самаго низкаго разряду, скорѣе приближалось къ классу обезьянъ, чѣмъ людей. Это

существо приводило голову, вперле въ Лялю нару черныхъ сверкающихъ глазъ и оскалило зубы какъ собака. Ляля затрепетала. Цыганенокъ,—это былъ онъ,—однимъ прыжкомъ очутился возле Ляли, кинулся какъ бѣшеный и вцѣпился въ нее ногтями и зубами. Бѣднаяжка лишилась чувствъ; едва могли освободить ее отъ этого вампира и опровавленную, полуживую отвели къ Бѣдневу, потому что одно присутствие ея въ домѣ Байбашкина приводило въ бѣшенство Цыганенка. Ляля онъ казался демономъ, кинувшимся на ея падшую душу. Она ужаснулась этой мысли, и на этотъ разъ не видела Альфина. Она прибѣжала домой въ страшномъ волненіи, въ совершенномъ расстройствѣ души и сердца. Бѣдная дѣвушка!

Бѣднень въ слезъ въ постель. Нужда поновилась у изголовья его, голодъ сталъ у ногъ. Можетъ-быть у Ляли и достало бы силъ, чтобы удалить этихъ страшныхъ сподручниковъ болѣзни, но силы ея были раздроблены, подавлены собственнымъ бѣдствіемъ, изнучены душевнымъ страданіемъ. Правда, корою бѣдная дѣвочка, истерзанная раскаяніемъ, сосредоточивала все мысленно у овра умирающаго отца, но такое напряженное состояніе не могло быть продолжительно. Она сама не знала что дѣлать; часто покидала постель больного; скиталась уныло вокругъ дому Альфина, не смѣя войти въ него по прежнему. Она ясно видѣла, что Альфинъ старался удалить ея. Возвращалась ли домой, она разсѣянно предавалась все потоку пламенныхъ мыслей; не слышала стоновъ отца; забывала поднести къ высохшимъ губамъ его стаканъ съ водою.

Альфинъ узналъ о болѣзни Бѣднева. Рука его, всегда холодная, была открыта для немощныхъ и немущихъ. Но онъ не заботился о томъ, какъ добро его принимали. Онъ предлагалъ Лялѣ деньги, какъ предложилъ бы ихъ всякой нищей, не жетъ-быть даже съ большей разборчивостью. Ляля гордо отказалась отъ денегъ Альфина. Она скорѣе соглашалась умереть съ голоду, чѣмъ быть обязанной человеку, у котораго ея трогательная любовь не могла выпросить того, что спасло бы бѣдную дѣвочку отъ преступленія оставлять своего отца почти на произволъ судьбы, не могла выпросить простаго даже участія въ своемъ несчастіи. Но Альфину эта робчешая любовь казалась смѣшной, недостойною вниманія.

Мысли толпились въ головѣ, одна другимъ безразсуднѣе, чувства приливали къ сердцу и пытали его. Бѣдная дѣвочка созидала планы великодушнаго ищенія тому, кто такъ жестоко

оскорбилъ ея любовь. Ей представлялось иногда, что она уже узнала Альпина своимъ благородствомъ, что гордый Альпинъ—у ногъ ея, стыдится своего честолюбиваго эгоизма, своей камешной холодности, опасается ея презрѣнія, умоляетъ о прощениі, о состраданіи. Простить ли она его, нѣтъ, она припомнитъ ему все и будетъ безжалостнѣй его самаго..... Заглянувъ въ это несчастное сердце, нельзя и обвинять Ляли за небреженіе къ отцу; она страдала болѣе его; она была какъ полоумная, въ хаосѣ страстныхъ мыслей и ощущеній. Старикъ все это видѣлъ. У него уже не доставало силъ нести такую ношу горя.

Въ одну изъ безсонныхъ ночей, когда, мучимый болѣзненнымъ жаромъ, онъ стоналъ, а она, безмолвная, неподвижная, сидѣла у его постели, дверь каюрики скрипнула: вошла Айша. Бѣдненькъ вздрогнулъ. Онъ узналъ ее, и при тускломъ мерцаніи ночника, и въ жару горячки: онъ когда-то любилъ эту женщину; это было одно существо, которое любило, или по-крайней-мѣрѣ показывало, что любило его, угождало ему, когда другіе люди были такъ нещелосерды.

Но эта женщина бросила его, посмѣялась надъ нимъ. Что нужды? Бѣдненькъ все бы обрадовался ей, если бы ему не представилась мысль, что Айша пришла взять дочь и оставить его одного. Легкій намекъ объ этомъ Айши при второмъ ихъ свиданіи, теверь, показался ему не только удобоисполнимымъ, но какъ-будто уже готовымъ исполниться. Онъ впривсталъ немного, чтобы схватить и спрятать Лялю, которая по обыкновенію не слышала и не видѣла ничего происходившаго, и вдругъ упалъ на постель отъ безснія.

— Что тебѣ? спросилъ онъ Айшу.

— Ничего, ничего, отвѣчала она, стараясь успокоить несчастнаго. Я узнала, что ты болѣиъ, такъ пришла провѣдать. Люди баютъ, что ты съ голоду умираешь; вотъ я и принесла чего поѣсть и поить..... Покушай на здоровье. Я вѣдь помню, какъ ты меня надѣлалъ своимъ добромъ и еще недавно послѣднія деньги отдалъ на радости нашей встрѣчи. Я вѣдь не то, что мой Цыганъ. Тотъ бы разсердился, что я и это принесла къ тебѣ.

Бѣдненькъ не въ состояніи былъ разсуждать: онъ не могъ ясно сообразить обстоятельствъ и поводовъ приходу. Съ быстротою, свойственной раздражительному состоянію, онъ перешелъ отъ отвращенія къ благодарности. И какъ ему было не благодарить ее, когда къ нему, оставленному, брошенному, одна она явилась съ любовью и состраданіемъ. Не совсѣмъ угасшая память развива-

ла передъ нимъ рядъ картинъ былого, а восплащенное воображеніе раздѣляло ихъ странными красками.

— Послушай, Али-Никуль! Вѣдь ты не сегодня завтра урешь.

— Завтра, сказалъ утвердительно Бѣднень.

— Ну, вотъ видишь! Умереть конечно не штука и не бѣда, для тѣхъ, кому жилось по нашему. Самъ же ты говорилъ, что нечего жалѣть объ умершихъ. Надо жалѣть о живыхъ, о тѣхъ, кого оставляемъ. Такъ что жъ ты думаешь дѣлать вотъ съ нею? (Айша указала на Лялю). На кого оставляешь ее?

— На Бога.

— Это какъ, на Бога?

— Онъ не оставитъ ее.

— Оно такъ!... однако, знаешь ли чтò?... скажи дѣвчонкѣ, что я ей мать: грѣхъ же таять это отъ нея!

— Зачѣмъ? возразилъ Бѣднень, и подозрѣнія опять окружили его страшными картинками.

— Да хоть для того чтобъ она знала, что у нея есть мать, и чтобы я могла дать ей мое благословеніе.

— Это ни тебѣ, ни ей, ни къ чему не послужитъ. Она и я разу и не вспомнила о томъ, что у ней нѣтъ матери. Для нея я былъ и отецъ и мать и все.... (Старикъ едва могъ продолжать дрожащимъ, растроганнымъ голосомъ.) Ты жъ ее сама поклялась, сама не захотѣла дочери!

— То дѣло прошлое. И теперь я ни какой власти надъ ней не хочу. Не я ее вскормила, не мнѣ и слѣдъ пользоваться ею. Пускай себѣ живетъ, какъ знаетъ. Но если прислѣдуетъ нужда въ матери, такъ можетъ-быть и я пригожусь: почему знать! Эй, Али-Никуль! не уноси чужой тайны съ собою въ могилу: не дають покою; будетъ метаться въ гробу и проситься да свѣтъ.

Бѣднень молчалъ. Отъ тревожныхъ ли мыслей или отъ усилія болѣзни, только онъ страдалъ невыносимо. Онъ взглянулъ на дочь, на Лялю, для которой онъ жилъ, для которой въ самомъ нученіи находилъ отраду. И ее надо поклянуть! И въ канонъ положеніи.... когда это дитя изнываетъ подъ гнетомъ ужасной страсти.... страсти для которой создала ее сама природа.... Старикъ колебался между необходимостью высказать дочери тайну ее рожденія и болзвю открыть такую тайну.

— Послушай, сказалъ онъ Айшѣ: вѣдь Лала не любитъ, бьется тебя!

— Нужды нѣтъ. Дѣтей страшатъ Цыганами, вотъ она и

испугалась меня, хотя я собственно Цыганка только по платью. Зачем же ей не любить? Что я ей сделала? Да Богъ съ нею: пусть любитъ или не любитъ, пусть дѣлаетъ, что Богъ въ душу пошлетъ, а только бы знала, что у нея есть мать, и что я мать ей. По незнанію, да по нелюбви ко мнѣ, Богъ знаетъ, что можетъ случиться; ты же отвѣтъ Богу отдашь. А почему знать? можетъ ей и полегчаетъ на сердцѣ, коли узнаетъ, что не круглой сиротой остается на бѣломъ свѣтѣ. Видишь ли, какъ закружилась, голубушка моя; душенькѣ ужасъ больно. Да и чего ей болѣться? Хуже этого ужъ не бываетъ!

— Правда твоя, сказалъ Бѣднень, хуже не можетъ быть, и, обращаясь къ Лалѣ, прибавилъ:—Лаля, дитя мое, я скоро умру, и ты останешься сиротою.

Лаля молчала. Старикъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— У тебя есть мать, мать, которая, правда, тебя покинула въ дѣтствѣ, но она дала тебѣ жизнь и этого уже довольно, чтобы быть близкою твоему сердцу.... можетъ-быть, ты хоть нѣсколько утѣшилась бы, еслибы увидѣла ее.

— Нѣтъ, не утѣшилась бы, отвѣчала Лаля.

— Ты, вѣрно, думаешь, что она наложитъ на тебя какія-нибудь обязанности, свяжетъ твою свободу: несколько!.... я сказалъ, что ты ей ничѣмъ не обязана, кромѣ жизни....

Лаля горько улыбнулась.

— Знаю, что жизнь тебѣ не радость, особенно теперь.... Но, послушай, рѣнись увидѣть свою мать.... Ты не испытала, ты не знаешь, что такое чувства дочери къ матери.... испытай ихъ, дитя мое! Для этого одного стоитъ возвратиться къ жизни....

— Нѣтъ, тата, ты ошибаешься.

— Попробуй, Лаля.

— Если хочешь, я готова.... только не теперь; теперь я не могу оставить тебя одного.... Поедь.

— Тебѣ не къ чему оставлять меня для этого; твою мать здѣсь. Вотъ она!

— Эта Цыганка?

— Да!

— Хорошо.

— Лаля, я зналъ что ты рассердишься на меня.... за это открытіе.... и потому не говорилъ тебѣ ничего....

— О, нѣтъ, тата, несколько! Мнѣ на тебя сердиться? Ради Бога, не думай этого....

— Такъ ты не рада, что увидѣла свою мать?

— До радости ль мнѣ теперь, когда ты въ такомъ положеніи?

— Подойди жъ, приласкайся ко мнѣ, голубка моя, произнесла Айша, протягивая къ ней руки.

Ляля невольно отстранилась и прижалась къ изголовью отца. Со страхомъ глядѣла она на эту женщину, которая въ первый разъ явилась къ ней между сномъ и бдѣніемъ. Но теперь Лялю не могло долго занимать ни какое постороннее ощущеніе. Она побѣдила страхъ и равнодушно подошла къ той, которая называла себя ея матерью. Съ нетерпѣніемъ подверглась она ея ласкамъ и вскорѣ, освободившись отъ нихъ, погрузилась въ прежнее апатическое состояніе. Между-тѣмъ, страданія Бѣднеча, усиленныя физическимъ и нравственнымъ изнуреніемъ, становились опаснѣй и опаснѣй. Старикъ уже боролся между жизнью и смертію.

— Ну, мнѣ пока нечего дѣлать здѣсь.... взглянула на дочь, пародовалась ею, и домой, сказала Айша, зло поглядывая на Лялю. Прощай, Али-Никуль! Могетъ-быть, я тебя не застаю въ живыхъ. Не тужи, я приберу тебя, если умрешь. Поѣду сейчасъ промышлять тебѣ гробикомъ; не безъ добрыхъ людей: вотъ хоть бы и Байбаниккча; заверну къ нимъ. Да что жъ ты, въ самомъ-дѣлѣ, разрюмился, Али-Никуль!... и умереть-то порядочно не умѣешь! Двадцать лѣтъ тому назадъ, тебя чуть не укупили Ташкенцы.... съ тѣхъ-поръ ты заживалъ чужой аякъ. Тогда бы умеръ, такъ вотъ и не жилъ бы двадцати лѣтъ.

— И было бы лучше.

— Все равно. Прешла и двадцать лѣтъ, какъ не бывали. Впрочемъ всему одинъ конецъ. Прощай же! Говорю, не горюй. Все будетъ въ порядкѣ. Видишь, ты сердился, говорила, что я и новинула тебя, и неблагодарная я, и то, и другое. А вотъ я же глаза тебѣ закрою. Прощай, умница моя, продолжала она уходя изъ канурки и лукаво обращаясь къ Лялѣ.

Ляля просидѣла всю ночь у ногъ умирающаго отца. Иногда дремота овладѣвала ею, но это не былъ сонъ, это было минутное забвеніе настоящаго, между-тѣмъ какъ воображеніе развивало явленія еще страшнѣе предстоющаго.

Она рѣшительно не понимала, что происходитъ въ ней и передъ нею.

Къ утру началась агонія. Старикъ обращался поминутно къ Лялѣ. Ляля казалась окаменѣвшею. Онъ просилъ жить. Ляля глядѣла на него мертвымъ взоромъ.

— Ляля!... дитя мое!... не гляди такъ... гляди иначе... какъ ты глядѣла прежде... Ляля! смѣйся... какъ смѣялась нѣкогда для моего счастья... и теперь такъ смѣйся... О, душно, жарко... пить... пить...

Ляля вскочила, какъ бы послѣ страшнаго удушливаго сна, подала стаканъ воды и встала на колѣни возлѣ постели умирающаго. Она держала его оледенѣлую руку въ своихъ рукахъ, столько же ледовитыхъ, и бессмысленно глядѣла на блѣднѣющее лицо страдальца. Потомъ голова ея склонилась и упала на эту руку. Ляля уже не могла поднять головы: лобъ ея, казалось, прилепился къ рукѣ умирающаго, и она осталась въ этомъ положеніи.

— Меня душить, говорилъ между-тѣмъ старикъ... Жжетъ... здѣсь... вотъ здѣсь, Ляля... мнѣ страшно: не гляди... не прокляни отца... А! вотъ онъ, молодцы... Впередъ, впередъ!... *Аллахъ кебиръ!*... Мы нагребемъ богатства, и все принесемъ Лялѣ...

Вѣрно, Бѣднень, въ бреду, видѣлъ себя въ кровавомъ бою на чальничкомъ хивинской артиллеріи. Онъ еще нѣсколько минутъ громко атаковалъ враговъ или спасался отъ преслѣдованій; потомъ тихо, слабымъ голосомъ, произнесъ: «Господи, не оставь ея!...» и лицо его какъ-будто успокоилось. Ляля почувствовала, что пальцы отца сжимаются все сильнѣе и сильнѣе вокругъ ея руки. Боль заставила приподнять голову. Она видѣла, что глаза его меркли, закрывались, лобъ лоснился, члены судорожно вытягивались; но все еще ничего не понимала: мысль о смерти не приходила ей въ голову. Какъ! чтобы могъ покинуть ее этотъ человѣкъ, ея отецъ, который обождалъ ее, безъ котораго ей нельзя было существовать? чтобы онъ могъ умереть такъ скоро, не простившись съ нею, не обнявши ея, не надѣливъ своимъ благословеніемъ на далекій путь жизни?... О, это не возможно! И голова ея снова упала на руку отца, которой не выпускала она изъ своихъ.

Попутру пришла Айша. Она застала Лялю все въ томъ же положеніи. Айша подошла къ постели Бѣднень, приложила ладонь ко лбу его — холоднѣе; ко рту — нѣтъ дыханья.

— Скоро же! сказала Цыганка. Послушай, Ляля! что-жъ ты сидишь? встань; тебѣ здѣсь нечего дѣлать; ты вѣдь блонручка, а мнѣ надо обмыть его, снарядить въ дорогу. Да что же ты въ самомъ дѣлѣ, словно приросла къ постели, не сводишь глазъ съ него: развѣ не видишь, что онъ давно умеръ?

— Умеръ!

— Чему жъ ты дивишься, что человекъ умеръ? Развѣ ему вѣкъ жить!

Айша ушла за водою.

— Умеръ! закричала Ляля, дико озираясь кругомъ.— Умеръ!... оставилъ меня одну на свѣтѣ!...

И дыханье сжалось въ груди ея. Голова горѣла. Она была блѣдна, какъ смерть, и холодна какъ ледъ. Не знаю, выдержала ли бы она это состояніе; но, къ счастью, слезы хлынули изъ глазъ. Она зарыдала.

— О!... мой отецъ покинулъ меня, одну на этомъ свѣтѣ! произнесла она глухимъ голосомъ отчаянія.

— Но Богъ не покинулъ тебя, дитя мое... нѣтъ, ты не одна въ мірѣ, отвѣчалъ кто-то сзади.

Ляля оглянулась. Это была Байбашькина. Хорошая женщина узнала объ отчаянномъ положеніи дѣвочки, послала гробъ и все, что было нужно для погребенія, и явилась сама подать сиротѣ руку помощи и утѣшенія.

— Дитя мое, послушай... успокойся... не надрывайся слезами. Вотъ-такъ, осуши ихъ.... Не мучь себя. Выслушай меня, мое милое дитя.... Богъ не оставилъ тебя на произволъ судьбы, безъ защиты и опоры въ мірѣ.... Выслушай! У насъ нѣтъ дѣтей. Господь послалъ намъ некушеніе въ лицѣ Цыганенка, который обокралъ насъ и убѣжалъ въ свой таборъ. Видно, мы согрѣшили, что не сподобились приобщить душу его къ христіанству, видно мы были недовольно терпѣливы, недовольно милосерды, чтобъ смирить эту дикую кошку, и Богъ наказалъ насъ. Мой пипинька третій денечекъ уже ведемогаетъ. Дитя мое, мы обѣщаемся быть съ тобою и кроткими и добрыми, какъ съ самою дорогою, самою сердечной дочерью. Живи у насъ, будь нашимъ дитятей, нашей опорой, нашей отрадой въ старости, и Богъ и мы не покинемъ тебя.

Ляля въ пылу горести и отчаянія могла сообразить только два обстоятельства; одно, что ей предлагаютъ остаться въ Каратабани, въ нѣстѣ, откуда уѣзжаетъ, а можетъ-быть уже уѣхалъ тотъ, кто былъ ей дороже всего на свѣтѣ, и для кого она пожертвовала спокойствіемъ своего отца въ послѣднія минуты его жизни; другое обстоятельство, что ей предлагали даровыя средства къ жизни, — и она вспомнила какъ милостыня была ей оскорбительна, когда предлагалъ ее Альпинъ. Но голосъ Байбашькиной звучалъ совсѣмъ иначе, слова были другія.... Ляля не могла хо-

рошо выразумѣть этихъ словъ. Несчастной показалось однакожь, что ей какъ-будто предлагаютъ любовь, почетное положеніе въ обществѣ, званіе почти равное званію Альпина. Лучъ надежды освѣтилъ ея мрачную душу. Она упала къ ногамъ Байбанькиной, ухватилась сперва за ея колѣни, потомъ за руку, обливая ее горячими слезами благодарности. Но произнести ничего не могла она. Тщетно Байбанькина старалась утолить ея рыданія: надо было дать ребенку время выплакаться. Растроганная, несчастливенная, гордая приобрѣтениемъ такой дочери, Мардаха Павловна поскакала сперва въ правленіе, а потомъ въ домъ правителя, рассказать и мужу и Альпину о своемъ благополучіи.

За-что, скажите, иному человѣку досталась такая тяжкая доля въ жизни? Бѣдцевъ никого не обмануль, никого не обидѣлъ, былъ честенъ, помогалъ ближнему по мѣрѣ средствъ. Онъ не ждалъ въ бездѣйствіи, чтобъ счастье само пришло къ нему; онъ переходилъ степи, переплывалъ моря, и встрѣчалъ не счастье, а только черствый кусокъ хлѣба да горькія насмѣшки людей. Иногда судьба возвышала его, но только для испытанія, для того чтобъ доказать ему, что вездѣ она слѣдуетъ за нимъ съ поднятымъ бичомъ.

Есть въ Индіи пальма, тали-патъ, которой вѣку лѣтъ шестьдесятъ, и только разъ въ жизни, передъ самой смертію, цвѣтетъ она; разцвѣтеть, осѣменится и погибнетъ; изъ стѣмянъ ея, какъ изъ праху баснословнаго феникса, является новое поколѣніе и живетъ такой же жизнью.

Но Бѣдцевъ жилъ семьдесятъ лѣтъ и не звалъ, что такое счастье, этотъ цвѣтъ души, не извѣдалъ его даже и передъ смертію. Порою проглядывало оно въ образѣ его Ляли, но мысль о томъ что надлежало бы сдѣлать съ этимъ дорогимъ существомъ, которое онъ хотѣлъ бы украсить всѣмъ, что Богъ, наука и искусства могутъ доставить самаго прекраснаго и самаго утѣшительнаго, и какъ ничего этого сдѣлать нельзя, какъ придется оставить его въ горѣ, въ нищетѣ, въ тѣни на Божьемъ свѣтѣ, эта мысль немедленно сглаживала улыбку счастья съ лица Бѣдцева. Умеръ — и никто не пожалѣлъ о немъ. Судорожное отчаяніе Ляли было безотчетно: не такой горести требовала любовь Бѣдцева; — и никому его жизнь не послужила даже урокомъ, какъ ни многозначительна была она. Тѣ, которые видѣли его, въ основномъ некрашенномъ гробу, изсохшаго, съ высокими открытымъ лбомъ, съ густыми нависшими бровями, съ лицомъ покрытымъ морщинами и рубцами, слѣдами борьбы съ людьми и вре-

менемъ, смотрѣли на него хладнокровно, не больше какъ на трупъ бѣдняка, или проходили мимо, не останавливаясь. Умеръ,— Богъ съ нимъ! говорили они, царство ему небесное. — Царство ему небесное! скажемъ и мы и обратимся къ живымъ.

За гробомъ Бѣднева шла Ляля и съ десятокъ нищихъ, толковавшихъ о томъ, дадутъ ли имъ за упокой души такого нищаго во пирогу, да во чаркѣ вина. Ляля была въ совершенномъ безпамятствѣ. Въ это время раздакъ ночтовый колокольчикъ: дорожная бричка пробиралась сзади; ящикъ мало заботился о гробѣ и проскакалъ бы мимо, но боялся, чтобы не испугались лошади. Онъ медленно подвигался впередъ. Изъ брички выглянул вѣтерпѣивый сѣдокъ и прикрикнулъ на ящика, Ляля увидѣла этого сѣдока: то былъ Альпинъ. Огонь вспыхнулъ изъ глубины ея души, память зашевелилась, сердце разорвалось съ ужасною болью. Незамѣтно отдѣлилась она отъ гроба, сама не зная, что дѣлаетъ. Дорога раздвоилась; гробъ понесся на-право; бричка, выбравшись на просторъ, понеслась на-лѣво. Дѣйствуя по прежнему безотчетно, Ляля пошла въ ту сторону куда уѣхалъ Альпинъ. Она шла скоро, какъ будто желая догнать его. Но когда повозка совершенно скрылась съ глазъ, бѣдная дѣвушка должна была остановиться, не зная, куда идти. Она какъ-будто потеряла изъ виду свою путеводную звѣзду. Она очутилась одна въ открытомъ полѣ, на проѣзжей дорогѣ. Холодъ и снѣгъ сѣкли лицо, леденили тѣло. Силы оставили ее. Она готова была упасть на дорогу, но кто то поддержалъ ее.

— Это ты, моя горемычная!... Эхъ, совратилъ тебя нечистый! Отца роднаго не проводила до могилы!... Что жъ ты тутъ стоишь? Этакъ совсѣмъ замерзнешь. Ступай къ своей новой матерн. Мардахея Павловна искала тебя на кладбищѣ. Она съума сходитъ, не зная куда ты дѣвалась. Ступай къ ней. Я тебя провожу.

— Куда?

— Да къ Мардахеѣ Павловнѣ!... Говорятъ тебѣ, она съ ума сходитъ изъ-за тебя, сокровище.

— У меня самой умъ не въ порядкѣ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ, онъ никогда любить меня не будетъ. Честолюбіе выѣло у него все сердце.

— Ну, полноте объ этомъ, умница ты моя. Пойдемте.

— Куда?

— Къ твоей Богомъ посланной матерн. Барышней будешь.

— Не пойду. Не хочу!

— Куда же ты дѣнешься? Что хочешь дѣлать съ собою?

— Не знаю.

— Не знаешь? Эко горе прилучилось! Что жь, живи съ нами! Вѣдь я тебѣ мать, а ты мнѣ дочь. Нельзя же мнѣ покинуть тебѣ. Ну, говори, хочешь жить съ нами?

— Гдѣ? здѣсь?

— Нѣтъ, въ лѣсу.

— А! въ лѣсу?... въ лѣсу!... гдѣ нѣтъ людей?... я никого не хочу видѣть, пока не умру.... пока съ ума не сойду.... но я уже сумасшедшая.... Гдѣ лѣсъ?... какой лѣсъ?... каратабанскій?

— Нѣтъ, мы никогда не стоимъ на одномъ мѣстѣ, все идемъ впередъ, пока не свалимся туда, куда сейчасъ свалили твоего отца. Мы завтра уйдемъ отсюда.

— Хорошо! Я пойду съ вами.... въ лѣсъ!... въ лѣсъ!...

На другой день цыганскій таборъ, кочевавшій у Каратабана, снялся съ мѣста. О бѣдной Лялѣ больше не слыхали.

И. КОВАЛЕВСКІЙ.

=

ВОСПОМИНАНІЯ

ОАДДЕЯ ВУЛГАРНА.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *.

=

Я уже говорилъ, что весь Петербургъ и вся Россія съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій изъ нашей арміи, дѣйствовавшей противу Французовъ, и что первыя извѣстія наполнили сердца радостью. До выступленія нашего въ походъ, мы торжествовали двѣ полныя побѣды надъ самимъ Наполеономъ подъ Пултускомъ и подъ Прейсишъ-Эйлау, и нѣсколько блистательныхъ побѣдъ надъ его маршалами при Голыминѣ, Морунгенѣ, подъ Лопачинимъ, подъ Насельскомъ и тому подобное. Забавно, что въ Парижѣ и во всей Франціи торжествовали тѣ же самыя побѣды! Французскіе бюлетени возвѣщали о разбитіи Русскихъ, а Русскія реляціи доносили о совершенномъ пораженіи Французовъ! Французскихъ бюлетеней мы въ Россіи не видали, слѣдовательно имѣли полное право торжествовать побѣды; но Европа была въ недоумѣніи. Теперь, по прошествіи сорока лѣтъ, можно сказать

* Б. для Ч. приобрѣла отъ знаменитаго автора всѣ десять частей его «Воспоминаній», которыхъ двѣ первыя части были уже помѣщены въ этомъ журналѣ. Третья часть, отпечатанная за нѣсколько времени отдѣльно, не продается болѣе отдѣльно: она здѣсь необходима для связи и полноты разсказа, и вслѣдъ за нею будутъ здѣсь же напечатаны четвертая и пятая части.

сушую правду, и такъ я скажу, что съ обѣихъ сторонъ ударъ былъ силенъ, но обѣ стороны неправильно присвоивали себѣ эхо. Побѣды не было, но нравственный перевѣсъ и слава остались на сторонѣ противниковъ Наполеона.

Въ сообщаемыхъ мною *отрывкахъ* изъ моихъ *Воспоминаній*, я, по возможности, стараюсь избѣгать политики и частныхъ историческихъ очерковъ тогдашней эпохи, но исключить ихъ вовсе—почитаю невозможнымъ. Можно ли говорить о плаваніи, не назвавъ моря, не опредѣливъ широты и не сказавъ о погодѣ? Какимъ образомъ разсказывать о *современности*, не представивъ очерка тѣхъ событій, въ которыхъ самъ разсказчикъ, такъ сказать, утопалъ! И такъ волею, неволею, любезные мои читатели, взгляните на ходъ военныхъ дѣйствій въ Пруссіи, до прибытія гвардіи къ арміи, и познакомьтесь съ людьми, которымъ поручено было бороться съ первымъ полководцемъ нашего времени и его учениками, покрытыми славою.

Русское войско, вступившее въ Пруссію, раздѣлено было на два сильные корпуса, или, какъ тогда говорили, на двѣ арміи. Первою арміею начальствовалъ генераль отъ кавалеріи баронъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ, второю генераль отъ инфантеріи графъ Фелдоръ Фелдоровичъ Буксгевденъ. Уже войско наше было въ Пруссіи, и армія барона Беннигсена уже имѣла нѣсколько авангардныхъ встрѣчъ съ неприятелемъ, когда былъ назначенъ (16 ноября 1806 года) главнокомандующимъ дѣйствующею арміею генераль-фельдмаршалъ графъ Михаилъ Фелдоровичъ Каменскій, который немедленно поспѣшилъ къ арміи и засталъ Беннигсена на Наревѣ, въ окрестностяхъ Пултуска, а армію графа Буксгевдена, приближающуюся къ Вислѣ, по направленію къ Остродемкѣ. Принявъ армію, графъ Каменскій рапортовалъ Государю Императору, что ввѣренная ему армія состоитъ, по спискамъ, изъ 159,000 человекъ*.

На трехъ человекъ обращено было тогда вниманіе не только Россіи, но и всей Европы: на Каменскаго, Беннигсена и Буксгевдена.

* Это сказалъ мнѣ его превосходительство А. И. Михайловскій-Данилевскій, который уже написалъ Исторію Войны 1806 и 1807 годовъ, по *офиціальнымъ документамъ*, до сихъ поръ хранившимся втайнѣ, въ архивахъ. Здѣсь должно замѣтить, что между счетомъ *по спискамъ* и *счетомъ на лицо*—большая разница. При ускоренныхъ маршахъ, въ позднюю осень, вѣрно изъ 159,000 *по спискамъ*, 15,000 человекъ не было *на лицо* во фронтѣ.

Графу М. О. Каменскому было въ то время *семьдесятъ о-семь лѣтъ* (онъ родился въ 1738). Воспитывался онъ въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ и выпущенъ изъ корпусныхъ сержантовъ въ армію поручикомъ, въ 1757 году, на девятнадцатомъ году отъ рожденія. Въ то время корпусъ былъ то же, что нынѣ военная академія, и кадеты получали высокое военное образованіе, которое М. О. Каменскій, по выходѣ изъ корпуса, непрерывно совершенствовалъ, занимаясь науками и чтеніемъ военныхъ писателей. Въ томъ же году онъ перешелъ въ артиллерію тѣмъ же чиномъ, и въ слѣдующемъ году произведенъ въ капитаны. Любя страстно военное ремесло, скучая бездѣйствіемъ и желая пріобрѣсть опытность, Каменскій выпросилъ позволеніе служить волонтеромъ во французской арміи, и пробылъ въ ней два года, подъ начальствомъ извѣстнаго тогда маршала Бролю, сражаясь въ рядахъ Французовъ противу союзниковъ Фридриха-Великаго, въ семилѣтнюю войну. Когда Россія приняла участіе въ этой войнѣ, Каменскій посѣщилъ въ армію Салтыкова, участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ 1760 и 1761 годовъ, и въ слѣдующемъ году произведенъ въ полковники и въ званіе генераль-квартирмейстера-лейтенанта (соотвѣствующее нынѣшнему званію корпуснаго квартирмейстера). На двадцать девятомъ году отъ рожденія М. О. Каменскій имѣлъ уже блистательное положеніе въ арміи и въ свѣтѣ, былъ бригадиромъ (въ 1767 году), владѣлъ родовымъ имѣніемъ въ три тысячи душъ, былъ милостиво принимаемъ при дворѣ и у всѣхъ сильныхъ тогдашнихъ вельможъ.

По заключеніи мира съ Пруссіею, при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, М. О. Каменскій былъ въ Берлинѣ и нѣсколько разъ удостоился бесѣдовать съ Фридрихомъ-Великимъ, который, такъ сказать, проэкзаменовавъ его въ военныхъ познаніяхъ и удивляясь въ немъ смѣси ума и учености съ необыкновенною пылкостью и какою-то дикостью воображенія, сказалъ о немъ: «*c'est un jeune Canadien, qui est pourtant assez civilisé*» * то есть, это дикарь, (Канадецъ) однако жъ довольно образованный. — Государыня, выбирая сама лица для бесѣдъ съ наследникомъ престола, дозволила Каменскому посѣщать Его Высочество Государя Цесаревича Павла Петровича, и это служить лучшимъ доказательствомъ, что Каменскій былъ на весьма хо-

* Въ это время Ирокойцы и другія дикія племена американскія вели жестокую и безпожалую войну съ европейскими поселенцами въ Канадѣ.

рошемъ счету. Но до 1769 года, М. Ѳ. Каменскій былъ извѣстенъ только какъ храбрый и свѣдущій офицеръ, а открывшаяся въ этомъ году война съ Турціею дала ему случай выказать свои высшія способности. Онъ пріѣхалъ въ армію князя Голицына уже въ чинѣ генераль-маіора, и, начальствуя авангардомъ, способствовалъ къ разбитію великаго визиря и крымскаго хана, и ко взятію Хотина. Перешедъ подъ начальство графа Панина, а потомъ графа Румянцова, онъ безпрерывно отличался, командуя уже отдѣльнымъ корпусомъ, въ чинѣ генераль-поручика, и способствовалъ много къ заключенію знаменитаго мира при Кучукъ-Кайнарджи. Имя Каменскаго сдѣлалось извѣстнымъ во всей Россіи, и онъ возвратился въ Петербургъ съ Георгіемъ 2-го класса, съ Аннинскою и Александровскою лентами, съ именемъ искуснаго полководца и неустрашимаго воина. Во вторую турецкую войну (1788) М. Ѳ. Каменскій явился въ армію уже генераль-аншефомъ, и начальствуя корпусомъ, разбилъ и разбѣжалъ орды крымскаго хана, и получилъ орденъ Святаго Владиміра первой степени (въ 1789 году). Но, не взирая на одержанныя имъ побѣды и пріобрѣтенную славу, Императрица Екатерина II, зная крутой нравъ его и жестокость съ побѣжденными, не хотѣла ввѣрить ему главнаго начальства надъ арміею послѣ кончины князя Потемкина-Таврическаго (въ 1791 году), и подтвердила выборъ, сдѣланный свѣтлѣйшимъ княземъ незадолго предъ его смертію, когда онъ намѣревался возвратиться въ Петербургъ. Главнокомандующимъ назначенъ генераль Каховскій (въ послѣдствіи графъ), хотя младшій, и Каменскому сдѣланъ выговоръ зато что онъ, ослушавшись посмертнаго распоряженія князя Потемкина, хотѣлъ удержать главное начальство, ссылаясь на свое старшинство. По буквальному смыслу закона, Каменскій былъ, однако жъ, правъ, потому что арміи нельзя передавать по завѣщанію, какъ собственное имущество, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, и начальство всегда принадлежитъ старшему, до новаго назначенія. Каменскій обидѣлся, оставилъ службу и жилъ въ своихъ деревняхъ. Императоръ Павелъ Петровичъ, вступивъ на престолъ, вызвалъ Каменскаго изъ его уединенія ко двору, пожаловалъ ему орденъ Святаго Андрея Первозваннаго (въ мартѣ 1797 года), произвелъ его въ фельдмаршалы (5 апрѣля того же года) въ день коронаванія, и возвелъ въ графское достоинство, а въ декабрѣ 1797 года внезапно уволилъ отъ службы. Каменскій снова уда-

лился въ свои помѣстья, и съ этого времени оставался въ бездѣйствіи, до 1806 года.

Всѣ біографы графа М. Ѳ. Каменскаго и всѣ знавшіе его лично согласно описываютъ его характеръ. Онъ безспорно былъ человѣкъ ученый и искусный тактикъ. Великій Суворовъ, съ которымъ Каменскій былъ въ вѣчной и непримиримой враждѣ, говаривалъ: «Каменскій знаетъ тактику, а я знаю прайтику.» — Личная храбрость Каменскаго доходила до ослѣпленія, и даже враги его подтверждали истину словъ его, когда онъ говорилъ о себѣ, что радъ былъ бы узнать, что такое *страхъ смерти!* Умъ его былъ глубокій и пронизательный; но всѣ его похвальные качества помрачались необыкновенною вспыльчивостью, неумѣренностью въ гнѣвѣ, доводившими его до жестокости, необыкновенною гордостью, оврометчивостью, нетерпѣливостью въ сношеніяхъ съ людьми, которыхъ онъ оскорблялъ весьма часто безъ всякой причины, по своеправію. Товарищи и подчиненные не любили Каменскаго и боялись его встрѣчи.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ корпусѣ, я нѣсколько разъ видѣлъ фельдмаршала графа Каменскаго. Онъ приходилъ къ намъ на ученье и въ рекреационные часы, разговаривалъ, шутилъ и даже игралъ съ кадетами. Онъ былъ весьма малаго росту, сухощавъ, весь въ морщинахъ, и носилъ армейскій мундиръ прусской формы, съ которымъ онъ былъ оставленъ при Императорѣ Павлѣ-Первомъ. Необыкновенно густыя и навислыя брови, изъ-подъ которыхъ глаза блестѣли какъ раскаленные уголья, придавали его физиономіи какую-то свирѣпость. Въ рѣчахъ онъ былъ отрывистъ, въ обхожденіи чрезвычайно страненъ, подражая ли врагу своему, Суворову, или по природѣ, и въ преклонныхъ лѣтахъ былъ бодръ и скоръ во всѣхъ движеніяхъ. Что заставило Государя назначить его главнокомандующимъ? Всѣ терялись тогда въ догадкахъ, и опытные люди говорили, что это сдѣлано для возбужденія народнаго духа, для того, чтобъ припомнить славное время Екатерины-Великой, которой память была священна для народа. Въ этомъ духѣ прославлялъ назначеніе Каменскаго великій Державинъ, называя его въ стихахъ ствонихъ *«мечемъ, оставленнымъ Екатериною.»* Каменскаго употребили въ томъ смыслѣ, какъ Турки употребляютъ знамя Магометова—только для виду. Кутузовъ, котораго Екатерина-Вторая называла своимъ *генераломъ*, и о которомъ Суворовъ писалъ въ донесеніи о взятіи Измаила: «Ге-

раль Кутузовъ шель у меня на *львомъ* крылѣ, но былъ моею *правою* рукою,» Кутузовъ былъ устраненъ, и назначенъ (въ октябрѣ 1806 года) кievскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частью. Хотя Кутузовъ былъ не виновенъ въ потерѣ аустерлицкаго сраженія, однако отвѣтственность лежала на немъ, и назначеніемъ его въ главнокомандующіе опасались дурнаго впечатлѣнія на войско. Притомъ же Кутузовъ, котораго почитали человекомъ чрезвычайно хитрымъ, имѣлъ множество непріятелей, опасавшихся его вліянія на дѣла. Предстояла великая задача: способенъ ли Каменскій, семидесяти-осьмилѣтній старецъ, никогда не бывавшій главнокомандующимъ арміи, прославившійся только какъ начальникъ отдѣльныхъ отрядовъ, въ войнахъ съ необразованными Азіятцами, способенъ ли онъ противостать геніяльному Наполеону? Я тогда еще слышалъ отъ многихъ, что, по пылкости характера и по нетерпѣливости, Каменскій неспособенъ быть главнокомандующимъ, въ которомъ одно изъ важнѣйшихъ качествъ должно быть непоколебимое *хладнокровіе*. Для ограниченія пылкости Каменскаго, кажется, и придумано было средство, которое, однако жъ, не удалось, какъ мы послѣ увидимъ.

Другой человекъ, противопоставленный Наполеону, былъ графъ * Леонтіи Леонтьевичъ Беннигсенъ, на котораго полагали тогда всю надежду. Беннигсенъ былъ родомъ Ганноверецъ, изъ богатой баронской фамиліи. Въ 1806 году ему былъ *шестьдесятъ второй* годъ, (онъ родился 10 февраля 1745 года). Онъ вступилъ въ ганноверскую службу пажемъ, на десятомъ году отъ рожденія; четырнадцати лѣтъ уже былъ прапорщикомъ въ ганноверской пѣшей гвардіи, и въ 1762 году, семнадцати лѣтъ, капитаномъ, и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ послѣднюю кампанію семилѣтней войны. По заключеніи мира, Беннигсенъ вышелъ въ отставку подполковникомъ и женился, принявъ во владѣніе богатые свои помѣстья, по смерти отца. Но онъ былъ въ душѣ воиномъ, воиномъ по страсти, и мирная жизнь была для него тягостна. Слава русскаго оружія прельстила его и онъ; въ 1773 году, вступилъ въ русскую службу, въ чинѣ премьеръ-маіора и опредѣленъ въ вятскій мушкетерскій полкъ, а потомъ переведенъ въ нарвскій. Нарочно упоминаю названія полковъ,

* Беннигсенъ былъ тогда барономъ. Въ графское достоинство возведенъ онъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, послѣ лейпцигскаго сраженія, въ 1813 году.

чтобъ они гордились именами знаменитыхъ мужей, служившихъ въ ихъ рядахъ. Наполеонъ изобрѣлъ превосходное средство къ поддержанію воинскаго духа въ полкахъ, приказавъ, чтобъ знаменитые мужи, служившіе въ нихъ, и по смерти оставались въ полковыхъ спискахъ. Въ 1777 году Беннигсенъ произведенъ былъ въ подполковники въ кievскій легкоконный полкъ, а въ 1788 году въ полковники, и назначенъ командиромъ изюмскаго гусарскаго полка. При Императрицѣ Екатеринѣ-Второй командованіе полкомъ было весьма важно, потому что полковникъ былъ не только полнымъ хозяиномъ, но, такъ сказать, властелиномъ полка, выбиралъ офицеровъ и распоряжался почти безотчетно хозяйственною частью. Въ открывшуюся въ слѣдующемъ году войну съ Турками, онъ поступилъ, съ полкомъ своимъ, въ знаменитую екатеринославскую армію, подъ начальство князя Потемкина, отличился во многихъ дѣлахъ, особенно на приступѣ къ Очакову, и былъ, въ 1790 году, произведенъ въ бригадиры. Въ 1792 Беннигсену порученъ летучій отрядъ въ Литвѣ, для прикрытія Бѣлоруссін. Дѣйствуя отлично въ продолженіе всей польской войны, Беннигсенъ награжденъ былъ орденомъ Святаго Владиміра третьей степени, золотою шпагою, украшенною брилліантами, Георгіемъ третьяго класса; получилъ въ потомственное владѣніе 1080 душъ въ минской губерніи, и произведенъ въ генералъ-майоры. Ища славы и военныхъ трудовъ, Беннигсенъ, по завоеваніи Польши, перешелъ въ армію графа Зубова, посланнаго въ 1796 году въ Персію, содѣйствовалъ къ взятію Дербента, и пожалованъ за это орденомъ Святой Анны перваго класса. Десять лѣтъ сряду послѣ этого Беннигсенъ не обнажалъ меча, и въ этотъ промежутокъ времени пожалованъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1798 году, и въ генералы отъ кавалеріи, въ 1802 году. Въ ноябрѣ 1805 года Беннигсену поручена была подъ начальство сѣверная армія, съ которою онъ и выступилъ въ Германію, для соединенія съ Кутузовымъ, но не подоспѣлъ къ Аустерлицу, и по заключеніи мира воротился въ Россію.

И такъ и Беннигсенъ не дѣйствовалъ на войнѣ не только какъ главнокомандующій, но даже какъ корпусный командиръ, и о воинскихъ его способностяхъ, какъ полководца, нельзя было судить по прежней его службѣ. Онъ былъ храбръ, распорядителенъ, но если взять въ соображеніе, что главныя его дѣйствія, какъ начальника отряда, были противу польскихъ конфедератовъ, то есть возставшей шляхты

и малаго числа регулярнаго войска, неопытнаго, дурно вооруженнаго, предводимаго людьми неискусными въ военномъ ремеслѣ — то прежніе успѣхи Беннигсена не могли служить достаточнымъ ручательствомъ въ будущемъ, особенно въ войнѣ съ такимъ полководцемъ, каковъ былъ Наполеонъ. Всѣми однако жъ было признано, что Беннигсенъ былъ человѣкъ обширнаго ума, и хотя онъ не могъ получить классическаго образованія, вступивъ въ военную службу почти въ дѣтскихъ лѣтахъ, однако приобрѣлъ глубокія стратегическія свѣдѣнія чтеніемъ, размышленіемъ и практикою въ войнѣ. Природа создала его воиномъ, надѣливъ страстною любовью къ военному ремеслу, быстротою соображеній, военнымъ глазомѣромъ, необыкновеннымъ мужествомъ, рѣдкою смѣлостью и дивнымъ хладнокровіемъ. Беннигсенъ былъ высокъ ростомъ, довольно сухощавъ, имѣлъ выразительныя черты лица и быстрый взглядъ. Важный, величественный его видъ, барская манера и всегдашнее хладнокровіе внушали уваженіе и возбуждали какую-то невольную довѣренность къ нему въ старшихъ, въ равныхъ ему и въ подчиненныхъ. Говорили тогда, что Беннигсенъ подалъ записку, въ которой разобралъ критически кампанію 1805 года и аустерлицкое сраженіе, и представилъ планъ будущей войны съ Франціею. Не знаю, куда дѣвались эти важные документы, но что они существовали, это слышалъ я отъ близкаго къ нему человѣка, генерала отъ артиллеріи Александра Борисовича Фока, о которомъ буду говорить въ послѣдствіи. Знавшіе хорошо Беннигсена, утверждали, что онъ былъ человѣкъ чрезвычайно тонкаго ума и вкрадчивый, когда ему было это нужно, и питалъ въ душѣ непомѣрное честолюбіе, а потому весьма многіе такъ же боялись его, какъ и Кутузова.

Графъ * Федоръ Федоровичъ Буксгевденъ, генералъ отъ инфантеріи, родомъ Лифляндецъ, былъ въ это время пятидесяти-шести лѣтъ (родился 1750 года, на островѣ Эзелѣ), и такъ же какъ Беннигсенъ, по страсти къ военному ремеслу, вступилъ въ службу въ 1764 году, въ первомъ юношескомъ возрастѣ. О первой службѣ его нѣтъ ни какихъ извѣстій. Въ 1769 году, участвуя, въ войнѣ противу Турокъ, безъ сомнѣ-

* Федоръ Федоровичъ Буксгевденъ (Buxhöwden) изъ старинной лифляндской фамиліи, возведенъ въ графское достоинство прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ (18 декабря 1795 года), а 6 апрѣля 1797 года, Императоръ Павелъ Петровичъ Высочайше повелѣлъ внести роль графа Федора Федоровича Буксгевдена въ списокъ графовъ Россійской Имперіи.

нія въ маломъ чинѣ, онъ, неизвѣстно по какому случаю, заслужилъ особенную милость генераль-фельдцейгмейстера, знаменитаго графа Григорья Григорьевича Орлова, который опредѣлилъ его въ свою свиту и взялъ съ собою въ путешествіе по Германіи и Италіи. Въ 1783 году онъ былъ уже полковникомъ, а въ 1787 году флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. Это отличіе весьма замѣчательно, потому что число флигель-адъютантовъ въ то время было весьма ограничено и этимъ званіемъ облакались только лица, приближенные къ Государынѣ, пользовавшіяся особенною милостью и довѣренностью. Тогда уже онъ имѣлъ георгіевскій крестъ четвертаго класса и командовалъ кексгольмскимъ мушкетерскимъ полкомъ (нынѣ гренадерскій императора Франца I полкъ). Въ 1789 году, въ чинѣ бригадира, Буксгевденъ участвовалъ въ шведской войнѣ, на гребномъ флотѣ, отличился нѣсколько разъ, получилъ Георгія третьяго класса, и произведенъ въ генераль-майоры, сохранивъ званіе флигель-адъютанта Ея Величества. Въ 1790 году Буксгевденъ отличался въ сухопутныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ, и по заключеніи мира пожалованъ аннинскою лентою. Въ польской войнѣ, 1793 и 1794 годовъ, онъ командовалъ дивизіей, приобрѣлъ довѣренность и благосклонность великаго Суворова, который, за отличіе на прагскомъ штурмѣ, назначилъ его командатомъ Варшавы и правителемъ всей завоеванной Польши. За эту войну онъ получилъ владимірскій орденъ второй степени, десять тысячъ рублей единовременно и богатое помѣстье въ Лифляндіи, въ потомственное владѣніе. Императоръ Павелъ Петровичъ, при вступленіи на престолъ, назначилъ его санктпетербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ (онъ былъ тогда генераль-поручикомъ), но въ концѣ 1798 года Буксгевденъ получилъ увольненіе отъ службы и удалился въ Германію. Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, призвалъ Буксгевдена и назначилъ его генераль-губернаторомъ остзейскихъ губерній и главнымъ начальникомъ войскъ, въ нихъ расположенныхъ. Въ 1805 году повелѣно было Буксгевдену, съ корпусомъ своимъ слѣдовать усиленными маршами въ Ольмюцъ, для соединенія съ Кутузовымъ, что онъ исполнилъ весьма успѣшно, и потомъ участвовалъ съ честью въ аустерлицкомъ сраженіи, командуя нашимъ лѣвымъ флангомъ. Буксгевденъ пользовался репутаціею храбраго воина и распоря-

дителяго генерала, но и онъ также не получилъ классическаго образованія, никогда не начальствовалъ цѣлою арміею и не дѣйствовалъ самостоятельно противъ непріятеля. Буксгевденъ былъ толстъ и не поворотливъ, довольно крутъ въ обращеніи съ подчиненными, нрава упрямаго и непреклоннаго. Важнѣйшее его достоинство въ арміи составляла благосклонность къ нему Суворова, который никогда не ошибался въ выборѣ своихъ помощниковъ. Въ то время достаточно было сказать о генералѣ: «онъ любимецъ Суворова», чтобъ возбудить къ нему неограниченную довѣренность въ войскѣ.

Вотъ три главныя лица, стоявшія на первомъ планѣ картины войны 1806 года. Говорили тогда, будто графу Беннигсену и Буксгевдену дана была секретная инструкция на счетъ военныхъ операцій, для противодѣйствія опрометчивости графа Каменскаго, и что графу Каменскому, хотя и главнокомандующему, повелѣно или *рекомендовано* было совѣтоваться въ важныхъ случаяхъ съ двумя своими помощниками, Беннигсеномъ и Буксгевденомъ, которые командовали отдѣльными корпусами, подъ его непосредственнымъ начальствомъ.

Непастное время года, непроходимость дорогъ, совершенный недостатокъ въ продовольствіи, не воспрепятствовали Русскимъ начать военныя движенія въ ноябрѣ 1806 года, на берегахъ Вислы, не въ дальнемъ разстояніи отъ Варшавы, гдѣ былъ операціонный центръ Французской арміи, и куда ежедневно ожидали Наполеона, который былъ тогда въ Познани. Русскіе, какъ уже сказано, раздѣлены были на двѣ арміи; Буксгевденъ еще не пришелъ съ своею къ Вислѣ, когда Беннигсенъ уже двинулся впередъ, намѣреваясь быстрымъ фланговымъ движеніемъ занять Торнъ, гдѣ находилась Лестокъ съ Пруссаками, или, по крайней мѣрѣ, открыть съ нимъ сообщеніе. Но маршалъ Ней предупредилъ Беннигсена и вытѣснилъ Лестока изъ Торна, почему Беннигсенъ обратнымъ движеніемъ пошелъ къ Пултуску, на соединеніе съ Буксгевденомъ. До 13 декабря между Русскими и Французами происходили только авангардныя стычки, не имѣвшія ни какихъ важныхъ послѣдствій, хотя отпоръ, данный графомъ Остерманомъ, подъ Насильскомъ, съ перваго раза доказалъ Французамъ, что имъ нелегко бороться съ Русскими.—Съ 10 декабря началось наступательное движеніе Французовъ на обѣ русскія арміи, Беннигсена и Буксгевдена, и

произошли въ одно время, 13 и 14 декабря, достопамятныя сраженія: подъ Пултускомъ — съ корпусомъ Беннигсена, подъ Голыминымъ — съ отрядомъ генералъ-лейтенанта князя Д. В. Голицына, и около Лопачина — съ отрядомъ генералъ-маіора графа Петра Петровича фонъ-дербъ-Палена. Главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Каменскій вовсе не распорядился въ эти достопамятныя дни. Онъ былъ одержимъ какою-то умственною болѣзью, совершенно упалъ духомъ, не соглашался сражаться съ Французами въ такомъ отдаленіи отъ всѣхъ своихъ и хотѣлъ отступить въ Россію. Но видя настойчивость Беннигсена, Каменскій разгнѣвался, сказавъ больнымъ, и сдавъ Буксгевдену армію, 13 декабря, уѣхалъ въ Остроленку, откуда послалъ прошеніе къ Государю объ увольненіи его отъ службы. Къ общему удивленію, Беннигсенъ не подчинился Буксгевдену и началъ дѣйствовать самостоятельно, съ своимъ корпусомъ.

Противъ русскихъ войскъ, 13 и 14 декабря, дѣйствовали съ своими корпусами маршалы Ланьъ, съ генераломъ Сюшетомъ (подъ Пултускомъ), Даву, Мюратъ и Ожеро (подъ Голыминымъ и Лопачиномъ).

Наканунѣ Рождества, 24 декабря (1806 года) Императоръ получилъ въ Петербургѣ донесеніе Беннигсена о побѣдахъ и пораженіи непріятеля подъ Пултускомъ и Голыминомъ. Быстро разнеслась по городу радостная вѣсть и произвела самое благопріятное впечатлѣніе. Во всѣхъ церквяхъ служили сперва благодарственный молебень, а потомъ панихиду по убитыхъ воинахъ. Столица была иллюминирована. Вся Россія торжествовала эти побѣды. Беннигсенъ утвердженъ въ званіи главнокомандующаго, а Буксгевденъ, поссорившись съ нимъ, уѣхалъ въ Ригу.

Побѣда точно была, но побѣда *кравственная*, а не *вещественная*, то есть не матеріальная. Подробная реляція Беннигсена, напечатанная въ прибавленіи къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ, 15 января 1807 года, согласена была съ тогдашними обстоятельствами. Въ ней сказано было, что самъ Наполеонъ предводительствовалъ войсками, между тѣмъ какъ онъ съ гвардіею своею и резервною конницею успѣлъ только приблизиться къ Голымину, но не былъ вовсе въ сраженіи. Въ реляціи объявлено было о совершенномъ пораженіи и бѣгствѣ непріятеля — а на повѣрку вышло, что ни Русскіе, ни Французы не бѣжали, но дрались отчаянно, съ величайшимъ ожесточеніемъ, до послѣдней крайности. Слѣд-

стѣнемъ этихъ кровопролитныхъ битвъ было то, что въ игрѣ въ банкъ называется: *plie*, то есть *ни чья взяла*. Но Русскіе чрезвычайно много выиграли въ мѣнѣй всей Европы, устоявъ передъ войскомъ, которое, такъ сказать, однимъ натискомъ ниспровергло всю силу Австріи и Пруссіи. Удержавъ порывъ аустерлицкихъ побѣдителей, оказавъ равное имъ мужество, ту же пылкость въ бояхъ и еще большую стойкость и военную субординацію, Русскіе доказали цѣлому міру, что Европа еще имѣетъ надежныхъ защитниковъ своей независимости. Устоять противу войска, привыкшаго, со времени Маренго и Арколы, къ рѣшительнымъ побѣдамъ, предводимаго полководцами Европы, которыхъ имена сдѣлались столь же славны, какъ имена героевъ Гомеровыхъ, было болѣе, нежели въ другое время настоящая побѣда. И то надобно сказать, что Беннигсень имѣлъ отличѣйшихъ помощниковъ. Не говоря уже о прославившихся прежде генералахъ, напимѣръ, Багратионъ*, новыя имена озарились блескомъ. Въ этихъ важныхъ сраженіяхъ впервые стали обрисовываться военные характеры нашихъ полководцевъ, въ послѣдствіи знаменитыхъ: Барклай-де-Толли, командовавшаго авангардомъ, въ чинѣ генераль-маіора; славнаго атамана Донцевъ Матвѣя Ивановича Платова; князя Дмитрія Владиміровича Голицына (тогда уже генераль-лейтенанта), начальствовавшаго отдѣльно подъ Голыминомъ; графа Остермана, генераль-лейтенанта Сакена, генераль-маіора графа Н. М. Каменскаго, генераль-маіора Багговута, генераль-

* Послѣ знаменитой ретирады изъ подъ Кремля, въ 1805 году, ходилъ въ Петербургъ по рукамъ слѣдующіе стихи въ честь Багратиона:

-Дунулъ вѣтръ бурный, рушилъ препону.
Рветъ всѣ преграды на полѣ онъ (то есть Наполеонъ)
Русскій поставилъ грудъ въ оборону:
Кто жъ сей могучій? — Богъ-рати-онъ. (то есть Багратионъ
или Богратионъ.)

Другіе стихи въ томъ же родѣ.

О какъ великъ на полѣ онъ (то есть Наполеонъ).
Могучъ и твердъ и храбръ во брани;
Но дрогнулъ, лишь уставилъ лани
Къ нему съ штыкомъ Богъ-рати-онъ (то есть Багратионъ).

Первые стихи приписывали Державину, вторые Капнисту. Не поэзию, были ли эти стихи напечатаны, я не хочу спрашивать. Я удержалъ ихъ въ памяти и привожу не въ исторію, а въ своихъ собственныхъ *Воспоминаніяхъ*.

лейтенанта Тучкова, генералъ-маіора Дорохова, который дѣлалъ чудеса съ своимъ изюмскимъ гусарскимъ полкомъ; принца Евгенія Виртембергскаго, графа Ламберта (шефа доблестнаго александрійскаго гусарскаго полка), Штейнгеля, генераль-квартирмейстера дѣйствующей арміи, генераль-маіора графа Петра Петровича фонъ-дерь-Палена, шефа прославленнаго имъ сумскаго гусарскаго полка; генераль-маіора князя Щербатова, шефа храбраго костромскаго мушкетерскаго полка, генераль-лейтенанта Дохтурова. Съ любовью повторяли во всей Россіи имена отличившихся чудными примѣрами мужества: генераль-маіора Кожина, командовавшаго лейбъ-кирасирскимъ Его Императорскаго Величества полкомъ, конной артиллеріи полковника Алексѣя Петровича Ермолова (въ послѣдствіи генераль отъ артиллеріи), князя Долгорукова 5, командовавшаго черниговскимъ мушкетерскимъ полкомъ; генераль-маіора Чаплица, флигель-адъютанта князя Долгорукова, командовавшаго курляндскимъ драгунскимъ полкомъ, шефа тенгинскаго мушкетерскаго полка полковника Ершова, одиннадцатаго егерскаго полка полковника Давыдовскаго, конно-польскаго полка полковника Жигулина, шефа четвертаго егерскаго полка полковника Фролова, шефа конно-татарскаго полка подполковника Кворринга, командира того же полка подполковника Улана 4, двадцать-четвертаго егерскаго полка полковника Властова, сумскаго гусарскаго полка полковника Барона Крейца и маіора Потапова (нынѣ генераловъ отъ кавалеріи), полковника Дука и другихъ, которыхъ теперь не припомню, составившихъ себѣ въ послѣдствіи блистательную военную репутацію. На театрѣ войны обращено было вниманіе, какъ я уже сказалъ, не только Россіи, но и всей Европы, в каждое отличіе громко раздавалось во всѣхъ ея концахъ. Отъ одной Россіи Европа ожидала спасенія и усвоивала себѣ ея богатырей. А какъ мы завидовали счастью гвардейскихъ офицеровъ, которые уже находились при арміи и отличались храбростью въ бояхъ! Въ донесеніяхъ Беннигсена и князя Д. В. Голицына показаны особенно отличившимися флигель-адъютанты: полковники Уваровъ, князь Долгоруковъ, князь Трубецкой, ротмистръ князь Голицынъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка поручикъ Нарышкинъ, лейбъ-гусарскаго полка пору-

* Между прочимъ, онъ ворвался ночью, съ тремя эскадронами, въ главную квартиру маршала Бернадота, въ Морунгенъ, перебилъ прикрытіе и взялъ весь обозъ маршала.

чикъ графъ Салтыковъ, кавалергардскаго полка ротмистръ Левашевъ * и корнетъ князь Волконскій. Ихъ отличіе, казалось, падало на всю гвардію и еще сильнѣе воспламеняло къ битвамъ.

Послѣ Пултуска и Голымина вся французская армія пришла въ движеніе. Въ Варшавѣ Наполеонъ приказалъ формировать польское войско, учредилъ временное правленіе новаго государства, тогда безыменнаго, а послѣ Тильзитскаго мира получившаго названіе герцогства варшавскаго. Польскіе легіоны, находившіеся во французской службѣ, со времени послѣдняго раздѣленія Польши, дали опытныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, и новое войско быстро устроивалось, а чрезъ мѣсяць уже сильный отрядъ новаго польскаго войска поступилъ въ корпусъ Бернадота. Это была важная и неожиданная помощь, независимо отъ всѣхъ другихъ выгодъ въ покоренной странѣ! Обезпеченный въ Польшѣ приверженностью жителей, которые вездѣ брались за оружіе, отнимали у Пруссаковъ ихъ магазины и изгоняли слабые прусскіе отряды, Наполеонъ могъ двинуть большое число войскъ впередъ и дѣйствовать безопасно, какъ дома. Но сраженія подѣ Насильскомъ, Пултускомъ и Голыминомъ доказали Наполеону, что русскую армію не такъ легко истребить, какъ онъ предполагалъ, и онъ съ величайшими усиліями началъ приготовляться къ весенней кампаніи. Изъ Франціи шли непрерывно къ арміи вспомошествованія въ людяхъ, артиллеріи и боевыхъ снарядахъ и на операціонной линіи устроивались огромные магазины и госпитали. Беннигсенъ, между тѣмъ, отступилъ съ арміею къ Кенигсбергу, чтобъ прикрыть всѣ свои запасы, и заняться также устройствомъ войска, претерпѣвшаго много въ зимнюю или, правильнѣе, *ненастную* кампанію.

Находясь въ своей главной квартирѣ, въ Варшавѣ, и не довѣряя бездѣйствію Беннигсена, Наполеонъ приказалъ укрѣпить берега Вислы, отъ Праги до Торна, чтобъ обезпечить зимнія квартиры своей арміи отъ внезапнаго нападенія Русскихъ, и сосредоточилъ французскую армію между верхнею Вислой и Бугомъ, протянувъ лѣвый флангъ до самаго Эльбинга. Всѣ дѣйствія арміи своей Наполеонъ ограничилъ бло-

* Василій Васильевичъ, нынѣ графъ, генералъ отъ кавалеріи, членъ государственнаго совѣта, предсѣдатель комитета государственнаго коннозаводства и бывшій незабвенный генералъ-губернаторъ кievскій, подольскій и волыньскій.

кадою Грауденца, Кольберга и Данцига и пойсками къ сторо-
нѣ Кенигсберга, что и заставило короля прусскаго переѣхать,
съ семействомъ своимъ, изъ древней столицы Пруссіи въ Ме-
мель, на русскую границу.

Генераль Беннигсенъ, получивъ подкрѣпленіе изъ Россіи
(корпусъ генерала Эссена), вознамѣрился смѣлымъ движе-
ніемъ нанести внезапный ударъ Французамъ, и соединившись
съ прусскими отрядами, подъ Кенигсбергомъ, пошелъ на
лѣвый флангъ Франгузовъ, состоявшій изъ корпусовъ Нея и
Бернадота. Этотъ лѣвый флангъ былъ слишкомъ растянутъ
и отдаленъ отъ центра. Беннигсенъ хотѣлъ отрѣзать корпу-
са Нея и Бернадота, разбить каждый отдѣльно и потомъ осво-
бодить отъ блокады Данцигъ, Грауденецъ и Кольбергъ.
Планъ удивительно смѣлый и былъ бы названъ геніяльнымъ,
еслибъ удался. Но Наполеонъ, узнавъ предварительно о дви-
женіи Русскихъ, немедленно собралъ все свое войско, быстро
пошелъ въ старую Пруссію, чрезъ Видленбургъ, и послалъ
къ Бернадоту повелѣніе маневрировать такимъ образомъ,
чтобъ заманить Беннигсена къ нижней Вислѣ, намѣреваясь
съ главными силами зайти въ тылъ русской арміи, отрѣзать
ее отъ сообщенія съ границею русскою и съ оставши-
мися позади отрядами, и разбивъ Беннигсена, пресѣчь ему
ретираду и уничтожить совершенно русскую армію. Напа-
деніе на Русскихъ Наполеонъ намѣревался произвести съ
фланговъ, съ тыла и съ фронта. Если бъ Беннигсенъ про-
должалъ свое движеніе къ Данцигу, преслѣдуя Бернадо-
та, то гибель русской арміи была бы неизбѣжна; Беннигсенъ
былъ бы окруженъ и, такъ сказать, задавленъ превосходны-
ми силами. Но, по счастью, русскіе разъѣзды схватили фран-
цузскаго курьера съ нисьмомъ Наполеона къ Бернадоту — и
это спасло Беннигсена. Онъ немедленно переѣнилъ свой
планъ и двинулся въ обратный путь, къ Кенигсбергу. Но
уже французская армія была въ полѣ и первая встрѣча съ
главными силами Наполеона произошла при Янковѣ, 22 ян-
варя, гдѣ маршалъ Сультъ хотѣлъ удержать Русскихъ. Суво-
ровскій любимецъ, неустрашимый князь Багратіонъ предво-
диль арріергардомъ, и, сражаясь на каждомъ шагу, не толь-
ко уничтожалъ всѣ покушенія Франгузовъ, но самъ не да-
валъ покоя ихъ авангарду, тревожа его непрерывно напа-
деніями. 23 и 24 января было сильное арріергардное дѣло
у Ландсберга, а 26 Беннигсенъ остановился въ Прейснпгъ-
Эйлау. Здѣсь онъ атакованъ былъ всѣми силами Наполеона,

нодь личнымъ его предводительствомъ. То было первое сраженіе съ Русскими, въ эту кампанію, въ которомъ Наполеонъ самъ командовалъ. Погода была ненастная, мокрый и густой снѣгъ шелъ почти двое сутокъ сряду, земля не замерзала, и воины сражались по колѣна въ грязи и въ снѣгу. Особенно тяжело было артиллеріи и конницѣ. Два дня сряду, 26 и 27 января, Наполеонъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобъ разбить Русскихъ, но не могъ. Дрались съ обѣихъ сторонъ съ величайшимъ мужествомъ и ожесточеніемъ, и сраженіе кончилось въ сумерки, 27 числа, безъ рѣшительныхъ послѣдствій. Обѣ арміи, утомленныя и истощенныя невѣроятными усиліями, разошлись на зимнія квартиры. Наполеонъ былъ въ отчаяніи! Онъ вывелъ въ поле все свое войско, въ самое неблагоприятное время года, въ полной надеждѣ разбить и разсѣять русскую армію — и возвратился въ свою главную квартиру, если не побѣжденный, то униженный чуднымъ сопротивленіемъ Русскихъ, лишившись притомъ до 16,000 убитыми, ранеными, плѣнными и почти столько же заболѣвшими и множества военныхъ запасовъ и лошадей. Все это почти равнялось поражению и произвело весьма сильное впечатлѣніе въ Европѣ, благоприятное для Россіи, пагубное для Наполеона **.

Прейсшигъ-эйлауское сраженіе еще болѣе удивило Европу, нежели Пултуское и Голыминское. Ожившая надежда утвердилась въ сердцахъ покоренныхъ народовъ, и съ этого времени Императоръ Александръ уже былъ благословляемъ. Русскихъ чтили, какъ героевъ. Пруссаки, подъ начальствомъ генерала Лестока, также отличо дрались подъ Прейсшигъ-Эйлау. Они доказали, что въ нихъ не угасло мужество ихъ предковъ и что гибель ихъ арміи подъ Іеной и Ауерштедтомъ произошла отъ недостатка военныхъ со-

* L'issue de cette bataille avait trompé les calculs des deux chefs opposés, ceux de Napoléon qui avait espéré rejeter l'armée russe sur la rive droite de la Prégel, et s'emparer de Königsberg; ceux de Bennigson qui s'était flatté de renvoyer l'armée française sur la rive gauche de la Vistule, et de débloquent les places de Dantzic, Graudentz et Colberg. *Bigazzi*: Histoire de France, etc. Chap. LXVII, page 634.

** L'indécision de la bataille d'Eylau avait jeté dans Paris une consternation incroyable: l'envie se vengeait des fatigues de l'admiration; le parti ennemi de l'Empire déguisait, sous une feinte douleur, la joie que lui causait un désastre public. Une baisse sensible s'était opérée dans les fonds. L'Empereur ne s'abusait point sur sa situation. Биньонъ, тамъ же. Chap. LXVII, page 637. Слѣдовательно Русскіе имѣли полное право торжествовать Эйлауское сраженіе.

ображеній ихъ генераловъ, а не отъ недостатка храбрости въ народѣ.

Прейсигъ-эйлауское сраженіе праздновали въ Россіи, какъ самую блистательную побѣду, и въ память его учрежденъ особый знакъ отличія, золотой крестъ на Георгіевской лентѣ, которымъ украшены были отличившіеся офицеры: онъ прибавлялъ имъ три года службы. 13 февраля 1807 года, учрежденъ солдатскій Георгіевскій крестъ, и вскорѣ за сѣмъ обнаружено Высочайшее повелѣніе, чтобъ вдовамъ и дѣтямъ вѣнцовъ, всѣхъ чиновъ, падшихъ на полѣ брани, производить жалованье ихъ мужей и отцевъ. И офицеры и солдаты вполне заслужили эти царскія милости.

Французская армія не преслѣдовала Русскихъ при обратномъ движеніи Беннигсена къ Кенигсбергу, и только Мюратьшелъ съ своимъ корпусомъ за русскимъ арріергардомъ, болѣе для того, чтобъ знать направленіе, принятое непріателемъ. Наполеонъ расположилъ все свое войско на зимнихъ квартирахъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ заливу Фришгафу, занимая фронтомъ линію по теченію Пассарги, прикрывая центромъ Остероде, и упираясь правымъ флангомъ въ возвышеніе между рѣками Алле и Пассаргой. Главная квартира Наполеона была сперва въ Варшавѣ, потомъ въ Остеродѣ и Финкенштейнѣ, а Беннигсена прежде въ Кенигсбергѣ, а послѣ въ Бартенштейнѣ (съ 2 марта 1807 года).

Обѣ арміи имѣли крайнюю нужду въ отдыхѣ послѣ изнурительной кампаніи, которую даже нельзя назвать зимнею, потому что съ обѣихъ сторонъ болѣе страдали отъ грязи, сырости и голода, нежели отъ мороза. Въ это время Наполеонъ произнесъ знаменитыя слова, характеризующія климатъ Польши: «въ Польшѣ есть пятая стихія — грязь!» Солдаты обѣихъ армій были оборваны и крайне нуждались въ обуви; обѣ арміи лишились множества лошадей и обозовъ, завязшихъ въ этой *пятой стихіи*. Наполеону легче было одѣть и обуть свою армію и укомплектовать артиллерию лошадьми въ завоеванной странѣ, въ которой брали непомѣрныя контрибуціи, деньгами и натурою. Въ польскихъ провинціяхъ, занимаемыхъ Французами, въ теченіи шести недѣль устроилось тридцати-тысячное войско (изъ пѣхоты, кавалеріи, конной и пѣшей артиллеріи) и образовалось двѣ дивизіи, подъ начальствомъ опытныхъ и искусныхъ генераловъ Зайончека и Домбровскаго. Рѣки, каналы и всѣ дороги въ Польшѣ и Пруссіи покрыты были транспортами, подво-

жившими непрерывно французской арміи съѣстные и боевые припасы, материалы для одежды и обуви. Изъ Пруссіи выжидали послѣднія жизненные силы, чтобъ укрѣпить французское войско. Въ прусскихъ крѣпостяхъ, сдавшихся Французамъ уже послѣ сраженій при Іенѣ и Ауерштедтѣ, въ Бреславлѣ, въ Глогау, въ Бригѣ, Швейдницѣ, найдены огромные занасы огнестрѣльныхъ снарядовъ, мелкаго оружія и пороховые магазины. Сильные отряды шли къ арміи изъ Франціи на подводахъ. Однимъ словомъ, Наполеонъ имѣлъ все преимущества предъ Беннигсеномъ, однако же не довѣрялъ его спокойствію, и къ прежнимъ укрѣпленіямъ на Вислѣ прибавилъ новыя, опасаясь внезапнаго нападенія Русскихъ. Наполеонъ, какъ я уже сказалъ, высоко цѣнилъ русскую храбрость и при Аустерлицѣ, а Прейсишъ-Эйлауское сраженіе еще болѣе возвысило русскаго солдата въ его глазахъ. Безпристрастный историкъ Наполеона, избранный имъ за счастіе, на островѣ Святой Елены, Биньонъ, говоритъ (см. Hist. de France, chap. LXVII page 638) «Les Russes sont la guerre, sont des Spartiates,» то есть Русскіе на войнѣ Спартианцы!» — Это сказано по случаю зимней кампаніи 1806 года.

Къ русской арміи также шла помощь изъ Россіи и въ Кенигсбергѣ устроены были огромные магазины. Главныя силы Беннигсена сосредоточены были между Баргенинггеймомъ и Гейльсбергомъ, и у послѣдняго города, по обѣимъ сторонамъ рѣки Алле, устроенъ былъ укрѣпленный лагерь. Правое крыло, подъ начальствомъ графа Толстаго (Петра Александровича) находилось между Лауеномъ и Зигбургомъ; на лѣвомъ флангѣ корпусъ войскъ содержалъ непрерывное сообщеніе между главною арміею и корпусомъ Эссена, расположеннымъ къ самой Вислѣ, въ окрестностяхъ Остроленки, а весь фронтъ обезпечивалъ атаманъ Платовъ съ своими казаками. На пространствѣ, раздѣляющемъ обѣ арміи, происходили часто стычки между летучими отрядами, разбѣгами и фуражирами: но отъ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія, до начатія весеннихъ военныхъ дѣйствій, были только два сѣверныя дѣла, въ которыхъ Русскіе, въ соединеніи съ Пруссиками, дѣйствовали наступательно, а именно при нападеніи генерала Местока на Эльбингъ, для открытія сообщенія съ обсажденнымъ Данцигомъ, и при движеніи генерала Эссена къ Остроленкѣ, для пресѣченія сообщенія передовыхъ корпусовъ французской арміи съ Варшавою. Наполеонъ до-

вдѣльствовался отраженіемъ нападеній, а Беннигсенъ ждалъ тольکو прибытія свѣжихъ войскъ и Государя Императора въ главную квартиру, чтобъ всѣми своими силами начать наступательныя дѣйствія.

Нельзя довольно надивиться смѣлости Беннигсена, который во всю эту кампанію дѣйствовалъ наступательно противъ сильнѣйшаго непріятели и не боялся военной репутаціи Наполеона и его маршаловъ! Правда, что Наполеонъ былъ сильнѣе Беннигсена не только числомъ войска, но и пособіями въ покоренной странѣ, однако жъ политическое положеніе Наполеона было таково, что ему надлежало дѣйствовать чрезвычайно осторожно. Послѣ Пултуска и Прейсишъ-Эйлау, Наполеонъ убѣдился, что вся власть и все его могущество въ Европѣ зависятъ единственно отъ побѣды, а не отъ какихъ либо взаимныхъ народныхъ выгодъ или трактатовъ, и что при первой жестокой неудачѣ, всѣ покоренные имъ народы возстанутъ противъ его владычества. Мужественное сопротивленіе Русскихъ, равняющееся самымъ блистательнымъ побѣдамъ, возвысило духъ Нѣмцевъ — и они, въ порывѣ благороднаго негодованія и народной гордости, принялись за оружіе. Въ Силезіи, около 8000 чело-вѣкъ, изъ поселянъ, гражданъ и бѣжавшихъ изъ плѣна Пруссаконъ, собрались по призыву принца Ангальтъ-Плесскаго. Вооруженныя партіи нападали на слабыя французскіе отряды, отбивали магазины и транспорты, въ окрестностяхъ Кольберга, подъ начальствомъ прусскаго поручика Шилля, снискавши себѣ въ послѣдствіи блистательную славу и честную смерть за отечество. Въ Гессенскомъ Курфиршествѣ и въ Вестфаліи, вооруженныя толпы, подъ начальствомъ офицеровъ распущеннаго гессенскаго войска, привлекали крестьянъ тысячами къ возстанію, и тѣмъ уже наносили вредъ французской арміи, что надлежало отдѣлать сильныя корпуса для ихъ усмиренія. На Австрію Наполеону нельзя было надѣяться. Въ этомъ положеніи онъ предложилъ Пруссіи миръ, предоставляя составить конгрессъ въ Мемелѣ. Но Императоръ Александръ твердо рѣшился силою оружія заставить Наполеона отречься отъ притязаній на диктаторство въ Европѣ, и, не успѣвъ склонить Австрію къ принятію участія въ великомъ подвигѣ, вознамѣрился дѣйствовать собственными силами, въ союзѣ съ богатою деньгами Англією и съ безсильною въ то время Пруссією. Удивительныя величіе духа и твердость воли!

Пишу я не военную исторію, слѣдовательно не обязанъ описывать подробности сраженій, въ которыхъ я не участвовалъ, но все же долженъ былъ представить краткій очеркъ событій, занимавшихъ тогда весь міръ. Товарищи наши, бывшіе въ преисшигъ-эйлаускомъ сраженіи, рассказывали намъ чудеса! Тридцать четыре часа сряду (съ трехъ часовъ по полудни, 26 числа, до двѣнадцати часовъ ночи на другой день) продолжалась непрерывно стрѣльба изъ пушекъ и изъ ружей, въ самую ужасную погоду! Снѣгъ надалъ хлопьями на распутившуюся землю; грязь была по колѣна. Раненые ввали въ этой смѣси грязи съ снѣгомъ, и умирали отъ холода. Конница едва могла на рысяхъ ходить въ атаку. Орудія погружались по ось въ землю, и упряжные лошади издыхали отъ изнеможенія, въ жару дѣйствія. Безъ огней, безъ пищи войны должны были проводить по нѣскольку часовъ жалкаго отдыха, послѣ кровопролитной рѣзни холоднымъ оружіемъ, и утомленные снова шли въ бой. Преисшигъ-Эйлаускій крестъ—это истинный монументъ русской славы!

Между-тѣмъ, пока армія наша отдыхала и оправлялась въ Восточной Пруссіи, гвардейскій корпусъ, часть милиціи, всѣ армейскіе отряды шедшіе изъ глубины Россіи и даже выбранные гарнизонные баталіоны поспѣшали на подкрѣпленіе Беннигсена. Я уже сказалъ, что Его Императорское Высочество Великій Князь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ шелъ съ нашимъ полкомъ, всегда подавая собою первый примѣръ усердія и исправности въ службѣ. Въ походѣ полкъ нашъ могъ служить образцемъ порядка для всѣхъ европейскихъ армій. Мы шли въ дальній путь, какъ на парадъ изъ Стрѣльны въ Петербургъ. При полку, кромѣ казеннаго обоза, опредѣленнаго воинскимъ уставомъ, не было ни какихъ повозокъ и экипажей. Экипажи Великаго Князя Цесаревича слѣдовали впереди, на разстояніи одного перехода. Каждый оберъ-офицеръ долженъ былъ имѣть три лошади. На одной ѣхалъ онъ при полку; другую заводную, осѣдланную, подъ форменною попоной, велъ денщикъ, сидя на выючной лошади. Вьюки были форменные: двѣ кожанныя, круглыя, большія баклаги, по обѣимъ сторонамъ сѣдла, вмѣсто кубуръ; за сѣдломъ былъ большой кожаный чемоданъ и парусиныя саквы. Сѣдло у денщика было стараго нѣмецкаго покроя. На заводную лошадь, подъ форменную попону, можно было положить коверъ и кожаную

подушку, теплый халатъ и тому подобное. Деньщики также были одѣты по формѣ: въ синій однобортный мундиръ съ фалдами, съ синими суконными пуговицами и краснымъ воротникомъ, въ рейтузахъ сѣраго сукна и въ треугольной шляпѣ, безъ галуна у оберъ-офицеровъ и съ галуномъ у штабъ-офицеровъ. Деньщикъ, кромѣ того, имѣлъ за спиною пѣхотный ранецъ, съ манеркой, и сверху ранца жестянку съ офицерскимъ султаномъ. Кто изъ офицеровъ имѣлъ шубу, тотъ везъ ее на заводной лошади, но передъ фронтомъ всѣ были въ шинеляхъ на ватѣ, безъ мѣховаго воротника. На мѣховые воротники и шубы не было тогда ни формы, ни моды. Офицерамъ позволено было въ походѣ надѣвать, сверхъ мундира, шпенцеръ на мѣху, то есть тотъ же мундиръ съ шитьемъ, только просторнѣе и безъ фалдъ. Шпенцеръ пристегивался на двухъ пуговицахъ мундира, на лифѣ. Въ походѣ мы были въ сѣрыхъ рейтузахъ, обшитыхъ кожей, съ синими лампасами. У солдатъ рейтузы застегивали пуговицами, сверху до низу. Галошъ тогда и въ поминѣ не было! Если бъ военный человѣкъ надѣлъ *кевыи* или что либо подобное — его осмѣяли бы! Намъ позволено было обвертывать стремена сукномъ или крайкой, чтобъ уменьшить дѣйствіе холода на желѣзо. Тогдашніе наушники наши были узкіе, и прикрывали только уши; уланскую шапку мы носили тогда, по формѣ, на бекрень, къ правой сторонѣ и почти вся голова была обнажена. Морозы, въ февралѣ, доходили иногда до пятнадцати градусовъ: тогда мы надѣвали шинели въ рукава, подпоясывались португеей и шарфомъ, и поверху надѣвали лядунку. Въ хорошую погоду, въ пять градусовъ и до семи, мы были въ шпенцерахъ и даже въ мундирахъ, а солдаты накидывали шинели наопахъ. Великій Князь Цесаревичъ рѣдко надѣвалъ шинель; онъ былъ почти всегда въ шпенцерѣ, и ѣхалъ передъ первыми рядами, за трубачами. Чтобъ согрѣться, полкъ спѣшивался по пѣскольку разъ на переходѣ. Пѣсenniки распѣвали пѣсни, трубачи

* Замѣчательно, что пѣсельниками управлялъ и обучалъ ихъ корнетъ Драголевскій, родомъ Полякъ, служившій полъ знаменами Костюшки. Драголевскому было тогда около пятидесяти лѣтъ отъ роду, но онъ былъ молодъ собою и отличной кавалеристъ. Во всякую посадку свою, Его Высочество привозилъ по пѣскольку человѣкъ въ уланы или въ конную гвардію, изъ охотниковъ. Драголевскаго взялъ онъ въ Галицію, возвращаясь изъ италійскаго похода, и опредѣлялъ унтеръ-офицеромъ въ конную гвардію, а потомъ произвелъ въ офицеры въ уланскій полкъ, обнуандировалъ и содержалъ на свой счетъ. О Драголевскомъ я буду говорить послѣ. Онъ былъ не послѣдній чудакъ между нами!

играли легкія военныя пьесы, и мы шли бодро и весело. На привалѣ штабъ-офицеры и нѣкоторые оберъ-офицеры приглашаемы были Его Высочествомъ къ завтраку. Въ холодную погоду солдатамъ давали по чаркѣ вина. Во весь походъ Его Высочество былъ чрезвычайно веселъ и снисходителенъ къ намъ, разговорчивъ, и обходился съ нами, какъ съ своими домашними. Мы такъ привыкли къ нему, что ни сколько не жемировались въ его присутствіи и даже не прерывали самыхъ пустячныхъ разговоровъ, когда онъ подходилъ къ толпѣ. Ему это нравилось: онъ зналъ, что мы его цубимъ.

Мы шли поспѣшно. Переходы были велики, отъ 25 до 35 верстъ въ день, и дневка была черезъ трое сутокъ. Кто бывалъ въ походахъ, тотъ знаетъ, что дурная квартира хуже бивака. Мы останавливались на квартирахъ въ крестьянскихъ избахъ, а всѣмъ извѣстно, въ какихъ домахъ живутъ крестьяне петербургской губерніи. Въ сорокъ лѣтъ, въ этомъ отношеніи ни что не улучшилось! Въ избѣ тѣсно, душно, дымно и грязно. Стѣны покрыты насѣковыми! Уже ли мы никогда не дождемся того, чтобъ крестьяне, въ сѣверной полосѣ Россіи, жили въ хорошихъ, чистыхъ, уютныхъ домахъ, какъ въ Новой-Финляндіи и въ Малороссіи? Вотъ ужъ къ этому слѣдовало бы ихъ понудить! Императорское Вольное Экономическое Общество, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, предложило задачу: «исслѣдовать причины смертности дѣтей въ Россіи, въ простомъ народѣ». Одинъ взглядъ на крестьянскую жизнь, въ сѣверной полосѣ Россіи, рѣшаетъ эту задачу! Крестьянскія дѣти въ морозъ и слякоть бѣгають въ однихъ рубашенкахъ или въ лохмотьяхъ, босые, по двору и по улицѣ, простужаются и впадаютъ въ смертельные недуги. Какой присмотръ за ними во время болѣзни? Не только нѣтъ лекарства и свойственной больному пищи—нѣтъ даже помѣщенія: больные ребятишки валяются на печи или на скамьѣ! Одно лекарство — баня, которая иногда бываетъ пагубна, если употреблена не въ пору и не кстатѣ. Изъ этого образа жизни выродился смертельный крупъ въ окрестностяхъ Вильны, въ 1810 году, и созрѣла злокачественная скарлатина! Отъ этихъ самыхъ причинъ между крестьянами такъ часто свирѣпствуютъ тифозныя горячки, изнурительныя лихорадки и кровавые поносы. Распросите крестьянъ, и вы узнаете, что изъ десяти человѣкъ дѣтей, два вырастаетъ одинъ, много двое или трое. Предъ

расудки увеличиваютъ зло. Крестьянинъ боится медикъ и лекарства, хуже чѣмъ болѣзни, и вѣрить шарлатанамъ-заяхаришъ. Странно, что и между, такъ называемымъ, образованнымъ сословіемъ есть множество людей, непріязненныхъ медицинѣ и вѣрящихъ, что, при такомъ небрежномъ воспитаніи дѣтей, русскій крестьянинъ *закаливается*, то есть, дѣлается крѣпкимъ и сильнымъ. Не такъ! Возьмите дѣло на оборотъ. Дитя чрезвычайно сильное переноситъ эту звѣрную жизнь — а слабое, которое бы съ лѣтами укрѣпилось, погибаетъ. Желѣзной натуры нѣтъ въ человѣкѣ, какъ мы привыкли говорить, и силы укрѣпляются постепенно, съ лѣтами, начиная съ семилѣтняго возраста. До-тѣхъ-поръ дитя — цвѣтокъ. Исключенія изъ правила — только исключенія. Самая нечистота убійственна! Въ этихъ крестьянскихъ избахъ я впервые принялся курить табакъ, по совѣту полковаго штабъ-лекаря и моего искренняго пріятеля Малиновскаго, чтобъ избавиться отъ зловоія и предохранить себя отъ цыги и даже отъ зихорадки. А отъ чего мы видимъ теперь такое множество курильщиковъ между молодыми людьми, даже между школьниками, которые не знали и не знаютъ никакой нужды?—Разорительная, вредная мода и обезьянство!

Странная и смѣшная вѣсть распространилась между крестьянами петербургской губерніи, за Чирковцами, а именно, будто уланы *идать дѣтей!!!* Крестьяне почитали насъ какимъ-то *особеннымъ народомъ*, чѣмъ-то въ родѣ Башкировъ, Калмыковъ или Киргизовъ, въ чемъ ихъ удостовѣрялъ невиданный ими до того нарядъ и плохое русское прозвищеніе большей части нашихъ уланъ, изъ Малороссіи и Поляковъ. Не знаю, кто распространилъ между крестьянами эту мелкую вѣсть — но почти во всѣхъ домахъ отъ насъ прятали дѣтей, и когда я спрашивалъ у хозяевъ, есть ли у нихъ дѣти — они приходили въ ужасъ. Бабы бросались въ ноги и умоляли умиловаться, предлагая, вмѣсто ребенка, поросенка или теленка! Съ трудомъ приходилось намъ разувѣрять простодушныхъ крестьянъ, особенно бабъ, что мы не людоеды! Но недоразумѣніе было не продолжительно. Черезъ нѣсколько часовъ водворились между нами, какъ говорятъ крестьяне, *лады*, то есть, миръ и согласіе, и наши молодые уланы весьма скоро пріобрѣтали сильныхъ защитницъ между крестьянками и пріятелей между ихъ мужьями и братьями.

За Нарвой, гдѣ начинается вѣтлоское народонаселеніе, то

ость въ странѣ, населенной Чухнами, положеніе наше сдѣ-
 лалось еще несноснѣе. Чухны, какъ извѣстно, живутъ не въ
 домахъ, а въ ригахъ. Въ томъ отдѣленіи, гдѣ тоится печь,
 для сушки хлѣба, живетъ зимою семья, а на гумнѣ, гдѣ
 хлѣбъ молотятъ, помѣщается домашній скоть, отъ коро-
 вы до животнаго, презираемаго Евреями и Мусульманами.
 Трубы нѣтъ, окно въ ладонь величиною! Густой дымъ на-
 полняетъ жилье, и чтобъ избавиться отъ него, надобно са-
 диться на полъ, между грязными ребятишками, поросятами
 и телятами. Послѣднихъ Чухны берегутъ едва ли не болѣе,
 чѣмъ своихъ дѣтей! Народа вездѣ бездна, потому что въ од-
 ной ригѣ живутъ три поколѣнія одного семейства, отъ пра-
 дѣда до правнуковъ, съ работниками и работницами. Смрадъ
 нестерпимый и на немощеномъ полу грязь, какъ на дворѣ.
 У русскихъ мужиковъ наши уланы имѣли, по-крайней-мѣрѣ,
 хорошую пищу, русскія щи и кашу, а чухонской пудры са-
 мый голодный не рѣшался ѣсть. Знаете ли, что такое пудра?
 Въ большой чугунной котелъ влидается до половины вода, и
 когда она закишитъ, кладутъ туда рѣпу или брюкву, картофе-
 ль и морковь, всыпаютъ извѣстное количество ржаной муки, и
 какъ скоро овощи разварятся совершенно, болтаютъ все это
 деревянною мѣшалкой до-тѣхъ-поръ, пока изъ всего этого
 не сдѣлается жидкая каша. Тогда подбавляютъ прѣснаго мо-
 лочка, всыпаютъ соль, снова болтаютъ и снимаютъ съ огня.
 Вся семья садится на полъ вокругъ котла и хлебаютъ пудру
 ложками. Это — всенедневная пища Чухонъ, круглый годъ и
 во всю жизнь! Лакомство Чухонъ составляютъ хлѣбъ (боль-
 шую часть съ мякиною), кислое молоко и селедка. За та-
 бакъ, водку и селедку Чухонецъ готовъ на все рѣшиться!
 Это его блаженство! Только въ свиномъ соленомъ мясѣ Чу-
 хонецъ находитъ нѣкоторый вкусъ, но всякаго другаго мя-
 са, особенно свѣжаго, онъ не любитъ и называетъ его *пръ-
 скымъ* *.

Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе Чухонъ съ-тѣхъ-поръ чрез-
 вычайно улучшилось, и теперь есть между ними даже люди
 важиточные; но образъ жизни ихъ не перемѣнился. Доста-

* Весьма замѣчательно, что когда, поселившись въ Карловѣ, хотѣлъ я
 улучшить положеніе рабочиыхъ людей на мызѣ (настуховъ, садовыхъ работ-
 никовъ и тому подобное) и сталъ ихъ кормить хорошимъ хлѣбомъ, говящи-
 ной, щами и кашею, Чухны пожаловались на меня въ судъ, что я *жорю
 ихъ голодомъ*, и я долженъ былъ, по прежнему, кормить ихъ пудрою,
 солданыи и кислымъ молокомъ. Вотъ чтó называется: не ходи въ чужой
 монастырь съ своимъ уставомъ! — Добро то, что по праву человеку!

точный Эстонецъ теперь лучше одѣвается, выѣзжаетъ со двора, въ церковь или въ городъ, не въ лаптяхъ и не въ бастеляхъ*, а въ русскихъ сапогахъ, въ хорошемъ кафтанѣ или тулупѣ, имѣетъ нѣсколько лошадей, кованую телегу, хорошіи скотъ, ѣсть лучшій хлѣбъ и употребляетъ чаще сельди—но живетъ все по прежнему, въ дымной и смрадной ригѣ, и не можетъ обойтись безъ своей пудры. Сколько ни было попытокъ, чтобъ заставить Чухонъ жить въ свѣтлыхъ домахъ, съ трубами и окнами—все напрасно! Графъ Шереметевъ выстроилъ, на свой счетъ, чистые и свѣтлые дома для крестьянъ (въ имѣнни Газелау, близъ Дерпта), но крестьяне только на лѣто переходятъ въ эти дома, а зимою живутъ въ своихъ ригахъ, утверждая, что въ дыму и вѣствѣ со скотомъ жить *здоровѣе!!* Дѣло противорѣчить, однакожъ, этому мнѣнію. Смертность между дѣтми Чухонъ ужасная, и народонаселеніе въ Эстляндіи, въ эстляндскихъ округахъ ливляндской губерніи и въ Старой-Финляндіи подвигается впередъ чрезвычайно медленно. Между людьми множество слѣпыхъ. Хуже не живутъ ни Камчадалы, ни Лапландцы, ни Эскимосы—и это среди нѣмецкой образованности!

Рѣдкій молодой человѣкъ, при вступленіи въ свѣтъ, не ощущалъ влеченія къ странствованіямъ. Съ какимъ любопытствомъ разсматривается тогда каждый новый предметъ, какъ хочется все знать, все видѣть, все изслѣдовать! У меня изгладилась изъ памяти города, видѣнные мною въ дѣтствѣ, до опредѣленія моего въ кадетскій корпусъ, и я, такъ сказать, сросся съ Петербургомъ. Хотя и малолѣтныя кадеты учатся географіи, но въ кадетскомъ разговорномъ языкѣ принято было, что каждая рѣка называется *Невою*—и каждое дерево *березою*. «Изъ какого ты города? спрашивалъ, бывало, одинъ кадетъ у другаго.—Изъ Ярославля.—А есть у васъ *Нева*?—Есть и большая: рѣка Волга!»—Мы все измѣрили Петербургомъ. Ябургъ, первый городъ на пути, не удивилъ меня своею ничтожностью. Онъ былъ и есть тоже, что Петербургская Сторона или Пески. Нарва, мало измѣнившаяся со временъ Петра-Великаго, восхитила насъ видомъ старины и иноземщины. Любимая моя наука, исторія,

* Бастелями называется обувь изъ сырой, то есть невыдѣланной шкуры, воловьей или коровьей, или изъ куска сыромятной кожи, безъ подошвы. Куски шкуры или кожи обертываютъ ноги по оную и прикрѣпляютъ ботинкомъ или ремнемъ.

представила воображенію моему множество картинъ—и я написалъ изъ Нарвы къ Лантингу продолженное письмо, на нѣсколькихъ листахъ, въ которомъ вывелъ на сцену и датскаго короля Вольдемара и нашихъ Ивана Васильевича Грознаго и Петра Великаго, украсивъ все моими юношескими мечтами. Въ городѣ однако жъ было скучно—и мы, отдохнувъ сутки, пошли далѣе и наконецъ прибыли въ Дерптъ.

Теперь Дерптъ—прекрасный, чистый, благоустроенный городъ; въ немъ около 13,000 жителей, университетъ, который посѣщаютъ до 600 студентовъ, гимназія и другія казенныя и частныя учебныя заведенія, и въ нихъ до 1000 чело-вѣкъ учениковъ. Теперь въ Дерптѣ лавки великолѣпныя и богатыя, въ которыхъ достанете все что продается въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ. А что былъ Дерптъ тогда! На большой площади были каменные дома, но весь городъ состоялъ изъ нѣсколькихъ улицъ, застроенныхъ деревянными домиками, и вмѣщалъ въ себѣ не болѣе 2,500 чело-вѣкъ жителей! Въ новоустроенномъ университетѣ было не болѣе полтораста студентовъ, а во всѣхъ другихъ учебныхъ заведе-ніяхъ вѣрно не болѣе трехъ сотъ учениковъ. Студентская форменная одежда удивила насъ! Студенты носили тогда ко-леты кирасирскаго покроя, длинные ботфорты со шпорами, рыцарскіе шпашаки и огромные палашища. Когда два студента шли по пустымъ улицамъ Дерпта, звукъ шноръ и палашией раздавался въ комнатахъ. Въ этомъ геройскомъ костюмѣ студенты ходили даже на лекціи. Городскіе жители были вообще бѣдны. Гостиного двора тогда вовсе не было, лавокъ было немного, но жизнь въ Дерптѣ была гораздо пріятнѣе и веселѣе нынѣшняго.

Лифляндское дворянство, просвѣщенное и достаточное, не любитъ жить въ своемъ богатомъ и торговомъ губернскомъ городѣ—Ригѣ, потому что не хочетъ совмѣстничать въ роскоши съ рижскимъ купечествомъ. Значеніе и важность дворянина состоятъ въ его родовыхъ преимуществахъ, заслугахъ, фамильныхъ связяхъ, а значеніе купца—въ деньгахъ. Къ деньгамъ, то есть къ мамону, привязываются, обыкновенно, какъ моль къ шерстянымъ издѣліямъ, тщеславіе, высокомеріе и гордость. А какъ выказать ихъ? Роскошью и ложною щедростью. Весьма часто, скрѣпя сердце, купецъ бросаетъ тысячи, только для того, чтобъ объ немъ говорили! Лифляндскій дворянинъ живетъ чисто, порядочно, чрезвычай-но скромно и болѣе нежели умѣренно. Званный гость уго-

идется прилично, по всѣмъ правиламъ аристократическаго этикета, но угощается безъ излишества. У кушца, напротивъ, званый обѣдъ или балъ—синонимы излишества—совершенно одно и то же. Гдѣ у дворянина издерживается поддюжины бутылокъ вина, тамъ у кушца выходитъ цѣлый ящикъ. Рига вообще городъ гастрономическій, какъ Гамбургъ, съ тою разницею, что въ Гамбургѣ можно закомиться въ трактирахъ, а въ Ригѣ въ трактирахъ голодъ, и роскошь въ купеческихъ домахъ. Рижскіе кушцы, по большой части (почти есь) коммиссіонеры, и производятъ огромные обороты на чужой счетъ, ничего не рискуя; деньги имъ приходятся (или, правильнѣе, приходились) легко, безъ всякаго риска, и они издерживаютъ ихъ весело на гастрономію и волокитство или покупаемую любовь. Лифляндскому дворянству трудно съ ними соперничать и потому дворянство избрало Дерптъ для своего зимняго мѣстопробыванія. Въ это время жилъ въ Дерптѣ патріархъ лифляндскаго гостепріимства, баронъ Левенштернъ, въ прекрасномъ своемъ домѣ, на большой площади, волеѣ Ратуши. Высокая нѣмецкая честность и прямодушіе, французская любезность и русское гостепріимство были соединены въ семействѣ Левенштерна. Здѣсь жилъ тогда извѣстный умомъ и любезностью, Французъ родомъ и Баварецъ по натурализаціи, графъ де-Бре, женившійся потомъ на дочери барона Левенштерна, и бывший долгое время баварскимъ посланникомъ при россійскомъ дворѣ. Графъ Бре выѣхалъ изъ Баваріи, избѣгая мщенія Наполеона, противъ котораго онъ что-то написалъ. Графъ Бре былъ человекъ высокаго образованія и обладалъ тѣмъ рѣдкимъ даромъ, которымъ славились Французы восемнадцатаго вѣка,—даромъ вести и поддерживать бесѣду. Въ домѣ Левенштерна ежедневно собирались, на вечеръ, всѣ его знакомые, въ томъ числѣ и ученые. Званые балы и танцевальныя вечера бывали у него довольно часто. Время проводили чрезвычайно весело. Старикъ, отецъ этого почтеннаго семейства, уже въ могилѣ. Переселившись изъ Дерпта и прѣзжая только по лѣтамъ, онъ всегда навѣщалъ меня въ Карловѣ, также какъ и почтенный сынъ его. Теперь я потерялъ изъ вида это благородное семейство, и знаю только, что достойный сынъ барона, камергеръ, находившійся при Цесаревичѣ въ Варшавѣ, продалъ помѣстья свои въ дерптскомъ округѣ, проживаетъ теперь въ очаровательномъ имѣніи своемъ Кокенгузель, на Двинѣ, близъ Риги. Кромѣ Левенштерна въ Дерптѣ про-

живало еще нѣсколько почтенныхъ семействъ, у которыхъ собиралось общество, по тону, просвѣщенію, любви къ изящному не уступавшее высшему обществу любой столицы.— Семейство Криднера (у сына котораго я купилъ Карлово) было музыкальное, по превосходству. Четыре сына старика, Карла Криднера (прозваннаго Carl der Kluge, то есть Карлъ мудрый), были отличные музыканты. Всѣ любители музыки собирались въ Карловѣ, гдѣ бывали концерты, въ прекрасной, огромной залѣ, и нынѣ существующей. Не только изъ всей Лифляндіи, но и изъ Эстляндіи пріѣзжали въ Дерптъ дворяне, съ семействами, провести время въ пріятномъ и просвѣщенномъ обществѣ—и офицеры гвардіи, изъ Остзейцевъ, ѣздили туда почти ежегодно, для свиданія съ родными и милыми кузинами. Во время ярмарки, продолжавшейся цѣлый январь мѣсяць, каждый день былъ балъ и гдѣ нибудь обѣдъ, и въ эту пору размѣнивались здѣсь, во множествѣ, обручальными кольцами. Покойный графъ де-Бре, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ, съ восторгомъ рассказывалъ мнѣ о тогдашней дерптской жизни, что подтверждали и всѣ знавшіе Дерптъ въ то время. Все это теперь упало! Дворянство раздѣлилось на партіи; собранія въ домахъ бывають рѣдко; провинціальный духъ, называемый здѣсь неправильно патріотизмомъ, занялъ всѣ умы. На дворянъ не матрикулированныхъ (то есть не вписанныхъ въ дворянскую книгу остзейскихъ губерній) смотрятъ какъ на зачумленныхъ; съ учеными не водятся—и въ Дерптѣ водворилась скука, хотя едва ли болѣе гдѣ есть матеріаловъ къ веселой, беззаботной жизни, какъ здѣсь, потому что здѣсь есть и просвѣщеніе, и образованность, съ хорошими качествами души. Во время постоянного моего пребыванія въ Карловѣ (отъ 1832 до 1837 года) снова завелись въ Дерптѣ общежитіе, веселость въ обществахъ и гостепримство—смѣло могу сказать, что и я нѣсколько содѣйствовалъ къ оживленію усыпленнаго духа общежитія. Теперь опять въ Дерптѣ холодно, какъ въ могилѣ! Вообще въ нѣмецкомъ обществѣ долженъ быть будильникъ, Французъ или Славянинъ, съ горячею кровью—а не то Нѣмцы скоро задремлютъ.

При такомъ расположеніи общества, какое тогда было въ Дерптѣ, разумѣется, что дворянство обрадовалось прібытію Великаго Князя Цесаревича, съ любимымъ его уланскимъ полкомъ. Полкъ имѣлъ дневку въ Дерптѣ, и дворянство, отъ имени города и провинціи, устроило балъ, блиста-

тольный, въ полномъ значеніи слова, на который всѣ наши офицеры должны были явиться, по желанію Его Высочества. Откуда собралось на этотъ балъ такое множество красавиць? И теперь есть въ Финляндіи прекрасныя жепщины, но такого ихъ множества вмѣстѣ, я никогда не видывалъ въ остзейскихъ провинціяхъ, хотя бывалъ на многочисленныхъ и великолѣпныхъ балахъ. Говорятъ, что предположено было дать балъ, при первомъ извѣстіи о выступленіи въ походъ гвардіи, и что распорядители бала нарочно пригласили изъ Риги, Ревеля и изъ помѣстьевъ всѣхъ красавиць. Царицами бала были двѣ сестры фонъ-Дилленфельдъ, настоящія сильфиды, стройныя, блѣдурыя, воздушныя, съ прелестнымъ очеркомъ лица и алмазными глазками. Его Высочество оказывалъ двумъ сестрамъ особенное предпочтеніе, и самъ нѣсколько разъ танцевалъ съ ними. Извѣстно, что Нѣмки страстно любятъ танцы, и намъ данъ былъ приказъ (разумеется въ шутку): замучить Нѣмокъ танцами. Усердно исполнили мы приказаніе, и танцевали, въ буквальномъ смыслѣ, *до упаду и до перваго обморока*. Прелестныя Нѣмочки были въ восторгѣ! Послѣ роскошнаго ужина, въ три часа утра, съ сильнымъ возліаніемъ въ честь древнихъ божествъ Бахуса и Афродиты, началась мазурка, кончившаяся въ семь часовъ утра. Мы велѣли нашимъ уланамъ отнять у лакеевъ теплое платье гостей и отправить экипажи домой — и волею неволею почти всѣ должны были оставаться на балѣ. *Was ist da zu machen; man muss bleiben!* — говорили Нѣмцы и Нѣмочки — и дѣло шло своимъ чередомъ. Въ осемь часовъ раздался подъ окнами клуба, гдѣ былъ балъ, трубный звукъ, означающій: *садись на конь!* — Эскадроны уже собрались, подъ начальствомъ дежурныхъ офицеровъ и нѣкоторыхъ старыхъ ротмистровъ; наши ординарцы подвели намъ лошадей — и мы прямо изъ мазурки: *на конь, повзводно на-право заѣзжай и шагомъ впередъ — марш!* — Пройдя черезъ городъ параднымъ маршемъ, за заставою мы пошли по три съ права, и едва прошли версты три или четыре, какъ увидѣли за собою погоню: десятка два саней, возковъ и кибитокъ. Любезные наши хозяева и, разумеется, милыя хозяйюшки бала вздумали провожать насъ. Пѣсельники впередъ — пой веселую! А мы начали гарцовать на коняхъ, вокругъ экипажей, и на прощаньи мѣнялись ласковыми словами и нѣжными взглядами съ милыми нашими танцовками. На комплименты и фразы мы не скупились. Пробалагуривъ

такимъ образомъ на разстояніи пѣсколькихъ верстъ, мы на-конецъ распростились съ нашими новыми знакомцами и знакомками; они воротились въ городъ, а мы пошли своимъ путемъ.

И такъ Дерптъ, въ первое мое съ нимъ знакомство, произвелъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Не думалъ я и не гадалъ тогда, что, по прошествіи двадцати двухъ лѣтъ, буду ливондскимъ помѣщикомъ и почти жителемъ Дерпта! И теперь еще здравствуютъ въ Дерптѣ нѣкоторые свидѣтели этого пріема, сдѣланнаго Его Высочеству и Его полку, и до сихъ-поръ живутъ двѣ парицы тогдашняго бала, двѣ сестры дѣвицы фонъ-Лиліенфельдъ. Не разъ припоминалъ я имъ объ этомъ балѣ — и невольный вздохъ вылеталъ у насъ изъ груди о прошедшемъ времени!

За двѣ станціи отъ Дерпта начинается Латышина, страна обитаемая латышскимъ племенемъ, *Lethland*. Латыши во сто кратъ смысленнѣе, образованнѣе и общежительнѣе Чухонъ, и, что весьма замѣчательно, никогда съ ними не роднятся посредствомъ браковъ. Латышскій языкъ, отрасль древняго литовскаго, мягче и благозвучнѣе чухонскаго. Латыши народъ красивый, и женскій полъ ихъ прелестный: есть между Латышками истинныя красавицы! Латыши живутъ въ домахъ съ окнами и печами, довольно чисто, и одѣваются опрятно, особенно женщины. Пища у нихъ хотя убогая, но порядочная. Здѣсь мы нѣсколько отдохнули, хотя при квартирваніи было всегда одно и то же неудобство, потому что в Латыши и Чухны живутъ не деревнями, а въ отдѣльныхъ домахъ, каждый возлѣ своего поля. Почти при всѣхъ мызахъ въ то время были *квартирные дома* (*Quartierhäuser*), нарочно построенные для офицерскаго постоя; но намъ приказано было находиться при своихъ взводахъ, и мы тогда только квартировали въ выѣстѣ, въ квартирномъ домѣ, когда эскадронъ былъ разсыпанъ. Нѣкоторые помѣщики приглашали офицеровъ къ обѣду, на мызу, но это составляло исключеніе изъ общаго правила. Мы обыкновенно покупали провизію на мызѣ или у мужиковъ, и варили на квартирѣ. Не то, что въ Россіи и въ Польшѣ, гдѣ рады случаю угостити офицера?

Въ Ригѣ также данъ былъ для Его Высочества и Его полка балъ, даже великолѣпнѣе дерптскаго, но не столь веселый и безперемонный. Рига имѣетъ уже всѣ притязанія большаго города: тутъ всѣ власти и все чиновничество, слѣдова-

только и этикетъ. Танцевали мы, но уже не до утѣды и не до перепада обморока, и послѣ ужина, въ три часа утра, разѣхались по домамъ, то есть по квартирамъ.

Изъ похода я писалъ длинныя письма къ Лантингу, передавая въ нихъ мои мысли и ощущенія. Хорошо помню, что Рига мнѣ тогда не понравилась, хотя виновата въ этомъ была не Рига, а мое юношеское романтическое воображеніе. Узкія улицы, дома старинной архитектуры, готическія церкви восхищали меня, и я воображалъ, что перенесся въ средніе вѣки, искалъ вездѣ рыцарей — и встрѣчалъ на каждомъ шагу лавки, съ нѣмецкими и еврейскими надписями на выѣскахъ, озабоченныхъ купцовъ и толпы польскихъ жидовъ. Особенно мнѣ нравились произвели на меня непріятное впечатлѣніе.... Возлѣ церквей, на площадяхъ, у знаменитаго пловучаго моста на Двинѣ, стояли ряды столиковъ съ различною пометою, а за столами сидѣли Жиды, Жидовки, Русскіе безбородые старовѣры и разный сбродъ, и крикомъ и визгомъ приглашали мѣнять русскія деньги на иностранныя. Здѣсь мы размѣняли свои ассигнаціи на прусскіе талеры, гульдены и диджи, которыя теперь уже не существуютъ. Прусскія серебряныя монеты въ то время вообще содержала въ себѣ много мѣди, а диджи — это были маленькія (съ ноготъ мизинца) мѣдныя посеребренныя деньги. Рига завалена была англійскими товарами, и хотя съ насъ брали вдвое въ лавкахъ, но все же все мануфактурныя издѣлія были чрезвычайно дешевы. Денегъ было много въ городѣ и въ провинціи, потому что все произведенія земли, при превосходномъ урожаѣ, по случаю войны были чрезвычайно дороги и покупались на наличныя деньги, а изъ Литвы требовалось множество товаровъ. 1806 и 1807 годы были самые счастливые въ теченіе вѣлаго столѣтія для остзейскихъ и литовскихъ помещиковъ-купцовъ. Съ тѣхъ поръ не было такъ никогда такого избытка, такихъ требованій на товары, такихъ цѣнъ и столько лишнихъ денегъ. Напримѣръ бочка хлѣбаго вина продавалась отъ 60 до 75 рублей ассигнаціями, а вынѣ продается по двѣдцати рублей ассигнаціями и мѣнѣе. Развратъ въ Ригѣ былъ тогда въ высочайшей степени! Помни хорошо прочитанное мною сочиненіе Барделеми: *Путешествіе Анархасиса по Греціи и Азіи, съ присовокупленіемъ мыслей о Египтѣ* — я сравнивалъ Ригу, въ письмѣ моемъ къ Лантингу, съ Вавилономъ! Здѣсь зимовало множество англійскихъ кораблей, а извѣстно, какъ живутъ на берегу ан-

гліійскіе моряки. На рижскихъ форштатахъ былъ настоящій Содомъ! День и ночь раздавались звуки музыки, пѣсни, крикъ и шумъ. Вино лилось рѣкою — по золоту! Нимфы радости, соблюдая строгій нейтралитетъ, разбѣжали толпами изъ одного города въ другой, гдѣ только собирались яля гдѣ проходили войска. Бѣдныя Нѣмки! Страшно подумать, какъ легкомысленно тысячи несчастныхъ красавиць добровольно подвергаются въ бездну разврата и крайняго униженія, для того только, чтобъ украситья разноцвѣтными тряпками и прожить нѣсколько лѣтъ въ гнусной праздности и лѣни! И почему во всѣхъ портахъ, во всѣхъ столицахъ между этими несчастными, погибшими существами болѣе всего Нѣмокъ? Важная философическая задача! Весь образованный міръ единогласно сознался, что нѣтъ лучшихъ женъ и матерей, какъ Нѣмки, и что ни въ одной странѣ нѣтъ столько честности, религіознаго духа и образованности, какъ въ Германіи. Откуда же эта крайность? Источникъ зла въ самомъ добрѣ. Простодушная Нѣмка легко вѣрится клятвамъ влюбленнаго, и если онъ развратенъ, не дорожитъ своею совѣстью и невинною душою несчастной, то легко отвергаетъ ее обманомъ въ первое преступленіе, которое влечетъ за собою самыя пагубныя послѣдствія. Гнусные люди, большею частью Евреи и Еврейки, торгующіе падшими существами, какъ демоны хватаютъ немедленно несчастную жертву въ свои когти, развращаютъ ея воображеніе, усыпляютъ совѣсть, заглушаютъ стыдъ и затмѣваютъ слабый умъ приманками мишурной роскоши и обманчивой будущности—и губятъ на вѣки! Въ мои лѣта я могу сознаться, что въ молодости, побѣждая иногда умомъ отвращеніе свое отъ этихъ несчастныхъ созданій, сближался съ ними изъ любопытства, и ласкою и состраданіемъ заставлялъ ихъ рассказывать мнѣ, какимъ образомъ онѣ дошли до такой степени униженія. Почти всегда слезы раскаянія и даже отчаянія сопровождали этотъ рассказъ: анатомируя такимъ образомъ сердце, погрязшее въ развратѣ, я открывалъ въ немъ драгоцѣнныя капли чести, стыда и совѣсти. Всегда почти причиною паденія были *обманъ* и *клятвопреступничество* мужчины! По моему мнѣнію, это то же, что убійство—даже болѣе, нежели убійство, потому что тутъ убивается душа! Горе тому, у кого на совѣсти лежитъ гибель несчастной женщины, ввѣрившейся ему на слово! Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ разказахъ могла быть ложь, потому что эти падшія существа при-

нѣкакогь жить можно—но даже самогь то, что и въ дѣлѣхъ разсказъ обманъ выставился первою причиною къ разврату, служить неоспоримымъ доказательствомъ, что по крайней мѣрѣ довать десятыхъ сотвѣщомъ обманомъ съ истиннаго пути. Этѣхъ несчастныхъ было тогда въ Ригѣ множество! Вечеромъ, онѣ, какъ неистовыя вакханки, бѣгали толпами по улицамъ, нападали на прохожихъ и тащили насильно въ свои жилища! Одинъ изъ нашихъ молодыхъ офицеровъ долженъ былъ обнажить саблю и даже ранить нѣсколькихъ изъ этѣхъ гнѣвъ, начавшихъ на него между городскими воротами и петербургскимъ форштатомъ. Цесаревичъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, вѣсмѣлся и пошутилъ надъ офицеромъ, но подарилъ ему новую саблю, велѣлъ ту саблю, которая обнажена была противу вакханокъ, бросить въ Двину.... Черта характеристическая!

Его Высочество Цесаревичъ, по особенной любви къ своимъ уланамъ, приказалъ выдавать офицерамъ порціонныя, то есть столовыя деньги, изъ собственныхъ суммъ. Мы не брали этѣхъ денегъ, не изъ гордости, но потому, что на первыхъ порахъ у каждаго изъ насъ водились кой-какія деньжонки, и въ походѣ негдѣ было ихъ тратить. По прибытіи въ Ригу этѣхъ порціонныхъ денегъ накопилось до семи тысячъ рублей ассигнаціями, и полковой командиръ, полковникъ Чаликовъ, намѣревался раздать ихъ въ офицерскія эскадронныя артели, или, если кому угодно, на руки. До Риги шелъ съ нами при полку майоръ Притвицъ, жестоко израненный, въ голову, при Аустерлицѣ. Онъ непрерывно страдалъ, и мы мало его знали. Въ Ригѣ болѣзнь его дошла до того, что онъ началъ мѣшаться въ умѣ. Надлежало его оставить. Онъ былъ отецъ семейства и человекъ небогатый; офицеры согласились отдать ему порціонныя деньги, всѣ 7000 рублей, что и было исполнено. Его Высочество былъ въ восхищеніи отъ этого поступка офицеровъ и хотѣлъ знать, кто первый подалъ къ этому мысль. Никто не сознавался. Это еще болѣе тронуло Его Высочество Цесаревича. «Господа,» сказалъ онъ намъ: «я люблю, когда вы откровенно сознаетесь мнѣ въ вашихъ шалостяхъ, но въ этомъ случаѣ охотно прощаю вамъ ваше *заирательство!* Всѣхъ васъ прижимаю къ сердцу, въ лицѣ вашего полковаго командира!»—Его Высочество со слезами на глазахъ прижалъ къ груди своей и разцѣловалъ полковника Чаликова.—Каковы молодцы!» приговаривалъ онъ. Эти слова: *каковы* и *каковы* Его Высочество

имѣлъ привычку повторять и въ хорошеѣ и въ дурномъ смыслѣ, когда бранилъ и когда хвалилъ. «Фонтеры-понтеры!» отвѣчалъ полковникъ Чаликовъ. Это были слова, которыя не сходили у него съ языка. Послѣ, когда онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры, Чаликовъ прибавилъ къ своимъ любезнымъ: «фонтеры-понтеры-дери, дѣромъ, Чаликовъ генераль-маіоромъ!»—Предобрый, прелюбезный, преселый и презабавный человекъ былъ Чаликовъ! Онъ жизнь принималъ какъ шутку, въ самыя серіозныя дѣла умѣлъ впестъ острое словцо, и хотя на глазахъ Его Высочества не легко было управлять полкомъ и притомъ такимъ лихимъ, каковъ былъ нашъ полкъ, Чаликовъ умѣлъ кстатѣ вытерпѣть и кстатѣ отшутиться, и пользовался всегда благосклонностью Его Высочества. Офицеры и солдаты искренно любили Чаликова, потому что онъ былъ человекъ добродушный и свисходительный, и когда только могъ, всегда защищалъ насъ передъ Его Высочествомъ, выручалъ изъ бѣды, и самъ *никогда* не жаловался.—«Вы, сударь, сегодня не были у развода», говорилъ Чаликовъ офицеру.—«Виноватъ, заспалъ!»—Стыдно, сударь; чтобъ впередъ этого не было, а не то насидитесь на гауптвахтѣ.... фонтеры-понтеры, дери-дѣромъ, Чаликовъ генераль-маіоромъ!...» отвернулся—и дѣло кончено.

Рыхлый ледъ на Двинѣ едва держался, и поверху во многихъ мѣстахъ стояла вода. Испробовавъ крѣпость льда мы перешли Двину *по одиночку*. Сперва перешли трубачи, и пока переходилъ полкъ, играли *переправу*. На берегу была бездна народу—почти вся Рига. Городская конная и пѣшая гвардія и сословіе шварцгейптеровъ, въ мундирахъ и верхомъ провожали насъ черезъ городъ, шествуя церемоніально передъ полкомъ. По всѣмъ улицамъ, чрезъ которыя мы проходили церемоніальнымъ маршемъ, окна въ домахъ были открыты, и въ окнахъ стояли дамы. Мы были въ парадной формѣ, съ султанами. Уланскій полкъ съ пиками и значками—былъ тогда рѣдкое, невиданное зрѣлище. Изъ нѣкоторыхъ оконъ бросали намъ цвѣты, которые мы ловили на лету и салютовали саблею за подарокъ. Полкъ молодецки прошелъ чрезъ Ригу, и какъ ни тѣсны улицы, но мы заставляли лошадей нашихъ прыгать и дѣлать курбеты.... Вспоминю объ этомъ, потому что и теперь весело, когда припомнашь—и что лошадь моя чуть не сломила себѣ ноги, а мнѣ шем, вскочивъ на стѣну, въ лансадѣ....

Въ Митавѣ повторено все то, что было въ Ригѣ, съ тою лишь разницею, что на балѣ, данномъ дворянствомъ, между молодыми курляндскими дворянами и нашими офицерами утвердились тѣсная дружба и братство. Курляндцы вообще лихіе ребята, я вовсе не похожи ни образомъ жизни, ни правилами, ни обычаями, на Остзейцевъ и даже на нынѣшнихъ Нѣмцевъ. Древніе рыцарскіе обычаи, то есть удалство, молодечество, гостепріимство, презрѣніе къ торговству, твердость въ словѣ, страсть къ поединкамъ, къ псовой охотѣ, къ разгульной жизни перешли въ Курляндію посредствомъ тѣсной связи ея съ старинною Польшею, сохранившею феодальность правъ и феодальныя нравы до послѣдняго своего издыханія. Многіе изъ молодыхъ курляндскихъ дворянъ нѣсколько переходовъ провожали верхомъ новыхъ своихъ друзей, офицеровъ, и ночевали вмѣстѣ на квартирѣ. Поселяне въ Курляндіи, также Латыши, трудолюбивы и промышленны и могли бы быть богаты, если бъ въ Курляндіи всѣ пути къ пріобрѣтенію достатка крестьянами не были запружены Жидами, которыхъ здѣсь почти столько же, относительно къ христіанскому народонаселенію, сколько и въ польскихъ провинціяхъ. Принявъ за правило, чтобъ при обвиненіи человѣка изслѣдовать прежде побудительныя причины къ проступку, я уже съ давняго времени простилъ Евреямъ большую часть ихъ прегрѣшеній, и по убѣжденію долженъ извинить ихъ во многомъ. Мы бранимъ Жидовъ за то, что они не весьма разборчивы въ средствахъ къ пріобрѣтенію денегъ, и чуждаются земледѣшества, предпочитая ему бѣдность и праздность. Правда, нельзя этого похвалить, но если мы, положивъ руку на сердце, изслѣдуемъ наше обращеніе съ Евреями, то должно сознаться, что не одни Жиды въ этомъ виноваты. Что значитъ Жидъ безъ денегъ, и что значитъ Жидъ съ деньгами? Бѣднаго Жидка послѣдній бобыль не впустилъ на свой дворъ, а богатаго Жидка знатные и сильные люди принимаютъ въ своемъ кабинетѣ, а чиновный народъ даетъ ему почетъ, не справляясь какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ богатство, и какъ велъ свою торговлю или спекуляціи. Деньги замѣняютъ Евреямъ вѣсь возможные привилегіи: это ихъ Magna Charta! А какъ Жиду пуститься на земледѣшество, которое въ выгоднѣйшемъ своемъ результатѣ представляетъ одну лишь возможность пропитанія семейства! Когда въ провинціяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, можно было Евреямъ брать въ аренду дворянскія и даже казенныя

имѣнія, многіе Евреи занимались сельскимъ хозяйствомъ, но чтобъ Еврей самъ былъ хлѣбопашцемъ—это дѣло весьма мудреное. По ихъ вѣрученію, Израильтянинъ долженъ орошать потомъ чела своего только землю Израиля. И такъ, надлежало бы начать преобразование Евреевъ съ просвѣщенія ихъ европейскими идеями *. Это одно лекарство отъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, оказывающее свое дѣйствіе только въ другомъ поколѣніи. Этимъ средствомъ Франція, до такой степени преобразовала народъ Израиля, что теперь тамъ нѣтъ уже Евреевъ, а есть только триста тысячъ Французовъ вѣры Моисеевой, по выраженію Виктора Гюго.

Митава въ то время была сколкомъ польскихъ городовъ. Огромныя пространства, много пустырей, много домовъ деревянныхъ, множество Жидовъ-факторовъ, толпы разнощиковъ и разнощидъ (Евреевъ и Евреекъ) различныхъ товаровъ по улицамъ и по домамъ, шумъ и обиліе въ трактирахъ, нищета въ предмѣстьяхъ, грязь по колѣна—но всюду жизнь и движеніе.—Въ жилахъ Курляндцевъ течетъ кровь, а не сыворотка! Курляндскія женщины—прелесть, и красавицъ множество во всѣхъ сословіяхъ, даже между крестьянками.

Если бъ мнѣ предоставлено было избрать для себя какую нибудь страну во всей Европѣ, я избралъ бы Курляндію, съ ея здоровымъ климатомъ, плодородною почвою, морскими портами и народомъ, способнымъ къ высокому усовершенствованію. Курляндія, по своему положенію, можетъ быть весьма богатою страной! Надобно только капиталовъ и промышленности.

Изъ Митавы мы пошли на Шавли. Здѣсь я окурвился въ кратковременный отпускъ, чтобъ навѣстить дядю моего, пріора доминиканскаго монашескаго ордена, въ Россіенахъ. Взявъ подорожную, я поскакалъ на перекладныхъ.

=

Добрый мой ротмистръ, Василій Харитоновичъ Щегловъ, далъ мнѣ на дорогу плащъ, изъ солдатскаго сукна, съ башлыкомъ (капшономъ), сшитый нарочно для бивакъ. Пока я доѣхалъ, правильѣе доплылъ по грязи до Россіенъ, плащъ этотъ сдѣлался жесткій, какъ кора. Грязь засохла на немъ на два пальца толщиной. На послѣдней станціи узналъ я, что дяди моего нѣтъ въ городѣ, но что его ожидаютъ на другой

* Этому положено благое начало въ нынѣшнее царствованіе.

день, къ празднику, не помню какому. Станціонный смотритель, знавшій всѣ городскія сплетни, совѣтовалъ мнѣ захватить къ богатому Еврею (не помню его имени), который поставлялъ вино и пряности въ монастырь доминиканскій, слѣдовательно приметъ хорошо племянника пріора, то есть настоятеля. Я такъ и сдѣлалъ.—Здѣсь я долженъ сдѣлать отступленіе для полной характеристики тогдашняго времени.

Въ хаосѣ, называемомъ древнимъ польскимъ правленіемъ, господствовали четыре *стихи* или *силы*, подчиняя себѣ ходъ общественныхъ дѣлъ. Эти четыре силы принадлежали богатымъ панамъ, католическому духовенству, женщинамъ и Евреямъ, имѣвшимъ въ рукахъ своихъ всѣ торговыя обороты и всѣ произведенія земли, единственное богатство тогдашней Польши. Вліяніе пановъ и духовенства чрезвычайно уменьшилось послѣ паденія Польши: но сила Жидовъ и женщинъ, сила невидимая, сила неосязаемая, дѣйствующая скрытно, была еще весьма велика въ ту эпоху, о которой я говорю. Евреи дѣйствовали умомъ, хитростью и деньгами; женщины подчиняли все своему вліянію, умомъ, любезностью и красотою. Женщинъ съ малолѣтства дрессировали къ интригамъ (по-польски на *forsy*), какъ дрессируютъ канареекъ дѣлать разныя штуки. На дворянскіе выборы (*scymiki*), во время сужденія тяжebb, искатели пріѣзжали въ городъ съ женами, дочерьми, кузинами и ихъ пріятельницами, которыя везли съ собою полный арсеналъ нѣжныхъ взглядовъ, сладкихъ рѣчей и всевозможныхъ искушеній. Поляки съ материнскимъ молокомъ всасывали въ душу рыцарское уваженіе, повиненіе и преданность къ женскому полу. Отказать въ просьбѣ дамъ—почиталось или совершенною дикостью или непреклонностью Катона, а какъ Катоны вездѣ и всегда весьма рѣдки, то Польки владычествовали самовластно въ своемъ отечествѣ.

Евреи составляли особое государство въ государствѣ (*Status in Statu*). Общественныя еврейскія дѣла управлялись общинными правленіями или *кагалами*, которые имѣли между собою непрерывныя сообщенія, и въ общемъ дѣлѣ дѣйствовали всегда общими силами. Если надобны были деньги для общаго дѣла, *кагалы* налагали подать на общины, по столько-то съ души, и въ самое короткое время собирался миллионъ рублей, или сколько было нужно. Эта денежная сила невидимо держала все въ своей зависимости. Сверхъ того, Евреи, посредствомъ сношеній между *кагалами*, знали

все, что имъ нужно было знать, потому что богатые Евреи, по торговымъ сношеніямъ съ панями, а избранные хитрецы факторствомъ вывѣдывали всѣ тайны, между тѣмъ какъ шинкари держали въ рабствѣ слугъ*. Жиды никогда не переписывались чрезъ почту, въ важныхъ дѣлахъ, по всегда чрезъ нарочныхъ посланцевъ. Газетъ почти не читали въ Польшѣ, не довѣряя печатнымъ новостямъ, и Евреи замѣняли газеты. Во время войны или политическихъ переломовъ и бореній, Евреи держали всегда ту сторону, отъ которой надѣялись получить для себя болѣе пользы. Въ это время Литва и всѣ возвращенныя къ Россіи отъ Польши провинціи были для Евреевъ гораздо прибыльнѣе обѣтованной земли, въ которой, по закону Моисееву, надлежало добывать насущный хлѣбъ въ потѣ чела, и потому въ войнѣ Россіи съ Наполеономъ Евреи держали русскую сторону.

Хотя я пріѣхалъ въ Россію поздно (часу въ одиннадцатомъ вечера), но Еврей, узнавъ кто я, принялъ меня весьма хорошо, отвелъ мнѣ чистыя комнаты, велѣлъ подать ужинъ (разумѣется маринованную рыбу, всегда готовую для подобныхъ случаевъ), самъ принесъ бутылку вина, сыръ и тому подобное, и просилъ позволенія присѣсть. Началась между нами политическая бесѣда. Имя полка, въ которомъ я служилъ, повидимому, придадо мнѣ важность въ глазахъ Еврея, и онъ, быть можетъ, въ той надеждѣ, что преданность его къ Россіи сдѣлается извѣстною Государю, излилъ передо мною чувства своей приверженности и рассказалъ о положеніи края. Отъ него узналъ я, впервые, что Французы не были разбиты на голову при Пултускѣ, Голыминѣ и Прейсишъ-Эйлау; что въ Варшавѣ учреждено временное польское правленіе и сформировано польское войско въ 30,000 человекъ; что прокламаціи Наполеона ходятъ здѣсь по рукамъ, что до двѣнадцати тысячъ польскаго юношества, изъ хорошихъ фамилій и мелкой шляхты, перешло въ польскую военную службу, изъ всѣхъ польскихъ провинцій, возвращенныхъ Россіи и присоединенныхъ къ Австріи, особенно изъ вольнской губерніи и Галиціи, что главная пружина этого энту-

* Поляки вѣрили, что безъ Жидовъ невозможно обойтись въ жизни. Существуетъ старинная пословица: «Kiedy trwoga, w tedy do Boga, a kiedy bieda, w tedy do Zyd», то есть, Въ тревогу прибѣгаютъ къ Богу, а въ бѣду къ Жиду.— Здѣсь должно замѣтить, что *trwoga*, тревога, означаетъ *несчастіе*, а *bieda* (произносится *бида*), то есть бѣда — *нужду*. — Жидъ всегда поможетъ человѣку въ нуждѣ, если надѣется, что получить хотя отдаленную выгоду.

зіасма—женщины, и что здѣсь нетерпѣливо ожидаютъ вторженія Французовъ. Обо всемъ этомъ я не слыхалъ въ Петербургѣ и въ нашемъ военномъ кругу, и потому не весьма довѣрялъ приверженному къ Россіи Еврею.

Проспалъ я богатырскимъ сномъ, послѣ дороги, до полудня, и когда проснулся, Еврей увѣдомилъ меня, что дядя мой пріѣхалъ, и что экипажъ его ждетъ меня у подъѣзда. Немедленно отправился я въ доминиканскій монастырь.

Дядя мой былъ человекъ лѣтъ за пятьдесятъ, высокаго роста и красивый мужчина. Онъ славился умомъ своимъ, пользовался общимъ уваженіемъ, хотя свѣтскія качества превышали въ немъ иноческія добродѣтели. Знаніемъ свѣта и связями съ знатнѣйшими фамиліями и правительственными лицами, онъ приобрѣлъ вліяніе и въ своемъ орденѣ и въ обществѣ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, не предаваясь политическимъ мечтамъ, почитали Польшу *умершею*, и все счастье польскихъ провинцій полагали въ сближеніи Поляковъ съ Россією и въ безпредѣльной преданности къ Русскому Престолу. Не знаю, по какому случаю дядя мой сдѣлался извѣстнымъ Императору Александру, но какъ въ краѣ, такъ и между доминиканцами, сохранившими преданія своего ордена, извѣстно, что дядя мой пользовался особенною милостію Императора. Когда только Государь проѣзжалъ чрезъ Литву, дядя мой всегда ожидалъ Его на какой-нибудь станціи и допускаемъ былъ къ Нему. Кромѣ того, Императоръ позволилъ ему писать къ себѣ, въ собственныя руки. Однажды, въ Стрѣльвѣ, когда я представлялся Государю на ординарцы, Онъ, узнавъ о моей фамиліи, спросилъ: «не родня ли я пріору?» На утвердительный мой отвѣтъ, Государь благоволилъ сказать: «Когда будешь писать къ нему, не забудь сказать, что Я помню и люблю его.» Это чрезвычайно много!

Дядя мой вступилъ въ духовное званіе прежде паденія Польши, когда въ ней, какъ и во всѣхъ западныхъ католическихъ государствахъ дворяне, поступали въ духовное званіе не столько по набожности, сколько по расчету. Дворянству въ Польшѣ открывались три поприща для пріобрѣтенія значенія; военная служба, гражданская, или служба по выборамъ, и духовное званіе. Духовенство въ Польшѣ обладало несмѣтными сокровищами. Духовные фондуши, то есть денежныя суммы и недвижимыя имѣнія, образовались изъ пожертвованій частныхъ лицъ на церкви и монастыри, и въ

этомъ случаѣ даже особы королевскаго дома обогащали церковь только въ званіи прихожанъ или богомольцевъ. Почти всѣ эти пожертвованія дѣлаемы были съ похвальною цѣлью, для блага человѣчества. Жертвовали духовенству огромныя суммы и вотчины на проповѣдываніе христіанства въ странахъ языческихъ или магометанскихъ, на выкупъ христіанскихъ невольниковъ изъ плѣна у невѣрныхъ, на учрежденіе госпиталей и безвозмездныхъ школъ и тому подобное. Но цѣль первыхъ учреждений, въ послѣдствіи, была совершенно забыта или исполнялась весьма слабо, только для виду. Миссіонерныя не проповѣдовали христіанства въ далекихъ странахъ, но довольствовались обращеніемъ въ христіанскую вѣру нѣсколькихъ изъ самыхъ превратныхъ Евреевъ или обнищавшихъ Татаръ. Невольниковъ вовсе не выкупали изъ плѣна невѣрныхъ, а напротивъ, покупали богатыя вотчины. Въ-мѣсто госпиталей при монастыряхъ содержали по нѣскольку старцевъ (*koscielnych dziadow*), какъ вывѣску благотворительности. Правда, езуиты, іезуиты, доминиканцы и нѣкоторые другіе монашескіе ордена содержали школы, но и лучшія изъ нихъ были не въ духѣ времени — и схоластика въ этихъ школахъ затмѣвала свѣтъ наукъ и истинной философіи. Латынь замѣняла всю премудрость. Послѣ учрежденія министерства просвѣщенія въ Россіи, преобразованія виленакаго университета и основанія уѣздныхъ школъ и гимназій, и послѣ благоразумнаго изгнанія езуитовъ, духовныя школы совершенно упали и сдѣлались бесполезными, и вся ученая дѣятельность католическаго духовенства сосредоточилась въ семинаріяхъ. Между тѣмъ фондуши все возрастали. Нѣкоторые епископы имѣли болѣе ста тысячъ рублей дохода. Каноники пользовались плебаніями (приходами, въ которыхъ они никогда даже не появлялись), приносящими по нѣскольку тысячъ червонцевъ. Монастыри имѣли богатыя вотчины к капиталамъ, и управлялись почти безотчетно. Такой ходъ дѣлъ привлекалъ многихъ дворянъ въ духовное званіе, для поддержанія фамильнаго значенія. Многія изъ духовныхъ лицъ оставляли богатыя наслѣдства своимъ роднымъ и поддерживали ихъ. Всей Литвѣ извѣстна исторія одной фамиліи, къ которой перешли всѣ богатства одного кардезіанскаго монастыря близъ Слонима. Скажу мимоходомъ, что хотя дядя мой управлялъ богатыми монастырями и потомъ былъ Провинціаломъ (такъ называется глава доминиканскаго ордена), но не оставилъ наслѣдства своей фамиліи. Онъ жилъ

корошо, дѣлать много добра — не не хотѣлъ или не умѣлъ составить *блазоприобрѣтенивою* имѣнья изъ чужой собственности.

Можетъ быть, нѣкоторымъ людямъ не понравится сказанное мною здѣсь о богатствѣ католическаго духовенства: но что жь дѣлать — я не умѣю лгать, и привыкъ излагать мой образъ мыслей о каждомъ предметѣ по убѣжденію. Я вѣрю, что объ крайности, богатство и бѣдность, вредятъ священному призванію духовенства, и что отъ него именно должно почерпнуть благіе примѣры умѣренности.

Дядя принялъ меня радушно, въ разговорахъ подтвердилъ все сказанное Евреемъ, и сверхъ того показалъ мнѣ прокламаціи Наполеона, которыми онъ приглашалъ Поляковъ къ возстанію въ Прусской Польшѣ, утверждая, что Костюшко прибудеть вскорѣ для принятія начальства надъ польскимъ войскомъ. «Это ложь и обманъ», сказалъ мнѣ дядя: «я знаю Костюшку лучше, нежели Наполеонъ, и твердо убѣжденъ, что онъ никогда не приметъ на себя роли искателя приключеній (*aventurier*), и не нарушитъ честнаго слова, даннаго имъ Императору Павлу: не воевать противъ Россіи. Костюшко любитъ отечество, какъ каждый честный чело-вѣкъ долженъ любить мать свою; но онъ убѣжденъ, что общая мать наша, Польша, умерла, и что намъ остается только чтить память ея въ могилѣ. Это и мой образъ мыслей», примолвилъ дядя. «Я убѣжденъ», продолжалъ онъ, «что Наполеонъ вовсе не помышляетъ о возстановленіи древней Польши. Ему нужны солдаты, а не народы! Да хотя бы Наполеонъ и желалъ, то не въ состояніи этого исполнить, потому что для этого надобно уничтожить или довести до послѣдней крайности три первоклассныя державы въ Европѣ, Россію, Австрію и Пруссію, которыхъ невозможно побѣдить, когда онѣ будутъ дѣйствовать вмѣстѣ всѣми своими силами. Сверхъ того, выгоды Англій въ сопротивленіи могуществу Франціи и въ союзѣ съ Россіею. Счастіе Поляковъ въ сердцѣ Александра! Тамъ они должны искать его. Говорю тебѣ все это для того, чтобъ охранить отъ соблазна, отъ женскаго вербунка», примолвилъ онъ, улыбаясь. «Наши дамы и дѣвицы (*ranie* и *rapny*) помѣшались на патриотическиххъ мечтахъ, и молодому чело-вѣку весьма трудно покорить логикою ихъ поэзію!.....»

Сознаюсь, въ то время я несовершенно понималъ всю важность этихъ словъ моего дяди. Послѣдующія событія ожи-

вили въ моей памяти *первый* политическій разговоръ мой о Польшѣ и убѣдили въ справедливости мнѣнія дяди. Слова его были пророческія!...

Я пробылъ въ Россіенахъ трое сутокъ, и только однажды былъ въ обществѣ, на вечерѣ у богатаго помѣщика Прже...го. Дамы съ любопытствомъ смотрѣли на мой уланскій мундиръ, и явно провозглашали свои патріотическія чувства. Здѣсь я впервые услышалъ знаменитую пѣсню польскую, о возвращеніи изъ Италіи польскихъ легионовъ. Превосходно пѣла ее прелестная дѣвица... и многіе изъ присутствовавшихъ проливали слезы.

Въ тотъ же день переѣхалъ я въ монастырь, и помѣстился въ одной изъ квартиръ, всегда готовыхъ для значительныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ. Только однажды обѣдалъ я за общею трапезою. Столъ былъ превосходный и блюда такія огромныя, что можно было бы насытить вдвое болѣе людей съ хорошимъ аппетитомъ. Обыкновенно за столомъ пили одно пиво, а вино подавали только въ праздники; но въ этотъ день, хотя будній, подано было вино, ради гостя, племянника Пріорова. Сколько я могъ замѣтить, монахи были люди веселые и добродушные. Послѣ обѣда время посвящаемо было разговорамъ или шахматной игрѣ въ кельяхъ. Одинъ старій доминиканецъ вязалъ чулки съ утра до ночи, другой старикъ занимался дѣланіемъ бумажныхъ коробочекъ. Ученыхъ занятій я не замѣтилъ.

При прощаньи, дядя подарилъ мнѣ, на дорогу, сто червонныхъ и снабдилъ огромнымъ коробомъ, наполненнымъ съѣстными припасами и разнымъ лакомствомъ, не забывъ и венгерскаго вина, и далъ мнѣ монастырскую бричку, до Юрбурга. Онъ былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ главнокомандующимъ, генераломъ барономъ Беннигсеномъ *, еще со времени первой польской войны, и потому далъ мнѣ къ нему рекомендательное письмо. Я догналъ полкъ въ Юрбургѣ, гдѣ была дневка и гдѣ намъ розданы были боевые патроны и отданъ приказъ отпустить (техническое слово) сабли, наострить пики и осмотрѣть огнестрѣльное оружіе. На другой день мы перешли черезъ границу. Это было 9 Мар-

* Баронъ Беннигсенъ былъ женатъ на Польшкѣ Андрейковичевой. Фамилія наша издавна находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Андрейковичами, и даже теперь одинъ мой родственникъ женатъ на Андрейковичевой, изъ той же фамиліи.

та, слѣдовательно въ тридцать семь дней мы перешли около 750 верстъ.

Мы шли посѣвшиновъ главную квартиру, имѣя, однакожъ, ночлеги по селеніямъ, и къ половинѣ апрѣля прибыли въ окрестности Шипенбейля. Полкъ нашъ расположился на кантонирь-квартирахъ, и полковой штабъ былъ въ селеніи Гроссъ-Шванфельдъ.

Восточная Пруссія есть древняя Литва, покоренная орденомъ Меченосцевъ. Пруссаки до сихъ поръ называютъ Литвою (Litthau) часть страны прилегающую къ Россіи. По деревнямъ говорятъ языкомъ самогитскимъ или латышскимъ. Народъ, населяющій большую часть Лифляндіи, всю Курляндію (Латыши), Самогитію (Жмудины) и Восточную-Пруссію, происходитъ отъ одного литовскаго племени, и вездѣ сохраняетъ свои характеристическія черты. Латыши и Жмудины трудолюбивы, бережливы, способны къ высшему умственному развитію и мануфактурной промышленности, набожны и привержены къ своему племени. Во время древняго польскаго правленія не было въ Польшѣ провинціи богаче Самогитіи или Жмуди, и въ десять лѣтъ, по раздѣленіи Польши, то есть въ 1807 году, мы застали еще въ Самогитіи общее довольство. Тогда Жмудинамъ позволялось свободно, то есть съ письменнымъ позволеніемъ капитанъ-исправника, возить свои земныя произведенія въ Мемель и Тильзитъ, и они за ленъ и пшеницу получали хорошую плату, и въ близи запасались, за весьма дешевую цѣну, солью, желѣзомъ и грубыми мануфактурными издѣліями. Многие поселяне на Жмуди имѣли тогда по нѣскольку тысячъ талеровъ въ запасѣ, и всѣ вообще жили хорошо, при обиліи домашняго скота и хорошихъ лошадей отличной породы, въ родѣ нынѣшнихъ финляндскихъ. Когда границу заперли, источникъ ихъ богатства изсякъ. Въ Прусской Литвѣ поселяне были еще богаче, жили въ чистыхъ и просторныхъ домахъ и были вдсятеро болѣе просвѣщены, нежели ихъ соплеменники въ Курляндіи, Лифляндіи и Самогитіи. Даже въ это время, когда вся русская армія и остатки прусскаго войска сосредоточены были въ Восточной-Пруссіи, не было еще недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и фуражѣ. Только къ веснѣ, именно во время нашего прихода, оказался недостатокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расположена была кавалерія, и мы, стоя на кантонирь-квартирахъ въ дружеской странѣ, принуждены были фуражировать, то есть развѣзжать по

окрестностямъ, искать съѣстныхъ припасовъ и фуража и брать то и другое насильно, выдавая, однако жъ, квитанціи, по которымъ въ послѣдствіи обѣщана была уплата русскимъ правительствомъ *. Это была крайность; иначе невозможно было прокормить войско и содержать кавалерію, потому что хотя въ Кенигсбергѣ и были запасы, но доставка представляла большія затрудненія. Разумѣется, что фуражировка никогда не можетъ быть подчинена строгому порядку, что между отрядами фуражировъ, посылаемыхъ съ офицерами, шатаются всегда шайки мародеровъ, изъ деньщиковъ, фурлейтовъ и тому подобныя. Нѣкоторые молодые офицеры также не весьма хорошо понимали важность фуражировки въ дружеской землѣ, и вмѣсто правильныхъ квитанцій за забранные съѣстные припасы и фуражъ, давали бѣднымъ жителямъ, на память, русскіе стишки, пѣсни, или писали плохія шутки. Мнѣ самому случалось видѣть въ рукахъ шульцевъ (деревенскихъ старостъ) и даже помѣщиковъ, вмѣсто квитанцій, пѣсню: «*Чѣмъ тебя я огорчила*», или: «*Предъявитель сего долженъ получить 200 палочныхъ ударовъ*», и тому подобное. Эти глупыя и вредныя для жителей шутки были строго запрещены, однако жъ безпрестанно повторялись. Меня, хотя я не зналъ тогда по-нѣмецки въ половику противъ нынѣшняго, однако жъ могъ говорить, весьма часто посылали фуражировать, и въ одну изъ этихъ командировокъ, я свелъ знакомство, которое едва не имѣло рѣшительнаго вліянія на всю жизнь мою.

Въ тылу и по флангамъ арміи было мало поживы. Тутъ надлежало уже искать добычи по лѣсамъ или въ ямахъ. Однажды, я рѣшился пуститься за черту, далѣе которой намъ не приказано было ѣздить, по направленію къ Гутштадту, между Гейльсбергомъ и Бишофштейномъ, проѣхалъ верстъ тридцать, и подъ лѣсомъ увидѣлъ деревню. Лишь только мы показались на пригоркѣ, въ деревнѣ сдѣлалась суматоха. Часть жителей, особенно женщины и дѣти, бросились бѣжать въ лѣсъ. Я поскакалъ во всю конскую прыть въ деревню, съ уланомъ Соколовскимъ, знавшимъ по-нѣмецки, и мы стали кричать, изо всей силы: *Wir sind Freunde, wir sind Russen!* то есть, мы друзья, Русскіе. Но это, казалось, не успокоивало жителей. Нѣсколько стариковъ и хо-

* По окончаніи войны, въ Кенигсбергѣ учреждена была ликвидаціонная коммиссія, и по всѣмъ форменнымъ квитанціямъ уплачено наличными деньгами.

завѣтъ, изъ смѣлѣйшихъ, стояли тѣмъ же порядкомъ однимъ большимъ домомъ, и когда я прискакалъ къ нимъ, они сняли шляпы. Въ толпѣ находился шульцъ. Я сталъ увѣрять ихъ, что поселянамъ не будетъ нанесено ни малѣйшей обиды, что ничего не будетъ тронута безъ воли хозяина, что я требую только фуража, за который будетъ заплачено, что я свято исполняю волю и намѣреніе моего Государя, приславшаго насъ защищать Пруссію и тому подобное. Поселяне успокоились. Я слѣлъ съ лошадей, и вошелъ въ домъ шульца рука объ руку съ нимъ, стараясь всѣми мѣрами уснокоить и расположить его въ нашу пользу, и онъ послалъ въ лѣсъ, чтобы бѣжавшіе воротились оттуда. Между тѣмъ уланы мои прибыли въ деревню. Я спросилъ о непріятелѣ, и узналъ, что верстахъ въ двадцати, по дорогѣ въ Зеебургъ, была наканунѣ стычка французскихъ разбѣдовъ съ казаками; но поселяне не умѣли мнѣ сказать, чѣмъ это кончилось, и куда пошли казаки и Французы. Шульцъ примолвилъ, что въ деревнѣ приняли насъ за одну изъ этихъ партій. Юность моя и ласковое обхожденіе внушили поселянамъ полную ко мнѣ довѣренность, и они сознались, что не никакъ нашимъ приняли насъ за казаковъ, которыхъ они боялись гораздо больше, чѣмъ непріятелей своихъ, Французовъ... Они совершенно успокоились, когда я сказалъ, что мы не казаки, а уланы, полка Брата Русскаго Императора.

Вскорѣ я былъ окруженъ толпою женщинъ и дѣтей, которыя съ любопытствомъ разсматривали мой нарядъ и вооруженіе. Шульцъ совѣтовалъ мнѣ захватить на господскій дворъ, въ двухъ верстахъ отъ деревни, подъ самымъ лѣсомъ, и переговорить съ госпожею на счетъ моихъ требованій. Я послѣдовалъ этому совѣту и поручивъ моихъ уланъ (всего двадцать человѣкъ) исправному унтеръ-офицеру, отправился съ однимъ Соколовскимъ на господскій дворъ. Для предосторожности, я разставилъ ведеты, и велѣлъ одной половинѣ уланъ кормить лошадей и самимъ пообѣдать на улицѣ, а другой половинѣ, не отлучаясь, стоять во фронтѣ, при замуштученныхъ лошадяхъ. Не зная вовсе мѣстности и расположенія своихъ и непріятельскихъ войскъ, я долженъ былъ предполагать, что французскіе фуражиры также могутъ попасть сюда. Меня учили, что первое правило военнаго человѣка, отъ котораго опъ никогда не долженъ отступать, — осторожность. Храбрый и многочисленный отрядъ

можетъ быть разбитъ меньшимъ числомъ, въ печальномъ нападѣнїи.

Помѣщица приняла меня на крыльцѣ дома своего, и кажется весьма удивилась моей молодости. Хотя мнѣ было уже почти семнадцать лѣтъ, но по лицу я казался гораздо моложе. Въ краткихъ словахъ объяснилъ я помѣщицѣ причину моего посѣщенія, и просилъ снабдить овсомъ, сѣномъ, хлѣбомъ и мясомъ на цѣлый эскадронъ, увѣряя, что за все будетъ заплачено, по существующимъ цѣнамъ. Это была еще первая фуражировка въ этомъ помѣстьи, и потому не было ни въ чемъ недостатка. Помѣщица, однакожь, начала было отговариваться, но я объявилъ ей рѣшительно, что если изъ снисхожденія къ ея просьбѣ, не возьму ничего, то другіе возьмутъ вдвое, и притомъ насильно, безъ всякаго порядка, а съ моимъ свидѣтельствомъ она можетъ уже отговариваться передъ другими, что все взято. Послѣ переговоровъ съ шульцомъ, рѣшено было удовлетворить меня, но для этого надлежало прождать до другаго утра, пока мѣсть успѣли испечь хлѣбъ, свезти сѣно и приготовить подводы. Хотя я и такъ уже былъ цѣлые сутки въ отлучкѣ изъ эскадрона, однако жъ долженъ былъ согласиться. Между тѣмъ помѣщица велѣла подать завтракъ.

Она была вдова прусскаго маіора Даргица. На вопросъ мой, есть ли у нея дѣти, она улыбулась и сказала, шутя, что я издали показался имъ такъ страшень, что дѣти скрылись отъ меня въ лѣсу, какъ отъ волка, но что за ними уже послано. Едва успѣлъ я усѣсться за завтракъ, въ комнату вошли двѣ дѣвицы.... нѣтъ.... два воплощенные ангела! Это были дочери помѣщицы.... Я вскочилъ съ мѣста, какъ будто меня обдало кипяткомъ....—«Вотъ старшая моя дочь, Албертина, а вотъ младшая, Леопольдина!»—сказала хозяйка. Я поклонился и ничего не могъ сказать, а только смотрѣлъ на красавицъ....

Живы ли онѣ теперь, и вспомнили ли хоть разъ объ нашемъ знакомствѣ?... Много прошло времени съ тѣхъ поръ, и если онѣ живы, то теперь уже почтенныя старушки.... Старшая, съ темно-каштановыми волосами и голубыми глазами, съ яркимъ румянцемъ на лицѣ, была годомъ старше меня, а младшая, томная блондинка, годомъ моложе. Это были пышная роза и нѣжная лилія. Ничего не видалъ я прелестнѣе этихъ двухъ сестеръ! Мать пошла распоряжаться по моему дѣлу и оставила насъ однихъ. Старшая сестра, ви-

дя что въ замѣшательствѣ я забылъ о завтрагѣ, стала приглашать меня шутивнымъ тономъ, и продолжая разговоръ, наконецъ возбудила и во мнѣ смѣлость. Мы говорили по-французски. Послѣ завтрака, дѣвицы предложили мнѣ прогуляться съ ними въ саду. Постепенно становился я смѣльче и разговорчивѣе, и наконецъ вошелъ въ мой обыкновенный характеръ. Онѣ показали мнѣ свои цвѣты, свои любимыя деревья, свой птичникъ, свои любимыя мѣста въ саду, спрашивали меня о Россіи, о Петербургѣ — я расширялъ ихъ объ ихъ житѣ, занятяхъ, о книгахъ, которыя имъ болѣе нравятся — и чрезъ два часа, когда насъ поввали обѣдать, мы были такъ коротко знакомы, какъ будто прожили нѣсколькимѣ въ одномъ семействѣ. Мать удивилась, слыша, что мы за столомъ называемъ уже другъ друга по имени, шутимъ и хохочемъ вмѣстѣ, какъ старые знакомые. Особенно была весела и шутлива Албертина, но и томная Леопольдина оставила за обѣдомъ свою застѣнчивость. Вообще говорятъ, что Нѣмки слишкомъ манеры, застѣнчивы, неловки, принуждены въ обращеніи (steif), не разговорчивы. Все это относится къ среднему соеловію — но въ лучшемъ кругу весьма много женщинъ и даже дѣвицъ свободнаго обращенія. Госпожа Даргицъ воспитала дочерей своихъ во всей чистотѣ нравовъ сельской, патріархальной жизни, и была такъ счастлива, что въ гувернанткѣ, Француженкѣ, нашла и познанія и нравственныя качества. Дѣвицы, въ невинности чувствъ и понятій, слѣдовали простоудушно своимъ впечатлѣніямъ, и съ перваго знакомства стали обходиться со мною безъ всякой церемоніи, какъ съ роднымъ братомъ. Очевидно, что моя молодость, откровенность и веселый нравъ расположили ихъ къ такому обхожденію.

На другой день я отправился съ богатымъ транспортомъ въ эскадронъ, давъ госпожѣ Даргицъ формальную росписку въ полученномъ фуражѣ и провіантѣ, и для большей вѣрности обѣщавъ доставить росписку ротмистра. Разумѣется, что меня пригласили навѣщать домъ, а я, съ своей стороны, далъ слово пріѣхать при первой возможности. Около шести недѣль простояли мы на кантонирь-квартирахъ, въ окрестностяхъ Шипенбейля. Въ это время въ главной арміи не происходило никакихъ важныхъ дѣлъ, и только отдѣльные отряды сталкивались съ французскими нартіями. Атаманъ Платовъ леталъ вокругъ нашей арміи, съ своими казаками, тревожилъ повсюду непріятеля нечаянными нападѣніями, разбѣ-

валъ и забиралъ въ плѣтъ французскихъ фуражировъ, отбывалъ транспорты и тому подобное.

Каждую недѣлю ѣздилъ я къ госпожѣ Даргинцъ, только въ сопровожденіи одного моего ердиварца, и проводилъ въ этомъ домѣ по два, иногда и по три дня, а однажды, сказавшись больнымъ, прожилъ тамъ цѣлую недѣлю. Ротмистръ позволялъ мнѣ это. Нѣсколько разъ спасалъ я господскій домъ и деревню отъ фуражировъ и мародеровъ — и разъ дѣло дошло до обнаженія сабли. Я называлъ себя *залогою*.... Наконецъ, я сталъ въ домѣ, какъ родной. Госпожа Даргинцъ называла меня *сыномъ*, и старая гувернантка звала по имени (*monsieur Thadée*), точно такъ же, какъ и дѣвчцы, не прибавившія только *monsieur*. Въ свою очередь, я называлъ ихъ просто Албериной и Леопольдиной, а мать — *шапан*.

Это знакомство послужило въ послѣдствіи основою къ романтическому разсказу, подъ заглавіемъ: *Первая любовь*, напечатанному въ первой части, (стр. 25 — 80) моихъ сочиненій, несчастнаго изданія книгопродавца Лисенкова. Разумѣется, что этотъ разсказъ прикрашенъ вымысломъ и небывальщиной, какъ въ большей части романовъ и повѣстей. Въ немъ справедливо только то, что я здѣсь разсказываю, а именно, что я былъ влюбленъ въ обѣихъ сестеръ и никакъ не могъ предпочесть одну другой, ни въ сердцѣ моемъ, ни въ головѣ. Когда я былъ съ одною, мнѣ хотѣлось видѣть другую — а обѣ вмѣстѣ онѣ составляли какое-то совершенство, которое восхищало меня и привязывало къ нимъ всю душу. Многимъ покажется это страннымъ, но такъ было на дѣлѣ — и эти психологическіе случаи хотя рѣдки, но не невозможны. Если бъ я женился на одной изъ сестеръ, я былъ бы несчастливъ, потому что мнѣ не доставало бы другой половины ангельскаго существа.... Кажется, что и обѣ сестры расположены были ко мнѣ одинаково, то есть любилъ меня равно, братнею любовью.

Послѣ семейнаго счастья, нѣтъ выше блаженства, какъ дружба съ умною, любезною и прекрасною женщиною. Это настоящій рай души! Нѣтъ спора, что такая дружба не можетъ быть безъ примѣси любви, равно какъ и любовь не можетъ существовать безъ дружбы, но все же дружба и любовь различествуютъ между собою. Привязанность моя къ дочерямъ госпожи Даргинцъ было не то судорожное, безпокойное чувство, которое пожираетъ сердце, но тихое, братское влеченіе.... Быть можетъ, если бъ я долѣе пожилъ вмѣ-

стѣ съ ними и прѣѣхалъ къ нимъ изъ Россіи, на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я обѣщаль—то я бы и женился на одной изъ нихъ и вѣроятно, на томной, романической, чувствительной Леопольдинѣ. Но въ то время я одинаково любилъ обѣихъ сестеръ — и это счастливое, хотя и короткое время составляетъ одно изъ сладчайшихъ моихъ воспоминаній. Это были первые цвѣты въ моей жизни....

Въ полковой штабъ-квартирѣ Его Высочество устроилъ бивакъ, въ которомъ стояли двадцать четыре французскихъ дезертира, присланныхъ къ нему атаманомъ Платовымъ. Его Высочество раздѣлилъ этихъ Французовъ на два капральства, далъ имъ ружья, и приказалъ имъ исполнять службу, какъ во французскомъ лагерѣ, съ тою цѣлью, чтобъ узнать порядокъ французской службы. Кромѣ того, въ штабъ-квартирѣ находилось нѣсколько плѣнныхъ французскихъ кавалеристовъ, которые также должны были ѣздить верхомъ предъ Его Высочествомъ и дѣлать всѣ эволюціи. Этихъ плѣнныхъ и дезертировъ содержали какъ почетныхъ гостей. Вообще Русскіе обходились, въ то время, весьма хорошо съ французскими плѣнными, словно съ какими нибудь губернерами, и нашимъ солдатамъ строжайше было запрещено обижать плѣнныхъ. Только одни казаки поступали всегда по своему. Наши офицеры давали плѣннымъ деньги и одежду, дѣлились съ ними съѣстнымъ, и вообще не обнаруживали никакой неприязни. Нѣсколько разъ я слышалъ отъ французскихъ воиновъ, и тогда и послѣ, похвалы русской вѣжливости и человѣколюбію, и похвалы эти были заслуженныя. Отечественная война разрушила это согласіе....

Нѣсколько разъ собирался я проситься въ главную квартиру, въ Бартенштейнъ, чтобъ вручить письма главнокомандующему, генералу Бенпигсену, и дежурному генералу, Александру Борисовичу Фоку, старинному другу всего нашего семейства: но не могъ разстаться съ милыми моими сестрицами, какъ я называлъ двухъ дочерей госпожи Дарницъ, съ которыми проводилъ все время, свободное отъ дежурства или ученья. Наконецъ, пришлось намъ разстаться. Въ половинѣ мая мы выступили въ походъ.

Мать, дочери, гувернантка, даже слуги заплакали, когда

* Эти французскіе солдаты отославы были въ Стрѣльну, и по возвращеніи Его Высочества изъ похода, стояли бивакомъ въ стрѣльненскомъ саду. Многие изъ жителей Петербурга, особенно дамы, прѣѣзжали смотрѣть наполеоновскихъ солдатъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ по французской формѣ.

я только вымолвилъ, что прѣхалъ прощаться. День провели мы печально, и въ полночь я уѣхалъ въ эскадронъ, въ экипажъ госпожи Дарницъ. Въ шапку мою наложили разныхъ сувенировъ, въ коляску набросали цвѣтовъ. Всѣ провожали меня за ворота. Я прижалъ къ сердцу мать и милыхъ ея дочерей — и не могъ вымолвить слова отъ слезъ....

Тогда я имѣлъ твердое намѣреніе прѣхать къ нимъ мѣсяца на три, по окончаніи войны!...

Кровопрлитное преиспшъ-эйлауское сраженіе до такой степени ограничило предприимчивость Наполеона, что по сознанію самыхъ приближенныхъ къ нему людей, онъ даже не рѣшался продолжать наступательныя движенія. Что стало съ этою стремительностію въ нападеніяхъ, неутомимостію въ преслѣдованіи, которыми отличались всѣ прежнія кампаніи Наполеона? Почему, со времени преиспшъ-эйлаускаго сраженія, оставлялъ онъ въ покоѣ армию Беннигсена, на вентерь-квартирахъ, если почиталъ ее побѣжденною и разстроенною, какъ сказано было въ бюллетеняхъ? Зачѣмъ онъ медлилъ, чего ожидалъ? Вотъ вопросы, которые занимали тогда всю Европу. Данцигъ, послѣ трехмѣсячной правильной осады, сдался на капитуляцію Французамъ. Генералъ графъ Каменскій, посланный моремъ, съ двѣнадцатитысячнымъ корпусомъ, для спасенія Данцига, не взирая на храбрость Русскихъ, выдержавшихъ жестокія битвы, долженъ былъ возвратиться къ арміи. Опасались даже за Кенигсбергъ, который былъ слишкомъ отдаленъ отъ средоточія русскихъ силъ. Все благопріятствовало Наполеону. Съ первыхъ чиселъ апрѣля земля уже просохла и покрылась зеленью; погода была прекрасная; войско французское отдохнуло и усилилось: но Наполеонъ, къ удивленію всей Европы, оставался въ бездѣйствіи, въ главной своей квартирѣ Финкенштейнѣ, дѣлалъ парады своѣй гвардіи, подписывалъ декреты по внутреннему управленію Франціи, принималъ дипломатовъ и пословъ, въ томъ числѣ и персидскаго, и жилъ роскошно среди войскъ своихъ, какъ никогда прежде не живалъ. Финкенштейнъ называли Капудей! Однообразіе военной жизни раздѣляла съ Наполеономъ одна изъ первыхъ красавицъ высшаго варшавскаго общества, знаменитая госпожа Валевская. Покпнувъ своего стараго мужа, и презрѣвъ общее мнѣніе, она отдалась Наполеону, который не боялся даже явнаго соблазна! Она жила въ одиѣхъ съ нимъ комнатахъ, обѣдывала съ нимъ наединѣ, смотрѣла чрезъ жалюзи на парады гвардіи, выѣзжала

прогуливаться одна — и была счастлива своею любовью къ герою. Все это противорѣчило прежнему характеру Наполеона. Между тѣмъ, онъ предлагалъ миръ, и хотѣлъ составить конгрессъ. Сообщенія между русскою и французскою главными квартирами и между Вѣною были довольно часты: нѣсколько разъ въ русской арміи разносился слухъ о близкомъ заключеніи мира. Говорили, что ждутъ только прибытія Императора Александра. Государь прибылъ въ главную квартиру, въ Бартенштейнъ, 5 апрѣля, и переговоры возобновились, но вскорѣ были прекращены, потому что Императоръ Александръ никакъ не соглашался на отторженіе отъ Пруссіи не только областей, но даже городовъ, и требовалъ, чтобы французская армія очистила Германію. Наконецъ, видя, что Наполеонъ чего-то выжидаетъ, Императоръ Александръ рѣшился, во второй половинѣ мая, начать наступательныя военныя дѣйствія.

Иностранные военные писатели обвиняютъ Беннигсена въ томъ, что онъ началъ военныя дѣйствія весьма поздно, а именно послѣ паденія Данцига, когда двадцати-тысячный осадный корпусъ подкрѣпилъ главную французскую армію, когда польское войско получило окончательное устройство, множество отдѣльных партій пришли изъ Франціи, для укомплектованія полковъ, разстроенныхъ въ зимнюю кампанію. Утверждаютъ, что если Беннигсенъ не могъ начать военныхъ дѣйствій прежде паденія Данцига, то ему надлежало подождать, пока Англичане, Ганноверцы и Шведы, въ слѣдствіе конвенціи, сдѣлаютъ высадку въ Помераніи, и пока князь Лобановъ прибудетъ къ арміи съ тридцати-тысячнымъ корпусомъ. Не знаю причинъ ни медленности, ни поспѣшности Беннигсена, и не произношу своего сужденія. Должно, однако жъ, предполагать, что трудность въ продовольствіи также могла заставить Беннигсена открыть военныя дѣйствія. Много говорили о богатствѣ запасныхъ магазиновъ въ Кенигсбергѣ, но оттуда мало приходило транспортовъ въ армію, вѣроятно по недостатку подводъ. Какъ-бы то ни было, но 19 мая русская армія была уже въ движеніи для занятія военныхъ позицій.

Наполеонъ имѣлъ подъ рукою до 180,000 человекъ отличнаго войска. Русскихъ и Пруссаконъ было по спискамъ до 120 или до 130,000, но Беннигсенъ имѣлъ при себѣ не болѣе 80,000 человекъ.

Театръ войны, на которомъ долженствовали дѣйствовать

эти двѣ силы, заключалъ въ себѣ не болѣе ста квадратныхъ верстъ отъ Прейсшъ-Эйлау и за Гутштатъ, между рѣками Пассаргою и Алле. Это небольшое пространство покрыто множествомъ богатыхъ деревень и малыми городишками, каковы: Прейсшъ-Эйлау, Лаудсбергъ, Бартенштейнъ, Гейльсбергъ, Шиппенбейль, Бишофштейнъ, Гутштатъ и Фридландъ. Мѣстоположеніе повсюду довольно ровное, изобилующее лѣсами и въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ пересѣкаемое холмами и оврагами. Грунтъ почти вездѣ твердый и песчаный. Вообще мѣстность весьма удобная для войны, и представляющая множество хорошихъ позиціи.

Рѣка Пассарга прикрывала главную французскую квартиру и армію, которой фронтъ растянуть былъ почти на сто верстъ. Въ первой линіи стояли корпуса маршаловъ Даву, Сульта, Бернадота и Нея, составлявшіе около 80,000 человекъ. Корпусъ Нея слишкомъ выдался впередъ за Пассаргой и стоялъ близъ Гутштата: Беннигсенъ вознамѣрился разбить Нея быстрымъ нападеніемъ, отрѣзать его, перейти Пассаргу и ударить на другіе французскіе корпуса, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться. Въ главномъ войскѣ, которое велъ самъ Беннигсенъ противъ Нея, было до 40,000 человекъ. Авангардомъ командовалъ князь Багратионъ. Гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ Его Высочества Цесаревича, составлялъ резервъ, и шелъ за главною арміею Беннигсена. Корпуса генерала Дохтурова, князя Горчакова и генераль-лейтенанта Платова, съ донскими казаками и отрядомъ генераль-маіора Кноринга, составляли главную армію (*le gros de l'armée*), и шли по близости другъ друга, къ общему пункту, по направленію къ Гутштату.

21 мая главная квартира была въ Гейльсбергѣ, и я отпра­сился у полковника Чаликова съ биваковъ въ городъ, для врученія писемъ главнокомандующему и дежурному генералу. Полковникъ Чаликовъ, посмотрѣвъ на адреса, воскликнулъ: «фонтеры-понтеры! Поѣзжай, братецъ, поѣзжай, и вмѣсто протекціи, привези намъ изъ главной квартиры хлѣба и водки!»—Я взялъ съ собою улана, и въ девять часовъ утра былъ въ Гейльсбергѣ.

Главная квартира, хотя бы въ ней и не было царственнаго лица, есть всегда въ арміи то же самое, что дворъ въ государствѣ. Изъ главной квартиры истекаютъ всѣ милости и награды, слѣдовательно туда стремятся всѣ желанія и туда стекаются всѣ искатели счастья. Маленькій Гейльсбергъ,

когда я прибылъ въ него, кипѣлъ жизнью и многолюдствомъ. Чрезъ городъ, по главной улицѣ тянулось войско, а въ городѣ оставалось множество офицеровъ разнаго оружія, чтобъ пообѣдать или запастись съѣстнымъ. Почти всѣ дома были заняты постоемъ, правильнымъ или неправильнымъ. Для лицъ, принадлежащихъ къ штабу, квартиры отведены были магистратомъ, и на этихъ квартирахъ хозяева кормили постояльцевъ; но всѣ прїѣзжающіе въ городъ останавливались произвольно въ домахъ, не требуя ничего кромѣ помѣщенія, и жители рѣдко сопротивлялись. Всѣ жители торговали, чѣмъ кто могъ. На всѣхъ улицахъ продавали хлѣбное вино, хлѣбъ и разное съѣстное; въ двухъ или трехъ трактирахъ была такая тѣснота отъ русскихъ и прусскихъ офицеровъ, что съ трудомъ можно было втиснуться въ комнату. Шумъ былъ вездѣ оглушительный. Въ трактирахъ и во многихъ домахъ играли въ банкъ. Кучи червонцевъ переходили мгновенно изъ рукъ въ руки. Въ этой битвѣ на зеленомъ полѣ отличались болѣе другихъ провіантскіе комиссіонеры, которымъ вручены были огромныя денежныя суммы, для продовольствія войска. Злоупотребленія по этой части были тогда ужасныя! Войско продовольствовалось, какъ могло, на счетъ жителей, и мы ни разу не видали казеннаго фуража, а между тѣмъ миллионы издерживались казною! Въ послѣдствіи, множество комиссіонеровъ отдано было подъ судъ, многіе изъ нихъ разжалованы, и весь провіантскій штатъ лишился военнаго мундира, въ наказаніе за злоупотребленія. Но въ то время господа комиссіонеры, находившіеся при арміи, не предвидѣли грозы, жили роскошно, разѣзжали въ богатыхъ экипажахъ, возили за собою любовницъ, проигрывали десятки и сотни тысячъ рублей, и мотали на-пропалую. Я зналъ одного изъ этихъ комиссіонеровъ, который ставилъ по тысячѣ червонцевъ на карту, дарилъ красавицамъ по сту червонцевъ, не пилъ ничего кромѣ шампанскаго, и не носилъ другаго бѣлья, кромѣ батистоваго—и кончилъ жизнь въ нищетѣ, подъ судомъ, на гауптвахтѣ, въ Петербургѣ, выпрашивая у насъ, ради Христа, по пяти рублей ассигнаціями! А такихъ примѣровъ было много. Вино лилось рѣкою въ трактирахъ. Не постигаю, откуда купцы бѣдныхъ городишковъ доставали шампанское, которое русскіе офицеры пили какъ воду. Въ слѣдствіе карточной игры и частыхъ пооекъ происходили дуэли, а ино-

гда просто драки съ шулерами, для которыхъ здѣсь была богатая жатва.

Съ прусскими офицерами, хотя они были наши союзники, русскіе офицеры жили не въ ладахъ, когда, напротивъ, Французовъ, какъ я сказалъ выше, честили и угощали, гдѣ только встрѣчались съ ними. Прусскіе офицеры никакъ не хотѣли предоставить намъ первенства, вели себя гордо и даже надменно, немножко прихвастывали, а притомъ, по нѣмецкой экономіи, пили пиво, когда у насъ струилось шампанское, и ставили на карту по гудьдену, когда мы сыпали груды золота. Это служило нашимъ офицерамъ предлогомъ къ насмѣшкамъ, за которыми слѣдовали ссоры и дуэли. Чаше другихъ ссорились и дрались съ Пруссаками русскіе гусарскіе офицеры, за то, что Пруссаки, вѣрные преданіямъ Семилѣтней Войны, почитали свою конницу первою въ мірѣ. Гдѣ только гусары наши сходились съ прусскими кавалерійскими офицерами—кончалось непременно дуэлью. Въ арміи носилось множество на этотъ счетъ анекдотовъ. Расскажу одинъ, за достовѣрность котораго не ручаюсь, но которому мы тогда вѣрили.

Русскій гусарскій офицеръ поссорился съ прусскимъ, за картами. Дошло до вызова. Прусскій офицеръ былъ отличный стрѣлокъ, былъ ласточекъ на лету, и не хотѣлъ иначе драться, какъ на пистолетахъ. «И такъ ты непременно хочешь убить меня!» сказалъ русскій офицеръ.—«Однимъ дерзкимъ будетъ меньше на свѣтѣ,» хладнокровно отвѣчалъ Пруссакъ.—«Быть такъ», возразилъ русскій офицеръ: «я плохой стрѣлокъ—но мечи банкъ, а я поставлю жизнь на карту.... Если ты убьешь карту—можешь убить меня, какъ медвѣдя, а если карта выиграетъ—я убью тебя.»—Прусскій офицеръ сперва не соглашался, но товарищи его, думая, что это шутка, уговорили его принять предложеніе русскаго. Прусскій офицеръ началъ метать и—далъ карту. Всѣ думали, что тѣмъ дѣло и кончится, но русскій сказалъ хладнокровно: «пойдемъ же въ садъ—и раздѣлаемся!» Множество офицеровъ обѣихъ армій слѣдовали толпою за прусскимъ офицеромъ, который шелъ, улыбаясь, и остановился въ большой аллеѣ. Явился русскій офицеръ съ охотничьимъ ружьемъ, взятымъ у хозяина.—«У меня нѣтъ съ собою пистолетовъ, но убить можно и этимъ», примолвилъ онъ.—«Становись, въ тридцати шагахъ!»—Пруссакъ и всѣ окружающіе его все еще думали, что это только шутка, и прусскій офи-

дерь, проигравшій жизнь, сталъ на позицію. Русскій прицѣлился, спустилъ курокъ, и Пруссакъ упалъ мертвый. Пуля попала въ самое сердце. Присутствующіе невольно вздрогнули отъ ужаса, и не знали что дѣлать....—«Я не шучу жизнью»—сказалъ русскій офицеръ:—«Еслибъ я проигралъ жизнь, то не принялъ бы ея въ подаяніе, и заставилъ бы его убить меня....» Жалобы не было, и, какъ говорятъ Нѣмцы: wo kein Kläger ist, da ist kein Richter, то есть, гдѣ нѣтъ жалующагося, тамъ нѣтъ и судіи. Дѣло кажется невѣроятное, но кто зналъ графа Подгоричанина (родомъ Сербъ, убитаго подъ Ригой, въ 1812 году), тотъ повѣритъ этому. Въ послѣдствіи спрашивалъ я его, правда ли это?—«Не помню, братецъ», отвѣчалъ онъ: «мало ли что случается въ жизни!» Сказавъ это, онъ покрутилъ усы, отвернулся и запѣлъ любимую свою пѣсню: «Ахъ, скучно мнѣ, на чужой сторонѣ!» Я не продолжалъ разспросовъ....

Дежурнаго генерала Александра Борисовича Фока я не засталъ дома, и отправился въ квартиру главнокомандующаго. Передняя зала наполнена была адъютантами, ординарцами и свитскими * офицерами изъ разныхъ отрядовъ. Я попросилъ дежурнаго адъютанта доложить обо мнѣ главнокомандующему, сказавъ, что имѣю къ нему письмо. — «По службѣ или частное?» спросилъ меня адъютантъ. — «Частное», отвѣчалъ я. — «Такъ подождите», сказалъ онъ, посмотрѣвъ на меня проницательно, думая вѣрно, что я ищу мѣста при главнокомандующемъ. Я прождалъ часъ. Многіе, между тѣмъ, входили и выходили изъ кабинета, но адъютантъ обо мнѣ не докладывалъ. Я сошелъ съ лѣстницы, и отыскавъ камердинера, попросилъ его отнести письмо къ главнокомандующему, сказавъ, отъ кого оно. По счастью, камердинеръ, родомъ изъ Литвы, зналъ также моего дядю и взялся доставить письмо немедленно. Я возвратился въ залу. Черезъ нѣсколько минутъ, другой адъютантъ, работавшій въ кабинетѣ главнокомандующаго, высунулъ голову въ дверь и громко позвалъ меня. Съ улыбкою взглянулъ я на дежурнаго адъютанта, и пошелъ въ кабинетъ....

Два адъютанта писали, или, правильнѣе, переписывали какія-то бумаги за большимъ столомъ, а Беннингсенъ сидѣлъ подъ открытымъ окномъ. — «Очень радъ, что вижу племян-

* Вышшіе офицеры генеральнаго штаба Его Императорскаго Величества назывались тогда *свитскими*. Генеральный штабъ назывался святою Его Императорскаго Величества.

ника моего стараго пріятеля!» сказалъ мнѣ Беннигсенъ. Я поклонился. — «Это, безъ сомнѣнія, первая ваша кампанія?» — Точно такъ, Ваше Высокопревосходительство. — «Вы еще не были въ дѣлѣ?» — Не былъ. — «Скоро будете — всѣмъ будетъ довольно работы!» примолвилъ онъ. — «Приходите ко мнѣ сегодня, въ два часа, обѣдать» — сказалъ Беннигсенъ. Я снова поклонился и вышелъ. Тѣмъ кончилась моя аудіенція.

Я снова отправился къ А. Б. Фоку, и встрѣтилъ его у самаго крыльца. Онъ обнялъ меня, и поцѣловалъ, какъ стараго знакома, ввелъ въ свои комнаты, сталъ спрашивать о своихъ домашнихъ, которыхъ не видалъ около девяти мѣсяцевъ, о моихъ родныхъ, и наконецъ сказалъ: «Ни главнокомандующій, ни я, мы не можемъ ничего для тебя сдѣлать. Если бъ ты былъ въ другомъ полку, а особенно если бъ былъ въ арміи, мы взяли бы тебя въ главную квартиру или въ адъютанты, или хотя въ безсмѣнные ординарцы. Но Его Высочество объявилъ намъ, что Онъ ни за что не согласится дать фронтоваго офицера изъ вашего и изъ конно-гвардейскаго полка въ адъютанты или какую-нибудь командировку, и что его офицеры должны служить при немъ, въ полку. Мы не смѣемъ распорядиться противу Его воли. А если въ чемъ другомъ могу быть тебѣ полезнымъ — радъ стараться!» — Узнавъ, что я вручилъ письмо главнокомандующему и приглашенъ имъ къ обѣду, Фокъ сказалъ: «И я буду у него обѣдать.... Знакомство съ главнокомандующимъ хорошее дѣло для корнета!.... Прощай.... я такъ занятъ, что мнѣ каждая минута дорога. Завтра мы выступаемъ отсюда....» — Признаюсь, я надѣялся попасть въ главную квартиру — но слова Фока разочаровали меня.

Въ назначенный часъ, я снова явился въ пріемной у главнокомандующаго. На этотъ разъ дежурный адъютантъ былъ очень вѣжливъ со мною, предложилъ мнѣ сѣсть съ нимъ рядомъ у окна, и сталъ выпытывать меня, довольно впрочемъ неискусно, отъ кого я доставилъ письмо главнокомандующему, не желаю ли состоять при его особѣ и тому подобное. Чтобъ отплатить за прежнюю его необязательность, я съ намѣреніемъ, отвѣчалъ загадочно. Наконецъ Беннигсенъ вышелъ изъ кабинета вмѣстѣ съ княземъ Багратиономъ, за ними слѣдовали А. Б. Фокъ и нѣсколько генераловъ. Беннигсенъ окинувъ взоромъ все собраніе въ пріемной залѣ, сказалъ: «Здравствуйте господа,» поздоровался отдѣльно съ нѣкото-

рыни полковниками и офицерами, и между прочим удостоить меня этой чести. Мы пошли за нимъ въ столовую.

Дежурный адъютантъ не отставалъ отъ меня и посадилъ меня возлѣ себя. Я почти не слушалъ, что онъ шепталъ мнѣ на ухо, обращая все мое вниманіе на два лица, которые приобрѣли уже европейскую славу — на Беннигсена и на любимица Суворова, князя Багратіона. Князь былъ въ любимомъ своемъ мундирѣ гвардейскаго егерскаго полка. Лице его было совершенно азійское. Длинный орлиный носъ придавалъ ему мужественный видъ; длинные, черные волосы его были въ беспорядкѣ; взглядъ его былъ точно орлиный. Разговаривали о довольно важномъ предметѣ, а именно, въ какой степени латы и пики полезны для конницы. Князь Багратіонъ былъ того мнѣнія, что латы полезны преимущественно тѣмъ, что производятъ сильное впечатлѣніе въ атакуемыхъ и порождаютъ въ латникѣ болѣе смѣлости, въ надеждѣ на защиту отъ пуль. «Но я приучилъ моихъ егерей и казаковъ не бояться этихъ *жельзныхъ горшковъ*», сказалъ князь Багратіонъ. — «Хорошей, стойкой пѣхотѣ, какъ наша», примолвилъ онъ, «не страшна никакая кавалерія. Что же касается до пики, то надобно умѣть чрезвычайно ловко владѣть ею, чтобъ она была полезна; въ противномъ случаѣ, она только спутаетъ кавалериста. Для нашихъ казаковъ нѣтъ другаго оружія, кромѣ пики, потому что это лучшее оружіе въ погонѣ за непріателемъ. Но въ свалкѣ, какъ обыкновенно дѣйствуетъ кавалерія, сабля или палашъ лучше.» — Полковникъ Кноррингъ, съ длинными рыжими усами (конно-татарскаго полка, одѣтаго или вооруженнаго по-улански), доказывалъ пользу пикъ для легкой кавалеріи. «Ваши Татары почти тѣ же казаки» — сказалъ князь Багратіонъ. — «Но все же для полезнаго дѣйствія пикою надобно быть одѣтымъ, какъ можно легче и удобнѣе, безъ затяжки и натяжки, одѣтымъ, какъ наши безцеремонные казаки.» — Во время этого разговора, тогда очень важнаго для меня, потому что говорено было о преимуществѣ кавалерійскаго оружія, я безпрестанно смотрѣлъ на Беннигсена, къ которому князь Багратіонъ часто обращался въ разговорѣ — но Беннигсенъ молчалъ. Разговоръ перешелъ къ вооруженію французской кавалеріи, къ ихъ коннымъ егерямъ, потомъ къ пѣхотѣ, къ знаменитымъ французскимъ стрѣлкамъ — Беннигсенъ все молчалъ. Но когда разговоръ склонился къ

* Собственныя слова князя Багратіона.

характеру и общимъ качествамъ французскаго войска, Беннигсенъ сказалъ: «Французское войско, какъ ракета — если съ перваго разу не зажжетъ, то лопнетъ сама въ воздухъ.» — Князь Багратионъ примолвилъ: «Я люблю страстно драться съ Французами: молодцы! Даромъ не уступать — а побьешь ихъ, такъ есть чему и порадоваться. Какъ свѣтъ стоитъ, никто такъ не дрался, какъ дрались Русскіе и Французы подь Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау!...»

Обѣдъ кончился. Беннигсенъ сѣлъ подь окномъ, рядомъ съ княземъ Багратиономъ, и послѣ кофе поклонился всѣмъ и ушелъ въ свой кабинетъ. Проходя мимо меня, онъ кивнулъ головою, какъ будто въ знакъ того, что помнитъ меня. Всѣ разошлись, и я поспѣшилъ на квартиру, къ знакомому комиссіонеру, гдѣ была моя лошадь. Запасшись различною провизіей, я отправился въ полкъ, узнавъ въ канцеляріи дежурнаго генерала, по которому направленію надлежало мнѣ слѣдовать.

Этимъ обѣдомъ кончились всѣ мои надежды на покровительство главнокомандующаго и дежурнаго генерала! Не будь я въ уланскомъ Его Высочества полку, я непременно былъ бы взятъ въ главную квартиру, какъ увѣрялъ меня въ послѣдствіи А. Б. Фокъ, и имѣлъ бы случай къ отличію.... Вѣроятно, вся служба моя, а съ тѣмъ вмѣстѣ, можетъ быть, и вся жизнь моя приняла бы другое направленіе....

Я догналъ полкъ на второмъ переходѣ отъ Гейльсберга. Вечеромъ мы слышали вдали, вправо отъ насъ, сильную канонаду. На другой день, часу въ седьмомъ вечера, мы остановились на бивакахъ, оставленныхъ на канунѣ Французами, послѣ жаркаго авангарднаго дѣла. Вѣрно, Французы долго здѣсь простояли. Это былъ лагерь, составленный изъ маленькихъ, красивыхъ, досчатыхъ домиковъ, въ двѣ линіи, съ дверьми и окнами. Въ нѣкоторыхъ домикахъ были камины. Этотъ лагерь былъ гораздо красивѣе литовскихъ и эстонскихъ деревень. Мы расположились на кавалерійскомъ бивакѣ. Немедленно высланы были фуражиры, а между тѣмъ мы устанавливали лошадей въ коновязи. Вдругъ раздался крикъ: *Французъ! Французъ!* Изъ одного домика вылѣзъ человекъ — безъ лица!! Картечью или обломкомъ гранаты ему сорвало все лицо, то есть обѣ щеки, носъ, челюсти, языкъ, глаза и подбородокъ, и видѣнъ былъ одинъ язычекъ въ горлѣ, на которомъ присохла запекшаяся кровь. Зрѣлище ужасное и отвратительное!

Изувѣченный показывалъ знаками, что его мучитъ жажда. Видъ этого несчастнаго произвелъ на меня болѣзненное впечатлѣніе, и я содрогнулся при мысли, что, быть можетъ, и меня ожидаетъ завтра такая же участь. Уланы наши окатили страдальца холодною водою, а онъ легъ на землю, продолжая просить знаками — налить ему въ горло воды, что и было исполнено. — Нашъ полковой штабъ-лекаръ, Малиновскій, объявилъ, что нѣтъ средствъ перевязать раны этого человѣка, и что для него величайшее благодѣяніе: скорая смерть. Полковникъ Чаликовъ, по совѣту штабъ-лекаря, приказалъ пристрѣлить несчастнаго — но ни одинъ изъ нашихъ улановъ не согласился на это добровольно. Взялся за дѣло коновалъ нашъ, старикъ Тортусъ, родомъ Шведъ, выпросивъ напередъ стаканъ водки, любимаго своего напитку! Изувѣченнаго Француза отвели съ полверсты отъ нашего бивака, въ рошу, и однимъ выстрѣломъ избавили отъ мучительной жизни.

Всю ночь снился мнѣ этотъ несчастный Французъ, который и теперь еще представляется моему воображенію. Это первое зрѣлище бѣдствій войны, хотя не погасило во мнѣ страсти къ военной службѣ, но убѣдило, что война не игрушка, какъ я мечталъ, утѣшаясь биваками, шумомъ и безопасностью военной жизни. Смерть дѣло одной минуты — и сегодня или завтра — все равно! Но увѣче, долговременное страданье, — вотъ что ужасно! Какъ не уважать война, который охотно идетъ на смерть и на увѣче для славы, чести и пользы общей! Пораздумайте объ этомъ, госпо-

* Этотъ Тортусъ, отличный коновалъ и горькій пьяница, былъ тогда лѣтъ шестидесяти, и игралъ въ полку роль Діогена, говоря правду въ лице всѣмъ, даже Его Высочеству, своимъ ломанымъ русскимъ языкомъ, и называя всѣхъ мы. Тортусъ любилъ говорить афоризмами, а иногда и въ рѣчу. Его Высочество забавлялся шутками Тортуса. Когда ему показывали большую лошадь, которую онъ почиталъ неизлечимою — онъ махнувъ рукою, говорилъ: «собакачъ мясо!» и уходилъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Однажды Его Высочество прѣхавъ къ намъ на бивакъ, спросилъ Тортуса: «хорошо ли ему при полку?» — Голодный Тортусъ, нахнувъ рукою, отвѣчалъ: «Въ твоемъ полку (произносилъ съ удареніемъ на букву о) — нѣтъ толку!» — Въ другой разъ Его Высочество похвалилъ Тортуса за отличную операцію надъ хромою лошадью — «Поменьше хвали, а получше коря!» отвѣчалъ Тортусъ, и Цесаревичъ велѣлъ его накормить до сыта и напоить до пьяна, въ своей квартирѣ. Когда Его Высочество пострадалъ однажды Тортуса палками, онъ отвѣчалъ: «Будешь бить кововала палками, такъ станешь ѣздить на палочкѣ.» Его Высочество никогда не сердился на оригинальнаго старика. Черта замѣчательная!

да ичливые ландъ-конкеры и еписывые бароны, и не гордитесь передъ русскимъ воиномъ, защищающимъ ваши картофельныя поля! Вънутри Россіи воинъ въ уваженіи.....

Предоставляю веселымъ писателямъ рассказывать въ подробности о всѣхъ движеніяхъ и сраженіяхъ нашей арміи на пути отъ Гейльсберга къ Пассаргѣ. Это не мое дѣло. Я описываю что видѣлъ и только объясняю событія не послѣдствіямъ.

Войско наше шло впередъ бодро и весело. Уже нѣсколько разъ мы слышали впереди канонаду, и досадовали, что насъ не пускаютъ въ дѣло. Подъ Гутштатомъ завязалось жаркое сраженіе, и двѣ дивизіи маршала Нея, прикрывавшія ретирату, были разбиты и лишились нѣсколькихъ пушекъ. Однако жъ Ней успѣлъ примкнуть къ Пассаргѣ, устроилъ на берегу батареи, и на лѣвомъ флангѣ укрѣпилъ засѣлками, прикрывавшіи его переправу. Противу этого лѣса, составлявшаго ключъ французской позиціи, дѣйствовалъ корпусъ генерала Дохтурова. Французы мужественно защищали лѣсъ, и батареи ихъ далеко очищали долину, не взирая на сильный огонь нашей артиллеріи. Генераль Дохтуровъ потребовалъ помощи, послѣ полудня, 25 мая, изъ резерва, состоявшаго подъ начальствомъ Его Высочества Цесаревича, который выслалъ немедленно генераль-маіора Хитрова, съ лейбъ-егерскимъ полкомъ, однимъ баталіономъ семеновскаго, четырьмя орудіями лейбъ-гвардіи конной артиллеріи и однимъ баталіономъ нашего полка. Часу въ четвертомъ по полудни прибыли мы на поле сраженія. Съ нашей стороны, то есть отъ Гутштадта, были возвышенія, склоняющіяся къ Пассаргѣ — и сраженіе происходило передъ нашими глазами, какъ на ладони. Картина была необыкновенная! Прямо передъ нами гремѣли орудія съ русскихъ и французскихъ батарей, а вправо отъ насъ происходила, подъ лѣсомъ, сильная перестрѣлка, сливавшаяся въ одинъ непрерывный гулъ. Засѣлки подъ лѣсомъ составляли родъ крѣпости. Генераль Дохтуровъ приказалъ гвардейскимъ егерямъ атаковать немедленно лѣсъ. Тутъ впервые увидѣлъ я геройство русскаго солдата, предводимаго храбрыми начальниками. Полкъ, построившись въ двѣ батальонныя колонны, двинулся съ мѣста, также стройно, какъ на ученьи. Одною колонною командовалъ полковникъ Сень-При (Sainte-Priest), а другою полковникъ Потемкинъ *. Приближаясь къ лѣсу, колонны раздѣлились,

*) Въ послѣдствіи генераль-адъютантъ.

и высклали впередъ стрѣлковъ, продолжая быстрее свое наступленіе. По условленному сигналу, оба баталіона крикнули разомъ ура, и бросились стремглавъ въ штыки: баталіонъ Потемкина прямо на засѣки, а баталіонъ Сенъ-При во флангъ непріятеля. — Французы дали залпъ, но это не удержало храбрыхъ нашихъ егерей: они полѣзли на засѣки, очищая себѣ путь штыками. Въ одно мгновеніе перестрѣлка прекратилась, и изъ лѣса раздались страшные вопли. Потомъ снова послышались ружейные выстрѣлы. Французы не устояли и бѣжали изъ лѣса. Егеря преслѣдовали ихъ, не выирая на картечный огонь, по ту сторону лѣса, и прогнали изъ селенія Ломитена. — Подоспѣвшіе на помощь къ нашимъ егерямъ, казаки и баталіонъ екатеринославскаго гренадерскаго полка довершили пораженіе Французовъ на этомъ пунктѣ; но прибывшее къ Французамъ подкрѣпленіе принудило нашихъ остановиться по сю сторону селенія.

Въ донесеніи главнокомандующаго Государю Императору, съ поля сраженія, на берегахъ Пассарги, 25 мая сказано: «Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ дѣйствовалъ столь отлично, что обратилъ на себя удивленіе всей арміи.» — И точно, всѣ видѣвшіе этотъ подвигъ лейбъ-егерей были удивлены! Ни на одномъ маневрѣ не было произведено такого ловкаго и стройнаго движенія, какъ штурмъ засѣкъ и изгнаніе Французовъ изъ лѣса, при Пассаргѣ, гвардейскими егерями. Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ былъ тогда чудный полкъ, рѣшительно первый полкъ въ русскомъ войскѣ!

Я уже сказалъ (Часть II, стр. 141) что нашъ полкъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ лейбъ-егерями. Мы болѣе всѣхъ радовались блистательной славѣ, приобретенной лейбъ-егерями въ первомъ сраженіи, и вмѣстѣ съ ними оплакивали смерть двухъ отличныхъ офицеровъ, капитана Вульфа и поручика Огонь-Догоновскаго. Два брата графы Сенъ-При (полковникъ и подпоручикъ) были ранены.

Въ этомъ движеніи нашей арміи отъ Гейльсберга къ Пассаргѣ, другой блистательный подвигъ также обратилъ на себя удивленіе своей и непріятельской арміи. Говоря о восшествіи на престолъ Императора Александра Павловича, я упоминалъ о графѣ Павлѣ Александровичѣ Строгановѣ (единственномъ сынѣ графа Александра Сергѣевича), любимцѣ Государевомъ. Графъ Павелъ Александровичъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ, честнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей, какіе когда-либо существовали при дворахъ. Ангелъ

душею, съ умомъ свѣтлымъ и глубокимъ, съ высокими обра- зованіемъ, графъ Павелъ Александровичъ любилъ Россію выше всего въ мірѣ, и обожалъ Государя, въ которомъ чтилъ и высокія дарованія и пламенное желаніе къ просвѣщенію и возвеличенію отечества. Отецъ не желалъ, чтобъ единствен- ный сынъ его, надежда доблестнаго рода, служилъ въ воен- ной службѣ — и графъ Павелъ Александровичъ находился въ арміи, при особѣ Императора, въ гражданскомъ чинѣ тай- наго совѣтника, по дипломатической части. Но стремясь до казать Государю, что не жалѣетъ жизни для пользы и славы Его, онъ выпросилъ у атамана донскаго войска Матвѣя Ива- новича Платова его атаманскій полкъ, переправился съ нимъ вплавь, черезъ рѣку Алле, напалъ въ распахъ на Францу- зовъ, положилъ на мѣстѣ до тысячи человекъ, и взялъ въ плѣнъ четырехъ штабъ-офицеровъ, двадцать одного оберъ- офицера и 360 человекъ рядовыхъ. Этотъ отважный подвигъ снискалъ графу П. А. Строганову общія похвалы и рѣшилъ его участь. Отецъ позволилъ ему перейти въ военную службу, и онъ, въ войнѣ 1812, 1813 и 1814 годовъ, въ званіи гене- раль-адъютанта, пріобрѣлъ репутацію отличнаго генерала и неустрашимаго воина. Единственный сынъ его, въ юноше- скихъ лѣтахъ, убитъ въ сраженіи, во Франціи, въ 1814 го- ду — и это сократило жизнь благороднаго графа Павла Але- ксандровича.... Онъ сталъ чахнуть и скончался въ 1817 го- ду. Знаменитый родъ графовъ Строгановыхъ прекратился, и графское достоинство перешло въ родственную линію баро- новъ Строгановыхъ. Если когда нибудь будетъ написана пол- ная исторія Императора Александра, достойная вѣка и дѣлъ Его, то графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, конеч- но, займетъ въ ней блистательное мѣсто. Императоръ Але- ксандръ называлъ его другомъ своимъ — и этотъ другъ все- гда говорилъ Ему правду, и всегда заступался за безвинно угнетаемыхъ или оскорбленныхъ злоупотребителями власти, олицетворяя собою идеалъ вельможи Державина (въ изобра- женіи Фелицы):

«Вашъ долгъ Монарху, Богу, Царству,
Служить и клятвой не играть;
Неправдѣ, злобѣ, вѣдѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать!»

Такъ поступалъ всю жизнь свою истинный вельможа, графъ П. А. Строгановъ, и память его останется навсегда священ- ною и незабвенною.

Русскіе дрались на всѣхъ пункткахъ съ величайшею храбростью, но послѣдствія не соответствовали ожиданіямъ Беннигсена. Корпусъ Нея не былъ отрѣзанъ и успѣлъ перейти за рѣку Пассаргу, а корпуса Сульта и Бернадота удержали генерала Дохтурова, при Ломитенѣ, и Пруссаковъ, при мостѣ Шпанденъ, отъ переправы чрезъ Пассаргу. Только донскіе казаки и знаменитый въ послѣдствіи Кульневъ (бывшій тогда подполковникомъ гродненскаго гусарскаго полка) успѣли побывать за рѣкою. Атаманскаго полка майоръ Балабинъ 2-й переплылъ черезъ рѣку съ 200 казаковъ, въ двухъ мѣсяхъ въ тылъ Французовъ, напалъ на шедшій къ арміи транспортъ съ боевыми снарядами, избилъ прикрытіе, взялъ двухъ человѣкъ въ плѣнъ, для засвидѣтельствованія о своемъ подвигѣ, и взорвалъ на воздухъ сорокъ фуръ, съ порохомъ и гранатами, посредствомъ пороховой тропинки, проведенной на такое разстояніе, чтобъ лопающіяся гранаты не могли вредить его командѣ. Это произвело ужасную тревогу во французскомъ войскѣ. Бѣольшая часть кавалеріи поскакала, опрометью, на этотъ трескъ, и прибывъ на мѣсто, нашли только обломки фуръ и тѣла убитыхъ. Подполковникъ Иловайскій 9-й и майоръ Иловайскій 4-й также надѣлали много хлопотъ неприятели, переправясь черезъ рѣку, и перебивъ нѣсколько отдѣльныхъ командъ, въ тылъ французской арміи, а Кульневъ, также переплывъ черезъ рѣку съ двумя эскадронами гусаръ, прогналъ нѣсколько эскадроновъ французской конницы, взялъ французскій обозъ, привелъ его на берегъ и сжегъ въ виду нашего авангарда. Но всѣ эти блистательные подвиги не принесли намъ существенной пользы.

Знаменитый военный писатель баронъ Жюини говоритъ *, что Наполеонъ нарочно выдвинулъ впередъ корпусъ маршала Нея, чтобъ выманить Беннигсена изъ укрѣпленной позиціи подъ Гейльсбергомъ, и что если бъ Беннигсенъ не атаковалъ Французовъ, то чрезъ два дня Наполеонъ началъ бы наступательныя дѣйствія. Хотя Ней и былъ предувѣдомленъ,

* См. «Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui-même, au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. — Я ни какими образомъ не могу постигнуть, какъ генералъ баронъ Жюини рѣшился говорить отъ имени Наполеона! — Какъ можно было взять на себя объясненіе всѣхъ предначертаній и помысловъ величайшаго изъ геніевъ!!! — Разумѣется, что всѣ извѣстія, изложенныя въ этомъ сочиненіи, должно приписывать автору, генералу Жюини, а не Наполеону. Событія въ книгѣ генерала Жюини могутъ быть вѣрны, но умъ и душа Наполеона только въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя онъ самъ диктовалъ, въ заточеніи своемъ, на островѣ Св. Елены.

по словамъ Жюмнини, что будетъ атакованъ, но подавшисъ впередъ далѣе, нежели ему было приказано, Нею все же могъ быть разбитъ и отрѣзанъ отъ Пассарги; если бъ русскія войска быстрѣе произвели движеніе и не употребили слишкомъ много времени для обхода юднаго озера, а бросились прямо изъ Вольфсдора въ тылъ Нею, на дорогу, ведущую изъ Гутштадта къ Деннену, селу на томъ берегу Пассарги. Наполеонъ воспользовался остановкою нашею, на берегу рѣки, 25 мая, собралъ всю свою армію, и присоединившись къ Нею, съ корпусомъ маршала Ланна, съ гвардіею и резервною кавалеріею выслалъ немедленно, усиленнымъ маршемъ, маршала Мортъе къ Морунгену, а маршалу Сульту приказалъ двинуться къ Липштадту и силою перейти череть Пассаргу.— Мая 26, Наполеонъ соединился съ Сультомъ въ Альткирхъ. Этимъ искуснымъ движеніемъ, Наполеонъ, маневрируя на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, почти въ тылъ, угрожалъ отрѣзать всю армію русскую отъ Гейльсберга и даже занять Кенигсбергъ, прежде, чѣмъ Беннигсенъ успѣетъ зайти ему впередъ, и тѣмъ принудилъ Беннигсена прекратить бой на Пассаргѣ и возвратиться поспѣшно къ Гейльсбергу.

И вотъ, мы, послѣ блистательныхъ сраженій, въ которыхъ вездѣ одерживали повѣрхность надъ храбрымъ непріателемъ—смѣло можно сказать, послѣ побѣдъ—въ полной ретирадѣ! Нѣтъ ничего неспособнаго, мучительнаго, какъ ретирада, хотя бы самая блистательная! И люди и лошади утомлены и обезсилены. Только что собираются варить кашу, кормить лошадей—раздается команда: *мунштучь, садись!*—Но голодъ еще половина бѣды, а дѣлая бѣда—сонъ! Все можно вытерпѣть, но сна нѣтъ силъ преодолѣть! Кавалеристамъ еще кое-какъ спосно дремать на лошади, хотя отъ этого саднятся лошади: но что дѣлать бѣдному пѣхотинцу! Однако жъ и пѣхотинецъ спитъ на походѣ, закинувъ ружье за плечи или ноложивъ на ранецъ передняго товарища. Я видѣлъ это собственными глазами, хотя и до сихъ поръ не понимаю, какъ можно спать на походѣ, съ ружьемъ въ рукахъ. Лишь только остановятся—все бросается на землю, чтобъ уснуть, хоть на нѣсколько минутъ. Кавалеристы лежатъ подъ погами усталыхъ лошадей, и никто не думаетъ, что одно движеніе лошади можетъ нанести ему вредъ или вѣчное безобразіе, какъ это иногда и случается. Все это мы испытали въ быстрой ретирадѣ отъ Пассарги до

Гейльсберга. Арріергардъ дрался непрерывно. Французы сильно напирали.

Есть старинная русская пѣсня, начинающаяся словами:

«Сонъ пріятенъ, безъ досады,
На утренней, на зарѣ,
На солнечномъ восходѣ...»

Мы шли цѣлую ночь, и поутру когда пригрѣло солнце, сонъ овладѣлъ мною въ высшей степени, и я задремалъ на лошади. Не знаю, долго ли я спалъ, но проснувшись внезапно, едва не свалился отъ испуга.... Кругомъ вода.... Не видно ни души.... Лошадь моя забрела въ озеро, по грудь, съ версту отъ берега, и напившись въволю, остановилась, а между тѣмъ полкъ, шедшій въ арріергардъ, прошелъ мимо и скрылся въ лѣсу. Отъ быстрого движенія шапка моя ушла въ воду, и, по счастью, теченіемъ прибило ее къ берегу. Пришедъ въ себя, я поворотилъ лошадь, досталъ шапку и пустился въ галонъ догонять полкъ, который прошелъ уже версты съ двѣ. Никто даже не замѣтилъ моего отсутствія...

Наконецъ мы пришли въ Гейльсбергъ. Полкъ нашъ расположился на бивакахъ, въ тылѣ, за городомъ. 29 мая, около 10 часовъ утра началось сраженіе, сперва въ авангардѣ, при селеніи Беверникъ, а потомъ и на всей нашей линіи. Французы шли смѣло, стараясь овладѣть нашими батареями, и встрѣчали вездѣ отчаянный отпоръ. Въ три часа по полудни, уже всѣ войска и часть нашего резерва были въ дѣлѣ. Земля стонала отъ грома пушекъ, и ружейные выстрѣлы сливались въ одинъ протяжный гулъ. Погода была тихая и ясная; изъ пороховаго дыма и пыли, образовалось стоячее облако на полѣ сраженія, такъ что трудно было видѣть въ нѣсколькихъ шагахъ. Упорство съ обѣихъ сторонъ было удивительное. Обѣ линіи то подавались впередъ, то отступали, и батареи переходили изъ рукъ въ руки. Ядра и гранаты прыгали по всему полю и попадали не только въ городъ, но и за городъ, по мѣрѣ приближенія непріятеля. Въ дымѣ, только по крикамъ ура можно было судить о движеніи войскъ. Русскіе нѣсколько разъ штыками отбивали сильный напоръ Французовъ. Кавалерія наша непрерывно должна была драться съ французскою пѣхотою. Поле покрыто было убитыми; отъ раненыхъ не было прохода на улицахъ въ Гейльсбергъ. Почти всѣ дома были заняты подъ госпитали.

Полкъ нашъ стоялъ на предмѣстьи, въ тылѣ сраженія..

въ готовности вступить въ бой. Около трехъ часовъ по людни прѣхалъ къ намъ Шефъ нашъ, Его Высочество Иессаревичъ, и за нимъ слѣдовали двѣ подводы съ хлебнымъ виномъ и сухарями. Онъ велѣлъ полку спѣшиться и роздать солдатамъ по чаркѣ вина. Лишь только мы слѣдали съ коней, откуда ни возьмись пушечное ядро свиснуло и ударило въ лопатку фланговаго улана второй шеренги нашего эскадрона, Котенки (я не забылъ имени), въ ту самую минуту, когда я протянулъ къ нему руку, чтобъ отдать поводья моей лошади. У фланговыхъ улановъ были штуцера, наперевизу.... Ядро раздробило штуцеръ и лопатку бѣднаго Котенки и отбросило его на нѣсколько шаговъ, а мода, забрызганная кровью, повалила силою воздуха. Это было первое близкое знакомство мое съ ядрами.... Котенку подняли и понесли въ городъ, но онъ умеръ на рукахъ несшихъ его.

Его Высочество уѣхалъ къ резерву, которымъ онъ начальствовалъ, а мы съѣли на коней и пошлн, шагомъ, вокругъ города, на правый флангъ.

Здѣсь же я въ первый разъ увидѣлъ знаменитаго атамана донскаго войска, Матвѣя Ивановича Платова (бывшаго тогда генералъ-лейтенантомъ и неизмѣннаго еще графскаго достоинства), котораго имя повторялось въ каждой реляціи. Онъ пронесся мимо насъ на рысяхъ, съ своимъ атаманскимъ полкомъ. Матвѣй Ивановичъ Платовъ былъ сухощавый, уже не молодой человекъ, и ѣхалъ согнувшись на небольшой лошади, размахивая нагайкою. За нимъ шелъ стройно, по три съ права, его геройскій полкъ. Всѣ казаки атаманскаго полка носили тогда бороды и не было бороды въ полку ниже пояса. Казаки одѣты были въ голубыя куртки и шаровары, на головѣ имѣли казачьи бараньи шапки, подпоясаны были широкими патронташами изъ краснаго сатъна, въ которыхъ было по два пистолета, а спереди патроны. У каждаго казака за плечами висѣла длинная винтовка, а черезъ плечо, на ремнѣ, нагайка, съ свинцовою пулею на концѣ, сабля на боку и дротикъ въ рукѣ, на перевѣсѣ. Шпоръ не знали тогда казаки. Люди были подобранные, высокаго роста, плотные, красивые, почти всѣ черноволосые. Весело и страшно было смотрѣть на нихъ!

Полкъ нашъ, вышедъ за городъ, сталъ за кавалеріей, которая уже нѣсколько разъ ходила въ атаку.—Сквозь облака дыма, которыя иногда рѣдѣли, мы видѣли сражавшихся, и непріятельскія ядра переносило часто за нашъ фронтъ. Фран-

дузы непременно хотѣли овладѣть нашими батареями, и дѣла на нихъ по трудамъ своихъ товарищей. Надлежало отгонять ихъ штыками и кавалеріей. Нѣсколько разъ передъ нашими глазами ходили въ атаку кирасиры, драгуны и казаки, но до насъ не дошла очередь. Мы только маневрировали на плоскомъ возвышеніи, въ виду непріятели, то приближаясь къ центру поля сраженія, то удаляясь отъ него.

Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ подробности сраженія—и потому я не стану повторять ихъ, по редакціямъ. Дрался подъ Гейльсбергомъ весь день, съ величайшимъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ. Темная ночь разлучила сражающихся. Мы остались на полѣ сраженія—Французы отступили туда, гдѣ началось авангардное дѣло.

Наполеонъ провозгласилъ побѣду во всей Европѣ! Какая же это была побѣда? По собственному его сознанію, онъ былъ гораздо сильнѣе Русскихъ, а между тѣмъ Русскіе остались ночевать, и весь слѣдующій день простояли въ своей позиціи. Но здравому смыслу и во правиламъ логики, побѣда принадлежитъ тому, кто удержалъ за собою поле сраженія, а Русскіе удержали его съ честью и славою, защищая каждый шагъ земли до послѣдней капли крови. Съ обѣихъ сторонъ потеря была почти равная. Въ обѣихъ арміяхъ выбыло изъ фронта болѣе 20,000 человекъ. Мы лишились храбраго генералъ-маіора Кожина, убитаго въ атакѣ, передъ фронтомъ кирасирскаго Его Величества полка, которымъ онъ командовалъ, и генералъ-маіора Варнека. Ранены генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ, генералъ-маіоры: Вердеревскій, принцъ Мекленбургскій, Пассекъ, Дука, Олсуфьевъ, и дежурный генералъ Фокъ. Александръ Борисовичъ раненъ былъ въ лѣвую руку. Его Высочество Цесаревичъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «Фокъ раненъ въ лѣвую руку, а Беннигсенъ лишился правой руки!» И остроумно и справедливо.

Но дѣло мастера боится. Наполеонъ зналъ, что Беннигсенъ весьма дорожитъ Кенигсбергомъ, и потому вознамѣрился движеніемъ на Кенигсбергъ принудить его покинуть свою крѣпкую позицію при Гейльсбергѣ. Оставивъ корпусъ Даву передъ Гейльсбергомъ, чтобъ прикрыть свое движеніе, Наполеонъ, со всѣми силами своими, бросился къ Ландсбергу и Прейсш-Эйлау, на кенигсбергскую дорогу. Жюмьини замѣчаетъ, что если бь Беннигсенъ рѣшился оставить часть войска въ Гейльсбергской позиціи, и двинулся быстро впередъ, то зашелъ бы въ тылъ Наполеона, овладѣлъ его

сообщеніями, и прижалъ бы всю непріятельскую армію въ уголь, между нижнимъ Прегелемъ, моремъ и русскимъ войскомъ. Это было бы тѣмъ, что въ шахматной игрѣ называется *шалъ* и *матъ*. Что сквозь русскіе ряды Наполеону не легко было бы пробиться — это испыталъ онъ уже подъ Пултусскомъ, Пресишъ-Эйлау и Гейльсбергомъ. Но Беннигсенъ сперва думалъ, что Наполеонъ на другой же день, 30 мая, возобновитъ сраженіе подъ Гейльсбергомъ, и когда французскіе стрѣлки корпуса Даву показали подъ лѣсомъ, на нашемъ правомъ флангѣ, Беннигсенъ выстроилъ всю армію свою въ боевой порядокъ и продержалъ почти половину дня подъ ружьемъ, въ ожиданіи атаки, между тѣмъ какъ Наполеонъ шелъ впередъ, по кенигсбергской дорогѣ. Французскихъ стрѣлковъ скоро загнали въ лѣсъ, и всѣ удивлялись, что главная французская армія пошла къ Ландсбергу, по кенигсбергской дорогѣ. То же подтвердили перехваченныя французскія депеши, и Беннигсенъ, опасаясь за свои сообщенія съ Кенигсбергомъ и русскою границею, двинулся немедленно, со всею арміею, по противному берегу рѣки Алле, на Бартенштейнъ и Шиппенбейль, сжегши мосты подъ Гейльсбергомъ. Такимъ образомъ обѣ арміи шли по одному направленію, параллельно одна къ другой. Французовъ не было вовсе ни передъ нашимъ авангардомъ, ни за нашимъ арріергардомъ. Только летучіе казачьи отряды охраняли шествіе наше съ лѣвой стороны, то есть со стороны Французовъ. Странное положеніе обѣихъ армій, которыя опережали одна другую, первая для защиты, другая для взятія одного города. Всѣ мы думали, что идемъ къ Кенигсбергу, и что тамъ встрѣтимъ Французовъ и дадимъ генеральное сраженіе. Это мнѣ подтвердилъ адъютантъ Беннигсена, съ которымъ я познакомился въ день отдачи письма главнокомандующему. 31 мая главная квартира наша была въ Шиппенбейлѣ.

При закатѣ солнца я видѣлъ Беннигсена въ Шиппенбейлѣ. Онъ стоялъ на крыльцѣ занимаемаго имъ дома и смотрѣлъ на артиллерію, проходившую чрезъ городъ. Мнѣ показалось, что онъ постарѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я обѣдалъ у него въ Гейльсбергѣ. Беннигсена окружали генералы, но онъ, казалось, никого не замѣчалъ и даже не отвѣчалъ на салютъ артиллерійскихъ офицеровъ. Наморщивъ лобъ и насунивъ брови, онъ неподвижнымъ взоромъ смотрѣлъ впередъ опершись на саблю. На немъ была шляпа съ бѣгимъ султаномъ и обще-кавалерійскій мундиръ, съ сѣрыми рейтуза-

ми. Я стоялъ насупротивъ, чрезъ улицу, и съ четверть часа не сводилъ съ него глазъ. Тяжелая дума ясно выражалась во всѣхъ чертахъ лица его. Я имѣлъ сперва намѣреніе представиться ему — но не рѣшился, видя его въ такомъ мрачномъ расположеніи духа. Когда артиллерія прошла, Беннигсенъ поклонился генераламъ и вошелъ въ домъ.

До сихъ поръ Наполеонъ игралъ только въ шахматы съ Беннигсеномъ, то есть оба они маневрировали, чтобъ найтти мѣсто и случай для пораженія одинъ другаго. Французская армія шла отдѣльными корпусами къ Кенигсбергу. Беннигсенъ спѣшилъ, чтобъ предупредить Французовъ, закрывъ фронтомъ своимъ Кенигсбергъ и переправу чрезъ Прегель. Изъ Шиппенбейля надлежало поспѣшить чрезъ Фридландъ къ Веллау (Wehlau), гдѣ рѣка Алле соединяется съ Прегелемъ, впадающимъ въ море, при Кенигсбергѣ. Французы опережали насъ. Когда наша главная квартира была въ Шиппенбейлѣ (31 мая), Наполеонъ былъ уже въ Прейсишъ-Эйлау, Ланнъ, подкрѣпляемый Неемъ и Мортъе, въ Домнау, Сультъ подъ Крейцберггомъ, а Мюратъ и Даву шли прямо на Кенигсбергъ. Прочіе французскіе корпуса слѣдовали отдѣльно за главною квартирою Наполеона.

Беннигсенъ получилъ извѣстіе о быстромъ движеніи непріятеля на пути изъ Шиппенбейля къ Фридланду, и удивляясь въ невозможности опередить Наполеона, составилъ другой планъ, который имѣлъ бы благія послѣдствія, если бъ, какъ говоритъ Жомини, исполненъ былъ быстро и рѣшительно. Беннигсенъ вознамѣрился перейти Алле, начать наступательныя дѣйствія и разбить отдѣльные корпуса Французовъ, не давъ имъ соединиться. Онъ избѣгалъ рѣшительнаго сраженія, до присоединенія къ нему корпуса князя Лобанова, шедшаго къ арміи, на подкрѣпленіе, изъ Тильзита. Въ этомъ корпусѣ было до 26,000 человекъ. Дѣйствуя такимъ образомъ на оконечности непріятельской линіи, фронтомъ къ морю, утруждая непріятеля отдѣльными битвами, и прерывая его сообщенія, Беннигсенъ поставилъ бы Наполеона въ затруднительное положеніе и принудилъ бы его отступить отъ Кенигсберга, а между тѣмъ, соединившись съ княземъ Лобановымъ и другими отрядами, могъ бы выбрать выгодную позицію для генеральнаго сраженія. Планъ этотъ, составленный мгновенно при быстрой переизмѣнѣ обстоятельствъ, обнаруживаетъ высокія военныя дарованія Беннигсена. Конечно, современное общее мнѣніе судить о дѣлахъ и лю-

дахъ по уснѣхамъ: но судъ исторіи възвышаетъ причины и послѣдствія, и будущій историкъ, безъ сомнѣнія, поставитъ Беннигсена въ число искуснѣйшихъ генераловъ своего времени, хотя бы даже и рѣшилъ, что онъ не въ силахъ былъ бороться съ военнымъ гениемъ Наполеона.

Нашей арміи, слѣдовавшей отъ Шиппенбейля къ Фридланду, предшествовали резервъ, подъ начальствомъ Его Высочества Цесаревича, и часть резервной кавалеріи, подъ начальствомъ князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Съ утра, 1 іюня, нанкъ и орденскій кирасирскій полкъ, съ нѣсколькими (кажется, съ четырьмя) орудіями конной артиллеріи, высланы были впередъ, къ Фридланду, на рекогносцировку. Начальствовалъ самъ князь Д. В. Голицынъ. Ему приказано было перейти чрезъ рѣку Алле, на лѣвый ея берегъ (армія наша шла по правому берегу), остановиться въ городѣ, для охраненія моста, и выставить пикеты за городомъ. Мы никакъ не надѣялись встрѣтить здѣсь Французовъ: зная направленіе французской арміи, мы шли безопасно, и радовались, что отдохнемъ въ городѣ, хоть однѣ сутки, и занасемся съѣстнымъ; но подходя къ городу, увидѣли бѣгущихъ къ намъ на встрѣчу безоружныхъ солдатъ съ крикомъ: «Французы!» Это были наши фурлейты (человѣкъ десять) изъ обозовъ, оставленныхъ въ Фридландѣ, когда этотъ городъ оставался въ тылѣ нашей арміи, далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, то есть въ то время, какъ мы стояли подъ Гейльсбергомъ и ходили къ Пассаргѣ. Кажется, что объ этихъ обозахъ вовсе забыли! Отъ нихъ мы не могли ничего болѣе узнать, какъ только то, что французская конница заняла городъ, что всѣ обозы наши взяты, и что сами они успѣли спастись на лодкахъ. Французской пѣхоты они не видали. Рѣшено было немедленно атаковать городъ. Мы выстроились въ двѣ линіи, по-эскадронно, и пошли на рысяхъ къ мосту, но тутъ встрѣчены были залпомъ спѣившихся французскихъ гусаръ, засѣвшихъ за бревнами. Мостъ былъ разобранъ по срединѣ, но на скоро, такъ что доски еще лежали въ кучѣ, по краямъ моста. Тутъ полкъ нашъ оправдалъ надежду на него Его Высочества, и совершилъ истинно геройскій подвигъ, котораго честь принадлежитъ эскадрону ротмистра Владимірова и поручику Старжинскому. Соскочивъ съ лошади и вызвавъ нѣсколькихъ храбрецовъ, Старжинскій бросился съ ними на мостъ и сталъ укладывать доски подъ градомъ непріятельскихъ

пудъ. Нѣсколко десятковъ гусарскихъ штукеровъ иѣтъмъ
къ него — и ни одна пуля не пошла! Черезъ четверть часа
мощь была починена, и мы бросились стрѣлявъ въ городъ.

Старжинскій былъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ нашего
полка. Красавцу съ отличнымъ воспитаніемъ и благородно-
му во всѣхъ своихъ поступкахъ, ему не доставало только
военной славы — и онъ приобрѣлъ ее подвигомъ, котораго
не пропустилъ бы безъ вниманія ни Тигъ-Ливій, ни Тацитъ.
Въ наше время все забывается и важно одно настоящее. Это-
нѣтъ заглушилъ всѣ высокія чувствованія. Мы хвалились
только то, что намъ полезно. Старжинскій обрекалъ себя
на явную смерть, и если онъ остался живъ и невредимъ, то
это истинное чудо. Развѣ Гораций Коклесъ сдѣлалъ болѣе!!
Съ какою радостью мы прижали къ сердцу добраго нашего
товарища, когда увидѣли его снова на лошади! Онъ даже
удивлялся нашимъ поздравленіямъ, почитая подвигъ свой
ничтожнымъ, и простодушно отвѣчалъ намъ: «кожу нибудь
да надобно же было первому пойти!»

Сбѣжавшихся французскихъ гусарь, которые не успѣли
спастись чрезъ огороды, мы перекодили, и поскакали, по
главной улицѣ, на площадь, гдѣ встрѣтили насъ саксонскіе
драгуны, выстроившіеся въ колоннѣ, въ числѣ нѣсколькихъ
эскадроновъ. Саксонцы храбро выдержали первый нашъ
натискъ, но мы врѣзались въ ихъ ряды и опрокинули ихъ
фронтъ. Они поскакали въ тылъ, а мы за ними, и вскорѣ
усланы наши перемѣшались съ саксонскими драгунами и ска-
кали вѣсть по улицамъ, нанося другъ другу удары. За
городомъ мы увидѣли французскій гусарскій полкъ въ зеле-
ныхъ мундирахъ, который шелъ къ намъ на встрѣчу, на
рысяхъ. Саксонскіе драгуны проскакали чрезъ интервалы,
между гусарскими эскадронами, а мы остановились, чтобъ
выстроиться. На нашей сторонѣ трубили сборъ, и вдругъ
изъ за рѣки, нѣсколько ядеръ изъ нашихъ легкихъ орудій
ударило въ непріятельскую колонну. Это остановило ее и
дало намъ время собраться и выстроиться по-эскадронно.

Но моему мнѣнію, нѣтъ зрѣлища живописнѣе и привлека-
тельнѣе, какъ кавалерійское сраженіе! Фланкировка, атака,
скачка по чистому полю, пистолетныя выстрѣлы, схватка.

• Я расстался съ Старжинскимъ, въ 1809 году, и съ тѣхъ поръ не ви-
дѣлъ его, но слышалъ, что онъ занимаетъ почетное званіе уѣзднаго дво-
рянскаго предводителя въ подольской губерніи, и пользуется общимъ ува-
женіемъ и любовью. Пусть эти строки напоминаютъ ему нашу молодость.

между удалъцами, военные клики, трубные звуки — все это веселить сердце и закрываетъ опасность смерти. Погода была прекрасная, поле обширное и ровное, и мы радостно вступили въ бой. Орденскіе кирасиры остались при нашихъ пушкахъ и для защиты моста и города, а нашъ полкъ одинъ выступилъ въ чистое поле, на битву съ французскими гусарами и саксонскими драгунами. Сперва мы выслали фламкёровъ, а потомъ ударили на французскихъ гусаръ и опрокинули ихъ. Проскакавъ съ версту, они остановились и выстроились за своею второю линіею, то есть за саксонскими драгунами. Однимъ натискомъ мы смяли Саксонцевъ. Нѣсколько разъ непріятель останавливался и строился, на разстояніи около семи верстъ, и мы каждый разъ принуждали его къ ретирадѣ нашими атаками и наконецъ загнали въ лѣсъ. Стало смеркаться, и потому одинъ эскадронъ (маіора Лорера) остался на аванпостахъ, растянувъ цѣпь подъ лѣсомъ, а прочіе эскадроны отступили версты на три и расположились на бивакахъ.

Эта первая встрѣча наша съ Французами, столь блистательная, осталась почти не замѣтною въ военной исторіи. Жюмини *, упоминая объ дѣлѣ, говорить отъ имени Наполеона: «Un de nos régiments de hussards qui occupait déjà cette ville en fut chassé le même soir», то есть «одинъ изъ нашихъ гусарскихъ полковъ, который уже занималъ этотъ городъ, былъ выгнанъ изъ него въ тотъ же вечеръ.» — О саксонскихъ драгунахъ и вовсе забыли! Однако жъ, мы очень хорошо помнимъ ихъ. Это были рослые, видные люди, съ косами, въ красныхъ курткахъ съ зелеными отворотами, на крѣпкихъ и хорошихъ лошадяхъ. Дрались Саксонцы не хуже Французовъ. Мы взяли въ плѣнъ челоуѣкъ до шестидесяти гусаръ и драгунъ, а перекололи и порубили вѣрно съ полсотни. Отъ плѣнныхъ узнали мы, что эти два полка высланы на рекогносцировку, отъ корпуса маршала Ланна, изъ Домнау.

Въ послѣдствіи, я слышалъ отъ весьма искуснаго французскаго генерала, что если бъ мы не остановились подъ лѣсомъ, а перешли черезъ лѣсъ и заняли аванпосты по другую его сторону, то генеральное сраженіе подъ Фридландомъ, на слѣдующій день, могло бы имѣть другія послѣдствія. Узнавъ о переходѣ Беннигсена чрезъ Алле, Наполеонъ двинулъ свою армію къ Фридланду, не всю въ одно вре-

* Vie politique et militaire de Napoléon, etc. Tome 2, page 412.

мя, но корпусами, изъ разныхъ мѣстъ, прикрывая движеніе войскъ лѣсомъ, такимъ образомъ, что мы не знали силъ наступающаго непріятеля, когда онъ, напротивъ, могъ изподъ лѣса видѣть насъ въ чистомъ полѣ и распорядиться сообразно нашимъ движеніямъ и мѣстоположенію. Но мы не могли занять лѣса наканунѣ, потому что управились съ Французами уже поздно, когда стало темнѣть, а конница невозможно было пуститься въ лѣсъ ночью, не зная мѣстности и силъ непріятеля. Къ вечеру могла подойти французская пѣхота, и мы попались бы въ засаду. Если бъ мы раньше, то есть 1 іюня, пришли къ Фридланду, и прогнали Французовъ среди дня, то вѣроятно князь Д. В. Голицынъ перешелъ бы за лѣсъ. Впрочемъ какъ знать будущее! — Никто не предполагалъ, что здѣсь на другой день будетъ генеральное сраженіе.

Эскадронъ нашъ остановился бивакировать на томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ была жаркая схватка съ французскими гусарами. На полѣ лежало нѣсколько убитыхъ Французовъ; одного изъ нихъ я притянулъ за ноги къ моему помѣщенію, и какъ намъ не дозволено было ни разсѣдывать лошадей, ни отвязывать чемодановъ, то я употребилъ мертваго Француза вмѣсто изголовья — прилежъ и заснулъ преспокойно.

Но мнѣ не дали отдохнуть послѣ сильнаго движенія. Я былъ очередной на службу, и мнѣ велѣно немедленно отправляться въ городъ, съ командою, дляковки лошадей. Корнетъ Жеребцовъ и я повели команду въ городъ. Было около десяти часовъ вечера.

Не знаю, есть ли теперь фонари на Фридландскихъ улицахъ, но тогда во всей Германіи освѣщеніе процвѣтало, какъ и теперь, но освѣщеніе было вездѣ плохое. Въ городѣ было темно, какъ въ ямѣ. Кое-гдѣ горѣли свѣчи. Нѣкоторые изъ жителей выбирались изъ города. Мы прямо отправились къ ратушѣ требовать всего, что намъ было надобно. Явился испуганный бургомистръ и такъ засуетился, что мы не могли добиться отъ него толку. Другой Нѣмецъ, вѣроятно членъ ратуши, распорядился вмѣсто бургомистра, указавъ намъ три кузницы, приказавъ выдать овесъ изъ магазина, и назначилъ домохозяевъ, которые должны были накормить нашихъ улановъ. Когда началась работа въ кузницахъ, мы уговорились съ Жеребцовымъ уснуть по два часа, поочередно, и бросили жеребій, кому первому итти на покой. Первенство досталось мнѣ, и я отправился въ первый домъ, ко-

торый показалея мнѣ получше дружить. На сильномъ стулѣ мойу дверей, раздалея женскійго голосъ; «Wer da?» (кто тамъ). Русскій офицеръ на квартиру, отвѣчалъ я.—«Gleich!» (тотчасъ).—Черезъ нѣсколько минутъ отворилея двери, и мейя встрѣтила служанка, со свѣчю. Я пошелъ вверхъ, и въ первой комнатѣ меня принялъ хозяинъ дома, въ плащѣ и въ колпакѣ, извиняясь, что не успѣлъ одѣться. Безъ великихъ околичностей я объявилъ ему, что голоденъ и измученъ до послѣдней крайности, и просилъ чего нибудь поѣсть и мѣста, гдѣ бы могъ отдохнуть, часа два. Хозяинъ былъ вино-торговецъ. Немедленно явилея бутылка вина и закуска, и когда я насытился, хозяинъ указалъ мнѣ постель, въ другой комнатѣ. Я спросилъ хозяина разбудить меня ровно чрезъ два часа, и снявъ куртку, бросилъ полуодѣтый, въ сапогахъ со шпорами, на нѣмецкіе пуховики, и въ одну минуту заснулъ богатырскимъ сномъ.

Проснувшись, я протиралъ глаза и не могъ прійти въ себя. Казалось, всё чувства замерли во мнѣ: я ничего не видѣлъ и не слышалъ. Машинально умылся я холодною водою, которую налилъ мнѣ на руки хозяинъ. Опаматовавшись, я увидѣлъ, что возлѣ моей постели стоятъ хозяинъ мой и нашъ унтетъ-офицеръ, Завьяловъ. Видъ послѣдняго электризировалъ меня, и кровь моя пришла въ движеніе, когда онъ сказалъ; «Пора въ сраженіе, ваше благородіе!»—Въ сраженіе? возразилъ я и вскочилъ съ постели. Пущечныя выстрѣлы, хотя изрѣдка, но раздавались уже за городомъ.—А гдѣ же команда?—«Ушла, съ корнетомъ Жеребцовымъ», отвѣчалъ Завьяловъ.—«Мы искали васъ и не могли отыскать. По счастью, хозяинъ пришелъ въ кухню, гдѣ я оставался съ десяткомъ улановъ, не успѣвшихъ подковать лошадей—и знаками показалъ, что у него находится *Руссо-офицеръ*, прибавивъ: *кранкъ*. Это я выразумѣлъ и тотчасъ побѣжалъ за вами.... Да вотъ бьемся съ часъ и не можемъ добудиться: что поднимаемъ, то вы снова упадете, какъ спонъ, на постель. Я самъ подумалъ, ужъ не больны ли вы, ваше благородіе!»—Хозяинъ примолвилъ, что онъ никакъ не могъ разбудить меня, и зная, что уланы въ кузницѣ, рѣшился позвать ихъ, полагая, что я болѣнъ. Между тѣмъ, шумъ и стукъ на улицѣ поразилъ меня. Я подошелъ къ окну, и увидѣлъ, что чрезъ городъ проходитъ наша армія.—«Съ полночи началась суматоха, сказалъ Завьяловъ: и мы насилу могли отстоять нашу кухню.... Конница, артиллерія,

пѣхота идутъ за городъ, и видно, что передніе уже нагнулись на Француза: слышите, какъ жарятъ!...»

Умывшись еще разъ холодною водою и выпивъ стаканъ кофе, называемаго въ Германіи *каффе* (кофе), я простился съ хозяйномъ и вышелъ на улицу, гдѣ ждали меня остальные команда. Съ величайшимъ трудомъ выбрались мы за городъ. Всѣ улицы загромождены были идущимъ войскомъ, пушками, ящиками, парками, обозами. Вездѣ крикъ и шумъ. Гдѣ покупали, а гдѣ брали въ долгъ.... Шивки стояли безъ оконъ и дверей. У хлѣбниковъ не осталось ни крохи хлѣба.... Оборванный Нѣмецъ, который, какъ шакаль, искалъ добычи послѣ нашихъ солдатъ, провелъ насъ за городъ, поперечною улицею, и мы наконецъ выбрались въ чистое поле.

Тутъ открылась передо мною великолѣпная картина. Восходящее солнце играло на блестящемъ оружіи нашихъ колоннъ, шедшихъ въ различныхъ направленияхъ, для занятія позицій. Бѣлыя перевязи на зеленыхъ мундирахъ блестѣли, какъ весенній цвѣтъ на деревьяхъ. Пушки свѣтились какъ жаровни! Однимъ взглядомъ можно было обозрѣть огромное пространство, между городомъ и лѣсомъ. Почти вся кавалерія наша была на правомъ флангѣ. Три дивизіи пѣхоты, подъ начальствомъ князя Горчакова, прикрывали кавалерію. Лѣвое крыло, состоявшее почти исключительно изъ пѣхоты и артиллеріи, занимало позицію между рѣкою Алле и ручьемъ, вытекающимъ изъ большого пруда, за городомъ; позади нашего лѣваго фланга устроены были три моста. Мы скоро нашли своихъ: уланскіе флюгера нестрѣли, какъ макъ цвѣтъ, на правомъ флангѣ. Мы шли рысью и присоединились къ полку.

Въ первой линіи уже виднѣнъ былъ пороховой дымъ, и кое-гдѣ раздавались пушечные выстрѣлы. Но массы еще не дѣйствовали, и только стрѣлки наши перестрѣливались съ Французами, которые ограничивались защитою, высылая непрерывно новыя подкрѣпленія изъ лѣса. Почему мы не атаковали Французовъ немедленно всею нашею силою? Почему не вторглись въ лѣсъ? Почему дали время Наполеону собрать большую часть силъ своихъ? Все это должно приписать счастью Наполеона! Наконецъ, около пяти часовъ пополудни, Французы атаковали насъ на всѣхъ пунктахъ. Земля застонала отъ грома пушекъ, изъ ружейныхъ выстрѣловъ образовался одинъ непрерывный ревъ, и настала ужасная битва, какихъ было и будетъ немного въ мірѣ!...

Какъ я уже говорилъ однажды о походе мѣнхъ въ этомъ сраженіи (см. Собр. Сочин., изданіе второе, часть II, стр. 187), то и теперь долженъ повторить мой рассказъ, хотя другими словами, и съ большею историческою вѣрностью. Скажу сперва о томъ только, что я видѣлъ и испыталъ, а потомъ расскажу, что узналъ въ послѣдствіи.

Передъ нами, на правомъ флангѣ, ближе къ центру, была деревня, а за нею тотъ самый лѣсъ, куда накануне мы загнали Французовъ. Нашъ командирскій эскадронъ, подъ начальствомъ ротмистра Василія Харитоновича Щеглова, сперва прикрывалъ два легкія орудія, которыя стрѣляли въ лѣсъ и по цѣпи французскихъ стрѣлковъ. Внезапно изъ лѣсу показалась неприятельская кавалерійская колонна. Фронтъ ея былъ не великъ, а мы издали не могли видѣть толщины колонны. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ не остановили ея движенія. Эскадронамъ нашему и ротмистра Радуловича и одному эскадрону лейбъ-казаковъ приказано было ударить на эту колонну. Мы пошли повзводно, на рысяхъ, прошли чрезъ деревню, повернули на лѣво и выстроились по эскадронно. Нашъ эскадронъ шелъ впереди. Саженьяхъ во стѣ отъ неприятеля храбрый ротмистръ Щегловъ командовалъ: пики на перевѣсъ — маршъ-маршъ! и понесся впередъ, крикнувъ: ура! Дружно бросился за нимъ весь эскадронъ, повторяя тотъ же крикъ, по прискакавъ на нѣсколько шаговъ къ французской колоннѣ, остановился. Колонна была, по малой мѣрѣ, вѣятеро сильнѣ насъ, и стояла неподвижно, какъ каменная стѣна. Это были знаменитые французскіе драгуны генерала Латуръ-Мобура (Latour-Maubourg). Они стали стрѣлять въ насъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, изъ задней шеренги, а передняя шеренга отбивала палашами пики храбрецовъ нашихъ, которые хотѣли врѣзаться въ ихъ фронтъ. Вдругъ во французской колоннѣ раздалось: En avant! Vive l'Empereur! (то есть, впередъ! да здравствуетъ Императоръ!) — и вся колонна ринулась на насъ, на рысяхъ, и, такъ сказать, отбросила насъ въ тылъ своею тяжестью. Мы, однако жъ, назадъ не поскакали, какъ это обыкновенно бываетъ въ кавалеріи, когда атака не удастся, но отступали медленно. Наши фланкеры начали отстрѣливаться изъ карабиновъ, и нѣсколько смѣльчаковъ, вытѣхавшихъ изъ французской колонны, чтобъ рубить отступающихъ, подняты были на пики. Тутъ французская колонна быстро сдѣлала полъ-оборота на право, и заградила намъ

Обратный путь. Мы бросились вправо, но здѣсь непреодолимая бѣда — крѣпкій плетень, сработанный сильными нѣмецкими руками! Мы остановились, и пока лейбъ-казаки, бывшіе позади насъ, разламывали плетень, французская колонна наперла на насъ всею своею силою. Намъ нельзя было двинуться ни въ какую сторону: пошла ужасная свалка! Сперва Французы стрѣляли въ насъ изъ ружей, но чрезъ нѣсколько минутъ мы смѣшались съ ними и сбились въ одну толпу; стрѣляло куда попало, и въ своихъ и въ чужихъ, дрались пиками, саблями, бросались другъ на друга, какъ бѣшеные.... Едва ли есть въ военной исторіи другой примѣръ подобнаго кавалерійскаго дѣла! Это была настоящая рѣзня... Французамъ ловче было въ тѣснотѣ дѣйствовать палашами, чѣмъ уланамъ пиками, и матеріальный перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ....

Я скакалъ передъ своимъ взводомъ, когда мы пошли въ атаку, а когда наши повернули лошадей — очутился въ тылѣ. Лишь только мы подались назадъ — противъ меня выскочилъ изъ фронта молодой французскій офицеръ, выстрѣлилъ изъ пистолета, шагахъ въ десяти, не болѣе, и не попалъ. Когда наши уланы сбились въ кучу у плетня, тотъ же молодой офицеръ опять наскочилъ на меня съ поднятымъ палашемъ и закричалъ: *Rendez-vous, officier!* Въмѣсто отвѣта, я занесъ на него саблю, чтобъ рубнуть его по рукѣ — но промахнулся, потому что онъ въ то же мгновеніе опустилъ руку. Сабля моя скользнула по гривѣ его лошади — она испугалась и быстро повернулась, а я, въ это самое время, хватилъ офицера по плечу.... Кажется, что я ранилъ его. Онъ отскочилъ и закричалъ своимъ драгунамъ: *Tuez-le!* Но, видно, французскіе драгуны сжалились надъ моею юностью, и не захотѣли убить меня на-повалъ. Два ружейные выстрѣла раздались въ нѣсколькихъ шагахъ — и я, какъ сонъ, повалился на землю: двѣ пули попали въ голову моей лошади. По счастью, въ эту самую минуту толпа наша попятилась въ тылѣ, и задніе уланы, защищаясь, обернулись къ французскому фронту. Я имѣлъ время отстегнуть мой чемоданъ, и вынуть пистолеты изъ кубуръ, перелѣзъ черезъ плетень, и пустился во весь духъ бѣжать въ деревню, перебрался черезъ другой плетень, гораздо выше, и остановился за дровами сложенными стѣною, позади крестьянскихъ домовъ. Запыхавшись, я бросился на землю отдохнуть, и тутъ только замѣтилъ, что потерялъ свою уланскую шапку. Чрезъ

нѣсколько времени, въ деревнѣ раздались громкіе крики: *Балачка!* — и покойнѣй топотъ... Я выглянулъ изъ-за угла.... Наши сѣдлахи по улицѣ, а за ними гнались французскіе драгуны. Мнѣ дѣлать было нечего. Я прикрѣпилъ чемоданъ къ шарфу, за плечики повѣсилъ заряженныя пистолеты на вѣшникахъ, и когда французская колонна проскакала, выскочилъ на улицу, чтобы заглянуть на чистое поле. На улицѣ лежала лейбъ-кавалерія пика — я поднималъ ее... Вдругъ вижу, на нее французская колонна несется обратно въ деревню, и гораздо быстрее прежняго: я опять скрылся въ свое засаду, за деревьями, и остановился на самомъ углу. Когда колонна проскакала черезъ деревню, я снова выскочилъ на улицу — и вижу что наши лейбъ-казаки и гусары скачутъ въ деревню.... Нѣсколько французскихъ драгунъ поотстали отъ своихъ; одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади, подтянулъ подпруги у сѣдла, вскочилъ опять на лошадь, и пустился во всю конскую прыть догонять товарищей.... Я бросаюсь на него съ пикою.... Онъ направилъ на меня лошадь, перегнулся чтобъ рубнуть меня, но мнѣ удалось такъ мягко ударить его въ бокъ пикою, что онъ свалился съ лошади. Пика моя осталась у него въ боку, и онъ повисъ ногою въ стремя. Я ухватилъ лошадь за поводья, но, испуганная, она стала рваться и становиться на дыбы, и я никакъ не могъ справиться съ нею и выпутать ноги убитаго мною драгуна изъ стремени.... Въ эту минуту прискакали лейбъ-казаки и лейбъ-гусары. Нашъ эскадронъ и эскадронъ майора Лорера понеслись мимо деревни, къ лѣсу, чтобъ отрезать Французамъ ретираду. Я кричу изъ вѣхъ силъ: «Помогите, братцы!» Никто не обращаетъ на меня вниманія — все скачутъ впередъ. Наконецъ я успѣлъ выпутать ногу драгуна изъ стремени, и поднялъ мою пика, но лошадь не давалась садиться на нее, и я принужденъ былъ вести ее за поводья. Нѣсколько казаковъ уже возвращались на дысяхъ, съ добычею — французскими лошадьми и нѣсколькими плѣнными... «Пособи, братецъ, сѣсть на лошадь — она бѣсится!» сказалъ я одному лейбъ-казaku, который велъ французскую офицерскую лошадь. — «Некогда!» отвѣчалъ онъ, и пронесся мимо. Съ тою же просьбою обратился я къ лейбъ-гусару (рядовому Ансонову), который догонялъ своихъ, оставаясь прежде въ тылѣ, при раненомъ товарищѣ. — «Невольте, ваше благородіе!» Ансоновъ слѣзъ съ лошади, отъвязалъ драгунское ружье отъ сѣдла, укоротилъ стремяна,

прискочилъ на мушкетера въ поводу, которая сарвелась съ яротка и ажноеть еднимъ пугала лошади, я посмотрѣлъ на огромнаго французскаго драгуна, который еще медлеался, спросилъ съ удивленіемъ: «Неужели это вы ухаживали ево?» — Я, братецъ, съ помощью Божіею! — «Нешно, что Божіей волей», примолвилъ Ансоновъ: «да вѣдь ево убилъ бы ельчъ жудаломъ, ели бѣ дельно до ехретни! Счастливо, счастливо, какие благородіе!» — Мы воекакали съ Ансоновымъ въ евоимъ. Мнѣ никакъ не хотѣлось разстаться съ казачьей шилою, доставившею мнѣ побѣду надъ французскимъ Гомисомъ, и я прѣималъ въ аскадронѣ, на французской лошади, съ обнаженною головою, съ казачьей шилою въ руцѣ. Товарищи почитали меня убивымъ, потому что нѣкоторые изъ уланы шдѣли, какъ въ меня выстрѣлили и какъ я свалился съ лошади. Гусаръ Ансоновъ разеказалъ, въ какомъ положеніи нашелъ меня. Еше есть нѣсколько товарищей моихъ въ живыхъ, и еси люди, которые слышали ебъ еголтъ отъ Александра Иванонича Лорера....

Французскіе драгуны ушли въ лѣсъ, а деревню, въ которой я, сѣпешенный, укрывался за дровями, зашла наша шилота, и протанула цѣль стрѣлковъ подѣ лѣсомъ. Мы ехвали съ лошадей, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, и въ это время я, съ товарищами, сталъ разсматривать мою добычу, во естъ чмодакъ французскаго драгуна. Дай Богъ иному пѣхотному ешиеру имѣть такой багажъ! Бѣло тонное, шелковое платки, есеребряная ложка, шиловая трубка, двѣ пары бѣлыхъ шелковыхъ чулокъ, танцовальныя башмаки, новыи мушкетръ и прочее. Вообще французскіе солдаты были тогда богаты, получая часто денежное награжденіе изъ контрибуцій, налагаемыхъ на шокоренныя земли, и живя на еомъ етовомъ. Я раздѣлялъ есь ещини между Ансоновымъ и двумя моими трабантами, уланами, которые безотлучно находились при мнѣ, Кандровскимъ и Табулевичемъ, и оставилъ для себя ложку, шиловую трубку и два фунта курительнаго табаку. Взятая мною лошадь была, кажется, нормандской породы, сильная, вѣркая на ноги и легкая на бѣгу, но немногѣ пуглива.

Я просилъ ротмистра моего, Василя Харитомовича Шеглова, рекомендовать гусара Ансонова полковнику его, князю Четвертинскому, что ротмистръ мой исполнилъ немедленно, потому что гусары стояли отъ насъ въ двухъ стахъ шагахъ. Ансоновъ, послѣ кампаніи, получалъ георгиевскій крестъ за

спасеніе офицера, а потому былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Онъ хаживалъ ко мнѣ, въ Петербургѣ. Не знаю, живъ ли онъ.

Приключеніе мое сдѣлалось извѣстнымъ въ гусарскомъ полку, и особенно потому обратило на себя вниманіе, что я былъ очень молодъ....

Французская пѣхота стала выходить изъ лѣса, и на томъ мѣстѣ, гдѣ мы дрались, и въ деревнѣ завязалось пѣхотное сраженіе. Намъ потребовали на крайній правый флангъ. Нашъ полкъ, три эскадрона лейбъ-гусарскаго и александрійскій гусарскій полкъ составили отрядъ, подъ начальствомъ генерала графа Ламберта: ему поручено было сдѣлать рекогносцировку на крайнемъ лѣвомъ флангѣ Французовъ, который какъ будто прятался отъ насъ за лѣсомъ и селеніями. Мы пошли впередъ, обогнули лѣсъ и увидѣли сильную пыль. Это были свѣжія войска, шедшія къ маршалу Мортъе. Кавалерія прикрывала ихъ движеніе и стояла, спѣшившись, передъ деревнею. Лишь только мы показались на опушкѣ лѣса, во французской кавалеріи затрубили тревогу, и она двинулась шагомъ. Противу насъ были драгуны и знаменитые кирасиры. Здѣсь мы впервые встрѣтились съ ними. Надобно сказать правду, что видъ этихъ кирасировъ, на огромныхъ лошадяхъ, въ блестящихъ латахъ, съ развѣвающимися по вѣтру конскими хвостами, на шишакахъ, производилъ впечатлѣніе. Но мы такъ быстро ударили на нихъ, что не дали имъ опомниться, и прогнали ихъ за деревню. Въ погонѣ, наши уланы многихъ кирасировъ и драгуновъ ссадили съ лошадей пиками. Я также былъ въ атакѣ съ своей пикой, и два мои любимца, Кандровскій и Табулевичъ, не отставали отъ меня ни на шагъ и безпрестанно повторяли: «Не горячитесь, ваше благородіе! Берегитесь, чтобъ лошадь не занесла васъ въ середину Французовъ! Не выскакивайте впередъ!» и тому подобное. Я работалъ пиккою наравнѣ съ другими, и въ догонку покалывалъ дюжихъ кирасировъ а posteriori, а одного даже свалилъ съ лошади, при помощи Табулевича. Но когда мы, прогнавъ Французовъ за деревню, остановились, я былъ такъ измученъ, что едва могъ держать пикку въ рукахъ. Отломивъ остріе, я спряталъ его въ чемоданъ, на память, и бросилъ дrevко. Пика была не по моимъ силамъ и утруждала меня.

Французы въ большихъ массахъ собирались за деревней, и мы отступили къ своимъ. Въ нашей первой линіи, на пра-

воиъ флангѣ, было до 35 эскадроновъ легкой кавалеріи. Впереди стоялъ гродненскій гусарскій полкъ, потомъ нашъ, на одной линіи съ александрійскимъ гусарскимъ, далѣе лейбъ-гусары и лейбъ-казаки. Противу насъ вышли изъ-за лѣса 50 эскадроновъ, французскихъ драгуновъ и кирасировъ, въ трехъ колоннахъ: одна ударила въ центръ, а двѣ во фланги.

Я всегда удивлялся и удивляюсь храбрости тѣхъ писателей, которые не видавъ даже издали сраженія, описываютъ битвы и еще разсуждаютъ о военныхъ дѣйствіяхъ! Напримѣръ, кто не бывалъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ, тотъ не можетъ имѣть объ немъ яснаго понятія. Многіе воображаютъ, что двѣ противныя кавалеріи скачутъ одна противу другой, и столкнувшись, рубятся или колются до тѣхъ поръ, пока одна сторона не уступитъ, или что одна кавалерія ждетъ на мѣстѣ, пока другая прискачетъ рубиться съ нею. Это бываетъ только на ученьи или на маневрахъ, но на войнѣ иначе. Обыкновенное кавалерійское дѣло составляетъ непрерывное волненіе двухъ массъ. То одна масса нападаетъ, а другая уходитъ отъ нея, то другая масса, прискакавъ къ своимъ резервамъ, оборачиваетъ лошадей и нападаетъ на первую массу, и опрокидываетъ ее. Это волненіе продолжается до тѣхъ поръ, пока одна масса не сгонитъ другой съ поля. Во время непрерывнаго волненія, рубятъ и колютъ всегда тѣхъ, которые скачутъ въ тылъ, то есть бьютъ въ догонку. Бываютъ и частныя стычки — но это не идетъ въ общій счетъ. Иное дѣло въ фланкировкѣ. Это почти то же, что турниръ. Тутъ иногда фланкеры вызываютъ другъ друга на поединокъ, и каждый дерется отдѣльно.

Мы дрались съ французскою кавалеріею нѣсколько часовъ сряду, съ перемѣннымъ счастьемъ. То мы ихъ прогоняли, то они насъ, а между тѣмъ и къ нимъ и къ намъ приходили подкрѣпленія. Но подкрѣпленія ихъ были гораздо сильнѣе, и мы должны были бы уступить имъ поле, если бы не прибылъ къ намъ, кстати, на помощь, генералъ-адъютантъ Уваровъ, съ резервной кавалеріей и нѣсколькими орудіями конной артиллеріи. Мы повели общую атаку цѣлымъ правымъ флангомъ, опрокинули всю французскую кавалерію, устлали поле ихъ латниками и драгунами, прогнали всю массу подъ лѣсъ, и возвратясь на наше прежнее мѣсто, выстроились *шашичей* (en échiquier), и ожидали окончанія пѣхотнаго сраженія. — И такъ, на правомъ нашемъ флангѣ была одержана

необѣда: поле сраженія было въ нашихъ рукахъ, и прогнавшій непріятель не смѣлъ болѣе атаковать насъ.

Между тѣмъ, въ центрѣ, гдѣ находились генераль Дохтуровъ, и еще болѣе на лѣвомъ флангѣ кипѣла ужасная битва. Особенно тяжело было князю Багратиону, на лѣвомъ флангѣ, куда устремлены были всѣ усилія французской пѣхоты и артиллеріи. Выстрѣловъ уже нельзя было различать: гремѣлъ непрерывный громъ и поле покрыто было дымомъ. Страшный гулъ разносился по полю и по лѣсу, земля стонала. Мѣстоположеніе, занимаемое княземъ Багратиономъ, было самое невыгодное. Рѣка Алле изгибается въ этомъ мѣстѣ въ видѣ буквы С, съ острою впадиною въ серединѣ. Долина эта острымъ концемъ примыкаетъ къ городу. На этой-то площади, въ 250 квадратныхъ сажень, дрался князь Багратионъ съ величайшимъ отчаяніемъ и ожесточеніемъ, противъ тройныхъ силъ, удерживая штыками густыя колонны непріятели. Тридцать шесть французскихъ орудій непрерывно стрѣляли картечью на одинъ пунктъ, на пятьдесятъ сажень разстоянія, между тѣмъ какъ французская пѣхота неустрашимо лѣзла на штыки. Намѣреніе Наполеона состояло въ томъ, чтобъ перекинувъ наши лѣвый флангъ и центръ за рѣку, овладѣть городомъ, и такимъ образомъ отрѣзать нашъ правый флангъ. Однако жъ, пѣхота наша держалась до вечера, съ величайшимъ мужествомъ — и каждый шагъ впередъ дорого стоилъ Французамъ. Наконецъ, въ шестомъ часу, Беннигсенъ приказалъ князю Багратиону отступать за рѣку, по мостамъ, выславъ прежде артиллерію и устроивъ на возвышенномъ противоположномъ берегу батареи изъ 120 орудій, которыя сильно громили Французовъ. Беннигсенъ тогда еще не думалъ рѣшительно отступать: онъ намѣревался только собрать армию, дать ей отдыхъ, на другой день перейти снова по сую сторону рѣки и возобновить сраженіе. При переправѣ настала жестокая рѣзня — но наши должны были уступить, потому что Французы были здѣсь вдесятеро сильнѣе и подавляли нашихъ своею массою. Князь Багратионъ принужденъ

• Генераль Беннигсенъ въ донесеніи своемъ Государю Императору говорить объ этомъ кавалерійскомъ дѣлѣ: «Сраженіе продолжалось нѣсколько времени съ равною съ обѣихъ сторонъ жестокостію и ожесточеніемъ, однакожъ, успѣхъ былъ еще не рѣшителенъ». Совершенно справедливо. Наши уланы и гусары отчаянно врвались въ средину Французовъ и скакали вѣсело съ ними, нанося удары на всѣ стороны. Я также увлеченъ былъ въ средину французскихъ кирасировъ.

были в дѣтѣ по возожженнымъ мостамъ. Въ то же время французскіе брандскугели зажгли Фридландъ.

Мы не знали положительно, что происходитъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Уже смеркалось, и зарево пожара освѣтило горизонтъ. Безпрерывный громъ орудій превратился въ частыя залпы. Мы не предвидѣли ничего хорошаго. Наконецъ, нѣсколько заплутавшихся пѣхотинцевъ извѣстили начальника праваго фланга, князя Горчакова, что князь Багратионъ и Дохтуровъ перешли черезъ рѣку, что мосты горятъ, и что Французы заняли городъ. Положеніе наше было весьма опасное: мы были отрѣзаны! Но князь Горчаковъ рѣшился штыками проложить себѣ путь сквозь французскую армію. На правомъ флангѣ была сильная часть нашей арміи, и флангъ нашъ удержалъ, до послѣдняго часа, поле сраженія. Князь Горчаковъ надѣялся еще поправить дѣлю, Пѣхота пошла обратно въ городъ, а кавалерія прикрывала это движеніе. Вся французская конница выступила противу насъ и шла за нами, не смѣя насъ атаковать. Когда мы остановились, и французская кавалерія сдѣлала то же. Между тѣмъ, одна наша дивизія ворвалась со штыками въ городъ и бросилась на Французовъ. Настала страшная битва! Французы были вдесятеро сильнѣе. Корпуса Нея и Виктора удержали напоръ нашей пѣхоты, корпуса Ланна и Мортъе ударили на нее съ тыла—но ни перекрестный огонь, ни нападеніе въ штыки не могли принудить ее къ сдачѣ. Наши дрались, въ полномъ смыслѣ слова, до послѣдней капли крови, успѣли отбиться и выйти за городъ. Но куда ити, гдѣ искать спасенія, когда мосты уже не существовали, а между нами и другою частью нашей арміи были Французы? Въ это время кавалерія ихъ двинулась впередъ, выставивъ передъ собою многочисленную конную артиллерію. Ядра и брандскугели посыпались въ насъ, и по всей французской линіи раздались громкіе клики: «Victoire! en avant! Vive l'Empereur!» Пожаръ освѣщалъ поле сраженія... Мы видѣли, что къ французской кавалеріи подходятъ колоннами ихъ пѣхота съ артиллеріей и образуя полукругъ, прижимаютъ насъ къ рѣкѣ Алле. Пушечные выстрѣлы стали чаще.... Подъ городомъ, гдѣ-то былъ бродъ.... Пѣхота праваго нашего фланга бросилась въ рѣку.... но многіе не попали на мелкое мѣсто и утонули; другіе бѣжали по берегу, ища брода; иные поплыли—никто не хотѣлъ сдаться въ плѣнъ. Артиллерія наша также пошла

въ бредъ.... Наконецъ пришла и наша очередь—мы поплыли вплавь черезъ рѣку....

Легко сказать, переплыть на лошади черезъ рѣку—но какъ плыть ночью, не зная мѣстности, и когда съ тыла жарятъ ядрами и брандскугелями! На берегу рѣки былъ сущій адъ! Крикъ и шумъ ужасный.... Тутъ тонуть, тамъ умоляютъ о помощи, здѣсь стонуть раненые и умирающіе.... Пѣхота и конница сбились въ кучу.... Нельзя пробраться къ берегу, а между тѣмъ ядра и брандскугели валяютъ въ толпы и въ рѣку.... Господи, воля твоя!... Если бъ въ эту минуту французская кавалерія бросилась на насъ, то надѣлала бы бѣды; но она помнила, какъ мы дрались съ нею днемъ, и не посмѣла напасть на насъ. Только крикомъ она давала намъ знать, что она тутъ....

Я пробился къ берегу вмѣстѣ съ поручикомъ нашего эскадрона Кеттерманомъ. Берегъ былъ крутой и песчаный, хотя и не слишкомъ высокій. Мы стали разсуждать, не лучше ли отправиться въ другое мѣсто, какъ вдругъ передъ нами ударило ядро и засыпало насъ пескомъ. Лошадь Кеттермана съ испугу соскочила въ воду, а я пришпорилъ свою, приударилъ фухтелемъ, и она также прыгнула въ рѣку.

Лошадь моя плыла тяжело, такъ, что только голова видна была изъ воды. При первой опасности я приготовился прыгнуть съ сѣдла и ухватиться за гриву или за хвостъ, потому что въ корпусѣ насъ по несчастью, не учили, плавать—а это необходимо военному человѣку. Тутъ же переправлялась и пѣхота. Пѣхотинцы плыли, ухватясь за хвостъ уланскихъ лошадей. У одного пѣхотинца лошадиный хвостъ выскользнулъ изъ рукъ, и онъ, на самой срединѣ рѣки, схватилъ меня за ногу. Вотъ бѣда! Я сталъ барахтаться, чтобъ освободить ногу, а между тѣмъ лошадь моя начала фыркать, пыхтѣть, отстала отъ другихъ, и наконецъ примѣтно опустила въ воду.... Нѣтъ спасенья, подумалъ я. .. какъ вдругъ стремянка (по нынѣшнему штрипка) на рейтузахъ лопнула, сапогъ слѣзъ съ ноги, и пѣхотинецъ ухватился за гриву плившей рядомъ со мною лошади, а я давай жарить фухтелями и даже колотъ саблей мою лошадь—она ободрилась и кос-какъ доплыла до берега. Вышедъ на берегъ, я перекрестился! На половину я былъ въ поту, а на половину мокрый.... Въ головѣ у меня вертѣлось....

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега былъ лѣсъ. Подъ лѣсомъ и въ лѣсу горѣли огни и собирались полки. Тутъ раз-

давались звуки трубы, тамъ были въ барабанъ, адѣсь громко свали полки по именамъ, а между тѣмъ пушечные выстрѣлы съ противоположнаго берега не умолкали и ядра прыгали по берегу. Я сталъ прислушиваться. «Гей, уланы Его Высочества, сюда!» Потомъ труба протрубила сборъ.... Вду на родной голось—и вотъ наши флюгера.... Ну, слава Богу, я дома!

Надежало переодѣться и обуться. Мой чемоданъ былъ подмоченъ. Уланы стали сушить при огнѣ мое платье и бѣлье; одинъ товарищъ далъ мнѣ сапоги, другой наполнилъ какимъ-то адскимъ напиткомъ, горячей водою съ простымъ хлѣбнымъ виномъ, чтобъ согрѣть мнѣ желудокъ—и пока платье и бѣлье мои сушились, я завернулся, *in naturalibus*, въ солдатскую шинель, и заснулъ на сырой землѣ такъ спокойно и пріятно, какъ не спалъ ни одинъ откупщикъ наканунѣ торговъ....

Поработали мы въ эти два дня, 1 и 2 іюня! За то и самъ Наполеонъ и всѣ французскіе воины, бывшіе подъ Фриландомъ, сознались, что русскіе дрались превосходно, и что въ плѣнъ взяты только раненые. Не только ни одинъ полкъ—ни одинъ русскій взводъ не положилъ оружія и не сдался: всѣ дрались пока могли!

Дрались чудно, а почему же не одержали побѣды?—Не наша вина. Генералъ Жомини, опытный судья (*juge compétent*) въ военномъ дѣлѣ, говоритъ, что Беннигсенъ надѣлалъ множество ошибокъ въ этомъ сраженіи—и главные ошибки его въ томъ, что утромъ онъ не напалъ сильно на маршала Ланна, котораго легко могъ бы разбить, до прибытія всей французской арміи, занявъ выгодную позицію, и что далъ сраженіе на самомъ не выгодномъ для насъ мѣстоположеніи, имѣя въ тылѣ рѣку, и помѣстивъ лѣвое крыло, такъ сказать, въ мѣшкѣ (*cul de sac*), въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ему нельзя было маневрировать, растянувъ притомъ слишкомъ далеко свое правое крыло. Вѣрю генералу Жомини, но думаю, что вся бѣда произошла оттого, что Беннигсенъ никакъ не предполагалъ имѣть дѣло съ самимъ Наполеономъ и со всѣми его силами. Плѣнные Французы, которыхъ наши брали во весь день, на разныхъ пунктахъ, единогласно утверждали, что противу насъ только корпуса Ланна, Нея, Удипо и корпусъ, составленный изъ Нѣмцевъ и Поляковъ. Французы сами не знали, что къ Фриланду идутъ послѣшно всѣ силы Наполеона, и только въ 6 часовъ вечера мы узнали, что Наполе-

онъ и вся французская армія (исключая кавалерію Мюрата и корпусъ Дюку и Сульта) находится на полѣ сраженія. Наполеонъ подошелъ въ сраженіе не ранѣе втораго часу по полудни, но переднія его войска, бывшія уже въ дѣлѣ, не знали объ атомъ. Впрочемъ, хотя Беннигсенъ былъ хорошій генералъ—но такіе генералы были и будутъ, а Наполеоны, Александры Македонскіе, Цесари, Фридрихи-Великіе и Суворовы рождаются вѣками. У Наполеона при одномъ взглядѣ на поле битвы рождались соображенія, которыхъ достаточно было бы для десяти отличныхъ генераловъ. Наполеонъ былъ гений! Дѣло мастера бонится!

Кто не проигрывалъ сраженій! Потеря наша была велика, потому что мы дрались отчаянно, съ храбрымъ и почти вдвое сильнѣйшимъ непріателемъ, и потому что наша пѣхота лѣваго фланга и центра пѣльнѣй день выставлена была на чистомъ полѣ, противу многочисленной и отличной французской артиллеріи. До десяти тысячъ человекъ выбыло у насъ изъ фронта, убитыми, ранеными и плѣнными. Но и потеря Французовъ была велика. Не съ овечками они шли дѣло!

Простоявъ часа два подъ лѣсомъ, и собравшись, если не полками, то, по крайней мѣрѣ, отрядами, мы пошли въ походъ еще ночью, и на другой день перешли черезъ рѣку Прегель, подъ городомъ Велая. Князь Багратіонъ съ арріергардомъ и Платовъ съ своими казаками приказывали ретирату. 5 іюня присоединились къ арміи прусскій корпусъ генерала Лестока и отрядъ графа Каменскаго, бывшіе въ Кенигсбергѣ, для защиты его. Чтобъ не быть отрѣзанными, они сдали городъ маршалу Сульту, безъ боя, со всѣми запасами.

Мы шли чрезвычайно послѣшно. Арріергардъ нашъ почти ежедневно имѣлъ перестрѣлку съ непріателемъ, а Платовъ, съ своими казаками, безпрестанно кружилъ въ тылѣ и оставивалъ французскую кавалерію. Каждый день слышали мы пушечные выстрѣлы, и наконецъ, 7 іюня, перешли черезъ Неманъ, подъ Тильзитомъ, послѣ сильнаго арріергарднаго дѣла, въ которомъ князь Багратіонъ и атаманъ Платовъ покрылись славою. Резервъ Его Высочества Цесаревича, и въ томъ числѣ нашъ полкъ, остановился на бивакахъ при селеніи Беннекайтентъ.

Въ сраженіи подъ Фридландомъ мы не видали нашего шефа, Цесаревича. Онъ былъ, съ гвардейскою пѣхотою и тяжелою гвардейскою кавалеріей, на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Знаю, что гвардейскіе егеря и тяжелая гвардейская кавале-

рім станицями по дѣ Фридрихсдорфъ; но чого самъ де видаць и чого по дробно не знаю, о томъ и не говорю. — Конно-гвардейскій и гвардейскій егерскій полки выставлені были въ роліаціі примірними.

Еще мы не знали, что война кончится, и полагали, что получить поддержку отъ Россіи, снова перейдемъ за Нѣманъ и отдадимъ за неудачу. Духъ въ войскѣ былъ превосходный. Не только офицеры, но и солдаты вовсе не приуныли — напротивъ, горѣли желаніемъ сразиться. Славное было наше войско!

Еще до перехода нашего чрезъ Нѣманъ начались переговоры о перемиріи, и на третій день высланъ былъ въ главную квартиру Наполеона, въ Тильзитъ, генералъ князь Лобановъ-Ростовскій, для предложенія условій. Въ нашу главную квартиру присланъ былъ любимецъ Наполеона Дюрокъ, пользовавшійся благосклонностью Государя — и послѣ нѣсколькихъ переѣздовъ парламентаровъ, заключено въ Тильзитѣ перемиріе, 9 іюня.

Кажется, что обѣ стороны нуждались въ мирѣ, и едва ли Наполеонъ не болѣе Императора Александра. Наполеонъ привыкъ послѣ рѣшительнаго сраженія разгонять цѣлыя арміи, забирать въ плѣнъ цѣлыя непріятельскія корпуса — а эта война доказала, что русскаго солдата можно убить, съ опасностью, однако жъ, быть самому убитымъ, но что на него нельзя навести панического страха, нельзя искуснымъ манеромъ принудить къ бѣгству и сдачѣ, нельзя быстрымъ натискомъ въ штыки заставить положить оружіе. Русскіе, въ сомннутыхъ рядахъ, дерутся до тѣхъ поръ, пока держатся на ногахъ, и русскіе ряды можно сокрушить ядрами и картечью, но разогнать русскихъ солдатъ, какъ стадо — невозможно! Послѣ сдачи Ульма и Аустерлицкаго сраженія шла Австрія; послѣ Іюнскаго и Ауерштетскаго сраженія почти вся прусская армія разсѣялась, всѣ почти крѣпости сдались, города и провинціи покорились! А какіе же блистательные результаты пріобрѣлъ Наполеонъ въ войну 1806 и 1807 годовъ съ Россією! Съ обѣихъ сторонъ было множество убитыхъ и раненыхъ, груды труповъ, рѣки крови — только! Въ хвастливой прокламаціи къ своему войску, для ободренія измученныхъ солдатъ своихъ, Наполеонъ, удвоивъ число убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Русскихъ, чого, разумѣется, ни кто не могъ сосчитать — сознается, однако жъ, что въ двѣ кампаніи взято только

самъ русскихъ знаменъ! И мы взяли столько же знаменъ у Французовъ. Послѣ побѣды подъ Фридрихсдорфомъ, раненныхъ русскихъ солдатъ взято въ плѣнъ только полторы тысячи, по признанію французскихъ историковъ — и между тѣмъ, цѣлыя французскіе полки, бригады, дивизіи совершенно разстроились, полки уменьшились на половину, цѣлыя роты исчезли. Во французской арміи было болѣе 30,000 больныхъ. Правда, что взятіе Кенигсберга доставило Наполеону большую матеріальную помощь, огромные запасы фуража и провіанта, все нужное для устройства госпиталей, и до 150,000 англійскихъ ружей. Но откуда взять людей для укомплектованія арміи? Франція выслала все, что могла выслать, и рекрутами нельзя было замѣнить старыхъ солдатъ, павшихъ подъ Пултускомъ, Прейсишъ-Эйлау, на Пассаргѣ, подъ Гейльсбергомъ и Фридрихсдорфомъ. Положеніе Наполеона послѣ побѣды подъ Фридрихсдорфомъ едва ли улучшилось въ сущестѣ, хотя военная слава его возрасла.

Наше войско торжествовало въ войнѣ съ Турками. Молдавія и Валахія были въ нашихъ рукахъ. Возбужденный Франціей къ войнѣ съ Россією, Султанъ Селимъ заплатилъ жизнью за свое упорство. На Турцію Наполеонъ не могъ уже надѣяться. Къ русской арміи шли сильныя подкрѣпленія, и уже прибыло до 20,000 пѣхоты и многочисленныя толпы Башкировъ и Калмыковъ. Наполеонъ зналъ, что, по одному слову Императора Александра, вся Россія вооружится, и что Австрія притаясь устраиваетъ уже новую армію. Наполеонъ зналъ также, что всѣ германскіе народы кипѣли ненавистью къ Франціи и особенно къ нему, и желали возобновленія борьбы, что, наконецъ, Франція жаждетъ мира. Онъ былъ необходимъ Наполеону для упроченія его династии и для утвержденія политическихъ преобразованій на Западѣ Европы. Дюроку поручены были переговоры о свиданіи Наполеона съ Императоромъ Александромъ — и желаніе Наполеона сбылось.

Протекуть многіе вѣки, пока міръ увидитъ вновь такое величественное зрѣлище, какое мы видѣли съ берега Немана!

На срединѣ рѣки, Французы устроили два парома, съ павильонами. Во второмъ часу по полудни, по двумъ выстрѣламъ изъ пушекъ, отплыли отъ двухъ противоположныхъ береговъ два катера. На одномъ былъ Наполеонъ съ вѣтемъ своимъ Мюратомъ, маршалами Дюрокомъ, Бертье,

Воспарить и побѣдить своихъ побѣдъ — штабъ-офицерамъ Кавказурама. Пребывавши на этомъ матерѣ были матросы французскаго гвардейскаго экипажа. Императоръ Александръ явля съ собою Его Высочество Цесаревича, генераловъ Беннигсена, князя Лобанова-Ростовскаго, Уварова и графа Лансда (бывшаго потомъ посломъ въ Англию) и министра иностранныхъ дѣлъ барона Будберга. На матерѣ Государя Императора гребли рыбаки, которыхъ одѣли, наскоро, въ обдѣлы куртки и шаровары. Наполеонъ прибылъ нѣсколькими минутами прежде на паромъ, и подалъ Императору правую руку, когда Оня выходилъ съ матерѣ.... Рука объ руку, они вошли въ наклонны въ воду многочисленныхъ зрителей, которыхъ устьяны были оба берега....

Будьба и моя будущность Европы, и можно сказать, всего образованнаго міра, сосредоточены были на этомъ паромѣ! — Вдѣсь были два полныя властелина севера и запада, одинъ сильный и восточнаго душою и обиды мнѣннѣмъ, другой военный генералъ и справнымъ своимъ мнѣнемъ — и оба могущественные храбрымъ войскомъ. Въ умѣ невольно возникала мысль о двухъ имперіяхъ: восточной и западной. Англія этого не значила на твердой землѣ; другія государства уже не слышали никакого голоса. Въ мірѣ были два самостоятельные Государя: Императоръ Александръ и Наполеонъ.... и вотъ Они держатъ другъ друга за руку, подъ открытымъ небомъ, въ виду своихъ войскъ!

И я былъ въ эту торжественную минуту на берегу Немана и видѣлъ издали очеркъ фигуры Наполеона.... Сколько мыслей играло тогда въ моей головѣ!

Байка осталась на мѣстномъ паромѣ, а государи вошли одинъ въ навиленъ и прибыли надинѣ около двухъ часовъ. Напомъ представлена имъ была свита.

На другой день также приближилось свиданіе, на паромѣ, въ паромѣ часу по полудни. На этотъ разъ присутствовалъ и король прусскій. Монархи провели полчаса вмѣстѣ и раздѣлялись, положивъ, что городъ Гильзитъ будетъ нейтральнымъ и что одну сторону его займутъ Французы, а другую Русскіе. Императоръ Александръ съ Его Высочествомъ Цесаревичемъ обѣдали въ этотъ день, въ Гильзитѣ, у Наполео-

Матросы французскаго гвардейскаго экипажа одѣты были въ синія куртки, съ красными гусарскими свурками впереди и въ синія шаровары. Они явля кивера. Этотъ экипажъ подалъ мысль къ учрежденію въ Россіи гвардейскаго экипажа.

на, и на другой или на третій день перешли въ городъ, на свои квартиры. Туда же перешолъ первый баталіонъ преображенскаго полка, подъ командою полковника графа М. С. Воронцова (нынѣ князь и намѣстникъ кавказскій), полурезкадромъ кавалергардовъ, съ ротмистромъ В. В. Левашовымъ (нынѣ графъ и генералъ отъ кавалеріи), одинъ взводъ лейбгусаровъ, съ ротмистромъ Рейтерномъ (умеръ генералъ-лейтенантомъ) и нѣсколько лейбъ-казаковъ.

Начались пиръ, смотри, прогулки и комѳеренціи о мирѣ и раздача орденовъ.

Ротмистръ мой В. Х. Щегловъ рекомендовалъ меня, особенно, полковому командиру полковнику Чаликову, который также былъ ко мнѣ весьма благосклоненъ и разсказалъ Его Высочеству приключенія мои подъ Фридрихландомъ. Его Высочество призывалъ меня къ себѣ, приказалъ разсказать всѣ подробности — обнялъ, поцѣловалъ и, въ замѣнъ потерянной мною шапки, удостоилъ подарить свою собственную, съ богатымъ берлинскимъ султаномъ, велѣвъ перемѣнить генеральскій помпонъ *.

Армія стала расходиться. Нашему полку назначено было идти на Жмудзь (въ Самогитію), въ окрестности Шавель, для откорма лошадей и исправленія амуниціи послѣ кампаніи. Я отпросился у Его Высочества въ отпускъ, къ матушкѣ моей, которой я давно не видалъ, обѣщая догнать полкъ передъ вступленіемъ его въ Петербургъ. Его Высочество былъ такъ милостивъ, что приказалъ даже выдать мнѣ прогонныя деньги, изъ собственной кассы.

Нанявъ крестьянскую подводу до Юрбурга, я купилъ тамъ легкую бричку и поскакалъ, на почтовыхъ, чрезъ Ковно, Вильно, Новогородекъ, Несвижъ, Слуцкъ — въ Глускъ. Прибывъ въ этотъ городишко, въ пять часовъ по полудни, я немедленно отправился въ монастырь отцевъ Бернардиновъ, и просилъ монаховъ указать мнѣ могилу отца моего. Нѣкоторые изъ монаховъ знали меня ребенкомъ: они поспѣшили исполнить мою просьбу. На дерновой могилѣ отца моего лежалъ простой камень и возвышался деревянный крестъ... Я бросился на колѣни и залился слезами.... Мало зналъ я отца моего, но ласки и нѣжная привязанность его ко мнѣ не изгладились и никогда не изгладятся изъ сердца моего и изъ моей памяти. На смертномъ одрѣ, въ послѣдней борьбѣ съ

* Генеральскіе помпоны (вмѣсто кокарды) были изъ канители, штабъ-офицерскіе изъ блестякъ, а оберъ-офицерскіе изъ серебряныхъ спурковъ.

жизнью, онъ еще вспоминалъ обо мнѣ, говорилъ, что разлука со мною — одна изъ двухъ пуль, которыя убили его, и что одинъ упрекъ своей совѣсти унести онъ въ могилу, а именно, что не оставилъ мнѣ того состоянія, которое досталось ему отъ предковъ.... Отецъ мой былъ добрый и благородный человекъ — ни съ кѣмъ не ссорился за деньги, которыя презиралъ, никого не оскорблялъ умышленно, никогда не входилъ ни въ какія интриги.... Пылкость характера, пламенное воображеніе и горячая, или, какъ онъ называлъ, албанская кровь — и притомъ общее своеволие и неурядица въ краѣ, были причиною многихъ его ошибокъ въ жизни: но никто никогда не говорилъ и не скажетъ, чтобъ онъ обманулъ когонибудь, намѣнилъ слово, дружбѣ, презрѣлъ права человечества. Правда, что, по пылкости характера, онъ получилъ презваніе *залову*, то есть бѣшеный; но онъ имѣлъ искреннихъ друзей, которые пламенно любили его за его честность, прямодушіе, самоотверженіе въ пользу другихъ, веселость и остроуміе. Честнаго человека, какого бы онъ ни былъ права, нельзя не уважать.... и честные люди уважали его — а подлые и низкіе ненавидѣли.

Поплакавъ, я взялъ горсть земли съ могилы, завернулъ въ платокъ и отправился въ церковь, попросивъ отцевъ бернардиновъ отслужить по отцѣ моемъ панихиду, и потомъ пошелъ на свою квартиру, въ постояломъ домѣ или корчмѣ. До Маковщцъ, которыя снова ностунили во владѣніе моей матери, было только нѣсколько верстъ, но уже былъ вечеръ и притомъ жидовскій шабашъ, слѣдовательно нельзя было скоро достать лошадей. Я не хотѣлъ беспокоить матери моей ночью.

Отцы Бернардины сообщили мнѣ пріятное извѣстіе о здоровьѣ матери моей. У корчмаря, гдѣ я остановился, сталъ я распрашивать о нашемъ маковщискомъ корчмарѣ Юселѣ, и съ радостію узналъ, что онъ переселился въ Глускъ и занимается торговлею рогатаго скота. Я шарочно надѣлъ лядунку, воткнулъ сулайъ на шапку, и велѣлъ проводить меня къ дому Юсея. Все семейство сидѣло за столомъ и ужинало. Комната, какъ водится въ шабашъ, была освѣщена люстрами. Отворивъ двери, я остановился и спросилъ громко: гдѣ Юсель? — Сѣдой старикъ вскочилъ съ мѣста, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, поклонился мнѣ въ поясъ. — «Ты ли Юсель?» спросилъ я серьезнымъ тономъ. — Я, *самое превосходительство!* отвѣчалъ Юсель, поклонившись снова въ поясъ: «что

присядете?» — «Неди, не особыишъ жени!» — присолилась и, приблизившись къ нему. Видный Барон испугался и не понимая, что это значитъ — «Обыишъ жени, Йосель: и Тадеушекъ... изъ Маковницъ.» — Йосель подбѣжалъ ко мнѣ, заплакавъ мнѣ въ лицо, и провалился въ ноги, воскликнувъ во все горло: «Ой, мой мъръ! Тадеушекъ.... гроее шурецъ (то есть живишй пань)!...»

Жена эта была бы ноншеская, если бы не была основана на глубокомъ чувствѣ. Я слышу: ждала съ женой Йоселя: отъ плакала и плакала жени кругомъ, какъ котенка, приговаривая: «Тадеушекъ, Тадеушекъ! Ахъ, если бы пань жилъ... ахъ, какъ бы онъ радовался... жить, онъ умеръ бы отъ радости!...» Я не могъ удержатъ слезъ жонки.

Наконецъ мы успокоились. Все семейство Йоселя окружало меня. Жена его охала,начала гоголою и ширала меня глазами. Йосель предложилъ мнѣ раздѣлить съ женой его трапезу, и я, съ особенныишъ чувствомъ, переломилъ съ женой лавку (по древнему обычаю), который жена вынула нарочно изъ шкафа. Это означало искренность гостеприимства и братства. Шабашовая сдранная пришла мнѣ по впусу: огромный шумъ, старшая барышня были хорошо изготовлены. Йосель откупорилъ бутылку кошернаго вина, которое польскіе Евреи за дорогую цѣну выписываютъ изъ Кенигсберга. После ужина, семейство жонки спало, и Йосель проводилъ меня до квартиры. Дорогою рассказывалъ отъ мнѣ о семейныхъ дѣлахъ нашихъ, но весьма для меня благоприятныхъ. Матушка выиграла процессъ, но ее обманули ея пошриване, и Йосель предвидѣвъ печальный конецъ.... «Исправить дѣла нельзя, такъ лучше молчать, чтобъ не огорчить матушку», сказалъ Йосель. Я послушалъ Йоселя: молчалъ тогда, и молчу теперь....

Въ мою очередь утра Йосель разбудилъ меня. Бричка моя стояла уже у порогца, «спринесенная парочю лопатей Йоселя. Въ слуга сидѣлъ на козлахъ. Я пригласилъ Йоселя ъхать со мною, но онъ отказался. «На меня гнѣвается.... за высканную правду», сказалъ Йосель: «спридетъ время — увидятся, что я желалъ добра!...» Я поѣхалъ въ Маковницъ....

Какъ бжгое сердце мое, когда я увидѣлъ кришу дома, гдѣ проводилъ безпечные дни дѣтства, высокія липы, полъ потоками рѣвился нѣмоща, въ глазахъ моихъ родителей.... Мать моя не отомнилась, когда я вошелъ въ комнату, но поспѣривъ на женя пристально, тотчасъ узнала, по необыкновенному сходству въ лицѣ съ покойнымъ отцомъ — зарыда-

ла и бросилась мнѣ на шею. Отъ слезъ перешли мы къ радости, которая снова смѣнилась грустью, когда я сталъ осматривать всѣ углы дома, сада, двора, припоминавшіе мнѣ отца. Явились старые слуги: нянька моя, любимые стрѣльцы отца моего, Семенъ и Кондрать, его люмый кучерь.... Всѣ они со слезами цѣловали мои руки, обнимали колѣна.... Въ эти два дня я выплакалъ сердце!...

Какъ много добраго въ человѣчествѣ, если сердце не отравлено ядомъ страстей, не окаменѣло отъ эгоизма, если воображеніе не развращено приманками свѣтской роскоши — и главное, если тщеславіе и алчность къ богатству не заглушили въ душѣ человѣческаго чувства! Чему радовался Юсель, увидѣвъ меня?... Отчего плакали всѣ эти добрые люди? — Въ нихъ говорило чувство.... Они во мнѣ видѣли отца моего, мною вспоминали прошлое....

При матери моей находился малолѣтний, перворожденный сынъ сестры моей Антонины, мальчакъ, по второму году, прекрасный собою.... Тутъ я впервые прижалъ его къ сердцу.... Онъ уже въ могилѣ! Мало онъ зналъ радостей въ жизни и перенесъ много горя.... Погубили его юношеская неопытность и дурные совѣты. Но онъ былъ человѣкъ благородный, съ жаждою познаній и съ дарованіями. Миръ праху его!

Мать моя нѣсколько разъ заговаривала со мною о дѣлахъ, но я, зная все отъ Юселя, не оказывалъ особеннаго любопытства. Изъ словъ ея замѣтилъ я, однакожь, что она чувствовала свою ошибку, давъ довѣренность занимать деньги, продавать и выкупать, безотчетно. Богъ съ ними—дѣло прошлое!

Изъ оставшихся и сохранившихся послѣ отца вещей, я взялъ гербовый его перстень, пару пистолетовъ, саблю, серебряные англійскіе часы, работы Нортонна * и нѣсколько книгъ, между которыми одна особенно приковала къ себѣ мое вниманіе, а именно: *Histoire secrète des cours d'Italie, par Gotani, etc.* Книга эта издана была въ свѣтъ во время французской революціи, и заключала въ себѣ множество весьма любопытныхъ фактовъ и философическихъ выводовъ. Это была первая прочитанная мною книга о современной политикѣ.

* Во второй половинѣ осьмнадцатаго вѣка, часы работы Нортонна славились столько же, какъ теперь часы Брегета. Нортонъ не дѣлалъ никогда золотыхъ часовъ, но всегда въ серебряной оправѣ. Объ этихъ часахъ будетъ еще упомянуто: они были мнѣ полезны въ важномъ случаѣ.

Въ бумагахъ отца моего, между которыми хранился актъ на крѣпостное владѣніе родовымъ нашимъ имѣніемъ Грицевичами, мать моя указала на письмо къ отцу моему покойнаго князя Карла Радзивилла (прозваннаго раніе *Kochan-ku*), о которомъ я говорилъ въ первой части моихъ Воспоминаній. Письмо было писано чужою рукою, въ 1789 году, когда князь уже былъ слѣпъ, но подписано его рукою. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, были слѣдующія слова: «Очень благодаренъ за исполненіе комиссіи, а деньги 300 червонцевъ возьми въ моей кассѣ, когда будешь проѣзжать чрезъ Вильно—показавъ сіи строки». Матушка моя сказала, что отецъ мой вовсе не получалъ этихъ денегъ, не бывъ въ Вильнѣ, на возвратномъ пути изъ Варшавы, и не хотѣлъ напоминать князю, который былъ болѣнъ, а по смерти князя относился въ опеку, но когда ему отвѣчали двусмысленно, разгнѣвался, возразилъ гордо и замолчалъ. Я взялъ это письмо и вознамѣрился попробовать счастья у наслѣдника князя.

Болѣе недѣли мнѣ нельзя было пробить у матери, и такъ простившись съ нею, я поѣхалъ въ полкъ. Маршрутъ былъ у меня, и я могъ разсчитать, гдѣ и когда догоню его. Свидѣвшись въ Глускѣ съ Юселемъ, я поручилъ ему поставить кованый желѣзный крестъ на могилѣ моего отца и хотѣлъ дать деньги впередъ, но Юсель не согласился, сказавъ, что напишетъ ко мнѣ въ Петербургъ, чего будетъ стоить памятникъ.

Изъ Глуска я поѣхалъ въ Несвижъ, рѣшившись представиться молодому князю Доминику Радзивиллу, наслѣднику Карла Радзивилла, и показать ему письмо его дяди. Попытка не шутка, а спросъ не бѣда, думалъ я.

Здѣсь я долженъ сообщить нѣсколько подробностей о двухъ послѣднихъ представителяхъ угасшей линіи князей Радзивилловъ, богатѣйшей изъ частныхъ фамилій въ Европѣ. Это послужитъ дополненіемъ къ характеристикѣ бывшей Польши, и составитъ послѣдній очеркъ феодальныхъ нравовъ въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Того, что было, никто уже не увидитъ на свѣтѣ!

О. ВУЛГАРИИЪ.

=

ПРИКЛЮЧЕНІЯ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

=

ЧАСТЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

=

I.

— Когда жъ ты, душа моя, разкажешь мнѣ исторію своего сердечнаго кораблекрушенія? спросилъ Дмитричій на другой день поутру, входя въ номеръ Рамирскаго и взявъ въ руки лежавшій на столѣ атласъ естественной исторіи инфузорій: мнѣ ужасно любопытно знать, что за несчастія такія и бѣды, отъ которыхъ люди вѣшаютъ носъ? Мнѣ кажется, топ сбер, что микроскопическое воззрѣніе на міръ и людей и есть именно несчастіе. Посмотри стеклянными глазами на воду, чистую, какъ брилліантъ, и въ этой водѣ откуда ни возьмутся вотъ эти чудовища съ греческими и латинскими наименованіями. Жажда страшная, вода свѣжа, свѣтла на глазъ, а пить отвратительно: мысль о чистотѣ ея нарушена; такъ все и кажется, что проклятые зубастые дрожалки и коловратки изгрызутъ всю внутренность.

Точно также взгляни только въ увеличительное стекло въ ифра-человѣчскія и на всѣ обстоятельства — просто несчастіе! Столько домотопныхъ чудовищъ, что по новолѣтѣ отворотнись отъ любви и отъ дружбы.

Кто жъ насемль этими коловратками и дрожалками чистую, свѣтлую природу? Духъ человѣка, разбитый въдребоги; каждая

частица его воплощается, живетъ, кусаетъ, щиплетъ, проситъ пищи: ты, говоритъ, произвелъ меня, ты и питай. Ты отбросилъ меня отъ себя, а я все таки отъ тебя не отстану. Такъ ли? Умво?

Но если человекъ расплодилъ грѣхъ, такъ пусть же и терпитъ отъ него, или находитъ свое счастье въ несчастіи, свою тишину посреди тревогъ и бурь, свою радость въ печали, свою любовь въ ненависти. Вотъ я, напримѣръ, и наслаждаюсь ненавистью къ вѣской Саломеѣ; мочи нѣтъ какъ хочется стереть рогъ ея гордыни, согнуть въ дугу ея непреклонность. Не будь ея, я давно бы влюбился въ кого-нибудь надлежащимъ образомъ; женился бы, сдѣлался бы отцомъ семейства, и непремѣннымъ членомъ англійскаго клуба.... Впрочемъ, не знаю, женился ли бы; можетъ быть я лгу: гдѣ взять настоящую *virgo*: сколько ни смотрю, все *virago*, все мужественныя дѣвы.

Рамирскій взглянулъ на Дмитрицкаго и вздохнулъ.

— Ты также, вѣрно, попалъ на какую-нибудь *virago*? Расскажи, Одея, отъ нечего дѣлать свою автобіологію.

— Не хочется говорить.

— Ну, не говори; принужденіе во всякомъ случаѣ никуда не годится. Добрая воля—дѣло другое: у доброй воли есть и языкъ и руки и ноги и тому подобныя вещи, годныя на дѣло. Чѣмъ же тебя разсѣять? Такой славный малый, а хавдришь. Знаешь что? Женись, ей Богу, женись!...

Рамирскій невольно улыбаулся.

— На какой-нибудь *virago*?

— Э, нѣтъ, я съ досады забылъ, что во всей природѣ есть исключенія, и въ этомъ случаѣ есть. Ты былъ влюбленъ?

— Можетъ-быть.

— Ну, следовательно, во всякомъ случаѣ, ты страдаешь отъ безнадежной любви. Здѣсь есть, братецъ, чудо, а не существо, которое также страдаетъ отъ безнадежной любви, въ этомъ я увѣренъ. Вы будете пара. Ты будешь жаловаться ей на непостоянство женщинъ; а она тебѣ на непостоянство мужчинъ; оба будете сожалѣть о первой любви и довольствоваться второю.

— Нѣтъ, любезный другъ, погасли мечты о счастьи жизни, ихъ не возжешь снова.

— Дѣло! Ты стѣнокъ; человекъ, который что заберетъ въ голову, того коломъ не выбьешь. А въ отношеніи къ счастью, *шоп сгер*, кромѣ стонцизма это значитъ и злопамятность.

— Не понимаю почему?

— А вотъ почему: судьба не дала тебѣ того, чего ты желалъ, такъ ты такъ на нее озлился, что плюнулъ, да и знать не хочешь того счастья, которое она сама тебѣ готовить.

— Желалъ! Что жъ значить желаніе сердца? вскричалъ Рамирскій, вскочивъ съ мѣста, — не истиннѣ ли потребности и желаній самой природы? Если у животныхъ истиннѣ не обманъ, за что же я въ себѣ буду считать его ложнымъ аппетитомъ къ чемунибудь? Нѣтъ! Не судьба отняла у меня мое, а люди! Доля моя отнята, другой не нужно! Чѣмъ замѣню я потребность сердца? Просто женской «игурой»? Золотомъ, почестями? Какимънибудь ошьянтіемъ свѣтской жизни?

— Правда, *mon cher*, что это все вещи болѣе существенныя или, такъ сказать, благоразумныя; но такъ какъ каждый человѣкъ безъ исключенія есть поэтъ, и не можетъ существовать безъ утоленія души, то есть именно безъ удовлетворенія того, что ты называешь истиннотомъ, то я и кладу оружіе передъ тобой. Въ самомъ дѣлѣ, про истинноту я забылъ.... Чего напримѣръ я существенно желаю по истинноту?... Женой—Саломею съ добрымъ, любящимъ сердцемъ вмѣсто злаго, тебя — другомъ, кусокъ земли на родинѣ, да кромѣ домашнихъ заботъ, какуюнибудь службу. Не служить людямъ нельзя: мы всѣ должны другъ другу служить своей способностью. Способность великая вещь; кто уродился барабанщикомъ или флейщикомъ, тотъ и въ должности фельдмаршала будетъ только барабанить въ уши и просидѣть побѣду.

Вшедшій Іоганъ прервалъ нравственные размышленія Дмитрицкаго докладомъ, что къ нему прѣехали какіе-то господа и желаютъ непремѣнно его видѣть.

— Такъ мы ѣдемъ сегодня въ клубъ? сказалъ Дмитрицкій: я распорядусь, чтобъ тебя записали.

— Пожалуй; но что я буду дѣлать въ клубѣ?

— Сегодня заказной обѣдъ на славу.

— Это для меня плохой соблазнъ.

— Не все ли равно скучать здѣсь или тамъ? По крайней мѣрѣ посмотришь на чудаковъ, которые откармливаютъ себя для того только, чтобъ ихъ со вкусомъ съѣли черви. До свиданія, *mon cher*.

Когда Дмитрицкій вышелъ, Рамирскій занялся чтеніемъ французской сказки про блуждающаго Жюда, и читалъ до тѣхъ поръ покуда Индѣйскій принцъ Джальма и мадамъ де-Кордевилль заснули вѣчнымъ сномъ, а самъ онъ задремалъ.

Въ это время собирався въ клубъ къ обѣду на славу Чарога.

Приказавъ запрягать коляску, онъ однако же ходилъ молча по-ломнать въ беспокойной нерѣшительности и посматривалъ на извѣстную вамъ особу, которая раскинулась въ креслахъ и приложивъ руку къ головѣ также сидѣла молча и задумчиво.

— У тебя вѣрно опять болитъ голова, Ernestine? Я съѣзжу посоветуюсь съ докторомъ.

— Я вижу, что вамъ хочется куда-нибудь ѣхать; не сидится дома.

— Мнѣ нужно сдѣлать нѣсколько визитовъ.... Если я запоздаю, пожалуйста, не жди меня къ обѣду.

— Отчего же? я могу ждать, вы можете возвратиться въ полночь.

— Вотъ прекрасно, въ полночь; я возвращусь непременно часомъ въ шесть.

— Это всё-равно для меня: я могу и не обѣдать.

— Фу, чортъ! Несносная баба!... проговорилъ про себя Чаровъ.

— Да для чего же не обѣдать, та сѣге?

— Оттого что я не изъ куска хлѣба у васъ живу.... Да сдѣлайте одолженіе, поѣзжайте; что вы обо мнѣ заботитесь?

— Да нельзя же.... Я не понимаю, за что тутъ быть въ претензіи.

— Какая претензія? Я васъ не удерживаю.

— Нельзя же мнѣ все дома сидѣть.... я имѣю свои отношенія.... проговорилъ Чаровъ съ досадою.

— Я знаю, что во всѣхъ отношеніяхъ жена послѣдняя. Но я еще не жена ваша, да и не наложница; вы это должны хорошо знать!

— Эй! крикнулъ Чаровъ, распречь: я не поѣду.

Закуривъ сигару, онъ сѣлъ на диванъ и тишина воцарилась.

— Я не знаю, сказала Саломея смягченнымъ голосомъ, послѣ долгаго молчанія: для чего себя принуждать. Для чего вы не ѣдете, когда вамъ хочется ѣхать? Если я высказываю чувства свои, кажется, не за что сердиться?.... Я могу перенести скуку быть одной.... Поѣзжайте.... я займусь музыкой....

Съ Чарова какъ-будто спали оковы. Появись еще немного на мѣстѣ, онъ какъ будто нѣхотя всталъ, велѣлъ подавать лошадей.

— Еслибъ не нужно было, правдо бы ли за что не поѣхалъ, сказалъ онъ, сѣвъ подлѣ Саломеи и поцѣловавъ ее въ плечо.

— Пошлите, пожалуйста, за мосьё Жоржемъ, я буду съ нимъ играть въ четыре руки.

— Не понимаю, Эрестина, что тебѣ вздумалось взять этого мальчишку; ну какой онъ артистъ? Я тебѣ рекомендовалъ лучшаго фортепьяниста....

— Учителя? Мнѣ учитель не нуженъ.

— Но онъ могъ играть съ тобой въ четыре руки, а этотъ мальчишка только сбиваетъ тебя; вчера я прислушался: ты его поправляла на каждомъ шагу.

— Ахъ, оставьте, вы не понимаете музыки.

— Какъ хочешь, ша снѣге, мнѣ только досадно, что всякое животное берется не за свое дѣло. Я не понимаю, какъ ты забываешь, что онъ просто играть не умѣетъ.

— Да, я хочу переобразовать его игру по своей методѣ и приспособить для акомпаниента; съ какими-нибудь глупыми виртуозомъ этого сдѣлать нельзя.

— Не понимаю. Впрочемъ, какъ хочешь, я только такъ скажъ.

— Въ которомъ часу вы возвратитесь? спросила Саломея, когда Чаровъ, прощаясь, поцѣловалъ у нея руку.

— Я постараюсь скорѣе возвратиться; я не хочу, чтобы ты безъ меня скучала. Во всякомъ случаѣ, я возвращусь часамъ въ шесть, и мы будемъ обѣдать вмѣстѣ.

— Но вы не располагали обѣдать дома.

— Но ты не любишь обѣдать одна.

— Со мной будетъ обѣдать мосьё Georges.

— Приглашать Богъ знаетъ кого съ улицы обѣдать съ собой! сказалъ Чаровъ съ досадой. Мнѣ ужъ пожалуйста, Эрестина, это мечта!... Всякая ска-атина будетъ у меня въ домѣ обѣдать! прибавилъ онъ по русски.

— За кого вы меня почитаете? За женщину съ улицы, которая не знаетъ приличій! произнесла, гордо вскинувъ голову и презрительно усмѣхнувшись, Саломея.

— Помилуй, Эрестина.... Ты всеѣмъ обижаясь, сказалъ Чаровъ, всегда смиравшійся предъ непремѣннымъ, высокоумнымъ взоромъ ея. Онъ выражалъ для него всю полноту достоинства не только свѣтской женщины высшаго тона, но какой-то Ююны, взшедшей для него съ Олимпа. Какъ будто припоминая, что Эрестина не простая смертная, Чаровъ тотчасъ же преклонялъ предъ ней колѣни и молилъ о помилованіи.

Вмѣсто отвѣту на его слова, Саломей очень спокойно отняла свою руку, которую онъ хотѣлъ взять.

— Ты меня не поняла, *mon chère*, началъ Чаровъ въ оправданіе: мнѣ все пріятно, что ты желаешь.... но иногда нельзя же.... мнѣ показалось, что ты разсердилась на меня и хотѣла затронуть этимъ мое самолюбіе....

— Разсердилась! Что это за выраженіе? Я его не понимаю.

— Если не понимаешь, такъ и не сердись, сказалъ Чаровъ, прилегая къ плечу Саломей.

— Пожалуйста поѣзжайте; дайте мнѣ успокоиться отъ непріятныхъ чувствъ, которыя вамъ такъ легко во мнѣ возбуждать.

— Какая ты, Эрнестина, раздражительная, хотѣлъ сказать Чаровъ, но побоялся. Ну, прости, сказалъ онъ ей вмѣсто этого и помчался въ клубъ.

На душѣ у него стало легко. Есть тяжелая любовь, отъ которой изтомленное сердце радо, хоть вздохнуть свободно.

Въ клубѣ Чарова встрѣтили съ распростертыми объятіями. Онъ какъ будто ожилъ со всѣми своими причудами и поговорками.

— Чаровъ! душа моя! Гдѣ ты, *mon cher*, пропадалъ? Можно съ чѣмъ нибудь поздравить?

— У-уродъ, ты, душа моя! ты знаешь, что я поздравленія съ праздникомъ принимаю у себя въ залѣ, а не здѣсь.

— Нѣтъ, скажи правду, сказалъ одинъ изъ закадычныхъ друзей, взявъ его подъ руку и отведя въ сторону. Говорятъ, ты женился?

— Ска-атива! Что жъ это запрещенная вещь, что ли, что ты меня спрашиваешь по секрету?... Аа! Рамирскій! Ты какъ попалъ сюда? вскричалъ Чаровъ, увидя Рамирскаго.

— Совершенно случайно, отвѣчалъ невольво смутясь отъ горькихъ воспоминаній, Рамирскій.

— Помнишь еще, или забылъ свой *malheur*, братецъ? Я самъ вскорѣ получилъ отставку; это ужъ такая служба: долго на мѣстѣ не просидишь. Меня, братецъ, отставили за грубость.

— Тебя, *mon cher*? Какая служба? Когда же ты служилъ? Какими образомъ тебя отставили? прервалъ пріятель Чарова.

— Очаровательная служба, братецъ, по вздыхательной части; да я вздыхать не умѣю.

Рамирскій не вынесъ, отвернулся къ магнату Волобужу, который стоялъ подлѣ и вглядывался въ Чарова.

— Позови же этого скаатину къ себѣ, сказалъ магнатъ, отходя съ Рамирскимъ на другой конецъ залы.

— Ахъ, полво пожалуйста, я его терпѣть не могу!

— Я самъ его терпѣть не могу, сказалъ и магнатъ: это-то и причина, по которой я хочу съ нимъ познакомиться по короче.

— Это кто такой? Чтò за новое лицо? спросилъ Чаровъ у своего пріятеля, показывая на магната.

— Это иностранецъ, Венгерецъ Волобужъ, магнатъ, богачъ и прелюбезный человекъ.

— Аа! Это-то онъ. Мой наследникъ у Нильской? Что правда это, что онъ близокъ къ ней?

— Говорятъ; впрочемъ, очень вѣроятно; онъ вскружилъ головы всѣмъ дамамъ.

— Ахъ, ска-атина!

— Скатица, скатица, а молодецъ; изъ первыхъ магнатовъ Венгрии; говорятъ, что кремниціе золотые и серебряные рудники принадлежатъ ему... Какіе, говорятъ, у него великолѣпные замки въ горахъ!...

— Тѣмъ лучше; уу-родъ! Играетъ онъ въ карты?

— О, еще какъ!

— Такъ я оберу у него всю золотую руду, и всѣ замки, поселюсь въ Венгрии; мнѣ Россія надобла!... Уу-родъ! сказалъ Чаровъ.

Хвастливая мысль какъ-будто подожгла его.

— Честное слово оберу его! прибавилъ онъ разгораясь.

— А что ты думаешь, накажи-ка его въ самомъ дѣлѣ, — это славно! сказалъ пріятель Чарова.

Извѣстно, что не столько собственныя мысли, сколько люди любятъ поджигать друга на предпріятія, гдѣ можно сломать голову: любопытное зрѣлище, весело смотрѣть, ахать и восклицать: каковъ!

— Рамирскій! сказалъ Чаровъ, схвативъ его за руку, такъ что онъ вздрогнулъ, пробужденный внезапно отъ задумчивости: Рамирскій, ты коротко знакомъ съ этимъ Венгерцемъ?

— Мы рядомъ живемъ въ гостиницѣ Лондонъ, и вотъ мое знакомство.

— Онъ, mon cher, говорятъ, интересный человекъ. Онъ у тебя часто бываетъ?

— Да, когда дома, мы проводимъ время вмѣстѣ.

— Я къ тебѣ пріѣду, познакомъ меня съ нимъ. Завтра вечеромъ я буду у тебя, пригласи его.

— Если хотите, я теперь же скажу ему, что вы желаете съ нимъ познакомиться.

— Non, non, non, много чести!... Лучше завтра у тебя, оказалъ Чаровъ: да! Что ты, топ сгер, не ревнуешь его къ Нильской?

— Это что за вопросъ? спросилъ Рамирскій, всныкнувъ.

— Хмъ! что за вопросъ! Какъ будто тебѣ неизвестно.

— Что такое?

— Про Нильскую? Ты бываешь у нея?

Рамирскій, не отвѣчая ни слова, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Чарова.

— Ну, ну, ну, — ты что-то такъ странно посмотрѣлъ на меня; понимаю, я умолкаю!... Bonjour, топ сгер! пойдемъ играть! крикнувъ Чаровъ, обратясь къ одному проходившему мимо толстяку, и ушелъ съ нимъ; а Рамирскій еще глубже задумался, прошелъ по залу, склонивъ голову, потомъ вышелъ въ переднюю и уѣхалъ.

II.

На другой день Дмитрицкій, по обычаю, вошелъ въ номеръ къ Рамирскому, который въ тревожномъ расположеніи духа ходилъ по комнатѣ.

— Здорово!

— Здравствуй, отвѣчалъ Рамирскій, не отводя глазъ отъ полу.

— Что ты такой странный?

— Ничего.

— Если ничего, такъ слава Богу. Представь себѣ, этотъ уродъ Чаровъ обыгралъ меня на двадцать тысячъ.... а? какво? Чортъ знаетъ, что за счастье! Съ нимъ *просто* невозможно играть!... Да какая страсть играть: такъ и лезетъ на ножъ... Онъ сказалъ, что сегодня ввечеру будетъ у тебя — дасть реванжику.... Но я боюсь съ нимъ играть, право боюсь! Въ первый разъ въ жизни оробѣлъ; но надѣюсь на счастье!

— Несчастливъ въ картахъ, счастливъ въ любви! сказалъ Рамирскій, вздохнувъ.

— Въ любви? Какая, топ сгер, любовь! И въ эту игру не составишь теперь на счастье и пожизненнаго капитала, не только что на вѣчность, чтобы, какъ говорится, и за гробомъ жить душа въ душу, обнявшись, и составить такъ сказать единое, цѣлое, нераздѣльное существо.

— Современность не требует этой вѣчности, по правилу, что въ мірѣ вѣчныхъ измѣнъ надо и самому быть измѣнчивымъ.

— Но юпитеровски? слѣдующимъ образомъ :

Enfin, renouçant aux amours,
Jupiter, devena fôdte,
Pour sa moitié, depuis huit jours,
Brûlait d'une ardeur éternelle.

Пустяки душа моя! Увѣряю тебя, что Юнона или несносная баба, которая мѣшалась не въ свои дѣла, или холодная баба, или истерическая женщина, — иначе быть не можетъ: съ чего Юпитеру отъ своей богини гоняться за весталками?

Да на это есть и фактъ: помнишь, въ первой пѣсни Илиады, она такъ привязалась къ нему изъ ревности къ Фетидѣ, что онъ хотѣлъ ее поколотить. Юпитеръ вышелъ изъ себя и хотѣлъ поколотить свою жену! Что жъ дѣлать съ несносной бабой просто-му-то смертному? а? самъ ты посуди! Жена будетъ пилить тебя: «да это почему, да это для чего, да ты отъ меня скрываешься, да я знаю почему ты вздумалъ помогать Троянцамъ!» По неволѣ скажешь какъ Юпитеръ: послушай, душа моя, у тебя на каждомъ шагу подозрѣнья, только и дѣла что за мной примѣчать, только и занятія что мѣшаться въ мои дѣла, да выпытывать, что и для чего я дѣлаю; я тебѣ говорю, что этимъ ты ничего добраго не сдѣлаешь, а только отворачивъ отъ себя мое сердце!.. Ну, разумѣется, и отворотила, и пошелъ добрый молодецъ на сторону; хорошо еще что не зашлъ.

— Хмъ! Ты славный чудакъ! сказалъ Рамирскій, разсѣявшись: скажи пожалуйста, любилъ ты когданибудь?

— Нѣтъ еще; если я влюблюсь, такъ женоюсь; да влюбиться не въ кого.

— Будто здѣсь нѣтъ ни одной женщины, которая бы могла тебѣ нравиться? спросилъ Рамирскій съ пытающимъ ревнивымъ взоромъ.

— Нравиться? Какъ не быть! особенно одна: Пильская.

— Что же? проговорилъ тревожно Рамирскій.

— Ничего; очень хороша собой, мила какъ нельзя больше, умна на сколько нужно, добрушка.

— Ну, такъ что же?

— Ничего.

— Какъ ничего?

— Да такъ, все есть для кого-нибудь, да для меня то чего-то недостаетъ.

— Чего же?

— Я думаю, любви.

— Стало-быть, она влюблена въ кого-нибудь? Въ кого? торопливо спросилъ Рамирскій.

— Въ кого! чудакъ! Почему жъ я знаю. Можетъ-быть въ тебя.

— Полно, Дмитрицкій! сказалъ встревоженный Рамирскій, вскочивъ съ мѣста и схвативъ Дмитрицкаго за руку: что за шутки!

— Это чтò жъ такое? спросилъ Дмитрицкій, посмотрѣвъ на него лукаво.

— Я не люблю такихъ шутокъ! отвѣчалъ Рамирскій.

— Да помилуй! откуда, какія шутки?

— Послушай, Дмитрицкій, ты мнѣ долженъ сознаться, почему ты это сказалъ.

— Чтò? чтò такое?

— Про мои бывшія отношенія съ нею? Вѣрно, тебѣ что-нибудь сказалъ Чаровъ?

— Э, душа моя! вскричалъ Дмитрицкій: никто мнѣ не говорилъ, ничего я не зналъ, ничего еще не знаю, а все понимаю!... Такъ вотъ оно откуда истекаетъ любовь къ морю, къ кораблямъ и фрегатамъ!... Я думалъ, что она собирается вступить въ морскую службу.

— Дмитрицкій! послушай! вскричалъ Рамирскій, и глаза его заблестали.

— Рамирскій! послушай! крикнулъ и Дмитрицкій: ты вѣрно измѣнилъ ей?

— Я? ей? нѣтъ! проговорилъ, горько усмѣхався, Рамирскій.

— Ну, такъ не понимаю. Говори мнѣ свою исторію любви.

— Нѣтъ! прежде всего я хочу знать твои отношенія къ ней. Мнѣ Чаровъ сказалъ... но что объ этомъ говорить... я прошу у тебя всей правды.

— Тебѣ сказалъ Чаровъ?... Хмъ! Ему можно, должно, нельзя не вѣрить!

— Такъ... кажется, продолжать не нужно? проговорилъ Рамирскій, вскочивъ съ мѣста.

— Отчего же? спокойно продолжалъ Дмитрицкій: вѣдь тебѣ сказалъ Чаровъ?

— Объ этомъ всѣ говорятъ!

— А! ну, въ такомъ случаѣ опять-таки нельзя не вѣрить; вѣдь это публика. Она все знаетъ: знаетъ даже какія у меня нитвія въ Венгріи, какія золотыя рудокопни, сколько я получаю

съ нихъ доходу и даже говорятъ, что я происхожу отъ Атллы, добивался престола великаго своего предка; да Меттернихъ узналъ... ну, и все дѣло испорчено: ни какъ не могъ добиться и съ досады уѣхалъ въ Россію.

— Полно шутить!

— Говори-ка свою исторію любви, говори!

— К чему?

— Да такъ, я хочу сдѣлать изъ всего математическій выводъ. Говори, душа моя!

Рамирскій, вздохнувъ глубоко, рассказалъ въ короткихъ словахъ, какъ рушились пламенные надежды его сердца.

— Ты несчастный человѣкъ, Федя! сказалъ Дмитрицкій, уставивъ глаза на Рамирскаго.

— Можетъ-быть! отвѣчалъ онъ, вздохнувъ еще глубже.

— Совершенно несчастный, несчастіе быть нельзя! Ска-тива Чаровъ, у-уродъ! отбилъ влюбленную по уши невѣсту! Да чтѣ жъ можетъ быть этого несчастіе? это, братецъ, муха слона проглотила, да желудокъ не сварилъ... ей-Богу!

— Ахъ, оставь шутки! вскричалъ Рамирскій: съ такими понятіями какъ твои, разумѣется, ничего, что женщина одному отдаетъ свою руку, а другому сердце!

— Да, да, да, именно: тебѣ руку, а Чарову сердце. Какъ ты думаешь, чтѣ это естественное дѣло?

— Очень естественное!

— Ты самъ своими глазами читалъ назначеніе свиданія.

— Самъ, своими глазами!

— Ея рука?

— Ея рука.

— Скверность какая!... Гдѣ жъ было назначено это свиданіе?

— У какой то Варвары Павловны. «Мы вмѣстѣ будемъ пить чай.» Чего жъ еще больше?

— Больше ничего и не нужно. Мы это все узнаемъ.

— Поздно.

— Ничего; десятилѣтняя давность не прошла.

— Нѣтъ ужъ, кажется, цѣлый вѣкъ прошелъ.

— Вѣкъ влюбленныхъ — гомеопатическій вѣкъ, неопредѣленный, смотря по величинѣ тоски. Ты ужъ, пожалуйста, не безпокойся, вздыхай себѣ. Это ничего. Я бы тебѣ акомпанировалъ, да не умѣю играть на этомъ духовомъ инструментѣ. Прощай куда! мнѣ сегодня надо сдѣлать, по-крайней-мѣрѣ, десять проклятыхъ визитовъ!

И Дмитрицкій отправился по визитамъ. Какъ знаменитый иностранецъ, онъ тотчасъ *разлился въ свѣтъ*, по направленію духа времени къ вавилонскому смѣшенію языковъ, и долженъ былъ, какъ и всѣ, считатьъ первымъ дѣломъ такъ-называемую поддержку знакомства.

Къ вечеру онъ возвратился, отдуваясь.

— Ну, душа моя, замучили даромъ, изъ ничего, изъ одного приличія, изъ одной прекрасной склонности къ общенію! Премило: хочешь не хочешь, есть время или нѣтъ, а изъясняй каждому встрѣчному и поперечному, дальнему и ближнему, высокому и низкому свое почтеніе, рассыпайся съ извѣстными недосказываемыми фразами: «Ахъ, какъ я радъ васъ встрѣтить!... Чтобъ васъ чортъ побралъ!... Куда жъ вы торопитесь!... Чорта ли вамъ здѣсь дѣлать?» Ну, душа моя, только теперь я вижу вопли, что человѣкъ есть разумное животное!... Чтò, Чаровъ еще не былъ? Покуда прїѣдетъ, я отдохну.

Но Чаровъ вскорѣ прибылъ.

Такъ какъ и Чарову и Дмитрицкому мало было дѣла до Рамирскаго, то они тотчасъ же и занялись другъ другомъ, съли для прелюдіи *по маленькой* въ преферансъ, вдвоемъ, прихлебывая счастье и несчастье виѣсто воды — вдовой клякò.

— Нѣтъ, вотъ въ Петербургъ!... продолжалъ Дмитрицкій, завязавъ *холостой разговоръ*: тамъ прекрасно, тамъ есть какая-то Варвара Павловна, къ которой прїѣзжаешь на чай, безъ церемоній, какъ къ родной!...

— Варвара Павловна? чиновница? вскричалъ, невыдержавъ, Чаровъ: знаю, знаю! Ахъ, я скаатина! прибавилъ онъ по-русски.

— Безподобно!... продолжалъ Дмитрицкій преравнодушво, несколько не стараясь вытягивать любопытствомъ языкъ Чарова: прїѣдешь, какъ домой, надѣнешь татарскую одежду!...

— Ахъ я скаатина! Не повять! пропустить такой случай!... Ну! я теперь только постигаю, отчего на меня надулись!... Представьте себѣ: одна примилевкая дама, разумѣется, *dame du grand monde*, я не могу однакожъ сказать ея имени, просила меня похлопотать объ мѣстѣ одному чиновнику, мужу будто бы своей пріятельницы!... Я разумѣется!... *mais c'est drôle*!... доставляю ему мѣсто!... и, *comme de raison*, получаю записку, въ которой пишутъ мнѣ, что благодѣтельница пріятельница зоветъ насъ къ себѣ на чай, и хочетъ лично благодарить!... Я ничего не воображаю, ничего не понимаю, ничего не подозреваю!... Ёду!... какъ дуракъ!... мнѣ представляютъ мужа, дѣтей!... повять чаемъ!...

— Рамирскій, перервалъ Дмитрицкій, ты проигралъ мнѣ сунтъ конфектъ; пошли, mon cher, мнѣ хочется ихъ съѣсть теперь.... eh bien? ну?

— Ну, прѣхалъ и уѣхалъ дуракомъ!... недогадливъ.... ска-ати-на! Но я не понимаю какъ принимать къ себѣ въ домъ такую женщину.... diable! Какъ тутъ не обмануться? Очень образованная, милая женщина, играетъ на фортепяно, прекрасно поетъ, въ дополненіе: мужъ, дѣти.... Ну, какъ тутъ что-нибудь подумать?....

— Ну, вѣтъ, это совершенно не та Варвара Павловна, объ которой я говорю, сказалъ Дмитрицкій. Та довольно простая женщина, живетъ одна и вислолько не мила и не образована.... Коса, или крива, не помню, на носу бородавка, ротъ на сторону....

— А! Ну, это не та! Ха, ха, ха, ха! Я пришелъ было въ ужасъ! крикнулъ Чаровъ, обрадовавшись, что не былъ въ дуракахъ.

— И я было пришелъ сначала въ ужасъ.... но ужасаться ничему не должно сначала, потому что много ужасное — въ сущности — шпикъ, и больше ничего. Je vous assure, mon cher, Рамирскій.

Рамирскаго била лихорадка во время разсказа Чарова; онъ сърежеталъ зубами на Дмитрицкаго, который равнодушнымъ своимъ выпытываньемъ доводилъ его уже доотчаянія. Но вдругъ отлегло на сердцѣ у Рамирскаго и онъ готовъ былъ броситься къ Дмитрицкому на шею.

— Мосѣ Чаровъ, вамъ что-то не везетъ сегодня, сказалъ Дмитрицкій: не позвизать ли тонъ?

— Удвоить, утроить, если хотите! крикнулъ Чаровъ.

— Мнѣ выгодно, отвѣчалъ равнодушно Дмитрицкій: я знаю, что я сегодня выиграю.

— Посмотримъ!

— Увидите: я всегда предчувствую.

Счастье Чарову въ самомъ дѣлѣ не повезло; онъ выходилъ изъ себя, лицо его стало блѣдно, глаза внали, какъ послѣ долго-временной болѣзни.

— Эй! новыя карты! крикнулъ онъ, хлопнувъ колоду объ столъ такъ, что карты разлетѣлись по всей комнатѣ.

— Чаровъ, здѣсь гостиница, а не собственный вашъ домъ, сказалъ Рамирскій, выходя съ неудовольствіемъ въ другую комнату.

— Такъ завтра ввечеру ко мнѣ, мосьё de Volobouge! проговорилъ Чаровъ, вынимая всѣ наличныя деньги и ломбардный билетъ.... Завтра я вамъ доплачу остальные сто....

— Сочтемся! отвѣчалъ Дмитрицкій, за эти выигранныя двѣсти съ чѣмъ-то, привезу къ вамъ на проигрышъ пять сотъ съ мазомъ — отвѣчаете?

— Отвѣчаю, крикнулъ Чаровъ, но необычнымъ звонкимъ голосомъ.

— Ты меня въ ужасъ приводишь! сказалъ Рамирскій, когда Чаровъ уѣхалъ.

— Э, полно говорить объ этихъ ужасахъ, отвѣчалъ Дмитрицкій: все это пустое дѣло, а не ужасъ.

— Это не хорошо, Дмитрицкій!

— Знаю, знаю, и очень хорошо знаю, что это не хорошо; да хуже раззорить Саломея: я ему дамъ отыгратъ; а отъ нея онъ не отыграется. Лучше поговоримъ о Нильской. Понимаешь теперь, что онъ больше ничего, какъ чеснокъ; а ты какъ желѣзо отпалъ отъ магнита. Теперь кажется тебѣ нечего его бояться?

— Нѣтъ, это ужъ неисправимо.

— Почему знать, чего не знаешь; однакоже пора спать! прощай!....

Но Рамирскому было не до сна. Самообвиненіе хуже всякой казни.

III.

Только съ разсвѣтомъ повѣяли на истомленнаго Рамирскаго какія-то неопредѣленныя, безсвязныя, но успокоительныя мысли; онъ заснулъ и всталъ очень поздно.

— Узнай, дома ли господинъ Волобужъ? спросилъ онъ прежде всего у человѣка.

— Только сію минуту уѣхали, отвѣчалъ человѣкъ, — и приказали вамъ сказать, чтобъ подождали его, что онъ сейчасъ будетъ назадъ.

Рамирскій заходилъ безпокойно по комнатѣ; присутствіе человѣка, который стоялъ съ рукою на шее въ рукахъ, его тяготило.

— Чтò жъ чаю? сказалъ онъ.

— Да еще не умывались, сударь.

— Да! хорошо, давай умываться.

И Рамирскій, умывъ только однѣ руки, схватилъ полотенце, началъ утирать лицо, и приказалъ подавать чай.

Между-тѣмъ Дмитрицкій сидѣлъ уже въ уютной рабочей комнатѣ Нильской, гдѣ былъ и письменный столикъ и маленькая библиотека, и пальцы и ручныя ея работы.

— А! это поэзія, сказалъ онъ, сѣвъ подлѣ стола и взглянувъ на тетрадку съ заглавіемъ: «Сочиненія въ стихахъ и прозѣ М. Н.» Браво, это ваши?

— Совсѣмъ нѣтъ, не мои.... Будто вы умѣете читать по-русски? спросила Нильская, покраснѣвъ немножко за произнесенную южь.

— Я учусь, отвѣчалъ Дмитрицкій: и уже хорошо понимаю. Ну, признайтесь, ваши? Тутъ выставлено: М и Н.

— Можетъ быть.

— Знаете ли чтò: хотите, я переведу что нибудь на венгерскій языкъ?... Право, можно взглянуть?

— Хорошо; но только это будетъ между нами: я пишу для себя и не хочу, чтобъ кто-нибудь зналъ, что я пишу.

Дмитрицкій взялъ тетрадку, развернулъ.

— *Море?* Браво! Какія вы охотницы до моря! Отчего это?

Нильская вспыхнула.

— Такъ, мнѣ нравится оно, отвѣчала она вздохнувъ. Переведите вотъ эту статью.

— Хорошо. Какъ это граціозно: «Поймите море чувствъ въ душѣ женщины и смотрите на него....» Какъ бы мнѣ хотѣлось знать, къ кому эти стихи? къ Р: «Любила я, онъ не любилъ....» Это для меня очень любопытно знать.

— Это?... Пожалуйста, ихъ не читайте: они скверно написаны.

— Не хотите, чтобъ я читалъ? Ну, не буду читать, сказалъ Дмитрицкій, положивъ тетрадку въ карманъ. Теперь позвольте мнѣ сказать вамъ слово объ одномъ серьезномъ дѣлѣ.

— Чтò такое?

— По вашей наружности, по вашимъ словамъ, по всему, я знаю, что ваша судьба отравлена какимъ-то горемъ. Правда?

Нильская вспыхнула, вздохнула, опустила глаза.

— Для чего этотъ вопросъ?

— Вотъ для чего: позвольте мнѣ примирить васъ съ вашей судьбой.... Пожалуйста, отвѣчайте просто: угодно вамъ это, или нѣтъ?

— Странный вопросъ!... Вы меня такъ смутили мнѣ.... я не могу вдругъ отвѣчать....

— Нѣтъ, отвѣчайте теперь же: да, вы нѣтъ? Скажите, могу я примирить васъ съ судьбой, или нѣтъ?

Нильская склонила голову на руку и задумалась. Нерѣшительность взволновала ее.

— Вы сами поняли, что жизнь моя отравлена горемъ....

Нильская остановилась.

— Продолжайте: откровенность лучше всего.

— Я, можетъ-быть, не въ состояніи уже любить сама, а въ состояніи еще требовать, чтобъ меня любили.... И эта любовь будетъ для меня успокоительный компрессъ на сердце.... и больше ничего.

— Это значитъ, что вы любили первую и послѣднюю любовью. Я это понимаю: у меня есть другъ, котораго судьба ни дать ни взять ваша судьба. Онъ также страстно любилъ, почти увѣренъ былъ во взаимности; но есть люди, которыхъ чортъ всегда подсунетъ, чтобъ раздѣлить союзъ истинной любви; подобный ченокъ привязался къ магниту, и мой другъ отпалъ отъ него, какъ желѣзо.

Нильская вздохнула.

— Скажите мнѣ, виновать ли онъ въ томъ, что нечистый духъ имѣетъ силу расторгать душевныя связи истинной любви?

— О, Боже мой, нѣтъ! проговорила Нильская съ глубокимъ вздохомъ, припоминая свою неосторожность и поступокъ Чарова: я знаю, что нѣтъ!... Это несчастіе!

— Ваша судьба не похожа ли на судьбу моего друга? Вы магнитъ, но у вашего сердца уже нѣтъ пищи.... и оно обратится въ простой безсиленный камень.... Какъ бы я желалъ воскресить васъ для взаимной любви!

— Это невозможно!... Благодарю васъ!... Оставьте объ этомъ говорить.... по-крайней-мѣрѣ теперь.

— По-крайней-мѣрѣ теперь! повторилъ Дмитрицкій про себя, смотря на Нильскую: это что-то не сходится съ «это невозможно». Бѣдныя женщины: имъ хоть какія-нибудь нужны оковы, если нѣтъ оковъ любви!... Позвольте мнѣ представить вамъ моего друга. Это достойный человѣкъ; вы его полюбите: его умъ, образованность, сходство судьбы, доставитъ вамъ пріятную бесѣду съ нимъ.

— Я очень рада, сказала Нильская: позвольте узнать его фамилію?

— Позвольте мнѣ привести его сейчасъ же, потому что.... Ну,

словомъ откладывать не для чего! сказалъ Дмитрицкій и выбѣжалъ изъ кабинета.

Черезъ десять минутъ онъ стоялъ уже въ дверяхъ номера, записнаго Рамирскаго, и крикнулъ: дома?

— Дома. Для чего ты просилъ меня подождать?

— Дѣло, важное дѣло; сейчасъ только рѣшено, и я везу тебя къ невѣстѣ.

— Это чтò такое?

— Все-таки то же; поѣдемъ, одѣвайся; насъ ждутъ.

— Поздравляю; да для чего же мнѣ-то?

— Да такъ нужно въ чемъ-то распинаться, или свидѣтельствовать мою руку, право, не знаю; ну, словомъ, необходимо.... я сказалъ, что тебя привезу.... Одѣвайся!

— Ты мнѣ ни слова не сказалъ о своемъ намѣреніи.... Кто такая? спросилъ Рамирскій.

— Премиленькое, преочаровательное, премоэтическое существо!... вотъ и все!

— Послушай, сказалъ Рамирскій, задумавшись: ты не знаешь, давно ли Нильская пріѣхала изъ Петербурга?

— Давно ли? Да тебѣ это для какихъ соображеній? Вотъ никакъ не могу понять!

— Такъ.

— А! такъ; это дѣло другое; слѣдовательно, тебѣ это нужно непременно знать. Я непременно спрошу у нея.

— Ты часто у нея бываешь?

— Вотъ это вопросъ, какъ вопросъ: изъ отвѣта можно вывести какія-нибудь заключенія.... Ну, готовъ? шляпу!... Всѣ твои вопросы я удовлетворю послѣ, а теперь ѣдемъ.... Ты не повѣришь, какъ счастливъ тотъ, кто послѣ долговременныхъ несчастій можетъ наконецъ воскликнуть съ Видостаномъ:

Тамъ всѣ пріятства обрѣтешь,
Невѣсту милую найдешь.

И особенно, душа моя, Феда, такую невѣсту! Невѣсту, которая имѣетъ не только стихами, но и прозой.... Послушай, продолжалъ Дмитрицкій, вынувъ тетрадку изъ кармана: наприимѣрь, *Море*, которое я хочу перевести на венгерскій языкъ, — послушай: «Какъ мнѣ описать вамъ море? Можетъ-быть, и лучше, что вы его не знаете?....»

— Дмитрицкій! вскричалъ Рамирскій, прервавъ его: неужели это сочинила твоя невѣста?...

— Это что за вопросъ? спросила Дмитрицкій. Ты нешто знаешь сочинительницу?

— Нѣтъ, но я читала это *Море* въ одномъ альбомѣ. Знаешь ли ты, что это море спасло меня отъ женидьбы противъ сердца, противъ желаній... Но я тебѣ рассказывала...

— Что ты говоришь? Это просто чудо! совершенное чудо!

— Странный случай! Твоей невѣстѣ я обязанъ....

— Ну, ты самъ поблагодаришь сочинительницу.

— Пріѣхали? спросилъ Рамирскій, когда карета остановилась. Скажи же мнѣ по-крайней мѣрѣ имя и фамилію....

Дмитрицкій выскочилъ изъ кареты, не отвѣчая на вопросъ.

Рамирскій пошелъ за нимъ въ домъ.

Они остановились въ гостиной въ ожиданіи хозяйки.

— Садись, Федя; ты можешь быть здѣсь какъ дома, сказалъ Дмитрицкій.

— Да скажи же, пожалуйста, имя и фамилію твоей невѣсты.

— Какой моей невѣсты? Съ чего ты взялъ, что я женюсь?

— Это опять каданъ-нибудь мистификація! сказалъ съ неудовольствіемъ Рамирскій. Къ какой же невѣстѣ ты меня привозь?

— Скорѣе къ твоей, нежели къ моей.

— Барыня проситъ васъ въ кабинетъ, сказала дѣвушка, открывъ двери и прохода въ залу.

— Представляю вамъ моего друга, сказалъ Дмитрицкій Нильской, сидѣвшей въ креслахъ подлѣ столика.

— Мосьѣ Рамирскій! едва проговорила она, пораженная появленіемъ неожиданнаго гостя.

Рамирскій поблѣднѣлъ и бросилъ вопросительный взглядъ на Дмитрицкаго.

— Взаимная любовь, недоразумѣніе, разлука, нежданная встрѣча, удивленіе и разумѣется безмолвіе; это такъ и слѣдуетъ, — сказалъ Дмитрицкій: за всѣмъ этимъ слѣдуетъ объясненіе, и потому я здѣсь лишній — и какъ орудіе судьбы, удаляюсь.

— Нѣтъ, mon cher, ты долженъ начать это объясненіе, — сказалъ Рамирскій, удержавъ его за руку.

— Не знаешь съ чего начать?... Хмъ!... Съ чего бы?... Да! вотъ тебѣ море; начни съ него, расскажи, какъ оно спасло тебя отъ женидьбы съ отчаянія. Выслушайте его, мадамъ Нильски; это просто чудеса! До свиданія! Я тороплюсь въ клубъ обѣдать, а потомъ....

Не договоривъ, Дмитрицкій вышелъ, и поѣхалъ въ клубъ. Онъ думалъ, что тамъ найдетъ Чарова, но Чаровъ не былъ. Чарову

иногда Возвратясь отъ Рампренаго, онъ засталъ Саломею въ слезахъ и отчаяннн. Причиной слезъ ея былъ мосѣ Джоржъ, за которымъ она посылала и который вмѣсто того, чтобъ прибѣжать бѣгомъ и разыгрывать съ ней монартовскую сонату въ четыре руки, увѣдомилъ ее, что прѣбхалъ пашинька и везетъ его съ собою въ Петербургъ.

— Господи! что это такое опять, Эрнестина? проговорилъ Чаровъ, взявъ ее за руку.

— Выбросьте меня на дворъ, если вамъ несносны мои слезы! крикнула Саломея, отдернувъ руку:

— Это просто ужасъ! проговорилъ Чаровъ, махнувъ рукой: ну, скажи пожалуйста, къ чему эти слезы, я право не понимаю!... Эрнестина!... Это съума сойдешь!... покою нѣтъ?...

— Пожалуйста ступайте спать, оставьте меня!

— Хитъ! До сна мнѣ!...

— Вы провели свое время весело, утомились отъ удовольствій—чего жъ еще нужно! Остается спать, собрать силы для новыхъ удовольствій!...

— У меня удовольствій? Я провелъ время весело?... Хитъ! Еслибъ ты видѣла, что у меня на душѣ!

Чаровъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ отчаяннн не хуже Саломеи: его мучилъ смущенный *наличникъ*, и слишкомъ сто, которыя во что бы ни стало ему надо было занять къ вечеру слѣдующаго дня.

— Если бъ ты знала мое существенное горе, продолжалъ онъ: ты бы не стала томить и себя и меня своимъ... Богъ знаетъ твои!

— Только у васъ и можетъ быть существенное горе, отвѣчала рѣзко Саломея, а каждое несчастіе женщины причуда!

— Да какое несчастіе?... Откуда несчастіе, что за несчастіе?

— Хитъ! счастье сидѣть въ четырехъ стѣнахъ одной! не находить ни въ чьей душѣ пріюта! Терзаться мыслію, что ожидаетъ въ будущности!

— Эрнестина! вскричалъ Чаровъ, бросясь къ ногамъ Саломеи: душа моя! Что ты хочешь? Чего ты желаешь? Я все для тебя сдѣлаю!... Твой пріютъ у моего сердца, — ты моя!...

Не отвѣчая ни слова, Саломея, безмолвно, холодно, смотрѣла на Чарова.

— Ты не вѣришь?... Ну, скажи мнѣ, ты, вѣрно, не вѣришь мнѣ?

— Отчего жъ не вѣрять; еслибъ я не вѣрила вамъ, я бы не была здѣсь....

— О, Эрвестина, обойми же меня!

— Ахъ, оставьте.... я разстроена....

— Ну, успокойся же!

— Какъ будто такъ легко успокоиваться!... Кто бы не желалъ спокойствія!...

— Ну, послушай; я буду сидѣть дома, никуда ни шагу, я сдѣлаю такъ, что тебѣ будетъ весело.... ты увидишь. Только позволь ужъ мнѣ распорядиться....

— Я можетъ быть не пойму вашихъ удовольствій.

— Какія жъ особенныя удовольствія, та сѣге? Просто провожденіе времени, развлеченіе. Ко мнѣ будутъ собираться пріатели.... музыка, пѣнье.... ты будешь по крайней мѣрѣ окружена образованными людьми, которые бывали во Франціи.... разговоръ съ ними займетъ тебя....

— О, избавьте! Я не могу равнодушно вспомнить о Франціи.... Я не могу видѣть людей.... въ моемъ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи!... Избавьте, избавьте!

— Фу!... Не знаю, что дѣлать, проговорилъ Чаровъ.

Тщетныя убѣжденія и успокоенія продолжались почти до разсвѣту; утомленный Чаровъ, не смотря, то на взрывающую досаду, то на сердечное изліаніе самообвиненія, что растревожилъ чувствительность нѣжной женщины какимъ нибудь непріятнымъ словомъ, началъ звать, но не рѣшался идти спать, покуда сама Саломея, вскочивъ съ кресель, ни слова не говоря, пошла въ свою комнату.

— Фу! проговорилъ Чаровъ, отправляясь въ кабинетъ.

Не смотря на привычку спать до полудня, онъ велѣлъ разбудить себя въ девять часовъ, не полѣнился встать въ это назначенное время, велѣлъ запрягать лошадей, и поскакалъ къ своему заимодавцу.

Его заимодавецъ, Несѣвъъ, былъ какой-то таинственный челоуѣкъ и по наружности и по отношеніямъ къ обществу. Онъ почти вездѣ бывалъ, и особенно въ кругу молодежи; былъ очень обязателенъ, и замѣтно было, что не только Чаровъ, но и многіе ему обязаны по части снабженія деньгами подъ залогъ; но не смотря на это, всѣ какъ-то неволью отклонялись въ обществѣ отъ его вниманія, бесѣдъ и короткаго обхожденія. Только Чаровъ ровный, безперемонный со всѣми, обходился съ нимъ по дружески и ласкалъ пріязненными названіями: скаатина, ууродъ!

За это Несѣвъ и предпочиталъ его всѣмъ, *одождалъ* больше нежели другихъ, приходилъ къ нему безъ церемоній обѣдать и какъ всегдашній свой въ домѣ былъ представлень Саломей, какъ хозяйкѣ дома; изъявля ей полное уваженіе, совершенную преданность, удивленіе красотѣ, уму и достоинствамъ, онъ былъ для нея пріятнѣе самого Чарова.

Если бъ онъ даже волочился за Саломею, Чаровъ не могъ бы оказать ему своего неудовольствія. Чаровъ былъ обязанъ ему по горло, какъ увязнувшій въ болотѣ. Все имѣнье было уже заложено, частію въ опекупскомъ совѣтѣ, а частію за долги чрезъ посредство Несѣва; оставалось заложить домъ, стоявшій Чарову со всѣми причудами убранства болѣе пяти сотъ тысячъ. За эти пять сотъ тысячъ, Несѣвъ, какъ истинно готовый на всякую ему услугу, послѣ долгихъ уграшиваній, согласился наконецъ достать чрезъ нѣсколько дней полтора ста; но Чаровуужно было именно сегодня. Сегодня было другое дѣло: за эту неотлагаемую потребность, онъ долженъ былъ согласиться на сто двадцать пять тысячъ. Несѣвъ обѣщаль привезти деньги, если не къ обѣду, то непремѣнно тотчасъ же послѣ обѣда.

Неизбѣжныя хлопоты по займу задержали Чарова; какъ ни желалъ онъ утаить свою поѣздку отъ Саломей, чтобъ избѣжать допросовъ, подозрѣній и неудовольствій, но возвратился домой, когда она уже встала и ходила взадъ и впередъ по гостиной. Ея въ самомъ дѣлѣ тревожила необыкновенно ранняя отлучка Чарова изъ дому. Боясь охлажденія его страсти, она представила себѣ весь ужасъ положенія своего, если онъ ее оставитъ, и упрекала себя за излишнюю свою жестокость къ нему.

Ей казалось, что судьба ея уже на виточкѣ, она прислушивалась къ стуку экипажей, подходила къ окну, взволнованное сердце билось съ болью, раздраженныя нервы сотрясались, и она поблѣднѣла, когда коляска Чарова примчалась къ крыльцу.

— Эрнестина, *bon jour!* вскричалъ онъ въбжавъ въ комнату.

Саломей, продолжая ходить по комнатѣ, мелькомъ приподняла на Чарова глаза, — женскій истинникъ доверь ей: «ничего, все обстоятъ благополучно» и она прошла мимо его, не обращая ни малѣйшаго вниманія.

— Ты на меня продолжаешь сердиться?

— Кажется, имѣю право: уѣзжать несказавшись!

Въ этихъ словахъ, хотя сказанныхъ сурово, было какое-то помянованіе за проступокъ.

— Неужели ты думаешь, *ma chère*, что я уѣхалъ бы, не имѣя на-

те причинъ? сказалъ Чаровъ нѣжно, чтобъ не испортить чѣмъ-нибудь дня.

Ему необходимо было на этотъ день полное спокойствіе; а сверхъ-того надо было умиловить Саломею, чтобъ она не воспротивилась принимать ввечеру гостей.

— Какія это важныя причины?

— Такая непріятная вещь, что ты представить себѣ не можешь: вышелъ срокъ векселямъ по долгу отца, а мнѣ не привезли еще оброку. Я долженъ былъ хлопотать, доставать деньги. Сегодня ввечеру общалъ заплатить — они ко мнѣ прѣдутъ.... Сдѣлай одолженіе, прими ихъ ласковѣе....

— Съ какой стати я буду присутствовать при вашихъ счетахъ?

— Но вѣдь не они же одни будутъ.... я пригласилъ самыхъ короткихъ своихъ знакомыхъ.... Не ловко же тебѣ прятаться, когда я говорю всѣмъ, что я женатъ.

— Во всякомъ случаѣ одной въ мужской компаніи мнѣ неприлично быть. Притомъ же я не такъ здорова, я выходить не буду изъ своей комнаты; но вы можете мнѣ представить кого угодно изъ вашихъ знакомыхъ.

— Merci, Ernestine! вскричалъ Чаровъ въ восторгѣ отъ Саломеи и достоинства, съ которыми она разрѣшила приемъ къ себѣ гостей.

Ему казалось, что онъ самъ поднялся выше, обладая женщиной, способной стоять свободно и величественно на бархатномъ подиумѣ. Счастье его полно, только недостаетъ Несѣва съ деньгами; но и онъ явился къ обѣду.

Послѣ обѣда Чаровъ занялся, противъ обыкновенія, самъ нѣкоторыми приготовлениями къ приему гостей. Онъ уже смотрѣлъ заботливымъ хозяиномъ, который распоряжается, гдѣ поставить ломберные столы, гдѣ поставить солнечную лампу, гдѣ механическую, а гдѣ просто свѣчи; который обходитъ всѣ комнаты, поправляетъ криво-стоящую мебель и пробуетъ всюду пальцемъ, стерта ли пыль.

Между-тѣмъ какъ Чаровъ хозяйничалъ, Несѣвъ сидѣлъ въ комнатѣ Саломеи и, бесѣдуя съ нею, брался часто за голову, отдувался и вздыхалъ.

— Чтò вы нездоровы? спросила его Саломея.

— Ахъ, нѣтъ! отвѣчалъ онъ, обводя глазами карнизы.

— Но вы что-то безпокойны?

— Только не насчетъ себя.

— Настать ного же? спросила Саломея съ удивленіемъ.

— Безпокоить нова положеніе одного человѣка.

— Чье? спросила Саломея, устремивъ глаза на Несѣева.

— Совѣты дружбы бесполезны; совѣты любви, безъ сомнѣнія, будутъ надежныѣ.

— Пожалуйста, говорите яснѣе, я не понимаю.

— Если вы требуете откровенности, дѣло вотъ въ чемъ.... оно слишкомъ касается до васъ; но я говорю по участію къ вамъ, и потому, надѣюсь, вы меня не выдадите.

— Чтò такое? спросила Саломея съ безпокойствомъ: чтò такое до меня касается?

— Положеніе человѣка, который такъ близокъ сердцу вашему.

— Чтò такое? повторила Саломея, взглянувъ испытующимъ взоромъ на Несѣева.

— Вотъ что: по дружбѣ, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ его, я долженъ былъ принять участіе, чтобъ помочь ему выхòдить изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ. Его долги уже выше состоянія. Онъ играетъ, и несчастливо.... я это знаю, хотъ онъ и скрываетъ отъ меня.... Все имѣніе его уже въ залогѣ и скоро наступитъ бѣдовый срокъ.... Сегодня заложилъ онъ послѣднее достояніе, этотъ домъ, со всѣмъ что въ немъ есть, за сто-двадцать-пять тысячъ, на одинъ мѣсяцъ, тогда какъ домъ стòитъ болѣе пятисотъ!... Деньги, я увѣренъ, если не проиграны еще, то проиграетъ въ нѣсколько дней, и черезъ мѣсяцъ его попросятъ отсюда выйти. Вы, можетъ-быть, не повѣрите мнѣ; но я готовъ вамъ привезти наклерекую клягу, гдѣ записать документъ....

Несѣевъ остановился въ ожиданіи отвѣту; но Саломея молчала, взоры ея блуждали, пугливныя мысли вспорхнули уже со всей окружавшей ее роскоши и носились стадомъ въ мрачной, безпріютной будущности.

— Вы только одинъ можете подѣйствовать на него вліаніемъ вашей любви, продолжалъ Несѣевъ.

— И это все правда, чтò вы сказали? спросила вдругъ Саломея.

— Мадамъ Ernestine, скажите, для чего бы я сталъ говорить вамъ ложь? спросилъ въ свою очередь Несѣевъ трогательнымъ голосомъ участія.

— Чтò жъ я буду съ вами теперь дѣлать? чтѣмъ помочь теперь мое вліаніе?

Несѣевъ пожалъ плечами.

Въ это время Чаровъ вошелъ и представилъ Саломеѣ двухъ

своихъ друзей, которые, какъ свѣтскіе люди, предупрежденныя слухами о сомнительной женитьбѣ Чарова на какой-то таинственной героннѣ романовъ, думали найти въ ней легкую женщину; но, къ удивленію своему, нашли тяжелую, женщину съ вѣсомъ. Нѣсколькими взглядами и словами Саломея заставила ихъ посмотреть другъ на друга и сказать взорами: «*Mon cher, mais c'est quelque chose de très-distingué?*»

Какъ эти, такъ и вновь приведенные Чаровыми представляться хозяйкѣ дома, не долго пользовались ея бесѣдой: она жаловалась на головную боль, которая, однако же, не помѣшала Чарову торопливо предупредить ее, чтобъ она очаровала вниманіемъ своимъ знаменитаго иностранца — венгерскаго магната, котораго онъ немедленно же представить ей.

— Что за знаменитый иностранецъ? какой магнатъ? спросила Саломея Несѣва.

— Ахъ! это какой-то знаменитый путешественникъ, Венгерецъ, страшный богачъ!... Позвольте... какъ-бишь его?... Только я не дозрѣваю... какъ-бишь.... да, да, да, Волобужъ....

— Боже мой! вскрикнула Саломея по-русски, поблѣднѣвъ и вскочивъ съ мѣста.

Она хотѣла выйти въ свой будоаръ, но магнатъ стоялъ уже передъ нею, бросивъ на нее взоръ, который какъ-будто околѣлъ ее.

— Рекомендую вамъ мою жену, сказалъ Чаровъ.

— Мадамъ Tcharoff, простите моему невольному удивленію! сказалъ магнатъ: такого сходства я не встрѣчалъ; я не вѣрю глазамъ!

Поблѣднѣвшая Саломея, держась за ручку кресель, казалось, готова была упасть; но взоръ ея блеснулъ на магната: она овладѣла собой и сѣла.

— Она не такъ здорова, началъ-было Чаровъ, замѣтивъ необыкновенную блѣдность въ лицѣ Саломеи.

— Необычайное сходство съ герцогиней де-Мильвуа! продолжалъ магнатъ, садясь и не обращая вниманія на слова Чарова. Еще разъ прошу у васъ извиненія!...

— Можетъ быть это сходство.... и не обмануло васъ! проговорила дрожащимъ голосомъ Саломея, кусая губы и едва переводя дыханіе отъ стѣсеннаго внутренняго волненія.

— Неужели! это вы? вы герцогиня? вскрикнулъ магнатъ: но какими же образомъ въ такое короткое время?... Здѣсь, въ Мо-

сквѣ?... продолжалъ онъ смотря на Чарова, который стоялъ пораженный герцогскимъ титуломъ своей сѣге Ernestine.

— Это.... маленькая тайна и мое счастье, сказалъ Чаровъ съ самодовольствомъ, взявъ руку Саломеи.

— Иначе и не могло быть, продолжалъ магнатъ: тайна и счастье.... Но ваши огромныя мѣнія, герцогиня? вашъ великолѣпный замокъ, гдѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вами во время путешествія никогинто.... Какъ понравился мнѣ вашъ замокъ! Помните, я просилъ васъ продать мнѣ его, а вы мнѣ сказали, что никогда не продадите, никогда не оставите мѣста своей родины.

— Обстоятельства.... отвѣчала Саломея, стараясь скрывать возмущенныя свои чувства.

Несѣвъ присѣлъ въ углу за шифоньеркой и внимательно всматривался и въ магната и въ Саломею.

— Обстоятельства, мосье de Volobouge, повторилъ и Чаровъ, двинувшись къ двери, съ тѣмъ, чтобъ вывести за собою и гостя: не хотите ли съѣсть въ пресерансъ?

— Сейчасъ, сейчасъ приду, мосье Tcharoff, — мнѣ такъ приятно встрѣтить герцогиню.... подготовьте партію!

Чаровъ поневолѣ вышелъ..

— Послушайте, герцогиня, продолжалъ Дмитрицкій, сбросивъ съ себя важность магната, придвинувъ стулъ къ Саломей, и не забывъ Несѣва: послушайте....

— Что вамъ угодно? проговорила она дрожащимъ голосомъ, бросивъ на него предостерегающій взоръ и стиснувъ его руку.

— Послушайте, герцогиня, продолжалъ магнатъ по-русски, не обращая ни на что вниманія: вы теперь, я вижу, въ полномъ довольствіи, а супругъ вашъ Федоръ Петровичъ....

— Мосье Несѣвъ! вскрикнувъ прервала Саломея: мосье Несѣвъ! позовите ко мнѣ.... велите подать тамъ спиртъ!... мнѣ дурно!...

— Сію минуту! отвѣчалъ Несѣвъ, бросившись въ дверь.

— Хмъ! довольно неосторожно! сказалъ Дмитрицкій, оглянувшись: немножко погорячился! Чортъ дернулъ Венгерца говорить по русски!...

— Сейчасъ! доложилъ возвратившійся Несѣвъ.

— Хмъ! А я думалъ уже по русски знанть мадамъ Чаровъ, а ничего еще ни знанть.... сказалъ магнатъ, обращаясь къ Несѣву: а я учу, учу харашо русски азыкъ.... харашо гавару? а?

— Прекрасно! отвѣчалъ Несѣвъ.

— Трудная жизнь!...

— *Seigneur de Voleboug*, если вамъ угодно, сказалъ горопливо вшедшій Чаровъ: партія готова.

— А! ну нечего дѣлать.... А мнѣ такъ хотѣлось перазговориться.... вспомнить общія знакомства въ Парижѣ.... вы, вѣрно, много не забываете? прибавилъ онъ, обращаясь къ Саломеѣ.

— О, разумеется! отвѣчала она, съ видимымъ напряженіемъ изнеможенныхъ силъ.

— Пожалуйста, не забывайте, не хорошо забывать! прибавилъ Дмитрицкій, бросивъ на нее значительный взглядъ.

— Боже мой, какъ мнѣ дурно! проговорила Саломея, когда онъ вышелъ.

— Это пройдетъ, мадамъ *Ernestine*, сказалъ Нестѣвъ, зло улыбаясь и садясь подлѣ нея: я теперь могу поговорить съ вами безъ церемоній; ваше положеніе вдвойнѣ, кажется, непрочно. Но вы можете положиться на меня и на скромность мою.

— Это что такое? спросила Саломея, приводя въ голову.

— А вотъ что: ваши тайны и отношенія къ этому господину, я могу поостеронить, съ уговоромъ.... А на счетъ этого господина магната, вы должны мнѣ кое-что объяснить.... Вы его коротко знаете, да и онъ васъ.

Саломея съ содроганіемъ взглянула на Нестѣва. Она была между огнемъ и пылымъ, и не знала куда броситься.

— Ахъ, избавьте меня отъ этого злодѣя, который причина всѣхъ моихъ несчастій! вскричала она прерывающимся голосомъ.

— Очень могу избавить, продолжалъ Нестѣвъ значительно: потому что этотъ господинъ, какъ я догадываюсь, мошенникъ.

— Онъ меня преслѣдуетъ.... Я расскажу вамъ мою встрѣчу съ нимъ.... Я должна была бѣжать изъ Франціи съ человѣкомъ, котораго я любила....

— Вы эмигрировали, вѣроятно, во время Революціи? спросилъ Нестѣвъ простодушно, или съ намѣреніемъ, трудно было рѣшить.

— Да, именно, отвѣчала Саломея: мы пріѣхали въ Кіевъ.... Тамъ этотъ злодѣй подъ именемъ графа Черномскаго познакомился съ моимъ мужемъ:

— Герцогомъ де-Мильвуа?

— Мы путешествовали вкогношто.... отвѣчала Саломея неопредѣлительно.

— У — хы!

— И обыгралъ его совершенно, продолжала она. Мужъ мой

заболѣлъ съ отчаяннiя и умеръ.... Тогда этотъ злодѣй сталъ преслѣдовать меня.... Чтобы спасти себя отъ его преслѣдованiй и не просить милостыни, я рѣшилась идти въ губервантки къ одному помѣщику.... Но онъ и тамъ не оставилъ меня въ покоѣ; подкупилъ людей.... Однажды, ввечеру, я ходила одна по саду, вдругъ меня схватили и повезли.... отъ страшнаго испугу у меня сдѣлалась горячка.... Вѣроятно, это только и было причиною, что онъ меня бросилъ большую въ какомъ-то городѣ.... Тамъ меня приняли Богъ знаетъ за кого!...

— Это ужасно! сказалъ Нестевъ, напрягая голосъ къ выраженiю участiя.

— О, еслибъ вы видѣли мое положенiе тогда!... Какъ иностранку, меня никто не понималъ, и отправили сюда.... Но я вамъ до- скажу послѣ; теперь нѣтъ силъ!...

— Хмъ! Я тотчасъ узналъ по полету, что это за птица! ска- залъ Нестевъ: о какомъ же это супругѣ вашемъ Эддеръ Пе- тровичъ началъ было онъ по русски?...

Саломея невольно смутилась.

— Это онъ въ насмѣшку мнѣ говорилъ.... мужа моего звали Теодоромъ....

— Послушайте, мадамъ Ernestine, сказалъ Нестевъ: я все- му этому вѣрю, что вы говорили мнѣ, потому что нельзя не вѣ- рить тому, кого страстно любишь.... Но однакожъ, я вѣрю на условiяхъ.... У меня квартира не такъ великолѣпна, но очень удобна.... При вашемъ положенiи....

— А! да вы сами, сударь, злодѣй, въ своемъ родѣ! всых- нувъ вскричала Саломея: злодѣй, который хочетъ пользоваться бѣдой несчастной женщины!...

— Да-да-да, шроговорилъ насмѣшливо Нестевъ, такъ!... за то что я вамъ предлагаю прiютъ отъ бѣды, которая васъ ожи- даетъ — я злодѣй?

— Подите вопъ! Не нужны мнѣ ваши прiюты!

— Въ такомъ случаѣ, мадамъ la duchesse, васъ будутъ завтра допрашивать: кто вы сударыня такая и какiя свомешiя имѣете съ мошенниками?

Нестевъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, остано- вился и кинулъ на Саломею вопросительный взглядъ, согласна она или нѣтъ? Не она гордо вскинула голову и повала ему дѣ- ря. Онъ вышелъ.

IV.

Возвратясь домой довольно поздно, Дмитрицкiй уложилъ нѣсколь-

ко пачекъ ассигнацій въ шкатулку, надѣлъ длинный сюртукъ и бархатный фесикъ на голову и пошелъ къ Рамирскому.

— Баринъ ужъ почиваетъ, сказалъ слуга.

— Дай мнѣ взглянуть на него.

И Дмитрицкій, взявъ свѣчу, тихо подошелъ къ постелѣ Рамирскаго.

— Сонъ спокоенъ и крѣпокъ.... онъ улыбается во снѣ.... онъ счастливъ!... И я счастливъ, Феда, что доставилъ тебѣ этотъ сонъ. Спи съ Богомъ! проговорилъ тихо Дмитрицкій, взглянувъ на Рамирскаго. И пошелъ къ себѣ.

— Здѣсь онъ? раздалось въ полголоса, когда Дмитрицкій подходилъ слабо освѣщеннымъ корридормъ къ своему номеру.

— Здѣсь, кто-то отвѣчалъ: сейчасъ только пріѣхалъ.

— Эгэ! Это что такое? проговорилъ про себя Дмитрицкій, пріостановясь и видя столпившихся у дверей его номера полицейскихъ чиновниковъ съ жандармами.

— Ну, идемъ на приступъ, Несѣевъ.

— Э, нѣтъ, я впередъ неѣду.

— Э, трусь!

— Отворяй!

— Вы стойте у дверей, и никого не выпускайте! кто-то прокомандовалъ тихо жандармамъ.

— Несѣевъ? а! нечаянный знакомецъ!... Такъ это по милости Саломен Петровны! проговорилъ про себя Дмитрицкій, и поверотивъ въ другую сторону корридора, поспѣшно пробѣжалъ на заднее крыльцо. Выбравшись на маленькій дворикъ, онъ вышелъ на улицу и крикнулъ къ стоявшимъ у воротъ извозчикамъ: Эй! въ Тверскую Ямскую!

— Садись господинъ! три гривенника! отозвались они въ одинъ голосъ.

— Не по деньгамъ! четвертакъ, да и того не дамъ.

— Садись, баринъ!

— Пошелъ живо!... Поѣзжай прямо! скомандовалъ Дмитрицкій, когда извозчикъ хотѣлъ поверотить по Тверской: я еще заѣду на минутку.

— Какъ же это: еще и заѣзжать за четвертакъ-то?

— Прибавлю!

Изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, то вправо, то влево, Дмитрицкій подѣхалъ наконецъ къ воротамъ одного небольшого дома, соскочилъ съ дрожекъ и вбѣжалъ въ калитку.

У входа въ одно изъ надворныхъ строеній стояла тройка, запряженная въ телегу.

Въ темныхъ сѣняхъ Дмитрицкій столкнулся съ кѣмъ-то, только что вышедшимъ изъ дверей.

— Это кто?

— Тришка! это ты?

— Кто ты такой?

— Иди сюда, отвѣчалъ Дмитрицкій, взявъ за руку встрѣтившагося ему въ дверяхъ человѣка, и отворяя двери.

— Ба, ба, ба! проговорилъ, крикнувъ, извѣстный уже намъ Тришкѣ Исаявъ, входя за Дмитрицкимъ въ покои, гдѣ каналь-то старушонка, перекрестивъ лобъ, ложилась уже спать.

— Узналъ?

— Да это что за чудеса? откуда, господниъ?

— Теперь не время разговаривать, отвѣчалъ Дмитрицкій: поздно, я спать хочу, ступай заплати моему извозчику у воротъ три гривенника.

— Хизъ! Да это-то ничего, три гривенника, сказалъ Тришкѣ, поглаживая свою бородку, и оглядывая Дмитрицкаго: да извозчикъ-то гдѣ взять: на ходу или на вороту?

— Это что такое? спросилъ Дмитрицкій: а! понимаю! На вороту, подъ носомъ у бѣды?...

— Э, господниъ, это не годится: на указкѣ-то къ воротамъ не подѣлажашь!... Здѣсь оставаться тебѣ ужъ не приходится; а я къ тебѣ не дѣлаю, тройка готова.

Ѣдешь? тѣмъ лучше, я съ тобой!

— Со мной?... Въ этой одеждѣ-то? Нѣтъ, спасибо за такого понутчика!...

— Чтѣ жъ ты, собака, коблнться со мной сталъ? вскричалъ Дмитрицкій.

— Ну, ну, ну, здѣсь не мѣсто кричать; коблнться не коблнться, а надо дѣло порядкомъ сдѣлать, чтобъ хвостъ не припереть.... Прежде всего надо указку отвезти въ сторону. Вотъ, полтина серебра.... Извольте-ко сѣсть, да отѣхать подальше, да у казихъ-нибудь чужихъ воротъ расплатитесь, да сюда назадъ отъищемъ; потомъ надо господскую-то одежду съ плечъ долой.

Дмитрицкій понялъ наизусть.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, и взявъ деньги вышелъ на улицу.

— Вотъ тебѣ полтина серебра впередъ, пошелъ скорѣй въ Тверскую Ямскую.

Извозчикъ, ощутивъ деньги, наложилъ ихъ за губу, шумнула и поѣхалъ.

— А что, какъ помещикъ Трашка меня надулъ? подумалъ Дмитрицкій.

И съ этой мыслью, ловко соскочилъ онъ съ извозника.

Извозчикъ, не замѣтивъ, что нѣтъ сѣдока, началъ впередъ; а Дмитрицкій воротился бѣгомъ къ дому.

— Живо! Скорѣй! раздаелъ голось Трехона въ отворенныхъ уже воротахъ, изъ которыхъ выѣхала уже тройка.

— Пррр! прикинулъ Дмитрицкій, вскочивъ сзади на телегу и обхвативъ Трехона: что, далеко уѣхалъ отъ меня? надулъ?

— Виновать! струсилъ было! проговорилъ Трехонъ, на котораго Дмитрицкій, снявъ подъ себя, сѣлъ верхомъ.

— Живо! во всѣмъ не тремъ! прикинулъ онъ.

И тройка понеслась. Лихой раскакъ въ корню, скакуны на приоткажѣ.

Покуда Дмитрицкій былъ въ дорогѣ, не зная самъ, куда его несетъ судьба, съ нимъ ничего особеннаго не приключалось.

Между тѣмъ перепутанная узловатая участь Саломен, много разназывалась.

Проводивъ презрительнымъ взоромъ Несѣва, она однакожь содрогнулась отъ его угрозы. Ей представило весь ужась ея положенія. Рухившаяся надежда на Чарова, внезапное появленіе вешающаго Дмитрицкаго и предложенное унизительное покровительство отвратительнымъ Несѣвинымъ, варагъ три невыносимыхъ удара разбила думу Саломен. Она едва дошла до своей снальши, и бросилась въ постель.

Въ это-то время нашъ магнатъ добивалъ Чарова. Какъ ни наивыскалъ онъ карты, какъ ни трескалъ, какъ ни бранилъ ихъ по своему, онъ измѣнилъ ему; обычное счастье, какъ-будто выбилось изъ силъ—не везетъ. Чѣмъ его подгоняли? Пріятеля Чарова, обступивъ столъ, радовались душевно, что нашелся человекъ, который распѣкъ ихъ друга: «по дѣломъ! богатъ каналья! слышномъ высоко носъ подымаетъ! не мѣшаетъ понизить!»

Ничому не приходило въ голову, что послѣдняя конѣйка идетъ ребромъ. Но самъ Чаровъ зналъ это; предподнявъ пятію пальцами мужицкую прическу, блѣдный, онъ предложилъ противнику еще сыграть; но магнатъ хлопнулъ колодой по столу, всталъ съ мѣста, и взялъ шляпу.

— Сегодня не играю, сказалъ онъ: скучно выигрывать.... Въ которомъ часу утра принимается къ себѣ носъ Tchagoff?

— Съ двухъ до обѣда; обѣдайте у насъ, отвѣчалъ Чаровъ.

— Хорошо. И такъ до завтра.

— Ха, ска-атина! какъ онъ славно и счастливо играетъ, сказалъ Чаровъ по выходѣ магната. Вонно нѣтъ, поминки! прибавилъ онъ, зѣвая и потирая лицо рукой.

Когда всѣ убрался, Чаровъ долго еще ходилъ по комнатамъ, огдуваясь. Его взяло раздумье: надо опять доставать денегъ! У кого? Несѣсть безъ залогоу не дать!... Заложить чего!... У кого же закатъ.

Перебирая въ мысляхъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и пріятелей, Чарову пришло наконецъ на мысль, что всѣ они ему должны; но какъ собирать долги, напоминать объ уплатѣ? Стыдно, совѣстно, сверсно!

Раздраженный и истомленный досадными и непривычными думами, Чаровъ настрѣлъ былъ уже ктти спать и полегить на мудрость утра, какъ пришла дѣвушка и повела его къ Саломѣ.

— Я думалъ, что она спитъ! сказалъ Чаровъ съ досадой.

— Онъ въ постелѣ, очень нездоровы, отвѣтала дѣвушка.

Чаровъ привыкъ уже къ этой новости.

— Чтѣ съ тобой, ма сѣго? спросилъ онъ, входя въ комнату Саломеи.

— Я больна!... я очень больна!...

— Чтѣ въ дѣлать? Послать за докторомъ?...

— Нѣтъ! Для меня необходимо путешествіе.... скорѣе!.. только воздухъ спасетъ меня, оживить.... проговорила Саломея слабымъ голосомъ, протатывая къ нему руку. Сдѣлай для меня это, Grégoire! Поедемъ хоть въ деревню... поедемъ, завтра же, вслѣ обратья!...

— Помилуй, Эрнестина, сказалъ Чаровъ, съ ужасомъ взглянувъ на блѣдное, измѣнившееся лицо Саломеи: это невозможно!...

— Grégoire! Не претворить мнѣ!... Сдѣлай это для меня! Не волни это мое желаніе!... Я заплачу тебѣ за это страстной любовью, Grégoire!

— Я не могу, моя милая, этого сдѣлать! отвѣчалъ Чаровъ, покаивъ влечени: какъ это можно, у меня дѣла!...

— Боже мой, у тебя дѣла! у тебя дѣла?

— Да! и очень важныя!... Я ни какъ не могу ихъ оставить, бросить все и ѣхать!

— Не можешь?... проговорила дрожащимъ голосомъ Саломея. Мутный, слабый взоръ ея вдругъ вспыхнулъ и сверкнулъ на Чарова.

— Подите же вонъ отсюда!... Или нѣтъ! Я лучше сама пойду вонъ!... Marie!

Саломея позвонила въ колокольчикъ.

— Помогн мнѣ встать! сказала она вошедшей дѣвушкѣ.

Чаровъ взглянулъ на болѣзненное, но вмѣстѣ вступленное лицо Саломеи.

— Это новая сцена! проговорилъ онъ про себя: да нѣтъ, ужъ эти сцены мнѣ надоели!

И махнувъ рукой, онъ вышелъ

Дума о проигрышѣ и необходимости достать денегъ, тревожила его болѣе причудливаго здоровья Эрнестины.

— Давай раздѣваться! крикнулъ онъ камердинеру.

Но Marie прибѣжала и сказала, что madame въ безпамятствѣ, въ бреду, что у ней горячка!

— Это ужасъ! эта баба! вскричалъ Чаровъ: послать за докторомъ, вотъ и все!... Горячка!

Встревоженный Чаровъ безпокойно ходилъ по комнатѣ, сидѣлся, вскакивалъ снова, спрашивалъ, прибѣжалъ ли докторъ, но не шелъ къ Саломеѣ.

Прибѣжавшій наконецъ докторъ, осмотрѣлъ большую и сказалъ Чарову, что у ней всѣ признаки воспаления и жизнь ея въ опасности.

— Что жъ я буду дѣлать съ ней? dites moi, je vous en prie? вскричалъ Чаровъ.

— Какъ что? спросилъ съ удивленіемъ докторъ.

— Да, что? Чортъ меня дернулъ благодѣтельствовать, дать приютъ у себя въ домѣ какой-то несчастной иностранкѣ, а она тутъ у меня умретъ!... Нельзя ли ее отправить въ больницу?

— Какимъ же образомъ? Кто жъ она такая?

— А чортъ ее знаетъ! [Какая-то мадамъ Мильвуа.... Я предложилъ ей жить у себя, покуда получитъ мѣсто.... далъ квартиру, столъ, вотъ и все!... Я не могу въ такомъ положеніи держать ее у себя и отвѣчать за нее!...

— Есть у нея какія-нибудь бумаги?

— А кто ее знаетъ?... Вы знаете Далина? Онъ взялъ ее изъ тюрьмы на поруки и просилъ пристроить.... Я съ дуру и согласился!... Да вы можете это сдѣлать, чтобъ ее приняли куда нибудь въ больницу.... для меня!

— Хмъ! Теперь когда же?... Завтра какъ нибудь это можно будетъ сдѣлать.

— А если она умретъ до завтра?

— Ну, вѣтъ....

— Да нельзя ли теперь?

— Хмъ! мосѣ Тcharoff! Это.... не хорошо! сказалъ докторъ.

— Что жъ тутъ нехорошаго.... Лучше ли подвергать себя....

Чаровъ не договорилъ.

— Вы бы прежде думали объ этомъ.

— Да какъ тутъ думать, с'ег d'octeur? кто жъ могъ думать?... но крайней-мѣрѣ хотъ завтра тѣмъ свѣтъ.... для меня!

— Посмотримъ.... можетъ-быть, еще завтра ей будетъ лучше, если удастся перервать болѣзнь.

— Да вѣтъ, Богъ съ ней! Я не хочу, чтобъ она оставалась у меня въ домѣ! сказала Чаровъ: только одни тревоги да неудовольствiя!...

И Чаровъ умолилъ, упросилъ, взялъ слово съ доктора, что тотъ похлопочеть о томъ, чтобъ больную Француженку помѣстить въ больницу.

У.

Въ сторонѣ отъ большой старой дороги, которую замѣнило шоссе, на краю лѣса, стоялъ удивленный постоялый дворъ. Въ ту самую ночь, когда Дмитрицкiй неожиданно, негаданно попалъ въ спутники Трифона Исаева, ѣхалъ съ нимъ самъ, не зная куда и мало о томъ заботился, къ воротамъ упомянутаго постоялаго двора прикатило нѣсколько троекъ. Прiзжiе были все народъ ва легкѣ, не простой, а промышленный, мастеровой. Всѣ они, соскочивъ съ телегъ, вообразилъ въ избу постоялаго двора. Ямщики поѣхали шагкомъ на дорогу проводить взмыленныхъ коней.

Въ это время въ заднiя ворота вышла женщина, таща заѣруку какого-то молодца.

— Поди-но, поди сюда, Прохоръ Васильевичъ! шептала она ему.

— Ну, что, зачѣмъ, Лукерьюшка? спрашивалъ онъ.

— Охъ, уйдемъ отсюда, голубчикъ Прохоръ Васильевичъ! Здѣсь разбойничiй притонъ, уйдемъ пожалуйста!

— Съ чего жъ ты взяла это, Лукерьюшка?

— Да неужели ты не смѣкаешь, что тутъ за люди собираются?... И Триша-то твой мошеникъ, разбойничья голова!... Ужъ я говорю тебѣ не даромъ: видала я такихъ!... Пойдемъ, Прохоръ Васильевичъ!

— Куда жъ мы уйдемъ, Лукерьюшка? Чѣмъ жить-то? А ужъ

Триша за что возьмется, то сдѣлаетъ; я тебѣ говорю, что онъ примирить насъ съ тятенькой.... Ужъ тятенька сказалъ, что не убьетъ меня, если я кинусь въ ноги съ повинной головой.... Да Триша говоритъ, что ужъ лучше, говоритъ, обождать покуда умретъ тятенька.... Онъ, говоритъ, ужъ очень нездоровъ.

— Ахъ, онъ злодѣй, нехристь! чему учить! Сколько выговорилъ онъ съ тебя за миръ-то? продолжала женщина, торопливо удаляясь въ поле отъ постоялаго двора.

— Куда жъ ты Лукерьюшка?

— А вотъ тутъ деревня недалеко.... Тамъ мы переночуемъ у Ивановны, у которой я брала тальки.... Да ты ужъ говори мнѣ всю правду: за сколько уговоръ то былъ? Что онъ, мошенникъ, почеть содрать съ тебя?

— Что? Пѣтъ, Лукерьюшка, напрасно! Триша не такой человѣкъ: онъ говоритъ, что я служилъ, говоритъ, вашему тятенькѣ вѣрою и правдой и вамъ, говоритъ, буду служить вѣрою и правдой.

— Ахъ, ты! всему-то ты вѣришь! Такому мошеннику! Проходи Васильевичъ, послушай ты меня: ужъ лучше пойдѣмъ, да упадѣмъ въ ноги!... О, Господи! Что это? народъ? Побѣжимъ въ лѣсъ!...

Изъ-за кустарниковъ показалось нѣсколько верховыхъ, отрядъ солдатъ и толпа народу, вооруженнаго дубинами. Всѣ приближались тихо къ постоялому двору.

Замѣтивъ бѣгущихъ къ лѣсу двухъ человѣкъ, нѣсколько верховыхъ догнали ихъ.

— Стой!... держи ихъ! Кто вы такіе?

— Батюшки мои, мы прохожіе, идемъ на богомолье, отвѣчала съ испугомъ женщина: вотъ, я веду слѣпенькаго....

— Врешь! крикнулъ какой-то усатый чиновникъ, въ военной шинелѣ, при саблѣ, соскочивъ съ лошади, и всматриваясь на спутника женщины, котораго она держала за руку и который отъ ужаса въ самомъ дѣлѣ моргалъ глазами, какъ слѣпой: говори откуда?

— Изъ Переславля, продолжала женщина: зашли было на постоялый дворъ, да тамъ такая тьма народу.... мы изъ опаски, чтобъ насъ не обидѣли, и ушли оттуда....

— А много тамъ? Кто такіе?

— А Богъ ихъ знаетъ; пріѣхали на тройкахъ.... все-такие удалые....

— А сколько ихъ?

— Да человекъ съ десяткомъ будетъ....

— Ну, ступайте себѣ съ Богомъ, сказалъ усатый чиновникъ, отпустивъ Лукерьюшку, которая вела слѣпенькаго Прохора Васильевича. Тсъ! тцще!... продолжалъ онъ: часть команды обходи съ права! Я пойду съ лѣва... Понятыя къ заднимъ воротамъ!... тихо!

Распорядясь такимъ образомъ, военная команда съ понятыми, окружила постоянный дворъ и вдругъ нагрянула въ избу. Усатый чиновникъ съ саблей въ рукахъ, съ нѣсколькими людьми солдаты вбѣжалъ въ избу и крикнулъ: бери ихъ!

Солдаты бросились на сидящихъ вокругъ стола молодцовъ.

Пораженные страхомъ они не успѣли рта разинуть, не только что взятыя за ножи, которые торчали у нѣкоторыхъ на ремнѣхъ подъ кафтаномъ. Ихъ всѣхъ перевязали безъ сопротивления.

— Атаманъ! крикнулъ кто-то въ шинели, быстро окинувъ всѣхъ однимъ взглядомъ.

Всѣ молчали.

— А! здѣсь еще нѣтъ главнаго молодца, заводчика! Гдѣ атаманъ? крикнулъ онъ снова, обратясь къ одному изъ разбойниковъ болѣе всѣхъ поблѣднѣвшему съ бритой бородой.

— Тебя я спрашиваю! слышалъ?

— Атаманъ еще не приѣзжалъ, проговорилъ дрожа всѣмъ тѣломъ бритый.

— Да какой у насъ атаманъ, отвѣчалъ рыжий мужичина: онъ со страху несетъ, вашему благородію, какой же у насъ атаманъ? Что мы разбойники, что ли?

— Молчать! знаю я, кто вы!...

— Коли знаете, такъ нечего и допрашивать!

— Зажми ему горло!... сказалъ главный сыщикъ, выходя изъ избы.

И онъ расположилъ команду въ засаду подлѣ воротъ.

— Надо обождать: тутъ еще не все! главнаго нѣтъ!

Вскорѣ повламывались на дорогъ бубенчики.

— Чу! смотри ребята!

Тройка неслась по дорогъ большой рысью.

Это ѣхалъ Трифонъ Исавъ съ своимъ спутникомъ, Дмитрицкимъ.

Тройка повернула съ дороги влѣво.

— Это куда? спросилъ Дмитрицкій.

— А вотъ... началъ было Трифонъ, всматриваясь зоркими глазами въ окна постоянного двора; но не докончивъ словъ, онъ

вдругъ перекинулся назадъ съ телѣги, хлопнулся на землю и поклатился съ дороги въ траву.

Коня примчались къ воротамъ постоялаго двора.

Только что Дмитрицкій соскочилъ съ телѣги и оглянулся, гдѣ Трифонъ? вдругъ со всѣхъ сторонъ накинута на него толпа солдатъ и мужиковъ, свалили въ грязь на землю, и смяли подъ себя.

— Вотъ онъ, злодѣй! здѣсь! валай его! важи его! Ага! попалъ собака! кричала вся толпа въ одинъ голосъ.

— Стой! не душить! давай его сюда! крикнулъ главный сыщикъ.

— Вотъ онъ самой-то знатной!... Вотъ онъ, убійца-то!... Душегубецъ!

— Важи его!

— Скрутимъ, не бойтесь!

— Давай его сюда!

Дмитрицкій не шелохнулся; его избили, избили; онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается.

Одинъ сильный мужикъ, скрутивъ ему назадъ руки, въ доплату далъ ему подзатыльникъ.

— На-ка вотъ тебѣ милостинку!

— Давай его сюда! повторилъ сыщикъ. Что, братъ, попалъ?

— Попалъ, отвѣчалъ Дмитрицкій, да не знаю куда.

— А вотъ увидишь, мошенникъ, разбойникъ!... Взвалите его на ту же тройку, на которой прѣхалъ! двое со мной, я самъ его отвезу!... Шайку его ведите сейчасъ же!...

— Попалъ въ Тришкинъ кафтанъ! проговорилъ Дмитрицкій про себя.

Приказаніе немедленно было исполнено: связаннаго Дмитрицкаго взвалили на телѣгу; съ начальствовавшимъ экспедиціей, съ ли двое солдатъ, и усталая тройка поскакала обратно въ Москву.

— Фу, задушилъ чортъ! проговорилъ Дмитрицкій, ворочаясь подъ солдатомъ, который засѣлъ на него верхомъ.

— Молчи собака!

— Конченъ балъ, Вася! продолжалъ онъ про себя, попалъ въ мошенники, въ Тришки, въ разбойники, въ воры, въ душегубцы!... Этого я не надѣялся, не думалъ! Не хорошо, любезный другъ! Не виновать? А кто жъ тебя будетъ оправдывать? Самъ? Пустяки, мой милый: и тебѣ не повѣрятъ! Ну! Богъ съ тобой! Погибай! Кому ты еще нуженъ? На что? Развѣ только на пурало людямъ посерединѣ площади?... Что жъ дѣлать, служи!

служе и спиной своей человечеству.... оно еще молодо, словъ еще не боятся.... И что, если правду сказать, дѣлалъ ты въ своей жизни? *Ръзалъ штось, билъ карты, душилъ вино!* Просто разбойничалъ!... Фу! Солдаты! право!

— Что, собака, вѣрно не легко показался тебѣ?

— Нѣтъ, ничего; я только такъ говорю; если ловко, такъ сиди; ты, братъ, славный гнетъ!

— Молчать! крикнулъ сыщикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, молчать во всякомъ случаѣ лучше, продолжалъ Дмитрицкій.

— Ну! неугомонный песъ! прибавилъ сыщикъ, толкнувъ его ногой.

— Нѣтъ ужъ угомонился, все надоѣло: и лежать свиной тушей въ телѣгѣ надоѣло, и считать людей людьми надоѣло, и вы всё мнѣ надоѣли, и проклятая эта ночь надоѣла.... и что еще надоѣло?

— Молчи!... крикнулъ солдатъ.

— О, да ты, братъ, продувная годовка! сказалъ усѣхнувшіе сыщикъ.

— Знакомый что то голосъ! Гдѣ то я слыхалъ? сказалъ Дмитрицкій, оборачивая голову и всматриваясь въ сыщика.

— Чтò такое? спросилъ сыщикъ.

— Ничего, голосъ-то вашъ какъ-будто знакомъ мнѣ.

— Мошенникъ! вѣрно ужъ былъ у меня въ рукахъ.

— Нѣтъ, не бывалъ, отвѣчалъ Дмитрицкій, отворотясь: а припомнилъ я одного Петруху Фадѣева, по прозванью забубенная голова, который взялъ меня въ науку и училъ разбойничать; вотъ одинъ разъ напали мы съ нимъ на одного казначея. Мнѣ стало жалко: послушай, Петруха, сказалъ я, грѣхъ! душа-то у него казенная; его за губимъ, а жену и дѣтей по міру пустимъ.—Вотъ, смотрѣть на нихъ, отвѣчалъ Петруха: того не тронь, да другаго не тронь, все будетъ жалко! Чортъ съ ними! — Ну, братъ, Петруха, ты просто злодѣй, душегубецъ, знать тебя не хочу! сказалъ я, дасъ-тѣхъ-поръ и не знался съ нимъ.

— Экіе странные вещи рассказываетъ! проговорилъ солдатъ.

— Разговорился мошенникъ! молчать бестія! проговорилъ и чиновникъ, котораго задѣли какъ-будто за живое слова Дмитрицкаго. Убійца, подлець!...

— Петруха-то чай лучше меня душегубъ, а я бы вамъ ука-

залъ на него: такъ бы ужъ насъ вмѣстѣ съ нимъ въ одну шпату, на одну цѣпь.

Сыщикъ откашлянулся, какъ-будто поперхнувшись, но не отвѣчалъ ни слова.

— Пошелъ! крикнулъ онъ.

Тройка поскакала куда слѣдуетъ.

Сыщикъ въ шинели представилъ его по принадлежности.

— Честь имѣю представить самого атамана шайки, своими руками взялъ, сказалъ онъ.

— Ухъ! какая рожа! крикнулъ приставъ, осматривая Дмитрицкаго: такъ и видно, что убійца!... Чтò, сколькихъ ты убилъ на своемъ вѣку?....

— Да изрядно таки; считать не считалъ, отвѣчалъ Дмитрицкій, смотря пристально въ глаза пойманному его сыщику: вотъ, я думаю, они знаютъ.

— Откуда жъ мнѣ знать, проговаривалъ сыщикъ, смутясь.

Взоръ Дмитрицкаго напомнилъ ему чтò-то, и онъ содрогнулся невольпо.

— Злодѣйская рожа! продолжалъ приставъ.

— Да какъ же, весело!

— Фу, безчеловѣчное животное! въ кандалы его! Да покуда здѣсь на цѣпь, въ сибирку!

Дмитрицкаго повели въ сибирку.

— Ну, кажется ужъ теперь вырваться вельзя, Вася? Да и к чему?.... Самъ себя приюта не нашелъ; добрые люди дадутъ приютъ. Прощенья просимъ, продолжалъ Дмитрицкій вслухъ, обращаясь къ усачу сыщику. Хмъ! счастье! Петруха, забубенная голова, попалъ въ люди!

VI.

— Чтò, матушка, у тебя чайку-то пѣтъ и денегъ нѣтъ? говорила одна старушенка въ чепчикѣ, сидя подлѣ постели больной, разслабленной женщины, которая только-что очнулась отъ безпамятства и смотрѣла на высокую, чистую, но пустынную комнату, гдѣ стояла только желѣзная кровать, на которой она лежала, зеленый столикъ подлѣ и стулъ.

— Гдѣ я? проговорила слабымъ голосомъ больная, въ которой невозможно было уже узнать Саломенъ, такъ перемѣнились черты ея лица, огонь глазъ потухъ, жизнь погасла.

— Въ больницѣ, матушка, въ больницѣ, отвѣчала старуха: здѣсь вѣдь порція-то знаешь.... хоть бы чашекъ-то своей....

Саломея какъ-будто вдругъ почувствовала рѣзкую внутреннюю боль, болѣзненное лицо ея сжалось; она закрыла глаза и глухой стоиъ раздался въ груди.

— Вотъ и родныхъ-то вѣрно нѣтъ никого, продолжала старуха разговаривать сама съ собой: въ двѣ недѣли никто не навѣстилъ.... Послушай-ко, матушка, родные-то есть у тебя здѣсь?

Саломея покачала головою и глубоко вздохнула.

— Послушай-ко меня: если бѣ ты смогла написать просительное писемцо къ графинѣ и княжескимъ сіятельствамъ.... ей Богу! а я бы походила съ нимъ по домамъ.... Такъ таки просто написала бы «что я вотъ такая то капитанша или маіорша.. выставишь чинъ-то, такъ лучше, знаешь.... капитанша или маіорша, ну, а потомъ: ваше графское сіятельство, помогите отъ милости вашего благоутробнаго сердца, я дескать больная, въ безпачетствѣ лежу, руками и ногами не владѣю.... семейство на рукахъ ниѣю, а нахожусь въ больницѣ, но бѣдности состоянія... ваше, моѣ, превосходительство...»

— Перестань! слабо проговорила Саломея, махнувъ рукою на старуху.

— Ничего, ей Богу ничего; это ужъ такъ водится: хоть господинъ какой, хоть купецъ, всё-равно: все ваше графское сіятельство и превосходительство; это ничего; никто не отказывается, что я дескать не графъ.... а подають: иной гривенничекъ дастъ, и больше случается....

— О, Боже мой! перестань говорить!

— Хмъ! какая ты! Не вѣрять! Добро бы я съ бухты баракты говорила!.... Ты ужъ вѣрь мнѣ. Я и чернилицу и бумаги достану, и скажу тебѣ какъ писать.... Не можешь? э-э-э! Такъ вотъ что: я писаря попрошу написать.... да надо будетъ дать ему, мошеннику, двугривенничекъ, по-крайней-мѣрѣ.... а онъ ужъ такъ в нацпшетъ, что ты безъ ногъ, безъ рукъ лежишь.... подписать только самой не нѣшается.... да на это-то достанетъ, матушка, силы: штука помакнуть перо, да и черкнуть: такая-тѣ, вотъ ассесорша или чиновница, или какъ, Богъ тебя знаетъ.. говорить вѣдь, видишь, что ты Французинка.... Такъ это еще лучше для господъ-то....

Саломея не въ состояніи уже была переносить говору старухи; каждое слово ея какъ-будто какое-нибудь отвратительное насѣкомое ползло по ней; сердце содрогалось отъ ужасу, чувства

раздражались; но нѣтъ силъ подать голосу, что она страдаетъ, чтобъ спасли ее отъ мученій....

— Что ты сморщилась, матушка, да машешь все рукой?.... продолжала старуха: болить что ли что у тебя? Что жъ дѣлать-то?.... Терпи!.... Колотья, вѣрно? Такія ли у меня бывали колотья: крикомъ кричишь бывало; а это еще что, какъ только поморщилась.... это еще слава Богу....

Глухой, продолжительный стонъ вырвался изъ груди больной.

— А! вотъ вѣрно теперъ по-силыѣе? Ничего! пройдетъ!.... Такъ ли еще бываетъ.... Вотъ если бѣ чайку ты напилась, такъ какъ рукой сняло бы...: Право! Вѣдь вотъ, кто-нибудь да положилъ же тебя въ больницу, а никто не подумаетъ провѣдать, не пуждаешься ли въ чемъ.... Или бы ужъ денегъ оставили тебѣ.... Больничная-то порція, извѣстное дѣло: съ голоду не умрешь, а сытъ не будешь: кашпа да супъ, вотъ и все. Ну, а какъ поотляжетъ, такъ оно и того и сего.... а чайку-то особенно.... Я ужъ что за человекъ, а безъ чаю не могу обойтись. Не могу, матушка, ей Богу не могу!.... Бывало ничего, и горя мало, покуда не вышла замужъ за станціоннаго смотрителя; а ужъ извѣстное дѣло, какъ побываешь въ офицерскомъ званіи, да поводишься съ благородными, такъ и нельзя: и къ себѣ на чашку чаю надо просить. Вѣдь, Богъ знаетъ, не што такое: трава, а приятно. Призпательно однако же сказать, какъ поднесли въ первый-то разъ, пью я, да морщусь? такъ бы и выплюнула въ лахань, да совѣстно. На первый-то разъ тошниво, а послѣ-то какъ слюбилось: хлѣбомъ не корми!... Бывало десять разъ въ день поставишь для проѣзжихъ самоваръ — пью не напьюсь. Надо сказать, что и доходъ-то хорошій былъ отъ чаю, особливо зимой; вной проѣзжіи прозябнетъ — самъ просить; а другаго и придержши: «лошадямъ-то, сударь, еще надо поотдохнуть, сей-часъ пріѣхали, а куда бы вы, сударь, чайку испили». Покоблываются, да и нечего дѣлать; а мнѣ слава».

Да и то надо сказать: смотрителю въ офицерскомъ званіи не приходится брать на водку, а какъ дадутъ на чай, такъ отчето не взять? Тутъ ничего нѣтъ неуважительнаго такого....

Саломея протянула руку къ столу, чтобъ подали ей кружку съ водою, утолить жаръ, который пожиралъ ее; но старуха, надѣвъ очки, продолжала вязать чулокъ и мучить больную рассказами.

— Вотъ, какъ вспомнила объ чаѣ, такъ и захотѣлось, продолжала она положивъ чулокъ на столъ: ужъ ты полежи, матушка, одна, а я пойду къ ельдшершѣ, чай ужъ она пьетъ.

Старуха вышла. Саломея снова протянула руку къ столу, по некому повясть ея желанія.

Медикъ посѣщалъ ежедневно больную, какъ официальный человѣкъ, заботясь единственно о существенной болѣзни. Онъ вывелъ Саломею изъ опаснаго положенія, но не его дѣло было заботиться о ея душевной болѣзни; а тѣмъ менѣе объ ея положеніи. Онъ приходилъ, шупалъ пульсъ, молча прописывалъ рецептъ, или, кивнувъ головой, уходилъ. Слабость ея еще была велика; но слабость можетъ долго продолжаться, слабость пройдетъ сама собой. Курсъ леченія кончился, терминъ для направленія силъ прошелъ—на выписку!... рѣшилъ медикъ.

— Куда жъ ее отправить? спросилъ дежурный лекарь.

— Какъ куда?

— Ее помѣстятъ по приказанію главнаго доктора; бумагу никакихъ нѣтъ.

— Такъ спросить его; или лучше спросить ее самое.

Дежурный послалъ фельдшера объявить Саломеѣ, что она назначена на выписку изъ больницы; а потому, куда угодно ей будетъ отправиться?

Саломея посмотрѣла на фельдшера, опустила голову и ни слова не отвѣчала.

— Она тебя не понимаетъ, вѣдь она Французинка: постой-ко я ее спрошу, сказала старуха сидѣлка.

— Ну, спроси: куда ее отправлять?

— Послушай-ко, матушка, вотъ пришелъ фельдшеръ сказать, что тебя слѣдуетъ на выписку; такъ говорить, куда отправлять-то тебя? Родные что-ли есть?... Или куда на квартиру? гдѣ ты жила-то? а?

— Ахъ, не мучайте меня! дайте мнѣ умереть! проговорила Саломея.

— Зачѣмъ умирать, сказалъ фельдшеръ: васъ, сударыня, назначили на выписку.... Вы теперь, слава Богу, здоровы; а это такъ еще, отъ слабости васъ тоска беретъ; да это ничего. Вы извольте, съ Богомъ, отправляться теперь домой; слабость сама собою пройдетъ... Это ужъ мы знаемъ.

И фельдшеръ вышелъ.

— Что? спросилъ докторъ

— Объяснилъ ей, что она теперь совершенно здорова, а потому можетъ отправляться домой.

— Такъ въ особую-то, на мѣсто ея, перевести больную, что давеча привезли.

— Слушаю, сказалъ фельдшеръ, и въ слѣдствіе этого приказанія, въ комнату Саломеи вскорѣ внесли на рукахъ большую.

— Э! что жъ это, куда жъ мы положили ее?... Койка-то заплата.

Призванный фельдшеръ снова объявилъ Саломею, что она совершенно здорова и назначена на выписку.

— Дайте мнѣ умереть! повторила въ отвѣтъ Саломея.

— Никакъ нельзя съ, сказалъ фельдшеръ: мы за это въ отвѣтъ будемъ.

Послѣ долгихъ недоразумѣній, что дѣлать съ назначенной въ выписку иностранкой, доложилъ главному доктору. Главный докторъ извѣстилъ объ этомъ доктора, чрезъ посредство котораго она принята была въ больницу.

— Что жъ мнѣ съ ней дѣлать? подумалъ докторъ: куда мнѣ ее дѣвать? Чаровъ отрекся отъ нея!... Развѣ похлопотать, чтобъ приняли ее во вновь открытый пріютъ?... Въ самомъ дѣлѣ!...

И докторъ отправился къ одной изъ дамъ благотворительнаго общества, заботамъ которой открылся новый пріютъ для бѣдныхъ. Къ счастью въ пріютѣ на двѣнадцать кроватей оставалось еще одно вакантное мѣсто, въ отдѣльной комнаткѣ, гдѣ помѣщена была уже одна дряхлая старушка.

— Мавра Ивановна, вотъ и вамъ привезли сожительницу, сказала старушкѣ, на другой день послѣ этого, женщина, прислуживавшая въ пріютѣ.

— Что о Дарьюшкѣ?

— Привезли какую-то, на пустое-то мѣсто, къ вамъ, Мавра Ивановна, крикнула на ухо старушкѣ женщина.

— А! Ну что жъ, и слава Богу, мнѣ все-таки веселѣе будетъ... Чай мой васенька ей не помѣшаетъ, проговорила старушка, поглаживая стараго кота, который лежалъ у нея на колѣняхъ.

— Вотъ сюда, сказалъ вошедшій докторъ, за которыми вели подѣ руки Саломею: вамъ будетъ здѣсь покойнѣе... Объ васъ приложить всѣ возможныя заботы... Я буду навѣщать васъ....

Саломею посадили на кровать; она обвела кругомъ взорами и молча прилегла на подушку. Докторъ поклонился и вышелъ.

— Нездоровы, вѣрно, сударыня? сказала старушка, смотря съ состраданіемъ на Саломею: дай Богъ здоровье добрымъ людямъ!... Не покидаютъ васъ бѣдныхъ!...

Воображая, что Саломея заснула отъ утомленія, старушка за-

могла, взяла со столика святцы, надѣла очки и стала всматриваться въ буквы и читать про себя.

— Гдѣ это я? вскрикнула Саломея, очнувшись вдругъ изъ забывчивости.

— Въ пріютѣ, сударыня, отвѣчала старушка, положивъ святцы: не привыкли еще; какъ быть-то!... Богъ дастъ, Богъ и отнимаетъ, за грѣхи наши... Да не оставляетъ же Онъ насъ, милосердный Отецъ, на совершенную гибель! посылаетъ добрыхъ людей въ помощь... Помолитесь Ему!..

И старушка перекрестилась, обратясь къ образамъ въ углу. Саломея посмотрѣла на нее. Но изъ разбитой ея души испарился духъ вѣры въ жизнь. Мутный, погасшій взоръ ея, какъ будто спрашивалъ старушку: зачѣмъ?

— Охо хо, продолжала старушка: вы, сударыня, вѣрно жили въ полномъ довольствіи и всякой роскоши... Да вдругъ наказалъ Богъ невзгодѣемъ?... Вотъ и я думала жизнь кончить не потяготивъ собой людей.... Да Господь не судилъ!... Бывало плохое время; сожителя своего, Ивана Леонтьевича, безъ копѣчки похоронила; думала ужъ по-міру жить; да по милости Божіей вышла царская милость — половинна мужицкой пенсія... сто рублей въ годъ. Чего жъ еще больше, особенно при милостяхъ и при благорасположеніи добрыхъ людей. Вотъ, примѣромъ сказать, жаловала меня очень статская совѣтница Софья Васильевна Бронна... Да двѣ ея дочки: Саломея Петровна...

Раздавшееся глухое восклицаніе прервало разговоръ старушки.

Сидѣвшая на кровати съ склоненной головой, Саломея упала безъ чувствъ на полъ.

— Что съ тобою, сударыня! вскричала испугавшись старушка; и хотѣла было, по чувству состраданія, броситься на помощь, но не могла. Господи! И силъ-то ужъ нѣтъ встать съ мѣста, помочь человѣку!... Дарьюшка.

— Что вы, Мавра Ивановна?

— Охъ, помоги скорѣй! безъ памяти упала!

— Владыко ты мой! привезли совсѣмъ больную женщину! сказала Дарья, приподнимая Саломею на постель. Скорѣй бы надо дать знать частному лекарю: онъ чай велитъ ее отправить въ больницу.

— Больна, больнохонька! проговорила старуха.

VII.

Порочныя чувства — болѣзненное состояніе чловѣка, силь-

ная лихорадочная раздражимость сердца, которая во время внутреннего жару бросает его въ воду, а во время ознобу въ огонь. Часто вмѣсто того, чтобъ подать помощь въ началѣ, откуда привычка къ потрясающимъ ощущеніямъ не вошла въ природу, вмѣсто участія корятъ больного за болѣзнь. Онъ теряетъ надежду на участіе и помощь; но какъ человѣкъ, онъ чувствуетъ потребность въ спасеніи, и самъ себя лечитъ по ганемановой системѣ: *similia similibus curantur*; хочетъ изгнать кливъ клиномъ и изгоняетъ недоброе чувство недобрымъ, злое злымъ. Клива изъ живаго тѣла не выбьешь клиномъ; вмѣсто одного клина завязнетъ только другой кливъ; избѣгая одного проступка, бѣдникъ впадаетъ въ другой проступокъ. Но часто болѣзнь, совершивъ кругъ, проходитъ сама собою и сознание себя восстанавливаетъ силы; и часто, болѣзнь, истощивъ силы духа и тѣла, бросаетъ человѣка на жертву отчаянію; но бессильный, онъ еще хочетъ искупить жизнь и жаждетъ наказанія — не искупить ли оно его.

Дмитрицкому надоѣло, тяжело стало жить свитальцемъ, бродить тѣню, прятать себя отъ людей.

— Вотъ, сказалъ онъ самъ себѣ, сидя на нарахъ въ подвалѣ, ркоащпый и по рукамъ и по ногамъ: вѣрно, этого не избѣжать ни какому мудрецу въ жизни: не желѣзо, такъ болѣзнь прикуетъ къ парамъ! Чтѣ брать, Вася? Вѣдь здѣсь ты на своемъ мѣстѣ, причалилъ къ берегу! Кто здѣсь свѣситъ человѣческую твою природу съ наживной, звѣрной. Правда, что ты не дикимъ былъ звѣремъ, да и не дворовой скотиной. Но тебѣ, можетъ-быть, не правится эта сущность? Ты, можетъ-быть, желаешь, чтобы оковы вдругъ спали съ тебя? хочешь свободы, воли, вѣги, роскоши, гарема, толпы друзей и пріятелей, рабовъ и рабынь, хочешь вина, хочешь поставить трильонъ на карту, обыграть всѣхъ безпутныхъ, мотовъ, скрягъ и жплъ, чтобъ облагодѣтельствовать все бѣдное человечество?... Все это можно, Вася, только пожелай, усни крѣпкимъ богатырскимъ сномъ — во снѣ, чего хочешь, того просишь и все дается и удастся тебѣ. Спи, другъ! Если не спится, то покати передъ собою колесо, или морскія волны; вообрази, что ты опускаешься на дно, добывать земное счастье, и ты испрежѣнно заснешь!

Дмитрицкій зѣвнулъ, и въ самомъ дѣлѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

По утру его разбудили, чтобъ вести къ допросу.

Онъ проснулся смутенъ.

— Фу! какой сонъ! проговорилъ онъ: хуже бессонницы въ тюрьмѣ и въ оковахъ!...

— Ну, очнулся ли? маршъ! крикнулъ солдатъ.

— Наслыу очнулся! Прескверный, братъ, сонъ!...

— Чтò, казнили что ли тебя во снѣ?...

— Нѣтъ, мнѣ снилось, напротивъ, что я казню людей, да и спрашиваю: какъ же это такъ! вѣдь напередъ меня надо казнить? Ничего, мнѣ отвѣчаютъ, это такъ слѣдуетъ; придетъ и твой чередъ: явному явное, тайному тайное, наружному наружное, а внутреннему внутреннее; такъ ужъ слѣдуетъ по закону.

— Да, да, да, толкуй, сказалъ солдатъ: вотъ дадутъ тебѣ припарку!

— Чтò жъ дѣлать, братъ, ужъ это, вѣрно, такъ слѣдуетъ по закону, отвѣчалъ Дмитрицкій, приподнявъ оковы на ногахъ, за привязанную къ нимъ веревочку, чтобъ онѣ не волоклись по землѣ и не мѣшали идти.

Его привели въ присутствіе. Присутствующіе взглянули на его одежду, на его наружность, которая не похожа была на разбойничью, подивились и стали допрашивать. Странные, равнодушные отвѣты его, еще болѣе привели всѣхъ въ недоумѣніе.

— Кто ты такой?

— Право, самъ не знаю теперь, кто я такой? отвѣчалъ Дмитрицкій.

— Изъ какихъ мѣстъ ты родомъ?

— Я не на мѣстѣ родился, а дорогой.

— Ты ли Трифоновъ Исаевъ?

— Я ли Трифоновъ Исаевъ? Хмъ! Ну, нѣтъ, Трифоновъ Исаевымъ я никогда не былъ, отвѣчалъ онъ усмѣхался.

Не добившись изъ отвѣтовъ Дмитрицкаго толку, его поставили на очную ставку съ пойманными разбойниками, но и они дивились, смотря на него и не признали своимъ атаманомъ.

— Кто жъ ты такой? спросили его снова.

— Кто взялъ меня и представилъ сюда, тотъ, вѣроятно, долженъ знать это, отвѣчалъ Дмитрицкій.

— Послать за Петромъ Оадевичемъ Куминнымъ.

Усатый сыщикъ, поймавшій разбойниковъ, явился.

— Господинъ Куминъ, этотъ человекъ говорить, что вы знаете его, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ.

Куминъ смутился.

— Да, я узналъ его, отвѣчалъ онъ: но не вѣрю глазамъ сво-

ниъ.... кажется, если не ошибаюсь, Дмитрицкій, я видѣлъ его прежде и потомъ уже не встрѣчалъ его.

Всѣ присутствующіе съ новымъ удивленіемъ взглянули и на Кумина и на Дмитрицкаго, который равнодушно осматривалъ своего помощника.

— Какимъ же образомъ вы представили этого человѣка за атамана нойманныхъ разбойниковъ? Что это значитъ?

Куминъ оробѣлъ отъ этого вопроса.

— Извините.... Ей-ей, повяты не могу, какимъ это образомъ случалась такая неосторожность.... Ночью, въ суматохѣ....

— Самымъ простымъ образомъ, перервалъ Дмитрицкій: схватилъ меня за атамана разбойниковъ, вотъ и всё.

— Ошибка.... Простите меня! прибавилъ Куминъ, обращаясь къ Дмитрицкому.

— Хмъ! если ошибка, такъ ошибка въ фальшь не ставится, отвѣчалъ Дмитрицкій.

— При васъ были бумаги и имущество? спросилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Безъ сомнѣнія, что все было; но я не знаю куда это все дѣвалось.

— Все это будетъ отыскано, сказалъ Куминъ: вы, господинъ Дмитрицкій, имѣете полное право на меня жаловаться начальству; я за ошибку буду отвѣчать.... меня отрѣшать отъ должности, но по старому товариществу....

— О, не беспокойтесь, и не подумаю жаловаться; но я желаю знать, что вы будете со мной теперь дѣлать? спросилъ Дмитрицкій.

— Вы свободны, сказали присутствующіе, приказавъ снять оковы съ Дмитрицкаго: вы такъ снисходительны къ непростительной ошибкѣ господина Кумина. Но какимъ же образомъ мы сдѣлаемъ, чтобъ это происшествіе не дошло до начальства?....

— Если они не изъявляютъ претензіи, такъ мнѣ только стоитъ переимѣнить рапортъ, сказалъ Куминъ.

— А если это какъ-нибудь откроется? Ктѣ жъ намъ повѣрить, что мы отпустили господина поручика Дмитрицкаго, а не атамана разбойниковъ? Нѣтъ, этого дѣла такъ рѣшить нельзя.

— Если они прощаютъ меня, за чтѣ же вы хотите меня погубить? сказалъ Куминъ.

— Какимъ же образомъ поступить иначе? Особенной ответственности впрочемъ нельзя вамъ ожидать, тѣмъ болѣе, что

отвѣтъ протензіи не издвѣляетъ.... Доставьте только намъ бумаги, а ихъ самихъ возьмите покуда на поруки.

— Странная пугавица, сказалъ Дмитрицкій: во во всякомъ случаѣ, самъ я распутывать не буду.

— Неугодно ли вамъ побыть покуда у меня, господинъ Дмитрицкій? сказалъ Куминъ.

— Отчего жъ не такъ; готовъ быть тамъ, гдѣ прикажутъ; мнѣ все-равно.

— Вы сердитесь на меня; но сами посудите: рѣшился ли бы я сдѣлать что-нибудь непріятное бывшему товарищу?

— О, помилуйте, я зналъ васъ всегда за отаичнаго человѣка отвѣчалъ Дмитрицкій.

— Что только вамъ нужно, я всѣмъ готовъ служить вамъ....

— Покуда ничего не нужно: развѣ только арестантскую порцію хлѣба, мнѣ хочется ѣсть.

— Сдѣлайте одолженіе не корите ужъ меня ... сію минуту мы позавтракаемъ, какъ слѣдуетъ, и по старой памяти выпьемъ бутылочку шампанскаго.

— Вотъ, неожиданно негаданно, навязалась старая память! подумалъ Дмитрицкій, котораго Куминъ привезъ въ свой домъ, помѣстивъ въ свой такъ называемый кабинетъ, нарядилъ вмѣсто закорузлаго отъ грязи длиннаго сертука въ свой пальто, и представилъ женѣ своей, какъ стараго пріятеля, котораго спасъ отъ напавшихъ на него разбойниковъ.

— Ахъ, какъ это ужасно! проговорила блѣдная луна, водруженная на тощій станъ, присѣдая передъ Дмитрицкимъ и прося его садиться.

— Домна Яковлевна, надо чего-нибудь намъ позавтракать, знаешь, питательнаго, да бутылочку уючительнаго.

— Прикажи, пожалуйста, самъ, отвѣчала торопливо супруга Кумина, всматриваясь въ Дмитрицкаго. Ахъ, Боже мой! продолжала она: какъ ваша наружность мнѣ знакома!.... Ни какъ не могу припомнить, гдѣ мы встрѣчались?....

— Да, и мнѣ знакома ваша наружность, отвѣчалъ памятливый Дмитрицкій, узнавъ въ Доминѣ Яковлевнѣ дѣву-поэта, которую онъ видѣлъ на литературномъ вечерѣ Михайла Памѣшловича Лычева: позвольте.... имендо; мы встрѣчались съ вами въ тамбовской губерніи! кажется, такъ?

— Ахъ, нѣтъ, я въ тамбовской губерніи никогда и не бывала; я съ малолѣтства жила все здѣсь.

— Здѣсь? Не понимаю: здѣсь я въ первый разъ. Но удивительное сходство съ вами. Такая же счастливая наружность, которую нельзя забыть, такое же что-то поэтическое, восторженное въ лицѣ, во взорахъ, во лбу и даже вотъ въ этихъ нѣстахъ, сказалъ Дмитрицкій, обводя рукою оконечности губъ, которыхъ у Домны Яковлевны совсѣмъ не было, во оконечности разрыва рта склонялись какъ у *нюни* къ низу и какъ извѣстно выражали желчную кислоту.

— Это удивительно! кто она такая?

— Одна дѣвушка.

— Занимается поэзіей?

— О, какъ же! удивительная способность писать стихи! Представьте себѣ: возьметъ и напишетъ прямо изъ головы! Я и не видывалъ!

— Ахъ, да какъ же иначе; это и составляетъ доказательство таланта. Я сама пишу очень быстро, почти на чисто, безъ поправокъ. Напримѣръ, я написала цѣлую поэму недѣли въ двѣ небольшие.

— Ай, ай, ай, какая у васъ способность! и это просто какъ ни почему?

— Мнѣ ужасно какъ легко достаются стихи.

— Ай, ай, ай, повторилъ Дмитрицкій: я не знаю, ужъ это вѣкъ такой, что рождаются непостижимые таланты; а если не вѣкъ, такъ какая-нибудь особенная причина?

Домна Яковлевна не успѣла еще обдумать отвѣта, какъ появилась ея мужъ съ бутылкой въ рукахъ передъ взводомъ лакеевъ и дѣвочекъ, которые торжественно несли подносы, судки, блюда, блюдечки и все, что могло относиться къ завтраку.

— Покорнѣйше просимъ, дорогой гость! сказалъ онъ, расправляясь уставкой всего на столъ и наливая кюммелю.

Дмитрицкій не заставлялъ повторять просьбы.

— А ты что жъ, душа моя? сказалъ Куминъ женѣ своей: ты что-нибудь бы скушала.

— Ахъ, подите! проговорила Домна Яковлевна, которая держала уже передъ носомъ какую-то тетрадку и, прищурясь, всматривалась въ написанное.

— Какъ она у меня пишетъ стихи, Василій Павловичъ, еслибъ вы знали, продолжалъ Куминъ, поднося старому товарищу шампанскаго; извольте-ко выкушать!... каково?

— Я еще ничего не прочитала, а ты ужъ хвалишь! проговорила Домна Яковлевна, читая что-то про себя.

— Я что-то читалъ ваше въ печати. Кажется поэма? Позвольте.... начинается:

«Въ одной изъ деревень губерніи тамбовской....»

— Неужели? Напечатано? вскричалъ Куминъ.

— Ахъ, я и сама не знала, что уже напечатано, сказала вспыхнувъ отъ удовольствія Домна Яковлевна: я давно послала въ Библиотечку для Чтенія.... и только теперь напечатали! Какая несправность!

Поѣзжай, пожалуйста, Петръ Ѡдоевичъ, возьми Библиотечку.

— Сейчасъ, сейчасъ; кстати мнѣ надобно ѣхать отыскать ихъ бумаги и вещи....

— Въ которомъ номерѣ помѣщена моя поэма?

— Не припомню, отвѣчалъ Дмитрицкій: но мнѣ кажется, что она помѣщена не въ Библиотекѣ для Чтенія, а въ какомъ-то другомъ мѣстѣ....

— Гдѣ же?.... Это удивительно! Пожалуйста припомните!

— Право, не припомню.

— Петръ Ѡдоевичъ, надо пересмотрѣть всѣ журналы! я съѣзжу сейчасъ же сама въ книжную лавку!...

И Домна Яковлевна крикнула, чтобъ скорѣе подали ей шляпку и манто.

— Помилуй, душа моя, мнѣ надо самому сію минуту ѣхать!.... Отыскать ихъ бумаги и вещи.... по горячимъ слѣдамъ....

— Я сію минуту ворочусь, успѣете, проговорила торопливо Домна Яковлевна, надѣвая шляпку.

— Помилуй!.... Мнѣ ни какъ теперь нельзя дать тебѣ лошадей!.... Мнѣ самому нужно!

— Пустяки, пустяки!.... Подавай манто!

— Нѣтъ ужъ, ей Богу, извини! крикнулъ Куминъ, схватилъ фуражку: пропадутъ ихъ бумаги и вещи.... Я отвѣчаю!... мнѣ будетъ бѣда!...

— Это ужасъ! Это ни на что непохоже! вскричала Домна Яковлевна видя себя и, сорвавъ съ себя шляпку, сбросивъ манто на полъ, она кинулась въ другую комнату, хлопнула дверьми, но вопли ея раздались по всему дому.

— Хитъ! произнесъ смутясь и испугавшись Куминъ: еслибъ вы знали какая она прекраснѣйшая женщина! Съ какими чувствами, еслибъ вы знали!.... Но вотъ только слово скажи не такъ насчетъ стиховъ — просто бѣда! Скажи чуть чуть серьезно, что, «Пора обѣдать, душа моя! ты записалась!» Ну и бѣда: вспых-

нетъ, въ слезы, въ упреки: и житья-то нѣтъ, и убійца-то я здорovia ея и губитель таланта, и Богъ знаетъ что.... баць въ постель! Вотъ тебѣ и пора обѣдать!... И понять не могу: жалость! Ну, какъ тутъ иногда не скажешь: чортъ бы драгъ эти стихи!.... А только скажи это — да и посылай за докторомъ.

— Зачѣмъ же говорить такія вещи? сказалъ Дмитрицкій, выслушавъ жалобы Кумина.

— Да нельзя; какъ можно остеречься на каждый часъ, самъ иногда въ досадѣ; намоютъ голову, проголодаешься какъ собака, придешь домой, а тутъ Богъ ее знаетъ, какая-то особеннаго рода чувствительность!.... Напрямѣръ теперь: мнѣ надо торопиться ѣхать отыскать ваши бумаги и вещи, такъ нѣтъ! брось все! Сами вы видѣли.

— Что жъ дѣлать! домашнее спокойствіе дороже всего, сказалъ Дмитрицкій.

— Да какъ же быть то; почтеннѣйшій мой?

— Жена ваша поэтическое существо, съ ней нельзя обходиться какъ съ простой женщиной.

— Кто жъ говорить, я это очень знаю, это и по ея комплекціи видно; да какъ же быть-то?

— Какъ быть! Я вамъ сказалъ, что домашнее спокойствіе дороже всего; сохраняйте ее спокойствіе, угождайте, предупредите всѣ желанія, окружите ее литераторами, поэтами, напечатйте ее стихотворенія и тогда извѣстное дѣло: больше будетъ шумѣть въ свѣтѣ, меньше будетъ шумѣть дома.

— Ой, ой, ой! проговорилъ въ раздумьи Куминъ. Оно конечно: женщина необыкновенная, сочиняетъ на удивленіе, могла бы блистать въ свѣтѣ.... Да угоняешься ли за людьми?... Когда мнѣ заниматься всѣмъ этимъ? то на слѣдствіе, то туда, то сюда... Однакожъ, кажется она поуспокоилась. Я съѣду поскорѣй.... Я сейчасъ ворочусь...

Куминъ поспалъ для розыска бумагъ и вещей Дмитрицкаго, а Дмитрицкій пошелъ въ отведенную ему комнату.

— «Странная вещь, непонятная вещь!» — проговорилъ онъ, прилегая на диванъ. Однакожъ все это и глупо и скучно, или лучше сказать, черезъ чуръ замысловато, такъ, что концовъ не найдешь!.... Очень нужно было судьбѣ спасти меня, чтобъ послѣ не знать, куда дѣваться со мной!... Самъ я и не пошевелился: все надобло!.... ни шагу! что угодно судьбѣ и людямъ, то пусть со мной и дѣлаютъ!...

И въ самомъ дѣлѣ, Дмитрицкій отложилъ попеченіе заботить-

ся о себѣ. Прерыводушно слушалъ онъ отчаяніе Кумина, который послѣ неоднократныхъ поисковъ, объявилъ ему съ ужасомъ, что ни вещей его ни бумагъ, нигдѣ не отыскивается; что онъ не знаетъ, какъ теперь быть, что просто: бѣда!

— Ничего, отвѣчалъ Дмитрицкій: какъ нибудь обойдется.

— Да, обойдется!... За вещи мнѣ придется платить; а на счетъ пропавшихъ бумагъ надо напечатать объявленіе въ газетахъ.

— Платы мнѣ вашей не нужно; но со мной что вы будете дѣлать, если вѣкъ не найдутся мои бумаги, спросилъ Дмитрицкій.

Куминъ пожалъ плечами.

— Надо вамъ будетъ донести начальству, что вотъ такъ и такъ потерявъ аттестатъ; вамъ вышлютъ другой; а между тѣмъ вы можете ѣхать куда угодно.

— Нѣтъ, самъ я объ этомъ не буду безпокоиться: какъ хотите, такъ и дѣлайте, а безъ бумагъ я не поѣду.

— Хмъ, молодецъ какой! вѣрно повравились стихи моей жены!... Хоть вѣкъ вѣковать здѣсь!... подумалъ Куминъ, и онъ приложилъ всѣ заботы, чтобъ сбыть скорѣе съ рукъ Дмитрицкаго.

Легко или не легко было это сдѣлать, но онъ добылъ свидѣтельство о пропажѣ его бумагъ и выдѣ на свободное прожитіе повсюду, гдѣ ни пожелаетъ, до потребованія новаго аттестата.

Доставивъ Дмитрицкому эти бумаги, Куминъ предложилъ ему и необходимую сумму денегъ на дорогу, куда пожелаетъ ѣхать.

— Взаимы, не иначе, Петръ Фадеевичъ, сказалъ Дмитрицкій: хоть шайку воровъ и разбойниковъ наберу, да награблю денегъ, а отдамъ вамъ долгъ; мнѣ не въ первый разъ быть атаманомъ, да и литераторомъ также: хоть накраду стиховъ, а сочиню поэму и посвящу Домнѣ Яковлевнѣ! Будьте здоровы, желаю вамъ счастья и тому подобныхъ вещей!

Простившись съ Куминнымъ, Дмитрицкій отправился прямо въ гостиницу Лондонъ.

— Оеда! я опять въ живыхъ! вскричалъ онъ, вбѣжавъ въ номеръ, занимаемый Рампрскимъ.

— Дмитрицкій! Опять метаморфоза? Откуда ты? вскричалъ и Рампрскій, обвиняя его. Мнѣ сказали, что тебя взяли? прибавилъ онъ тихо.

— Взятъ, да и сами не рады, что взяли! Ты собираешься въ дорогу?

— Въ деревню, съ Машей.

— Ууу, «странная вещь, непонятная вещь!» Неужели? Такъ я съ вани.

— Душою радъ; но скажи, пожалуйста, на какомъ ты теперь положеніи?

— На прежнемъ, допотопномъ. Теперь ты меня не бойся: у меня есть теперь что показать на заставѣ. Только одно на душѣ— Саломея; не знаю, что съ ней дѣлается.

— Охъ, эта Саломея! сказалъ Рампрскій. Оставь, пожалуйста, ее въ покоѣ!

— Нельзя, душа моя: чудная женщина! Еслибъ не она, я бы вѣкъ остался венгерскимъ магнатомъ. Миѣ слѣдуетъ поблагодарить ее. Послушай, ты еще не скоро побѣдешь?

— Тотчасъ послѣ обѣда.

— О, такъ я усѣю.

— Куда ты? Пожалуйста, не ѣзди вникуда.

— Не могу; узнаю по-крайней-мѣрѣ о здоровьѣ. До свиданія!

— Обѣдаемъ вмѣстѣ?

— Очень натурально; я теперь на твоихъ хлѣбахъ: своихъ нѣтъ.

— Чудакъ, чудакъ! Дѣятельная душа, которая не знаетъ куда дѣваться съ своей свободой! проговорилъ Рампрскій вслѣдъ Дмитрицкому.

Время обѣда наступило; на столъ накрыто; половой нѣсколько уже разъ спросилъ, подавать ли кушанье?

— Погоди немного, отвѣчаетъ Рампрскій, выжидая Дмитрицкаго и расхаживая по комнатѣ съ безпокойной душой объ немъ. Дмитрицкій не возвращается.

Но вотъ слышно, кто-то вошелъ.

Рампрскій бросился къ дверямъ.

Вошелъ слуга съ докладомъ, что «Марья Михайловна Нильская изволила подѣхать къ воротамъ и ждутъ».

— Сейчасъ, сейчасъ, сказалъ Рампрскій: доложи, что сію минуту... А его все нѣтъ какъ нѣтъ!... Гдѣ жъ его искать? а такъ нельзя оставить: у него нѣтъ, я думаю, ни копѣйки....

— Кушать, стало быть, не будете? спросилъ Иванъ, слуга Рампрскаго, готовый уже въ дорогу.

— Нѣтъ!

— Портфель прикажете выносить въ коляску?

— Погоди!... Дай сюда!

И Рампрскій, какъ-будто наведенный на счастливую мысль

Иваномъ, присѣлъ, написалъ письмо, вложилъ въ него нѣсколько ассигнацій, запечаталъ и крикнулъ Ивана.

— Ты останешься здѣсь и будешь ожидать Василя Павловича Дмитрицкаго, которому отдашь это письмо. Онъ намѣренъ ѣхать ко мнѣ въ деревню, такъ ты выѣдѣ съ нимъ и прїѣдешь. Если же въ продолженіи трехъ дней не дождешься его, то прїѣдешь одинъ и возвратишь мнѣ это письмо. Номеръ остается за мной на три дня; ни шагу отсюда, слышишь?

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Иванъ, провожая съ горемъ барина. Чтò это вздумалось Федору Павловичу сзывать къ себѣ въ деревню гостей? продолжалъ онъ разговаривать самъ съ собою, возвращаясь въ номеръ: да еще жди и вози ихъ!... Экая тоска тутъ одному!...

Насидѣвшися и нагрустившися вдоволь подлѣ окна, посматривая на улицу, Иванъ сталъ дремать, повторяя про себя: Экая тоска какая! Жди поди! А еще чортъ знаетъ, дождешься ли!...

Только-что онъ всхрапнулъ, какъ стукъ двери разбудилъ его.

— Кто тамъ? крикнулъ онъ.

— Уѣхалъ? Ахъ ты, досада какая!

— Вамъ, сударь, Федора Павловича?

— Уѣхалъ? повторилъ Дмитрицкій, хлопнувъ себя по вздутымъ щекамъ: вотъ тебѣ разъ!

— Да вамъ, сударь, кого? Федора Павловича?

— Ну, да!

— Такъ они уѣхали, а мнѣ приказали оставаться, ждать васъ, да отдать вамъ это письмо.

— Эхъ-на! проговорилъ Дмитрицкій, развертывая письмо: я думалъ, что онъ меня подождетъ!... Ахъ, дружище Федя! Какъ будто угадалъ!... Ну, кланяйся же ты ему, скажи, что ѣхать мнѣ никакъ нельзя; написалъ бы съ тобой, да и то некогда. На дняхъ напишу къ нему. Прощай!

— Такъ какъ же, сударь, вы не поѣдете?

— Я тебѣ говорю, что не поѣду, некогда; кланяйся барину, скажи, что я его цѣлую.... Прощай!

— Такъ мнѣ прикажете ѣхать? спросилъ въ дополненіе Иванъ.

— Поѣзжай, поѣзжай съ Богомъ!

— Экой торопливый! Словно родной братъ вотъ тому нѣмецкому барину, чтò здѣсь стоялъ съ Еганомъ-то, да чтò пропалъ-то вдругъ.... Или ужъ это онъ самый и есть?

Довольный, что избавился отъ долгаго ожиданія, Иванъ тот-

часть же отыскалъ въ Охотномъ Ряду попутчика и отправился на порожнякъ въ деревню.

VIII.

— Душка! другъ мой! Марія! какъ я счастливъ! говорилъ на другой день Рамирскій, возвратясь съ своей молодой изъ церкви, ты моя!

— Твоя, душка! отвѣчала Мери.

— Какъ мы обязаны Дмитрицкому! Самъ Богъ послалъ его на наше счастье, но гдѣ онъ, что съ нимъ? Какъ беспокоитъ меня его судьба!

— Да, и меня также; онъ стоялъ бы лучшей участи.

— Все въ немъ есть: и умъ, и прекрасное доброе сердце, и пылкія чувства, и все на бѣду; нѣтъ управы!... Памятны мнѣ слова отца: управляйся Богомъ; умъ, сердце и чувства — кони; только на возжахъ идутъ дружно, везутъ къ цѣли.

Молодые сгрустнулись о Дмитрицкомъ; они содрогнулись при мысли, что безъ него никогда бы имъ не быть вмѣстѣ.

Въ это время явился изъ Москвы Иванъ.

— Ты одинъ? а Василій Павловичъ Дмитрицкій? Письмо отдалъ? торопливо спросилъ его Рамирскій.

— Отдалъ, сударь; они изволили сказать, что некогда имъ къ вамъ ѣхать; дѣла, сударь, служба не позволяютъ; а какъ только возможно имъ будетъ, такъ они напишутъ къ вамъ.

— Не понимаю! вскричалъ Рамирскій: что его удержало? Какая служба? Такъ онъ и сказалъ?

— Такъ точно, сударь.

Рамирскій пожалъ плечами.

— Не понимаю! Что онъ еще затѣялъ!...

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, во время котораго дозволяется все на свѣтѣ забывать и ничего не чувствовать, кромѣ собственнаго счастья, вдругъ Рамирскій получаетъ письмо.

— Марія! вскричалъ онъ: поди, другъ мой, сюда! письмо отъ Дмитрикаго.

— Неужели? Что онъ пишетъ?

— Я безъ тебя не хотѣлъ читать.

— Читай скорѣе! сказала Мери, приклонясь къ плечу мужа.

«Здоровъ ли, Федя?» читалъ Рамирскій. «Здорова ли твоя Маша? Спасибо тебѣ, любезный другъ; угадалъ, что мнѣ нужно; а ужъ какъ нужно-то было! Повѣришь-ли: пошелъ быгъ въ воры, чтобъ добыть денегъ. Ты, я думаю, удивился, продавши меня

напрасно? Что жъ дѣлать: по справкамъ оказалось, что и у меня есть сердце. Если бъ ты зналъ, какъ оно во мнѣ перевернулось! Помнишь, какъ я ненавидѣлъ Саломею? Теперь совсѣмъ другое: подлѣ Саломей, умирающей въ богадѣльнѣ, я узналъ, что эта ненависть лѣвая сторона любви. Еслибъ она умерла, и я бы умеръ; но Саломея мнѣ обязана жизнью! мнѣ! понимаешь ли ты, душа моя, это чувство? Она прошла сквозь чистилище, демонъ оставилъ ее. Сегодня въ первый разъ Саломея молилась, а я въ первый разъ понялъ, ктѣ надежный кормчій посреди тревоженнѣй житейскаго моря, и гдѣ маякъ для погибающихъ.»

— Ахъ, другъ мой, и онъ кажется счастливымъ, сказала Мери: какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть эту Саломею!

— Боюсь я, что это какія-нибудь новыя фантазіи, проказы и больше ничего!

— Дочитай же письмо.

«Увѣдомь, пожалуйста, про Яликова: доволенъ ли онъ управительскою должностію, которую ты ему далъ? Будь здоровъ, до свиданія.» Чудакъ! ничего не написалъ обстоятельно!...

— Какой Яликовъ? спросила Мери.

— Мужъ этой Саломей,

— Гдѣ жъ онъ? Какую ты далъ ему должность?

— Онъ и не являлся; взялъ деньги на дорогу, и пропалъ.

Черезъ нѣсколько времени Рамирскій получалъ второе письмо отъ Дмитрицкаго и вздрогнулъ. Оно было писано изъ Сибири.

«Ты, другъ, Федя, предлагалъ мнѣ денегъ, звалъ къ себѣ на житье. Я собирался уже къ тебѣ; но увы! судьба сослала меня вмѣстѣ съ Саломеей въ Сибирь...»

— Маша! вскричалъ Рамирскій: я предвидѣлъ, что Дмитрицкому не одобровать!... Слушай!

— О, Боже мой! бѣднѣйшій Дмитрицкій! вскричала и Мери съ ужасомъ, когда Рамирскій повторилъ первыя строки письма.

«Да, душа моя» продолжалъ читать Рамирскій, какъ это все случилось по-сію-пору, не пойму и не приду въ себя. Помню только сквозь сонъ, что какой-то благодѣтельный геній посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, узналъ меня и крикнулъ: А! говорить, тебѣ-то мнѣ и нужно! Вотъ тебѣ пять-тысячъ на дорогу, десять-тысячъ въ годъ жалованья, ступай въ Сибирь, на мои золотые прінски!—Нечего было дѣлать — поѣхалъ...»

— Ахъ! на душѣ отлегло! проговорилъ Рамирскій, вздохнувъ свободно.

Мери вмѣсто словъ поцѣловала прослезившіеся его глаза, и сама прослезилась.

— Ну?

«Надо было ѣхать, во первыхъ потому, что я рѣшительно предоставилъ распоряжаться мной судьбѣ, или кому угодно; а вторыхъ, необходимо было исполнить предсказаніе: оно у меня изъ головы не выходило: еще въ малолѣтствѣ, одна старая колдунья, которой я подставилъ ногу, сказала мнѣ: «Сорванецъ пострѣленокъ! быть тебѣ въ Сибири.» Вотъ я и въ Сибири. И ты представить себѣ не можешь, какъ я счастливъ, что выбрался изъ вашего житейскаго моря въ пустыню, и конецъ приключеніямъ.»

— На долго ли-то конецъ приключеніямъ?

— Ахъ, не сглазь! сказала Мери.

ВЕЛЬТМАНЪ.

=

ДОНЪ-КАРЛОСЪ,

ИНФАНТЪ ИСПАНСКІЙ.

=

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

ШИЛЛЕРА.

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ФЕЛИЦЪ II, король испанскій.	ГЕРЦОГЪ ФЕРІА, кавалеръ золотого руна.	} Испанскіе гранды.
ЕЛИЗАВЕТА ВАЛУА, его супруга.	ГЕРЦОГЪ МЕДИНА СИДОНІА, адмиралъ.	
ДОНЪ-КАРЛОСЪ, наслѣдннй принцъ.	ДОНЪ РАЙМОНДЪ ТАКСИСЪ, оберъ-почтмейстеръ.	
АЛЕКСАНДРЪ ФАРНЕЗЕ, принцъ парискій, племянникъ короля.	ДОМИНГО, духовникъ короля.	
ИНФАНТА ЕЛАРА ЕВГЕНІА, трехлѣтнее дитя.	ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ королевства.	} Испанскіе гранды.
ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦЪ, обергоемейстерина.	ПРІЮРЪ картезійскаго монастыря.	
МАРКИЗА МОНДЕКАРЪ,	ПАЖЪ королевы.	
ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ,	ДОНЪ ЛЮДВИГЪ МЕРКАДО, лейбмедикъ королевы.	
ГРАФИНЯ ФУЭНТЕСЪ,	Много дамъ и грандовъ.	
МАРКИЗЪ ПОЗА, мальтійскій кавалеръ.	Пажи.	
ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.	Офицеры.	
ГРАФЪ ЛЕРМА, полковникъ лейбъ-гвардіи.	Лейбъ-гвардіа.	
	Разныя иныя лица.	

—

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Королевскій садъ въ Аранжуэцѣ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КАРЛОСЪ, ДОМИНГО.

ДОМИНГО.

Вотъ и къ концу приходятъ дни веселья
Въ Аранжуэцѣ. Вы жъ, свѣтлѣйшій принцъ,

Т. LXXXVI. — Отд. II.

Не веселѣе разстаетесь съ ними.
 Мы, кажется, здѣсь пробыли напрасно.
 Прервите ваше странное молчанье,
 Откройте грудь родительской груди!
 Принцъ! нѣтъ цѣны, которую бь король
 Не искупилъ сыновняго покоя.

(Карлосъ, потупивъ взоръ, молчать.)

Принцъ! есть ли хоть одно у васъ желанье,
 Въ которое не вслушалось бы небо?
 Я былъ притомъ, когда въ стѣнахъ Толеды
 Нашъ гордый Карлъ присягу принималъ;
 Когда князя къ его рукъ толпились,
 И шесть державъ къ его стопамъ сваливались
 Приняли разомъ; я стоялъ и видѣлъ,
 Какъ гордая въ лицѣ възыграла кровь,
 Какъ грудь отъ царскихъ помысловъ вздымалась,
 Какъ упоенный взглядъ собранье облеталъ,
 Блистая радостью... Принцъ, этотъ взглядъ
 Намъ говорилъ: я насыщенъ!

(Карлосъ отворачивается.)

Принцъ, эта

Торжественная, тихая печаль,
 Которую съ прискорбемъ читаетъ
 Мы осемь мѣсяцовъ во взорѣ вашемъ,
 Загадка цѣлаго двора, — тоска
 Испанн, ужъ стоила довольно
 Ночей бессонныхъ вашему монарху,
 Слезъ королевъ-матери, мой принцъ....

КАРЛОСЪ быстро оборачивается.

Мать! Боже! дай мнѣ силъ простить тому,
 Кто далъ ее мнѣ въ матеря!

ДОМИНГО.

Мой принцъ!

КАРЛОСЪ, спохватившись третью рукою по лбу.

Святой отецъ.... я, право, такъ несчастливъ
 Своими матерями. Первымъ дѣломъ
 Моемъ, увидѣвъ свѣтъ, убійство было,
 Убійство матери.

ДОМИНГО.

Возможно ль, принцъ?

Такой упрекъ терзаетъ вашу совѣсть?

КАРЛОСЪ.

А эта мать — не стоила ли мнѣ
Любви отцовской? Мой отецъ, король,
И безъ того едва любилъ меня,
Хоть я его единородный сынъ.
Ей Богъ дагь дочь.... Кто знаетъ, чтѣ еще
На двѣ времянь таинственно хранится?

ДОМИНГО.

Вамъ надо мной шутить угодно, принцъ?
Какъ! Вся Испанія боготворить
Свою владычицу, а вамъ однимъ
Ее угодно ненавидѣть, — передъ нею
Внимать разсудка наученьямъ? Какъ, принцъ?
Прекраснѣйшая женщина на свѣтѣ
И королева.... и когда-то ваша
Невѣста, принцъ.... невѣрооятно, вѣтъ!
Гдѣ любить всѣ, тамъ Карль не ненавидитъ;
Такъ странно самъ себѣ противорѣчить
Не станеть Карлосъ. Берегитесь, принцъ,
Чтобы она объ этомъ не узнала:
Вѣсть принять горько.

КАРЛОСЪ.

Право?

ДОМИНГО.

Если

Ваше высочество не позабыли
Последняго турнира въ Сарагосѣ,
Гдѣ нашъ король еще слегка былъ раненъ....
Съ своими дамами сидѣла королева
На средней изъ трибунъ дворцовыхъ, битвой
Любуясь. Вдругъ кричатъ: король въ крови!
Тутъ все засуетилось; бурный шедоть
Бѣжитъ въ радахъ и наконецъ доходитъ
До королевы. «Принцъ?» кричитъ она
И хочетъ броситься съ высокаго балкона.
— «Нѣтъ, самъ король» — ей отвѣчаютъ. — «Ну,
Такъ докторовъ позвать скорѣй» сказала
Она, переводя дыханье.

Послѣ нѣкотораго молчанья.

Вы

Задумались о чемъ-то?

КАРЛОСЪ.

Удивляюсь

Веселому духовнику монарха.

Какъ ловекъ онъ въ затѣйливыхъ разсказахъ!

Серьозно и ирачно.

Но я всегда слыхалъ, что здѣсь на свѣтѣ
Разносчики и продавцы вѣстей
Зла болѣе творили, чѣмъ отравы
И ножъ въ рукахъ убійцы. Святой отецъ,
Напрасно только вы трудились: если
Вы ждете благодарности — ступайте
Къ его величеству.

ДОМИНГО.

Свѣтлѣйшій принцъ,

Я васъ хвалю, зато что осторожно
Изволите съ людьми вы обходиться.
Но различать людей умѣйте также;
Не оттолкните друга вмѣстѣ съ лицемѣромъ;
Я вамъ добра желаю.

КАРЛОСЪ.

Берегитесь,

Чтобъ мой отецъ объ этомъ не провѣдалъ:
Тогда проститесь съ мантией.

ДОМИНГО, озадаченный.

Какъ такъ?

КАРЛОСЪ.

Да такъ. Не общалъ ли мой отецъ
Вамъ мантию при первой же раздачѣ?

ДОМИНГО.

Вамъ надо мной шутить угодно, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Да сохранить меня Отецъ небесный,
Чтобы шутить я сталъ надъ человѣкомъ,
Который къ лику праведныхъ причислить
И осудить монарха властенъ!

ДОМИНГО.

Принцъ,

Не смѣю я изслѣдовать причины
Печали вашей, но хочу и долженъ
Я вашему высочеству напомнить,
Что для души, тоской убитой, церковь
Свои грата святыя отворастъ,

Къ которымъ нѣтъ ключей и у монарховъ...
Вы поняли меня, принцъ! Я окончилъ.

КАРЛОСЪ.

Пѣтъ! я далекъ отъ мысли искушать
Хранителя такого блага.

ДОМИНГО.

Принцъ,

Такая недовѣрчивость.... слугу
Такъ обижать, вѣрнѣйшаго слугу....

КАРЛОСЪ беретъ его за руку.

Ужъ отступитесь лучше отъ меня.
Вы человекъ святой, — то знаетъ свѣтъ:
Но вотъ въ чемъ дѣло: для меня вы слишкомъ
Ужъ заняты. Вашъ путь, святой отецъ,
Великъ, тернистъ, пока вамъ не удастся
Сѣсть на престолъ Петра. А много знать
Вамъ вредно. Потрудитесь передать
Все это королю, который васъ
Прислалъ сюда!

ДОМИНГО.

Меня прислалъ сюда?

КАРЛОСЪ.

Да, васъ прислалъ. О! знаю, вѣрно знаю,
Что я ужъ предавъ при дворѣ Испанскомъ, —
Что сотни глазъ подкуплены стережъ
Меня, — я знаю, что король Филиппъ
Готовъ продать единственнаго сына
Последнему рабу; что платитъ онъ
За каждый слогъ, за пойманное слово
Довосечкамъ, по царски платятъ онъ.
Я знаю.... О! довольно! тише! Сердце
Мое полно, а я и то сказалъ
Ужъ много лишняго.

ДОМИНГО.

Король намѣренъ,
До вечера сегодня быть въ Мадридѣ.
Дворъ собравъ весь. Позвольте ль вы мнѣ,
Принцъ.....

КАРЛОСЪ.

Хорошо, я не замедлю.

Доминго уходитъ.

КАРЛОСЪ, ПУСЛЪ НЕКОТОРОГО КОМТЕРА.

Жалкій

Филиппъ! Какъ сынъ твой бѣдѣнъ ты и жалокъ!
 Ужъ вижу я, какъ ядовитымъ жаломъ
 Къ тебѣ во грудь впилося подозрѣнье;
 Твое предвѣденіе перегнало
 Несчастное открытѣ, и ужасенъ
 И страшенъ будешь ты, когда откроешь.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

КАРЛОСЪ, МАРКИЗЪ ПОЗА.

КАРЛОСЪ.

Кто тамъ?... Что вижу я?... Ахъ, Боже мой!
 Родриго!

МАРКИЗЪ.

Карлосъ!

КАРЛОСЪ.

Не мечтали это?

Не сонъ ли? правда ль? ты ли это точно?
 О! это ты! Я къ сердцу жму тебя
 И чувствую, какъ мощно сердце бьется.
 Теперь опять все хорошо, свѣтло!
 Въ одномъ такомъ объятіи заживаешь
 Мое душа больная. Мой Родриго
 Опять со мною.

МАРКИЗЪ.

Ваше сердце, ваша
 Душа больная, принцъ? И что опять
 Такъ хорошо, свѣтло? И что жъ могло
 Такъ къ лучшему для васъ перемѣниться?
 Вы видите, я изумленъ, мой принцъ.

КАРЛОСЪ.

Ты какъ сюда изъ Брюсселя, скажи?
 Кого за это мнѣ благодарить?
 Кого? какъ будто я не знаю? О!
 Прости счастливцу, непонятный Промыслъ,
 Прости безумное богохуленье;
 Кого жъ, кого жъ какъ не Тебя? Ты зналъ,
 Что Карлосъ здѣсь безъ ангела... одинъ!
 И вотъ его ко мнѣ ты посылаешь!
 А я? а я какъ-будто и не знаю?

МАРКИЗЪ.

Простите, принцъ, когда на вашъ восторгъ
 Отвѣчу вамъ я только удивленьемъ.
 Не думалъ я такъ Карлоса найти.
 Румянецъ неестественный горитъ
 На вашихъ блѣдныхъ, страдающихъ щокахъ,
 А губы лихорадочно дрожать.
 Что думать мнѣ, любезный принцъ?... Нѣтъ! это
 Не тотъ отважный юноша, къ кому
 Меня народъ гнетомый посылаетъ.
 Теперь я здѣсь стою не какъ Родриго,
 Не какъ товарищъ Карлоса-ребенка....
 Посланникъ челоуѣчества всего,
 Предъ вами я колѣна преклоняю:
 То Фландрскія провинціи, мой принцъ,
 На вашу грудь приносятъ слезы горя
 И васъ зовутъ на дѣло избавленья.
 Пропали ваши земли, если Альба, —
 Слѣпой палачъ слѣпаго фанатизма, —
 Мечомъ ворота Брюсселя отворить.
 На внука Карла Пятаго лежитъ
 Всѣхъ этихъ странъ послѣдняя надежда.
 Онъ погибъ, если ваше сердце
 За челоуѣчество отвыкло биться.

КАРЛОСЪ.

Они погибли.

МАРКИЗЪ.

Боже! что я слышу?

КАРЛОСЪ.

Ты говоришь о временахъ прошедшихъ.
 И мнѣ когда-то снилось о томъ Карлѣ,
 Котораго бросало въ жаръ при мысли
 О славѣ.... Тотъ давно ужъ схороненъ.
 А этотъ, что теперь ты видишь, это
 Уже не Карлъ, съ которымъ ты простился
 Передъ отъѣздомъ у воротъ Алькалы, —
 Который думалъ въ сладкомъ опьяненіи
 Творцемъ стать новаго златаго вѣка
 Въ Испаніи. О! эта мысль была
 Нелѣпа, но божественно прекрасна!
 Прошли всѣ эти сны.

МАРКИЗЪ.

Сны, принцъ? Такъ это
Сны только были? сны?

КАРЛОСЪ.

Дай мнѣ плакать,
Дай на груди твоей мнѣ слезно плакать,
Ты, другъ единственный. У меня здѣсь пѣть,
Пѣть никого, на этомъ всемъ огромномъ,
Неизмѣримомъ свѣтѣ никого.
Доколѣ скиптръ отцовскій достигаешь,
Доколѣ флаги нашихъ кораблей
Блѣвуютъ, пѣть мнѣ мѣста — пѣть — ахъ, пѣть,
Гдѣ могъ бы я довѣрчиво поплакать,
Кромѣ груди твоей. О мой Родриго,
Ради всего, на что мы уповаемъ,
Не оттолкни меня отъ этой груди!

МАРКИЗЪ, наклоняется надъ нимъ съ невыразимою пѣжностію.

КАРЛОСЪ.

Увѣрь себя, что это спросту
Ты сострадательно призрѣлъ у трона.
Вѣдь я не знаю, что отцомъ зовется....
Я царскій сынъ.... О! если правда то,
Что говоритъ мнѣ сердце, если ты
Изъ миллионовъ создавъ, чтобъ понять
Меня; о! если правда, что природа
Родрига въ Карлѣ чудно повторила,
И нашихъ душъ невидимы струны
На утрѣ дисей настроила равно;
Когда моя слеза тебѣ дороже
Всѣхъ мплюстей отцовскихъ....

МАРКИЗЪ.

О! дороже

Чѣмъ цѣлый свѣтъ!

КАРЛОСЪ.

Такъ глубоко я палъ,
Такъ бѣденъ сталъ, что я хочу напомнить
Тебѣ о нашемъ дѣтствѣ.... что я долженъ
Просить тебя, мнѣ заплатить долги,
Что ты еще въ матрозскомъ платьѣ сдѣлалъ, —
Когда мы оба, рѣзвые ребята,
Такъ дружно, братьями росли; когда
Всего больвѣй мнѣ было, что твой умъ

Такъ обгонялъ меня.... когда я наконецъ
Тебя любить рѣшился безгранично,
Затѣмъ что по уму съ тобой сравняться
Мнѣ не хватало мужества и силы.
Тутъ началъ я и пѣжностью и лаской,
И братскою любовью тебя мучить:
Ты, гордая душа, ихъ отвергала съ презрѣньемъ.
Какъ часто я.... по ты того не видѣлъ....
Какъ часто я стоялъ, и слезъ потоки,
Слезъ жгучихъ, горькихъ, въ тихомолку лилъ,
Когда меня не замѣчая, ты
Другихъ дѣтей сжималъ въ своихъ объятыхъ.
Зачто же ихъ однихъ, зывалъ я плача?
Не также ль я люблю тебя? Но ты,
Ты холодно и важно предо мною
Колѣва преклопалъ; ты говорилъ:
Вотъ дань, приличная испанскому инфанту

МАРКИЗЪ.

Довольно, принцъ, объ этихъ похожденияхъ;
Они теперь меня приводятъ въ краску.

КАРЛОСЪ.

Я не заслуживалъ того. Терзать,
Отвергнуть могъ ты это сердце, только
Не удалить его. Три раза ты
Отталкивалъ испанскаго инфанта;
Три раза онъ, какъ пчелы, приходилъ
Просить тебя о дружбѣ и любви,
И силой полюбить себя заставить.
Чего не могъ твой Карлосъ, сдѣлалъ случай.
Случилось разъ, что ты, играя, тѣткѣ
Моей, Богемской королевѣ, въ глазъ
Попалъ волакомъ. Вдругъ, ей показись,
Что это было сдѣлано въ насмѣшку,
И съ жалобой она пошла къ Филиппу.
Всѣмъ вамъ немедленно велѣли
Собраться и сказать, кто виноватый.
Король клянется злобную обиду,
Хотя бъ и на своемъ единомъ сынѣ,
Ужасно выместить. Тутъ я увидѣлъ,
Какъ ты въ дали весь блѣдный трепеталъ.
Я вышелъ, бросился къ ногамъ Филиппа:

Я, я то сдѣлалъ! я одинъ виновникъ!
На мнѣ одномъ обиду отомсти!

МАРКИЗЪ.

О! полно, полно, принцъ! о чемъ теперь
Напомнили вы мнѣ!

КАРЛОСЪ.

За эту шалость

Передъ лицомъ всей челяди дворцовой,
Вокругъ столпившейся въ испугъ, рабски,
Жестоко былъ наказанъ принцъ донъ Карлосъ.
Я на тебя взглянулъ.... и плачъ сдержалъ.
Отъ боли зубы скрежетали, я
Не плакалъ. Кровь моя лилась ручьями,
Подъ срамными ударами лилась,
Я на тебя смотрѣлъ — и не заплакалъ.
Тутъ ты пришелъ ко мнѣ и, зарыдавъ,
Упалъ къ ногамъ моимъ. «Да, да, вскричалъ ты,
Теперь мою ты гордость побѣдилъ.
Я заплачу, какъ будешь королемъ!»

МАРКИЗЪ, подаетъ ему руку.

И заплачу. Ребяческія клятвы
Теперь возобновляю я какъ мужъ.
Я заплачу. И часъ мой бьетъ!

КАРЛОСЪ.

Теперь,

Теперь — не медли же — теперь онъ пробилъ.
Пришла пора ихъ выкупить тебѣ.
Другъ, мнѣ нужна любовь. Ужасной тайной
Бушуетъ грудь моя. Я долженъ, долженъ
Тебѣ открыться. На твоихъ чертахъ
Хочу прочесть свой смертный приговоръ.
Узнай же — ужаснись — не возражай мнѣ только —
Я обожаю мачиху.

МАРКИЗЪ.

О Боже!

КАРЛОСЪ.

Я не прошу пощады! Говори,
Скажи, что въ этомъ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ
Несчастья равнаго съ моимъ.... скажи —
Я знаю напередъ что ты мнѣ скажешь:
Сынъ любить мать свою! Законы свѣта,
Природы связь и римскіе уставы

Осудить эту страсть. Моя любовь
 Права отца ужасно оскорбляетъ.
 Все знаю — и люблю. Путь этотъ прямо
 Ведетъ къ безумству или къ позорной плахѣ.
 Люблю пороки — безъ надежды — съ смертной
 Тоскою и опасностію жизни....
 Все это вижу и люблю!

МАРКИЗЪ.

А знаетъ

Объ этомъ королева?

КАРЛОСЪ.

Могъ ли я

Открыться ей? Она жена Филиппа
 И королева; здѣсь испанскій воздухъ.
 Она хранима ревностью отцовской,
 Окружена придворнымъ этикетомъ....
 Какъ могъ я съ нею говорить свободно?
 Ужъ осемь адскихъ мѣсяцевъ, какъ я
 Филиппомъ вызванъ изъ алькальской школы,
 Какъ день-деньской я въ пытки здѣсь, смотрю
 Ей въ очи и молчу какъ гробы.... осемь
 Ужасныхъ, адскихъ мѣсяцевъ, Родриго,
 Какъ это пламя разрываетъ сердце,
 Какъ это ужъ разъ ужасное признание
 Вертится на губахъ, но боязливо,
 Въ испугѣ, снова уползаетъ въ сердце.
 О! мой Родригъ, хоть нѣсколько минутъ
 Быть одному съ ней....

МАРКИЗЪ.

Принцъ, а вашъ отецъ?

КАРЛОСЪ.

О! что ты мнѣ напомнилъ? Говори
 О всѣхъ ужасныхъ совѣсти мученьяхъ,
 Но объ отцѣ моемъ не говори!

МАРКИЗЪ.

Вы не ненавидите его?

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ! ахъ, нѣтъ!

Его не ненавижу я; но ужасъ,
 Но страхъ злодѣя мной овладѣвають
 При этомъ страшномъ имени. Что дѣлать,
 Когда рабство уже въ груди ребенка

Зерно любви безщадно задавило?
 Шесть лѣтъ мнѣ было, какъ впервые Грозный,
 Моимъ глазамъ испуганнымъ явился.
 То было утро, какъ въ одинъ прѣсвятъ
 Онъ подписалъ пять смертныхъ приговоровъ.
 А послѣ.... я его и видѣлъ только,
 Когда за шалость штрафъ мнѣ объявляли.
 О! Боже мой! я становлюсь ужъ желчнымъ....
 Прочь! прочь отъ этихъ мѣст!

МАРКПЪ.

Нѣтъ, вы должны,
 Теперь должны открыться, принцъ! Слова
 Грудь полную чудесно облегчаютъ.

КАРЛОСЪ.

Какъ часто я съ самимъ собой боролся,
 Какъ часто въ полночь съ жаркими слезами
 Бросался ницъ предъ Дѣвой Пресвятою,
 Молилъ о прѣщемъ сердцѣ, о покоѣ....
 Она мнѣ не вижала. Ахъ, Родриго!
 Разоблачи мнѣ чудную загадку
 Небесъ. Зачѣмъ изъ тысячи отцовъ
 Мнѣ именно вотъ этого отца?
 Ему же именно такого сына
 Изъ миллиона лучшихъ сыновей?
 Такихъ враждебныхъ, страшныхъ столкновений
 Еще не вѣдано во всей природѣ.
 И какъ она два крайніе конца
 Всего созданія — его со мною —
 Могла сковать такой святою цѣпью?
 Ужасный, страшный жребіи! Для чего
 Два совершенно разныхъ человека
 Въ одномъ желаньи встрѣтились такъ страшно?
 Родриго, въ насъ ты видишь два созвѣзды,
 Всегда враждебныхъ отъ начала міра,
 Которыя во всемъ своемъ теченіи
 Лишь разъ одинъ, сойдя съ своихъ орбитъ,
 Столкнулись другъ съ другомъ, по ужасно,
 По разрушительно столкнулись, и на вѣки,
 Опять на вѣки разныя потекли.

МАРКПЪ.

Я страшную предчувствую минуту.

КАРЛОСЪ.

Я тоже. Будто «урин» за мною
 Несутся ужасающіе сны;
 Въ сомнѣніи мой добрый геній бьется
 Со злыми замыслами, а раздумокъ
 Черезъ лабиринтъ софизмовъ все ползеть
 Пока не содрогнется на краю
 Ужасной бездны. О! что, если я
 Отвыкну видѣть въ немъ отца.... О, другъ!
 Ты поблѣднѣлъ, ты повялъ мысль мою.
 Что, если я отвыкну чтить отца,
 Чьимъ будешь мнѣ тогда король?

МАРКИЗЪ, послѣ нѣкотораго молчанія.

Мой принцъ,

Осмѣлюсь ли къ вамъ съ просьбой обратиться?
 Что бъ вы ни захотѣли предпринять,
 Принцъ, общайте ничего не дѣлать
 Безъ друга вашего. Не правда ли,
 Вы общаете мнѣ это?

КАРЛОСЪ.

Все, все,

Что дружба мнѣ твоя ни повелитъ.
 Я весь въ твои объятія бросаюсь.

МАРКИЗЪ.

Какъ говорятъ, король желаетъ въ городъ
 Отправиться. Минуты коротки.
 Когда хотите вы наединѣ
 Быть съ королевой, это можно только.
 Въ Аранжуэцѣ. Скрытность, тихость мѣста,
 Непринужденность сельской жизни, все
 Благоприятствуетъ....

КАРЛОСЪ.

На то и я

Надѣлся; но, ахъ! напрасно!

МАРКИЗЪ

Не совѣмъ.

Я къ ней иду представиться сейчасъ.
 Когда она въ Испаніи все та же,
 Что и во Франціи была, то я
 Найду чистосердечье. Если въ взглядъ
 Ея прочту я Карлоса надежду,

Найду ее къ свиданію готовой —
Удастся удалить мнѣ дамъ ея.....

КАРЛОСЪ.

Онъ мнѣ всё почти благоволяетъ,
А особливо Мондекаръ; ее
Черезъ сына, что въ пажахъ теперь мнѣ служить,
Мнѣ удалось склонить.

МАРКИЗЪ.

Тѣмъ лучше. Будьте жъ
Вблизи вы, принцъ, и только знакъ подамъ я,
Немедленно явитесь къ королеви.

КАРЛОСЪ.

О да! о да! ступай же поскорѣ!

МАРКИЗЪ.

Иду. И такъ — до скорого свиданья!
Оба уходятъ въ разные стороны.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Отдѣленіе королевы въ Аранжуэцъ.

Простой сельскій владъ, перерѣзанный аллею и ограниченный сельскимъ
домикомъ королевы.

КОРОЛЕВА. ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦЪ. ПРИНЦЕССА ЭВОЛИ и МАРКИЗА
МОНДЕКАРЪ.

Всѣ приходятъ по аллеѣ.

КОРОЛЕВА, къ маркизу.

Останьтесь вы со мною, Мондекаръ.
Принцессы радостные глазки мучать
Меня почти все утро. Видите ль,
Она едва скрываетъ свою радость,
Что разстается наконецъ съ деревней.

ЭВОЛИ.

Ваше величество, не отпраюсь,
Я страхъ какъ рада, что въ Мадридъ мы ѣдемъ.

МОНДЕКАРЪ.

А вы, ваше величество? Неужли
Съ Аранжуэцомъ трудно такъ разстаться?

КОРОЛЕВА.

Съ такимъ прекраснымъ мѣстомъ? о, конечно!
Здѣсь я въ своемъ міру. Мѣстечко это
Я ужъ давно сердечно полюбила.
Здѣсь улыбается мнѣ сельская природа,

Подруга юности моей безпечной.
Здѣсь я какъ будто дѣтство отыскала,
И воздухъ Франціи моей здѣсь вѣсть.
Такъ не пейлите жъ на меня. Насъ вѣхъ
Влечетъ къ отчизнѣ сердце.

Эболи.

Но какъ пусто,
Какъ мертво, какъ печально все здѣсь! Точно
Какъ у трапистовъ.

КОРОЛЕВА.

О! скорѣй напротивъ,
Скорѣй въ Мадридѣ мертво все. Но что
На это скажетъ наша герцогиня?

ОЛНВАРЕЦЪ.

Ваше величество, я полагаю,
Что ужъ таковъ обычай: мѣсяцъ мы
Проводимъ здѣсь, въ Пардѣ другой, а зиму
Въ Мадридѣ; такъ заведено съ тѣхъ-поръ,
Какъ король на тронъ испанскій сѣлъ.

КОРОЛЕВА.

Да, это знаете вы, герцогиня;
Давно я съ вами перестала спорить.

МОНДЕКАРЪ.

И нынче будетъ весело въ Мадридѣ.
Къ болямъ быковъ ужъ площадь снаряжать
Тамъ стали! а потомъ ауто-да-фѣ
Намъ общаются.

КОРОЛЕВА.

Общаются? Это
Отъ кроткой Мондекаръ я слышу?

МОНДЕКАРЪ.

Что жъ?

Вѣдь сожигаютъ все еретиковъ!

КОРОЛЕВА.

Надѣюсь, Эболи другаго мнѣнья?

ЭБОЛИ.

Ваше величество, прошу покорно
Меня считать такою жъ христіанкой,
Какъ и маркизу Мондекаръ.

КОРОЛЕВА.

Ахъ! я

Позабываю, гдѣ я. Переимѣнимъ рѣчь.

Мы о деревнѣ говорили. Мѣсяцъ,
 По моему, протекъ чрезмѣрно скоро,
 Я отъ него ждала такъ много счастья,
 Такъ много радостей, и не пришла,
 Чего надѣялась и ожидала.
 Быть-можетъ, тоже съ каждою надеждой?
 Я не найду не сбывшихся желаній.

ОЛНВАРЕНЦЪ.

Принцесса Эболи, что жъ вы замолкли,
 Не скажете — надѣется ли Годецъ?
 Когда поздравимъ васъ его невѣстой?

КОРОЛЕВА.

Да, хорошо, что вы мнѣ, герцогиня,
 Напомнили. (*Принцессѣ.*) Меня просили слово
 У васъ о Годецѣ замолвить. Только
 Могу ль я это? Человѣкъ, кого
 Своею Эболи я награждаю,
 Быть долженъ рѣдкимъ человѣкомъ.

ОЛНВАРЕНЦЪ.

Ваше

Величество, онъ точно рѣдкій, оцпеь
 Достойный, добрый человѣкъ. Его
 Самъ славный нашъ король, какъ всѣмъ извѣстно,
 Своею монаршей милостью счастливитъ.

КОРОЛЕВА.

И этимъ точно счастливы онъ, но мы
 Желали бы знать, способенъ ли любить онъ?
 И можетъ ли заслуживать любовь?

Эболи стоять молча, въ смущеніи, потупивъ взоръ, наконецъ бросае-
 ся къ ногамъ королевы.

О! королева, скажитесь надо мною!
 Не допустите — ради всѣхъ святыхъ —
 Не допустите вы меня быть жертвой!

КОРОЛЕВА.

Быть жертвой? Этого довольно. Встаньте.
 Быть жертвою мучительно и страшно.
 Я вѣрю вамъ, принцесса. Встаньте, встаньте!
 Давно ли вы ужъ отказали графу?

ЭБОЛИ, встаетъ.

О! ужъ давно. Принцъ Карлосъ былъ еще
 Въ Алькалѣ.

КОРОЛЕВА, вздрагивая, пристально на нее смотреть.

Но спроси ли вы себя

Что за причина...

Эвола, съ некоторымъ жаромъ.

Никогда

То не могло случиться, королева,
По тысячъ причинамъ, никогда!

КОРОЛЕВА, очень серьезно.

Одной уже довольно мнѣ. Вамъ онъ
Не нравится. Оставимъ это.... Я
Еще инквизиты лично не видала.
Маркиза, принесите мнѣ ее.

ОЛЕНВАРЦЪ, смотритъ на часы.

Ваше величество, еще не время.

КОРОЛЕВА.

Еще не время матерью мнѣ быть?
Но, это странно! Не забудьте жъ мнѣ
Сказать, когда оно придетъ.

Входитъ папа и тихо говоритъ съ оберъ-гофмейстершиной, которая нехотъ
обращается къ королеви.

ОЛЕНВАРЦЪ.

Маркизь

Де-Поза, королева.

КОРОЛЕВА,

Поза?

ОЛЕНВАРЦЪ.

Она

Изъ Франціи и Нидерландовъ только
Пріѣхалъ и имѣть желаетъ счастье
Отъ королевы-матери вамъ письма
Вручить.

КОРОЛЕВА.

Позволено ли это?

ОЛЕНВАРЦЪ, съ торжественности.

Пряво,

Я и сама не знаю. Въ предписаньи
Моемъ не упомянуто того,
Что гравъ Кастильскій лично можетъ писемъ
Отъ иностраннаго двора вручать
Испанской королеви—и въ саду.

КОРОЛЕВА.

Такъ я приму ужъ это на свою
Отвѣтственность.

ОЛИВАРЕНЦЪ.

А мнѣ, ужъ вы позволите,
Ваше величество, покуда удалиться.

КОРОЛЕВА.

О! все, что вамъ угодно, герцогиня.

Герцогиня уходитъ, а королева даетъ знакъ пажу, который тотчасъ же
удаляется.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КОРОЛЕВА, ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ, МАРКИЗА МОНДЕКАРЬ и МАРКИЗЪ
ПОЗА.

КОРОЛЕВА.

Я рада, что васъ вижу, кавалеръ,
Въ Испаніи.

МАРКИЗЪ

Которой никогда

Еще такъ не гордился я, какъ нынче

королева, обращаясь къ дамкамъ.

Маркизь де-Поза, что на реймскихъ играхъ

Съ мнѣмъ отцомъ сломалъ копье и трижды

Мой щитъ побѣдой полною прославилъ.

Отъ первый изъ Испанцевъ научилъ

Меня вполнѣ гордиться честью — быть

Испанской королевой. (Маркизу) Въ Луврѣ вы,

Маркизь, со мной прощайся, вѣроятно,

Не думали, что гостемъ у меня

Здѣсь будете, въ Кастиліи?

МАРКИЗЪ

Нѣтъ, ваше

Величество, не думалъ. Я не думалъ

Еще тогда, что Франція одно,

Въ чемъ мы завидовали ей, уступить

Испаніи.

КОРОЛЕВА.

Гордый вы испанецъ! какъ?

Одно? И это дочери кому жъ

Изъ дому Валуа?

МАРКИЗЪ.

Теперь могу

Я откровенно въ этомъ вамъ сознаться,

Ваше величество. Теперь вы наша,

КОРОЛЕВА.

Вашъ путь, маркизъ, какъ слышу я, лежалъ
 Чрезъ Францію. Что мнѣ вы привезли
 Отъ королевы-матери и братьевъ?

МАРКИЗЪ передаетъ ей письма.

Я королеву-мать нашла большую,
 Съ одной надеждой въ сердцѣ — видѣть дочь
 Свою счастливой на испанскомъ тронѣ.

КОРОЛЕВА.

И какъ не быть счастливой ей, когда
 Ее такъ любить горячо родные?
 Когда одно воспоминанье.... Вы такъ много
 Дворовъ, маркизъ, проѣздомъ носѣтили,
 Такъ много странъ, обычаевъ узнали —
 И вотъ теперь, какъ говорить, хотите,
 На роднѣ жить только для себя?
 Среди мирныхъ стѣнъ своихъ вольнѣй тѣмъ самъ
 Король Филиппъ на тронѣ королевскомъ —
 Свободный человекъ! философъ!... Только
 Едва ли вамъ Мадридъ придетъ по нраву.
 У насъ — такъ тихо, скромно все въ Мадридѣ.

МАРКИЗЪ.

Да, да, но этимъ не вездѣ въ Европѣ
 Теперь порадоваться могутъ.

КОРОЛЕВА.

Да,

Я тоже слышала, хоть разучилась
 Слѣдить за тѣмъ, что дѣется на свѣтѣ,
 Не помню даже и того, что было.

Принцессѣ Эболи.

Мнѣ кажется, принцесса, тамъ, я вижу,
 Развѣлъ тюльпанъ. Сорвите мнѣ его.

Принцесса отходитъ къ цѣтнику. Королева немного тише къ Маркизу.
 Когда не ошибаюсь, кавалеръ,
 Своимъ проѣздомъ вы обогатили
 Нашъ дворъ однимъ счастливцемъ?

МАРКИЗЪ.

Я нашелъ

Несчастливаго, — кого на этомъ свѣтѣ
 Одна лишь радость можетъ....

Эволи, возвращается съ цѣтникомъ.

Кавалеръ,

Когда такъ много видѣли вы странъ,
То, вѣрно, кое-что у васъ найдется
Намъ разказать?

МАРКИЗЪ.

Конечно! Приключеній
Искать—долгъ рыцарей; всего жъ важнѣе
Защита женщинъ.

МОНДЕНАРЪ.

Противъ великановъ?
Теперь ихъ нѣтъ ужъ болѣе.

МАРКИЗЪ.

Насилье
Для слабыхъ тотъ же великанъ, шаркиа.

КОРОЛЕВА.

Вы правы, кавалеръ. Есть великаны,
Нѣтъ только рыцарей теперь.

МАРКИЗЪ.

Недавно,
Въ Неаполѣ, проѣздомъ, былъ я самъ
Свидѣтелемъ печальнаго событiя,
Которое завѣтъ священный дружбы
Моею собственностью сдѣлалъ. Еслибъ
Я не боялся утомить разказомъ
Ваше величество....

КОРОЛЕВА.

Такъ мнѣ рѣшить?
Княжна такъ любовытна.... Ну, пожалуй,
Послушаемъ: и я люблю разказы.

МАРКИЗЪ.

Два благородныхъ дома въ Мирандолѣ,
Наскучивъ долгою, кровавою враждой,
Что ужъ столѣтiя отъ Джибеллиновъ
И Гвельфовъ въ родъ ихъ перешла, рѣшились
Посредствомъ неразрывныхъ узъ родства
Соединиться вѣчнымъ, прочнымъ миромъ.
Фернандо, мощнаго Петра племянникъ,
И кроткая Матильда, дочь Колонны,
Избраны были для скрѣпленья дружбы.
Двухъ лучшихъ душъ не создавало Небо —
И свѣтъ четы преисполнѣн не видалъ.
Еще свою прелестную новѣсту

Фернандо только обожалъ въ портретѣ....
 Какъ трепеталъ Фернандо, въ нетерпѣньи
 Повѣрить то, чему въ своихъ мечтахъ
 Не довѣралъ онъ въ мертвенномъ рисункѣ!
 И такъ въ Падуѣ, гдѣ еще науки
 Его удерживали, ждалъ Фернандо
 Минуты только счастливой, когда
 Ему позволятъ броситься къ ногамъ
 Матильды и въ сердечномъ изданьи
 Пропенетать ей первое любду.

Королева становится внимательнѣе. Маркизь послѣ короткаго молчанія продолжастъ разсказъ, обращаясь болѣе, сколько то позволяетъ присутствіе королевы, къ принцессѣ Эболи.

Къ несчастію становится межъ тѣмъ
 Вдовцемъ Піетро. Съ юношескимъ жаромъ
 Старикъ внимаеть голосамъ молвы
 О прелестяхъ и объ умѣ Матильды.
 Онъ ѣдетъ къ ней! — онъ видитъ! — онъ влюбленъ!
 Страсть новая мгновенно задушаетъ
 Природы тихій голосъ. Дядя проситъ
 Руки Матильды, и передъ наломъ
 Свое онъ освящаетъ похищеніе.

КОРОЛЕВА.

Но что жъ Фернандо?

МАРКИЗЪ.

На крылахъ любви,
 Еще не зная страшной перемены,
 Летитъ онъ, упоенный, въ Мирандолу.
 Съ восходомъ звѣздъ примчалъ его конь быстрый
 Въ знакомый дворъ. Вакхическіе звуки
 Тимпановъ, флейтъ и трубъ ему гремятъ
 Изъ освѣщеннаго дворца навстрѣчу.
 Онъ съ трепетомъ вбѣгаетъ на ступени
 И входитъ непримѣтно въ брачный залъ,
 Гдѣ средь толпы лнкующихъ гостей
 Сидѣлъ самъ дядя. Рядомъ съ нимъ —
 Тотъ ангелъ, что знакомъ давно Фернанду;
 Что среди своихъ ему еще ни разу
 Въ такомъ небесномъ блескѣ не являлся.
 Онъ видитъ, чѣмъ онъ обладалъ недавно;
 Онъ видитъ, что утратилъ навсегда.

ЭБОЛИ.

Несчастный!

КОРОЛЕВА.

Вашъ разсказъ, маркизъ, оконченъ,
Не правда ли? Онъ долженъ быть оконченъ,
Я полагаю.

МАРКИЗЪ.

Не совсѣмъ.

КОРОЛЕВА.

Вы намъ

Сказали, что Фернандо былъ вамъ другомъ?

МАРКИЗЪ.

Я не имѣю лучшаго.

ЭБОЛИ.

Но что же

Не продолжаете вы вашего разсказа?

МАРКИЗЪ.

Онъ слишкомъ ужъ печаленъ.... да и память
Онъ немъ возобновляетъ скорбь мою.
Позвольте умолчать мнѣ о развязкѣ.

Общее молчаніе.

КОРОЛЕВА, обращаясь къ принцессѣ.

Я думаю, мнѣ наконецъ позволять
Обнять инфанту? Эболи, прошу васъ,
Сходите вы за ней.

Принцесса удаляется. Маркизъ подаетъ знакъ пажу, стоящему на заднемъ
планѣ; тотъ исчезаетъ. Королева распечатываетъ письма, врученные ей
маркизомъ и, повидному, читаетъ съ изумленіемъ. Въ это время Мар-
кизъ тихо разговариваетъ съ Мондекаръ. По прочтеніи писемъ, коро-
лева обращается къ Маркизу съ прощательно-вопросующимъ взглядомъ.

КОРОЛЕВА.

Но о Матильдѣ

Вы ничего еще намъ не сказали?

Извѣстны ль ей страданія Фернандо?

МАРКИЗЪ.

Никто не допыталъ Матильды сердца,
Но души сильныя страдаютъ тайно.

КОРОЛЕВА.

Вы смотрите кругомъ? кого-то ищутъ
Ваши глаза?

МАРКИЗЪ.

Я думаю, какъ счастливъ,
Здѣсь на моемъ бы мѣстѣ нѣкто былъ,
Кого не назову я.

КОРОЛЕВА.

Чья жъ вина,

Когда не счастливъ онъ?

МАРКИЗЪ, живо, лояя се на словѣ.

Какъ? я могу принять

Серьёзно это слово? Онъ нашёлъ бы
Прощенье, если бъ здѣсь теперь явился?

КОРОЛЕВА, въ испугѣ.

Теперь, маркизъ, теперь? Чтò этимъ вы
Сказать хотите?

МАРКИЗЪ.

Онъ бы могъ? Онъ точно

Имѣть бы могъ надежду?

КОРОЛЕВА, съ возрастающимъ смущеніемъ.

Вы мейн

Пугаете, маркизъ. Онъ вѣрно....

МАРКИЗЪ.

Здѣсь.... онъ здѣсь.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

КОРОЛЕВА. КАРЛОСЪ.

Маркизъ Поза и маркиза Мондекаръ удаляются на задній планъ сцены.

КАРЛОСЪ, бросаясь къ ногамъ королевы.

Такъ наконецъ насталъ онъ, мигъ счастливый,
И этихъ милыхъ рукъ коснется Карлосъ!

КОРОЛЕВА.

Чтò съ вами, принцъ! какой преступный, дерзкій
Поступокъ! Вставьте! Встаньте! Мы открыты.
Мой дворъ въблизи.

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ! я не встану.... здѣсь

На вѣки я останусь на колѣняхъ,
Какъ заколдованный, я вѣчно буду
Стоять на этомъ мѣстѣ.

КОРОЛЕВА.

Безразсудный!

Вотъ снисходительность къ чему ведетъ!
Какъ? Знаете ль, что это съ королевой,
Что это съ матерью такъ непрямостойно
Вы говорите? Знаете ли вы,
Что я — сама я сей-же-часъ объ этомъ
Его величеству....

КАРЛОСЪ.

И смерть тогда?

Пусть повлекутъ меня отъ васъ на плаху!
 За мигъ единый, прожитый въ раю,
 Я съ радостью всю жизнь свою отдамъ.

КОРОЛЕВА.

А ваша королева?

КАРЛОСЪ встаетъ.

Боже, Боже!

Я удалюсь.... я оставляю васъ....
 Какъ мнѣ нейти, когда вы такъ хотите!
 Вы мать моя!... О! какъ ужасно
 Играете вы мной! Одинъ намекъ,
 Вашъ взглядъ, звукъ вашихъ устъ, повелѣваетъ
 Мнѣ быть, нль уничтожиться во прахъ.
 Чего еще хотите вы? что можете
 Подъ солнцемъ быть, чѣмъ я не успѣшилъ бы
 Пожертвовать для васъ....

КОРОЛЕВА.

Бѣгите!

КАРЛОСЪ.

Боже!

КОРОЛЕВА.

Одно лишь, Карлъ, о чемъ васъ умоляю
 Съ слезами на глазахъ — бѣгите! чтобы дамы —
 Мои тюремщики, меня и васъ
 Здѣсь вмѣстѣ не застали и Филиппу
 Не донесли объ этомъ....

КАРЛОСЪ.

Я готовъ

На все — на жизнь и на смерть. Какъ! затѣмъ ли
 Я всѣ свои надежды устремилъ
 На этотъ мигъ единый — съ вами быть
 Наединѣ, чтобъ страхъ у самой цѣли
 Вдругъ оковалъ меня? Нѣтъ, королева!
 Скорѣе мнѣ сто, тысячу разовъ
 Вкругъ полюсовъ обычно обернется,
 Чѣмъ этотъ случай повторится дважды.

КОРОЛЕВА.

И онъ не долженъ повториться, принцъ.
 Затѣмъ вы здѣсь? затѣмъ ко мнѣ пришли вы?

КАРЛОСЪ.

О! королева, что боролся я,
Боролся, какъ никто здѣсь не боролся,
Въ томъ Богъ свидѣтель.... Но напрасно, тѣмъ что!
Мой духъ усталъ, я изнемогъ....

КОРОЛЕВА.

Довольно!

Довольно.... ради моего покоя....

КАРЛОСЪ.

Моей вы были — передъ цѣлымъ свѣтомъ
Мнѣ отданы союзомъ двухъ державъ,
Мнѣ признаны и Небомъ и природой,
Филиппъ, Филиппъ отягчъ васъ у меня....

КОРОЛЕВА.

Онъ вашъ отецъ.

КАРЛОСЪ.

И какъ сузругъ!

КОРОЛЕВА.

Который

Вамъ величайшую державу въ мѣрѣ
Въ наслѣдство дастъ.

КАРЛОСЪ.

И въ матери мнѣ — васъ.

КОРОЛЕВА.

Великій Боже! вы въ бреду, донъ-Карлосъ.

КАРЛОСЪ

Но знаетъ ли онъ также, какъ богатъ онъ?
Онъ можетъ ли сочувствовать вамъ сердцемъ?
Я не хочу роптать, вѣтъ, я забуду,
Какъ безпредѣльно счастливъ могъ бы быть
Я съ вами, лишь бы онъ былъ только счастливъ!
Но онъ не счастливъ: въ этомъ-то и адъ!
И никогда, во вѣки имъ не будетъ.
Мое ты небо только отняла,
Чтобъ загубить его въ объятіяхъ Филиппа!

КОРОЛЕВА.

Ужасная идея!

КАРЛОСЪ.

О! я знаю,

Кто бракъ уладилъ; знаю, какъ Филиппъ
Любить умѣетъ, какъ онъ васъ сосваталъ.
Что жъ вы такое въ этомъ королевствѣ?

Скажите, ради Бога, королева?
 Нѣтъ! какъ могли бѣ неистовствовать Альбы,
 Когда бѣ вы были королевой? Кровью
 Не истекала бѣ Фландрія за вѣру!
 Какъ! нѣ вы жена Филиппа? Нѣтъ!
 И этому не вѣрю я. Жена
 Владѣеть сердцемъ мужа, а кто же
 Его владѣеть сердцемъ? Если ласку,
 Нечаянно, въ жару, онъ и уронить,
 То онъ отнял, онъ вымолилъ ее,
 У скипетра и у своихъ сѣдницъ.

КОРОЛЕВА.

Кто жъ намъ сказалъ, что жребій мой несчастенъ
 Съ Филиппомъ?

КАРЛОСЪ.

Сердце, что такъ сильно бьется,
 Что чувствуетъ, какъ былъ бы онъ завиденъ
 Со мной.

КОРОЛЕВА.

Самонадѣянный! но если
 Мое мнѣ говоритъ совсѣмъ другое?
 Но если трогаетъ его Филиппа
 Почтительная вѣжность, и любви
 Его всегда нѣмое выраженье
 Гораздо больше, чѣмъ все краснорѣчье
 Его самонадѣяннаго сына? если
 Обдуманное уваженье старца....

КАРЛОСЪ.

Тогда другое дѣло — о, тогда —
 Тогда — простите! Этого не зналъ я,
 Не зналъ, что вы такъ любите Филиппа.

КОРОЛЕВА.

Его всегда я буду уважать.

КАРЛОСЪ.

Вы никогда любви не знали?

КОРОЛЕВА.

Станный

Вопросъ!

КАРЛОСЪ.

Вы никогда любви не знали?

КОРОЛЕВА.

Я не люблю ужъ больше.

КАРЛОСЪ.

Потому что

То запрещаютъ сердце вашъ, обѣты?

КОРОЛЕВА.

Оставьте, принцъ, меня, и никогда
Подобными вопросами не мучьте!

КАРЛОСЪ.

То запрещаютъ сердце вашъ, обѣты?

КОРОЛЕВА.

То запрещаетъ долгъ. Несчастный, для чего
Намъ разлагать судьбы жестокой звѣнья,
Когда мы ей должны повиноваться?

КАРЛОСЪ.

Должны? должны повиноваться?

КОРОЛЕВА.

Какъ?

Что значитъ этотъ мрачный тонъ?

КАРЛОСЪ.

Онъ значитъ,

Что Карлосъ не намѣренъ покориться,
Когда хотѣтъ онъ въ правъ; не намѣренъ
Играть несчастнаго на этомъ свѣтѣ,
Когда ему законъ попать лишь стоить,
Чтобъ быть счастливымъ.

КОРОЛЕВА.

Поняла ль я васъ?

И вы надѣтесь? Упорно такъ
Надѣтесь, когда ужъ все погибло?

КАРЛОСЪ.

По мнѣ, для мертвыхъ только нѣтъ надежды.

КОРОЛЕВА.

Вы на меня надѣтесь, на мать?

Долго и пристально на него смотреть, потомъ съ достоинствомъ, строго.

О! почему жъ? Король новозбранный
Толь можетъ сдѣлать?—можетъ учрежденья
Покойника огнемъ искоренить,
Его портреты сжечь, онъ даже можетъ—
Кто запретить ему?—умершаго останки
Изъ склеповъ царственныхъ Эскуріала
На свѣтъ дневной поднять, на вѣтеръ
Разсыпать прахъ развѣивавшій его,
И наконецъ, чтобъ совершить достойно...

КАРЛОСЪ.

О, полно, перестаньте, ради Бога!

КОРОЛЕВА.

И наконецъ на матери жениться.

КАРЛОСЪ.

Проклятый сынъ!

Съ винутою стоить безмялвно, какъ окаменѣлый.

Да, все погибло. Все

Теперь погибло. Нынѣ вижу ясно,
Что вѣчно-бъ должно оставаться въ мракѣ.

Вы для меня погибли.... да.... о! да!

Вы навсегда погибли! Жребій брошенъ.

Вы для меня потеряны, погибли....

О! въ этомъ чувствѣ адъ.... адъ и въ другомъ:

Любить васъ. Боже! я изнемогаю,

И нервы страшно рвутся у меня.

КОРОЛЕВА.

Несчастный, милый Карлъ! я понимаю....

Я чувствую то страшное мученье,

Что вашу грудь терзаетъ. Безконечно,

Какъ и любовь, скорбь ваша; безконечна

И слава также побѣдитъ ее.

Добудьте жъ эту славу, милый Карлосъ!

Цѣна достойна славнаго бойца,

Достойна юноши, въ чьемъ сердцѣ доблесть

Такихъ великихъ, славныхъ предковъ бьется.

Опомнитесь же, принцъ! Внуку Карла

Великаго тамъ только начинается

Борьбу, гдѣ дѣти смертныхъ ужъ ослабли.

КАРЛОСЪ.

Ужъ поздно! Боже мой, ужъ поздно!

КОРОЛЕВА.

Быть

Мушиной? Карлъ! какъ славна наша доблесть,

Когда подъ ней кружится наше сердце!

Высоко васъ поставилъ Промыслъ — выше

Чѣмъ миллионы вашихъ прочихъ братьевъ.

Пристрастно отдалъ одному любимцу,

Что у другихъ отнялъ, и миллионы

Глядятъ на васъ и говорятъ и рошцуютъ:

Во чревѣ матери что-ль заслужилъ онъ

Стать выше всѣхъ другихъ своихъ собратій?

Мужайтесь, оправдайте выборъ Неба!
Заслугой станьте въ головѣ людей,
Пожертвуйте, чѣмъ здѣсь еще никто
Не жертвовалъ.

КАРЛОСЪ.

Я это въ силахъ сдѣлать.

Васъ заслужить, во мнѣ есть сила льва,
Лишиться жъ — ни какой!

КОРОЛЕВА.

Признайтесь, Карлосъ,

Одна лишь гордость, зависть и упрямство,
Къ такой любви щекотать ваши страсти.
Любовь и сердце, что вы мнѣ дарите
Такъ расточительно, принадлежать
Не мнѣ, а вашимъ будущимъ державамъ.
Вы, принцъ, мотаете добро питомцевъ,
Врученныхъ Богомъ вамъ. Любовь вашъ дольш
Священный. До-сихъ-поръ она сбивалась
Съ пути и у меня искала мѣста.
Отдайте жъ, о! отдайте, милый Карлосъ,
Ее вы будущимъ своимъ державамъ!
И чувствуйте не совѣсти книжалы,
Но сладость богомъ быть! Елисавету
Вы до-сихъ-поръ любили, принцъ; отнынѣ
Испанию любите! Карлосъ, Карлосъ!
Съ какими восторгомъ мѣсто уступлю
Я вашей новой доблестной любви!

КАРЛОСЪ, побѣжденный, бросается къ ногамъ ея.

О! какъ велики вы, божественно велики!
Да, все, все, все исполню. Будь, что будетъ!

Встаетъ.

Здѣсь предъ лицомъ Творца стою я и клянусь,
Клянусь вамъ въ вѣчномъ... Боже мой! нѣтъ, нѣтъ!
Лишь въ вѣчномъ, гробовомъ молчаньи,
Но не въ забвеньи вѣчномъ.

КОРОЛЕВА.

Какъ могу я

И требовать того, что и сама
Не въ силахъ выполнитьъ.

МАРИЭЗЪ, выходя изъ аллеи.
Король!

КОРОЛЕВА.

О! Боже!

МАРКИЗЪ.

Скорѣй! Бѣгите, принцъ!

КОРОЛЕВА.

Онъ станетъ страшно

Подозрѣвать васъ, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Я остаюсь.

КОРОЛЕВА.

И кто же будетъ жертвой?

КАРЛОСЪ, влечеть маркиза за руку.

Прочь! Бѣжимъ,

Бѣжимъ, Родригъ!

Идти, но вдругъ еще разъ возвращается.

Что вы дадите мнѣ на память?

КОРОЛЕВА.

Участье, дружбу матери.

КАРЛОСЪ.

Мать! дружба!

КОРОЛЕВА.

И эти слезы вашихъ Нидерландовъ.

Отдастъ ему нѣсколько писемъ. Карлосъ и маркизъ уходятъ. Королева спокойно ищетъ глазами дамъ своихъ, которыхъ нигдѣ не видно. Она только что хочетъ втѣ въ глубинну сцены, какъ является король.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГЕРЦОГЪ АЛЬБА, ГРАФЪ ЛЕРМА и ДОМИНГО.

Нѣсколько дамъ и грандовъ, которые остаются въ далн.

КОРОЛЬ, съ удивленіемъ осматривается кругомъ и молчитъ нѣсколько времени

Вы одѣ, сенора?

И даже ни одной нѣтъ съ вами дамы?

Я удивляюсь.... Гдѣ же ваши дамы?

КОРОЛЕВА.

Ваше величество....

КОРОЛЬ.

Зачѣмъ одѣ вы здѣсь?

Къ свѣтъ.

Объ этомъ непростительномъ проступкѣ

Отдать строжайшій мнѣ отчетъ. Кто нынче

Изъ дамъ дежурною у королевы?

Чья очередь прислуживать ей нынче?

КОРОЛЕВА.

Не гнѣвайтесь, супругъ мой... я одна,
Одна я виновата.... Эболи
По моему приказу удаллась.

КОРОЛЬ.

По вашему приказу?

КОРОЛЕВА.

Кликнуть наморъ-фрау:

Мнѣ захотѣлось видѣться съ инфантой.

КОРОЛЬ.

И для того вы отослали свиту?

Но это первую лишь извѣщаетъ,
Скажите, гдѣ жъ была вторая дама?

Мондекаръ, которая между тѣмъ возвратилась и стояла съ прочими
дамами, выходить впередъ.

Ваше величество, я сознаюсь
Въ своей винѣ....

КОРОЛЬ.

И потому, маркиза,

Извольте десять лѣтъ вы нѣ Мадрита
Раздумывать объ этомъ.

Маркиза въ слезахъ отходитъ. Всеобщее молчаніе. Вся свита въ недоумѣ-
ніи смотритъ на королеву.

КОРОЛЕВА.

Мондекаръ,

О чемъ вы плачете?

Къ королю.

Когда я провинилась,

Мой царственный супругъ, по-крайней-мѣрѣ,

Корона, что пошу я, и которой

Я никогда сама не добивалась,

Должна бы отъ стыда меня избавить.

Нѣ въ вашемъ королевствѣ есть законъ,

На судъ зовущій дочерей монарховъ?

Не добродѣтель женщинъ охраняетъ

Въ Испаніи — одно мнѣнство? Ваше

Величество, простите!... не привыкла

Я видѣть слезы тѣхъ, кто мнѣ служилъ

Съ усердіемъ. Маркиза, подойдите!

Снимаетъ съ себя вѣсь и отдастъ его маркизѣ

Его величество вы прогнѣвали,

Но не меня, и потому пріймите

Бездѣлку эту отъ меня на дѣлать.

Бѣгите изъ Испаніи: вы въ ней

Одной лишь только провинились. Тамъ,

Во Франціи моей, такія слезы

Умѣютъ утирать. О! неужели

Мнѣ все объ ней напоминать здѣсь будетъ!

Опирается на обѣръ-сестричку и закрываетъ лицо.

Во Франціи все иначе, не такъ!

КОРОЛЬ, вѣжливо расстрепанный.

Упрекъ моей любви могъ огерчить васъ?

Одинъ намѣкъ, который только нѣжность,

Заботливость въ уста мои вложилъ?

Вотъ всѣ васалы моего престола.

Смѣшалъ ли сошь когда мои глаза,

Овладевалъ ли мною безъ того,

Чтобъ каждый вечеръ я не перечислилъ,

Какъ бьются пульсы всѣхъ моихъ народовъ?

И мнѣ ль бояться болѣе за тронъ свой

Чѣмъ за супругу сердца своего?

За подданныхъ моихъ мой мечъ порука,

И — герцога Альба; только этотъ глазъ —

За вѣрность и любовь моей жены.

КОРОЛЕВА.

Когда васъ прогнѣвала я, супругъ мой....

КОРОЛЬ.

Я всѣхъ сильнѣй во всемъ крещеномъ мірѣ,

Такъ говорятъ мнѣ; солнце не заходитъ

Въ моихъ владѣніяхъ; но другой ужъ прежде

Вполнѣ владѣлъ всѣмъ этимъ, а потомъ

Другіе также этимъ завладѣютъ;

Здѣсь только собственность моя? Все, что

Король своимъ зоветъ, принадлежитъ

Фортунѣ. Вы же мнѣ привадежите.

Вотъ мѣсто, гдѣ я смертенъ.

КОРОЛЕВА.

Вы боитесь,

Супругъ мой? какъ!

КОРОЛЬ.

Ужъ не своихъ сѣднѣ-ли?

Когда я только разъ начну бояться,

Я ужъ бояться перестану. Здѣсь

Всѣ грады — перваго изъ нихъ лишь я
Не вижу. Гдѣ жъ домъ Карлосъ, мой инфантъ?

Никто не отвѣчаетъ.

Ребенокъ Карлосъ начинаетъ что-то
Быть страшнымъ мнѣ. Меня онъ избѣгаетъ
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ прибылъ изъ Алькалы.
Въ немъ кровь пылка, за чѣмъ же взглядъ его
Такъ холоденъ? такъ празднично и сухо
Со мною обращенье? Примѣчайте
За нѣмъ, прошу васъ всѣхъ объ этомъ.

АЛЬБА.

Будьте

Спокойны, государь. Доколѣ сердце
Еще объ этотъ панцирь съется — домъ Филиппъ
Безъ страха можетъ отходить ко сну:
Какъ Божій херувимъ у райской двери,
Стоитъ здѣсь Альба у престола.

ЛЕРМА.

Слѣю ль

Мудрѣйшему монарху униженно
Я сдѣлать возраженіе? Я такъ свято
Величію Филиппа поклоняюсь,
Что твердо вѣрю, онъ не станетъ строго
И опрометчиво судить о сынѣ.
Я многого боюсь за пылкость крови,
Но не за сердце нашего инфанта.

КОРОЛЬ.

Графъ Лерма, вы прекрасными словами,
Я вижу, подкупить отца хотите;
Но короля опорой будетъ герцогъ.
Нѣ слова больше!

Обращается къ свитѣ

Я снѣшу въ Мадритъ.

Дѣла зовутъ меня. Чума ереси
Мои народы сильно заражаетъ;
Бунтъ страшно пухнетъ въ Нидерландахъ. Время!
Примѣръ ужасный нуженъ. Завтра я
Хочу исполнить тотъ обѣтъ великій,
Что дали всѣ монархи христіанства.
И судъ кровавый будетъ безпримѣренъ;
Весь дворъ мой приглашенъ заранѣ.

Уводитъ королеву, свита слѣдуетъ.

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ, съ письмами въ рукахъ и МАРКИЗЪ ПОЗА сходятся съ
противуположныхъ сторонъ.

КАРЛОСЪ.

Такъ, рѣшено: я Фландрію спасаю;
Она жаждетъ — и съ меня довольно.

МАРКИЗЪ.

И не теряя ни минуты. Слышиш, —
Что герцогъ Альба ужъ туда назначенъ
Въ правителн.

КАРЛОСЪ.]

Просить я завтра жъ буду
У короля аудіенціи въ Мадридѣ.
Я этотъ титулъ вымолю себѣ.
Отецъ мнѣ не откажетъ. Въ первый разъ
Еще къ нему я прибѣгаю съ просьбой:
Давно ужъ, замѣчаю, онъ косится
На то, что я въ Мадридѣ. Что-же лучше
Предлога этого держать меня
Вдали. И ужъ признаться ли тебѣ?
Надѣюсь я — быть можетъ мнѣ удастся
Лицомъ къ лицу его расположење
Къ себѣ возстановить. Онъ никогда
Еще не слышалъ голоса природы.
Дай мнѣ попробовать, какъ этотъ голосъ
Могучъ на языкѣ моемъ сыновнемъ.

МАРКИЗЪ.

Вотъ наконецъ я узнаю въ васъ Карла.
Теперь опять бы совершенно прежній.

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

ПРЕЖНИЕ. ГРАФЪ ЛЕРМА.

ЛЕРМА.

Король сейчасъ Аранжуэцъ оставилъ.
Мнѣ данъ приказъ....

КАРЛОСЪ.

Не безпокойтесь, графъ,
Не опоздаю.

МАРКИЗЪ, БУДТО ХОЧЕТЪ УДАЛИТЬСЯ. СЪ НѢКОТОРЫМЪ ЦЕРЕМОНИАЛОМЪ.

Больше на какихъ,

Ваше высочество, не будетъ порученій?

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ, кавалеръ. Желаю вамъ пріятно
Дойхать до Мадрита. Мы въ другой разъ
Поговоримъ о Фландріи по-больше.

Леріи, который ждетъ еще.

Графъ, я сейчасъ за вами.

Графъ Лерма уходитъ.

ВЫХОДЪ ДВЯТЫЙ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ. МАРКИЗЪ.

КАРЛОСЪ.

Тебя я понялъ. Благодарствуй другъ.
Но эти принужденія извиняетъ
Одна помѣха постороннихъ. Развѣ
Не братья мы? Комедію чиновъ
Мы выгонимъ изъ нашего союза.
Увѣрь себя, что мы на балѣ оба
Другъ съ другомъ въ маскахъ встрѣтились. Ты въ рабочей
Одеждѣ, я изъ одного каприза,
Въ пореирѣ. Впродолженіи маскарада
Играемъ мы прекрасно наши роли,
Съ сгнѣшною важностью, чтобы толпы
Веселостей контрастомъ не нарушить.
Но Карлъ тебѣ сквозь маску вдругъ киваетъ,
Ты руку жмешь у Карла мимоходомъ,
И мы другъ друга понимаемъ.

МАРКИЗЪ.

Сонъ

Божественный. Но долго ль онъ продлится?
И силенъ ли такъ Карлосъ, чтобъ бороться
Со всеми обольщеніями престола?
Есть впереди еще великій день, такой,
Когда геройскій духъ — я вамъ напомину —
Падетъ на трудномъ, долгомъ испытаніи.
Филиппъ отходить въ вѣчность. Карлъ садится
На тронъ славнѣйшій въ цѣломъ христіанствѣ.
Ужасной щелью вдругъ онъ откололся
Отъ рода смертныхъ, божество сегодня,

Кто былъ вчера лишь только человѣкомъ.
 Въ немъ нѣтъ ужъ слабостей. Долги предъ нимъ
 Всей вѣчности нѣвиѣютъ....

КАРЛОСЪ.

А что жъ еще насъ можетъ разлучить,
 Уже развѣ женщины?

МАРКИЗЪ.

Я самъ. И можно ль
 Мнѣ будетъ искренио любить васъ, Карлосъ,
 Когда бояться васъ я буду долженъ?

КАРЛОСЪ.

Вотъ этого не будетъ? Развѣ ты
 Во мнѣ нуждаешься? есть страсти у тебя,
 Просишія подачки у престола?
 Шь хочешь золота? ты подданный,
 Но ты богаче Карлоса-монарха.
 Шь чести хочешь? Юношей еще
 Ты выжалъ, вымѣрлялъ ее и бросилъ.
 Такъ кто жъ изъ насъ кредиторомъ другаго,
 И должникомъ кто будетъ? Ты молчишь?
 Дрожишь ты самъ предъ искушеніемъ? Самъ ты
 Себѣ не доверяешь?

МАРКИЗЪ.

Хорошо!

Я уступаю. Вотъ моя рука!

КАРЛОСЪ.

Ты мой?

МАРКИЗЪ.

На вѣкъ, и въ самомъ дерзновенномъ
 Значеніи слова.

КАРЛОСЪ.

Вѣрно, горячо,
 Какъ нынче Карлосу инфанту, такъ
 Тогда самодержавному монарху?

МАРКИЗЪ.

Клянусь вамъ.

КАРЛОСЪ.

Даже и тогда, какъ червь
 Похваля и лести грудь мою обниметъ;
 Когда мой глазъ разучится лить слезы,
 Какими плакивалъ бывало, ухо
 Отлохмистъ для мольбы несчастныхъ, ты,

Ужасный стражъ всѣхъ доблестей монахъ,
Разбудишь ли меня? ты кликнешь ли
По имени мой спящій геиій?

МАРКИЗЪ.

Кликну.

КАРЛОСЪ.

Теперь другая просьба! Говори
Мнѣ ты! Завидовалъ всегда я равнымъ
Тебѣ за это право братской дружбы.
Другъ, это ты обманеть ухо мнѣ,
Обманеть сердце равенства блаженствомъ.
Безъ возраженій! Знаю, что мнѣ скажешь.
Тебѣ это бездѣлица; но мнѣ;
Мнѣ, сыну царскому, то важно. Будь
Мнѣ братомъ!

МАРКИЗЪ.

Я твой братъ!

КАРЛОСЪ.

Теперь къ отцу!

Теперь смелъ я, — объ руку съ тобою
Свой вѣкъ готовъ я вызвать на борьбу.

Уходить.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Въ королевскомъ дворцѣ, въ Мадридѣ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ на тронѣ. КАРЛОСЪ. ГЕРЦОГЪ АЛЬБА въ некоторомъ
отдаленіи отъ короля съ покрытой головою.

КАРЛОСЪ.

Дѣла впередъ всего. Очень охотно
Министру Карлосъ первый шагъ уступить.
Онъ говорить за государство — я
Сыгъ дома.

Отходить съ поклономъ.

ФИЛИППЪ.

Герцогъ остается здѣсь;
 Инфантъ пусть начинаетъ.

КАРЛОСЪ, обращаясь къ Альбѣ.

Такъ принужденъ я

У *вашего* великодушья, герцогъ,
 Себѣ просить монарха, какъ подарокъ.
 Сытъ, сами знаете, на сердца много
 Для своего отца скопляетъ часто,
 Что негодится третьему. Король
 Останется для васъ все тотъ же, — мнѣ
 Отца лишь только нужно не надолго.

ФИЛИППЪ.

Здѣсь другъ его.

КАРЛОСЪ.

Но заслужилъ ли я
 Предполагать въ немъ также своего?

ФИЛИППЪ.

Да и едва ль заслужишь. Не люблю
 Я сыновей, что лучше выбираютъ
 Чѣмъ ихъ отцы.

КАРЛОСЪ.

И рыцарская гордость
 Герцога Альбы можетъ это слышать?
 Клянусь своей душой, роль челоуѣка,
 Кто между сыномъ и отцомъ незванно,
 Тѣснится не краснѣетъ, кто насильно
 Въ сознаниіи ничтожности своей
 Рѣшается стоять здѣсь, я бѣ ей Богу,
 И хотъ зависъ отъ этого короля,
 Я эту роль играть не сталъ бы!

ФИЛИППЪ, встаетъ, съ гнѣвнымъ взглядомъ на принца

Герцогъ,

Оставьте насъ!

Герцогъ идетъ къ главной двери, въ которую вошелъ Карлосъ: король по-
 казываетъ ему на другую.

Нѣтъ, въ кабинетъ, пока

Не позову я васъ.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

КОРОЛЬ, ДОНЪ КАРЛОСЪ.

КАРЛОСЪ, по-выходѣ герцога падаетъ передъ королемъ на колѣни.

Вотъ снова вы теперь

Отецъ мой! снова мой! Благодарю
 Съ слезами на глазахъ благодарю
 За эту милость! Руку, руку вашу!
 О сладкій день! Блаженство поцѣлуя
 Давно вашъ сынъ, родитель мой, не вѣдалъ.
 Зачѣмъ отъ сердца своего такъ долго
 Меня отталкивать? Чѣмъ виновать я?

Филиппъ.

Инфантъ, твоя душа не знаетъ штукъ подобныхъ.
 Забавь меня отъ нихъ.

КАРЛОСЪ, вставая.

Такъ я и думалъ!

Вотъ здѣсь я слышу вашихъ царедворцевъ.
 Родитель мой, не все, — ей Богу, вѣрите, —
 Не все то правда, что монахи толкуеть,
 Не все, что говорятъ монаха твари.
 Я не дурной сынъ, мой родитель! кровь
 Вся злость моя, все преступленье — юность.
 Я не дурной сынъ, право не дурной;
 Хоть вспыльчивость и часто на него
 Клевещеть, сердце доброе во мнѣ.

Филиппъ.

Твоя душа чиста, я это знаю,
 Какъ самая молитва.

КАРЛОСЪ.

Теперь или никогда! — Мы здѣсь одни.
 Желѣзная рѣшетка этикета
 Межъ сыномъ и отцомъ лежитъ во прахѣ.
 Теперь или никогда! Лучъ упованья
 Блестить во мнѣ и сладкія надежды
 Волнуютъ сердце. Кажется, все небо
 Веселыхъ ангеловъ склонилось долу,
 И самъ Создатель смотритъ съ умильемъ
 На насъ; родитель, помиримтесь!

Падаетъ къ ногамъ его.

Филиппъ.

Встань!

Оставь меня въ покоѣ!

Карлосъ.

Помиримтесь!

Филиппъ, освобождаясь отъ него.

Комедія становится ужъ дерзкой

Карлосъ,

Дерзкой? сыновняя любовь?

Филиппъ.

И слезы?

О! отвратительно!... Прочь съ глазъ моихъ!

Карлосъ.

Теперь или никогда ужъ!... Помиримтесь!

Филиппъ.

Прочь съ глазъ моихъ! Прийди, покрытый срамомъ,
 Изъ жаркихъ битвъ, мои объята будутъ
 Тебѣ отверзты — въ этомъ видѣ, я
 Тебя не знаю. Только виноватый
 Свою вину въ такихъ слезахъ позорныхъ
 Смытъ думаетъ съ себя. Кто не краснѣетъ
 Раскаянья, тотъ отъ него во вѣки
 Ужъ не избавится, повѣрь.

Карлосъ.

Кто это?

Какой ошибкой это существо
 Попало къ людямъ? Слезы вѣчно были
 Вѣрительною грамматой людей;
 Его глазъ сухъ, не женщина носила
 Его во чревѣ. О! заставьте
 Свой глазъ сухой, пока еще не поздно,
 Слезамъ учиться, иначе придется
 Въ ужасный часъ навестывать, быть-можетъ.

Филиппъ.

Сомнѣнiе отца ты, вижу, хочешь
 Разсѣять красными словцами, Карлосъ?

Карлосъ.

Сомнѣнье? да, я уничтожу это
 Сомнѣнье.... да, я припаду на грудь
 Отца — и стану мощно обрывать
 Кору сомнѣнья до-тѣхъ-поръ, покамѣстъ
 Не упадетъ она. Кто жъ эти люди,

Меня лишившіе любви отцовской?
 Что заплатилъ монахъ отцу за сына?
 Что Альба дастъ ему въ замѣнъ за жизнь,
 Прожитую безъ радостей семейныхъ?
 Любви хотите вы? — Но въ этомъ сердцахъ
 Течеть родникъ и чище и свѣтлѣе,
 Чѣмъ въ мутныхъ этихъ всѣхъ резервуарахъ,
 Что деньги лишь Филиппа открываютъ.

ФИЛИППЪ.

Умолкни дерзновенный! Эти люди,
 Которыхъ ты дерзаешь поносить,
 Мои испытанные слуги, и —
 Ты будешь уважать ихъ.

КАРЛОСЪ.

Никогда!

Я сознаю себя. Что ваши Альбы
 Вамъ дѣлають, то сдѣлаеть и Карлосъ,
 И Карлосъ лучше сдѣлаеть. Что нужды
 Наемнику до вашихъ королевствъ,
 Которыхъ онъ не назоветъ своими?
 Ему что нужды, если сѣдиной
 Филиппа голова засеребрится?
 Вашъ Карлосъ васъ любилъ бы. Мнѣ ужасно
 Подумать, что и я на тронѣ буду
 Стоять одинъ.... одинъ.

ФИЛИППЪ, пораженный этими словами, стоитъ въ глубокомъ
 размышленіи. Послѣ нѣкотораго молчанія.

Да, я одинъ.

КАРЛОСЪ, съ живостію и съ жаромъ подходя къ нему.

Вы были. Перестаньте ненавидѣть
 Меня. Я буду дѣтски васъ любить,
 Я буду пламенно любить васъ! Только
 Не ненавидьте болѣе меня!
 Какъ сладко, хорошо въ душѣ прекрасной
 Себя преобразать! какъ сладко думать,
 Что наша радость красить щеки друга,
 Что наша грусть другую грудь сжимаетъ,
 Что наша скорбь другія очи овлаживаетъ!
 Какъ сладко, хорошо, рука съ рукою
 Пройти съ своимъ многообѣтнымъ сыномъ
 Въ другой разъ юности путемъ цвѣтущимъ,
 Въ другой разъ съ нимъ прогнѣзить жизни сонъ!

Какъ чудно сладко въ доблестяхъ сыновнихъ
 Безсмертно благодѣтельно очнуться
 Вѣкамъ на благо! Какъ прекрасно съять,
 Что милый сынъ пожнетъ по смерти нашей,
 Конить, что онъ удивитъ, и предвидѣтъ
 Какъ горячо онъ скажетъ намъ спасибо!
 О, батюшка, объ этомъ земномъ раѣ
 Монахи ваши мудро умолчали.

Филиппъ, растроганный.

О, сынъ мой, сынъ мой! Жезлъ ты самъ себѣ
 Переломилъ надъ головою. Ярко
 Изобразилъ ты счастье — что до-сихъ-поръ
 Мнѣ не давалъ.

КАРЛОСЪ.

Пусть судить то Всевышній!

Вы сами изъ отеческой груди,
 Отъ трона сами вы меня изгнали.
 До-сихъ-поръ.... о! скажите, хорошо ли,
 И справедливо ль это?... до-сихъ поръ
 Я, королевскій сынъ, инфантъ испанскій,
 Я плѣнникомъ какииъ-то былъ у трона.
 О! хорошо ль то было, справедливо ль?
 Какъ часто, о! какъ часто, мой родитель,
 Сгаралъ я со стыда, когда послы
 Другихъ державъ, когда одни журналы
 О новостяхъ мадритскаго двора
 Мнѣ говорили!

Филиппъ.

Слишкомъ сильно кровь
 Клокочетъ въ жилахъ у тебя. Ты все бы
 Сталъ только портить.

КАРЛОСЪ.

Дайте жъ портить мнѣ,
 Родитель!... Сильно кровь клокочетъ въ жилахъ
 Моихъ, вы правы. Двадцать три ужъ года
 И ничего не сдѣлать для потомства!
 Я пробудился, всталъ. Призванье къ трону
 Стучитъ въ груди, какъ строгій кредиторъ,
 И будитъ силы духа; всѣ мгновенья,
 Утраченные прежде, громко, звучно
 Ко мнѣ, какъ чести долгъ святой, взываютъ.

Насталъ онъ, тотъ великій мигъ, когда
 Миръ отъ меня сталъ требовать уплаты:
 Меня зоветь исторья, слава предковъ
 И громкій гулъ молвы тысячеустной.
 Настало время отворить мнѣ славы
 Широкия ворота. Мой король,
 Позвольте ль осмѣлиться вы мнѣ
 Васъ просьбой затрудить?

Филиппъ.

Опять ужъ съ просьбой?

Скажи въ чемъ дѣло?

Карлосъ.

Бунтъ въ Брабантѣ страшно

Растетъ теперь. Матежниковъ упорство
 Средствъ мудрыхъ, сильныхъ требуетъ. Вамъ Альбу,
 Слабдивъ его всеильнымъ полномочьемъ,
 Туда послать угодно, чтобы силой
 Одуматься фанатиковъ заставить.
 Какъ славенъ этотъ постъ, какъ прямо, вѣрно
 Онъ могъ бы сына вашего ввести
 Въ храмъ славы! Мнѣ, родитель, мнѣ отдайте
 Свои войска! Меня фламандцы любятъ,
 Я головой, я кровію своей
 За вѣрность ихъ готовъ вамъ поручиться.

Филиппъ.

Ты разсуждаешь, какъ мечтатель. Мужа,
 Не юношу постъ этотъ требуетъ....

Карлосъ.

Лишь человека требуетъ, родитель,
 А имъ-то никогда вашъ Альба не былъ.

Филиппъ.

И только ужасъ усмирять бунтъ.
 Дурачествомъ бы было милосердые;
 Твоя душа мягка, а герцогъ страшень.
 Брось эту мысль изъ головы.

Карлосъ.

Пошлите

Во Фландрію меня, разъ положитесь
 На душу мягкую мою! Ужъ нима
 Одно нифанта, что предъ знаменами
 Мои повесется, разомъ побѣдятъ,

Гдѣ Альбы будутъ только жечь и грабить.
Я на колѣняхъ васъ прошу. Я въ первый
Разъ въ жизни васъ прошу, родитель, дайте
Мнѣ Фландрію!

Филиппъ, пронизательно смотритъ на инфанта.

И вмѣстѣ мое войско
Твоимъ опаснымъ замысламъ отдать?
Нежъ моему убійцѣ?

Карлосъ.

Боже! Боже!

Я ни на шагъ не двинулся. Вотъ плодъ
Столь горячо желаннаго свиданья?

Послѣ нѣкотораго размышленія съ смягченною важностію.

Отвѣтите мнѣ хоть ласковѣй! Такъ сухо
Не отсылайте отъ себя! Такъ съ вами
Я бъ не хотѣлъ разстаться, не хотѣлъ бы
Уйти отъ васъ съ такимъ тяжелымъ сердцемъ.
Хоть будьте ужъ поласковѣй со мною!
Вѣдь это нужно мнѣ; въ послѣдній разъ
Вѣдь я пытаюсь — и понять не въ силахъ,
Не въ силахъ перенести того какъ мужъ,
Что вы во всемъ, во всемъ мнѣ отказали.
Вы отсылаете меня. Ужасно
Обманутый во всѣхъ прекрасныхъ грезахъ,
Уйду отъ васъ я. Ваши Альбы, ваши
Доминги будутъ ликовать на мѣстѣ,
Гдѣ сынъ во прахъ плакалъ передъ вами.
Толпа придворныхъ, знатные рабы,
Монаховъ грѣшно-блѣдный цѣхъ — всѣ знаютъ,
Что вы аудіенцію мнѣ дали.
Не пристыжайте же меня! Не дайте
Посмѣшищемъ всей челяди придворной
Мнѣ быть, чтобъ не сказали, что чужіе
Отъ вашихъ милостей одни тучнѣютъ,
Что Карлосъ васъ и попросить не смѣетъ!
Въ залогъ того, что вы благоволите
Ко мнѣ — пустите въ Фландрію меня.

Филиппъ, гнѣвно.

Умолкни, дерзновенный, ради гнѣва
Монарха твоего!

КАРЛОСЪ.

Съ опасностью навлечу

Гибь короля, я васъ въ послѣдній разъ
 Прошу — пустите въ Фландрію меня!
 Довѣрьтесь мнѣ! Я долженъ, я обязанъ
 Бѣжать Испаніи. Здѣсь жизнь моя —
 Дыханье подъ сѣнкой палача.
 Въ Мадридѣ небо тяжело налегло
 На грудь мнѣ, какъ сознаніе убійства.
 Меня спасетъ лишь перемѣна мѣста.
 Когда спасти меня хотите вы, —
 Пустите въ Фландрію!

ФИЛИППЪ, съ принужденнымъ спокойствіемъ.

Такихъ больныхъ

Какъ ты, мой сынъ, лечить необходимо,
 И при себѣ лечить. Ты остаешься
 Въ Испаніи; туда поѣдетъ Альба.

КАРЛОСЪ, вѣвъ себя.

Такъ помогайте жъ вы мнѣ, духи неба!

ФИЛИППЪ, отступая на шагъ.

Стой! это что за рѣчи?

КАРЛОСЪ, прерывающимся голосомъ.

Мой родитель,

И вы не перемѣните рѣшенія?

ФИЛИППЪ.

Король сказалъ.

КАРЛОСЪ.

Ну, такъ и я здѣсь кончилъ.

Уходитъ въ сильномъ волненіи.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ФИЛИППЪ, погруженный въ мрачное размышленіе, нѣкоторое время стоитъ неподвижно, наконецъ начинаетъ ходить взадъ и впередъ по залу.

АЛЬБА въ заѣздѣ приближается.

ФИЛИППЪ.

Вы, герцогъ, ждите каждый часъ приказа
 Къ отъѣзду въ Брюссель.

АЛЬБА.

Государь, готовъ

Давно я.

ФИЛИППЪ.

Ваше полномочье, герцогъ,

Лежить ужъ въ кабинетъ. Между-тѣмъ
Явитесь предъ отъѣздомъ къ королеви,
Да и съ инфантомъ вамъ совѣту проститесь.

АЛЬБА.

Онъ какъ безумный только что отсюда,
Изъ залы, вышелъ. Государь, и вы
Взволнованы такъ сильно, вы такъ блѣдны....
Быть-можетъ разговоръ вашъ?....

ФИЛИППЪ, походявъ нѣсколько взадъ и впередъ.

Разговоръ

Былъ, герцогъ Альба.

Король останавливается и пристально на него смотреть. Мрачно:

Мнѣ пріятно слышать,

Что принцъ моихъ министровъ *ненавидитъ*,
Но горько мнѣ, что онъ ихъ *презираетъ*.

АЛЬБА, мѣняется въ лицѣ и хочетъ возразить.

ФИЛИППЪ.

Не отвѣчайте. Я вамъ позволяю
Съ инфантомъ помириться.

АЛЬБА.

Государь!

ФИЛИППЪ.

Скажите лучше, кто меня впервые
Предостерегъ отъ замысловъ инфанта?
Я слушалъ васъ, а не его. Теперь
Я попытаюсь, герцогъ. Съ этихъ поръ
Принцъ станетъ ближе къ трону. Вы..... ступайте!

Король удаляется въ кабинетъ. Герцогъ уходитъ въ другую дверь.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пріемная зала передъ покоями королевы.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ входитъ, разговаривая съ ПАЖЕМЪ, въ среднюю дверь.
Придворные, находящіеся въ залѣ, разбѣгаются при его появленіи въ при-
лежащіе покои.

КАРЛОСЪ.

Письмо ко мнѣ? К чему же этотъ влючъ?
Да и к чему таинственность такая?
Приблизься, милый! Кто тебя послалъ?

ПАЖЪ, таинственно.

Какъ намекали мнѣ объ этомъ.... дамъ
Угодно быть угаданной.

КАРЛОСЪ, пораженный, отступая.

Что? дама?

Пристально осматриваетъ пажа.

Какъ? что? Кто жь ты такой?

ПАЖЪ.

Я пажъ ея.

Величества....

КАРЛОСЪ, испуганный, бросается на него и зажимаетъ ему ротъ.

Молчи, несчастный! Стой! я знаю.

Поспѣшно срываетъ печать и отходитъ на самый конецъ залы, чтобы прочесть письмо. Между-тѣмъ герцогъ Альба, незамѣченный принцемъ, проходитъ мимо него въ погоню королевы. Карлосъ сильно дрожитъ, то блѣднѣя, то краснѣя. Прочитавъ, онъ долго стоитъ безмолвный, устремивъ взоры на письмо. Наконецъ обращается къ пажу.

Она сама тебѣ письмо вручила?

ПАЖЪ.

Собственноручно, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Она сама

Тебѣ письмо вручила?—о! не смѣйся!

Я почерка ея еще не знаю.

Я долженъ тебѣ вѣрить.... Поклянись мнѣ

Но если лжешь, признайся откровенно,

Не насмѣхайся надо мной!

ПАЖЪ.

Надъ кѣмъ?

КАРЛОСЪ, снова смотритъ на письмо и осматриваетъ пажа сомнительнымъ, испытующимъ взглядомъ. Пройдя разъ по залѣ:

Есть у тебя родители? Да? твой

Отецъ испанецъ? служить королю?

ПАЖЪ.

Онъ малъ при Сен-Кентенѣ, былъ полковникъ

У герцога савойскаго, и звали

Его Алонзо, графъ де-Генарецъ

КАРЛОСЪ, взявъ его за руку, значительно устремляетъ на него взоръ.

Письмо вручилъ тебѣ король?

ПАЖЪ, обидясь.

Принцъ, — я

Не заслужилъ такого подозрѣнья.

КАРЛОСЪ, читаетъ письмо.

«Ключъ этотъ вамъ открыть двери заднихъ

- « Покоевъ въ павильонѣ королевы.
- « Изъ нихъ введетъ васъ въ крайній кабинетъ,
- « Куда еще не западали взоры
- « Доносчика. Тамъ громко и свободно
- « Любовь вамъ, то откроетъ, что такъ долго
- « Она лишь знакамъ одними выражала.
- « Тамъ робкія услышатея признанья,
- « Тамъ ждетъ страдальца лучшая награда.»

Будто пробудившись отъ ошелбенія.

Нѣтъ, я не сплю.... не брежу.... это точно
 Моя рука.... вотъ мечъ мой.... это точно
 Написанныя строки. Это правда,
 Такъ я любимъ, любимъ! о!... да, любимъ!
 Сильное волненіе.

ПАЖЪ.

Пожалуйте жъ, я проведу васъ, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Дай мнѣ сперва опомниться. Не бьются-ль
 Еще всѣ ужасы такого счастья
 Въ груди моей? Надѣялся-ль на то я?
 Осмѣливался-ль я мечтать объ этомъ?
 Кто такъ внезапно можетъ приучиться
 Быть въ небѣ? Чѣмъ я былъ, чѣмъ я теперь сталъ?
 Это другое небо, это солнце
 Другое солнце — я любимъ!

ПАЖЪ, хочеть увести его.

Принцъ, принцъ,

Не мѣсто здѣсь — забыли...

КАРЛОСЪ, окаменѣвъ какъ будто отъ ино-
 странной мысли.

Короля,

Отца!

Опускаетъ руки, дико смотритъ кругомъ и начинаетъ приходить въ себя

Ужасно — да, ты правъ, ты правъ
 Мой милый, благодарствуй, я теперь
 Былъ точно внѣ себя. И мнѣ молчать,
 Замуровать въ груди все счастье должно....
 Да, это страшно, это точно страшно!

Береть пажа за руку и отводитъ всторону.

Что видѣлъ ты.... нѣтъ не видѣлъ.... смотри же!
 Какъ въ гробѣ, въ сердцѣ скорони своемъ!

Теперь ступай! Я ужъ прииду. Ступай!
Насъ не должны здѣсь видѣть видѣть. Прочь!

ПАЖЪ, ХОЧЕТЪ ИТТИ.

КАРЛОСЪ.

Итъ, погоди! послушай!

Пажъ возвращается. Карлосъ кладетъ руку свою ему на плечо и серьезно, торжественно смотритъ ему въ лицо.

Ты уносишь

Съ собою одну изъ тѣхъ ужасныхъ тайнъ,
Которыя, подобно сильнымъ ядамъ,
Свои сосуды страшно разрываютъ.
Умѣй-же ты владѣть собою! Твой умъ
Пусть никогда не знаетъ, что въ груди
Хранится у тебя. Какъ мертвый рупоръ,
Приемлющій и отдающій звуки,
Не слышитъ самъ ихъ, такъ и ты не слышишь ихъ!
Ты мальчикъ — будь же мальчикомъ всегда
И продолжай играть и веселиться.
Умно какъ выбрать вѣстника любви
Она умѣла. Здѣсь король своихъ
Ехиднъ не выбирать.

ПАЖЪ.

Принцъ, и я

Не перестану никогда гордиться,
Что тайною одной теперь богаче,
Чѣмъ самъ король испанскій.

КАРЛОСЪ.

Глуный мальчикъ,

Вотъ этого и долженъ ты бояться.
Случится-ль намъ встрѣчаться при другихъ:
Ты робко, съ уваженьемъ обходишься
Со мною будешь. Какъ бы ни былъ принцъ
Съ тобою благосклоненъ, никогда
Не позволяй себѣ изъ самолюбья
Кивать мнѣ, знаки дѣлать! Ты, мой сынъ,
Ты никогда не согрѣшишь такъ тяжко,
Какъ если мнѣ понравишься. Что впредь
Ты мнѣ сказать захочешь, никогда
Не говори словами, лзыку
Не доврѣй. На общій путь всѣхъ мыслей
Да не войдетъ твое увѣдомленье!

Т. LXXXVI. — Отд. II.

Глазами говори, рѣсницей, пальцемъ;
 Я ужъ пойму тебя. Вотъ видишь ли?
 Здѣсь воздухъ, свѣтъ Филиппа креатуры,
 Нѣмыми стѣнамъ, и тѣмъ онъ платитъ деньги,
 Суда идутъ.

Дверь, ведущая къ королевѣ, отворяется и герцогъ Альба выходитъ.

Прочь! до свиданья!

ПАЖЪ.

Принцъ,

Не только въ комнату не ошибитесь!

Ухватить.

КАРЛОСЪ.

Да, это герцогъ.

Кричитъ пажу.

Нѣтъ, нѣтъ! хорошо!

Я буду тамъ.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.

АЛЬБА, загромождала ему дорогу.

Свѣтлѣйшій принцъ, два слова.

КАРЛОСЪ.

Извольте.... хорошо.... въ другой разъ.

Хочетъ идти.

АЛЬБА.

Мѣсто

Конечно не удобно. Можетъ быть
 Ваше высочество мнѣ у себя
 Свиданье подарите?

КАРЛОСЪ.

Для чего же?

И здѣсь мы можемъ объясниться. Только
 Скорѣе, покороче.

АЛЬБА.

Что меня

Теперь приводить къ вамъ, свѣтлѣйшій принцъ,
 Такъ это искренняя благодарность
 Къ вамъ за известное....

КАРЛОСЪ.

Какъ? благодарность?

Мнѣ благодарность? Но за что же такъ?
Ктому же сама благодарность, герцогу?

АЛЬБА.

Вы не успѣли выйти отъ монарха,
Какъ онъ ужъ мнѣ и милость объявилъ.
Я ѣду въ Брюссель.

КАРЛОСЪ.

Въ Брюссель? поздравляю!

АЛЬБА.

Кому жъ я тѣмъ обязанъ, какъ не вамъ, принцъ,
Не вашему предстательству у трона?

КАРЛОСЪ.

Мнѣ? только ужъ не мнѣ... не мнѣ, клянусь вамъ!
Вы ѣдете — такъ побъжайте съ Богомъ!

АЛЬБА.

И больше ничего, — мнѣ это странно.
Ваше высочество, мнѣ ничего
Во Фландріи еще не поручите?

КАРЛОСЪ.

Чого жъ еще? чего же тамъ?

АЛЬБА.

Но намъ

Еще недавно всѣмъ казалось, будто
Судьба всѣхъ этихъ странъ нуждалась въ дичдомъ
Присутствіи докъ-Карлоса.

КАРЛОСЪ.

Какъ такъ?

Ахъ, да... да, правда... было что-то.... Но
И такъ прекрасно, безподобно, еще лучше....

АЛЬБА.

Я удивляюсь....

КАРЛОСЪ, съ прониц.

Вы славный генералъ....

Кто этого не знаетъ? Сама зависть
Дастъ въ этомъ клятву. Я... я молодъ.
Тожъ самое и самъ вероль подумалъ.
Король правъ совершенно, правъ кругомъ.
Теперь я самъ въ томъ сознаюсь, и такъ
Довольно. Побъжайте съ Богомъ! Я
Теперь не въ силахъ, видите вы сами....
Мнѣ право вѣкогда.... о прочемъ завтра,

Или когда угодно, или когда
Воротитесь изъ Брюсселя....

АЛЬБА.

Какъ, принцъ?

КАРЛОСЪ, послѣ нѣкотораго молчанія, видя, что герцога не уходитъ.
Вы запаслись прекрасною погодою
Весной и лѣтомъ. Путь лежитъ вамъ, герцога,
Черезъ Миланъ, Лотрингію, Бургундію,
Германію.... Германію? Такъ точно,
Въ Германію то было! тамъ васъ знаютъ!....
Теперь у насъ апрѣль; май.... іюнь, въ іюль,
Такъ точно въ іюль, или позднимъ срокомъ
Вначалѣ августа вы ужъ на мѣстѣ.
О! я не сомнѣваюсь, къ намъ дойти
Вѣсть о побѣдахъ вашихъ не замедлитъ.
Вы, герцога, не обманете, я знаю,
Довѣрѣя нашего.

АЛЬБА, значительно.

Мнѣ ли это сдѣлать

Съ сознаниемъ ничтожности своей?

КАРЛОСЪ, послѣ нѣкотораго молчанія, съ достоинствомъ и гордо.
Вы оскорбились, герцога?.... и вы правы.
Со стороны моей.... признаться долженъ....
Пошады мало было мечъ поднять
Противъ того, кто отразитъ его
Не можетъ.

АЛЬБА.

Что? не можетъ?

КАРЛОСЪ, съ улыбкой подаетъ ему руку.

Жаль мнѣ, право,

Что именно теперь мнѣ недосугъ
Достойную борьбу окончить съ Альбой.
Въ другой разъ....

АЛЬБА.

Принцъ, мы оба обсчитались
Различнымъ образомъ. Вы, напримѣръ,
Вы видите себя на двадцать лѣтъ позднѣе,
Я васъ на столько жъ ранѣе.

КАРЛОСЪ.

Ну?

АЛЬБА.

Ктому жъ на умъ мнѣ какъ-то вспало, сколько

Ночей съ своей супругой португальской,
 Покойной вашей матерью, король
 Не далъ бы, только бы добыть престолу
 Такую руку, какъ моя, дежъ-Карлосъ?...
 КАРЛОСЪ.

Правда, правда!

Но, герцогъ, но.....

АЛЬБА.

И сколько крови, принцъ,
 Народной, сильной крови протекло
 Пока двѣ капли вамъ корону дали.

КАРЛОСЪ.

Ей Богу, правы вы.... и въ двухъ словахъ
 Все сжато, чѣмъ заслуги гордость можетъ
 Фортуны гордости колотъ глаза.
 Но приложенъ, герцогъ Альба?

АЛЬБА.

.....

Вотъ этотъ мечъ народаиъ иностранцимъ
 Предписывалъ законы, онъ грозю
 Блесталъ передъ распятымъ, онъ провелъ
 Бороздъ кровавыхъ много на землѣ
 Къ посѣву зеренъ православной вѣры.
 Богъ на небѣ судилъ, я на землѣ....

КАРЛОСЪ.

Знаю все...

.....
 Теперь ни слова болѣе, прошу васъ!
 Мнѣ бъ не хотѣлось шевелить теперь
 Однихъ воспоминаій, — уважаю
 Я выборъ короля. Ему нужны
 Здѣсь Альбы; что они нужны, я въ томъ
 Ему завидовать не стану. Вы
 Великій человекъ. Пусть будетъ такъ,
 Я даже вѣрю этому, но только
 Мнѣ жаль, что нѣсколько тысячелѣтій
 Вы ранѣе явились въ жизни. Альба,
 По моему, передъ кончиной свѣта,
 Ея пророкомъ долженъ бы родиться!
 Тогда какъ мощный грѣхъ долготерпѣнне
 Небесное все выложеть, и жатва
 Злодѣйствъ высокими колосомъ возстанеть

И будетъ ждуть ужаснаго живень,
 Тогда бы вы на мѣстѣ были. Боже!
 Мой рай земной! ты Фландрія! Но поздно!
 Объ этомъ поздно думать. Вы, я слышалъ;
 Съ собою запасъ кровавыхъ приговоровъ,
 Заранѣ подписанныхъ, везете?
 Предосторожность, точно, не дурная.
 Ктому жъ оно и какъ-то безопаснѣй;
 Отъ всѣхъ интригъ и билетней васъ избавитъ.
 О! мой отецъ! какъ близоруко поглялъ
 Я мысль твою! Въ жестокости тебя
 Я упрекнулъ зато, что ты мнѣ не далъ
 Занятія, гдѣ блещутъ твои Альбы?
 Ты началъ уважать меня отсель.

АЛЬБА.

Привѣцъ, это слово стояло бѣ....

КАРЛОСЪ, вспыхнувши.

Чего?

АЛЬБА.

Но васъ теперь спасаетъ только
 Инфантъ Испанскій.

КАРЛОСЪ, хватается за мечъ.

Это жаждетъ крови!

Мечъ обнажайте, герцогъ!

АЛЬБА, холодно.

Противъ.

Кого?

КАРЛОСЪ, съ жаромъ приступая къ нему.

Мечъ обнажайте, герцогъ Альба,
 Я изрублю васъ!

АЛЬБА, вынимаетъ.

Если вы того

Хотите....

Дерутся.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

КОРОЛЕВА. ДОНЪ-КАРЛОСЪ. ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.

КОРОЛЕВА, въ испугѣ выхода изъ своихъ покоевъ.

Изнаги на голо!

Принцу, съ негодованіемъ и пожелательнымъ голосомъ.

Донъ-Карлосъ!

КАРЛОСЪ вѣт себя отъ присутствiя королевы, отбрасываетъ руки, становится безъ движенiя и памяти, потомъ бѣжитъ къ герцогу и обнимаетъ его.
Миръ, герцогъ, миръ! да будетъ все забыто!
 Молча бросается къ ногамъ королевы, потомъ быстро вскакиваетъ и вѣд себя убѣгаетъ.

АЛЪБА стоитъ въ крайнемъ изумленiи и не спускаетъ глазъ съ вѣнца :
Предъ Богомъ, это странно!

КОРОЛЕВА нѣсколько минутъ стоитъ въ безпокойствѣ и сомнѣнiи; потомъ медленно идетъ къ дверямъ своихъ покоевъ и, дошедъ до нихъ, останавливается.

Герцогъ Альба!

Герцогъ слѣдуетъ за нею.

Кабинетъ принцессы Эболи.

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

ПРИНЦЕССА, измѣщая не просто одѣтя, играетъ на лютовѣ и поетъ, вѣтъ ПАЗЪ королевы.

ПРИНЦЕССА, быстро вскакиваетъ.

Идетъ!

ПАЗЪ, вѣртливо.

Какъ, вы одни? Я удивляюсь
 Что здѣсь его не вижу; но онъ вѣннъ
 Явиться долженъ.

ПРИНЦЕССА.

Долженъ? Стало-быть

Онъ также хотеть.... значитъ рѣшено....

ПАЗЪ.

За мной идетъ онъ. О! принцесса! вы
 Любимы.... такъ любимы.... такъ любимы,
 Какъ не были еще, да и не быть вамъ.
 Какую сцену видѣлъ я!

ПРИНЦЕССА, съ нетерпѣнiемъ привлекаетъ его къ себѣ.

Скорѣ!

Ты говорилъ съ нимъ? Говори! что жъ онъ
 Сказалъ? какъ принялъ это? что сказалъ онъ?
 Онъ покраснѣлъ, онъ удивился? Онъ
 Узналъ ли даму? Говори же, — нѣтъ?
 Узналъ? или вовсе не хотѣлъ узнать?
 Или узналъ другую?... Да скажи же

Кого слово ты!.. Фи, фи, стыдись:
Такого несноснымъ никогда ты не былъ!

ПАЖЪ.

Да вы мнѣ сами не даете слова
Сказать, принцесса! Я ему отдалъ
Письмо и ключъ въ приемной королевы.
Онъ удивился, онъ взглянулъ въ лицо мнѣ,
Какъ я сказалъ, что дама шлетъ меня.

ПРИНЦЕССА.

Онъ удивился? Хорошо! прекрасно!
Но дальше, что же дальше?

ПАЖЪ.

Я хотѣлъ

Было сказать и болѣе, — но онъ
Какъ поблѣднѣетъ вдругъ, какъ вырветъ у меня
Письмо изъ рукъ, и грозно, грозно взглянетъ!
Ему известно все, сказалъ онъ.
Письмо прочелъ онъ съ крайнимъ изумленьемъ,
И началъ весь дрожать.

ПРИНЦЕССА.

Ему известно?

Ему известно все? Да полно такъ ли
Тебѣ сказалъ онъ?

ПАЖЪ.

И спросилъ меня

Три или четыре раза, сами ли вы,
И точно ли сами мнѣ письмо вручили?

ПРИНЦЕССА.

Сама ли? стало-быть меня назвалъ онъ?

ПАЖЪ.

По имени? нѣтъ не назвалъ. Насъ могутъ
Подслушать, онъ сказалъ, и донести
Его величеству.

ПРИНЦЕССА, съ изумленьемъ.

Сказалъ онъ это?

ПАЖЪ.

Сказалъ, что королю всего важнѣе,
И любопытнѣе и интереснѣй
Вѣсть о запискѣ вашей.

ПРИНЦЕССА.

Королю?

Да такъ ли ты разслышалъ? Королю?
Да полно такъ ли выразился онъ?

ПАЖЪ.

Такъ точно! Назвалъ это страшной тайной,
Наказывалъ мнѣ взглядами, словами
Не измѣнить ему, быть осторожнѣй,
Чтобъ, Боже сохрани! король не сталъ
Подозрѣвать!

ПРИНЦЕССА, послѣ некотораго молчанія. Въ изумленіи.

Всѣ признаки. Не можетъ

Быть иначе.... онъ знаетъ все.... а странно!
Кто жъ это рассказалъ ему? Кто жъ это?
Какъ-будто я не знаю.... Кто жъ такъ зорко,
Такъ вѣрно смотреть, какъ не глазъ любви?
Но дальше! продолжай: читалъ письмо онъ?

ПАЖЪ.

Письмо? Въ письмѣ блаженство, предъ которымъ
Онъ долженъ трепетать, сказалъ онъ: это
Ему и въ снахъ не снилось. Тутъ, къ несчастью,
Явился герцогъ Альба; ну, и мы....

ПРИНЦЕССА, съ досадою.

Какой тутъ герцогъ, ради всѣхъ святыхъ!
Но гдѣ же онъ? что жъ медлить? Почему
Онъ не приходитъ? Видишь ли какъ можно
Тебя легко провестъ? А какъ бы счастливъ
Онъ могъ ужъ быть теперь, какъ мы о томъ
Болтаемъ, что онъ будетъ счастливъ!

ПАЖЪ.

Герцогъ,

Боюсь я....

ПРИНЦЕССА.

Вотъ опять ужъ герцогъ? Чтò жъ

За дѣло герцогу, чтò воинъ за дѣло
До моего безвреднаго блаженства?

Оставить могъ онъ Альбу, отослать.

Кого жъ не отсылають иногда?

О, право! принцъ твой также и любовь

Превратно понимаетъ, какъ и женщины.

Не знаетъ, что минуты значать.... Тшше!

Чу! идуть. Прочь! То принцъ.

Пажъ убѣгаетъ.

Бѣги! бѣги!

Гдѣ жъ лютиа? Я какъ-будто удивился.
Мнѣ надо нѣсью знакъ подать:

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

ПРИНЦЕССА и вскорѣ потомъ ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

ПРИНЦЕССА, ПОЛУЖОЖЕТСЯ НА ОТТОМАНУ и шепчетъ
КАРЛОСЪ, вѣщаетъ. Увидеть принцессу и стоять какъ громозъ пора-
женный.

О Боже!

Гдѣ я?

ПРИНЦЕССА, роняетъ лютию, и бѣжитъ ему навстрѣчу.
Принцъ Карлосъ? Да, и въ самомъ дѣлѣ!

КАРЛОСЪ.

Гдѣ я? Обманъ ужасный... я ошибся,
Я не туда попалъ.

ПРИНЦЕССА.

О! какъ умѣетъ
Принцъ Карлосъ ловко подмѣчать погон,
Гдѣ дамы безъ свидѣтелей!

КАРЛОСЪ.

Принцесса,
Я виноватъ, принцесса.... я.... въ приемной
Дверь отперта была.

ПРИНЦЕССА.

Возможно ль, принцъ?
Мнѣ кажется, я заперла ее.

КАРЛОСЪ.

Вамъ это только кажется, вамъ только
Такъ показалось, но на самомъ дѣлѣ,
Вы ошибаетесь. Хотѣли запереть,
Да, въ этомъ я согласенъ, вѣрю вамъ....
Но заперли? Не заперли, могу увѣрить
Въ томъ васъ, принцесса! Вдругъ я слышу, кто-то
На лютиѣ, кажется, играетъ.... такъ
Принцесса? вѣдь на лютиѣ?

Сомнительно осматривается.

Точно! тамъ

Лежитъ она.... а лютию, знаетъ Богъ,
Люблю я до безумья. Я весь слухъ,
Я позабылъ себя, врываюсь въ кабинетъ,

Чтобъ посмотрѣть возлюбивша въ глаза;

Что такъ небесно тронула меня,

Такъ сильно, мощно мной овладѣла.

ПРИНЦЕССА.

Какое любопытство! а его;

Признайтесь, принцъ, вы смелы утомилъ.

Послѣ извѣданаго: воланъ; замеченнаго:

О, уважать должна я человѣка,

Кто, чтобъ избавить женщину отъ краски,

Такою ложью путаетъ себя.

КАРЛОСЪ, притомляясь.

Принцесса, вижу самъ, я только порчу,

Не поправляю. Ужъ избавьте лучше

Меня отъ роли, для которой я

Нисколько не гонюсъ. Вы здѣсь искали

Убѣжища отъ свѣта. Здѣсь хотѣли

Вдали отъ любопытныхъ глазъ людей

Пожить для тихихъ сердца упованій.

Я, сынъ несчастія, вошелъ.... и вотъ

Прекрасный сонъ разрушенъ. Но зато

Себя я долженъ скорымъ удаленьемъ....

Хочетъ вѣтъ.

ПРИНЦЕССА, удивлена, озадачена, но тутъ же выходитъ.

Принцъ.... о! вы злы.

КАРЛОСЪ.

Принцесса! понимаю,

Что этотъ взглядъ, и въ этомъ мѣстѣ значитъ,

И эту добродѣтельную робость;

Я уважаю. Горе человѣку,

Кого румянецъ женскій ободряетъ!

Я трушу, если женщины боится

Меня.

ПРИНЦЕССА.

Возможно ли? Стыдливость, правъ,

Огромная для юности и принца!

Да, принцъ, теперь должны вы у меня

Остаться, я теперь сама объ этомъ

Прошу: предъ добродѣтелью такую

Страхъ каждой дѣвушки пройдетъ мгновенно.

Но знаете ль, что вашъ приходъ внезапный

Меня засталъ за аріей любимой?

Подводить его къ сонъ и берѣтъ хотѣю.

А пѣсню, принцъ, ужъ я свою въ другой разъ,
Вамъ въ наказанье.

КАРЛОСЪ, садится не безъ принужденія возлѣ принцессы.

Наказанье столь же

Желанное, какъ и проступокъ.... право
Слова мнѣ такъ повпались; такъ были
Божественно прекрасны, что я въ третій разъ
Готовъ васъ слушать.

ПРИНЦЕССА.

А! такъ, стало быть,

Вы все ужъ слышали? Это ужасно!...
Здѣсь, помнится, идетъ рѣчь о любви?

КАРЛОСЪ.

И о счастливой, кажется, принцесса...
Прекрасный текстъ въ такихъ устахъ прекрасныхъ,
Хоть красоты и больше въ немъ, чѣмъ правды.

ПРИНЦЕССА.

Чѣмъ правды? какъ? вы усумнились, принцъ?

КАРЛОСЪ, серьёзно.

Я сомнѣваюсь, чтобъ принцесса Эболи
И Карлосъ поняли другъ друга, если
Рѣчь о любви зайдетъ.

Принцесса изумляется; онъ замѣчаетъ это и продолжаетъ съ легкою любез-
ностію.

И точно, кто же

Повѣрить этимъ розовымъ щекамъ,
Что эту грудь взрывали уже страсти?
И можетъ ли напрасно, безответно
Вздыхать принцесса Эболи? Любовь
Лишь знаетъ тотъ, кто любить безнадежно.

ПРИНЦЕССА, съ своею прежнею веселостію

О полноте! да это просто страсти!
И эта кара нынче, какъ нарочно,
Какъ будто на зло нынче къ вамъ пристала!

Береть его за руку съ ласковымъ участіемъ.

Но вы не веселы, мой принцъ.... грустите....
И точно вы грустите! Боже мой!
Но отчего жъ грустить вамъ, принцъ? При этомъ
Призваніи громкомъ къ наслажденіямъ свѣта,
При всѣхъ дарахъ природы благосклонной,
И правъ всемъ на радость, счастье жизни?
Вы — царскій сынъ и болѣе того,

Гораздо болѣе; ужъ въ самой колыбели
 Осыпанный дарами, отъ которыхъ
 Блескъ самый сана вашего темнѣетъ?
 Вы — у кого въ совѣтѣ строгомъ женщины
 Подкуплены всѣ судьи, у которыхъ
 Достоинство мущинъ и слава строгій
 Выдерживаютъ смотръ? Кто лишь замѣтитъ
 И побѣдить, воспламеняетъ тамъ,
 Гдѣ самъ онъ холодеетъ, а если самъ
 Воспламенится, то даритъ ужъ раемъ,
 Даритъ боговъ блаженствомъ.... Человѣкъ,
 Кого природа къ счастью миллионъ
 И нѣсколькихъ украсила равно
 Дарами, тотъ несчастливъ самъ?.... о! Боже,
 Ты даровавшій все ему, зачѣмъ,
 Зачѣмъ въ глазахъ ему ты отказалъ,
 Его побѣды видѣть?

КАРЛОСЪ, который все это время былъ погруженъ въ глубокую разсе-
 янность, вдругъ приходитъ въ себя отъ молчанія принцессы
 и вскакиваетъ.

Превосходно!

Неподражаемо, принцесса! спойте
 Еще разъ это мѣсто!

ПРИНЦЕССА, въ изумленіи смотритъ на него.

Карлосъ,

Гдѣ жъ были вы теперь?

КАРЛОСЪ.

Вы кстати мнѣ напомнили. Я долженъ,
 Идти, я долженъ....

ПРИНЦЕССА, удерживая его.

Принцъ, куда?

КАРЛОСЪ, въ ужасномъ томленіи.

Туда....

На воздухъ.... такъ позвольте-жъ мнѣ, принцесса,
 Уйти отъ васъ. Мнѣ снится, цѣлый міръ
 Весь въ пламени, въ дыму бѣжить за мною!

ПРИНЦЕССА, насильно его удерживаетъ.

Что съ вами, принцъ? Какое обращенье?

Карлосъ останавливается и погружается въ задумчивость. Она пользуетъ
 этой минутой и привлекаетъ его на софу.

Покой вамъ нуженъ, Карлосъ! Ваша кровь
 Теперь въ волненіи.. садитесь.... такъ....

Прочь этот бред горделивый и иррациональный!
 Спросите вы себя, — вашъ умъ мудрейше
 Не знаетъ самъ, о чемъ толковать?
 А если онъ и знаетъ — такъ неужли
 Изъ всѣхъ придворныхъ рыцарей никто,
 Никто изъ женщинъ всѣхъ... все подсчитать....
 Понять, хотѣла я сказать.... никто
 Здѣсь недостойнъ?

КАРЛОСЪ, раздраженно, безцѣлостно.

Можетъ быть одна

Принцесса Эболи.

ПРИНЦЕССА, радостно, скоро.

О! въ самый дѣль?

КАРЛОСЪ.

Дайте

Мнѣ просьбу.... нѣсколько лишь строчекъ
 Рекомендательныхъ къ Филиппу; говорятъ,
 Вы сильны.

ПРИНЦЕССА.

Говорятъ? Га! стало-быть

Ты овѣялъ отъ подозрѣнья!

КАРЛОСЪ.

Новость

Теперь въ ходу ужъ, вѣроятно. Мнѣ
 Пришло на мысль отправиться въ Брабантъ,
 Чтобъ.... заслужить хоть шпоры. Мой отецъ
 Того не хочетъ. Батюшка боится,
 Чтобъ отъ команды громкой не охрипъ
 Мой голосъ.

ПРИНЦЕССА.

Вашъ расчетъ не вѣренъ, Карлосъ.

Признайтесь, вы хотите отъ меня,
 Лишь ускользнуть въ змѣиномъ оборотѣ.
 Взгляните на меня, притворщикъ! Глазъ
 На глазъ! Кто лишь о подвигахъ мечтаетъ,
 Тотъ, сами вы признайтесь, низойдетъ-ли
 Тоть до того, чтобъ ленты красть у дамъ
 И.... вы меня простите....

На то время, какъ она легкими движеніемъ пальцевъ, отстегиваетъ ворот-
 никъ его рубашки, и вынимаетъ оттуда ленточный бантикъ.

Ихъ хранить,

Какъ драгоценность, прятать какъ святыню.

КАРЛОСЪ, съ прощической улыбкой.

И даже онъ? Привыкъсь вамъ, принцесса,
Объ немъ-то я и не подумалъ.

ПРИНЦЕССА.

Также

Какъ и въ канеллѣ королевской.... Карлосъ
И это также позабылъ? У ногъ
Небесной дѣвы вы лежали, жарко
Лгалась изъ устъ молитва, вдругъ.... вы въ этомъ
Не виноваты, правда.... платья дамъ
Танцевенно за вами зашумѣли.
И вотъ неустрашимый сынъ Филиппа,
Какъ еретикъ передъ судомъ священнымъ,
Вдругъ задрожалъ; отравленной молитвы
Последній звукъ слетѣлъ съ губъ поблѣдѣвшихъ.
Въ припадкѣ страсти.... Вы тогда до слезъ
Шутили, принцъ.... берете жадно руку,
Холодную святой Мадонны руку,
И поцѣлуевъ пламя грѣтъъ мраморъ.

КАРЛОСЪ.

Одна лишь набожность, принцесса, вѣрете.

ПРИНЦЕССА.

Тогда другое дѣло, принцъ.... тогда
Конечно ужъ изъ страха проиграть
Случилось, что принцъ Карлосъ съ королевой
И мной играя, съ ловкостію рѣдкой
Похитилъ у меня перчатку эту.

Карлосъ, ошеломленный вскакиваетъ.

Но тутъ же такъ былъ вѣжливъ и любезенъ,
Что сдѣлалъ ходъ съ нея на-мѣсто карты.

КАРЛОСЪ.

О! Боже, Боже! что я сдѣлалъ?

ПРИНЦЕССА.

Да то, въ чемъ вы сознаетесь, надѣюсь.
Какъ испугалась я, когда неожиданно,
Мнѣ письмоцо попалось, что въ перчатку
Умѣли вы вложить. То былъ романсъ
Прекрасный, принцъ, который я сейчасъ-же....

КАРЛОСЪ, быстро, перебивая ее.

Поэзія!... не больше.... Въ головѣ
Моей всплываютъ часто пузыри

Престранные и лопаются тутъ-же.

Вотъ вамъ и все тутъ. Замолчимъ объ этомъ.

принцесса, въ удивленіи отходить отъ него и издали пристально за нимъ наблюдаетъ.

Я истощилась.... всѣ мои попытки,

Всѣ отъ него отпрянули.

Помолчавъ.

Что жъ это? —

Ужъ не чрезмѣрная ль мужская гордость,

Которая, чтобъ больше насладиться,

Застѣнчивости маску надѣваетъ?

Опять приближается къ принцу и сомнительно смотритъ на него,

Такъ объяснитесь, принцъ — я здѣсь стою

Какъ передъ шкафомъ, заминутымъ волшебю,

Къ которому ключи мои негодны.

КАРЛОСЪ.

Какъ я предъ вами.

принцесса, быстро отъ него отходить и молча прохаживается взадъ и впередъ по кабинету и, кажется, размышляетъ о чемъ-то важномъ. Наконецъ послѣ долгой паузы важно и торжественно:

Будь что будетъ, я

Рѣшаюсь вамъ открыться наконецъ.

Своимъ судьей васъ, принцъ, я избираю.

Вы благородный человекъ — вы мужъ,

Вы рыцарь. Къ вамъ на грудь бросаюсь я.

Вы, принцъ, меня спасите, а нельзя

Спаси меня, поплачете со мною.

Принцъ приближается къ ней съ удивленіемъ, полнымъ участія и любопытства.

Любимецъ наглый короля хлопочетъ

Здѣсь о рукъ моей — Рюй Голецъ, графъ де-Сильва —

Король согласенъ, конченъ торгъ ужасный,

И продана я твари.

КАРЛОСЪ, сильно потрясенный

Продана?

И снова продана? и снова тѣмъ же

Барышникомъ, извѣстнымъ на всемъ югѣ!

ПРИНЦЕССА.

Нѣтъ, выслушайте все, принцъ. Мало

Того, что въ жертву я приречена,

Моей невинности и той грозятся —

Вотъ, здѣсь! листокъ съ святоши сниметъ маску

Карлосъ беретъ бумагу и въ нетерпѣніи слышать рассказъ, забываетъ прочесть ее.

Кто здѣсь меня спасетъ, принцъ? До сихъ-поръ
 Меня хранила гордость, добродѣтель;
 Но наконецъ....

КАРЛОСЪ.

Вы пали? пали вы?

Нѣтъ, нѣтъ! о! ради Бога....

ПРИНЦЕССА, гордо и благородно

Ничтожныя понятя! И какъ жалки
 Они въ великихъ душахъ! Почитатъ
 Любви блаженство, благосклонность женщинъ,
 Какъ за товаръ какой, который можно
 Купить, набавить, сбавить съ него цѣну?
 На всей землѣ одинъ лишь онъ не знаетъ
 Кушца другаго, какъ себя. Любовь
 Любви цѣна. Она алмазъ безцѣнный,
 Который подарю, нль безъ раздѣла
 Зарю я — какъ тотъ купецъ великій,
 Не тронутый всѣмъ золотомъ Ріальто,
 Безцѣнную жемчужину свою
 Въ пучины моря бросилъ, но не продалъ
 Ея ниже цѣны.

КАРЛОСЪ.

Клянуся, эта женщина прекрасна!

ПРИНЦЕССА.

Пусть то тщеславье — вѣтренность — капризь!
 Я не дѣлю блаженства. Человѣку
 Единному, избранному душою,
 За все я все отдаю. Я подарю,
 Но разъ на вѣчно. Одного лишь только
 Собою я осчастливию — одного —
 Но небомъ сдѣлаюсь его. Сердцеъ
 Согласное бѣенье — поцѣлуй —
 Часовъ пастушьихъ сладкое блаженство,
 Вся магія небесной красоты —
 Лишь одного луча родныхъ краски,
 Лишь одного цвѣтка листы. И я,
 Я, какъ слѣпая, вырванный листокъ
 Изъ этой полной чаши подарю?
 Я, женщины величество святое,
 Созданье лучшее небесъ, испорчу,
 Чтобъ усладить досуги сластолюбца!

КАРЛОСЪ.

(Не вѣроятно! Дѣвушка такая
Была въ Мадридѣ — и сегодня только
Я узнаю объ этомъ.)

ПРИНЦЕССА.

Этотъ дворъ

Я ужъ давно оставила бѣ, давно бы
Въ святыхъ стѣнахъ себя похоронила:
Но у меня есть связь одна, что къ свѣту
Меня влечетъ неодолимо. Ахъ!
Быть можетъ призракъ! но онъ такъ мнѣ дорогъ!
Я здѣсь люблю и — не любима.

КАРЛОСЪ, съ жаромъ подходитъ къ ней.

Вы

Любимы! какъ на небѣ Богъ, то правда,
Клянусь вамъ, вы любимы!

ПРИНЦЕССА.

Вы?

Вы въ томъ клянетесь? Ангельскіе звуки!
Да, если вы клянетесь, Карлосъ, то...
Я вѣрю, я любима.

КАРЛОСЪ, исполненный нѣжности, заключаетъ ее въ объятіи.

Милый ангелъ,

Благоуханное созданіе! — Я здѣсь
Весь слухъ — весь глазъ — весь упоенье — весь
Восторгъ. Кто жъ могъ бы тебя видѣть, кто же
Подъ этимъ небомъ могъ бы тебя видѣть,
И увѣрять, что онъ не зналъ любви?
Но здѣсь, въ Мадридѣ, при дворѣ Филиппа?
Чего, прекрасный ангелъ, ищешь ты?
Не для такихъ цвѣтовъ мадритской воздухъ.
Они ль ихъ станутъ рвать? — Они бы стали...
О! я охотно вѣрю... но не быть
Тому, клянуся жизнию, не быть!
Я обниму тебя, я на рукахъ
Тебя самъ вынесу изъ тьмы кромешной!
Дай быть мнѣ ангеломъ твоимъ!

ПРИНЦЕССА, съ полнымъ взглядомъ любви.

О Карлосъ!

Какъ я васъ мало знала! Какъ богато,

Какъ безгранично много ваше сердце
За трудъ, понять себя даетъ въ награду!

Береть его руку и хочетъ поцѣловать ее.
КАРЛОСЪ, отдергивая ее.

Принцесса, что вы?

ПРИНЦЕССА, взявши и граціозно, пристально смотря на его руку.

Какъ она прекрасна!

О! какъ богата! — Эта, принцъ, рука
Сжимаетъ два подарка драгоценныхъ —
Престолъ и сердце Карла — и одной
Быть можетъ смертной оба вдругъ? — Одной?
Большой, божественно большой подарокъ! —
Не слишкомъ-ли великій для одной? — Какъ? Принцъ,
Не раздѣлить ли лучше вамъ его?
Повѣрьте, дурно любятъ королевы;
Любовь не знаетъ толку въ діадимахъ:
Такъ сдѣлайте жъ раздѣлъ, принцъ, и сейчасъ же,
Сейчасъ же... что? Иль онъ ужъ вами сдѣланъ?
Онъ вправду сдѣланъ? О! тѣмъ лучше!
И кто же та счастливица?

КАРЛОСЪ.

Узнай же.

Тебѣ, ты чистая душа, тебѣ
Откроюсь я — невинности прекрасной,
Природѣ неразвѣчанной откроюсь.
Здѣсь при дворѣ одна лишь ты достойна,
Одна-лишь ты чиста, одну тебя
Моя душа такъ братски понимаетъ.
Такъ слушай же... Не отпираюсь — я
Люблю!

ПРИНЦЕССА,

Жестокій человѣкъ! Такъ трудно
Тебѣ признанье было? Мнѣ ль несчастной
Себя считать, коль ты меня находишь
Любови достойной?

КАРЛОСЪ, озадаченный.

Что? что это?

ПРИНЦЕССА.

Такъ

Играть со мной! О! принцъ, не хорошо
Отъ васъ то было. Даже отъ ключа
Отречься!

КАРЛОСЪ.

Ключъ! ключъ!

Послѣ вѣрнаго раздумья.

Да.... такъ точно.... Вижу....

О! Боже! Боже мой!

Колѣна его дрожатъ, онъ придерживается за стулъ и закрываетъ лицо. Долгое молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Принцесса вскрикиваетъ и упадаетъ.

ПРИНЦЕССА.

Ужасно! что

Я сдѣлала?

КАРЛОСЪ, приподнимаясь съ порывомъ глубочайшей горести.
Такъ глубоко пасть съ неба!...

О! это страшно!

ПРИНЦЕССА, закрывая голову

Что я слышу? Боже!

КАРЛОСЪ, падая къ ногамъ ея.

Принцесса, я не виноватъ.... любовь....

Несчастное недоумѣнье.... Богъ свидѣтель!

Не виноватъ я.

ПРИНЦЕССА, отталкиваетъ его.

Съ глазъ моихъ уйдите,

О! ради Бога....

КАРЛОСЪ.

Никогда! Оставьте

Васъ здѣсь въ такомъ ужасномъ положеніи!

ПРИНЦЕССА, съ силою отталкиваетъ его.

Изъ милости, изъ состраданья, принцъ,

Прочь съ глазъ моихъ! Убить меня

Хотите вы? Я ненавижу васъ!

КАРЛОСЪ хочетъ идти.

Письмо и ключъ отдайте жѣ мнѣ назадъ.

Письмо другое также.... гдѣ оно?

КАРЛОСЪ.

Другое? Какъ, другое?

ПРИНЦЕССА.

Отъ Филиппа.

КАРЛОСЪ, вздрагивая.

Что? отъ кого?

ПРИНЦЕССА.

Что я сейчасъ дала вамъ?

КАРЛОСЪ.

Отъ короля? къ кому же? къ вамъ?

ПРИНЦЕССА.

О! Боже!

Какъ страшно я запуталась! Письмо!
Скорѣй письмо! Оно мнѣ нужно, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Отъ короля и къ вамъ?

ПРИНЦЕССА.

Письмо! письмо!

Во имя всѣхъ святыхъ!

КАРЛОСЪ.

Что маску можетъ

Сорвать съ извѣстнаго.... вотъ это?

ПРИНЦЕССА.

Я

Пробрала!.... Дайте мнѣ его!

КАРЛОСЪ.

Письмо....

ПРИНЦЕССА, въ отчаяніи. Дюма въ руки.

Что сдѣлала я, Боже всемогущій!

КАРЛОСЪ.

Письмо — отъ короля? — Ну да, принцесса,
Конечно это все перемѣняетъ.

Радостно держа письмо въ рукѣ.

Да, то неоцѣненное письмо,
Тяжелое, волшебное письмо,
Для выкупа котораго короны
Филиппа всѣ и пусты и легки.
Да, то письмо я у себя оставляю.

ПРИНЦЕССА, загоразиваетъ ему дорогу.

Великій Боже, я погибла!

ВЫХОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ПРИНЦЕССА одна.

Она стоитъ еще пораженная, вѣ себя; по выходѣ его, она бѣжитъ за нимъ
и хочетъ воротить.

Принцъ, воротитесь! выслушайте, принцъ....
Ушелъ! Все къ одному! Онъ презираетъ
Меня.... и я одна, въ ужасномъ, страшномъ
Уединеніи.... отвергнута,
Отривута....

Падаетъ на кресло. Послѣ паузы.

Нѣтъ! вытѣснена только

Соперницей. Онъ любить. Нѣтъ сомнѣнья,
Онъ самъ признался въ томъ. Но кто же эта
Счастливица?... Какъ видно, любить онъ,
Кого любить не долженъ. Онъ боится
Открытій. Страсть его дрожить, трепещеть
Предъ королемъ.... зачѣмъ же передъ нимъ,
Когда давно ужъ тотъ того желаетъ?

Иль не отца боится онъ въ отцѣ?

Какъ онъ узналъ о страсти короля.

Глаза его внезапно просіяли,

Онъ вспыхнулъ весь отъ радости, блаженства....

Какъ это въ немъ умолкла добродѣтель

Тутъ именно?... Что пользы въ томъ ему,

Ему, что сталъ король невѣренъ королевъ....

Внезапно умолкаетъ, будто пораженная мыслью. — Видѣтъ съ этихъ сры-
ваетъ съ груди ленту, отданную ей Карлосомъ, скоро осматриваетъ и
узнаетъ ее.

О! я безумная! Теперь, теперь лишь....

И я не замолчала? Лишь теперь

Мои глаза все видѣть начинаютъ!

Они уже давно любились—прежде,

Чѣмъ въ бракъ король вступилъ съ ней. Безъ нея

Принцъ никогда еще меня не видѣлъ.

Такъ къ ней одной все это относилось,

Все, что меня на вѣру наводило,

Что такъ сердечно, пламенно, такъ вѣжно

Я имъ любима? О! обманъ

Ужасный, безпримѣрный! И еще

Я ей открылась въ слабости своей....

Молчаніе.

Чтобъ безъ надежды всякой онъ любилъ?

Не вѣрится мнѣ что-то. Безнадежной

Любви не выдержать борьбы подобной.

Въ блаженствѣ утопать, гдѣ самъ король,

Сильнѣйшій въ цѣломъ свѣтѣ, тщетно страждетъ....

Нѣтъ, нѣтъ! страсть безнадежная такихъ

Жертвъ не приносить. Какъ горячъ, какъ жгучъ

Былъ поцѣлуй его! Какъ вѣжно онъ

Меня пряджалъ къ взволнованной груди!

О! испытанье было слишкомъ сильно

Для чисто платонической любви —

Любви безъ ласкъ взаимныхъ, безъ отвѣта...
 Онъ принимаетъ ключъ, что, по его догадкамъ
 Ему шлетъ королева.... Бѣдный, вѣрнѣ
 Любви такому смѣлому поступку,
 Приходить, да, приходитъ, въ самомъ дѣлѣ
 Приходить! Стало быть онъ довѣряетъ
 Женѣ Филиппа этотъ шагъ безумный.
 Онъ не пришелъ бы, еслибъ что-нибудь
 Его къ тому не ободряло. Ясно,
 Какъ день. Ему внимаютъ. Она любить!
 Клянусь душой, святая эта любить!
 О! какъ хитра она!... Я трепетала,
 Я, я сама предъ пугаломъ ея
 Высокой добродѣтели. Блнстала
 Она явленьемъ свѣтлымъ предо мною.
 Потухла вся въ ея сіяньи, я
 Завидовала ей въ покоѣ этомъ,
 Натуръ земныхъ волненью не причастномъ.
 И все то было только маска. Ей
 Хотѣлось пресыщаться съ двухъ столовъ!
 Хотѣлось блескъ божественный носить,
 И вмѣстѣ съ тѣмъ внушать въ подтишка
 Порока лакомства! И ей пройдетъ
 То даромъ? Ей удастся это?
 Обманщицѣ никто не отомстить?
 Удастся, потому что не найдеть
 Она здѣсь мстителя?.... Нѣтъ, вѣтъ, клянусь!
 Я ей молилась.... Но теперь отищу!
 Король узнаетъ весь обманъ ... Король?

Послѣ нѣкотораго молчанія.

Да, такъ.... вотъ путь до слуха короля.

Уходитъ.

Комната въ королевскомъ дворцѣ

ВЫХОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБА, ПАТЕРЪ ДОМИНГО.

ДОМИНГО.

Что вамъ угодно мнѣ сказать?

АЛЬБА.

Одно

Презажное открытіе, что я сдѣлалъ

Сегодня, и насчетъ чего мнѣ ваше
Хотѣлось бы знать шѣвше.

ДОМИНГО.

Важное

Открыть? Что бы это было?

АЛЬБА.

Карлосъ

И я встрѣчаюсь сегодня утромъ
Въ пріемной королевы. Оскорбляетъ
Меня онъ. Мы погорячились. Споръ нашъ
Становится немного громокъ. Мы
Беремся за мечи. На шумъ приходитъ
Ея величество, бросается межъ нами
И смотритъ съ деспотическою властью
На принца. Взглядъ одинъ лишь — и его
Рука вѣмѣть, онъ бѣжить ко мнѣ
Въ объятія.... поцѣлуй я ощущаю....
Онъ исчезаетъ.

ДОМИНГО, послѣ нѣкотораго молчанія.

Правда, тутъ не чисто....

Вы, герцогъ, мнѣ напомнили.... такъ кой о чемъ....

Признаюсь вамъ, давно такія мысли
Въ груди моей шевелятся. Я бѣгалъ
Подобныхъ словъ.... еще не повѣрялъ
Ихъ никому. Есть много шпагъ двуострыхъ,
Друзей двуличныхъ.... Я боюсь послѣднихъ.
Ахъ! герцогъ, трудно различать людей,
Еще труднѣй извѣдать. А слова,
Сбѣжавшія разъ съ губъ, друзья плохіе.
Вотъ почему я тайну схоронилъ,
Пока ея не вырыло бъ на свѣтъ
Небесный само время. Есть услуги,
Что королямъ оказывать опасно....
Рисковый выстрѣлъ промахнется въ цѣль —
Въ стрѣлка назадъ ударитъ. Я, пожалуй,
Готовъ поклясться передъ Богомъ.... но
Очная ставка, пойманное слово,
Бумаги лоскутъ на вѣсахъ тяжелѣ
Всѣхъ клятвъ и чувствъ моихъ. Досадно
Что мы въ Испаніи!

АЛЬБА.

Какъ такъ досаждо?

доминго.

При всѣхъ дворахъ страсть можетъ позабыться.
 У насъ она трепещетъ предъ закономъ.
 Испанскимъ королевамъ трудно
 Грѣшить — я вѣрю этому — а въ этомъ,
 Въ одномъ лишь этомъ только, по несчастью,
 Ее поймать легко намъ удалось бы.

АЛЬБА.

Но дальше слушайте. Принцъ нынче былъ
 У короля — часъ битый дѣлалъ
 Аудіенція. Онъ управленья
 Надъ Фландріей просилъ. Онъ жарко, громко
 Просилъ. Я слышалъ все изъ кабинета.
 Съ глазами красными отъ слезъ онъ самъ
 Потомъ въ дверяхъ мнѣ встрѣтился. А въ полдень
 Выходитъ вдругъ съ торжественною миной.
 Онъ восхищенъ, что предпочли меня.
 Онъ благодаренъ королю. Все измѣнилось,
 Онъ говоритъ, и къ лучшему. Притворства,
 Вы знаете, далекъ онъ: какъ же тутъ
 Себѣ все это растолкуешь. Принцъ
 Въ восторгѣ, что оставили его,
 А мнѣ король оказываетъ милость
 Со всѣмъ неудовольствіемъ и гнѣвомъ!
 Что думать мнѣ? Мой новый титулъ, право,
 Скорѣй походитъ на изгнанье, чѣмъ
 На милость.

ДОМИНГО

Такъ ужъ до того дошло?

Ужъ дотого? Такъ мигъ разрушить то,
 Что мы года усердно созидали?....
 И вы спокойны такъ? такъ равнодушны?....
 Но знаете ль вы принца? Вамъ извѣстно ль,
 Что ждетъ насъ, какъ войдетъ онъ въ слѣду?.... Принцъ —
 Ему не врагъ я. У меня довольно
 Другихъ заботъ, грызущихъ мой покой,
 Заботъ о тронѣ, Богѣ и о церкви.
 Инфантъ (насквозь его я вижу — я
 Въ его душѣ читаю) страшный планъ

Задумалъ, герцогъ — планъ безумный, дерзкій,
 Регентомъ сдѣлаться и отложиться
 Отъ нашей вѣры тринедивой.... Сердце
 Въ немъ разожгла другая добродѣтель,
 Прямая, гордая, что не захочетъ
 Ни предъ какою нищенствовать вѣрой....
 Онъ мыслить! умъ его воспламененъ
 Опасною и странною химерой.
 Онъ уважаетъ челоуѣка.... Герцогъ,
 Годится ль онъ намъ въ короли?

А. ЛЬБА.

Мечты!

Что жъ больше? Юношескій жаръ быть-можетъ,
 Желанье роль играть.... и въ самомъ дѣлѣ,
 Что жъ дѣлать болѣе ему?.... Пройдетъ!
 Когда пора наступить съѣсть на тронъ.

ДОМИНГО.

Я сомнѣваюсь. Онъ свободу любитъ,
 Онъ не привыкъ къ рабству, какимъ рабство
 Купить онъ можетъ только.... На испанскій
 Престоль едва ли онъ годится. Этотъ
 Гигантскій духъ всѣ пути разорветъ
 У нашихъ плаповъ. Тщетно думалъ,
 Я сладострастной иѣгой усыпить
 Его надмѣнный духъ: онъ побѣдилъ
 И это испытаешь.... страшень, герцогъ,
 Въ подобномъ тѣлѣ духъ такой.... Филиппу жъ
 Седьмой десятокъ скоро подойдетъ

А. ЛЬБА.

Вы дальновидны.

ДОМИНГО.

Онъ и королева

Одно и тоже. Въ ихъ сердцахъ ужъ пухнетъ,
 Хоть и сокрыто, ядъ нововведеній;
 И скоро, — дайте ему мѣсто только, —
 Онъ вамъ какъ разъ и трономъ завладѣетъ.
 Я знаю эту Валуа. Смотрите,
 Местъ этой женщины ужасна будетъ,
 Когда Филиппъ до слабостей дойдетъ.
 Еще отъ насъ не отвернулось счастье.
 Предупредимъ же, Въ яму пусть они

Падуть. Лишь стоитъ намекнуть Филиппу.
 Есть доказательства или нѣтъ — и то
 Ужъ выигрышь, какъ сомнѣваться стапеть.
 Мы оба въ томъ увѣрены. Не трудно
 Тому, кто убѣждаетъ самъ, убѣдить.
 И болѣе откроемъ мы, лишь-только
 Увѣримся, что должно открывать.

АЛЬБА.

Но вотъ вопросъ важѣйшій изъ вопросовъ:
 Глаза-то кто жъ откроеть королю?

ДОМИНГО.

Ни вы, ни я. Такъ ужъ узнайте, герцогъ,
 Что съ давнихъ поръ моя неутомимость,
 Чреватая великимъ планомъ, къ цѣли
 Заботливо и скрытно подвигала.
 Къ союзу нашему недостаетъ
 Еще одной особы, очень важной.
 Король влюбленъ въ принцессу Эболя.
 Я самъ питаю эту страсть; она мнѣ
 Обильные проценты общаетъ.
 Я у него посломъ — для нашихъ плановъ
 Ее готовлю я. Въ Испанкѣ этой,
 Лишь-бы мой планъ удался, разцвѣтетъ
 Для насъ союзница и королева.
 Она сама сюда меня просила.
 Всего надѣюсь я, — и лишь Валуа
 Въ одну быть-можетъ ночь сомнетъ Испанка эта.

АЛЬБА.

Что слышу? правда ль это?... Передъ Богомъ!
 Я изумленъ! О! да, удастся это!
 Доминиканецъ, я двелюсь тебѣ,
 Теперь побѣда наша...

ДОМИНГО.

Тише! Идутъ!

Она.... она сама.

АЛЬБА.

Я буду близко,

Когда....

ДОМИНГО.

Да, хорошо. Я позову васъ.

Герцогъ Альба уходитъ.

ВЫХОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ПРИНЦЕССА и ДОМИНГО.

ДОМИНГО.

Что вамъ угодно приказать, принцесса?

ПРИНЦЕССА, съ любопытствомъ провожая герцога глазами.

Такъ мы здѣсь не одни? У васъ, какъ вижу, Свидѣтель есть.

ДОМИНГО.

Какъ?

ПРИНЦЕССА.

Кто-же это

Сейчасъ ушелъ отсюда?

ДОМИНГО.

Герцогъ Альба,

Принцесса; онъ спрашиваетъ чести

Потомъ васъ также видѣть.

ПРИНЦЕССА.

Герцогъ Альба?

А онъ что здѣсь? чего отъ насъ онъ хочетъ?

Не объясните ль вы мнѣ этого быть-можетъ?

ДОМИНГО.

Но я и самъ еще совсѣмъ не знаю,

Что за событiе важное мнѣ счастье

Васъ видѣть здѣсь, принцесса, доставляетъ?

Пауза, во время которой онъ ждетъ ея отвѣта.

Ужъ не нашлось ли кой-чего, что вамъ

Замолвило-бъ о страсти короля?

Ужъ не былъ-ли я правъ, предполагая,

Что время помирить васъ съ предложенiемъ,

Которое капризы лишь отвергли?

Я прихожу, въ надеждѣ....

ПРИНЦЕССА.

Отнесли-ль

Вы королю послѣднiй мой отвѣтъ?

ДОМИНГО.

Еще я не рѣшился такъ смертельно

Сразить его. Еще не поздно. Вы

Еще властны переменить, принцесса.

ПРИНЦЕССА.

Скажите королю, что я готова

Принять его.

ДОМИНГО.

Осмѣлюсь-ли считать

То правдою, прекрасная принцесса?

ПРИНЦЕССА.

Не шуткой только. Но, ей Богу, вы

Меня пугаете. Какъ? Что жъ такое

Я сдѣлала, когда ужъ даже вы

Вы сами ужъ мѣняетесь въ лицѣ?

ДОМИНГО.

Принцесса, неожиданность.... едва

Могу понять я....

ПРИНЦЕССА.

Да, святой отецъ,

И не должны вы понимать. За всѣ

Земныя блага не хотѣла бъ я,

Чтобъ вы то поняли. Довольно съ васъ,

Что это такъ. Прошу васъ, не трудитесь

Разузнавать, чьимъ фразамъ витьсватымъ

Обязаны вы этой перемѣной.

Для утѣшенья-жъ вашего прибавлю:

Вы не причастны этому грѣху.

ДОМИНГО.

Охотно отступаюсь отъ участя,

Какъ скоро лишнее оно.

ПРИНЦЕССА.

Просите

Вы отъ меня монарха мой поступокъ

Не принимать за что-нибудь другое.

Чѣмъ я была, тѣмъ я еще осталась.

Одни лишь обстоятельства съ-тѣхъ-поръ

Перемѣнились. Если предложете

Его съ негодоващемъ я отвергла,

То это потому, что я считала

Его счастливымъ въ обладанья рѣдкой,

Прекрасной королевой; я считала

Ее достойной жертвы отъ меня;

Все это я считала прежде.... прежде.

Теперь, другое дѣло, о! теперь

Я лучше это знаю.

ДОМИНГО.

Дальше, дальше!

Принцесса, мы другъ друга понимаемъ.

ПРИНЦЕССА.

Она попалась. Я не пощажу
 Ея ужъ больше. Хитрая веровна
 Попалась. Короля, Испанью, дворъ,
 Настъ всѣхъ она безстыдно обманула!
 Да, лгунья любить, говорю я.
 Я знаю это, докажу, заставлю
 Ее блѣднѣть. Король обмануть — но,
 Клянуся, не безъ мести! Эту маску
 Покорности высокой, неземной
 Я вдругъ сорву съ нея, чтобъ свѣтъ увидѣлъ
 Лицо безстыдной грѣшницы. Миѣ стоитъ
 Цѣны ужасной это, но — все счастье,
 Вся радость, весь восторгъ мой въ этомъ!..
 Но ей еще ужаснѣйшей.

ДОМИНГО.

Теперь

Созрѣло все. Позвольте жъ миѣ позвать
 Теперь къ намъ Альбу.

ВЫХОДИТЬ.

ПРИНЦЕССА, въ удивленіи.

Это для чего?

ВЫХОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ПРИНЦЕССА, ГЕРЦОГЪ АЛЬБА, ДОМИНГО.

ДОМИНГО, вводя герцога.

Мы опоздали съ вами, герцогъ Альба.
 Принцессѣ Эболи известна тайна,
 Которую мы ей отырыть хотѣли.

АЛЬБА.

Такъ мой приходъ не удивитъ принцессу.
 Я самъ себя не вѣрю. Для подобныхъ
 Открытій нужны женскіе глаза.

ПРИНЦЕССА.

Вы говорите объ открытыяхъ?

ДОМИНГО.

Мы

Желали бъ знать, принцесса, часъ и мѣсто,
 Гдѣ вамъ угодно будетъ....

ПРИНЦЕССА.

А! и это!

Такъ завтра въ полдень я васъ ожидаю.
Я дольше не могу подобной тайны
Скрывать и, главное, тайнъ отъ короля.

АЛЬБА.

За тѣмъ-то къ вамъ я и пришелъ, принцесса.
Король сейчасъ же обо всемъ знать долженъ;
И черезъ васъ, принцесса, черезъ васъ.
Кому же лучше онъ повѣрять,
Какъ не самой подругѣ королевы?

ДОМИНГО.

Кому же лучше, какъ не вамъ, которой
Лишь стоитъ захотѣть, чтобъ безгранично
Нимъ управлять?

АЛЬБА.

Я принцу врагъ

Отъявленный.

ДОМИНГО.

Вотъ то же на бѣду

И обо мнѣ предполагать привыкли.
Принцесса Эболи свободна. Тамъ, гдѣ мы
Молчать должны, ей долгъ, долгъ самой службы,
Велить все высказать. Король отъ насъ
Ужъ не уйдетъ. Когда намеки ваши
Подѣйствуютъ, мы примемся за дѣло.

АЛЬБА.

Но вынче, сей же часъ пусть онъ узнаетъ.
Минуты дороги. Мнѣ каждый часъ
Принести приказъ къ походу можетъ.

ДОМИНГО, послѣ нѣкотораго размышленія, обращаясь къ принцессѣ.

Если бѣ

Нашлись какія письма? напримѣръ,
Инфанта письма сильно бы могли
Подѣйствовать. Посмотримъ. Такъ-ли? Да,
Вы почиваете, мнѣ кажется, въ однихъ
Покояхъ съ королевой.

ПРИНЦЕССА.

Возлѣ нихъ..

Но что же въ этомъ?

ДОМИНГО.

Если бѣ кто умѣлъ

Замки.... Вы не примѣтили, гдѣ вращеть
Ключъ отъ шкатулки королева?

принцесса, разрышляя.

Это

Могло бы точно намъ помочь.... да.... ключъ
Найдется, думаю.

доминго

Для писемъ нужны

Послы.... а вѣдь у королевы свита
Большая.... Какъ бы это разузнать!
Оно, конечно, золото все можетъ....

альба.

Не знаете ль, имѣеть ли инфантъ
Повѣренныхъ?

доминго.

Донъ-Карлосъ? Никого!

Въ Мадридѣ цѣломъ никого.

альба.

Ги! Странно.

доминго.

Ужъ въ этомъ мнѣ повѣрьте. Презираеть
Весь дворъ онъ: я ужъ испыталъ.

альба.

Но какъ же? Дайте вспомнить.... да, такъ точно!
Какъ вышелъ я изъ комнату королевы —
Инфантъ стоялъ съ однимъ пажомъ ея;
Они тихонько говорили.

принцесса, быстро перебивая его.

Нѣтъ, о! нѣтъ!

То было.... было о другомъ.

доминго.

Но намъ

Объ этомъ должно знать! Нѣтъ, это очень
И очень подозрительно.

принцесса.

Пустое!

Что можетъ-быть изъ этого? Довольно,
Я это знаю. Такъ еще мы съ вами
До короля увидимся. Быть-можетъ
Еще кой-что отыщется.

доминго, отводя ее въ сторону.

Такъ вы

Позвольте надѣяться монарху?
 Могу ему я это передать?
 И также то, въ который день и часъ
 Его желанья счастьемъ увѣнчаютъ?
 И это также?

ПРИНЦЕССА.

Эти дни я буду

Не такъ здорова; мнѣ покои отвѣдутъ
 Другіе, далѣе отъ королевы....
 Таковъ обычай, знаете вы сами.
 Мнѣ не позволять выходить....

ДОМИНГО.

Прекрасно!

Побѣда наша. Мы наперекоръ
 Пойдемъ всѣмъ королевамъ въ мѣръ.

ПРИНЦЕССА.

Чу!

Меня зовутъ.... быть-можетъ королева....
 Прощайте!

Поспѣшно уходитъ.

ВЫХОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

АЛЬБА и ДОМИНГО.

ДОМИНГО, послѣ паузы, провожая принцессу глазами.

Герцогъ, эти розы

И ваши битвы....

АЛЬБА.

И твой Богъ.... и я

Спокойно ждать готовъ всѣхъ молній рока!

Уходить.

ВЫХОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Въ картезианскѣи монастырѣ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, и ПРИОРЪ.

КАРЛОСЪ, входя, приору.

Такъ онъ ужъ былъ здѣсь? Жаль.

ПРИОРЪ.

Ужъ раза три

Сегодня утромъ. Будетъ съ часъ, какъ онъ
 Ушелъ отсюда.

КАРЛОСЪ.

Онъ прійдетъ опять,

Однако жъ? Ничего не оставилъ онъ?

ПРИОРЪ.

Хотѣлъ навѣдаться еще разъ въ полдень.

КАРЛОСЪ, подходя къ окну и осматривая мѣстопокоеніе.

Вашъ монастырь лежитъ уединенно.

Тамъ вдалекѣ еще мелькаютъ шпицы

Мадритскихъ башенъ. Да, такъ точно. Здѣсь же

Текутъ Мансанареса волны.... Мѣсто

Мнѣ нравится. Все здѣсь спокойно, тихо,

Какъ тайна.

ПРИОРЪ.

Какъ преддверье того свѣта.

КАРЛОСЪ.

Вашей правдивости, святой отецъ,

Повѣрилъ я свою святую тайну.

Никто ни знать, ни полагать не долженъ,

Съ кѣмъ въ тайнѣ видѣлся я здѣсь. Имѣю

Я важныя причины отъ того,

Кого здѣсь жду, предъ всеѣми отречься:

И потому я выбралъ монастырь вашъ.

Отъ нападеній, отъ измѣнъ, надѣюсь,

Мы безопасны здѣсь? Вы не забыли

Еще о томъ, въ чемъ поклялись мнѣ?

ПРИОРЪ.

Принцъ,

Довѣрьтесь намъ. Монарховъ подозрѣнне

Нѣмыхъ могилъ раскапывать не станетъ.

Къ однимъ воротамъ счастья и страсти

Льнетъ ухо любопытныхъ. Свѣта шумъ

Въ стѣнахъ смолкаетъ этихъ.

КАРЛОСЪ.

Можетъ-быть

Вы полагаете, что эта скрытность,

Что этотъ страхъ служить покровомъ долженъ

Нечистой совѣсти?

ПРИОРЪ.

Я ничего

Не полагаю, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Вы въ заблужденіи,

Святой отецъ, вы, право, въ заблужденнхъ.
Передъ людьми трепещеть наша тайна,
Но не предъ Богомъ.

ПРИОРЪ.

Сынъ мой, намъ вѣтъ нужды

До этого. Сн врата отверзты
Равно невнпности и преступленью.
Что у тебя на сердцѣ, хорошо ли
Иль дурно то, порочно или чисто —
То въ сердцѣ ты свопчъ и порѣши.

КАРЛОСЪ, съ жаромъ.

Что мы скрываемъ, то не оскорбитъ.
Творца. Его же то святое дѣло.
Но впрочемъ вамъ могу открыться я.

ПРИОРЪ.

Кчему же? что мнѣ въ этомъ, принцъ? Шумъ свѣта,
Его заботы я давно покинулъ
За сборами, ко страствнню святому.
Кчему жъ короткнй срокъ передъ походомъ
Давно забытымъ голосомъ смущать мнѣ?
Не много нужно для блаженства въ мнрѣ....
Чу! благовѣсть къ часамъ. Пойду молиться.

Приоръ уходитъ.

ВЫХОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ и МАРКИЗЪ ПОЗА, входятъ.

КАРЛОСЪ.

Ахъ! наконецъ-то, наконецъ....

МАРКИЗЪ.

О, Карлосъ!

Какое испытанье для меня!
Всходило дважды солнце, дважды видѣлъ
Его закатъ я свѣтлый, какъ судьба
Твоя рѣшилась наконецъ, и бынче
Лншь только нынче я узнаю. Что,
Вы помирились?

КАРЛОСЪ.

Кто?

МАРКИЗЪ.

Ты съ королемъ?

Ну, какъ же съ Фландрнй вы порѣшили?

КАРЛОСЪ.

Что герцогъ завтра въ Брюссель ѣдетъ?... Да,
Мы порѣшили.

МАРКИЗЪ.

Быть не можетъ.... Нѣтъ....
Такъ обмануть Мадридъ весь? Говорятъ,
Аудиенцію имѣлъ ты. И король....

КАРЛОСЪ.

Не тронулся. Мы другъ для друга чужды,
И болѣе чѣмъ прежде....

МАРКИЗЪ.

Ты не ѣдешь

Во Фландрію?

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

МАРКИЗЪ.

О! мой

Надежды!

КАРЛОСЪ.

Это послѣ. Ахъ, Родриго,
Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались, что за жизнь!
Но твой совѣтъ прежде всего! Я долженъ
Съ ней видѣться....

МАРКИЗЪ.

Съ твоею матерью?...

О, нѣтъ!... к чему же?

КАРЛОСЪ.

Есть надежда. Ты
Блѣднѣешь? Будь спокоенъ, другъ. Я буду,
Я долженъ быть счастливымъ. Но объ этомъ
Въ другой разъ. Дай совѣтъ теперь мнѣ лучше,
Какъ мнѣ ее увидѣть.

МАРКИЗЪ.

Это что? На чемъ

Основанъ этотъ новый сонъ?

КАРЛОСЪ.

Не сонъ!

Клянусь чудеснымъ Богомъ! Правда, правда!

Вынимаетъ письмо короля къ принцессѣ Эболи.

Вотъ въ этомъ лоскуткѣ вся правда!
Свободна королева, предъ глазами
Людей, какъ и предъ Божьими глазами
Свободна. На, читай и перестань
Дивиться.

МАРКИЗЪ, развертывая письмо.

Что? что вижу? Отъ Филиппа
Собственноручное письмо? (Прочитавъ.) Къ кому
Оно?

КАРЛОСЪ.

Къ принцессѣ Эболк. Послушай:
Третьяго дня пажъ королевы мнѣ
Принесъ письмо и ключъ отъ неизвѣстной
Особы. Мнѣ описываютъ въ лѣвомъ
Дворцовомъ флигелѣ, гдѣ королева
Живетъ обыкновенно, кабинетъ,
Гдѣ будто дама ждетъ меня и будто
Люблю я эту даму. Я сейчасъ же
Иду туда....

МАРКИЗЪ.

Безумный, ты пошелъ?

КАРЛОСЪ.

Вѣдь я не знаю почерка.... я знаю
Одну лишь даму. Кто жъ другая
Подумаетъ о Карлоса любви?
Исполненъ сладкихъ чувствъ, туда бѣгу я:
Божественное пѣнье, мнѣ навстрѣчу
Звучащее, ведетъ меня къ покою....
Я отворяю дверь.... и что же вижу?
Вообрази мой ужасъ....

МАРКИЗЪ.

О! я все

Угадываю!

КАРЛОСЪ.

Я погибъ, Родриго,
Не попади я ангелу въ объятя.
Что за несчастье, другъ! Обольщена
Неосторожной рѣчью моихъ взглядовъ,
Она далась въ обманъ, вообразила
Что это съ нею молвятъ мои взоры;
И тронувшись моей души страданьемъ,
Великодушно, опрометчиво она
Уговорила дѣвственное сердце
Моей любви любовью отозваться.
Казалось, уваженъе запрещало
Мнѣ говорить.... она предупреждаетъ
Сама меня.... передо мной открыта
Ея прекрасная душа....

МАРКИЗЪ.

И ты

Все это такъ спокойно говоришь?...
 Принцесса Эболя тебя проникла.
 Нѣтъ больше ни какихъ сомнѣній, въ тайну
 Твоей любви она проникла. Ты
 Ее жестоко оскорбилъ. Она
 Владѣеть королемъ.

КАРЛОСЪ, увѣренно.

Она чиста.

МАРКИЗЪ.

Изъ эгоизма страсти. Эту добродѣтель
 Я знаю, я боюсь ея. Какъ мало
 Она походить, другъ, на идеалъ,
 Чтò изъ душевной материнской почвы
 Въ прекрасной, гордой граціи зачатый,
 Безъ помощи садовника растеть,
 И множится роскошными цвѣтами!
 А это вѣтъ чужая: только югомъ
 Поддѣльнымъ держится на почвѣ твердой;
 Характеръ, воспитанье.... назови
 Какъ хочешь, заученная невинность,
 Отбитая и хитростью и силой
 У пылкой крови и потомъ правдиво,
 Заботливо приписанная небу,
 Которое ее же награждаетъ,
 Ее же милуетъ. Подумай самъ!
 Она простить ли королевѣ то,
 Что мимо добродѣтели ея,
 Съ такимъ трудомъ приобрѣтенной ею,
 Промель мушкана, даже не замѣтивъ
 Ея, промель, чтобъ чахнуть, извивать
 Въ любви безвыходной къ жемѣ Филиппа?

КАРЛОСЪ.

Такъ коротко ее успѣлъ узнать ты?

МАРКИЗЪ.

Совсѣмъ нѣтъ. Я двухъ разъ ея не видѣлъ.
 Но дай сказать еще одно маѣ слово:
 Мнѣ показалось, что она искусно
 Умѣетъ прикрывать порока вспышки,
 Что добродѣтели ея у ней

На перечесть. Тутъ увидѣлъ я
 И королеву. О! мой милый Карлосъ,
 Какъ все въ ней иначе, какъ все въ ней лучше!
 Осѣнена лучами кроткой славы,
 Не вѣдая ни рѣзвости безпечной,
 Ни черствыхъ формъ приличій заученныхъ,
 Далекая и дерзости и страха,
 Какъ героиня шествуетъ она,
 По узенькой приличія дорожкѣ,
 Не зная, что собираетъ тамъ молитвы,
 Гдѣ похвалы ей даже не мечтались.
 Ну, узнаетъ ли Карлосъ здѣсь, въ такомъ
 Прекрасномъ зеркалѣ свою принцессу?
 Она не пала, правда, потому что
 Любила: въ добродѣтель же свою
 Она любовь вложила слово въ слово.
 Ея не любишь ты — она падеть.

КАРЛОСЪ, съ некоторою вспылчивостію.

Нѣтъ! миллионъ разъ нѣтъ! нѣтъ, говорю...
 О еслибъ зналъ Родриго, какъ ему
 Къ лицу насильно отнимать у Карла
 Спасительное благо, вѣру въ жизнь,
 Въ божественность людей!

МАРКИЗЪ.

Несправедливъ

Ко мнѣ ты! Нѣтъ, души моей любимецъ,
 Я не хотѣлъ того, клянуся Богомъ,
 Я не хотѣлъ!... О! эта Эболи...
 Ну, пусть она и ангелъ, я, пожалуй,
 Какъ ты молитвенно предъ ней склонюся,
 Паду во прахъ передъ нею... только
 Не знай она твоей сердечной тайны!

КАРЛОСЪ.

Смотри какъ пусть, ничтоженъ страхъ твой! Если
 У ней есть доказательства, такъ ей же,
 Одной лишь ей они къ стыду послужать.
 За горькое блаженство дязкой мести,
 Скажи, продасть ли честь свою она?

МАРКИЗЪ.

За мигъ стыда ужъ многія собой
 Пожертвовали сраму.

КАРЛОСЪ, вспыхнувши.

Нѣтъ, жестоко,

Несправедливъ ты къ ней! Въ ней гордость есть,
Есть благородство: я ее узналъ,
И ничего не опасуюсь. Тщетно
Желаешь ты спугнуть мои надежды.
Я съ матерью увижусь.

МАРКИЗЪ.

Но чему?

КАРЛОСЪ.

Мнѣ некого щадить теперь.... я долженъ
Узнать судьбу свою. Скажи мнѣ только,
Какъ-бы съ ней свидѣться?

МАРКИЗЪ.

И хочешь

Письмо ты это показать ей. Точно
Ты хочешь показать?

КАРЛОСЪ.

Не спрашивай

Меня объ этомъ. Средство, средство только
Какъ мнѣ ее увидѣть!

МАРКИЗЪ, значительно.

Ты сказалъ мнѣ,

Что любишь мать свою? И хочешь
Ей показать письмо?

Карлосъ потупивъ глаза, молчать.

Карлъ, я вижу

Мнѣ нѣчто новое въ твоемъ лицѣ,
Мнѣ чуждое доселѣ. Ты глаза
Потупилъ предо мной? Такъ это правда?....
Но полно такъ ли я прочелъ? Позволь!...

Карлосъ подаетъ ему письмо. Маркизъ разрываетъ его.

КАРЛОСЪ.

Какъ? что? Съ ума сошелъ ты что ли?

Съ болѣе утѣренною обидчивостію.

Правда....

Я признаюсь.... письмо мнѣ было важно.

МАРКИЗЪ.

Казалось важнымъ. Потому-то я
И разорвалъ его.

Маркизъ пронацательнo смотритъ на принца, который сомнительно на него
взглядываетъ. Долгое молчаніе.

Скажи же мнѣ,

Что общаго невѣрность короля
Съ твоей — твоей любовію имѣеть?
Тебѣ Филиппъ опасенъ, что ль? Какую
Связь осквернение ложа королевы
Съ твоими планами имѣеть? Развѣ
Онъ согрѣшалъ тамъ, гдѣ ты любишь страстно?
Теперь тебя узналъ я. О, какъ плохо
Я понималъ твою любовь доселѣ!

КАРЛОСЪ.

Родриго, какъ? Что у тебя на сердцѣ?

МАРКИЗЪ.

О, мнѣ давао бы должно отучиться...
Да, прежде, прежде было все иначе.
Ты такъ богатъ былъ, пылокъ такъ, богатъ!
Вселенная въ груди твоей виѣщалась.
И это все погнбло; жалкой страстью
Поглощено, ничтожнымъ самолюбіемъ.
Изохла грудь твоя. Нѣтъ больше слезъ
Для бѣдныхъ, угнетенныхъ Нидерландовъ,
Нѣтъ ни одной слезы! О, Карлосъ, Карлосъ,
Какъ обѣднѣлъ, какъ страшно обѣднѣлъ ты,
Съ тѣхъ поръ какъ никого, кромѣ себя
Не любишь.

КАРЛОСЪ, бросается на кресло. Послѣ нѣкотораго молчанія, съ едва скры-
ващими слезами

Вижу, ты не уважаешь

Меня ужъ больше.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, мой Карлосъ! Знаю

Я эту вспынующую кровь. Заблужденіемъ
Похвальныхъ чувствъ она была. Тебѣ
Принадлежала прежде королева,
Изъ рукъ твоихъ похитили ее
Но всё же ты правамъ своимъ не вѣрилъ.
Филиппъ могъ быть ея достоинъ. Тихо,
Не слышишь судъ свой сердце изрекало.
Письмо рѣшило все. Ты былъ достойнымъ.
И съ гордымъ чувствомъ смотришь на судьбу,
Изобличенную въ тиранствѣ, похищенна.
Ты радъ, ты счастливъ тѣмъ, что ты обиженъ:

Страданье льститъ душамъ великимъ. Только
Твоя фантазія здѣсь заблудилась,
Нашла себѣ награду — гордость, сердце
Увидѣло надежду. Видишь ли,
Я былъ увѣренъ въ томъ, что ты себя
Не понялъ.

КАРЛОСЪ, растроганный.

Нѣтъ, Годриго, ты ошибся.

Такъ благородно я совсѣмъ не мыслить,
Какъ ты меня увѣрить хочешь.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ!

Тебя я знаю! Видишь ли, мой Карлосъ.
Когда ты заблуждаешься, всегда
Изъ сотни доблестей стараюсь я
Ту отыскать, которую бѣ порокомъ
Назвать мнѣ можно было. Но теперь,
Такъ какъ съ тобой опять мы ладимъ — будь
По твоему, увидишь королеву!

КАРЛОСЪ, падаетъ къ нему на шею.

О! какъ краснѣю я передъ тобою!

МАРКИЗЪ.

Отъ слова я не отступлюсь. Теперь ужъ
Ты предоставь мнѣ все. Прекрасной, смѣлой,
Счастливой мыслью умъ мой просвѣтлялъ.
Ее изъ лучшихъ устъ услышишь. Я
Дойду до королевы. Можетъ-быть,
Ты завтра же узнаешь обо всемъ.
До тѣхъ же поръ не забывай, что планы,
Рожденные разъ мудростью высокой,
Не могутъ быть покинуты, хотя
И притѣсняють ихъ людскія страсти
И смятены ихъ уничтожить. Слышишь?
Помни о Флавдріи!

КАРЛОСЪ.

О всемъ,

Что ты и добродѣтель мнѣ велите.

МАРКИЗЪ, подходитъ къ окну.

Пора въ Мадридъ. Твою я вижу свиту.

Обнимаются.

Теперь опять — принцъ и вассалъ.

КАРЛОСЪ.

Ты ѣдешь

Сейчасъ же въ городъ?

МАРКИЗЪ.

Да.

КАРЛОСЪ.

Постой! Еще

Одно лишь слово! Чуть не позабылъ я!

Вѣсть важная: король читаетъ письма

Въ Брабантъ. Будь остороженъ. Почта, знаю,

Имѣетъ тайные приказы...

МАРКИЗЪ.

Какъ

Узналъ ты это?

КАРЛОСЪ.

Донъ-Раймондъ Таксисъ

Мнѣ преданъ.

МАРКИЗЪ, послѣ нѣкотораго молчанія.

Гмъ! Такъ мнѣ придется сдѣлать

Крюкъ чрезъ Германію. Прощай, мой Карлосъ.

Расходятся въ разные стороны.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ВПЕЧАТЛЕНІЯ

■

ВОСПОМНЕНІЯ ПОКОЙНИКА.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Я ѣхалъ въ Грузію. Это было еще до моей смерти. Вотъ я готовъ перешагнуть черезъ Кавказъ — въ другой міръ — въ Азію. Новость предмета занимала меня болѣе нежели цѣль поѣздки. Мы люди, пока живемъ — просто дѣти: увидимъ новое, и хватаемся за него съ жадностью, и только на томъ свѣтѣ, убѣдившись въ ничтожности всего что блеститъ на землѣ, сожалѣемъ о потерянномъ времени и уtratѣ здоровья. Во время оно, къ началу 1823 года, съ стремительнымъ желаніемъ и лестными надеждами скакалъ я на Кавказъ, звучащій поэзію. Тутъ я былъ молодь рвенія, съ жадностію любовался на красоты горной природы, собиралъ свѣдѣнія объ ея странныхъ обитателяхъ, дышавшихъ воинственною свободою, рыскалъ изъ одного конца края въ другой съ опасностію для жизни. Пять лѣтъ протекло,

Т. LXXXVI. — Отд. III.

1

какъ пять часовъ, и я остался.... съ одною горькою опытностію. Эту опытность я тотчасъ забылъ, лишь только страсть во мнѣ слова разыгралась. Случай, обстоятельства, назначеніе, опять воскресли во мнѣ желанія, надежды. За Ялбузомъ, ледяною гривною Кавказа, мнѣ представлялась Грузія въ видѣ черноокой красавицы съ блестящими глазами, съ румянымъ лицомъ, съ роскошною грудью, укутанная въ легкую какъ воздухъ чадру, окуренная благоуханіями южной Флоры; она манила меня къ себѣ съ лукавою улыбкою; я стремился къ ней, и не видѣлъ за нею гнилой горячки, чумы, холеры, всякихъ разныхъ горестей. Что дѣлать! таковъ человекъ, пока не умреть! спать или мечется. Безъ впечатлѣній нѣтъ жизни. А впечатлѣнія бываютъ и благотворительныя и пагубныя, кому что предопредѣлено: одинъ вознаграждается за свою дѣятельность удовольствіями, а другой хлопочетъ всю жизнь, бьется съ нуждою до гробовой доски, и умираетъ въ бѣдности.... какъ напримѣръ, я. Прочь грустные мысли! Теперь я смѣюсь въ глаза чумѣ, холерѣ, и всѣмъ бѣдствіямъ глѣзнаго міра.... Въ Азію!

Нагруженный, какъ семьянинъ, я выѣхалъ на своихъ лошадяхъ изъ Ставрополя, четырнадцатаго октября 18⁵⁵ года, во время покровской ярмарки, которая одна оживляетъ городъ, скудный промыслами и средствами для обогащенія.

Я оставилъ Ставрополь безъ сожалѣнія. Бостонныя общества (тогда еще на землѣ не знали преферанса) меня вовсе не занимали. Нѣсколько дилетантовъ, товарищей моихъ серенадъ съ гитарою, вотъ все чего я лишился; съ ними простился я навсегда. Впрочемъ, гдѣ удовольствія не услаждаютъ бытія, гдѣ напротивъ вѣчныя заботы, нужда, горе, точатъ сердце и сушатъ мозгъ, тѣ мѣста мы покидаемъ съ радостью, гадясь на лучшее въ будущемъ. Такъ несчастливцы и жизнь оставляютъ безъ сожалѣнія, въ упованіи на лучшую въ другомъ мірѣ, не думая, что въ другомъ мірѣ можетъ стать, по обстоятельствамъ, прижмутъ ихъ еще хуже.

За Бишпагиромъ встрѣтились мы съ донскимъ казачьимъ полкомъ, шедшимъ изъ Грузіи во свояси. По всему видно было, что Донцы возвратились съ побѣдою и съ хорошею добычею. Вьючныхъ лошадей съ тяжелымъ грузомъ подъ разноцвѣтными коврами тянулся длинный караванъ; зато всадниковъ, вмѣсто пятисотъ, едва ли было полтораста на тощихъ изнуренныхъ лошадяхъ. Но веселыя лица Гаврилычей, обожженные азіатскимъ

зносѣмъ, выражали внутреннюю радость и желаніе скорѣе перевалиться на родимый Довъ съ богатымъ гостинцемъ для малыхъ подругъ, которыя считаютъ дни и часы: когда-то удастся имъ погладить бороды своихъ мужей, а у иной сердце вѣшунъ сжимается тоскою, что она осталась вдовою съ сиротами.

Въ Саблѣ застали мы на отдыхѣ часть артиллерійской бригады полковника Ц—ва. Она возвращалась въ Крымъ, на свои квартиры, но по встрѣтившейся надобности оставалась на кавказской линіи. Походивыя старушки, разгромившія стѣны Эрвани, Карса и Ахалцыха, отъ трудовъ закоптились; лошади, краса инспекторскихъ смотровъ, перепали отъ персидскаго поста. Офицеры и солдаты, загорѣлые, полнялые, обносившіеся, внушали невольное къ себѣ уваженіе: эти ветераны, какъ искушенники элевсинскихъ таинствъ, прошли черезъ огонь и воду. Полковникъ, пожилой человекъ, съ георгіемъ въ петлицѣ, шедшій прямо изъ-подъ Ахалцыха, сказываѣтъ мнѣ, что съ Турками болѣе чести воевать нежели съ Персіянами; но и у нихъ такое же невѣжество въ военномъ искусствѣ: артиллерія въ крѣпостяхъ лежитъ не на лафетахъ а почти на арбахъ съ низкими досчатыми колесами; бьетъ изъ амбразуръ вала по одному направленію и возвышенію безъ всякаго прицѣлу, и стѣитъ только выйти изъ линіи паденія ядеръ, чтобы послѣ смѣяться надъ ихъ ничтожно-ужасною канонадой. При Ахалцыхъ наша батарея изъ тридцатишести тяжелыхъ орудій сбила всю крѣпостную артиллерію Турковъ, и открыла въ стѣнѣ брешь для штурма Ширванцамъ.

Въ Георгіевскѣ дождь и грязь. Намъ отвели лучшую квартиру въ домѣ купца, который снабжалъ, по контракту, тифлисскаго ресторатѣра пшеничною мукою и шипучимъ донскимъ виномъ. За пудъ муки бралъ онъ ассигнаціями десять рублей, а за ящикъ въ сорокъ-осемь бутылокъ вина осемьдесятъ рублей, съ доставкою; самъ же покупалъ пудъ муки на мѣстѣ по два рубля, а бутылку вина по девяносту копѣекъ: все остальное приходилось за провозъ черезъ военно-грузинскую дорогу. Почтенный торговецъ сообщилъ мнѣ полученную недавно изъ Тифлиса новость, что военный-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Сипягинъ скончался тамъ отъ гвнлой горячки; что всѣ облагодѣтельствованные имъ находились въ крайней горести; что графъ Эриванскій послѣ взятія крѣпости Ардагара возвратился въ Тифлисъ. Честный купецъ совѣтовалъ мнѣ поспѣшить въ Екатериноградъ впрямую къ субботѣ, для того, чтобы застать отходящую почту; иначе, го-

ворилъ онъ, надобно будетъ цѣлую недѣлю жить тамъ и ожидать *оказіи*, когда снарядятъ большой конвой и пушку для провоженія транспорта. Я поблагодарилъ его за доброе желаніе, хотѣлъ еще разъ взглянуть на минеральныя воды, и часа черезъ три отдыха туда отправился.

Дождевыя облака закрывали передо мною Битовыя горы, которыми думалъ я въ послѣдній разъ полюбоваться, и только Лисья или Лысая на половинѣ пути обнаружилась своими нустарными кудрями. Проѣхавъ мимо небольшого соленого озера, гдѣ недавно одна графиня, не въ примѣръ другимъ, купалась въ грязи, я скоро завернулъ отъ восточнаго края Машуръ-горы и спустился, уже въ полночь, по крутому берегу надъ Подкумкомъ въ улицу зданій, освѣщенныхъ огнями. Минеральныя воды довольно заселены, и украшались великолѣпными казенными зданіями, имѣли видъ города, которому еще не было дано названія; говорилъ просто: «ѣхать на Горячія», а въ казенныхъ сношеніяхъ писалось въ Константиногорскъ; но этого горскаго Константина, прежде бывшей крѣпости, уже вовсе не существуетъ, кромѣ ветхаго лазарета, полуразвалившихся казармъ, и какихъ нибудь трехъ лагужекъ, составляющихъ предмѣстіе, тогда какъ въ трехъ верстахъ отъ него Горячія у подошвы Машука представляютъ довольно длинную полосу пестрящихся зданій. На Горячій, которыя наконецъ рѣшились назваться Пятигорскомъ, добрые знакомые совѣтовали мнѣ тоже посѣщать въ Екаториноградъ, чтобы застать субботнюю почту, для которой маршируетъ большой конвой; въ Владикавказѣ взять открытый ящикъ для вычуженыхъ лошадей или быковъ, на помощь въ горахъ, для облегченія моихъ экипажей; въ Ларскъ адресоваться къ осветницкому старшинѣ Джанхоту, который щедрыхъ путешественниковъ провожаетъ своими людьми и быками до Казбека; въ Казбекѣ обратиться къ сыну бывшаго полковника князя Каабема для такой же помощи; а какъ я ѣхалъ съ дамами, то имъ совѣтывалъ зачистися сапогами съ подковами и мужскими черкесскими пальцами, чтобы въ случаѣ большихъ затрудненій можно было подъ прикрытіемъ вооруженнаго конвоя идти пѣшкомъ. Такимъ образомъ наугадные добрыя совѣтамы мы получили довольно страшную идею о переездѣ черезъ кавказскій хребетъ.

Погода становилась сухая и не холодная; при выѣздѣ нашемъ изъ Георгіевска около дороги показывалась молодая зелень, и двѣты осенняго шафрана отживалъ свой вѣкъ на степи.

Въ полдень мы перѣехали мостъ черезъ Малку, минуя екатериноградскую станицу. Около почтовой станицы стояло много обозовъ, конечно, въ ожиданіи оказій съ почтою. Я не хотѣлъ останавливаться въ станицѣ, избѣгалъ тѣсноты и дурныхъ квартиръ, но за мостомъ присталъ близъ карантинна въ домѣ гостеприимнаго артиллериста капитана М—скаго.

Нашъ спутникъ, фельдгегерь, везъ для одного генерала въ Тифлисъ дорожную коляску, тяжело нагруженную разными разностями; онъ ваялъ до Владикавказа на сто-десять верстъ четыре лошади за сто пятьдесятъ рублей. По этому, на первый случай я увидѣлъ, что на своихъ вѣхъ было выгодноѣе.

Конвой отъ Екатеринограда давали, смотря по важности оказія: для большого казеннаго транспорта съ провіантомъ шелъ офицеръ, сорокъ рядовыхъ и пушка, а съ курьеромъ и почтою посылали не болѣе двѣнадцати пѣхотинцевъ и шести казаковъ. Мы съ фельдгегеремъ и экстрепочтою попали подъ второй разрядъ. Экстра-почта, закупоренная въ огромномъ чемоданѣ, везла на вьюкѣ донскимъ казакомъ, который шелъ пѣшкомъ.

У нашихъ конвойныхъ солдатъ съ ружьями, вмѣсто тяжелыхъ ранцевъ, висѣли за спиною мѣшечки съ хлѣбомъ и солью, а вмѣсто патронной сумы за поясомъ кожаная сумочка съ двадцатью патронами. Они шли безъ шинелей и безъ мундировъ такъ скоро, что лошади за ними поспѣвали почти рысью.

Октября двадцать перваго, изъ Екатеринограда мы выѣхали не рано, въ туманѣ. Офицеръ, выпроводившій насъ, приказалъ фельдгегерскому извозчику затянуть языкъ у колокольчика, чтобы онъ своею болтовнею не накликалъ къ намъ хищниковъ, и мы последовали за конвойными въ скромной тишинѣ.

Не доходя версты три до Пришиба встрѣчается расчищенный лѣсокъ, въ которомъ, при открытіи этого пути, въ 1825 году, заждали Чеченцы, и однажды навали на команду, сопровождавшую солдатокъ въ телѣгахъ съ разными припасами; конвойные постарались защитить своихъ дамъ, и отразили хищниковъ; за такой подвигъ утѣрь-офицеръ, начальникъ конвола, награжденъ знакомъ воинскаго ордена Святаго Георгія. Терекъ является тутъ внезапно у самой дороги, какъ воръ, подкрадывшійся изъ лѣсу; оттого и мѣсто называется *Пришибомъ*. Русло страшной рѣки теперь не болѣе тридцати сажень, но весной она разливается на семьдесятъ и на сто, унося съ чрезвычайною быстротою огромные деревья изъ густаго, по ту сторону, лѣсу.

Отъ Пришиба хребетъ Кавказа дѣствительно очерчивается снѣжно зубчатою стѣною съ серебрястыми пробѣлами. Ошха (по книгамъ Эльбурюзъ) уходитъ вправо, а Казбекъ выходитъ значительно впередъ надъ Тереконъ, который прорѣзалъ себѣ, для русла, тагаурское ущелье. Противъ Пришиба влѣво берегъ Терека, по ту сторону, высокъ и обрывистъ; на немъ видна башня, остатокъ древняго города Джулата.

Въ пришибевскомъ редутѣ мы купили пару фазановъ за восемь гривенъ. Солдаты ловятъ ихъ по берегу Терека силками, которые ставятъ въ кустахъ черной бузины.

На половинѣ пути къ Урухскому редуту у рѣчки Аргуданъ конвойныя сдѣлали привалъ; тутъ мы слегка покормили лошадей и сами позавтракали. Продолжая путь, стали отдаляться отъ Терека, который уходилъ въ лѣсъ. Урухъ закрывался передъ нами также лѣсомъ; мы перешли по рѣчкѣ черезъ высокій на сваяхъ мостъ, длиною въ семьдесятъ сажень, и уже къ вечеру заняли въ редутѣ квартиру въ казенномъ домѣ, нарочно выстроенномъ для пробѣжающихъ.

Нашъ спутникъ фельдъегерь торопился ѣхать, и черезъ два часа отправился съ экстра-почтою далѣе на всю ночь подъ прикрытiемъ двадцати пѣхотинцевъ и шести казаковъ; но я съ своими дамамъ остался. Офицеръ, начальникъ редута, признавался мнѣ, что онъ рискнулъ пустить фельдъегеря ночью; предѣстникъ его по ночамъ ни кого не выпускалъ отсюда, потому что впереди, верстахъ въ пятнадцать, около Татартуца мѣсто очень опасное; Чеченцы, часто скрываясь тамъ, караулятъ наши партii. Но фельдъегерь такъ бойко шумѣлъ, что офицеръ предпочелъ лучше отъ него отдѣлаться, предоставя собственной отвагѣ.

На другой день, въ ожиданii тяжелой почты, я остался днѣвать.

Урухскiй редутъ, какъ и всѣ прочiе по военно-грузинской дорогѣ до Владикавказа, есть четверугольный окопъ съ бастiонами по угламъ; каждый фасъ длиною нѣсто-осемьдесятъ шаговъ. Внутри караульный домъ съ высокою каланчею, съ которой часовой далеко видитъ во всѣ стороны и заблаговременно извѣщаетъ о приближенii транспортвъ, или какихъ либо партii по дорогамъ. Тутъ же казармы для солдатъ и офицеровъ. На каждомъ бастiонѣ по двѣ чугунныя пушки; земляной валъ обведенъ сухимъ ровомъ; входы заграждены рогатками. Такое укрѣпленiе довольно благонадежно противъ Горцевъ. Къ сѣверной части его при-

строено въ одну улицу до сорока домовъ женатыхъ солдатъ. Впередѣ редута стоятъ домъ для проѣзжающихъ и два для маркитантовъ, которыхъ называютъ здѣсь по грузински *дужамали*. Все это предмѣстіе ограждено валомъ и охраняется бастиономъ съ пушкою. Между редутомъ и рѣчкою есть площадка, на которую становятся всѣ обозы. Нынѣшняго утра пошло сто-сорокъ-пять возовъ конныхъ и воловыхъ къ Пришибу; ѣхали большею частью солдатики, которыя сами правили, и маркитанты изъ Владикавказа и изъ прочихъ редутовъ по дорогѣ въ Екатериноградъ за съѣстными припасами, которыми они у себя на мѣстѣ торгуютъ. Конвоировали ихъ тридцать пѣхотинцевъ съ пушкою. Обозъ растягивался слишкомъ на версту; конвойные шли только вперед и назад, въ срединѣ оставались однѣ бабы, и я не знаю, какъ бы онѣ стали защищаться въ случаѣ нападенія хищниковъ.

Въ Урухскомъ редутѣ не было ни въ чемъ недостатку для растительной жизни: говядина, куры, молоко, фазаны, все есть. Женатые солдаты содержатъ скотъ, птицъ и огороды внѣ редута, и этимъ промышляютъ. Мѣсто здѣсь довольно удобное: вблизи много лѣсу, — ольхи и дуба, — и обширные луга, только съ осокою. Одно неудобство отъ воды, которая очень нездорова. Лѣтомъ здѣсь бывають сильные жары и въ гарнизонѣ заболѣвають желчными лихорадками и горячками.

Въ полночь пріѣхали изъ Екатеринограда казаки съ извѣстіемъ о пріѣздѣ туда графини Эриванской, для которой приказано офицеру приготовить здѣсь квартиру и конвой. Офицеръ это извѣстіе тотчасъ послалъ далѣе, а меня просилъ, чтобы я пораньше отправился и освободилъ квартиру для ея сіятельства, обѣщавъ дать мнѣ въ конвой десять егерей и пять казаковъ. Я обрадовался такому случаю, потому что не желалъ еще сутки ожидать тяжелой почты.

На другой день выѣхали мы изъ редута въ густомъ туманѣ. По пути являлись намъ кучи камней и надгробныя плиты, стоямя поставленныя, что означало магометанское кладбище, а далѣе въ одномъ мѣстѣ много кургановъ: признакъ бывшаго тутъ некогда обширнаго поселенія. За мостомъ, чрезъ рѣчку *Чегули* показывается вправо въ туманѣ оконечность горнаго мыса, накрытаго лѣсомъ: эта высота идетъ изъ Дюгорія и встрѣчается съ такою же оконечностью предгорія Белавчи, по ту сторону Терека. Между этими высотами образуется, верстъ на пять, ущелье Татартупъ, чрезъ которое протекаетъ Терекъ, занимающій

съ разливани пространство шириною около двухъ-сотъ сажень. Дорога идетъ надъ рѣкою по долигѣ у подошвы Дюгорскаго мыса. Въ обрывѣ его видны каменные слои сѣраго песчаника; цѣлая стѣна, сажень на сто протяженія, состоитъ изъ многихъ слоевъ, наклоненныхъ къ сѣверу подъ угломъ 35°: кажется, будто бы гора однимъ концемъ своимъ ушла въ землю. На ней растутъ дубъ, чинаръ, груша, боярышникъ. Влѣво у самой дороги шумитъ Терекъ мелкими струями, и раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ кажется незначительнымъ; но по слѣдамъ его разлива видны сѣтенные имъ съ корнемъ кусты и деревья. Въ концѣ ущелья стоитъ небольшой редуть и минаретъ; вокругъ, груды камней обнаруживаютъ развалины многихъ зданій бывшаго тутъ нѣкогда города Татартупа. Изъ всѣхъ зданій уцѣлѣлъ только одинъ минаретъ, вышиною около осьмидесяти футъ; витая лѣстница внутри его имѣетъ шестьдесятъ четыре ступеньки; толщина минарета внизу болѣе пяти, а вверху менѣе четырехъ аршинъ. У подошвы его протекаетъ ручей, впадающій въ Терекъ. Судя по величинѣ каменныхъ грудъ, покрытыхъ дерномъ, и по числу ихъ, городъ былъ довольно обширенъ; и если это тотъ самый Татартупъ, близъ котораго Тамерланъ разбилъ Тохтамыша, въ 1395 году, то оставшійся минаретъ должно сохранять, какъ древнѣйшій памятникъ и можетъ-быть, нѣмой свидѣтель важнаго для Россіи историческаго событія.

Татартупскій редуть не большой, около осьмидесяти шаговъ въ каждой фасѣ, однако вооруженъ тремя пушками; внутри есть домикъ для офицера и землянка для солдатъ. Внѣ редута надъ рѣкою стоитъ съ десятокъ землянокъ женатыхъ солдатъ, составляющихъ скудное предмѣстіе, необходимое для пристанища пробѣжающимъ. Гарнизонъ состоитъ изъ двадцати пѣхотинцевъ и пятнадцати казаковъ.

Отъ минарета мы ѣхали еще верстъ шесть по неровному пути продолжающагося ущелья, и на концѣ мыса увидѣли мечотки: небольшія четверугольныя бѣлыя башни съ овальными и остроконечными вершинами; въ нихъ погребаются важныя особы магометанскаго исповѣданія.

Выѣхавъ на долину, мы увидѣли влѣво, близъ Терека, изъ лѣсу поднимающійся дымокъ: тутъ стояли скрытно человекъ сто пѣхотинцевъ и казаки, высланные изъ Владикавказа для наблюденія за бродомъ, чрезъ который Чеченцы нерѣдко переходятъ и въ располхъ нападаютъ на проходящія команды. Это мѣсто всегда

было довольно опасно, особенно по вечерамъ, ночью и на разсвѣтъ дня.

Отсюда мы спустились къ рѣкѣ Дуръ-Дуръ, и прошли по ея разливу черезъ нѣсколько мостиковъ по плотинамъ, на версту длиною.

За плотиною, у кургана, на девятой верстѣ отъ минарета, кою-вой нашъ остановился отдыхать. На курганѣ стояли три деревянные болвана въ память убитаго здѣсь Чеченцами, въ 1827 году, дюгорскаго старшины Татархана, въ чинѣ хорунжаго нашей службы. Чеченцы отогнали у него табунъ лошадей; онъ съ своими подвластными бросился за ними въ погоню; завязалась перестрѣлка, и Татарханъ былъ убитъ, къ общему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его. Это былъ красавецъ, стройный мужчина и славный наѣздникъ. Надѣясь на свое искусство владѣть оружіемъ, онъ слишкомъ вдался въ опасность: одинъ врѣзался въ толпу хищниковъ, и порубивши нѣсколькихъ, самъ палъ пробитый пулею въ голову. Родственники поставили въ память ему на курганѣ три болвана и сухое дерево съ сучьями въ знакъ того, что они уважали его, какъ трехбунчужнаго нашу, въ трехъ лицахъ, и осиротѣли, какъ древо безъ листьевъ.

Отсюда густой туманъ скрывалъ передъ нами все окрестности. На четвертой верстѣ мы перешли по мосту рѣку Пшекуисъ. Воды ея быстро текутъ по бѣлымъ гольшамъ, и оттого она у Русскихъ называется *бѣлою*; плоскіе берега украшаются кудрявыми дубами, на которыхъ еще держались осенніе желтые листья, а около воды являлась неувыдаемая зелень.

Не доѣзжая пяти верстъ до редута, мы съ козаками пустились впередъ оставя пѣхоту, и проѣхали черезъ два рукава рѣки Аредона, за которою стоитъ укрѣпленіе, подобное Урухскому, только безъ каланчи. Капитанъ, какъ видно, исправный служивый. У него въ редутѣ очень опрятно и гарнизонъ въ строгомъ порядкѣ. Намъ отвели довольно херашую квартиру. Еще на Дуръ-Дуръ у окряднаго солдата купилъ я съ десятокъ форелей, которыхъ онъ наловилъ удочкою, а изъ Уруха у меня везлись въ запасъ фазаны, и такъ въ Аредонѣ мы состряпали славный ужинъ изъ форедей и фазановъ, что довольно рѣдко случается у богатей въ столицахъ.

Здѣсь граница Осетин; вверхъ по Аредону расположены осетинскіе аулы. Этотъ народъ съ давнихъ временъ продавъ Россіи и смирише прочихъ Горцевъ; только Осетины большіе вары и

плуты. Капитанъ разсказывалъ, что нерѣдко они, замѣтивъ проходящіе по дорогѣ транспорты, въ сумеркахъ пристають къ нимъ, причемъ въ транспортѣ съ ногайскими или мздоцными арбами ихъ не замѣчаютъ. Воры остаются почевать въ обозѣ, и когда прочіе улягутся, они пользуясь темнотою ночи уводятъ нѣсколько паръ воловъ, или крадутъ, что попадетъ подъ руки. Капитанъ не нашелъ иного средства прекращать такое хитрое воровство, какъ по прибытіи всякаго транспорта съ азіатскими арбами на ночлегъ, разставлять версты за три вокругъ по всѣмъ тропинкамъ караульныхъ, которые наконецъ стали ловить смиренныхъ хищниковъ.

Нынѣшнюю осень много проходило купеческихъ транспортовъ изъ Россіи; сверхъ того обозы съ казенною аммунициею изъ Ставрополя, съ военными снарядами изъ Георгіевска, съ провіантомъ изъ Моздока. Однимъ словомъ, съ того времени, какъ осадная артиллерія перевалилась черезъ Кавказскій хребетъ, переѣздъ всякихъ транспортовъ и тяжестей оказался возможнымъ; только для этого надобно пользоваться осеннимъ временемъ, съ половины августа до половины ноября.

Послѣ спокойнаго ночлегу мы вѣхали, двадцать четвертаго октября, изъ Ардонскаго редута подъ прикрытіемъ осьми казаковъ прямо къ Владикавказу. Все пространство отъ татарупскаго ущелья до Владикавказа представляетъ по лѣвую сторону Терека обширную равнину Осетін, омываемую множествомъ рѣчекъ, которыхъ берега изрѣдка одѣты лѣсомъ; вправо видны пустыя кутаны или осетинскіе хутора, состоящіе изъ нѣсколькихъ саклей, огороженныхъ плетневымъ заборомъ. Въ нихъ они вымолачиваютъ съ поля хлѣбъ, а зимою содержатъ скотину. Земля, мѣстами запаханная обнаруживаетъ черноземъ, или илъ съ мелкимъ булыжникомъ.

На семнадцатой верстѣ отъ Ардона, у рѣки Арханки, стоитъ редутъ для перемѣны конвойной команды. Намъ оставалось до Владикавказа еще шестнадцать верстъ. Позавтракавши здѣсь, мы продолжали свой путь, а между тѣмъ офицеръ выслалъ пѣшія конвой впередъ.

Мы опять стали сближаться съ Терекомъ, который протекаетъ здѣсь по долинѣ, сажень въ полтораста шириною, нѣсколькими протоками, которые сплетаются и расходятся волнистыми полосами, покрывая всю долину водяною сѣтью.

Не доходя осьми верстъ открывается Владикавказъ нѣскольки-

ми бѣлыми зданіями въ кучѣ черныхъ хижинъ, расположенныхъ на возвышенномъ берегу, по ту сторону Терека. Передъ мостомъ на этой сторонѣ проѣхали мы мимо осетинскаго аула. Нѣсколько Осетинъ верхомъ на лошадяхъ безъ сѣделъ выѣзжали къ намъ на встрѣчу изъ любопытства; съ глупымъ видомъ они снимали шапки и обнажая бритыя головы говорили: «Здорово!» — Осетины люди средняго росту, довольно мѣшковатые, съ круглыми лицами; глаза у нихъ большіе, черные; фюзіономією походятъ на Армянъ; одѣты бѣдно въ сѣрые чухи, или въ тулупы съ поясомъ; на головѣ широкая овчинная шапка; у нѣкоторыхъ при поясѣ кинжалъ.

Мѣстоположеніе вокругъ города открытое. По сию сторону выше моста внѣ крѣпости стоятъ каменные пороховые погреба. Сюда предполагалось перенести всю крѣпость, потому что дорога переведена на эту сторону Терека, и тогда не было бы надобности въ мостѣ, который ежегодными исправленіями стоить правительству не малыхъ издержекъ. Мостъ длиною сто-двадцать сажень, на трехъ высокихъ каменныхъ быкахъ, въ которыхъ утверждены деревянные перекладины, образующія надъ русломъ рѣки арки въ тридцать сажень длины. Терекъ съ шумомъ и пѣною низвергается подъ мостомъ, и потрясая его основаніе всегда угрожаетъ разрушеніемъ.

Я воображалъ о Владикавказѣ болѣе, нежели какъ увидѣлъ. Въ Кабардѣ Нальчикскій редутъ кажется не менѣе этой крѣпости. Выше и ниже моста, по ту сторону, крѣпость застроена предметями женатыхъ солдатъ, составляющихъ гарнизонъ. Въ одномъ старомъ предметіи есть базаръ, или нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Здѣсь съ удовольствіемъ увидѣлъ я лавку одного русскаго купца, изъ Бѣлева, съ красными товарами, галантерейными вещами, съ винами, сахаромъ и чаемъ. Точно русскіе купцы могли бы здѣсь завести выгодную торговлю. Этотъ землякъ хвалился барышами. Осетины при мнѣ покупали у него холстъ, но онъ ихъ обмѣрилъ вершка на два и сталъ было пороть; они замѣтили его плутовство, не взяли и съ бранью вышли.

На валу крѣпости стоятъ деревянные триумфальныя ворота съ надписью о заключеніи мира Россіи съ Персією генералъ-лейтенантомъ Ртищевымъ, въ 1813 году октября девятнадцатаго. На почеркѣвшемъ отъ ветхости деревѣ надпись чуть держится, и память о подвигѣ генерала Ртищева исчезаетъ вмѣстѣ съ воротами. Внутри крѣпости старыя казармы, подбѣленные орудер-

скіе дома, госпиталь, небольшая каменная церковь съ колокольнею и аллея, ведущая отъ воротъ на террасу къ комендантскому дому, составляютъ всю красоту города. Крѣпость ветка, потому что построена въ 1796 году, и несла похода графа Зубова въ Дагестанъ оставлена; потомъ въ 1801 году возобновлена генераломъ Кноррингомъ, а съ возвращеніемъ на Кавказъ генерала Алексѣя Петровича Ермолова, въ 1817 году, значительно пополнена лучшими зданіями внутри и солдатскими предѣстїями снаружи. По положенію своему она довольно важна, потому что лежитъ въ семи верстахъ передъ кавказскимъ ущельемъ Терка, которымъ совершенно владѣтъ, и потому названа Владикавказомъ; но солдаты величаютъ ее Капкаемъ.

Комендантъ крѣпости генераль-маіоръ, онъ же и командиръ владикавказскаго гарнизоннаго полка, служитъ лѣтъ двадцать на одномъ мѣстѣ, и живетъ хорошо. Въ его распоряженіи пятьсотъ казенныхъ воловъ, которыми доставляется отъ Екатеринограда до Кашаура чрезъ кавказскій хребетъ провіантъ; его полкъ содержитъ всѣ военные посты отъ Ардона до Кашаура, конвоируетъ проходящіе транспорты, и сверхъ того содержитъ постъ въ Назранѣ у Пагушей.

Такимъ образомъ разстояніе ста-десяти верстъ отъ Екатеринограда до Владикавказа мы проѣхали въ четыре дня благополучно. Лѣтомъ, напротивъ, многіе мосты отъ талыхъ снѣговъ по горамъ срываются быстротою надувшаго горныхъ рѣчекъ, которыя въ то время своимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ уподобляются людямъ съ буйными страстями.

До этого времени не встрѣчалось ничего живописнаго, поэтическаго, ничего милого и восхитительнаго; напротивъ, пустота, бѣдность, дикая природа, и удаленіе отъ роднаго края стали наводить какоо-то уныніе.

Октября двадцать-пятого, когда мы собрались къ отъѣзду, утреннее солнце освѣтило на минуту передовыя черныя горы въ ущельѣ Терка, называемаго Тагаурскимъ, а потомъ густой осенній туманъ опять закрылъ ихъ.

Нашъ выѣздъ былъ задержанъ собиравшимся обозомъ пустыхъ телегъ, съ которыми горнизоныя солдаты отправлялись въ ущелье за дровами. За мостомъ задержалъ насъ другой обозъ съ мукою и виномъ изъ Георгіевска, купца Рыболова. Съ давнихъ временъ ведется здѣсь обычай со всѣхъ проѣзжающихъ чрезъ тагаурское ущелье куческыя обозовъ и табуновъ брать

десятичную пошлину: съ кунца по десяти рубней серебромъ, а съ артелеподанъ по тридцати-пяти копѣекъ, которую собираетъ комендантъ, и черезъ влацъ-наѣора выдаетъ тагаурскимъ старшинамъ, живущимъ около ущелья. Сборъ этой пошлины завелся такимъ образомъ. При пружнскихъ царяхъ кунцы, вздвинувше въ Россію по торговельнъ дѣламъ, нанявали себѣ проводниковъ изъ Тагаурцевъ для охраненія отъ разбойниковъ; но когда устроилась съ нашей стороны линия крѣпостей, тогда проводники стали не нужны, потому что пробѣгающихъ конвоировали войска, однако, чтобы не лишитъ тагаурскихъ старшинъ дохода за то, что чрезъ нѣхъ земли проложена дорога, право на полученіе пошлины осталось въ своей силѣ по прежнему. Она раздѣляется между десятию фамиліями:

Въ конвой дади намъ осемь солдатъ и двухъ казаковъ до перваго поста *Балты*, тринадцать верстъ. Мы не забыли въ Владикавказѣ заготовитъ для насъ три бѣлыхъ хлѣбомъ, которыми торгуютъ солдаты.

Отъ Владикавказа есмь воротъ дорога ровная, идетъ вверхъ около Терека, кружащаго влѣво. Собственно тагаурское ущелье, или переходъ чрезъ наизаскій хребтъ, начинается на седьмой верстѣ. Черная гора съ осетинскимъ на ней ауломъ и военный постъ, окруженный палисадомъ, ставятъ первую преграду; дорога вдругъ поднимается между ауломъ и древнимъ замкомъ осетинскаго владѣльца, хоруванаго Дундарова. Это первый стражъ тѣснины, собирающей пошлину. Отсюда надобно еще два раза спускаться и подниматься сажень на пятьдесятъ довольно круто у подошвы высокой камонной горы, упирающейся въ Терекъ длиною стѣною. Дорога тутъ шириною четыре шага, вырублена въ каменной горѣ, и ограждена сѣва деревянными перилами надъ обрывомъ, сажень въ десять глубины, гдѣ уже кипятъ стремительныя воды Терека, которыя до того времени казались кроткими и тихими. Гора, у подошвы которой проложена дорога, замѣчательна своими слоями: сѣраго пестаника, наклоненнаго къ горизонту почти на сорокъ-пять градусовъ и слегка покрытаго безжизненными дерномъ. На обрывахъ горы цѣпляются кривые дубы, осины и небольшія сосны. Терекъ влѣво разливается по крутымъ голышамъ, сажень на сто шириною. По ту сторону черныя горы подходятъ къ рѣкѣ такъ же высокою шапчатую стѣною.

Вступая въ это мрачное; дикое ущелье по узкому проходу и

подъ впечатлими надъ головою скалами при оглушающемъ шумѣ Терека, яростно кипящаго въ пропасти, путешественникъ поражается неволью страхомъ, какъ посвящаемый въ египетскіе таинства, и долженствующій проходить чрезъ всё искушеніа. Житель мирныхъ долинъ, привыкшій видѣть только пашни, луга, холмы, тихія воды, дремлющіе лѣса, здѣсь неволью изумится новымъ предметамъ, которыхъ воображеніе не могло создать: горы до небесъ, преграждающія путь со всѣхъ сторонъ, скалы, шумъ неумолкаемыхъ водъ, блестящее отраженіе лучей свѣта, рѣзко отдѣляющееся отъ мрака ущелий, вооруженные Горцы, вьючные лошаки, и тѣсный опасный путь, все его занимаетъ. Встрѣчая на каждомъ шагу картины, достойныя мастерской кисти, онъ съ жадностью любитъся ими, хотя бы и не могъ дать себѣ отчету въ ощущеніяхъ.

Мы перегоняли Горцевъ, которые везли въ свои аулы на арбахъ просо и муку: всѣ они были вооружены исправно. Конвойные говорили, что въ одиночку опасно съ ними встрѣтаться: если они замѣчаютъ проѣзжающихъ по своимъ силамъ, то не упускаютъ случая пограбить. На встрѣчу намъ проѣхали три семьи оборванныхъ Горцевъ съ женами и дѣтьми, и съ домашнимъ имуществомъ, переселявшіеся изъ одного мѣста въ другое.

На тринадцатой верстѣ мы остановились для отдыха у подошвы горы, на которой стоитъ военный постъ Балта, состоящій изъ редута и нѣсколькихъ землянокъ на полугорѣ для помѣщенія тридцати солдатъ и двадцати казаковъ. Выше поста расположенъ осетинскій аулъ, близъ котораго живетъ въ маленькомъ замкѣ съ круглыми башнями старшина Дундаровой фамиліи Девлетъ-Мирза.

Туманъ, закрывавшій всѣ предметы впереди насъ, поднялся и разсѣялся въ видѣ облаковъ; тогда открылась передъ нами первая декорація: ущелье Терека, освѣщаемое полуденнымъ солнцемъ, за нимъ высокій хребетъ съ снѣжною вершиною, а по бокамъ черныя горы, покрытыя лѣсомъ, и заслоняющія одна другую. Терекъ многими рукавами разливался по долинамъ противъ Балты, и былъ устьямъ осетинскими мельницами простой, замсловатой конструкціи, походившими на собачьи будки, въ полтора аршина вышиною. Внутри каждой горизонтальное колесо съ широкими спицами приводится въ движеніе текущею по жолобку водою; колесо вертитъ прикрѣпленный къ его оси жерновъ, въ полъаршина въ діаметръ, надъ другимъ утвержденнымъ влизу

камнемъ; между-тѣмъ изъ деревяннаго ковша сыплется пшеница въ средину верхняго камня насквозь, а мука отъ тренія выходитъ изъ передняго края нижняго камня. Такая мельница работаетъ сама безъ надзора, и въ сутки вымалываетъ около четверти муки. Хлѣбные мѣшки Осетинъ вмѣщаютъ въ себѣ не болѣе пяти нашихъ четвериковъ.

Отъ Балты до Ларса двѣнадцать верстъ. Ущелье на первой верствѣ суживается сажень на осмьдесятъ, и Терекъ кажется незначительнымъ. Каменныя горы съ наклонными слоями покрыты обнаженными деревьями; изрѣдка покатошь ихъ проясняется рыжеватымъ дерномъ; только внизу около водъ является слабая зелень. На второй верствѣ начинается опасная дорога, пробитая сквозь каменную гору: надобно ѣхать или идти версты три по весьма узкому, неровному и кривому пути падъ обрывомъ, отъ котораго только слабыя перильцы охраняютъ. Лошади скользить по голому камню, поднимаясь вверхъ и спускаясь внизъ съ одной крутизны на другую; заторможенные колеса рѣжутъ камень и сыплютъ искры; безпрестанные толчки отъ высунувшихся горбовъ чуть не опрокидываютъ экипажъ, который своимъ верхомъ почти задѣваетъ за своды прохода. Особенно сажень сто надобно было провезти экипажъ съ большою осторожностію сквозь пробитую въ горѣ янору надъ пропастью: сорвись тормазъ съ колеса, или отъ сильнаго толчка опрокинься экипажъ—и бѣда неизбежная. Я заблаговременно высадивъ своихъ спутницъ и проводилъ впередъ, а самъ съ конвойными хлопоталъ около экипажей. Къ счастью, лошади у меня были хорошо выѣзжены, и все прошло благополучно.

До начальства генерала Ермолова надъ кавказскимъ краемъ здѣсь не было возможности проѣхать съ экипажемъ; вьюки объѣзжали около Терека подъ горою, а пѣхота пролѣзала сквозь щель или пещеру. Онъ, какъ артиллеристъ, порохомъ разорвалъ щель, устранилъ препятствія и открылъ путь, который ежегодно распространяютъ и уравниваютъ; только опасно, чтобы когда-нибудь дѣйствіемъ землетрясенія подорванная гора не обрушилась, и вовсе бы не завалила ущелья.

Совершивъ этотъ опасный проѣздъ сквозь каменную гору, мы отдохнули на спокойномъ пути по расширяющейся долинѣ почти до самаго Ларса. Дорога ровная убитая, какъ петербургское шоссе. Терекъ суживается въ руслѣ до десяти сажень, но за то очень быстръ и пѣнистъ. Отсюда впереди стали чаще показы-

ваться цѣльными каменныя горы съ свѣжыми вершинами: мы приближались къ главному хребту. Влѣво открылось ущелье Махалдонъ; на полугорѣ за нимъ башня или замокъ Джерахскаго владѣльца и аулъ напомнили мнѣ германскіе замки въ Тюрингскихъ горахъ. Противъ Джераха стоитъ, на нашей сторонѣ, на полугорѣ, другой замокъ и аулъ Кайтукина, у рѣчки Чме. Эти два владѣльца могли бы запереть ущелье, еслибъ имѣли силы, чѣмъ, вѣроятно, пользовались ихъ предки, а потому при Кайтукиномъ на нашей сторонѣ поставленъ военный постъ изъ тридцати солдатъ и пушка. Здѣсь смѣняется конвой изъ Балты. При малѣйшей оплошности изъ Джерахскаго ущелья являются хищники, а потому это мѣсто считается опаснѣйшимъ на военно-грузинской дорогѣ.

Отъ Кайтукина поста, который солдаты называютъ Максимкинымъ, по имени владѣльца, дорога идетъ опять по извилистому и суживающемуся ущелью между высокими черными горами. Отсюда горы шиферныя или аспидныя, состоятъ изъ тонкихъ слоевъ, наклоненныхъ отвѣсно къ горизонту, и изъ слоевъ перевернутыхъ вверхъ дномъ, отъ разрушенія которыхъ образуются снизу новые горизонтальные слои. На вершинѣ дальнихъ горъ слои песчаника почти горизонтальные, но сбѣгая къ ущелью они дѣлаются наклонными по направлению впадины, въ которую мысы ихъ, омываемые часто протоками водъ, обрушались и почти выворачивались. Здѣсь ученый геологъ можетъ удовлетворить свою любознательность, можетъ повѣрить гипотезы, или составить вновь теорію образованія слоевъ земной поверхности; видѣть измѣненія, которымъ подвергались разнородныя земли превращаясь въ камни, изъ камней опять въ землю; измѣрять наклоненіе и направленіе слоевъ косыхъ и отвѣсныхъ; наконецъ изчислить вѣка, въ которые могли совершиться всѣ эти перемѣны. Здѣсь передъ глазами наблюдателя является лѣтопись міра, начертанная самою природою вѣрнѣе всѣхъ истинъ мудраго и многоученаго человѣчества. Повѣрьте мнѣ, что это правда: мнѣ не изъ-чего лгать,—я уже покойникъ.

Въ Ларсѣ пріѣхали мы уже на вечеръ, весьма довольные тѣмъ, что въ первый день могли проѣхать чрезъ кавказское ущелье двадцать пять верстъ.

Ларсомъ называется замокъ съ сторожевою башней, стоящій на выдавшемся мысѣ высокой горы: убѣжище дикаго феодализма, бывшее гнѣздо разбойниковъ. Тутъ они витали въ выдолбленныхъ въ скалѣ пещерахъ, и владѣли узинимъ ущельемъ; тутъ

они собирали дань съ проезжающихъ, если лѣзлились ихъ грабить. Но съ тѣхъ-поръ какъ громъ нашихъ пушекъ раздался въ кавказскомъ ущельѣ, пали всѣ неприступныя замки, истребились гнѣздилища разбойниковъ. Ларсъ нынче принадлежитъ тагаурскому владѣльцу Джанхоту Дундарову, поручику нашей службы. Изъ оконъ его гарема подъ высокою башней выглядываютъ иногда жены въ красныхъ фескахъ и въ корсетахъ; подъ замкомъ на одной сторонѣ живутъ, зарытыя въ землю, нѣсколько семействъ осетивскихъ, а на другой сторонѣ, у подошвы горы, выстроено нѣсколько землянокъ для нашихъ солдатъ, содержащихъ военный постъ изъ тридцати нѣхотиянцевъ и двадцати-пяти казаковъ. Духанщикъ Армянинъ содержитъ лавку съ съестными и питьевыми припасами. Черезъ площадку для проезжающихъ стоитъ деревянный домъ о двухъ половинкахъ, въ каждой по двѣ комнаты.

Въ слѣдующій день мы продолжали свой путь подъ прикрытіемъ шести конвойныхъ солдатъ до Даріала семь верстъ.

За Ларсомъ ущелье Терека съуживается почти на семьдесятъ саженъ. Обнаженныя горы состоятъ изъ шиферныхъ слоевъ съ кварцевыми жилами; слон отвѣсны къ горизонту; скаты горъ кой-гдѣ покрыты рыжеватымъ дерномъ; на скалахъ цѣпляются изрѣдка кривые дубки и сосенки. По сторонамъ изъ разсѣлины горъ съ ихъ вершинъ текутъ ручьи бѣлою тесьмою и не достигая подошвы дробятся въ брызги. На третьей верстѣ въ сторонѣ отъ дороги лежитъ огромный камень, величиною съ двухэтажный домъ; онъ лежитъ далеко отъ вершинъ окружныхъ горъ, и кажется отдѣльнымъ кускомъ скалы, сброшеннымъ сюда горнымъ духомъ; Терекъ кипитъ около него разбѣгаясь рукавами по долинамъ.

Верстѣ пять отъ Ларса дорога спуская; около Терека по долине растетъ между камнями колючій кустарникъ дерезы крушиновой (*hipporhoë rhamnoides*), и низкая сосна.

На шестой верстѣ начинается страшный путь: дорога идетъ подъ нависшими скалами, поднимаясь постепенно и пробираясь между большими камнями до перваго моста. Здѣсь уже первозданныя горы изъ цѣльнаго гранита совсѣмъ обнажены, или покрыты легкимъ дерномъ; весь путь усѣянъ камнями, изъ которыхъ нѣкоторые кажутся зеленоватою яшмою съ бѣлыми жилами. Терекъ, въ руслѣ саженъ пять шириною, отъ моста бьетъ безпрерывнымъ насканомъ съ оглушающимъ шумомъ. Впередѣ чер-

ныя горы, стѣсняя ущелья, заграждаютъ путь; облака тонкою плесою покрываютъ ихъ вершины. Дорога перекидывается спорова, черезъ одну мостъ, на правый берегъ, потомъ, черезъ другую, въ узкое ущелье, опять на лѣвбій. Дорогу часто прокладываютъ здѣсь вновь, потому что старую вдругъ завалитъ разрушеніемъ какого-нибудь утеса, который катясь съ высоты раздробляясь внизу и застигаетъ путь большими камнями. Горе тому, кого застигнетъ такой завалъ! Впрочемъ коввойные, посматривая на вершины боковыхъ горъ, замѣчаютъ предвѣщательные признаки скорого бѣдствія и стараются заранѣе удалиться.

Наконецъ на седьмой верстѣ является третій мостъ, и за нимъ Даріаль, то есть, вправо за Тереконъ скала съ развалинами древняго замка, а лѣво внизу редуть съ казармою для военнаго моста. Дичь ужасная! Разрушеніе земной природы. Изумленный путникъ стоитъ, какъ въ глубокой пропасти, которой черныя стѣны скалъ со всѣхъ сторонъ возвышаются къ небу; гдѣ только въ полдень дѣлается утро, и черезъ два часа опять все покрывается мракомъ ночи; гдѣ подъ ногами его кипятъ съ оглушающимъ шумомъ пѣнистыя волны. Онъ ожидаетъ, что на голову его посыпятся гранитныя обломки, подобныя тѣмъ, которые недавно упали и лежатъ передъ его глазами; съ трепетомъ въ сердцѣ и съ чувствомъ самохраненія онъ хотѣлъ бы вырваться изъ пропасти на равнину, но тяжелыя стопы его прикованы на мѣстѣ, какъ у Прометей, и кружащіяся надъ головою съ крикомъ голодные вѣроны жаждутъ кровавой добычи.

Какъ малъ человекъ передъ этими громадами скалъ! И однако этотъ же человекъ силою ума своего нѣмнѣяетъ видъ этихъ ужасныхъ громадъ! Кто смѣлъ во времена Гунновъ и Хазаръ пройти черезъ это ущелье отъ Ларса до Даріяла! черезъ разсѣланную хребта; черезъ эти *Ворота Куманскія* (*Porta Cumania*), подъ которыми протекаетъ древній Дириодорисъ, нынѣшній Терекъ!

Разрушенный временемъ замокъ Даріаль, что на каменъ-те дзыкѣ значитъ будто-бы *ворота*, построенъ грузинскимъ царемъ Мирваномъ для отраженія Хазаръ и Осетинъ. Этотъ замокъ на скалѣ свидѣтельствуется такъ же, какъ и замокъ Ларсъ, о непроходимости ущелья доколѣ не загремѣли здѣсь русскія пушки въ 1770 году, и не разбили рухлыхъ твердынь. Преданіе говоритъ, будто въ замкѣ здѣсь жила царица и чародѣйка Дарія, собирающая дань со всѣхъ конныхъ и пѣшихъ: она удерживала при себѣ тѣхъ, кто ей нравился, а низвергала съ крутизны въ Терекъ

неиспорченныхъ или не красивыхъ собою. Она не страшилась нападенія отъ сосѣдей; замокъ былъ недоступенъ и снабженъ всеми потребностями для жизни, а воду получали въ немъ черезъ крытый ходъ, спускавшійся сверху къ рѣкѣ: слѣды этого ходу и по нынѣ видны. По указанію Плинія, Кавказскія Врата находилась здѣсь, а не у Дербента: проходъ черезъ ущелье замкнутъ былъ настоящими, деревянными, окованными желѣзомъ воротами, подъ которыми протекала рѣка, и здѣсь была построена крепость для удержанія дикихъ народовъ. Задолго до царицы Даріи ущельемъ обладали разные орды, переходившіе попеременно изъ за Кавказа и обратно. Кажется, во времена Восточной Римской Имперіи это ущелье охраняли Гунны противъ Скизовъ, и получали за это подать съ Цареграда. Леонъ-Первый отказался платить. Впоследствии этотъ важный постъ былъ предложенъ Аванію за умиротворенію цѣну. Покуда императоръ соображалъ цѣнность требованія съ дальностію разстоянія, персидскій царь Кобадъ ворвался силою въ ущелье. Онъ утвердилъ по кавказскому хребту границы Персіи, проведя отъ Дербента до Куръ каменную стѣну, и, владѣя этимъ ущельемъ, отражалъ набѣги Скизовъ. Этимъ охранялись также римскія области въ Азіи, и потому Юстиніанъ договорился съ Кобадомъ платить подать народу, защищавшему это ущелье, что продолжалось до Хозроа-Перваго и его сына Нумирвана.... Но я не пишу исторіи. Школьныя воспоминанія далеко занесли меня.

Мы останавливались передъ редутомъ кормить лошадей и завтракать. Внутри его есть хорошій домъ для проезжающихъ и для офицера; солдаты живутъ снаружи въ землянкахъ.

Отъ Даріала до Казбека девять верстъ. Сперва мы перѣехали мѣсть черезъ Кистинку, и поднялись по отлогому берегу Терека, который вправо шумѣлъ каскадомъ между скалами, составляющими тѣсное ущелье на разстояніи сорока до шестидесяти сажень. Дорога вела насъ черезъ старые завалы и между огромными камнями, наподобіе воротъ. На третьей веретѣ въ углубленій горъ впередъ красиво рисуется кистинская деревня Гулетъ! Кисты, настоящіе горныя жители, занимаются преслѣдованіемъ только робкихъ серъ по крутымъ скаламъ и осторожныхъ туровъ, или наменныхъ барановъ. На шестой веретѣ начинаются опять крутые и продолжительные подъемы по узкой дорожкѣ надъ обрывами въ Терекъ. Тутъ, на бѣду, встрѣтились мы съ извозчиками, возшими изъ Телеса тысячу вудъ шку

въ Москву, по десяти рублей съ пуда за провозъ. Мой дорожный заѣлъ за телѣгу и перевернулъ ее, однако безъ большого несчастія.

Первую крутизну, сажень сто вверхъ и внизъ мы проѣхали благополучно. Ущелье все сѣуживалось и Терекъ представлялся водопадомъ, саженн въ двѣ шириною. На седьмой верстѣ была другая крутизна, сажень въ полтораста подъему и столько же спуска. Тутъ вѣхали мы на пионеровъ, разчищавшихъ дорогу: одни буржили ближайя скалы для разрыва ихъ порохомъ, а другіе замачивали протокъ горнаго ручья черезъ дорогу. На осьмой верстѣ мы поднялись очень круто, сажень на двѣсти, и также глубоко спустились, вмѣя вправѣ бушующій Терекъ. Снѣжныя вершины голыхъ каменныхъ горъ показались назадъ, а впереди за Терекомъ на горѣ открылся видъ развалинъ Цыклаура. Наконецъ, на девятой верстѣ, надобно было подняться на четвертую чрезвычайно крутую гору, на которой дулъ то холодный, то теплый вѣтеръ. Снѣжныя вершины горъ стали окружать насъ; послѣдняя гора къ Казбеку была отлогая.

Такимъ образомъ восходя отъ Даріала по тѣсному ущелью надъ ревущимъ, пѣнистымъ, клубящимся Терекомъ, между стѣнами скалъ, готовыхъ обрушиться,—гдѣ нѣтъ никакого признака жизни, ни травки, ни деревца, гдѣ одинъ мертвый гранитъ,—черезъ крутые подъемы и спуски, опасаясь ежеминутно обрыва, наконецъ, дошли мы утомленные и измученные страхомъ до Казбека.

Не доѣзжая поста, дорога перестѣкается глубокимъ оврагомъ, который конвойные называютъ *Блужною Балкою*, потому что во время таянія снѣговъ и сильныхъ дождей по ней съ ужаснымъ шумомъ катятся осмыи съ ближайшихъ горъ, тутъ разбиваются въ прахъ и погребаютъ подъ собою все, что упадетъ.

Послѣ тревожныхъ впечатлѣній отъ мрачныхъ скалъ дикої природы оставленнаго позади ущелья, взоры наши отдохнули на снѣжной вершинѣ кавказскаго колоса: гора Казбекъ, какъ бѣлый двуверхій шатеръ, разстлалась вправо передъ нами, и упиралась въ небо. Съ одной стороны лучи солнца золотили ее, а съ другой отбрасывалась отъ нея голубая тѣнь; снѣжною близкою своею она спорила съ воздушною чистотою облаковъ, которые то клубились у ея подножія, то заслоняли ее, то вовсе обнажали, и довольно близко; тогда глубокая впадина двойчатаго верха явно обнаруживала въ ней полуразрушившійся, потухшій кратеръ изъ краснаго выжженнаго камня.

Смотря на этого исполина земли, мысль летитъ въ прошедшіе вѣка и осуществляетъ здѣсь бытіе беззащитнаго, но начертаннаго еще въ скрижаляхъ человѣческаго міра, — въ ту эпоху, когда можетъ быть еще не зараждалось человѣчество, а этотъ козозъ изрыгалъ снопы пламени и разливалъ кипящую лаву изъ жерла своего; когда окрестности его красовались невѣдомою растительностію, и неизвѣстные животные населяли ихъ; когда самъ онъ, кипя жизнью подземнаго огня, еще не былъ тѣмъ холоднымъ трупомъ, какимъ теперь представляется надъ обнаженными скалами. Сколько вѣковъ пролетало надъ его пылавшимъ и потухшимъ жерломъ! Изъ множества народовъ, сѣбявшихъ здѣсь бытіемъ своимъ, засталъ ли хоть одинъ жерло его пылающимъ? Исторія молчитъ: она еще не являлась тогда въ колыбели своей. Однако, не это ли тотъ древній Кафъ, къ которому поэзія Грековъ приковала Прометея?... По преданію жителей, на вершинѣ этой бѣлой горы обитаетъ злой нечистый Духъ, который если разгнѣвается, то бросаетъ въ проходящихъ цѣлыя скалы, или груды снѣгу, заваливающіе всѣ пути. Не скрывается ли въ этомъ темномъ преданіи намекъ на огненное изверженіе?

Грузины гору называютъ Мхинвари, а Русскіе назвали Казбекомъ, по имени жившаго здѣсь осетинскаго старшины Казбека, генералъ-маіора нашей службы. Шынче вмѣсто раскаленной лавы съ вершины охладѣвшаго Казбека, почти черезъ каждые семь лѣтъ, скатываются снѣжные лавины, и заграждаютъ дорогу отъ Даріала. Одна такая лавина, скатившаяся въ 1817 году, очень памятна туземцамъ: на двѣ версты она покрыла дорогу и остановила теченіе Терека, который воздымаясь затопилъ окрестности, а павонецъ пробившись снизу образовалъ подъ лыдинами сводъ, тогда насъ года два сряду проѣзжающіе пробирались съ большимъ трудомъ по лавинѣ сверху.

Изъ подошвы снѣжнаго Казбека выходитъ выше сухое русло, наклонное къ Тереку, обнаруживающее бывшую тутъ вѣкогда рѣку; воды ея возраждаются въ лѣтнее время отъ таянія снѣговъ. Влѣво, ниже горы, по отлогой долинѣ, разстилается грузинская деревня Гергеты, а на вершинѣ черной горы стоитъ древняя грузинская церковь Рамеба, во имя Святой Троицы, построенная царицею Тамарою. Конечно, одно усердіе къ Вѣрѣ могло вознести на такую высоту огромныя плиты для сооруженія этого храма. Нѣсколько вѣковъ прошло, какъ цѣпляются, въ бѣ-

гь своимъ, облака за его вершину, и молніи ополываютъ не-
вредно: основательница храма, славная Тамара, царствовала съ
1171 до 1198 года. Монастырь давно опустѣлъ; однако въ немъ
ежегодно бываетъ три раза церковная служба.

Деревня Казбекъ по грузински Стефанъ-Цминда состоитъ изъ
шестидесяти домовъ, складенныхъ изъ шиферныхъ или аспид-
ныхъ плитъ. Всѣ они расположены очень тѣсно на покатости
горы, оканчивающейся обрывомъ къ Тереку. Жители—Грузины.
Домъ управляющаго огражденъ высокою, каменною стѣною; въ
немъ живетъ вдова генеральша Казбекъ съ сыномъ и дочерью.
Хотя мужъ ея ввелъ у себя нѣсколько перемѣнъ по образцу ев-
ропейской жизни, однако она, будучи родомъ Черкешенка изъ
Кабарды, живетъ съ своимъ семействомъ по азіатски. Передъ до-
момъ у самой дороги стоитъ церковь, сооруженная изъ краснаго
волканначескаго камня, съ крышею изъ аспидныхъ плитъ; впе-
реди ея подъ колокольнею покоится прахъ владѣльца, генерала
Казбека. Церковь построена по смерти его, въ 1814 году, призна-
тельною вдовой. Внутри церкви иконостасъ простой съ древни-
ми образами старообрядческаго писанія; снаружн, надъ входомъ,
изсѣчены грубыя изображенія львовъ съ цѣпами. Архитектура
церкви грузинская, деревяго стила.

За церковью у дороги стоитъ выбѣленный домъ безъ крыши,
то есть казенное пристанище для проѣзжающихъ; оно состоитъ
изъ двухъ тѣсныхъ комнатъ раздѣляющихся стѣнами, въ кото-
рыхъ всегда холодно, потому что здѣсь дровъ нѣтъ ни какихъ,
и обыкновенное отопляваніе печей производится кизяками.

Позади этихъ главныхъ зданій находятся землянки, подвласт-
ныхъ Казбеку Осетинъ, у которыхъ квартируетъ постовый офи-
церъ съ солдатами и казаками. Здѣсь начало Грузинъ. Всѣ дома
будучи безъ крышъ съ одними потолками, означаютъ какую-то
недостройку и кажутся довольно странными послѣ европейскихъ
зданій. Въ числѣ хижинъ построенныхъ изъ аспидныхъ плитъ
отличается лавка духашика, продающаго водку, прокислый ча-
хиръ, козлятину, фрукты, ячменный хлѣбъ и фуражъ; все довольно
дорого. Здѣсь уже являются грузинскіе *абазы*, монета въ
пятнадцать копѣекъ серебромъ; наши *двугривенные* принимались
за одно съ абазами, хотя они на одну треть полновѣснѣе.

Военный постъ здѣсь безъ укрѣпленія и состоитъ изъ двадцати
солдатъ и пятнадцати казаковъ съ одною полевою пушкой. От-
сюда до Тифлиса путь безопасенъ; можно ѣхать съ однимъ про-

вожатымъ. Казаки на посту содержатся для развозу почтовыхъ вьюковъ и для доставленія проѣзжающимъ за прогоны лошадей. Здѣсь не рѣдко являются Осетины изъ ближайшихъ горныхъ ауловъ и даютъ своихъ лошадей подъ вьюки ниже прогоновъ.

Въ окрестностяхъ Казбека находится довольно горнаго хрусталя, который Осетины, по стариннѣмъ свѣдѣнiямъ, собираютъ. Минеральные сѣрные и желѣзные источники, находящiеся въ ущельяхъ около горы Казбекъ, означаютъ изобилiе скрывающихся въ ея вѣдрахъ горючихъ минераловъ отъ оставшихся, или образующихся элементовъ вулканизма. Все это убѣждаетъ меня въ догадкѣ, что Казбекъ такъ-же какъ и Ошха были вѣкогда подобны Везувiю или Этнѣ, изрыгали пламень и лаву.

Послѣ дорожнаго обѣда мы продолжали свой путь до Коби, шестнадцать верстъ. При выѣздѣ изъ Казбека, по отлогости горы, версты на двѣ представляются груды камней и мѣстами разрушенныя башни, какъ слѣды бывшаго тутъ, вѣкогда обширнаго поселенiя. Можетъ быть тутъ существовалъ въ древности пограничный городъ, когда Грузины овладѣли всѣмъ ущельемъ до Дарiала, которое называлось Хевн; и попытѣ ово отъ Казбека до Коби довольно населено. Это ущелье Терекъ раздѣляетъ два племени Осетинъ: по правую сторону живутъ Турсы, а по лѣвую Гудотавры; послѣднiе занимаютъ довольно обширное пространство горнаго хребта по ущелью рѣчки Снотскали.

Отъ Казбека ущелье расширяется; теченiе Терска не столько яростно и быстро, какъ около Дарiала, что означаетъ здѣсь постепенность возвышенiя хребта. Самыя горы уже не представляются столько безобразными какъ до Казбека; гладкiя вершины ихъ слегка покрываются дерпомъ; но еще нѣтъ нигдѣ роскошныхъ травъ, и только близъ Терека растутъ мѣстами колючiй кустарникъ дерезы съ своею блѣдною зеленью и желто-оранжевыми ягодами.

На шестой верстѣ за рѣчкою Снотскали или Гудошавре, выходящей слѣва, являются не въ дальнемъ разстоянiи одна отъ другой шесть деревень, а на девятой верстѣ величаво на горѣ красуется Сионъ. Можетъ быть это также былъ вѣкогда городъ, потому что еще остались стѣны, его ограждающiя, большая церковь, до двадцати грузинскихъ домовъ и сторожевая башня надъ самою крутизною, у подошвы которой идетъ дорога. Долина версты на три пространства до Сиона оживляется растительностью, и даже на горахъ опять являются кривыя деревья. Мѣ-

стами обнаруживаются пахатныя межи; земля безъ удобренія довольно хороша и хлѣбородна. Въ юнѣ сѣютъ здѣсь пшеницу и ячмень, которые посѣваются въ августѣ и въ сентябрѣ. При деревняхъ видно довольно собраннаго хлѣба въ скирдахъ. По отлогости горъ обнаруживаются хорошіе сѣнокосы. Зима съ морозами царствуетъ здѣсь въ декабрѣ до мая. Дорога отъ Казбека порядочная, хотя встрѣчаются мѣстами небольшіе очень крутые спуски и подъемы. Передъ Сіономъ есть оврагъ, называемый *Прорвою*, черезъ который въ лѣтнее время, съ необыкновенною быстротою, стремится потокъ горныхъ водъ, чрезвычайно затрудняющій переѣздъ. Самый Терекъ удаленъ вправо около подошвы горъ и уже ни чуть не страшенъ.

За Сіономъ, влѣво отъ дороги, представляются отдѣльно голыя скалы уродливыми фигурами окаменѣлыхъ стражей гигантовъ; ущелье опять стѣсняется и версты пять дорога по крутизнамъ идетъ тяжелая. На четырнадцатой верстѣ близъ дороги, по ту сторону Терека, вправо, являются не въ дальнемъ разстояніи одна отъ другой три деревни Куртисъ, Долгичъ и Каноби, красиво расположенныя на обнаженныхъ крутизнахъ берега, за которыми возвышаются черныя горы.

Не доходя версты двѣ до Коби надобно спуститься съ послѣдней крутой горы и выйти на долину, гдѣ въ дальнемъ углу между впаденіемъ въ Терекъ рѣчки Барзавцаги стоитъ военный постъ Коби, крайняя точка дороги по ущелью Терека.

Эта долина, послѣ тѣснаго проходу отъ Сіона, веселитъ взоръ путника; небольшія деревеньки по угламъ ея представляютъ людность—почти на самой вершинѣ кавказскаго хребта. И здѣсь по долинѣ многія груды камней и развалины древнихъ жилыхъ строеній обнаруживаютъ также, какъ и передъ Казбекомъ, бывшее тутъ вѣкогда значительное поселеніе, котораго слѣды почти изгладилась. Теперь эта долина бесплодна.

Уже смеркось, когда мы пріѣхали въ Коби, слѣвавъ хорошій переходъ съ тяжелыми экипажами, отъ Ларса тридцать двѣ версты по труднѣйшей дорогѣ.

Военный постъ Коби, при осетянской деревнѣ Алмазъ, состоитъ изъ двухъ или трехъ казармъ въ небольшой каменной оградѣ для тридцати солдатъ и пятнадцати казаковъ при одной пушкѣ. Настоящая деревня Коби лежитъ противъ поста въ особенномъ Ухатскомъ ущельѣ, версты на три разстоянія, а потому справедливѣе бы было называть этотъ постъ Алмазомъ.

При входѣ въ ограду, на лѣво, стоятъ домъ для прѣзжающихъ, раздѣленный на двѣ половины, которыя представляютъ черезъ сѣби двѣ небольшія, низкія, мрачныя и всегда холодныя комнаты, въ которыхъ иногда стѣсняется человекъ по двадцати прѣзжающихъ изъ Владикавказа въ Грузію, задержанныхъ сѣтями и вьюгами *.

Октября двадцать-седьмого, офицеръ въ Коби далъ намъ, не столько для конвоя, сколько для пособія въ пути, двѣнадцать пѣхотинцевъ.

Покуда закладывались экипажи, я полюбопытствовалъ видѣть вправо за пѣстомъ сѣбное ущелье, изъ котораго выходятъ вершина Терека. Источникъ его еще версть пятнадцать впереди получаетъ начало въ восточной части сѣбныхъ горъ, составляющихъ высочайшій узелъ кавказскаго хребта Хохтъ, изъ котораго выходятъ рѣки: къ востоку Терекъ, къ сѣверу Кичиль, Погъ и Аредоцъ, а къ югу Арагви и Ліхва.

Отъ источника до Коби Терекъ незначителенъ; здѣсь, принимая рѣчки Барзавцаге, или Бейдару, онъ обращается къ сѣверу и передъ Казбекомъ, соединяясь съ другою рѣчкою Гудошавре, уже непрерывнымъ каскадомъ стремится за Даріалъ почти до самаго Ларса; паденіе воды въ немъ отъ Казбека до Даріала по футу на сажень, а быстрота теченія, въ минуту семь сажень. Отъ Балты онъ разливается по долинѣ до Владикавказа, гдѣ, стѣсняясь въ руслѣ сажень на тридцать, прорывается далѣе и увлекаетъ съ собою воды кабардинскихъ рѣкъ Аредона, Дурдура, Уруха, Аргудана и Комбулея; однако не прежде дѣлается значительнымъ, какъ уже соединившись за Екатериноградомъ съ Малкою, которая заставляетъ его круто обратиться на востокъ къ Моздоку; наконецъ чеченская рѣка Сунжа, новая союзница, сливая съ нимъ свои коварныя воды, довершаетъ подъ Кизляръ его величіе; тутъ Терекъ, какъ черный хищникъ, въ союзѣ съ прочими черными рѣчками, дѣлаетъ набѣгъ на Кизляръ, и охватывая его со всѣхъ сторонъ многими рукавами, версть

* Въ концѣ 1839 года я нашелъ въ Казбекѣ и въ Коби новую обстройку казармъ и дожовъ для прѣзжающихъ, весьма приличныхъ и удобныхъ; четверугольныя стѣны имѣютъ по угламъ круглыя башенки, а въ фасахъ казармы, гостиницу и почтовую станцію; все каменное имѣетъ видъ укрѣпленнаго замка. Въ Коби, кромѣ того, явился Австріецъ трактирщикъ, который прѣзжаго можетъ за хорошія деньги накормить и напоить.

на шестьдесятъ пространства изливаетъ всю ярость свою въ Каспійское Море. Пространства его теченія черезъ Тагаурское ущелье отъ вершины будетъ около шестидесяти верстъ, а всего до четырехъ-сотъ. Таяніе горныхъ снѣговъ начинается здѣсь въ концѣ мая и продолжается до конца августа; въ это время Терекъ поднимаясь футовъ на пять ужасно бушуетъ, заливаетъ всё низкія мѣста, срываетъ мосты; за Владикавказомъ онъ поднимается на десять и двѣнадцать футовъ и, наконецъ, совсѣмъ затопляетъ окрестности Казляра. Самое теченіе Терека — между Казбекомъ и Даріаломъ, причемъ силою воды переворачиваются огромные камни, которые округляясь уподобляются валунамъ.

У Коби странникъ долженъ проститься съ Тереккомъ, потому что конвойные казаки указываютъ ему путь впереди чрезъ снѣжный перевалъ хребта, по извилистой дорожкѣ.

Отъ Коби послѣдній переходъ чрезъ высочайшую вершину Кавказа до Кашаура шестнадцать верстъ. Этотъ путь версты четыре идетъ по долинѣ и постепенно возвышается на крутую отлогость снѣжной Крестовой горы, на которой предстояло намъ испытать всё затрудненія этого вынужденнаго переходу изъ одной части свѣта въ другую, гдѣ мужество, терпѣніе и искусство человека побѣждаютъ сильнѣйшія препятствія, поставляемыя природою.

Деять мѣсяцевъ въ году окрестности Коби покрыты снѣгами, которые оттаиваютъ въ іюлѣ и въ августѣ; только въ сентябрѣ и октябрѣ могутъ здѣсь проѣзжать обозы и экипажи. Обыкновенно въ это время бываетъ большое движеніе проѣзжихъ извозчиковъ съ товарами изъ Россіи или изъ Тифлиса; обратно; между-тѣмъ вершины горъ почти всегда остаются подъ снѣгомъ. Самое ужасное время для проѣзжающихъ здѣсь — съ ноября и до мая, въ продолженіи зимы и весны; всё горы въ нѣсколько дней покрываются глубокими снѣгами; мятели продолжаютъ непрерывно и покуда онѣ не утихнутъ или не откроется путь, проѣзжающіе стѣснившись на посту Коби, терпятъ холодъ и голодъ, если заблаговременно не запасутся одеждою и пищею. Дрова или прутья достаются здѣсь съ большимъ трудомъ; въ ближайшихъ деревняхъ можно только купить барана или курицу, но хлѣба и дровъ никто не продаетъ.

Для проѣзда значительныхъ лицъ заблаговременно изъ Владикавказа или изъ Тифлиса дѣлаютъ распоряженіе о приготовленіи имъ на посту Коби и въ Кашаурѣ всѣхъ удобствъ для бла-

гопелучнаго перевѣду черезъ вершину Кавказа въ какое бы то время года ни было. Для этого выѣзжаютъ на встрѣчу осетинскій приставъ и сверхъ-того высылаются изъ Тифлиса или Владикавказа штабъ-офицеръ путей сообщенія. Если перевѣздъ случится зимою, то высылаютъ къ посту нѣсколько десятковъ Осетинъ съ быками, которые напередъ прокладываютъ и расчищаютъ дорогу отъ Коби до Кашаура или отъ Кашаура до Коби. Иногда важные и не важные чиновники, не желая разстаться со всѣми удобствами европейской жизни, ѣдутъ въ Грузію съ семействомъ въ спокойныхъ экипажахъ. Побѣдивъ всѣ трудности пути чрезъ ущелье отъ Даріала до Казбека, они радостно выѣзжаютъ на долину Коби; но эта радость минутная: отъ Коби предстоитъ для нихъ труднѣйшій путь. Въ Коби они должны разстаться съ своими экипажами и пересѣсть въ осетинскія корзины, обтянутыя кожей, — разумѣется одиѣ дамы и дѣти. Корзины ставятъ на сани, запряженные двумя быками пугомъ, которые подъ ударами крикливыхъ Осетинъ передвигаются медленно и разстояніе шестнадцати верстъ переходятъ цѣлый день. Видъ этого экипажа, видъ полудикихъ Осетинъ, видъ снѣжныхъ горъ и трудность предстоящаго пути, котораго ожидаемые ужасы отъ мятежей и обваловъ увеличиваются воображеніемъ, заставляютъ, пожалуй, многихъ съ пѣжными чувствами упасть въ обморокъ.... Но есть русскія дамы, которыя въ теплыхъ шубахъ, подпоясавшись кушакомъ, садятся по-казацки на лошадей и бодро пускаются за мужьями черезъ опасную вершину Кавказа.

На четвертой верстѣ при крутомъ подъемѣ на гору струится по желтокрасноватымъ камнямъ ручеекъ кислородистой воды, подобной Нарзану. Эта вода подкрѣпляетъ силы странниковъ. Природа представляя здѣсь послѣднія препятствія завѣтнаго пути изъ Европы въ Азію позволяетъ испытать источника силъ для бодрости духа.

Вершины горъ здѣсь не представляютъ тѣхъ безобразныхъ скалъ, какія встрѣчаются на пути изъ Даріала до Казбека. Тамъ онѣ переверканы и перевернуты вверхъ дномъ силою горныхъ потоковъ, а здѣсь только дуновеніе вѣтровъ округляетъ ихъ; онѣ состоятъ изъ тонкаго шифера, покрытаго легкимъ дерномъ.

Отъ подошвы послѣдней горы мы версты двѣ очень круто поднимались на послѣднюю высоту пути черезъ Кавказъ; это ущельице, въ которомъ прорѣзывается начало рѣчки Сазале-Донъ, такъ узко и глубоко, что почти ежегодно съ вершины боковой горы сваливается глыба снѣгу и заграждаетъ путь.

Горе бѣдному путнику, который долженъ перейти этотъ сѣвѣный путь въ самое дурное время года: для него не приготовляютъ ни какихъ встрѣчъ. Поставый начальникъ слабѣе его, но открытому лѣту за указные прогоны, парюю казачьихъ лошадей, для сѣдока и для выюка, съ приличнымъ конвоемъ, не заботится объ его участи, тогда какъ онъ утѣнаетъ съ лошадыю на пути въ рыхломъ сѣтгу и къ довершенію гора, выюкъ отъ дурной укладки развязывается и опрокидывается вмѣстѣ съ лошадыю..... Счастіе его, если тучи пролетаютъ не нанося ему сѣвѣной мятели, и если вѣтры, непрерывно здѣсь дующіе, на минутку отдохнутъ шадя молодости путника. Тогда выкарабкавшись изъ сѣвѣга и скрѣпившись въ сердцѣ необходимою терпѣніемъ, покуда конвойные вытащатъ лошадь и увяжутъ выюкъ, онъ, если одаренъ эстетическимъ чувствомъ, можетъ любоваться сѣвѣною вершиною Кавказа, находясь почти на одномъ горизонтѣ съ горою Казбекъ, отъ которой раздѣляетъ его пространство около двадцати верстѣ.

Не далеко отъ этого мѣста является у дороги складенная изъ камня съ плоскою крышею хижина, въ которой живетъ бѣдный Осетинъ Бейдара съ женою и собакой. По его имени Русскіе называютъ рѣчку, текущую при Коби въ Терекъ, и всю часть горы до того мѣста, гдѣ стоитъ крестъ, откуда она принимаетъ названіе Крестовой. Въ случаѣ мятели или какого-либо иного несчастія на пути, странникъ можетъ имѣть убѣжище въ этой тѣспой и скудной хижинѣ, которая покажется тогда лучше баронскаго замка. Хотя это заведеніе ни мало не походитъ на монастырь святаго Бернарда въ Швейцаріи, однако съ своею собакою служить для той же цѣли — находить несчастныхъ погибающихъ отъ стужи.

Еще полверсты далѣе — и конецъ возвышенію. На шестой верстѣ отъ Коби является у самой дороги вправо гранитная пирамида съ крестомъ и вдругъ взоръ поражается впереди крутымъ, обрывистымъ и глубокимъ спускомъ на южную сторону кавказскаго хребта.

Здѣсь величіе природы изумляетъ странника: еще предстоитъ ему спуститься въ глубокую пронасть также низко, какъ высоко онъ подвигся, и еще вдали устрашаетъ его Гудъ-Гора, которую на половинѣ опоясываетъ дорога. Яркое солнце и лазурное небо юга привѣтствуютъ его; теплота вѣтѣе обольститель-

юю вѣгою и легкая зелень на крутыхъ берегахъ Арагви за Гудъ-Горюю обѣщаетъ ему обильную плодами Грузію.

Крестъ, поставленный на гранитной пирамидѣ у дороги, означаетъ высочайшую точку пути черезъ кавказскій хребетъ, и оттого гора называется Крестовою. На мраморной доскѣ вырѣзана по-русски и по-грузински слѣдующая надпись: «Во славу Божию и въ управленіе генерала отъ инфантеріи Ермолова поставленъ приставомъ горскихъ народовъ маюромъ Кононовымъ въ 1824 году». По преданію жителей, на этомъ мѣстѣ персидскій царь Киръ распиналъ непокорныхъ Скивовъ.

Отъ этого креста Русскій еще разъ можетъ обратиться къ сѣверу и подышать сѣвжмиъ вѣтеркомъ своей родины; онъ можетъ сказать: «Прости суровая, но привычная природа моего отечества! Простите родные морозы и друзья теплой русской печи съ лежанкою! Прости просвѣщеніе и всѣ удобства пріятной жизни, все милое сердцу, всѣ наслажденія ума! прости Европа!» Потомъ обратясь къ югу, онъ скажетъ: «Здравствуй Азія! здравствуй обольстительная природа юга, разсыпаящая неувядаемыя прелести зелени, цвѣтовъ, плодовъ и дышащая—гибельнымъ зноемъ!» Онъ видитъ вдали обнаженные горы, на которыхъ лежатъ Грузія; видитъ чуждаго ему чернаго Грузина, столько же неворотливаго, какъ буйволъ, котораго гонить; видитъ непризнанное лицо мусульманина съ княжалою у поясу—и сердце его сжимается грустью. Предчувствіе не обманетъ: яркое солнце и плодоносная природа юга подъ приманчивою наружною срываеъ зловредный климатъ: гнилыя горячки, чума, холеру, безпорядочную жизнь, и всѣ послѣдствія отъ недостатку просвѣщенія и отъ невѣжества. Но таковъ законъ природы, кто гдѣ родился, тамъ привычка приковываетъ его золотыми цѣпями; и Грузинецъ, задержанный на сѣверѣ, порадовался бы съ вершины Крестовой горы, увидя голубое небо своего отечества за хребтомъ Арагви, также какъ Русскій возвращаясь изъ Грузіи отъ этого же креста радуется увидя на сѣверѣ мрачное небо, и встрѣчая рѣзкій холодъ своей родины: отечества и дымя намъ сладость и пріятель!

На седьмой верстѣ отъ Крестовой горы спускаютъ по дорогѣ повозки безъ лошадей на канатахъ и тормозахъ, а поднимаютъ люди и лошадыи. Спускъ идетъ извилисто, сажень триста, и такъ крутъ, что кажется бездною, а поднимающіеся снизу люди кажутся выходящими изъ земли. Этотъ спускъ тѣмъ еще опаснѣе,

что влѣво отъ дороги дѣйствительно есть провасть надъ глубо-
 кий обрывъ, въ который при малѣйшей неосторожности можно
 сорваться. Послѣ того, пройдя полверсты по долинь, надобно под-
 ниматься также круто двѣ версты на ужасную Гудъ-Гору, — ужас-
 ную потому, что дорога идетъ по крутому скату, и шириною не
 болѣе четырехъ аршинъ тоже надъ глубочайшимъ обрывомъ
 вправо въ Гудовское ущелье. Подъ ногами обрывъ простирает-
 ся болѣе пятисотъ сажень внизъ, гдѣ рѣчка Арагви наливается
 въ ложбинѣ голубою тесьмою; ея источникъ упадаетъ отвѣсно
 бѣлою полоскою съ противоположныхъ горъ, возвышающихся
 черно-волнистою стѣною; расположенныя внизу по берегу Араг-
 ви грузинскія деревни чуть приметны; дома ихъ кажутся чет-
 вероугольными камешками, люди шевелящимися мошками, а ов-
 цы разбѣяны какъ маковыя сѣмляки. У людей непривычныхъ
 смотрѣть съ такой высоты внизъ голова кружится; яные прохо-
 хода черезъ Гудъ-Гору крестятся и страшатся повернуть голову
 вправо. Съ этого мѣста верѣдко обрываются повозки съ лошада-
 ми и разбиваясь объ острые камни по крутизнѣ разсыпаются въ
 дребезги. Въ 1826 году, при перевозкѣ осадной артиллеріи, какъ
 говорятъ, скатился здѣсь съ нѣсколькими парами быковъ боль-
 шой запасный лафетъ, и жители внизу собрали только кусочки
 желѣза. Въ слѣдующемъ году сорвался ящичій возъ съ товара-
 ми и съ двумя лошадами, которыхъ и слѣда не нашли. Подоб-
 ные несчастные случаи почти ежегодно бываютъ отъ страха и
 замишательства людей, отъ испугу лошадей и скотины. Пыта-
 лись нѣсколько разъ по этой дорогѣ дѣлать першы, но зимніе
 снѣга всегда ихъ срывали; широко разрывать дорогу также опа-
 сно, чтобы вершина горы, состоящая изъ слабыхъ и тонкихъ
 слоевъ шифера, не обрушилась. Зимною этотъ путь еще опаснѣе;
 тогда вся дорога наравнѣ съ отлогостію горы покрывается снѣ-
 гомъ, и надлежитъ снова прокладывать тропинку. Для очищенія
 дороги нарочно высылаются приставомъ Осетины, какъ отъ
 Камаура, такъ и отъ Коби, которые подъ присмотромъ солдатъ
 раматываютъ лопатами снѣгъ; но эта работа не приноситъ су-
 щественной пользы, потому что какъ Осетины, такъ и надомос-
 трники ихъ стараются только скорѣе пройти опредѣленное про-
 странство; на глубинѣ снѣгу въ четыре и шесть аршинъ всякая
 прочистка бесполезна: что днемъ расчистятъ, то ночью мятелью
 занесетъ. Если необходимость непременно заставляетъ прѣзжа-
 ющаго съ лошадыю пройти черезъ Гудъ-Гору по рыхлому снѣгу,

то подставляють передъ лошадей бурки, но которыми она не погружается глубоко въ снѣгъ медленно передвигается. Въ такое время самая лучшая ѣзда здѣсь на одномъ быкѣ, запряженномъ въ салазки: здѣшніе быки малорослы и легки, могутъ держаться на снѣгу, а на салазкахъ съ ними можно перевозить и небольшую поклажу. Но бѣда вьюкамъ купеческихъ каравановъ, которыми караваны гонятъ зимнимъ путемъ черезъ Кавказъ изъ Грузію: разстояніе шестнадцать верстъ отъ Кашаура до Коби, иногда и въ трие сутокъ они не проходятъ, если лошади вьзнутъ въ снѣгу и вьюки сваливаются. Въ такое время Осетины сами являютъся на дорогу, и помогая проезжающимъ зарабатываютъ себѣ хорошіе деньги.

Нертѣдко усталыхъ и слабыхъ путешественниковъ Осетины переносятъ на себѣ черезъ снѣжныя крутизны. Эта переправа черезъ Крестовую и Гудъ-Гору труднѣйшая и опаснѣйшая по всей дорогѣ.

Взобравшись на Гудъ-Гору, я осматриваясь кругомъ удивлялся силѣ людей, проложившихъ путь по такимъ ужаснымъ крутизнамъ и надъ такими глубокими пропастями. Еще надъ головою влѣво возвышалась на верету снѣжная вершина этой горы, гдѣ наклонные слои шифера, раздробленные въ мелкіе плиты, ожидали толкоченія, чтобы посыпаться на дорогу.

На девятой верстѣ спускъ по ту сторону Гудъ-Горы былъ очень крутъ, но по неосторожности кучера, отъ толчка моя бричка опрокинулась и до полусмерти зашибла спутника моего, Жиде Мюссея. Этотъ честный Еврей, пертъной изъ Ставрополя, уверилъ меня, чтобы я взялъ его съ собою въ Грузію, посмотрѣть людей; за это онъ обязался выучить моихъ людей пертънажеству. Нашъ контрактъ чуть не разстроился его паденіемъ. Безъ этого несчастія я бы могъ похвалиться, что проѣхалъ черезъ Кавказъ благополучно.

Спускъ продолжался четыре версты; на одиннадцатой открывается вдаль видъ Кашаура: башни и дома съ плоскими крышами. Тутъ сердце отдыхаетъ послѣ страшныхъ испытаній. Подъѣзжая къ Кашауру по гладкой дорогѣ, чувствуешь удовольствіе отъ убѣжденія опасностей: пріятная теплота солнца оживляетъ силы; еще неувядающая зелень полей съ осенними цвѣтами радуетъ возрожденіемъ весны, тогда какъ позади снѣжныя верхи горъ напоминаютъ еще о холодѣ сѣвера и о миновавшихъ ужасахъ; впечатлѣніе остается неизгладимо, какъ по совершеніи ве-

ликаго испытанія въ таинствахъ природы. Впередѣ надежда приготовляетъ уже пріютъ спокойствія : вправо отъ дороги по глубокой зелентющейся долинь струится блестящею полоскою рѣчка Арагви; за нею представляетъ еще высокую преграду черныи хребеть, усаженный по скату обнаженнымъ лѣсомъ, между которыми мѣстами выказываются башни и замки. Чѣмъ далѣе, тѣмъ пріятнѣе вѣетъ южный воздухъ; плодоносная Грузія встрѣчаетъ васъ обольстительною вѣгою — а что еще ожидаетъ тамъ впереди?

Въ Кашауръ мы пріѣхали въ два часа по полудни, однако надлежало оставаться ночевать, потому что еще девяносто верстѣ до Пассанаура мы не прѣѣхали бы за свѣтло. До Тивлиса оставалось сто четыре версты.

Кашауръ, грузинская деревня, состоитъ изъ десяти жилищъ съ каменными башнями, раскиданными на горѣ; кромѣ того два деревянные дома съ крышами, одинъ для прѣѣзжающихъ, другой для офицера, начальника военного поста, состоящаго изъ тридцати солдатъ и двадцати пяти казаковъ съ пушкою. Отсюда вѣзбо простирается ущелье Хода, населенное Грузинцами.

Тутъ уже являються Грузины въ кафтанахъ съ откидными рукавами и въ черныхъ высокыхъ попохахъ. Курсъ ассигнацій значительно ставовился ниже: за сто-рублевую давали семьдесятъ пять мѣдью; рубль сребра шелъ въ три рубля осемьдесятъ копѣекъ; его считали въ пять грузинскихъ абазовъ. Овса не было; четверть ячменя двадцать два рубля, пудъ сѣна полтора рубля. Въ Коби и здѣсь мы видѣли русскихъ извозчиковъ, продающихъ; нашъ они говорили, своихъ лошадей съ повозками.

Конвойные изъ Коби заслужили вполнѣ наше удивленіе и признательность напряженіемъ и осторожностію, съ какими они на канатахъ спускали экипажи, или помогали лошадямъ взвозить на крутвыни. Къ счастью, ничего не сломалось: иначе пришлось бы горевать. Кто ѣдетъ на-легкѣ по казенной подорожной, тотъ можетъ брать подъ вьюки казенныхъ лошадей за прогоны; вѣсв вьюку положенъ шесть пудъ; а что сверхъ того, надо платить по вольной цѣнѣ. Будущему съ семействомъ необходимо вѣйти при хоршемъ экипажѣ своихъ лошадей, которыхъ можно въ Тивлисѣ продать.

Октября двадцать осьмаго, постовый офицеръ далъ мнѣ шесть конвойныхъ для спуску экипажей на четвертой верстѣ съ Кашаурской горы въ долину Арагви. Первый спускъ двѣ версты на

подгорѣ, потомъ съ версту надобно пройти по отлогости и спуститься на цѣлую версту очень круто и опасно по узкой дорогѣ, надъ обрывомъ. Зато послѣ этого окончательнаго труда и безпокойства нечего опасаться. Горы по обѣимъ сторонамъ долины Арагви, образующіе два хребта средней величины, покрыты лѣсомъ и состоятъ изъ шиферныхъ слоевъ. За послѣднимъ спускомъ расположена деревня Корбекулъ. У подошвы горы полуразвалившееся зданіе, вѣроятно, бывшаго монастыря обращено въ домъ для приставища проезжающимъ, которые ѣдутъ изъ Тѣльваса, потому что отсюда надобно очень круто подниматься четыре версты до Кашаура. Здѣсь же выстроены новый каменный домъ для осетинскаго пристава, который всегда готовъ къ услугамъ проезжающихъ съ своими Осетинами, только имъ надобно платить по рублю серебромъ за каждую пару воловъ для подъема экипажей на гору. Однако мы видѣли здѣсь обозъ генерала А—ва, поднимавшійся на собственныхъ волахъ.

Вскорѣ переѣхали мы черезъ небольшой каменный мостъ на Арагви, которая мелка и не значительна, однако шумитъ и пѣнится очень быстро. Долина, расширившись на версту, ограждается высокими горами, на которыхъ въ половинѣ высоты расположены, какъ древніе замки, грузинскія деревни съ башнями. Зелень луговъ по долинѣ еще не увяла. Мѣстами встрѣчались красивые кусты барбариса, верескведа и деревца шелковицы съ клематисомъ (*clematis vitalba*). На каждомъ шагѣ измѣнялась картина мѣстоположенія: живописныя горы покрытыя лѣсомъ съ замками и башнями, у подошвы ихъ журчащая рѣчка, встрѣчающіеся Азіатцы въ черныхъ буркахъ и папахахъ, голубое небо, свѣжій воздухъ, и блестящее теплотою солнце; всё-это представляло долину Арагви прелестнѣйшею въ мірѣ. И какая противоположность! послѣ ужасныхъ Даріальскихъ скалъ, угрожавшихъ своимъ паденіемъ, послѣ тягостныхъ подъемовъ и спусковъ на свѣжныхъ вершинахъ Крестовой, Гудъ-Горы и Кашаура, мы катились по гладкой равнинѣ между непрерывнымъ рядомъ прелестныхъ картинъ природы по обѣимъ сторонамъ дороги. Смотри на гигантскій хребетъ съ ледяною гривой, оставшійся за нами, въ ущельяхъ котораго, вмѣстѣ съ хищными коршупами, гвѣздятся голодные разбойники, и обращай впередъ на веселые холмы, заселенные мѣрными жителями, гдѣ видно ихъ трудолюбіе и изобиліе земли, невольно радуешься такому счастливому переходу и заранѣе поздравляешь себя съ пріятною будущностію.

Но, кажется, и эта, шивъ мирная страна, подвергалась иногда набѣгамъ отъ хищныхъ сосѣдей, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по горамъ остаются еще зданія огражденные каменными стѣнами съ башнями по угламъ, какъ укрѣпленные замки.

Здѣсь встрѣчались намъ уже не малорослые, оборванные и закопѣлые Осетины въ шапкахъ безъ околыша, подобные тощигъ Литовцамъ; но рослые и видные, съ полными лицами Грузины, у которыхъ большіе глаза, горбатый носъ и длинныя усы черезъ бритую бороду представляли фizioномію Малороссіявъ; однако по одеждѣ, сверхъ чухи, съ откидными рукавами, по широкому поясу, у котораго висѣлъ кинжалъ, по высокой мѣховой шапкѣ, и по желтымъ сапогамъ съ закорюченными носками они походили болѣе на родовитыхъ Поляковъ.

Мы обогнали нѣсколько грузинскихъ арбъ съ сундуками или съ товарами, запряженныхъ нарою черныхъ буйволовъ въ дышла въ парю рыжихъ быковъ на вынось. Одинъ Грузинецъ управлялъ четырьмя животными безъ возжей, посредствомъ длиннаго бича и условленнаго крику, который рогатые очень хорошо разумѣли. Арбы здѣсь особеннаго рода, какъ длинныя дроги на одной парѣ низкихъ, толстыхъ, цѣльныхъ колесъ, которыя выѣсть съ осью вертятся между двумя планками подъ арбаю.

На шестнадцатой верстѣ ущелье суживается къ Пассанашуру, и горы понижаются, но всегда шершавыя и покрытыя лѣсомъ; слои составляющіе ихъ уходятъ наклонно въ землю подъ дорогу и даже продолжаютъ подъ рѣкою: очевидно поверхность земли подвергалась здѣсь различнымъ переворотамъ.

На девятнадцатой верстѣ дорога идетъ въ тѣснинѣ подъ скалами около Арагви, только не такъ опасно, какъ около Терека передъ Даріаломъ. Много ручейковъ справа и лѣва изъ горныхъ впадинъ пробираются къ Арагви, и чрезъ нихъ по дорогѣ устроены мостики. По кустамъ перелетали къ намъ съ поздравленіемъ чижики, зяблики и скворцы; зелень освѣжалась и мы будто бы приближались къ сторонѣ вѣчнаго лѣта.

Наконецъ выѣхали мы на долину и увидѣли вправо Пассанашуръ. Этотъ военный постъ состоялъ тогда изъ нѣсколькихъ полуразвалившихся деревянныхъ казармъ для двадцати пѣхотинцевъ и двадцати-пяти казаковъ, развозящихъ почтовые вьюки. Здѣшніе духанщики рѣжутъ не барановъ, а козъ, которыхъ вѣшаютъ не за ноги, а за голову, и такъ искусно снимаютъ кожу,

что она отъ шен съ ногамъ остается цѣльною. Эту шкуру пачкаютъ мѣстью и выворачиваютъ шерстью внутрь, и въ такомъ видѣ она, подъ названіемъ бурдюка, служитъ вмѣсто бочки для сохраненія вина. Хлѣбъ здѣсь продаютъ ячменный, по десяти копѣекъ за фунтъ, черныи, рѣсныи и не вѣсныи.

Ме имѣя надобности зайзвать въ Пассанануръ ны передъ востомъ остановились на открытой долинѣ и, покуда кормились лошади, сами позавтракали.

Отсюда пошелъ намъ не далѣе по причинѣ проходящихъ пещей, и въ ожиданіи проѣзда графини Э—ской. До Анаура двадцать одну версту дорога идетъ ровная, и мѣстами очень хорошая по долинѣ Арагви, которая шумитъ вѣво; горы отдаляются и понижаются, зато совершенно покрыты лѣсомъ, который сходитъ мѣстами и на долину.

На встрѣчу попадались намъ Владикавказскіе солдаты, возвращавшіеся съ лошадьми изъ Тифлиса; одинъ возилъ «сладкого» и за шестерку взялъ двѣсти сорокъ рублей, а другой возилъ полковника и тоже за шестерку взялъ двѣсти-осемьдесятъ рублей; по этому на своихъ лошадяхъ семейному чиновнику ѣхать по военно грузинской дорогѣ было выгоднѣе*.

Отъ Пассананура ущелье Арагви мѣстами служивается сажень на пятьдесятъ; деревня здѣсь довольно рѣдки. На восьмой верстѣ дорога проходитъ подъ шпферною скалой, на которой стоятъ полуразрушенныя башни; эта скала угрожала паденіемъ.

Здѣсь мы имѣли занимательную встрѣчу: ѣхали горскій князь съ княгинею верхомъ. Оба молодые и красивые, были разряжены по національному и, видно, возвращались изъ гостей. У князька по шапкѣ висѣли золотыя снурки, спускавшіеся до плечи; сверхъ панцыря надѣтъ былъ богатый кафтанъ, сабля, за спиною ружье и бурка. За нимъ ѣхала, вѣроятно молоденькая жена его, укутанная бѣлою чадрою, изъ-подъ которой видѣнъ былъ только хорошенькій носикъ и сверкнули черныя, полныя глазки, окраенныя длинными рѣсницами; вся она казалась оживленнымъ дракономъ въ складкахъ своего покрывала, которое, обильная красавицу, вивалось въ стройный станъ ея и выказывало полноту

* Уже въ концѣ 1839 года, по всей дорогѣ отъ Тифлиса до Екатеринграда учреждены почтовые станціи.

формъ. Она сидѣла верхомъ по казачьи, и красныя шальвары, спускавшіеся до золотыхъ туфель обнаруживали мѣлыя ножки въ самомъ привлекательномъ положеніи. Лошадь съ краснымъ наборомъ, и покрытая отъ сѣдла узорчатымъ ковромъ, казалось, гордилась прелестною идшей. Слѣдомъ шелъ оруженосецъ въ панцырѣ и съ круглымъ щитомъ въ рукѣ. Я долго любовался этою нарядною группой.

На четырнадцатой верстѣ лѣсистыя горы по обѣимъ сторонамъ долины значительно понижаются и вправо открывается замокъ съ монастыремъ Анануръ. Надобно замѣтить, что отъ самаго Кашаура мы нигдѣ не видали деревянныхъ строеній, кромѣ казенныхъ домовъ на военныхъ постахъ. Туземные дома все каменные, массивные, съ толстыми стѣнами, сложенные изъ шиферныхъ плитъ съ ближайшихъ горъ.

Анануръ, кажется, древній городъ съ замкомъ, укрѣпленнымъ толстыми стѣнами, который расположенъ на полугорѣ; населеніе города состоитъ изъ сорока грузинскихъ семействъ, живущихъ въ землянкахъ, врытыхъ въ полугорѣ. Но обѣимъ сторонамъ дороги, проходящей черезъ городъ, есть базарная площадь передъ лавками съ съѣстными припасами и прочими товарами.

Отсюда дорога идетъ черезъ мостъ, сажень сорокъ, по рѣчкѣ Арагвѣ, впадающей въ Арагви, а потомъ поднимается по ея ущелью вверхъ; Арагви же отходитъ влѣво.

На второй верстѣ отъ Ананура является съ десятокъ каменныхъ зданій съ крышами европейской архитектуры, правильно расположенныхъ, и огороженныхъ высокою стѣною съ часовымъ при воротахъ: это новый карантинъ. У мосту, передъ карантиномъ, стояли обозы и часовой остановилъ насъ. Вскорѣ вышелъ изъ воротъ карантина чиновникъ, Грузинецъ въ польскомъ кундушѣ, съ широкимъ кушакомъ, при саблѣ и въ черной папахѣ. Судя по моимъ экипажамъ и дормезу, въ которомъ сидѣли дамы, онъ въ ожиданіи графини Э—ской, конечно, думалъ видѣть ее, подошелъ къ намъ съ почительностью, готовый говорить азиатскую лесть; но прочитавъ мою подорожную, вдругъ цахмурился и далъ знакъ кучеру для свободнаго проѣзду черезъ мостъ и на гору къ Душету, до котораго оставалось девять верстъ.

Подъемъ на гору тянулся шесть верстъ, все выше и круче. По горѣ намъ встрѣтилось много кавказскихъ линейныхъ казаковъ своднаго полка, на возвратномъ пути изъ Тифлиса; они

шли за собою тяжелые вьюки приобретенной добычи, и будучи навеселѣ изъясляли свое удовольствіе крикомъ, скачкою и стрельбою изъ вистолетовъ. Эти молодцы были исправдо вооружены, ловки и проворны.

Наконецъ поднялись мы на самую высоту горы и уже въ сумеркахъ стали спускаться довольно круто по глинистой гладкой дорогѣ около кустарника къ Душету.

Городъ обнаружился въ глубинѣ долины многими освѣщенными въ домахъ огнями. Съ наступленіемъ ночи мы спустились въ городъ прямо на площадь, которая освѣщалась огнями изъ каждой лавки базарныхъ рядовъ.

Не имѣя ни одного конвойнаго, я по разпросамъ насилу отыскалъ приставище въ пустомъ офицерскомъ домѣ близъ казачьяго поста. Тутъ же съ изумленіемъ увидѣлъ, подъ навѣсомъ надъ телегами, русскихъ маркитантовъ съ разными мелочными товарами; освѣщаемыя огонькомъ изъ фонарковъ бороды ихъ весело шевелились: кацапы попивали чахиръ закусывая свищиною.

На другой день поутру Душетъ представился мнѣ порядочнымъ городкомъ: смѣсь азіатскаго съ европейскимъ. Въ крѣпости казармы и гауптвахта, а на площади двѣ стороны застроены каменными рядами лавокъ. Сверхъ-того домъ присутствія уѣзднаго правленія, домъ городничаго, полиція, конюшни, магазины, все каменное, оттого что камня здѣсь много. За этими зданіями, на полугорѣ, расположены грузинскія землянки, а за ними виноградные сады. Положеніе города довольно пріятное. Въ немъ квартировали двѣ роты херсонскаго гренадерскаго полка.

При выѣздѣ по мосту, черезъ рѣчку Душетку, дорога идетъ на гору. На четвертой верстѣ спускъ къ мосту у деревни, окруженной виноградными садами. По отлогости горы паслись овцы съ большими курдюками и съ тонкою кудрявою шерстью. На седьмой верстѣ опять спускъ къ Арагвѣ, которая ограждалась съ обѣихъ сторонъ лѣсистыми горами. Дорога шла черезъ лѣсъ; ее разрабатывали плѣбные Турки, человекъ двадцать, взятые въ Карсѣ. Всѣ они въ чалмахъ, въ пестрыхъ курткахъ и шальварахъ: народъ крупный, здоровый, взмелѣянный азіатскою роскошью; они получали здѣсь на содержаніе въ сутки по три фунта хлѣба и по полуфунту мяса.

Дорога выходитъ на пространную долину, заросшую мелкими

дубовымъ лѣсомъ до деревни Гарцискалы, всего тридцать-четыре версты, у которой пути расходятся: одинъ вправо, черезъ городъ Горы, идетъ до Кутаиса, а другой прямо въ Тифлисъ.

Въ Гарцискалахъ казачій постъ и для проѣзжающихъ полуразвалившійся безъ крыши домъ; черезъ рѣчку, передъ деревней, мостъ и каменный домъ духанщика. Землянки Грузинъ расположены на скатѣ берега, въ которомъ они вырыты какъ норы.

Здѣсь мы кормили лошадей и сами пообедали изъ дорожнаго запасу. Между-тѣмъ я любовался двумя Грузинами, которые расположились передъ домомъ духанщика. Это были два охотника: у одного на рукѣ сидѣлъ соколъ, накрытый колпачкомъ, а у другаго на сворѣ двѣ гончія собаки. Посадивъ сокола на ближайшій сукъ дерева и привязавъ подъ нимъ собакъ, они сѣли на бугръ. Одинъ вынулъ изъ сумы запасный хлѣбъ, на подобіе блиновъ, сушеное мясо и сыръ, а другой пошелъ къ духанщику, который изъ ноги козьяго бурдюка нацѣдилъ ему въ кушничъ краснаго чахиря, и они принялись завтракать молча, или не очень разговорчиво. До сихъ-поръ Грузины казались мнѣ элегматиками съ такою же неповоротливою лѣтвю, какъ и наши полтавскіе хохлы.

Отъ Гарцискалы дорога поднимается на гору, по правую сторону Арагви. Отсюда до Мцхета шесть верстъ. На второй верстѣ поворотъ вправо подъ обрывъ берега, продолжающагося гранитною стѣною. Наконецъ, влѣво, при впаденіи Арагви въ Курю, представляются обширныя развалины города Мцхета. Этотъ Мцхетъ былъ некогда столицею Грузинъ. По преданію, онъ построенъ царемъ Мцхетомъ, сыномъ Картлоса, которато Грузины почитаютъ своимъ родоначальникомъ, и потому донынѣ называются Картули. Слѣдовательно, первое основаніе столицы Иберіи относится къ самой отдаленной древности, потому что Картлосъ почитается ближайшимъ потомкомъ Ноя, а Мцхетъ во времена Александра Македонскаго былъ уже цвѣтущимъ городомъ. Судя по обширности вытѣшнихъ развалинъ, занимающихъ весь уголъ между Арагви и Курюю, версты на три пространства, городъ былъ значительный. Крѣпость посреди развалинъ еще довольно сохранилась вмѣстѣ съ соборною церковью Покрова Святой Богородицы, въ которой короновались грузинскіе цари и посвящались архіепископы. Это зданіе служитъ драгоценнымъ памятникомъ водчества, существовавшаго въ Грузинъ. Оно построено изъ

сѣраго камня огромной величины: архитектура правильная, массивная; портики, капители и карнизы украшены высѣченными изъ того же камня выдуковыми фигурами пропорціонально и во вкусъ особеннаго стиля, подходящаго къ готическому. Царь Иберій, Маріанъ, первый принявшій христіанскую вѣру отъ Святой Нины, въ 314 году, построилъ на мѣстѣ собора деревянную церковь, вмѣсто которой тридцать-третій грузинскій царь, Вахтангъ Гургъ-Осланъ, въ 446 году, соорудилъ великолѣпный соборъ, оградивъ его стѣною, внутри которой построилъ также царскія палаты. Въ 1283 году, отъ сильнаго землетрясенія церковь обрушилась; она возобновлена семьдесятъ-первымъ царемъ, Георгіемъ; но при нашествіи Тамерлана была вновь разрушена. Нынѣшній соборъ воздвигнутъ, въ 1414 году, семьдесятъ-шестымъ царемъ, Александромъ. Карталинскій девяносто-четвертый царь, Вахтангъ-Законодатель, изъ фамиліи Багратіоновъ, заповѣдалъ, чтобы всѣ грузинскіе цари короновались въ мцхетскомъ соборѣ. Вокругъ купола высѣченная грузинская надпись свидѣтельствуетъ обновленіе его царемъ Ростомомъ и царицею Маріею. На сѣверной сторонѣ, подъ куполомъ, изображена рука, держащая наугольникъ. По преданію, церковь строилась двумя архитекторами, изъ которыхъ одинъ былъ ученикомъ; первый изъ зависти, что ученикъ превзошелъ его въ искусствѣ зодчества, отрубилъ ему руку. Въ память этого происшествія сдѣлано изображеніе несчастной, славной руки. Въ оградѣ собора находится много надгробныхъ камней, свидѣтельствующихъ о погребеніи здѣсь грузинскихъ царей. Противъ царскихъ воротъ, по правую и по лѣвую сторону, видны гробницы двухъ послѣднихъ царей Ираклія и Георгія. На мраморныхъ плитахъ сдѣланы слѣдующія надписи:

Первая: «Здѣсь покоится царь Ираклій, родившійся въ 1716 году, который взшелъ на престолъ кахетинскій въ 1744, на карталинскій въ 1762, и который скончался въ 1798 году. Дабы предать потомству память о семъ государѣ, царствовавшемъ со славою втеченіи пятидесяти-четырехъ лѣтъ, именемъ Его Императорскаго Величества Александра-Перваго, главнокомандующій въ Грузіи, маркизъ Паулуччи, соорудилъ ему сей памятникъ въ 1812 году. Проектировалъ и строилъ инженеръ-подполковникъ Кондратьевъ.»

Вторая: «Здѣсь покоится царь Георгій, родившійся въ 1750 году, который взшелъ на престолъ грузинскій въ 1753 году, и ко-

«торый изъ любви къ благу своихъ подданныхъ, желая навсегда «обезпечить ихъ благосостояніе, въ 1799 году уступилъ Грузію «Россійской Имперіи, и скончался въ 1800 году. Дабы предать «потомству память о послѣднемъ грузинскомъ царѣ, именемъ «Его Императорскаго Величества Александра-Перваго, главноко- «мадующій въ Грузіи, маркизъ Паулуччи, соорудилъ ему сей па- «мятникъ, въ 1812 году. Проектировалъ и строилъ инженеръ- «подполковникъ Кондратьевъ.»

Поэтому должно заключить, что въ мцхетскихъ развалинахъ сокрыты богатые источники нумизматическихъ рѣдкостей; можетъ быть любители древности скоро начнутъ рыться въ нихъ такъ же, какъ роются въ Крыму около Керчи. Дѣйствительно; въ 1827 году одинъ поселянинъ, роясь здѣсь въ землѣ, вынулъ кубокъ, наполненный серебряными монетками, принадлежащими къ временамъ одного изъ царей Сасанитской династіи.

Дорога проходитъ мимо крѣпости, остающейся вправо, а на- лѣво видна другая-церковь и близъ нее красивая часовня, по- строенная, какъ говорятъ, Святою Ниною, которая въ четвер- томъ вѣкѣ проповѣдывала въ Грузіи христіанскую вѣру.

Городъ Мцхетъ началъ упадать съ 469 году, когда грузинскій царь Дачи перенесъ свое мѣстопробываніе въ Тифлисъ. Въ по- слѣдующіе времена его разоряли Персіяне; неумолимый Тамер- ланъ довершилъ его паденіе. Послѣ того, сколько ни старались грузинскіе цари поддержать существованіе города, онъ остался и донынѣ невоскресающимъ изъ своихъ развалинъ. Между-тѣмъ положеніе его во многихъ отношеніяхъ выгодноѣ и здоровѣе тиф- лисскаго, чтобъ быть главнымъ городомъ Грузіи; во-первыхъ, при сліяній двухъ рѣкъ онъ лучше можетъ быть защищенъ, а во-вторыхъ, плодоносныя окрестности его дали бы болѣе средствъ для продовольствія жителей; даже и воздухъ здѣсь не такъ душ- ливъ во время лѣтняго зноя. Теперь въ Мцхетѣ живетъ около сотни семействъ, зарывшихся въ порохъ своихъ, на самомъ углу мыса, при впаденіи Арагви въ Куру. Жилища ихъ на скатѣ бе- рега, ниже каменной церкви, кажутся изъ-дала кучами взрытой земли, и если бы не вылѣзали изъ нихъ безпечныя женщины и ребята, своею пестротою придающія нѣсколько живости разва- линамъ, то можно бы почесть городъ совсѣмъ безлюднымъ.

Отъ Мцхета на шестой верстѣ существуетъ каменный мостъ съ башнею, черезъ Куру. По преданію, этотъ мостъ построилъ

ринскихъ полководцевъ Помпей, при преслѣдованіи царя Митридата; онъ состоитъ изъ одной обширной арки, черезъ которую яростно изливается по гранитнымъ скаламъ пѣнистая Кура, саженъ на двадцать ширины, зеленоватою водою. Я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на эту Куру или Киръ, носящую имя знаменитаго въ древности персидскаго шаха.

По ту сторону рѣки, на правойъ берегу, обрывистыя гранитныя горы, съ наклонными слоями, представляютъ почтенную сѣдую древность. Эти горы и скалы и эта рѣка остаются неизмѣнными свидѣтелями всѣхъ переворотовъ человѣческаго міра отъ Помпея, строившаго мостъ, и Тамерлана, разорившаго Мцхетъ, до послѣдняго русскаго солдата, идущаго на квартиру въ Тифлисъ, а между тѣмъ сколько народовъ и царствъ погибло и возродилось вновь!

Отъ мосту дорога круто поворачиваетъ по берегу Куры влѣво и доходитъ опять противъ Мцхета, который по ту сторону своими пустынными развалинами и земляными норками Грузинъ, еще разъ напоминаетъ о минувшемъ величій своемъ и о суетности всего земнаго величія. Я съ грустію смотрѣлъ на него.

Отсюда дорога идетъ надъ Курою подъ дливною гранитною стѣною высокихъ горъ; она очень камениста и мѣстами даже опасна, потому что надобно по кособогу спускаться надъ глубокимъ обрывомъ въ Куру, гдѣ при малѣйшей неосторожности или отъ несчастнаго толчка не можетъ быть ни какого спасенія. Мы съ трудомъ и опасеніемъ проѣхали это мѣсто; послѣ чего дорога выходитъ на долину пахатной, глинистой земли.

По ту сторону Куры довольно заселено. Горы по обѣимъ сторонамъ отлогія, обнаженныя, глинистыя, безплодныя, на которыхъ изрѣдка являютя колючіе кусты палиура (*Paliurus aculeatus*).

На десятой верстѣ отъ Мцхета открывается вдаль Тифлисъ бѣлыми полосками подъ черною горою по сю сторону Куры. Верстѣ пять дорога опять идетъ подъ каменною стѣною горы, надъ обрывомъ въ Куру, которая влѣво глубоко крутитъ зелеными волнами, саженъ на пятьдесятъ шириною; вода быстро стремится между крутыми, скалистыми берегами.

Не доѣзжая двухъ верстѣ до городу встрѣчается каменный высокій мостъ черезъ рѣчку Веру, выходящую съ права глубокимъ

охранять, у котораго вправо виднѣя кирпичный иноварочный заводъ одного Нѣмца-колониста — и городъ передъ глазами.

Каменная гауптвахта съ паравальными солдатами и шлахбаури насъ остановили. Здѣсь взяли у меня подорожную и испустили за рогатку.

Я думалъ остановиться въ рестораціи у Француза, о которой казаки сказывали мнѣ въ Гарцискаль, что его можно найти противъ почтовой конторы. Для этого надлежало намъ ѣхать черезъ большую часть города; сперва миновали мы вправо артиллерійскій паркъ, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ мѣдныхъ орудій съ лафетами, стоявшихъ на открытомъ мѣстѣ, и тутъ же рядомъ каменный арсеналъ; потомъ проѣхали мимо огромнаго дому главнокомандующаго, прекрасной европейской архитектуры, съ двумя статуями въ нишахъ; потомъ мимо главной гауптвахты, чрезъ эриванскую площадь, которая довольно обширна и обстроена очень хорошими домами. Послѣ того спустились на небольшую площадь къ почтовой конторѣ и къ рестораціи Француза Антоана. Съ перваго взгляду я увидѣлъ, что тутъ не найду пристанища: домъ небольшой и тѣсный, заставленъ былъ экипажами. Мнѣ сказали, что все комнаты заняты Англичанами, ѣдущими изъ Персіи; а какъ въ городѣ нѣтъ другаго пристанища для пріѣзжающихъ, то совѣтовали мнѣ ѣхать за мостъ, на пески, къ нѣмецкимъ колонистамъ. У Нѣмцевъ, по ихъ аккуратности, я думалъ найти хорошее пристанище, и съ удовольствіемъ поѣхалъ въ мосту. Дорога шла черезъ кривыя, тѣсныя улицы и тутъ я увидѣлъ азіатскій Тѣмльсь: тѣсные, глиняные дома безъ крышъ или съ одними потолками; вездѣ смрадъ, соръ и нечистота какъ у жидовъ, и притомъ толкотня чернаго народа. Площадка передъ мостомъ, обставленная фруктовыми лавками и всякою огородною зеленью, походила на сѣнную площадь. Мы съ трудомъ протѣснились между народомъ и переѣхали очень хорошій каменный мостъ черезъ Куру. За мостомъ на лѣво подъ скалами крутаго берега, у первыхъ Нѣмцевъ, расположенныхъ надъ рѣкою, я узналъ, что все дома у нихъ заняты пріѣзжими офицерами, и меня послали ко вторымъ Нѣмцамъ, за деревню Куки, по берегу Куры, еще съ версту далѣе. Здѣсь я обманулся въ своемъ ожиданіи и, вмѣсто германскаго опрятства, нашелъ азіатскую грязь.

Стало смеркаться. Опасаясь, чтобы не послали меня къ треть-

нить Пимцавъ, еще версты двѣ далѣе, я занялъ холодную комнату съ разбитыми стеклами въ окнахъ, у одного колониста, который казался по-зажиточнѣе, однако съ трудомъ согласился дать мнѣ пристанище за рубль серебромъ въ сутки.

Такимъ образомъ кончился весь утомительный переѣздъ мой отъ Владикавказа до Тифлиса. Только встрѣча съ Нѣвцами здѣсь навела на меня какое-то горестное предчувствіе.

Октября тридцатаго, рано поутру, отъ крайняго дома моего Нѣвца я любовался картиннымъ видомъ Тифлиса по ту сторону Куры. Весь городъ расположенъ въ тѣсномъ ущельѣ, которое ограждается оковечностью высокаго кража горъ, вдушихъ отъ запада. Это самое причиною нестерпимыхъ жаровъ и духоты въ городѣ лѣтомъ, когда лучи солнца отражаясь отъ гранитныхъ скалъ сгущаютъ и распалютъ воздухъ, который можетъ очищаться только восточными вѣтрами. Городъ по правую сторону Куры раздѣляется на двѣ части: новую верхнюю и старую нижнюю. Первая заключаетъ въ себѣ всѣ русскія зданія европейской архитектуры, начиная отъ Петербургской Заставы до Эриванской Площади. Эта часть нѣсколько возвышеннѣе и въ ней не такъ душно жить, какъ въ нижней, расположенной отъ Эриванской площади далѣе между старою крѣпостью и берегомъ Куры за Сѣригорачными банями. Тутъ Грузины живутъ очень тѣсно въ своихъ глиняныхъ и каменныхъ, до половины врытыхъ въ землю домахъ. Конечно надобно родиться Грузинемъ, чтобы сносить такую тѣсоту, смрадъ, грязь, соръ, и дышать такимъ дурнымъ воздухомъ, какъ около ихъ жилищъ.

Послѣ перваго взгляду на Тифлисъ, я цѣлый день ѣздилъ верхомъ по городу для свиданія съ нѣкоторыми знакомцами и прежними сослуживцами. Они мнѣ сказывали, что въ Тифлисъ гораздо пріятнѣе жить, нежели въ Георгіевскѣ. Здѣсь только три предмета раззорительны для семейнаго человѣка: хлѣбъ, фуражъ и дрова. Хлѣбъ пшеничный выходитъ черныи изъ муки, которой четверть рѣдко бываетъ дешевле двадцати-четыреехъ рублей ассигнаціями. Пшеница здѣсь дурная не смотря на плодородіе края, потому что Грузины невѣжды въ земледѣліи; они существуютъ не хлѣбомъ, а виномъ отъ своихъ виноградныхъ садовъ, за которыми также не знаютъ надлежащаго присмотру. Сѣно здѣсь всегда дурное, по рублю за пудъ, а четверть ячменя стоитъ отъ двадцати до тридцати рублей. Дрова, изъ тонкихъ двухъаршинныхъ

дубовыхъ, чинаровыхъ, пальмовыхъ или каштановыхъ сучьевъ, продаются связками или вьюками на ослахъ, и сажень ихъ обходится по сороку или по пятидесяти рублей. Дамскіе товары не дороги.

Опасались чумы, которая изъ Карса занесена была въ Гуиры и потомъ показалаь внутри Грузіи въ Гори. Со страхомъ ожидали, что она прійдетъ и въ Тифлисъ.

Это извѣстіе начинало разочаровывать меня въ монхъ романтическихъ идеяхъ о Грузіи; на каждомъ шагу мнѣ представлялось жалкое существованіе человѣчества въ Азіи.

Мы пошли прогуляться до базара, и первый предметъ, попавшійся мнѣ на глаза передъ домомъ полиціи, на площадкѣ, была продажа съ публичнаго торгу вещей одного умершаго чиновника, и кого же? моего искренняго друга Г***!

Г*** вѣкогда былъ моимъ товарищемъ по службѣ. Труды и удовольствія жизни мы дѣлили съ нимъ, какъ добрые братья. Я надѣялся свидѣться съ нимъ и провести много новыхъ пріятныхъ минутъ: судите же какое впечатлѣніе должна была произвести на меня продажа его пожитковъ на площади!

Погруженный въ горестную думу и въ воспоминаніе объ утраченномъ другѣ, я машинально слѣдовалъ за товарищами на прогулкѣ, и въ одной улицѣ, подходя къ караванъ-сараямъ или къ базару, то есть, къ самой дѣятельной части города, былъ пробужденъ страннымъ стукомъ, шумомъ, крикомъ и разнообразною пестротой народу.

Тутъ, въ открытыхъ лавкахъ, окружающихъ небольшую площадь, мѣдники сколачивали изъ красной листовой мѣди большіе котлы и, ударяя въ мѣру, производили однообразный страшный стукъ. Кузнецы при отковкѣ разныхъ желѣзныхъ вещей съ двумя молотобойцами также разнотонными молотками составляли музыкальное тріо, а все вмѣстѣ производило ужасную ораторію, которую бы не натѣшилса и самъ Плутонъ въ преисподней ада. Далѣе горшечники очень искусно вывертывали изъ желтой глины огромные кувшины, ведра въ полтора, для воды и для вина. Но занимательнѣйшіе ряды — золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, которые на воздухѣ плавятъ металлъ, куютъ его, раздувають и стучатъ, а ные поджавъ ноги тутъ же пилятъ и обдѣлываютъ самыя тонкія вещи, — наборъ на уздечки, или запонки, перстни и всякія украшенія, не только для лошадей, но и для щеголихъ Грузинокъ. Не менѣе занимательны также

ряды споживковъ, портныхъ и шапочниковъ, нѣкоторые въ своихъ лавкахъ открыто сидятъ на пяткахъ, кроютъ и шьютъ, стучать и кричатъ; тутъ же сидя иѣрки снимаютъ и приниѣриваютъ; тутъ же ѣдятъ что нибудь и запиваютъ изъ кувшина тахиремъ. Къ этому нужно прибавить непрерывную толкотню всякаго народа съ ношами и безъ ношъ, вѣчный говоръ и шумъ, смѣсь разныхъ костюмовъ Грузинъ, Грузинокъ, Татаръ, Персiевъ, Осетинъ, Лезгиновъ, казаковъ, плѣнныхъ Турокъ, русскихъ солдатъ, притомъ не рѣдко ословъ со вьюками, или арбъ съ буйволами, или верховыхъ въ нестрой одеждѣ съ блестящимъ наборомъ на лошади; и вы можете представить себѣ картину этой вѣчной ярмарки въ одной части города, тогда какъ въ другихъ все пусто и спокойно. Все это на первый разъ чрезвычайно занимательно.

Весь базаръ состоитъ изъ нѣсколькихъ улицъ и площадокъ, наполненныхъ съ утра до вечера народомъ; въ каждой улицѣ и на площадкѣ ряды съ лавками одного цѣха ремесленниковъ или фабрикантовъ. Въ срединѣ этого базара помѣщаются три большихъ караванъ-сарая; одинъ изъ нихъ противъ моста выходитъ красивою колоннадою. Къ караванъ-сараямъ безпрестанно приходятъ или изъ нихъ отходятъ верблюды съ большими тюками товаровъ.

Самую занимательную часть базара составляетъ между караванъ-сараями крытое подъ сводами длинное строенiе гостинныхъ рядовъ съ красными товарами, гдѣ сукна, шелковыя, бумажныя и шерстяныя матерiи разныхъ красокъ, узоровъ и добротъ, европейскихъ, русскихъ и азиатскихъ фабрикъ, галантерейныя, серебряныя и золотыя вещи, посуда, фарфоръ, хрусталь, фаянсъ, косметическiя произведенiя и всякiе предметы роскоши разложены передъ глазами проходящихъ. Тутъ не слышно привязчиваго, пошлаго зазыванья московскихъ лавочниковъ; напротивъ, въ каждой лавкѣ, посреди открытаго богатства, сидятъ элегматически поджавъ ноги, опрятно одѣтый Армянинъ и хладнокровно ожидаетъ покупателя, по которому глядя велитъ своимъ мальчикамъ показать товаръ съ объявленiемъ рѣшительной цѣны; только съ русскими чиновниками, и особенно съ дамами они вступаютъ въ вѣжливое приглашенiе и сами раскладываютъ лучшiе товары; причемъ, зная, что русскiе любятъ торговаться, запрашиваютъ съ нихъ въ три дѣрога.

Эти ряды, подъ сводами также всегда наполнены народомъ, гдѣ толкается всякая чернь и проѣзжаютъ верховые или вьюч-

ные; причемъ надобно остерегаться, чтобы какой-нибудь орачъ не сдернулъ васъ съ мѣста своимъ широкимъ выюкомъ.

Лучшій изъ всѣхъ караванъ-сараявъ здѣсь армянскій, построенный въ 1820, въ три этажа, и выходящій на берегъ Куръ. Въ немъ всегда большая складка товаровъ и множество народу. Во всѣхъ трехъ этажахъ навалены неразобранные тюки, и даже въ бассейнѣ фонтана, который безъ воды. Здѣсь въ числѣ одной стѣны поставлена статуя Меркуря, покровителя плутовства и торговли. Внутренность караванъ-сарая обширная, округленная амфитеатромъ и галлерейми сверху до низу, а около пустаго бассейна перилы. Въ Тифлисѣ вся торговля въ рукахъ Армянъ, и только два купца изъ Грузинъ, братья Харазинны.

Ознакомившись такимъ образомъ съ торговою дѣятельностію Тифлиса и разсѣявшись нѣсколько, я пробѣжалъ черезъ послѣднюю площадку передъ мостомъ, обставленную фруктовыми и овощными лавками. Тутъ яблоки, груши, айва, гранаты, виноградъ, рѣпа, морковь, пастернакъ, капуста, лукъ, маслины, фасоль и каштаны навалены огромными кучами. Сверхъ того въ каждой лавкѣ развѣшаны гирляндами стручки красного перца, гранаты и вяленый виноградъ. Между всѣми дарами Помоны сидитъ замѣчательный, сирадный Грузинъ, который приходящимъ отвѣщиваетъ фрукты, икру и капусту на одѣжъ и тѣхъ же заржавленныхъ вѣскахъ. Тутъ же недалеко лежатъ при винныхъ подвалахъ цѣлыя ряды буйволовъ, залптыхъ чохиремъ. Эти буйволовыя шкуры выворочены внутрь шерстью и смазаны тамъ нефтью, отъ которой вино принимаетъ дурной запахъ. Надобно присыкнуть видѣть, какъ цѣдитъ это вино неопытный Грузинъ изъ буйволовой ноги; причемъ пуская фонтанъ, часто мочитъ свои грязныя руки въ томъ винѣ, которое отпускаетъ.

Передъ мостомъ всегда тѣсно отъ множества проходящихъ и пробѣгающихъ, которые безпрестанно кричатъ пѣснями: *хабарда* (берегнешь!) Въ числѣ разнохарактернаго народа на этой площадкѣ толнятся угрюмые Лезгинны подъ мехнатыми бурками въ короткихъ шапахахъ, въ черныхъ до колѣнъ шалварахъ и въ чулкахъ, сверхъ которыхъ, изъ бѣлой кожи, надѣты шегольские, зашнурованные полусапожки съ толстою подошвой и съ закрюченными носками. Эта площадь совершенно подобна толучному рынку въ Шуклиныхъ рядахъ Петербурга. Здѣсь далайские джиганскіе Горцы съ бурками, оружіемъ, кожами; Армяне съ платками и одѣлами; солдаты съ старыми платьями: кто тѣмъ

попытать забрызгать на открытомъ воздухѣ безъ поминки за мѣсто.

На другой день хлопоталъ я о квартирѣ для моего семейства и притомъ я самъ отправился въ Эривань; послѣ того поѣхалъ съ женою изъ свояку, старшему лекарю Г***, жившему въ военномъ госпиталѣ на Атаугѣ, по лѣвую сторону Куры. Тутъ, въ удаленію нашему, мы увидѣли вокругъ госпиталя оцѣвленное войскомъ караваномъ. Часовые не пропускали ни кого, ни туда ни оттуда. Офицеръ сказалъ мнѣ, что привезенный третьего дня большой лекарь Л*** изъ Гори умеръ въ госпиталѣ отъ чумы, и всѣ люди съ нимъ. Это испугало насъ, потому что третьего дня мы въ одно время съ этимъ лекаремъ вѣхали въ заставу. Отдавая подорожную я видѣлъ его, на арбѣ, покрытаго солдатскою шинелью: голова несчастнаго была открыта, и онъ смотрѣлъ на меня большими, блестящими безуміемъ глазами. Послѣ обѣда Г*** пришелъ къ намъ прямо изъ госпитальныхъ наметъ и подтверждалъ вѣстіе объ умершемъ. Жена моя была въ отчаяніи за себя и за сестеръ своихъ, потому что, если Г*** зачумился отъ больного, то онъ погибнетъ и всѣ мы, имѣвшіе съ нимъ сообщеніе. Вотъ первое бѣдствіе, котораго я ни мало не думалъ встрѣтить такъ скоро въ Тифлисѣ. Мы тотчасъ возвратились въ квартиру, опасаясь обнаружить наше вчерашнее свиданіе съ Г***, и сами почитая себя въ сомнительномъ положеніи отъ чумы, ожидали со страхомъ своей участи.

Между тѣмъ я далъ себѣ слово плевать въ бороду всякому горю и несчастію и поѣхалъ для разсвѣянія отъ своего Нѣина въ городъ; хлопотать о квартирѣ.

Въ Тифлисѣ, какъ говорили мнѣ, считалось тогда до 50,000 жителей; въ томъ числѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ съ прислугою, гарнизона войскъ, иностранцевъ и вообще Европейцевъ до 10,000; изъ числа азіатскихъ народовъ болѣе всего Армяны, которыхъ волагалось 3,700 семействъ, Грузины 2,220 семействъ; Татары, Персіяны и Имеретинцы 740 семействъ; а считая въ семействѣ кругомъ по шести душъ, выйдетъ всего Азіатцевъ до 40,000. Все это населеніе очень тѣсно помѣщалось въ 3,000 домахъ, изъ которыхъ только тысяча походитъ на дома нынѣ на капитальныхъ, правильныя жилища. Дома здѣсь построены болѣе изъ плитнаго камня, вмazanнаго въ стѣны стѣнныя, попеременно, съ плоскимъ квадратнымъ кирпичемъ. Каменщики здѣсь болѣе Персіяне, очень искусныя въ своемъ дѣлѣ. Собственно

грузинскіе дома построены одинъ при другомъ, такъ одинъ надъ другимъ такъ, что плоская крыша нижняго дома служитъ дворомъ верхнему. Всѣ дома безъ крышъ съ одинаки потолками похожи на погорѣлыя; но въ самомъ дѣлѣ они предохраняются недостаткомъ крышъ отъ пожара: въ домахъ дерево скрыто и нечему загорѣться снаружи. Грузины свои дома обращаютъ фасадомъ или окнами болѣе къ сѣверу для того, чтобы солнечные лучи не входили внутрь и не усиливали бы теплоты. Внутренность дома разделяется на двѣ половины: одна на сѣверъ, другая на югъ; окна южной стороны прикрываются отъ солнца галерею съ навѣсомъ; а какъ въ Тибетѣ почти не бываетъ зимы, то и печей внутри дома не дѣлаютъ, только каминны. Съ плоскихъ крышъ по желобамъ дождевая вода стекаетъ въ сады. Крыши убиваютъ глиною и настилаютъ землею; недостаетъ только, чтобы тамъ завести цвѣтники. Въ лучшихъ домахъ по краямъ плоскихъ крышъ дѣлаютъ балюстрады, и это придаетъ не мало красоты дому. Есть дома въ два и три этажа съ большими окнами; но только у богатыхъ жителей. Напротивъ, дома бѣдныхъ Грузинъ въ нижней части города — не что болѣе, какъ подземныя норы, которыя можно узнать на поверхности земли только по трубѣ и продушникѣ для свѣту, а сбоку по низкой двери, которою входятъ въ мрачное подземелье.

Еще довольно осталось слѣдовъ отъ всеобщаго разоренія города Ага-Магометь-Ханомъ въ 1795 году, и не смотря на чрезвычайный успѣхъ возведенія всѣхъ зданій въ продолженіи управленія краемъ Русскими, еще въ нѣкоторыхъ улицахъ и на площадяхъ остаются груды разрушенныхъ стѣнъ, въ которыхъ кой-гдѣ гнѣздятся бѣдные Грузины.

Азиатская или нижняя часть города состоитъ изъ множества небольшихъ кварталовъ, ограничивающихся глухими стѣнами, которыя отдѣляются между собою кривыми узкими улицами. Грузины имѣютъ дурную привычку выкидывать и выливать всякую нечистоту передъ дверями на улицу; оттого между ихъ тѣсными жилищами всегда отирательная нечистота и востерный амміачный смрадъ, заражающій воздухъ до перваго дождя, который обильными потоками съ горъ вымываетъ всѣ улицы. За то въ каждомъ тѣспомъ дворикѣ посажено нѣсколько миндалявыхъ или тополевыхъ деревьевъ, и лозы двѣ три виноградника.

Въ верхней части города есть три хорошія площади: Никол-

лаевская, Александровская и Эриванская; обстроенныя лучшими домами европейской архитектуры въ два и три этажа съ колоннами и крышами. Только площади неправильной фигуры и недовольно обширны. Самыя тѣсныя площади находятся въ азиатской части города и называются: Тавризская, Аббастъ-Абадская и Сардаръ-Абадская. Всѣ эти названія даны вновь генералъ-адеютантомъ Спягинымъ въ память послѣднихъ завоеваній въ Персiи. Почти на каждой площади есть гауптвахта. Казенные дома присутственныхъ мѣстъ, магистрата, азиатскаго училища и полицiи очень хороши. Даже съвзжій домъ съ каланчею первой части имѣетъ хорошiй видъ. Эриванская площадь обставлена лучшими домами корпуснаго штаба, управляющаго комиссарiатскою комиссiею, и другихъ. За то ремесленныхъ вывѣсокъ въ городѣ очень мало. Нѣмцы портные, сапожники и часовые мастера живутъ рядомъ въ одной улицѣ близъ базара. Магазиновъ вовсе нѣтъ, выключая одного французскаго, де-Кастелло, съ хрустальною посудой. Ресторации очень плохи, и тѣхъ не много. Никольская уединенная прибрежная площадь обставлена немногими хорошими домами, изъ которыхъ лучшiй князя Мадатова. Дворецъ главнокомандующаго стоитъ отдѣльно противъ Николаевской площади, которая на полугорѣ ограничивается развалинами грузинскихъ землянокъ. Противъ самаго дворца очень портитъ видъ улицы полуразвалившаяся грузинская церковь. Дворецъ, самъ по себѣ, въ четыре этажа имѣетъ великолѣпный фасадъ съ колоннами; по сторонамъ поставлены статуи Геркулеса и Минервы.

Катедральный соборъ *Sionъ* не отличается архитектурою отъ прочихъ грузинскихъ церквей, и стоитъ между рядами базара не имѣя ни какого фасада. Въ городѣ всего около шестидесяти церквей, въ томъ числѣ сорокъ армянскихъ, одна католическая, отличающаяся своею фигурою съ двумя колокольнями въ переднемъ фасѣ, и близъ моста одна прекрасная мечеть съ обширнымъ голубымъ куполомъ и высокимъ минаретомъ Алиевой секты. Тотчасъ за мостомъ, въ скалѣ, есть пещера, украшенная снаружи мраморными колоннами и красивымъ фронтономъ: это была келья одного святаго, который сожженъ живой персидскимъ шахомъ Гуссейномъ, зато что, проповѣдуя превосходство христіанской религiи надъ магометанскою, привлекалъ къ себѣ много послѣдователей и поклонниковъ. Здѣсь на грузинскихъ и армянскихъ церквахъ куполовъ нѣтъ; эти массивные, каменные

зданія съ контрфорсами, безъ колоннъ, увѣнчаны цилиндрическою башенкою съ узкими окнами, имѣющею конусную зеленую крышу съ крестомъ; такія крытыя башенки замѣняютъ церковныя главы. По сторонамъ главной башенки ставятся еще по двѣ такихъ же маленькихъ съ конусовидными колпачками; въ одной изъ нихъ привѣшаны три небольшіе колокола. Снаружи по карнизамъ, надъ окнами и дверями церковными бывають выстѣпаны изъ камня арабески.

Налибовавшись на церкви, я полюбопытствовалъ пройти около базара въ съѣстной рядъ или мимо открытыхъ харчевенъ, гдѣ на очагахъ открыто жарятъ и пекутъ всякую всячину для тѣхъ ремесленниковъ и рабочихъ, которые цѣлый день сидятъ поджавъ ноги въ мастерскихъ, и не имѣютъ близко своего хозяйства. Здѣсь вѣчный чадъ и смрадъ. Хлѣбы пшеничные пекутъ нѣсколькихъ сортовъ: одни тонкіе и длинные, на подобіе лоскутовъ лосиной кожи, которыхъ полъ-сотни перекинувъ черезъ плечо разносчикъ носить по базару, восхваляя громогласно ихъ неподобный вкусъ и свѣжесть; другіе плоскіе, длинные, сдвинутые на одну сторону, на подобіе нашихъ пироговъ и подрумяненные или смазанные жиромъ, охотно покупаются въ семейные дома; третьи продолговатые или круглые и то же плоскіе, черные, ячменные, дѣлаются для бѣднѣйшихъ рабочихъ людей; наконецъ четвертые лучшаго сорта бѣлые, чище и по наружности привлекательнѣе, но вкусомъ сладко-горькіе, и вмѣсто масла налитые бараньимъ жиромъ, дѣлаются изъ просяной муки для лакомства Армянкамъ и Грузинкамъ. Кромѣ того пекутъ небольшіе пироги съ грубою начинкою рубленной баранины съ лукомъ и перцемъ. Всѣхъ этихъ пироговъ и хлѣбовъ Русскій безъ привычки не станетъ ѣсть. Для чиновниковъ Нѣмцы пекутъ обыкновенные пшеничные, фунтовые хлѣбы наподобіе французскихъ; они довольно вкусны, только всегда черны, и здѣсь никогда не увидишь бѣлаго французскаго хлѣба, какой печется въ Россіи всѣми булочниками, потому что здѣсь въ цѣлой Грузіи нѣтъ хорошей пшеничной муки; лучшая крупятчатая доставляется изъ Россіи по подряду. Бѣлые нѣмецкіе сухари и крендели къ чаю привозятся сюда также изъ Россіи, и продаются по рублю за фунтъ. По дороговизнѣ дровъ и отъ недостатку посуды многіе жители не пекутъ сами хлѣба; отъ этого и солдаты, живущіе не въ казармахъ, а по квартирамъ, продають свой паекъ муки и покупають грузинскій хлѣбъ. Около базара есть довольно кабаковъ

или трактировъ, въ которыхъ продають виноградную водку, довольно крѣпкую, сильнѣе русскаго пѣшника; пьющему вино на закуску выставляютъ кусокъ вареной свинины или соленої рыбы съ хлѣбомъ.

Воду по домамъ носятъ здѣсь рабочіе Имеретинцы въ большихъ красноглиняныхъ кувшинахъ, по ведру величною, грушеобразной формы съ узкимъ малымъ горлышкомъ: одинъ кувшинъ виситъ вдоль по спинѣ, а другой кладется за плечами поперекъ. Кто не въ состояніи нанять Имеретинца для носки воды, тотъ покупаетъ ее у водовоза, который доставляетъ воду по персидски, въ большомъ кожаномъ мѣхѣ на лошади. Имеретинцы употребляются здѣсь для всякой черной и тяжелой работы, къ которой они очень привычны. Я видалъ около караванъ-сарая такихъ силачей, которые на спинѣ переносили огромные тюки съ хлопчатой бумагой, съ ситцами и холстомъ, или сундуки весомъ по пятнадцать пудъ. Подъ такимъ огромнымъ тюкомъ носильщикъ чуть видѣвъ, согнувшись глаголемъ, и медленно передвигая ноги, какъ древній Атласъ, носившій на плечахъ вселенную.

Весь городъ по пологорѣ выше строеній украшается обширными садами, въ которыхъ одинъ находится при дворцѣ главнокомандующаго. Сады здѣшніе раздѣлены продольными и поперечными аллеями, которые обсажены виноградникомъ около жердей, въ видѣ шпалеръ со сводами, гдѣ разстилаются на всѣ стороны вѣтви съ листьями и гроздями. Все это лѣтомъ представляетъ душную теплую тѣнь, весьма нездоровую, особенно во время цвѣтенія винограда; зато по утрамъ и вечерамъ, если восточный вѣтеръ разрѣдитъ густоту воздуха, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ гулять подъ сводомъ непрерывной зелени и встрѣчать передъ глазами на каждомъ шагу сочныя грозды винограда, какъ полную грудь красавицы. Я видѣлъ удивительной толщины виноградныя лозы: отъ корня до свода пень въ полтора дюйма толщины, поднимающійся деревомъ и потомъ развѣтвляющійся далеко по шпалерамъ. Съ одной такой древесной лозѣ сидается нѣсколько пудовъ винограда, а въ каждомъ саду на десятинѣ разсажено до тысячи такихъ лозъ; виноградъ на нихъ крупный бѣлый и красный. Поэтому можно судить объ изобиліи винограда въ Тифлисѣ. Середина куртинъ вспахана и засѣвается огородною зеленью; около дорожекъ въ аллеяхъ разсажены кусты розъ, сирени, яблн, бархатки, цесны. Въ нѣкихъ садахъ

по угламъ, гдѣ нѣтъ виноградника, растутъ большія волошныя или орѣховыя, также фиговые и персиковыя деревья, а по аллеямъ, гдѣ мало виноградника, разсажены высокія пирамидальныя тополи. Въ большихъ садахъ есть *чахири* или дома, гдѣ давятъ въ чанахъ виноградъ и приготавливаютъ вино; тутъ же въ земляныхъ ямахъ стѣны обкладываются глиною на подобіе кувшина, которые снаружки обжигаются, и потомъ въ нихъ для храненія, вмѣсто погребовъ и бутылокъ, наливаютъ вино. Такіе кувшины бывають въ нѣсколько сотъ ведеръ, въ которыхъ иногда находили утопленниковъ, неосторожныхъ пьяницъ. Лучшій изъ виноградныхъ садовъ здѣсь почитается бывшаго начальника артиллеріи Ахвердова. Надъ домомъ при этомъ садѣ въ полугорѣ, какъ птичье гнѣздо, виситъ дѣвичій монастырь Святаго Давида. По слухамъ, въ немъ добровольно заключена теперь одна прекрасная бѣличка Софія, которая столько интересна, что всѣ съ усюками миловидныя юноши, подъ общимъ названіемъ *софистовъ*, взлетаютъ туда съ ревностнымъ желаніемъ обратитъ ее въ свѣтской жизни для радостей любви.

Обвѣзая всѣ концы города для знакомства съ новыми для меня предметами, я видѣлъ по улицамъ развѣзжавшихъ въ коляскахъ дамъ подъ шляпками; мужчины же ѣздили на парныхъ дрожкахъ. Этотъ русскій экипажъ содержатъ здѣсь Армяне извозчики, по кучерски одѣтые и съ билетами на затылкѣ, на подобіе московскихъ Ванекъ; они собираются на биржѣ въ двухъ мѣстахъ: на базарной и александровской площадяхъ. По настоящей дороговизнѣ фуража проѣздъ на армянскихъ дрожкахъ довольно дорогъ: за версту разстоянія требуютъ рубль серебромъ, а на нѣсколько часовъ пять и шесть рублей. Во время хорошей погоды въ нихъ нѣтъ надобности, но въ дурную раззорительно, если кто не имѣетъ своей верховой лошади.

По угламъ базарныхъ улицъ вездѣ прибиты печатныя таксы за подписью полиціймейстера съ означеніемъ цѣнъ на всѣ припасы; но Армяшки, не разумѣя русской грамоты, продаютъ все выше таксы, обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ. Четверть ячменя покупалъ я по тридцати рублей ассигнаціями, а желтое, тощее, пересохшее сѣно по рублю за пудъ. Лошади меня съѣдали, и если бы не ѣхать мнѣ въ Эривань, онѣ были бы проданы.

За большимъ мостомъ на скалистомъ берегу Куры построена генераломъ Ермоловымъ новая крѣпость Метехская, въ видѣ обширнаго замка съ казематами и зубчатыми башнями въ три эта-

жа. Этотъ замокъ необыкновеннаго вида составляетъ лучшее украшеніе города. Тутъ военный ордопанесь-гаузъ, арестантская для заключенія важныхъ преступниковъ и больница ихъ. Противъ того замка, надъ азіатскою частію города, остались по горѣ разрушенныя стѣны стараго замка и турецкой крѣпости, которая еще при генералѣ Ермоловѣ занималась карауломъ; но онъ снялъ съ нея всю кирпичную одежду, изъ которой выстроилъ новый метехскій замокъ, а оставшіеся подвалы обратилъ въ пороховые погреба. Подъ развалинами старой крѣпости изъ оврага вытекаетъ горный ручей, впадающій у новаго замка въ Куру; крутые и скалистые берега его усажены виноградникомъ, а внизу мостъ и у мосту сѣрногорчія бани.

Ниже моста по берегу, на лѣвой же сторонѣ Куры расположенъ сѣнной рынокъ. Каждое утро привозятъ сюда на арбахъ и вьюками сѣно, солому, дрова, уголь, и въ мѣшкахъ хлѣбъ зерномъ. Подъ вьюки употребляютъ лошаки, ослы и быки, которыхъ кормятъ саманомъ или рубленою соломною пополамъ съ мякиною. Часто видишь осла или быка задумчиво стоящаго съ огромнымъ мѣшкомъ на мордѣ, полнымъ этого самана, въ которомъ животное уже давно перебрало все забытые зернышки, но пережевать безвкусную солому въ немъ нѣтъ охоты. Вьючные быки привозятъ сюда также изъ Кульпы отъ Аракса соль плитами, а на арбахъ съ буйволами въ двѣ и три пары перевозятъ черезъ мостъ изъ Кахетіи вино въ буйволовыхъ огромныхъ бурдюкахъ. Вьючный оселъ продается здѣсь по шести, лошакъ по сту, а буйволъ по сороку и по шестидесяти рублей серебромъ. Лошаки поднимаютъ тяжести до тридцати пудъ, и живутъ человѣческой вѣкъ, а потому и цѣнятся дороже буйволовъ.

Далѣе, по берегу, вверхъ рѣки расположены нѣмецкіе колонисты до деревни Куки. Ниже моста за метехскимъ замкомъ находится меньшая часть города, Авлабаромъ называемая, которая населена Грузинами; въ ней своя церковь и базаръ. Тамъ построены генераломъ Ермоловымъ обширныя каменные казармы для квартирующихъ въ городѣ войскъ. Ниже Авлабара, версты двѣ, красуется военный госпиталь на урочищѣ, называемомъ Атлугъ, гдѣ есть слободка госпитальныхъ служителей и дома чиновниковъ. Далѣе, по низменности берега, и на островахъ Куры расположены опять сады, а на рѣкѣ водяныя, пловучія мельницы.

Ноябра перваго, я переташлся на показанную мнѣ квартиру,

въ азіатской части города близъ сардаръ-аббадской площади между развалинами въ глиняномъ двухэтажномъ домѣ: въ нижней комнатѣ помѣстились люди, а въ верхней я съ двумя дамами. Эта квартира была хуже палагелдской около Ставрополя: тамъ по крайней мѣрѣ въ одной обширной комнатѣ было четыре угла, а здѣсь только одинъ уголокъ, въ которомъ надлежало стѣсниться со всею поклажею намъ трини. Зато въ стѣнахъ много ящиковъ, шкафовъ, и самые окна были тѣ же шкафы, такъ, что безъ сумдуковъ можно все попрятать въ стѣны.

Въ воскресенье я ходилъ смотрѣть на разводъ, на Эриванской площади. Около парада тѣснились толпы праздныхъ Азіатцевъ, и всякихъ барышниковъ, потому что во воскресеньямъ эта же площадь превращалась въ толкучій рынокъ, куда русскіе солдаты выносятъ своей фабрикаціи мебель, — столы, стулья, диваны изъ прѣстаго дерева, обитые грубымъ савьяномъ; туда же выносятъ разную посуду, старое платье, выводятъ для продажи лошадей и повозки.

Послѣ разводу мы поѣхали въ Сіонъ. Тамъ служилъ экаркъ Іона со всею іерархіей и съ приличною церемоніей, въ богатомъ облаченіи. При немъ находились два архіерея въ золотой парчѣ и въ дорогихъ митрахъ, а по сторонамъ до царскихъ дверей въ два ряда стояло болѣе двадцати протопоповъ и священниковъ русскихъ и грузинскихъ. Служба выполнялась медленно и благоговѣйно. Она наомипла мнѣ Кіевъ. Здѣсь такой же мрачный подъ сводами храмъ, какъ Софійскій соборъ; иконостасъ такой же узорчатый съ почернѣвшею позолотою; образа такой же древной, смуглой живописи, въ золотыхъ массивныхъ окладахъ. Только пѣвчіе здѣсь не соотвѣтствуютъ великолѣпію службы.

На возвратномъ пути я еще всматривался въ Грузинъ и Грузинковъ. Одежда Грузинъ и Армянъ почти такая же, какъ у Подяковъ. Это нѣкоторымъ даетъ поводъ думать, что Сарматы должны быть азіатскаго происхожденія и что, можетъ-быть, это были *Сиро-Миды*, или смѣсь Сирійцевъ съ Мидійцами, какъ давно угадалъ меня покойный К^{***}, производившій Дрезденъ отъ *дроздовъ*, Парижъ отъ *паровъ*, Галловъ отъ *галокъ*, и такъ далѣе. Грузины и Армяне волосы подстригаютъ въ кружокъ, какъ наши ямщики и мѣщане. Грузинки одѣваются одинаково съ Армянками: головной ихъ уборъ похожъ на жидовскій, только безъ жемчужныхъ наушниковъ, а сзади до поясу виситъ кисейная фата. Корсеты ихъ такіе же какъ у жидовокъ, только гораздо не

скромнѣе. Только жаль, что хорошенькія и молоденькія не открываютъ себя; онѣ являются укутанныя въ бѣлыя чадры, какъ жертвенцы въ саванахъ, и только черные блестящіе глаза съ бѣлымъ носикомъ, выглядывающіе изъ складокъ, или туфли, хлопающіе по мостовой каблучками, обнаруживаютъ ихъ живость. И тутъ нерѣдко, вмѣсто красавицы подъ чадрою увидишь мутные потухшіе глаза, и сморщенный длинный носъ старухи, отжившей свой вѣкъ любви.

Въ Тифлисѣ тогда много встрѣчалось плѣнныхъ Турокъ, которые на лѣвомъ берегу Куры рвали скалы и разрабатывали дорогу. Въ казармѣ на Авлабарѣ содержались нарядные пашы; они сидя на окнахъ по-азіятски дѣлали благополучно свой кейфъ, съ длинною трубкою въ зубахъ, и любовались на Тифлисѣ. Вообще плѣнные здѣсь очень хорошо содержатся, здоровы и веселы: одѣты пестро въ разноцвѣтныхъ курткахъ, шалварахъ и чалмахъ.

Изъ любопытства мнѣ вздумалось ввечеру побывать въ грузинскихъ сѣрногорячихъ баняхъ, отъ которыхъ Тифлисѣ получилъ свое начало. Онѣ расположены по дорогѣ отъ главнаго базара въ нижней части города около оврага ручья въ пяти мѣстахъ; отдаются на откупъ отъ города въ сутки по десяти рублей серебромъ, но откупщикъ съ каждой бани беретъ ежедневно по сту абазовъ. Бани раздѣляются на три сорта: одні княжескія, отдаются особо по рублю серебромъ за часъ; другія дворянскія, въ которыхъ купаются офицеры, купцы и лучшіе граждане, отдаются по абазу съ человѣка; а третьи простыя для всякой черни по гривеннику съ души. По вторникамъ и пятницамъ не выпускаютъ ни одного мужчины; это дни привилегированные для прекраснаго пола. Грузинки и Армянки страстныя охотницы до бань. Въ опредѣленные дни всѣ онѣ въ своихъ саванахъ танутся туда длинными вереницами оглушая улицы хлопавшемъ туфлей. Бани для нихъ — тоже, что для европейскихъ красавицъ бань; тамъ онѣ послѣ домашняго затворничества предаются полной свободѣ болтовни. Но сѣрногорячія воды размягчая тѣло дѣлаютъ его пѣжнымъ и мягкимъ на одни сутки, послѣ чего оно дѣлается грубѣе и желтѣе; наконецъ атласная кожа красавицы превращается въ вялую, морщиноватую заишу. Это самое приближаетъ ихъ къ преждевременной старости. Страсть къ банямъ въ Азіяткахъ, кажется, столько же для нихъ пагубна, какъ опиумъ для ихъ мужей.

Я вошелъ въ баню втораго разряда черезъ мрачный и сирад-

ный проходъ, какъ въ Стиксовомъ подземельѣ. Въ первой комнатѣ раздѣваются на обширныхъ диванахъ, покрытыхъ чистымъ полотномъ; далѣе есть нѣсколько другихъ такихъ же комнатъ потѣсѣе. Въ одной я увидѣлъ лежащихъ и укутанныхъ въ простыни, при которыхъ стояли неподвижно и безмолвно въ шинеляхъ солдаты: это означало испаряющихся послѣ ваннъ офицеровъ. Я раздѣлся въ третьей комнатѣ, и банщикъ открылъ мнѣ двери въ залы прѣющихъ и моющихся. При тускломъ свѣтѣ лампадъ въ полумракѣ, среди душныхъ, сѣрныхъ паровъ представлялись мнѣ, какъ въ преддверіи ада, блуждающія тѣни грѣшниковъ обнаженнаго человечества, подвязанные у пояса короткими завѣсами стыдливости: эта скромность мнѣ очень понравилась. Здѣсь не такъ жарко, какъ у насъ: баня вовсе не топится, а нагрѣвается сѣрогоорячею водою, которая вытекаетъ изъ стѣнъ въ бассейны. Степень теплоты ихъ не болѣе двадцати градусовъ, и сѣрности очень не много. Въ бассейнахъ только обмываются, и изъ нихъ берутъ воду, но главная продѣлка состоитъ въ слѣдующемъ.

На низкихъ и широкихъ лавкахъ среди пола въ разныхъ мѣстахъ ложатся грѣшники, подвергающіе свое тѣло очищенію; страшный, смуглый Татаринъ, въ видѣ чорта съ оскаленными отъ удовольствія зубами и съ блестящими глазами, принимаетъ грѣшника въ свои когти: онъ распинаетъ его, садится ему на грудь, выламываетъ руки, ноги, переворачиваетъ съ боку на бокъ, какъ покоряѣйшую жертву, жметъ, гладитъ, давитъ, хлопаетъ; этого мало, поставитъ его то на четвереньки, то на корточки, а самъ согнувшись змѣемъ садится колѣнами на его плечи, ѣздитъ на немъ, скользитъ, обнимаетъ, треплетъ, и кажется самъ утопаетъ въ сладострастіи; особенно если попадется ему жирная жертва. Дѣйствительно, вся эта продѣлка, по-видимому, доставляетъ болѣе удовольствія банщику, чѣмъ его пациенту. Я ни какъ не рѣшился позволить себя мучить такимъ образомъ.

Послѣ всей такой выправки костей и размягченія тѣла, отъ чего, какъ говорятъ, испытавшіе, чувствуется необыкновенная легкость и развязность въ членахъ, банщикъ надѣваетъ на руку сукопный мѣшечекъ и крѣпко третъ имъ тѣло пациента, причемъ всякая нечистота скатывается; потомъ обдаетъ его горячею водою, и окачиваетъ душистымъ мыломъ. Это дѣлается очень искусно: банщикъ кладетъ кусокъ мыла въ тонкій полотняный мѣшечекъ, который окунаетъ въ воду, и только дуветъ въ него, какъ уже онъ наполняется душистою пѣною.

Въ числѣ подвергавшихся такой добровольной мукѣ я видѣлъ болѣе Грузинъ и Армянъ съ черными бородами, или Персидскъ съ бритыми головами; людей здоровыхъ, мускуловатыхъ, бѣлыхъ. Однако были тутъ и наши русскія почетныя бородки.

Погода здѣсь въ началѣ ноября отлично хорошая, какъ у насъ въ Россіи «бабье лѣто»: по утрамъ небольшіе морозы, а днемъ ясно и свѣжо; на скалахъ зелень, которая въ садахъ около Куры никогда не увядаетъ.

Изъ Тифлиса видѣнъ Казбекъ съ юго-восточной стороны; сѣвѣнный хребетъ Кавказа до половины закрытъ ближайшими черными горами.

Между тѣмъ я не переставалъ хлопотать о лучшей квартирѣ; до отъѣзду въ Эривань надобно было доставить приютъ семейству.

Осмотрѣвъ новую, которую мнѣ указали, я тутъ же зашелъ въ таможню: великолѣпное, обширное, красивое зданіе. Въ немъ продавали съ молотка шестьдесятъ кусковъ сукна, нѣсколько дюжинъ помады, зрительныя трубки и дамскія ридикюли, конфектованные у тифлисскихъ купцовъ за показаніе низкихъ цѣнъ для уплаты пошлины. Таможня взяла на себя отдать купцамъ ту сумму денегъ, какую они показали при оцѣнкѣ товаровъ, а остальное, по своимъ правиламъ, взяла въ свою пользу для того, чтобы торговцы впредь показывали высокую цѣну товарамъ, и казна получала бы отъ того болѣе пошлинъ. Но купцы тутъ не много теряли; они высылали къ аукціону своихъ пріятелей, которые немного оставляли выгодъ таможнѣ. При мнѣ половинка тонкаго сѣраго сукна пошла за семьдесятъ-четыре рубля серебромъ, или аршинъ по четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ.

Тифлисскіе купцы думали быть банкротами отъ другой причины. Имъ дана привилегія пользоваться беспошлинно лейпцигскими или иностранными товарами. Въ послѣдніе три года они очень много навезли ихъ, и еще заказали въ Лейпцигѣ на двѣнадцать милліоновъ рублей, въ надеждѣ сбыть товары въ Персію и въ Турцію; но персидскій Фетъ-Али-Шахъ запретилъ своимъ подданнымъ употреблять на платьѣ европейскія издѣлія, особенно отъ русскихъ купцовъ; съ Турками открылась война, и потому торговля тифлисскихъ купцовъ вовсе остановилась. Сверътого персидскіе купцы прижался у себя, и не пускались сами въ торговлю опасаясь обнаружить свое богатство, чтобы не расплатиться съ шахомъ собственнымъ добромъ за его куруры, про-

граничные Россіи. Съ другой стороны великороссійскіе купцы просили правительство не позволить тифлисскимъ купцамъ привозить изъ Лейпцига такіе товары, которыя производятъ русскія фабрики.

Отъ прїѣзжихъ въ таможенѣ узналъ я, что чума въ Гумрахъ прекращена, но отырылась въ Гори, и свирѣпствуетъ въ Бадзидѣ и Ахалцыхѣ. Въ Эривани не слышно было о чумѣ. Въ Тифлисѣ также ничего не обнаруживалось. Къ Тифлису были закрыты пути съ трехъ сторонъ, и оставленъ только одинъ изъ Кахетин, съ востока. Всѣ жизненные припасы вздорожали; четверть муки продавалась по одиннадцати рублей серебромъ.

=

МАНИФЕСТЪ ДАРІЯ,

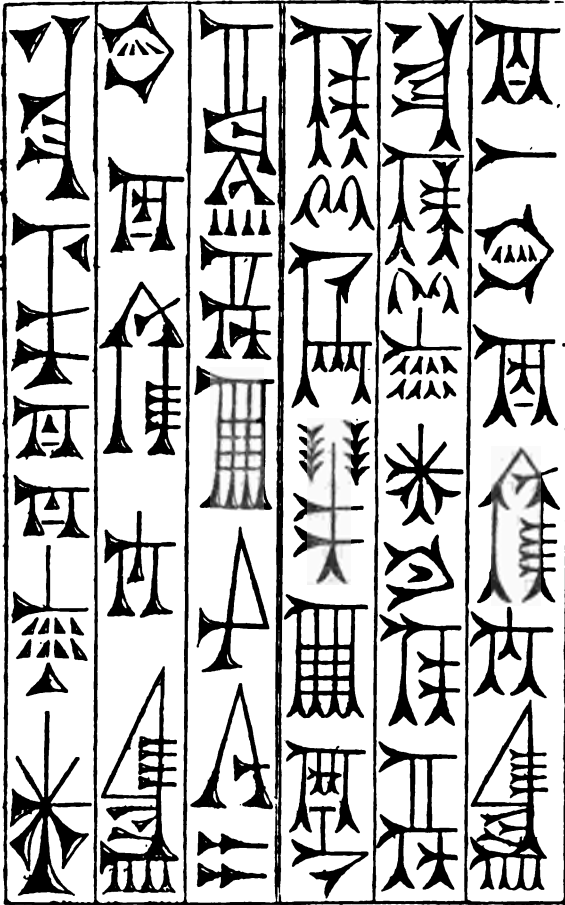
СЫНА ВОУРАМОУДА, И ПРОЧІЕ КАМЕННЫЯ ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНИХЪ ЦАРЕЙ ПЕРСІИ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Прежде всего, долженъ я просить моихъ читателей полюбо-
вительна на эту грамоту:

Важное и неожиданное событіе произошло въ ученомъ мірѣ
эпидемиологовъ, археологовъ и ориенталистовъ. Шумъ, удивленіе

восторгъ, недовѣрчивость, еще не прекратились. Армейскій майоръ англійской службы разобралъ, прочелъ и перевелъ многочисленныя и длинныя надписи древней Персїи, времена Кирова, Дарїева и Ксерсесова, сочиненныя на неизвѣстномъ языкѣ и начертанныя на памятникахъ и утесахъ неизвѣстною грамотою, которой вы видѣли образецъ.

Съ тѣхъ-поръ какъ путешествія Европейцевъ начали мало-помалу раскрывать тайны волшебнаго Востока, странныя эти фигуры, которыми покрыты древнія, уцѣлѣвшія стѣны, входы въ гробницы, высѣченныя въ скалахъ, и даже кирпичи, находимыя въ развалинахъ, возбуждали любопытство и упражняли догадливость западныхъ ученыхъ. Одни видѣли въ нихъ таинственныя письма, другіе принимали ихъ просто за архитектурныя украшенія, за арабески и вавилоны въ особенномъ родѣ и вкусѣ. Первые образцы этихъ загадочныхъ рисунковъ, привезенные въ Европу, находились на кирпичахъ древней Ассїи, взятыхъ преимущественно изъ грудъ, щебня, которыя почитались развалинами Вавилона. Кирпичи эти представляютъ въ серединѣ небольшой квадратный оттискъ, явственно родъ штемпеля, наполненный такими фигурами. Образецъ, здѣсь напечатанный, взятъ также съ кирпича. Одинъ подобный кирпичъ можно видѣть въ Румицовомъ Музее.

Впослѣдствіи многіе путешественники старались копировать цѣлыя надписи этого роду, сохранившіяся на стѣнахъ зданій и кладбищныхъ горъ въ разныхъ мѣстахъ Востока, особенно—въ Пасаргадахъ, нынѣшнемъ Мургабѣ, гдѣ предполагалась гробница Кира,—на городищѣ древняго Персеполя, и по близости его, въ окрестностяхъ Гиллѣ, гдѣ такія надписи слывуть нынче подъ названіемъ *накши Рустемъ*, «изваяній Рустема», баснословнаго героя персидской старины,—на городищахъ Эбатаны (нынче Гамадана) и Сузы (въ нынѣшнемъ Хузистанѣ или Сузистанѣ),—на берегахъ озера Вава, гдѣ былъ Семирамиградъ и гдѣ цѣлыя утесы покрыты ими,—и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Египта и Сирїи. Нибуръ, Керъ-Портеръ и Ричъ доставили намъ этихъ копій болѣе прочихъ. На нѣсколькихъ писанныхъ вазахъ и на одномъ перстнѣ открыты такія же надписи.

Тѣ, которые были увѣрены, что это не арабески, а настоящія письма, часто пытались найти къ нимъ ключъ, соображая между-собою формы и расположенія фигуръ, но первыя усилія ученаго любопытства давали результаты, совершенно отчаянныя. Найдено сперва болѣе *тысячи*, потомъ болѣе *пяти-сотъ* различ-

ныхъ фигуръ! Это значило бы нѣчто въ родѣ китайской грамоты, въ которой каждая фигура — отдѣльное слово. Такихъ письменъ, безъ руководства опытнаго учителя, нѣтъ возможности разгадать. Но между-тѣмъ, при ближайшемъ сравненіи ихъ между собою, нѣкоторые получили убѣжденіе, что, болшею частью, онѣ изображены на *трехъ языкахъ*, подобно тому какъ надпись знаменитаго Розетскаго Камня, гдѣ одно и то же всенародное объявленіе вырѣзано на священномъ языкѣ жрецовъ Изиды, іероглифами, на языкѣ египетскаго общества, простонародною грамотою, и на языкѣ тогдашняго правительства, языкѣ Птолемеевъ, то есть, греческомъ. Этотъ-то греческій переводъ, который можно было читать и понимать безъ затрудненія, и послужилъ основаніемъ ко всѣмъ открытіямъ въ области іероглифической мудрости. Но здѣсь такого пособія не было: ни греческаго ни другаго какого-нибудь понятнаго переводу не оказывалось. Однако жъ присутствіе трехъ различныхъ языковъ въ одной и той же надписи, выводилось само собою. Надписи древняго Востока нерѣдко представляютъ видъ трехъ столбцовъ, въ которыхъ нѣныя фигуры повторяются въ соответственныхъ мѣстахъ въ одномъ и томъ же порядкѣ, а остальные слѣдуютъ другимъ системамъ расположенія. Значить, группы фигуръ, совершенно схожія между собою, не измѣняющіяся ни сколько во всѣхъ трехъ столбцахъ, должны быть *имена собственныя*, а прочее — текстъ, состоящій изъ словъ трехъ разнородныхъ языковъ. Это заключеніе подтверждалось отчасти и формою самыхъ письменъ, которая являла какъ-бы *три почерка* одной и той же грамоты. Два, по крайней-мѣрѣ, почерка были явственны; въ одномъ, острыя палочки, изъ различной укладки которыхъ состояли фигуры, въ тупомъ концѣ представляютъ какъ-бы головки гвоздей; въ другомъ, конецъ этотъ раздвоенъ какъ въ стрѣлѣ. Отсюда первый почеркъ названъ грамотою *гвоздеобразною*, *cuneiformis*, а другой *стрѣльчатую*, *sagittiformis*, — arrow-headed у англійскихъ ориенталистовъ. Въ надписяхъ вавилонскихъ почеркъ гвоздеобразный господствуетъ почти исключительно, тогда какъ стрѣльчатый, болѣе изящный или чище отдѣланный, принадлежитъ памятникамъ другихъ областей, особенно Южной Персіи, Парсіи и Арменіи. Въ стрѣльчатомъ почеркѣ есть еще два различія, происходящія отъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ въ укладкѣ стрѣлокъ: по-видимому разница эта происходитъ отъ разницы въ языкахъ, на которыхъ изложено содержаніе. Въ образцѣ, здѣсь напечатанномъ, три лѣвыя строчки могутъ дать

понятіе о еорифъ палочекъ гвоздеобразныхъ, а три правыя о еорифъ стрѣльчатыхъ.

Три языка въ надписяхъ азіатской старинки, по числу трехъ почерковъ, допущены. Еще въ Геэреново время господилъ Гротесендъ въ каждой надписи видѣлъ пять почерковъ и пять алфавитовъ. Три языка можно было допустить съ достаточнымъ правдоподобіемъ. Одинъ изъ этихъ языковъ по-видимому долженъ быть тотъ, на которомъ говорили въ Вавилонѣ и Нинивѣ, языкъ халдейскій, или ассирійскій, самый древній. Другой—языкъ жителей Персеполя, столицы древней Персіи: слѣдовательно — древнеперсидскій. Третьему языку остается только быть индійскимъ, языкомъ народа Мидовъ, или Медовъ, правильнѣе *Мидовъ* или *Мидовъ*, которыхъ слава и образованность старѣе персидской; это, древне-армянскимъ или парескимъ. Впрочемъ и тотъ, и два другіе, сомнительны.

Языкъ столицы древней Персіи, языкъ Персеполистанъ, былъ единственный изъ трехъ каменописанныхъ языковъ азіатской древности, на столбцы котораго можно было устремить усилія дещиоррѣскаго искусства съ надеждою на какой-нибудь результатъ. Но этотъ языкъ совершенно неизвѣстенъ! Мы знаемъ нѣсколько персидскихъ языковъ,—новоперсидскій, или языкъ *Ари*, вѣроятно нарѣчіе древней *Ари*, ставшее придворнымъ, *дери*, и повсемѣстнымъ въ Персіи, возрожденной послѣ ига Аравитянъ, — языкъ курдскій, — языкъ афганскій, — языкъ зендскій, нарѣчіе священныхъ книгъ Парсовъ, огнепоклонниковъ, послѣдователей всковерканнаго Зороастрова ученія, уцѣлѣвшихъ отъ гоненій магометанъ, — языкъ *пеглеви*, или «богатырскій», который могъ быть и не быть парескимъ, какъ зендскій могъ быть и не быть индійскимъ, — языкъ санскритскій, тоже одно изъ древне-персидскихъ нарѣчій, занесенное въ Индію завоевателями изъ древнихъ Персовъ. Замѣтимъ, что и языкъ ново-персидскій занесенъ туда же въ позднѣйшее время завоевателями, пришедшими изъ странъ нынѣшней Персіи, такъ что въ Индію, между коренныхъ индостанскихъ языковъ, попали этимъ путемъ съ сѣверо-запада два языка или нарѣчія персидскія, одно старинное, извѣстное подъ именемъ языка санскритскаго и оставшееся только въ книгахъ, и одно новое, пользующееся доныкѣ употребленіемъ у благосопитаннаго класса. Всѣ эти пять или шесть персидскихъ нарѣчій дотога различны формами, что, понимая одинъ изъ нихъ, вы еще не понимаете другаго. Они состоятъ между собою въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ, между

славянскіи, языки великороссійскій, польскій, богемскій, словацкій, галицкій, болгарскій, иларійскій; какъ, между новолатинскими, италіанскій, французскій, испанскій, португальскій, романскій (въ южной Франціи, Пиемонтѣ и части Швейцаріи) и романскій (въ Молдавіи и Валахіи); какъ между германскими, нѣмецкій, шведскій, голандскій, англійскій, англосаксонскій, готскій и старо-исландскій. Который изъ шести извѣстныхъ языковъ персидскихъ могъ быть языкомъ династїи Кировъ и Даріевъ? По всей вѣроятности, ни одинъ: правительственнымъ и моднымъ нарѣчіемъ легко могло прослыть тогда другое, особенное, того же корня, но вынче совсѣмъ потерянное.

Положимъ, что при помощи шести болѣе или менѣе извѣстныхъ языковъ персидскихъ можно было бы понять болѣе или менѣе вѣрно каменописный разсказъ на этомъ особенномъ, потерянномъ языкѣ одного корня съ ними. Но прежде всего надо увидѣть этотъ языкъ потерянный, приподнять занавѣсъ его псевдомой грамоты, разоблачить ея таинственные звуки. Повтореніе одиѣхъ и тѣхъ же фигуръ въ одномъ и томъ же порядкѣ въ соответственныхъ мѣстахъ столбцовъ, писанныхъ на трехъ языкахъ, указывая прямо на собственныя имена, и *множество* этихъ фигуръ въ предполагаемыхъ собственныхъ именахъ, заставили предположить, что они изображены настоящими буквами, что каждая фигура—буква стрѣльчатого алфавита, что грамота эта—азбучная, а не сллабическая какъ еврейская или словообразная подобно китайской. Ипотеза подкрѣплялась еще и тѣмъ, что послѣ каждой группы такихъ буквъ повторяется постоянно одинъ и тотъ же знакъ,—стрѣльчатая черточка,—какъ-бы родъ препинанія, предназначенный раздѣлять слова одно отъ другаго. Болѣе точное сличеніе формы фигуръ въ столбцахъ, писанныхъ, предположительно, на древне-персидскомъ языкѣ, представляло въ послѣднемъ результатѣ только около сорока положительныхъ различій—значить, *около сорока буквъ* въ алфавитѣ—громеда звуковъ ужасная, но, кое-какъ, вѣроподобная и даже возможная, да не въ числѣ буквъ главное дѣло: вопросъ прежде всего состоялъ въ томъ, съ которой стороны читать эти буквы, отъ правой ли руки къ лѣвой, какъ у Евреевъ, Аравитянъ и нынѣшнихъ Персіанъ, или отъ лѣвой къ правой, какъ у Грековъ, Этрусковъ, Римлянъ, Финикійцевъ, и какъ теперь у насъ? Мнѣнія были разногласны: нѣкоторые утверждали даже, что надо читать перпендикулярно, съ верху внизъ, какъ читаютъ Китайцы, Маньджуры, Монголы, и какъ однажды писали Сирійцы, которые

впрочемъ и теперь пишутъ перпендикулярно, хотя и читаютъ отъ правой руки къ лѣвой. Каждый слѣдовалъ своему убѣжденію, но всѣ единодушно искали открытъ въ группахъ стрѣльчатыхъ буквъ, изображающихъ собственныя имена, что-нибудь похожее на слова собственныхъ именъ *Дариуш*—*Гушмасп*—(*Истаспъ*) *Хсарса*—*Кореш* (*Киръ*)—*Кабуш* (*Камбизъ*)—*Артаксаста* (*Артаксерсъ*)—какъ вѣроятно слова эти произносились въ подлинномъ выговорѣ, по указаніямъ библейскимъ, пеглійскимъ и ново-персидскимъ.

Основанія дешифровки въ такомъ случаѣ ясны: слово *Дариуш* можетъ находиться только тамъ, гдѣ въ группѣ оказывается шесть стрѣльчатыхъ буквъ или фигуръ совершенно разныхъ. Если за нею слѣдуетъ группа семи различныхъ буквъ, изъ которыхъ три будутъ схожи съ буквами первой группы, именно третья съ пятою (*ш*) и пятая со второю (*а*), и вторая съ пятою (*у*), такъ это—*Гушмасп*, *Истаспъ*, отецъ *Дарія*. Открывъ такія двѣ группы можно уже знать девять стрѣльчатыхъ буквъ, четверть всего алфавита, — *а*, *г*, *д*, *и*, *р*, *с*, *т*, *у*, *ш*. Въ группѣ *Хсарса*, вторая изъ шести стрѣльчатыхъ фигуръ должна быть одинакова съ пятою (*с*), а третья съ шестою (*а*), и пять изъ нихъ, два *а*, два *с*, и одно *р*, находится по-мѣстамъ въ группахъ *Дариуш* и *Гушмасп*: шестая въ такомъ случаѣ будетъ несомнительно *х*. Группы *Кабуш* и *Кореш* должны также слѣдовать одна за другою, какъ отчество за именемъ, и обѣ, имѣя по пяти фигуръ, начинаться одинаковою фигурою (*к*). Изъ нихъ можно извлечь четыре новыя буквы для раждающагося алфавита, *к*, *б*, *о*, *е*. Остальныя найдутся сами собою: въ чтеніи неизвѣстнаго какъ вездѣ, лихо дѣло начало. Возлѣ именъ царей должны еще быть ихъ титулы, слова *шахъ*; царь, *шахи бузуркъ*, великій царь, *шахи шахинъ*, царь царей, *педеръ*, отецъ, *пюсеръ*, сынъ, *Фарсъ*, Персія, и тому подобныя, слова подлежащія сомнѣнію, потому что они почти неизмѣнны во всѣхъ шести персидскихъ языкахъ, которые мы знаемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мало-по-малу составилъ такимъ догадочнымъ образомъ довольно полный алфавитъ буквъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ. Сперва одна пеглійская надпись, объясненная удачно покойнымъ Сильвестромъ де-Саси, а потомъ Zendское и санскритское правописанія, пособили дѣлу, и, наконецъ, полныя слова родились отъ этихъ мучительныхъ изслѣдованій, но слова такія, которыя ужаснули самихъ родителей. Вмѣсто ожидаемаго *Дариуш* вышелъ *Darayaunahauousch*, вмѣсто *Хсарса* — *Khaschaya-gaschaopa*, вмѣсто *шахъ* — *khaschaeayachiya*, и такъ далѣе. По-

койный де-Сася извинялъ этотъ неблагопрістойный видъ новооткрытыхъ, древнихъ персидскихъ рѣченій тѣмъ что у Грѣландцевъ (!) есть слова еще длиннѣе этого, и что русскій языкъ также представляетъ саженыя слова и верѣдко ужаснѣйшія сокращенія гласныхъ, напримѣръ, въ словахъ souoieia, moieia, (*своея, моя*), которыя однакожь тѣ сѣверные люди произносятъ довольно гладко, безъ большаго поврежденія своихъ ртовъ и груди.

Усилія новѣйшихъ изслѣдователей, особенно господъ Бюрнуа, Боппа, Вестергаарда, Лассена, нѣсколько смягчили въ послѣднее время эти рогаатыя и невозможныя формы болѣе удачнымъ опредѣленіемъ значенія нѣкоторыхъ стрѣльчатыхъ буквъ, но, всё таки, отдавая должную справедливость усердію и проникательности этихъ знаменитыхъ ученыхъ, нельзя не согласиться, что языкъ, добытый ими изъ стрѣльчатой грамоты, не только кореннымъ образомъ не сходенъ ни съ Zendскимъ, ни съ санскритскимъ, которыя старались они уподобить его, не только не персидскій по наружному виду, но и рѣшительно не человѣческій. Такія слова, такой языкъ, невозможны, неговоря уже о томъ важномъ неудобствѣ, что, въ объясненіяхъ всѣхъ новѣйшихъ стрѣлко-читателей, въ ихъ переводахъ, основанныхъ на аналогіяхъ Zendскихъ и на санскритскомъ корнесловіи, вмѣсто толковыхъ и дѣлообразныхъ надписей, онъ представляетъ разсудительному читателю одніе только противорѣчія и безсмыслицы.

Даже переводы господина Лассена, которые съ меньшимъ ожесточеніемъ царапають логику, не могутъ быть вполне исключены изъ этого неблагопріятнаго приговора.

Въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько лѣтъ тому, имѣлъ я случай изобразить болѣе подробно печальную исторію этихъ попытокъ и этихъ неудачъ, которыя нынче надо забыть по-скорѣе, когда счастливый случай дастъ всѣмъ оріенталистамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу о Стрѣлкообразіи, средство загладить промедленіе грѣхи противъ здраваго смыслу довольно достовѣрнымъ чтеніемъ того, что прежде составляло предметъ слишкомъ самонадѣяннаго гаданія. Должна остаться только память посильнаго приношенія, оказаннаго каждымъ изъ причастныхъ на пользу опредѣленія извѣстнаго числа первыхъ элементовъ задачи. Честь счастливаго вдохновенія, которымъ она рѣшится, принадлежитъ—увы!—восторженному человѣку, профану, не оріенталисту, остъ-индскому майору, котораго скука бросила въ Персію въ гвоздесловіе и ко-

* «Энциклопедическій Лексиконъ» статья *Гвоздесловіе* *грамматика*.

торый одержалъ надъ нимъ весьма блистательную, хотъ еще далеко не полную побѣду.

Маюръ Ролинсонъ (Rawlinson), будучи причисленъ къ великобританскому посольству въ Тегерагъ, посѣщалъ по дѣламъ службы и по собственному любопытству разныя мѣста, ознаменованныя памятниками прежнихъ обладателей страны и гвоздеобразно-стрѣльчатыми надписями, и почувствовалъ къ этимъ таинственнымъ письменамъ страстное увлеченіе истинно дипломатическаго дешифрера. Лишенный, положеніемъ своимъ въ глуши южной Персіи, всѣхъ пособій европейской учености и почти по одному зная слуху объ усиліяхъ разныхъ ориенталистовъ открыть ключъ къ стрѣльчатой грамотѣ, онъ постарался познакомиться съ зевдскимъ, санскритскимъ и пеглійскимъ нарѣчіямъ въ добавокъ къ практическому свѣдѣнію въ нынѣшнемъ персидскомъ, и приступилъ къ дѣлу на точномъ основаніи правилъ дешифрерскаго искусства. Онъ, конечно, пользовался, передъ своими западными соперниками, тѣмъ преимуществомъ, что могъ работать въ виду подлинныхъ надписей, а не по копіямъ, снятымъ съ болѣе или меньшею отчетливостью, но успѣхомъ своимъ онъ безспорно обязанъ одному себѣ: сомнительныя западныя открытія въ стрѣльчатой азбукѣ не подали ему почти ни какой важной указки, и если потомъ часть ихъ оказалась сходною съ собственными выводами господина Ролинсона, это должно приписать слѣдствію простаго случая. Нельзя чтобы нѣсколько дешифреровъ, трудящихся въ разныхъ мѣстахъ надъ какимъ-нибудь тайнымъ писаніемъ по одинаковымъ правиламъ искусства, не были согласны въ значеніи хотъ нѣсколькихъ буквенныхъ знаковъ, не прочли одинаково хотъ нѣсколько словъ; но вѣнецъ, въ такихъ случаяхъ, принадлежитъ исключительно тому, кто прочелъ все писаніе съ соблюденіемъ почти повсюду логическаго смысла. Въ дешифрерскомъ искусствѣ принято за несомнѣнную, опытомъ доказанную истину, что всякое тайное писаніе *механическое*, то есть, основанное на постоянной орографіи, можетъ-быть прочтано, какъ скоро языкъ угаданъ дешифреромъ. Слѣдовательно, нѣтъ оправданія для тѣхъ, которые не успѣли; всѣ равно знали, что языкъ надписей долженъ принадлежать къ персидскимъ нарѣчіямъ, и причина неудачъ тутъ просто — недостатокъ въ логикѣ, терпѣніи и искусствѣ.

Господинъ Ролинсонъ долженъ быть благодаренъ своимъ предшественникамъ и соперникамъ только за указаніе на родъ языка, на которомъ стрѣльчатые надписи вѣроятно писаны, и за пре-

всходные труды ихъ по предмету приведенія въ ясность и систему остатковъ Zendскаго, пеглійскаго и санскритскаго нарѣчій, позволившіе ему легко познакомиться съ этими необходимыми пособіями, которые и сдѣлались для него достаточнымъ факеломъ. Но, если побѣда его не безусловно полна, если еще остается многое исправить и упростить въ его дешифровкѣ, если онъ получилъ языкъ довольно правильный, логическій, котораго смыслъ ясенъ для всякаго знакомаго съ языками персидскаго корня, по котораго форма всё-таки невозможна, не правдоподобна, нечеловѣческая, за это можетъ онъ смѣло упрекнуть своихъ ученыхъ соперниковъ, приведшихъ его въ заблужденіе неясностью своихъ поватій о коренныхъ свойствахъ всѣхъ древнихъ алфавитовъ. Страшно, что, ориенталисты по званію, они могли, въ такомъ древнемъ алфавитѣ, каковъ стрѣльчатый, предположить строгую буквенность нынѣшнихъ европейскихъ азбукъ, и думали читать древне-персидскія слова такъ точно, какъ-будто слова были написаны нѣмецкими или итальянскими буквами! Господинъ Ролисонъ, увлеченный ихъ примѣромъ, читалъ какъ всѣ они, буквенно, и произвелъ, по-необходимости, слова дикія, невѣроятныя, формы рогагыя и запутанныя. Онъ не примѣтилъ,— потому что никто изъ ориенталистовъ-гвоздеслововъ не объяснилъ этого ни себѣ, ни ему,— что языка съ тремя только гласными (а, и, у) быть не можетъ, что такой языкъ противенъ природѣ и законамъ человѣческаго голоса, что какъ-скоро въ письменахъ встрѣчаются только три знака, уподобляющіеся нашимъ буквеннымъ гласнымъ а, и, у, такъ это не гласныя, а простые мелодическіе, или диатоническіе знаки *рленовъсіа*, *пониженія* и *повышенія* голоса, соответствующіе въ точности арабскимъ знакамъ *насъъ*, *хафдъ* и *рафъ*, которыя значатъ именно это равновѣсіе, пониженіе, возвышеніе. У Аравитянъ такіе знаки пишутся внѣ строчекъ, *надъ* буквами и *подъ* буквами; въ стрѣльчатой и гвоздеобразной грамотѣ они писались *между* буквами: но положеніе не перемѣняетъ ни мало ихъ сущности; они только указанія на степеня тона, который должно употребить при произношеніи буквъ, понятныхъ въ такомъ случаѣ всѣ безъ исключенія за согласныя. Слѣдовало, поэтому,] прежде всего устранить изъ составу словъ всѣ подобныя знаки; для ясности можно было поставить ихъ внѣ строчекъ, сверху и снизу, по нынѣшнему обычаю Восточныхъ: тогда, господинъ Ролисонъ, съ удивленіемъ и радостію, вдругъ увидалъ бы передъ собою слова, совершенно натуральныя, обыкновенныя, знакомыя, языкъ простой и гладкій, за

исключениемъ некоторыхъ окончаній очень похожій на ивритскій персидскій, и имена собственные во всей точности такія же, какія даютъ намъ Геродотъ, Ктесіасъ, историки Александра Великаго, и Священное Писаніе. А это — главное. Собственными именами — основаніе всей дешифровки. Покуда они не получаютъ своей натуральной и неоспоримой формы, стрѣлчатые тексты не могутъ почитаться рѣшительно разобранными: значить — мы не умѣемъ читать ихъ, когда вмѣсто *Dariush* Евреевъ и *Da-reious* Грековъ, произносившихъ тоже — *Da-ri-us*, получаемъ *Darawayahush*! Греки не могли ошибаться въ этомъ случаѣ: акадическія у нихъ были буквенныя, способныя выразить всея наклоненія голоса, Іонія находилась подъ владычествомъ Дарія, и іонійскіе Греки, къ которымъ принадлежалъ и самъ Геродотъ, нельзя же было не знать точнаго правописанія имени своего царя. И, въ самомъ дѣлѣ, это знали они въ совершенствѣ. Устраните только изъ текста тоническіе знаки, принимаемые донынѣ за буквы, за гласныя *a*, *i*, *u*, и поставьте ихъ по мѣстамъ, гдѣ строчекъ, и дикія слова *Darawayahush k'tshayathiya wazarka* превращаются вдругъ въ ΔΑΡΕΙΟΣ ΕΑΙ 'Ι ΎΖΕΡΚ, чисто греческое правописаніе чистѣйшихъ и правильнѣйшихъ словъ персидскихъ: *Дариусъ шехъ озеркъ*, «Дариусъ, царь великій». Такъ точно написалъ бы слова эти Геродотъ по своей греческой орфографіи! Изъ чего видно мгновенно еще и то, что греческое правописаніе отнюдь не Греками выдуманно, что оно искони было употребительно на Востокѣ, и что одними только греческими буквами можно переписать стрѣлчатые тексты въ видѣ натурального и удобопонятнаго языка, прибавивъ къ этимъ буквамъ три тоническія знака Аравитянъ, тоже не ими изобрѣтенныя, а принадлежащіе существенно къ системѣ переобработанныхъ алфавитовъ.

Это интересное преобразованіе я представляю вполне нагляднымъ образомъ во второй статьѣ, съ надлежющимъ развитіемъ филологическихъ началъ, на которыхъ оно должно быть основано и по которымъ, дѣйствительно, совершается съ неизвѣрною правильностью, не грѣша ни въ одномъ случаѣ ни натяжкою ни произволомъ. Исполнивъ трудъ со всею нужною тщательностью, я считаю себя вправе утвердительно сказать заранее, что лишь только мы переищемъ тексты по этому порядку, кѣста, затруднявшія и господина Роллсона, и его германскаго комментатора, господина Бенча, выйдутъ совершенно ясными, и новый, отличенно логическій смыслъ родится добровольно тамъ, гдѣ

прежде господствовали гипотеза и корнесловныя натяжки, какъ наприѣръ въ знаменитыхъ строкахъ Даріева Манифеста, рассказывающихъ, будто-бы, о релігіозной революціи, невѣроятной, невозможной, о которой тутъ нѣтъ ни одного слова.

Языкъ, рождающійся изъ этой, филологически столь естественной, переписки, въ высшей степени занимателенъ для русскаго читателя: кромѣ разительнаго сходства своего съ нынѣшнимъ персидскимъ, мы видимъ въ немъ множество словъ и формъ славянскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ, которыми всѣ эти четыре языка тѣсно связываются между собою; видимъ, откуда взялись многія наши слова спорнаго происхожденія, какъ образовались многія формы, вывече для насъ самихъ непопятныя. Вы знаете съ дѣтства царя Кіаксара. Греки писали: *ΚΥΑΞΑΡΗΣ* (Кюаксюрарсъ), но, судя по еврейскому выговору этого имени, здѣсь пропущено еще одно *У*: слѣдовало писать *ΚΥΑΞΥΑΡΗΣ* (Кюаксюрарисъ), потому что въ еврейской формѣ оно звучитъ *А—хсуарусъ*, вмѣсто *Уа—хсуарусъ*, съ пропускомъ начальнаго *у*, по неудобности написать его по-еврейски въ началѣ слова. Изъ этого видно, что Юдѣицы, которые ввели это правописание, *ΚΥΑ* произносили какъ латинское *qua*. Кто бы подумалъ, что это мидійское слово, въ подлинныхъ выговорахъ *Uâ-suâ-rhsa*, *Uô-hsuô-darh*, *Uâ hsuâ-rhda*, *Uô-suô-darh* съ пропускомъ придыханія, *Uô-suô-d* съ пропускомъ *rh*, и наконецъ *Suô-darh*, съ пропускомъ начальнаго *Uô*, такъ близко къ нашему *Господарь* и къ его четыремъ или пяти формамъ, *господарь*, *господь*, *государь*, *сударь*, *сударь*, что нельзя не призвать ихъ за тождественные? Первый слогъ *Uâ* или *Uô*, — потому что персидское *â* скорѣе *ô* чѣмъ *â* въ настоящемъ выговорѣ, — тотъ слогъ извѣстенъ; онъ не что иное какъ частица усиливающая значеніе; онъ существуетъ и у насъ — *гой* — *гой еси*. Чтò значить *suôdh*, *suô-darh* (*суодъ*, *суодарь*) или *hsuôdh*, *hsuôdarh* (*кесуодъ*, *кесуодарь*) — не знаю. Въ ново-персидскомъ оно превратилось въ *ширъ*; но *рз* здѣсь — только окончаніе; настоящее слово должно быть *ши*, Zendское и санскритское *ksi*, владѣть, слово отъ котораго происходитъ и *schēh*, шахъ, владѣтель. Вмѣсто *Uô*, употреблялась и другая начальная усиленная частица, *арга*, *арта*, *арда*, и получались слова *арда-сударь* и *арта-кесуарса*, *арта-суарта* (архисударь), *Артаксерсесъ*.

Возьмемъ теперь другое древне персидское слово *gajac* (*гай*), сказывать, называть. Это — чистое великопольское слово *gajac*, *gadac*, польское *gadac*, сказывать, русское *гадать*,

предсказывать, санскритское gad, ново-персидское jad, зендское жай, жаэ, жадь, англо-саксонское gau, нѣмецкое sag(en), славянское зовъ, зову, звать, нормандское quad, готское hwat, греческое φάσ γάτ, английское quote, — всё одного и того же значенія — сказывать, называть, упоминать. Я вскорѣ буду имѣть случай представить неопровержимое доказательство изъ Книгъ Езры, что стрѣльчатый знакъ, соответствующій греческому твердому придыханію (h) произпослелся, зендскимъ образомъ, какъ ж в древне-персидскомъ языкѣ, въ которомъ придыханій ни какихъ не было. Слѣдовательно *ā (гай) должно выговаривать жай. Но, покажется, будемте произносить его такъ, какъ оно пишется по греческой орфографіи, *āī (гаіі). Въ этомъ видѣ, оно ближе всего къ великопольской формѣ — гайи, сказывать. Страдательное причастіе настоящаго времени будетъ, въ множественномъ числѣ, гаймые, сказываемые, называемые. И въ томъ же видѣ встрѣчаемъ мы его въ стрѣльчатой надписи Дарія, если переписать греческими буквами: α (га) — εῦ (я) — με (мы) — ε (е) — гаймые или жаемые, въ значеніи «зовомые, называемые». Но въ древне-персидскомъ слово это — сложное, оно составлено изъ гай, называть, и эмые, суть, былъ (греческіе εἶμι, есмь). Слѣдовательно, наша форма гадаемые равносильна выраженію: гада-были.

Звуку ш въ древне-персидскомъ языкѣ положительно не было какъ и въ греческомъ: въ томъ и въ другомъ опъ замѣнялся звукомъ кс (латинскимъ x) или хс (chs), который не что иное какъ превращенный звукъ сх (sch) произносимый въ однихъ парѣтияхъ какъ сх или ск, въ другихъ какъ ш. Голландцы, напримѣръ произносятъ sch какъ сх, Нѣмцы какъ ш, Шведы и Датчане какъ ск, Греки, Римляне и древніе Персы навыворотъ какъ кс. Замѣтимъ еще, что кс, въ тѣхъ языкахъ, которые звуку этого не допускаютъ у себя, превращается обыкновенно въ кн. Греческое же твердое придыханіе въ древне-персидскомъ произносилось какъ ж. Слово шахъ, schêhî, ΞΑΙ 'Ι, придется поэтому произнести кспжи. Но вѣдь это просто старинное хіеэе Великополянь, польское хіаэе, наше, князь, князь, германское knig, könig! Даріусъ кспжи вюзеркъ будетъ значить — Даріусъ, князь великій. И что сходство словъ хіеэе ΞΑΙ 'Ι (кспжи) не случайное, а подлинное, коренное, доказательство того мы имѣемъ въ формѣ ксетва, хіество, князьство, находямой въ томъ же языкѣ, въ значеніи «царство». Она пишется ΞΕΘΑ, во Θ, то есть, тх (t'hh) въ этомъ языкѣ, въ которомъ нѣтъ придыханій, въ са-

момъ мягкомъ выговорѣ, произносится какъ *тв*, а въ болѣе жесткомъ какъ *тр*, картава *р* такъ, чтобы оно образовало звукъ посредственный между *х*, *р* и *в*, но болѣе всего похожій на *в*. Это — общее свойство всѣхъ языковъ и нарѣчій, въ которыхъ нѣтъ звуку *л*. Въ древне-персидскомъ его не было. *Бабилусъ*, *Арбела*, писали на немъ *Бабирусъ*, *Арбера*: слѣдовательно, картавали *р* (*Babihrhwas*) подобно Китайцамъ, приближаясь къ звуку *в*, которымъ удобно замѣняются и *р* и *л*. Примѣры такого выговору не рѣдки и въ Европѣ, особенно между дѣтьми; на восточной половинѣ Азій и на островахъ Тихаго Океана они почти повсемѣстны.

Изъ числа народовъ, которыхъ коренной выговоръ извѣстенъ мнѣ практически, Аравитяне и Турки произносятъ эту букву *θ* чище всѣхъ — *tʰh* — съ нѣкоторою напыщенностью, *сип emphasi*, отчего она и названа *эмфатическою*, «напыщенною». Это — именно *tʰh*, то есть, *t* съ двумя *h*; и ее надо отличить отъ обыкновеннаго, мягкаго *t*, еврейскаго *thau*, нашего *тв*, которое собственно есть *tʰ*, то есть, *t* съ однимъ *h*. Въ русскомъ языкѣ также нѣтъ придыханій: мы выражаемъ придыхательное *h* посредствомъ *ъ*; наше *ъ* равно двумъ *ьь* (*hh*), и букву *θ* мы можемъ себѣ представить такъ: *твь* или *тъ*, произнося его твердо, отнюдь не какъ простое *т*, хотя въ грамматикахъ нашихъ донышѣ не сдѣлали между ними ни какого различія, не замѣтивъ, что въ словахъ, напримѣръ, *тонутъ*, *творятъ*, мы имѣемъ два разныхъ *т*, *т* простое и *т* съ двойнымъ придыханіемъ, *тъ*, *tʰ*. Въ словѣ *тратятъ* есть три разныхъ *т*, *т* простое, лишившееся придыханій *hh* или *ъ*, который превратился въ *р* (*trh*), *т* съ однимъ придыханіемъ, *тв*, *tʰ*, и *т* съ двумя придыханіями, *твь*, *тъ*, или *tʰh*. Это придыхательное *h* (), переходя изъ одного нарѣчія въ другое во всѣхъ языкахъ превращается въ *с*, *в*. Въ звукѣ *θ* (*tʰh*, *твь*, *тъ*) иногда оба придыханія принимаютъ видъ *ss* и образуется *tss*, иногда одно только, второе же остается придыханіемъ *tʰsʰ*, *тсв*, что равно *цв*. Такимъ образомъ и у насъ въ русинскихъ нарѣчійхъ изъ *даютъ* (*даютвь*) возникаетъ *даются*, *даюць*. Греки эту букву *θ*, *tʰh*, *твь*, *тъ*, произносили очень близко къ *тв*, почти какъ *тф*, изъ чего возникло у насъ ложное произношеніе *Фиты*, ничѣмъ не отличающееся отъ *ф* или *хв*, звуку, впрочемъ, совершенно отличнаго отъ греческаго *Ф*, которое собственно есть *пх*, правильнѣе *рʰh*, *ль*, *лъ*, какъ Латяны въ самомъ дѣлѣ и писали, *ph*, отличая его отъ своего *f*, равнаго звуку *hw*, *хв*. Что русское *ф* есть

собственно *тв*; это доказывается выговоромъ Малороссіянъ, которые *философъ*, *фатальный*, произносятъ *хвилосовъ*, *хвतालнй*, тогда какъ русскія и другія нарѣчія болѣе приближаются къ греческому *Ф*, выговаривая — *лъилосовъ*, *лъатальный*. Англичане, какъ извѣстно, оба *hh* въ буквѣ *θ*, *tʰhh*, превращаютъ въ *ss*, и самое *t* произносятъ большею частью такъ невнятно, что оно слышится почти какъ третье *s*: отсюда ихъ *th*, працильнѣе *tʰhh*, получаютъ выговоръ близкій къ *sss*, испанскому *ç*, которое то же *θ*, *tʰhh*, *тъ*, *тъ*, или *trh* Zendское, санскритское и древнеперсидское, съ картавленнымъ *г*. Этимъ и объясняется, какъ могло древнеперсидское, Zendское и санскритское слово *θi* (произноси: *trhi*, картава *г*), что значить *три*, *трое*, превратиться въ персидскомъ въ *сви*. Знаніе этого обстоятельства чрезвычайно важно, какъ мы вскорѣ увидимъ, при разборѣ стрѣльчатыхъ писаній.

Но въ эту минуту я не хочу оставлять любопытнаго вопросу о звукѣ *θ*, *tʰhh*, *тъ*, *тъ*, *trh*, не показавъ вѣстѣ дальнѣйшихъ свойствъ его. Звуку *hh* нѣтъ ни у насъ, ни въ интонаціи другихъ европейскихъ народовъ, исключая однихъ Тосканцевъ. Чистый звукъ *hh* нынче извѣстенъ однимъ только Аравіянамъ и Евреямъ даже и въ колыбелі языковъ, Азіи. Въ персидскихъ языкахъ также нѣтъ его. Народы, не умѣющие интонировать чистое *hh*, разлагаютъ его, превращая то одно изъ двухъ *hh*, въ другіе сродные звуки, то оба вѣстѣ. У народовъ, которые картавятъ, въ *hh* прежде всего слышится *г*. Въ Европѣ, кромѣ Евреевъ, одни только Испанцы такъ произносятъ свое гортанное *хота*, *j*, картавленное *hh*. Въ этомъ произношеніи, гдѣ одно изъ двухъ *hh* превращается въ *г*, картавленное *hh* тѣмъ только разнится отъ чистаго картавленнаго *г*, что въ *hh* первое *h* остается, а второе переходитъ въ *г* (*hg*), тогда какъ въ картавленномъ *г*, первое *h* становится *г*, а второе остается придыханіемъ (*gh*). Такъ эти превращенія понимали и древніе, когда писали свои *gh*, съ придыханіемъ. Какъ придыханіе *h* при разлчныхъ интонаціяхъ легко переходитъ то въ *к*, то въ *г*, то въ *з*, *ж*, звукъ *hg* (картавленное *hh*) самъ собою становится гармоническимъ то *gr*, то *kr*, то *sr*, *zr*, *жр*, обратный же звукъ *gh* (картавленное *г*, у насъ *ръ*, у Богемцевъ *г*, у Поляковъ *гз*), добровольно дѣлается *рс*, *рз*, *рж*. Если изъ двухъ *hh* одно превращается въ *к*, а другое остается придыханіемъ, тогда получается звукъ *kh* (*ch*), наше и греческое *х*. Если бы въ нашей русской интонаціи было *кх*, мы не могли бы прокзнести нашего *х*, потому

что и *кь* и *х* равныя звуку *kh*, а двухъ разныхъ интонацій какого-нибудь звуку въ одномъ же языкѣ не бываетъ. Племена персидскаго и арабскаго происхожденія, которыя чисто интонируютъ *кь*, не могутъ выговорить греческаго и нашего *х*: вмѣсто *х* имъ слышится *с'н* и они всегда превращаютъ его въ тонокое, шипящее *ш* (*шь*), очень близкое къ *сь* и къ португальскому *з*, въ словѣ, напримѣръ, *Nargaez*. Отсюда и Англичане свое мягкое *ш* стали писать *sh*. Народы, у которыхъ пѣтъ чистаго *н*, естественно превращаютъ его въ *к* и тогда *sh* становится *sk*, въ выворотномъ выговорѣ *ks*, *х*. *Sh* отнюдь не настоящее, твердое *ш*: это послѣднее возникаетъ изъ превращенія обонхъ *hh* въ *з* и поэтому равно двумъ *ss*. Богемцы и пишутъ *ss* вмѣсто нашего *ш*. Изъ чего видно, что народы, въ первобытномъ состояніи, придумывая свои орфографіи, лучше и чище чувствовали свойства своихъ звуковъ, нежели мы нынѣшніе: мы вообще полагаемъ, что это—произвольныя и условныя сочетанія буквенныхъ знаковъ, а между-тѣмъ произвольнаго тутъ ничего нѣтъ — все согласно съ природою, съ сущностью человѣческаго голоса, которую мы теперь, ставъ слишкомъ мудрыми, плохо постигаемъ.

Ясное понятіе обо всѣхъ этихъ тонкостяхъ и подробностяхъ необходимо при разборѣ стрѣльчатаго правописанія: иначе никогда мы его не постигнемъ, и все останется въ хаосѣ. Не слѣдуетъ ли заключить прямо изъ всего до-сихъ-поръ приведеннаго въ достаточную очевидность, что если въ древне-персидскомъ языкѣ было *кь*, такъ не могло быть ни *х* ни *ш*; если не было *н* — ни чистаго ни картавеннаго, — а его положительно не было, потому что *Хуарезмъ* они писали *Уарезмъ*, безъ всякаго придыханія, — такъ всѣ мнѣя *н* должны быть греческія *ε*?... потому что этою буквою, какъ мы увидимъ послѣ, замѣнялось въ древности *н* у народовъ, которые его не произносили. Между-тѣмъ, у господъ стрѣлочпателей, отъ всѣхъ возможныхъ *h*, *kh*, *к'н*, *ch*, *sch*, *sh*, обратиться нельзя. Не мудро, что такимъ образомъ они добываютъ изъ гвоздей языкъ ни на что не похожій.

Но кончимъ сперва дѣло о звукѣ *t'hh*, *ть*, *тѣ*. Мы видѣли различныя превращенія звуку *hh*. Въ соединеніи съ *t*, онъ естественно, смотря по интонаціи, долженъ получать слѣдующія гармоническія произношенія: *thr*, *ths*, *thk*, *trh*, *trs*, *trz*, *трѣж*, *трь*, *t'sh* и *тш* (русское *ч*), *tss* (англійское *th*), *tsk*, *tkh*, *тх*, *ткъ*, *тц*, *тѣ* (равное глухому *д*, или *dt*), и такъ даѣе. Эти буквы могутъ быть произносимы вмѣстѣ или разбиты гласными, то есть, гласная звуку *t'hh*, — *t'ha*, *t'ho*, *t'hm*, и прочая — можетъ

остаться на концѣ слога, или перейти внутрь его; и тогда естественно возникаютъ слоги: *this, thus, thar, thor, thur, tros, trus, tusk, тащ, тощ, тиш, туш, так, ток, тух* и множество другихъ подобныхъ, которые все безъ изъятія уже первоначально заключены въ буквѣ *t*, или *tʰh*, и изъ нея сами собою развиваются. Интонація этой, какъ и всякой другой буквы, заключающей въ себѣ придыханія, можетъ быть и обратная, то есть, начинаться съ придыханій — *hht*; *тѣ* можетъ сдѣлаться *ѣт*: тогда изъ *hht*, *ѣт*, рождаются *kht, kt, xt, шт, чт, sht, szt, zst, жст, kst, skt*, а съ гласными *кто, хотѣ, хит, хат, кто, тто, что, shut, szat, zest, жест, куст, скот, кста*, и прочая. У нѣкоторыхъ народовъ два придыханія *hh* превращаются въ одинъ носовой звукъ *n* и изъ *hht* или *ѣт*, и образуется *nt*: такимъ образомъ наше *св(а)ѣт* — въ другихъ славянскихъ языкахъ становится *sw(a)nt, swient*. Древне-персидскій языкъ, подобно русскому, не допускалъ такихъ превращеній. Въ немъ нѣтъ носовыхъ *nt, ng, nk, nb*, и прочая. — Одно изъ двухъ придыханій *hh* иногда замѣняется выдыханіемъ *v* или *f*: тогда изъ *hht, ѣт* или *ѣт*, добровольно возникаетъ *вст, фст*. Но *ст, тс* образуются изъ вывороту простаго *t, t* съ однимъ придыханіемъ, *tʰh*, — потому что безъ придыханія ни одной согласной быть не можетъ: все онѣ заключаютъ въ себѣ по-крайней-мѣрѣ одно *h*, и сочинители гвоздеобразной грамоты, прекраснѣйшей изъ всѣхъ грамотъ, какъ сказано въ одной надписи Керсеа, превосходно чувствовали это: оно видно изъ ихъ правописанія. При средней интонаціи, когда *t* находится между двумя придыханіями, — *hth — ѣть*, — мы получаемъ *sth, kth, str, сть*, и такъ далѣе. У народовъ, которые чисто интонируютъ *tʰh*, такихъ слоговъ нѣтъ и быть не можетъ. Изъ *dʰh* (греческой дельты Δ , арабскаго *dhhad*, нашего *дѣ* или *дѣь*) точно такимъ же образомъ рождаются *адр, жѣд, вѣд*, и прочая; изъ *rʰh* — *нѣ, нѣь* — возникаютъ *нѣс, нѣь, ѣпс, ѣсп, спѣ, спѣ*, и прочая, и прочая. Когда мы говоримъ *дать* (собственно *дѣать*), намъ стѣдитъ только переменить интонацію, и мы естественно скажемъ *вѣдать* или *воздѣать* — мы принуждены законами звуку сказать такъ — мы тутъ ничего не прибавляемъ и не убавляемъ — со стороны человека нѣтъ въ этомъ случаѣ ни выдумки ни произволу — буквы, которыя намъ кажутся прибавочными, были уже заключены въ первоначальной, основной буквѣ, и обнаружилась сами собою при усиленіи, ослабленіи или перемене интонаціи, отъ болѣе или менѣе издержки воздуха. Все измѣненія нашихъ глаголовъ,

именъ и другихъ частей рѣчи зависятъ отъ этого закона. По роду интонацій, припыхъ нашими предками, мы такъ *должны* говорить. Изъ системы этихъ интонацій особенная гармонія каждаго языка развивается сама собою; и потому введеніе иностраннаго слова въ рядъ словъ отечественныхъ всегда производитъ непріятное впечатлѣніе: оно *иначе интонировано*, и производитъ диссонансъ съ интонаціями нашихъ родныхъ словъ; превращенія придыханій происходятъ въ немъ въ другомъ, не привычномъ для насъ, порядкѣ.

Мы можемъ тотчасъ испытать достоинство этой теоріи на дѣлѣ, посредствомъ приложенія. Возьмемъ самое затруднительное мѣсто въ стрѣльчатыхъ надписяхъ. Если только попадемъ мы на настоящую систему интонаціи древняго персидскаго языка, все должно стать просто и понятно: Мы видѣли, и ни господинъ Ролисонъ, ни его комментаторъ, господинъ Бенфей, не отвергаютъ, что знакъ trh (grassayé) находится въ этой азбукѣ, также какъ въ западной и санскритской, и мы достаточно убѣждены нынче, что это trh не что иное какъ греческое θ, вѣсколько иначе интонированное, оттого въ греческомъ выговорѣ были придыханія, а въ древне-персидскомъ вовсе ихъ не существовало. Какъ скоро стрѣльчатое trh равно греческой θ, такъ десяти Θитъ въ этомъ алфавитѣ быть не могло — была только одна — Θ^1 то что два ученые толкователя надписей принимаютъ за thh, сверхъ знака trh, должна быть совсѣмъ другая буква. Буква эта находится въ словѣ хен, царь, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть одна изъ коренныхъ буквъ слова, h. Слѣдовательно она h, во всей точности греческое твердое придыханіе. Но какъ оно выговаривалось? — потому что у древнихъ Персовъ придыханій не было; — въ какую букву превращалось оно? Мы это сейчасъ увидимъ. Въ началѣ книги Езры пророкъ, говоря о Кирѣ, употребляетъ одно персидское слово — *гизберъ* — въ значеніи: «государственный казначей» персидскій. Это слово сохранилось и въ ново-персидскомъ языкѣ, и притомъ сохранилось въ двухъ формахъ, съ придыханіемъ, и безъ придыханія, которое замѣнено носовымъ звукомъ n: *генъ беръ* и *генъсберъ*, вмѣсто *гизсберъ*, казно-собиратель, слово составленное изъ *генъ*, *гизъ* или *генъсъ*, сокровище, казна, и *беръ*, нести, брать, тащить. Слѣдовательно придыханіе h выговаривалось какъ ж въ древне-персидскомъ. У Езры написано *гизберъ* потому, что звуку ж нѣтъ въ еврейской азбукѣ. Какъ з оно не могло произноситься, потому что въ стрѣльчатой азбукѣ есть другой знакъ для з, который — не

сомнительное *э*. Слово же *гюжъ*, вмѣсто *geh* и *генжъ*, находится въ одной изъ надписей, отдѣльно, и значить также «казна», «сокровище». Но замѣтимъ, что если не было придыханія, было зато по-необходимости выдыханіе, согласная въ родѣ французскаго *и* и нѣмецкаго *ü*, произношеніемъ близкая къ нашему *ю* или латинскому *у*. Ионійскіе Греки, у которыхъ выдыханія видно не было, замѣняли его придыханіемъ и $\Upsilon\sigma\tau\alpha\sigma\eta$ (*üistasp*) древнихъ Персовъ писали $\Upsilon\sigma\tau\alpha\sigma\eta$ (*hüstasp*). Вѣроятно, у Персовъ имя это произносилось очень близко къ нашему *юстасъ*, потому что въ ново-персидскомъ языкѣ пишутъ *Юштасъ*: измѣненіе мягкаго *ю* въ *гю* правильно и весьма обыкновенно въ языкахъ, не употребляющихъ этого выдыханія. По этому примѣру, и прочія древне-персидскія слова, начинающіяся съ *ü* или *ю* обязаны въ ново-персидскомъ начинаться съ *гю*. Напримѣръ, ново-персидское *гюжъ*, корень, родъ, родина, коренное, родное, въ древнемъ языкѣ должно являться *йжъ* или *южъ*. Въ самомъ дѣлѣ, оно такъ и является. Господа Роллинсонъ и Бенфей читаютъ это слово *gihh*. Нельзя и желать сильнѣйшаго доказательства, что *ih*, не *th*, не *θ*, а чистое *ж*: оно встрѣчается и тамъ, гдѣ *ж* не превращеніе придыханія, а коренная буква. А какъ-скоро знакъ равный греческому твердому придыханію, произносился какъ *ж*, и *th* господина Роллинсона есть положительно *ж*, такъ его *jh* будетъ *з*, его *j* будетъ *зъ*, его *h* будетъ греческое *в*, его *eh* будетъ *ц*, и такъ далѣе — одно слѣдуетъ изъ другаго по кореннымъ законамъ звуку — вся система чтенія измѣнится — языкъ выйдетъ совершенно другой.

Мы обстоятельно видѣли, какъ и почему древне-персидское *trh* равно ново-персидскому *съ*: слѣдовательно, всѣ древнія слова, въ составъ которыхъ входятъ знакъ *trh*, должны въ ново-персидскомъ, если они сохранились, являться со звукомъ *съ*, и означать то же самое. Такъ, загадочное и небывалое *niyathârayam*, которое съ помощію санскритскихъ корней господинъ Роллинсонъ переводитъ — *я возстановилъ*, а господинъ Бенфей, наоборотъ — *я уничтожилъ*, усматривая въ немъ цѣлый религіозный переворотъ и измѣняя для этого натуральное значеніе ближайшихъ словъ, это *niyathârayam*, за устраненіемъ диатоническихъ знаковъ простое NĪGhĀRĪM , должно въ ново-персидскомъ быть NĪSĀRĪM . И, въ самомъ дѣлѣ, оно тамъ есть. *Писариденъ* или *нишаридиденъ* значить — расточать дары, оказывать щедроты. Вмѣсто фразы *пятаутой* и сомнительной въ каждомъ словѣ — *та, что Гомадъ Магъ, должный Смердись, повелѣлъ (боготворить), а это уничто-*

ожидать — мы получимъ фразу простую и ясную. Выидеть смыслъ самый логическій, естественно происходящій изъ предъидущаго : *то, что самозванецъ награлъ, я щедро назадъ роздалъ.*

Что же заставило переводчиковъ предполагать здѣсь рѣчь о религиозномъ переворотѣ? Подбирая разные санскритскіе корни къ сравнительно слову *piyatrhārayam*, они нашли что слово это можетъ значить и *возстановилъ* и *уничтожилъ*, и да и нѣтъ, смотри по корню; а между-тѣмъ въ первой половинѣ фразы есть глаголъ, по ихъ чтенію, *viyaka*, довольно схожій съ однимъ Zendскимъ глаголомъ, который значить — *повелѣлъ*. Толкованіе: если тутъ сказано — самозванецъ *повелѣлъ*, такъ, въ отвѣтъ, *piyatrhārayam* будетъ значить — я *уничтожилъ* это, говорить одинъ. Нѣтъ, говорить другой: *повелѣлъ* всё-равно что и *запретить*; *viyaka* — будетъ здѣсь значить — *запретить*, а *piyatrhārayam* — *возстановить*: что самозванецъ *запретилъ*, я то *возстановилъ* *. Что жъ могъ онъ запретить? Въ томъ же періодѣ есть слово *gjujka*, корень, родъ, родина, коренное, природное, выиче по-персидски *gjujka*. Переводчики читаютъ его *viṭha*: оно въ этомъ видѣ сходно съ древне-германскимъ *viṭhe*, *viṭe*, боги, духи, и вотъ господинъ Бенфей толкуеть: *духи* — и *природное* — двѣ идеи въ одномъ словѣ!.... такъ это значить — природные, отечественные боги! пенаты! И смыслъ періода рѣшенъ. Религиозная революція совершилась. *Kar*, станъ, войско, военное сословіе,

* Между-тѣмъ *viyaka*, въ настоящемъ видѣ своемъ за устраниеніемъ мелодическихъ знаковъ *yik* (*jik*, *йикъ*) не можетъ быть иное что какъ прошедшее совершенное отъ *jiḥ*, въ ново-персидскомъ *tehib*, *tachiden*, *tachinde*, накопить, захватать, награть, лативское *veh(ere)*, *vec(tus)*, нѣмецкое *ziehen* (цѣпъ, но собственно, какъ произносить въ Швейцаріи, *цъгна*), дрегвицкое *цлануць*, русское *млануть*, *млаа*, польское *цѣмонуць*, исландское *teka*, стаять, похитить, англійское *take*, ваять. Въ старо-персидскомъ уничтоженъ носовой звукъ *n*, передъ *k*, потому что такихъ звуковъ не допускалось. Въ ново-персидскомъ и нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оное проявляется, въ томъ *nd*, а въ тѣхъ *ng*, что рѣшительно тождественно. Старо-персидское *ji* (*йи*) въ новомъ превращается правильно въ *gi*, въ нѣмецкомъ, дрегвицкомъ или бѣлорусскомъ и польскомъ въ *gn*, въ русскомъ и норландскомъ въ *nn*, *nn*, *nn*. При перенѣтѣ интонаціи это *йикъ* превратился въ *бывилъ*, *вѣвѣлъ*, *дѣвѣлъ*, и выходитъ *дѣвѣвѣлъ*, *сдѣвѣвѣлъ*, что по-норландски говорится *vig* и *vik*. Вотъ мы и воротились къ древне-персидской формѣ. Значеніе этого слова не можетъ ни на минуту подлежать сомнѣнію: *йикъ* или иишное *viyaka* положительно ново-персидское *гидъ*, накопилъ, захваталъ, награлъ, стянулъ, *vexit*, *vec-(tigal)*.

будеть значить *государство*. *Giṭha* похоже на санскритское *gṛha*, *домъ*: ну, *домъ*, это храмъ; стоитъ только подразумѣть — *домъ* божій, такъ какъ дѣло идетъ о богахъ, *viṭha*. А дѣло собственно идетъ о *гизь*, *генжъ*, сокровищахъ, богатствахъ, и почестяхъ, отнятыхъ самозванцемъ, не у боговъ, а у *гюжвей*, у коренныхъ родовъ, у столбовыхъ вельможъ, которые, какъ извѣстно, пользовались въ Персіи наследственными санами и чинами. *Meni* — *честь, почестъ* (по-польски *менье, шіеніе*). Честь, почестъ? — да это почести отдаваемые богамъ!... Оставалось только одно затруднительное слово *a-bitagis*. Посредствомъ различныхъ сближеній съ санскритскимъ, дотого тонкихъ, что и понять ихъ нельзя, господинъ Бенфэй выводитъ заключеніе, что это должно значить *der Schützer*, охранитель, покровитель: слѣдовательно, это — Ормузда, персидскій Юпитеръ! Негодный Магъ, самозванецъ, *запретилъ* было поклоняться Ормуздѣ, перемѣнилъ государственную религію, низпровергъ боговъ; явился Дарій, и возстановилъ все, *храмы, божескія почести, или богопочтаніе, и молитвы, древнія литургіи*.

Да такъ натягивая прямое значеніе словъ, стольже легко можно было открыть въ этой фразѣ и всеобщій потоцъ! *Der Schützer* Ормузда — не кто иной какъ дѣепричастіе глагола *бицари*, помиловать, умилостивиться. Слово донынѣ существуетъ въ новоперсидскомъ языкѣ: *бизсарѣ* или *пизсарѣ* значить — милостивецъ. Древняя форма *a-бицари* соотвѣтствуетъ славянскому дѣепричастію съ окончаніемъ *ши* — помиловавши, размилостившись — и греческому дѣйствительному причастию прошедшаго времени съ окончаніемъ *ις*: *Карѣ а'бицарисъ* значить только: *къ войску* (военному сословію, дворянству) *умилостивившись*. Вотъ весь этотъ періодъ, въ томъ видѣ, какъ должно читать и произносить его. Знакъ *á* есть *a* длинное, произносимое между *a* и *o*; *ó* — длинное *o*, *omega*; *é* — двойное *e*, и такъ далѣе; *ç* — двойное шипящее мягкое *ss*, почти *ssъ*; всѣ *r* выговариваются картавя; *d* въ словахъ *Дариусъ, адемъ, Мадъ*, есть громкая дельта, твердое *d*, съ легкимъ отгнкомъ звуку *z*.

Жадіи. Дариусъ. ксѣжкѣ. ксетвелъ (*xetthem*).

Рѣче (*gada*) Дариусъ царь (*xigze*); Царство (*xiestwo*),

ти. эцѣ. эмойемъ. домѣе. per'áberdem

что (*ti*) изѣ (*ex*) нашего дому взятое

é. ó. адемъ (почти *азамъ*). *педь-педемъ*.
 было (ήν) о-ное азъ (я) назадъ

э́кюно́мъ (э́чюно́мъ) . *адемъ - сымъ . ва́жбó .*
 училиль. Я (*азъ*) его (*esch*) на-мѣсто (*gáh*)

уо́стѣемъ . ижа́ . прѣмаци . é . óжа́ .
 возставиль. Какъ (*иже*) прежде (*grimo*) было, такъ (*тоже*)

адемъ . э́кюно́мъ (э́чюно́мъ) . *эда́на . ть .*
 я (*азъ*) училиль. Это что

Гомадъ . и . Магу́съ . и́нкъ . адемъ .
 Гомадъ (ó, le) Магъ стянулъ (похитиль), азъ (я)

нитва́риль (*nitrharim*) . *каре́ . э́бица́рисъ .*
 щедро-роздалъ. (къ) Войску умилостивившись,

вижем-ца . меньем-ца . южиби́съ . ть-ды́съ .
 богатства (que), почести (que), кореннымъ, тѣмъ же у которыхъ

Гомадъ . и . Магу́съ . аты́на . адыамъ .
 Гомадъ (ó, le) Магъ отнялъ, азъ (я)

ка́ремъ . ва́жбó . уо́стаемъ . Па́р-
 войску на-мѣсто (назадъ) возставиль (доставиль) Пер-

сел-ца́ . Мадем (почти *маземъ*) -*ца́ . 'да . эни́е .*
 сию (que), Медю (Медю, землю Мазовъ)- (que), да и нынѣ

депó . ижа́ . прѣмаци . óжа́ . адемъ .
 области, какъ (*иже*) прежде (*grimo qui*), такъ (*тоже*) азъ

ты . per áberdet . педьм . áberet . осма́
 (τόν; το) взятое назадъ взялъ. Черезъ

Ормэздае . илъ , адемъ . э́кюно́мъ (э́чю-
 Ормузду это (in) азъ училиль,

номъ) . Адемъ . ам э-такси́ . пьда . южемъ .
 Азь все у-строивалъ (έταξεν), пока (егда) король (ро-

..... темъ . э́мойемъ . ва́жбó .
 доую (отчяну) (την, τυ) нашу на-мѣсто (назадъ)

уѡстиемъ . ижѡ . прѡмци . ѡжѡ .
 возставилъ (себѣ доставилъ). Какъ (*иже*) прежде (*primѡ*), такъ

адемъ . имъ э-танси . оснѡ . Ормѣздае .
 азъ все устроилъ, чрезъ Ормузду,

ижѡ . Гомадъ . и . Магузъ . южемъ .
 какъ-бы Гомадъ ('о, тотъ) Магъ корня (вотчины)

темъ . Элюиемъ . ни . перѡбере .
 (тѣ, той) нашей никогда и не бралъ.

Безспорно, что съ помощію славянскихъ языковъ можно легче отдать себѣ отчетъ въ смыслѣ этихъ строкъ и лучше почувствовать духъ этого языка, тѣмъ посредствомъ англійскаго или нѣмецкаго. Какое здѣсь множество словъ греческихъ, латинскихъ, но, преимущественно славянскихъ! Между-тѣмъ, это языкъ кореннымъ образомъ персидскій. Его можно назвать — персидскимъ языкомъ съ греческой грамматикой и славянскими формами. Вотъ те же слова существуютъ и въ ново-персидскомъ, но тамъ они такъ измѣнены другими формами, что вовсе уже не являютъ славянской наружности. *Ижѡ*, напримѣръ, не что иное какъ ново-персидское *иччѣ*: но кто бы могъ догадаться, что *иччѣ* ново-персидское и *иже* славянское — одно и то же слово! *Адемъ* — слово сложное, составленное изъ *adh*, я (азъ), и *em*, мой. Въ ново-персидскомъ *adh* исчезло; осталось только *em* и *шеп* (меня), которое есть и въ древне-персидскомъ. Не любопытно ли узнать изъ стрѣльчатой граноты образованіе латинскаго *primus*, *primѡ*? Въ надписяхъ Даріа слово *прѡма* написано всегда раздѣльно, *pr' ѡма*, чтобы показать, что оно состоитъ изъ *рго*, до, и *іма*, того; до-того, прежде. Но самое интересное слово въ этихъ строкахъ безспорно — *оснѡ*, чрезъ. Мы видѣли, что *с* есть превращеніе придыханія *h*, зависящее отъ особенной интонаціи, принятой въ языкъ. Возстановимъ *h*: мы получимъ *ошна*. Это очень похоже на нѣмецкое *ohne*, безъ. И въ самомъ дѣлѣ оно-то и есть. Перемѣну значенія, изъ *чрезъ* на *безъ*, можно постигнуть только при помощи славянской филологіи. Волковыжане до-сихъ-поръ вмѣсто *чрезъ* употребляютъ *безъ* и, наоборотъ, вмѣсто *безъ* — *чрезъ*. Они пишутъ: *итти чрезъ мостъ*, а говорятъ *итти безъ мостъ*; пишутъ — *рѣка безъ моста*, но въ разговорѣ выражаются — *рѣка чрезъ моста*. Эта странность не безпричѣрна и въ

другихъ славянскихъ нарѣчьяхъ: откуда она происходитъ — не знаю, но ясно, что въ древности она была общая многимъ языкомъ бѣлой породы, возникшимъ изъ одного источника, когда оһне на берегахъ Персидскаго Залива могло значить *чрезъ*, а у Нѣмецкаго Моря *безъ*. Господинъ Бенфей, который длинное о принимаетъ за wa, ç за sch, и оспн читаеть waschnn, навѣрное и не догадывался, что онъ читаеть тутъ свое родное оһне.

Мнѣ кажется, что для моихъ читателей, особенно для тѣхъ, которые не чужды свѣдѣнія въ персидскомъ и греческомъ языкахъ, смыслъ каждаго слова въ приведенномъ періодѣ такъ убѣдительно ясенъ, что никому и не представится, чтобъ можно было понять и перевести этотъ періодъ иначе. Смыслъ такъ простъ, слогъ такъ наивенъ, содержаніе фразъ такъ естественно, такъ исполнено логики, что царь Дарій иначе и говорить не могъ. Поэтому, въ оправданіе длинноты этого длиннаго разсужденія, я долженъ привесть переводъ буквальный господина Ролинсона и его комментатора, господина Бенфея. — Слова выставленныя курсивомъ и отмѣченныя вопросительнымъ знакомъ будутъ тѣ, которыхъ не встрѣтили мы при разборѣ періода.

«*Приказалъ извѣстить (?) Дарій царь: Власть (?)*, похищенную у нашего роду, возвратилъ я ему назадъ. Я поставилъ государство *счастливымъ (?)* какъ прежде. Я приказалъ (?) не *поклоняться (?)* тому, чему Гумата Магъ училъ (?). Я возстановилъ *храмъ и богочитаніе Хранителя имперіи и боговъ, все что Гумата Магъ у нихъ похитилъ (?)*. Я поставилъ государство *счастливымъ (?)*, Персію, Мидію, и другія области, какъ прежде. *Такимъ образомъ (?)* возвратилъ я себѣ, по милости (?) Аурамазды, похищенное у насъ. Все это я совершилъ (?). Я *трудился (?)*, пока народа (?) моего счастливымъ (?) не поставилъ, какъ прежде. *Такъ-то (?) я трудился (?)*, по милости (?) Аурамазды, *чтобы (?)* Гумата Магъ *опять народа (?)* нашего у насъ не похитилъ!»

Чтобы Гумата Магъ опять не похитилъ! А по разсказу той же надписи, Дарій началъ съ того, что самозванца, Гомада Мага, убилъ! Это ужъ совершенно излишняя предосторожность — *трудиться такъ, чтобы мертвый опять не похитилъ престола!* Вы спросите, откуда взялась въ этомъ переводѣ мысль о такомъ страстномъ желаніи царя Дарія: *поставить счастливымъ* свое государство! Кажется, о *счастіи* такъ рѣчи не было? — По аналогіи съ санскритскими и зевдскими корнями за *счастіе* и *счаст-*

ливый объяснитель надписи принял самое употребительное ново-персидское слово *gāh*, древне-персидское *gāhš*, мѣсто: *gāhō*, или *gāhō* ни что иное какъ творительный падежъ этого слова (въ греческомъ правописаніи γαῶ) и значить только *юсо, юсо suo*, на-мѣсто, назадъ. Впрочемъ вмѣсто *gāhō*, принявъ ж за *h* и не устранивъ мелодическихъ знаковъ, они читаютъ *gāhuwa*, слово, въ которомъ можно видѣть всѣ блаженства міра, потому что оно вовсе непонятно и ни на что не похоже. О милости Ормузды также не было тамъ упоминанія; но по тѣмъ же апологіямъ зендскимъ и санскритскимъ предлогъ *oṣnā* (*ohne*), чрезъ, обратился въ любовь и милость. Итъ ничего опаснѣе какъ переводить съ неизвѣстнаго нарѣчія опираясь на одні только наружныя сходства словъ его со словами другихъ нарѣчіи того же языка. Вотъ примѣръ — словацкая фраза, взятая изъ одной газеты, выходящей въ Пестъ: *тео свіен мисао и збите излезе три пудъ*; послѣ многихъ весьма тонкихъ соображеній, основываясь на наружныхъ сходствахъ этихъ словъ съ русскими и не слишкомъ дорожа строгою логикой, вы, пожалуй, переведете — *того свиного мяса избитого выльзло изъ него три пуда* — и объявите, что словацкій стрѣльчатый языкъ вы разобрали. Между-тѣмъ фраза значить: *тль всѣ, мысли и событія являлись три раза*. О свиномъ мясѣ и о трехъ пудахъ тутъ въ поминѣ не было. *Св*, въ словѣ *свіе* есть выворотное *ес*, происходящее отъ другой интонаціи буквы *е*, потому что мягкое *е*, — *wh*, *въ*, — производитъ *ес*, а твердое, — *whh*, *въ* или *въ*, даетъ *wss* (*вш*) и *zsw* (*шз*). Этотъ новый примѣръ вывороту звуковъ, котораго теорію мы уже знаемъ, стѣдуетъ быть примѣченнымъ. Вскорѣ мы увидимъ другой подобный въ словѣ *Ормузда*.

Едва ли теперь нужно, противъ переводовъ господъ Ролисона и Бенфел, выставлять другой переводъ, отчетливѣе подстроичнаго. На всякій случай, для удобства при сравненіи, вотъ построенное содержаніе:

« Сказалъ Дарій царь : царство , которое у дома нашего похищено было , я обратно приобрѣлъ . Я его возстановилъ , какъ оно было прежде . То , что Гомадъ Магъ награбилъ , я щедро роздалъ обратно . Милуя войско (военное сословіе, дворянство), богатства и почести, по корнямъ (по-родно), тѣмъ , у кого Гомадъ Магъ отнялъ , я войску возвратилъ . Персію, Мидію и прочія области, по-прежнему, я, послѣ похищеній, (ихъ было много) соединилъ . Чрезъ Ормузду я это сдѣлалъ . Я все распорядился , пока вотчины нашей вполне не возстановилъ . Какъ что

« прежде было, я во всемъ распорядился черезъ Ормузду такъ, какъ-будто-бы Гомадъ Магъ вотчины вашей и не похищаль. »

Эта форма царскаго объявленія можетъ показаться вывче страннымъ, но она совершенно подлинная. Въ началѣ книгъ Езры мы видимъ еврейскій переводъ одного указа или объявленія царя Кира, Дарьева предѣстника. Священный историкъ говоритъ о милосердіи къ Евреямъ, которое сердцу Кира, въ самый первый годъ его царствованія, внушилъ Сущъ Богъ, или Самосуцій Богъ *Shwa Alohay*. — *Shwa, Глова*, есть, какъ извѣстно, причастіе настоящаго времени отъ глагола *hwa, былъ*, и значитъ — *сущій, ens, étant*. Слово *Alohay* заключаетъ въ себѣ по этимологii, идею *силы*. И оба слова означаютъ — Сущая или Самосущая Сила, Богъ. Ясное понятіе объ этомъ необходимо для филологическаго уразумѣнія Кирова указа. Далѣе сказано, что Киръ тотчасъ повелѣлъ обрѣдовать *рѣчью*, — *qól*, то есть, черезъ глашатаевъ, — по всему царству своему, а *также и письменами*, *miktab*, слѣдующія слова: « Сказалъ Корешъ; царь Персіи такъ: все царство земли этой дала мнѣ Самосущая Сила небесъ, *Shwa Alohay* ». Замѣтимъ немедленно, что *Shwa Alohay* въ еврейскомъ переводѣ этого персидскаго указа должно по-необходимости замѣнять подлинное персидское слово *Ормузда*. Почему Еврей такъ перевели это слово? Отвѣтъ очень простъ: *Ормузда*, собственно *Uer-mözd*, значитъ буквально то же самое. *Uer* есть причастіе настоящаго времени отъ глагола *é* или *uè, былъ*, и значитъ — *сущій, ens, étant*, германское *weg-dend*. *Mözd*, выворотное *mödz*, не требуетъ длинныхъ выводовъ: это слово находится въ томъ и другомъ видѣ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, *мождь, modz*, мочь, можно мощно, мощно, тоспо, и во всѣхъ германскихъ, *mögd, Macht mögen*, наше *могу, можешь*, и такъ далѣе. *Mözd* или *mözda*, по выговору разныхъ восточныхъ племенъ, которые букву *m* безпрестанно измѣняютъ въ *b*, естественно превращается въ *bözda* или *buzda*; *zd* дѣлается у нихъ удвоеннымъ *d*; и вотъ какимъ образомъ, изъ *Mözda* образуется *Budda*, знаменитое названіе Верховнаго Существа у буддистовъ. *Ор-музда* или *Ор-будда*, это — всё-равно. Изъ чего можно было бы заключить, если угодно, что ибра Будды существовала уже при Кирѣ. Возвратимся къ его указу.

Мы должны, слѣдовательно, такъ переложить эту грамматику съ еврейскаго переводу: « Сказалъ Корешъ, царь Персіи: « Все царство земли этой далъ мнѣ Ормузда. Онъ потребовалъ отъ меня сооруженія храма ему въ Иерусалимѣ, что въ Иудеѣ. Кто

« между вами—изъ его народа (изъ народа Иерусалима, а не Ормузды), съ тѣми да будетъ Богъ ихъ, пусть идутъ въ Иерусалимъ и строятъ храмъ Самосущему Богу Изравля: это — Богъ иерусалимскій. Всѣмъ, остающимся, изъ всякаго мѣста, которые—чужіе тамъ, пусть люди того мѣста дадутъ серебра и золота, и рукляди и скота, изъ милосердія, для храма того Бога, что въ Иерусалимѣ. » Первая фраза этого указа, отъ слова до слова, повторяется въ надписяхъ Дарія: *все царство этой земли далъ мнѣ Ормузда*. Мы встрѣтимъ ее не однажды въ текстѣ главной его надписи. Указъ Кира, какъ мы видѣли, былъ обнародованъ также и *письменами*, стало быть, по обыкновенію древности, былъ вырѣзанъ письменами на камнѣ, на утесѣ: онъ можетъ еще отыскаться между гвоздеобразными надписями вавилонской страны, и, при помощи текста Езры, послужитъ къ ихъ дешифровкѣ.

Другой такой же указъ Кира сохранился въ еврейскомъ переводѣ въ концѣ послѣдней главы Хроникона, гдѣ также начинается онъ, какъ и у Дарія, словами: « Сказалъ Корешъ царь: все царство земли этой далъ мнѣ Ормузда; онъ потребовалъ отъ меня и прочая. » Нѣтъ сомнѣнія, что такой важный для Евреевъ документъ былъ переведенъ ими буквально; и, поэтому, трудно понять длячего господинъ Бенѣей слово *жади* переводитъ — *приказалъ обнародовать* — вмѣсто *сказалъ*, какъ у Езры и въ Хрониконѣ. Но на это находить онъ свои причины въ санскритскомъ корнесловіи.

Труды и изслѣдованія маіора Ролнсона продолжались около осьми лѣтъ. Онъ началъ заниматься стрѣльчатыми надписями еще въ 1838 году. Плодомъ этихъ усилій было небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: « *The Persian Cuneiform Inscription at Behistun, decyphered and translated by Major H. C. Rawlinson* », представленное лондонскому азіатскому обществу въ исходѣ прошлаго года и напечатанное въ его журналѣ, съ приложеніемъ осьми таблицъ снимка надписи. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ общее обзорѣніе стрѣльчатыхъ и гвоздеобразныхъ надписей, но главный предметъ его — огромная надпись Дарія, Истаспова сына, находящаяся въ Багистанѣ, нынѣшнемъ Бисутунѣ, городищѣ, сосѣднемъ съ Кирманшахомъ. Надпись эта, состоящая слишкомъ изъ тысячи строкъ, вырѣзана на скалѣ тремя почерками, на трехъ языкахъ, для свидѣнія трехъ главныхъ поколѣній, населявшихъ имперію, персидскаго, ассирійскаго и.... волагають, индійскаго: но это не совсѣмъ вѣроятно. Индійцы

принадлежали къ персидской породѣ. Едва ли этотъ третій языкъ не армянскій. Какъ бы то ни было, надпись, кромѣ удовольствія пролигнуть въ таинственное, представляетъ особенный интересъ изслѣдователямъ. Она чрезвычайно важна для исторіи. Во-первыхъ, это единственная подлинная страница исторіи древнихъ Персовъ, а во-вторыхъ одна уже она рѣшаетъ многіе спорные вопросы. Среди басней Геродота, противорѣчій Ктесіаса и Ксенофонта, и нецѣлостей Фирдоусія, критика была не въ состояніи слѣдить не только факты, но даже и собственные имена, такъ, что въ этомъ хаосѣ, можно было сомнѣваться во всѣхъ дѣяніяхъ Даріевъ и Ксерсесовъ. Но вотъ теперь передъ нами одинъ изъ официальныхъ документовъ ихъ правительства, манифестъ Камбизова преемника, Дарія Истахова, объ очищеніи имперіи отъ самозванцевъ и возстановленіи прежняго порядку. Сказаніе Геродота согласуется съ этимъ памятникомъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, но не подтверждается въ главномъ: по его разсказу Дарій былъ родоначальникомъ новой династіи, между-тѣмъ какъ въ манифестѣ, представляя свою родословную и исчисляя предковъ, Дарій говоритъ, что онъ — девятый царь Персіи изъ роду Ахаменидовъ и что Персія его — *корень*, *вотчина*. Между-тѣмъ одно мѣсто манифеста, къ сожалѣнію весьма истертое, заставляетъ думать, что отецъ Дарія, Истаспъ, не былъ царемъ, что онъ еще командовалъ войскомъ Дарія послѣ его воцаренія.

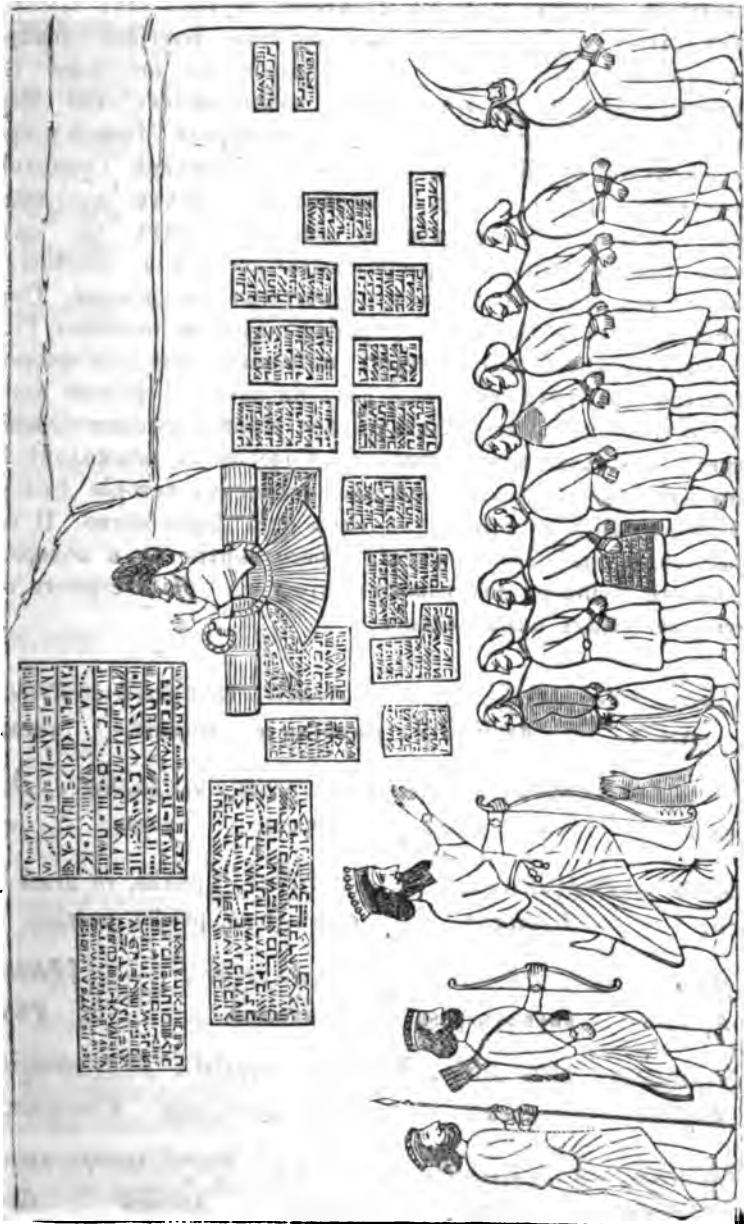
Вся исторія объ избраніи Дарія на престолъ, объ его лошади и его конюшемъ, оказывается сущою баснею. Дарій положительно говоритъ что онъ царь Персіи по праву наслѣдства, одному Ормуздѣ обязанъ престоломъ, Ормузда сдѣлалъ его царемъ, и онъ никого не благодаритъ за свое избраніе. Между-тѣмъ ни Кира ни Камбиза не показываетъ онъ въ своей родословной, называя ихъ просто *царями изъ нашего дому*. Все это ужасно темно. Противорѣчіе можно согласить только тѣмъ предположеніемъ, что Дарій былъ царевичъ изъ младшей линіи. Самозванца, воцарившагося по смерти Камбиза, зоветъ онъ въ манифестѣ постоянно Гомадомъ. Самозванецъ былъ магъ: это согласно съ Геродотомъ. Онъ принялъ имя убитаго брата Камбизова и назывался *Берди*. У Геродота онъ — *Смердисъ*. Это различіе въ именахъ приводитъ въ большіе хлопоты тѣхъ, которые долго вѣривъ Геродоту, желали бы теперь спасти честь *отца исторіи* и какъ-нибудь согласить его народныя сказки съ положительными фактами. Но испугъ ихъ напрасенъ. Въ этотъ разъ Ге-

редотъ нравъ. *Верди*, *Мерди* и *Смерди* — одно и то же имя, три различныхъ иптезаціи одного и того же начальнаго звука, *b*: *bherdi* — *wherdi* — *sherdi* — *hmerdi*—*amerdi* — та же исторія *Ормузды* и *Будды*. Старая *Смирна*, *Смирна*, собственно *Смирна*, имя те мѣсто гдѣ были ея дѣти, донынѣ у мѣстныхъ жителей называется *Бюрна*, *Бюрн-абадъ*. Вотъ положительное доказательство превращенія *b* въ *см* въ той же сторонѣ, изъ которой Геродотъ вышелъ. Превращеніе *Берди* въ *Смерди* доказываетъ только то, что онъ свидѣнія свои объ исторіи Персоевъ почерпнулъ не изъ ихъ же показаній, не изъ книгъ, а изъ простонародныхъ разсказовъ, бывшихъ въ ходу въ Малой Азій, гдѣ такъ выговаривали это имя. Впрочемъ и въ самомъ манифестѣ *Дарія*, какъ мы увидимъ, одинъ изъ самозванцевъ, которыхъ было девять кромѣ *Гемада Мага*, чуть-чуть не названъ *Смерди*: его уже зовутъ *Мерди*, вмѣсто *Берди*. Воспомнимъ еще что у Юстина *Smerdis* называется *Mergis*. Вотъ уже начальное *s* и исчезло, въ третьемъ выговорѣ. Слогъ *gis* совершенно равносильнъ слогу *dis*, какъ въ вѣгерскомъ: *M'adyag* и *Magyar*, потому что что это *d* есть собственно *dt*, особенный родъ звуку *t*, который всюду переходитъ въ *g*.

Бисутунъ или *Бистунъ* есть названіе мѣста, гдѣ нѣкогда находилъ *Багистанъ* или *Багистанъ*, пышная столица *Дарія*, любимый его городъ въ Южной Мидіи. Какъ «Богъ» и по-древнеперсидски *Богъ* (*bogh*, *begh*, *beh*), то господниъ *Бенѣей* подъ словомъ *Багистанъ* разумѣть «божіе мѣсто», *Богоградъ*.

Но оно также легко можетъ значить и «виноградный садъ»: таковъ и донынѣ, въ ново-персидскомъ языкѣ, смыслъ слова *Багистанъ*, а преданіе заимствованное *Діодоромъ Сицилійскимъ* изъ *Ктесіаса* гласило, что *Семирамида*, пришедши въ южную Мидію съ сильнымъ войскомъ, остановилась здѣсь, въ долину, у подножія горы, изъ которой вытекалъ прекрасный источникъ, и такъ была восхищена мѣстоположеніемъ, что развела тутъ огромный *рай*, *paradeisos*, *парадिसа* по-древнеперсидски, *фердоусъ*, по-нынѣшнему, что значить именно — садъ, виноградникъ, то же что *багистанъ*. *Діодорово* описаніе мѣста вполне согласуется съ окрестностями *Бисутуна*. По словамъ *Ктесіаса*, который самъ былъ въ *Багистанѣ*, у *Артаксерса Мнемона*, и поэтому принять *Діодоромъ* въ руководители, *Семирамида* на одномъ утесѣ этой горы возгла изваять свое изображеніе, окруженное фигурами ста ея тѣлохранителей, и возлѣ этой картины вырѣзать надпись *сирійскою*

грамотою. Картина, въ описанномъ мѣстѣ, сохранилась. Вотъ она.

Эту въиценоксную фигуру съ бородою и лукомъ, которая да-

вить ногою опрокинутого на спину плѣнника и читаетъ правоученіе девяти плѣнникамъ стоячимъ, Ктесіасъ принялъ за Семирамиду! Но промахъ Ктесіаса понятенъ: картина такъ высоко на скалѣ, что снизу, съ земли, едва замѣтна. Ктесіасъ повѣрилъ толкамъ жителей столицы о содержаніи не доступной глазу картины. Однако жъ, этимъ ясно доказывается, что Персы исторіи своей не писали, когда при Артаксерксѣ Мнемонъ произведеніе Дарія приписывали они уже баснословной Семирамидѣ. Вскрѣсивъ картину, надъ плѣнниками, видѣнъ въ воздухѣ богъ Ормузда. За вѣщевосною фигурой стоятъ два оруженосца. Вокругъ Ормузды расположены доски или столбцы, покрытые гвоздеобразными и стрѣльчатыми письменами. Они-то и есть манифестъ царя Дарія, разобранный господиномъ Ролиссономъ. Письмена эти Ктесіасъ называлъ *сирійскою* грамотою. Какъ кажется, тотъ же самый родъ писанія у Геродота названъ грамотою *ассирійскою*: незначительная разница въ наименованіяхъ можетъ происходить отъ описки въ Діодоровомъ экземплярѣ Ктесіаса или отъ описокъ въ нашихъ рукописяхъ исторіи Діодора.

Главная фигура картины — самъ царь Дарій лично. И положеніе тѣла, избранное имъ для своего портрета, и содержаніе всѣхъ его надписей доказываютъ, что у него была страсть говорить рѣчи. Надъ нимъ надпись:

Адемъ. Даріусъ. ксьжъ. озеркъ. ксьжъ.

Азъ я Даріусъ кнезь (xięze), великій, кнезь

ксьжъенómъ. ксьжъ. Парси. ксьжъ. дель-
кнезей (zar-ienau), кнезь Персиа, кнезь обла-

нómъ. Юстасна-и потва́ (pütrhá, rh grassayé).
стей, Юстасиъ сынъ (puto, putello, piçeau),

Арсама-и. перò. Ахъмениси́. — Жадди́.
Арсамъ врукъ (peros) Ахамениссій. Рѣче

Даріусъ. ксьжъ. Мзнá. пидá. Юстасна.
Даріусъ кнезь. Миѣ батько (pedèr) Юстасна;

Юстасна-и. пидá. Арсамъ. Арсам-и. пидá.
Юстасиъ батько Арсама, Ароамъ батько

Арьерáмнъ . Арьерáмна-и . пидá . Цисписъ .
 Арьерамна, Арьерамаѣ батько Цисписъ (Teispis),

Цисписá-и . пидá . Акáменисъ . — Жадáи .
 Циспису батько Ахаменисъ. — Ръчо

Дариусъ . ксьжй . би-ради . (оїм)ымъ . Акá-
 Дариусъ кнезь : того-ради мы Аха-

мениси . жальмые . эцо . перь-
 вешисскими рѣкомые (гаемые, гадасмые). Изъ (ez, ex) перь-

видъ . амадè . эмен . эцо . перьвидъ .
 выхъ (ископи) явнишіеся есмы (εμην). Изъ перьвыхъ (ископи)

и . эмойемъ . дома . ксьжъè . é . —
 (η̄ la, членъ) наша домъ (семья) кнежя была (η̄, η̄̄).—

Жадáи . Дариусъ . ксьжй . 8 . мена . домбе .
 Ръчо Дариусъ кнезь : Осемь (изъ) моего дома

тии . перьомъ . ксьжъè . é . адемъ .
 (οί, βί, тии, членъ) прежде (primus) кнезьми были. Азь-есмы

ноомъ . 9 . довьдтернемъ . (оїм)ымъ .
 девятый (повет). И долге (и болге долго того) мы

ксьжъè . эмен .

кнезь есмы.

Замѣчанія достойны здѣсь, въ особенности, члены, столь схожіе съ греческими и съ нѣмецкими; родительный падежъ множественнаго числа (*амъ*, произноси *омъ*), совершенно греческій (*ων*), съ превращеніемъ только носоваго звуку *н* въ менѣе гнущащее *м*, по свойству древне-персидскаго языка, который всѣ

носные звуки отвергаетъ; и греческія формы глагола *быть*. Кстати о мягкомъ *д*, которое отлично отъ греческой Δ (*dh*) и соответствуетъ вѣдскому *di*, произносимому неопредѣленно, какъ *д* и какъ *t*. Одно изъ свойствъ этого звуку состоитъ въ томъ, что онъ, какъ *t* произносится между *t* и *k*, а дакъ *d*, получаетъ выговоръ между средній между *дъ* и *гъ*; напимѣръ, *русстіе*, и *русскіе*; *Madyar* (Мадаръ) и *Magyar*. Это же мягкое *дъ*, *td* дѣлается *цъ*, перейдя черезъ *k*: *русстіе*, *русскіе*, *русціе*. Въ древне-персидскомъ оно также иногда дѣлалось *цъ*: мы уже видѣли *прѳмаци* вмѣсто *прѳмаки* или *прѳмки* (нынѣшняго *беръ-ѳнки*). Слѣдовательно, мягкое *дъ* была буква непостоянная въ выговорѣ, и произносилась, смотря по мѣстоположенію, какъ *di*, какъ *t*, какъ *d*, какъ *kъ*, *цъ*, *чъ*, даже какъ *й*. Это — совсѣмъ венгерское *gy*, безпрестанно мѣняющее выговоръ, а иногда и вовсе не произносимое. На концахъ слоговъ и словъ оно навѣрное значило въ древне-персидскомъ то же что *гъ*, потому что часто превращалось въ такихъ случаяхъ въ *й*, какъ мы это неоднократно увидимъ. Поэтому должно полагать, что *перъ-видъ* навѣрное произносилось *перъвикъ*, или *перъвигъ* — близко къ славянской формѣ — *первыхъ*, которая отсюда возникла. *Довьдъ*, долго (*довго* у южныхъ Славянъ) конечно произносилось *довьгъ* въ языкѣ древнихъ Персовъ. Обратное *ым*, вмѣсто *мы*, очень занимательно: оно именно такъ написано стрѣльчатою грамотою какъ-бы написалъ древній Грекъ по своей орѳографіи, желая выразить славянское *ымъ* — *oim*; русскіе Нѣмцы пишутъ почти также — *im*. *Ои-ради*, въ значеніи — *того ради*, не могло не поразить читателя, но оно и донынѣ сохраняется въ персидскомъ языкѣ — *вей-рай*, или *вей-ра* — съ потерей буквы *di* или съ отсѣченіемъ цѣлаго послѣдняго слога *di*. Со всѣмъ тѣмъ, признаюсь, я никогда не подозрѣвалъ, чтобы нынѣшнее персидское *ра*, окончаніе дательнаго падежа и другихъ, было то же наше *ради*, пока принятая мною система чтенія стрѣльчатыхъ писменъ, которая казалась мнѣ самую раціональною по уваженіямъ сравнительной филологіи, не представила вдругъ чистаго *ои-ради* тамъ, гдѣ донынѣ читали *awaya-hya-ratiyiya* и не открыла въ то же время другихъ славянскихъ созвучій. Слово смысломъ, видомъ и окончаніями подобныхъ славянскимъ — множество въ однихъ этихъ уже строкахъ. О причастіи съ окончаніемъ *еміе* уже сказано. Нѣсколько словъ являютъ формы латинскія; но самое любопытное въ этомъ отношеніи слово — *довьдлярнемъ*, или *довьгьларнемъ*, гдѣ пер-

вая половина являетъ форму славянскаго слова *долго, довго*; *сбредина, тер*, частица, означающая сравнительную степень, обща и персидскому и греческому языкамъ, но потерянная въ латинскомъ, а окончаніе *немъ*, признакъ нарѣчія, принимаетъ видъ латинскій, такъ что все слово, *доводятернемъ*, становится латинскимъ — *diuturnum*. Послѣ этого нельзя и сомнѣваться въ происхожденіи и значеніи страннаго слога *tur* въ словѣ *diuturnus*.

Надписи подъ или надъ фигурами десяти самозванцевъ несравненно короче, но не менѣе занимательны.

НАДЪ ПЕРВОЮ ФИГУРОЮ ЛЕЖАЧЕЮ.

Имъ . Гомадъ . и . Магусъ . а дурузыи .

Это Гомадъ (o, le) Магъ. Одурачивалъ (вздо-

ожа . э же (ε, η) . адемъ Берди .

рылъ, лгалъ) такъ: говорилъ — азь Берди (Смерди)

эми . и . Кюросъ . потва (pūtrhá) . адемъ .

есмь (ε, μι). (o le) Кира сынъ; азь

ксьжи . эми .

кнезь есмь (ε, μι).

НАДЪ ДРУГОЙ ФИГУРОЮ, СТОЯЧЕЮ.

Имъ . Атвинъ (Atrhin) . а дурузыи . ожа .

Это Атвинъ. Вадорилъ (лгалъ) такъ:

э же . адемъ . ксьжи . Хози .

говорилъ — азь кнезь Хози (Сузи, Хозистана).

НАДЪ ТРЕТЬЕЮ ФИГУРОЮ.

Имъ . Недыдабиръ . а дурузыи . ожа . э же .

Это Недыдабиръ. Лгалъ такъ: говорилъ

адемъ. Небукодрацаръ. эмзи. и. Набонътеп.

Азь Небукодрацаръ семь (ô, le) Набонътеп (Nes-

пютваі (pütrhâ) . адемъ . кстьжи . эмзи .

βουτιδος) сынъ. Азь князь есмь

Вабирó (Babirhó, r grassaué).

на Вавилонъ.

НА ПЛАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ФИГУРЫ.

Имъ . Фраортисъ . адуризыи . ожа . эже .

Это Фраортисъ. Лгалъ такъ: говоритъ

адемъ . Ксетвидъ (Xetrid). эмзи. Уоксадарем.

— Азь Ксетвидъ есмь, Уоксадарева

домбе . адемъ . кстьжи . эмзи . Мадъи.

дома. Азь князь есмь Миди (Медовъ, Мазовъ).

Если звуки имени этого самозванца, *Ксетвидъ*, или Xetrid, обратить въ ново-персидское произношеніе, *ксе* равно будетъ слогу sech, а trhid слогу сѣид или шидъ; придыханіе h должно въ такомъ случаѣ превратиться передъ s въ носовой звукъ n или m. Мы получимъ sech-sid, schensid или schetsid. Едва ли это не есть знаменитое ново-персидское *Джезмшидъ*. Во всякомъ случаѣ, окончательный слогъ въ обоихъ именахъ — одинъ и тотъ же: trhid и schid равносильны. *Уоксадаремъ*, уоксадаремъ, или уоксадаремъ домъ — домъ Киаксара, послѣдняго царя Мидовъ, Медовъ или Мазовъ, Madh, которыхъ имя сохраняется въ названіи *Мазендерана*. Названіе это новѣйшіе Персіяне пишутъ домъи съ буквою dh, хотя въ ихъ произношеніи всякое различіе между dh и z давно исчезло.

Надъ пятою фигурою написано: « Это — Мердѣ. Лгалъ такъ: говорилъ — Я Уменнѣ, Уозъи (Сузѣи) кнезь ».

Надъ шестою: « Это — Цвтадакмъ. Лгалъ такъ: говорилъ — Я кнезь Асгардѣи, Уоксадарева дому ».

Надъ седьмою: « Это Юсададъ. Лгалъ такъ: говорилъ — Я Бердѣи (Смердѣи) есмь, Кюроса сынъ; я кнезь есмь. »

Надъ осьмою: « Это — Аракъ. Лгалъ такъ: говорилъ — Я Небукоднепаръ, Наботея сынъ; я кнезь на Вавилонѣ ».

Надъ девятою: « Это — Фраадъ. Лгалъ такъ: говорилъ — Я кнезь есмь на Маргѣ » (*Мургабъ, Маргіана*).

Надъ десятою фигурою, въ остроконечномъ казмыцкомъ капакѣ: « Это — Сарукъ, Сакъ ». Сакъ, то есть, Ногаецъ, Монголь.

Сакъ или *секъ* по-персидски, *нохай* или *ногай* по-монгольски, равно значать — собака. Имя Собачьяго Народа, или Ногайцевъ — весьма древнее въ исторіи. Отсюда почти допотопная сказка о средне азійскомъ народѣ съ собачьими головами и лапъми, *Kynokerhali*, извѣстная съ самой глубокой древности. *Saki* или *Sagi*, Малые Ногайцы, и *Maahasagi* или *Masagi* (Масагеты), то есть, Великіе Саки, Великіе Собаки, Великіе Ногайцы, являются въ другой надписи Дарія подъ соединеннымъ названіемъ *Саки-Маки*. Это *Гогъ* и *Магогъ* библейскихъ преданій (*шаба Gog*, *шава Gog*, Великіе Гогги, Масагеты), *Джюдджъ* и *Ма-Джюдджъ* арабскихъ писателей, Малые и Великіе Жоуженцы китайскихъ лѣтописей, соплеменники Бабера и его предтечи, завоевавшіе Бактриану, Кабуль и Индію за полторы тысячи лѣтъ до него. При Даріи Истасповомъ они уже владѣли частью нынѣшней Бухаріи и Хорасана.

Эти простые надписи, въ которыхъ запутаться невозможно, да и самыя фигуры барельефа служатъ уже хорошою указкою содержанію длиннаго манифеста, вырѣзаннаго надъ ними. Смыслъ періодовъ перѣдко можетъ быть угаданъ и рѣшенъ съ одной помощью картины. Если чтеніе неизвѣстныхъ словъ представляеть языкъ вѣроподобный съ соблюденіемъ всѣхъ грамматическихъ условій и филологическихъ данныхъ, если переводъ этихъ словъ согласенъ съ сюжетомъ барельефа и простыми надписями подъ

фигурами, такъ это уже весьма достаточное основаніе къ довѣрiю просвѣщенныхъ любителей исторiи. Но чтеніе — дѣло не легкое. Буквы подобрать можно довольно удачно. Но нужно еще открыть орфографію, безъ чего никогда не будетъ ни достовѣрности въ чтеніи ни полного убѣжденія въ смыслѣ. Опытъ такого труда мы сдѣлаемъ въ слѣдующей статьѣ. Для этого прежде всего необходимо сравнить первобытные алфавиты между собою и опредѣлить достоинство каждой ихъ буквы въ отношеніи къ нынѣшнимъ. Такое сравненіе можетъ дать результаты вовсе неожиданные и броситъ совершенно новый свѣтъ на вопросъ о чтеніи стрѣльчатыхъ письменъ.

О. СЕНКОВСКІЙ.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ
РИМЛЯНЪ ПРИ АВГУСТЪ
■
ГРЕКОВЪ ПРИ ПЕРИКЛЪ *.

■
=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Третья ночная смѣна приходила къ концу; глубокое безмолвіе было распространено надъ могущественнымъ городомъ и взрѣдка лишь прерывалось мѣрными шагами ночнаго триумпра благочинія.

* Въ очеркѣ этомъ представлены главнѣйшія черты и содержаніе трехъ примѣчательныхъ сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее двадцатилѣтіе въ Германіи и во Франціи:

Rome au siècle d'Auguste, ou voyage d'un Gaulois à Rome à l'époque du règne d'Auguste, par Ch. Desobry. Paris, 1846. 4 vol.

Gallus oder Römische Scenen aus der Zeit Augusts. Zur Erläuterung der wesentlichsten Gegenstände aus dem häuslichen Leben der Römer, von Wilh. Adolph Becker. Leipzig 1838. 2 Theile.

Charikles, Bilder altgriechischer Sitten. Zur genauern Kenntniss des griechischen Privatlebens, von Wilhelm Adolph Becker. Leipzig, 1840, 2 Theile.

Въ октябрьской книжкѣ прошедшаго года помѣщено было бѣглое и слѣпкомъ короткое обозрѣніе двухъ сочиненій господина Беккера. Важность предмета для изучающихъ или изучавшихъ древнюю исторію побуждала насъ изложить его гораздо подробнѣе.

Т. LXXXVI. — Отд. III.

9

обязаннаго наблюдать за спокойствіемъ и всегда быть готовымъ гасить пожаръ.

Послѣдняя четверть убывающей луны тускло освѣщала храмы Капитолія и бросала на *Alta Semita*, шестой части Рима, свои лучи между храмами и дворцами, съ плоскихъ крышъ которыхъ распространялись въ теплое ночноемъ воздухѣ сильныя благоуханія растений. Все показывало, что здѣсь обитаетъ радость и счастье; невозможно было подозрѣвать сосѣдства страшнаго *Samprus sceleratus* (Злодѣйскаго Поля).

Посреди всеобщаго безмолвія закрипѣли двери чрезвычайно великолѣпнаго дома, выказывавшаго богатство хозяина мастерскими произведеніями греческаго ваянія, которыми украшено было крыльцо, *vestibulum*. Стѣны этого зданія были выложены драгоценнымъ мраморомъ, а двери и столбы черепахою и багородными металлами. Заперѣла цѣпь, которою придверникъ, *ostiaricus*, рабъ обязаный постоянно сторожить входъ въ домъ, былъ прикованъ къ мраморному полу, вмѣстѣ съ собакой, для большей вѣрности, для того чтобы, пожалуй, не ушелъ въ кабакъ. Задвижка отодвинулась и черезъ отворенныя двери можно было видѣть сѣни, гдѣ на двухъ высокихъ мраморныхъ кандебрахъ горѣло нѣсколько лампъ, — знакъ, что въ домѣ еще не спятъ. Въ сѣняхъ съ повелительнымъ видомъ прохаживался вольноотпущенный дворецкій. Онъ разговаривалъ со своимъ викаріемъ: такъ называли рабовъ, купленныхъ разжившимися рабами богачей, потому что у Римлянъ рабъ приближенный и любимый могъ въ свою очередь владѣть рабами второй степени. Мысль ученаго автора *der Römischen Scene* не будетъ совершенно лема для нашихъ читателей, если они не вспомнятъ всего, что относится къ рабству у древнихъ. Знаменитая римская свобода, подобно свободѣ въ греческихъ республикахъ, основывалась на всеобщемъ и жестокомъ рабствѣ холопей, *servorum*, то есть людей лишешныхъ всѣхъ правъ гражданина и даже человѣка. Число свободныхъ людей было совершенно незначительно въ сравненіи съ числомъ рабовъ, которые составляли настоящее народонаселеніе государства. У каждаго свободнаго гражданина былъ по-крайней-мѣрѣ одинъ рабъ въ семействѣ. У богачей бывало ихъ десятками и сотнями тысячъ. Рабы обдѣлывали усадьбы, составляли дворню, служили ко всѣмъ потѣхамъ и наслажденіямъ. Многіе давали способнѣйшимъ рабамъ своимъ тщательное воспитаніе, обучали ихъ музыкѣ, поэзіи, риторикѣ, свободнымъ ис-

куссствамъ или полезнымъ ремесламъ и имѣли такимъ образомъ домашнихъ поэтовъ, грамматиковъ, историковъ, секретарей, чтецовъ, скульпторовъ, живописцевъ и ремесленниковъ, все изъ рабовъ, которые впоследствии, отпущенные на волю, нередко дѣлались знаменитыми въ литературѣ или въ искусствахъ. Нѣкоторые заводили настоящія фабрики ученыхъ рабовъ. Баснословное богатство Лукулла возникло именно изъ этого роду промышленности, совершенно римской. Онъ покупалъ рабовъ дешево, рублей по двѣсти серебромъ, обучалъ ихъ всему прекрасному и высокому, и продавалъ по цѣнамъ еще прекраснѣе и выше, — отличнаго поэта по двадцати тысячъ, великаго скульптора или живописца еще дороже. Римскіе вельможи и подражатели вельможамъ покупали ихъ охотно. Съ тѣхъ-поръ, особенно какъ вошли въ моду литературныя засѣданія послѣ прекращенія политическихъ бесѣдъ, сдѣлавшихся слишкомъ опасными при Августѣ и его наследникахъ по причинѣ множества фискаловъ, знатному или богатому человѣку нельзя было занимать приличнаго мѣста въ обществѣ, не имѣя своего собственнаго поэта холопа, который бы сочинялъ ему стихи для разныхъ случаевъ и надобностей, или по крайней-мѣрѣ грамматика изъ рабовъ, знавшаго орфографію за барина. За плохой стихъ или ошибку противъ языка въ письмѣ баринъ могъ негодному поэту своему отсѣчь голову или по крайней-мѣрѣ руку. Классическіе республиканцы на этотъ счетъ были весьма посредственными либералами. Даже великій философъ Цицеронъ не принималъ ни какихъ резоновъ, когда дѣло шло о рабѣ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ, что по его мнѣнію, дающій приставище бѣглому рабу—*хуже всякаго вора* и заслуживаетъ смертной казни наравнѣ съ рабомъ. По случаю самоубійства или тайнаго убійства Педанія Секунда, консулярнаго мужа, подозрѣніе введено было на его слугъ и, чтобы виновный не могъ избѣжать заслуженной казни, по судебному приговору распяли на крестахъ всю дворню покойнаго, *четыре-ста рабовъ*, по счету Тацита. Причина страшнаго размноженія числа рабовъ въ древнихъ республикахъ заключается во-первыхъ въ правѣ и обыкновеніи обращать въ рабство всѣхъ военнопленныхъ, какъ и донынѣ водится на Востокѣ, и въ легкости пріобрѣтати привозныхъ рабовъ. Даки, Фракійцы, Силлы продавали Грекамъ и Римлянамъ не только военнопленныхъ и домашнихъ холопей, но и своихъ сыновей, дочерей, братьевъ, точно также какъ Черкесы, Абхазы и Грузины еще недавно продавали Тур-

камъ и Персіянамъ. Эта промышленность была тогда всеобщою на о́бъеръ и притомъ очень прибыльною. Славяне (Даки и Сербы) особенно занимались ею: отсюда слово *Daios*, *Dacus* и *Setius* значилъ у Грековъ и Римлянъ рабъ, слуга, тоже что у Англосаксонцевъ *Slave*. Въ Аѳинахъ было рабовъ болѣе четырехъ-сотъ тысячъ, между-тѣмъ какъ число свободныхъ гражданъ едва доходило до тридцати одной тысячи. Въ Коринѣ считали четырехста-шестьдесятъ тысячъ, въ Эгинѣ четыреста-семьдесятъ тысячъ рабовъ. О Римлянахъ нѣтъ численныхъ данныхъ, но въ собственной Италіи, на двадцать милліоновъ народонаселенія, едва ли было, внѣ города Рима, шестьсотъ тысячъ свободныхъ гражданъ. Плиніи младшій рассказываетъ, что Изидоръ, убитый въ гражданской войнѣ, оставилъ послѣ себя четыре-тысячи-сто-шестнадцать рабовъ.

Дворецкій и викарій задумчиво перешагнули черезъ порогъ, вышли изъ сѣней и внимательно осмотрѣлись на улицѣ. Потомъ дворецкій сказалъ:

— Странно, Леонидъ, что онъ скрываетъ отъ насъ, гдѣ проводитъ время? Когда онъ ходилъ къ Ликоріи, или субурскимъ прелестницамъ, съ нимъ всегда были провожатые. Зачѣмъ онъ имъ приказалъ сегодня воротиться домой?

— Лидъ говоритъ, что онъ вышелъ изъ дворца въ дурномъ расположеніи духа, возразилъ викарій. Когда ему подавали савданъ и спросили куда прійти за нимъ, онъ приказалъ ожидать себя дома и въ цвѣтной снѣтзѣ* скорыми шагами пошелъ по *Via Sacra* (Святой Улицѣ, главной въ Римѣ).

Незадолго передъ тѣмъ вышелъ также Помпоній. Лидъ, безпокоясь о необыкновенномъ волненіи своего господина, слѣдовалъ за нимъ издали, видѣлъ, какъ онъ сошелся съ Помпоніемъ у храма Мира и исчезъ съ нимъ въ *Via Cyprio* (Кипрской Улицѣ).

— Помпоній! возразилъ вольноотпущенный: другъ и повѣренный Ларга! Нѣтъ, съ нимъ худо вести знакомство откровенному, свободно мыслящему; особенно быть на веселой попойкѣ, гдѣ пьютъ черезъ край и говорятъ, что думаютъ. Послѣ такихъ пировъ часто приходится увѣряться въ истинѣ сицилійской пого-

* Верхнею одеждою Римлянъ была тогда, но огромное число вычурныхъ и искусно сложенныхъ складокъ затрудняло ея носеніе. Оттого дома и въ обыкновенныхъ обѣдахъ надѣвали халаты, снѣтзу (*synthesis*), легкую, нѣрѣдко цвѣтную одежду, форма которой положительно неизвѣстна.

ворки: «Пусть будетъ проклята на попойкѣ память!» Не знаю; Леонидъ, продолжалъ онъ, съ нѣкотораго времени меня все преслѣдуютъ какія-то мрачныя предчувствія. Я опасаюсь, не разгнѣвались ли на нашъ домъ боги. Они, говорятъ, ненавидятъ слишкомъ быстрое счастье. Мнѣ кажется, что въ малейшой насенной квартирѣ при Тибрѣ было спокойнѣе жить нежели здѣсь въ великолѣпномъ дворцѣ; болѣе было вѣрности, когда мы съ малымъ числомъ слугъ составляли *фамилію*, нежели теперь при такомъ множествѣ дорого купленныхъ рабовъ. Хозяинъ даже не всѣхъ ихъ знаетъ и они наполняютъ комнаты не пзъ нужды, а для великолѣпія. Наконецъ, болѣе было чистосердечія у тѣхъ, которые тогда приходили обѣдать, всходя къ намъ по высокой лѣстницѣ, нежели у посѣтителей, ежедневно толпящихся въ передней и на крыльцѣ, ддятого чтобы пожелать нашему господину добраго утра.

— Да, Херисмъ, это къ сожалѣнію правда, возразилъ Леонидъ. Здѣсь съ нѣкотораго времени что-то не ладно; боги уже многими предзнаменованіями предостерегали насъ. Не даромъ упалъ бюстъ великаго Корнелія и разбилъ новый полъ съ изображеніемъ Изиды. На виллѣ въ эту весну не покрылся листьями букъ, на которомъ Ликорія вырѣзала ния нашего господина, и три раза слышалъ я въ тихую ночь зловѣщій крикъ совы.

Разговаривая такимъ образомъ, они опять подошли къ крыльцу и не замѣтили, что кто-то невѣрными шагами приближался къ нимъ. На этомъ человѣкѣ была накинута сверхъ пажнаго платья ярко-красная одежда, какую уже тогда носили римскіе шеголи, отправляясь на торжественныя обѣды. Сандалии были привязаны ремешками того же цвѣту. Вѣнокъ изъ милезійскихъ розъ небрежно повисъ на волосахъ. Все достаточно показывало, что онъ шелъ съ веселой попойки, гдѣ кубки ни на мигу не оставались праздными.

Только когда онъ приблизился къ крыльцу, его примѣтилъ Херисмъ.

— Вотъ онъ! радостно воскликнулъ преданный вольноотпущенный. Здравствуй, господинъ! Безпокойство о тебѣ заставило насъ выйти изъ дому. Мы не привыкли поздно ночью ждать твоего возвращенія безъ провожатыхъ.

— Я былъ съ добрыми друзьями, возразилъ хозяинъ. Пріятно и скоро проходитъ время за кубками и въ откровенной бесѣдѣ. Впрочемъ, Помпоній меня проводилъ почти до дому.

Радостное выраженіе тотчасъ же изчезло съ лица вольноотпущеннаго. Молча подошелъ онъ къ дверямъ, отворилъ ихъ, зажегъ восковую свѣчу у одной изъ лампадъ и пошелъ по заламъ и колоннадамъ въ спальню за своимъ господиномъ. Тамъ другою рабъ принялъ снѣзку и сандалии. Cubicularius (каммердинеръ) отворилъ двери и привподнялъ александрійскій коверъ, служившій занавѣсомъ. Подобныя коверы во многихъ мѣстахъ закрывали двери и ими завѣшивались окна. Cubicularius еще разъ поправилъ пурпуровыя вышитыя одѣяла, изъ подъ которыхъ видны были золотыя ножки кровати изъ дорогаго дерева, выложеннаго черешакою и слоновою костью. Хозяинъ взомель на табуретъ, стоявшій у ложа, и опустилъ голову на подушку, обтянутую тканью изъ разноцвѣтныхъ перьевъ и вабитую самую мягкою шерстью.

Человѣкъ, возвратившійся такъ поздно и безъ рабовъ, обыкновенно сопровождавшихъ богачей, былъ Корнелій Галлъ. Въ высшемъ кругу римскаго общества на него смотрѣли съ завистью, какъ на любимца и друга Августа. Рабобѣдная аристократія, преклонявшаяся передъ могучимъ властелиномъ, гордо взирала на временщика. Любители музъ цѣнили его, какъ остроумнаго и пріятнаго писателя. Его очень любили видѣть въ небольшихъ дружескихъ обществахъ; дѣйствительно, его присутствіе оживляло обѣды болѣе нежели представленія танцовщиковъ, мимиковъ и шутовъ, или чтеніе книгъ и музыка.

Онъ, не смотря что носилъ такое знаменитое имя, не имѣлъ ни какого права на славныя воспоминанія. Оружіе, звукъ первыхъ триумфовъ, украшало двери и столбы галлова дома.

Дѣдъ Галла пріѣхалъ въ Римъ не задолго передъ тѣмъ, какъ Маріи и Корнелій Цицина воспользовались отсутствіемъ могущественнѣйшаго человѣка того времени и произвели эмервную реакцію, которая пособила честолюбивымъ планамъ Суллы. Предокъ Галла получалъ право римскаго гражданства отъ самого Цицины и по тогдашнему обычаю припимать имя своего покровителя, сталъ называться Корнеліемъ Галломъ. Ссылка Суллы изгнала его изъ Рима. Онъ возвратился въ Галлію и жилъ тамъ въ неизвестности въ Fogium Julii, небольшомъ городѣ, основанномъ Юліемъ Кесаремъ.

Тамъ родился нашъ Галлъ. По случаю его рожденія прекратился трауръ по недавно умершему дѣду. Домъ тотчасъ украсили снаружи цвѣтами и знакомые счастливыхъ родителей сѣли поздравлять ихъ. Дитя вскорѣ послѣ рожденія положили къ во-

гамъ отца, который поднималъ его. Это значило, что онъ признаетъ его своимъ сыномъ и хочетъ воспитывать. Если бы онъ напротивъ оставилъ новорожденнаго у своихъ ногъ, то ребенка снесли бы на площадь и оставили бы на произволъ судьбы. Это маленькое неудовольствіе своимъ супругамъ дѣлали иногда и Римляне и Греки безъ всякаго намѣренія обидѣть подозрѣніемъ ихъ классическую невинность. *Выставка дѣтей*, *expositio*, то есть, выбрасываніе ихъ на площадь по разнымъ обстоятельствамъ и соображеніямъ, представляла одну изъ замѣчательнѣйшихъ чертъ ихъ нравовъ. Августу, на старости лѣтъ, не понравилось, что внучка его родила новаго потомка; онъ, спокойно и весело, приказалъ *выставить* ребенка, но такъ, чтобы ребенокъ умеръ: онъ запретилъ поднять его и усыновить, — *infantem agnoscere alicui vetuit*, говоритъ Светоній. Вообще мы нынче имѣемъ очень темное понятіе объ отношеніяхъ римскихъ и греческихъ супруговъ другъ ко другу, и жаль, что господинъ Беккеръ, который дѣлаетъ здѣсь весьма длинный и подробный *excursus* о разныхъ родахъ древнихъ супружествъ, не объяснилъ намъ этого вопросу съ нравственной стороны. У Грековъ, которые въ этомъ отношеніи были народомъ совершенно восточнымъ, супруга считалась почти рабыней своего мужа и проводила жизнь въ теремѣ, *gynaeceum*, какъ водилось и у насъ до Петра Великаго. У Римлянъ, напротивъ, какъ у Германцевъ, Галловъ и Сквоовъ, супруга, *matrona* или *mater familias*, пользовалась свободою и уваженіемъ со стороны мужа; являлась съ нимъ въ публичныхъ собраніяхъ, получала деньги для исполненія безчисленныхъ прихотей, а въ подарокъ драгоценности, паряды и для препровожденія времени собачекъ, птицъ, карликовъ и другія рѣдкости. Однимъ словомъ она была окружена вниманіемъ и заботливостью. Если жена была богата, а мужъ бѣденъ, то она даже обходилась съ нимъ гордо и повелительно. Разводы были легки и въ послѣднія времена изыщества очень часты. Они рѣшались третейскимъ судомъ, друзьями или самими супругами. Августъ хотѣлъ прекратить это злоупотребленіе, и самъ же былъ первымъ нарушителемъ своего закона, потому что развелся дважды съ своими супругами и женился на третьей, замужней и беременной, принудивъ мужа ея развестись съ нею. Формула разводу была опредѣлена закономъ Двѣнадцати Досокъ. Какъ скоро мужъ произнесъ слѣдующія слова: *«Бери свои вещи, отдаю тебѣ все твое, убирайся поскорѣе, поди прочь, ступай со мной, оставь домъ, жена, — супруга могла почитать себя*

свободною и супружество было уничтожено *. Такой же порядок существует и у мусульманъ, только формула мусульманская гораздо учтивѣе: мужъ долженъ сказать — *талакту-ки* — отпускаю тебя на волю — и съ той минуты жена свободна. Жена также могла требовать разводу по своимъ неудовольствіямъ и легко получала его. При такихъ отношеніяхъ между супругами трудно было бы понять согласіе матерей на *выставки* дѣтей не являвъ въ соображеніе жестокости римскаго характера и разпрату тогдашнихъ нравственныхъ понятій. Супруги нерѣдко иѣнились женами, «для улучшенія крови», и только на время. Это водилось и въ Греціи и въ Римѣ. Гортенсію очень хотѣлось породниться съ бессмертнымъ другомъ своимъ Катонъ, и онъ наставлялъ, чтобы Катонъ развелъ дочь свою Порцію съ зятемъ Бибуломъ и выдалъ за него. Добродѣтельный Катонъ, при всемъ совершеннѣйшемъ почтеніи къ Гортенсію, не принялъ на себя хлопотать по этому дѣлу. Тогда Гортенсіей просилъ Катона уступить ему свою собственную жену Марцію, хоть на время, — тѣмъ болѣе что за Марціей приданого не было и добродѣтельному не въ тягость придется возвращать ся ивѣние, — и еще тѣмъ болѣе, что у добродѣтельнаго и безъ того уже дѣтей отъ нея много. Этихъ резоновъ Катонъ не могъ не уважить. Онъ развелся съ Марціей, въ то время беременной, и Гортенсіей женился на ней. Гортенсіей скоро умеръ, оставивъ Марцію огромное ивѣние. Что видя, добродѣтельный Катонъ опять на ней женился. Катонъ, добродѣтельнѣйшій изъ Римлянъ, Гортенсіей и Филиппъ, отецъ Марціи, были однако жъ не только знатные люди, но и люди пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ.

Принятаго младенца обернули потомъ въ пеленки изъ бѣлаго полотна. На родильницѣ также обратили вниманіе для отвращенія отъ нея не только болѣзней, но и дурнаго глаза и находовъ Сильвана. Прежде всего ей обвязали грудь перевязками приготовленными въ храмѣ, которымъ потому приписывались сверхъестественныя свойства. Для отвращенія приступовъ Сильвана, бога любившаго прятаться въ женскія постели, три человека ходили ночью вокругъ дома: одинъ изъ нихъ несъ топоръ, другой пестъ, а третій метлу. Первые двое ударили топоромъ и пестомъ о порогъ, а третій обметалъ его. Такимъ образомъ они оставляли за

* Tuas res tibi habeto, res tuas tibi agito, exi ocius, ocius, vade foras, i foras mulier.

собою слѣдъ, а этого было достаточно чтобы заставить Сильвана удалиться. Трое смертныхъ исполнявшихъ эту церемонію представляли трехъ божествъ: Интерцидову и Деверу, покровительницъ женщинъ, и Пилумпа, покровителя свадебъ.

Не смотря на всѣ эти мудрыя мѣры противъ Сильвана, молились еще недѣлю Люцивѣ и Діавѣ.

Когда мать была такимъ образомъ ограждена отъ всякой опасности, заботливость опять обратилась къ ребенку, успѣвшему уже немного укрѣпиться. По девятому дню собрались всѣ родственники къ его колыбели. Тогда началась церемонія *очищенія*, которая производилась родственницами. Самая старшая брала дитя, изъ колыбели терла наслююеннымъ среднимъ пальцемъ его лобъ и губы, чтобы очистить его и отвратить всякую порчу и колдовство. Потомъ она ударила руками и пожелала ребенку всякаго благополучія. Ея примѣру послѣдовали другія родственницы.

Въ подарокъ новорожденному было привнесено много мелкихъ металлическихъ игрушекъ, которыя онъ долженъ былъ носить въ послѣдствіи на шеѣ. Отъ производимаго ими шуму онъ назывались *sternidia*.

Сыну, какъ онъ былъ первородный, дали отцово имя, которое вписали въ книгу публичныхъ актовъ подъ именемъ отца. Потомъ дитя передали кормилицѣ, съ любовью начавшей его первое воспитаніе. Она съ нѣжностью говорила съ нимъ, забавляла его, побрякивая гремушками унимала плачь и крики, пѣла и качала, чтобы усыпить, а когда онъ капризничалъ, то пугала его ларвами и маніями, божествами преисподней.

Скоро пришла мальчику пора заняться наукамъ. Отецъ, приобѣтивъ въ немъ необыкновенныя дарованія, захотѣлъ дать Галлу самое совершенное образованіе. Въ *Forum Julii* хорошихъ училищъ не было.

Въ Римской Имперіи вообще не имѣлось публичныхъ школъ; нѣкоторые частные лица содержали учебныя заведенія, но эти училища не были подъ надзоромъ правительства, и въ образѣ преподаванія царствовала оттого полная свобода. Маленькіе ученики поступали туда отъ трехъ до семи лѣтъ и учились сначала азбукъ. Преподаватели сперва учили порядку буквъ наизусть, а потомъ самыя буквы соединяли съ игрушками.

Наказанія за школьные проступки производились небольшими палочками изъ ремешковъ, или палочкой.

Писать учили совершенно механическимъ способомъ: брали руку

ребенка въ свою и выводили буквы. Послѣ въкотораго упражненія чужая рука устранилась и мальчкѣ давали доску съ вѣрзанными буквами, въ углубленіяхъ которыхъ ученикъ безъ посторонней помощи слѣдилъ за очертаніями желѣзнымъ стилемъ, который съ одного конца былъ заостренъ. Потомъ ученики совершенствовались перепискою прописей.

За тѣмъ мальчикъ принимался за грамматику и греческій языкъ. Учителя заставляли переводить съ греческаго на латинскій, съ латинскаго на греческій двухъ авторовъ, Гомера и Виргилія, которыхъ считали самыми совершенными поэтами.

Въ такія школы ходили дѣти плебеевъ и небогатыхъ патриціевъ. Вельможи отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе педагогамъ. Галлъ хотѣлъ сдѣлать то же. Не имѣя большого достатку, онъ пожертвовалъ всѣмъ для сына. Прежде всего панялъ ему ученаго греческаго педагога, который преподавалъ первыя основанія наукъ; кромѣ того заставлялъ брать уроки живописи, верховой ѣзды и охоты, потому что гимнастика входила въ составъ знаній, необходимыхъ образованному Римлянину. Ко всему этому были присоединены уроки палестры, которые состояли въ томъ, что молодаго человѣка учили держать свободно руки, ловко ходить и не дѣлать движеній головою и глазами несоотвѣтственно прилчіямъ. Наконецъ Галлъ долженъ былъ учиться музыкѣ и танцамъ.

Въ это время ему минуло пятнадцать лѣтъ и наступило время одѣть мужскую тогу (*toga virilis*), то есть сдѣлаться дѣйствительнымъ гражданиномъ. Шестнадцатаго апрѣля, утромъ, въ день праздника Бахуса собрались родственники и друзья семейства. Молодой Галлъ пошелъ съ гостями въ домашній храмъ, снялъ съ себя буллу, сердцевидное кольцо, и повѣсилъ на Лара, бога хранителя. Потомъ, снявъ дѣтскую тунику съ красными каймами, одѣлъ мужскую бѣлую тогу (*toga alba, toga pura*). Остатокъ дня былъ проведенъ въ жертвоприношеніяхъ и пиршествахъ, всегда сопровождавшихъ празднество дня мужской тоги (*dies virilis togae*).

Черезъ три года Галлъ послалъ сына для окончательнаго воспитанія въ Аѳины, изъ которыхъ тогда шла вся мудрость. Тамъ молодой человѣкъ сталъ совершенствовать свои познанія у философовъ и ученѣйшихъ учителей.

Онъ былъ еще въ Аѳинахъ, когда вѣрный Херисмъ извѣстилъ его о смерти отца. Опечаленный этимъ извѣстіемъ Галлъ съ Хе-

рискомъ отправился изъ Аѳинъ въ Фоми Julii. Тутъ получивъ онъ наследство, которое было гораздо незначительнѣе нежели онъ думалъ. Съ этимъ онъ могъ быть въ провинціи челоѣкомъ небогатымъ, а въ Римѣ нищимъ. Не смотря на то, молодой челоѣкъ рѣшился искать счастья въ центрѣ свѣта и прибылъ черезъ годъ въ Римъ съ запасомъ высокой образованности и юношеской силы.

Незадолго передъ тѣмъ окончились страшныя сцены второго триумвирата и республика, изгнанная изъ Италіи, вооружалась по ту сторону моря къ послѣднему бою. Выборъ можно было дѣлать только между двумя партіями, и Галлъ недолго колебался.

Не склонность къ неразгадаемому Октавиану заставила его взять оружіе противъ враговъ триумвирата, а совершенная увѣренность въ томъ, что наступила пора разрушенію устарѣвшей республики и честолюбія эгоистической аристократіи силою одного властелина. Можетъ-быть причиною тому была и надежда найтн въ глазахъ повелителя, не боющагося совмѣстительства, болѣе признанія за заслуги, нежели у гордыхъ патриціевъ, привыкшихъ съ высока смотрѣть на каждую заслугу челоѣка изъ низшаго званія.

Такимъ образомъ принявъ онъ участіе въ походѣ противъ Секста Помпея. Его рѣшительность и терпѣніе въ несчастномъ морскомъ сраженіи близъ гибельной Сипллы уже тогда обратили на себя вниманіе Октавиана, за которымъ онъ вскорѣ послѣдовалъ къ рѣшительной битвѣ при Филиппахъ. Отличившись въ здѣсь, онъ возвратился съ побѣдителемъ въ Италію, гдѣ обходительность сдѣлала его пріятнымъ собесѣдникомъ, скоро даже другомъ Октавиана. Дружбу эту Галлъ употреблялъ съ пользою, между-тѣмъ какъ проводилъ время охотнѣе въ обществѣ Virgilia, — который, какъ извѣстно, считалъ его лучшимъ поэтомъ своего времени, — младшаго Propertius и другихъ записныхъ поклонниковъ музъ.

Война противъ Antonia и Kleopatry снова призвала Галла на военное поприще. Тутъ начинается блистательнѣйшій періодъ его жизни. Искусное взятіе и удержаніе важнаго приморскаго города Parosia, уничтоженіе непріятельскаго флота и многіе другіе подвиги такъ высоко поставили его въ мнѣніи Октавиана, что онъ сдѣлалъ Галла, послѣ смерти Antonia и Kleopatry, префектомъ Egiptia, включеннаго въ составъ римскихъ провинцій. Это казалось Октавиану менѣе опаснымъ нежели передача правленія этой богатой и сильно населенной страны въ

руки какому-нибудь сенатору. Удивительно ли, что горячій Галлъ, поставленный внезапно на такую высоту, перешелъ границы умѣренности; что онъ, строго наказавъ взбунтовавшіеся города, въ числѣ которыхъ были Эввы, велѣлъ воздвигнуть свои статуи и написать на пирамидахъ исторію своихъ подвиговъ? Впрочемъ, на придачу, по примѣру другихъ римскихъ губернаторовъ, онъ еще вывезъ изъ покоренныхъ городовъ сокровища и драгоценности въ видѣ награжденія за свои усилія.

Августъ услышалъ объ этомъ съ безпокойствомъ. Оно еще усилилось навітами враговъ, которыхъ Галлъ необходимо имѣлъ по причинѣ своего быстрого возвышенія. Не прогнѣвавшись на своего прежняго друга, онъ приказалъ ему возвратиться въ Римъ, и передалъ префектуру Петронію.

Галлъ совсѣмъ не радовался своему возвращенію, но ему все таки оставалось небольшое утѣшеніе: богатства, которыя онъ везъ, давали ему средства пуститься въ римское великолѣпіе и избытки. Его всѣ считали любимцемъ Августа и съ удовольствіемъ принимали въ избранномъ кругу тѣхъ, которыхъ императоръ привыкъ видѣть у своего стола; оттого многіе старались заслужить его дружбу, между-тѣмъ какъ за десять-лѣтъ прежде едва обратили бы вниманіе на его поклонъ.

Онъ былъ уже близокъ къ сроку холостой свободы, но еще не связывалъ себя брачнымъ союзомъ. Бракъ вообще становился уже мало употребительнымъ, и ни какой законъ не наказывалъ безбрачія.

Прежде при своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ онъ опасался издержекъ хозяйства и мотовства римскихъ женщинъ, но всего болѣе зависимости, которой могло подвергнуть его богатое приданое. Притомъ тогда было въ модѣ въ Римѣ, какъ нѣкогда въ Аѳонахъ, заводить связи съ прелестными, умными и образованными *подругами* (*haetaerae*) и писать къ нимъ нѣжные стихи, которые читались въ цѣломъ городѣ. Одинъ авторъ недавно насчиталъ у Горація до тринадцати разныхъ именъ этихъ прелестницъ, прославленныхъ знаменитымъ сатирикомъ. Онъ въ древности былъ тоже, что въ нѣкоторыхъ европейскихъ столицахъ извѣстныя красотою и умомъ актрисы. Притомъ онъ не любилъ торжественнаго брака и предпочиталъ менѣе связывающія сношенія съ образованными подругами.

Послѣ возвращенія онъ продолжалъ ту же свободную жизнь. Она была бы счастлива, если бы его горячій, раздражительный темпера-

мощь и откровенность не помрачали передъ нимъ будущности. Любимый Августомъ, возвышенный имъ изъ средняго состоянія и бѣдности до знатности, почестей и богатства, онъ все-таки имѣлъ столько прямодушія, что не могъ удержаться, чтобы не выказать иногда своего неудовольствія на нѣкоторыя произвольныя дѣйствія и скрытыя жестокости. Вездѣ подсматривавшая за нимъ зависть искусно употребила эти изъявленія неудовольствія, и говорили даже о доносѣ, касавшемся правленія Египта и поданномъ прежнимъ его другомъ, Ларгомъ. Отъ Галла крайней мѣрѣ не могло скрыться, что съ нѣкотораго времени Августъ обходился съ нимъ холодно. Мѣсто прежней дружеской шутки заняла важность и недоувѣрчивость.

Хотя онъ равнодушно могъ споспеть въ теперешнемъ своемъ состояніи эту перемѣну, однако отъ благосклонности Августа зависѣло его положеніе въ высшемъ кругу общества; онъ старался сохранять по-крайней-мѣрѣ наружный видъ прежней дружбы. Оттого онъ отправился въ этотъ вечеръ къ столу властелина не будучи приглашенъ; къ этому издавна онъ привыкъ, но Августа нашель онъ въ худомъ расположеніи духа, а между гостями — нещріязненнаго Ларга. Бдикія замѣчанія о судьбѣ Оливъ заставили раздражительнаго Галла также выеказать нѣкоторыя горькіе намеки, на которые Августъ отвѣчалъ очень сурово. Какъ скоро Октавіанъ вышелъ изъ-за стола, онъ тотчасъ же удалился, для того чтобы въ весельи провести съ Помпоніемъ остатокъ вечера.

Холмы города еще не освѣтились утренними лучами солнца, и невѣрное оранжевое мерцаніе съ трудомъ пробивалось сквозь окна и открытыя мѣста въ покой. Въ спальнѣ, защищенной своимъ положеніемъ отъ внѣшняго шуму и слишкомъ ранняго посѣщенія солнечныхъ лучей, царствовала глубокая тишина. Въ домѣ между тѣмъ все ожило, отвсюду высыпало множество рабовъ.

Въ Римѣ, гдѣ для всякаго роду торговли находились особые рынки, не было однакоже рынка для продажи невольниковъ. Ихъ выставляли почти совершенно раздѣтыхъ на подмостки, выстресненные у лавокъ мясниковъ (*qui sacrificiam facit*). О качествахъ продаваемыхъ рабовъ судили уже по надписямъ, повѣшеннымъ на шеѣ и по нѣкоторымъ наружнымъ знакамъ; ноги замаранные гипсомъ или мѣломъ означали раба изъ-за моря; вѣнокъ изъ листьевъ надѣвался на голову военно-

пльниаго..... Продавецъ отвѣчалъ за качество своихъ работъ, и если покупатель открывалъ потопъ какой-нибудь не объявленнаго недостатка въ товарѣ, то имѣлъ право требовать тѣлеснаго наказанія обманщику продавцу, или взять съ него денежное вознагражденіе, доходившее иногда до двойной цѣны раба. Торговецъ не обязанъ былъ ручаться только за здоровье беременныхъ женщннъ.

Законы, касающіеся рабовъ, не заключали въ себѣ защиты, но только изчисляли наказанія. Многіе хозяева даже не говорили съ ними: призывали ударами палки и давали приказанія знаками, а если не могли выразиться такимъ способомъ, то писали свои желанія; для избѣжанія разговоровъ съ невольниками, что считалось постыднымъ. Эти несчастные не смѣли даже вымолвить своего слова и обязаны были только отвѣчать на вопросы. Ихъ кормили пищею снвою простою; они никогда не видали на своемъ столѣ мяса и вина, и почти всегда терпѣли голодь. Имъ воспрещено было всякое сношеніе съ иностранцами и за малѣйшнй проступокъ слѣдовала жестокая казнь, въ число которыхъ не считались ни удары въ зубы, ни ослухи. Для нихъ были придуманы особенныя наказанія. Изъ груди и рукъ призывали кусокъ дерева въ видѣ буквы v или и ввели скрученныхъ замкомъ образомъ по снмъ многолюдныхъ улицамъ и сѣкам. Надпись на груди объявляла причину. Изъ вѣшали за руки, вращивали на немъ сто фунтовъ гнрь и били въ замокъ положеніи кнутами съ узлами и свинцовыми пулями; мучили, раздирая тѣло прутьями и раскаленнымъ желѣзомъ; клеймили, выбивая предвѣрительно голову и брови; сажали въ тюрьму и канонцы лишали жизни, раскивая за городомъ у Эмелинскихъ воротъ. Тамъ было особое мѣсто для казни рабовъ, которая производилась палачами, не имѣвшими права входить въ Римъ.

Въ богатыхъ домахъ рабы раздѣлялись по образцу арміи на декуріи, изъ которыхъ каждая имѣла своего начальника и особня занятія. Первое мѣсто имѣли ординарн, старшіе слуги, надзиратели за другими. Имъ-то позволено было покупать викарію. Они болѣею частью бывали повѣренными своихъ господа, управляли ихъ имѣніемъ и заботились о содержаніи порядку въ домѣ и виллахъ. Къ нимъ принадлежали управители (procuratores), казначей (dispensatores), ключники (promi), надзиратели за порядкомъ въ покояхъ (atrienses), исполнители денежныхъ дѣлъ въ провинціи (negotiatores), смотрители за невольниками (silentarios) и мно-

гіе другіе. Но большую часть двора составляла домашняя челядь (*plebs domus*). Въ ихъ числѣ былъ придверникъ, комнатные слуги (*cubicularii*), которые чистили покои и докладывали о приходѣ посѣтителей. Если богачъ выходилъ парадно со двора, то его всегда сопровождалъ цѣлый рой рабовъ. Около осьми самыхъ красивыхъ и спѣлыхъ были одѣты въ великолѣпныя епанчи (*penula*), вѣчто въ родѣ русской рубахи съ прорѣхами для головы и рукъ и съ длиною бахрамою внизу. Это были носильщики (*lecticarii*) лектикъ. Эти портшезы бывали открытые и закрытые, съ кожаными или полотняными занавѣсами; въ нихъ можно было на мягкихъ подушкахъ читать, писать и спать. По бокамъ продѣвались шесты, которые лектикаріи клали на плеча. Передъ носилками шли предшественники (*anteambulones*), разчищавшіе проходъ въ тѣснотѣ кулаками и локтями, а передъ ними скороходы (*cursores*) и нумидійскіе ѣздоки (*Numidae*). Подлѣ богачей, имѣвшихъ много кліентовъ, шли номенклаторы. Должность этихъ рабовъ состояла въ напоминаніи господамъ именъ и отношеній безчисленныхъ кліентовъ, приходящихъ вскать ихъ покровительства. Номенклаторами называли однако также тѣхъ рабовъ, которые объявляли гостямъ, какія подаются кушанья съ описаніемъ всѣхъ ихъ качествъ. Капсаріи несли за своими господами цилиндрическіе ящики (*scrinia*) съ свертками пергамента и папируса. Если патрицій или богатый гражданинъ посѣщалъ кого-нибудь, то приказывалъ прійти за собою одному или нѣсколькимъ рабамъ, которыхъ называли тогда передовыми (*adversitores*). Кромѣ этихъ невольниковъ къ домашней челяди принадлежали хлѣбники, повара, колбасники, столовые слуги, вестіаріи, портные, пенуларіи, золотошвей и многіе другіе. Степень нѣсколько высшую составляли *работники* (*mediastini*), которыхъ употребляли для письма и исполненія другихъ занятій, требующихъ болѣе искусства и знанія наукъ. Таковы были подстригателямъ деревьевъ (*toriarii*), съ большимъ искусствомъ дѣлавшіе изъ деревьевъ фигуры, также врачи (*medici*), хирурги и фельдшера. Свободные римскіе врачи были почти все Греки, Сирійцы и Египтяне (въ томъ числѣ Жиды). Сначала они были въ великомъ уваженіи, но оно превратилось скоро въ недовѣрчивость, потому что ихъ корыстолюбіе прибѣгало къ помощи шарлатанства. Оттого Римляне стыдился заниматься медициною, хотя это было очень выгодно, и предоставляли свое леченіе вѣрнымъ и испытаннымъ рабамъ или вольноотпущеннымъ. Врачи обыкновенно бывали

также хирургами; тѣ, которые исключительно занимались ранами, назывались *vulnerum medicī* или *vulnerarii*. Фельдшера (*iatraliptae*) составляли особенный, низшій классъ врачей, для перевязокъ, втираній бальзамовъ и для помощи меднкамъ. Очень значительную часть ученыхъ работъ составляли *литераторы* (*literati*) знавшіе науки, сказочники и чтецы (*anagnostae* или *lectores*), которыхъ хозяинъ слушалъ у стола, въ купальнѣ и когда страдалъ бессонницею. Нынѣшнія типографіи замѣнялъ цѣлый рой переписчиковъ (*liberarii* или *scribae*). На одной степенн съ ними стояли доморошенные архитекторы, ваятели (*statuarii*), живописцы (*pictores*), чеканщики (*caelatores*), вышиватели (*plumarii*), садовники (*ab hortorum cultores*), канальщики (*aquarii*) и многіе другіе. Для развлечения хозяина у стола кромѣ музыкантовъ (*symphoniaci*), мимиковъ, шутовъ (*ludiones*), плясуновъ по канату (*funambuli* или *schoenobatae*), гладиаторовъ и танцовщиковъ (*saltatrias*), были еще петауристы, которыхъ искусство состояло въ слѣдующемъ: фигляръ становился съ лѣстницею посреди комнаты и заставлялъ мальчика сначала плясать по его пѣснѣ на верхней ступени, потомъ ходить по горячимъ кружкамъ съ амфорою, большимъ глинянымъ сосудомъ съ коническимъ дномъ, въ зубахъ. Такіе фигляры давали также публичныя представленія за деньги и имъ, какъ и нынѣшнимъ геркулесамъ, удивлялся народъ. Еще страшнѣе былъ вкусъ нѣкоторыхъ богачей къ уродамъ и полоумнымъ (*mariones et fatui*). Каждый рабъ долженъ былъ исполнять только одну обязанность и для римскаго богача считалось неприличнымъ нѣсколько дѣлъ возлагать на одного; напротивъ, нѣсколько рабовъ исполняли одно занятіе. Замѣтимъ, что рабы лишены были права вступать въ бракъ; они плодились по вольности рабства и приплодъ принадлежалъ хозяину.

Галлъ былъ очень богатъ и потому не удивительно, что во всякой комнатѣ десятокъ рабовъ съ губками и метелками были заняты уборкою. Въ небольшомъ четвероугольномъ *vestibulum* слуги искали, не соткалъ ли ночью злобѣщій паукъ паутину на статуѣ хозяина и колоннахъ, чистили золотыя и черепаховыя украшенія наружныхъ дверей и столбиковъ и сметали соръ съ мраморныхъ плитъ крыльца. У входу (*ostium*) осторожно обтирали мягкой лякійскою губкою нарисованную надъ *ostiariem* собаку съ надписью: *Cave canem et seruum!* (Берегись собаки и раба!) Этими словами предостерегался посѣтитель: придверникъ передъ каждымъ протягивалъ длинную палку и кричалъ: *Quis tu* (Кто ты)?

По бокамъ были каморки для собаки и ея товарища. Надъ дверью сидѣлъ ученый попугай, который говорилъ посѣтителямъ пріѣзтва. Непосредственно за входомъ находилась пріемная (atrium). Въ ней не было ни какой мебели и она украшалась только колоннами, стѣнною живописью и узорчатымъ каменнымъ поломъ. Въ Римѣ тогда не употребляли еще деревянныхъ половъ; вмѣсто ихъ употреблялись кирпичъ, каменная мозаика и мраморныя плиты. Напротивъ входа въ atrium было два выхода на главный дворъ (cavum aedium), который имѣлъ по сторонамъ навѣсы, а въ серединѣ фонтанъ (impluvium). Дворъ этотъ образъвалъ центръ всего дома; въ глубинѣ его находился архивъ (tablinum) съ проходами (fauces) въ peristylum по бокамъ. Перистиль входилъ немного на почти квадратный atrium и представлялъ видъ продолговатаго параллелограмма. Онъ былъ окруженъ портиками, а въ серединѣ украшенъ бассейномъ, высѣченымъ въ мраморѣ. Все это составляло главную, необходимую часть дома; кругомъ были гостинныя (exedra), столовыя (triclinia), спальни (cubicula), парадныя (oesi) и разныя другія комнаты, расположеніе которыхъ было произвольно. Одна часть крыши состояла изъ деревянныхъ досокъ, украшенныхъ лѣпною работою, слоеной костью и позолотою, на другой возвышались сады (volagia) съ рыбными прудами. Въ иныхъ домахъ для такихъ садовъ строили на колоннахъ выступы. Въ концѣ противоположномъ vestibulum, находился другой, секретный выходъ, гдѣ двери открывались какъ и всѣ другія внутрь дома. У древнихъ Римлянъ считалось большою честью имѣть двери открывающіяся на улицу. Республика дала Валерію Публиколѣ въ награду между прочимъ позволеніе выстроить себѣ дворецъ съ такими дверями.

Въ парадныхъ залахъ рабы подъ надзоромъ триклиниарха тщательно очищали разставленные тамъ вещи, между которыми первое мѣсто занимали кедровые столы на костяныхъ ножкахъ, Пятна на ихъ дорогихъ африканскихъ доскахъ походили въ иныхъ мѣстахъ на пантеровую шкуру, въ другихъ на павлиньей хвостъ или на перепутавшіяся растенія. Многие богачи охотно отдали бы въ то время за одинъ изъ этихъ столовъ одну изъ великолѣпнѣйшихъ виллъ. Другіе столы (abaci) состояли изъ мраморныхъ досокъ на серебряныхъ или вызолоченныхъ бараньихъ ногахъ или на концахъ крыльевъ двухъ грифовъ. На нихъ красовались разныя золотыя и серебряныя вещи и рѣдкости, выбран-

ныя такимъ образомъ, что соответствовали архитектурѣ каждой комнаты. Въ самой простой (tetrastylus) стояла гладкая серебряная посуда безъ всякаго украшенія; только у нѣкоторыхъ большихъ чашъ были золотые края. Между ними можно было замѣтить небольшіе ятарные сосуды; два изъ нихъ особенно были замѣчательны тѣмъ, что въ одномъ видѣнъ былъ муравей, а въ другомъ пчела. Съ другой стороны стояли древнія чаши, цѣныя только оттого, что принадлежали историческимъ знаменитостямъ. Тамъ былъ двойной кубокъ, наслѣдованный Лаомедономъ отъ Пріама; другой, который принадлежалъ Нестору и въ которомъ Гекомеда подавала старцу у Трон прамнейскаго вина; голуби, служившіе ручками, были очень истерты—конечно, руками Нестора. Еще другой былъ подарокъ Дидоны Энею, а въ серединѣ стоялъ большой бокалъ, которымъ Тезей бросилъ въ лицо Эврипу. Но замѣчательнѣе всего былъ кусокъ кля изъ корабля Аргенавтовъ; хотя это была простая шепка, однако Римляне считали ее святынею. Галлъ не очень вѣрилъ въ таинственныя свойства подобныхъ рѣдкостей, но собиралъ ихъ, подражая модѣ.

Въ коринтской залѣ стояли чаши изъ драгоценнаго коринтскаго металла. По обтертымъ ручкамъ и особенному запаху тотчасъ можно было узнать ихъ подлинность. На двухъ большихъ золотыхъ бокалахъ были вычеканены избранныя мѣста изъ Илиады и Одиссея. Подлѣ нихъ находились кубочки и чашечки изъ драгоценныхъ камней. Нѣкоторые были сдѣланы изъ одного куска и украшены возвышенностями, другіе изъ соединенія камней въ золотой оправѣ. Тутъ же были настоящія муриискія чаши (vasa murghina), составу которыхъ уже тогда не знали.

Но всего великолѣпнѣе египетская зала. Здѣсь стояла чаша, работы Фидіаса, съ рѣзными рыбами внутри; на другой чашѣ Менторъ извалялъ ящерицу поразительнаго сходства; третьей, золотой, служилъ рукою амуръ, сидящій на баранѣ съ золотымъ руномъ тонше колхидскаго. Имя художника ея не было извѣстно, но всѣ соглашались, что Мисасъ, Миронъ, Менторъ и Поликлеть могли бы признать это произведеніе своимъ. Искусныя стеклянныя александрійскія работы возбуждали не менѣе удивленія; кубки и чаши изъ дорогаго стекла чрезвычайно походили на аметистъ, сафиръ и рубинъ. Но одна чаша болѣе всего обращала на себя вниманіе: она была опаловаго цвѣту и со всѣхъ сторонъ окружена небесно-голубою стеклянною сѣтью, которая

отдѣлялась отъ самой чаши на три линіи и въ немногихъ лишь мѣстахъ прикрѣплялась тоненькими подставками. Подъ крайни чаши такимъ же образомъ была сдѣлана изъ зеленого стекла надпись: «Bibe, vivas multis annis» (Пей, ты проживешь много лѣтъ.) Ученнѣе сколько тщетныхъ попытокъ сдѣлалъ художникъ покуда ему удалось окончить этотъ сосудъ и сколько заплатилъ за него Галлъ!

Въ казической залѣ такихъ драгоценностей совсѣмъ не было. Но въ ней старались держать въ особенной чистотѣ стеклянные двери и окна, для того, чтобы лучше видѣть зелень сада (*volatium*).

Во всѣхъ этихъ залахъ сметали пыль со стѣнъ, въ иныхъ комнатахъ выложенныхъ мраморомъ, въ другихъ украшенныхъ барельефами, живописью или мозаикой, которыхъ предметы были очень разнообразны.

Между тѣмъ назначенъ сводилъ на счетахъ итоги, чтобы представить хозяину результаты мѣсячнаго приходу и расходу; главный поваръ разсматривалъ съѣстные припасы и сочинялъ въ умѣ мудро составленные кушанья. *Vestibulum* въ то время по немногу наполнялся множествомъ посѣтителей (*clientes*), каждое утро приходившихъ съ поклономъ къ патрону. Люди всѣхъ сословій являлись такимъ образомъ по разнымъ побужденіямъ къ богачамъ и вельможамъ. Бѣдные граждане приходили получить помощь изъ рукъ Галла; молодежь знатнаго рода думала сдѣлаться счастливою черезъ любимца Августа; поэты и люди безъ дѣла надѣялись получить за галловымъ столомъ награду за ранній визитъ, или достать по крайней мѣрѣ часть спортулы, раздачи съѣстныхъ припасовъ; нѣсколько друзей приходили истинно изъ благодарности и любви къ патрону; тщеславные являлись только для того, чтобы похвастать знакомствомъ съ знатымъ человекомъ. Всѣ они съ нетерпѣніемъ ждали пропуска къ покровителю (*tex vel dominus*), потому что инымъ надобно было сдѣлать еще нѣсколько такихъ посѣщеній. Всѣ старались пробраться ближе къ *ostium*, и, какъ-скоро придверникъ пропустилъ, спѣшили въ *atrium*.

Римляне не видѣли въ этихъ поклонахъ ничего унижительнаго. Нѣкоторые кліенты не только ходили постоять у своихъ патроновъ, но и провожали ихъ на улицахъ; ихъ называли предшествующими и провожателями (*antecambulones et deductores*), другихъ же кліентовъ приветствователями (*salutatores*). Вельможи, занимавшіе высокія мѣста, конечно, имѣли ихъ во множествѣ; но люди только богатые, желая подражать вельможамъ, нанма-

ди себѣ кліентовъ. Въ Римѣ былъ классъ людей, который корчился занимаясь къ нѣсколькимъ богачамъ въ кліенты. Они получали отъ пятидесяти нобѣкъ до одного рубля серебромъ ежедневно, зато чтобы подлпчали передъ хозяиномъ.

Галлъ всталъ въ это утро позже обыкновеннаго. Ему не хотѣлось что-то принимать кліентовъ и номенклаторъ долженъ былъ объявить, что хозяинъ нездоровъ и не можетъ выйти. Принимать приказано было только Помпонія и ближайшихъ друзей.

Толпа давно уже удалилась, когда Помпоній въ концѣ втораго часа дѣйствительно пришелъ. Ему было около сорока лѣтъ; его шпавшіе блестящіе глаза, блѣдныя щеки, беспорядочно накинутая трага достаточно показывали, что онъ проводитъ ночи на попойкахъ, или субурскихъ оргіяхъ. Онъ былъ изъ знатной фамиліи и получилъ въ наслѣдство два милліона сестерцовъ (около двѣнадцати тысячъ рублей серебромъ), которые очень скоро промоталъ. Вмѣсто того чтобы жить теперь какъ прежде въ отцовскомъ домѣ, онъ занималъ квартиру, при Тибрѣ, за три тысячи сестерцовъ (около ста семидесяти-пяти рублей серебромъ) и держалъ лишь небольшое число рабовъ. Благодаря своему остроумію, онъ имѣлъ доступъ въ высшій кругъ римскаго общества, обо всемъ умѣлъ говорить, готовъ былъ дѣлать всякія шалости и изобрѣталъ средства къ исполненію ихъ; наконецъ считался большимъ гастрономомъ и знатокомъ вина. При такихъ отличныхъ качествахъ ему не трудно было сдѣлаться другомъ и необходимымъ товарищемъ Галлу. На это покачивалъ головою не одинъ смѣтливый Херисмъ. Говорили, что Помпоній имѣлъ, передъ прибытіемъ Галла, близкія сношенія съ Ликоріемъ и поклялся мстить сопернику, когда тотъ былъ предпочтенъ ему. Онъ дѣйствительно съ нѣкотораго времени принадлежалъ къ кругу друзей Ларга; но Помпоній хитро предупредилъ Галла, будто бы онъ сближается съ его врагомъ, чтобы предупредить коварства. Онъ даже нѣсколько разъ дѣлалъ намеки о намѣреніяхъ Ларга: какъ могъ Галлъ сомнѣваться въ его дружбѣ!

Помпонія сопровождали еще два человѣка, совершенно противоположные другъ другу не только по наружности, но и по характеру. Лентулъ былъ молодъ, богатъ и тщеславенъ, и какъ двѣ капли воды походилъ на пылѣвшихъ франтиковъ, о которыхъ Деноадъ удачно говоритъ, что они *de belles bonrses d'étalage: qu'y a-t-il au fond? du vide* (прекрасные выставленные комельки: что въ нихъ? ничего)! Никто не одѣвался такъ хорошо какъ онъ;

ни отъ кого не пахло такъ духами какъ отъ него. Его ежедневное занятіе состояло въ собираніи сплетней, посѣщеніи женскихъ уборныхъ и прогулкѣ по самымъ моднымъ городскимъ улицамъ. Онъ былъ то, что Римляне съ презрѣніемъ называли *bellus homo*. Галлъ не очень дорожилъ его знакомствомъ, но Помпоній видѣлъ въ немъ богача, у котораго можно было очень хорошо покушать.

Калпурій, напротивъ, напоминалъ ораторовъ республики; его осанка, взглядъ и горькая улыбка поражали cadaго.

— Здравствуйте, друзья! сказалъ Галлъ при входѣ въ *peristylum*, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ утро. И ты пришелъ, Лентулъ? Развѣ ты не боишься испортить твою прекрасную завивку въ утреннемъ сыромъ воздухѣ?

— Шутя, сколько хочешь, возразилъ Лентулъ: кто знаетъ, можетъ быть я подъ своею прическою счастливѣе, нежели вы съ своими государственными планами. Я пришелъ сказать, что не буду завтракать у тебя, а прошу прійти ко мнѣ отвѣдать свѣжихъ устрицъ изъ Лукринскаго озера и огромную равенскую камбалу-вьютку, да посмотрѣть отличную картину. Вы знаете Иессу Теренціи? Я приказалъ написать эту собачку; вчера картину принесла ко мнѣ; я увѣрю васъ, найдете неподражаемое сходство.

Даже Калпурій улыбнулся этому восторгу, а Галлъ просто захохоталъ и отвѣчалъ Лентулу:

— Жаль, я не могу отвѣдать твоихъ устрицъ и вьютка в восхищаться художественнымъ произведеніемъ, потому что сегодня же утромъ ѣду на нѣсколько ведѣлъ въ свою виллу.

— Такъ ты ѣдешь въ виллу? воскликнули Помпоній и Калпурій.

— Да, возразилъ Галлъ, я уже послалъ къ вамъ раба извѣстить объ этомъ и пригласить ко мнѣ на виллу.

— Ну, если такъ, воскликнулъ Лентулъ, то добрый путь! Но прошу тебя быть послѣ возвращенія на первомъ обѣдѣ у меня. Ты, конечно, не увидишь уже портрета Иессы; однако, чтѣ же дѣлать? я долженъ подарить его Теренціи въ доказательство любви.

Сказавъ это, онъ осторожно вышелъ изъ черствяка въ *atrium*, гдѣ старался избѣгать встрѣчи съ рабами, боясь чтобы не заранарать своей бѣлосѣвжной тоги.

— Такъ ты отправляешься въ Капуу? задумчиво сказалъ Помпоній.

— Въ объятія наслажденія и нѣги, мрачно прибавилъ Калпурій.

— А Либорія? спросил Помпоній, невольно кусая себя губы.

— Я надѣюсь, исполнить мою просьбу; проведетъ эту недѣлю въ Баи.

— А прекрасные вчерашніе плапы? прибавилъ Калпурій. Раздѣ мы дѣти? поклялся въ продолженіи двѣнадцати часовъ отпустить Августу, а потомъ преспокойно отправляемся гулять.

— Калпурій, серьезно сказалъ Галлъ, не должно давать такого вѣса словамъ, сорвавшимся у пьяныхъ. Медя оны, конечно, очень обидѣлъ, по ему же я обязанъ всѣмъ своимъ состояніемъ; я никогда не забуду этого. Я именно оттого хочу провести нѣсколько времени въ тихой сельской жизни, что чувствую какъ легко раздражаюсь.

— Онъ правъ! воскликнулъ Помпоній какъ бы пробудясь отъ сна. Пусть онъ ѣдетъ; у него остаются здѣсь вѣрные друзья, которые отвратятъ всякую опасность. Время для него теперь дорого; оставимъ его, Калпурій. Прощай, Галлъ! поѣзжай въ добрый часъ.

Оба ушли.

Съ нѣкотораго времени Галлъ старался избѣгать безпокойныхъ занятій общественной жизни. Онъ охотѣе проводилъ время въ чтеніи великихъ греческихъ писателей, или сочинялъ самъ что-нибудь. Простившись съ друзьями, онъ отправился въ учебную комнату, отдаленную отъ шума улицы, гдѣ раздѣжались телѣги и бѣгали рабы. Бѣготня эта отличала ихъ отъ свободныхъ гражданъ, которымъ не прилично было ходить очень скоро. Высокое окно, обращенное на востокъ, освѣщало стѣны съ затѣливыми арабескамп. Тутъ стояло великолѣпное ложе, выложенное чернахою и покрытое пестрымъ вавилонскимъ ковромъ, а подлѣ него скінія съ повѣшными сочиненіями и маленькій кедровый столъ на бронзовыхъ козлиныхъ ногахъ.

Подлѣ этой комнаты находилась библіотека, у стѣнъ которой были разставлены кедровые шкафы. Комната раздѣлялась на двѣ такими же шкафами. Въ нихъ опрятно стояли свитки, окрашенные особеннымъ составомъ желтаго цвѣту, для предохраненія отъ моли и другихъ насѣкомыхъ. У всякаго сочиненія висѣло заглавіе, написанное ярко-красными буквами на кусочкѣ пергамента. На шкафахъ, которые были не выше сажени, стояли бронзовые и мраморные бюсты самыхъ знаменитыхъ писателей; Азиній Полліо ввелъ это украшеніе, заимствованное изъ александрійскихъ библіотекъ. По другую сторону книгохранилища множество де-

решительно занимались въ большой комнатѣ обогащеніемъ библиотеки новыми рукописями. Материалами письма служили растворъ черной краски, похожей на нашу тушь, тростиникъ, очищенный какъ наши перья, и полосы папируса въ четверть аршина шириною. Въ Римѣ было много фабрикъ папируса; его приготавливали изъ бѣлаго лыка. Во времена Августа считали восемь сортовъ этого роду бумаги; низшій не былъ годенъ для письма и употреблялся для обертки товаровъ.

Когда страница донесывалась, приклеивали новый листочекъ или брали съ самаго начала готовую длинную полосу и писали только на одной сторонѣ; подержанный папирусъ давали изъ экономіи ученикамъ для письма. Готовыя рукописи, въ началѣ и концѣ которыхъ находилось заглавіе, наворачивали на круглыя палочки, обрѣзанныя ровно съ шириною папируса, и сохраняли въ красныхъ или оранжевыхъ пергаментовыхъ трубкахъ. Кроме того писали на пергаментѣ, а иногда и на самомъ тонкомъ полотнѣ.

Готовыя свитки можно было также покупать у книгопродавцевъ (*librarii* или *bibliopolaе*), явившихся вскорѣ послѣ того какъ въ Римѣ распространилась мода на ученіе и каждый непременно хотѣлъ имѣть библиотеку, въ которую многіе никогда не заглядывали. Сочинители посылали этимъ торговцамъ новости. Во времена республики они не требовали вознагражденія, но позже не отказывались отъ денегъ; такъ однажды Плинію давали четыреста тысячъ сестерцовъ (двадцать тысячъ рублей серебромъ) за *Commentarii electorum*. Впрочемъ, свитки продавались не очень дорого: за сотню эпиграммъ платили около цѣлковаго.

Галлъ вошелъ съ Херисмомъ въ учебную комнату, легъ на ложе, упершись лѣвою рукою и приподнявъ немного правое колено, на которомъ разложилъ свитокъ своихъ сочиненій. Подлѣ него расположился вольноотпущенный Федръ, чтобы записывать замѣчанія и мысли, приходившія въ голову его хозяина при чтеніи.

— Я отошлю эту книгу передъ отъѣздомъ книгопродавцу для изданія, произнесъ Галлъ. Правду сказать, мнѣ совѣмъ не хочется стоять на выставкѣ въ аргилетанскихъ лавкахъ и быть продаваемому по пяти динаріевъ (рубли тридцать копѣекъ серебромъ); но Секундъ такъ долго мучилъ меня, что я далъ обѣщаніе исполнить его просьбу.

— Отъ добудетъ твоими ссаченіями много денегъ, возразилъ

Федръ: я думаю, его переписанные цѣлыя вѣсело будутъ готовить списки твоихъ алегій и эпитаграмъ и ты прославишься во всемъ свѣтѣ.

— Кто знаетъ, сказалъ Галлъ: поправятся ли мои стишонки публикѣ. Одинъ упрекнетъ въ холодность, другой, что много говорю о Ликоріи, третій въ чрезмѣрной длинѣ эпитаграмъ. Грамматикъ перечтутъ мнѣ всѣ ошибки, въ подробности сдѣланные переписчикомъ! Однако тутъ есть еще мѣсто для небольшого стихотворенія, котораго планъ я придумалъ сегодня утромъ, продолжалъ онъ, развернувъ свитокъ.

Федръ хотѣлъ взять папирусъ, но Галлъ остановилъ его.

— Мнѣ недосугъ, возьми досечку и *stylus* и пиши съ сокращеніями.

Когда Галлъ окончилъ диктовку, Федръ вышелъ, чтобы переписать новое сочиненіе на свиткѣ и прислать писмоводителя Филодама, одного изъ самыхъ довѣренныхъ рабовъ хозяина. Филодамъ принесъ разной величины навозенныя деревянные и косяныя досечки (*tabellae*) съ возвышенными краями, *stylus*, нитки и красный воскъ для печати. Галлъ велѣлъ ему пригласить нѣсколькихъ друзей на виллу, а самъ взялъ крошечныя досечки, (*vitelliani*), какія употребляли для любовныхъ посланій, и сталъ писать къ Ликоріи убѣдительную просьбу пріѣхать, если не на виллу, то по крайней мѣрѣ въ Баіи: потомъ перечиталъ писаніе Филодама, перевазалъ крестомъ сложенные досечки и пригвоздилъ къ концамъ нитки круглый кусокъ воску, на которомъ отиснулъ печать, вырѣзанную Диоскордіемъ на кольцѣ. На ней изображенъ былъ лѣвъ, ведомый четырьмя амурами. Письма были переданы *tabellariis*, рабамъ, обязаннымъ разносить ихъ.

Явился невольникъ, смотрѣвшій за часами, и объявилъ, что наступаетъ пятый часъ. Римляне употребляли солнечные квадраты и *clepsidrae* (водяные часы). Сутки раздѣлялись у нихъ на двадцать четыре часа и часы считались съ захожденіемъ солнца, какъ и донынѣ въ Италіи и на всемъ Востоку.

Галлъ вышелъ и уѣхалъ въ посланки.

Галлу не близко было до Аппіанской дороги, по которой онъ намѣрвался ѣхать въ свою виллу. Оттого на *vestibulum* его ожидали съ восплакии шесть спящихъ сирійскихъ рабовъ въ коричневой дорожной одеждѣ, накиннутой сверхъ великолѣпной красной лавренъ.

При большой склонности римскихъ вельможъ къ удобствамъ,

они конечно нѣсли множество средствъ легкаго перенѣщенія. Въ Римѣ употребительнѣе всего были носилки (*lectica*), завешивавшя съ другими предметами роскоши у восточныхъ народовъ; богачей носили въ собственныхъ лектикахъ, а къ услугамъ бѣднѣйшаго класса гражданъ стояли въ разныхъ мѣстахъ города наемныя. На нихъ походили нѣсколько *sellae fertoriae* или *portatologiae*, въ которыхъ можно было только сидѣть, между тѣмъ какъ въ лектикѣ лежали.

Галлъ надѣлъ дорожные башмаки, а вмѣсто toga шерстяной плащъ (*penula*) и обвязался денежнымъ поясомъ, набитымъ червонцами *aurei*, римскою монетою того времени, стоившею около шести рублей пятидесяти копѣекъ серебромъ. Всѣ другія приготовления были исполнены Херисмомъ, нужныя вещи посланы съ рабами впередъ. Только самые необходимые слуги шли съ хозяиномъ и какъ съ нимъ не ѣхало женщинъ, то сборы кончались подъ надзоромъ диспенсатора менѣе нежели въ два часа. Въ половинѣ пятаго часа Галлъ вышелъ изъ дому и легъ на лектику, а Сирійцы просунули сквозь боковые кольца носилокъ шесты и посвѣщая повесили господина по улицамъ самой многолюдной части города. Въ это время здѣсь было особенное движеніе, потому что наступалъ часъ обѣда. Дѣловые люди старались скорѣе окончить занятія. Множество муловъ тащили матеріалы для постройки домовъ, крестьяне гнали ословъ, у которыхъ по бокамъ вѣшали корзины съ овощами и фруктами. Но всего болѣе жизни было въ Субуръ, улицѣ лежащей между *mons Coelius* и *mons Esquilinus*. Тутъ множество разносчиковъ вели торговлю съ бѣдными субурскими жителями. Нѣкоторые продавали сѣрвыя нитки и брали въ уплату битое стекло и другіе остатки вещей; другіе предлагали бѣднѣйшимъ за одинъ асъ (около $1\frac{1}{2}$ к. с.) варенаго гороху (*cicer ferveps* или *terpidum*), между тѣмъ какъ болѣе достаточные брали изъ жестяныхъ печей харчевниковъ разнаго роду горячія колбасы, которыя какъ и теперь были любимымъ блюдомъ всѣхъ классовъ и отличались отъ нынѣшнихъ только сильною приправою пряностей. Любопытные толпились вокругъ подмошковъ, гдѣ египетскіе гаеры съ самыми ядовитыми змѣями на шеѣ показывали свое искусство. У нѣкоторыхъ стѣвъ народъ читалъ объявленія о потеряхъ, продажахъ и наймахъ, о предстоящемъ боѣ гладиаторовъ, во время котораго обѣщали брызгать на зрителей душистой водою (*spragiones egunt*) и кидать цвѣты. Многіе спѣшили

занять мѣсто въ харчевняхъ и състныхъ заведеніяхъ (*tabernae*), чтобы покушать чего-нибудь горячаго и выпить медоваго вина или глинетвейну (*calda*). Тѣсную улицу еще болѣе стѣснали пристроенныя къ домамъ лавки (*tabernae*) трипичниковъ, шарниахеровъ, мясниковъ, харчевниковъ, продавцовъ помиды. Лавки винооторговецъ посѣщались всего болѣе. Впередѣ на улицѣ стояли столы, прикованные цѣпями къ стѣнѣ, чтобы не соблазнять воровъ. Тутъ же находилась *taberna*, гдѣ давали рабамъ богатыхъ господъ уроки рѣзанья мяса. Учителя показывали свое искусство, трудясь притупленными пожами надъ деревянными зайцами, газелами, кабавами и птицами. Если рабъ худо исполнялъ дѣло, то его тутъ же въ примѣръ другимъ колотили.

При безпрестанныхъ прещетствіяхъ лектикаріи не могли пробраться сквозь народъ безъ помощи предшественниковъ, разчищавшихъ дорогу ударами кулаковъ и локтей. Галлъ, въ носилкахъ, былъ освобожденъ отъ пожиманія рукъ и поцѣлуевъ; дѣло обходилось поклонами, что также было довольно тягостно по причинѣ немощнаго числа правѣтствій изъ устъ людей, для которыхъ пощеклаторъ иногда въ пощѣтности выдумывалъ новыя имена.

Поѣздъ пребрался наконецъ до Porta Capena. Недалеко оттуда стоялъ рыдванъ Галла. Въ самомъ Римѣ рыдваны и колесницы употреблялись весьма рѣдко, а женщинамъ почти совсѣмъ было запрещено ѣздить въ экипажахъ. Богатыя щеголихи дорого платили правительству за право разъѣзжать: это позволялось однако лишь въ нѣкоторыя празднества. Для неладныхъ и спѣшныхъ путешествій въ большомъ употребленіи были одноколки (*cisia*) точь въ точь похожіе на тѣ, которыя употребляются въ Гельсингфорсѣ. Въ Ватиканѣ и въ богатомъ собраніи господина Фонтана находятя этрусскія повозки, обдѣлкою и оковкою колесъ такъ похожія на русскія, что ихъ можно было бы принять за произведеніе ярославскихъ мастеровъ. Къ тогдашнимъ двухколеснымъ экипажамъ принадлежали колесницы (*essedae*), походившія нѣсколько на *cisia*, и парадныя *carpentae* съ покрывкою. Когда путешествовало нѣсколько человекъ съ кладью, то употребляли большія крытыя телеги (*rhedae*) и *currucae*, которыя украшали съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ золотыми и серебряными бляхами и рѣзбою. Въ эти экипажи обыкновенно закладывались мулы, а для быстрой ѣзды одна коренная лошадь по нашему въ оглобли и двѣ лошади рядомъ на пристяжку.

Галлъ сѣлъ въ красивый рыдванъ, отличавшійся изысканствомъ

рыбы. Кузовъ саруженъ былъ красными бронзовыми вѣтвями, а изъ средины колесъ выставлялись медузаны головы. Кладшая крышка защищала сѣдоковъ отъ солнца, а сивозъ пурпуровые завѣсы продувалъ вѣтеръ. Подлѣ хозяина сидѣлъ по лѣвую сторону Херисмъ, который какъ слуга не могъ занять мѣста на право,—мѣсто почетное. Противуположная лавка была для нотаріесъ, которыхъ однако же Галлъ не взялъ съ собою. Рабы помѣстившеся въ простыхъ повозкахъ (*pelorrita*). Между тѣмъ два Нумидійца верхомъ поспѣвали впередъ, а скороходы приготовились бѣжать по бокамъ рыдвана, который рыбью понесъ мимо безчисленныхъ гробницъ и памятниковъ по африканской дорогѣ, самой великолѣпной во всей имперіи. Она вымощена была большими плитами изъ жернового камня, поставленными другъ къ другу такъ, что не ниѣя въ промежуткахъ никакаго цемента, казалось, составляла одну массу. Дорога эта тянулась между Рнмонъ и Сарпа и называлась за свою важность и отличное устройство *царицею дорогъ* (*regina viarum*).

Галлъ былъ въ веселомъ расположеніи духа. Онъ оставалъ однообразную жизнь столицы и былъ полонъ надежды насладиться красотами природы. Херисмъ напротивъ того мрачно задумался. Галлъ также ниѣлъ у африканской дороги гробницу и его вѣрный слуга замѣтилъ, что на нее сѣлъ воронъ и сильно закаркалъ. Это тяжело легло на сердце старика, потому что тутъ же представилось его глазамъ и другое дурное предзнаменованіе того дня. Когда Галлъ шелъ передъ своимъ отъѣздомъ просить у лара путешественниковъ о благополучномъ пути, подлѣ хозяина извивалась проскользнула черная змѣя. Если бы онъ вѣрвалъ въ примѣты, какъ почти всѣ Римляне, то этого достаточно было, чтобы остановить путешествіе; но онъ не обратилъ вниманія и спокойно говорилъ теперь о предполагаемыхъ перестройкахъ на виллѣ и покупкѣ сосѣдникъ виноградниковъ, не слушая замѣчанія Херисма, что въ то время какъ подносишь губы къ кубку многое можетъ случиться (*inter os et offam multa intervenire possunt*).

Прѣѣхавъ десять миль, они достигли мѣстечка Bovillae, гдѣ путешественники обыкновенно отдыхаютъ; но Галлъ не хотѣлъ еще кушать, а притомъ наружность домовъ не говорила ничего въ ихъ пользу. Черезъ нѣсколько часовъ передъ глазами путешественниковъ показался городъ Agicia, замѣчательный храмомъ Ди-

ны, построенныя въ священномъ лѣсу богини. Жрецъ храма былъ отъявленный разбойникъ: онъ убилъ своего предшественника и назывался царемъ лѣсу (*temorensis rex*). На холму передъ городомъ расположилась толпа нищихъ, въ ожиданіи щедрыхъ путешествениковъ, и утоляла голодь ячною крупкою, горохомъ и укусною водою. Галль хорошо звалъ обыкновенія достойныхъ предшественниковъ лазарони и лепросовъ и приказалъ Херисну раздать цѣлый мѣшокъ мѣлкой монеты, чтобы отвязаться отъ этого не очень пріятнаго общества.

Въ *Agisia* и ея окрестностяхъ было много домовъ коротко знакомыхъ Галлу, но онъ хотѣлъ по возможности сократить путь и оттого пошелъ кушать въ гостиницу, между-тѣмъ какъ лошади отдыхали. Его приняли гораздо лучше, нежели онъ ожидалъ. Къ обѣду подали свѣжихъ вареныхъ лацертовъ (рыбы, похожія на лещерца), замачиво украшенныхъ викрою, жирную курицу, непочатую ветчину, спаржу и *reloges*, большихъ морскихъ раковинъ. Только вино было простое ватиканское, перемѣшанное съ старымъ фалернскимъ, а *mulsum* (медъ) сдѣланъ изъ корсиканскаго, самаго низкаго сорта меду. Но лучшаго нельзя было требовать отъ гостиницы, потому что ихъ посѣщали люди врастаго званія, между-тѣмъ какъ богачи всегда оставались отдыхать на виллахъ своихъ знакомыхъ.

Къ вечеру путешественники достигли *Fogum Arrii*. Испаренія вачинавшіеся тутъ *Понтінскихъ Болотъ* заражали воздухъ вредн и Галль предпочелъ плыть по каналу, вырытому поперекъ болота до храма *Фероніи*. Притомъ въ *Fogum Arrii* не было ничего замачиваго, вино кислое, вода не чиста. Херисмъ нанялъ мѣсто на баркѣ, на которой находилось уже довольно много пассажировъ. Цѣлый часъ матросы перебивались съ рабами путешествующихъ, сбирали деньги за проѣздъ и закладывали муля, чтобы тащить барку. Наконецъ барка тронулась.

На другой день, въ половинѣ втораго часа, путешественники прибыли къ храму *Фероніи* и умылись въ священномъ источникѣ богини вольноотпущенныхъ.

Повозки свои Галль оставилъ въ *Fogum Arrii* и продолжалъ путешествіе на наемныхъ лошадкахъ. Онъ проѣхалъ въ одинъ сутки половину дороги, на другой же половинѣ намѣревался провести два дня и послалъ нарочнаго на виллу одного пріятеля съ извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ. У него онъ хотѣлъ вознаградить себя за худой обѣдъ въ *Agisia*. Другой нарочный спѣшилъ объя-

вить другу Галла въ *Formis*, что его хозяинъ дунасть почевать въ домъ своего знакомаго. Оттуда можно было къ ужину прибыть черезъ *Minturnæ* и *Sinuessa* къ кануанскому мосту на рѣкѣ *Savo*, близъ которой лежала Галлова вилла, на сторонѣ аурунскихъ горъ.

Галлъ за нѣсколько лѣтъ назадъ купилъ имѣнiе въ благословенной Фалернской Землѣ (*ager Falernus*), самой плодосовой въ Счастливой Кампанiи (*Campania Felix*) и покрытой виноградниками, которые доставляли лучшее италiйское вино. Это имѣнiе занимало пространство между *Via Appia* и горами, по которымъ тянулась дорога изъ *Suessa* въ *Teanum*. Двѣ мызы съ разными хозяйственными постройками составляли имѣнiе. Въ немъ всякое мѣсто было употреблено съ пользою, что считалось рѣдкостью, потому что римскiе богачи заводили дачи неликолѣпнѣе городскихъ домовъ. Такiя виллы служили единственно къ удовольствiю, между-тѣмъ какъ имѣнiе Галла давало кромѣ того большiе доходы. Хозяйственные дома на мызахъ его были построены по слѣдующему плану.

Каждый домъ состоялъ изъ трехъ главныхъ отдѣленiй. Среднее, называемое *urba* или *praetorium*, было исключительно назначено къ житiю господину и стояло выше другихъ, чтобы хозяинъ могъ видѣть отсюда всѣ части дачи. На южной сторонѣ тянулось хозяйственные постройки (*rusticus*): общая кухня, гдѣ *famula* (рабы) работала зимою, подлѣ нея бани, подъ баними погребъ (*arotheca*) для молодого вина, потомъ сушильня, кладовая (*horreum*) полевыхъ орудiй, хлѣвы коровъ (*bubilia*), овецъ (*ovilia*) и козъ (*caprilia*), курятники (*gallinaria*) съ подземельною тюрьмою (*aerogastulum*) для рабовъ, больница (*valentudinarium*) для нихъ же, конюшни (*equalia*) съ изображенiемъ Эпоны (богини лошадей), начерченнымъ на стѣнѣ углемъ и квартиры слугъ надъ кухнею и конюшнями. Всѣ эти постройки окружали большой дворъ съ прудомъ (*compluvium*) въ серединѣ. Кругомъ прогуливались куры, красные фламинго, фазаны, утки и павлины, которые, несмотря на дурное мясо, составляли необходимое блюдо каждаго богатаго обѣда. У самаго входу на дворъ находился домикъ управителя (*villicus*) изъ рабовъ, наблюдавшаго за поведенiемъ невольничковъ. Одна изъ обязанностей его была выгонять гадателей (*auguripes*), колдуновъ (*magi*), предсказателей (*augures*), ворожей (*divinae*), звѣздочетовъ (*chaldaei*), которые могли бы испортить нравственность *famulini*. Управитель имѣлъ право обѣдать

однаго, но сидя; лежать за столомъ могла она только въ нѣкоторыхъ праздникахъ и тогда прислуживала ему жена (*villica*) изъ вольнолицъ. Ему позволялось пить супругу, но съ тѣмъ, чтобы она была ни слишкомъ стара, ни слишкомъ молода, ни слишкомъ хороша. Ея обязанности состояли въ послушаніи къ мужу, надзоръ за всѣмъ, что касается до домашняго хозяйства, и молитвахъ за него.

На южной сторонѣ средняго зданія находилась дѣбрь, окруженный кладовыми и амбарами. Эта часть дома называлась *fructuaria*. Тутъ было строеніе съ маслянымъ прессомъ (*torcular*), съ ручными рычагами, въ соедѣствѣ кладовая оливковаго масла (*cella olearia*); насупротивъ погребу (*cella vinaria*) съ отлогимъ каменнымъ поломъ для стока вина изъ лопнувшихъ бочекъ въ пристроенный приемникъ. Подлѣ погреба мѣли ногами виноградъ въ довольно большой комнатѣ (*calcatorium*), откуда сокъ лился черезъ вдѣланныя въ полъ трубы въ бочки (*folia*). Въ оціицатской (*repus*) множество дѣтей, подлѣ надзоромъ *villica*, заготавливали къ зимѣ разные припасы: зарывали бобы, горохъ и тому подобнаго въ горшки, наполненные золою, варили въ винѣ и жаривали смочки, рябину и айвы, укладывали въ горшки яйца, пересыпая рѣзанною соломой. Для этихъ работъ употреблялись дѣти, потому что заготовка припасовъ могла удержаться, по мнѣнію Римлянъ, только въ рукахъ невинности. Изъ оціицатской входилъ въ фруктовую кладовую (*orogothesa*), гдѣ полъ, стѣны и потолокъ были изъ мрамора, чтобы поддерживать холодъ, необходимый плодамъ, красиво разложеннымъ тутъ во мху и на льдахъ. Недалеко отъ *orogothesa* находилась житница (*horrea*). Полъ ея тщательно осыпалъ масляными выжимками, которыя считались хорошимъ средствомъ противъ мышей и долгоносиковъ. Многочисленныя надъ крышами возвышались голубятни, построенныя въ видѣ башенъ. Разборчивые Римляне не довольствовались одними ручными птицами и считали большимъ лакомствомъ сызыхъ голубей (*palumbi*) и горлицъ (*turtures*), которыхъ ловили и переносили съ гнѣздами въ закрытыя голубятни и откармливали, также какъ дроздовъ (*turdi*), необходимыхъ при каждомъ обѣдѣ. Впрочемъ эти птицы доставляли значительный доходъ, потому что за пару простыхъ голубей платили по двѣсти сестерціевъ (десять рублей серебромъ), за пару горлицъ или сызыхъ голубей по тысячѣ сестерціевъ (пятьдесятъ рублей серебромъ), за пару жирныхъ дроздовъ по шести динаріевъ (полтора цѣлковыхъ).

Вокругъ дома расположены были сады, огороды и пчельники. Передъ Urbana лежалъ господскій садъ (*xustus*). Подлѣ него находилась пасѣка (*mellagium*), защищенная отъ воровъ, скота и вѣтру высокими стѣнами съ узенькими окошечками для пчель. Высокая пальма, посаженная въ серединѣ пасѣки, давала ульямъ тѣнь, а разныя душистыя растенія и травы питали пчель. Ульи были разставлены на кубическихъ наметныхъ подставкахъ (*rodia*), въ аршинъ вышины. Эти *rodia* тщательно полировали, чтобы шершавцы и другія животныя, лакомыя до меду, не могли вползти въ ульи. Съ одной стороны пчельника жили въ небольшомъ домѣ пасѣчники (*mellagii*); тутъ же хранились всѣ орудія, необходимыя для пчеловодства. Къ стѣнамъ пчельника примыкалъ садокъ (*vivagium*), въ которомъ разведена была разная дичь, бѣлки и улитки. Онъ занималъ много мѣста и состоялъ изъ ряду дубовыхъ рощъ и полей. Въ немъ бродили кабары, олени, дикіе козы и другая дичь, а особая отгородка отдѣляла *gligarium* и *cochlearium*, паркъ бѣлокъ и улитокъ.

Gligarium былъ окруженъ гладкою стѣною, чтобы бѣлки не убѣжали, и насаженъ дубами. Вокругъ отгородки стояли гнѣзда и глиняныя горшки, въ которыхъ откармливали молодыхъ бѣлокъ.

Небольшой островокъ, защищенный отъ солнечныхъ лучей, составлялъ *cochlearium*. Тутъ ползали улитки разной величины и откармливались въ продыранныхъ горшкахъ, вымазанныхъ тѣстомъ изъ муки и вина.

Изъ садка вела аллея къ маленькой двери, черезъ которую можно было выйти на задній дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ мучною мельницею (*pistrina*), дровянымъ сараемъ (*repositio ligni*) и сараями для овса (*foenilo*) и соломы (*palearium*). Эти строения стояли отдѣльно, чтобы удалить опасность пожару отъ хранившихся тутъ горючихъ предметовъ.

Къ южной сторонѣ виллы прилегали огородъ (*olitorius hortus*), раздѣленный аллеями на четыре части для грядъ (*areolae*) съ цѣтлами, латукомъ (*lactuca*), которымъ всегда начинался обѣдъ, помпейскою капустою, пореемъ, лукомъ, артишоками и другими овощами.

Подлѣ огорода находился большой плодовой садъ, въ которомъ разводили лучшіе сорта восточныхъ и сирійскихъ грушъ, знаменитыхъ величиною *volera* (груши величиною въ кулакъ), яблоковъ, сливъ, абрикосовъ, смоевъ, вишенъ, персиковъ и грец-

вяхъ орѣховъ. За садомъ смотрѣлъ arboretum со своими подчиненными.

Но всего пріятнѣе было видѣть здоровыхъ работъ, имѣвшихъ счастье принадлежать Галлу,—счастье потому, что другіе господа поступали съ ними чрезвычайно жестоко, кормили худо и требовали работы сверхъ силъ. У Галла каждый охотно исполнялъ свою обязанность и весело возвращался вечеромъ въ кухню, которая служила общею столовой.

Вотъ что представилось глазамъ Галла, когда онъ подъѣзжалъ къ виллѣ. Ему очень хотѣлось увидѣть свою ферму и увѣриться въ ея цвѣтущемъ положеніи; но усталость превозмогла, притомъ баня и обѣдъ уже были готовы. Онъ послѣдшне отправился въ peristium, отстроенный великолѣпнѣе другихъ частей дома. Портникъ на колоннахъ коринтскаго ордена составлялъ фасадъ, вередъ которымъ тянулась терраса съ цвѣтами и буксами (*bukus arborescens*), искусно остриженныхъ товаріемъ въ видѣ животныхъ, готовыхъ броситься другъ на друга. За портикомъ находился изящно украшенный atrium, гдѣ полъ, набранный изъ мраморныхъ ромбовъ бѣлаго, чернаго и зеленаго цвѣтовъ, составлялъ пріятный контрастъ съ красными мраморными стѣнами. Отсюда входили въ небольшой овальный перистиль, посреди котораго росла трава, цвѣты, мохъ и бѣлыя фонтаны. За перистилемъ находился главный дворъ, гдѣ зеленѣлъ вокругъ мраморнаго колодца кустарникъ. Къ этому двору примыкала столовая, изъ которой представлялся видъ въ хутусъ и на Аурунскія горы.

На сѣверной сторонѣ столовой были комнаты, гдѣ въ жаркіе лѣтвіе дни находили пріятную прохладу. На восточной входили въ кабинетъ и спальню. Кабинетъ былъ полукруглый, просто и много украшенный стѣпною живописью. Вѣтви, казалось, выходили изъ сада, а птички порхали. Въ одномъ только мѣстѣ этотъ искусственный садъ прикрывался шкафомъ съ замѣчательнѣйшими сочиненіями. Спальня отдѣлялась отъ кабинета узкимъ корридормомъ, который отапливался зимою трубами, выходящими изъ подземной печи (*hypocaustum*) и передавалъ теплоту соседнимъ покоямъ.

На противоположной, западной сторонѣ были устроены купальни и sphaeristerium. Здѣсь Галлъ проводилъ время передъ купаньемъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ и какъ онъ не любилъ напрягать силъ, то большею частью игралъ мячанн. Это совѣтъ не было предосудительно и считалось у Римлянъ

необходимостью. Однако женщины къ гимнастичѣ не допускались.

Гимнастическія игры не ограничивались, какъ нынче, годами юности; люди взрослые, занимавшіе важныя государственныя мѣста, даже самъ императоръ публично упражнялись каждый день на Марсовомъ Полѣ у Капитолія. Тутъ передъ ужиномъ всегда представлялась живая и разнообразная картина: металлы *discus*, тяжелый металлическій или мраморный кружокъ въ поларшина шириною; блись кулаками, обернутыми мягкой шерстью, чтобы не причинить вреда; играли надутыми, или набитыми шерстью и перьями мячами (*follis, pila et paganica*); катали обручи, боролись, упражнялись въ верховой ѣздѣ и фехтованіи; съ щитами и деревянными мечами нападали на колъ (*palus*), представлявшій непріятеля; прыгали съ палками (*halteres*) въ рукахъ, бѣгали и тому подобное.

Кромѣ общаго гимнастическаго поля находились въ городскихъ домахъ и виллахъ богачей *sphaeristeria*, съ вымощенными полами, подъ которыми проводили трубы, грѣющія зимою мѣста упражненій. Это было необходимо потому, что для кулачнаго боя и борьбы совѣтъ раздѣвались.

Xystrus раздѣлялся на двѣ не равныя части. Меньшая точь въ точь походила на искусственные сады въ старо французскомъ вкусѣ. Тутъ всѣ деревья подвергались обрѣзыванію ножемъ и ножницами древоподстригателя (*toriaris*). Такого саду требовалась мода, но Галль прогуливался охотнѣе въ большомъ отдѣленіи кедста, гдѣ природѣ давалась воля и рука садовника только сохраняла тѣнистыя рощи, лѣса и поляны отъ одичалости. Въмѣсто фонтана здѣсь журчалъ ручеекъ и изливался въ прудъ съ ручными рыбами, которыя по зову собирались у берега и хватали крохи хлѣба. Не далеко отсюда устроенъ былъ *hippodromus*, гдѣ Галль прогуливался иногда въ лектикѣ. *Hippodromus* состоялъ изъ двухъ параллельныхъ аллей, окружавшихъ продолговатый овалъ въ тысячу шаговъ и обсаженныхъ высокими деревьями, оwoле которыхъ площадь образовала фестоны. Къ этимъ аллеямъ примыкалъ виноградникъ. Съ другой стороны на небольшой возвышенности разсажены были розы и лиліи, а за ними находилась источникъ, проведенный въ урну нимфы, лежащей въ травѣ, оттуда вода съ шумомъ низвергалась въ цвѣтникъ, любимое мѣсто Галла.

Весь вечеръ былъ посвященъ отдыху, и Галлъ, оставивъ упражненія, откушалъ пораньше и легъ спать.

Помпоній съ поспѣшностью удалялся отъ дому Галла. Какія-то мысли занимали его такъ сильно, что онъ не замѣчалъ поклоновъ знакомыхъ и не слышалъ высокопарнаго краснорѣчія Калпурнія, который вскорѣ разстался съ нимъ на *Forum* гоманіи. Вдругъ Помпоній остановился, задумчиво сморщилъ лобъ и нетерпѣливо постучалъ пальцемъ по груди; съ неудовольствіемъ покачалъ потомъ головою и, казалось, опровергалъ свою мысль. Наконецъ онъ успокоился, подбоченился и злобно улыбнулся.

— Поспѣши домой, сказалъ онъ своему рабу, и пришли мнѣ Дромо. Пусть онъ тотчасъ же придетъ къ парикмахеру Лицину* и ждетъ меня.

Рабъ побѣжалъ, а Помпоній безъ слуги пошелъ далѣе, остановился передъ богатымъ домомъ въ *Capitium*, одной изъ значительнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ улицъ Рима, и постучался въ дверь.

— Дома твой господинъ? спросилъ онъ остіарія.

— Для тебя дома! отвѣчалъ рабъ, но для другихъ на Форумѣ.

Помпоній прошелъ *atrium*. Кубикуларій доложилъ о немъ и ввелъ въ комнату, гдѣ мужчина среднихъ лѣтъ, съ полнымъ лицомъ и неблагородными чертами, лежалъ на софѣ (*lectus*) и провѣрялъ счеты. Подлѣ него стоялъ вольноотпущенный съ навоенною досчечкой и записывалъ суммы, которыя диктовалъ господинъ. На небольшомъ столѣ у ложа разсыпаны были серебряныя деньги и стояли мѣшокъ съ золотомъ и чернильница съ очиненнымъ тростникомъ.

* *Licinus*. Такъ называли знаменитѣйшаго парикмахера того времени. Его имя дошло до насъ черезъ Горачія, который рассказываетъ, что Лицинъ нажилъ своимъ искусствомъ большое состояніе, а милость Августа доставила ему чины. Лицинъ приказалъ приготовить себѣ мраморную гробницу, изъ которой кто-то написалъ:

Marmoreo tumulo Licinus jacet; at Cato nullo;

Potrepjus parvo. Quis putet esse deos?

Въ мраморной гробницѣ лежитъ Лицинъ; у Катона нѣтъ ни какой;

У Помпея самая маленькая. Скажите послѣ того, есть ли боги на небѣ!

— Здравствуй, Ларгъ! сказалъ Помпоній.

— Здравствуй! отвѣчалъ Ларгъ. Что это значить? Зачѣмъ приходишь ты ко мнѣ сегодня уже во второй разъ?

Помпоній недоувѣрчиво посмотрѣлъ на вольвоотпущеннаго, и тотъ по знаку своего господина удалился.

— Я привезъ хорошее извѣстіе, сказалъ тогда Помпоній. Галлъ уѣзжаетъ сегодня утромъ въ свое помѣстье.

— На виллу? воскликнулъ пораженный Ларгъ, приподнявшись. И это извѣстіе ты называешь хорошимъ. Теперь нашъ планъ разстроены. Мы хотѣли напоить Галла фалерскимъ, разбудить въ немъ обиженное честолюбіе и заставить предпринять что нибудь противъ Августа. Я уже заплатилъ панятымъ свидѣтелямъ и приготовилъ все къ этому вечеру. Теперь мои хлопоты пропади. Или ты думаешь, что Августъ обратитъ болѣе вниманія на мятежныя рѣчи, произнесенныя посреди мирныхъ сельскихъ жителей?

— Этого я не думаю, возразилъ Помпоній. Мнѣ кажется, что жалобы Петропа на притѣсненія и вчерашнія слова и клятвы достаточно запутають ихъ? Или ты хочешь, чтобы присутствіе Галла уничтожило нашъ доносъ и чтобы дружба Августа пробудилась снова и поразила доносчиковъ насмѣшками и стыдомъ? Нѣтъ, пусть онъ лучше уѣдетъ, не предвидя ничего. Тогда должно нанести ему ударъ, и ты получишь его виллу, а я домъ и... Тутъ онъ остановился.

Ларгъ задумчиво подперъ лобъ рукою и черезъ нѣсколько минутъ сказалъ:

— Ты, можетъ-быть, правъ. Но ручаешься ли за вѣрность вчерашнихъ тайныхъ свидѣтелей?

— Какъ за себя, отвѣчалъ Помпоній. Впрочемъ, я прикажу наблюдать за нимъ и на виллѣ. Тамъ въ окрестностяхъ также находятся недовольные, которые, вѣроятно, соберутся вокругъ него. Но конечно, прибавилъ онъ, бросивъ взглядъ на столыкъ: тутъ нужны деньги, чтобы подкупить его рабовъ и свидѣтелей.

— Опять? съ неудовольствіемъ воскликнулъ Ларгъ. Не далъ ли я тебѣ нѣсколько дней тому назадъ сорокъ тысячъ сестерціевъ (двѣ тысячи пятьсотъ рублей серебромъ)?

— Правда, сказалъ Помпоній. Но подумай, чего стоить мнѣ знакомство съ Галломъ: я долженъ имѣть хорошій столъ, дорого платить за купанье, помады и вѣпки. Для всего этого сорокъ тысячъ сестерціевъ очень не много. Однако я самъ жгъ береж-

диво и большую часть денег отдалъ свидѣтели и Грину, необходимому рабу Галла, которому я обещалъ дать еще сегодня четыреста сестерціевъ (двадцать-пять рублей). Если тебѣ жаль денегъ, то лучше бы и не начиналъ дѣла.

— Ты слишкомъ часто спрашиваешь ихъ, а предпріятіе, пожалуй, не удастся. Впрочемъ, сколько ты хочешь?

— Только двадцать-тысячь сестерціевъ.

— Хорошо, я выдамъ тебѣ червонцами.

Съ этими словами онъ опустилъ руку въ штокъ, вынулъ нѣсколько сотъ золотыхъ монетъ и отдалъ остатокъ Помпонію, который не думая долго, принялъ деньги, спряталъ въ складкахъ тоги и, назначивъ Ларгу вечеромъ свиданіе, отправился въ таберну, гдѣ рабъ ждалъ его.

Рабъ этотъ былъ человекъ небольшого роста. Огромная, безобразная голова на чрезвычайно короткой шеѣ, придавала ему видъ горбатаго. Щетинистые рыжіе волосы и алые губы производили странный контрастъ съ смуглымъ цвѣтомъ лица, на которомъ блестѣли лукавые глаза. Толстое брюхо и крѣпкія ноги довершали каррикатуру. Несмотря на дородность, уродъ былъ чрезвычайно живъ. Онъ наблюдалъ за всѣмъ и со вниманіемъ прислушивался къ разговорамъ посѣтителей парикмахера.

Теперь онъ замѣтилъ входящаго господина и поклонился.

— А! хорошо, что ты здѣсь! сказалъ Помпоній, оглядываясь, нѣтъ ли гдѣ-нибудь мѣста, чтобы поговорить съ рабомъ.

Но парикмахерская (*tonstrina*) была полна, потому что она служила не только для уборки волосъ и чистки ногтей, но и мѣстомъ бесѣды для людей безъ дѣла. Тутъ *tonsores* съ своими помощниками однимъ обвязывалъ шею простынею и приготовлялъ къ стрижкѣ или завивалъ тонкими щипцами, другимъ вырывалъ щипчиками волоски изъ рукъ или причесывалъ смятые волосы.

— Здѣсь намъ нельзя будетъ говорить, сказалъ Помпоній, насъ вездѣ услышатъ, выйдемъ лучше на улицу.

Они вышли.

— Дромо, продолжалъ господинъ, я дамъ тебѣ важное порученіе и надѣюсь на твою хитрость и проворство. Галлъ уѣзжаетъ сегодня утромъ въ Кампанію, а Лякорія должна ѣхать въ Байю. Я предполагаю, что ему невозможно будетъ пригласить красавицу туда самому и онъ пошлетъ ей письмо. Постарайся достать его. Употреби для этого хитрость, измѣну, подкупъ, но конечно не силу.

— Хорошо, отвѣчалъ рабъ, однако для подкупу нужны деньги.

Табеллягii, (досудили писемъ). Галла ослы слыше децоворотаврые, но пречестные. Грипъ, конечно, поумиѣ ихъ, но онъ стоить презвычайно дорого.

— Вотъ тебѣ, сказалъ Помпоній, вынимая изъ Ларгова кошель нѣсколько дервонцевъ.

— Но если приглашеніе будетъ сдѣлано словесно?

— Тогда я уже устрою такъ, что ты передъ купаньемъ получишь или письмо, или подробное извѣстіе о посылкѣ Галла. Положись на меня.

Уже былъ седьмой часъ и улицы, даже въ Субурѣ, пустыи. Иногда выходили изъ кабаковъ (poripac) пьяные, которые съ большимъ трудомъ разстались съ виномъ и прислужницами.

Въ небольшой табернѣ въ Субурѣ сидѣлъ красивый молодой рабъ лѣтъ двадцати, добродорядочной наружности съ другимъ рабомъ постарше, котораго наглая мина показывала, что онъ привыкъ дѣлать все по своей волѣ и легко переносить палку.

— Пей же, Церинтъ! сказалъ онъ младшему товарищу. Передъ нами вѣдь не ваткацское вино; хозяинъ увѣрялъ, что это лучше сабинскаго. Клянусь, фалерское, которое я стащилъ недавно съ хозяйскаго стола, было гораздо хуже.

— Право, Грипъ, отвѣчалъ молодой рабъ, вино превосходнѣйшее, но я боюсь, не будетъ ли слишкомъ много. Виски у меня разгорѣлся, а мнѣ нельзя прійти къ Ликоріи пьянымъ. Ты знаешь, какъ Галлъ строго смотритъ за приличіемъ и благопріеміемъ.

— Ничего! Онъ также пьетъ и гораздо больше нашего. Сегодня онъ уѣхалъ съ воркуномъ Хернсомъ. Теперь мы свободны; притомъ сегодня день моего рожденія и какъ меня никто не приглашаетъ, я гуляю на свой счетъ.

Въ это время кто-то вошелъ въ поплину.

— А! добрый пріятель, здравствуй! вскричалъ уродъ.

— Здравствуй, Дромо! сказалъ Грипъ съ притворнымъ удивленіемъ. Ты прішелъ кстати: нашъ господинъ уѣхалъ и я праздную день моего рожденія.

— Какъ? твое рожденіе? Но у васъ кубки пусты.

— Эй, дѣвушка, подай вина!

— Что это? вы, кажется, приказываете подавать вино по куб-

каймъ? Подайте лагону и кубки по больше. Будемъ пить за здоровье пріятели.

Тутъ онъ бросилъ на столъ червонецъ. Привесли лагону. Церинта уговорилъ выпить еще.

— И такъ Галль уѣхалъ? сказалъ Дромо. Вѣрно, въ счастливую Фалернскую Землю. Вотъ прекрасный господинъ! Какъ хорошо умѣеть жить! Выпьемъ за его здоровье.

— Да здравствуетъ долго и счастливо! воскликнулъ пьяный Церинтъ.

— Не достаетъ еще одного, продолжалъ веселый Дромо. Хіона! иди сюда, выпей съ нами! Клянусь Геркулесомъ, ты премилая дѣвушка!

— Точно, точно! пробормоталъ Церинтъ и притянулъ къ себѣ дѣвушку, которая не сопротивлялась. Ты кажешься мнѣ теперь гораздо милѣе.

— Оттого что ты развеселился, усмѣхался, прибавила прислужница.

— Правду говорить пословица: безъ Цереры и Баха Венера не стоитъ праха! продолжалъ онъ.

— Да, она всегда была хороша, прервалъ его Грипъ, который думалъ, что наступила благоприятная минута, для исполненія его намѣренія: ея глаза не уступятъ въ красотѣ глазамъ Ликоріи.

Это имя поразило Церинта, какъ ударъ грома. Онъ хотѣлъ вскочить, но ноги не шевелились.

— Что съ тобой? Куда ты хочешь птти? воскликнули его товарищи.

— Къ Ликоріи, отвѣчалъ онъ шепотомъ. Не думаете ли вы, что я пьянъ?

— Совсѣмъ нѣтъ; но ты усталъ, сказалъ Грипъ.

— Что? я усталъ? спросилъ Церинтъ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, пошатнулся и упалъ.

— Знаешь ли что? сказалъ Грипъ. Дай, я свесу письмо, а ты между тѣмъ выспишься.

Пьяный рабъ утвердительно покачалъ головою и подаль досечки.

Дромо потребовалъ отъ хозяина таберны особую комнату, расплатился съ нимъ, уложилъ Церинта и поспѣшно вышелъ.

Былъ уже вечеръ. Вездѣ наступила тишина, только въ Субурѣ, всё еще проявлялась жизнь. Тутъ пробирались мужчпны, тѣмъ-тѣмъ завернувши голову въ тогу, и входили въ знакомыя уже имъ жилища, или знакомились съ жителями новыми, или въ знакомыя уже храмовъ Веперы (Iupanages), украшенныхъ, какъ дома новобрат-

вылхъ, зеленью. Иногда распакивалась завѣса дверей и тогда представлялись глазамъ проходящихъ юноши, играющіе съ соблазнительно одѣтыми женщинами. На нѣкоторыхъ порогахъ сидѣли любовники, надѣявшіеся вздохами и мольбами смягчить сердца своихъ любезныхъ.

Въ древности мыслили иначе нежели теперь о любовныхъ связяхъ молодыхъ людей. Отецъ не задумываясь отдавалъ свою дочь за человѣка, о которомъ знали, что у него была любовница. Даже женатые во зло употребляли свои права. Это, конечно, причиною много горя классическимъ супругамъ, но онѣ вознаграждали себя *мамъстниками* (*procuratores*), которые были совершенно то же, что члѣсбен новѣйшихъ Италіянковъ, кавалеры прислужники.

Въ концѣ улицы, у *Monte Coelius*, стоялъ домикъ веселой наружности и ни сколько не похожій на сосѣднія открытыя заведенія, потому что передъ нимъ не стояли таберны и никто изъ проходящихъ не входилъ въ него. Можно было бы подумать, что въ немъ никто не живетъ, если бы по временамъ не показывался въ окнахъ свѣтъ. Теперь однако на *vestibulum* остановились два раба съ надѣтыми черезъ голову *penulae*. Одинъ изъ нихъ, поменьше ростомъ, отошелъ на нѣсколько шаговъ, а другой поступался въ дверь.

— Кто ты? спросилъ *ostiarius*.

— Я *tabellarius* Галла.

Ostiarius отворилъ дверь и потребовалъ письмо.

— У меня есть словесное порученіе, возразилъ *tabellarius*, веди меня къ *Ликоріи*.

Придверникъ недоувѣрчиво посмотрѣлъ на человѣка, таинственно завернутаго въ пелулу. Отчего не пришелъ Церпять? сказалъ *ostiarius*.

— Онъ болѣвъ; да тебѣ нѣтъ дѣла, кому господинъ дастъ свои порученія. Уже поздно, веди меня скорѣе къ госпожѣ.

Ликорія была занята въ то время укладкою разныхъ драгоценностей въ мягкую шерсть.

Легкая туника безъ рукавовъ сошла отъ движенія съ лѣваго плеча, на которое ниспадали черные кудри. *Ликорія* была прекрасная двадцати-пяти-лѣтняя женщина. Нѣсколько служянокъ укладывали скіе ящики и корзины въ принадлежности туалета классическихъ женщинъ. Однѣ выбирали узкія туники (*tunica interior*), для употребленія дома безъ верхняго платья, другія чистили фермуары на *stolae*, одѣваемыхъ сверхъ туники. *Stolae* имѣли разнѣзныя

рукана съ застѣжкой. Кровь того привадили въ поридокъ: правивья райнае, которыя были у женщинъ то же, что у мужчинъ того и употреблялись для вытѣду въ городъ. Скидки дѣлались еще тщательнѣе и затѣливѣе нежели у тоги. Курсотовъ тогда не носили и Римляне не любили, даже сибялись надъ перетянутыми талиями. Однако употребляли кожанныя сауровки, чтобы остановить ростъ груди или приводяты ихъ.

— Положи эту палу еще разъ въ прессъ, сказала Анкорія слуганкѣ; также и тунику. Ты, Цяпасса, принеси съ Лидомъ посуду *.

Горничная удалилась. Анкорія улаживала туалетныя принадлежности, когда доложили о посланномъ отъ Галла.

— Наконецъ! воскликнула она. Впустите его!

Посланнаго призвали. Остіарію онъ казался очень подозрительнымъ. Придверникъ просилъ служанку присматривать за нимъ. Она стала вслушиваться въ разговоръ своей госпожи, но тщетно: запертая дверь и шерстяной коверъ заглушали слова. Наконецъ разговоръ сталъ жарче; дверь отворилась и изъ комнаты вышелъ посланный, какъ и прежде закутанный въ пенулу. Служанка нашла Анкорію въ большомъ волненіи.

— Прочь! вскричала она. Въ эту же ночь мы ѣдемъ. Поѣзди Лада.

Рабу приказано было нанять тотчасъ двѣ гѣдае. Потѣмъ стали приготовляться къ отъѣзду и при наступленіи ночи Анкорія съ нѣсколькими служанками терала уже изъ виду капенскія ворота.

Берега залива Байі, смежнаго съ Неаполемъ, были для Римлянъ главнымъ мѣстомъ удовольствій и веселой жизни, среди Счастливой Кампаніи, украшенной всѣми прелестями южной природы. Вельможи возвышали ея роскошь постройкою великолѣпныхъ виллъ съ высокими башнями, откуда видѣтъ былъ заливъ и его живописные острова. Здѣсь-то находились города Байі, Puteoli (нынѣ Пуццола), и на сѣверной оконечности залива мысъ Мизенскій (Cap de Miseno). Весь берегъ былъ усыянъ мѣстечками, деревнями, помѣстьями, храмами и вилами, которые стояли такъ близко другъ подлѣ друга, что прѣзжающіе моремъ думали видѣть передъ собою одинъ огромный городъ. Въ окружности нѣ-

* Даже въ небольшихъ путешествіяхъ брали съ собою свою посуду, потому что гостинницы, въ которыхъ вужда заставляла иногда останавливаться, рѣдко бывали хорошо устроены и чисты.

своихъ мѣлъ находится множество рѣчекъ природы. Близъ Puteoli есть гора Taurus, съ богатыми виноградниками, у подошвы которой стояла знаменитая яма Цицерона. Немного западнѣе, на мѣлю отъ Бай, находится Авернское Озеро, окруженное липарисовыми рожами. Съ Авернскимъ Озеромъ имѣетъ связь Лукринское, знаменитое превосходными рыбами и устрицами. Вблизи показываютъ пещеру съ подземными ходами, гдѣ некогда Сибилла въ восторженномъ состояніи давала свои отвѣты. Недалеко отъ Бай, по глубже во внутренность земли, находится городъ Симае, самая древняя колонія Грековъ въ Италиі, основанная Кимомъ и извѣстная фабриками полотняныхъ и гончарныхъ издѣлій. Къ югу отъ Симае лежитъ Эпирское Озеро (Acherusia, нынѣ Coliccio), черезъ которое Харонъ возилъ души умершихъ въ царство мертвыхъ. Далѣе къ сѣверу была большая гавань Misenum (mare morto), главная станція римскаго флота въ Средиземномъ Морѣ и виλλα знаменитаго оратора Гортенсія. Тутъ же стояло на сорока осми каменныхъ столбахъ огромное водохранилище, извѣстное нынѣ подъ именемъ Piscina mirabile. Съ этой стороны Мизенскій мысъ заключалъ полуокругъ залива восхитительными видами. Тутъ была пышная виλλα Лукулла и величественныя морскія купальни, которыхъ остатки показываютъ теперь подъ названіемъ Grotta dragonaria.

Умѣренность байскаго климата позволяла проводить тутъ пріятно зиму. Не было времени года, когда бы здѣсь не зеленѣли поля, не цвѣли бы цвѣты и не гнулись бы сучья отъ плодовъ.

Съ этою щедростью природы соперничала роскошь вельможъ особенно при Августѣ. Тутъ же между красивыми и веселыми виллами ирочно стояли дачи Марія, Помпея и Кесаря, болѣе похожія на крѣпости; особенно виλλα Марія, выказавшаго строеніемъ ея всю свою военную опытность. Прибрежныя виллы выступали болшею частью въ море, потому что на землѣ уже не доставало мѣста для построекъ или, можетъ-быть, для здоровья. Нѣкоторымъ казалось житье на сыромъ берегу вреднымъ. Постройки эти получали большую крѣпость отъ особеннаго цемента, который находятъ въ окрестностяхъ и который тѣмъ болѣе твердѣетъ, чѣмъ долѣе, остается въ водѣ.

Около Бай было множество теплыхъ минеральныхъ ключей и естественныхъ горячихъ, паровыхъ, сѣрныхъ ваннъ (sudatoria). Сѣрныя пары выходили во многихъ мѣстахъ, особенно же на возвышенностяхъ. Судаторіи дѣлались не только у горячихъ ис-

точниковъ, но и въ городахъ, куда проводили трубы въ паревыя купальни.

Одну изъ важнѣйшихъ ежедневныхъ потребностей Римлянъ составляло купанье. При Августѣ ходили въ баню уже не для того, чтобы мыться, а потому что въ этихъ заведеніяхъ находили все великолѣпіе, все удобства и удовольствія, которыми Римляне старались окружить себя. Притомъ купальни служили мѣстомъ свиданія, продажи товаровъ и выставки объявленій. Съ ранняго утра тамъ раздавался шумъ. Въ ваннахъ плескались купающіеся; около шестаго часу множество разносчиковъ предлагали разные кушанья: *libarii* выхваляли сладкіе пирожки, *crustularii* поджаренные ломти медоваго хлѣба, *botularii* разные колбасы, яйца, латукъ и другія блюда.

Въ сущности каждая купальня состояла изъ передбанника, холодной, паровой и теплой бани, и *unctorium*, или *eleotesium*. Передъ зданіемъ — дворъ. Тутъ ожидали своей очереди тѣ, которые желали купаться, и прогуливались или сидѣли на скамьяхъ подъ портиками. Со двора входили въ передбанникъ (*apodyterium*). Тутъ *carzarii* брали отъ посѣтителей платье на сохраненіе. Подлѣ *apodyterium* находилась холодная баня (*frigidarium*) съ ванною (*baptisterium* или *piscina*) въ серединѣ, окруженною не высокими перилами (*pluteus*) и пиластрами, нишами и статуями, которыхъ базаменты состояли изъ двухъ ступеней. Непосредственно за холодною банею слѣдовала теплая, четверугольная (*tepidarium*) съ большими ваннами и каменными скамьями, гдѣ купавшіеся обтирались. Въ сосѣдствѣ — паровая баня (*sudatorium* или *caldarium*), окруженная тремя ступенями и узенькими нишами. Тутъ поддерживался жаръ паровъ печью (*hypocaustum*), устроенною подлѣ поломъ зданія. Въ *unctorium* выкупавшихся патирали душистыми маслами и эссенціями.

Богачи перѣдко имѣли свои купальни; для другихъ въ Римѣ и въ прочихъ городахъ содержались публичныя. За входъ платили только одинъ квадрантъ (четверть асса, на наши деньги почти полкопѣйки серебромъ); потому что каждый Римлянинъ ходилъ по-крайней-мѣрѣ одинъ разъ въ день, а бывали любители, которые отъ нечего дѣлать заходили по семи и по осми разъ.

Купающіеся выпарившись ложились на софы и растиральщики (*tracelatores*) ловко скоблили съ нихъ за небольшую плату косявыми или роговыми скребницами (*strigiles*) втертыя масла, потъ и

шылъ. Всѣ роды ваннъ не употреблялись обыкновенно за одинъ разъ; многіе довольствовались однимъ холоднымъ, или однимъ теплымъ.

Въ Баин купальни были гораздо великолѣпнѣе чѣмъ въ Римѣ, особенно въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ украшенія не страдали отъ вліянія сырости и жару. Здѣсь съ большимъ тщаніемъ устранили также холодныя купальни для тѣхъ, которые не желали употреблять мутную минеральную воду. Холодное купанье вошло особенно въ моду съ тѣхъ поръ, какъ придворный врачъ Августа, Antonius Musa, предписалъ ихъ императору. Въ одной изъ байскихъ фригидаріевъ была прозрачная вода съ двухъ концовъ залы изъ огромныхъ бронзовыхъ львиныхъ головъ въ бассейнѣ, выложенный разноцвѣтнымъ драгоцѣннымъ мраморомъ. Въ потолкѣ и стѣнахъ комнаты окна были украшены богатою скульптурою, а стѣны искусною живописью.

Въ Баин всегда находилось несмѣтное число пріѣзжихъ. Между ними было очень много больныхъ, однако болѣею частью сюда спѣшили, чтобы открыто предаться удовольствіямъ, которыя въ Римѣ доставлялъ себѣ только скрытно. Въ Баин проходили непрерывныя сатурваліи. Женщины обращались тутъ съ мужчинами гораздо свободнѣе. Въ пестро выкрашенныхъ гондолахъ разъѣзжали по Лукрицкому Озеру или байскому заливу легкомысленныя гетеры въ кругу веселыхъ молодыхъ людей. Съ лодокъ раздавалась музыка, пѣсни и клики гулякъ, которые лежа за столомъ, раскачивались на волнахъ. Эта праздничная веселость копечю нѣла также темную сторону. Пьяныхъ всегда было множество и ежедневно распространялась вѣсть о какомъ нибудь новомъ соблазнительномъ приключеніи замужней красавицы или дѣвицы. Оттого не удивительно, что судья нравственности, Сенека, назвалъ Баин пристанищемъ пороковъ (*diversorium vitiorum*).

Ликорія уже нѣсколько дней находилась въ Баин, не пзвѣщая Галла о своемъ пріѣздѣ. Она была въ перѣшпительности, рассказать ли ему происшествіе, случившееся ввечеру передъ отъѣздомъ, или нѣтъ.

Помпоній чрезвычайно ошибся. Онъ хотѣлъ пропикнуть въ домъ Ликоріи, отъ котораго навсегда былъ удаленъ, въ видѣ Галлова табелларія и потому приказалъ послѣ свиданія съ Дромо наблюдать за домомъ. Никто не входилъ въ него принести вѣсть объ отъѣздѣ Галла; только рабы Ликоріи выходили нѣсколько разъ въ сосѣднія лавочки за разными покупками. Онъ однако не

предвидѣть, что Херискъ пошлетъ къ ней викарія съ дедъгами и извѣстіемъ о планѣ путешествія.

Помпоній представился ей и сказалъ, что Галлъ проситъ ее остаться во время его отсутствія въ Римѣ или въ атрурскихъ купальняхъ. Увидѣвъ ея удивленіе, онъ прибавилъ, съ намѣреніемъ возбудить ревность, что красавица Хіона ѣдетъ съ Галломъ въ Кампанію. Тогда онъ замѣтилъ ея досаду и, объяснивъ ее въ свою пользу, приблизился къ Ликорію и умолялъ возобновить прежнюю связь. Тутъ открылась вся низость его намѣренія. Съ гнѣвомъ Ликорія оттолкнула Помпонія и объявила ему, что очень хорошо знаетъ желаніе Галла видѣть ее какъ можно скорѣе въ Байи.

Удивленный Помпоній тутъ-только замѣтилъ, что все приготавлилось къ отъѣзду.

— Въ Байи, сказалъ онъ насмѣшливо, а потомъ для прохладенія на смежныя поля въ Мизію! Изъ теплыхъ минеральныхъ ваннъ въ *frigidarium*. *

— Мерзавецъ! вскричала разгнѣванная Ликорія, очень хорошо понявшая смыслъ его рѣчи: язвкѣй измѣнникъ, котораго я давно уже поняла! Прочь съ моихъ глазъ, и будь увѣренъ, что черезъ три дня Галлъ узнаетъ объ искренности твоей дружбы.

— Какъ угодно! холодно возразилъ Помпоній. Если ты хочешь доказательства, то я пришлю ихъ съ *Columna Moenia*. **

Ликорія поблѣднѣла. Пользуясь ея замѣшательствомъ, Помпоній еще разъ хотѣлъ приблизиться, но шорохъ отъ движенія подслушавшей за дверьми служанки остановилъ его, онъ поспѣшно закутался въ пелену и вышелъ.

Его угроза произвела сильное дѣйствіе. Безнокойство о новыхъ дерзостяхъ заставило Ликорію въ ту же ночь уѣхать изъ Рима.

Необходимость признанія въ прежнихъ сношеніяхъ съ Помпоніемъ мѣшала ей извѣстить Галла объ угрожающей опасности. Такимъ образомъ сидѣла она на третій вечеръ въ великой не-

* Ссылка уже при Августѣ дѣлалась строже, такъ что виновныхъ не только высылали изъ Рима и Италіи, а назначали имъ дальнія, и пустыя страны мѣстою жительства. Ссылка въ Мизію, на границахъ Римской Имперіи, считалась такою же строгою опалою какъ у насъ ссылка въ Сибирь. Овидій изгнанный въ Мизію горько жаловался на климатъ и обычаи этой страны.

** Столбъ на *Forum romanum*. У него выставлялись на позоръ преступники.

рѣшности. Около нея двѣ служанки были заняты уборкою головы. Онѣ распускали искусно сплетенные волосы и собирали въ золотую сѣточку, какую женщины одѣвали не только на ночь, но и днемъ при домашнихъ занятіяхъ. Другая служанка развязывала бѣлые ремешки сандалій. Съ боку стояла прекрасная рѣзная бронзовая лампа на тарелкѣ, которую бронзовыи согнись поддерживалъ крыльями. У стѣны находилось ложе съ яркими пурпуровыми покрывалами, подлѣ Ликоріи столикъ, на который одна изъ служанокъ поставила стеклянную кружку съ водою.

Въ то время какъ дѣвушка спала съ госпожи сандаліи, слышались шаги; занавѣсъ распахнулся и въ комнату вошелъ Галлъ. Съ радостнымъ крикомъ вскочила Ликорія и съ босыми ногами и распущенными волосами бросилась на шею къ любовнику.

Галлъ узналъ отъ рабовъ, которые нозже отправились на виллу, о поспѣшномъ отъѣздѣ Ликоріи и хотѣлъ нечаянно обрадовать ее посѣщеніемъ. Онъ намѣревался провести въ Баи нѣсколько дней, и нанялъ квартиру въ главной городской кунальнѣ, гдѣ всегда стояли готовые покои для пріѣзжихъ.

Галлъ выкупался рано утромъ. Днемъ назначена была морская прогулка съ Ликоріею. Изъ *frigidarium* онъ пошелъ въ *unctorium*, гдѣ его надушили. Тогда онъ одѣлся и отправился къ Ликоріи.

На берегу Лукрійскаго озера ихъ ожидала нанятая гондола. Галлъ приказалъ выбрать самую красивую. Съ разрисованной лодки, у которой паруса были пурпуровые, а снасти обвиты свѣжими розами, раздавалась веселая музыка. На кормѣ стояла пурпуровая палатка съ роскошно накрытымъ столомъ.

Ликорію донесли до озера въ носилкахъ, а Галлъ и два пріятеля его слѣдовали за лектикою пѣшкомъ. Ликорія сошла на землю прекрасная, какъ Флора. Сверхъ бѣлосвѣжной туники накинута была раша аметистоваго цвѣту. Ей какъ гетерѣ позволялось носить только короткую тогу; но какъ тутъ ее мало знали, то она осмѣлилась надѣть паллу. Искусно причесанные волосы поддерживались булавкою съ изображеніемъ крылатаго амура, а голову обвивалъ прекрасный розовый вѣнокъ. На шеѣ было ожерелье съ висящимъ жемчугомъ въ золотой оправѣ, на рукахъ браслеты въ видѣ змѣй съ рубиновыми глазами. Такъ одѣтая сошла она съ Галломъ въ лодку правою ногою впередъ, чтобы счастливо окончить поѣздку. Гондола понеслась по озеру, на которомъ сотни лодокъ встрѣчались съ веселыми криками. Ликорія каталась нѣсколько часовъ, между-тѣмъ какъ мужнины

съ удовольствіемъ кушали только, что наловленные устрицы и зазывали фалерскимъ. Потомъ они возвратились и Галль послѣ вторичнаго купанья пріятно провелъ вечеръ въ покояхъ Ликоріи, куда долго еще доходили серенады любовниковъ и шумъ тавернъ.

Галль пробылъ въ Бани нѣсколько дней съ пріятелями и Ликорією, потомъ возвратился на свою виллу. Ликорія обѣщала скоро пріѣхать. Оттого всё на виллѣ были заняты приготовленіями къ пріему подруги Галла. Одни убрали ея комнаты, другіе чистили паркъ и приготовляли разныя печальности. Однажды утромъ Галль шелъ по саду, въ легкой туникѣ, къ мраморной нишѣ у цвѣтника. Прекрасный вѣнокъ, который онъ держалъ въ рукахъ, долженъ былъ украсить изображеніе его любовной. Онъ купилъ статую безъ головы и далъ пріѣзжать къ ней голову Ликоріи. Галль распоряжался о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ цвѣтника, когда ему доложили о прибытіи гонца отъ Помпонія; нарочный этотъ, казалось, очень спѣшилъ, потому что пріѣхалъ въ легонькомъ *cisium*.

Галль велѣлъ привести его и съ безпокойствомъ сталъ ждать.

Табелларій подалъ письмо. Галль увѣрился въ подлинности печати и разрѣзалъ шnurки. Помпоній писалъ:

«Кесарь въ худомъ расположеніи духа. Говорятъ, что онъ принимаетъ противъ тебя жестокою мѣрою, — ссылку. Спѣши въ Римъ, чтобы своимъ присутствіемъ отразить ударъ. Калпурній выходитъ изъ себя и хочетъ мстить. На него и на всѣхъ насъ ты можешь полагаться, но спѣши.»

Между-тѣмъ какъ Галль читалъ, табелларій внимательно наблюдалъ, какое дѣйствіе произведетъ письмо.

— Какой дать отвѣтъ? спросилъ гонецъ.

— Благодари! возразилъ, опомнившись, Галль, и скажи, что я скоро пріѣду въ Римъ.

Рабъ ушелъ.

— Невозможно! воскликнулъ Галль, подавая вошедшему Херисму письмо. Въ чемъ обвиняютъ меня? Неужели по капризу похитителя власти я, свободный, заслуженный гражданинъ, буду свергнутъ въ несчастіе и бѣдность? Нѣтъ, нѣтъ! Помпоній слишкомъ безпокоится о судьбѣ друга и оттого дѣла представляются ему въ такомъ худомъ положеніи.

Старый слуга, дрожа, со слезами на глазахъ возвратилъ Галлу письмо и прибавилъ съ значительнымъ вѣдомъ:

— Много есть злыхъ людей и ложныхъ друзей!

— Глупое подозрѣніе! возразилъ Галлъ. Ты похожъ на Анкрию, которая певѣсть что наговорила о моемъ другѣ. Неужели это письмо не разувѣряетъ тебя? Иной, на его мѣстѣ, не потрудился бы извѣстить объ опасности во время.

— Это и удивляетъ меня, сказалъ Херисмъ. Помпоній узналъ о грозѣ прежде Леонида, который разными способами получаетъ извѣстія о толкахъ на твой счетъ. Возможно ли чтобы вѣрный слуга дѣйствовалъ медленнѣй Помпонія?

— Довольно! возразилъ Галлъ съ досадою. Приготовь все въ дорогу. Ты поѣдешь со мной. Выбери самый легкій сіишъ и пошли впередъ Нумидійца для подготовленія перемѣвъ лошадей. Впрочемъ старайся сохранить въ тайнѣ причину отъѣзду.

Херисмъ былъ однако правъ. Одинъ Помпоній могъ знать такъ рано результатъ доноса, потому что былъ главнымъ членомъ заговора противъ Галла. Между тѣмъ планъ Помпонія удался только вполонну. Не смотря на важность доноса, Августъ не рѣшился уничтожить прежняго своего друга. Враги Корнелія рассчитывали на ссылку, а наказаніе ограничилось только отказомъ отъ дому императора. Обвинители конечно не много выиграли этимъ, но имѣли въ виду, что обиженный выкажетъ неудовольствіе, и тогда думали сдѣлать противъ него доносъ поважнѣе. Оттого присутствіе Галла въ Римѣ было врагамъ его очень нужно и Помпоній постарался убѣдить опальнаго любимаго въ необходимости возвращенія. Какъ только распространилась молва объ удаленіи Галла отъ двора Августа, Леонидъ спѣшилъ послать гонца съ печальнымъ извѣстіемъ. Нарочный этотъ встрѣтился съ господиномъ на дорогѣ.

Галлъ утѣшался тѣмъ, что ему по крайней мѣрѣ нечего было опасаться изгнанія съ страшными ея послѣдствіями, нищетою и несчастіемъ. Однако униженіе, которому онъ подвергался, произвело сильное впечатлѣніе. Стыдъ получить отказъ отъ дому человѣка, котораго возвышенію онъ такъ дѣятельно помогалъ, возмущалъ его гордость. Притомъ онъ думалъ объ оскорбленіяхъ ненавистныхъ патриціевъ.

На Херисма это извѣстіе произвело совершенно другое дѣйствіе. Онъ раздѣлялъ печаль господина, но надѣялся, что Августъ современемъ увѣрится въ ничтожности обвиненія, а преданные друзья возстановятъ прежнія отношенія.

Въ такомъ расположеніи духа пріѣхали они вечеромъ втораго дня въ Римъ, гдѣ оставшіеся рабы, предупрежденные Нумидій-

цель, ожидали ихъ. Галлъ не нашелъ дома императорскаго предвизанія: его послали на выслу. Однако содержаніе его было извѣстно, а въ городѣ уже ходили разные слухи о томъ, какое дѣйствіе произвело оно на Галла. Корнелій намѣревался идти на другой день совѣтоваться съ друзьями, что предпринять въ такихъ обстоятельствахъ.

Въ домѣ Галла встрѣтили утро тише обыкновеннаго. Солнечные лучи падали въ спальню Галла, который проснулся и лежа обдумывалъ свое положеніе. Отворилась дверь, распахнулся коридоръ и въ комнату вошелъ съ привѣтствіемъ Херисмъ.

— Здравствуй, господинъ! сказалъ онъ. Я думалъ, что ты еще почишаешь!

— Ты, кажется, нездоровъ, Херисмъ, прервалъ его Галлъ. Заботливость обо мнѣ, вѣроятно, не дала тебѣ уснуть. Но успокойся. Велика бѣда, что я не могу ходить къ Августу! Я все-таки остаюсь, какъ былъ, а тому, кто встрѣтитъ меня съ высокоуміемъ, я отвѣчу гордостью.

— Оно, конечно, такъ, господинъ, но сила не въ одной потерѣ Августовой милости; мнѣ кажется, что это происшествіе предвѣщаетъ худыя послѣдствія. Не принять ли твое равнодушіе за дерзость? Удача не побудитъ ли твоихъ враговъ къ сочиненію новыхъ сплетней? Запроданный сенатъ какъ разъ произнесетъ противъ тебя приговоръ. Безъ вины будешь виноватъ. Послушай совѣта вѣрнаго слуги, откажись отъ щегольства; надѣнь самую худую тогу; приторюйся, какъ подобаетъ опальному, такъ все пойдетъ хорошо.

— Что? спросилъ Галлъ: мнѣ унизиться, ходить какъ преступнику въ ветхой одеждѣ и вымаливать помилованіе?

— Только на короткое время, сказалъ старикъ. Обратись съ просьбою къ тѣмъ, которые имѣютъ значеніе у Августа. Проси заступничества у Виргилія, чтобы возвратить по-крайней-мѣрѣ видъ прежней дружбы. Тогда ты можешь посмѣяться надъ твоими врагами и избѣгать ихъ нападковъ, удались отъ двора.

Старикъ говорилъ съ такимъ жаромъ, что, казалось, произвелъ на Галла сильное дѣйствіе. Онъ уже рѣшился слѣдовать совѣту вѣрнаго слуги, когда камердинеръ доложилъ о Помпоніѣ. Херисмъ съ неудовольствіемъ отворотился.

— Не слушай его, сказалъ онъ хозяину, послѣ ухода раба; не слѣдуй совѣтамъ Помпонія. О! если-бы Ликорія была тутъ. Она, кажется, скрывала тайну, которая касалась до него. На выслу она хотѣла все открыть.

Вошелъ Помпоній. По знаку хозяйка Херисизъ медленно удалился.

Черезъ часъ тайнаго разговору Помпоній вышелъ. Херисизъ вышелъ господина въ волненіи.

— Я иду со двора, сказалъ Галлъ. Прикажи Эроту принести платье. Пусть онъ выберетъ самую широкую и бѣлую тогу, и тунику съ яркою пурпуровою полосой... Ни слова болѣе, старикъ. Ты давалъ совѣтъ отъ добраго сердца, но теперь еще не время унижаться. Иди звать Эрота.

Эротъ былъ смотрителемъ хозяйскаго гардероба, гдѣ въ избыткѣ лежали и висѣли принадлежности мужскаго туалета того времени. Главную и самую древнюю одежду Римлянъ составляла тога, такъ, что гражданъ называли *togati* или *gens togata*. Оттого изгнанникамъ и иностранцамъ запрещали носить тогу. Сначала она была единственною одеждою Римлянъ, но со времени введенія въ употребленіе туники, тогу надѣвали патриціи при торжественныхъ случаяхъ, въ засѣданіяхъ сената, въ театрѣ и при другихъ зрѣлищахъ. Плебей обыкновенно носили короткую, коричневую тунику безъ рукавовъ. Тога была не что иное, какъ слегка скругленная, весьма дѣльная простыня или фланелевое одѣяло, шириною по росту человѣка отъ плеча до земли; положивъ на лѣвое плечо уголь одного конца такого куска матеріи, край его проводили подъ пазуху правой руки, откуда онъ по спинѣ возвращался на лѣвое плечо и тутъ состегивался съ угломъ; собравши потомъ ширину куска на лѣвую руку, дѣляли второй оборотъ около тѣла крестообразно съ первымъ, и другой конецъ куска перекидывали черезъ лѣвое плечо, прикрывая имъ же и голову, если находился на открытомъ воздухѣ. Такое одѣяніе образовало весьма живописныя складки, которыхъ расположеніемъ управляла мода. Оно называлось *toga alba*, *libra*, *riga*. Тога *praetexta* была также бѣлая, но съ красными каймами; ее носили дѣти, консулы, члены магистрата и главные жрецы. Чтобы менѣе труда стоило дѣлать самому складки, ихъ нерѣдко подготавливали съ вечера, перекладывая тонкими досчечками для избѣжанія расстройства драпировки при движеніяхъ. Подъ тогою носили тунику (*tunica*), родъ русской рубашки или блузы, сначала безъ рукавовъ, *colobium*. Она была бѣлаго цвѣту и подпоясывалась. Особеннымъ отличіемъ считалось у сенаторовъ и кавалеровъ или рыцарей (*equites*) *tunicae palmatae* (*tunica latelavia*, съ широкою пурпуровою полосой, впереди и *angusti-*

одежда съ двумя узкими рукавами). Кроме того носили на тѣхъ же рубашки (*tunicae interiores*), которыя имѣли иногда рукава. Тунники рѣдко отступались ниже колѣнъ. Пентолонъ (*braccae*) Римляне не употребляли до позднѣйшихъ императоровъ, однако надевали короткіе подштанники (*fascias*). Инъе употребляли также наброшенные (*villosa ventrali*) и обвязывали горло и уши *focalia*ны; это считалось впрочемъ извѣжностью.

Тoga была одеждою публициею, а тунника домашнею; но въ худую погоду и въ путешествіяхъ мужчины всѣхъ сословій и женщины носили пенулы. Она надевалась черезъ голову, была сшита на груди и дѣлалась изъ частой, на обѣ стороны косматой шерстяной матеріи, отчего ее рѣдко называли *raspata gausserina*. На нее очень походила *laeterna*, которая однакожь не не сшивалась впереди и дѣлалась съ большою пышностью. Она также какъ и *senectus* обыкновенно была пострая. На многихъ отѣнныхъ картинахъ въ Пеннои изображены голубыя *laeternae*, осыпанныя золотыми звѣздочками. Голова оставалась обыкновенно непокрытою. На случай дождя, особенно во время путешествій, или когда не хотѣли быть узанными, принимали въ лацеры и носуль кукушки, татарскія башмаки или шапюны (*сесиди*). Одежда выходила съ тѣщаго станка почти совсемъ готовою. Грязное платье мыли *fuligines* въ особыхъ *collegia*, топчя его ногами въ кадкахъ, наполненныхъ растворомъ селитры или мочи. Римляне не знали кипящаго мыла. Вымытую одежду раскладывали на рѣшетки изъ цалокъ и подвергали дѣйствию сѣрыхъ паровъ. Наконецъ высушивали и сшивали пресеемъ.

Два Римляне носили саудали (*soleae*), но когда выходили со двора съ тогою, то обыкновенно употребляли башмаки съ кожаными завязками. Сенаторскіе башмаки назывались четырьмя ремешками (*сегтіае*), которые доходили до икръ и скрѣплялись серебряными полуштыцами (*купула*).

Кромѣ того патриціи носили нѣсколько золотыхъ колецъ, изъ которыхъ одно, съ печатью, надевалось на четвертый палецъ, а палецъ желѣзныя; для отличія отъ плебеевъ патриціи и наделоры имѣли на пятомъ пальцѣ золотое колечко, а на шеѣ золотое ожерелье. Кольца съ печатью Римляне никогда не снимали, даже ложась спать, потому что приложение печати зашѣло у нихъ собственноручною подпись, какъ и донынѣ у Восточныхъ.

Рабъ принесъ туннику. Двое другихъ слѣдовали за нимъ съ искусно сложенною тогою и пурпуровыми башмаками. Эроть подполсалъ Галлу нижнюю туннику, надѣлъ верхнюю, стараясь, чтобы

пурпурная полоса находилась въ самой срединѣ груди. Потомъ съ помощью другаго раба наладилъ тогу изъ бѣлосѣрной милезійской шерсти. Онъ долго поправлялъ ее прежде чѣмъ удалось дать предписанный модою видъ; потомъ подаль господину полированное, серебрянное ручное зеркало. Галлъ надѣлъ башмаки и кольца и приказалъ позвать Херисма.

— Ты пойдешь со мною, сказалъ хозяинъ вошедшему старику. Я хочу на Форумѣ купить что-нибудь Ликоринъ въ подарокъ. Прикажи четырѣмъ рабамъ слѣдовать за мною. Обѣ обѣдѣ не заботься я вспомнилъ мое обѣщаніе Лентулу.

— Пусть рабы ищутъ золото, продолжалъ онъ, вынуть два мѣшка изъ шкафа и наложивъ на него печать. Этого я думаю будетъ довольно; если нѣтъ, то посмотримъ, повѣрятъ ли въ долгъ опальному любимцу.

Херисмъ молча взялъ деньги и удался.

Галлъ не даромъ избралъ Forumъ мѣстомъ пробулки. Раздраженный Помпоніемъ, который много наговорилъ о насмѣшкахъ Августа и вельможъ, онъ рѣшился показаться равнодушнымъ къ интердикту (запрещенію), явиться великолѣпно одѣтымъ въ центрѣ общественной жизни и заниматься покупкою подарковъ для подруги. На улицѣ онъ увидѣлъ, какую силу имѣло слово Августа. Многіе знакомые проходили равнодушно или дѣлали видъ, будто не примѣчаютъ его. Патриціи, гордые заслугами предковъ, которыхъ изображенія украшали атріумъ, насмѣшливо смотрѣли на него, а ихъ рабы показывали на Галла пальцами. Изрѣдка приближался добрый гражданинъ, или искренній другъ и выражалъ участіе пожатіемъ руки.

Галлъ, казалось, мало обращалъ вниманія на низкіе знаки презрѣнія и малодушіе встрѣчавшихся и гордо шелъ черезъ Forumъ въ лавки. Тутъ собраны были товары изъ всѣхъ странъ и для всякой потребности. Оттого въ табернахъ всегда толпились посѣтители. Между ними многіе, не будучи въ состояніи купить, наслаждались разсматриваніемъ драгоценностей.

Галлъ вошелъ въ небольшую лавку, гдѣ стояли кедровые столы, тщательно закрытые войлоками; щегольскія ложа, богато украшенные серебромъ, золотомъ и черепахою; стулья изъ слоновой кости, канделябры, лампы, вазы, зеркала и тысячи другихъ вещей, необходимыхъ любителямъ пышности. Онъ ничего не нашелъ по своему вкусу и завернулъ въ другую лавку, наполненную коринфскими бронзовыми чашами, серебряными и золотыми кубками, сосудами изъ драгоценныхъ камней, искусною стеклян-

ною работой, александрийскими и вавилонскими коврами, женскими уборами изъ жемчугу, кольцами съ прекрасными камнями и другими драгоценностями.

Галль выбралъ пару жемчужныхъ серегъ, ожерелье изъ лучшаго янтара, два стеклянныхъ сосуда и красивый коверъ.

— Пришли раба въ кушальню, сказалъ онъ Херису. Я иду къ пріятелю.

Послушный слуга безмолвно принялъ покупки, передалъ двумъ рабамъ и удался. Другіе рабы пошли за господиномъ.

И. ОЛЬЖИЦЪ.

=

ВПЕЧАТЛЕНІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ ПОКОЙНИКА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Въ это время съ Кавказской Липіи было получено извѣстіе о покореніи Карачаевцевъ. Въ началѣ октября генералъ Эммануэль предпринялъ рѣшительный походъ противъ этого народа, и въ исходѣ мѣсяца принесена была Карачаевцами присяга на вѣрно-подданство [нашему Императору, отъ главныхъ фамилій взяты аманаты и въ слѣдующій день войска пошли въ обратный путь.

Между-тѣмъ я желалъ ознакомиться съ окрестностями Тифлиса и побывать на Гамборахъ, по нужному дѣлу.

Ноября 13, я выѣхалъ на своихъ лошадяхъ съ конвойнымъ казачкомъ черезъ Авлабаръ мимо Военнаго Госпитала до перваго казачьяго поста Маркоби. Отъ города мѣстоположеніе холмистое, земля глинистая, довольно запаханная и засѣянная озимую пшеницею, которая слегка зеленѣла. До поста, то есть, до рѣчки Маркоби надобно было переѣхать три оврага. На пути встрѣчались верховые Грузины, вооруженные ружьями и кнѣжалами. На полѣ лежалъ трупъ покойной лошади. Вокругъ трупа присутствовало множество большихъ бѣлоголовыхъ орловъ беркутовъ, которые лажно занимались своимъ пиршествомъ, не обращая вниманія на

профзающихъ, и никто не касался ихъ чести во уваженіи, столь полезнаго занятія.

Казацїй постъ состоялъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ домовъ, огороженныхъ плетневымъ заборомъ, гдѣ находилось около десяти донскихъ казаковъ для летучекъ и конвоя. Эта вденная дорога идетъ въ Кахетію на Сигнахъ. У деревни Маркоби, въ четырехъ верстахъ отъ поста вправо оканчивается отрасль хребта горъ, идущая отъ Кавказа между рѣками Арагви и Юрою. Горы неправильныя, сверхъ гранита покрыты слоемъ глины и заросшія лѣсомъ или кустарникомъ. Должны около рѣчекъ очень плодородны; на нихъ лежатъ деревни Нара и Маркоби, черезъ которыя отъ Мцхета идетъ прямая дорога на Сигнахъ.

Отъ поста до Юры пятнадцать верстъ, дорога версты двѣ ровна, а потомъ рѣчка, у подошвы горы. Отсюда вправо открывается обширная плодородная долина, версть на пять около Юры, при поворотѣ ея къ востоку. Тутъ на самомъ углу рѣки по-сю-сторону являются двѣ богатыя деревни виртембергскихъ колонистовъ, Петерсдорфъ и Мариенфельдъ, а за ними казацїй постъ Сартычалы. Въ первой деревнѣ двадцать-семь дворовъ, а во второй тридцать дворовъ, всего двѣсти-пятьдесятъ душъ. Дома у этихъ Нѣмцевъ построены по одному фасаду, деревянные, оштукатуренные, съ крышами; входъ съ навѣсомъ на столбахъ или портикомъ; при каждомъ домѣ обширный дворъ. Каждому семейству дано отъ правительства по тридцати десятинъ земли; построеніе cadaго дома стоило казны по сту-двадцати-пяти рублей серебромъ. Эти деньги колонисты обязаны вылатить впродолженіи десяти лѣтъ, безъ процентовъ, и потомъ внести поземельную подать по двадцати копѣекъ за десятину, а до того времени они свободны отъ всякой повинности.

По ту сторону Юры тянутся крутыя и высокія горы хребта Гамборы, покрытыя лѣсомъ. Весь лѣвый берегъ подъ хребтомъ крутъ, обрывистъ, со многими оврагами, черезъ которые прорѣзываются ручьи и рѣчки, закрытыя деревьями. Грунтъ — вездѣ желтая или свіяя глина. Растительность лѣсовъ великолѣпна; повсюду дубъ, грабъ, букъ, пихтъ, ясенъ, чинаръ, каштановыя, волошина, груша, боярышникъ, — все большія прекрасныя деревья.

Не доѣзжая до Юры, влѣво, открывается и удивляетъ своею новостью военное поселеніе штабъ-квартиры грузинскаго гренадерскаго полка, расположенное на полугорѣ и называемое Му-

крованью отъ рѣчки, впадающей въ Юру. Большіе, бѣлые, съ красными крышани дома, церковь и ряды солдатскихъ дощиковъ, изъ дали представляютъ видъ города и радуютъ сердце Русскаго, который находитъ въ отдаленной азіатской дичи за Кавказомъ что-то родное. Все это построили сами солдаты; они рубили и возили лѣсъ съ ближайшихъ горъ; камень ломали на мѣстѣ; сами дѣлали кирпичъ и известь; сами были плотниками, каменщиками, малламп. Русскій человекъ — мастеръ на всѣ руки.

Дорога мимо Мухровани по горѣ ведетъ прямо на деревню Хачма, расположенную по ту сторону Юры на пологости берега. Ниже Хачмы, на версту, видны развалины и башни древней крѣпостцы Карабула, надъ самою рѣчкою. Кажется, она защищала долину и дорогу на Сигвахъ. Противъ этой крѣпости, по-сторону рѣки, есть небольшая грузинская деревня Мугула, а противъ Мухровани, надъ рѣкою, другая деревня Уджарма. Все это пространство верстѣ на двѣнадцать очень заселено. Плодородіе страны даетъ возможность жить здѣсь безъ нужды.

Подѣзжая къ рѣкѣ, надобно спускаться версты полторы съ крутаго берега. Тутъ внизу стоитъ каменная большая водяная мельница, съ скрытымъ внутри механизмомъ и съ плоскою крышею, а противъ мельницы, для удобства проѣзжающихъ, живетъ *духанщикъ*, содержатель съѣстной лавочки, грузинскій рестораторъ. Этихъ «духанщиковъ» здѣсь обыкновенно всѣхъ безъ изытія называютъ *Давидами*, какъ въ Россіи всѣхъ извозчиковъ называютъ *Ваньками*.

Рѣка Юра, древній Камбизисъ, названная такъ Киромъ въ честь отцу своему, разливаясь по долинѣ на версту шириною, причѣмъ русло ея раздѣляется на два и на три рукава. Весною и лѣтомъ вода такъ сильна и порывиста, что Юра уподобляется бурливому протоку, несущему стремительно камни и деревья; тогда она заливаєтъ всю долину и прекращаетъ всякое сообщеніе между берегами. Вода ея лѣтомъ чрезвычайно холодна отъ ручьевъ, стекающихъ съ сѣверныхъ горъ. Когда Помпей, преслѣдуя Пороза, царя албанскаго, переходилъ черезъ Камбизисъ, солдаты, паленные жаждою среди знойнаго лѣта, напившись воды изъ этой рѣки, вскорѣ умрели колпкою. Да и нынче въ нѣмецкихъ колоніяхъ бываютъ смертные случаи лѣтомъ отъ юрекой воды.

Переѣхавъ въ бродъ рѣку, я остановился въ деревнѣ Хачмѣ, не зная, гдѣ пристать для корму лошадей и полуденнаго отдыха. Квартировавшая въ деревнѣ рота гренадеръ построила себѣ зем-

ляки и офицерскіе домики: въ одномъ изъ нихъ я могъ бы най-ти себѣ помѣщеніе, но мнѣ хотѣлось натереться мѣстнымъ ко-лоритомъ, видѣть грузинскій бытъ, и я обратился къ патцвалу или десятнику. Онъ привелъ меня къ земляному жильцу: вше-редѣ были сѣни подъ навѣсомъ; тутъ сидѣла старуха и вязала шерстяной чулокъ; при ней молодая женщина, укутанная въ не-стрые лохмотья, кормила грудью мальчюка, котораго скоро ука-чала въ люлькѣ; около нея вертѣлась также укутанная и под-поясанная дѣвочка, дочь ея. Палѣво еще женщина вынимала изъ мѣшечка спекшіеся хлѣбцы изъ кукурузной муки, бѣлые, но прѣ-сные и невкусные. Въ этой мѣшечкѣ, аршина въ полтора шириною, съ возвышенными краями, служащей вмѣсто печки, жарятъ также мясо; патекшее туда само производило несносный, удушливый чадъ, въ которомъ всѣ присутствующіе сидѣли какъ-будто безъ носовъ или безъ головъ. Это означало лѣтнюю кухню на откры-томъ воздухѣ. Направо черезъ дверь вошелъ я въ землянку, вы-рытую въ полугорѣ, и выкладенную по стѣнамъ камнемъ. У пе-редней стѣны были разостланы коверъ и подушки; на противополо-жной стѣнѣ по подкамъ вдоль разставлены всякаго сорта зеленые, красные, черные, большіе и маленькіе глиняные кувшины для вина, воды, масла и молока; по боковой стѣнѣ на скамь-яхъ лежали перья, подушки и одѣяла; особо стоялъ еще одинъ большой сундукъ и болѣе ни какой мебели. Гости садятся на коверъ, а домашніе на полъ. Посреди землянки очагъ, какъ у Чухонъ, на полу и надъ нимъ въ потолокъ четвероугольное от-верстіе: это почти то же, что зимній юртъ у Камчадаловъ. Когда холодно, землянку закрываютъ со всѣхъ сторонъ и садятся въ кружокъ около огня на очагѣ; оттого весь потолокъ и стѣны за-копчены. Оконъ нѣтъ и свѣтъ входитъ только чрезъ двери или черезъ отдушину въ потолокъ.

Я засталъ хозяина съ гостемъ. Хозяинъ рѣзалъ сырую бара-нину и куски ея пасаживалъ на прутикъ, а жена его жарила тотъ *шашлыкъ* въ мѣшечкѣ. Гость сидѣлъ на коврѣ съ трубою. Хо-зяинъ всталъ и приглашалъ сѣсть съ нимъ. «Это кумъ!» сказалъ онъ. Жена двусмысленно засмѣялась и спряталась между подпор-ками, чтобы я ея не видѣлъ.

Всторону отъ этой землянки, прямо противъ сѣней, былъ входъ въ пространную кладовую, гдѣ видѣлись разбросанныя яры, доски, мѣшки и, влѣво, каменное корыто подъ отверстіемъ въ стѣнѣ, откуда жолобомъ можно проводить воду изъ ручья, текущаго съ горы.

По близости была другая землянка, въ горѣ, огороженная спереди плетнемъ для буйволовъ, а на плоской крышѣ копна сѣна, и въ большой плетеной корзинѣ запасъ кукурузы. Вотъ все хозяйство простаго Грузина на пяти квадратныхъ саженахъ. Подлѣ него или надъ нимъ селится такимъ же образомъ другой, и такъ третій. Улицы кривыя. Вся деревня въ-дали похожа на взрытыя кротами кучки земли. Нечистота въ этихъ жилищахъ отвратительная.

Къ-счастію, передъ моею квартирою стояла арба: на дышлѣ я раскинулъ коверъ и составилъ себѣ такимъ образомъ родъ палатки; иначе не зналъ бы куда дѣваться отъ мѣстнаго колорита. Лошадямъ своимъ я не могъ ни у кого купить сѣна, а нашелъ только ячмень по два рубля серебромъ за коду, которыхъ три составляютъ нашу четверть.

Отъ Теліса до Хачмы тридцать верстъ. Отсюда до Гамборъ оставалось еще тринадцать. Дорога — самая дурная: сперва идетъ версты двѣ вверхъ по Юрѣ, потомъ направо поднимается по руслу каменистаго ручья, а на седьмой верствѣ переходитъ черезъ мостъ, который былъ сорванъ. До мосту дорога шла подъ черными лѣсистыми горами съ глубокими оврагами; далѣе поднималась все выше и круче, и горные ручьи навесили на нее много мелкихъ камней. На десятой верствѣ застѣгла меня ночь. Я не былъ вооруженъ и, находясь на мѣстѣ частыхъ разбоевъ отъ Лезгинъ, опасался дурной встрѣчи; однако вправо мелькнувшій близко огонекъ утѣшилъ меня. Это былъ пикетъ грузинской стражи. Отъ него въ конвой дали мнѣ двухъ пѣшихъ вооруженныхъ Грузинъ. Съ ними я спустился съ крутой горы черезъ «Разбойничью Балку», горный ручей, гдѣ часто Лезгины дѣлаютъ засаду и нападаютъ на проезжающихъ. Отсюда опять стали мы подниматься. Тутъ съ другаго пикета двое конныхъ Грузинъ сѣднили пѣшихъ и въ глубокой темнотѣ проводили меня до Гамборъ. Я былъ на вершинѣ хребта, откуда заселенная артиллеристами гамборская долина склонялась къ сѣверо-востоку, уже по ту сторону горъ.

Съ трудомъ я нашелъ себѣ пристанище. Меня принялъ на ночлегъ добрый артиллеристъ гренадерской бригады, капитанъ Б.—.

Поутру, на другой день, увидѣлъ я что значать «Гамборы». Дорога, по которой я пріѣхалъ, почитается большимъ трактомъ отъ Теліса въ Телавы, или изъ Кахетіи въ Карталивію. Обращаясь на востокъ, она проходитъ ущельемъ подъ одною высо-

кою скалою, прежде несли подвигстая на хребты, очень версты: на этой острой скалѣ оставшіяся башенки и развалины свидѣтельствуютъ, что тутъ иѣногда была неприступная крѣпость, или гнѣздо феодальнаго разбойника, который бралъ дань съ проезжающихъ, или грабилъ окрестности. Вершина этой скалы емо-ло древней крѣпости окружена лѣсомъ и только одинъ недостатокъ воды могъ бы заставить осажденныхъ сдаться; они же съ своихъ стѣнъ могли бь сверху бить на выборъ кого угодно. Кромя этихъ развалинъ, по ущелью открываются во многихъ мѣстахъ башни и пустые замки, или мототки, что означаетъ бывшій городъ и владычество Магометанъ.

До 1822 года, гамбургское ущелье, окруженное вофосскими лѣсистыми балками и горами, было непроходимо отъ разбойниковъ. Генералъ Ермоловъ поселилъ тутъ артиллеристовъ. Полковникъ Копыловъ былъ первымъ основателемъ этого поселенія и пушки его разорили всѣ, въ окрестности, гнѣзда Лезгивъ. Съ вѣтхоноръ они пробирались сюда лишь по нѣскольку человекъ, молкомъ, и убивали или уводили въ плѣнъ неосторожныхъ.

Полюбовавшись на Гамборы, въ которыхъ я не желалъ поселиться, въ ночь прежнимъ путемъ возвратился въ Тифлисъ безъ всякихъ замѣтательныхъ приключеній.

Ночью, съ Авлабара, городъ очень красивъ: безчисленныя огни изъ домовъ на обширномъ пространствѣ во всей отлогости горы играютъ за Курю и отражаются въ рѣкѣ. Спускаясь отъ авлабарскаго базара къ мосту, видишь надъ собою высокія стѣны и башни съ узкими окнами Метехскаго Замка, азійскаго ордовансгауза; потомъ является съ шумомъ и пѣною прорывающаяся изъ-подъ мосту рѣка; пореетупивъ мостъ дрожащій отъ сотрясеній водою, огни умножаются на базарной площади во всему берегу; во многихъ лавкахъ, особенно фруктовыхъ, по вечерамъ свдять со свѣчами на открытомъ воздухѣ, и черныи Грузивъ фантастически рисуется между освѣщенными грудями винограду, граватъ, яблокъ, каштановъ, грушъ.

Въ половинѣ ноября два дня шелъ дождь, отъ котораго глина разтворилась; улицы сдѣлались очень слязными; земля превратилась въ мягкую грязь; ручьи жидкоостей повсюду журчали.

Наконецъ свляли карантинное оцѣпленіе съ военнаго госпиталя и мы посѣтили штабъ-лекаря, который вмѣстѣ съ штабъ-докторомъ сидѣлъ подъ карауломъ, какъ затуманенный. Хорошо, что этимъ все и кончилось. Чумы не обнаружилось. Но отъ

дурной погоды всё подвезы из Тифлиса приставлено, и четверть пшеницы продавалась по тридцати рублей серебромъ, что также стоитъ чужимъ.

Подъ домами и зданіями Тифлиса земля большою частію церковная, и можетъ-быть нигдѣ земля такъ дорого не цѣнится какъ здѣсь. Въ базарѣ за квадратный аршинъ для устройства лавочки платятъ духовенству по одну-двадцати рублей серебромъ. Одинъ Армянинъ за позволеніе пристроить къ караванъ-сарая гѣстилицу заплатилъ духовенству пять-сотъ рублей, а все мѣсто подъ этимъ зданіемъ стоило ему до тридцати тысячъ рублей серебромъ. Окрестности Тифлиса также принадлежатъ большою частію духовенству. Чтобы накосить стога сѣна, надобно заплатить отцамъ два червонца, да столько же носарямъ за работу: оттого сѣно здѣсь всегда дорого и при мнѣ доходило до пятидесяти пяти копѣекъ серебромъ за нудъ.

Погода стала поправляться. Мы наняли для себя наконецъ квартиру, въ домѣ приличной наружности, полу-петербургской архитектуры съ плоскою крышею. Комнаты были хороши, если бы въ окнахъ были стекла, въ стѣнахъ каменные, и по угламъ какая-нибудь мебель. Заводиться ею здѣсь очень трудно и дорого, потому что мебельщиковъ въ городѣ нѣтъ, а фабрикують мебель столяры и плотники гарнизоннаго батальона. Это здѣшніе Туры и Гамбы. Каждое воскресенье они выносятъ на Эриванскую Площадь свои топорныя произведенія, за которыя требуютъ цѣну, какъ за лучшую тюльрійскую мебель. Такъ было въ 1828 году: не знаю какъ теперь. Тифлисъ нуждался также въ каретникахъ: ни за какую цѣну нельзя было купить въ немъ экипажа, исключая бричекъ полковой работы. Бывшій военный губернаторъ вызвалъ изъ Россіи садовниковъ, но не могъ вызвать столяровъ и каретниковъ. Дерево для экипажей и мебели очень хорошо и не дорого, только недостаетъ желѣза и мастеровъ. Кому нужны экипажи, тѣ выписывали ихъ изъ Макарьева в Москву, но мебель нужно заказывать полковымъ столярамъ. Еще не было въ Тифлисѣ стекольщиковъ: здѣсь вовсе не дѣлаютъ стекла, а привозятъ его изъ Россіи; оттого перѣдко въ большихъ домахъ окна, вмѣсто стеколъ, заклеены масляною бумагой. Еще не было ювелировъ и женскихъ галантерейныхъ вещей. Во все не было модистокъ; всѣ дамскіе шары, шляпки, перья, токи, кружева, цвѣточные гирлянды, обходились ужасно дорого выпискою изъ Москвы. Также не было ни одной книж-

ной лавки. Простѣщенію рѣшительно спало. Не задолго до того времени стала однако жъ издаваться «Тифлисская Газета», на трехъ языкахъ, русскомъ, грузинскомъ и персидскомъ, при корпусномъ штабѣ.

Подавая на почтѣ письмо въ Петербургъ, я нѣлъ случай видѣть, какія предосторожности наблюдаютъ противъ чумы при отправленіи въ Россію писемъ и посылокъ. Близъ почтовой конторы есть особенная карантинная комната, въ которой писмо берутъ отъ подателя щипцами, прокалываютъ насквозь въ нѣсколькихъ мѣстахъ шиломъ и окуриваютъ; ассигнаціи также окуриваютъ, а серебро и золото купаютъ въ уксусѣ. Подателей было много, кто съ деньгами, кто съ матеріями. Одинъ Грузинъ отправлялъ въ тюкъ изъ лосняной кожи въ Москву шаль, цѣною въ шестьдесятъ рублей серебромъ, которую окуривали съ большими церемоніями. Для пересылки въ Россію принимались всѣ туземныя или персидскія мануфактурныя произведенія, но англійскихъ не выпускали. Одинъ пришелъ съ червонцами; ему совѣтовали не посылать ихъ, чтобы не испортить уксусомъ, а вымѣнять на ассигнаціи. За сторублевую давали 8 червонцевъ и 2 рубля серебромъ, а изъ комиссаріатской комиссіи въ жалованіе отпускали червонецъ въ 5 рублей 50 копѣекъ мѣдью. Въ Тифлисѣ изъ нашего серебра дѣлаютъ абазы, вѣсомъ равняющіеся пятнадцати копѣйкамъ серебромъ, а цѣною ходящіе по осьмидесяти копѣекъ мѣдью. Изъ рубля серебромъ можно сдѣлать 8 абазовъ; въ цѣнѣ же на грузинскія деньги нашъ рубль ходилъ за 5 абазовъ съ гривенникомъ. Монетчики очевидно выигрывали.

Отъ почтовой конторы пошелъ я въ темные ряды базара, гдѣ по приказанію графа Эриванскаго уже не ѣздили съ арбами, но верховые и вьючные не переставали пробираться. Чернь таскалась. Съ трудомъ я могъ найти себѣ въ лавкахъ траурнаго газу по случаю кончины вѣрми оплакиваемой вдовствующей Императрицы, и за аршинъ заплатилъ 7 абазовъ, или 5 рублей 60 копѣекъ ассигнаціямъ; столько же и за полфунта чернаго сургуу.

Ноября 20, въ день возшествія на престолъ Государя Императора, на Эриванской Площади былъ большой парадъ безъ траура. Погода ясная и сухая много способствовала къ красотѣ войскъ въ парадѣ.

У параднаго развода я увидѣлъ передъ фронтомъ десять генераловъ, пятьдесятъ штабъ и осемьдесятъ оберъ-офицеровъ, сто-

ленихъ въ три шеренги. Графъ Эриванскій, въ голубой лентѣ, украшенный всѣми орденами, стоялъ впереди всѣхъ и смотрѣлъ на войска, церемоніально проходившія по линіи адъютантовъ. Музыка играла хорошо. Солдаты, чисто одѣтые, безъ ранцевъ и киверовъ, предводимые гвардейскими офицерами, красиво маршировали.

Послѣ развода всѣ генералы и штабъ-офицеры пошли во дворецъ къ графу. Въ обширной залѣ уже стояло множество военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ русскихъ и грузинскихъ: всѣ въ почтительномъ ожиданіи большаго выхода. Графъ, какъ былъ при разводѣ, въ полномъ видѣ своего высокаго званія и со шляпою въ рукѣ, проходилъ по рядамъ чиновниковъ отъ перваго до послѣдняго, принимая поздравленія, и со многими вступалъ въ разговоръ, особенно съ новыми лицами. Физиономія графа поразительна; она показываетъ умнаго, отважнаго, быстрого полководца. Со всѣми онъ говорилъ ласково, добродушно; движеніе бровей и улыбка его часто измѣнялись. Его поступъ, взглядъ, все обнаруживало сановника, принадлежащаго къ кругу мужей, которыхъ заслуги возвеличиваютъ славу Престола и Имперіи.

Обойдя въ залѣ особъ полтораэта, онъ поѣхалъ въ соборъ, и всѣ за нимъ. Служба въ Сіонѣ производилась церемоніально эзархомъ, молебны сопровождался сто-однимъ выстрѣломъ съ звонка Метехскаго.

Къ обѣду были приглашены графомъ всѣ генералы, полковники и первоклассные гражданскіе чиновники. Передъ дворцомъ поставлены три орудія, во время тостовъ за здоровье и долголѣтіе Царя, сдѣлали еще сто-одинъ выстрѣлъ. Вечеру городъ былъ иллюминированъ; по улицамъ передъ домами, и по горамъ въ жилыхъ мѣстахъ, ряды огней блестяли яркими звѣздочками среди ночнаго мраку. Особенно арсеналъ былъ хорошо иллюминированъ.

На другой день въ рядахъ базара частный приставъ громко прочиталъ по грузински объявленіе отъ губернатора о томъ, чтобы жители не опасались чумы; что для подвозовъ открыты всѣ пути, и какъ продажа муки еще доходитъ четверть до 9 рублей серебромъ, то учреждается казенный магазинъ, въ которомъ будетъ продаваться четверть пшеничной муки по 6 рублей 32 копейкѣ серебромъ, а въ зернѣ по 6 рублей 15 копейкѣ; только съ требованіемъ объ этомъ должно входить черезъ посредство полиціи.

Одинъ русскій купецъ привезъ сюда на пятьдесятъ тысячъ рублей русскихъ товаровъ в Армяню у него тотчасъ все раскупили оптомъ, съ уплатою денегъ впередомъ въ четырехъ мѣсяцахъ. Это показываетъ, какъ бы выгодно могли здѣсь торговать русскіе купцы, если бы не было на дорогѣ тѣхъ препятствій, которыя для извозчиковъ очень ощутительны. Русскій купецъ хотѣлъ нанять для складки своихъ товаровъ цѣлый караванъ-сарай, но владѣлецъ потребовалъ съ него за это сорока тысячъ рублей. Для отвращенія такихъ прижимокъ русскимъ купцамъ необходимо было бы составить въ Тифлиской компанію, которая имѣла бы свое складочное мѣсто и страховый капиталъ. Въ Тифлисѣ привозятъ азіатскіе купцы изъ всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ городовъ, и покупаютъ товары оптомъ. Слѣдовательно русскіе купцы могли бы найти большія выгоды, если бы дѣйствовали дружно и съ хорошимъ капиталомъ.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, погода опять стала дождлива и грязна, но на горахъ понизался наконецъ снѣгъ. Картина необыкновенная! надъ Тифлисомъ, зима и мракъ; подъ Тифлисомъ, по Курѣ, лѣто и снѣгъ, зелень и яркое солнечное освѣщеніе. Тьма послалась надъ свѣтомъ бездною.

Во время грязи въ рядахъ и по улицамъ несносно ходить: шить и мостовыхъ, и тротуаровъ. Однако, несмотря на дурную погоду, торговля и работы ремесленниковъ въ рядахъ не прерываются: въ дождливое и холодное время, подъ навѣсами, на открытомъ воздухѣ, они продолжаютъ шить, пороть, стучать и кричать; только чаще обращаются грѣть руки къ жаровнямъ, стоящимъ вблизи съ раскаленнымъ углемъ. Искусство грузинскихъ ремесленниковъ замѣчательно болѣе всего въ приточеніи конской сбруи, съ чернью по серебру или съ насѣчкою, и въ отдѣлкѣ парадныхъ сиделъ, бѣлаго оружія, сабельныхъ ножей и кинжалныхъ ручекъ. Есть одинъ привилегированный оружейный мастеръ изъ Грузинъ, который дѣлаетъ по заказу сабельные клинки превосходнаго булата и отличной закалки, неуступающаго дамасскому. Заказу клинка онъ производитъ посредствомъ воздуха. Для этого, при кузницѣ стоятъ нѣсколько готовыхъ всадниковъ. Разогрѣтое въ горнѣ лезвие онъ передаетъ въ руки всаднику, который летитъ во весь опоръ на жеребцѣ до опредѣленнаго мѣста поднимая клинокъ противъ встря. Сталь этимъ закаливается. Я такъ слышалъ, но самъ не видалъ.

Портные здѣшніе порядочно шьютъ свои азіатскіе платья, но

русскихъ шить не умѣютъ: привыкли своимъ кроить широко, они уродуютъ наши обтяжные сюртуки и панталоны. Мой Монахъ, нѣкогда ученикъ военного портнаго, покуда я жилъ въ Тифлисъ, выучалъ одного Армянина шить оцидерское платье, и тотъ прославилъ за Кавказомъ лучшимъ портнымъ для Русскихъ.

Ремесленники употребляютъ здѣсь особеннаго роду горны, смяденные изъ камня наподобіе воронки, или вывороченнаго конуса; сверху онъ открытъ, а вязу въ узкій конецъ сбоку приставленъ сопелъ изъ овчянаго мѣха. Въ эту воронку насыпаютъ уголь, который мѣхомъ снизу раздувается. Мастеръ сидитъ надъ горнемъ, поджмаетъ ноги, и не еходя съ мѣста благополучно все куотъ и плавитъ въ воронкѣ.

Двадцать седьмита ноября, ночью, при сильномъ вѣтрѣ выпалъ первый снѣгъ и въ Тифлисъ, покрывшій на полвершка улицы. Мои бѣдныя дамы дрожали отъ холоду въ квартирѣ безъ печей и безъ стеколъ въ рамахъ. Онъ еще не знали, чтѣ такое холодъ *зимняго юга*. Онъ хуже сѣверной стужи. Мы находились уже на точкѣ замерзанія, когда хозяинъ нашей холодной квартиры, господинъ С—въ, жившій на теплой половинѣ дома, къ счастью пригласилъ насъ къ себѣ погрѣться и отобѣдать за монашескимъ рыбнымъ столомъ, который онъ приправилъ своею веселою и занимательною бесѣдой. Мы ожили. Обѣдъ начался съ рыбы. Здѣшняя рыба *пичкуй*, наподобіе усатой, величиною съ корюшку, и почти такого же вкусу. Большая рыба дорога. Генералъ Сивагинъ для церемоніальнаго обѣда за двухъ осетровъ заплатилъ пятьдесятъ рублей серебромъ. Въ Курѣ ближе Елисаветполю нигдѣ рыбы не ловится. При Тифлисъ за рѣдкость однажды былъ пойманъ въ Курѣ осетръ для царя Иракліа. Въ другой разъ рыбаки нашего хозяина поймали осетра, который былъ представленъ, какъ чудо, генералу Ермолову. Но казанъ лѣтомъ продается отъ двухъ абазовъ до рубля серебромъ. Въ Елисаветполѣ ловятся отъ мѣшаной величины, въ полъ-аршина длиною, многи, и большіе рѣчные раки. Впрочемъ, обыкновенно, раки здѣшніе — земноводныя, то есть, круглые.

У нашего хозяина есть садъ по Курѣ, ниже тможи; онъ изъ своего винограда выдѣлываетъ превосходное вино по десяти и болѣе бочекъ ежегодно.

Хозяинъ нашъ живетъ въ Грузіи съ 1802 года. Онъ засталъ здѣсь князя Цицианова и служилъ бомбарскимъ приставомъ въ 1816 году, во время бунта жителей и войны съ Персіанцами.

Тогда девятнадцать тысячъ Персіанъ окружили ничтожный Караклисъ, въ которомъ онъ съ пятьюстами Армянъ выдержалъ шести-недѣльную осаду, и чуть не погибъ. Князь выслалъ къ нему на помощь маіора Монтрезора съ двумя ротами егерей, которыхъ Персіане истребили вмѣстѣ съ маіоромъ на бомбаской долинѣ. Послѣ того нашъ хозяинъ поймалъ шестерыхъ шпионовъ и черезъ нихъ открылъ переписку одного изъ Грузинъ, приближенныхъ князя, съ Персіанами и Турками. Послѣ того нашъ хозяинъ былъ опредѣленъ приставомъ въ Елсаветполь. Онъ оказался мнѣ человѣкомъ опытнымъ и созданнымъ для этого края. Способности его доказывались уже тѣмъ, что онъ, по собственному признанію, пріѣхалъ сюда изъ Россіи безъ ничего, а теперь у него домъ съ теплою половиною для себя и съ холодною, безъ стеколъ, для пріѣзжихъ жильцовъ, сады, рыбныя ловли, деньги.

Есть слѣдовательно и здѣсь возможность жить тепло зимою, но для этого надо, подобно господину С—ву, прожить въ золотрушной Кольхидѣ двадцать шесть лѣтъ — быть приставомъ — и прочая, и прочая.

Выслушавъ все это въ утѣшеніе за холодъ квартиры, мы благодарили радушнаго хозяина за обѣдъ и пріятную бесѣду и отправились дрожать и кутаться въ шубы на свою половину. Вкормъ я оставилъ Тифлисъ.

Тифлисъ имѣетъ три выѣзда: первый, сѣверный, вверхъ по Курѣ, черезъ овраги и мостъ на рѣчкѣ Вѣрѣ, гдѣ пивоваренный заводъ; второй, восточный, по лѣвую сторону Куры, черезъ Алабартъ въ Кахетію, и третій, южный, около таможи, черезъ карантинъ: этимъ я выѣхалъ.

Дорога отъ южнаго выѣзду идетъ внизъ по Курѣ мимо садовъ, расположенныхъ надъ рѣкою подъ крутизнами скалистаго берега. На противной сторонѣ за рѣкою представляются на равнинѣ огромныя зданія военнаго госпиталя. На этомъ мѣстѣ генералъ Ермоловъ предполагалъ строить крѣпость. Жаль только, что сообщеніе обонихъ береговъ производится черезъ одинъ мостъ среди города; хорошо бы сдѣлать еще мостъ выше дворца царевича Александра для сообщенія съ вѣнецкою колонією, и третій отъ таможи на Атагъ.

Проѣхавъ по берегу Куры десять верстъ между рѣкою и скалами до деревни Саганлугъ, вы поднимаетесь вправо по отлогой высотѣ до Телеты, четырнадцать верстъ. Деревня эта стоитъ

надъ источникомъ ручья; съ верету далѣе казачій постъ. На вы-
сокой горѣ вправо видны развалины замка Телеты.

Казачій постъ содержитъ только шесть лошадей, и тѣ въ раз-
гонѣ. Тутъ я засталъ два экипажа: одинъ коллежскаго совѣт-
ника съ супругой, а другой холостаго лекаря; оба ожидали ло-
шадей, но я на своихъ проѣхалъ далѣе, до деревни Коды, гдѣ
среди грушиныхъ землянокъ въ разныхъ мѣстахъ стоятъ нѣ-
сколько высокихъ каменныхъ башенъ, въ которыя жители, во-
время нашествія хищныхъ Лезгинновъ, скрываются съ своимъ
имуществомъ.

Постъ Коды, подобно всѣмъ такимъ постамъ, состоитъ изъ
четырёхсторонней плетневой ограды, внутри которой на лѣво
офицерскій домъ съ двумя половинами: изъ нихъ одна для про-
ѣзжающихъ. На право другой такой же домъ, или казарна, для
казаковъ; а прямо — конюшня. Всѣ дома — деревянные; иногда
офицерскій домъ снаружи бываетъ обѣленъ глиною и обѣленъ
известкою.

Гостиную комнату я засталъ полною проѣзжающими, которые
валялись въ соломѣ, кто на кровати, кто на полу. Для меня не
было мѣста. На другой половинѣ постовой казачій офицеръ за-
перся, и мои посланные не могли уговорять его дать мнѣ при-
станище въ своей комнатѣ, потому что онъ ожидалъ въ эту
ночь почты изъ Тифлиса. Въ казармѣ у казаковъ было душно.
Лошадей моихъ внутри поста не позволяли поставить; обѣ брич-
ки остались за плетнемъ, и я переночевалъ въ одной изъ нихъ на
свѣжемъ воздухѣ.

Въ Кодяхъ сходятся нѣсколько дорогъ къ Тифлису: изъ Ахал-
цыха черезъ крѣпость Цалку и Бѣлый Ключъ; изъ Эривани че-
резъ Гумры, Ажелаль-Оглу и Шулаверы; изъ Елцсаветполя че-
резъ Мугацлы. Въ почтовый день офицеру здѣсь — дѣла пропастъ.
Двадцать казаковъ въ безпрестанной ѣздѣ съ летучцами и пакет-
тами, не говоря о каввой. Отдѣльнаго конвой я не досталъ. Мнѣ
пришлось ѣхать далѣе съ вьючною почтою, которая, двигаясь
шагомъ, скоро отстала отъ меня.

Для проѣзжающихъ по почтѣ одинъ чиновный Армянинъ, по
контракту, содержитъ восемь почтовыхъ лошадей, за которыя еже-
мѣсячно получаетъ отъ казны по пятнадцати рублей серебромъ
на каждую и прогоны. Прежде содержалось здѣсь двѣнадцать ло-
шадей. Графъ С*** одержитъ такую же почту въ Тифлисѣ и по-
лучаетъ за каждую лошадь въ годъ по триста рублей серебромъ.

и прогоны. Отъ Тивлиса недавно учреждены на нѣкоторыхъ разстояніяхъ почтовые станціи по тремъ выѣздамъ, только еще очень несправно: часто бываютъ остановки отъ недостатку въ лошадяхъ, и тѣ, какія есть, возятъ шагомъ. Одинокому лучше ѣхать верхомъ со вьюкомъ, а семейному спокойнѣе на своихъ.

Здѣсь я познакомился съ полковникомъ М—вымъ, служащимъ по горной части. Онъ предупредилъ меня, что я встрѣчу дурную дорогу: до Шулаверъ грязь, а далѣе снѣгъ, который заставитъ меня бросить экипажи. Самъ онъ препровождалъ изъ города Хой полкурура персидской контрибуціи. Полковникъ сказывалъ, что въ хойской провинціи есть превосходный прозрачный мраморъ, употребляемый тамъ въ окнахъ вмѣсто стеколъ, также для пощенія половъ и обдѣлки бассейновъ. Хой—прекрасный городъ съ крѣпостью, и для Русскихъ было бы очень выгодно владѣть имъ. Тамъ остался теперь одинъ кабардинскій полкъ, который содержится на счетъ провинціи жалованьемъ и раціонами. За шахомъ въ долгу остается еще куруръ. Полковникъ, показывая мнѣ впереди на снѣжную гору Аллахвердъ, говорилъ, что за нею есть серебряная и мѣдная руды, которыхъ греческіе рудокопы обрабатываютъ только не съ значительною выгодною, потому что Персіане, владѣвшіе ими прежде, не умѣли вести шахты, и обрушившіеся своды завалили столько, что теперь очень трудно провести новыя мины.

Отъ Кодъ дорога ровная между пахатиюю глинистою зѣмлею; на десятой верстѣ спускъ въ обширную плодородную равнину, простирающуюся до самой Куры вѣтви между двумя рѣками Алгетомъ и Кцію. При спускѣ къ Алгету вправо за рѣкою являлась мысь, или высота берега, покрытая версты на двѣ развалинами бывшаго тутъ нѣкогда города; противъ развалинъ остался арка разрушеннаго моста и караванъ сарай. Я перѣхалъ рѣку Алгетъ по небольшому деревянному мосту, потому что теперь вода не значительна. Вправо гористый берегъ вдали оканчивается красивымъ бѣлымъ замкомъ; ѣхавшій со мною *чарарханъ* или проводникъ, называлъ его *Архлу*. Но это зданіе не древнее, башни и стѣны недавно побѣлены: это былъ *Кизил-леачъ*, за которымъ видны снѣжные холмы и высокая плоскость *Сомхетія*. Напротивъ него, у рѣки Кціи, стоятъ развалины замка *Арагли*. По видимому, эта долина около обѣихъ рѣкъ была когда-то очень заселена. Кромѣ развалинъ, вдали видно много деревьевъ съ садами, и вся долина между рѣками пахатная: она па-

приводитъ отъ онепачности высоту у Кизиль-Агача и простирается до Куры, верстъ на сорокъ. Кажется, это лучшая часть Борчалинской Области, отдѣляющейся отъ Кахетин рѣкою Алготомъ.

Черезъ Кцию, или Храмъ, я переправился нѣсколькими бродами; деревянный мостъ оставался разрушеннымъ; главный бродъ былъ сажень двадцати ширины и двухъ футъ глубины; теченіе воды не быстрое по нѣлкому булыжнику; весенній разливъ, на версту шириною, покрытъ кустарникомъ. Противный, или правый, берегъ Кции исподоволь возвышается; тамъ опять горы обнаженные или изрѣдка покрыты колючимъ кустарникомъ; земля желтоглинистая, вязкая, и дорога тяжелая.

Не добѣжая версты двѣ до деревни Шулаверы представляется картинный видъ: вправо на возвышеніи развалины замка Шулаверъ, въ которомъ осталась только одна каменная церковь съ слышимъ звономъ, а влево отъ нея стелется деревня по ущелью рѣчки, которая вверху ограждается черными горами; за ними видна снѣжная вершина Аллахверди. Въ Шулаверахъ я хотѣлъ покормить лошадей. Гордый натцевалъ сидѣлъ съ трубкою въ своей саклѣ, передъ каминномъ, важно какъ паша, и не прежде тронулся съ мѣста, какъ я самъ пришелъ къ нему. Сверхъ чаявія, по близости, показалъ онъ мнѣ весьма порядочную землянку, гдѣ стояли двѣ кровати, столъ, скамейка и было въ етѣмъ окно, по недостатку въ стеклѣ, залѣпленное бумагою. Однако онъ не хотѣлъ дать мнѣ ни прута дровъ. Въ этотъ же день проѣзжалъ черезъ Шулаверы турецкій посолъ съ пятнадцатю Турками, препровождаемый егерскимъ офицеромъ и четырьмя казаками въ Тифлисъ изъ Арзрума, для переговоровъ съ графомъ Эриванскимъ. Паша былъ одѣтъ великолѣпно и ѣхалъ на прекрасной лошади съ богатою и красивою сбруею; казаки вели его двухъ вычныхъ лошадей подъ узорчатыми коврами.

Отъ Шулаверъ дорога спускается черезъ рѣчку въ бродъ и по берегу ея поднимается около подошвы горъ средней высоты, покрытыхъ лѣсомъ. Потомъ верстъ осемь дорога извивается по ущелью все выше, приближаясь къ снѣжной вершинѣ горы Аллахверди. Наконецъ ущелье расширилось, по отлогостямъ являлись пахатныя поляны, засѣяныя озимою пшеницею, которая изъ-подъ снѣгу выказывала свою зелень; на горахъ заросшихъ лѣсомъ изрѣдка показывавшіяся развалины замковъ и сакулъ обнаруживали, что это мѣсто было нѣкогда заселено. Отъ поло-

вны пути, гдѣ начинается лѣсъ, но обѣихъ сторонамъ дороги, на ручнойгй выстрѣлъ, деревья были срублены и кражи ихъ во множествѣ ваялись по скатамъ горъ. Это сдѣлано въ 1826 году когда персидскіе партизаны заходили сюда и нападали на проезжающихъ. Чѣмъ выше, тѣмъ труднѣе было подниматься и спускаться черезъ ручьи, впадающіе въ Шулаверку. Не дойдя версты шесть до поста, вы вѣзimate уже на восточный свѣтъ, покрывающій горы и лѣса. Аллахверди вѣво показывала свою конусную шапку, а казачій постъ вдали чертился уединенною кучкою среди обѣихъ отлогой высоты. При послѣднемъ ручьѣ, вправо, оказалась въ ущельѣ деревня, полуразрушенная въ 1826 году Персіанами, которые только досюда и доходили. Это назъ Симпловъ. Жившіе здѣсь Греки были частью порублены, частью вѣнты въ пѣны; но по окончаніи войны пѣнные выречены за соляныи кони на Араксѣ. Эта дорога такъ же трудна, какъ чертъ кавказское ущелье. Поутру, покуда морозъ скрѣплялъ землю и свѣтъ, вѣять было легко, но въ полдень грязь прилипла къ колесамъ, которые глубоко вѣзывались въ дорогу.

Постъ Самовы стоитъ у самой вершины рѣчки Шулаверки, противъ горы Аллахверди, которая прямо кажется верстахъ въ двухъ. Шапка ея гладкая, свѣжая, а отъ половины высоты къ низу она покрыта лѣсомъ; изъ подошвы ея выходитъ еще рѣчка Большая на югозападъ и къ сѣверу. Въ восточной сторонѣ этой горы добываютъ серебряную и мѣдную руды.

Казачій постъ бѣденъ; на немъ только шесть казаковъ для вѣчной почты, и домишко — съ одною комнаткою для проезжающихъ. Хорошо, что я прежде успѣлъ занять ее, а иначе пришлось бы опять почевать на зимнемъ воздухѣ.

На самийскомъ посту я засталъ зиму, какъ среди Россіи. Отсюда путь мой начался по плоской возвышенности хребта, покрытой глубокимъ свѣгомъ, версты на двѣ, и вдругъ явился спускъ вправо извилистою дорожкой около оврага, а потомъ вверхъ по рѣчкѣ Бальничай. Туманъ покрывалъ горы до половины, изъ которыхъ прорѣзывалась глубокимъ ущельемъ рѣчка; скаты горъ покрыты лѣсомъ; ущелье представляло мрачную дичь въ черныхъ скалахъ, на которыхъ пѣплялись и перекидывались съ одной стороны на другую деревья отягощенные свѣгомъ.

На пятой верстѣ въ разширенномъ ущельѣ вѣво стоитъ вновь поселенная деревня, окруженная со всѣхъ сторонъ горами и лѣсомъ, а черезъ рѣчку каменный мостъ. Отсюда дорога исподо-

вода поднимается прямо около обрыва заросшаго лѣсомъ, въ которомъ журчитъ рѣчка. Лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги, покрытый снѣгомъ, представлялъ живописный зимній муть, напоминающій сѣверные лѣса Россіи. Вправо на горахъ мѣстами обнаруживаются остатки жилищъ, а въ обрывахъ слои бураго и чернаго шифера. Деревья, толщиной въ руку, всё съ кудрявыми вершинами, покрыты бѣлозеленоватымъ, грибообразнымъ лишаемъ, *чизрицею*. На седьмой верстѣ спускъ черезъ ручей и подъемъ; на десятой еще такой же спускъ и подъемъ. Дорога все поднимается выше по ущелью среди лѣса, въ туманѣ, надъ пропастью, въ которой журчатъ воды каскада подъ ледяною корою; мшистые, высокіе и тонкіе деревья, склоняющіеся подъ тяжестью снѣга, образуютъ арки, одна другую перестѣнающія, между которыми иногда перелетаетъ черный дроздъ, или долбитъ пни краснобрюхій, пестрый дятелъ, или щебечутъ и перекликаются свищка, чижикъ и щеглы. Природа здѣсь и среди зны не теряетъ своей живости. Между-тѣмъ туманъ сверху или облака давятъ воздухъ, все покрывается мракомъ, снѣгъ хруститъ подъ ногами, и человекъ будто переходитъ въ другой поднебесный міръ.

На одиннадцатой верстѣ первый высокій подъемъ; дорога довольно хорошо обработана; опасныя мѣста надъ обрывомъ подмощены камнемъ, черезъ ручьи подбланы мостики, и выдающіяся, заграждающія путь скалы подорваны. Эта дорога черезъ Акзабиюцкій Хребетъ не такъ дурна и опасна, какъ черезъ тагаурское ущелье на Кавказѣ; однако во многихъ мѣстахъ, на случай встрѣчи съ экипажами или съ обозомъ, развѣхаться негдѣ. На двѣнадцатой верстѣ ущелье очень суживается и дорога идетъ надъ рѣчкою; на тринадцатой второй крутой подъемъ. Далѣе у мостика стоитъ разрушенная каменная сакля,—пристанище для странниковъ. Отсюда третій крутой подъемъ и на пятнадцатой верстѣ черезъ ручей у мостика стоитъ вторая разрушенная сакля. При ней мы нашли пепель, курящіеся сучья и клочки сѣна, слѣдъ недавняго отдыха какого-то измученнаго путешественника. Отсюда четвертый крутой подъемъ на двѣ версты по обнаженной горѣ. Рѣчка влѣво съ журчаніемъ быстро катилась въ крутомъ обрывѣ, а по ту сторону ея рѣдѣвшій туманъ открывалъ округленныя макушки лѣспестыхъ опудренныхъ снѣгомъ горъ. Вдругъ показались стремнины по обѣимъ сторонамъ дороги и я думалъ, что взомель на вершину хребта; но она была далеко впереди; еще надлежало перейти пятый крутой подъемъ.

версты въ двѣ, и на двадцатой верствѣ шестой, очень крутой, хотя дорога раздѣлена по-ширѣ. Надо имѣть добрыхъ лошадей въ экипажѣ, чтобы вынести эти подъемы даже въ хорошее время года. Я часто принужденъ былъ останавливаться, перепрагать и подпирать по семи лошадей въ легкую бричку. Чѣмъ ближе къ вершинѣ хребта, тѣмъ круче. Частыя полянки на скалѣ обмывавали меня: думашь, взомелъ на вершину; а тамъ чрезъ пролежавшійся туманъ опять виднѣется крутизна, на которую надо подниматься. На двадцать второй верствѣ дорога стала раздѣляться: вьючная пошла вправо чрезъ ужасно высокую, обрывистую гору, на которой деревья были порублены и валялись у нее, а моя арбяная дорога пошла прямо по глубокому свѣгу. Наконецъ, у самой вершины поднебесья вдругъ открылась вправо ужасно глубокая лѣснстая бездна, въ которой стекались ручьи, образующіе рѣчку уже по-ту-сторону хребта.

Казалось, вершина достигнута, но вышло наоборотъ: надъ самую бездною надлежало въ седьмой разъ подниматься еще версты двѣ очень круто. Изъ самійскаго поста я выѣхалъ съ разсвѣтомъ дня, и уже было по полудни пять часовъ, а до вершины Акзабіюка еще не добился; только на двадцать-седьмой верствѣ послѣдній осьюмой и самый крутой подъемъ, сажень на сто, довелъ меня до *Волчьихъ Воротъ*. Такъ называется небольшой проходъ, выѣченный въ скалѣ въ сажень десять длиною. Здѣсь предѣлъ восхожденія, но узелъ хребта, скрытый въ туманѣ, еще высоко надъ этою плоскостью. Самый трудный путь на Акзабіюкъ продолжается верствѣ осемь отъ второй сакли снизу до Волчьихъ Воротъ. Эта дорога гораздо труднѣе для подъему, нежели на Крестовую и Гудъ-Гору; она могла бы столько же быть опасною, касаясь глубокихъ пропастей, если бы не было на ней лѣсу. Случаются обрывы обозныхъ арбъ, однако онѣ на крутизнахъ задерживаются деревьями.

Отъ Волчьихъ Воротъ тѣмъ же путемъ надобно подняться еще сажень на двѣсти вправо, куда выходитъ старая кратчайшая, но весьма крутая дорога, обращенная нынѣ въ вьючную. Къ этимъ воротамъ по гребню хребта сходятся нѣсколько вьючныхъ тропинокъ съ турецкой границы отъ Гумръ и Ахалкалакъ; оттого здѣсь нерѣдко бывалъ разбой, и Волчьи Ворота представляютъ довольно важный дефилей, которымъ можно запереть сообщеніе живущихъ по обѣимъ сторонамъ хребта. До Волчьихъ Воротъ я могъ доѣхать къ ночи только на одной легкой бричкѣ и то съ се-

нью лошади. Другая бричка съ теюдаманн осталась версты за двѣ почевать подъ горою.

Отсюда до акзабиюцкаго поста оставалось еще версты три. Меня догналъ со вьюками проѣзжій лекаръ, и пока отпрягали у передней брички лишннихъ лошадей, которыхъ надобно было послать за оставленною повозкою, онъ уѣхалъ далѣе. Я хотѣлъ поспѣть за нимъ, но дорога раздѣлилась на двое. По темнотѣ ночи неизвѣстно было, которой держаться. Съ самѣйскаго поста я не получилъ казака. Самъ я долженъ былъ избирать путь. Я пошелъ вправо по слѣдамъ вьюковъ, но вскорѣ замѣтилъ, что этотъ путь узкою тропинкою пробирался между скаламъ въ крутизну и по немъ невозможно проѣхать съ экипажемъ. Я вернулся. Въво видѣнъ былъ колесный слѣдъ, и хотя онъ заматался снѣгомъ, однако я рѣшился ѣхать по немъ. Дорога болѣе и болѣе заглушалась снѣгомъ, который доходилъ лошадямъ по колѣно и висѣлъ по косогору надъ обрывомъ такъ, что безъ проводника ночью приходилось остановиться. Въ это время заводная лошадь сзади брички оборвалась въ кручу и покатила въ бездну: къ-счастію, глубокій снѣгъ и камни удержали ее. Великаго труда стоило моимъ людямъ вытащить ее. Среди ночи, въ глубокомъ снѣгу, надъ пропастью, положеніе наше было самое незавидное. Людей моихъ оно приводило въ ужасъ. Но погода была тиха и не очень морозна. Оставивъ людей при лошадяхъ, я одинъ пошелъ впередъ отыскивать дорогу, теряя во мракѣ всякій слѣдъ, утопалъ выше колѣна въ снѣгу, спотыкался и опрокидывался черезъ камни; неразъ сердился, неразъ хохоталъ самъ надъ собою. Наконецъ, видя невозможность пробраться куда бы то ни было по этому пути, я воротился, сѣлъ на лошадь и съ однимъ изъ моихъ слугъ поѣхалъ по слѣду прежней вьючной тропинки. Туманъ и ночь скрывали всѣ предметы. Мы потеряли слѣдъ. Ошущю между скаламъ мы то спускались по снѣгу, то поднимались надъ обрывамъ. Одинъ пистипетъ руководилъ меня въ этомъ страшномъ пути. Проѣхавъ наугадъ болѣе версты, замѣтилъ я вправо по снѣжному оврагу едущаго человѣка. Будь онъ даже разбойникъ, такъ и тутъ слѣдовало къ нему обратиться. Насъ было двое противъ одного. Мы смѣло къ нему спустились. Но это былъ казакъ, посланный къ намъ на встрѣчу добрымъ лекаремъ съ поста.

Отославъ съ нимъ слугу и лошадь къ оставленной бричкѣ, я пошелъ впередъ по оврагу одинъ. Казакъ замѣтилъ, что при мнѣ

нѣтъ оружія и давалъ мнѣ свою пилу, отвѣря: «Возьмите, сударь, на случай дикаго звѣря или чего-нибудь...» Но я ожидалъ, что у меня есть свой звѣрь, Жучка. Это была черная собака, выхавшая со мною изъ Ставрополя, которая теперь бѣжала впередъ; открывая слѣдъ тропинки, она служила проводникомъ версты полторы и, наконецъ, привела къ уединенному казачьему посту среди сѣвжной долины.

Такъ совершилъ я свой суточный переходъ. Отъ самійскаго до аказабюцкаго поста считается пятнадцать верстъ, но это, видно, по старому, кратчайшему, вьючному пути; настоящій же новый, нѣсколько удобнѣе перваго, по моему счету будетъ около тридцати верстъ. Для обозовъ онъ весьма тягостенъ. Они переходятъ это пространство въ три и въ шесть дней съ чрезвычайною ломкою и извурченіемъ скотины.

Аказабюцкій постъ, огороженный плетневымъ заборомъ, состоялъ изъ двухъ избъ: въ одной казаки, а въ другой раздѣленной на двѣ половинны канцелярія съ казачьимъ писаремъ и пристанище для проезжающихъ. Я нашелъ лекаря въ холодной избѣ, съ огромными щелями въ стѣнѣ и маленькими окнами, залѣпленными бумагою. Большая русская печь въ углу стояла тутъ только для проформы и обольщенія, обѣщая тепло, которымъ рѣдко сама пользовалась. Казаки сами для себя съ трудомъ успѣваютъ добыть сухой сучекъ. Даже нѣтъ духавщика, нѣтъ благодѣтельнаго Давида, который былъ бы существомъ отраднѣе аббата Смпловскаго Монастыря. У казаковъ насилу выпросилъ я продать мнѣ для лошадей сѣна по два рубля за пудъ и ячменя по четыре рубля за четверникъ. Но Провидѣніе послало лекаря съ чаемъ. О! какъ сладокъ чай подъ перемычкую небеснаго свода, гдѣ въ трехъ шагахъ отъ солнца трещитъ вѣчный морозъ! Прихлебывая изъ горячаго стакана, я готовъ былъ поцѣловать въ усы узкоглазаго Китайца, который выдумалъ скатывать листки своей китайской березы и мѣнять ихъ на рубли во услажденіе русской души.

Лекарь былъ молодой, образованный человѣкъ. Онъ уже много совершилъ путешествій по здѣшнему краю. Онъ утѣшилъ меня, рассуждая, что чума, по законамъ теоріи, съ концомъ зимы должна непременно обнаружиться во многихъ мѣстахъ, особенно въ Гумрахъ: тамъ хотя и много сожжено платья и доскутовъ, однако много еще сбережено и поврѣтано; сама казна во-лосса бы значительный убытокъ, если бы все то жечь, до чего

чумною привезенъ. Вспреди, около Амангъ-Оглу двѣ чумныя деревни совершенно истреблены и выжжены. Жившіе тамъ борчалинскіе Татары собирали послѣ ераженій въ Карсѣ и Аларскихъ трапки и, по теоріи, съ ними-то занесли они къ себѣ чуму, отъ которой почти всѣ вымерли. Первоначальные признаки чумнаго: головная боль и опьяненіе; потомъ слабость, потъ на одной головѣ; потомъ сильное раздраженіе или воспаленіе въ крови, и такъ далѣе. Такіе же признаки и въ гнилой горячкѣ; только опытный глазъ можетъ различить въ началѣ эти двѣ болѣзни: въ гнилой горячкѣ умираютъ тоже съ карбункулами. Чумѣ скорѣе всѣхъ подвергаются люди уже расположенные къ болѣзнямъ, съ дурною кровью, съ засореннымъ желудкомъ. Есть темпераменты неприкосновенные для чумы. Въ Гумрахъ одинъ штабъ-лекарь имѣетъ такое счастливое тѣлосложеніе: обращаясь съ чумными безъ всякихъ предосторожностей, онъ самъ никогда не заражается. Въ Тифлисѣ докторъ Прибыль нѣсколько разъ заражался и всегда изцѣлялся. Чума излечима, но рѣдко: изъ четверыхъ зачумленныхъ выздоравливаетъ только одинъ. Можно быть съ чумными въ одной комнатѣ и не заразиться: стоять только, какъ кажется, не болѣть чумы или, всё-равно, не зная что это чума. При князѣ Циціановѣ, за обѣдомъ, стоявшій позади его студа камердинеръ упалъ зачумленный и скорѣе померъ, а прочіе всѣ остались здоровыми. У барона Сакена, подъ Карсомъ, деньщикъ умеръ отъ чумы, а самъ генералъ уцѣлѣлъ. Легчайшее средство, по теоріи, предохранить себя отъ чумы — не прикасаться къ азіатскимъ вещамъ. Чума болѣе всего скрывается въ шерстяныхъ и бумажныхъ тканяхъ. Въ обращеніи съ сомнительными людьми надлежитъ почаще обмывать руки уксу-сомъ и носить легтярвую рубашку:

Эта диссертация о чумѣ была для меня весьма поучительна. Если теорія справедлива, то въ Азіи теперь не должно бы быть ни одной живой души: по законамъ заразительной теоріи всѣмъ этимъ бусурманамъ давно бы слѣдовало вымереть до послѣдняго, заражаясь другъ отъ друга безъ всякихъ предосторожностей. Одно ихъ спасеніе — то, что они не вѣрятъ заразительности чумы!

Между-тѣмъ, часа черезъ три, пріѣхала моя бричка. Ночлегъ нашъ былъ очень холоденъ, хотя мы накрылись цѣлымъ вьюкомъ одеждъ.

Полутру одна изъ лошадей, надорвавшись отъ вчерашнихъ подъ-

снотъ, пала. За беззачинною брѣткою я послалъ шесть лошадей, но она только въ полдень прѣехала: вѣтеръ, взошедъ снѣгъ на вершинѣ хребта, заглушалъ дорогу.

Отъ Джегалъ-Оглу прѣехалъ офицеръ верхомъ со вьюкомъ. Теперь лучшая ѣзда здѣсь на чаварханскихъ лошадяхъ. На каждомъ посту или станціи, по горной дорогѣ, положено Грузинамъ содержать по шести лошадей; за каждую лошадь въ мѣсяцъ они получаютъ отъ казны по двѣнадцати рублей серебромъ и прогоны съ проѣзжающихъ; но, кажется, грузинскіе чаварханы передаютъ это право казакамъ, потому что большую часть проѣзжающихъ со вьюками возятъ они, а не чаварханы.

Горной службы офицеръ разсказывалъ намъ, что онъ цѣлый годъ ѣздилъ по Армянской Области отыскивать въ горахъ серебра и золота; нашелъ серебряныя, мѣдныя и свинцовыя руды, только такія ничтожныя, что обработка ихъ будетъ стоить болѣе ожидаемой выгоды. Въ осьмнадцати верстахъ отъ Эривани, къ сѣверо-востоку, при одной деревнѣ есть источникъ соленокисло желѣзистой воды, и мой лекаръ, уѣзжая прежде меня, обираясь химически разложить эту смѣсь минеральностей.

Я выѣхалъ уже въ началѣ третьяго часа пополудни по снѣжной ровной дорогѣ, исподоволь спускаясь по правому берегу рѣчки Савутли; небольшія округленныя горы, составляющія здѣсь оконечность акзабіюцкаго хребта по обѣимъ сторонамъ рѣчки, образовали ущелье, которое чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе расширилось и открывало пологую равнину версты на осьмнадцать до рѣчки Джалги, или Каменной, у которой стоитъ новая крѣпость Джегалъ-Оглу.

Совершенная зима покрывала глубокимъ снѣгомъ всѣ горы и долины. Солнце ярко освѣщало ихъ: съ одной стороны ослѣпительная бѣлизна, а съ другой голубая тѣнь представляли картину зимы самыхъ свѣжихъ красокъ живописной природы. Отъ носта я ѣхалъ по ущелью, спускаясь версты три, и, переступивъ черезъ рѣчку въ бродъ, продолжалъ путь по лѣвому ея берегу. Отсюда впередъ открывается лорійская долина и за нею вдаль серебрястый хребетъ Безобдалъ — *Бель-его далъ*, въ солдатско-русскомъ переводѣ. Отблескъ лучей солнца игралъ разными переливами свѣта и тѣни по узорчатому расположенію горъ, выказывающихъ мѣстами складки ущелій, или синеватыя кудри лѣсовъ, спускавшихся къ подошвѣ въ разныхъ направленіяхъ. Узелъ хребта скрывалъ свою вершину въ облакахъ, которые, клубясь

во всему гробю, унедобали его огромному жертвеннику въ храмъ вселенной. Безмолвная, пустынная долина серебряною свѣтлостью разостлалась у предверія этого храма, гдѣ человекъ является ничтожною точкою. Самая безжизненность природы представляетъ столько новаго и чуднаго, что я, не сводя глазъ съ Необдала, не слышалъ подъ собою коня, которому далъ волю. Мнѣ казалось, этимъ зрѣлищемъ я былъ вполне вознагражденъ за перепесенные труды на Акзабіюкѣ. Я не подозрѣвалъ, чтобы этотъ жертвенникъ вселенной, черезъ который также и мнѣ, ничтожной точкѣ, пришлось переползти, готовилъ намъ путь еще тягостнѣе предыдущаго.

Я бы не пробудился отъ своего созерцанія, если бы не протерялся навстрѣчу близко около меня вьюки и оѣндеръ съ вышитымъ воротникомъ; тутъ же, влѣво, представилось мнѣ кладбище и слѣды бывшаго населенія, груды камней, покрытыхъ снѣгомъ. На девятой верстѣ я переѣхалъ ручей изъ ущелья слѣва; отсюда одна дорога пошла прямо, а другая вправо черезъ мостикъ и бродъ на рѣчкѣ Савутли къ деревнѣ Діарбекъ, вновь поселенной Армянами, куда и я поѣхалъ. За деревню — пространная и пологая долина, за которою безобдальскій хребетъ приближаясь представлялъ всегдашнюю преграду для продолженія пути; протяженіе его влѣво ограничивало горизонтъ лорійской долины, верстѣ на тридцатѣ. Подошва покрыта густымъ лѣсомъ, а вершина обнажена. Рѣчка отходила влѣво около ближнихъ горъ, въ концѣ которыхъ лежала большая деревня Лукъ.

На осьмнадцатой верстѣ открывается пріятное и выгодное положеніе новой крѣпости Джелаль Оглу, по ту сторону рѣчки Джалги, на равнинѣ, у подошвы хребта. Крѣпость окружена луговыми долинами, пользуется близостью лѣсовъ и хорошею водою; способна и для распространенія военнаго поселенія и для устройства города. Влѣво видны развалины древней крѣпости и города Лори, гдѣ жилъ послѣдній армянскій царь.

Дорога по долинѣ привела меня къ Джалгѣ, противъ крѣпости, и я вдругъ увидалъ у ногъ своихъ глубокую, скалистую пропасть, въ которой съ быстротою каскада, прорываясь черезъ всѣ ледяныя преграды, разливалась по камнямъ и журчала рѣчка. Въ эту пропасть, по стѣнѣ скалъ, подлежало спускаться извилистымъ путемъ саженъ триста до мосту. Съ перваго взгляду на гладкой равнинѣ такая неожиданно глубокая пропасть поражаетъ: скалистыя стѣны ея почти отвѣсны и выдолблены въ глубинѣ земли быстротою водъ въ продолженіи вѣковъ.

Отъ деревяннаго мосту снизу, противъ оледѣннаго водова-
да, надлежало тащить же неизвестныя путенъ подниматься по
стѣнѣ снагъ претивооложнаго берега. Этотъ спускъ и подъемъ
для тяжелыхъ обозовъ очень затруднителенъ: торчашіе на доро-
гѣ камни, представляя преграду, могутъ толчками опрокидывать
повозки въ обрывъ. Оттого провіантскій магазинъ, принадлежа-
щій крѣпости, расположенъ внизу при спускѣ на лѣвомъ берегу.

Взобравшись на верхъ съ бричками, при большихъ усиліяхъ,
мы вѣхали въ крѣпость, которая не что иное какъ простой по-
левой редутъ съ бастіонами, окруженный съ одной стороны сол-
датскимъ предмѣстіемъ, а съ другой армянскими землянками и
деревяннмъ базаромъ. Комендантъ надъ нимъ — майоръ. Ре-
дутъ основанъ въ іюнѣ 1826 года, по назначенію генерала Ермо-
лова, для обезпеченія борчалинской дистанціи отъ вторженія Пер-
сіянъ. Здѣсь штабъ-квартира тифлискаго пѣхотнаго полка и
военное поселеніе женатыхъ солдатъ и артиллеристовъ. Несмо-
тря на это, русскихъ торгашей вовсе нѣтъ. Сюда не заѣзжаютъ
даже и извозчики, а только заходятъ суздальскіе коробочники.
Эти русскіе Венгерцы, пѣшеходные промышленники, проныкаютъ
вездѣ за войсками; они были не только въ Гумрахъ, Эривани, но
даже въ Карсѣ и Ахалцыхѣ, гдѣ вмѣстѣ съ побѣдителями по-
спѣвали къ раздѣлу добычи. Офицеры покупаютъ у нихъ мишур-
ные темляки по два абазы, за которые Армячки требуютъ по
шести. Русскіе товары здѣсь диковинка, и если бы какой-либо
бѣлевскій промышленникъ поселился въ Джелаль-Оглу, какъ тотъ,
что въ Владикавказѣ обмѣриваетъ Осетинцевъ, то онъ не остал-
ся бы въ накладѣ: свои у своего охотибе покупаютъ. Передъ
начатіемъ персидской кампаніи здѣсь собирався войска дѣйстви-
ющаго корпуса, когда генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ подсту-
палъ къ Эривани: всѣ женатые штабъ-офицеры, отправлявшіеся
въ походъ, оставляли тутъ женъ своихъ, изъ которыхъ нныя
еще въ 1828 году ожидали возвращенія мужей.

Климатъ совершенно русскій: тѣ же мнлые снѣга и любезные
трескучіе морозы. Земля черная, хлѣбородная, производитъ всѣ
растенія сѣверныхъ странъ Европы; въ лѣсахъ береза, малина
и смородина; на поляхъ превосходныя луговныя травы. Можеть-
быть, со временемъ здѣсь устроится русскій городъ, особенно,
если поселать по всей лорійской долинѣ русскихъ казенныхъ
крестьянъ.

Мой добрый знакомецъ пугалъ меня, что при переѣздѣ черезъ

Безсбдаль я встрѣчу тѣмъ одну трудность и, преодолевъ ихъ, подвергнувъ еще болѣе опасности на свѣжомъ пути черезъ Баранъ-Поле, нагорную степь на осемьдесятъ верстъ по ту сторону хребта Памбы, по рѣкѣ Абарани до Эчмеадзина: тамъ глубочайшіе свѣга и вѣчныя вьюги такъ сильны, что команда, провожавшая изъ Персіи послѣдній куруръ контрибуціи, который теперь высылкается карантинъ въ Гегеръ, потеряла шестерыхъ солдатъ обмороженными и двухъ вполне замерзшими. Онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать черезъ Гумы; только тамъ недавно была чума: я оставался въ вѣршинности.

У этого стараго товарища моего засталъ я греческаго священника, отца Стефаноса, изъ деревни Аллахверди, расположенной по ту сторону горы, гдѣ есть мѣдный заводъ, то есть, рудникъ. Почтенный старожилъ разсказалъ мнѣ любопытную исторію завода. Гора Аллахверди, изъ которой добываютъ руду, первоначально называлась *Аллеваръ*, что по-персидски значитъ «Рубиновая.» Деревня, окруженная лѣсомъ, лежитъ по отлогости. Мѣдный заводъ основанъ тамъ грузинскимъ царемъ Иракліемъ, который, въ 1763 году, тайно вызвалъ Грековъ изъ гюльиш-хавскаго серебрянаго завода, между Байбуртомъ и Тренизонтомъ. Ихъ перебѣжало къ нему тысячъ до двухъ обоюго пола, подъ начальствомъ Θεодора Хаджиѳотова. Они учредили сперва ахталскій и тамбулутскій серебряные заводы, а потомъ, въ 1770 году, мѣдные, аллахвердскій и шамлугскій. Сначала добывалось серебра въ годъ по сороку, шестидесяти и осемьдесятъ пудъ, а мѣди отъ пяти до пятнадцати тысячъ пудъ. Это серебро и мѣдь представлялись въ пользу Грековъ-рудокоповъ съ тѣмъ, чтобы десятую часть всего вносили они владѣльцу земли, князю Аргутинскому Долгорукову, а остальное количество продавали царю не дороже определенной цѣны: по три рубля серебромъ за батманъ мѣди. Когда Омаръ, ханъ Аварскій, вторгнулся въ Грузію, въ 1785 году, аллахвердскіе Греки, страшась его свѣршности, бросили всѣ инструменты, имущество и скрылись въ ахталскомъ заводѣ, который, по мѣстоположенію, почитали крѣпчайшимъ и безопасѣйшимъ. Но Омаръ-ханъ взялъ приступомъ ахталскій заводъ, разорилъ деревни и великолѣпный греческій монастырь, а жителей увелъ въ плѣнъ и распродалъ въ ахалцыхскомъ пашалыкѣ. По удаленіи этого разбойника, царь Ираклій желалъ возстановить заводы: нѣкоторыхъ Грековъ онъ выкупилъ изъ плѣна, другіе сами убѣжали и дѣйствіе возобновилось. Съ насту-

платиѣмъ гѣта Греки, но опасенію новыхъ несчастій отъ Омартъ-хана, который оставался еще въ Ахалцыхъ, ушли въ Тифлисъ и жили до-тѣхъ-поръ, откуда Омартъ-ханъ не возвратился въ свою Аварію. Недостатокъ въ рудокобахъ, болѣею частію востребованныхъ Аварами, былъ причиною, что успѣхъ заводской работы значительно уменьшился: серебра получалось ежегодно отъ десяти до пятнадцати вудъ, а мѣди отъ пяти до шести тысячъ вудъ. Въ такомъ положеніи были заводы до 1795 года, когда постигло Грузію извѣстное бѣдствіе нашествія персидскаго шаха-евнуха, Аги-Мухаммедъ Хана. Сынъ главнаго мастера, Анастасій Хаджи-фотовъ, достался при раздѣлѣ плѣнныхъ Джевать-Хану, владѣльцу Ганжи, отъ котораго онъ бѣжалъ въ Тифлисъ. По смерти отца своего Анастасій вступилъ въ управленіе заводами; но ихъ значительность уже упала до того, что царь Георгій всѣ заводы отдавалъ на откупъ за двѣнадцать тысячъ рублей серебромъ въ годъ. По смерти царя Георгія заводы поступили въ вѣдѣніе управлявшаго Грузіею дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ковалинскаго, и до 1803 года оставались тоже на откупъ. Въ это время пріѣхалъ въ Грузію графъ Муссина-Пушкинъ. Онъ вызвалъ къ Россіи мастеровъ и плавка руды пошла успѣшнѣе: для этого черную мѣдъ покупали у Грековъ. Многіе изъ нихъ, не находя выгоднымъ производствъ рудокобныхъ работъ, рѣшились оставить заводы и, переселившись въ борчалнскую дистанцію, сдѣлались хлѣбопашцами. Дѣйствіе серебряныхъ заводовъ прекратилось въ 1816 году. Послѣ обнародованія, въ томъ же году, правилъ для горнаго производства въ Грузіи, алахвердскій заводъ снова поступилъ въ распоряженіе Грековъ, которымъ предоставлено право добывать и плавить мѣдную и серебряную руду со взносомъ въ казну десятой части добытаго металла и двухъ процентовъ со всего количества выплавленной мѣди за рабочихъ, которыхъ по положенію слѣдовало давать Грекамъ изъ Армянъ, борчалнской и казахской дистанцій, по сугубятидесяти пяти человекъ. Война съ Персіею и Турціею пріостановила работу, однако нынѣ алахвердскій и шамлугскій заводы опять стали дѣйствовать.

Алахвердскую деревню Татары называютъ *Мис-хана*, что значитъ — *мѣдный заводъ*. Она состоитъ изъ пятидесяти хижинъ, населенныхъ Греками. Тутъ живутъ епископъ Іоакимъ, два священника и два комиссара Грузинской Горской и Казенной Экспедицій. Въ деревнѣ есть церковь и училище.

Самъ отецъ Стефаносъ выходецъ изъ Адрианополя. Онъ, отецъ

любезный и веселый рассказчикъ. По его словамъ, мѣднй заводъ теперь даетъ въ годъ до десяти тысячъ пудовъ мѣди, но только шесть пудовъ серебра. Теперь у нихъ въ запасѣ до сорока тысячъ пудовъ мѣди.

За Аллахверди есть еще деревня, Ахталъ, гдѣ былъ древнй заводъ для разработки серебра. Иногда находилось даже и золото. Но тамъ большое затрудненіе въ добываніи дровъ; срубка лѣсу производится на крутыхъ стремнинахъ, и чтобы поднять вьюкъ дровъ изъ оврага, надобно заплатить четыре рубля серебромъ.

Декабря четвертаго, для нянпницы Варвары, я остался на пирогъ у стараго товарища. Общество было большое: шесть барынъ, четыре штабъ-офицера, столько же оберовъ. Обѣдъ, по мѣсту и времени, былъ великолѣпный. Шипучее донское съ честью играло роль шампанскаго. Душой бесѣды былъ отецъ Стефаносъ. Разговоръ зашелъ о подвигахъ нашихъ войскъ въ недавнихъ битвахъ, которыя у всѣхъ были въ свѣжей памяти.

— Знаете ли? сказалъ мнѣ майоръ: подъ Ахалцыхомъ отецъ Стефаносъ ѣхалъ съ крестомъ впереди сорокъ-перваго егерскаго полка....

— И когда началась рѣшительная борьба, подхватилъ поручикъ: подъ свистомъ пуль и ядеръ, въ дыму пороху и пожару, среди ломки штыковъ и сабель, среди криковъ «Ура» и «Аллахъ», отецъ Стефаносъ увидалъ одного унтеръ-офицера, смертельно раненаго картечью, который, шатаясь, вошелъ въ одинъ домъ и еще хотѣлъ штыкомъ заколоть Турчанку. Отецъ Стефаносъ остановилъ его рукою и словомъ: «Стой! она Гречанка!» Тотъ смиренно взглянулъ на него и, перевалившись черезъ порогъ, испустилъ духъ. Отецъ Стефаносъ благословилъ его.

— Не одинъ отецъ Стефаносъ, сказалъ одинъ офицеръ, показавъ въ эту войну примѣръ святой неустрашимости. Священники нашего корпуса отличаются ею въ особенности. Мало того, что они съ крестомъ предшествуютъ колоннамъ въ сраженіяхъ: развѣ вы не слыхали о подвигѣ отца Андрея, крымскаго полка, который подъ Карсомъ удержалъ разстреливающуюся колонию, бросающую пушки? Онъ сталъ одинъ при пушкахъ и закричалъ: «Дѣти! неужели вы оставите здѣсь меня и этотъ крестъ? Если вы не христіане, если вы не Русскіе, то бѣгите, я умру за васъ!...» Солдаты воротились и поправили дѣло. За это грудь отца Андрея украшается орденомъ Святаго Георгія.

— Тотъ же вѣщеникъ при взятіи Карса, будучи на бастио-
нѣ, перерывала раненаго солдата и потомъ, во время штурма,
ушелъ въ садъ набрать букетъ розъ, который поднесъ графу
при ѣздѣ его въ крѣпость.

— За здоровье отца Андрея! закричали всѣ гости.

— Такъ я же вамъ разскажу анекдотъ, который покажетъ духъ
солдатъ нашего корпуса! говорилъ капитанъ. Одинъ ширванецъ
на штурмѣ Ахалцыха вошелъ въ домъ, гдѣ встрѣтили его два
вооруженныхъ Турка и одна Турчанна. Солдатъ мгновенно за-
кололъ штыкомъ одного. Другой заряжалъ ружье. Ширванецъ
бросился къ нему, но Турокъ, уклонясь, ударилъ его книжаломъ
въ бокъ; однако самъ былъ заколотъ. Между-тѣмъ Турчанна
сзади рубила ширванца саблею по спинѣ. Она пробила ему пе-
ревязъ, португезю, мундиръ, кожу и мясо до костей. Солдатъ,
отдѣлавшись отъ втораго Турка, оборачивается.... видитъ жен-
щину.... и останавливается: Но сабля ея взвилась надъ его голо-
вою. Онъ опрокинулъ ее штыкомъ въ грудь и самъ, взнемогая
отъ полученной въ бокъ раны, упалъ вмѣстѣ съ нею. Подоспѣ-
ли товарищи, подняли его, и, когда онъ очнулся отъ обмороку,
тѣ смѣялись ему: «Эхъ, братъ! не стыдно ли? баба тебя сва-
лила!» — «Дура, братцы! не знаетъ гдѣ рубить!.... пожалѣла голо-
вы, и все сплыву мнѣ чесала.....»

Замѣчательно, что въ Ахалцыхѣ Турчанки очень неправдо
стрѣляли.

Но еще замѣчательнѣе добродушіе нашихъ солдатъ на войнѣ.
Когда войска подходили къ Ахалцыху, вѣжливо было собранный
непріятелемъ хлѣбъ въ копнахъ вострелять на поляхъ. На
одной мѣстѣ стоялъ Турокъ, и только кланялся солдатамъ, пока-
зывая имъ на свой хлѣбъ. Солдаты, проходя мимо, говорили:
«Не троньте, братцы, это хозяйничъ!» и жгли только тѣ конны,
при которыхъ не было никого.

— Позвольте же мнѣ, сказалъ майоръ, прибавить кое-какой анек-
дотецъ о нашихъ офицерахъ. Въ Ахалцыхѣ, напримѣръ, въ ны-
лу жестокой перестрѣлки, одинъ офицеръ стрѣлковой цѣпи уви-
дѣлъ упавшую близко гранату изъ нашей кегерновой mortarки
съ горящею трубкою; схватилъ ее, хотя зналъ, что она въ ру-
кахъ его можетъ лопнуть, и бросилъ въ Турокъ такъ удачно,
что граната разорвавшись между ними, разбросала ихъ и согна-
ла съ мѣста, а онъ съ своимъ стрѣлкомъ подвинулся впередъ.
Пионерные офицеры были изъ первыхъ впередъ подъ выстрѣла-

ми: они дѣйствовали какъ львы, когда вслѣно было рубить палисады, за которыми сидѣвшіе Турки въ нихъ стрѣляли: убьютъ одного, другой рубить; убьютъ этого, третій продолжаетъ..... Когда графъ вызывалъ охотниковъ на штурмъ, весь корпусъ вышелъ въ охотники. Артиллерійскіе офицеры оставляли свои батареи, и съ ружьями хотѣли быть въ рядахъ простыхъ солдатъ. Если много погибло, то именно отъ этой горячности. Смотритель подвижнаго лазарета пошелъ съ ширванцами на штурмъ, и былъ убитъ. Даже изъ транспортовъ обозные офицеры являлись къ графу и просили его, чтобы позволялъ имъ идти на штурмъ съ погонщиками. Подъ Карсомъ графъ оставался только съ двумя ротами пѣхоты: всѣ войска бросились въ крѣпость; нельзя было ни кого удержать. Передъ ахалцыхскимъ штурмомъ графъ, проѣзжая по лагерю, здоровался съ солдатами и говорилъ: «Завтра, братцы, надо городъ взять.» — «Возьмемъ, ваше сіятельство!» отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

Духъ въ войскахъ здѣшняго корпуса удивительно оживлялъ. Если объявять съ вечера, что завтра быть сраженію, то всю ночь готовятся какъ къ празднику, чистятъ ружья, починаваютъ мундиры, смѣются, поютъ пѣсни, острятъ и подшучиваютъ надъ неприятелями въ широкихъ портахъ. Передъ сѣтвомъ все утихаетъ, и тогда царствуетъ глубокой сонъ. Примиѣръ начальника — дѣло важное.

О! нашъ графъ герой! Вездѣ скачетъ съ обнаженною шпагою, и, не смотря на чинъ и званіе, кажется, готовъ положить на мѣстѣ каждаго, кто дѣлаетъ не такъ, нерѣшительно или неловко. Зато ужъ, какъ онъ веселъ и ласковъ, если видитъ отвагу, храброе сопротивленіе, смѣлое нападеніе. Онъ самъ лично замѣчаетъ подвиги каждаго офицера и солдата; и тутъ же ихъ награждаетъ.

Послѣ обѣда я выѣхалъ.

До Гергеръ десять верстъ, дорога идетъ сперва по равнинѣ, потомъ на гору довольно круто надъ оврагомъ чрезъ оконечность лѣспага мыса одной отрасли Безобдала, при впаденіи рѣчки Гергерки въ Джалгу. Съ трудомъ поднялись мои брички на эту крутизну. Покуда спустилась одна, и поднималась другая съ подпрякою семи лошадей, я стоялъ одинъ на высотѣ и любовался на слѣзные утесы Безобдала; поднимающаго сѣдую голову къ небу изъ чернаго плаща лѣсовъ, откуда вой волковъ вызываетъ путника къ осторожности. Я вспомнилъ еще о горныхъ разбой-

никакъ. Со мной не было ни ружья, ни пистолета; одна только *Жучка* служила мнѣ тѣлохранительницей.

Съ вершины гергерской горы дорога круто спускается въ ущелье рѣчки на небольшую долину. Здѣсь находится военное поселеніе одной роты тѣлискаго полка, изъ полтораста и ковшамъ. Прежде здѣсь была полковая штабъ квартира, которую Персіяне раззорили. Теперь — карантинъ, магазинъ и вблизи двѣ армянскія деревни. По этому Гергеры сдѣлались опять значительнымъ мѣстомъ. Тутъ предѣлъ военного поселенія. Въ карантинѣ, въ самомъ дѣлѣ сидѣлъ персидскій куруръ: послѣдніе два отерочены на годъ. Шестаго декабря, въ торжественный день Святаго Николая Чудотворца всѣ солдаты въ нарядныхъ заячьихъ шубахъ и въ пестрыхъ платочкахъ отправлялись на *Каменную Рѣчку* къ обѣднѣ, въ *Джелаль-Оглу*. Весь бытъ русскій огранчивается здѣсь *Каменною Рѣчкою*.

Въ этотъ же день я отправился далѣе. Одну бричку, которая была тяжелѣе, я оставилъ здѣсь, а подъ меньшую запрегъ семь лошадей, да двѣ навьючилъ. Съ такимъ грузомъ пустился я къ *Безобдалу*, которымъ всѣ меня страшали.

Въ сопутники явился ко мнѣ верхомъ шеголеватый веселый Армянинъ, давно засватавшій въ *Караклисѣ* невѣсту, которая, послѣ нашествія Персіянъ, въ 1826 году, вдругъ очутилась въ Эривани. Страстный женихъ не сомнѣвался въ полной по мѣсту и обстоятельствамъ вѣрности своей любезной и горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣться съ нею. Онъ просилъ меня взять его съ собою. Не знаю, какое представлялъ я ему удобство къ безопасности: самъ онъ былъ вооруженъ какъ азійскій наѣздникъ; ружье, сабля, кинжалъ, пистолеты, добрый конь, не считая желтой шали, повязанной, сверхъ бурки, около шеи, — и онъ все еще боялся!... Караванъ нашъ — былъ олицетворенная этнографія, путешествующая на-долгихъ: Армянинъ женихъ, Жидъ портной, Цыганъ кучеръ, Татаринъ камердинеръ, полтавскій хохомъ фурманъ, Чухна поваръ, и предводитель всего этого — Русской. Мы тронулись съ мѣста въ десять часовъ утра. Сперва снѣгъ падалъ лебяжьимъ пухомъ, потомъ все исчезло въ зимнемъ туманѣ.

На третьей верстѣ начинается первый крутой подъемъ на *Безобдалскій* хребетъ по стѣпѣмъ обнаженной горы. Чѣмъ выше, тѣмъ болѣе снѣгу и туманъ гуще. Мы вошли въ облака. Дорога вилась надъ обрывомъ лѣсистой пропасти, которая казалась бездонною. На шестой верстѣ дошли мы до нагой вершины хребта.

Дорога заметела глубокимъ снѣгомъ. По косому скату пробить вышочный путь не шире двухъ аршинъ, и притомъ такъ круто, что семь лошадей, цугомъ попарно, при помощи шести человѣкъ насилу тянули легкую бричку. Иногда крайнія лошади оступались задними ногами и бричка висѣла надъ пронастью, такъ, что если бы мы не оттягивали ея веревками въ противную сторону, она бы покатила съ лошадьми въ пронасть. Двѣ версты, шестая и седьмая, самыя опасныя по крутизнѣ подъему. Въ концѣ послѣдняго подъема высѣчены въ гранитѣ ворота, подобныя Волчьимъ на Акзабиюкѣ, только гораздо менѣе. Эта голая макушка хребта состоитъ изъ рудожелтаго гранита, покрытаго тонкимъ слоемъ дерна. Вообще подъемъ на Безобдалъ не такъ продолжителенъ и тягостенъ, какъ на Акзабиюкѣ, хотя къ самой вершинѣ здѣсь гораздо круче. Эта дорога еще до нашествія Персіянъ была разработана Армянами стараніемъ вонческаго окружнаго начальника полковника князя Севардземидзева, жившаго въ Гумрахъ.

Съ осьмой версты начинается очень крутой спускъ, уже по ту сторону хребта, по узкому ущелью ручья, втекающаго въ Бомбакъ. Безъ всякой опасности продолжается онъ версты три; потомъ дорога становится ровнѣе и отложе, поstepенно выходя изъ расширяющагося ущелья. Тутъ вдали открывается третій весьма лѣсвѣтый хребетъ, Памба, отдѣляющій бомбакскую провинцію отъ шурагельской. По ту сторону безобдальскій хребетъ болѣе обнаженъ, и обнаруживаетъ мѣстами острыя скалы. Дорога, каменистая, на двѣдцатой верстѣ, переходитъ черезъ источникъ кислороджѣистой воды, и потомъ раздѣляется: вправо черезъ рѣчку идетъ по бомбакской долинѣ, на Амамы, а влѣво по берегу рѣчки до деревни Кишлакъ. Между этими двумя дорогами на отдѣльной горкѣ стоитъ сторожевая башня, съ которой можно обозрѣвать всю бомбакскую долину. Тутъ находился казачій постъ.

Персіяне, начиная, въ 1826 году, свою вѣроломную войну, сдѣлали сюда первое нападеніе, чтобы переступить хребетъ Памбу, составлявшій тогда границу. Они раззорили мѣстечко Караклисъ на-лѣво въ углу долины, выжгли тамъ казармы, солдатскую слободку и армянскія жилища. Такимъ же образомъ раззорили они Кишлакъ, Амамы, Бекантъ и Гумры, армянскія деревни, изъ которыхъ первые три лежатъ на этой долинѣ у рѣки Бомбакъ, а послѣдняя на границѣ Турціи, у рѣки Арпачай. При всей стре-

жителей своей, Персияне могли захватить въ плѣнъ не болѣе девяти-сотъ душъ и скотъ; прочіе жители ушли, болѣею частью, въ Джалалъ-Оглу; войска отступили почти безъ потерн. На мѣстѣ Кишлака я нашелъ только изрытую равнину; тамъ, гдѣ были землянки, видѣлись груды канней, да нѣскольکو десятковъ покрытыхъ норъ; да бывшія церкви можно узнать только по одному колоколу, привѣшенному надъ землянкою у столба. Армяне здѣсь очень бѣдны.

Кетхуда, староста, показалъ мнѣ мѣсто для ночлега въ одной изъ лучшихъ норъ. Входъ, подъ навѣсомъ, велъ въ мрачное подземелье, сперва чрезъ пріемную холодную залу, а потомъ въ теплую гостиную. Тутъ вправо былъ отгороженъ перекладною на полу уголъ, и прямо въ стѣнѣ каминъ съ тощимъ огонькомъ разливавшимъ слабый свѣтъ въ подземелье; на лѣво представлялся рядъ кседей и за ними буйволы, которыхъ страшныя рожи съ удаленіемъ на меня смотрѣли. Это была моя гостиница. Она могла бы послужить отличною моделью для гостиницы въ аду. Сначала амміачный запахъ и буйволныя головы остановили меня въ нерѣшимости; но потомъ я разсудилъ — почему же не почевать съ буйволами? — не я первый, не я послѣдній — амміакъ прочищаетъ легкое — теплота животная очень отрадна за отсутствіемъ ночи — и я прошелъ храбро пріемную, гдѣ уланскіе тучелани старуха и дѣти прятались отъ меня какъ отъ удава. Хозяинъ въ широкихъ шальварахъ и въ длинной армянской шапкѣ, бранился съ старостою, зато что онъ привелъ меня къ нему. Я однако жъ, на основаніи знаменитаго восточнаго гостепримства, безъ церемоній расположился въ своей хлѣбной спальнѣ, въ углу, подпертомъ столбиками. Подземелье было такъ низко, что до потолка доставалъ я рукою. Потолокъ этотъ состоялъ изъ деревянныхъ перекладницъ и хворосту, накрытыхъ землею, которая при каждомъ наблюденіи сыпалась мнѣ въ глаза. Я велѣлъ своимъ людямъ развести огонь повеселѣе въ каминѣ, и поставить самоваръ. Въ уголъ близъ каминна снесли мои чемоданы, передъ огнемъ разостлали коверъ, и я привался созерцать подземныя нравы.

Небольшаго труда и совсѣмъ не разорительныхъ издержекъ стоить сдѣлать подземелье армянское или грузинское для цѣлаго хозяйства. Я рекомендую архитектуру его всѣмъ лѣннвцамъ и скрягамъ. Скоро, дешево и мило. Стоить только на скатѣ пригорка выкопать въ землѣ четвероугольную яму произвольнаго простра-

ства, глубиною на два съ половиною аршина; стѣны обложить камнемъ; въ одной обращенной къ скату стѣнѣ продѣлать входъ, такъ, чтобы мокрота не втекала внутрь; все пространство раздѣлить на двѣ половины: на право — супруга, семейство, а на лѣво — лошадей, овецъ и ихъ рогатые товарищи изъ буйволовъ; входъ общій для людей и для скотины; все это накрыто жердочками, обмазано глиною и засыпано землею; а для свѣту дневнаго и для дыму надъ каминомъ — въ потолокъ продушина. Мебели не нужно ни какой, кромѣ пука соломы въ гостинномъ углу.

Между-тѣмъ любопытные Армяшки, какъ тѣни ночныя, собирались вокругъ меня, полюбопытствовать на Русскаго и на самоваръ. Продѣлки наши съ этой удивительной машиной возбуждали ихъ удивленіе. Они удалялись не прежде какъ удостовѣрились собственными глазами, что Русскіе въ самомъ дѣлѣ нюютъ кпятокъ.

Когда гости разошлись, я легъ спать при слабомъ свѣтѣ огонька въ каминѣ; ночлегъ былъ теплъ. Однако, несмотря на усталость, отъ переходу черезъ Безобдалъ, я не могъ порядкомъ заснуть въ собесѣдствѣ съ буйволами; ихъ безпрестанная громкая отрыжка, шумная жвачка, урчаніе въ ихъ огромныхъ животахъ, тяжелые вздохи и стоны въ груди, часто меня будили. Амміачный запахъ и духота усиливались. Въ забывчивости дремоты мнѣ представлялось, что отвязавшійся буйволъ стоитъ надо мною съ своей страшною головою, сверкаетъ большими глазами и хочетъ поднять на рога: я вздрогнулъ такъ, что чуть не убилъ Жидда. Жидъ завизжалъ. Чтò слыша, пѣтухъ, спавшій надъ нашимъ угломъ, принялся пѣть во все горло. Не было возможности спать. Вскорѣ вошли хозяинъ и хозяйка. Первый поздравлялъ меня съ приятнымъ ночлегомъ, увѣряя, что глаза у него удивительно *просвѣтлѣли* отъ моего *яснаго присутствія*, а вторая стала доить буйволицъ. Прибѣжали дѣти — черномазые чертенята — и, сообразивъ, что я не съѣлъ ихъ вчера для ужина и что, слѣдственно, не долженъ быть я *гоуль*, горный злой духъ, расхваталъ весь мой сахаръ. Хозяйка, колотя дѣтей за хищность, открыла въ потолокъ два душника, сквозь которые вмѣстѣ съ утреннимъ свѣтомъ полился на насъ ледовитый паръ зимняго воздуха. На дворѣ такъ же хорошо какъ и здѣсь. Мы вышли.

Теперь могу сказать, что, подобно Орфею, и я бывалъ въ аду, спускался въ тартаръ, только — увы! — не за красавицей.

О! горькая страсть — путешествовать!

Отъ Кишлака идутъ три ущелья, или три дороги: одна назадъ на Безобдакъ, другая на-лѣво внизъ по долинѣ къ Караклису, который видѣнъ верстахъ въ шести, а третья вверхъ по долинѣ направо, черезъ Амамы. Въ Караклисѣ уже собрались Армяне, но Русскихъ нѣтъ ни души, и укрѣпленіе уничтожено.

Бомбакское ущелье вверхъ по рѣчкѣ довольно расширяется и нѣстами есть хорошія возвышенныя долины; но земля камениста и, кромѣ сѣнныхъ копенъ, рѣдко гдѣ замѣтны слѣды пахатныхъ работъ.

Я ѣхалъ по дорогѣ на Амамы. Сначала снѣгу встрѣчалось не много, но морозъ и холодный вѣтеръ въ лицо невольно заставлялъ вспомнить о русской зимѣ. Кое-гдѣ ходилъ по долинѣ истощенный скотъ, отыскивая на голыхъ полянахъ и пригоркахъ сухую былинку. Волки, сороки и куропатки, которые часто встрѣчаются, казались коренными жителями этой страны.

Амамы лежатъ на возвышенной долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ голыми, безлѣсными горами, которые теперь были покрыты глубокимъ снѣгомъ. Тамъ, гдѣ рѣка Бомбакъ прорѣзываетъ себѣ путь и дорога спускается по ея теченію, стоятъ стѣною черныя отвѣсныя массы поздраватаго мыльнаго камня, или тальку, съ пещерами разной величины. Около рѣчки растутъ кустарники.

Глубокія ямы, въ которыхъ стѣны выложены крупнымъ булыжникомъ, обнаруживали обширное, недавно разрушенное поселеніе. Однако Армяне опять собирались, и нѣкоторые изъ нихъ исправляли свои норы. Здѣсь тоже военный постъ казаковъ для развозу вьючной почты.

Въ Амамахъ нашелъ я для отдыха хорошую саклю, складенную изъ камней, нарочно устроенную для прїѣзжающихъ. Гостиница эта состоитъ изъ одной комнаты съ окномъ въ потолокъ; внутри каминъ, двѣ деревянныя кровати и столъ. Ко мнѣ явились старшина и хозяинъ дому, которые говорили на-половину по-армянски и по-русски. Отъ нихъ узналъ я, что въ этой саклѣ останавливались генералы Бенкендорфъ и Сипягинъ, и что они были отъ нея въ восхищеніи. Дѣйствительно въ такой опустошенной странѣ утѣшительно было найти какое-нибудь свое пристанище. Увидя манную крупу, изъ которой Чухна готовилъ супъ съ бульономъ, старшина рассказалъ мнѣ, что одинъ майоръ въ Караклисѣ передъ вторженіемъ Персіянъ посѣлалъ въ полѣ много такой крупы, но не успѣлъ собрать. Она очень хорошо уродилась.

Греча здѣсь рѣдкость и полезно было бы распространить посѣвъ ея для продовольствія войскъ: наши воины любятъ свою землячку, спорѣйшую въ кашницѣ нежели здѣшнее просо или пшееничная и ячменная крупа. Тотъ же маіоръ, говорили Армяне, научилъ ихъ сажать картофель, который чрезвычайно уродился и очень имъ понравился. Отъ русскихъ солдатокъ научились они взращать капусту, по двадцати и тридцати фунтовъ въ кочанѣ. Бомбакская провинція должна быть очень плодородна. Страна изобилвала бы всѣмъ, еслибы приложить стараніе къ усовершенствованію земледѣлія, которымъ Армяне плохо занимаются. Они вывозили себѣ хлѣбъ черезъ Гумы изъ карскаго пашалыка, вымѣнивая на скотину, которой прежде много содержали, потому что это не стоило трудовъ. Ихъ овцы—съ превосходною шерстью, несмотря на суровость климата. Рѣка Бомбакъ даетъ довольно форели, а казакъ продалъ мнѣ пару утокъ и пару куропатокъ за два абаза.

Здѣшніе Армяне брѣютъ себѣ головы, какъ Малороссіяне, оставляя на макушкѣ длинный, въ палецъ толщиной плетешокъ: то же дѣлаютъ и Турки, дѣятого чтобы послѣ смерти ангелу было за что тащить ихъ къ хуріямъ въ царство небесное. Арбы здѣсь—своего устройства: колеса безъ спицъ въ видѣ деревянныхъ круговъ, сплоченныхъ изъ трехъ толстыхъ досокъ, въ поперечникѣ аршинъ и три четверти, окованныхъ жолобковатою шиною. Для упряжи подъ арбы употребляютъ буйволовъ, а для выюковъ—большихъ быковъ, и весь скотъ держать въ подземельѣ.

Подъѣзжая къ армянской деревнѣ, не видишь ничего живаго; только земля взрыта буграми, на подобіе кладбища. Но вблизи вдругъ изъ этихъ могилъ вылѣзаютъ чучелы черныя, оборванные, покрытыя лоскутами, закопченныя, въ высокихъ шапкахъ, въ курткахъ и шальварахъ, подпоясанныя кушакомъ: иной щеголь прикрывается сквознымъ кафтаномъ съ отгидными рукавами или буркою; у другаго на ногахъ шерстяные чулки и туфли, или сапоги съ закорюченными носками. Женщины почти также одѣваются, только, вмѣсто суконнаго, носятъ холщевое платье,—шальвары, кафтаны, кушаки,—а на голову широкую повязку, спускающуюся сзади длиннымъ концемъ. Дѣвочки и мальчики даже зимою бѣгаютъ босикомъ, хотя платье у нихъ узорчатое и кушаки разноцвѣтные. Молодые Армяне брѣютъ бороды, оставляя длинные усы, но старики всегда съ бородами: лица у всѣхъ мужественныя, полныя, глаза и носъ большіе.

Изъ Амамловъ мы пустились къ Беканту. Мой спутникъ женихъ нашелъ себѣ товарища, и хотѣлъ на слѣдующій день ѣхать на Баранъ-Поле ближайшимъ путемъ черезъ хребетъ Памбу. Я предпочелъ путь на Гумы.

Отъ Амамловъ на пятой верстѣ дорога поднимается на гору въ узкое ущелье по рѣчкѣ, впадающей въ Бомбакъ. Тутъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе снѣгу. Горы совершенно имъ покрыты; всѣ ручьи исчезли подъ ледяною корою. Деревня Бекантъ видна вдали верстѣ за осемь. Высокія снѣжныя горы окружаютъ долину со всѣхъ сторонъ. Между-тѣмъ какъ на нихъ угасали послѣдніе отблески вечерней зари, съ другой стороны горныя стѣны облеклись розовымъ свѣтомъ, кидая на насъ голубую тѣнь. Вскорѣ луна стала отдѣлять серебряныя полосы покатостей и бѣлымъ вершинами горъ, возвышающихся одна изъ-за другой. Этотъ чудный океанъ снѣжныхъ холмовъ плѣнялъ меня. Горная природа вездѣ и всегда привлекательна, и подъ весеннимъ платьемъ свѣжей зелени, и подъ саваномъ зимаго оцѣпененія.

Въ Бекантъ я пріѣхалъ поздно. Изрытыя мѣста и черныя кучи, или отогрѣтыя изъ-подъ снѣга вершины землянокъ обнаруживали армянскую деревню, въ которой не видно было живой души: все скрылось въ порахъ, все было тихо и мертво. Когда мы подѣхали къ самымъ крышамъ землянокъ, тутъ только высочили собаки съ лаемъ. Но изъ людей никто не явился. Я подошелъ къ входу ближайшей норы. Изъ земли выльзла женская тѣнь съ лампою, и показала далеко рукою мѣсто *мамасагли*, сборной землянки. Я пошелъ тропинкою, пробитою по крышамъ землянокъ, мимо четверугольныхъ ямъ съ выложенными камнемъ стѣнами. Это означало большія норы богатыхъ Армянъ, вычищенныя Персіянами. Далѣе стояли стѣны разрушенной церкви — все потѣха Кизилбашей. Наконецъ, нашелъ я *мамасаглию* и человѣкъ десять Армянъ въ обширной гостиницѣ. Она была перегорожена на два отдѣленія: въ первомъ по обѣимъ сторонамъ камня сдѣланы на полу широкія нары; во второмъ — такія же нары съ поперечными перегородками для проходящихъ; отсюда вѣво обширное подземелье на подворкахъ, гдѣ къ стѣнамъ прислонены ясли на двадцать лошадей. Для ночлега отвели мнѣ первое гостинное отдѣленіе съ камнемъ; однако я слышалъ ясно за полуперегородкою жвачку, вздохи, стоны и чиханіе буйволловъ, отъ которыхъ распространился весьма непріятный запахъ.

Расположившись въ переднемъ углу, я велѣлъ развеселить огонь Кетхуда черезъ переводчика рассказывалъ мнѣ между-тѣмъ, что у него все есть, ячмень, сѣно, саманъ, курицы, молоко, сыръ, и все не дорого. Я замѣчаю, что здѣшніе Армяне, такъ же какъ и въ Амамлахъ, хорошо нашколены казаками: они услуживаютъ, съ большею готовностію нежели около Тифлиса. Во всѣхъ деревняхъ стояли на экзекуціи казаки для высылки подводъ и прочаго, требуемаго начальствомъ.

Въ темнотѣ Бекантъ показался мнѣ обширною деревнею, но въ ней было не болѣе сорока норъ; за то подъ горою видны развалины древней крѣпости, которую при графѣ Гудовичѣ брали штурмомъ Лисаневичъ и Портнягинъ; произошло сильное сраженіе; Кизилбаши были на-голову разбиты. Такъ рассказывалъ мнѣ кетхуда.

Отъ Беканта до Гумръ верстъ двадцать семь дорога идетъ вверхъ по рѣчкѣ Бомбакъ; на пятой верстѣ влѣво лежитъ въ ущельѣ деревня Нахпалы, а вправо Ахбулакъ. Весною 1828 года, когда войска наши брали Карсъ, партія Турковъ, въ четыреста всадниковъ, переправясь черезъ Арпачай выше Гумръ, пробралась къ вечеру до Ахбулака и вполночь напала на эту деревню. Большую часть мужчинъ Турки побили. Землянки ихъ разорили, а дѣтей и жевъ взяли въ плѣнъ. Послѣ взятія нашими Ахалцыха, они были все возвращены. Эти Турки подступали и къ Беканту, но жители при помощи казаковъ отбились отъ нихъ.

Отъ Ахбулака надобно подниматься очень круто. Этотъ подъемъ по глубокому снѣгу три версты былъ весьма труденъ; вѣтеръ дулъ на-встрѣчу, туманъ пудрилъ ниемъ людей и лошадей, мракъ покрывалъ окрестности и кромѣ снѣгу ничего не было видно вокругъ. Съ большимъ усиліемъ въ семь лошадей поднялась бричка на этотъ перевалъ хребта Памбы. Дорога означалась только вьючною тропинкою. Колеса вѣзывались въ снѣгъ по ступицу. Но не было тутъ по сторонамъ дороги стремнинъ и глубокихъ овраговъ. Въ это время года здѣсь нигдѣ не ѣздить арбами, а все вьюками на быкахъ и лошадяхъ; только меня нелегкая понесла туда съ бричкою.

Показавшееся солнце, освѣтивъ гладкія пологости горъ, показало впереди обширную равнину, теряющуюся въ горизонтѣ. Вотъ уже видны у Гумръ чернѣющіеся бунты хлѣбнаго магазина и церковь. Я ѣхалъ по обширной, плодоносной равнинѣ мимо остатковъ разоренной деревни.

Гумры, нынѣшній Алѣксандрополь — обширная каменная крѣпость. Влѣво надъ рѣчкой Арпачасмъ мелькаетъ армянское предмѣстіе. Каменный домъ стоитъ на берегу рѣчки, за которою, по распоряженію военнаго губернатора Спягина, выстроены карантинныя сакли. Противный берегъ Арпачая немного выше: на немъ видны сторожевыя башни и сакли, въ которыхъ стоялъ прежде турецкій пограничный кордонъ. Отсюда начались военныя дѣйствія противъ Карса. Прежде не было здѣсь крѣпости, а только четыре батареи, устроенныя еще при графѣ Гудовичѣ. Стѣна одной осталась надъ берегомъ возлѣ разрушенной башни.

Ну, слава Богу! наконецъ я въ Гумрахъ.....

=

ОСНОВНЫЯ ПОНЯТІЯ
О
МУЗЫКѢ КАКЪ ИСКУССТВѢ,

НЕОБХОДИМЫЯ ДЛЯ ВСЯКАГО ЖЕЛАЮЩАГО СУДИТЬ ОБЪ ЕЯ
ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

=
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.
=

Да будетъ прежде всего извѣстно всѣмъ и каждому желающему разсуждать о музыкѣ, что донынѣ, въ цѣлой великой грудѣ теоретическихъ музыкальныхъ сочиненій, нѣтъ ни одного толковаго опредѣленія музыки; а число этихъ опредѣленій несмѣтно. Артисты и композиторы знаютъ только слово «музыка», но что оно значить, въ томъ никто изъ нихъ не отдаетъ себѣ яснаго отчету. Не мудроно, что, тѣ сочиняя, а другіе разыгрывая, большею частью не достигаютъ цѣли искусства.

Почему нѣтъ ни одного правильнаго опредѣленія музыки? Отвѣтъ на это очень простъ. Нѣкогда музыка почиталась неразлучною спутницею мудрости. Нельзя было прослыть ни философомъ, ни астрономомъ, не играя на гитарѣ и не написавъ трактата о музыкѣ. Сократъ безпрестанно разсуждалъ о музыкѣ. Платонъ, Аристотель, Птоломей астрономъ, писали объ ней книги. Послѣ паденія язычества и древней музыки, разсужденія о музыкальной мудрости сдѣлались достояніемъ органистовъ. Когда возродился ученый міръ въ Европѣ, музыка была въ презрѣніи.

Съ того времени и донынѣ мѣръ этотъ считаетъ музыку за игрушку, недостойную мужей, надѣвшихъ колпакъ доктора философіи. Искусству этому посвящаютъ себя люди, не получившіе ни какого ученаго образованія. Музыканты, писавшіе о правилахъ его, вообще были донынѣ совершенные невѣжды въ физической и естественной теоріи звуку, которую они въ свою очередь презирали. Не многіе ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ свойствъ звуку, вообще не думали о приложеніи его къ искусству и объ немъ не заботились. Отсюда возникли самыя вопіющія противорѣчія между сущностью и назначеніемъ звуку въ организмѣ, въ жизни, и способами употребленія его въ музыкѣ.

Никто изъ музыкантовъ и композиторовъ не замѣчаетъ того, что музыка есть та же рѣчь человѣческая, только лишённая согласныхъ и, поэтому, болѣе общая нежели одинъ какой-нибудь отдѣльный языкъ народный. Языкъ не что иное какъ извѣстный гармоническій способъ употребленія и укладки согласныхъ въ звукѣ, добываемомъ нами посредствомъ органовъ голоса: способъ такихъ, по законамъ звуку, можетъ быть много; отсюда — множество языковъ, и каждый особенный языкъ понятенъ только одному племени, которое приняло этотъ способъ гармонизованія согласныхъ въ звукѣ, производимомъ природнымъ духовымъ инструментомъ человѣка. Всякій такой способъ употребленія звуку, съ гармоническою послѣдовательностью согласныхъ, даетъ уху нашему такъ-называемый звукъ *членный*, *son articulé*: согласныя почитаются тутъ «членами.» Но во владѣніи человѣка есть еще другой родъ звуку, въ которомъ согласныя могутъ быть нечувствительны до того, что слухъ не различаетъ ихъ; такой звукъ можемъ мы произвести, прежде всего тѣмъ же инструментомъ, который дала намъ природа, то есть горломъ, а потомъ еще разными инструментами, которые истинитивно сочиняютъ наши руки, получившія отъ нея способность дѣлать и употреблять ихъ, явственно съ цѣлью разнообразить, совершенствовать и одушевлять выразительностью звукъ, лишённый согласныхъ, или звукъ *безчленный*, *son inarticulé*. Подобно тому, какъ изъ членнаго звуку образуются *языки членные*, то есть рѣчь человѣческая, изъ другаго роду звуковъ, безчленного, во все по тѣмъ же природнымъ законамъ звуку, добровольно возникаетъ для человѣка въ природѣ новый языкъ человѣческой, языкъ безъ согласныхъ, *языкъ безчленный*, музыка. Этотъ языкъ, по сущности своей, несравненно болѣе общъ нежели всякой членный языкъ отдѣльно взятый. Онъ понятенъ многимъ народамъ вдругъ. Онъ,

очевидно, предназначены къ тому, чтобы сближать между собою чувства людей разноязычныхъ, разноплеменныхъ, не понимающихъ другъ друга посредствомъ членнаго звуку.

Слѣдовательно музыка есть не что иное какъ дополненіе къ рѣчи человѣческой — дополненіе естественное — необходимое — неизбежное — требуемое самою сущностью нашей рѣчи, которая, по разнообразію гармоническихъ способозъ укладки согласныхъ въ звукъ, слишкомъ быстро раздробляется на отдѣльные языки и шарѣчія и скоро разъединяетъ поколѣнія понятіями, чувствами и желаніями. Звукъ безчленный или музыка, нужна была природѣ, чтобы по возможности поправить неубѣдства звуку членнаго; чтобы посредствомъ общаго языка приводить подъ одинъ уровень чувства и стремленія людей, сдѣлавшихся чуждыми другъ другу посредствомъ отдѣльныхъ языковъ; чтобы умножить къ наслажденіе и счастье минутами одиночувствія и одиномыслия.

Изъ этого слѣдуетъ, что какъ-скоро музыка — та же рѣчь человѣческая, тотъ же языкъ людей, и притомъ еще языкъ предназначенный къ тому чтобы они понимали себя взаимно цѣлыми массами; то въ ней должны соединиться всѣ тѣ же качества, безъ которыхъ языки были бы бесполезны человечеству и рѣшительно невозможны: тутъ должны быть мысль ясная и удобопонятная, строгая логика въ выраженіяхъ, правильный слоговъзмъ изищества фигуръ, послѣдовательность выводовъ, начало, середина и конецъ періода, тѣсная связь между періодами, симметрическое расположеніе частей, единство въ цѣломъ и, конечный результатъ всего, *убложденіе*, или эффектъ.

Послѣ чего каждый уже видитъ и можетъ приговорить, что какъ-скоро въ безчленномъ языкѣ, или музыкѣ, недостаетъ хоть одного изъ этихъ естественныхъ условій *полезнаго звуку*, такъ это не языкъ, не музыка, а пустословіе, пустозвучіе, вздоръ, чужуха, недостойная ушей человѣческихъ.

Рѣчь человѣческая — та же музыка, только музыка членная, музыка съ согласными. Музыка — та же рѣчь, только рѣчь безчленная, рѣчь безъ согласныхъ. Другой разницы между ними нѣтъ и быть не можетъ. Законы ихъ одни и тѣ же.

Которая изъ двухъ рѣчей, или двухъ музыкъ, совершеннѣе, возвышеннѣе, благороднѣе? Разумѣется, рѣчь человѣческая, или слово. Всякой звукъ состоитъ изъ *удару*, или толчка даннаго звуковому тѣлу, и изъ *тану*, то есть сотрясенія и вибрацій, возбужденныхъ въ немъ и въ воздухѣ этимъ ударомъ. Ударъ есть со-

гласная. Тойъ, произведенный этимъ ударомъ, есть *гласная*. Безъ удару или согласной мы не можемъ произвестъ ни какой гласной, ни какого тону. Если намъ кажется, что мы иногда произносимъ *у*, *а* или *и*, безъ всякой согласной, то мы ошибаемся; мы дурно вслушиваемся въ наше произношеніе: въ началѣ каждаго такого тону есть всегда легкое *h*, придыханіе едва чувствительное, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная согласная. При соединеніи различныхъ явственныхъ ударовъ или чистыхъ согласныхъ къ тонамъ или гласнымъ, въ извѣстномъ гармоническомъ порядкѣ, даетъ намъ возможность присовѣтъ каждому изъ этихъ сочетаній удару съ тономъ опредѣленное значеніе. Одного, двухъ или трехъ такихъ сочлененій достаточно чтобы положительно указать на предметъ, а иногда и чтобы опредѣлить отношенія его къ намъ или къ другимъ предметамъ, начертать мысль, выразить чувство. Сдѣлавъ удары нечувствительными, устранивъ согласныя, мы уже не въ состояніи достигнуть до этого такъ же легко и скоро: нужно употребить множество такихъ звуковъ, чтобы намекнуть на что-нибудь, возбудить въ насъ какое-либо понятіе или чувство. Звукъ безчленный, музыка, по существу своему — рѣчь неопредѣленная. Одно вдохновеніе, соединенное со строгой логикой звуковъ и большимъ искусствомъ въ ихъ расположеніи, можетъ возвыситься здѣсь до выразительности и убѣжденія. Въ этомъ отношеніи средства безчленной рѣчи весьма ограничены. При всемъ вдохновеніи, при всемъ искусствѣ человѣка, она, какъ рѣчь неопредѣленная, можетъ выразить только обстоятельства и событія неопредѣленные. Это значитъ, что она можетъ выражать только *чувства*, потому что мысль, пока она неясна, необлечена въ форму силлогизма и разсужденія, называется у насъ «чувствомъ.» Чувство есть неопредѣленное, едва уловимое начало мысли, и эти *начала* или *зародыши мыслей* безчленный языкъ человѣческой или музыка выражаетъ превосходно. Не всѣ однако жъ и чувства могутъ быть выражены ею: радость и печаль — ея главное цоцрище, коренное достояніе; тутъ краснорѣчіе музыки всемогущественно; тутъ выразительность ея не сомнительна ни на одно мгновеніе; съ первыхъ фразъ своихъ она можетъ заронить въ насъ зародыши радостныхъ или печальныхъ мыслей и, постепенно, ораторствуя логически, ясно, краснорѣчиво, довести до самыхъ сильныхъ этого роду убѣжденій — до взрывовъ веселости — до прыжковъ — до охоты толкаться и драться — до слезъ — до меланхоліи — до отчаянія. Но уже чувства любви она неспособна выразить ясно, безъ помощи словъ, безъ

пѣсни, которая не что иное какъ членная, опредѣлительная рѣчь произносимая по образцу безчленной. Гордость, честолюбіе, зависть, месть, надежду и тысячу другихъ чувствъ она, безчленная рѣчь, музыка, не въ силахъ представить даже приблизительно одними только своими средствами, не прибѣгая къ содѣйствию языка съ согласными, или слова.

Теперь уже можемъ мы довольно вѣрно и ясно опредѣлить музыку. Опредѣленіе будетъ немножко длинноватое, — следовательно, не совсѣмъ удачное, — но, на первый случай, и эта формула послужитъ уже хорошею справкою по дѣлу. *Музыка есть искусство выразить безчленною рѣчью или тонами безъ согласныхъ два главныя, ежечасныя чувства человѣческія, радость и печаль, и располагать насъ къ ощущеніямъ восхитительнымъ или тлгостнымъ, но только протекающимъ изъ нихъ непосредственно.*

Когда музыка берется за другое, за что-нибудь внѣ этого круга, такъ это — плохая музыка, сумасбродство безъ согласныхъ, каковы бы ни были геній композитора и искусство исполнителей. Въ такихъ случаяхъ инструментальная музыка должна непремѣнно прибѣгнуть къ содѣйствию рѣчи съ согласными, превратиться въ музыку вокальную или драматическую и принять на себя скромную роль сопровожденія или аккомпанимента. Но въ этомъ превращеніи — ея торжество. Тогда она всецѣльна надъ умами и сердцами. Тогда выразительность ея не имѣетъ предѣловъ. Если къ словамъ присоединится еще дѣйствіе, она получаетъ возможность выразить все на свѣтѣ, и такъ сильно, такъ ясно, такъ изящно, какъ не выразятъ всѣ прочія искусства, виѣстѣ взятыя. Опера — верхъ музыки и музыкальнаго искусства. Ни болѣе блестящаго поприща, ни болѣе глубокаго впечатлѣнія они нигдѣ не могутъ достигнуть. Здѣсь — ихъ эмпірей.

Тѣмъ, которые, поправляя свой парикъ, съ восторгомъ говорятъ объ инструментальной симфоніи и съ презрѣніемъ объ оперѣ, вы можете сказать, что разсуждать о музыкѣ не ихъ дѣло.

Величайшій изъ композиторовъ только тотъ, чей геній умѣлъ объять и слить въ одно неподражаемое музыкальное цѣлое эти три человѣческіе языка, рѣчь безчленную, рѣчь членную и рѣчь движеній, или дѣйствіе.

На великолѣпную симфонію генія хватило у многихъ. Образцовыя симфоніи считаются десятками. Образцовыхъ оперъ до сихъ поръ только двѣ: «донъ-Жуанъ» и «Севильскій Цырюльникъ».

Мы не совсемъ точно выразились, означая, что музыкальный звукъ есть звукъ безчленный, чуждый согласныхъ. При первомъ музыкальномъ движеніи, человѣкъ, начиная пѣвать, очищаетъ тотчасъ голосъ свой отъ согласныхъ, — не отъ всѣхъ однако жъ. Кромѣ легкаго *h*, которымъ сопровождается рожденіе всякой гласной, онъ обыкновенно удерживаетъ въ пѣвѣ своемъ еще четыре первородныя согласныя, *t*, *г*, (или *l*), *з*, *р*, и носовой звукъ, *n* или *m*. Всѣ народы дѣлаютъ это инстинктивно: у самыхъ дикихъ, какъ и у самыхъ образованныхъ, находите вы одинаковый способъ подражанія голосомъ музыкѣ — *ta tra ta, ta la la, tap ta tam, rap rap ram* — и это невольное употребленіе четырехъ или пяти согласныхъ основано на сущности музыкальнаго звука. Всѣ ударные инструменты, особенно въ особенностяхъ, издають болѣе или менѣе чувствительный слѣдъ согласной *t*, въ началѣ каждаго тона. Въ нижнихъ тонахъ мѣдныхъ трубъ довольно явственно слышится *г*, въ высшихъ *l*. Флейты и органныя трубы, при несовсѣмъ чистой интонаціи, производятъ ошутительное *з*. Каліфонія на смычкѣ, неискусно полагаемомъ на скрипичную квинту, нерѣдко поражаетъ пѣтто въ родѣ *рi*, а въ инструментахъ съ язычками, при известномъ амбушюрѣ, раздается довольно явственное *ра*. Звукъ *n* или *m* есть подражаніе эху, отголоску, слышимому въ корпусѣ скрипокъ, виолончелей и барабановъ. Разница между инструментомъ человеческого голоса и искусственными инструментами состоитъ въ томъ, что каждый изъ четырехъ родовъ инструментовъ изобрѣтенныхъ человѣкомъ производитъ со всѣми тонами только одну согласную, *t*, *г*, *з* или *р*, болѣе или менѣе слышную, между-тѣмъ какъ удивительное изобрѣтеніе Творца, человѣческой вокальный инструментъ одинъ свободно издастъ двадцать два различныхъ удара, которые даютъ столько же совершенно чистыхъ согласныхъ, и, слѣдовательно, равенъ по своей выразительности оркестру изъ двадцати-двухъ родовъ инструментовъ. Но искусственные инструменты почитаются тѣмъ лучше, тонъ ихъ тѣмъ чище и игра на нихъ тѣмъ искуснѣе, чѣмъ менѣе примѣтны свойственныя имъ согласныя. Неопредѣлительность значенія — коренное свойство музыкальнаго звука. Онъ только тогда дѣйствуетъ вполне приятно на наше ухо, когда бываетъ доведенъ до совершенной безчленности.

Но если, за отсутствіемъ согласныхъ, искусственный музыкальный звукъ лишенъ всякой способности къ опредѣлительному значенію, зато онъ гораздо богаче человеческой рѣчи тонами. Всѣ роды изобрѣтенныхъ инструментовъ въ состояніи произвести

только четыре или пять согласныхъ, і, г, з, р, н, и то приближительно, между тѣмъ какъ нашъ голосовой органъ издаетъ ихъ двадцать-двѣ чистыхъ, а съ различными интонаціями болѣе сорока. На оборотъ, человѣческій инструментъ даетъ только пять гласныхъ, тогда какъ оркестрные инструменты обнимаютъ до семи октавъ и могутъ издать около девяноста различныхъ тоновъ, или гласныхъ. Замысловатости человѣческаго голосоваго инструмента нельзя надивиться. Рассказывая что-нибудь мы обыкновенно издаемъ одну безконечную ноту. Большая часть народовъ говорятъ тономъ *fa*; въ Европѣ одни только Французы говорятъ тономъ *sol*, и голосъ природнаго Француза на чужбинѣ уже издали отличенъ отъ всѣхъ голосовъ. Говоръ одною нотой — условіе неизбежное при слабости человѣческой груди: если бы голосъ, во время разсказу, непрерывно повышался и понижался на значительные интервалы, мы не могли бы рассказывать долго безъ совершеннаго утомленія груди и быстрого разстройства легкихъ. Но продолжительное изданіе одной ноты усыпительно для слушателя и даже невыносимо для нервовъ. Это знаетъ по опыту всякій, присутствовавшій при настройкѣ оркестра или органа. Чтобы разнообразить эту ноту, природа заимѣла повышенія и пониженія тону разными его *тембрами*, соотвѣтствующими низкимъ, среднимъ и высокимъ нотамъ. Гласныя У и О соотвѣтствуютъ тембрамъ своимъ басу и дѣйствительно выражаютъ его; гласная А, равновѣсіе тону, есть *medium*. Гласныя Э и И представляютъ дискантъ. Всѣ эти пять гласныхъ, У, О, А, Э, И, производятъ въ одной нотѣ совершенно такой же эффектъ какъ-будто онѣ отстояли другъ отъ друга на интервалы терціи, все болѣе и болѣе уменьшающихся — большой, малой, уменьшенной и наименьшой — *fa, la, do, mi bémol* (математическое, нѣсколько ниже употребительнаго нынче въ музыкѣ) и *fa* октавное, такъ, что И, самая высокая гласная по тембру своему, изображаетъ октаву самой густой гласной У. Цѣлая октава заключена по этому въ одной нотѣ, которою мы говоримъ. Не сходя съ этой ноты, членная рѣчь представляетъ музыкальную игру непрерывныхъ повышеній и пониженій тону, которая пріятно ласкаетъ ухо, умножая выразительность согласныхъ. Тотъ же самый инструментъ способенъ и къ настоящимъ повышеніямъ и пониженіямъ тону, къ развитію довольно обширнаго діапазона, въ двѣ съ половиною октавы, когда мы вбираемъ болѣе воздуха въ легкія и начинаемъ издавать поющіе тоны. Искус-

ственные инструменты далеко не так хитры и не так податны. Въ одной нотѣ тутъ всегда только одна тембръ, одна гласная. Чтобы достигнуть пріятнаго дѣйствія игры гласныхъ тембровъ и какой-нибудь выразительности въ отсутствіи явственныхъ ударовъ или согласныхъ, надобно дѣйствительнымъ образомъ переходить безпрестанно отъ низшихъ тоновъ къ высшимъ и обратно. Огромный рядъ нотъ, или гласныхъ тоновъ, отъ самаго низкаго органаго до до самаго высокаго флажолетнаго *sol*, замѣняютъ въ этомъ безчленномъ языкѣ вѣстѣ и согласныя и гласныя, и удары и тембры, содержащіеся въ одной нотѣ человѣческой рѣчи. Нота эта развита здѣсь на цѣлыхъ осемь октавъ. Но всё-таки мы получаемъ только языкъ неопредѣленный. Ударовъ, согласныхъ нѣтъ: не къ чему привязать положительное значеніе, мгновенно понятное уху и уму.

Но для выразительности, даже самой неопредѣленной, мало было бы и осемь октавъ тоновъ или гласныхъ: такой языкъ не могъ бы служить даже и аккомпанементомъ живому голосу. Опъ показался бы слишкомъ слабымъ, безцвѣтнымъ, мертвымъ, возлѣ распѣваемой рѣчи человѣческой, гдѣ музыкальный звукъ не только развертывается на нѣсколько октавъ нотъ, отъ самыхъ густыхъ басовъ до послѣднихъ предѣловъ сопрано, но еще можетъ до пяти разъ свободно измѣнить тембръ свой употребленіемъ пяти вокальных гласныхъ, или вокализациі. Нѣтъ ли въ свойствахъ мертваго звуку средствъ измѣнять тембръ одной и той же ноты нѣсколько разъ, подобно тому, какъ гласныя У, О, А, Е, И измѣняютъ тембръ ноты въ распѣваемой рѣчи? Конечно, есть. Сущность звуку представляетъ даже два различныя способа достигнуть почти такого же эффекта. Каждый изъ этихъ способовъ называется *гармоніей*. Можно измѣнить тембръ каждой ноты, повысивъ или понизивъ ее на волосокъ, на четверть, на осьмушку, на двѣнадцатую долю тону, посредствомъ такъ называемыхъ *дис-зовъ* и *бемолей*, стараясь найти самое пріятное, самое пѣжное и трогательное соотношеніе между двумя нотами, слѣдующими одна за другой. Это *гармонія послѣдовательная*, гармонія между звуками, являющимися сразу одинъ послѣ другаго, гармонія самая натуральная, потому что она соответствуетъ послѣдовательной гармоніи между согласными въ человѣческой рѣчи. Тогда въ октавѣ бываетъ до двадцати двухъ тоновъ, именно столько же, сколько есть чистыхъ, коренныхъ согласныхъ въ алфавитѣ. *Гармоніи* этой слѣдовала музыка древнихъ Грековъ и донынѣ слѣдуетъ восточная. Классическая древность подъ словомъ *гар-*

топіа, и нынѣшній Востокъ подъ словомъ *mulâyeté*, понимаютъ только *гармонію послѣдовательную*, гармоническое соотношеніе между звуками, слѣдующими постепенно другъ за другомъ и которыхъ тембры зварно измѣняются безконечно малыми повышеніями и пониженіями каждой данной ноты. Нельзя не согласиться, что этотъ родъ гармоніи дѣйствуетъ чрезвычайно сильно на нервы, разстроиваетъ ихъ ужасно. Разказы древнихъ о могуществѣ ихъ музыки вовсе не преувеличены: довыпѣ случается видѣть на Востокѣ безчувственныхъ бородачей рыдающими и бѣснующимися подъ влияніемъ этой гармоніи. Тамъ принято за несомнѣнную истину, что женщинъ оно страшно воспаляетъ къ любовнымъ порывамъ, и мусульмане не позволяютъ своимъ гаремнымъ затворницамъ слушать игру и пѣніе артистовъ, искусныхъ въ ихъ гармоніи. Такая гармонія можетъ быть добыта изъ всякаго инструмента, на которомъ каждая нота удобно повышается и понижается по произволу и вкусу играющаго. Теперь, вмѣсто отъсккиванія гармонической *послѣдовательности* между ближайшими нотами, можно, наоборотъ, взять, съ каждою данною нотой, вѣскольکو другихъ, низшихъ нотъ вмѣстѣ, тождеврменно: этпмъ также достигается до измѣнчивей тембра ноты, до главнаго условія ея выразительности. Возьмемъ, напримѣръ, ноту DO и присоединимъ къ ней тождеврменно вѣскольکو нотъ, лежащихъ пониже и болѣе или менѣе согласныхъ съ нею:

do — mi — sol — DO.
do — mi — sol — si bémol — DO.
do — — fa — la — DO.
— mi bémol — fa — la — DO.
re — — fa — la — DO.
si — re dièze — fa dièze — la — DO.

(Si bémol — re — fa — SI bémol.)

Верхняя нота DO все одна и та же: но сколько тембръ ея измѣнился черезъ присоединеніе къ ней разныхъ другихъ нотъ до того, что она показалась слушателю совсѣмъ другою нотой, столь же отличною отъ предшествующей, какъ У отлнчно отъ О, О отъ А, А отъ Е, Е отъ И! Это *гармонія тождеврменная*, паша новѣйшая гармонія. Она дѣйствуетъ на слушателя гораздо слабѣ гармоніи послѣдовательной, но весьма богата средствами къ разнообразію тембровъ и представляетъ обширное поле воображенію и искусству композитора. Она составляетъ діаметральную противоположность послѣдовательной гармоніи. Во-первыхъ

требуетъ совершенно другой гаммы. Во-вторыхъ, ноты въ ней неподвижны, постоянны, не могутъ ни повышаться ни понижаться; ни диезовъ ни бемолей тутъ не существуетъ: тождественная гармонія съ ними невозможна: правда, бемоли и диезы до-пяти пишутся, но это только педанство, старинное правописание, бесполезный обломокъ другой музыки и другой гармоніи; *cis, dis, fis, gis, ais* здѣсь такія же самостоятельныя и неизмѣнныя ноты, какъ *c, d, e, f, g, a, h*, или *do, re, mi, fa, sol, la, si*. Въ-третьихъ, тамъ сложные звуки дѣйствуютъ унисонно, тутъ, напротивъ, образуются они изъ аккордовъ, изъ многихъ интерваловъ вдругъ. Наконецъ, то, что въ послѣдовательной гармоніи лежало *рядомъ*, въ тождественной или ново-европейской лежитъ *одно на другомъ*. Это двѣ перпендикулярныя линіи, пересѣкающіяся крестообразно. Приладить ихъ одну къ другой никакъ невозможно. Лишь только до нихъ дотронуешься, вся система уничтожается. Эти двѣ гармоніи, эти двѣ музыки, на нихъ основаныя, никогда не поймутъ другъ друга, и тѣ, которые ими восплащаются: *музыка одна на свѣтъ! она — языкъ всеобщій!* — возгласомъ этимъ обнаруживаютъ только свое невѣжество. Музыка была бы языкомъ всеобщимъ, если бы въ существѣ звуку не заключалось двухъ совершенно различныхъ способовъ измѣнять тембры тону, для подражанія грѣ гласныхъ въ нотѣ человѣческой рѣчи, — двухъ противоположныхъ гармоній; а какъ объ онѣ равно хороши, равно естественны и законны, то одна можетъ поправиться болѣе той части человечества, а другая этой, — и вотъ два самостоятельные музыкальные языка, враждебные другъ другу.

Надобно замѣтить, что композиторы и музыканты повѣншіе вовсе не отдають себѣ отчету въ томъ, что такое изображаетъ гармонія въ природѣ, и даже не знаютъ о существованіи въ природѣ двухъ родовъ гармоній — послѣдовательной, *consécutive*, и тождественной, *simultanée*. Они понимаютъ только одну пынѣшнюю, тождественную гармонію и думаютъ, что другой и быть не можетъ. Этой и вщуть они вездѣ, когда принимаются разсуждать о теоріи музыки. Отсюда, между прочимъ, произошли безковечные и смѣшные споры о томъ, знали ли гармонію древніе Греки, которые такъ много говорили о гармоніи и ни одного слова объ аккордахъ. Да какъ же могли Греки говорить объ аккордахъ, когда они придерживались гармоніи послѣдовательной, въ которой аккордъ невозможенъ и рѣшительно былъ бы безнѣн, потому что измѣненія тембровъ данной ноты, — эффектъ

гласныхъ въ членной рѣчи и гармоніи въ рѣчи безчленной, или музыкѣ, — достигается тамъ безконечно малыми повышеніями и пониженіями той же ноты, существенно непостоянной?

Зная это, нѣтъ ничего легче, какъ рѣшить вопросъ, считаемый до-нынѣ за неразрѣшимый, вопросъ о томъ, какъ переводить восточную мелодію на звуки, понятныя европейскому уху. Когда цѣль гармоніи — измѣнять тембръ ноты въ подражаніе игрѣ гласныхъ, когда подвижность восточныхъ нотъ есть не что иное, какъ особенное гармоническое средство, служащее именно къ разнообразію тембровъ, такъ оставьте ихъ гамму восточнѣ, переложите азіатскую мелодію на неподвижныя ноты своей гаммы, а до тембровыхъ эффектовъ, производимыхъ на Востоку безконечно малыми повышеніями и пониженіями почти каждой ноты, добивайтесь путемъ аккордовъ: въ числѣ ихъ найдете такіе, которые вѣрно выразятъ особенныя наклоненія азіатскихъ тоновъ, не выходя изъ системы пятнаго намъ музыкальнаго языка. Если бы эта простая истина была кѣмъ либо растолкована европейскимъ артистамъ, господинъ Давидъ, въ своей «Пустынѣ», не сдѣлалъ бы изъ *пѣнія муэззина* той уродливой кавтлены, которая изумила всю музыкальную Европу.

Мы уже сказали, что такое собственно выражаютъ различныя гласныя, служащія къ измѣненіямъ тембра разговорной ноты. Собственно выражаютъ они повышенія и пониженія этой ноты на извѣстные интервалы. Что оно дѣйствительно такъ, въ этомъ вы можете убѣдиться простымъ наблюденіемъ надъ собою. Извѣстно, что чѣмъ короче духовая трубка, тѣмъ выше ея натуральная нота, и на оборотъ, чѣмъ длиннѣе трубка, тѣмъ ниже и гуще нота. Трубка пяти-вершковая даетъ ноту цѣлою октавою выше трубки дважды длиннѣе ея, десяти-вершковой. Произнося сряду гласныя У, О, А, Э, И, вы примѣчаете, что голосовая трубка ваша, простирающаяся отъ гортани до оконечности губъ, значительно удлиняется при У и, отъ этой гласной вверхъ до И, постепенно сокращается, раскрываясь болѣе у паружнаго отверстія. Еще яснѣе видно это въ извѣстномъ акустическомъ опытѣ господина Вуда съ кларнетомъ, устроеннымъ такъ, что труба его, сдвигаясь и раздвигаясь, можетъ удлиняться и сокращаться ровно вдвое. Раздвинувъ такой кларнетъ во всю длину его, онъ издаетъ чистый тонъ У. Сдвигая его потомъ, по мѣрѣ сокращенія трубы, вы постепенно слышите О, А, Э, И, и на оборотъ, если раздвигать инструментъ, онъ произноситъ тѣ же гласныя въ обратномъ порядкѣ, И, Э, А, О, У,

соразмѣрно съ своимъ удлиненіемъ. Слѣдовательно нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія что И — нота дѣйствительно выше Э, Э выше А, А выше О, О выше У, и что между У и И содержится интервалъ цѣлой октавы. Между-тѣмъ, благодаря чудному устройству нашего голосоваго органа, мы можемъ произнести У, О, А, Э, И, или И, Э, А, О, У, въ одной и той же нотѣ. Мы можемъ даже постепенно повышать и понижать голосъ до различныхъ нотъ, производя такъ называемое *пльнѣ*, и каждой изъ этихъ нотъ придать тембру низкихъ гласныхъ У, О, или средней А, или высокихъ Э, И. Въ безчленномъ языкѣ, въ музыкѣ, производится это посредствомъ гармоній, или методъ тембронзмѣнительныхъ. Значить, музыка, какъ безчленное подражаніе членной человѣческой рѣчи, включаетъ въ себѣ два искусства, — искусство повышать и понижать тоны такъ, чтобы они напоминали, безъ согласныхъ, движенія одушевленной, страстной, но вѣдѣтъ разумной, вполне логической, ясной и изящной рѣчи человѣческой: это называется *мелодіей*, — и искусство придавать каждой повышенной или пониженной нотѣ видъ новаго, внутренняго, такъ сказать душеваго пониженія или повышения ея, черезъ измѣненіе тембру, по образу и подобию гласныхъ въ членномъ словѣ: это цѣль и назначеніе *гармоніи*, которая не что иное какъ особенное орудіе безчленной выразительности.

Наконецъ дошли мы до самаго короткаго и самаго яснаго опредѣленія музыки. *Музыка есть безчленное, неопредѣлительное подражаніе членной и опредѣлительной человѣческой рѣчи.*

Разумѣется, подражаніе *рѣчи умной*, полной мысли и чувства, потому что глупой рѣчи подражать не стоить.

Если бы можно было слышать Цицерона, произносящаго среди взволнованнаго и растроганнаго Рима удивительную рѣчь свою въ защиту самого себя, и выразить мелодіей и гармоніей во всей точности, отъ начала до конца, и съ такимъ же художественнымъ расположеніемъ частей, всѣ движенія этой гениальной рѣчи, всѣ наклоненія голосу великаго оратора, все волненіе въ этомъ голосѣ свѣтлыхъ мыслей, страстныхъ чувствъ, изящныхъ фразъ, это былъ бы верховный идеалъ музыки.

Музыка можетъ подражать рѣчи оратора или рѣчи поэта, изъясняться въ прозѣ или въ стихахъ: въ первомъ случаѣ, движенія логики послѣдовательныхъ тоновъ свободны; во-второмъ, они связаны симметрическимъ ритмомъ, какъ и въ членномъ стихѣ.

Всякая послѣдовательность нѣсколькихъ высшихъ и низшихъ тоновъ въ безчленной рѣчи уже есть *пльнѣ*, *canto*, *chant*, подоб-

но тому какъ всякая послѣдовательность нѣсколькихъ слоговъ въ членной рѣчи, есть *говоръ*. Спросите музыкантовъ, даже ученыхъ музыкантовъ, композиторовъ, какая разница между *пѣніемъ* и *мелодіей*. Можете держать сто противъ одного, что они смѣшиваютъ «пѣніе» съ «мелодіей». Самые лучшіе писатели о музыкѣ до-сихъ-поръ еще не могутъ дать себѣ яснаго отчету въ коренномъ различіи этихъ двухъ предметовъ. При такой неясности понятій, каковы должны быть наши музыкальныя сочиненія!.... А между-тѣмъ, изъ предъидущаго, каждый ясно видитъ, что между *пѣніемъ* и *мелодіей* во всей точности такая же разница какъ между простымъ *говоромъ* и *краснорѣчіемъ*, — *краснорѣчіемъ* въ прозѣ, или *краснорѣчіемъ* въ стихахъ. Мелодія, что собственно значить *краснопѣіе*, есть именно *краснорѣчіе* безчленныхъ неопредѣлительныхъ звуковъ. «Пѣніе» и «краснопѣіе» очевидно не могутъ быть одно и тоже. И дѣйствительно, все что нужно для настоящаго *краснорѣчія*, нужно и для настоящей мелодіи. Моцартъ и Россини могутъ быть названы Демосоепомъ и Цицерономъ въ безчленной рѣчи.

Всѣмъ извѣстно, что музыка, и именно мелодія, дѣйствуетъ не на одного только человѣка. Четвероногіе, птицы, рыбы и даже наѣкомыя, явственно испытываютъ вліяніе этого безчленного неопредѣлительнаго *краснорѣчія*. Это не весьма лестно для ума этихъ существъ, потому что въ то же время они ни какъ не могутъ понять пользы членнаго опредѣлительнаго языка, или языка съ согласными, и звукамъ его присвоить какое-нибудь значеніе. Видно, языкъ неопредѣлительный болѣе сходствуетъ съ ихъ неопредѣлительными понятіями. Видно, у нихъ нѣтъ настоящихъ мыслей, а только бываетъ первое начало или зародышъ мысли, «чувство». Я краснѣю — смѣшиваюсь — не знаю какъ это сказать — но вдругъ я вспомнилъ, у женщинъ есть любимая поговорка: *мы болѣе руководствуемся чувствомъ!*.... Это значило бы: у насъ тоже водятся только первыя начала мысли, а полныхъ мыслей у насъ не бываетъ, какъ и у рыбъ. Переводъ — ужасный! Но и то сказать, что тутъ же онѣ прибавляютъ: *и оттого мы всегда умнѣе мужчинъ!* Дѣло этимъ совершенно исправляется. Изъ чего слѣдуетъ, что мысль—даръ тѣмъ болѣе безполезный, что онѣ же и мѣшаетъ мужчинамъ вполне чувствовать *краснорѣчіе* неопредѣлительнаго языка музыки, который, по невѣжливому выраженію господина Фетиса, гораздо болѣе сходенъ съ умственною сущностью женщины.

Какъ языкъ безчленный, неопредѣлительный, всякая музыка

можетъ-быть понимаема или ощущаема различно. Между животными, напримѣръ, у однихъ это ощущение похоже на сильное первичское потрясеніе и доходитъ даже до физической боли; у другихъ та же музыка поражаетъ чувство удовольствія, но въ различныхъ формахъ. Возьмите нѣсколько человекъ, равно чувствительныхъ къ музыкѣ: есть сочетанія звуковъ, которыя нѣмъ доставятъ удовольствіе, между тѣмъ какъ другіе къ нимъ остаются совершенно равнодушными, и наоборотъ. Иногда извѣстное сочетаніе звуковъ въ одно время не производитъ на насъ ни какого впечатлѣнія, а въ другое время приводитъ насъ въ восторгъ. Иногда удовольствіе, доставляемое музыкою — только тихое, нѣжное ощущение, которому душа предается; въ другихъ случаяхъ дѣйствіе ея становится суровымъ, почти насильственнымъ, потрясаетъ весь организмъ.

Но если сама природа вселяла въ насъ склонность къ музыкѣ, воспитаніе ее развиваетъ, иногда даже можетъ породить. Этимъ объясняется, вѣроятно, почему мы видимъ въ свѣтѣ людей, замѣчательныхъ по уму и дарованіямъ, которые не только равнодушны, но иногда даже чувствуютъ положительное отвращеніе къ музыкѣ. Нѣкоторые философы искали причины явленія въ неполнотѣ или несовершенствѣ организма такихъ людей; не есть ли эта нечувствительность скорѣе слѣдствіе долгаго бездѣйствія музыкальнаго чувства и недостатка въ упражненіи?

Неоспоримое дѣйствіе музыки на умъ и на тѣло человека внушило мысль употреблять его какъ средство леченія, не только въ душевныхъ болѣзняхъ, но и въ такихъ, гдѣ, повидимому, страдаетъ одинъ животный организмъ. Врачи сдѣлали опыты и наблюденія, въ которыхъ, къ сожалѣнію, замѣтенъ недостатокъ въ хорошей критикѣ фактовъ. Во многихъ сочиненіяхъ описаны такіе невѣроятные случаи, что одно только имя сочинителей спасаетъ ихъ отъ подозрѣнія въ вымыслѣ.

Ни Книга Бытія, ни поэты языческой древности, не говорятъ объ изобрѣтателяхъ музыки, а упоминаютъ только объ изобрѣтателяхъ первыхъ музыкальныхъ инструментовъ, Тувалъ, Меркурій, Аполлонъ и другихъ. Музыка родилась вмѣстѣ съ человекомъ. Это не могло быть иначе. Нѣкоторые мудрецы утверждали, что человекъ выучился музыкѣ у птицъ. Но па то и есть мудрецы, чтобы было кому нелѣпости выдавать за истины. По нашему немудрому разумѣнію, человекъ поетъ точно такъ же какъ ходитъ, говоритъ, мыслитъ, вслѣдствіе устройства своихъ органовъ и способностей своей души. Всякая музыка сначала состоитъ въ про-

стыхъ кликахъ радости или горестныхъ стовахъ; но по мѣрѣ развитія образованности поколѣнія музыка его совершенствуется, и то, что сначала было орашемъ страсти, дѣлается соображенный плодомъ искусства. Далеко ушелъ человѣкъ отъ медвѣжьихъ нотъ дикаря Новой Зеландіи до «ейрверочныхъ» «юритуръ» Рубини и мадамъ Віардо. Но уже и въ самыхъ нестройныхъ звукахъ заключается зародышъ нхъ мелодическаго пѣнія. Гармонія, разумѣется, явился гораздо позже. Это уже не вдохновеніе природы, а чистое искусство, на открытіе котораго впрочемъ навелъ человѣка невольный инстинктъ, — сила самаго звуку.

Замѣтимъ, что въ безчленной рѣчи, точно также какъ и членной, есть еще одинъ элементъ, на который вообще не обращаютъ вниманія: это — *акцентъ* или *удареніе*; отъ него зависитъ весь смыслъ фразы; съ измѣненіемъ его и смыслъ и дѣйствіе ея измѣняются; отъ присутствія или отсутствія его одна и таже мелодія или гармонія производитъ въ насъ впечатлѣніе или промелькаетъ незамѣченною. Но объ этомъ послѣ.

Каждый вѣроятно замѣчалъ, что женскіе или дѣтскіе голоса совершенно отличны отъ мужскихъ голосовъ: первые всегда болѣе или менѣе рѣзки, высоки, вторые болѣе или менѣе густы, низки. Между самымъ рѣзкимъ звукомъ первыхъ и самымъ густымъ звукомъ послѣднихъ, возможно безковечное число интонацій, изъ которыхъ каждая навывшему слуху представляетъ совершенно отличный, опредѣленный звукъ. Однако же, если бы каждому изъ этихъ звуковъ дать особое названіе, очевидно, что это множество названій только безъ пользы обременяло бы память; но ученые музыканты, занимавшіеся систематическимъ сводомъ тоновъ, замѣтили, что, за извѣстнымъ числомъ звуковъ, расположенныхъ въ опредѣленномъ порядкѣ, восходящемъ или нисходящемъ, слѣдуетъ другой рядъ въ такомъ же порядкѣ, и что эти два ряда звуковъ относятся между собою, какъ два согласные между собою голоса, изъ которыхъ одинъ выше, другой ниже; изъ этого они заключили, что второй рядъ есть повтореніе перваго, только въ извѣстномъ разстояніи, которое они по числу звуковъ назвали октавою. Такимъ образомъ, означивъ первый звукъ буквою *C*, второй *D*, третій *E*, и такъ далѣе *F*, *G*, *A*, *H*, они оканчивали тутъ первый рядъ или первую октаву; второй рядъ означали тѣми же буквами *c*, *d*, *e*, *f*, *g*, *a*, *h*, третій *cc*, *dd*, *ee*, и т. д.

Изобрѣтеніе слоговъ *ut*, *re*, *mi*, *fa*, *sol*, *la*, которые употребляютъ нынѣ, обыкновенно приписываютъ италіянскому монаху

Гвидо де Ареццо; рассказываютъ, будто онъ ихъ заимствовалъ изъ гимна Святому Иоанну:

UT queant laxis, REsonare fibris,
Mira gestorum, FAMuli tuorum,
Solve polluti, LABii reatum,
Sancto Joannes.

Но въ посланіи къ другому монаху, Гвидо только совѣтуетъ ему помнить древній напѣвъ этого гимна, какъ средство удержатъ въ памяти интонацію каждой ступени гаммы; потому что напѣвъ его возвышался одною нотою на означенныхъ слогахъ *ut, re, mi, fa, sol, la*. Спустя пять столѣтій, одинъ Фламандецъ прибавилъ къ этимъ шести слогамъ седьмой, *si*, и довершилъ рядъ, послѣ котораго начинаются снова тѣ же степени и тѣ же названія во второй октавѣ, потомъ въ третьей, четвертой, пятой. Около 1640 года, ученый музыкантъ Дони замѣнилъ слогъ *ut* слогомъ *do*, болѣе удобнымъ въ *сольмизаціи* * и болѣе приятнымъ для слуха. Нѣкоторые народы, Итальянцы, Французы, Испанцы, Португальцы, приняли эти слоги для названія звуковъ; Нѣмцы и Англичане сохранили донынѣ буквы. Весь рядъ названій для буквъ называется *гаммою* **.

Придумавъ такимъ образомъ названія звукамъ, ученые потомъ замѣтили, что между этими звуками есть еще промежуточные звуки, вполне доступные слуху. Напримѣръ, между *ut* и *re* замѣтили третій звукъ, равно отстоящій отъ того и другаго. Чтобы не умножать слишкомъ числа названій, они рѣшились принимать этотъ звукъ иногда за повышенный *ut*, а иногда за пониженный *re*; въ первомъ случаѣ его стали называть *ut-diezz*, во второмъ случаѣ *re-бемоль*; точно такъ же поступили они въ отношеніи къ прочимъ промежуточнымъ звукамъ. Такимъ образомъ *diezz* сталъ означать повышение, а *бемоль* пониженіе звука. Очевидно, что это—искусственное дѣйствіе, придуманное для большей простоты; интонація каждаго звуку одна, и превратившись въ другой звукъ, онъ уже не существуетъ. Слѣдовательно *ut-diezz* уже вовсе не *ut*;

* *Сольмизаціею* называется такое упражненіе въ пѣніи, когда ученикъ называетъ каждую ноту, которую беретъ; упражненія, писанныя для *сольмизаціи* называютъ *сольфеджами*.

** Названіе гаммы заимствовано у Грековъ, у которыхъ самая низкая нота дѣйствицы звуковъ изображалась третьею буквою алфавита, Г; эта нота была *sol*.

но музыканты, имѣющіе одно только практическое образованіе, — а сюда принадлежатъ большая часть, — придали реальное значеніе знакамъ, которые только изображаютъ звуки, и видя, что знакъ *ut* или *re* остается, съ прибавленіемъ только знаку повышенія или пониженія, то есть *dieza* или *бемоль*, вообразили, что и самый *ut* остается все тѣмъ же *ut*, будетъ ли при немъ *дизъ* или *нѣтъ*. Такія ошибки въ музыкѣ встрѣчаются очень часто; онѣ — главная причина неясности и непрочности началъ науки музыки.

Такъ какъ и *ut-diezъ* и *re-бемоль* промежуточный звукъ между *ut* и *re*, то и казалось бы, что эти двѣ ноты должны быть совершенно тождественны; однако же по теоріи, основанной на исчисленіи длины струнъ и на законахъ ихъ резонанса, *ut-diezъ* не тождественъ съ *re-бемолемъ*; разность ихъ бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ 80 : 81, а въ другихъ какъ 125 : 128. Эта разность называется *комою*. Но какъ было бы чрезвычайно трудно строить клавишные инструменты, на примѣръ фортепіано или органъ, которые въ точности сохраняли бы эти пропорціи; притомъ такіе инструменты представляли бы почти непреодолимые затрудненія для играющаго, то эти инструменты настраиваютъ такимъ образомъ, чтобы разности ихъ звуковъ были распределены на весь рядъ звуковъ; онѣ такимъ образомъ становятся не такъ ощутительны для слуха. Дѣйствіе это называется *темперированіемъ* или *темпераментомъ*; всѣ настройщики соблюдаютъ его по привыку, не зная его теоріи. Само собою разумѣется, что черезъ темперированіе достигается только приблизительная вѣрность звуковъ, но въ музыкѣ, эта приблизительная вѣрность удовлетворяетъ слухъ.

Еслибы каждому предоставить по произволу назвать любую ноту *ut*, слѣдующую за нею *re* и такъ далѣе, отъ этого произошелъ бы въ музыкѣ страшный безпорядокъ и непримиримое разногласіе. Для устраниенія этого неудобства, изобрѣли небольшой стальной инструментъ, въ видѣ двузубой вилки, который даетъ нормальный звукъ называемый *каммертономъ*, у Французовъ *diapason*. Это же названіе перенесено и на самый инструментъ. По его тону настраиваются всѣ инструменты, и имъ же руководствуются пѣвцы. Вездѣ, кромѣ Италіи, камертоны даютъ *la*, въ Италіи *ut*; отсюда и выраженіе, употребительное въ оркестрахъ, при слаживаніи инструментовъ: дать *la*; *suonar il do*. Каммертонъ не совершенно одинаковъ во всѣхъ странахъ; даже въ одной и той же странѣ онъ подвергался значительнымъ из-

мѣненіямъ. Въ Парижѣ, напримѣръ, каждый театръ имѣлъ прежде свой камертонъ; самый низкій былъ камертонъ Большой Оперы, самымъ высокимъ камертонъ Итальянской Оперы; нынче разность между ними незначительна. Слишкомъ низкій камертонъ вредитъ силѣ и опредѣленности звуковъ, потому что струны на инструментахъ не довольно натянуты; слишкомъ высокій камертонъ извуряетъ голоса.

Нельзя не пожелать, чтобы употребленіе камертона болѣе распространилось. Большая часть фортепіанъ, въ особенности же въ провинціи, строятся ниже камертона. Если восточно пѣть подъ такое фортепіано, голосъ становится лѣнивъ и тяжелъ, и потому большихъ успѣхъ стоитъ пѣть по камертону.

Греки и Римляне, для выраженія звуковъ на бумагѣ, употребляли буквы своего алфавита, которыя они различнымъ образомъ слагали или обрѣзали. Мусульмане тоны своей гаммы пишутъ тоже буквами; A (*do*), B (*ré bémol*), G (*do dièze*), D (*re*), H (*mi bémol*), W (*re dièze*), Z (*mi*), Ch, Th, I, K, L, M, N, S, O, F, Ts. Эта послѣдняя буква составляетъ октаву тону A. Въ октавѣ у нихъ осемнадцать нотъ. Китайцы для каждаго тону рпеуютъ особенную фигуру, въ родѣ тѣхъ, которыми изображаютъ они свои слова.

Когда, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ безпрестанной борьбы, Западная Имперія наконецъ пала подъ ударами сѣверныхъ варваровъ, искусства погибли вмѣстѣ съ нею, оставивъ послѣ себя только смутное воспоминаніе, которое все слабѣло и слабѣло, и наконецъ совершенно исчезло въ VIII вѣкѣ. Музыка Грековъ, чаровавшая Римъ и Италію, совершенно забыта; изъ нея сохранилось на Западѣ только то, что удержано двумя отцами церкви (св. Амвросіемъ и св. Григоріемъ) для богослуженія. По крайней простотѣ, или даже ограниченности этихъ напѣвовъ, не много требовалось знаковъ для изображенія ихъ; этими знаками были нѣсколько буквъ азбуки.

Но между тѣмъ какъ латинскіе народы употребляли буквы, Лонгобарды и Готы, покоривъ Италію, принесли съ собою совершенно новую систему знаковъ, которые изображали не единичные звуки, а цѣлыя сочетанія звуковъ, даже цѣлыя фразы. Въ большихъ бібліотекахъ сохранилось до нынѣ нѣсколько рукописей, въ которыхъ эта система приложена къ церковнымъ напѣвамъ; это дало возможность ученымъ музыкантамъ разобрать ее, сличивъ рукописи съ тѣми же напѣвами, писанными по системѣ латинской музыки.

Замѣчательно, что восточные народы, по крайней мѣрѣ древніе, всегда старались однимъ знакомъ выразить цѣлое сочетаніе звуковъ, вмѣсто того чтобы разложить его на простѣйшіе элементы. Эту страсть должно приписать любви Восточныхъ къ безконечнымъ украшеніямъ напѣвовъ. Фигуртуры ихъ были бы очень затруднительны для письма и для чтенія, еслибы они не придумали средства выразить нѣсколько звуковъ однимъ знакомъ. Такого рода знаки употребляются до нынѣ въ музыкѣ греческихъ церквей на Востокѣ. Изобрѣтеніе ихъ приписывается Іоанну Дамаскину.

Трудно въ наше время опредѣлить точную эпоху изобрѣтенія нотъ сплошнаго или безтактнаго пѣнія (*plain-chant*), изъ которыхъ развилаcь нынѣшняя система музыкальныхъ письменъ; примѣры ихъ встрѣчаются въ рукописяхъ первой половины XI вѣка; но это нѣсколько не доказываетъ, что онѣ не были изобрѣтены гораздо ранѣе. Должно впрочемъ замѣтить, что въ это время не было общей, постоянной системы музыкальныхъ письменъ. Каждый учитель писалъ по своему, и передавалъ свою систему ученикамъ; если музыкантъ хотѣлъ переселиться изъ одной области въ другую, онъ почти всегда принужденъ былъ изучать новую систему.

Какъ бы то ни было, а система нотъ латинскаго сплошнаго пѣнія, которая встрѣчается въ церковныхъ пѣвческихъ книгахъ, вошла наконецъ въ общее употребленіе, и послужила основаніемъ системѣ, принятой нынче всѣми европейскими народами.

Совокупность музыкальныхъ знаковъ или письменъ называется *нотациею*. Всѣ знаки раздѣляются на два разряда; первый разрядъ заключаетъ знаки *интонаціи*, второй знаки *долготы* или *протяженія*. И тѣ и другіе равно необходимы; потому что недостаточно знать какой звукъ изображаетъ знакъ; надо знать его протяженіе, имѣть возможность измѣрить его долготу. Всѣ знаки располагаются на нарочно приготовленной для того такъ называемой *нотной бумагѣ*; приготовленіе ея состоитъ въ томъ, что на ней начерчены ряды линій, по пяти линій въ каждомъ. Эти ряды называются *планами* и представляютъ слѣдующій видъ.

На этихъ-то линіяхъ, или въ промежуткахъ ихъ, ставятся знаки нотациі. Я уже говорилъ, что они бываютъ двухъ родовъ: зна-

ли нитонаціи и знаки протяженія. Знаки нитонаціи опять дѣлятся на два вида; одни называются *ключами*, другіе *нотами*.

Различіе ключей происходитъ изъ самаго различія голосовъ; они ставятся вначалѣ каждаго плана и показываютъ, что написанное на немъ принадлежитъ тому или другому голосу. Знакъ высокихъ голосовъ и инструментовъ называется *ключемъ*

sol, и пишется слѣдующимъ образомъ: . Онъ ставится обыкновенно на второй линіи снизу и означаетъ, что нота изображающая звукъ *sol* стоитъ на этой линіи.

Для низкихъ инструментовъ и голосовъ употребляется *ключъ fa*, который изображается такъ ; онъ ставится на четвертой линіи снизу и показываетъ, что знакъ, стоящій на этой линіи изображаетъ звукъ *fa*. Знакъ среднихъ инструментовъ и голосовъ называется *ключемъ ut*; но какъ въ этихъ голосахъ возможны различныя степени высоты, то эти степени означаются положеніемъ ключа на различныхъ линіяхъ. *Ключъ ut* изображается слѣдующимъ образомъ

 и показываетъ, что знакъ стоящій на одной съ нимъ линіи, есть *ut* *.

Всѣ голоса можно подвести подъ четыре категоріи: 1) женскіе высокіе голоса; 2) женскіе низкіе голоса; 3) мужскіе высокіе и 4) мужскіе низкіе голоса. Женскій высокій голосъ называется *сопрано* или *дискантомъ*; средній женскій голосъ *меццо-сопрано* или *вторымъ дискантомъ*; низкій женскій голосъ *контральтомъ* или *альтомъ*; мужской высокій голосъ называется *теноромъ*, низкій *басомъ*; средній голосъ между теноромъ и басомъ есть *баритонъ*. Какъ мужскіе высокіе голоса отъ природы, вслѣдствіе ихъ сложенія, одною октавою ниже высокихъ голосовъ женскихъ, то можно бы тѣ и другіе писать съ однимъ ключемъ, предоставляя различіе октавъ свойству самихъ голосовъ. Точно также, контральто, которое октавою выше баса, можно бы писать съ басовымъ ключемъ. Что касается до инстру-

* Эти названія ключей употребляются во всей Европѣ, преимущественно какъ выраженіе техническое; въ общепитіи же болѣе употребляются другія названія, по инструментальнъ или голосамъ, которые пишутся въ этихъ ключахъ: *ключъ sol* называется скрипичнымъ, *ключъ fa* басовымъ, *ключъ ut*, смотря по положенію своему на первой, третьей или четвертой линіи, дискантовымъ, альтовымъ или теноровымъ. У насъ, Русскихъ, употребительны только эти послѣднія названія ключей.

ментовъ, исполняющихъ въ оркестрѣ средніе голоса, въ нихъ также можно бы ограничить число ключей, обозначая различіе октавы какимъ-нибудь знакомъ, напримѣръ, перечеркнувъ скрипичный или басовый ключъ.

Но, если и можно бы вообще бросить ключи *ut*, то они тѣмъ неменѣе чрезвычайпо полезны въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, о которыхъ будетъ говорено впоследствии; поэтому музыкантамъ необходимо свыкнуться съ ними; а для того они должны ихъ постоянно употреблять. Вотъ почему донынѣ сохранилось въ музыкѣ такое множество ключей, несмотря на то, что всѣ согласны въ пользу, какую принесло бы ихъ уничтоженіе, и устраненіе происходящей отъ нихъ путаницы.

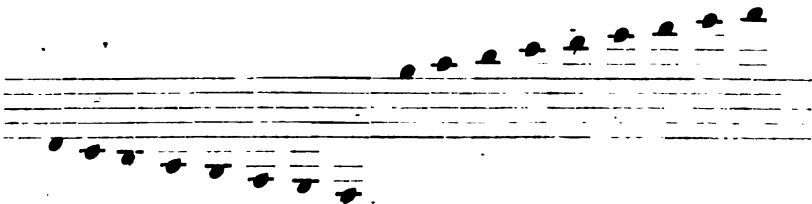
Ключи — только общіе знаки, показывающіе какого роду голосъ или инструментъ долженъ исполнять представляемую музыку; ноты же — особые знаки каждаго звуку. Однако не должно думать, чтобы для каждаго звуку необходимъ былъ знакъ особаго виду: такое разнообразіе путало бы только понятіе и безъ пользы утомляло бы память. Не форма ноты опредѣляетъ ея интонацію, а положеніе ея на планѣ. Для этого достаточно просто поставить точку на одной изъ линій или въ промежуткѣ.

Нота, стоящая на нижней линіи плана представляетъ звукъ ниже нотъ, занимающихъ другія мѣста на томъ же планѣ; такимъ образомъ нота, поставленная въ промежуткѣ между первой и второю линіями представляетъ звукъ выше ноты на первой линіи; нота на второй линіи опять одною степенью выше ноты въ первомъ промежуткѣ и такъ далѣе, по мѣрѣ возвышенія нотъ на планѣ. Слѣдовательно, если ноту на первой линіи мы назовемъ *ut*, нота между первой и второю линіями будетъ *re*, на второй линіи *mi* и такъ далѣе, какъ показано въ слѣдующемъ примѣрѣ:

Разумѣется, что инструментъ, или голосъ, который ограничился бы этимъ небольшимъ числомъ нотъ, представлялъ бы скудныя средства музыкантѣ или пѣвцу, и нѣтъ такихъ ограниченныхъ инструментовъ и голосовъ. Инструменты въ особенности многими выходятъ изъ предѣловъ плана пяти линій. Но если бы планъ составлялъ изъ такого числа постоянныхъ линій, на кото-

ромъ помѣстится бы весь объемъ нѣкоторыхъ инструментовъ, то отъ множества линій глазъ представлялъ бы такой лабиринтъ, что самый опытный глазъ съ трудомъ могъ бы узнавать ноты. Такъ было нѣкогда въ инструментальной музыкѣ, въ-особенности въ органной музыкѣ шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка; и поэтому сочиненія великихъ органистовъ того времени для большей части музыкантовъ—недоступная грамота. Для устранения этого неудобства придумано очень замысловатое средство. Надъ линіями плана, или подъ ними, прибавляется, смотря по надобности, большее или меньшее число коротенькихъ линеетчекъ, на которыхъ пишутся ноты. Эти добавочныя линеетчки никогда не мѣшаются съ линіями плана, и безъ труда схватываются при первомъ взглядѣ. Вотъ примѣръ:

Нота, стоящая на одной линіи съ ключемъ, всегда называется именемъ ключа и служитъ исходною точкою для названія и опредѣленія прочихъ нотъ. Такъ напримѣръ, если въ началѣ плана поставленъ ключъ *sol* на второй линіи, нота, стоящая на этой линіи называется *sol*; если въ началѣ плана стоитъ ключъ *fa* на четвертой линіи, то и нота на этой линіи есть *fa*; а по этимъ двумъ нотамъ называются и всѣ остальные. Изъ этого видно, что названіе нотъ случайно, и что его нельзя опредѣлить безусловно; первая причина этого непостоянства заключается въ различіи голосовъ, слѣдствіемъ котораго есть различіе и число ключей.

Но если положеніе нотъ не постоянно, то не такова ихъ интонація; она опредѣляется нормальнымъ звукомъ, о которомъ мы говорили выше и который называется *каммертономъ*. Такимъ образомъ извѣстная нота, хоть напримѣръ *ut*, можетъ имѣть одну только интонацію, какое бы ни было ея положеніе на планѣ. Единственное различіе ея въ звукѣ, вслѣдствіе различнаго положенія на планѣ, есть то, что эта нота можетъ принадлежать разнымъ голосамъ, верхнему регистру баса, среднему тенора или альту и высшему регистру дисканта.

Вотъ примѣръ одной интонаціи, общей различнымъ голосамъ:

Басъ. Теноръ. Альтъ. Второй диш- Дишкантъ.
кантъ.

ut	ut	ut	ut	ut
Высокая нота.	Средняя нота.		Низкая нота.	

Мы видѣли, какъ изображается рядъ звуковъ, называемыхъ *ut, re, mi, fa, sol, la, si*; но не видали еще знаковъ, которые изображаютъ промежуточные звуки между этими, отличаемаго названіемъ *диезъ* и *бемоль*. Диезъ изображается знакомъ \sharp , а бемоль знакомъ \flat .

Всѣ линіи и промежутки плана, какъ мы видѣли, заняты звуками *ut, re, mi* и такъ далѣе; для промежуточныхъ между ними звуковъ нѣтъ мѣста; поэтому ихъ условились изображать тѣми же нотами, ставя передъ ними знакъ \sharp или \flat ; и дѣйствительно, если названіе *ut-диезъ* или *re-бемоль* достаточно для выраженія понятія промежуточного звука между *ut* и *re*, то и нота *ut* съ \sharp или *re* съ \flat достаточно для представленія этого звука нашимъ глазамъ.

Примѣръ:

Когда требуется уничтожить дѣйствіе диеза или бемоля, употребляютъ другой знакъ, *отказъ* или *беккаръ*, который изображается слѣдующимъ образомъ \natural . Отказъ ставится передъ нотою, передъ которою прежде стоялъ диезъ или бемоль и означаетъ, что этотъ диезъ или беккаръ отнять отъ ноты. Это нечто иное какъ стенографическій знакъ.

Разность между двумя звуками, какъ *ut* и *re* называется *тономъ*; разность между однимъ изъ этихъ звуковъ и промежуточнымъ *ut* \sharp или *re* \flat называется *полутономъ*. Полутономъ есть самый малый интервалъ, какой можетъ вѣрно схватить слухъ Европейца.

По странной особености, разстояніе между звуками, составляющими гамму не вездѣ одинаково, такъ, что между *mi* и *fa* и между *si* и *ut*, нѣтъ промежуточного звука, который находится

между *ut* и *re*, *re* и *mi* и такъ далье. Разность между этими нотами составляетъ только полутона. Рядъ звуковъ, составленный по образцу гаммы *ut, re, mi, fa, sol, la, si*, называется *диатоническимъ* рядомъ; если вставить промежуточные звуки, то этотъ рядъ звуковъ *ut, ut[♯], re, re[♯], mi*, и такъ далье называется *хроматическимъ*. Прежде говорили о музыкѣ, что она въ диатоническомъ родѣ, если въ ней встрѣчалось мало промежуточныхъ звуковъ, и въ *хроматическомъ*, когда ихъ было много; но эти выраженія вышли изъ употребленія съ-тѣхъ поръ, какъ искусство музыки обогатилось множествомъ сочетаній происходящихъ изъ безпрестаннаго смѣшенія того и другаго рода. Новыя о диатоническомъ родѣ могутъ дать немногіе древніе напѣвы и нѣкоторые простѣйшія мелодіи; хроматическій родъ употребляется въ новой музыкѣ почти безпрестанно; его можно назвать отличительнымъ ея чертою. Въ новейшей музыкѣ встрѣчается также иногда, хотя гораздо рѣже, третій родъ *энгармоническій*. Далье будетъ объяснено, въ чемъ онъ состоитъ.

Слова *диатоническій* и *хроматическій*, перешли въ новѣйшія языки изъ греческаго, и имѣютъ въ нихъ неточное значеніе; слово *диатоническій* происходитъ отъ сложенія словъ *δια, по, и τότα, тамъ*; но въ новѣйшей музыкѣ нѣтъ гаммы, которая бы шла исключительно *потонно*; напротивъ въ каждой гаммѣ есть непремѣнно два полутона, какъ въ гаммѣ *ut* съ *mi* на *fa* и съ *si* на *ut*. Названіе *хроматической* музыки можетъ-быть и вѣрнѣе, но оно не довольно ясно. Слово это происходитъ отъ греческаго слова *chrōma*, цвѣтъ, и дѣйствительно употребленіе полутоновъ отдѣляетъ музыку, даетъ ей колоритъ; сѣдовательно слово это можно принять, но только въ переносномъ значеніи.

Гамма *ut, re, mi, fa, sol, la, si, ut*, расположена такимъ образомъ, что разстояніе съ *ut* на *re* составляетъ цѣлый тонъ, съ *re* на *mi* опять тонъ, съ *mi* на *fa* полутона, съ *fa* на *sol* тонъ, съ *sol* на *la* тонъ, съ *la* на *si* тонъ, съ *si* на *ut* полутона; то есть она представляетъ слѣдующій порядокъ: два тона, полутона, три тона и полутона.

Если бы мы захотѣли начать гамму съ *re*, то есть *re, mi, fa, sol, la, si, ut, re*, порядокъ тоновъ и полутоновъ былъ бы перебитъ; сперва будетъ тонъ, съ *re* на *mi*, потомъ полутона, съ *mi* на *fa*, потомъ опять тонъ съ *fa* на *sol*, тонъ съ *sol* на *la*, тонъ съ *la* на *si*, полутона съ *si* на *ut*, и тонъ съ *ut* на *re*; словомъ, она представитъ слѣдующій порядокъ: тонъ, полутона, три тона, полутона, и тонъ. Чтобы исправить это отступленіе,

стоитъ только вмѣсто *fa* воставить *fa-dieze* и вмѣсто *ut*, *ut-dieze*. Такимъ образомъ получимъ тонъ съ *re* на *mi*, тонъ съ *mi* на *fa-dieze*, полутоновъ съ *fa-dieze* на *sol*, тонъ съ *sol* на *la*, тонъ съ *la* на *si*, тонъ съ *si* на *ut-dieze*, и полутоновъ съ *ut-dieze* на *re*; то есть у насъ будетъ гамма *re, mi, fa-dieze, sol, la, si, ut-dieze, re*, въ которой находимъ два тона, полутоновъ, три тона, и полутоновъ, точно такъ же, какъ въ гаммѣ, начинавшейся съ *ut*.

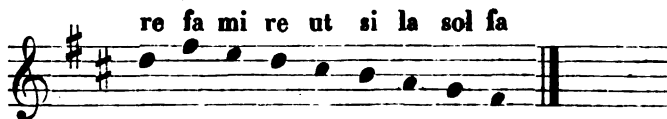
Поступая такимъ образомъ, и сохранивъ порядокъ тоновъ и полутоновъ, можно начинать гамму съ каждой ноты, не исключая и промежуточныхъ звуковъ; такимъ образомъ мы получимъ столько правильныхъ гаммъ сколько звуковъ въ октавѣ. Каждая гамма называется по имени ноты съ которой начинается, гаммою *re, mi-b, fa*, и прочее, или же гаммою тона *re*, тона *mi-b*, и такъ далѣе; а о пьесахъ, писанныхъ въ звукахъ, принадлежащихъ къ этимъ гаммамъ, мы говоримъ симфонія въ тонѣ *re*, сопата въ тонѣ *mi-b*, увертюра въ тонѣ *fa*, и прочее.

Здѣсь слово *тонъ* очевидно имѣетъ не то значеніе, въ которомъ мы употребляли его прежде; оно означаетъ уже не разстояніе отъ одной ноты къ другой, а известное расположеніе звуковъ. *Тонъ re* напримѣръ означаетъ такое расположеніе звуковъ, при которомъ гамма должна начинаться съ *re*. Это двойное значеніе одного слова важный недостатокъ въ музыкальномъ языкѣ; такихъ словъ въ немъ довольно много. Непонимающіе выраженій *тонъ re*, и прочая, придали наконецъ слову *тонъ* еще третье значеніе; стали употреблять его какъ однозначущее съ словомъ *звукъ*; такъ напримѣръ говорятъ пріятный *тонъ*, сильный *тонъ*, нескладный *тонъ*; всѣ эти выраженія неточны.

Какъ не всѣ голоса имѣютъ одинаковій объемъ, то очень часто случается, что въ сочиненіи, которое нѣкоторымъ особамъ по голосу, для другихъ есть слишкомъ высокія или слишкомъ низкія ноты, и онѣ могутъ его пѣть не иначе какъ спустивъ, или поднявъ его на одинъ или на нѣсколько тоновъ; то есть они должны перевести его съ гаммы *re* или съ гаммы *mi-b*, на гамму *ut*, или на оборотъ, съ гаммы низшей на гамму высшую. Это дѣйствіе называется *транспонированіемъ*. Люди, не знающіе музыки транспонируютъ по инстинкту, не думая о томъ, когда переносятъ то, что поютъ, въ самые удобные для ихъ голоса тоны; но для музыканта, который аккомпанируетъ *транспонированную* пьесу, это дѣло гораздо сложнѣе; онъ долженъ играть не тѣ ноты, которыя у него передъ глазами, что-

требует напряженного вниманія и быстроты соображенія, въ особенности, если аккомпанируетъ на фортепiano, потому что въ такомъ случаѣ надо транспонировать вдвойнѣ, для правой и для лѣвой руки.

Очевидно, что если при транспонированіи надъ каждою нотою, надъ каждымъ діезомъ, бемолемъ или отказомъ расчитывать, чѣмъ ихъ слѣдуетъ замѣнить, какимъ бы быстрымъ соображеніемъ ни былъ одаренъ музыкантъ, онъ на каждомъ шагѣ будетъ встрѣчать затрудненія, которыя еще увеличиваются отъ быстроты исполненія; но есть средство упростить это дѣйствіе: стѣять только вмѣсто ключа, стояшаго въ началѣ плана, предположить другой ключъ, который соответствовалъ бы тону, въ которомъ надо играть. Напримѣръ если пьеса въ тонѣ *re*, и писана въ ключѣ *sol* на второй линіи, а нужно переложить ее на тонъ *si-b*, поставьте мысленно вмѣсто ключа *sol* ключъ *ut* на первой линіи, а вмѣсто двухъ діезовъ два бемоля; и пьеса транспонирована, какъ видно изъ слѣдующаго примѣра:

По транспонированіи:

Въ такихъ случаяхъ особенно полезно разнообразіе ключей.

Транспонированіе есть одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ музыки; въ практическомъ отношеніи оно требуетъ смѣтливости, которою не всегда обладаютъ даже довольно искусные чтецы. Для устраненія этого затрудненія придумали фортепiano, въ которыхъ транспонированіе совершается посредствомъ особеннаго механизма; это *транспонирующіе фортепiano* (*pianos transpositeurs*). Это изобрѣтеніе, какъ оно ни удобно, однако же не имѣло большаго успѣху.

Процессъ, посредствомъ котораго въ музыкѣ Европейцевъ дается одинаковое положеніе тонамъ и полутонамъ во всѣхъ гаммахъ, былъ неизвѣстенъ древнимъ, да и нынче еще у нѣкоторыхъ народовъ гамма основывается на совершенно другихъ началахъ.

Каждое изъ четырехъ гелленскихъ племенъ, покорившихъ Пелазговъ, и бывшихъ родоначальниками греческаго народа, имѣло свою особую гамму, которая называлась *ладомъ*, *modus*. Впоследствии Греки соединили эти четыре лада, сдѣлали въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, и составили изъ этого свою общую систему музыки. Лѣтъ за четыреста до Рождества Христова, ладійскій ладъ былъ слѣдующій:

ut re mi fa sol la si ut

фригійскій:

re mi fa sol la si ut re

дорическій:

mi fa sol la si ut re mi

эолийскій:

fa sol la si ut re mi fa

Здѣсь не мѣсто разбирать, какимъ образомъ эти лады съ теченіемъ времени получили другія названія, какимъ образомъ фригійскій ладъ сталъ дорическимъ черезъ пониженіе на полутоны седьмой ноты, между-тѣмъ какъ дорическій сталъ фригійскимъ, черезъ повышеніе на полутоны второй ноты; какимъ образомъ эолийскій ладъ сталъ ладійскимъ, и такъ далѣе. Не будемъ говорить и о нѣкоторыхъ другихъ видоизмѣненіяхъ ладовъ, которые произошли въ позднѣйшее время, а замѣтимъ только, что эти четыре гаммы устроены такъ, что полутоны *mi-fa* и *si-ut* занимаютъ въ каждой изъ нихъ различныя мѣста; это видно изъ слѣдующей таблицы, въ которой полутоны означены знакомъ \frown :

ut re mi fa sol la si ut

re mi fa sol la si ut re

mi fa sol la si ut re mi

fa sol la si ut re mi fa

Вотъ слѣдовательно начало, на которомъ основывалось образованіе ладовъ въ греческой музыкѣ; различіе гаммъ заключалось въ различіи мѣста, которое занимали въ нихъ полутоны. Результаты этого начала въ приложеніи къ практикѣ составляли то, что называется *греческою системою ладовъ*, точно такъ же какъ

однаковое положеніе полутоновъ въ различныхъ гаммахъ новѣйшей музыки есть начало *новѣйшей системы тоновъ*.

Въ то время когда астрономъ Птоломей писалъ о музыкальной системѣ восточныхъ Грековъ, то есть, около 139 года до Рождества Христова, система ихъ заключала въ себѣ слѣдующія семь гаммъ:

- 1 la si ut re mi fa sol la
- 2 si ut re mi fa sol la si
- 3 ut re mi fa sol la si ut
- 4 re mi fa sol la si ut re
- 5 mi fa sol la si ut re mi
- 6 fa sol la si ut re mi fa
- 7 sol la si ut re mi fa sol

Когда христіане въ первый разъ стали помышлять о приведеніи въ порядокъ своихъ религиозныхъ напѣвовъ, они приняли эту систему, съ нѣкоторыми измѣненіями. Первые сочинители церковныхъ пѣсенъ, замѣтивъ, что въ каждой гаммѣ ихъ пѣнія есть нота, служащая точкою опоры или отдохновенія, и другая нота, которая чаще прочихъ возвращается, назвали первую *финальною нотой*, то есть заключительною, а вторую *доминантою*, то есть преобладающею. Такимъ образомъ, отличительными чертами каждаго ладу или тону церковнаго пѣнія стали предѣлы гаммы, *финальная* и *доминанта*.

По всему сказанному можно бы предполагать, что въ церковномъ или въ сплошномъ, безтактномъ пѣніи, должно бы быть только семь ладовъ или тоновъ, какъ въ системѣ Птолемея; потому что въ диатонической гаммѣ только семь различныхъ звуковъ, съ которыхъ можно начинать различныя положенія полутоновъ. Но первые преобразователи сплошнаго пѣнія замѣтили, что самыя употребительныя формы мелодій заключаются въ предѣлахъ квинты, или въ предѣлахъ кварты; это внушило имъ мысль раздѣлить каждую гамму на квинту и кварту, и ставить кварту или выше или ниже квинты, такимъ образомъ:

Въ обихѣ перестановкахъ одной и той же гаммы черныя ноты суть финальная нота тона. Первое положеніе называется *автентическимъ*, второе *плагальнымъ*. Каждая изъ семи гаммъ, различающихся положеніемъ полутоновъ, можетъ быть точно такъ же расположена двоякимъ образомъ; слѣдовательно число гаммъ уже не ограничивалось семью, какъ въ греческой системѣ, изложенной Птолемеемъ, а доходило до четырнадцати; потому что гамма, которая начинается съ *re* и ее же имѣетъ финальною нотю, не одна гамма съ тою, которая въ сплошномъ пѣніи, начинается съ *la* и оканчивается на *re*, какъ во второмъ положеніи приведеннаго примѣра.

Эта система, однако же, на практикѣ оказалась слишкомъ сложною, и въ концѣ VI вѣка, папа Григорій, а можетъ быть и какой другой отецъ церкви, жившій не задолго до него, сохранилъ изъ послѣдней греческой системы только четыре послѣднія гаммы:

re mi fa sol la si ut re
 mi fa sol la si ut re mi
 fa sol la si ut re mi fa
 sol la si ut re mi fa sol

и сдѣлалъ изъ нихъ *автентическія лады*; потомъ, перемѣстивъ, какъ было объяснено выше, кварту ниже квинты, получилъ еще четыре *плагальныя гаммы*:

la si ut re mi fa sol la
 si ut re mi fa sol la si
 ut re mi fa sol la si ut
 re mi fa sol la si ut re

Эти восемь гаммъ суть формулы такъ называемыхъ *осьми ладовъ* сплошнаго нѣнія, которые располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

re mi fa sol la si ut re

1-й тонъ

la si ut re mi fa sol la

2-й тонъ

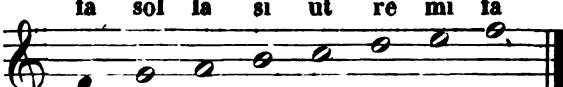
mi fa sol la si ut re mi

3-й тонъ

si ut re mi fa sol la si

4-й тонъ

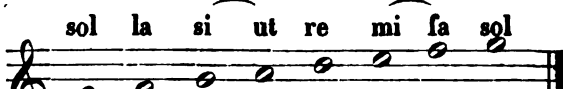
fa sol la si ut re mi fa

5-й тонъ

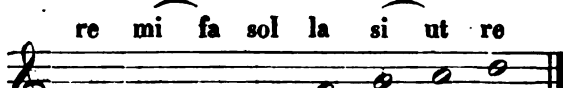
ut re mi fa sol la si ut

6-й тонъ

sol la si ut re mi fa sol

7-й тонъ

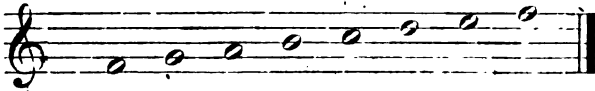
re mi fa sol la si ut re

8-й тонъ

Кто хорошо понялъ это изложение древней системы ладовъ и системы нашей музыки, безъ труда убѣдится, что эти двѣ си-

стемы совершенно различны, и въ приложеніи къ практикѣ не могутъ давать одинаковыхъ результатовъ. Вообще всякая музыка обуславливается своей системою тоновъ, то есть расположеніемъ и соотношеніемъ звуковъ, входящихъ въ ея гамму, или ея гаммы, когда ихъ нѣсколько. Кромѣ же изложенныхъ двухъ системъ, есть еще у нѣкоторыхъ народовъ и другія системы, изъ которыхъ происходятъ оригинальныя особенности, которыя мы замѣчаемъ въ музыкѣ тѣхъ народовъ.

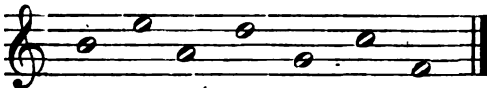
Такъ напримѣръ, въ Китаѣ и въ Индіи есть мажорная гамма, распложенная слѣдующимъ образомъ:

Эта гамма, сходная съ эолийскимъ ладомъ древнихъ Грековъ, и съ пятымъ автентическимъ тономъ сплошнаго пѣнія, отличается отъ нашей гаммы тѣмъ, что первый полутономъ находится не между третьею и четвертою ступенью, какъ у насъ, а между четвертою и пятою; это различіе въ расположеніи звуковъ оскорбляетъ слухъ Европейца, между тѣмъ какъ Китайцу, наоборотъ, нѣстерпима гамма Европейцевъ*. Различіе въ результатахъ между гаммою китайскою и гаммою пятого тона церковнаго пѣнія состоитъ въ томъ, что Китайцы употребляютъ свою гамму въ музыкѣ какъ она есть, между тѣмъ какъ въ гаммѣ церковной четвертая нота поднимается на полутономъ, для избѣжанія фальшиваго отношенія между нею и первою нотою гаммы; чрезъ это пониженіе четвертаго тона, эта гамма дѣлается тождественною съ гаммою *fa* нашей системы.

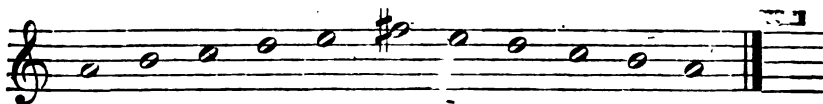
У Ирландцевъ есть чрезвычайно странная минорная гамма:

* Аббатъ Руссе пытался доказать въ своемъ *Mémoire sur la musique des anciens*, и въ *Lettres à l'auteur du Journal des sciences et des beaux-arts*, что эта гамма очень естественна, потому что она результатъ правильнаго ряда восходящихъ квартъ и нисходящихъ квинтъ

Но такая правильность можетъ прельстить ученаго, а ничего не доказываетъ въ отношеніи къ средству звуковъ. Эта гамма всегда будетъ оскорблять слухъ европейскаго музыканта, потому что въ ней фальшивое отношеніе между четвертымъ, первымъ и осмымъ звуками.

она состоитъ только изъ шести нотъ, расположенныхъ слѣдующимъ образомъ:

Логическій недостатокъ этой гаммы такого же рода, какъ и въ предъидущей гаммѣ; онъ заключается въ «фальшивомъ» отношеніи между третьимъ и шестымъ звуками, чего нѣтъ въ гаммѣ прочихъ европейскихъ народовъ.

Гаммы, о которыхъ мы сейчасъ говорили, составлены, какъ и гамма европейской музыки, изъ тоновъ и полутоновъ; различіе ихъ отъ европейской гаммы заключается только въ положеніи полутоновъ. Но есть народы, напримѣръ Арабы, Персіяне, Турки, у которыхъ инструменты представляютъ лѣстницу интерваловъ, раздробленныхъ по трети и четверти тона. У древнихъ жителей Индіи, не только звуки гаммы не соответствовали тонамъ и полутонамъ нашей гаммы, но даже интонація этихъ звуковъ была не постоянна, должна была иногда повышаться, иногда понижаться. Подобные интервалы и дѣленія музыкальныхъ лѣстницъ доступны только органамъ, привыкшимъ къ нимъ съ малолѣтства; на слухъ Европейца они производятъ то же впечатлѣніе, какъ фальшивые звуки и непріятные сочетанія звуковъ; Арабы и Гиндусы напротивъ ими восхищаются; наша же музыка раздражаетъ ихъ нервы непріятнымъ образомъ.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ЗАКАВКАЗСКАЯ ТОРГОВЛЯ.

=

Со времени присоединения Грузинъ къ Россіи тарифная система въ-отношеніи къ виѣшной торговлѣ этого края подвергалась различнымъ переменамъ. До 1803 года внутреннія пошлины взымались тамъ по тарифу царей грузинскихъ, а товары, привозимые изъ Грузинъ въ Россію, оплачивались пошлиною въ моздокской таможенѣ по общему тарифу. Указомъ, отъ двадцать-третьяго октября 1803 года, уничтожена таможенная черта между Россіею и Грузіею и учреждены на персидской и турецкой границахъ четыре таможни, которыя должны были руководствоваться астраханскимъ тарифомъ. Черезъ четыре года, указомъ отъ девятаго ноября 1807 года, эти таможни уничтожены и прежніе внутренніе сборы восстановлены, но указъ, отъ тридцатаго ноября 1807 года, снова отменилъ это положеніе, съ подтвержденіемъ правилъ, установленныхъ въ 1803 году. Они оставались въ силѣ до изданія азіатскаго тарифа, отъ тридцатаго мая 1817 года, дѣйствіе котораго простиралось на товары турецкаго и персидскаго происхожденія; но какъ этотъ тарифъ оказался несогласнымъ съ

трактатомъ, заключеннымъ между Россією и Персією, двѣнадцатаго октября 1813 года, и обнародованнымъ не ранѣе седьмага августа 1818 года, то повелѣно не распространять тарифа 1817 года на торговлю съ Персією, потому что по трактату установлено взыскивать съ персидскихъ товаровъ пяти-процентную пошлину. Наконецъ, указомъ, отъ осьмага ноября 1821 года, положено взыскивать втеченіи десяти лѣтъ, пяти-процентную пошлину со всѣхъ европейскихъ и азійскихъ товаровъ привозимыхъ въ Закавказію съ тѣмъ, чтобы эти товары, при ввозѣ въ Россію, платили пошлины, установленныя общимъ тарифомъ. Въ то же время, всѣмъ торгующимъ русскимъ и иностраннымъ подданнымъ, которые втеченіи десяти лѣтъ, съ перваго іюля 1822 года, учредятъ въ томъ краѣ торговые дома и будутъ производить оптовую торговлю, присвоены права купечества первой гильдіи безъ платежа гильдейскихъ и личныхъ податей, съ освобожденіемъ ихъ домовъ и магазиновъ отъ постоя и налоговъ, на десять лѣтъ, и съ правомъ приобрѣтать недвижимую собственность.

Устанавливая эти льготы, правительство объявило (въ указѣ отъ осьмага октября 1821 года), что «состояніе промышленности и торговли въ Грузіи, по недостатку капиталовъ и торговыхъ заведеній, не имѣетъ еще надлежащаго пространства и движенія и части эти для благосостоянія края такъ нужны, не могутъ съ успѣхомъ быть устроены на общихъ правилахъ и требуютъ особенныхъ поощреній». Съ введеніемъ льготной таможенной системы, торговля въ Грузіи быстро возрасла: черезъ тифлискую таможню, привезено и отпущено товаровъ, въ сложности, втеченіи перваго пятилѣтія: съ 1822 по 1826 годъ на 20,303,912 рублей, а въ послѣднее пятилѣтіе льготной торговли, съ 1827 по 1831 годъ, на 38,869,326 рублей ассигнаціями, слѣдовательно цѣнность торговыхъ оборотовъ увеличилась круглымъ числомъ на девяносто процентовъ. Въ началѣ, неблагоприятныя обстоятельства, война съ Персією, въ 1825—1826 годахъ, и потомъ война съ Турцією, въ 1828—1829 годахъ, препятствовали успѣшнѣйшему развитію закавказской торговли, но на послѣдокъ, она приняла направленіе, обещававшее быстрые успѣхи для сбыта европейскихъ товаровъ въ этомъ краѣ.

Первый опытъ доставки ихъ въ Тифлисъ черезъ Редутъ-Кале былъ сдѣланъ въ 1823 году: нѣкоторые одесскіе купцы отправили въ этотъ портъ нѣсколько партій товаровъ, залежавшихся

въ ихъ магазинахъ. Успѣхъ этой спекуляціи произвелъ переселеніе въ закавказской торговлѣ. Въ слѣдующемъ году, тифлисскіе Армяне пріѣхали для закупокъ въ Одессу и потомъ стали ѣздить на лейпцигскія ярмарки, гдѣ всегда находили большіе запасы дешевыхъ мануфактурныхъ товаровъ, приварованныхъ къ азіатскому вкусу. Въ Лейпцигѣ они покупали обыкновенно сукна въ большомъ количествѣ, англійскія и саксонскія бумажныя издѣлія, голландскія и сплезскія полотна, шелковыя ліонскія матеріи, платки, галантерейныя вещи, часы, чай, получаемый изъ Гамбурга. Лейпцигскіе купцы продавали имъ свои товары по самымъ низкимъ цѣнамъ оттого, что Армяне платили чистыми деньгами и брали, между прочимъ, товары вышедшіе изъ моды, слѣдовательно вовсе не требуемые въ другія мѣста. Кромѣ закупокъ на лейпцигскихъ ярмаркахъ, Армяне стали дѣлать заказы на прусскихъ и саксонскихъ фабрикахъ. Они доставляли свои товары изъ Лейпцига транзитомъ черезъ Броды и Радзивиловъ въ Одессу, а изъ этого порта моремъ на сѣверо-восточный берегъ Чернаго Моря, въ Редуть-Кале и отсюда сухимъ путемъ въ Тифлисъ. Отправки этихъ транзитныхъ товаровъ значительно увеличились въ короткое время: въ 1825 году отпущено ихъ изъ Одессы въ Редуть-Кале на 397,325 рублей, въ 1826 году на 1,262,231 рубль, въ 1828 на 2,001,390 рублей ассигнаціями. Для облегченія транзита во время турецкой войны въ 1828 — 1829 годахъ, было разрѣшено отправлять лейпцигскіе товары изъ Бродъ черезъ Радзивиловъ, сухимъ путемъ, прямо въ Тифлисъ. Доставка ихъ черезъ Одессу въ Редуть-Кале обходилась довольно дорого, такъ, что расходы составляли неменѣе двадцати-пяти и тридцати процентовъ; сверхъ-того для покупокъ въ Лейпцигѣ, Армяне обыкновенно занимали деньги у бродскихъ Евреевъ за большіе проценты и, отправляя свои товары транзитомъ въ Одессу черезъ Радзивиловъ, должны были платить здѣшнимъ Евреямъ проценты за представляемые ими залогомъ, которые требуются таможенными правилами по транзитному торгу и служатъ къ обезпеченію казны отъ потери на случай продажи товара во время перевозки отъ впускной таможенной въ складочную. Такимъ образомъ, провозъ отъ Лейпцига до Одессы, съ залогомъ обходился около пяти до шести рублей ассигнаціями съ пуда; за фрахтъ отъ Одессы до Редуть-Кале платили отъ полутора до двухъ съ половиною рублемъ съ пуда, а въ дурное время года еще дороже, по причинѣ опасной якорной

стоянки на рейдѣ въ этомъ портѣ. Перегрузка здѣсь, въ самую дешевую пору стоила кругомъ неменѣе двадцати копѣекъ съ пуда. Страховая премія съ товаровъ отправляемыхъ этимъ путемъ доходила до трехъ процентовъ. За провозъ отъ Редуть-Кале до Тиѣлиса (около трехъсотъ-шестидесяти верстъ) платили отъ трехъ съ половиною до шести рублей ассигнаціями съ пуда, смотря по времени года.

Транзитъ изъ Лейпцига черезъ Одессу въ Редуть-Кале прекратился съ 1830 года, вслѣдствіе новаго постановленія о залогахъ, требуемыхъ по транзитному торгу: прежде достаточно было поручительства купца первой гильдіи, либо залогоу, состоящаго въ банковыхъ билетахъ или наличныхъ деньгахъ или же въ какой-либо недвижимости; вмѣсто того постановленіемъ, отъ третьяго декабря 1829 года, положено впредь принимать въ залогъ только недвижимыя имѣнія или каменные дома, находящіеся въ обѣихъ столицахъ, губернскихъ, портовыхъ и другихъ городахъ, поменованныхъ въ законѣ. Эта мѣра чрезвычайно увеличила расходы на приобрѣтеніе залоговъ, которые прежде были доставляемы обществомъ радзивиловскихъ Евреевъ. Издержки по одесскому транзиту возвысились отъ пятнадцати до двадцати процентовъ. Тогда Армяне стали доставлять свои товары, въ Редуть-Кале, частью изъ Лейпцига черезъ Триестъ, частью прямо изъ этого порто-франко, покупая здѣсь англійскіе и другіе товары; сверхъ-того, начался привозъ ихъ въ Редуть-Кале также изъ Константинополя, Марсели, Гамбурга и другихъ мѣстъ.

Между-тѣмъ какъ развитіе этой торговли усиливалось съ каждымъ годомъ, сбытъ русскихъ издѣлій въ Закавказіи долженъ былъ пострадать тѣмъ болѣе, что они всегда обходились въ этомъ краѣ очень дорого, хотя обыкновенно туда сбывались товары самой низкой доброты. Армяне, ѣздившіе въ Москву и на нижегородскую ярмарку за русскими товарами, покупали ихъ тамъ болѣею частью въ кредитъ, частью наличными деньгами, занятыми въ Тиѣлисѣ за высокіе проценты, даже отъ пятнадцати до двадцати на сто. Русскіе купцы, нуждаясь въ сбытѣ, отпускали свои товары Армянамъ въ долгъ, но значительно возвышали цѣны, въ вознагражденіе на случай потери. Оттого, при посредничествѣ Армянъ сбывали въ Закавказію только низкаго сорта товары и тѣ продавались въ Тиѣлисѣ на пятьдесятъ, даже на осемьдесятъ процентовъ выше цѣнъ нижегородской ярмарки.

Причиною такой дороговизны были также большіе провозныя расходы; Армяне обыкновенно отправляли свои товары въ Тифлисъ сухимъ путемъ, платя среднею цѣною съ пуда осемь съ половиною рублемъ отъ Москвы и девять рублей ассигнаціями съ нижегородской ярмарки. Доставка черезъ Астрахань и Баку до Тифлиса обходилась гораздо дешевле: отъ Нижняго Новгорода по Волгѣ до Астрахани пятьдесятъ копѣекъ, отсюда Каспійскимъ Моремъ въ Баку пятьдесятъ копѣекъ и потомъ сухимъ путемъ въ Тифлисъ около двухъ до трехъ рублей. Но затруднительная и неважная перевозка товаровъ по Каспійскому Морю, изъ Астрахани въ Баку, равно какъ внутренніе рахтарные сборы съ нихъ на пути изъ Баку въ Тифлисъ и другія закавказскія мѣста, заставляли предпочитать сухопутную перевозку и оттого черезъ Астрахань доставлялись только громоздскіе и тяжелые товары.

При такомъ невыгодномъ положеніи торговли русскими издѣліями, сбытъ ихъ въ Закавказіи былъ весьма ограниченъ. Въ то время, когда тамъ была введена льготная таможенная система, наша мануфактурная промышленность едва только начала распространяться и потому не удивительно, что въ Закавказіи русскія издѣлія не могли выдерживать возрастающаго соперничества европейскихъ товаровъ. Армяне покупали за границею ббльшую часть издѣлія средней и низкой руки, отличавшіяся дешевизною, которая всего болѣе уважается на Востоку. Подобной доброты товары русскихъ фабрикъ обходились въ Закавказіи гораздо дороже, не только оттого, что самая фабричная цѣна ихъ была выше, но и потому что Армяне обыкновенно покупали ихъ въ кредитъ. Напротивъ того, за иностранные товары они платили за границею чистыми деньгами и оттого пріобрѣтали европейскія издѣлія такъ дешево, что за всеми расходами со включеніемъ процентовъ на капиталъ, очищалось барыша до тридцати пяти процентовъ и болѣе, даже при большихъ издержкахъ на транзитную доставку этихъ товаровъ изъ Лейпцига черезъ Одессу въ Редуть-Кале. Выгоды отъ продажи европейскихъ издѣлій въ Закавказіи должны были еще болѣе увеличиться съ-тѣхъ-поръ какъ начали привозить ихъ въ Редуть-Кале моремъ прямо изъ Триеста, Марсели, Гамбурга и другихъ мѣсть, съ платежемъ только пяти-процентной пошлины.

Чрезвычайное приращеніе закавказской ви́шней торговли втеченіи десяти лѣтъ, съ 1822 по 1832 годъ, то есть, во время дѣй-

ствія свободнаго тарифа было единственно слѣдствіемъ возрастающаго ввоза европейскихъ товаровъ: въ первое пятилѣтіе льготной торговли ввозъ простирается въ сложности на 14,708,084 рубля, а въ послѣднее время на 27,852,042 рубля, слѣдовательно, почти на девяносто процентовъ болѣе. Главную часть привоза составляли слѣдующіе товары:

Привезено по пятилѣтней сложности:

	Въ 1822—1826 г.	Въ 1827—1831 г.
Бумажныхъ издѣлій на	5,574,313	11,122,923 рублей.
Шелковыхъ	1,451,703	3,942,946 — —
Шерстяныхъ:		
Сукна	445,033	2,255,009 — —
Платковъ и шалей . .	1,053,118	1,283,974 — —
Прочихъ	974,238	2,409,179 — —
Другихъ товаровъ . .	5,209,679	6,832,011 — —
Итого	14,708,084	27,852,042 рублей ассигнаціями.
Средняя сумма	2,941.617	5,570,408

Въ таможенныхъ отчетахъ, европейскіе товары не показаны особо отъ азіатскихъ, собственно персидскихъ, которые и прежде введенія льготной таможенной системы привозились въ Закавказію въ немаловажномъ количествѣ, частью на мѣстное употребленіе, частью для отправления въ Россію. Между вышеозначенными бумажными, шелковыми и шерстяными издѣліями находятся и персидскія; но болѣшую часть привоза мануфактурныхъ товаровъ, какъ доказываетъ необыкновенное умноженіе его, составляли произведенія европейскихъ фабрикъ; однихъ суконъ привезено въ послѣднее пятилѣтіе на сумму въ пятеро болѣе, нежели въ первое. По этой пропорціи можно судить, въ какой степени умножился привозъ другихъ европейскихъ товаровъ. Всего менѣе увеличился ввозъ шерстяныхъ платковъ и шалей собственно потому, что онѣ доставлялись преимущественно изъ Персін, а не изъ Европы. Тоже самое оказывается по привозу «другихъ товаровъ», въ числѣ которыхъ заключаются продукты и издѣлія, получаемыя болѣею частью изъ Персін и Турціи. слѣдовательно, при свободномъ закавказскомъ тарифѣ, ввозъ товаровъ изъ этихъ государствъ черезъ тифлискую таможену весьма мало усилился. Такой же результатъ оказывается и въ отнисквой торговлѣ по закавказской границѣ.

Всѣ товары, объявленные къ вывозу чрезъ тифлисскую таможенную, отправлялись въ Персію и частью въ Турцію, а въ Европу вывозились только наличныя деньги за покупку мануфактурныхъ издѣлій. Въ числѣ отпускныхъ товаровъ, кромѣ небольшого количества шелку, почти вовсе не было мѣстныхъ продуктовъ, изъ которыхъ главнѣйшіе, соль, нефть и шафранъ, отправлялись обыкновенно въ Персію чрезъ Баку, по Каспійскому морю. Отпускъ чрезъ тифлисскую таможенную, направлявшійся преимущественно въ Персію, состоялъ изъ русскихъ и иностранныхъ товаровъ, которые въ таможенныхъ отчетахъ показаны совокупно; однако слѣдующій выводъ доказываетъ, что приращеніе отпуска, въ разсматриваемый нами періодъ, произошло собственно отъ умноженія сбыта въ Персію европейскихъ товаровъ, которые доставлялись изъ Тифлиса.

Отпущено по пяти-лѣтней сложности:

	Въ 1822—1826 г.	Въ 1827—1831 г.
Бумажныхъ издѣлій на 3,116,518 руб. асс.		8,454,261 руб. асс.
Прочихъ товаровъ 2,478,310 — —		2,558,023 — —
	<hr/>	
И того 5,594,828 — —		11,012,284 — —
Средняя сумма 1,118,965 — —		2,202,457 — —

Отпускъ увеличился на девяносто-пять процентовъ, но такое значительное приращеніе послѣдовало преимущественно отъ усилившагося вывозу бумажныхъ издѣлій, которыхъ, въ послѣднее пятилѣтіе, отпущено, круглымъ числомъ, на сто-семьдесятъ процентовъ болѣе нежели въ первое. Хотя изъ таможенныхъ отчетовъ не видно, какую долю въ этомъ отпускѣ составляли русскія издѣлія, однако, судя по тогдашнему состоянію нашей мануфактурной промышленности и торговли съ Закавказіемъ, можно безошибочно допустить, что черезъ закавказскую границу вывозились болѣею частью иностранныя бумажныя издѣлія; оттого собственно увеличился вывозъ въ такой значительной пропорціи и въ такое короткое время. Напротивъ того, отпускъ прочихъ товаровъ, состоявшій малою частью изъ мѣстныхъ продуктовъ, а болѣе изъ разныхъ русскихъ издѣлій, оставался почти въ одинаковомъ положеніи, въ эти два періода. Такимъ образомъ при льготномъ тарифѣ не усилился заграничный сбытъ ни русскихъ, ни закавказскихъ товаровъ, а выиграла только торговля европейскими издѣліями.

Направленіе, принятое этою торговлею, едва ли соотвѣтствова-

ло тѣмъ видамъ, которые могли побудить правительство къ введенію льготной торговой системы въ Закавказіи. Льготы, предоставленныя торговцѣмъ и торгующимъ, не привлекли капиталовъ, не послужили къ развитію и усовершенствованію промышленности въ краѣ. Внутреннее неустройство, недостатокъ безопасности, дурныя сообщенія, рахторные сборы съ мѣстныхъ промысловъ и съ провозу товаровъ, и наконецъ, безпрерывныя военныя дѣйствія — все это устрашало предпримчивость просвѣщенныхъ капиталистовъ: богатые русскіе купцы и фабриканты не находили выгоды отвлекать свои капиталы отъ обычнаго круга своихъ дѣлъ внутри Россіи, доставлявшихъ имъ вѣрный барышъ; не рѣшаясь учреждать торговыя заведенія въ малознакомой имъ странѣ, они предпочитали торговать, по-прежнему, съ Армянами. Изъ иностранцевъ также не нашлось капиталистовъ, которые польстились бы на обѣщанныя имъ права и преимущества: въ теченіе десяти лѣтъ не основалось ни одной значительной иностранной конторы ни для оптоваго торгу въ Редутъ-Кале, ни въ Тифлисѣ. Выгодами льготной торговли воспользовались одни Армяне и нѣкоторые изъ нихъ разбогатѣли въ короткое время, но торговля ихъ не могла приносить существенныхъ выгодъ производительности края. Иностранцы не приобретались на мѣстные продукты, а были покупаемы на чистыя деньги. На покупку этихъ товаровъ, Армяне частью брали деньги въ долгъ, частью употребляли собственные капиталы, нажитые отъ мелочнаго торгу, отъ подрядовъ и отъ барышничества по продажѣ мѣстныхъ продуктовъ въ Россіи и русскіхъ товаровъ въ Закавказіи. Съ Москвою и Нижегородскою ярмаркою вели дѣла малокapитальныя торговцы, которые, нуждаясь въ деньгахъ и въ кредитѣ, сбывали тамъ закавказскіе продукты по низкимъ цѣнамъ и платили дорого за необходимыя для края русскіе товары.

Такой ходъ торговли былъ невыгоденъ какъ для Россіи, такъ и для Закавказіи. При ограниченномъ сбытѣ русскіхъ издѣлій въ этомъ краѣ и возрастающемъ требованіи закавказскихъ шелковъ на внутреннія фабрики, наши купцы должны были доплачивать за это произведеніе звонкою монетою, которую Армяне переводили за границу на покупку иностранныхъ товаровъ. Закавказія, получая этимъ способомъ европейскія издѣлія, не приобретала никакой пользы для своей промышленности отъ усиленаго ихъ привоза: продукты ея не требовались въ Европу, а по-

прежнему, продавались единственно въ Россіи. Такимъ образомъ, въ торговлѣ между Закавказіемъ и Европою не было обоюднo-выгодной взаимности, точно также какъ она не существовала въ торговлѣ между этимъ краемъ и Россіею; съ одной стороны выигрывали Армяне, торговавшіе на лейпцигскихъ ярмаркахъ, равно какъ иностранные купцы и фабриканты, пользовавшіеся этимъ новымъ источникомъ для распродажи своихъ товаровъ, а съ другой упадало потребление русскихъ издѣлій въ Закавказіи, и развитію внутреннихъ промысловъ этого края препятствовалъ невыгодный сбытъ тамошнихъ продуктовъ въ Россіи, гдѣ они продавались Армянами по низкимъ цѣнамъ, за наличныя деньги, ддя того, чтобы на эту выручку пріобрѣтать иностранные товары.

Съ истеченіемъ срока льготной торговой системы въ Закавказіи, правительство признало нужнымъ ввести тамъ новое устройство торговли и таможенной части, «соразмѣряя его съ одной стороны съ перемѣнами обстоятельствъ, съ настоящимъ составомъ того края, и съ выгодами отечественной промышленности; съ другой — облегчая, по мѣрѣ возможности, и заграничный торгъ» *. На основаніи Высочайше утвержденного въ третій день іюня 1831 года положенія объ устройствѣ торговыхъ и таможенныхъ дѣлъ въ Закавказскомъ краѣ, постановлено взимать пяти-процентную пошлину только съ азіатскихъ произведеній на сухопутной границѣ персидскихъ и турецкихъ владѣній и въ закавказскихъ каспійскихъ портахъ; привозъ колоніальныхъ продуктовъ, равно какъ всякихъ европейскихъ товаровъ, дозволенъ только по черноморскому берегу этого края, гдѣ введенъ европейскій таможенный тарифъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и облегченіями: къ черноморскимъ закавказскимъ портамъ допускались всѣ товары, дозволенные къ привозу въ Санктпетербургъ; сверхъ того, изъ числа запрещенныхъ по общему тарифу, исключены для этихъ портовъ: сахаръ рафинадъ, посуда глиняная и деревянная, гончарная, плотничная и столярная работа, роговые издѣлія, трубки, экипажи и другія менѣе важныя статьи, привозъ которыхъ разрешемъ съ пошлиною, либо безпошлинно. Съ платежемъ половинной пошлины европейскаго тарифа допущены къ привозу: кофе, сахаръ сырецъ для заводовъ, пряныя коренья, разные москотильные товары, жизненные припасы, и нѣкоторыя

* Смотри Высочайшій указъ третьяго іюня 1831 года и положеніе объ устройствѣ торговыхъ и таможенныхъ дѣлъ въ Закавказскомъ краѣ.

мануфактурныя издѣлія, какъ то: льпяныя и пеньковыя не смѣшанныя, шерстяныя, дозволенныя къ привозу, кромѣ суконъ и драдедамовъ, турецкія полушелковыя и шелковыя издѣлія, посуда фаянсовая бѣлая и одноцвѣтная, иглы, бритвы, перочинные ножи, шляпы соломенныя, часы, искусственныя бусы и цвѣты. Сукна и драдедамы допускались къ привозу на три года: дозволенныхъ цѣтовъ съ половиною, а запрещенныхъ съ двумя третями европейской пошлины; по прошествіи же этого срока, положено взимать съ нихъ полную пошлину. Дѣйствіе общаго тарифа въ Закавказіи распространено на прочія мануфактурныя издѣлія, запрещенныя къ привозу или обложенныя пошлиною; и сверхъ того запрещенъ ввозъ всякаго бѣлаго бумажнаго товару черезъ закавказскія таможни по берегу Чернаго моря. Въ отношеніи къ транзитнымъ товарамъ, отправляемымъ въ этотъ край черезъ Одессу, постановлено, что они, по прибытіи въ это мѣсто, должны быть оплачиваемы закавказскою пошлиною, и право очистки ихъ этою пошлиною для отправленія въ Редуть-Кале или другой портъ на черноморскомъ берегу Закавказіи, даровано только одесскому порто-франко.

Новое положеніе для закавказской торговли было введено въ дѣйствіе на четыре года, и, по изданіи, въ 1836 году, дополнительныхъ правилъ, оставалось въ силѣ до настоящаго времени, втеченіи пятнадцати лѣтъ.

Разсмотримъ теперь главные результаты этой таможенной системы, которою правительство замѣнило льготныя права закавказской торговли. Отчеты, изданные Департаментомъ Вѣдѣній Торговли по 1846 годъ, будутъ служить руководствомъ для нашихъ выводовъ. Для единообразія, всѣ суммы переложены здѣсь на серебро, по установленному курсу.

Общее движеніе торговыхъ оборотовъ, по привозу и отпуску товаровъ, составляло слѣдующія среднія суммы изъ пятилѣтней сложности:

При свободномъ тарифѣ:

Въ 1822—1826 г. 1,160,166 руб. сер.

— 1827—1831 — 2,221,104 — —

При новомъ положеніи 1832 года.

Въ 1832—1836 г. 2,819,093 руб. сер.

— 1837—1841 — 4,096,892 — —

— 1842—1845 — 4,681,637 — —

Эти суммы показывают, что съ введеніемъ новой таможенной системы, движеніе виѣшней торговли въ Закавказскомъ краѣ не только не ослабѣло, но еще усилилось; въ послѣдній періодъ, общая сумма привозу и отпуску была вчетверо болѣе, нежели въ первый, при свободномъ тарифѣ. Слѣдовательно, не взирая на введеніе таможеннаго устройства, по-видимому стѣсняшаго виѣшнюю торговлю Закавказіи, движеніе товаровъ чрезъ тамошнія таможни не переставало возрастать. Чтобы объяснить это явленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ показать вліяніе новой таможенной системы на торговлю этого края, нужно изслѣдовать какими путями входили туда иностранные товары и въ какой мѣрѣ увеличилось ихъ употребленіе въ новѣйшее время.

Привозъ товаровъ въ Закавказію направляется черезъ черноморскіе и каспійскіе ея порты и черезъ сухопутную ея границу. Во время дѣйствія новаго тарифа, съ 1832 года иностранныхъ товаровъ привезено:

Въ 1832—1836. Въ 1837—1841. Въ 1842—1845.

Среднія суммы.

1. По Черному морю на	18,354	127,877	255,299 руб. сер.
2. Чрезъ персидскую и турецкую границу.	1,525,136	1,994,440	2,212,675 — —
3. По Каспійскому морю	389,532	475,593	616,840 — —
4. На складку въ тифлискую та- можню.	189,788	563,762	753,840 — —
<hr/>			
Всего вообще.	2,121,810	3,166,672	3,838,634 руб. сер.

Среднія суммы показывают, что привозъ на всѣхъ пунктахъ закавказской морской и сухопутной границы, съ 1832 года постоянно возрасталъ и это приращеніе оказывается еще разительнѣе, если взять въ соображеніе, что, при свободномъ тарифѣ, средній привозъ, по пятилѣтней сложности, составлялъ въ 1822—1826 годахъ 840,462 рубля серебромъ, а въ 1827—1832 годахъ 1,591,545 рублей, слѣдовательно, по введеніи новой таможенной системы, привозъ увеличился слишкомъ вдвое.

Въ «Видахъ торговли» до 1836 года, европейскіе товары, введенные въ Закавказію не были показываемы отдѣльно и потому мы не можемъ представить сравненія ихъ привозу за всѣ періоды. Однако, по отчетамъ съ 1837 года, видно, что средній привозъ этихъ товаровъ въ 1837—1841 годахъ, простирался на 283,455 рублей, а въ 1842—1845 годахъ на 378,807 рублей серебромъ; слѣдовательно онъ увеличился на 33 процента. Не смотря на такое

приращеніе, этотъ привозъ былъ значительно менѣе, нежели во время льготной системы, подѣ влияніемъ которой, какъ мы видѣли выше, сбытъ европейскихъ товаровъ въ Закавказіи чрезвычайпо усилился. Къ сожалѣнію, нельзя въ точности сравнить тогдашняго привозу ихъ съ нынѣшнимъ. Въ прежнихъ отчетахъ европейскіе товары показывались вмѣстѣ съ азіатскими, но если, по самому умѣренному расчету, положить примѣрно, что въ 1827—1832 годахъ, то есть въ послѣднее пятилѣтіе льготной торговли, европейскихъ товаровъ было только на половину всего привозу, составлявшаго около 1,600,000 рублей серебромъ, то средній привозъ за 1842—1845 годы оказывается на 85 процентовъ менѣе. На самомъ дѣлѣ, разность вѣроятно была еще болѣе. Должно, впрочемъ, замѣтить, что во время льготной таможенной системы, часть европейскихъ товаровъ (преимущественно бумажныхъ издѣлій) отправлялась чрезъ тифлискую таможню въ Персію; напротивъ того, по введеніи новаго таможеннаго устройства, весь привозъ этихъ товаровъ поступалъ на внутреннее потребленіе въ закавказскомъ краѣ.

Примѣненіе общаго тарифа къ закавказской торговлѣ, уменьшивъ привозъ европейскихъ (мануфактурныхъ) товаровъ чрезъ тамошнія черноморскія таможни, въ тоже время совершенно преградило имъ транзитный путь чрезъ Одессу въ Закавказію и въ Персію. Одесскій транзитъ, прекратившійся уже съ 1830 года, не могъ возстановиться въ прежнемъ видѣ, при новыхъ правилахъ введенныхъ съ 1832 года, на основаніи которыхъ транзитные товары должны были платить въ Одессѣ полную закавказскую пошлину.

Пресѣченіе этого транзита послужило къ измѣненію торговаго пути для европейскихъ товаровъ. Еще до открытія льготной торговли въ закавказскомъ краѣ, они доставлялись въ Персію обыкновенно изъ Смирны и Константинополя, и частью чрезъ Трѣбизондъ изъ Арзерума въ Тавризь; въ послѣдствіи, тифлискіе Армяне проложили этимъ товарамъ дорогу въ Персію чрезъ Редутъ Кале. Съ отмѣненіемъ закавказской пятипроцентной пошлины на европейскія издѣлія, перестали доставлять ихъ въ Тавризь этимъ путемъ; но съ-тѣхъ-поръ значительно увеличился привозъ иностранныхъ товаровъ въ Трѣбизондъ: въ 1830 году ихъ привезено сюда на одинъ миллионъ, въ 1831 году на два миллиона, въ 1834 году на четыре миллиона, въ 1837 году на семь миллионѣвъ, въ 1841 году на десять миллионѣвъ рублей и почти весь привозъ составляли мануфактурныя издѣлія; въ по-

слѣдніе годы, цѣнность иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ къ этому порту, была не менѣ девяти и десяти милліоновъ рублей серебромъ. Сѣверная Персія стала получать ихъ преимущественно чрезъ Трѣбизондъ, откуда они свозятся на продажу въ главный ея торговый городъ Тавризь. Транзитъ ихъ изъ Трѣбизонда въ Персію ежегодно простирается на сумму отъ шести до осьми милліоновъ рублей серебромъ. Тавризскіе Персіане платятъ за нихъ частью шелкомъ и другими продуктами, отправляемыми въ Константинополь, на полтора до двухъ милліоновъ рублей, а на остальную сумму, то есть на четыре съ половиною до шести милліоновъ рублей серебромъ вывозится звонкая монета.

Возраставшій ввозъ товаровъ изъ Персіи въ Закавказію, при незначительномъ отпускѣ ихъ оттуда въ Персію, послужилъ поводомъ къ большому вывозу звонкой монеты изъ Россіи чрезъ Закавказскій край. Это очевидно обнаруживается изъ слѣдующихъ выводовъ, основанныхъ на таможенныхъ отчетахъ.

Привозъ и отпускъ товаровъ чрезъ портовые и сухопутныя таможи, по закавказской торговлѣ съ Персією и Турцією, составляли слѣдующія суммы:

	По торговлѣ съ Персією.		По торговлѣ съ Турцією.	
	Привезено.	Отпущено.	Привезено.	Отпущено.
Въ 1832—1836 г.	1,646,904	356,698 руб.	246,118	200,916 руб. сер.
— 1837—1841 —	2,129,739	533,811 —	413,902	396,268 — —
— 1842—1845 —	2,323,370	439,316 —	512,044	406,270 — —

Эти цифры не вполне изображаютъ движеніе торговыхъ оборотовъ по закавказской торговлѣ: къ нимъ нужно присовокупить ввозъ европейскихъ товаровъ и тѣхъ, которые поступаютъ на складку въ тифлисскую таможию изъ черноморскихъ портовъ, равно какъ съ Персидской и Турецкой границы. По пятилѣтней сложности, средній привозъ и отпускъ, чрезъ закавказскія таможи вообще, съ 1832 года представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Привезено:

	Въ 1832—1836 г.	Въ 1837—1841 г.	Въ 1842—1845 г.
Товаровъ	2,121,810	3,166,672	3,838,654 руб. сер.
Звонкой монеты . . .	25,057	37,322	39,872 — —
Итого . . .	2,146,867	3,203,994	3,878,526 руб. сер.

Отпущено:

Товаровъ	697,273	930,110	842,983 руб. сер.
Звонкой монеты . . .	355,268	1,162,982	2,564,995 — —
Итого . . .	1,052,541	2,093,092	3,407,968 руб. сер.

Изъ этого обзорѣнія видно, что въ закавказской торговлѣ перевѣсъ привозу надъ отпускомъ покрывается вывозомъ звонкой монеты изъ Россіи, какъ показываютъ это въ особенности суммы привоза и отпуски за послѣдній періодъ. Замѣчаемая въ общихъ итогахъ за оба первые періода большая разница между привозомъ и отпускомъ, которая, по видимому, не уравнилась вывозомъ звонкой монеты, вѣроятно, произошла отъ невѣрной объявки таможеннѣмъ денежнымъ суммамъ, вывозимыхъ за границу. До 1830 года, вывозъ звонкой монеты былъ запрещенъ и нужно было еще много времени, чтобы Азіятцы привыкли провозить ее безъ утайки, съ тѣхъ поръ, какъ разрѣшенъ свободный отпускъ золота и серебра въ монетѣ. Впрочемъ, въ послѣдній періодъ (1842—1845 годовъ), сумма звонкой монеты, объявленной въ таможенныхъ, уже была ближе къ настоящей и гораздо значительнѣе нежели въ предъидущіе годы. Оттого, ея вывозъ почти уравнивалъ разность между привозомъ и отпускомъ товаровъ. Основываясь на этой разницѣ, можно положить, что ежегодный вывозъ звонкой монеты изъ Закавказія составляетъ отъ двухъ до трехъ милліоновъ рублей серебромъ; но нельзя не взять въ соображеніе, что цѣнность привозныхъ товаровъ изчислена по купеческимъ объявленіямъ, въ которыхъ Азіятцы стараются показывать самую низкую цѣну, чтобы платить пошлины менѣе; слѣдовательно настоящій перевѣсъ привозу надъ отпускомъ долженъ быть еще значительнѣе. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что денежные суммы могутъ легко проходить за границу, безъ объявки въ таможенныхъ и самыхъ объявленій о вывозимой монетѣ не подлежатъ ни какому контролю. Если съ одной стороны принять въ расчетъ всѣ эти обстоятельства, а съ другой обратить вниманіе на большой отпускъ наличныхъ денегъ изъ Персіи чрезъ Трѣбизондъ въ Константинополь и другія мѣста, то можно, не безъ основанія, допустить, что звонкой монеты вывозится изъ Россіи чрезъ закавказскую границу гораздо болѣе той суммы, какая показана въ «Видахъ торговли». Почти весь вывозъ направляется въ Персію; перевѣсъ привозу товаровъ надъ отпускомъ ихъ въ Закавказской торговлѣ съ Персією составляетъ, по Видамъ торговли, ежегодно около двухъ милліоновъ рублей серебромъ. Напротивъ того, въ закавказской торговлѣ съ Азіатскою Турцією привозъ почти равняется отпуску.

И такъ, введеніе новой таможенной системы ни сколько не уменьшило вывозу звонкой монеты изъ Закавказія, потому что

привозъ товаровъ, по прежнему, всегда превышалъ ихъ отпускъ, и въ новѣйшее время этотъ перевѣсъ еще увеличился, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

При свободномъ тарифѣ:	Черезъ закавказскія таможи		Перевѣсъ привозу надъ отпускомъ.
	привезено.	отпущено.	
Въ 1822—1826 г.	840,462	319,704	520,768 руб. сер.
— 1827—1831 —	1,591,545	629,273	962,272 — —

При новомъ положеніи 1832 года.

Въ 1832—1836 г.	2,121,810	697,273	1,424,537 руб. сер.
— 1837—1841 —	3,166,672	930,110	2,236,562 — —
— 1842—1845 —	3,838,654	842,983	2,996,671 — —

При постоянномъ умноженіи ввозу товаровъ въ Закавказію, непрерывно возрасталъ перевѣсъ его надъ отпускомъ, который, въ теченіе послѣднихъ четырнадцати лѣтъ, весьма мало увеличился, и въ слѣдствіе того, годъ отъ году усиливался вывозъ звонкой монеты. Во время льготной таможенной системы, Армяне вывозили деньги въ Лейпцигъ, на покупку европейскихъ товаровъ, а потомъ, когда общій тарифъ былъ примѣненъ къ черноморскимъ портамъ закавказскаго края, истокъ звонкой монеты обратился преимущественно въ Персію *. Введеніе этого тарифа уменьшило только европейской ввозъ товаровъ въ Закавказію черезъ черноморскіе ея порты; зато привозъ другими путями значительно усиллся. Это приращеніе, повидимому, могло относиться только къ азіатскимъ товарамъ, потому что новымъ положеніемъ о закавказской торговлѣ, ввозъ колоніальныхъ продуктовъ и европейскихъ товаровъ вообще черезъ сухопутную границу съ Персією и Турцією и въ каспійскіе порты, былъ запрещенъ. Этими путями дозволялось привозить только азіатскіе товары, обложенные пяти-процентною пошлиною. Разсмотримъ теперь изъ какихъ главныхъ товаровъ состоялъ привозъ въ Закавказію.

* Русская золотая и серебряная монета перечеканивается здѣсь въ персидскую, для внутренняго обращенія; она также вывозится изъ Персіи въ Константинополь, на уплату за товары, и сверхъ того, большія суммы денегъ вывозятся «гаджами» (поклонниками), отправляющимися въ Мекку. (См. № 7 Жур. Мануф. 1846 г. стр. 116).

Въ 1832—1836 г. Въ 1837—1841 г. Въ 1842—1845 г.

Бумажныхъ издѣлій:

Азіятскихъ на	1,805,311	1,811,621	руб. сер.
Европейскихъ	2,080	7,768	— —
	<hr/>	<hr/>	
	1,134,093	1,807,391	1,819,389 — —

Шелковыхъ издѣлій:

Азіятскихъ	317,556	502,792	— —
Европейскихъ	2,260	8,544	— —
	<hr/>	<hr/>	
	223,926	319,816	511,336 — —

Шелка сырца	188,722	205,592	266,120 — —
-----------------------	---------	---------	-------------

Прочихъ товаровъ:

Азіятскихъ	554,758	679,464	— —
Европейскихъ	279,115	362,445	— —
	<hr/>	<hr/>	
	575,069	833,873	1,031,909 — —

Всего вообще:

Азіятскихъ	2,883,217	3,459,847	— —
Европейскихъ	283,455	378,807	— —
	<hr/>	<hr/>	
	2,121,810	3,166,672	3,838,654 — —

Привозъ въ послѣдній періодъ былъ на 80 процентовъ болѣе, нежели въ первый, и заключалъ въ себѣ азіятскихъ товаровъ на 90 процентовъ, и европейскихъ только на 10 процентовъ. Между азіятскими товарами бумажныя издѣлія составляли почти половину всего привозу и сбытъ ихъ, противъ перваго періода, увеличился около 60 процентовъ. Послѣ этихъ товаровъ, первое мѣсто занимаютъ шелковыя издѣлія, но пропорція ихъ потребления далеко не такъ значительна, хотя въ новѣйшее время также весьма увеличилась. Что касается до шелка и прочихъ азіятскихъ товаровъ, то цѣнность ихъ составляла въ послѣдній періодъ не свыше 31 процента всего привозу, не смотря на то, что сбытъ ихъ вообще примѣтно усилится, въ сравненіи съ привозомъ въ оба предыдущіе періода.

Значительный ввозъ бумажныхъ издѣлій въ Закавказію, съ платежемъ только пятипроцентной пошлины, имѣлъ слѣдствіемъ уменьшеніе тамъ расхода русскихъ товаровъ этого рода, и въ то же время сбытъ ихъ въ Персію чрезвычайно уменьшился отъ

соперничества европейских бумажных издѣлій, которыя привозятся туда чрезъ Трѣбизондъ. Средній отпускъ этихъ товаровъ изъ Россіи въ Персію составлялъ, по цѣнѣ, въ 1834—1837 годахъ 191,844 рубля, въ 1838—1841 годахъ 96,128, а въ 1842—1845 годахъ только 19,223 рубля серебромъ.

Ограниченіе привозу европейскихъ бумажныхъ издѣлій въ Закавказію, при введеніи въ этомъ краѣ новой таможенной системы, не достигло своей цѣли: ихъ мѣсто заступили такъ называемые азіятскіе товары, оплачиваемые прежнею пятипроцентною пошлиною.

Судя по чрезвычайному умноженію ихъ привозу въ столь короткое время, можно подозрѣвать, что подъ названіемъ азіятскихъ проходили въ Закавказію европейскія бумажныя издѣлія, тѣмъ болѣе, что послѣднія для сбыту на Востокъ приготавливаются въ тамошнемъ вкусѣ и можетъ-быть не всегда возможно отличить ихъ отъ настоящихъ азіятскихъ товаровъ. Сверхъ того, по затруднительности таможеннаго надзору въ этомъ краѣ, европейскіе товары могли удобно проходить туда контрабандою*.

Усилившееся соперничество ихъ съ русскими издѣліями очевидно обнаруживается при разсмотрѣніи отпуска этихъ издѣлій въ Персію и Азіятскую Турцію. По Каспійскому Морю еще доставляются нѣкоторыя издѣлія нашихъ фабрикъ въ тамошніе персидскіе порты, для сбыта въ ближайшія мѣста; но вывозъ этихъ товаровъ чрезъ другія закавказскія таможни весьма уменьшился.

Отпущено :

	въ 1832—36 г.	въ 1837—41 г.	въ 1842—45 г.
	Руб. сер.	Руб. сер.	Руб. сер.
Разныхъ издѣлій на	246,878	226,013	107,906
Прочихъ товаровъ на	290,964	515,784	553,868
Итого	537,862	741,797	660,774

И такъ отпускная торговля произведеніями русскихъ фабрикъ не только не увеличилась, но еще пришла въ упадокъ, оттого, что въ сосѣдственныхъ мѣстахъ Персіи и Турціи

* Въ №№ 7 и 8 Журнала Мануфактуръ 1846 года, въ статьѣ «О таврической торговлѣ 1845 года», показанъ вывозъ персидскихъ товаровъ изъ Тавриза въ Россію на 3,665,130 руб. ассигнаціями; изъ внутренней Персіи вывезено однихъ бумажныхъ тканей, какъ полагаютъ, на три съ половиною милліона рублей и, сверхъ-того, къ этимъ двумъ суммамъ можно смѣло прибавить два съ половиною милліона рублей на иностранные товары, провезенные отсюда въ Закавказскій Край контрабандою. (См. стр 115).

болѣе и болѣе распространялось употребленіе европейскихъ товаровъ, съ которыми наши издѣлія не могутъ соперничать ни въ добротѣ, ни въ дешевизнѣ. Отпускъ нашъ еще поддерживается почти исключительно сбытомъ громоздкихъ и тяжеловѣсныхъ товаровъ, для которыхъ Каспійское Море служитъ удобѣйшимъ путемъ доставки ихъ въ Персію.

Что касается до потребленія русскихъ издѣлій въ Закавказіи, то оно не усилилось: торговля между Закавказіемъ и Россією оставалась по прежнему въ рукахъ малокапитальныхъ Армявъ, которые продолжали покупать русскіе товары въ кредитъ на нижегородской ярмаркѣ и въ Москвѣ. Они привозили оттуда въ Закавказію издѣлія низкой доброты, обходившіяся потребителямъ не дешево, оттого, что Армяне, забирая товаръ въ дальніе сроки, не могли пріобрѣтать его по настоящимъ цѣнамъ и, производя обороты съ малымъ капиталомъ, не довольствовались умереннымъ барышемъ. При такомъ ходѣ торговли цѣны русскихъ товаровъ чрезмѣрно возвышались и сбытъ ихъ стѣснялся болѣе и болѣе, встрѣчая соперничество европейскихъ издѣлій, которые ввозились въ этотъ край то контрабандою, то подъ видомъ азіатскихъ товаровъ, обложенныхъ пяти-процентною пошлиною. Эти издѣлія по-прежнему пріобрѣтались на русскія деньги, которые ежегодно входятъ въ Закавказію значительными суммами на содержаніе войска и управленія, и частью также поступаютъ, путемъ торговли съ Москвою, въ уплату за шелкъ, доставляемый на тамошнія фабрики изъ закавказскихъ провинцій. Между-тѣмъ какъ сбытъ русскихъ издѣлій уменьшался, требованіе закавказскихъ шелковъ на русскія фабрики значительно увеличилось отъ уменьшенія привоза персидскаго шелку, который нынѣ идетъ въ большомъ количествѣ чрезъ Трѣбизондъ въ Европу *.

Для выгодѣйшаго развитія торговыхъ сношеній между Россією и Закавказіемъ, еще въ 1831 году было предположено учреждать торговую компанію: Тѣмъ назначался средоточіемъ ея дѣйствій и полагалось основать три главныя конторы: одну въ Москвѣ для сношеній съ московскими и другими русскими фа-

* Привозъ персидскаго шелка въ Россію составлялъ слѣдующія среднія количества :

Въ 1824—1828 г.	7,344 пуд.
Въ 1829—1833 г.	6,851 —
Въ 1839—1843 г.	4,821 —

брикантами, желающими отправлять свои издѣлія на коммиссію; другую — въ Астрахани для складки товаровъ, отправляемыхъ моремъ въ Персію и въ каспійскіе порты Закавказскаго Края, а третью — въ Баку для складки товаровъ, отправляемыхъ туда изъ Астрахани и назначенныхъ къ отправленію изъ Баку въ Тифлисъ и въ Персію сухимъ путемъ. Предполагалось для дѣйствій компаніи собрать на акціяхъ капиталъ въ триста-тысячь рублей ассигнаціями. Однако это предпріятіе не состоялось въ предначертанномъ размѣрѣ. Въ 1838 году нѣсколько лицъ, изъ Грузинъ и Армянъ, положили учредить между собою товарищество на паихъ, съ капиталомъ въ два милліона рублей ассигнаціями для торговли съ Персією, имѣя цѣлю снабжать сосѣдственныя съ Закавказією персидскія провинціи русскими мануфактурными товарами и вывозить оттуда сырыя произведенія. Правленіе товарищества должно было находиться въ Тифлисъ и предполагалось завести конторы въ Баку и другихъ мѣстахъ. Это предпріятіе также осталось не исполненнымъ. Въ 1839 году учреждено съ подобною же цѣлю «Закавказское торговое депо» въ Тифлисъ; но въ послѣдніе годы не было ни какихъ печатныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ этого заведенія.

Между-тѣмъ какъ попытки къ распространенію сбыта русскихъ издѣлій въ Закавказіи и Персію и къ развитію торговли съ этими странами на обоюднo-выгодныхъ коммерческихъ основаніяхъ оставались у насъ безуспѣшными, Англичане и другіе иностранцы завели конторы въ Трeбизондѣ и въ Тавризѣ, и подъ покровительствомъ своихъ консуловъ, стали безопасно производить тамъ торговлю на большіе капиталы. Ознакомившись съ нуждами и вкусомъ покупателей, европейскіе фабриканты не замедлили примѣнить качество своихъ издѣлій ко всѣмъ условіямъ тамошняго потребленія; оттого въ короткое время сбытъ европейскихъ товаровъ въ сѣверной Персіи чрезвычайно возвысился и оттуда они стали вновь водворяться въ закавказскій край.

Состояніе закавказской торговли, при таможенномъ устройствѣ, съ 1832 года заступившемъ мѣсто льготной торговой системы, не оправдало видовъ правительства: доказательствомъ тому служатъ разныя облегченія, вновь предоставленныя торговлѣ закавказскаго края. Въ 14 день декабря 1846 года, Высочайше утвержденъ таможенный тарифъ для закавказскихъ черноморскихъ портовъ, по которому сбавлена пошлина съ многихъ товаровъ, дозволенныхъ къ привозу и разрѣшенъ ввозъ почти всѣхъ предметовъ,

запрещенныхъ общимъ тарифомъ *, и тѣ изъ нихъ, которые въ видѣ изъятія уже были допущены къ закавказскимъ портамъ, оставлены при прежней пошлинѣ. Для примѣра полагаемъ достаточнымъ указать на слѣдующія важнѣйшія статьи :

Пошлины:

Бумажныя издѣлія:	Прежняя.	Новая.
Бѣлыя: ниткаль, канфасъ и др.	— р. 83 к.	— р. 60 к. с. съ фунта.
Крашевыя (кромя нанки)	1 р. 85 к.	1 р. 10 к. с. » »
Нанка	(Запрещ.)	— р. 50 к. с. » »
Набивныя и печатныя	(Запрещ.)	1 р. 20 к. с. » »
Льняныя и пеньковыя издѣлія:		
Столовое бѣлье	2 р. 30 к.	2 р. — к. с. » »
Крашевыя	6 р. 90 к.	6 р. — к. с. » »
Набивныя и печатныя	(Запрещ.)	8 р. — к. с. » »
Вина:		
Всякія, кромя особо поименованныхъ	48 р. — к.	35 р. — к. с. съ оксофта.
Молдавскія, валахскія и греческія	24 р. — к.	18 р. — к. с. » » »
Шампанское и другія шипучія		
вина въ бутылкахъ	— р. 90 к.	— р. 70 к. с. съ бутылки.
Прочія, въ бутылкахъ	— р. 50 к.	— р. 40 к. с. » » »
Позументная работа:		
Золотая	(Запрещ.)	15 р. 70 к. с. съ фунта.
Серебряная	(Запрещ.)	3 р. 60 к. с. » »
Посуда:		
Фаянсовая бѣлая	2 р. 32½ к.	1 р. — к. с. съ пуда.
» » съ позолотою; серебромъ		
и живописью	6 р. — к.	6 р. — к. с. » »

* Запрещенными къ привозу остаются только слѣдующія статьи: ассигнаціи и билеты государственнаго казначейства, депозитной кассы и кредитныя, также лотерейныя билеты — варшавскіе и иностранныя; военскіе снаряды, порохъ и селитра; вино и спиртъ хлѣбные, ликеры, наливки и настойки, пиво, чай, нефть, составные металлы, монеты мѣдная, чеканеная на серебро, всѣ низкопробныя и другія монеты, запрещенныя къ привозу по тарифу для европейской торговли; мягкая рухлядь: бобры, выдры, соболи и котички, и тюленья шкуры.

П о ш л и н ы .

Посуда:	Препная.	Новая.
Фарфоровая бѣлая	(Запрещ.)	2 р. — к. с. » »
» » съ позолотою, серебромъ и живописью	(Запрещ.)	12 р. — к. с. » »
Шелковыя издѣлія :		
Непрозрачныя гладкія	5 р. — к.	4 р. — к. с. съ фунта.
Узорчатыя и набивныя	7 р. 50 к.	6 р. — к. с. » »
Съ золотою и серебромъ	10 р. 20 к. и 12 р.	8 и 10 р. с. » »
Прозрачныя гладкія	15 р. — к.	8 р. — к. с. » »
Узорчатыя и набивныя	18 р. — к.	12 р. — к. с. » »
Съ золотою и серебромъ	18 р. — к.	12 р. — к. с. » »
Вышитыя	20 р. — к.	14 р. — к. с. » »

Ленты:

Непрозрачныя	5 р. — к.	4 р. — к. с. » »
Прозрачныя	15 р. — к.	8 р. — к. с. » »
Печатныя	10 р. 20 к.	8 р. — к. с. » »

Шерстяныя издѣлія :

Обыкновенныя	1 р. 25 к.	Гладкія 50 к. с. » »
Тисненныя	1 р. 50 к.	Прочія 60 к. с. » »
Камлоты тонкіе	1 р. 80 к.	— р. 50 к. с. » »
» » пестрые и узорчатые	2 р. 40 к.	1 р. — к. с. » »
Меринось одноцвѣтныя ^Р	2 р. 40 к.	1 р. 25 к. с. » »
» » пестрый	3 р. 50 к.	1 р. 75 к. с. » »
Печатныя и набивныя	(Запрещ.)	3 р. 50 к. с. » »

Облегчая вновь привозъ европейскихъ товаровъ въ Закавказію и преимущественно такихъ предметовъ, которыми нынѣ этотъ край снабжается изъ Россіи въ ограниченномъ количествѣ, правительство не упустило изъ виду и выгоды внутренней мануфактурной промышленности; до-сихъ-поръ, какъ въ Закавказіи, такъ и въ Персіи, всего болѣе соперничали съ нашими издѣліями иностранныя бумажныя товары, и могли ли русскіе фабриканты выдерживать это соперничество, платя высокую привозную пошлину за употребленный ими матеріалъ? Для поддержанія этой отрасли торговли, правительство положило выдавать стеченіи пяти лѣтъ, считая съ 1847 года, въ видѣ прѣмія, за при-

* Съ бумажной пряжи взимается таможенною пошлиною шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ серебромъ съ пуда.

возимые изъ Керчи въ Редуть-Кале и Сухумъ-Кале и изъ Астрахани въ Баку русскія бумажныя издѣлія, половину пошлины, взимаемой по общему тарифу за иностранную бумажную пряжу. Опытъ покажетъ въ какой мѣрѣ эта льгота будетъ содѣйствовать развитію сбыта нашихъ бумажныхъ товаровъ въ Закавказіи и въ Персіи, гдѣ они почти совершенно вытѣснены иностранными издѣліями.

Вводя новый таможенный тарифъ для черноморскихъ портовъ закавказскаго края, правительство предоставило всемъ торгующимъ въ Редуть-Кале и Сухумъ-Кале право обратнаго вывоза и очистки товаровъ пошлиною, втеченіи годичнаго срока, тогда какъ до-сихъ-поръ можно было оставлять тамъ товары на складѣ не долѣе пяти мѣсяцевъ.

Въ то же время, для облегченія судоходства въ портахъ восточнаго берега Чернаго Моря, постановлено взимать тамъ половинный ластовый сборъ со всѣхъ приходящихъ и отходящихъ судовъ *, и затѣмъ ни какихъ другихъ сборовъ съ нихъ не взыскивать.

Отпускъ товаровъ изъ закавказскаго края за границу, привозъ въ этотъ край персидскихъ и турецкихъ произведеній и вывозъ оттуда товаровъ въ Россію, оставлены на прежнихъ правилахъ. Привозъ европейскихъ и колоніальныхъ товаровъ въ Закавказію по сухопутной съ Персіею и Турціею границѣ и по Каспійскому Морю изъ Персіи, остается по-прежнему запрещеннымъ.

Вмѣстѣ съ изданіемъ новаго таможеннаго тарифа разрѣшенъ безпошлинный транзитъ европейскихъ и колоніальныхъ товаровъ изъ Редуть-Кале и Сухумъ-Кале въ Персію, чрезъ Тифлисъ и Нахичевань, и персидскихъ товаровъ изъ Баку въ Редуть-Кале и Сухумъ-Кале. Сущность правилъ для закавказскаго транзита состоитъ въ слѣдующемъ: таможня, въ которой объявляются товары, назначенные къ транзиту, производитъ досмотръ имъ, прикладываетъ къ товарнымъ мѣстамъ пломбы и выдаетъ ярлыкъ на пропускъ за границу; транспортъ отправляется по назначенной товарной дорогѣ, въ сопровожденіи таможенныхъ служителей; мѣста съ товарами, идущими транзитомъ въ Персію, повѣряются по ярлыку, въ таможняхъ тифлисской и гюлистанской, находящейся въ Нахичевани, и по прибытіи транспорта къ джультанской переправѣ, у Аракса, снимаются съ товарныхъ мѣстъ

* То есть по двѣ съ половиною копѣйки серебромъ съ ласта за приходъ и столько же за отходъ.

таможенные пломбы, для пропуска за границу. Что же касается до персидских товаров, отправляемых из Баку в Редуть-Кале, то они провозятся свободно по ярлыку без всякой повѣрки и задержанія, по предназначенному пути.

Такъ какъ товары, слѣдующіе транзитомъ чрезъ Закавказію, подвергаются досмотру въ первой таможенѣ, то не требуется здѣсь представленія залоговъ, какіе установлены на обезпеченіе казны по общимъ правиламъ для транзитнаго торгу *. Но къ отвращенію подлоговъ опредѣлены и здѣсь денежные штрафы, въ случаѣ поврежденія пломбъ или увязки товарныхъ мѣстъ и открытія въ нихъ несогласія противъ ярлыка; также, въ случаѣ оставленія транспортомъ товарной дороги, мѣста, въ ярлыкѣ не показанныя, признаются тайно водворенными, а за всякій недостатокъ товара, противъ показаннаго въ ярлыкѣ количества, положено взыскивать установленную пошлину и до взноса всѣхъ этихъ взысканій, таможня не допускаетъ къ дальнѣйшему слѣдованію товаровъ, принадлежащихъ одному хозяину.

Для успѣха транзита европейскихъ товаровъ чрезъ закавказскій край въ Персію, разрѣшенъ въ 1847 году, транзитъ ихъ чрезъ Одессу. Высочайше утвержденнымъ, 27 мая, правилами для отправленія иностранныхъ товаровъ изъ одесскаго порто-франко въ закавказской край, дозволено: по привозѣ этихъ товаровъ въ Одессу моремъ или черезъ европейскую сухопутную границу транзитомъ, очищать ихъ закавказскою пошлиною въ Одессѣ или отправлять отсюда въ Редуть-Кале или Сухумъ-Кале, для очистки ихъ пошлиною какъ въ одномъ изъ этихъ портовъ, такъ и въ Тифлисѣ, или для дальнѣйшаго отправленія, транзитомъ, въ Персію.

Разрѣшеніе иностраннымъ товарамъ беспошлиннаго транзита чрезъ Закавказію имѣетъ цѣлью доставить этому краю выгоды отъ провозу товаровъ, въ томъ предположеніи, что купечество предпочтетъ этотъ вновь открытый торговый путь нынѣшнему, который заступилъ его мѣсто по прекращеніи транзита европейскихъ товаровъ чрезъ Закавказію, послѣ 1831 года. Чтобы судить въ какой мѣрѣ вѣроятно это предположеніе, нужно сравнить торговые пути, ведущіе къ Тавризу отъ Трѣбизонда чрезъ Арзерумъ и отъ Редуть-Кале чрезъ Тифлисъ.

* За товары, отправляемые транзитомъ отъ европейской сухопутной границы въ Одессу, требуются отъ купцовъ залогъ потому, что досмотръ на границѣ не производится, а только прикладываются пломбы къ товарнымъ мѣстамъ и на провозъ ихъ выдается ярлыкъ изъ впускной таможни.

Изъ Требизонда въ Арзерумъ ведутъ три дороги. Лѣтняя проходитъ чрезъ высокія горы, покрытыя снѣгомъ большую часть года, а зимняя обходитъ часть горъ, направляясь въ Гумушъ-Хане. Первая считается длиною въ пятьдесятъ-два часа (260 верстѣ), а послѣдняя въ шестьдесятъ-два часа. Есть еще средняя дорога, которая четырьмя часами короче зимней. Всѣ эти дороги весьма дурны; случается, хотя довольно рѣдко, что зимою лошади и люди обрываются въ пропасти и погибаютъ, а выюки съ товарами остаются въ снѣгу до весны и тогда только могутъ быть тамъ отысканы. Отъ Арзерума до Тавриза считается девяносто-два часа пути (460 верстѣ). Дорога лучше Требизондской; но какъ она проложена чрезъ высокія мѣста, то въ нѣкоторыхъ ущельяхъ скопляются такіе глубокіе снѣга, что переѣздъ становится затруднительнымъ. При томъ, караваны подвержены нападеніямъ Курдовъ, живущихъ около Арарата, гдѣ сходятся границы Турціи, Персіи и Россіи. Караваны, проходя чрезъ мѣста, гдѣ бывають набѣги Курдовъ, обыкновенно состоятъ изъ ста-пятидесяти до трехъ-сотъ лошадей. Курды раскидываютъ свои палатки лѣтомъ по долинѣ Мурадъ-Чайской и по равнинамъ у подошвы Арарата; на зиму они переходятъ въ значительныя для нихъ селенія, и тогда дороги становятся безопасными. Въ лѣтнюю пору, лошадей пускаютъ на пастбище и отъ того караваны подвигаются тихо. Отъ Требизонда до Арзерума они идутъ двадцать дней и оттуда до Тавриза тридцать дней; но когда нѣтъ болѣе подножнаго корму и дороги еще не испортились отъ снѣговъ, то караваны проходятъ первое разстояніе въ десять или одиннадцать, а послѣднее въ семнадцать или девятнадцать дней. Плата за провозъ полагается съ кантара въ сто-осемьдесятъ окъ; лошадь, по этимъ гористымъ дорогамъ, можетъ вестъ сто-двадцать окъ или отъ девяти до десяти пудовъ. Отъ Требизонда до Арзерума платится съ кантара около девяноста до двухъ-сотъ-осемьдесятъ пиастровъ, и оттуда до Тавриза отъ двухъ-сотъ до трехъ-сотъ-пятидесяти пиастровъ; всего вообще приходится за провозъ около одного рубля двадцати пяти копѣекъ до двухъ рублей семидесяти копѣекъ серебромъ съ пуда. Въ обратный путь, отъ Тавриза въ Требизондъ, берется за провозъ въ половинну мѣся, потому что часто случается не найти никакой кладв.

Въ прежнее время, турецкое правительство взимало четырех-процентную пошлину съ товаровъ, отправляемыхъ транзитомъ въ Персію; но этотъ сборъ недавно отмѣненъ и положено брать

только по двѣнадцать пѣстровъ (около семидесяти-двухъ копѣекъ серебромъ) съ каждаго товарнаго мѣста на письменные расходы. Въ Требизондѣ предъявляется «тескереть» или ерыкъ на пропускъ, и товары отправляются въ Тавризу безъ всякаго досмотру.

Обратимся теперь къ торговому пути, идущему въ Персію чрезъ Редуть-Кале. За провозъ отсюда до Тифлиса (триста-осемьдесятъ верстъ) платится отъ сорока до пятидесяти копѣекъ серебромъ и отъ Тифлиса до Тавриза (шестьсотъ-пятнадцать верстъ) отъ шестидесяти до осмидесяти копѣекъ серебромъ съ пуда. Дорога изъ Редуть-Кале на Тифлисъ удобна для арбъ и только въ худое время года дороги въ Имеретин и Мингрелин бываютъ дурны. Между Тифлисомъ и Тавризомъ товары перевозятся на вьючныхъ лошадяхъ, по гористой, но безопасной дорогѣ, удобной также и для арбъ. Весь провозъ отъ Редуть-Кале до Тавриза стоитъ около одного рубля до рубля тридцати копѣекъ серебромъ или три рубля пятьдесятъ копѣекъ до четырехъ рублей шестидесяти копѣекъ ассигнаціями съ пуда. И такъ, хотя путь въ Тавризу отъ Требизонда нѣсколько короче нежели отъ Редуть-Кале, однако провозъ чрезъ Тифлисъ дешевле, потому что дорога удобнѣе и безопаснѣе.

Впрочемъ, экономія въ провозной платѣ окажется не такъ велика, если взять въ расчетъ, что въ Требизондѣ нѣтъ карантинныхъ и таможенныхъ расходовъ, которые неизбежны въ Редуть-Кале, гдѣ транзитные товары должны быть объявлены, досматриваемы и укладываемы съ приложеніемъ таможенныхъ пломбъ къ товарнымъ мѣстамъ. Сверхъ того, въ Редуть-Кале выгрузка сопряжена съ большими затрудненіями, и оттого обходится дорого: въ этомъ мѣстѣ нѣтъ порта; корабли останавливаются на открытомъ морѣ, въ двухъ верстахъ отъ города, и товары должны перегружаться въ мелкія суда. Безпокойная якорная стоянка на редуть-кальскомъ рейдѣ возвышаетъ плату за фрахтъ, а затруднительная и опасная перегрузка товаровъ съ кораблей въ мелкія суда вовлекаетъ также въ немаловажныя издержки. Въ Требизондѣ корабли не встрѣчаютъ подобныхъ неудобствъ: этотъ портъ имѣетъ двѣ гавани, одну на западной, другую на восточной сторонѣ небольшого мыса; въ послѣдней бросаютъ якорь самыя большіе корабли. Якорный грунтъ въ этомъ мѣстѣ отличный и хотя оно открыто для всѣхъ вѣтровъ, кромѣ южныхъ, однако, при обыкновенныхъ предосторожностяхъ, нѣтъ опасности для кораблей.

Если допустить даже, что провозъ товаровъ въ Персію чрезъ Редуть-Кале, при существующихъ тамъ портовыхъ расходахъ, будетъ стоить не дешевле нынѣшняго транзита чрезъ Трѣбизонду, то и въ этомъ предположеніи нельзя не отдать преимущества закавказскому пути, потому что онъ удобнѣе и безопаснѣе. Вообще торговля чрезъ владѣнія, подвластныя Россіи, представляетъ, по видимому, важную выгоду въ томъ, что иностранное купечество болѣе ограждено здѣсь отъ рисковъ, которымъ оно подвергается въ азіатскихъ земляхъ. Эта выгода должна бы, кажется, привлечь европейскихъ купцовъ въ Закавказію; но торговля не менѣе дорожитъ совершенною свободою, которою она пользуется на Востоке: тамъ нѣтъ таможенныхъ уставовъ, нѣтъ ответственности и взысканій за неточное соблюденіе таможенныхъ формъ. Во всякомъ образованномъ государствѣ существуютъ эти уставы, необходимые для огражденія казеннаго интереса и правильной торговли; но купцы предпочитаютъ иногда понести нѣкоторый убытокъ или сдѣлать какое либо пожертвованіе, лишь бы только не встрѣчать препятствій или затрудненій въ торговыхъ дѣлахъ.

Развитіе транзитной торговли чрезъ Закавказію обѣщаетъ этому краю не маловажныя выгоды: они откроютъ жителямъ новый источникъ заработковъ отъ провозу товаровъ по разнымъ направленіямъ и, сверхъ того, вѣроятно привлечетъ иностранныхъ купцовъ въ Тифлисъ, Редуть-Кале, и другія мѣста, тѣмъ болѣе, что, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ транзита, облегченъ привозъ европейскихъ и колоніальныхъ товаровъ въ Закавказію по Черному Морю. Потребленіе ихъ тамъ, конечно, увеличится, оживитъ торговлю и усилитъ обращеніе въ ней капиталовъ. Со временемъ, эта торговая дѣятельность будетъ имѣть благотворныя послѣдствія для улучшенія внутренней промышленности въ краѣ, который такъ пуждается въ капиталахъ для разработки своихъ производительныхъ силъ.

Отъ умноженія привоза товаровъ изъ Европы въ Закавказію, наша внѣшняя торговля можетъ выиграть и въ другомъ отношеніи. До сихъ поръ, какъ мы видѣли выше, привозъ товаровъ въ закавказской торговлѣ значительно превышалъ ихъ вывозъ, и оттого большія суммы звонкой монеты ежегодно выходили оттуда въ Персію. Съ распространеніемъ сбыта европейскихъ произведеній въ Закавказіи, привозъ изъ Персіи значительно уменьшится. Но какъ нельзя предположить, что нынче этотъ край

будетъ въ состояніи платить своими продуктами за товары, привозимые изъ Европы, то вмѣсто вывоза звонкой монеты въ уплату за эти товары, корабли доставившіе ихъ къ закавказскимъ портамъ, станутъ нагружаться продуктами южной Россіи въ разныхъ черноморскихъ и азовскихъ портахъ. Въ настоящее время, отпускъ значительно превышаетъ привозъ въ нашей черноморской торговлѣ, и оттого иностранные корабли приходятъ въ тамошніе порты большею частью съ баластомъ; это служитъ къ возвышенію фрахтовъ, и стѣсняетъ торговые обороты, тѣмъ болѣе, что для закупки нашихъ продуктовъ, иностранцы должны доставлять туда большія суммы звонкой монеты. Напротивъ того, когда умножится привозъ товаровъ въ Редуть-Кале, тогда корабли, возвращаясь изъ этого мѣста съ баластомъ, будутъ заходить въ порты южной Россіи, для взятія тамъ обратныхъ грузовъ, даже за весьма низкой фрахтъ. При такомъ направленіи торговыхъ оборотовъ не будетъ надобности вывозить звонкую монету изъ Закавказія: привозъ туда европейскихъ товаровъ можетъ тогда удобно оплачиваться вывозомъ продуктовъ южной Россіи, пока внутренняя промышленность въ закавказскомъ краѣ не возвысится до такой степени, что произведенія ея станутъ находить сбытъ на европейскихъ рынкахъ. Такимъ образомъ, приращеніе ввозу товаровъ изъ Европы въ этотъ край представляетъ благопріятныя виды для нашей отпускной торговли по Черному Морю, между-тѣмъ какъ до сихъ поръ возрастающее потребленіе иностранныхъ товаровъ въ Закавказіи служило только къ вывозу звонкой монеты въ Персію и чрезъ нее въ Европу.

Обращаясь наконецъ къ ожидаемымъ послѣдствіямъ отъ новаго закавказскаго тарифа въ отношеніи къ нашей мануфактурной промышленности, замѣтимъ предварительно, что въ этомъ тарифѣ европейскіе товары обложены таможенною пошлиною, хотя уменьшенною противъ общаго тарифа, однако конечно, еще достаточною для огражденія выгодъ нашихъ фабрикантовъ. Во время льготной системы 1821 года, всѣ товары платили однообразную пятипроцентную пошлину, при которой русскимъ издѣліямъ было трудно выдерживать соперничество иностранныхъ. Опытъ доказалъ однако, что сбытъ этихъ издѣлій не распространился и по введеніи въ 1832 году новаго таможеннаго устройства, которое ограничило привозъ европейскихъ издѣлій и преградило одесскій транзитъ: иностранные товары проложили себѣ путь черезъ Трѣбизондъ въ Тавризу и годъ отъ году стали увеличиваться ввозъ въ Закавказію издѣлій, платящихъ пятипроцентную пош-

лину на основаніи торговаго трактата съ Персією. Закавказіа лишилась тогда транзита иностранныхъ товаровъ, проходящихъ черезъ Редутъ-Кале въ Тавризу и усилившейся сбытъ ихъ въ сѣверной Персіи, при транзитѣ черезъ Трѣбизондъ, чрезвычайно ограничилъ тамъ потребленіе русскихъ мануфактурныхъ товаровъ. Не будучи въ состояніи соперничать съ иностранными издѣліями за границею, наши фабриканты не находили себѣ вознагражденія и въ Закавказіи: ихъ произведенія болѣе и болѣе вытѣснялись тамъ европейскими товарами, водворяемыми изъ Персіи. При такомъ положеніи закавказской торговли, опытъ очевидно показалъ, что прежняя тарифная система не достигала своей цѣли: выгоды края потерпѣли отъ стѣсненія торговыхъ сношеній его съ Европою, казна несла ущербъ въ таможенномъ доходѣ отъ ввозу европейскихъ товаровъ черезъ персидскую границу и внутреннія фабрики нисколько не выиграли отъ тарифа, которымъ предполагалось обезпечить сбытъ ихъ издѣлій въ Закавказіи. Въ такихъ обстоятельствахъ представлялся вопросъ: выгоднѣе ли облегчить правильнѣйшій ввозъ европейскихъ товаровъ моремъ или терпѣть приращеніе потаеннаго ввозу ихъ изъ Персіи къ дальнѣйшему подрыву таможеннаго дохода и во вредъ внутреннихъ фабрикъ? Этотъ вопросъ уже рѣшенъ введеніемъ въ Закавказіи облегчительнаго тарифа, который вмѣстѣ съ возстановленіемъ транзита, конечно, оживитъ правильную торговлю, усилитъ движеніе капиталовъ и поощритъ развитіе новыхъ отраслей торговой дѣятельности въ этомъ краѣ. При нынѣшнемъ закавказскомъ тарифѣ, наши фабрики ничего не теряютъ, но еще могутъ выиграть. До сихъ-поръ потребленіе русскихъ издѣлій въ Закавказіи упало несмотря на мѣры, принятыя въ пользу ихъ сбыта; слѣдовательно, нѣтъ поводу ожидать худшихъ для нихъ послѣдствій отъ новой системы. Иностранные товары, которые, водворяясь въ Закавказію незаконными путями, соперничали тамъ съ русскими издѣліями, будутъ привозиться туда впродъ съ платежемъ умѣренной пошлины. Прекращеніе или по-крайней-мѣрѣ значительное уменьшеніе этой контрабанды не только не уронитъ сбыту русскихъ издѣлій, но скорѣе допустить можно, что съ отвращеніемъ одной изъ главныхъ причинъ его упадка, торговля этими товарами въ Закавказіи современемъ усилится. Премія, назначенная нынѣ въ пользу русскихъ бумажныхъ издѣлій вывозимыхъ въ Закавказію, вѣроятно, будетъ способствовать приращенію ихъ отпуска, важнаго для нашей мануфактурной промышленности, тѣмъ болѣе, что товары этого рода задвигаютъ

ють первое мѣсто въ закавказской торговлѣ мануфактурными издѣліями. Что касается до громоздскихъ и тяжеловѣсныхъ издѣлій, которые даже при льготномъ тарифѣ 1821 года доставлялись въ Закавказію исключительно изъ Россіи и нынѣ еще сбываются какъ въ этомъ краѣ, такъ и въ сѣверной Персіи, то нельзя опасаться уменьшенія ихъ вывозу при нынѣшнемъ закавказскомъ тарифѣ. Напротивъ-того, можно надѣяться, что ихъ сбытъ будетъ возрастать, по мѣрѣ того, какъ закавказскіе жители будутъ свыкаться съ европейскими потребностями. До-сихъ-поръ употребленіе нашихъ ткацкихъ издѣлій встрѣчало тамъ програту, отчасти въ привычкѣ жителей къ азіатскимъ дешевымъ тканямъ; но разнообразныя произведенія усовершенствованной европейской фабрикаціи скоро привлекутъ къ себѣ потребителей, которые ознакомившись съ этими издѣліями, обратятся къ покупкѣ русскіхъ подобныхъ товаровъ, если только цѣны ихъ при соотвѣтственной добротѣ, будутъ сходны нностранныхъ.

Последнее условіе, безъ сомнѣнія, должно служить главнымъ основаніемъ для развитія сбыта русскихъ издѣлій въ Закавказіи. Эта цѣль, однако, можетъ быть достигнута съ успѣхомъ тогда только, когда торговыя сношенія между Россією и закавказскими ея провинціями примутъ благопріятнѣйшее направленіе. Мы уже говорили объ одной изъ причинъ дороговизны русскихъ товаровъ въ этомъ краѣ, происходящей отъ барышничества малокапитальныхъ Армянъ, чрезъ посредство которыхъ производится эта торговля. Наши купцы фабриканты не имѣютъ тамъ торговыхъ заведеній, гдѣ товары ихъ могли бы продаваться по настоящимъ цѣнамъ; тамъ нѣтъ большихъ коммиссіонныхъ домовъ, которымъ можно бы поручать продажу русскихъ товаровъ и покупку мѣстныхъ продуктовъ, для отправленія въ Россію: Вся торговля идетъ черезъ руки Армянъ. Соображаясь съ своими ограниченными средствами, они не могутъ дѣлать большихъ покупокъ, а продавцы, съ своей стороны, принуждены ограничивать пропорцію товаровъ, отпускаемыхъ имъ въ долгъ; оттого запасы русскихъ издѣлій на закавказскихъ рынкахъ, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ, требуемыхъ туда предметовъ, бываютъ не удовлетворительны, а цѣны ихъ немѣрно высоки. Невыгоды такого хода торговли уже давно были сознаваемы, и отвращеніе ихъ было главною цѣлію торговой компаніи, предложенной еще въ 1831 году. Если русскіе фабриканты и купцы не успѣли упрочить сбытъ своихъ товаровъ въ Закавказіи при

таможенномъ устройствѣ, существовавшемъ тамъ съ 1832 году въ теченіе пятнадцати лѣтъ, то теперь, когда правительство вновь убѣдилось въ необходимости, по мѣстному положенію того края, облегчить торговлю его съ иностранными землями, теперь, кажется, настало время изыскать способы къ выгоднѣйшему направленію торговли, между Закавказіемъ и Россією. Къ достиженію этой цѣли едва ли не самымъ надежнымъ средствомъ будетъ учрежденіе, въ Тифлисѣ и другихъ главнѣйшихъ городахъ Закавказскаго края, торговыхъ заведеній, для комиссіонной продажи русскихъ издѣлій, которая положитъ основаніе правильному ихъ сбыту, по настоящимъ, умѣреннымъ цѣнамъ.

Другая причина возвышенія цѣнъ на товары, привозимые въ Закавказію изъ Россіи, заключается въ дороговизнѣ провоза ихъ сухимъ путемъ, вмѣсто доставки по Каспійскому Морю. Армяне, по своимъ понятіямъ и привычкамъ, предпочитаютъ вообще сухопутную торговлю морской; но торговые расчеты побѣдили бы ихъ недовѣрчивость къ морю, если бы перевозка товаровъ черезъ Астрахань не была сопряжена съ большими неудобствами. Плаваніе по Каспійскому Морю отъ худой конструкторціи судовъ и неискусства шкиперовъ, такъ затруднительно и ненадежно, что выгоды дешеваго провоза этимъ путемъ не вознаграждаютъ за опасности и убытки, которыми здѣсь подвергается торговля. Отъ того, почти всѣ товары, кромѣ громоздкихъ и тяжеловѣсныхъ, отправляются изъ Москвы и нижегородской ярмарки въ Тифлисъ, преимущественно сухимъ путемъ, несмотря на то, что провозъ изъ Нижняго Новгорода по Волгѣ къ Астрахани, для доставки отсюда въ Тифлисъ черезъ Баку, обходится гораздо дешевле. Кажется, что ближайшимъ способомъ къ отвращенію дороговизны нынѣшней перевозки было бы развитіе пароходства по Волгѣ и на Каспійскомъ Морѣ и учрежденіе страховой конторы въ Астрахани. Пароходы, употребленные для регулярнаго сообщенія на этомъ пути, избавили бы торговцевъ отъ встречаемыхъ ими затрудненій и неудобствъ, при нынѣшней доставкѣ товаровъ по Каспійскому Морю, а страховая контора оградила бы ихъ отъ потерь въ грузахъ, перевозимыхъ моремъ, между Астраханью, Закавказіемъ и Персією. Учредивъ въ Астрахани контору для застрахованія судовъ и товаровъ, Русское морское и рѣчное страховое общество оказало бы важную услугу каспійской торговлѣ.

Но всѣ эти предположенія могутъ осуществиться только при

содѣйствіи капиталовъ, руководимыхъ просвѣщенной предприимчивостью и оживляемыхъ духомъ товарищества. Опытъ уже доказалъ, [что безъ дѣятельнаго участія русскихъ купцовъ и фабрикантовъ въ закавказской торговлѣ, нельзя ожидать отъ нея успѣховъ, соответственныхъ выгодамъ отечественной промышленности. Въ этомъ убѣжденіи, нѣкоторые изъ главнѣйшихъ фабрикантовъ, И. Мальцевъ, Барановъ, Гучковъ, Прохоровы, Четвериковы, Усачевъ и другіе, составили нынѣ товарищество для снабженія закавказскаго края лучшими издѣліями своихъ фабрикъ, по умѣреннымъ цѣнамъ и съ этою цѣлю рѣшились учредить главное торговое депо въ Тифлисѣ, а потомъ, по мѣрѣ необходимости, они намѣрены завести подобныя склады своихъ издѣлій въ другихъ главнѣйшихъ закавказскихъ городахъ. Учредители предполагали отправить весною легкіе и дорогіе товары сухимъ путемъ изъ Москвы въ Тифлисъ, а тяжелые и малоцѣнные послать туда черезъ Ростовъ на Дону и Керчь; либо черезъ Астрахань и Баку, такъ, чтобы до обыкновеннаго отъѣзду закавказскихъ торговцевъ на нижегородскую ярмарку могли быть доставлены къ нимъ товары, составляющіе главный предметъ ихъ покупокъ. Товарищество имѣетъ въ виду не только оптовую и розничную продажу русскихъ издѣлій въ закавказскомъ краѣ, но и покупку туземныхъ продуктовъ мѣною или на деньги; оно готово сообщать тамошнимъ производителямъ чрезъ посредство мѣстныхъ торговцевъ, свѣдѣнія объ улучшеніяхъ, какія необходимо ввести въ приготовленіи тѣхъ продуктовъ, для выгоднѣйшаго ихъ сбыта, на отечественныхъ фабрикахъ. Съ подобною же цѣлю составила еще другая компанія для торговыхъ сношеній съ закавказскимъ краемъ: она будетъ имѣть главную контору въ Москвѣ, для завѣдыванія всѣми оборотами, подъ управленіемъ четырехъ учредителей купцевъ: Лешешкина, Лобкова, Рогожина и Котова; одно отдѣленіе этой конторы учреждается въ селѣ Ивановѣ (владимірской губерніи), а другое въ Тифлисѣ. Товары, назначенные для Закавказскаго Края, отправлены этою компаніею въ первый разъ съ послѣдней нижегородской ярмарки на судахъ по Волгѣ въ Астрахань, для доставки отсюда на пароходахъ черезъ Каспійское Море въ Баку. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ устройствѣ и дѣйствіяхъ компаніи закавказской торговли еще не было опубликовано; также нѣтъ новѣйшихъ извѣстій о товариществѣ закавказскаго торговаго депо. Впрочемъ, по новости этихъ предпріятій нельзя еще жи-

дать, чтобы при самомъ началѣ они достигли обширнаго развитія, для котораго нужно много времени и опытовъ. Достаточно по-крайней-мѣрѣ того, что новый тарифъ для закавказской торговли уже пробудилъ въ русскихъ купцахъ и фабрикантахъ духъ предпринимчивости къ сближенію Россіи съ закавказскимъ краемъ: они убѣдились, наконецъ, въ необходимости соединенными силами распространить свою торговлю съ этимъ краемъ, положить ей твердое основаніе и дать ей новое направленіе къ обезпеченію дальнѣйшихъ ея успѣховъ.

Г. И—Ъ.

=

УСТРОЙСТВО ЛѢСОВЪ

ЧАСТНЫХЪ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

==

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

==

Нынче, когда всѣ вопросы, касающіеся благосостоянія и обезпеченія быта крестьянъ, не могутъ казаться лишними, странно встрѣтить равнодушіе, съ какимъ смотрятъ частные владѣльцы на одинъ изъ источниковъ народнаго благосостоянія, — на лѣсъ.

До-сихъ-поръ вопросъ о лѣсѣ оставался вопросомъ чисто правительственнымъ: частные владѣльцы, по непонятной безпечности, мало, или лучше сказать, совсѣмъ не заботились о сохраненіи запасовъ своихъ лѣсовъ и часто, для пустыхъ прихотей, истребляли значительныя площади этой драгоцѣнной растительности. Нисколько не думая о своихъ крестьянахъ, помѣщики оправдывали свои набѣги на лѣса очень дикимъ, эгоистическимъ, умозаключеніемъ: «на мой вѣкъ станетъ». Нельзя сказать, чтобы въ дѣлѣ истребленія лѣсовъ не встрѣчались исключенія; были, разумѣется, помѣщики, понимавшіе важность лѣса въ крестьянскомъ быту и заботившіеся о сохраненіи своихъ лѣсовъ, но и эти немногіе помѣщики, незнакомые съ основаніями лѣсной науки, по необходимости должны были ограничиваться только полицейскими мѣрами охраненія лѣса.

Неразсчетливое обращеніе съ лѣсами кончилось, какъ оканчива-

ются всё нерасчетливыя дѣйствія, почти совершеннымъ уничтоженіемъ лѣсовъ *. Кому случалось, послѣ лѣсистыхъ сѣверныхъ и восточныхъ нашихъ губерній, проѣзжать черезъ губервіи средней и южной полосы Россіи, тотъ вѣроятно замѣтилъ бѣдность этихъ губервій въ лѣсномъ отношеніи: почти всё пространство, занимаемыя когда-то лѣсомъ, обращены теперь подъ пашни, лѣсъ же растетъ только островками и клумбами по оврагамъ, мочевникамъ и вообще мѣстамъ неудобнымъ для хлѣбопашества; и что это за лѣса? кустообразныя березы и жалкія уродливыя сосны (Pomeranzen-Bäume, какъ называютъ ихъ германскіе лѣсоводы). Если же и встрѣтите мѣстами лѣсъ нѣсколько значительный, то почти безошибочно можете считать его казеннымъ.

Но дѣйствительно ли виноваты помѣщики въ уничтоженіи своихъ лѣсныхъ дачъ? Всегда ли прихоть была причиною нерасчетливаго пользованія лѣсомъ? Разумѣется, нѣтъ. Глядя на лѣсъ какъ на капиталъ, величину котораго не позволяло опредѣлить владѣльцу его несовершенное знаніе, а чаще, совершенное незнаніе лѣсоводства, помѣщики опредѣляли величину вырубкы потребностію въ лѣсномъ матеріалѣ, нѣсколько не соображаясь съ силами лѣса; слѣдствіемъ такого пользованія было постепенное уничтоженіе лѣсныхъ запасовъ и даже совершенное истребленіе цѣлыхъ лѣсныхъ дачъ. Владѣлецъ лѣса тогда только можетъ быть увѣренъ въ неизсякаемости своего лѣснаго капитала, когда количество вырубкы не превышаетъ процента приросту; въ противномъ же случаѣ копечное истребленіе дачи будетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ нерасчетливаго пользованія лѣсомъ.

Но какъ опредѣлить величину лѣснаго капитала и величину процента съ него? Въ этомъ то и заключается главная задача лѣсоводства, которую разрѣшаетъ лѣсная таксація.

Другою причиною постепенныхъ уничтоженій помѣщичьихъ лѣсовъ было увеличеніе народонаселенія и въ слѣдствіе того недостатокъ въ пахатной землѣ, недостатокъ чаще кажущійся чѣмъ дѣйствительный.

Не умѣя съ малаго пространства земли получать возможно-большее количество хлѣба, не имѣя достаточно скота, а слѣдовательно и удобренія, крестьяне иногда по необходимости вырубали и выжигали лѣсные участки, обращая ихъ въ пашни. Послѣ двухъ

* Здѣсь говорится, разумѣется, не о сѣверныхъ и восточныхъ лѣсистыхъ губерніяхъ, но о средней и болѣе южной полосѣ Россіи.

трехъ лѣтъ пользованія такими участками, лишивъ плодородія, крестьяне оставляли ихъ какъ пространства для нихъ совершенно бесполезныя, и распахивали новыя лѣсные участки, которыхъ ожидала таже участь.

Болѣе значительныя вырубки лѣсу, напримѣръ на продажу, не подчинялись тоже ни какимъ правиламъ; помѣщики рубили или на выборъ, то есть, избирая лучшія деревья годныя для удовлетворенія извѣстной потребности, или сплошь; въ первомъ случаѣ, пользуясь только лучшими деревьями и оставляя на мѣстахъ вырубокъ деревья хворыя, тонкомѣрныя, нельзя было ожидать появленія, на этихъ мѣстахъ, когда нибудь, здоровыхъ полныхъ (густыхъ) насажденій; а во второмъ, сплошное оголеніе пространства, безъ оставленія на лѣсосѣвѣ сѣмянныхъ деревъ, самая безпорядочность рубки, неуборка вершинъ и сучьевъ, засореніе мѣста вырубокъ, лишали владѣльца надежды имѣть когда-либо на этихъ пространствахъ хорошія лѣсонасажденія.

Нѣтъ необходимости говорить здѣсь о важности лѣсовъ для благосостоянія народа. Желѣзо и дерево всегда были и, вѣроятно, останутся, полезнѣйшими матеріалами въ жизни человѣка; о вліяніи лѣсовъ на климатъ и земледѣліе говорить тоже не къ чему; довольно указать на новороссійскій край, гдѣ обнаженіе степей и сухость воздуха, какъ слѣдствіе недостатку лѣсовъ, причиною сильныхъ палящихъ вѣтровъ, дуящихъ тамъ такъ часто, что почти ежегодно ускоряютъ жатву пшеницы, много теряющей оттого въ цвѣтѣ и вѣсѣ зерна.

Признавая вліяніе лѣсовъ на климатъ и земледѣліе и важность лѣса въ народномъ быту, трудно понять причину недостатку у насъ помѣщиковъ лѣсоводовъ, тогда какъ изученіе агрономіи, для образованія хорошаго сельскаго хозяина, должно быть тѣсно связано съ изученіемъ правилъ лѣсоводства.

Жаловаться на недостатокъ средствъ къ образованію лѣсничихъ невозможно: Правительство наше, заботясь о сохраненіи частныхъ лѣсовъ, старалось предупреждать раззореніе ихъ вліяніемъ наставительныхъ мѣръ, разными поощреніями къ разведенію лѣсовъ, учрежденіемъ общества для поощренія лѣснаго хозяйства и егерской школы при лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ. Какъ приняты были всѣ эти мѣры попечительности нашего правительства о сохраненіи частныхъ лѣсовъ, видно изъ жалкихъ остатковъ лѣсовъ нѣкогда значительныхъ и изъ неспѣшности, съ какою истреблялись лѣсные запасы людьми, ставившими свои вре-

меньшия выгоды выше нуждъ и необходимыхъ потребностей будущихъ поколѣній.

Русское правительство уже слишкомъ за двѣсти лѣтъ начало заботиться о сохраненіи лѣсовъ. Сначала были изданы постановленія объ охраненіи лѣсовъ на границахъ Россіи, для удержанія набѣговъ кочующихъ народовъ, потомъ, въ 1649 году, издано постановленіе объ охраненіи лѣсовъ отъ пожаровъ. Съ учрежденіемъ архангельскаго порта, по приказанію Царя Алексѣя Михайловича, изданы правила о торговлѣ лѣсомъ съ иностранцами. Петръ-Великій, понимая важность лѣсовъ въ отношеніи къ удовлетворенію нуждъ государства, положилъ прочное начало управленія лѣсами, изданіемъ, въ 1722 году, инструкціи вальдмейстерамъ. Съ его времени начинается рядъ узаконеній по лѣсной части, изданныхъ въ видѣ инструкцій, положеній и указовъ. Казенное лѣсное управленіе имѣло также значительное вліяніе и на лѣса частныхъ владѣльцевъ; но съ 1782 года, когда Императрица Екатерина-Второй угодно было изъять частныя лѣса отъ надзору казеннаго и предоставить ихъ въ безусловное распоряженіе и пользованіе владѣльцевъ ихъ, помѣщики, худо понявъ мысль Великой Императрицы, слишкомъ уже поторопились воспользоваться своими правами, и конечнымъ истребленіемъ большой части своихъ лѣсныхъ дачъ показали, сколько они, помѣщики, были достойны заботливости Императрицы о сохраненіи правъ собственности частныхъ лицъ.

Косвенныя мѣры правительства къ сбереженію частныхъ лѣсовъ, принятыя въ послѣдствіи времени, были не всегда дѣйствительны. Между-тѣмъ Правительство наше, слѣдя за постепеннымъ развитіемъ потребностей государства въ лѣсномъ матеріалѣ и понимая важность лѣсовъ и вліяніе ихъ на климаты и благосостояніе народа, разными постановленіями, указами и учрежденіями завсденій для образованія свѣдущихъ лѣсничихъ, положило основаніе науковому развитію у насъ лѣсной части. Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ, образованіе корпуса лѣсничихъ и преобразованіе лѣснаго института, дали правительству средства, поставить лѣсную часть на высокую точку развитія, имѣя специально образованныхъ чиновниковъ для высшаго государственнаго и техническаго управленія лѣсною частью. Нынче считаютъ уже недостаточными одиѣ простыя мѣры охраненія лѣса: на лѣсъ глядятъ какъ на капиталъ, съ котораго постоянный и, по возможности, наибольшій доходъ долженъ быть цѣлью лѣснаго хозяйства.

Владѣлецъ лѣса долженъ принять за основаніе правило германскихъ лѣсоводовъ: «съ наименьшими издержками, въ наискорѣйшее время, съ малаго пространства лѣсной площади, получить (разумѣется безъ оскудѣнія запаса дачи) наибольшее количество лѣснаго матеріала и слѣдовательно наивысшій доходъ.» Для этой цѣли владѣльцу лѣса необходимо знать: правила приведенія лѣсовъ въ порядокъ или лѣсоводство; способы опредѣленія величины лѣснаго ка питала и величины процента съ него, — таксацію; правила рубки лѣсу и возобновленія лѣсныхъ площадей естественными и искусственными способами, — лѣсовозобновленіе и лѣсоразведеніе; способы охраненія лѣса отъ разныхъ вредныхъ вліяній, — лѣсосохраненіе, и наконецъ выгодѣйшіе способы употребленія и приготвленія разныхъ лѣсныхъ произведеній или лѣсоупотребленіе и лѣсную технологию.

Подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ частей науки лѣсоводства составляетъ предметъ этой статьи.

Вѣроятно никому не покажется лишнимъ описаніе древесныхъ породъ составляющихъ обыкновенно насажденіе нашихъ лѣсовъ, тѣмъ болѣе, что безъ основательнаго знанія свойствъ древесныхъ породъ, произрастающихъ въ лѣсахъ, трудно умѣть хозяйничать съ лѣсомъ.

Древесныя породы, какъ всякому извѣстно, по образованію листа, раздѣляются на хвойныя, или игольчатыя, и лиственные. Изъ хвойныхъ породъ произрастаютъ въ нашихъ лѣсахъ: сосна (*pinus sylvestris*. Lin.), ель (*pinus abies* Lin.), пихта, (*P. picea*. Lin.) лиственница (*P. larix*. Lin.) и сибирскій кедръ (*P. combra*. Lin.); изъ лиственныхъ: дубъ (*quercus*.), букъ (*fagus*), кленъ (*acer*), яльмъ (*ulmus*), ясень (*fraxinus*), грабъ (*carpinus*), береза (*betula*), ольха (*alnus*), тополь (*populus*) и ива (*salix*).

ХВОЙНЫЯ ДЕРЕВЬЯ.

Сосна * (*Pinus sylvestris*. L.) есть самая обыкновенная древесная порода лѣсовъ сѣверной и средней полосы Россіи. Сосна растетъ какъ въ чистыхъ насажденіяхъ, такъ и въ смѣси съ другими лѣсными деревьями; почву любитъ преимущественноwapосную, песчаную, и встрѣчается на ней тѣмъ на большемъ протяженіи, чѣмъ менѣе такая почва содержитъ примѣси глинны. Нам-

* Описаніе древесныхъ породъ извлечено изъ курса лѣсовозобновленія и лѣсоразведенія господина Длатовекаго.

Большее количество древесной массы дает сосна, произрастающая на почвѣ сѣвѣй, довольно глубокой, черноземно-песчаной и довольно глубокой, черноземно-суглинистой; наименьшее на почвѣ болотистой, тапкой, кислой и торфяной. На почвѣ сухой, песчано-суглинистой, богатой перегноемъ, сосна бываетъ обыкновенно чрезвычайно прочна и очень смолиста. Сосна имѣетъ корень перпендикулярный, довольно толстый; образующіеся въ послѣдствіи, у сосны, боковые корни распространяются болѣе въ глубину, нежели въ ширину; впрочемъ это измѣняется по почвѣ: на рыхлой, тощей, песчаной и на мелкой, влажной, песчаной они бываютъ тонки и распространяются очень широко въ верхнемъ слое земли; на почвѣ же рыхлой-суглинистой они бываютъ гораздо толще и идутъ болѣе въ глубь. Главный перпендикулярный корень сосны не всегда сохраняется ею до глубокой старости; на почвѣ мелкой, влажной, песчаной сосна скоро замѣняетъ его большимъ числомъ мелкихъ корней, широко распространяющихся въ верхнемъ слое почвы; отчего на такой почвѣ сосна легко валится вѣтромъ.

Произрастая въ густыхъ насажденіяхъ, сосна имѣетъ стволъ прямой, круглый, который очищается отъ сучьевъ на значительную высоту; произрастая отдѣльно, она очень разрастается въ сучья и имѣетъ тогда стволъ неправильный сучковатый.

Сосна растетъ въ молодости быстро; ростъ ея въ высоту замедляется около тридцати-пяти и сорока-лѣтняго возрасту; въ толщину же, на хорошей почвѣ, не замѣчается уменьшенія годичныхъ слоевъ до осьмидесяти лѣтъ. Обрубать сучья, на молодыхъ соснахъ, не слѣдуетъ: онѣ оттого очень замедляются въ ростѣ и остаются кривыми и сучковатыми. Въ молодости сосна безъ вреда переноситъ умеренную тѣнь только на почвѣ тощей; на хорошей же почвѣ тѣнь ей очень вредитъ: сосна обыкновенно оттого растетъ очень дурно, хвораетъ и часто совершенно засыхаетъ.

Чистыя сосновыя насажденія бываютъ очень густы до шестидесятилѣтняго возрасту, но послѣ болѣе и болѣе изрѣживаются, особенно на тощей почвѣ. Засуха и морозъ не причиняютъ соснѣ въ молодости большого вреда; засуха вредна ей только въ первые годы, когда перпендикулярный корешокъ ея еще не успѣлъ углубиться въ землю. Невысокая трава не вредитъ соснѣ въ молодости, но высокія сорныя растенія часто заглушаютъ молодые сосны. Отъ навала снѣгу и инея молодые жидкія сосновыя деревца нерѣдко гнутся и ломаются. Временное затопленіе водою

вредно тѣмъ деревьямъ, которыя растутъ постоянно на сухой почвѣ.

Сосна цвѣтетъ въ маѣ, съ появленіемъ новыхъ побѣговъ. Сѣмена ея находятся въ шишкахъ и созрѣваютъ чрезъ семнадцать и осмнадцать мѣсяцевъ послѣ цвѣтенія, а выпадаютъ изъ шишекъ на третій годъ, начиная съ февраля мѣсяца. Урожай въ сѣменахъ бываетъ не каждый годъ одинаковъ; обыкновенно обильный урожай сѣмянъ настаётъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, напри- мѣръ чрезъ три года, пять, восемь лѣтъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствомъ.

На сухой песчаной почвѣ, при болѣе отдѣльномъ стояніи, сосна начинаетъ производить сѣмена съ двадцати-лѣтняго возраста, а на почвѣ влажной, въ густыхъ насажденіяхъ, не раньше шести-десяти и семидесяти-лѣтняго. Деревья средняго возраста отдѣльно стоящія, производятъ больше сѣмянъ, нежели деревья старыя, произрастающія въ густыхъ насажденіяхъ.

Естественной зрѣлости сосна достигаетъ въ сто-осемьдесятъ, двѣсти и болѣе лѣтъ.

Ель (*P. abies* Lin.) растетъ съ успѣхомъ на горахъ и равнинахъ. Почву любитъ преимущественно каменную, свѣжую, изобилующую источниками, или даже мокрую, суглинистую, которая можетъ быть и неглубока. На сухой песчаной почвѣ ель растетъ очень худо и почти не встрѣчается. Корни у ели толстые, горизонтальные, широко распространяющіеся въ верхнемъ слое почвы. Стволъ правильный, прямой и круглый, который никогда не раздѣляется на толстые сучья, но подымается ровно до самой маковки; находясь въ густыхъ насажденіяхъ ель очищается отъ боковыхъ сучьевъ довольно высоко отъ земли. Сучья у ели хотя и не распространяются широко, однако въ молодыхъ насажденіяхъ перекрещиваются такъ сильно, что образуютъ почти непроницаемую чащу. На старыхъ деревьяхъ, единично стоящихъ, сучья покрываютъ почти весь стволъ до земли и ложась другъ на друга образуютъ вокругъ дерева весьма густой навѣсъ. Ель, множествомъ мелкихъ покрытыхъ густымъ хвоемъ вѣтвей, производитъ весьма густую заглушающую тѣнь, которая въ полныхъ еловыхъ насажденіяхъ не допускаетъ роста даже и ху. Ель часто бываетъ выше сосны: деревья въ сто-шестьдесятъ и сто-осемьдесятъ футовъ вышиною встрѣчаются довольно часто. Ель въ молодости растетъ довольно медленно, потомъ ростъ ея ускоряется. Въ сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ ель

обыкновенно сравнивается въ ростѣ съ сосною, но ислѣ перерастаетъ ее.

Тѣнь вредитъ ели менѣе чѣмъ соснѣ. Въ суровомъ климатѣ молодыя еловыя деревца требуютъ боковой защиты. Засуха много вредитъ молодымъ еловымъ всходамъ, особенно въ первые годы; въ это же время молодыя ели легко заглушаются высокою травой, особенно если она ложится на нихъ.

Морозъ легко выжимаетъ (вытѣсняетъ) изъ земли молодыя еловыя растенія, а въ суровыхъ гористыхъ мѣстахъ и во влажныхъ долинахъ нерѣдко замерзаютъ и майскіе побѣги ели.

Ель цвѣтетъ въ концѣ мая; сѣмена созрѣваютъ въ концѣ октября того же года, а выпадаютъ изъ шишекъ въ слѣдующую весну, по наступленіи теплой погоды. Урожай сѣмянъ бываетъ, смотря по мѣстности, чрезъ три года и до осьми лѣтъ. Сѣмена ель приносятъ на пятидесяти и шестьдесятъ лѣтнемъ возрастѣ; въ климатѣ болѣе умѣренномъ, на почвѣ сухой и при отдѣльномъ стояніи деревъ ранѣе; въ климатѣ суровомъ и влажномъ, на почвѣ мокрой и въ густыхъ насажденіяхъ позже.

Естественной зрѣлости ель достигаетъ въ умѣренномъ климатѣ, на южныхъ отлогостяхъ горъ и на жирной почвѣ, въ сто и сто-сорокъ лѣтъ, а въ климатѣ суровомъ, на почвѣ неблагопріятной, въ двѣсти и триста лѣтъ.

Пихта (*Pinus picea* Lin.) въ европейской Россіи находится всегда въ смѣшеніи съ елью, а за уральскимъ хребтомъ встрѣчается по горамъ и въ чистыхъ насажденіяхъ. Въ губерніяхъ европейской Россіи пихта растетъ вездѣ въ смѣшеніи съ елью, на почвѣ холодной, суглинистой, богатой перегноемъ; на горахъ она не можетъ расти на такой скалистой почвѣ, какъ ель, но любитъ почву свѣжую, каменистую, сильную и глубокую, но не вязкую.

Пихта имѣетъ довольно толстыя, довольно глубоко и посредственно широко распростирающіеся корни. Стволъ ея, какъ и у ели, прямой, круглый, не раздѣляется на большіе сучья; сучья не толсты и не распространяются широко. Хвой пихты гуще лиственнаго покрова ели, почему и производитъ густую, заглушающую тѣнь. Пихта достигаетъ такихъ же размѣровъ въ вышину какъ и ель, но толщиной превосходитъ послѣднюю: деревья въ шесть и семь футовъ въ діаметръ попадаются нерѣдко.

Пихта растетъ въ молодости медленно, впоследствии ростъ ея значительно ускоряется.

Пихта въ молодости требуетъ густой тѣни; которая и въ послѣдствіи не причиняетъ ей вреда

Молодыя пихтовые растенія мало повреждаются морозомъ, но много засухою и густою травою; много вѣтровалы причиняютъ много вреда пихтѣ, навалъ снѣгу также.

Пихта цвѣтетъ въ маѣ; сѣмена ея созрѣвають въ концѣ сентября того же года; но созрѣвши, сѣмена опадаютъ вмѣстѣ съ чешуйками, и на вѣтвяхъ остаются только одни стержни шишекъ.

Плодопроизводительности пихта достигаетъ въ шестьдесятъ и семьдесятъ лѣтъ, естественной зрѣлости въ двѣсти и триста лѣтъ.

Лиственница (*P. larix*: Lin.) растетъ у насъ въ губерніяхъ архангельской, олонецкой, вологодской, костромской, вятской, пермской, и частію въ нижегородской; за уральскимъ хребтомъ она встрѣчается вплоть до Камчатки.

Въ европейской Россіи лиственница растетъ почти всегда въ смѣси съ сосною, мало съ елью, и только въ губерніяхъ архангельской и пермской встрѣчается небольшими чистыми насажденіями.

Лиственница любитъ почву свѣжую, глубокую, песчаную и песчано-суглинистую, содержащую много хрящу и каменьевъ; растетъ также хорошо на почвѣ известковой, каменной; на почвѣ жирной лиственница растетъ быстро, но не имѣетъ прочной смолистой древесины; на топкой, болотистой почвѣ растетъ худо и почти не встрѣчается.

Лиственница до пятидесяти и шестидесяти лѣтъ имѣетъ корень довольно толстый, перпендикулярный, въ послѣдствіи онъ замѣняется не очень толстыми, глубоко и довольно широко распространяющимися корнями. Стволъ лиственницы правильный, прямой, круглый, очищающійся отъ боковыхъ сучьевъ самъ собою на пятьдесятъ и болѣе футовъ отъ земли; къ вершинѣ, при раздѣленіи на сучья, стволъ лиственницы уменьшается не постепенно, но вдругъ. Хвой на лиственницѣ не густой; осенью онъ желтѣетъ и опадаетъ.

Лиственница растетъ въ молодости очень быстро, пуская длинныя и тонкія побѣги; ростъ ея въ вышину замедляется около шестидесяти и осмидесяти-лѣтняго возрасту. Лиственница въ молодости требуетъ свѣту и свободы и любитъ боковую защиту. При искусственномъ разведеніи лиственницы всходу легко вре-

днѣ густая трава; домашній скотъ охотно объѣдаетъ молодыя листьеничные растенія.

Время цвѣтенія листьеницы наступаетъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, вмѣстѣ съ появленіемъ иголь; сѣмена ея созреваютъ въ октябрѣ и ноябрѣ того же года, а выпадаютъ изъ шишекъ въ слѣдующую весну, начиная съ февраля мѣсяца. Листьеница начинаетъ производить сѣмена очень рано, иногда съ осьми и десяти-лѣтняго возрасту; ко до сорока или шестидесяти-лѣтняго возрасту шишки обыкновенно бываютъ со многими пустыми сѣменами.

Сѣменные годы наступаютъ черезъ пять и осемь лѣтъ.

Естественной зрѣлости въ суровомъ климатѣ, на горахъ, листьеница достигаетъ не ранѣе трехъ-сотъ и четырехъ-сотъ лѣтъ; а въ климатѣ умѣренномъ, на почвѣ черноземно-суглинистой, листьеничные деревья начинаютъ засыхать уже въ сто и сорокъ лѣтъ.

ЛИСТВЕННЫЯ ДЕРЕВЬЯ.

Дубъ (*Quercus*). Изъ рода дуба въ нашихъ лѣсахъ растутъ два вида: дубъ лѣтній (*Q. pedunculata* W.) и дубъ зимній (*Q. robur* Lin.) Отличительные признаки лѣтняго дуба:—женскіе цвѣтки и плоды сидятъ на длинныхъ стебелькахъ; листьеничные стебельки короче, нежели у зимняго дуба; листь при основаніи нѣсколько округленный; желуди продолговатые, цилиндрическіе; цвѣтки появляются весною, недѣлю или двумя позже нежели на зимнемъ дубѣ; листь опадаютъ осенью нѣсколько ранѣе, нежели у зимняго дуба. Признаки зимняго дуба:—женскіе цвѣтки и плоды, не имѣя стебельковъ, сидятъ на вѣтвяхъ; листьеничные стебельки гораздо длиннѣе, нежели у лѣтняго дуба; листь при основаніи болѣе клинообразный; желуди лицеобразные.

Дубъ, какъ лѣтній такъ и зимній, любитъ почву глубокую черноземно-глинистую и суглинистую, то есть такую, которая состоитъ изъ соотвѣтственной смѣси глины и песку и богата перегноемъ. Дубъ растетъ также хорошо на глубокой почвѣ, образовавшейся отъ разрушенія песчанниковъ и другихъ легко разрушающихся горнокаменныхъ породъ; довольно посредственно на суглино-песчаной почвѣ и худо на тощей песчаной и болотистой, содержащей кислоты.

Дубъ имѣетъ въ молодости корень перпендикулярный, глубоко вдающій въ почву, съ малымъ числомъ боковыхъ корней; въ зрѣ-

ломъ возрастѣ перпендикулярный корень дуба почти всегда теряется, замѣняясь множествомъ боковыхъ корней. Въ молодости дубъ имѣетъ стволъ кривой, сучковатый, очищающійся отъ нижнихъ вѣтвей только въ густыхъ насажденіяхъ; съ пятнадцати и двадцати лѣтъ дубъ начинаетъ расти болѣе прямо въ вышину, постоянно удерживая наклонность разрастаться въ сучья; къ вершинѣ (при раздѣленіи на сучья) толщина ствола рѣдко бываетъ одинаковая съ толщиною его въ срединѣ. Наросты на дубовыхъ стволахъ встрѣчаются очень часто. Въ вышину вырастаетъ дубъ рѣдко болѣе ста футовъ; дубъ не имѣетъ густаго листву и не производитъ густой, заглушающей тѣни. Дубъ на свойственной ему почвѣ достигаетъ весьма значительныхъ объемовъ: случается нерѣдко, что изъ одного дерева получается до семи и болѣе кубическихъ саженей древесной массы.

Дубъ изъ сѣмянъ растетъ въ молодости медленно, неправильно и сучковато; ростъ его начинаетъ ускоряться съ тридцати лѣтъ, и остается одинаковымъ до осьмидесяти и ста лѣтъ, а на глубокой черноземно-суглинистой и глинистой почвахъ часто до ста-шестидесяти лѣтъ. Около осьмидесяти лѣтъ деревья уменьшаютъ значительно свой ростъ въ вышину, начиная расти болѣе въ сучья и округляють вершину. Дубовая поросль въ первые осемь лѣтъ растетъ гораздо быстрее, нежели впоследствии; она появляется на пняхъ болѣе кустообразно и начинаетъ стволиться уже послѣ.

Дубъ даетъ много хорошей поросли, почти около самой земли, рѣдко отъ обнаженныхъ около ствола корней и никогда не пускаетъ собственно корневыхъ отпрысковъ. На старыхъ деревьяхъ, даже при толстой корѣ, почти всегда появляется поросль и по всему стволу. При тонкой засохшей корѣ дубъ сохраняетъ свою побѣго-производительную способность очень долго, часто до ста-сорокалѣтняго возраста и долѣе; но на почвѣ суглинно-песчаной за сорокалѣтній его возрастъ нельзя уже надѣяться получить хорошей поросли.

Молодые дубки не требуютъ тѣни и любятъ свободное отъ холодныхъ восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ защищенное мѣстоположеніе; впрочемъ, не слишкомъ густая тѣнь не причиняетъ имъ въ первые годы большаго вреда. Заглушенные же деревца, при выставленіи ихъ на свободу, уже не поправляются.

Засуха и посредственно густая трава мало вредятъ молодымъ дубкамъ, потому что они имѣють глубокий перпендикулярный корень. Поздніе весенніе морозы часто побиваютъ вѣтви молодыхъ

дубковъ, отчего они хотя и не засыхаютъ, однако всегда значительно отстаиваются въ ростъ. На большихъ деревьяхъ нередко побиваются морозомъ цвѣты и листья, а въ суровомъ климатѣ часто, еще до созрѣванія, замерзаютъ желуди. Дубъ не поддается вѣтровалу и мало повреждается наваломъ снѣгу и инеемъ.

При выставленіи дубовыхъ деревъ изъ густаго насажденія на свободу, когда обыкновенно усиливается дѣйствіе свѣта на боковыя вѣтви и истребляется слой листа и перегноя, покрывающій корни, дубовыя деревья подвергаются довольно часто засыханію вершинъ. Вредное вліяніе этой болѣзни можно отстранить покрывъ почву густымъ лѣсомъ. Другая болѣзнь дуба довольно обыкновенная и происходящая большею частию отъ гніенія главнаго перпендикулярнаго корня, есть сердцевинная гниль нижней части ствола; она узнается по несоразмѣрно большимъ боковымъ корнямъ. Вреднаго вліянія этой болѣзни отстранить невозможно. На листьяхъ дуба образуются часто орѣхообразныя наросты (черничные орѣшки), происходящіе отъ уязвленія листа маленькими насекомыми, — орѣхотворками (*Cynips Quercus. L.*) Болѣзнь эта безвредна.

Мужскіе и женскіе цвѣты находятся у дуба на одномъ деревѣ. Мужскіе образуютъ нитеобразную, тонкую, желтовато-зеленую сережку; женскіе — почкообразныя красноватыя шишечки. Цвѣты на дубѣ появляются весною вмѣстѣ съ листьями. Плодъ дуба, какъ всѣмъ извѣстно — односѣменный орѣхъ, желудь; на вѣтвяхъ онъ находится въ чешуйчатой полушарообразной чашечкѣ; плоды на дубѣ въ умѣренныхъ климатахъ созрѣваютъ въ половинѣ сентября, въ странахъ болѣе холодныхъ въ концѣ сентября и въ началѣ октября.

Естественной зрѣлости дубъ достигаетъ весьма различно: на почвѣ сильной, свѣжей, глубокой суглинистой и въ климатѣ болѣе умѣренномъ, нежели тепломъ, въ шестьсотъ, осемьсотъ и даже тысячу лѣтъ; на почвѣ влажной, черноземно-песчаной, тучной, но не глубокой мергельной и известковой и въ климатѣ болѣе тепломъ въ двѣсти-пятьдесятъ и триста-пятьдесятъ лѣтъ. Въ густыхъ высокоствольныхъ насажденіяхъ дубовыя деревья, взросшія изъ сѣмянъ, приносятъ достаточное количество плодовъ въ осемьдесятъ и сто лѣтъ; деревья, взросшія болѣе отдѣльно, въ пятьдесятъ и осемьдесятъ лѣтъ; деревья, взросшія изъ поросли отъ старыхъ пней, производятъ обыкновенно сѣмена около двадцати лѣтъ ранѣе деревъ, выросшихъ изъ сѣмянъ.

Ежегодный урожай дубовыхъ сѣмянъ бываетъ неодинаковъ;

самый обильный наступает обыкновенно через пять и семь летъ; но есть мѣста, гдѣ сѣмянные годы бываютъ черезъ шесть-надцать и даже двадцать-пять лѣтъ.

Деревья, взросшія на свободѣ, производятъ сѣмянъ болѣе, взросшія въ густотѣ — менѣе.

На почвѣ болѣе сухой, черноземно-глинистой и суглинистой, и въ климатѣ болѣе умѣренномъ сѣмянные годы наступаютъ чаще; на почвѣ тощей, песчаной и въ климатѣ болѣе холодномъ — рѣже.

Кленъ (Acer). Изъ роду клена въ нашихъ лѣсахъ произрастаютъ нѣсколько видовъ, но въ хозяйственномъ отношеніи замѣчательны: остролистный кленъ (*A. platanoides*. Lin.); бѣлый или большой кленъ (*A. pseudo-platanus*. Lin.); и полевой кленъ или чернокленъ (*A. campestre*. Lin.) Отличительные признаки: остролистный кленъ имѣетъ листья пяти и рѣдко семи-лопастные; лопасти крупно-зубчатые, остроконечныя; верхняя и нижняя стороны листа гладкія, темно-зеленыя. Цвѣтки появляются въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, до разверзанія листьевъ; сперва появляются цвѣтки мужскіе, а потомъ обоеполые; цвѣтки остролистнаго клена образуютъ желто-зеленую, щиткообразную кисть. Сѣмяна плоскія, почти круглыя, заключены въ кожистомъ крылатомъ плодѣ; онѣ созрѣваютъ въ концѣ сентября и въ началѣ октября.

Листья большаго клена сердцевидные, пяти-лопастные, лопасти не такъ остроконечны какъ у остролистнаго клена; по краю не ровно вилезубчатые; верхняя сторона листа темно-зеленая и гладкая, нижняя — бѣловато-зеленая и на молодыхъ деревьяхъ пушистая.

Зеленовато-желтые цвѣтки бѣлаго клена появляются въ маѣ, послѣ развертыванія листьевъ и бываютъ расположены въ видѣ висячей кисти на длинныхъ, волосистыхъ стебелькахъ. Сѣмяна созрѣваютъ въ концѣ сентября и въ началѣ октября. Кожистые, широкіе, ланцетообразные, крылатые плоды прикрѣплены прямо и болѣе сближены между собою.

Листья полеваго клена гораздо меньше нежели у двухъ предъидущихъ видовъ, сердцевидные, пятилопастные, три верхніе лопасти съ нѣсколькими тупыми вырѣзками; верхняя сторона листа темно-зеленая и гладкая; нижняя свѣтло-зеленая, покрыта маленькими волосками, которые у старыхъ деревъ по большей части теряются.

Желто-зеленые цвѣтки, образующіе щиткообразную кисть, по-

являются въ маѣ или апрѣлѣ, точнось послѣ разверзанія листь-евъ. Сѣмяна созрѣваютъ въ октябрѣ.

Остролистный и бѣлый кленъ такъ мало отличаются одинъ отъ другаго въ лѣсоводственномъ отношеніи, что послѣдующее описаніе будетъ относиться къ обоимъ видамъ.

Остролистный и бѣлый кленъ растутъ лучше на черноземной суглинистой почвѣ, а также на предгоріяхъ известковыхъ, базальтовыхъ и глинисто-сланцевыхъ горюкаменныхъ породъ. На свѣжей черноземно-песчаной почвѣ, на кисломъ и несовершенномъ перегноѣ и на почвѣ не глубокой растутъ худо.

Остролистный и бѣлый кленъ имѣютъ довольно толстыя и посредственно глубокіе корни. Стволъ прямой, рѣдко совершенно круглый. Сучья толстыя, по большей части на двое вилкообразно раздѣленные, съ малымъ числомъ тонкихъ вѣтвей. Лиственный покровъ не густъ; листь опадаетъ осенью послѣ первыхъ морозовъ.

Кленъ имѣетъ способность давать поросль, сохраняетъ ее довольно долго и до тридцати-пяти и сорока-лѣтняго возраста даваемая имъ поросль бываетъ хороша и надежна. Кленъ любитъ расти въ болѣе изрѣженномъ, нежели густомъ насажденіи.

Въ молодости кленъ сноситъ только умѣренную тѣнь и требуетъ, на защищенномъ мѣстостояніи, на второмъ и третьемъ году своего возраста совершенной свободы; молодыя растенія побиваются весьма часто поздними весенними морозами. Высокая трава и высокія сорныя растенія молодымъ кленовымъ деревьямъ вредны, особенно когда покрываютъ ихъ; доставляя же молодымъ растеніямъ боковую защиту, бываютъ напротивъ полезны. Засыханіе вершинъ и сердцевинная гниль — болѣзни, которымъ наиболѣе подвергаются кленовыя деревья.

Плодопроизводительности большой остролистный кленъ достигаетъ въ сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ; естественной зрѣлости въ полтора и двѣсти лѣтъ.

Полевой кленъ встрѣчается въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ, особенно около Днѣпра и Дона, также по Дону и Тереку. Онъ не любитъ лѣсной чаши и растетъ болѣе по опушкамъ лѣсовъ, по полямъ и покосамъ; почву любитъ суглинистую, богатую перегноемъ и шловатую; растетъ худо на почвѣ сухой, песчаной, тонкой, болотистой и на совершенномъ перегноѣ. Стволъ полевого клена неправильный, кривой, сучковатый, бываетъ вышиною рѣдко болѣе сорока футовъ; впрочемъ, на Кавказѣ и въ

Крыму вырастает большим деревомъ. Полевой кленъ даетъ много поросли и корневыхъ отпрысковъ.

Поросль его свосить умѣренную тѣнь и мало повреждается морозомъ. По неправильному и сучковатому росту полевой кленъ употребляется для живыхъ изгородей.

Въ европейской Россіи, въ губерніяхъ среднихъ и южныхъ, произрастаетъ еще одинъ видъ клена, называемый татарскимъ кленомъ или некленомъ (*Acer tataricum*. Lin). Листья имѣютъ овуально-сердцеобразныя, по краю двояко-зубчатые; цвѣтеть въ іюнь, цвѣтки бѣлые находятся на концахъ и по бокамъ вѣтвей и образуютъ вертикально стоящія кисти. Сѣмянныя крылья, до созрѣнія сѣмени, пурпурно-красныя. Татарскій кленъ любитъ почву черноземно-суглинистую и растетъ довольно скоро, но часто остается въ видѣ большаго куста; иногда же стволъ его, имѣющій вообще довольно неправильное образованіе, достигаетъ высоты тридцать футовъ.

Илинь (*Ulmus*). Изъ роду илина въ лѣсохозяйственномъ отношеніи замѣчательны: обыкновенный илинь (*U. campestris*) и вязъ (*U. effusa*. W).

Обыкновенный илинь отличается отъ вяза болѣе крутыми листьями, гладкою на молодыхъ вѣтвяхъ корою, почти сидячими, безъ стебельковъ, цвѣтами и гладкими, безъ волосковъ, крылатыми плодами; между-тѣмъ какъ у вяза листъ мельче, одна половинка листа гораздо короче другой, кора на молодыхъ вѣтвяхъ нѣсколько шершава, цвѣтки сидятъ на стебелькахъ и круглое сѣмянное крыло по краю покрыто мелкими волосками.

Илинь и вязъ любятъ почву свѣжую, глубокую, не вязкую черноземно-суглинистую, растутъ также хорошо на влажной черноземно-песчаной почвѣ. Они встрѣчаются чаще по долинамъ низменностямъ и по берегамъ рѣкъ, рѣже по возвышенностямъ, краямъ и отлогостямъ горъ, гдѣ почва не глубока.

На сухой песчаной почвѣ илинь и вязъ растутъ худо; въ ольховыхъ трясицахъ растутъ хорошо по возвышенностямъ и даже мокрымъ мѣстамъ, но не любятъ почвы кислой.

Илинь и вязъ имѣютъ въ молодости корень довольно большой перпендикулярный, впоследствии же пускаютъ много толстыхъ и глубоко-идущихъ корней. Стволъ илина какъ и вяза правильный, но не высокій. Листъ на деревьяхъ не очень густой и не производитъ заглушающей тѣни. Илинь легче всѣхъ породъ возобновляетъ потерянную имъ, но какому-либо случаю, кору.

Илинь и вязъ вышнюю не уступаютъ тѣмъ деревьямъ, съ которыми они растутъ въ смѣшеніи.

Илинь и вязъ растутъ въ молодости довольно медленно и не прямо; ростъ ихъ ускоряется съ тридцати лѣтъ и бываетъ самый быстрый до шестидесяти лѣтъ; послѣ этого они растутъ съ одинаковой быстротой только на почвѣ сильной и глубокой. Илинь и вязъ даютъ много хорошей поросли, по всему стволу и до глубокой старости, иногда и даже часто даютъ они и корневые отпрыски, особенно въ раннемъ возрастѣ и при низкой срубивъ стволы.

Илинь и вязъ сносятъ въ молодости только умеренную тѣнь и рано требуютъ свободы.

Частыя илимовыя насажденія до шестидесяти лѣтъ растутъ густо, и только впоследствии, когда деревья начнутъ округлять свои вершины, нѣсколько разрѣживаются.

Молодые илимовыя и вязовыя растенія, на соответственномъ мѣстоахожденіи; мало повреждаются морозомъ и засухой, но гораздо болѣе густою травой и сорными растеніями.

Илинь и вязъ цвѣтутъ до разверзанія листьевъ въ концѣ марта или въ апрѣлѣ и въ началѣ іюня. При созрѣваніи сѣмянъ съ деревь обыкновенно опадаетъ много пустыхъ сѣмянъ. Плодопроизводительная способность у деревь выросшихъ изъ сѣмянъ появляется обыкновенно въ сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ; у деревь же изъ поросли нерѣдко въ двадцать-пять и тридцать лѣтъ.

Илинь и вязъ на соответственномъ мѣстоахожденіи, достигаютъ естественной зрѣлости въ двѣсти и триста лѣтъ.

Ясень (*Fraginus*). Обыкновенный ясень (*F. excelsior*, Lin.) любитъ почву влажную, рыхлую черноземно-песчаную, впрочемъ, растетъ также хорошо въ долинахъ, но оврагамъ и низменностямъ, на почвѣ рыхлой черноземно-суглинистой и мловатой. Сухая, песчаная, вязкая, глинистая и вообще не глубокая почва произростанію ясеня не благоприятствуетъ.

Ясень либѣтъ много не толстыхъ, но глубоко и широко распространяющихся корней. Стволъ ясеня рѣдко совершенно прямой, но чаще кривой и не высоко отъ земли раздѣляющійся на большіе, вилкообразно раздвоенные сучья. Листъ на ясени не густой и не производитъ заглушающей тѣни.

Ясень растетъ въ молодости прямо и быстро до шестидесяти и семидесяти лѣтъ, послѣ же ростъ его замедляется. Ясень, имѣя побѣгопроизводительную способность, сохраняетъ ее до двадцати и двадцати-пяти лѣтъ; въ молодости сносятъ только умѣ-

ренную тѣнь и рано требуетъ свободы. Поздніе весенніе морозы часто причиняютъ молодымъ ясеневымъ деревьямъ значительный вредъ; густая трава легко заглушаетъ ихъ. Ясень цвѣтетъ въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, до разверзанія листьевъ: сѣмяна созрѣваютъ въ октябрѣ и опадаютъ съ деревь раньше декабря и января. Плодопроизводительной способности ясень достигаетъ въ сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ, естественной зрѣлости въ полтора и двѣсти лѣтъ.

Грабъ обыкновенный (*Carpinus betula*. Linn.) любитъ почву свѣжую, суглинистую, въ которой находится много мелкихъ камней или хряща; онъ растетъ также хорошо на почвѣ песчано-суглинистой и рыхлой, довольно влажной, черноземно-глинистой; на тощей песчаной, мокрой, болотистой и кислой почвахъ грабъ растетъ худо.

Грабъ имѣетъ много нетолстыхъ корней, распространяющихся довольно глубоко и широко въ верхнемъ слое почвы. Стволъ граба неправильный, неровной толщины и почти всегда кривой. Листъ густой, производящій заглушающую тѣнь. Грабъ растетъ въ молодости медленно и весьма криво; въ среднемъ возрастѣ ростъ его хотя и ускоряется, однако вообще бываетъ медленный. Поросль и корневые отпрыски растутъ нѣсколько быстрее.

Грабъ даетъ много поросли и долгое время, по всему стволу корневые отпрыски.

Въ молодости грабъ растетъ довольно успѣшно въ умѣренной тѣни; впрочемъ для совершенно успѣшнаго возрастанія его лучше отстранить вліяніе тѣни, если это возможно.

Приближаясь къ зрѣлому возрасту, чистыя грабовыя насажденія значительно изрѣживаются, что бываетъ замѣтно даже въ жерднякахъ, молоднякахъ и въ низкоствольныхъ насажденіяхъ, при продолжительномъ оборотѣ рубки.

На песчаной почвѣ грабовыя молодыя насажденія много повреждаются засухой и морозомъ, на почвѣ же сыльной суглинистой они почти неподлежатъ этимъ поврежденіямъ.

Домашній скотъ и дикіе звѣри охотно объѣдаютъ молодыя грабовыя деревца, которыя оттого, хотя и не засыхаютъ, однако значительно останавливаются въ ростѣ.

Молодыя грабовыя растенія отъ объѣданія ихъ вершинокъ и вѣтвей кажутся иногда стелющимися по землѣ кустами; такія грабовыя насажденія не должно считать пропавшими: они, при

охраненіи отъ дальнѣйшаго объѣданія, вырастаютъ въ хорошія деревья.

Грабъ часто страдаетъ довольно сильными болѣзнями, отъ которыхъ пропадаютъ большія деревья. Болѣзни эти—засыханіе верхины, бѣлое гниеніе и такъ называемое воспаленіе норы. При сердцевинной гнили грабовыя деревья растутъ иногда очень долго.

Мы забыли сказать, что мыши и кролики часто объѣдаютъ кору на молодыхъ грабовыхъ деревьяхъ и этимъ причиняютъ имъ значительный вредъ.

Грабъ цвѣтетъ въ маѣ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ разверзаніемъ листьевъ, а сѣмена созрѣваютъ въ октябрѣ, и вскорѣ послѣ того опадаютъ съ дерева. Урожай сѣмянъ бываютъ чрезъ каждые три и четыре года. Деревья изъ сѣмянъ начинаютъ давать сѣмена около тридцати-лѣтняго возраста, а поросль производить много сѣмянъ уже въ десяти-лѣтнемъ возрастѣ.

Естественной зрѣлости, грабъ достигаетъ въ двѣсти лѣтъ.

Грабъ съ выгодою можетъ-быть употребленъ для устройства живыхъ изгородъ, потому что хорошо сноситъ обрѣзываніе вѣтвей, даетъ много корневыхъ отпрысковъ, и растетъ густо и неправильно.

Обыкновенная береза (*Betula alba*. Lin.) растетъ почти на всякой почвѣ, но съ большимъ успѣхомъ на почвѣ свѣжей суглинистой, перемѣшанной съ хрящемъ. На почвѣ сухой, суглинно-песчаной, богатой перегноемъ, она растетъ также довольно хорошо; на тощей сухой, песчаной, болотистой, кислой и желѣзистой — очень худо. Береза почти на всякой почвѣ появляется сама-собою, безъ участія человѣка; только на вязкой, глинистой почвѣ ее трудно развести даже искусственно.

Корни березы мелки и распространяются горизонтально.

Береза у насъ такъ обыкновенна, что каждый вѣроятно знакомъ, болѣе или менѣе, съ наружными ея признаками.

Береза, какъ изъ сѣмянъ, такъ и изъ поросли, растетъ въ молодости скоро и прочно; въ послѣдствіи ростъ ея значительно замедляется.

Поросль даетъ береза худо, и рано терлетъ свою побѣдопроизводительную способность. Нанлучшую поросль даетъ береза растущая на почвѣ сырой, черноземно-песчаной и суглинистой хрящеватой; а хуже всего, растущая на почвѣ тощей, сухой, песчаной. Но ни въ какомъ случаѣ береза не даетъ херешей надежной поросли за пятьдесятъ лѣтъ своего возраста; при неблаго-

приятныхъ же обстоятельствахъ, теряетъ свою побѣгопроизводительную способность уже въ тридцать и даже двадцать лѣтъ.

Береза въ молодости вовсе не сноситъ тѣни.

Чистыя березовыя насажденія изрѣживаются довольно рано и болѣе всѣхъ прочихъ насажденій лиственныхыхъ и хвойныхъ породъ. Въ этомъ заключается причина, по которой береза, въ чистыхъ насажденіяхъ, при болѣе продолжительномъ оборотѣ рубки, доставляетъ весьма незначительное количество древесной массы. Березѣ сильно вредитъ тѣнь и сильная засуха. Береза цвѣтетъ вмѣстѣ съ разверзаніемъ листьевъ, въ апрѣлѣ и маѣ. Сѣмена созрѣваютъ съ августа до октября; въ теплыхъ мѣстахъ, на почвѣ песчаной, сѣмена березы зрѣютъ уже въ половинѣ августа; въ мѣстахъ же суровыхъ, на холодной почвѣ, въ холодное лѣто онѣ зрѣютъ не ранѣе конца сентября и начала октября.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ береза начинаетъ производить сѣмена уже на двадцати-лѣтнемъ возрастѣ, и обыкновенно въ большомъ количествѣ.

Естественной зрѣлости береза достигаетъ весьма различно, смотря по мѣсту нахождения деревъ, въ осемьдесятъ, сто и полтараста лѣтъ.

Ольха (*Alnus*). Изъ рода ольхи въ лѣсохозяйственномъ отношеніи замѣчательны два вида: обыкновенная или черная ольха (*Alnus glutinosa*) и бѣлая или остролистная ольха (*A. incana* W.).

Черная ольха. Кора на вѣтвяхъ черной ольхи темно-оливкового цвѣта, листья тупоконечные, по краю болѣе круглые, на нижней сторонѣ гладки. Черная ольха растетъ всегда лучше на почвѣ сырой и даже мокрой, хотя встрѣчается на почвѣ свѣжей; успѣшное произрастаніе черной ольхи зависитъ болѣе отъ степени влажности почвы, чѣмъ отъ состава ея; впрочемъ, неглубокая, вязкая, глинистая и торфяная почвы, содержащія богатую руду и кислоты, вообще не благопріятствуютъ росту черной ольхи. Черная ольха имѣетъ много ветлстыхъ и не широко, но глубоко распространяющихся корней; вокругъ ствола много мелкихъ корешковъ и мочекъ. Стволъ черной ольхи прямой, круглый; въ густыхъ насажденіяхъ онъ при вершинѣ довольно толстый, и всегда самъ собою очищается отъ боковыхъ сучьевъ на значительную вышину отъ земли. Листъ на деревьяхъ не густой и не производитъ заглушающей тѣни. Вышину ольха не уступаетъ другимъ лиственнымъ деревьямъ, толщиной же бываетъ до трехъ футовъ въ пеперечникѣ ствола.

Ольха въ молодости растеть очень скоро; деревья изъ сѣмянъ замедляются въ ростѣ около сорока и пятидесять лѣтъ, а изъ поросли около двадцати-пяти и тридцати лѣтъ.

Черная ольха даетъ до сорока лѣтъ много хорошей поросли на нѣтъ, при шейкѣ корня; корневыхъ же отпрысковъ ольха не даетъ вовсе.

Въ молодости ольха боится тѣни и морозу. На влажной, черноземной рыхлой почвѣ молодыя ольховыя растенія выросшія изъ сѣмянъ леги выжимаются изъ земли морозомъ.

Ольха цвѣтетъ до разверзанія листьевъ, въ мартѣ мѣсяцѣ; сѣмена ея созрѣваютъ въ октябрѣ, а выпадаютъ изъ шишекъ послѣ морозовъ въ декабрѣ и январѣ.

Деревья изъ сѣмянъ начинаютъ производить плоды въ тридцать и сорокъ лѣтъ, а изъ поросли уже въ двадцать лѣтъ и раньше. Естественной зрѣлости достигаетъ ольха въ сто и сто-двадцать лѣтъ.

Бѣлая ольха имѣетъ кору на молодыхъ вѣтвяхъ бѣловато-сѣрую, покрытую мелкими волосками; листья остроконечные, по краю болѣе угловатые, на нижней сторонѣ покрыты бѣловатыми волосками.

Бѣлая ольха встрѣчается болѣе въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Почву любитъ свѣжую и влажную, но не мокрую, черноземно-песчаную; также свѣжую, богатую перегноемъ, суглинистую, хрищеватую. Сухая песчаная, вязкая глинистая, мелкая и торфяная почва бѣлой ольхѣ неблагопріятны. Бѣлая ольха имѣетъ корни не глубоко, но широко распространяющіеся. Стволъ ея правильный. Листья на деревьяхъ не такъ густы, какъ на черной ольхѣ. Вышнюю, особенно деревья отдѣльно стоящія, бывають нѣсколько меньше черной ольхи. На благопріятной почвѣ поросль и корневые отпрыски бѣлой ольхи растутъ такъ быстро, что въ десять и двѣнадцать лѣтъ даютъ уже порядочный круглякъ. Побѣгопроизводительную способность бѣлая ольха сохраняетъ до двадцати-пяти и тридцати лѣтъ.

Въ молодости бѣлая ольха хорошо сноситъ умеренную тѣнь, но въ послѣдствіи требуетъ свободы и свѣту; засуха наноситъ ей тоже вредъ.

Бѣлая ольха цвѣтетъ до разверзанія листьевъ, въ началѣ и срединѣ марта; сѣмена ея созрѣваютъ въ октябрѣ. Стволы изъ поросли часто производятъ сѣмена уже на осьми и десяти-лѣтнемъ возрастѣ. Естественной зрѣлости, на соответственной поч-

вѣ, бѣлая ольха достигаетъ въ осемьдесятъ, сто и даже сто-двадцать лѣтъ.

Изъ роду тополя въ лѣсохозяйственномъ отношеніи важны:

Оси́на (*Populus tremula*. Lin).

Осокорь или червѣй тополь (*P. nigra*. Lin).

Бѣлый тополь (*P. alba*).

Оси́на растетъ на весьма различныхъ почвахъ, но любятъ болѣе влажную, черноземно-песчаную почву; на рыхлой суглинистой почвѣ осина растетъ также хорошо; посредственно на вязкой суглинистой, и худо на тощей, сухой, песчаной и неглубокой скалистой почвѣ.

Корни осины довольно мелки и распространяются въ почвѣ неглубоко. Стволъ ея правильный, очищающійся отъ сучьевъ, даже при отдѣльномъ стояніи, футовъ на двадцать и на тридцать отъ земли.

Листъ на осинѣ не густой и не производитъ большой тѣни.

Оси́на растетъ въ молодости скоро, особенно когда она происходитъ отъ корневыхъ отпрысковъ; ростъ деревь, произшедшихъ изъ сѣмянъ, замедляется около пятидесяти и шестидесяти лѣтняго возрасту, а корневыхъ отпрысковъ—около двадцати лѣтняго.

Оси́на принадлежитъ къ чрезвычайно живучимъ породамъ: нерѣдко старые полусогнившіе корни, которые находились въскольکو десятковъ лѣтъ въ землѣ, въ какомъ-либо густомъ насажденіи, безъ всякихъ признаковъ жизненности, при болѣе свободномъ дѣйствіи свѣту и воздуху давали корневые отпрыски. Поросли ча пѣ осина даетъ только въ юности. Умѣренная тѣнь ей не вредитъ. Оси́на въ среднихъ лѣтахъ имѣетъ способность изрѣживаться; въ этомъ и заключается причина, по которой осина несмотря на свой быстрый ростъ даетъ, при продолжительномъ оборотѣ рубки, немного древесной массы.

Оси́на въ молодости мало чувствительна къ неблагоприятнымъ климатическимъ вліяніямъ, но много повреждается дикими четвероногими животными.

Оси́на весьма часто подвергается разнымъ болѣзнямъ, изъ нихъ сердцевинная гниль и засыханіе верхушки; самыя обыкновенныя, происходятъ болѣе отъ внезапнаго выставленія деревь изъ густаго насажденія на свободу.

Осину можно, въ лѣсоводственномъ отношеніи, считать породю полезною и вредною, гдѣ лѣсу мало, и возвращеніе скоро растущихъ породъ можетъ принести пользу, осина заслуживаетъ

вниманія какъ порода удовлетворяющая главнымъ необходимыми потребностямъ, — въ топливъ и строительномъ материалѣ; напротивъ, при разведеніи какихъ-либо цѣнныхъ породъ, медленно растущихъ, и болящихся отътѣненія, на осину нужно смотрѣть какъ на растеніе сорное, истребленіе котораго крайне необходимо.

Осина цвѣтетъ до разрезанія листьевъ въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля; сѣмена ея созрѣваютъ въ маѣ. Осина начинаетъ производить обильное количество сѣмянъ съ тридцати и сорока лѣтняго возраста.

Осина достигаетъ естественной зрѣлости въ восемьдесятъ, девяносто лѣтъ и ранѣе, особенно если дерево произошло изъ корневыхъ отпрысковъ.

Осокорь и бѣлый тополь, произрастая почти во всей Россіи, въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ встрѣчаются чаще, нежели въ губерніяхъ сѣверной полосы. Обѣ породы растутъ лучше на почвѣ влажно песчаной; на вязко-суглинистой, глинистой и на тощей сухо-песчанистой почвахъ онѣ растутъ худо.

Осокорь и бѣлый тополь любятъ мѣста болѣе открытыя и вырастаютъ большими деревьями; корни ихъ распространяются широко, очень переплетаютъ землю и пускаютъ много отпрысковъ. Осокорь и бѣлый тополь, выростая весьма скоро, заслуживаютъ предпочтенія предъ прочими породами при разведеніи лѣса въ мѣстахъ безлѣсныхъ; въ чистыхъ насажденіяхъ они не могутъ расти густо, имѣя широкія вершины и занимая въ слѣдствіи того весьма много мѣста. Осокорь и бѣлый тополь, имѣя много корней, могутъ быть съ пользою употребляемы для укрѣпленія береговъ рѣкъ; а черныи тополь употребляютъ даже для укрѣпленія летучихъ песковъ.

Въ южныхъ губерніяхъ произрастаетъ еще одинъ видъ тополя, замѣчательный по своему скорому росту: тополь пирамидальный или раина (*Populus dilatata*. W). Дерево это не составляетъ чистыхъ насаженій, и растетъ болѣе единично по опушкамъ лѣсовъ и по лугамъ. Оно — превосходное аллеинное дерево, и съ выгодою можетъ быть употреблено, въ южныхъ странахъ, для защиты нѣжныхъ породъ растеній.

Липа (*Tilia*). Изъ роду липы произрастаютъ у насъ нѣсколько видовъ; болѣе обыкновенные, не представляющіе въ лѣсохозяйственномъ отношеніи и въ употребленіи различія, суть: липа мелколистная (*Tilia parvifolia*. Ehrh.) липа крупнолистная (*T. mollis*. Spach.) Оба эти дерева растутъ лучше на

почвѣ навосной, состоящей изъ соответственной смѣси песку и гашны и богатой перегноемъ, и на пловатой почвѣ; а также на влажной черноземно-песчаной почвѣ не содержащей кислотъ; и худо растутъ на почвѣ вязкой, глинистой, торфяной и содержащей болотную руду.

Корни липы не толсты, много-вѣтвисты и распространяются довольно глубоко и широко.

Стволъ липы, растущей въ густотѣ, бываетъ правильный, прямой и круглый; у деревь же растущихъ отдѣльно онъ раздѣляется, не высоко отъ земли, на большія сучья, и вообще бываетъ очень вѣтвистъ. Липа имѣетъ густой лѣствъ и производитъ сильную, заглушающую тѣнь.

Липа растетъ въ молодости прямо и скоро, особенно ея отпрыски и поросли.

Побѣги даетъ легко до глубокой старости и по всему стволу; много поросли на цѣвѣ и много корневыхъ отпрысковъ.

Въ молодости сносятъ безъ вреда только умѣренную тѣнь, но въ послѣдствіи требуетъ свободнаго стоянія.

Липа мало чувствительна къ неблагоприятнымъ климатическимъ вліяніямъ, но легко заглушается густою травою; въ старости подвергается нѣкоторымъ болѣзнямъ; болѣе обыкновенныя изъ нихъ: сердцевинная гниль, бѣлое и красное гніеніе.

Цвѣтеть въ концѣ іюня и въ іюлѣ, мелколиственная позже крупнолиственной. Сѣмена ея созрѣваютъ въ октябрѣ и долго висѣть на деревьяхъ. Способность производить сѣмена появляется съ тридцати и пятидесяти-лѣтняго возрасту.

Естественной зрѣлости достигастъ не ранѣе осьмисотъ и даже тысячи лѣтъ.

Ива (*Salix*). Изъ богатаго видами рода ивы, въ лѣсохозяйственномъ отношеніи замѣчательны: а) тѣ виды, которые вырастаютъ въ большія деревья и разводятся для полученія горючаго матеріала, и б) тѣ кустарные виды, которые разводятся для укрѣпленія береговъ рѣкъ, летучихъ песковъ, для полученія прутьевъ на обручи, вѣтвей для плетенія корзинъ и тому подобнаго.

Къ первымъ принадлежать:

- а) Бѣлая ива (*Salix alba*. Lin.).
- б) Ломкая ива (*Salix fragilis*. Lin.).
- в). Миндалелистная ива, (*S. amygdalina*).
- д) Лавроволиственная ива, (*S. pentandra*. Lin.).

Бѣлая ива вырастаетъ деревомъ отъ сорока до шестидесяти

футовъ вышиною и до четырехъ и болѣе футовъ въ поперечникѣ. Стволъ ея неправильный съ большими широко распространяющимися, толстыми сучьями; корни довольно толстые. Листья отъ трехъ до четырехъ дюймовъ длиною и въполъ дюйма ширины, ланцетообразные, по краю мелко-зубчатые, снизу бѣловатые, сверху желто-зеленые, пушистые; они появляются въ апрѣлѣ до цвѣтковъ и опадаютъ въ октябрѣ, сдѣлавшись желтыми съ бурными пятнами.

Ломкая ива имѣетъ листья съ обѣихъ сторонъ темнозеленые; они появляются вмѣстѣ съ цвѣтками и опадаютъ осенью послѣ первыхъ морозовъ, не измѣняя своего зеленого цвѣту, а только покрываясь бурными пятнами.

Ломкая ива достигаетъ нерѣдко такой же толщины какъ и бѣлая, но бываетъ всегда ниже ея. Сучья ломкой ивы толсты и неправильны и покрыты меньшимъ числомъ вѣтвей, почему ломкая ива и не имѣетъ такого густого листву какъ бѣлая ива.

Миндалелистная ива имѣетъ почки очень большія; листья большіе, толстые, гладкіе, сверху темно-зеленые, блестящіе, снизу сѣро-зеленые; они походятъ на листья миндальника, отчего и дано этой ивѣ названіе миндалелистной.

Миндалелистная ива не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ двѣ предыдущія; вышиною она бываетъ отъ двадцати пяти до тридцати футовъ, а толщиною рѣдко свыше двухъ футовъ. Сучья миндалелистной ивы толстые, съ немногими вѣтвями. Кора на молодыхъ вѣтвяхъ бѣловатая или сѣро-зеленая.

Лавроволлистая ива имѣетъ почки толстыя, яйцеобразныя, гладкія, бураго, блестящаго цвѣту. Листья овально-заостренныя, сверху темно-зеленые, блестящіе, снизу блѣднозеленые. Побѣги и вѣтви ея не очень тонки, и потому не такъ хороши для плетевія корзинъ.

Лавроволлистая ива бываетъ выше и толще миндалелистной, но очень разрастается въ сучья, и чаще встрѣчается въ видѣ кустарника нежели большаго дерева.

Всѣ эти виды ивы растутъ на влажной черноземно-песчавой, а также и рыхлой свѣжей и влажной суглинистой почвѣ, по берегамъ рѣкъ, озеръ и ручьевъ. На сухой, рыхлой и не очень тощей почвѣ они растутъ посредственно. На болотистой почвѣ лучше прочихъ растетъ лаврово-лиственная ива. Вязкая глинистая и торьяная почвы для росту перечисленныхъ ивъ неблагопріятны.

Въ лѣсахъ эти ивы не имѣютъ большой цѣнности и нарочно большими деревьями почти никогда не возвращаются, частію по-

тому что онѣ не любятъ лѣсной чащи, а частію потому что пригодная для нихъ почва не встрѣчается въ лѣсахъ на большомъ протяженіи, а только кое-гдѣ по низменнымъ мѣстамъ и по берегамъ рѣкъ, ручьевъ и озеръ. Въ смѣшеніи съ другими лучшими породами, на такихъ мѣстахъ возвращать ихъ большими деревьями тоже неудобно, потому что онѣ растутъ въ началѣ очень скоро и заглушаютъ лучшія породы; послѣ же, засыхая скорѣе послѣднихъ, бываютъ причиною образованія неполныхъ насажденій.

Для низкоствольнаго хозяйства, при оборотѣ рубки отъ двѣнадцати до осьмнадцати лѣтъ, на соответствующей имъ почвѣ, эти ивы могутъ быть очень выгодны, потому что растутъ очень скоро и доставляютъ большое количество древесной массы; но такъ какъ воплѣ свойственная имъ почва на большихъ протяженіяхъ почти не встрѣчается и онѣ въ видѣ мелкаго прутья не такъ пригодны для разныхъ подѣлокъ, какъ другія кустарныя ивы, то и низкоствольные лѣса изъ этихъ ивъ мало выгодны.

Хотя перечисленныя ивы не имѣютъ цѣнности въ лѣсахъ, однако тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ цѣнность въ странахъ умѣренныхъ малолѣсныхъ, гдѣ потребный для жженія матеріалъ получается съ безвершинниковъ, разсаженныхъ по канавамъ, выгонамъ, около полей, покосовъ и такъ далѣе, потому что эти ивы изъ всѣхъ древесныхъ породъ составляютъ наилучшіе безвершинники, легко принимаются, растутъ очень скоро, не производятъ густой тѣни и доставляютъ большое количество древесной массы. Бѣлая ива по скорому своему росту, заслуживаетъ предпочтенія передъ прочими.

Ко второму роду ивъ, то есть, къ тѣмъ кустарнымъ ивамъ, которыя разводятся для укрѣпленія береговъ рѣкъ, летучихъ песковъ и для полученія прутьевъ на разныя подѣлки, принадлежатъ.

Желтая ива (*S. vitellina*. Lin.).

Рѣчная ива (*S. helix*. Lin.).

Тальникъ (*S. vincinalis*. Lin.).

Водяная ива (*S. aquatica*. W.).

Козья ива (*S. carnea* Lin.).

Шелюга или красная ива (*S. rubra*. W.).

Желтая ива, вырастаетъ деревомъ такой же величины, какъ и бѣлая ива; имѣетъ тонкіе, очень гибкіе сучья и вѣтви, которые на большихъ деревьяхъ висятъ къ низу.

Для безвершинниковъ она пригодна только въ томъ случаѣ, когда получаемыя съ этихъ безвершинниковъ вѣтви будутъ употребляемы для плетенія корзинокъ или другихъ подѣлокъ, но для этой цѣли желтую иву гораздо лучше возвращать кустарникомъ. Желтая ива для плетенія корзинокъ считается пригоднѣйшею изъ всѣхъ видовъ ивъ.

Рѣчная ива растетъ кустарникомъ; вѣтви ея въ густыхъ насажденіяхъ бываютъ длинны, тонки и гибки; корни ея вѣтвисты и очень переплетаютъ землю. При кратковременномъ оборотѣ рубки рѣчная ива растетъ очень густо. Она наиболѣе пригодна для укрѣпленія береговъ рѣкъ, отмелей въ руслахъ рѣкъ и тому подобнаго; даетъ хорошія вѣтви для обручей и плетенія корзины и много хорошаго фашичника.

Тальникъ растетъ кустарникомъ. Вѣтви тальника не такъ тонки какъ рѣчной и желтой ивъ и потому для плетенія корзинокъ, особенно мелкихъ, мало пригодны, но для мерезжъ, большихъ корзинокъ и для дѣланія обручей вѣтви тальника весьма хороши. По множеству вѣтвистыхъ корней тальникъ весьма пригоденъ для укрѣпленія береговъ рѣкъ, отмелей и такъ далѣе.

Эти три вида ивы возвращаются очень рѣдко для прутьевъ на жеваніе, а почти всегда для укрѣпленія береговъ рѣкъ, отмелей въ руслахъ рѣкъ, для полученія прутьевъ на обручи, для плетенія корзинокъ и для фашичника. Онѣ растутъ лучше всего на влажной и мокрой песчаной почвѣ, и при кратковременномъ оборотѣ рубки, доставляютъ значительную прибыль.

Водяная ива растетъ медленно, имѣетъ вѣтви не очень гибкія и не прямыя, но заслуживаетъ вниманія потому, что имѣетъ съ шамфеелистою ивою, (*S. aurita* Lin.) растетъ лучше всѣхъ прочихъ видовъ ивъ на топкихъ, даже кислыхъ, торфяныхъ трясилахъ. При оборотѣ рубки отъ пяти до семи лѣтъ, водяная ива растетъ на такихъ мѣстахъ очень густо и доставляетъ порядочные обручи и посредственные прутья для плетенія большихъ корзинокъ.

Козья ива любитъ почву свѣжую, вязкую, черноземно-суглинистую; растетъ хорошо на почвѣ влажной, черноземно-песчаной, но не любитъ топкой, очень сухой и очень вязкой почвы. Временное затопленіе водою вредитъ ей болѣе нежели другимъ ивамъ. Козья ива вырастаетъ деревомъ средней величины, бываетъ тогда неправильнаго криваго и сучковатаго росту, и скоро замедляется въ ростѣ. Для кустарника, при оборотѣ рубки отъ десяти до десяти лѣтъ, козья ива весьма хороша и доставляетъ довольно

порядочный прутнякъ для жевія. Вѣтви и сучья козьей нвы, ко толщинѣ своей, для плетенія корзины не годятся, и на обручи ее употребляютъ гораздо рѣже сучьевъ прочихъ видовъ нвы.

Шелюга растетъ кустарникомъ отъ осми до двѣнадцати футъ вышиною въ южныхъ губерніяхъ, по берегамъ рѣкъ и вообще на песчавой, даже сухой почвѣ; вѣтви ея прямы, длинны и гибки; онѣ покрыты красно-желтою корою. Эта нва употребляется болѣе всего для укрѣпленія летучихъ песковъ.

Разсмотрѣвъ древесныя породы составляющія обыкновенно насажденія нашихъ лѣсовъ, мы познакоимся теперь съ правилами лѣсоустройства или приведенія лѣсовъ въ порядокъ.

Нерасчетливое, нехозяйственное обращеніе съ лѣсами имѣло два слѣдствія: или лѣса были вырублены совершенно, или насажденія лѣсныхъ дачъ были приведены въ такое разстройство, что въ настоящее время трудно найти въ нихъ, особенно въ лѣсахъ незначительнаго пространства, насажденія нѣскольکو порядочныя; болѣею частію древесныя породы не составляютъ чистыхъ насажденій, а только смѣшанныя: сосна, ель, береза, осина перемѣшаны между собою такъ безтолково, что трудно рѣшить, которую изъ этихъ породъ слѣдуетъ считать господствующею. Въ возрастахъ мы видимъ тоже самое: подлѣ старой, иногда исполнинской, сосны, стоитъ жидкая березка или среди подлѣска березы стоятъ единично старыя ели. Оставить лѣса въ такомъ разстроенномъ видѣ было бы слишкомъ нерасчетливо, и вело бы къ совершенному ихъ уничтоженію. Благоразумный хозяинъ долженъ отстранить отъ себя упрекъ въ уничтоженіи лѣса, долженъ подумать о себѣ и своихъ потомкахъ. Сказать, глядя на жалкій остатокъ лѣса; «На мой вѣкъ хватить», легко, но много ли въ этой фразѣ человѣческаго смыслу? Лучше пожертвовать какой-нибудь тысячею рублей на устройство лѣса и, обезпечивъ будущность свою и грядущихъ поколѣній въ лѣсномъ матеріалѣ, умерить съ безуворизненною совѣстію, нежели истребить неблаго-разумно лѣсъ, навлечь на себя справедливыя жалобы и упреки своихъ потомковъ.

Всякій знаетъ важность и необходимость лѣса въ быту крестьянъ; даже для людей обезпеченныхъ, какъ большая часть городскихъ жителей, хотя бы здѣсь въ Петербургѣ, крѣпко непріятно когда набавятъ лишніе два рубля на сажень дровъ. А крестьянину необходимъ лѣсъ во всѣхъ мелочахъ хозяйства: деньги,

какъ вы знаете, даются мужику не легко, — надобно заплатить подать, припести оброкъ помѣщику, а годъ неурожайный, изба развалилась, лѣсу своего у крестьянина вѣтъ, купить не на что: что дѣлать? крестьянинъ по неволѣ живетъ въ полуразвалившейся гиплой избѣ и бранитъ своего помѣщика, продаваго послѣднюю рошу, чтобы купить себѣ карету на плоскихъ рессорахъ.

Не жертвуя ничѣмъ, трудно ожидать выгоды. Приведеніе лѣса въ порядокъ не есть дѣло риска: выгоды несомнѣны. Одно еще можетъ удерживать людей живущихъ для своего я: слишкомъ отдаленныя выгоды, которыхъ они можетъ-быть и не дождутся, а жертвовать своими деньгами для какихъ-то воображаемыхъ, будущихъ удобствъ и выгодъ жизни отдаленныхъ потомковъ, не правда ли смѣшно и убыточно?

Первое дѣло лѣсоустройства, какой бы то ни было усадьбы, есть приведеніе въ извѣстность пространства, ея занимаемаго, выборъ соответственнаго роду хозяйства и составленіе постоянной, на нѣсколько лѣтъ, смѣты ежегоднымъ отпускамъ лѣснаго матеріала.

Помѣщикъ, нанявъ хорошаго землебра, поручаетъ ему съемку устраниваемой усадьбы. Кромѣ точнаго опредѣленія границъ усадьбы необходимо подробное опредѣленіе всѣхъ разностей насаждаемыхъ деревьевъ, по возрасту, по степени смѣшенія ихъ, по густотѣ насажденія и по почвѣ.

Съемочная работа есть первое дѣйствіе механической работы лѣсоустройства, но ей должны предшествовать: выборъ наиболѣе выгоднаго хозяйства, опредѣленіе оборота рубки лѣса или, правильнѣе сказать, времени устройства усадьбы, направленіе рубки и способъ возобновленія вырубаемыхъ лѣсныхъ площадей.

а) Выборъ хозяйства. Припята въ лѣсоводствѣ хозяйства раздѣляются: на высокоствольное, когда возвращаются крупныя деревья изъ сѣмянъ; низкоствольное, которое ведется на мелкій и кустарный лѣсъ, возвращаемый порослью отъ пней и корневыми отпрысками.

Среднее, при которомъ насажденія лѣса смѣшаны изъ деревьевъ крупныхъ, возвращаемыхъ изъ сѣмянъ, и кустарника, возобновляемаго отпрысками отъ корней и порослью отъ пней.

Лѣсохлѣбіе, когда почва воздѣлывалась попеременно, подъ хлѣбъ или другія растенія и подъ лѣсъ.

Древопольное и хозяйство на сучья, раздѣляющееся на безвершинное и подсѣчное.

Послѣднія три хозяйства могутъ быть вводимы въ мѣстахъ

много населенныхъ, а у насъ въ Россіи не заслуживаютъ вниманія:

Болѣе выгодныя и принятыя при устройствѣ нашихъ казенныхъ лѣсовъ хозяйства суть высокоствольное и низкоствольное. Выборъ того или другаго зависитъ отъ мѣстности.

Высокоствольное хозяйство считается наиболѣе выгоднымъ потому что при немъ получается наибольшее количество древесной массы и болѣе разнообразныя сорты лѣсныхъ матеріаловъ. Но высокоствольное хозяйство не всегда можетъ считаться выгоднымъ, именно:

1) Когда почва неглубока и непроницаемый или неплодородный слой подпочвы можетъ препятствовать углубленію корней большихъ деревьевъ; въ такомъ случаѣ порча корней неизбежна, а въ слѣдствіе того неизбежны порча и болѣзни самихъ деревьевъ. На такой почвѣ гораздо выгоднѣе возвращать мелкій лѣсъ, потому что кустарникъ, распространяя свои корни горизонтально, пускаетъ много корневыхъ отпрысковъ и поросли отъ пней и обѣщаетъ оттого большее количество и лучшее качество древесной массы нежели крупный, высокоствольный лѣсъ.

2) Когда почва такого рода, что возобновленіе на ней лѣса сѣменами можетъ быть сомнительнымъ, напримѣръ на утесистыхъ склонахъ или ольховыхъ трясинахъ, въ такомъ случаѣ возвращеніе кустарника возобновляемаго отпрысками отъ корней и пней будетъ выгоднѣе возвращенія высокоствольнаго лѣса.

Если возвращаемыя древесныя породы имѣютъ свойство изрѣживаться приближаясь къ зрѣлому возрасту, какъ напримѣръ береза, или въ молодости растутъ быстро, а въ послѣдствіи гораздо медленнѣе, напримѣръ ивы, тополи, клены, и если имѣется въ виду полученіе наибольшаго количества древесной массы, то выгоднѣе возвращать ихъ въ низкоствольномъ хозяйствѣ.

Само собою разумѣется, что мѣстная потребность въ лѣсномъ матеріалѣ играетъ при выборѣ рода хозяйства такую же роль, а иногда и болѣе, какъ и свойства возвращаемыхъ древесныхъ породъ. Если кромѣ удовлетворенія потребности въ лѣсномъ матеріалѣ, имѣютъ въ виду полученіе отъ лѣса дохода, а извѣстные какіе-либо сорты лѣснаго матеріала, полученіе которыхъ возможно только при высокоствольномъ хозяйствѣ съ продолжительнымъ оборотомъ рубки, обѣщаютъ значительный доходъ, то въ такомъ случаѣ, разумѣется, можно жертвовать лѣснымъ матеріаломъ, для полученія болѣе значительнаго дохода.

Высокоствольное хозяйство не можетъ быть выгоднымъ для на-

лыхъ разбросанныхъ по полямъ рощъ и для небольшихъ лѣсовъ, особенно когда назначается продолжительный оборотъ рубки, потому что, при ежегодныхъ равномерныхъ порубкахъ лѣса, лѣсо-сѣки будутъ слишкомъ малы и для успѣшнаго возвращенія лѣса весьма неудобны.

Низкоствольное хозяйство можетъ быть выгодно, близъ большихъ городовъ или селеній, требующихъ много дровъ и мелкаго подѣлочнаго лѣсу. Невыгоды же его заключаются въ томъ, что въ низкоствольныхъ лѣсахъ теряется много постороннихъ произведеній крупнаго лѣса.

УСТРОЙСТВО ЛѢСОВЪ ВЫСОКОСТВОЛЬНЫХЪ.

Сообразивъ мѣстные обстоятельства и выбравъ хозяйство высокоствольное, если оно прилично мѣстности и свойствамъ древесныхъ породъ, произрастающихъ въ усадьбѣ, опредѣляютъ оборотъ рубки лѣса, то есть время, втеченіи котораго предполагаютъ вырубить и возобновить всю усадьбу. При устройствѣ усадьбы, надобно имѣть цѣлью приведеніе ея въ возможно лучшее и правильное состояніе, то есть, чтобы участки были вездѣ надлежащей густоты, безъ прогалинъ; чтобы деревья различнаго возраста не были перемѣшаны между собою въ одномъ и томъ же участкѣ, но росли бы отдѣльными участками и чтобы во всемъ лѣсу было достаточное число участковъ зрѣлыхъ, средняго возраста и молодыхъ. При обзорѣи устраиваемой усадьбы надобно замѣтить въ какомъ она находится состояніи: имѣется ли въ ней значительный излишекъ или недостатокъ древеснаго запаса и который изъ возрастовъ, младшій, средній или зрѣлый, преобладаетъ; какое вліяніе имѣло неправильное до-сихъ-поръ веденное хозяйство на вытѣсненіе или умноженіе какихъ-либо древесныхъ породъ, на стойкость лѣсонасажденій противъ вѣтровъ, на появленіе и качество молодаго подросту, на утѣсненіе или истощеніе лѣсной почвы. При обзорѣ усадьбы слѣдуетъ опредѣлить: какииъ древеснымъ породамъ слѣдуетъ дать преимущество, сообразно почвѣ, климату, удобству возвращенія и мѣстной потребности.

Продолжительность времени устройства зависитъ отъ числа лѣтъ, нужнаго для созрѣванія важнѣйшихъ лѣсныхъ породъ и отъ большей или меньшей неправильности настоящаго состоянія усадьбы. Когда въ усадьбѣ находятся значительныя прогалины и изрѣженныя мѣста съ ничтожнымъ приростомъ, которые долж-

ны быть облѣсены въ продолженіи лѣсоустройства, то время устройства усадьбы назначается десятию или двадцатию годами больше, нежели сколько нужно для того, чтобы господствующія лѣсные породы достигли наибольшихъ размѣровъ, требующихся для продажи. Если предвидится, что прогалены не могутъ быть облѣсены своевременно, или, если толстоствѣрный лѣсъ составляетъ только незначительную часть отпускаемыхъ матеріаловъ, напри- мѣръ менѣе одной двадцатой части, то оборотъ рубки во всей усадьбѣ можно сообразовать съ потребностью возвращенія менѣе крупныхъ деревь, преимущественно имѣющихъ сбытъ, а для возвращенія толстоствѣрнаго лѣса, нѣкоторые благонадежные участки на приличной почвѣ могутъ быть долѣе оставлены на корнѣ.

Для общаго доображенія, но отнюдь не для назначенія въ част- ности каждому лѣсу оборота рубки, приводимъ здѣсь самыя обыкновенныя обороты *.

ДЛЯ ВЫСОКОСТВОЛЬНЫХЪ ЛѢСОВЪ **.

ДУБОВЫХЪ.

а) На хорошей почвѣ и на равнинахъ :

Для употребленія лѣса самоствомъ отъ 80 до 100 лѣтъ.
 Для возвращенія обыкновеннаго строева-
 го лѣса. — 80 — 120 —

* Оборотъ рубки не надобно смѣшивать съ временемъ устройства усадь- бы. Оборотъ рубки или время, втеченіи котораго предполагается обойти весь лѣсъ рубкою и возобновить его, назначается въ лѣсахъ по окончаніи времени ихъ устройства; назначеніе оборота рубки зависитъ главнѣйше отъ свойства породъ, возвращаемыхъ въ усадьбѣ и нѣстныхъ потребностей. Нор- мой при назначеніи оборота рубки служить то пространство времени, въ которое главнѣйшая древесная порода можетъ дать наибольшее и выгод- нѣйшее количество древесной массы. Назначеніе времени устройства лѣса, напротивъ, зависитъ отъ настоящаго состоянія лѣса и времени, втеченіи котораго можно привести его въ порядокъ. Впрочемъ, время устройства, если только усадьба не разстроена или разстроена мало, можетъ и совпа- дать съ оборотомъ рубки. Приводимыя здѣсь приѣмы оборотовъ рубки, показывающіе возрастъ, въ которомъ древесныя породы могутъ быть при- годны для нѣкоторыхъ назначеній, могутъ служить незнающимъ съ боль- шую пользою и при устройствѣ дачъ, если въ дачѣ нѣтъ въ соразѣр- ности возрасты: младшій, средній и старшій.

** Изъ курса «Лѣсовозобновленія и лѣсоразведенія», господина Длатов- скаго.

Для возвращенія толстаго и корабельнаго
лѣса отъ 160 до 240 лѣтъ.

б) На посредственной почвѣ и на горахъ :

Для возобновленія лѣса самоѣвомъ . . . отъ 80 до 120 —
Для возвращенія обыкновеннаго строева-
го лѣса — 100 — 140 —
Для возвращенія толстаго лѣса — 180 — 260 —

БЕРЕЗОВЫХЪ.

Для возобновленія самоѣвомъ — 30 — 40 —
Самый продолжительный оборотъ — 80 — 90 —

ГРЯВОВЫХЪ.

Для возобновленія самоѣвомъ — 50 — 70 —
Самый продолжительный оборотъ — 100 — 120 —

ОЛХОВЫХЪ.

Для возобновленія самоѣвомъ — 60 — 80 —

ОСИНОВЫХЪ.

— 40 — 80 —

ЛИПОВЫХЪ.

— 60 — 100 —

СОСНОВЫХЪ.

На хорошей почвѣ :

Для возобновленія самоѣвомъ и получе-
нiя тонкаго строеваго лѣса — 60 — 80 —
Для полученiя строеваго лѣса^а средней
толщины — 80 — 100 —
Самый продолжительный оборотъ — — — 140 —

На посредственной почвѣ :

Для возобновленія самоѣвомъ — 50 — 70 —
Для полученiя тонкаго строеваго лѣса — 70 — 90 —
Для полученiя строеваго лѣса средней
толщины — 80 — 120 —
Для полученiя толстаго строеваго лѣса — 100 — 140 —
Самый продолжительный оборотъ — 150 — 160 —

На худой почвѣ :

Для возобновленія самоѣвомъ — 40 — 60 —
Для полученiя строеваго лѣса средней
толщины и самый продолжительный
оборотъ — — — 100 —

На самой худой почвѣ

вовсе нельзя возвращать строеваго лѣса
и на ней самый продолжительный обо-
ротъ есть отъ — до 60 лѣтъ.

Е Л О В Ы Х ъ.

На хорошей, но не жирной известковой почвѣ :

Для возобновленія самосѣвомъ	—	60	—	80	—
Для полученія строеваго лѣса средней толщины	—	60	—	100	—
Для полученія толстаго строеваго лѣса .	—	120	—	140	—
Самый продолжительный оборотъ	—	—	—	140	—

Въ болѣе суровомъ климатѣ :

Для возобновленія самосѣвомъ	—	80	—	120	—
Для полученія строеваго лѣса средней толщины	—	80	—	120	—
Для полученія крупнаго строеваго лѣса .	—	120	—	140	—
Самый продолжительный оборотъ	—	—	—	160	—

На сухихъ отлогостяхъ въ умеренномъ климатѣ :

Для возобновленія самосѣвомъ	—	50	—	70	—
Для полученія строеваго лѣса средней толщины	—	80	—	100	—
Самый продолжительный оборотъ	—	—	—	120	—

На почвѣ тонкой :

Для возобновленія самосѣвомъ и получе- нiя строеваго лѣса средней толщины .	—	60	—	100	—
Самый продолжительный оборотъ	—	—	—	120	—

На жирной известковой почвѣ :

Для возобновленія самосѣвомъ	—	60	—	80	—
Для полученія строеваго лѣса средней толщины	—	60	—	80	—
Самый продолжительный оборотъ	—	—	—	100	—

Въ пихтовыхъ лѣсахъ обороты рубокъ назначаются такіе же какъ и въ еловыхъ.

ВЪ ДѢСТВЕННИЧЫХЪ.

Въ климатѣ болѣе умеренномъ :

Для возобновленія самосѣвомъ	—	60	—	80	—
--	---	----	---	----	---

Для получения строевого лѣса средней толщины отъ 80 до 100 лѣтъ

Въ климатъ суровомъ и на горахъ :

Для возобновленія самоѣвомъ . . . , . . . — 80 — 100 —

Для получения толстаго строевого и корабельнаго лѣса — 100 — 160 —

Самый продолжительный оборотъ — — — 180 —

ДЛЯ НИЗКОСТВОЛЬНЫХЪ ЛѢСОВЪ.

ДУБОВЫХЪ.

Для получения прутняка — 5 — 8 —

Для получения коры на дубленіе кожъ — 8 — 20 —

Для получения жердняка — 20 — 40 —

БУКОВЫХЪ И ГРАБОВЫХЪ.

Для получения прутняка — 8 — 16 —

Для получения жердняка и кругляка — 16 — 35 —

БЕРЕЗОВЫХЪ.

Для получения прутняка — 5 — 10 —

Для получения жердняка и кругляка — 10 — 25 —

ОЛЬХОВЫХЪ.

При хорошемъ ростѣ ольха даетъ въ двадцать лѣтъ уже толстый круглякъ; въ тридцать лѣтъ $\frac{1}{2}$ часть дровянаго лѣса, который можно раскалывать, а въ сорокъ лѣтъ $\frac{3}{4}$ всей вырубивъ такого же дровянаго лѣса.

ИВОВЫХЪ.

Для получения прутняка на топливо — 8 — 16 —

Для получения жердняка на обручи и тому подобное — 6 — 10 —

Для получения прутьевъ на плетеніе корзинъ — — — 4 —

ОРЪШНИКА.

Для получения жердняка на обручи и тому подобное — 10 — 20 —

Самый продолжительный оборотъ — — — 25 —

СМѢШАННЫХЪ.

Изъ мягкихъ породъ, какъ-то: липы, осины, и прочаго — 8 — 20 —

Изъ твердыхъ породъ — 10 — 35 —

Здѣсь надобно еще замѣтить, что кратчайшій оборотъ рубки для высокоствольныхъ лѣсовъ, возобновляемыхъ самосѣвомъ, равенъ тому возрасту, въ которомъ деревья начинаютъ производить хорошія сѣмена въ изобиліи.

Продолжительнѣйшій оборотъ рубки для низкоствольныхъ лѣсовъ не долженъ превышать возраста насажденій низкоствольнаго лѣса, въ которомъ пни и корни теряютъ свою побѣго-производительную способность.

Опредѣливъ время устройства усадьбы, раздѣляютъ его на части опредѣленнаго числа лѣтъ, называемыя *періодами* или *очередями рубки*. Прежде, при устройствѣ высокоствольныхъ лѣсовъ, раздѣляли ихъ на годичныя лѣсосѣки; нынче пашли такое дѣленіе лѣсовъ неудобнымъ, а потому дѣлятъ лѣса на большія части, на большія лѣсосѣки, которыя вырубаютъ втеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, то есть въ періодъ. Раздѣленіе оборота рубки на періоды представляетъ удобство распредѣлять лѣсные участки на все время оборота рубки или времени устройства, такъ, чтобы очередь рубки участковъ соответствовала извѣстному возрасту ихъ, при которомъ они могутъ удовлетворить извѣстной потребности.

Обыкновенно принимаютъ за правило раздѣлять оборотъ рубки высокоствольныхъ лѣсовъ на двадцатилѣтніе періоды. Но надобно замѣтить, что продолжительность періодовъ зависитъ отъ представляемаго древесною породою различія въ возрастахъ и отъ возрастовъ, имѣющихся въ устраиваемомъ лѣсу. Такимъ образомъ въ дубовыхъ лѣсахъ можно принять тридцатилѣтній періодъ для сто-пятидесяти до ста-осмидесяти-лѣтняго возраста, а въ сосновыхъ подобный періодъ былъ бы слишкомъ великъ, потому что въ сосновыхъ лѣсахъ разница въ насажденіяхъ девяности и сто-двадцати-лѣтняго возраста гораздо значительнѣе, нежели между сто-пятидесяти и сто-осмидесяти-лѣтнимъ дубовыхъ лѣсовъ. Въ обширныхъ лѣсахъ, въ которыхъ долгое время производимы были выборочныя порубки, бываетъ иногда весьма затруднительно различать двадцатилѣтніе возрасты, поэтому для подобныхъ лѣсовъ допускается раздѣленіе оборота рубки на тридцати, сорока и пятидесяти-лѣтніе періоды.

Въ лѣсахъ правильныхъ, время устройства которыхъ уже миновало, каждый напримѣръ двадцати-лѣтній періодъ сто-двадцатилѣтняго оборота рубки, положимъ хотя сосноваго лѣсу, соответствуетъ двадцати-лѣтнимъ разностямъ сто-двадцати-лѣтняго возраста сосны, такимъ образомъ: въ первомъ періодѣ

(первому періоду соответствуют участки леса уже произведенные или присаживаемые в теченіи періода въ рубку) поступают на рубку участки от ста-одного до ста-двадцати-лѣтнего возрасту, во второмъ отъ осмидесяти-одного до ста-лѣтнего, въ третьемъ отъ шестидесяти-одного до осмидесяти-лѣтнего, и такъ далѣе, и каждый участокъ известнаго періода будетъ включать въ себя лѣсъ, способный къ удовлетворенію известной потребности, такъ напримѣръ участки перваго періода будутъ имѣть лѣсъ толстый, строевой, участки третьяго періода хорошиіи древліи и тонкомѣрный строевой лѣсъ и такъ далѣе.

Въ лѣсахъ неправильныхъ, еще только устроиваемыхъ, надобно сообразоваться съ неправильностію лѣса и дѣлить время устройства на такіе періоды, при которыхъ рѣзче отдѣлялись бы возрасты насажденій. Опредѣливъ время устройства, лѣса число и, слѣдовательно, величину періодовъ, опредѣляютъ направленіе рубки. При назначеніи направленія рубки должно всегда сообразоваться съ направленіемъ господствующихъ сильныхъ и западныхъ или вѣсущающихъ вѣтровъ. Въ лѣсахъ подверженныхъ вѣтровалу, напримѣръ еловыхъ, рубку должно начинать съ подвѣтренной стороны и вести въ ту сторону, откуда дуютъ самые сильные вѣтры. Напримѣръ: если сильные вѣтры дуютъ отъ запада и юго-запада, то рубку должно начинать съ восточной и сѣверо-восточной частей лѣса. Вообще гдѣ вѣтры дуютъ очень сильно, тамъ должно располагать порубки весьма осторожно и оканчивать рубку по возможности скорѣе, чтобы лѣсъ не оставался долго въ полугустомъ состояніи. Южныя породы, какъ-то дубъ, букъ, кленъ повреждаются въ молодости морозомъ; поэтому въ лѣсахъ дубовыхъ, буковыхъ или вездѣ, гдѣ возвращаются эти породы, должно вести рубку такъ, чтобы молодые всходы были защищены отъ холодныхъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ.

Точно опредѣливъ изложенныя выше обстоятельства, приступаютъ къ раздѣленію лѣса. Лѣсныя дачи раздѣляются въ натурѣ, простѣками, на кварталы, которые назначаются обыкновенно прямоугольные; но для лучшаго принаровленія къ фигурѣ лѣса допускаются и паралелограммы, острый уголъ которыхъ долженъ быть не менѣе шестидесяти градусовъ. Направленіе кварталныхъ лѣній должно сообразовать сколь возможно такъ, чтобы длина кварталовъ была перпендикулярна съ выгоднѣйшимъ для воденія рубки направленіемъ; при этомъ должно имѣть въ виду: что кварталныя лѣнія должны совершенно замкнуть дороги,

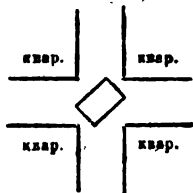
осеждать, кратчайшимъ путемъ, еселеніа дѣланиа на противоположныхъ сторонахъ лѣса.

Величина кварталовъ должна находиться въ пропорціи къ величинѣ площади годовой лѣсорѣзки. Напримеръ, если предположится разводить лѣсъ искусственно, и извѣстно, что успѣхъ лѣсоразведенія требуетъ, чтобы годовая лѣсорѣзка среднимъ числомъ была не болѣе пяти десятинъ и если каждый кварталъ назначается срубить и возобновить въ двадцать лѣтъ, то величина каждаго квартала, заключаая двадцать лѣсорѣзкъ, должна быть не болѣе ста десятинъ. Величина кварталовъ смотря по пространству лѣса бываетъ отъ пятидесяти до двухъ сотъ десятинъ, но не болѣе; въ первомъ случаѣ одинъ бокъ прямоугольника квартала составляетъ просѣка въ четыреста сажень, другаго въ триста; во второмъ одна сторона квартала тысяча сажень, другая пятьсотъ.

Къ границѣ лѣса можно отрѣзывать кварталы по площади одною четвертью болѣе нормальнаго квартала.

Раздѣленіе лѣса на кварталы прозектируется на старомъ планѣ, если онъ есть, или по недостатку его, основывалась на предварительномъ обзорѣнн мѣстности.

Кварталы обозначаются арабскими цифрами въ такомъ порядкѣ, чтобы номера слѣдовали съ запада къ востоку или съ сѣверо-запада къ юго-востоку, или съ юго-запада къ сѣверо-востоку, начиная № 1 съ сѣверной части дачи; номера надписываются на планѣ, и въ натурѣ; въ лѣсу номера кварталовъ надписываются или вдоль кварталныхъ линий на затескахъ деревь, или на столбахъ которые ставятъ въ точкахъ пересѣченія кварталныхъ линий. Столбики нумерованныя затесками обращаются къ угламъ кварталовъ.

Въ гористыхъ мѣстахъ кварталное дѣленіе необходимо приравливать къ мѣстоположенію, то есть нужно отдѣлать всѣ скаты горъ, долины и плоскія возвышенности, когда они занимаютъ такую площадь, что могутъ составить по-крайней-мѣрѣ одинъ особый кварталъ. При этомъ нужно стараться, чтобы для

каждаго ската, одна просѣвка шла по вершинѣ хребта, а другая у подошвы, чтобы тѣмъ образоватъ болѣе или менѣе длинныя полосы лѣса, которыя также дѣлать, по направленію ската, поперечными просѣвками, въ такомъ разстояніи одна отъ другой, чтобы образовались кварталы требуемой величины.

Въ горахъ рѣчки, большіе овраги, мѣста соединенія двухъ скатовъ, должны быть, по возможности, принимаемы границами кварталовъ. Вездѣ, гдѣ естественная граница кварталовъ не рѣзко отличается, надобно прорубать просѣвки.

Раздѣливъ лѣсъ въ натурѣ на кварталы, слѣдуетъ каждому изъ нихъ назначить причинную очередь рубки. Лѣсоустройство производится большею частию въ усадьбахъ неправильныхъ, въ которыхъ лѣсонасажденія неразмѣщены по возрастамъ въ такой послѣдовательности, какая требуется для веденія правильнаго очередоваія; по этому назначеніе очередей рубки есть задача, требующая полной внимательности лѣсоустроителя и глубокаго соображенія и оцѣнки мѣстныхъ обстоятельствъ. Первое правило очередоваія рубки состоитъ въ томъ, чтобы назначить кварталу такую очередь, которая прилична участкамъ, занимающимъ въ немъ большую площадь; второе, чтобы назначить для остальныхъ участковъ квартала такія лѣсоводственныя распоряженія, которыя удобнѣе исполнимы, сопряжены съ наименьшею потерей доходовъ съ лѣса и вмѣстѣ съ тѣмъ соответствуютъ цѣли приведенія этихъ участковъ въ такое состояніе, при которомъ они непремѣнно были бы насаждены годнымъ мѣльнымъ лѣсомъ во время очередной рубки квартала. Нужно стараться всѣми мѣрами чтобы эта цѣль была достигнута еще въ эпоху лѣсоустройства, то есть во время перваго оборота хозяйства.

При назначеніи очередоваія нужно руководствоваться слѣдующими правилами:

1) Участки старые, со многими уже засохшими или худо растущими, болѣзненными деревьями, назначаются въ рубку прежде участковъ съ здоровыми и хорошо растущими деревьями.

2) Участки пріспѣвшіе, неполные, со многими прогалинами, назначаются въ рубку прежде участковъ слѣбыхъ, полныхъ и густыхъ.

3) Почва открытая дѣйствию свѣта, отъ чего она можетъ терять свою производительную споеобность и затруднить, въ послѣдствіи, разведеніе и возвращеніе на ней лѣса, должна быть по-

крыта лѣсомъ ранѣ почвы не теряющей, отъ свободнаго дѣйствія воздуха, своей производительности.

4) Участки, возобновленію которыхъ нынче стоятъ большихъ издержекъ, а въ послѣдствіи можетъ-быть произведено гораздо выгоды, назначаются въ рубку послѣ.

5) Для равномернаго распредѣленія строеваго и подѣлочнаго лѣса слѣдуетъ въ лѣсахъ, имѣющихъ мало участковъ крупнаго лѣса и много молодыхъ, годныхъ уже на дрова, рубить часть послѣднихъ прежде и оставлять часть крупныхъ деревьевъ, чтобы въ послѣдствіи удовлетворить ими потребности въ строевомъ и подѣлочномъ лѣсѣ.

6) Участки, въ которыхъ деревья хвораютъ или рѣдко насажены вырубаются прежде тѣхъ, которыхъ деревья не имѣютъ недостатковъ и насажены гуще. Но если будетъ замѣчено, что участокъ здороваго лѣса и густаго насажденія, простоявъ на корнѣ, можетъ сдѣлаться значительно хуже, то вырубкою его надобно поспѣшить и лучше оставить на корнѣ участокъ съ порченными уже деревьями, потому, что отъ большей порчи послѣднихъ произойдетъ менѣе убытка, нежели отъ порчи еще здороваго лѣса.

7) Участки лѣса, имѣющіе худую почву, должно назначать въ рубку ранѣ участковъ съ почвою хорошею.

8) Если признано необходимымъ производить возобновленіе лѣса сѣмянными лѣсосѣтками, то нельзя рубить ни одного участка до тѣхъ поръ пока деревья не начнутъ приносить сѣмянъ. Исключеніе дѣлаютъ для участковъ, въ которыхъ деревья, по какой-нибудь причинѣ, не могутъ приносить хорошихъ сѣмянъ, и для такихъ, когорые не могутъ быть возобновлены самосѣвомъ, потому что насажены слишкомъ рѣдко или по причинѣ слишкомъ задернѣлой почвы.

9) При назначеніи порядка рубки должно особенно стараться о томъ, чтобы въ послѣдствіи каждый кварталъ содержалъ деревья, разнствующія по возрасту не болѣе какъ на число лѣтъ заключающихся въ одномъ періодѣ оборота рубки.

10) Тщательный выборъ кварталовъ для II и III очередей играетъ важную роль въ назначеніи очередовація лѣса.

Прилагаемъ здѣсь чертежъ правильнаго распредѣленія періодовъ по кварталамъ; періоды обозначены римскими цифрами.

III	II	I	IV	III	II	I
IV	III	II	I	IV	III	II
I	IV	III	II	I	IV	III
II	I	IV	III	II	I	IV

Очереди водятся
противъ востока и
сѣвера.

Но какъ лѣсоустройство вводится большею частію въ дачахъ неправильныхъ, то при назначеніи очередей рубки можно пропустить одну очередь, но не болѣе или даже назначить одну и ту же очередь двумъ смежнымъ кварталамъ; но въ хвойныхъ лѣсахъ особенно подвергающихся вѣтровалу, назначеніе одной очереди двумъ смежнымъ кварталамъ ни въ какомъ случаѣ не допускается и должна, по возможности, соблюдаться последовательность въ назначеніи очередей.

11) При назначеніи очередей нужно стараться уравнивать, по возможности, число кварталовъ каждой очереди, потому что этимъ уравниваются ежегодныя издержки возобновленія лѣса и даже лѣсколка и самое количество ежегодныхъ вырубекъ.

=

УСТРОЙСТВО ЛѢСОВЪ

ЧАСТНЫХЪ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

==
СТАТЬЯ ВТОРАЯ.
==

Приступимъ теперь къ описанію способовъ съемки лѣса. Большая часть нашихъ вольныхъ землеустроителей, между нами сказать, не получила основательныхъ знаній въ геодезіи; работая по на- вычку и привыкнувъ обращаться только съ астролябією, они страшно вооружаются противъ мензулы, часто приписывая этому бедному инструменту такіе недостатки, которыхъ онъ никогда не имѣлъ.

Правда, съемка астролябіей идетъ скорѣе, и дурная, дождливая погода не столько мѣшаетъ съемкѣ этимъ инструментомъ какъ съемкѣ мензулой, но если мы вспомнимъ тѣ страшныя ошибки, которыя бывали и бывають при съемкѣ астролябіей, ошибки часто невольныя, печальныя, то лучше оставимъ почтенную астролябію въ покое и будемъ работать съ боѣе удобнымъ и бо- лѣе безгрѣшнымъ инструментомъ, — съ мензулой.

При съемкѣ астролябіей, когда обходитея граница лѣса, земле- мѣръ, сдѣлавъ маленькую ошибку въ одной точкѣ снимаемаго имъ пространства и при не совсѣмъ тщательной работѣ, не замѣтивъ своего промаха, часто при составленіи плана не знаетъ, какъ све- сти границы.

При съемкѣ мензулой, планшеткой, ошибка сдѣланная въ квар- талѣ не имѣетъ вліянія на вѣрность съемки остальнаго про- странства. Землеустроитель съ новымъ планшетомъ начинаеть, такъ сказать, новую съемку, и ошибки въ площади всего снимаемаго пространства никогда быть не можетъ. Первое условіе при зем-

земѣрскихъ работахъ лѣсоустройства, — вѣрная прорубка, согласно проекту раздѣленія лѣса, и измѣреніе простѣкъ. Землеѣръ при лѣсоустроительныхъ работахъ долженъ быть непремѣнно знакомъ, хотя нѣсколько, съ древесными породами и различіями насажденій и почвы. Лѣсная съемка производится обыкновенно въ масштабѣ $\frac{1}{1400}$ или 100 сажень въ англійскомъ дюймѣ; большаго масштаба принимать нѣтъ необходимости.

Натянувъ бумагу на мензурную доску, разумѣется на каленкорѣ, землеѣръ нанеситъ направленіе прорубленныхъ нѣтъ въ лѣсу простѣкъ, стараясь, если простѣки не вездѣ прорублены параллельно, соблюсти возможную вѣрность въ нанесеніи ихъ. Съемка границы, части дачи нанесенной на планшетъ, должна предшествовать внутренней съемкѣ квартала. Затѣмъ приступаютъ къ выдѣлу насажденій, то есть опредѣленію всѣхъ разностей насажденія и насажденія выдѣляются:

По почвѣ и положенію, когда вліяніе ихъ на насажденіе такъ значительно, что деревья достигаютъ зрѣлости въ разное время, или что одна часть участка годна для высокоствольнаго хозяйства, между-тѣмъ какъ въ другой части должно вести хозяйство низкоствольное; также если въ одной части нужно употреблять особые приемы при рубкѣ лѣса или его возобновленія.

По древеснымъ породамъ и пропорціи ихъ смѣшенія. Лиственные породы отдѣляются отъ хвойныхъ, чистыя насажденія отъ смѣшанныхъ и смѣшанныя отдѣляются также одно отъ другаго, если разность смѣшенія бываетъ слишкомъ замѣтна или примѣшанныя породы заставляютъ въ хозяйствѣ обращать на нихъ особое вниманіе.

По возрасту древесныхъ породъ насажденія отдѣляются одно отъ другаго въ томъ случаѣ, когда насажденія разнствуютъ по нѣвшей мѣрѣ на число лѣтъ заключающееся въ одномъ періодѣ.

По густотѣ. Слишкомъ изрѣженные мѣста квартала должны быть отдѣлены отъ участковъ болѣе полныхъ.

Мѣста лишеныя благонадежнаго лѣса и живаго насажденія, отдѣляютъ отъ лѣсныхъ участковъ, — также снимаются со всею подробностію покосы, пашни, рѣки, рѣчки, ручьи, особенно если они имѣютъ вліяніе на обводненіе прилегающихъ къ нимъ участковъ: мокрые участки отдѣляются отъ болѣе сухихъ, такъ же какъ и болота.

Безъ нужды не должно пускаться въ слишкомъ мелочное, болзливое отдѣленіе участковъ.

Участки отдѣляются въ натурѣ узкими визирными лніями; на

точках пересѣченія ливій становится столбикъ съ номеромъ и литерой участка. Каждому участку, назначаемому на планѣ, присвоивается буква малаго латинскаго алфавита, (такъ принято при съемкѣ казенныхъ лѣсовъ), начиная разумѣется съ *a*, и та же буква ставится на столбикѣ; номеръ столба наносится на соответствующую ему на планѣ точку. Нумера на столбахъ становятся для того, чтобы при таксаціи дачи можно было легко ориентироваться.

Подробность, съ которой производится съемка участковъ, зависитъ отъ величины и цѣнности лѣса и подробности самой таксаціи; кварталы, назначенные на срубку въ очередь, имѣть необходимости выдѣлять слишкомъ подробно, если въ нихъ имѣть слишкомъ рѣзкихъ различій въ лѣсонасажденіяхъ, или когда хозяйственныя распоряженія одного участка не отличаются отъ распоряженій другаго.

Во время съемки одного планшета таксирующій долженъ приучать свой глазъ къ опредѣленію древесной массы насажденій и приросту лѣса. Для этого берутся пробныя площади. * Пробныя площади избираются величиною въ $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ или въ 1 десятину, въ насажденіяхъ, занимающихъ въ дачѣ большія пространства, или характеризующихъ прозабеніе на различныхъ классахъ почвы.

Хотя пробныя площади должны быть, по возможности, насаждены равномерно, полно и сколь возможно лѣсомъ одновозрастнымъ, но чтобы приучить свой глазъ къ вѣрному опредѣленію запаса участковъ устроиваемаго лѣса, необходимо исчислять пробныя площади не только въ участкахъ не полныхъ и разновозрастныхъ, но и во всѣхъ имѣющихся въ лѣсу разныхъ насажденіяхъ.

На пробныхъ площадяхъ опредѣляются съ крайнею точностью возрастъ, древесный запасъ и приростъ по модельнымъ деревьямъ.

Отдѣливъ, въ избранномъ для пробной площади насажденіи, участокъ известной величины, и обойдя его въ натурѣ прямыми ливіями, выбираютъ въ немъ модельныя деревья, ** то есть: раздѣляютъ всѣ растущія на пробной площади деревья на клас-

* Мы не будемъ указывать здѣсь на разные хитрые методы таксаціи принятыя германскими лѣсоводами, тѣмъ болѣе, что эти методы, для исполненныхъ въ таинства лѣсоводства, будутъ не всегда ясны и всегда трудны. Излагаясь въ этой статьѣ метода таксаціи называется—лѣсоу-стронительною.

** Лучше всего приучать свой глазъ срубая насажденія пробной площади.

сы, по различію ихъ высоты и толщины (по кубическому содержанию) и въ каждомъ такомъ классѣ избираютъ одно дерево — модельное. Модельныя деревья обыкновенно срубаются какъ можно ближе къ корню, очищаются отъ сучьевъ, которыя складываютъ въ сторону въ правильную кучу (если массу сучьевъ необходимо исчислить особенно вѣрно) и раздѣляютъ, насѣчками на корѣ, на отрубки равной величины. Величина отрубковъ зависитъ отъ вѣрности, съ которой предполагаютъ производить исчисленіе пробныхъ деревьевъ, но достаточно дѣлить модельное дерево на саженные отрубки. Каждый отрубекъ измѣряется при основаніи и высотѣ, и исчисляется особо, принимая его или за увѣченный конусъ или за цилиндръ съ среднимъ основаніемъ.

Определенные такимъ образомъ отрубки складываются и выводится масса всего дерева. Дерево раздѣляется на отрубки до трехъ дюймовъ въ верхнемъ діаметрѣ. Выбравъ модельныя деревья для каждой древесной породы пробной площади и измѣривъ ихъ, приступаютъ къ исчисленію массы пробнаго участка. Для этого таксирующій, если онъ одинъ, раздѣляетъ пробную площадь на части такой величины, чтобы нѣдъ по краю одной части можно было отчетливо ясно видѣть всѣ растущія на ней деревья.

Пробную площадь для этой цѣли можно дѣлить параллельными линіями, обозначивъ ихъ затесками на деревьяхъ. Но направленіе одной изъ этихъ линій долженъ идти дровосѣкъ, которому наказано пометить направленіе линіи его пути, длѣтого что ему придется идти тою же дорогою въ другой разъ, а таксирующій идетъ по направленію другой линіи, параллельной къ линіи на которой отонтъ дровосѣкъ.

Въ тетради, раздѣленной на графы по числу модельныхъ деревьевъ избранныхъ для каждой имѣющейся на пробной площади древесной породы, таксирующій отмѣчаетъ каждое дерево, расположенное между нихъ и дровосѣкомъ, стараясь отмѣчать своею возможно вѣрнѣе какъ число деревьевъ, не пропуская ни одного изъ нихъ, такъ и размѣры деревьевъ помѣщая ихъ безошибочно въ графы соответствующаго имъ класса. Отмѣтивъ въ тетради всѣ деревья одной части пробной площади, таксирующій переходитъ къ перечисленію деревьевъ другой части и такъ далѣе, пока всѣ деревья пробной площади не будутъ сочтены.

На срубленномъ модельномъ деревѣ считаются годичные слои, и къ определенному такимъ образомъ числу слоевъ прибавляется, смотря по высотѣ на какой срублено дерево (не болѣе трехъ чет-

вертей или вывороченна) еще отъ пяти и десяти слоевъ; число слоевъ покажетъ число лѣтъ срубленнаго дерева. У хвойныхъ деревьевъ слои рѣзко отдѣляются одинъ отъ другаго, но у лиственныхъ, особенно мягкихъ породъ, исчисленіе слоевъ бываетъ иногда, или лучше сказать почти всегда, довольно трудно, а потому приказавъ сравнить топоромъ пень или комель ствола, натирать его слогка землею, и не весьма видные годичные слои можно будетъ различить тогда довольно легко.

При опредѣленіи запаса пробныхъ площадей съ особеннымъ тщаніемъ опредѣляютъ число строевыхъ деревьевъ или бревенъ или вообще той части древесной массы, которая годна на строеніе, подѣлочный лѣсъ или имѣетъ особую цѣнность. Масса тонкихъ макушекъ, сучьевъ, хворосту отбѣчается особо.

При исчисленіи пробной площади, если она состоитъ изъ сѣтканнаго насажденія, опредѣляютъ точно: отношеніе однихъ породъ къ другимъ, выражая его въ десятичныхъ дробяхъ, такъ напримѣръ 0,5 дуба, 0,3 клена и 0,2 ясеня,—господствующій возрастъ пробнаго участка, по большинству деревьевъ того или другаго возрасту, качество и составъ почвы, и приростъ, обыкновенно средній, получаемый чрезъ раздѣленіе запаса всей пробной площади на число лѣтъ средняго возрасту насажденія. Исчисливъ пробную площадь надобно стараться удержать въ памяти видъ ея. Въ вѣдомости, составляемой при исчисленіи пробныхъ площадей, отбѣчаютъ нумѣръ квартала, лптеру участка, въ которыхъ взята пробная площадь; классъ и составъ почвы, полноту насажденія; древесныя породы произрастающія на пробномъ участкѣ — подробно означивъ всѣ модельныя деревья, для каждой породы, размѣръ ихъ (длину и толщину), лѣта, кубическое содержаніе, число всѣхъ деревьевъ на пробной площади, кубическую массу ихъ и отношеніе запаса пробной площади къ запасу на десятилѣтіе.

Классъ добротности почвы опредѣляется величиною средняго приросту: это лучшій и вѣрнѣйшій способъ опредѣленія вліянія почвы на приростъ насажденій. Самое подробное описаніе состава почвы, степени влажности и покрова ея, не можетъ представлять ясно вліянія почвы на ростъ насажденій, между тѣмъ какъ опредѣленіемъ величины приросту въ точности опредѣляется вліяніе почвы на ростъ древесныхъ породъ. Мы не имѣемъ еще данныхъ, по которымъ можно было бы судить о степени добротности почвъ, различныхъ по климату частей Россіи, а потому опредѣленіе классовъ почвы должно быть произведено въ устроиваемой

дачъ на пробныхъ площадяхъ. Наибольшій приростъ найденный въ полевыхъ, сѣмыхъ насажденіяхъ на одной десятинѣ, принимается за приростъ, соответствующій лучшему или верному классу почвы, а наименьшій приростъ полевыхъ насажденій характеризуетъ худшій классъ почвы (за исключеніемъ болотъ).

Между крайностями высшаго и низшаго классовъ почвы, можно принять среднихъ, два, три и болѣе классовъ, смотря по числу разностей встрѣчаемыхъ въ почвѣ.

Приучивъ свой глазъ къ возможно вѣрному опредѣленію зааса, прироста, степени сѣшенія и другихъ разностей насажденій, и провѣря свой глазомеръ по-крайней-мѣрѣ разъ въ недѣлю, приступаютъ къ описанію и таксаціи устраниваемой дачи. Получивъ отъ землебра черновую планшетную съемку, таксирующій приступаетъ къ описанію дачи.

При описаніи дачи каждый кварталъ описывается особо, соблюдая порядокъ буквъ участковъ; опись участкамъ составляется въ лѣсу, на самомъ мѣстѣ таксаціи.

Форма таксаціонной описи:

Кварталъ № 1. Площадь = 104 десятины 400 сажень овередь II.

Участокъ а. Площадь = 15 десятины 1700 сажень

Положеніе. Пологое къ западу.

Почва. II классъ — черноземносуглинистая сѣкшая, близъ ручья влажная.

Насажденіе. 70 лѣтъ 0,7 полноты 0,8 липы (60—90) и 0,2 дуба.

(70—100) вкрапель въ липы ((50—70) подлѣсокъ липы и дуба.

Запасъ. (35 кубическихъ сажень на десятинѣ) на участкѣ 550 к. с.

Приростъ. (125 кубическихъ футовъ на десятинѣ), на участкѣ 1963 куб. футовъ. Приростъ будетъ постоянень.

Распоряженіе. Въ I періодъ въ началѣ, прочистить ручей и вырубить единичныя сухоноставныя липы и дубы по 5 кубическихъ сажень дровянаго лѣсу съ десятины.

II періодъ въ началѣ, главная рубка по 50 кубическихъ сажень съ десятины, въ томъ числѣ 40 стросвыхъ деревъ липы по 35 кубическихъ футовъ каждое.

И такъ далѣе другіе участки.

Площадь квартала и участковъ можно опредѣлять по окончаніи полевыхъ занятій: въ такомъ случаѣ, запасъ и приросты опредѣляются только на десятинѣ, безъ умноженія на всю площадь участка.

Положеніемъ участка называется отношеніе по верхности его къ горизонтальной плоскости и къ окружающимъ площадямъ.

Положеніе бываетъ ровное, низменное, возвышенное, защищенное, пологое, покатое, крутое, весьма крутое, обрывистое или отвѣсное, косогорное, волнистое, холмистое и гористое.

Если поверхность участка горизонтальна, или имѣетъ незамѣтное для глазъ отклоненіе горизонтальной плоскости, то называется положеніемъ ровнымъ.

Когда участокъ при ровномъ положеніи лежитъ замѣтно ниже общаго уровня всей лѣсной дачи, то положеніе его называется низменнымъ ровнымъ; напротивъ того, если площадь участка находится выше средняго возвышенія площади всей лѣсной дачи, то положеніе такого участка называется возвышеннымъ.

Положеніе участка, защищенное съ какой либо стороны отъ вѣтровъ, замѣчается — въ описи, послѣ опредѣленія отношенія площади участка къ горизонтальной площади, — положеніемъ защищеннымъ съ сѣвера, востока, юга, и такъ далѣе.

Положеніе участка уклоняющееся замѣтно отъ горизонтальной плоскости и составляющее скать горы, показывается скатомъ по странѣ свѣта, къ которой онъ обращенъ; напримѣръ: скать западный, скать восточный, и такъ далѣе.

Если уголъ отклоненія площади ската отъ горизонтальной плоскости будетъ:

отъ 4 — 10°	то положеніе называется пологимъ
— 10 — 20°	— — — покатымъ
— 20 — 30°	— — — крутымъ
— 30 — 40°	— — — весьма крутымъ
болѣе — 40°	— — — обрывистымъ

Если поверхность участка не имѣетъ опредѣленнаго уклоненія отъ горизонтальной плоскости, а мѣстами то возвышается, то понижается, образуя плоскости сходящіяся угломъ, или бугры, холмы и горы, то такое положеніе называется косогорнымъ, холмистымъ, волнистымъ, бугристымъ или гористымъ.

Описывая положеніе почвы, надобно описывать особенныя обстоятельства положенія; напримѣръ: водонемное, подверженное высыханію, вѣтровалу и тому подобное.

Въ описаніи почвы надобно различать составъ ея, напримѣръ почва песчаная, суглинистая, черноземносуглинистая, супесчаная, глинистая, известковая, степень глубины ея и влажности; потомъ въ случаяхъ составляющихъ исключеніе или особенности почвы, записываютъ покровъ почвы, избытокъ сорныхъ травъ, толстый слой иха или задернѣлость и тому подобныя обстоятельства, имѣющія вліяніе на лѣсовозобновленіе.

Степени сырости почвы различают следующие образцы:

Весьма сухая не удерживает долго влажности. На этой почве, по причине излишней ея рыхлости, незначительной глубины, и потому что почва обращена къ вѣтру, или по влутизнѣ положенія, послѣ нѣсколькихъ теплыхъ лѣтнихъ дней влажность совершенно исчезаетъ.

Сухая, въ которой сырость пропадаетъ медленно, тѣмъ въ предъидущей; поверхность обсыхаетъ весьма скоро.

Свѣжая даже въ жаркое время не обсыхаетъ глубже какъ на одинъ футъ, а весною и осенью бываетъ иногда сырою и даже мокрою.

Сырая лѣтомъ не обсыхаетъ совершенно, а весною и осенью въ углубленіяхъ и ямахъ показывается вода.

Мокрая лѣтомъ, при наступленіи на нее ногою, издаетъ воду, а въ сырую погоду осенью или весною вода замѣтна на поверхности.

Опредѣленіе добротности почвы по классамъ было описано уже раиѣе.

Насажденія удобной лѣсной почвы описываются въ слѣдующемъ порядкѣ: означаютъ сначала господствующій возрастъ, то есть возрастъ деревьевъ господствующихъ въ участкѣ, а всѣмъ въ средній арифметическій возрастъ всѣхъ вообще деревьевъ участка. За среднимъ возрастомъ означаютъ въ описи полноту насажденія, выражая ее десятичною дробью; за единицу принимается наибольшая встрѣчаемая въ дачѣ полнота насажденій; если же насажденія устроеннаго дачи видимо нѣрѣжены, порубками, пожарами или другими обстоятельствомъ, то должно ознакомиться съ лѣсными дачами въ окрестности, и относительно къ дѣйствительно найденной, наибольшей полнотѣ насажденій, должно выражать дробью, степень неполноты всѣхъ прочихъ участковъ.

Есть нѣсколько степеней полноты насажденій: густымъ насажденіемъ называется степень полноты участка, при которой деревья стоятъ такъ тѣсно что мѣшаютъ рости одно другому.

Полнымъ насажденіемъ называется то, въ которомъ деревья, отѣняя почву совершенно, не мѣшаютъ взаимному росту и доставляютъ почвѣ и насажденію наибольшую, возможную древесную массу.

Рѣдкимъ участкомъ называютъ тогда, когда деревья находятся въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, что между ними могли бы расти, не препятствуя взаимному росту, еще деревья.

Рѣднѣ есть высшая степень рѣдкаго насажденія.

Прогалина есть площадь удобной лѣсной почвы лишенная какого насажденія.

Если въ насажденіи встрѣчается нѣсколько степеней полноты, или если различные возрасты деревъ встрѣчаются небольшими островками, клумбами, то насажденіе называется кучковатымъ.

Послѣ полноты насажденія, должно перечислить всѣ древесныя породы составляющія насажденіе; при этомъ господствующая порода помѣщается напередъ, а наименѣе встрѣчаемая въ количествѣ всѣхъ прочихъ. За каждую древесную породу отмѣчается въ скобкахъ, возрастъ младшій и старшій, но если въ участкѣ господствуютъ два разныхъ возраста, то ставится между ними союзъ «и», напримѣръ (5—10 и 30—50); если же кромѣ того встрѣчаются въ участкѣ единично старыя деревья, то прибавляютъ знакъ +—напримѣръ дубъ (30—50 и 90—110+180). Всѣ эти знаки и сокращенія весьма важны, потому что имѣя свое условное значеніе, не замедляютъ и не затемняютъ таксаціонной работы многословіемъ.

Количество примѣси каждой древесной породы выражается обыкновенно десятичною дробью; дробь эта ставится предъ наименованіемъ каждой породы.

Послѣ перечисленія породъ обозначаютъ ростъ, суховершинность, сухоподстойность, поврежденность деревъ наѣдомыми; также: количество, благонадежность или угнетеніе (вообще состояніе) подросту, и запасъ годнаго для продаж валежника.

Насажденіе, по степени смѣшенія древесныхъ породъ, называется чистымъ, если въ участкѣ встрѣчается одна древесная порода; смѣшаннымъ, когда въ участкѣ растутъ двѣ или болѣе древесныя породы; смѣшанныя насажденія подраздѣляются на смѣшанно-лиственные, смѣшанно-хвойныя и хвойно-лиственные. Въ смѣшанныхъ насажденіяхъ, древесная порода встрѣчающаяся наиболѣе, называется господствующею, встрѣчающаяся рѣже—подчиненною; если же подчиненная порода составляетъ примѣсъ менѣе одной-десятой части насажденія, то она вкраплена, встрѣчается единично.

Насажденіе состоящее изъ деревъ одного возраста называется одновозрастнымъ; если же состоятъ изъ деревъ различнаго возраста, то разновозрастнымъ.

Древесный запасъ участковъ опредѣляютъ глазомерно, посредствомъ сравненія запаса таксироваемаго участка съ запасомъ вслѣдственныхъ пробныхъ площадей. Запасъ на десятинѣ пишется впо-

редь, обыкновенно въ скобкахъ, а въ скобокъ занесть всего участка.

Запасъ выражается кубическими саженими, считая двѣсти-пятьдесятъ кубическихъ футовъ плотной древесной массы на одну указную сажень.

Средній приростъ, какъ было уже сказано, получается отъ раздѣленія найденнаго древеснаго запаса на средній возрастъ насажденія; но здѣсь надобно предостеречь неопытныхъ лѣсоустроителей, иначе они легко могутъ сдѣлать совершенно ошибочный выводъ. Обыкновенно опредѣляютъ средній, или правильнѣе сказать, господствующій возрастъ участка большимъ числомъ деревьевъ одного какого либо возраста, но какъ масса участка не всегда зависитъ отъ большаго или меньшаго содержанія въ участкѣ деревьевъ господствующаго возраста, то чрезъ раздѣленіе запаса насажденія на возрастъ участка можно получить иногда такой ошибочный выводъ, который при таксаціи дачи допускаемъ быть не можетъ. Объяснимся примѣромъ: если участокъ состоитъ изъ молодаго, пяти и десяти лѣтняго насажденія сосны, среди котораго растутъ единично старыя двухъ-сотъ-лѣтнія деревья, то средній господствующій возрастъ участка будетъ восемь лѣтъ. Запасъ же участка,—молодаго насажденія сосны, положимъ,—тысяча кубическихъ футовъ, старыхъ деревьевъ, полагая по десяти деревьевъ на десятину и въ двѣсти футовъ каждое, двѣ тысячи, всего три тысячи кубическихъ футовъ. Раздѣляя весь запасъ на господствующій возрастъ участка восемь лѣтъ, получимъ средній ежегодный приростъ въ триста-семьдесятъ-пять кубическихъ футовъ на десятинѣ, и сдѣлаемъ при этомъ ошибку на двѣсти-сорокъ кубическихъ футовъ, потому что истинный приростъ участка, получаемый чрезъ раздѣленіе запаса старыхъ и молодыхъ деревьевъ на средній ихъ возрастъ, составляетъ сто-тридцать-пять кубическихъ футовъ на десятинѣ. Поэтому, избѣгая подобной ошибки, при таксаціи участковъ съ значительно различными возрастамп, нужно по соображенію опредѣлять средній приростъ каждаго возраста, и по приведеніи отдѣльныхъ приростовъ въ общую сумму, назначать средній приростъ для одной десятины. При смѣси въ участкѣ разныхъ возрастовъ, приростъ не можетъ быть такъ равномеренъ какъ въ участкахъ болѣе ровныхъ, а потому при таксаціи разновозрастныхъ участковъ надобно упомянуть, будетъ ли исключенный приростъ продолжаться до времени рубки или онъ уменьшится,—въ послѣднемъ случаѣ означать, на сколько именно.

По введении въ таксаціонную опись запаса и прироста участка, таксирующій описываетъ въ статьѣ «распоряженіе» тѣ лѣсохозяйственныя мѣры, которыя кажутся ему наиболѣе нужными для приведенія участка въ правильное, соответствующее очереди квартала, состояніе. Благоразуміе, знаніе правилъ лѣсоводства и лѣсовозобновленія и оцѣнка обстоятельствъ болѣе или менѣе благоприятныхъ тому или другому распоряженію, должны руководить таксирующаго; иначе онъ можетъ назначать распоряженіе невыгодное въ финансовомъ отношеніи, или такое, которое не приведетъ участковъ въ состояніе довольно близкое къ правильному.

Экопомпическій расчетъ долженъ руководить лѣсоустроителя въ выборахъ приличныхъ распоряженій, напримѣръ: старый лѣсъ, попавшій въ отдаленную очередь, не можетъ простоять на корнѣ до наступленія очереди рубки всего квартала, потому участокъ съ старымъ лѣсомъ назначается на срубку въ началѣ перваго періода, а вмѣсто его разводится новый лѣсъ, который до очередной въ кварталѣ срубки успеетъ достигнуть годныхъ для отпуску размѣровъ. Подобнымъ же образомъ всѣ участки съ слѣшкомъ малымъ приростомъ (относительно добротности почвы), насажденія хворыя, суховершиныя и изрѣженныя, должны быть возобновлены въ теченіи первыхъ лѣтъ эпохи лѣсоустройства, если только можно полагать съ достовѣрностію, что вновь возвращаемый лѣсъ приспособитъ къ очередной рубкѣ квартала, и въ такомъ случаѣ участки эти назначаются на вторичную срубку въ концѣ очереди.

Молодые насажденія, попавшія въ кварталъ первой очереди, остаются неприкосновенными въ эпоху лѣсоустройства, достигаютъ возрасту нѣсколько большаго чѣмъ вообще предположено, и назначаются на срубку въ началѣ I очереди слѣдующаго оборота рубки. Насажденія скорорастущихъ породъ назначаются на срубку дважды или еще чаще, въ эпоху лѣсоустройства, когда они послѣ первой срубки замѣняются породами лучшими, когда это позволяетъ почва и когда такое распоряженіе необходимо для увеличенія доходовъ дачи или для образованія въ дачѣ безпрерывнаго полога насажденій.

Для участковъ состоящихъ въ ближайшей очереди, распоряженія записываются обстоятельно и подробно, для другихъ участковъ кратко, но главныя распоряженія, исполненіе которыхъ должно быть въ первый оборотъ хозяйства, записываются непрерывно. Главнѣйшія распоряженія суть: рубка сѣмьлівая, рубка

сплошная, проходная прорубка, вырубка деревь переставших, сухоподстойныхъ и буреломныхъ, вырубка сѣнныхъ деревь, вырубка подлѣска и угнетеннаго подроста, вырубка какой нибудь древесной породы съ цѣлю воспрепятствовать ея размноженію или чтобы способствовать росту молодика; выборка, уборка валежника, культура (сѣвие и сажаніе) и осушка.

Всѣ распоряженія касающіяся рубки лѣса, требуютъ подробнаго означенія всѣхъ сортиментовъ лѣсныхъ матеріаловъ, назначаемыхъ къ отпуску.

Описаніе участка, составляемое въ лѣсу карандашомъ, но прѣходѣ такспрующаго домою вписываются въ особую тетрадь, въ порядкѣ кварталовъ.

По окончаніи сѣмки и таксаціи дачи, приступаютъ ко второй половинѣ работы, собственно компанымъ занятіямъ: своду всѣхъ исчисленій въ одно таксаціонное цѣлое.

Землемѣръ исчисляетъ пространство снятой имъ дачи, въ частности по участкамъ и вмѣстѣ съ такспровавшимъ дачу составляетъ съемочную вѣдомость по слѣдующей формѣ.

№ квартала.	Литера участка.	Средн. возрастъ.		Лѣсная лѣсн.		Угодья.		Неудобная земл.		
				дес.	саж.	дес.	саж.	дес.	саж.	
1	a	50	0,5 сосны, 0,3 ели, 0,2 осины.	00	0000					
	b	10	Береза	00	0000					
	c	—	Моховое болото съ соснами . .	—	—	—	—	0	000	
	d	—	Поносъ	—	—	0	000			
				Подъ рѣчкой N	—	—	—	—		000
				Подъ дорогой	—	—	—	—		000
			Подъ просѣками	—	—	—	—		0000	
			Всего 000 дес. 000 саж. Имени	00	0000	0	0000	00	0000	
2	a	70	0,2 липы, 0,2 дуба, 0,2 клена	00	0000					
	b	100	0,2 осины, 0,1 березы, 0,1 вяза	00	0000					
	c	15	Сосна	00	0000					
			Черная ольха по болоту	00	0000			00	0000	
			Подъ озеромъ	—	—	—	—	00	0000	
			Подъ дорогой	—	—	—	—	00	0000	
			Подъ просѣками	—	—	—	—	00	0000	
			Всего 000 дес. 000 саж. Имени	00	0000	—	—	00	0000	

Въ концѣ вѣдомости общій итогъ по графамъ и общій выводъ пространства всей дачи.

Опредѣленные вычисленія пространства вносятся въ та-

сационную опись, и запасъ и приростъ таксированныхъ участковъ умножается на площадь всего участка. Такимъ образомъ заканчивается таксационная опись, въ которой, во всей подробности, внесены всѣ данныя, необходимыя къ приведенію дачи въ возможно правильное состояніе.

Всѣ послѣдующія вѣдомости составляются уже изъ таксационной описи. Въ вѣдомости удобной лѣсной почвы и прогалинъ требующихъ культуры въ первой графѣ означаютъ номеръ квартала, далѣе литера участка, потомъ графы возрастовъ соответствующія числу принятыхъ періодовъ и наконецъ въ послѣдней графѣ пространство прогалинъ, требующихъ культуры. Такія вѣдомости составляются въ одной общей тетради, для каждой господствующей породы отдѣльно. Форма —

№ квартала.	Литера участка.	Господство сосны въ 120 лѣтнемъ оборотѣ рубки.										Прогалины требующія культуры.					
		I возрастъ 1—20 лѣт.		II возрастъ 21—40 л.		III возрастъ 41—60 л.		IV возрастъ 61—80 л.		V возрастъ 81—100 л.				VI возрастъ 101—120 л.			
		дес.	сам.	дес.	сам.	дес.	сам.	дес.	сам.	дес.	сам.	дес.	сам.	дес.	сам.		
1	a	—	—	00	00	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	b	—	—	—	—	—	—	00	00	—	—	—	—	—	—	00	00
15	c	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
29	d	—	—	—	—	00	00	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40	e	00	00	—	—	—	—	—	—	—	—	—	00	00	—	—	—
54	e	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	00	00	—	—	—
Итого		00	00	00	00	00	00	00	00	—	—	—	00	00	00	00	—

Въ концѣ выводится итогъ по страницамъ и общій итогъ.

Подобно этой вѣдомости составляются и другія для всѣхъ господствующихъ породъ.

Послѣ этой вѣдомости составляются вѣдомости рубки лѣса по періодамъ: по количеству древесной массы и по площади.

Въ вѣдомости рубокъ по количеству древесной массы, разделенной на число графъ принятаго числа очередей рубокъ, каждая графа для вырубокъ въ періодѣ подраздѣлена: для выписыванія рубокъ главныхъ и рубокъ проходныхъ, и въ нее, послѣ означенія номера квартала и литеры участка, выписывается, по порядку нумераціи кварталовъ изъ таксационной описи, въ графѣхъ періодовъ соответствующія времени рубки помѣщаемаго участка, кубическая масса вырубки. Цѣль этой вѣдомости—ясно и коротко показать всю массу вырубокъ, какъ въ частности по періодамъ, такъ и во всю эпоху лѣсоустройства.

Сообразно этой цѣли въ концѣ вѣдомости выводится общій итогъ.

Въ вѣдомости вырубокъ по площади вмѣсто гравъ «рубли главная» и «рубка проходная», подраздѣляя каждую изъ нихъ на двѣ части для означенія десятивъ и сажень, помѣщается пространство вырубаемыхъ участковъ. Такимъ образомъ эти двѣ основныя вѣдомости знакомятъ съ количествомъ и площадью вырубки каждаго періода и всей эпохи лѣсоустройства. Часто при несовѣстнѣ аккуратномъ назначеніи очертей рубки, или по недостатку какихъ-нибудь возрастовъ, итоги рубокъ лѣса по періодамъ сильно разнятся въ древесной массѣ. Въ такомъ случаѣ, для уравненія доходовъ дачи, можно переиѣщать участки изъ одного періода въ другой, не позволяя однако большихъ натяжекъ. Уравненіе вырубокъ по массѣ не имѣетъ впрочемъ слишкомъ большой важности, уравненіе по площади болѣе необходимо.

За составленіемъ вѣдомостей рубокъ слѣдуетъ подробная вѣдомость вырубкамъ лѣса въ теченіи перваго пятилѣтія перваго періода. Въ этой вѣдомости подробно означаютъ всѣ сортименты лѣсныхъ матеріаловъ назначаемые къ отпуску изъ дачи въ теченіи перваго пятилѣтія, разстояніе мѣстъ рубокъ отъ дорогъ и рѣкъ, цѣнность матеріаловъ, основанную на цѣнности лѣсныхъ матеріаловъ соотвѣственныхъ дачъ, и всѣ свѣдѣнія требуемыя отъ смѣты такого рода.

Вмѣстѣ съ вѣдомостью рубокъ перваго пятилѣтія, вѣдомостью дохода или денежною смѣтою составляется вѣдомость культуры и вѣдомость осушекъ (вѣдомости расходовъ). Объ основаніяхъ, на которыхъ составляются эти вѣдомости, мы будемъ говорить послѣ, когда будемъ разсматривать способы возобновленія лѣса и правила осушки болотъ.

Всѣхъ этихъ вѣдомостей далеко достаточно чтобы имѣть ясное понятіе о настоящемъ состояніи дачи, о средствахъ приведенія ея въ возможно правильное состояніе, о величинѣ рубокъ въ каждомъ періодѣ и ежегодно въ первомъ пятилѣтіи, по массѣ и по площади, о ежегодномъ расходѣ и доходѣ дачи.

Правила рубокъ, способы возобновленія, правила осушки болотъ, мѣры охраненія дачи отъ разныхъ поврежденій, однимъ словомъ правила хозяйственнаго обращенія съ лѣсомъ мы будемъ разсматривать въ слѣдующей статьѣ; теперь же перейдемъ къ устройству низкоствольныхъ лѣсовъ.

Низкоствольное хозяйство предпочитается высокоствольному: въ небольшихъ дачахъ, древесныя породы которыхъ могутъ легко возобновляться порослью отъ пней и отпрысками отъ корней, напиримѣръ въ лѣсахъ ольховыхъ, кленовыхъ, ивовыхъ, липовыхъ

и пречихъ; въ мѣстахъ, гдѣ непроницаемый пластъ подпочвы, лежащій близко къ поверхности земли, не допускаетъ возвращенія крупныхъ деревь; въ мѣстахъ, гдѣ недостатокъ лѣса требуетъ скорѣйшаго возвращенія насажденій и гдѣ мелкій матеріалъ имѣеть сбытъ.

Низкоствольное хозяйство вводится съ цѣлю полученія отъ лѣса прутняка, жердей, колевь, коры для дубленія кожъ или для другаго употребленія, и для полученія дровянаго или не слишкомъ толстаго подѣлочнаго лѣсу. По этому низкоствольные лѣса разделяются на *кустарные* и *крупные*; въ первыхъ назначается короткій, а во вторыхъ болѣе продолжительный оборотъ рубки.

Выборъ того или другаго рода возвращенія лѣсу зависить отъ мѣстности, мѣстныхъ потребностей и древесной породы. Соображеніе первыхъ двухъ обстоятельствъ зависить отъ владѣльца лѣса и требуетъ знаній правилъ лѣсоводства; третье же обстоятельство не можетъ быть оставлено на произволь, а потому здѣсь необходимо сказать, что дубъ, грабъ, пихтъ, кленъ, вязъ, береза, ольха, тополь удобнѣе и болѣе пригодны для возвращенія крупныхъ низкоствольныхъ лѣсовъ, а ивы и орѣшникъ для возвращенія кустарныхъ.

Оборотъ рубки низкоствольныхъ лѣсовъ зависить отъ почвы и свойства возвращаемыхъ древесныхъ породъ. Въ лѣсахъ, растущихъ на тощей почвѣ, на которой лѣсъ растетъ быстро только сначала, выгодаѣ пазначать оборотъ рубки болѣе короткій; въ лѣсахъ, гдѣ возобновленіе пней бываетъ трудно, напримѣръ на затопаляемыхъ водою ольховыхъ трясунахъ, оборотъ рубки долженъ быть тѣмъ короче, чѣмъ труднѣе возобновленіе пней; въ березовыхъ лѣсахъ продолжительный оборотъ рубки не можетъ обѣщать выгодъ потому, что береза рано теряетъ свою побѣгопроизводительную способность. Оборотъ рубки для низкоствольныхъ лѣсовъ назначается, смотря по цѣли, съ какой они возвращаются, отъ 1 года до 40 лѣтъ.

Низкоствольные лѣса дѣлятся на лѣсосѣки по числу лѣтъ принятаго обороту рубки.

Лѣсосѣки бываютъ равныя по величинѣ, отдѣляемыя или неотдѣляемыя въ натурѣ и пропорціональныя. О послѣднемъ способѣ дѣленія низкоствольныхъ лѣсовъ мы говоримъ не будемъ, потому что эта хитрая выдумка, не представляя особыхъ выгодъ, часто не оправдываетъ выгоднаго о себѣ мнѣнія.

При раздѣленіи низкоствольныхъ лѣсовъ на лѣсосѣки безъ означенія ихъ въ натурѣ, опредѣляютъ сначала площадь сегодней

лѣсовымъ и время, въ которое каждый изъ участковъ можетъ поступить на вырубку. Низкоствольные лѣса можно дѣлать на дѣльные лѣсовѣки тогда, когда пространство лѣса еще неизвѣстно или можетъ измѣниться, какъ и бываетъ часто съ нашими общинами и перемежеванными лѣсами.

Лѣса, въ которыхъ предполагается возвращать только мелкій матеріалъ,—прутвякъ, колья, жерди, лѣсъ на обручи,—дѣлается на лѣсовѣки по числу лѣтъ (5—20) принятаго оборота рубки или на лѣсовѣки, содержащія въ себѣ вырубку 3, 4 и 5 лѣтъ. Больше значительные лѣса возвращаемые для полученія дровяного и подѣлочнаго лѣсу, дѣлается какъ и высокоствольные лѣса на кварталы, или участки, разумеется, не такъ большіе какъ въ лѣсахъ высокоствольныхъ, въ которыхъ рубку производить отъ 5—10 лѣтъ.

Такие лѣса устраиваются совершенно такъ же какъ лѣса высокоствольные и по тѣмъ же формамъ.

При хозяйствѣ въ низкоствольныхъ лѣсахъ необходимо знаніе выгоднаго времени рубки лѣсу, и способовъ рубки и уборки въ подлежащее время лѣса срубленнаго. Отъ соблюденія этихъ условій зависитъ полученіе обильныхъ отпрысковъ и поросли, помощію которыхъ возобновляются низкоствольные лѣса.

Много было споровъ между опытными лѣсоводами о выгодахъ времени рубки низкоствольныхъ лѣсовъ, но положительнаго ничего не было рѣшено по этому предмету. Низкоствольные лѣса рубятся обыкновенно между временемъ опаденія и появленія листа; впрочемъ и при рубкѣ осенью, зимою и рано весною получается тоже обильная и надежная поросль. Не подчиняя время рубки низкоствольныхъ лѣсовъ лѣсоводственнымъ правиламъ, лучше сдѣлать его зависимымъ отъ хозяйственныхъ обстоятельствъ.

Въ лѣсахъ возвращаемыхъ для полученія дубовой и ивовой коры, также прутвяка для плетенія корзинъ, рубку лучше производить въ сочное время (поздней весною) когда со стволовъ и сучьевъ кора сдирается удобно.

Въ ольховыхъ трясицахъ, затопляемыхъ водою, рубать лѣсъ зимою когда вода покрыта льдомъ.

Въ мѣстахъ гористыхъ, гдѣ обыкновенно лежитъ глубокій снѣгъ, рубку производить весною или осенью, потому, что при глубокомъ снѣгѣ бываетъ трудно рубить деревья близко къ землѣ, они при срубкѣ легко разщеляются и срубленный лѣсъ часто заносится снѣгомъ.

Когда срубленный лесъ, по какимъ либо обстоятельствамъ, долженъ пролежать въ лесу годъ, два или болѣе, лучше назначить вырубку прутьяка зимою, нежели поздно весною.

Деревья въ низкоствольныхъ лесахъ должно рубить какъ можно ниже, чтобы получить поросль какъ можно ближе къ землѣ.

Отъ низкой рубки деревъ зависитъ не только долговѣчность пней, но и количество и качество появляющейся поросли, потому что каждый побѣгъ, подымающійся на пнѣ близко къ землѣ, украшается болѣе собственными корнями и растетъ лучше побѣга выходящаго высоко.

Пни въ такихъ случаяхъ возобновляются сами собою и порча старыхъ пней не имѣетъ большаго вліянія на ростъ побѣговъ.

Но не всегда можно рубить низкоствольные леса низко; такъ напримѣръ, низко нельзя рубить старыхъ деревъ, потому что пни ихъ имѣя очень толстую кору, не могутъ давать поросли возлѣ самой земли; также деревья, которыя въ старомъ возрастѣ не даютъ поросли на пнѣ и корневыхъ отпрысковъ, при рубкѣ такихъ породъ на старомъ пнѣ оставляютъ молодые пеньки. Въ ольховыхъ трясинахъ деревья должно рубить такъ высоко, чтобы пни не затоплялись совершенно водою, во время образованія поросли.

При рубкѣ низкоствольныхъ лесовъ нужно особенно стараться, не повредить пней. Срубъ дерева долженъ быть гладокъ, безъ расщеповъ пня и безъ поврежденій коры. Для этого нужно употреблять орудія острия, рубить деревья снизу вверхъ, косвенно къ землѣ, не сгибая притомъ ствола всторону. Если деревья довольно толсты, то ихъ рубятъ съ обѣихъ сторонъ, снизу вверхъ, чтобы середина отрубка возвышалась наподобіе кровли. Тонкіе стволы не рубить, а лучше срѣзывать снизу вверхъ для чего употребляютъ орудія легкія, а не тяжелые топоры. При глубокомъ снѣгѣ и въ сильныя морозы не рубить вовсе низкоствольныхъ лесовъ, потому что тогда остаются высокіе пни, и порча коры и пней будетъ неизбѣжна.

Срубленный лесъ не должно оставлять въ лесосѣкахъ и на пняхъ до времени появленія поросли. Если по какимъ нибудь причинамъ срубленный лесъ не могъ быть вывезенъ къ этому времени изъ дачи, то распорядиться вывозкою его изъ лесосѣкъ, и складывать по дорогамъ и такимъ мѣстамъ, съ которыхъ вывозка его можетъ быть произведена безъ поврежденія появляющейся и растущей поросли.

Разсмотримъ теперь способы хозяйства въ низкоствольныхъ лѣсахъ въ частности, по породамъ.

Дубовые низкоствольные лѣса возвращаются обыкновенно для полученія коры на дубленіе кожъ и оборотъ рубки для такихъ лѣсовъ назначается отъ двѣнадцати до восемнадцати лѣтъ. Рубку этихъ лѣсовъ производятъ весною, въ соку, когда начнутъ разверзаться почки: въ это время кора сдирается весьма удобно. Теплые дождливые дни для рубки дубяковъ удобнѣе холодныхъ.

Кора со стволовъ и пней сдирается или до рубки насаждений или послѣ. Въ первомъ случаѣ очистивъ стволъ отъ вѣтвей дѣлаютъ на мѣстѣ сруба ствола подрѣзъ и сдираютъ кору снизу вверхъ до вершины, однако такъ, чтобы кора еще держалась на деревѣ; содраную или подобранную такимъ образомъ кору оставляютъ на деревѣ для просушки. Если кору предполагается сдирать по срубкѣ деревъ, то необходимо наблюдать, чтобы срубалось только такое количество деревъ, съ котораго кора можетъ быть содрана въ тотъ же день, потому что на другой день кора сдирается уже не такъ легко.

Дубовые низкоствольные лѣса возвращаемые для полученія жердяка срубаются въ оборотъ рубки отъ десяти до сорока лѣтъ. Короткіе обороты рубокъ для дубяковъ выгоднѣе потому, что дубовая поросль растетъ въ молодости скорѣе, и потому что дубовые кустарники при продолжительномъ оборотѣ рубки очень изрѣживаются.

Березовые низкоствольные лѣса возвращаются для полученія прутняка и жердяка или кругляка, въ первомъ случаѣ оборотъ рубки для нихъ назначается отъ пяти до десяти лѣтъ, во второмъ отъ десяти до пятнадцати и тридцати лѣтъ. Въ березовыхъ низкоствольныхъ лѣсахъ съ болѣе продолжительнымъ оборотомъ, всегда засыхаетъ много старыхъ пней; поэтому при рубкѣ такихъ лѣсовъ необходимо оставлять на лѣсосѣкахъ сѣмяныя деревья (отъ двадцати до тридцати на десятины), чтобы всходомъ изъ сѣмянъ замѣнить засыхающіе пни.

Если почва на лѣсосѣкахъ покрыта травой, мхомъ, толстыми слоями опавшаго листа, то ее необходимо, очистивъ отъ покрова, приготовить къ принятію сѣмянъ.

Низкоствольные березовые лѣса возвращаемые для полученія колевъ на обручи, необходимо содержать въ возможной густотѣ чтобы получить колья совершенно прямые, тонкіе и ровные.

Рубать березовые низкоствольные лѣса рано весною до движенія соковъ или осенью.

Ольховые низкоствольные лѣса возвращаются или при болѣе кратковременномъ (двадцати-лѣтнемъ) оборотѣ рубки или при срока и даже пятидесяти-лѣтнемъ. Кратковременный оборотъ рубки для ольховыхъ низкоствольныхъ лѣсовъ выгоднѣе оборота продолжительнаго, потому что въ ольховыхъ лѣсахъ съ длиннымъ оборотомъ рубки засыхаетъ много старыхъ пней, а замѣна ихъ новыми весьма трудна.

Оставлять при рубкѣ такихъ лѣсовъ сѣмянные деревья бываетъ мало полезно: трава въ ольховыхъ лѣсахъ покрываетъ почву обыкновенно довольно густо и сѣмена не достигаютъ земли, а вырубкой и вывозкой оставленныхъ сѣмянныхъ деревьевъ причиняется молодому всходу, вообще хрупкому и ломкому, много вреда.

Древесной массы получается болѣе при короткомъ оборотѣ рубки, но такой оборотъ не всегда назначается потому что мелкій лѣсъ не вездѣ имѣетъ сбытъ.

Ольховые низкоствольные лѣса рубятся болѣею частію зимою. Въ сильные морозы не слѣдуетъ допускать рубки ольховыхъ низкоствольняковъ, потому что ольха вообще очень хрупка, въ морозы ломается и щелится еще легче, и порча пней въ такихъ случаяхъ всегда неизбѣжна.

Ивовые низкоствольные лѣса получаютъ оборотъ рубки отъ шести до шестнадцати лѣтъ, но прутья для плетенія корзины рѣжутся ежегодно.

Обыкновенно, имѣя въ виду не ослабить производительной способности пней, соединяютъ возвращеніе прутняка для плетенія корзины съ возвращеніемъ фашинника и сучьевъ для обручей, и рѣжутъ на лѣсоуѣкѣ годъ или два тонкія вѣтви, а потомъ запускаютъ поросль на нѣсколько лѣтъ для фашинника или на обручи.

Ивовые кустарники содержатъ обыкновенно въ густотѣ и пополненіе участковъ производятъ черенками и отводками. Рубку ивняковъ производятъ весною и притомъ такимъ образомъ, что вѣтви съ каждаго пня срѣзываются дѣ-чиста. Вообще низкая рубка деревьевъ заслуживаетъ здѣсь особеннаго вниманія, потому что при этомъ образуется болѣе корневыхъ отпрысковъ и возобновленіе ивняковъ не требуетъ тогда особенной заботливости.

Орѣховый кустарникъ возвращается для полученія колець на обручи и сучьевъ для плетенія корзины. Оборотъ рубки назначается для него отъ десяти до двадцати лѣтъ; продолжительный оборотъ рубки орѣховаго кустарника невыгоденъ. Рубка орѣш-

Лесная продукция производится с ноября до марта; пни оставляются на выделке одного дрова; дополнение производится обыкновенно отводками.

Если хозяйство лесостроительное ведется в лесах смешанных, то рубку и другие приемы хозяйства соображают с свойствами главной древесной породы.

V.

КРИТИКА.

=

ОПЫТЪ О НАРОДНОМЪ БОГАТСТВѢ И НАЧАЛАХЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Сочиненіе Александра Бутовскаго. Санктпетербургъ, 1847. Три части.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

Въ самомъ ли дѣлѣ, хлеба на землѣ такъ много, что онъ можетъ сдѣлаться основаніемъ свободной международной торговли и источникомъ тѣхъ благъ, которыхъ теорія отъ нея ожидаетъ? Что хлебъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предметомъ *постоянной* и правильной международной мѣны, это уже мы видѣли; мы видѣли, что тогда нужно было бы допустить постоянный голодъ у некоторыхъ народовъ и постоянный кризисъ во всемирной торговлѣ. Но можетъ ли хлебъ, предположивъ даже идеальное совершенство торговли, не доступное ни какимъ всеобщимъ и моднымъ спекуляціямъ, которыя всегда влекутъ за собою кризисы, можетъ ли хлебъ и при такихъ даже свыше-человѣческихъ

условіяхъ благоустройства и благоразумія коммерціи составить для ней такую статью, на которой бы мануфактурная промышленность могла основывать свои расчеты международной мѣны? Другими словами: можно ли однимъ народомъ производить хлѣбъ нарочно для того чтобы вымѣнивать на него все нужныя имъ заграничныя издѣлія, а другимъ производить издѣлія нарочно для мѣны на заграничный хлѣбъ? Въ этомъ-то и вопросъ! Для такого порядку дѣлъ, который пылкимъ теоретикамъ кажется верховнымъ блаженствомъ и для земледѣльа и для мануфактурной промышленности, нужно, разумѣется, предположить въ то же время, что хлѣба, всегда готоваго для международной торговли, лежитъ на землѣ запасъ совершенно достаточный для уплаты имъ произведеній мануфактурнаго труда; что торговая цѣнность этихъ ежегодныхъ хлѣбныхъ запасовъ равна торговой цѣнности ежегоднаго производства фабрикъ или, по-крайней-мѣрѣ, соразмѣрна съ нею. Между тѣмъ что же мы видимъ на опытъ?... Ту несомнѣнную истину, что между двумя цѣнностями нѣтъ ни какой логической соразмѣрности; что цѣнность того хлѣба, который все народы земныя могутъ отъ своихъ потребностей отклонить въ пользу международной торговли, не составляетъ и десяти-тысячной части цѣнности издѣлій, поступающихъ отовсюду въ эту торговлю; что надобно только удивляться, какъ могла всеобъемлющая теорія придавать столько важности такой ничтожной статьѣ какъ хлѣбъ въ международной мѣнѣ! Для некоторыхъ, съ перваго слова, это покажется парадоксомъ. Но если они возьмутъ въ руки свои карманные часы и разсмотрятъ ихъ внимательно, то сами убѣдятся въ удивительной ничтожности торговаго достоинства того что производитъ зерновое земледѣліе передъ торговымъ достоинствомъ того, что мануфактурная промышленность бросаетъ въ международную мѣшу. Выгляните на этотъ стальной волосокъ, который служитъ въ часахъ пружиною движенія; онъ стоитъ цѣловѣкъ. Магнотникъ въ-сеу идетъ 100 такихъ волосковъ. Следовательно фунтъ стальныхъ часовыхъ пружинокъ будетъ стоить 8,600 рублей серебромъ, тогда какъ фунтъ лучшей стали стоить 25 копейкъ.

Одинъ человекъ, съ маленькой машинкой и сотнею пудовъ угля можетъ въ теченіи года очень свободно производить полосу стали въ фунтъ часовыхъ волосковъ который, тотчасъ же поступить все въ обороты международной мѣны: одинъ человекъ, поэтому, произведетъ, въ годъ, мануфактурнаго издѣлія на 9,600 рублей серебромъ. Сколько, въ то же самое время, въ годъ, одинъ человекъ добудетъ изъ земли хлѣба для международной мѣны, за вычетомъ того количества, которое нужно ему на собственное свое пропитаніе? На цѣлковый! И этого много. Въ общей народной массѣ, которую прежде всего надо прокормить истрѣтными, домашними зерномъ, онъ добудетъ хлѣба для заграничной торговли копейки на тридцать, не болѣе, въ самый благоприятный годъ. Этотъ примѣръ совершенно достаточенъ для того чтобы, приблизительно, но ясно примѣнить ужасную неравномерность цѣны плодовъ чистаго человеческого искусства, дѣйствующаго съ безусловною независимостью, и плодовъ грубаго, невѣрнаго дѣла, гдѣ искусство играетъ роль самую незначительную, и гдѣ все зависитъ отъ песка, солнца, воздуха, вѣтру, червей и тысячи другихъ случайностей. Разумѣется, дѣлать часовые волоски было бы выгоднѣе всего на свѣтъ: къ сожалѣнію, свѣтъ нельзя заниматься ихъ выдѣлкою, потому что, тогда, на свѣтъ были бы одни только часовые волоски. Другія статьи мануфактурнаго труда далеко не такъ выгодны; но все же неизмѣнно выше произведеній земледѣлія относительно къ торговому достоинству. Надо взять то и другое въ общей массѣ, чтобы составить себѣ ясное понятіе о разницѣ. Одна Англія вывозитъ издѣлій своихъ за границу болѣе чѣмъ на 1,000 милліоновъ рублей серебромъ; если бы все прочіе государства земнаго шара представляли международной мѣнѣ не болѣе одной Англіи, то и тогда уже общая масса издѣлій въ мѣнѣ превосходила бы цѣнность 2,000 милліоновъ рублей. А сколько всемірное земледѣліе доставляетъ этой международной мѣнѣ своего зерноваго товару?—Въ крайнемъ случаѣ, когда нужда дѣйствительно до зарвау, оно доставляетъ ей на 90 или на сто милліоновъ рублей, какъ мы это сейчасъ увидимъ въ расчетъ. Въ иной

чай оно не въ состояніи доставить в десятый часун этого. Выходить, что во всеобщей коммерціи чай — статья важнѣе хлѣба.

Такъ о чемъ же теорія такъ ужасно хлопочетъ, изображая безпрепятственное и безошлвное обращеніе хлѣба основаніемъ: свободной международной торговли и всѣхъ будущихъ благъ промышленности мануфактурной и земледѣльа? Зачѣмъ она скорее не беретъ чаю въ основаніе этого обѣтованнаго рая? Чай, какъ средство международной мѣны, гораздо вѣрнѣе хлѣба, и для мануфактурной промышленности, и для вообщей торговли, и для самаго земледѣльа. Всеобщая торговля знаетъ съ достовѣрностью, сколько нужно чаю для годичнаго потребленія, которое и въ нынѣшнемъ году то же самое, какое было въ прошломъ, и какое опять окажется въ будущемъ, съ самою незначительною разницею. Я, фабрикантъ, могу смѣло производить моего издѣлія столько, сколько позволяетъ капиталъ, если вы меня обезпечите, что все мое издѣліе я могу тотчасъ промѣнять, гдѣ ни захочу, на чай, который я опять промѣню на деньги: чай въ такомъ случаѣ — чистое золото. На обѣщаніе промѣнять издѣліе мое на зерновой хлѣбъ я не могу такъ смѣло работать: на слѣдующее лѣто хлѣбъ у васъ пропадетъ — его истребитъ засуха — поѣстъ червь — поѣстъ градъ — вымочитъ слякоть, и вы моихъ издѣлій не возьмете: не на что вамъ мѣняться со мною. Да и мой сосѣдъ земледѣлецъ, когда у него не уродится хлѣбъ, при чаѣ не умретъ голодною смертію, потому что чай — спросите химиковъ — по питательности равенъ мясу, а на чай неурожаю быть не можетъ: чай — произведеніе не земледѣльческое. Васъ это удивляетъ? Но вспомните только, что для чаю собираются самыя первыя листья съ дерева, лишь только начинаютъ они раскрываться: все остальное составляетъ искусство приготовленія этихъ листочковъ; земледѣльческаго труда здѣсь нѣтъ; земледѣльческихъ случайностей бояться нечего; снѣгъ ли, морозъ ли, засуха ли, все равно, рано или поздно деревья «когда-нибудь» начнутъ распускаться и вы соберете первыя листья, матеріалъ для вашей чайной фабрики, которая въ точности то же, что

Фабрика для свекло-сахарнаго или шеллопрядильнаго производства. Если чай считаете вы произведеніемъ земледѣльческимъ, потому только что чайное дерево растетъ на землѣ, то и ножъ будетъ неотъемлемый плодъ земледѣлья: желѣзная руда тоже собирается съ земли! Чай — издѣлье; и потому-то именно онъ способенъ хлѣба быть основаніемъ международной мѣны, для которой чисто земледѣльческое произведеніе, хлѣбъ, статья совсѣмъ не важная и, по невѣрности своей, весьма опасная. Мы не стоимъ за чай; теорія можетъ дѣлать съ нимъ что угодно. Мы только хотѣли показать, что если бы теорія, въ своихъ умствованіяхъ о свободной торговлѣ, слово «хлѣбъ» вздумала замѣнить словомъ «чай», смыслъ и логика этихъ умствованій остались бы тѣ же. Чѣмъ и доказывается, что она умствуетъ на-угадъ. Она мечтаетъ, а не разсуждаетъ. Она запальчиво проповѣдуетъ свободу торговли, не сообразивъ и не имѣя понятія, чѣмъ свободная международная мѣна можетъ быть въ практикѣ и какого собственно роду обороты могли бы составлять её.

Теорія нѣкогда забрала себя въ голову, что если не запретить плотно границъ отъ иностраннаго хлѣба, то онъ каждую весну нахлынетъ на государство грозною волною и въ нѣсколько лѣтъ уничтожитъ отечественное земледѣліе, потому, дескать, что иностраннаго хлѣба у иностранцевъ — бездна, цѣлая пучина эіопская. И вотъ всѣ государства, по совѣту теоріи, плотно заперли свои границы противъ коварнаго врага отечественныхъ земледѣлій, для ихъ блага и процвѣтанія. Но дѣйствіе этой мѣры оказалось не согласнымъ съ предвѣщаніями теоріи. Отечественныя земледѣлія, подъ кровомъ запрета, продолжали по-прежнему не радѣть о своемъ усовершенствованіи и о выгодахъ другихъ промышленности; они нашли для себя прибыльнѣе не производить много хлѣба, чтобы удержать продуктъ свой въ высокой цѣнѣ. Увидѣвъ, что отъ запрета, количество зерноваго хлѣба не умножается, теорія спохватилась и, торжественно разрушая свое старое зданіе, стала доказывать противное. Теперь увѣряетъ она, что надо открыть границы иностранному хлѣбу, все въ той же старинной увѣренности, что хлѣба этого у иностран-

цель — та же лучшая эгоистическая. Она рассчитала про себя, что какими образомъ мануфактурное народонаселеніе будетъ кормиться или дешево, а за хлѣбъ этотъ заплатить оно иностранцамъ своими мадьялами, для чего и нужна иная свободная международная мѣна. За тѣмъ слѣдуетъ исчисленіе всякъхъ благъ, которыя отъ такого порядку дѣлъ получаютъ особенная торговля, отечественныя мануфактуры, земледѣліе хлѣбородныхъ иностранцевъ, весь родъ человѣчскій. Но и это новое ученіе — такая же ложь какъ и то, нынче разрушенное, старое. Теорія и здѣсь въ разладѣ съ дѣйствительностью. Привозный хлѣбъ всегда былъ и будетъ дорогъ: мы выдѣли почему. Привозный хлѣбъ всегда былъ и будетъ горькъ, выраженіемъ народнаго бѣдствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасною помѣхою для правильнаго теченія торговли, которой съ перваго появленія своего онъ уже грозитъ кризисомъ. Привозный хлѣбъ не можетъ напугать отечественнаго земледѣлія: издали онъ можетъ показаться ему страшнѣйшимъ, но вблизи — хорошо сообразившись, оно увидитъ, что по тѣмъ цѣнамъ, въ какія обходится привозный хлѣбъ, ему чрезвычайно выгодно производить у себя зерновой товаръ для продовольствованія всѣхъ классовъ народа; что оно можетъ производить его и гораздо болѣе чѣмъ нужно на ежедневный обиходъ, не портя этимъ хорошихъ цѣнъ; что оно въ состояніи даже продавать его дешевле иностраннаго съ прекраснымъ для себя барышомъ. По всѣмъ официальнымъ и ученымъ изслѣдованіямъ, обнародованнымъ втеченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, никогда привозный хлѣбъ не обошелся англійской торговлѣ дешевле пятидесяти—пяти шиллинговъ за кварталъ, то есть, 14 рублей за четверть, к которой, принявъ въ расчетъ всѣ порчи и траты, на мѣстныхъ рынкахъ ниже 18 рублей не возможно было продавать безубыточно; когда, въ прошломъ году соперничество и крайняя нужда торговли, занутившейся въ хлѣбныхъ спекуляціи, понизили цѣну привозной четверти до 10 рублей серебромъ, это уже было начало банкротства и кризиса. Но англійское сельское хозяйство очло бы себя весьма счастливымъ, если бы оно всегда, сколько ни производитъ, могло продавать четверть

по 18 рублей! На такомъ условіи вся капиталы и всѣ руки обратились бы къ земледѣлю. Но если привозный хлѣбъ, на самомъ дѣлѣ, такъ не страшенъ своему сельскому хозяйству, если оно въ состояніи поставлять свой зерновой товаръ съ выгодною по тѣмъ же цѣнамъ, и даже дешевле, такъ что же тутъ выигрываетъ международная мѣна отъ безпошлинныхъ оборотовъ хлѣбомъ? что выигрываютъ отечественная мануфактурная промышленность и иностранное земледѣліе? Земледѣліе это не въ силахъ соперничать съ туземнымъ на мѣстномъ рынкѣ и торговля не возьмется возить туда хлѣбъ его съ убыткомъ для себя. Мануфактурной промышленности нѣтъ возможности мѣнять свои издѣлья съ иностранцами на такой хлѣбъ, который стоитъ дороже отечественнаго. Разрѣшеніе свободной хлѣбной торговли, послѣ первой суматохи, не производитъ ни какого измѣненія въ существующемъ порядкѣ дѣлъ: все идетъ такъ же, какъ шло, и въ надеждѣ на свободный торгъ хлѣбомъ ни отечественнымъ мануфактурамъ нельзя безъ риска сдѣлать лишняго ножка, ни иностранному хлѣбопашеству произвести лишняго четверика. Есть ли свободная хлѣбная торговля, нѣтъ ли ея, все равно: для привозу иностраннаго хлѣба нужно по-прежнему ждать голоду, бѣдствія въ равной степени гибельнаго для мануфактуръ, для торговли, для земледѣлія, для всѣхъ. Въ послѣднемъ результатѣ всеобщая свободная торговля хлѣбомъ должна оказаться полезною одному только англійскому сельскому хозяйству, которое нынче употребляетъ слишкомъ мало рукъ и впередъ станетъ внимательнѣе смотреть за своими успѣхами, за своимъ совершенствомъ, за своей постоянной соразмѣрностью съ отечественными нуждами. Другими словами полезною она будетъ одной только англійской аристократіи, въ рукахъ которой находится почти все сельское хозяйство страны. А если мы не ошибаемся, вся теорія вольнаго торгу хлѣбомъ, съ которымъ связанъ и вольный торгъ всѣмъ прочимъ, единственно противъ нея и направлена. Значитъ, теорія такъ усердно работаетъ для своего врага?... Съ теоріями это часто случается.

Почему привозный хлѣбъ никогда не можетъ быть деше-

вле отечественнаго? По весьма простой причинѣ: лишняго, остающагося отъ мѣстныхъ нуждъ хлѣба чрезвычайно мало на свѣтѣ, даже и у народовъ самыхъ земледѣльческихъ. Человѣкъ не въ силахъ произвести хлѣба гораздо болѣе противъ того, что нужно ему самому лично, на собственное свое продовольствіе: природа — земля, солнце и воздухъ — не позволяютъ. Народонаселеніе не соразмѣряется со средствами страны къ продовольствію: это — пустая фраза, которой настоящаго смысла не могутъ опредѣлить ни тѣ, которые ее выдумали, ни тѣ, которые повторяютъ ее. Человѣкъ всегда добудетъ изъ земли, воды и воздуха, сколько ему нужно на свое пропитаніе, но не болѣе. Природа совсѣмъ не такъ безсмысленна, какъ предполагаетъ политическая экономія: она не дала бы человѣку способности размножаться до безконечности, если бы въ его умъ, искусствъ, трудъ, въ свойствахъ земли и воздуха, въ организациіи питательныхъ растений, не заключалось въ то же время безконечныхъ средствъ къ удовлетворительному пропитанію его породы. Одины уже тотъ фактъ, что умъ и искусство человѣка развиваются всюду соразмѣрно съ нуждою, а нужда соразмѣрно съ размноженіемъ народонаселенія, достаточно показываетъ, что средства къ пропитанію заключены природою въ его умъ и искусствъ, а не въ *странь*, гдѣ онъ обитаетъ. Въ нужномъ случаѣ, человѣкъ создаетъ себѣ *страну* на голомъ камнѣ, подъ облаками, принесши туда горсть земли, какъ Швейцарецъ и Друзъ, или на водѣ какъ Китаецъ, и не умираетъ съ голоду, какъ скоро захочетъ хорошо трудиться. Нѣсколько квадратныхъ сажень земли даютъ ему достаточное количество питательныхъ растений, при умѣнии развить ихъ превосходно и охранить надежно. Но гдѣ бы онъ ни былъ, какъ бы ни трудился, лишняго не произведетъ онъ по этой части. Ни въ какомъ обществѣ не могутъ заниматься земледѣліемъ всѣ: между-тѣмъ какъ семь или восемь человѣкъ пахутъ и сѣютъ, три или два должны помогать имъ наготовленіемъ того, на что у нихъ не достаетъ времени, для ихъ же здоровья и крѣпости, обдѣлкою для нихъ орудій и утвари, поддержаніемъ въ нихъ бодрости духа и охоты къ труду,

составленіемъ капиталовъ денежныхъ и умственныхъ, охраненіемъ вокругъ нихъ безопасности и порядку. Земледелецъ— всегда и вездѣ главное лицо; весь прочіе—только его слуги и помощники, и онъ по необходимости долженъ ихъ прокормить. Продовольствуя ихъ, онъ только себя продовольствуетъ. Вопросъ теперь состоитъ въ томъ, сколько вокругъ известнаго числа земледѣльцевъ можетъ или должно быть такой прислуги, для того чтобы они работали успешно прокормили ее удобно.

Въ Англіи на 2-хъ земледѣльцевъ завелось по 3 помощника. Опытъ доказываетъ, что этого слишкомъ много. Два земледѣльца, при всемъ возможномъ трудѣ и искусствѣ, не могутъ продовольствовать надежно и себя и троихъ товарищей общей народной жизни; при малѣйшемъ неурожаѣ одинъ или два товарища земледѣльцевъ остаются безъ хлѣба.

Во Франціи 3 человека занимаются земледѣліемъ, а 2 помогаютъ ему своимъ умомъ, искусствомъ или храбростью. При всемъ превосходствѣ климата и почвы, при всей воздержности народа, — обстоятельство чрезвычайно важное, потому что воздержность въ послѣднемъ результатѣ равна искусству, — три земледѣльца успѣваютъ произвести только то количество хлѣба, которое необходимо нужно для того чтобы они и два ихъ прислужника не боялись голоду въ случаѣ первой неблагоприятной погоды. Превосходный трудъ французской статистической комиссіи неоспоримо удостоверишь, что лишняго вовсе не производится; вывезти нельзя ничего безъ опасенія оголодать этимъ которую-нибудь часть государства.

Въ Россіи 4 человека занимаются сельскимъ хозяйствомъ, а только одинъ служитъ имъ помощникомъ. Такъ велятъ климатъ. Перенесите Россію во Францію: отъ зерноваго земледѣлія одинъ человекъ тотчасъ отдѣлится къ виноградникамъ, и три человека принуждены будутъ продовольствовать хлѣбомъ пятерыхъ. Можно сказать, что и въ Россіи одинъ изъ четырехъ земледѣльцевъ работаетъ въ виноградникахъ—на сивуху—и что пропорція земледѣльцевъ къ ихъ

помощникамъ у насъ та же что и во Франціи; 3 и 2. А между-
 тьмъ климатъ у насъ—далеко не французскій! Если въ некото-
 рыхъ частяхъ Россіи являютъ необыкновенную плодородность
 черноземной почвы, зато сколько обширныхъ полей съ поч-
 вою неблагоприятною и почти безплодною, совершенно стоя-
 щихъ средней и южной Франціи, а пространствомъ прево-
 сходящихъ все это государство! Коротко сказать, по всѣмъ
 логическимъ, статистическимъ, и географическимъ даннымъ,
 въ европейской Россіи, сравнительно съ народонаселеніемъ,
 не можетъ родиться хлѣба больше чѣмъ во Франціи; то есть,
 на каждыя 5 человѣкъ надъ должно родиться равна сто-
 лько, сколько нужно на приличное продовольствіе пятерыхъ,
 изъ которыхъ четверо (со включеніемъ винодѣльца) занима-
 ются хлѣбопашествомъ. Судя à priori, иначе заключить нель-
 зя. И факты подтверждаютъ это заключеніе. Не видимъ ли
 мы на опытѣ, что у насъ достаточно двухъ неурожайныхъ
 годовъ сряду, чтобы обнаружился голодъ. Въ эти неуро-
 жайные годы не все же пропадаетъ: недочетъ въ обычномъ
 урогѣ жатвъ, собственно, бываетъ незначителенъ, но и этотъ
 недочетъ уже падаетъ ужаснымъ дѣйствіемъ на народонасе-
 леніе. Изъ чего видно, что самый лучший урожай даетъ
 очень малый излишекъ противъ текущихъ потребностей
 мѣстнаго народонаселенія, излишекъ едва-едва достаточный
 на пополненіе недочету слѣдующей жатвы, по-обыкновенію,
 менѣе благоприятной, — потому-что два урожайныхъ года
 также рѣдки какъ два неурожайныхъ, изъ постоянного же
 наблюденія извѣстно, что изъ четырехъ годовъ одинъ всегда
 бываетъ совсѣмъ неурожайный. Быстрое повышеніе цѣны
 на хлѣбъ, при малѣйшей невѣрности отличныхъ жатвъ или
 при самомъ незначительномъ запросѣ на нашъ хлѣбъ изъ-
 за границы, не доказываетъ ли опять, неоспоримо, что из-
 лишекъ этотъ очень скудепъ? Самая неудача запасныхъ хлѣб-
 ныхъ магазиновъ—не ясное ли доказательство того, что из-
 лишка почти нѣтъ. Авторъ «Опыта», подобно нѣкоторымъ
 другимъ благонамѣреннымъ мечтателямъ, обвиняетъ русска-
 го поселянина въ безвѣчности и нерадѣнія, утверждая, буд-
 то онъ, по собственной своей вѣдѣ, не умѣетъ въ урожайное

время сохранить избытокъ сбора на черный годъ. Но вѣдь не въ воду же бросаетъ нашъ земледѣлецъ этотъ избытокъ? Если бы избытокъ противъ местныхъ нуждъ действительно былъ таковъ, какъ некоторые предвѣщаютъ, то съ-тѣль-портъ какъ Россія существуетъ, онъ бы накопился до того, что нашъ сѣверъ представлялъ бы одну огромную кучу хлѣба, вышиною до облаковъ. Мы этого еще не видимъ. Самой маленькой кучки, при всѣхъ нашихъ усиліяхъ, накопить намъ не удастся. Значитъ, кто-нибудь съѣдаетъ этотъ мнимый избытокъ тутъ же, на мѣстѣ, и съѣдаетъ его по-необходимости. Въ особенныхъ мѣстностяхъ, при особенныхъ мѣрахъ, запасные магазины въ некоторой степени возможны, но они составляютъ отнюдь не безъ ущерба для правильности общаго потребленія въ государствѣ: кто-нибудь долженъ тутъ кушать меньше въ это самое время, какъ вы поите у себя запасъ. И, действительно, не случается ли безпрестанно, что между-тѣмъ какъ въ одной области запасные магазины болѣе или менѣе снабжены зерномъ, въ другой, весьма недалекой, страдаютъ дороговизною и недостаткомъ въ зернѣ? Ясно, что запасъ этотъ—не избытокъ, а только несовершенное распредѣленіе наличнаго зерна между отечественными потребителями. Если въ одной какой-нибудь мѣстности, необыкновенно урожайной, иногда бываетъ лишняго для ней хлѣба примѣтно много, такъ не должно еще изъ этого дѣлать общаго правила для всей страны; не должно забывать, что, въ природѣ, черезъ два градуса широты или долготы разница въ климатѣ и въ атмосферическихъ перемѣнахъ уже весьма ошутительна. Когда у васъ погода прекрасна, и урожай великолѣпенъ, вы можете быть увѣрены; что за двѣсти верстъ отъ васъ въ которую-нибудь сторону и то и другое претерпѣваетъ измѣненіе. Примѣры ровныхъ урожаевъ на пространствахъ, нѣскольکو значительныхъ, чрезвычайно рѣдки. Если бы европейская Россія была покрыта во всѣхъ направленіяхъ желѣзными дорогами и каналами, подобно Англіи, такъ, чтобъ хлѣбъ могъ равно распредѣляться по всему пространству, пѣна продовольственнаго зерна, ровная и довольно высокая, удостовѣрила бы всѣмъ

каго, что излишковъ противъ домашней нужды ни какихъ не бываетъ. Тогда запасныя магазины стали бы невозможными и въ самыхъ урожайныхъ мѣстахъ.

Франція, — не въ счетъ важное преимущество климата, — какъ земледѣльческая страна, болѣе всѣхъ другихъ, похожа на Россію. Она теперь обладаетъ превосходною земледѣльческою статистикою, которой главные факты, чрезвычайно любопытные и поучительные, были изложены и въ этомъ журналѣ. Въ вопросахъ о земледѣліи свидѣтельство ея можно смѣло принять въ основаніе отвѣтамъ, тѣмъ болѣе что и родъ хлѣбопашества ея сходенъ съ нашимъ. Двѣ самыя благодатныя части этой существенно земледѣльческой страны — сѣверная и восточная. Онѣ, въ хорошій годъ, представляютъ излишекъ. Но каковъ этотъ излишекъ? *Одна пятая* противъ мѣстныхъ потребностей, если и взять всею сполна продовольственныя произведенія земли, а если считать только настоящей хлѣбъ, такъ *одна-шестнадцатая*, не болѣе. Въ то же время оказывается, что въ южной и западной частяхъ почти ежегодно оказывается въ сборѣ недочетъ въ *одну-пятую* для удовлетворенія мѣстной потребности. Желѣзныя дороги вскорѣ сольютъ всѣ четыре части страны въ одну, недочету въ менѣе обильныхъ частяхъ глазъ не приметить по ровности цѣль во всемъ государствѣ, но и избытку нигдѣ не будетъ.

Между-тѣмъ какъ наши экономисты не знаютъ, куда дѣвать избытки русскаго хлѣба, и одни предлагаютъ отвѣчь отъ земледѣлія часть рукъ къ мануфактурной промышленности, а другіе хотятъ мѣнять этотъ избытокъ на иностранныя издѣлія, на правилахъ свободной международной мѣны, замѣтите, наши агрономы кричатъ: «Мы производимъ хлѣба «слишкомъ мало! Мы безпрестанно подвержены опасности голодовъ! Надо совершенствовать наше сельское хозяйство! «Надо побольше добывать зерна изъ нашей земли.» Эти агрономическія жалобы неоднократно раздавались и въ предлежащемъ журналѣ. Не трудно заключить изъ всего сказаннаго, что мы, лично, болѣе вѣримъ свидѣтельству нашихъ агрономовъ, которые сами пахутъ и сѣютъ, чѣмъ остроумію

чужихъ экономистовъ, которые мысленно продаютъ то, что продается и богатой прочь ихъ воображенія. Основательность агрономическихъ жалобъ, къ несчастію, не подлежитъ сомнѣнію. Мы слишкомъ мало производимъ хлѣба. Мы всегда производимъ его слишкомъ мало. И между-тѣмъ у насъ всегда бывалъ хлѣбъ для продажи иностранцамъ! Какъ же это могло быть? Едва-ли экономисты были-бы въ состояніи разрѣшить намъ эту странную дилемму, которой, какъ кажется, они и не видятъ. Къ счастью, она давно объяснена Геродотомъ. «Скивы земледѣльческіе, говоритъ онъ, пшеницу сѣютъ, но сами не ѣдятъ, а для продажи». Это — подлинныя слова отца исторіи. Земледѣльческая Скивія, въ этомъ отношеніи, водится у насъ донынѣ. Никто вѣроятно не сомнѣвается въ томъ, что настоящій хлѣбъ, хлѣбъ способный играть какую-нибудь роль въ международной мѣнѣ, свободной или несвободной, это — пшеница, зерно самое питательное, самое благородное, самое драгоценное. Низшіе сорта зерноваго хлѣба, отъ ржи до овса и далѣе, не годятся для заграничной торговли. Полная неудача прошлогоднихъ англійскихъ спекуляцій на нашу рожь, за недостаткомъ въ пшеницѣ, доказала это неоспоримо. На Руси сказали: «Нѣмцы не умѣютъ печь ржанаго хлѣба!» — и наши хлѣбники были посланы въ Англію. Они расхаживали по Лондону безъ дѣла. Нѣмцы не могли ѣсть «чернаго» хлѣба. Вкусъ противный! — и голодъ не утоляется! Заморскій Нѣмецъ не привыкъ къ блаженству ввалить въ желудокъ полпуда недопеченнаго тѣста и чувствовать себя тяжелымъ, соннымъ, пока эта масса медленно и трудно не сварится въ его утробѣ; это противно его натурѣ; онъ поглощаетъ малое количество вещества, но весьма питательнаго, благороднаго. До сихъ-поръ мы сѣемъ пшеницу не для себя: мы продаемъ благородное зерно, а сами питаемся дурно, низкимъ сортомъ хлѣба. Можно ли, въ такомъ случаѣ, показывать то зерно, которое мы продаемъ, *избыткомъ* нашего земледѣлія? Оно — *экономія*, а не *избытокъ*; экономія на счетъ собственнаго нашего желудка. Экономисты, пожалуй, готовы соединиться съ агрономами и кричать вмѣстѣ: «Да! точно! мы произво-

днѣ слишкомъ мало хлѣба! Надо совершенствоваться: шее сельское хозяйство! Надо производить хлѣба не больше для осуществленія теоріи свободной торговли и шныи нашихъ земледѣльческихъ продуктовъ на иностранныя рынки!» Извольте, совершенствуйтесь. Только, для международной шныи, вы тутъ ничего не выиграете. Безъ благосостоянія поселенна, нельзя и умомъ постичь совершенства въ земледѣліи, а какъ-скоро русскій поселенникъ будетъ совершенный, зажиточный, богатый, то прежде всѣхъ и всего онъ станетъ самъ лично кушать бѣлый пшеничный хлѣбъ и, для заграничной продажи, этого драгоценнаго зерна въ Россіи будетъ еще меньше. Не надѣйтесь даже, понапрасну, уломать природу усовершенствованіями: ея стихіи никогда не позволять пяти человѣкамъ, земледѣльцамъ и ихъ содѣйствова-телямъ, добыть изъ земли больше того, что нужно на прокормленіе пятерыхъ. На этомъ мудромъ равновѣсіи между числомъ людей и количествомъ пищи, производимой ихъ трудомъ, основано все благосостояніе рода человеческого, его размноженіе, его умственные успѣхи. Если бы природа допустила такой безпорядокъ, что земля, при трудѣ и искусствѣ человѣка, вдругъ стала бы надѣлять его двойнымъ количествомъ съѣстныхъ продуктовъ противъ необходимаго, человѣкъ, въ излишнемъ довольствѣ, въ пагубномъ изобиліи, тотъ-асъ оглушалъ бы и родъ его сталъ бы уменьшаться. Кажется, мы не откроемъ ни какой новой истины, сказавъ, что въ богатыхъ классахъ людей, гдѣ ѣдятъ много, больше чѣмъ нужно, и гениевъ и дѣтей всегда очень мало. Народы, поколѣнія и классы, близкія къ нуждѣ, плодятся удивительно, и изъ тѣхъ-то выходятъ светила и благодѣтели роду человеческого. Не дай Богъ, чтобы у насъ явился избытокъ хлѣба: пропадемъ!

Мы очень хорошо знаемъ, что это — несогласно съ Мальтусомъ. Но не всѣ же на свѣтѣ такъ добры, чтобы безпроблемно соглашаться съ чужими мнѣніями. Въ Китаѣ, странѣ небольшой и не самой плодородной въ мірѣ, когда тамъ счита-ось четыре милліона людей, это народонаселеніе было соразмѣрно со средствами страны къ продовольствію; тогдаш-

же китайскіе Мальтусы кричали сынамъ Поднебесья: «*Будьте нравственны, не женитесь* (буквально изъ «Опыта»), *не то расплодитесь свыше средствъ страны къ продовольствію, и погибнете!*» Когда изъ четырехъ милліоновъ стало сорокъ, народонаселеніе Китая опять было *соразмѣрно со средствами страны къ продовольствію*; очевидно — было, потому что Китайцы не съѣдали другъ друга. Напротивъ, на томъ же шѣсть сорокъ милліоновъ зажили гораздо лучше четырехъ. И при четырехъ, вы согласитесь, *средствъ страны къ продовольствію* своего народонаселенія было по-необходимости *вдесятеро болѣе чѣмъ при сорока*: вѣдь страна не измѣнялась! вѣдь *средства страны съ сотворенія міра лежали въ ея землѣ*. Китайскіе Мальтусы опять кричатъ: «*Будьте нравственны, не женитесь!* посмотрите какая *нравственность заводится въ Британіи!*.... перестаютъ жениться, оттого что постигли законъ народонаселенія: *народонаселеніе всегда соразмѣрно со средствъ*.... Не дослушавъ фразы, Китайцы расплодились до четырехъ сотъ милліоновъ. И опять ихъ народонаселеніе *соразмѣрно со средствами страны къ продовольствію!*.. Когда же этому будетъ конецъ?.... Эти мистическія *средства страны* — не явная ли мистификація, скажите сами? Есть ли какой-нибудь смыслъ въ этихъ двухъ словахъ, связанныхъ вмѣстѣ на-удачу? Очевидно нѣтъ ни какого. Вы можете растолковать ихъ какъ угодно. Но, въ такомъ случаѣ, прилично ли наукъ явную бессмыслицу провозглашать *закономъ* и такъ долго поклоняться ей какъ великой истинѣ? Не явственно ли, что *средства страны* находятся не въ странѣ, а въ самомъ человѣкѣ? что самъ человѣкъ, своимъ трудомъ, умомъ, искусствомъ, создаетъ вокругъ себя *средства*, которыя таинственно вздумали приписывать странѣ? Не только примѣръ Китая, примѣръ разительный, удостоверяетъ насъ на-опытъ, что *средства* всякаго трудолюбиваго народонаселенія къ продовольствію соразмѣряются съ его многочисленностью и растутъ безконечно съ его безконечнымъ приращеніемъ, но изъ того же примѣру мы видимъ еще то, что, каково бы ни было трудолюбіе и искусство этого человѣка въ земледѣліи, какой бы степени совер-

ищества земледѣлю ни достигло, самое значительное народонаселеніе не въ состояніи производить ни какихъ излишковъ хлѣба противъ положительныхъ нуждъ своихъ. Вовсе не примѣтно, чтобы Китай вывозилъ свой хлѣбъ куда-нибудь; а выше китайскаго трудолюбія и искусства, совершеннѣе китайскаго земледѣлія нѣтъ ничего на свѣтъ, развѣ только японское. Сорокъ милліоновъ Японцевъ обитаютъ на островѣ величїиою съ тотъ, на которомъ обитаетъ девять милліоновъ Ирландцевъ: тѣ живутъ славно, промышленны и богаты безъ внѣшней торговли; другіе умираютъ съ голоду рядомъ съ золотою Англіей и имѣя возможность участвовать въ ея колоссальной торговлѣ. Значитъ, не *средства страны* виноваты горю Ирландцевъ, а недостатокъ средствъ въ нихъ самихъ, ихъ лѣнь, остатокъ дикости. Ирландцы умираютъ съ голоду, потому именно, что народонаселеніе ихъ еще не довольно возрасло, и въ странѣ этой еще слишкомъ легко лѣнтяю пропитаться кое-какъ безъ большаго труда. Когда народонаселеніе Ирландіи умножится до сорока милліоновъ, какъ въ Японіи, на одинъ картофель нельзя будетъ полагаться: нужда заставитъ этихъ безпечныхъ людей переродиться въ дѣятельныхъ, промышленныхъ и искусныхъ, и голоду не будетъ. Посмотрите на Тунисъ, на Суръ или Сайду: какіе два печальные клочка земли!... *Средства странъ* этихъ, нагихъ, безплодныхъ, недостаточны нынче для продовольствія стаи воробьевъ. Да вѣдь здѣсь жили некогда два богатѣйшія народонаселенія, Карфагеняне и Финикійцы, совсемъ не простые промышленники и торгаша, подобно покойнымъ Венеціанцамъ: самое совершенное, образцовое, земледѣліе въ древности было карфагенское. Римляне, разоривъ гордый Карфагенъ, ѣздили туда учиться усовершенствованному сельскому хозяйству.

Средства страны!.... Которой европейской землѣ принадлежатъ кофе, чай и какао, какъ *средства страны*? Ни которой. Богъ знаетъ, откуда они являются. Торговля доставляетъ ихъ. А между-тѣмъ, какъ средства къ продовольствію, они такъ питательны, столько азотистыхъ началъ заключаютъ въ себѣ, что для лицъ, преданныхъ употребленію ихъ,

замѣняютъ собою по-крайней-мѣрѣ половину годичной пропорціи мяса и хлѣба.

Вотъ еще прекрасныя средства страны для соразмѣренія по нимъ числа разумныхъ существъ. Въ 1790 году шесть мужчинъ и десять женщинъ съ англійскаго корабля *The Bounty* укрылись на пустынномъ островку Питкериской группы. Въ пятьдесятъ лѣтъ эти 17 человекъ расплодился до 180, болѣе чѣмъ вдесятеро. На островѣ нѣтъ ни какого хлѣба. Они кормятся кореньями и рыболовствомъ.

Къ сочиненію господина Садлера «О Народоноселеніи» приложены статистическія таблицы браковъ, рожденій, и цѣнъ на хлѣбъ въ каждомъ году. Изъ этихъ таблицъ видно, что за каждою голодною зимою, въ Англии слѣдовала осень чрезвычайно богатая рожденіями. Объясните это средствами страны къ продовольствію.

Изъ физиологіи извѣстно, что всякая порода, животная или растительная, получающая слишкомъ обильную пищу, ослабѣваетъ и, напоследокъ, совсѣмъ перестаетъ производиться.

А мы люди размножаемся на всемъ пространствѣ вселенной! Нужно ли еще болѣе положительное доказательство, что лишняго хлѣба у людей не родится, что мудрая природа, таинственною игрою своихъ стихій, позволяетъ намъ производить только то количество хлѣба, которое необходимо въ каждой странѣ для содержанія породы человѣческой на рубежѣ голоду, какъ чертъ самой благопріятной для ея плодovitости, размноженія, искусства и умственнаго развитія? Такъ что же будетъ съ свободной международной мѣной? Откуда взять хлѣба для мѣны на изделия, такъ, чтобы отъ этого процвѣтали съ одной стороны фабрики, а съ другой земледѣліе?

Въ прошломъ году запросъ былъ сдѣланъ Англійей и южной Франціей всемъ земледѣльческимъ странамъ земнаго шара. Англія скупила весь хлѣбъ, какой только оказался въ запасѣ. Прельстясь огромными цѣнами, ей продавали и то, что не было запасомъ и чего продавать не слѣдовало.

Сколько Англія получила разнаго хлѣба?—Около 10,000,000 четвертей. Въ этомъ количествѣ оказалось драгоценнаго зерна, пшеницы, настоящаго хлѣбнаго товару для междуна-родной мѣны, 5,812,060 четвертей, — менѣ трети. Все прочее были низшіе сорты зѣрновыхъ продуктовъ. Положите четверть по 10 рублей серебромъ, безъ доставки и комиссій: цѣнность всего количества пшеницы будетъ около 60,000,000 рублей. Этой цѣнности недостаточно на мѣновые обороты со ста двадцатию порядочными мануфактурами. И это — со всего міра!.... И это — въ годъ самый необыкновенный!

Въ то же время въ южную Францію доставлено около 6,000,000 гектолитровъ разныхъ зерновыхъ хлѣбовъ (1 гектолитръ равенъ 3¼ четверикамъ, почти полу-четверти). Пшеницы здѣсь было только 2,500,000 четвертей, цѣнностью на 25,000,000 рублей серебромъ. Больше не достали — нигдѣ не было. Если бы пшеница еще была гдѣ-нибудь въ запасъ, она бы явилась, потому что цѣны въ Марсели стояли страшныя еще вначалѣ лѣта: въ маѣ гектолитръ продавался по 45 и 46 франковъ, въ іюнѣ по 43 и 44. Это значитъ, четверть почти по 25 рублей серебромъ.

Всей пшеницы въ международную мѣну поступило, по-этому, 8,312,000 четвертей. Цѣнность ихъ составляетъ сумму 83,120,000. Четыре милліона людей, не болѣе, можно прокормить этимъ круглый годъ.

О пшеницѣ только и слѣдуетъ говорить. Въ годъ жестокаго голоду и страшныхъ спекуляцій соперничество вызвало на сцену всѣ роды зерноваго хлѣба. Но въ обыкновенный годъ, для пополненія маленькихъ недочетовъ въ жатвахъ или соперничая съ случайными цѣнами, международная торговля другаго зерна кромѣ пшеницы не приметъ. На обыкновенный, нельзя положить болѣе четверти этого количества, два или, много, два съ половиной милліона четвертей со всего міра. Чѣмъ же тутъ производить свободную международную мѣну хлѣба на издѣлія!

А какъ-скоро хлѣбъ — мечта теоріи, то вольной международной мѣнѣ остается мѣнять почти исключительно издѣлія

однѣхъ странъ на издѣлія другихъ. Теорія на это и очень согласна: мѣняйтесь издѣліями!... но только дѣйствуйте повсюду такъ, чтобы всякая страна занималась своею природною мануфактурной промышленностью, передѣлывала въ издѣлія свои отечественные продукты. Мы пришли къ границѣ идеала: отсюда начиваются приложение и горе. Заниматься своею природною промышленностью, говорите вы? Очень хорошо. Да какъ же это сдѣлать? Созвать, что ли, всемірный мануфактурный конгрессъ и распределиться произвѣдствомъ издѣлій: вы дѣлайте то — а мы будемъ дѣлать это — и станемте мѣняться. Иначе все страны будутъ производить все роды издѣлій, потому что, за исключеніемъ весьма немногихъ, все роды сырыхъ матеріаловъ природны каждой землѣ. Железо находится повсюду. По точному смыслу теоріи, все страны должны дѣлать кожи, и мѣняться потомъ своими кожами: это будетъ — свободная торговля! Железо, мѣдь, дерево, ленъ, пенька, шерсть, сало, масло, щелочи, зерно — естественные дары всехъ земель. Каждая страна поэтому обязана заводить фабрики для передѣлки этихъ сырыхъ матеріаловъ въ издѣлія, и станеть творить изъ нихъ все, что только можно, быстро, и въ наилучшемъ видѣ, потому что преуспѣваніе и совершенство фабрикъ — первыя благодѣлія свободной торговли, по теоріи. Когда, не распредѣливъ сперва производствъ между собою, все страны пріймутся за передѣлку этихъ своихъ природныхъ веществъ во всехъ возможныхъ видахъ, такъ вотъ уже металлическія, деревянныя, цитяныя, шерстяныя, мыльныя, жирныя, освѣщательныя, спиртные и другія издѣлія устранены изъ круга международной мѣны. Словомъ, желая осуществить теорію въ самомъ блестящемъ видѣ, все вдругъ захотятъ, на основаніи природности матеріаловъ, сдѣлать одно и то же, какъ и теперь, при тарифной системѣ; или все вдругъ ничего не захотятъ дѣлать, опасаясь соперничества и подрыву со стороны всего міра. Теперь по-крайней-мѣрѣ, подъ сѣнью таможенныхъ уставовъ, желающій можетъ съ нѣкоторою увѣренностью жертвовать капиталомъ на учрежденіе той или другой фабрики, но тогда, при уставѣ свободной торговли, едва

онъ приступитъ къ дѣлу, кто-нибудь можетъ явиться изъ-за моря съ тѣмъ же самымъ издѣліемъ и, по силѣ статьи о природности сырыхъ матеріаловъ, разоритъ его на первомъ шагу. Заводить ли стражей для охраненія безопасности предпріятій? Таможни—зло, но онъ обезпечиваютъ хоть какой-нибудь порядокъ по этой части. Теорія предлагаетъ хаосъ произволу; зло еще большее.

«Нѣтъ, скажетъ она: вы не все принимаете въ соображеніе; природности матеріаловъ мало; нужно еще взять въ руководство природность способностей и мѣстные удобства.» Кто же станетъ рѣшать это? Народы передерутся между собою, заспоривъ о томъ, кто къ чему способнѣе и кому что удобнѣе производить. Между Англичанами и Русскими можетъ дойти до драки и до выстрѣловъ не далѣе какъ изъ-за вопросу, кому изъ нихъ способнѣе и удобнѣе дѣлать для международной мѣны столы, чашки и самовары. Дерево, мѣдъ и глина есть и у насъ, и у нихъ; чай и намъ и имъ сдѣлался одинаково природнымъ, а что касается до способностей, то изъ одного самолюбія, мы не захотимъ уступить Англичанамъ, особенно по части способности къ самоварамъ, и издѣліе этихъ заморскихъ Нѣмцевъ отразимъ картечью.

Что же остается еще? Хлопчатая бумага и шелкъ. Хлопчатую бумагу прясть и ткать обязаны Турки и Мексиканцы. Это ихъ природный продуктъ. Правда, что у нихъ нѣтъ ни рукъ, ни искусства, ни денегъ, ни даже времени для такой работы; это очень прискорбно; но совсѣмъ тѣмъ никто изъ насъ не имѣетъ права прикасаться къ хлопчатой бумагѣ. По законамъ теоріи — она неотъемлемая фабричная собственность тѣхъ неизвѣстныхъ народовъ. Если же Англичане вздумаютъ прибирать къ себѣ ихъ природную мануфактурную промышленность, такъ это будетъ нарушеніе законовъ обѣтованнаго теоріей рая, насилье, грабежъ. Тогда и всѣ мы въ правѣ сдѣлать то же самое, нарушить теорію по ихъ примѣру и повсюду завести бумажныя фабрики. И выйдетъ опять то же что теперь, при запретительныхъ тарифахъ: бумажныя фабрики разведутся повсюду. Разница только та, что тогда народы, чтобы не разорять другъ друга, принуж-

денъ будутъ миролюбиво мѣнять ситцы на ситцы. Относительно къ шелку вопросъ о правѣ пряхъ и ткать его непременно долженъ рѣшиться пушками между державами, во владѣнiяхъ которыхъ шелкъ находится. Россiя, Францiя, Англія, Италія предъявляютъ одинаковыя права на это производство, а объ удобствахъ и способностяхъ разсудятъ ядра.

Нѣтъ! всеобщая свободная торговля, абсолютная международная мѣна—блестящая мечта, и ничего больше. Свободная торговля возможна только въ частныхъ случаяхъ и со множествомъ ограниченій. Но это будетъ лишь тѣнь той торговли, которую проповѣдуетъ теорiя. Она нападаетъ на торговые трактаты и конвенцiи; въ самомъ дѣлѣ — они зло; зло, прорастающее изъ первоначальнаго зла, таможенъ. Но безъ конвенцiй, безъ международныхъ условій о томъ, что кто станетъ производить и привозить, свободная торговля была бы настоящее бѣдствіе, бичъ всѣхъ промышленностей, хаосъ, возвращеніе къ дикому состоянiю. А какъ-скоро вы принуждены заключать подобныя конвенцiи, такъ это будутъ подъ другимъ названіемъ тѣ же льготныя пошлины, *droits différentiels*, которыя теорiя гонитъ весьма справедливо. При конвенцiяхъ свободная торговля можетъ существовать только отъ одного народа къ другому, а не отъ всѣхъ ко всѣмъ, и относится только къ извѣстному числу статей, избранныхъ и условленныхъ, а не составляетъ абсолютное начало неограниченной вольной мѣны. Значитъ, два народа могутъ заключить между собою контрактъ о болѣе или менѣе беспошлинной мѣнѣ нѣкоторыхъ статей своего промысла, обложивъ запретами всѣ прочія, сходственныя статьи, и выходить изъ этого тѣснаго круга никакъ нельзя. Такъ вѣдь это существуетъ и теперь! Затруднительность подобныхъ сдѣлокъ извѣстна. Но другой свободной торговли въ практикѣ быть не можетъ между европейскими народами; равными другъ другу образованностью, искусствомъ и духомъ дѣятельности. Между неравными, особенно когда два народа различествуютъ еще и продуктами и промыслами, нѣкоторый родъ идеальной свободной торговли возможенъ. Россiя, напротивъ, могла бы съ очевидною обоюдною пользою мѣняться съ Англіей безъ

пошлинно произведеніями своей земли и своихъ старинныхъ промысловъ на собственные издѣлія этой страны: народонаселеніе ея еще слишкомъ рѣдко; настоящая народная дѣятельность еще только начинается и возбужденіе ея искусственнымъ образомъ оказывается крайне затруднительнымъ; капиталы ея слабы; начала мануфактурной ея промышленности еще такъ незначительны, что пожертвовать ими ничего бы не стоило. Россія и Англія могли бы даже уничтожить между собою таможи, и объ выиграли бы чрезвычайно много, особенно когда бы Англичане пошли для себя выгодною передѣлывать нѣкоторые наши и чужіе продукты у насъ на мѣсть и стали бы переселяться къ намъ съ своими капиталами и своими мастерами. Это было бы и обогащеніе и школа. Но чѣмъ Англія можетъ мѣняться напримѣръ съ Франціей безубыточно для себя и для нея? Одна предложитъ свое вино, другая свое полотно—и все тутъ. Все остальное надо обложить запретительною пошлиною, какъ сходственное и весьма развитое въ обѣихъ странахъ. Вопросъ о винахъ и полотнахъ разбирается между Англіей и Франціей уже тридцать два года, и ему никакъ не могутъ найти практическаго рѣшенія, потому что въ такомъ случаѣ Англія должна бы обязатья не пить другаго вина кромѣ французскаго, а Англичанамъ сходнѣе и пріятнѣе пить португальское. Въ Германіи нѣтъ даже и порядочнаго вина. Германія не можетъ войти съ Англіей на однѣ сутки въ свободно торговыя отношенія безъ самоубійства: всѣ отрасли ея промышленности, вся ея дѣятельность будутъ мгновенно уничтожены, потому что Германія въ сущности Англія третьяго разбору.

О чемъ теорія хлопочетъ? Абсолютная свободная торговля возможная для Европейцевъ, давно осуществлена. Запретительный извнѣ, внутри германскій Zoll-Verейч—абсолютный вольный торговецъ. Двадцать владѣній соединились, уничтожили таможенные линіи между собою и стали свободно мѣняться своими произведеніями. Они теперь плачутъ. Въ чемъ состояла коренная ошибка плана? Просто въ томъ, что всѣ эти владѣнія были совершенно сходственны между собою продуктами и промышленностями; всѣ съ новымъ жа-

рошь стали производить одно и то же и загромождали свои рынки. Владѣніямъ этимъ слѣдовало прежде всего распределить между собою производства. Но тогда бы не было свободы промышленности, фабрики не могли бы совершенствоваться.

Теперь въ Италіи учредился другой подобный свободноторговый союзъ. Этотъ, вѣроятно, будетъ удачнѣе, потому что производства металлическихъ, бумажныхъ, лѣяныхъ и шерстяныхъ издѣлій совершенно ничтожны въ Римской Облaсти, Тосканѣ и Пьемонтѣ; есть средства къ мѣнѣ, и жертвовать убыточно еще нечѣмъ по этимъ отраслямъ. Но в италіанскій свободноторговый союзъ долженъ по необходимости оградить себя таможенными противъ вторженія иностранныхъ шелковыхъ и пеньковыхъ издѣлій, французскихъ и испанскихъ винъ, и такъ далѣе, потому что допущеніе ихъ довело бы до нищеты и отчаянія три четверти народонаселенія.

Теорія чрезвычайно остроумна. Разбравивъ все существующее и нарисовавъ смѣлою рукою картину блаженства своего изобрѣтенія, — великаго блаженства абсолютной безтаможенности, — она вдругъ прикидывается смиренною и говоритъ своимъ поклонникамъ: «Далѣе не спрашивайте; наука должна здѣсь остановиться; она только обнаруживаетъ высокія истины, но приложеніе этихъ истинъ не ея дѣло». Въ переводъ это, кажется, значить: если истины, которыя я выдумала, неудобноисполнимы, или все мое разглагольствіе окажется, въ приложеніи, несбыточною мечтой, я за это не отвѣчаю; я только — наука, и мечтаю себя для того, чтобы казаться мудрою.

Хороша наука!

Кто-нибудь можетъ подумать, что мы нападаемъ на прекрасное сочиненіе господина Бутовскаго. Ни сколько. Мы сказали, что сочиненіе его, какъ изложеііе нынѣшней политико-экономической науки, превосходно, и всегда готовы повторить это. Лучше, полнѣе, и пріятнѣе невозможно было изложить того, чему учить наука въ наше время. Онъ не виновать тому, что ея теоріи мечтательны, ея великія истины

не согласны съ действительностью. Не онъ выдумалъ учене о свободной международной мѣнѣ, о законахъ народонаселеній, о производительныхъ силахъ природы. Мы только желали показать неосновательность этихъ ученій, сдѣлавшихся оружіемъ известной партіи, но книгъ господина Бутовскаго мы отдаемъ всю справедливость, и поставимъ ее у себя въ ряду избранныхъ твореній, къ которымъ пріятно и полезно прибѣгнуть во всякое время.

=

ИСТОРИЯ ФИНАНСОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ РОССИИ, отъ основанія государства до кончины Императрицы Екатерины-Второй. Сочиненіе графа Дмитрія Толстаго. Санктпетербургъ, 1848.

Сочиненіе это удостоено преміи Императорскою Академіей Наукъ. Важность его, следовательно, не подлежитъ сомнѣнію. Во всякое время составило бы оно книгу интересную для историка и для гражданина, но никогда исторія финансовыхъ системъ нашего отечества не могла явиться болѣе кстати какъ въ эту горячую минуту, когда въ понятіяхъ Европейцевъ объ источникахъ государственныхъ доходовъ и о способахъ собирапія ихъ рѣшается глубокой переворотъ, подготовленный теоріями о свободѣ международной торговли. Съ начала семнадцатаго столѣтія, Англія суждено производить для Европы, вмѣстѣ съ лучшими желѣзными издѣліями, главныя ученія и практическія идеи. Англія, можно сказать—мыслящій и изобрѣтающій мозгъ человечества, голова его. Франція—ротъ этой головы, который все разбалтываетъ и многое перевираетъ. Послѣ долгаго и неудачнаго подражанія Великобританіи въ запретительной системѣ, жаръ, съ которымъ французскіе резонёры подхватили и распространяють англійскую идею о свободѣ международной мѣны, общаетъ намъ немедленно пылкія проповѣди и въ пользу пилевской методы раскладки податей и сбору государственныхъ доходовъ, методы, такъ тѣсно связанной съ этою идеей и составляющей неизбежное слѣдствіе ея.

Непроницаемая тайна сэръ Роберта Пилля, озадачивавшая собственныхъ его приверженцевъ, его секретъ составленія

народнаго благоденствія, который такъ долго служилъ въ его рукахъ могущественнымъ политическимъ оружіемъ, его универсальное лекарство противъ всѣхъ народныхъ страданій и правительственныхъ затрудненій, нынче совершенно разгаданы. Самъ онъ объявилъ наконецъ этотъ знаменитый секретъ въ брошюрѣ, изданной втеченіи прошедшаго лѣта: Letter from Sir Robert Peel to the electors for borough of Tamworth. Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ опрокинулъ онъ владычество виговъ послѣ кабульскаго несчастія: финансы Великобританіи страдали, были разстроены: огромный дефицитъ грозилъ правительству страшными затрудненіями. Искуснѣйшій и самый непроницаемый изъ новѣйшихъ политиковъ былъ тогда начальникомъ оппозиціи и предводительствовалъ консервативною партіей, обожательницей всѣхъ возможныхъ запрещеній, пошлывъ и привиллегій, которая видѣла въ немъ своего идола-спасителя. Въ это время заговорилъ онъ о своемъ секретѣ. Напрасно виги вызывали его на откровенность, тщетно просили его объявить великую тайну исцѣленія больной казны. Отвѣтъ сэръ Роберта Пила памятенъ: «Я не секретарь моихъ противниковъ; мое средство я употребляю въ дѣло самъ, когда буду на вашемъ мѣстѣ.»

Вслѣдъ за этимъ онъ и занялъ мѣсто противниковъ своихъ въ члѣнъ правительства, и первою его мѣрою было предложеніе подати отъ личныхъ доходовъ. Противъ этой подати, напоминавшей собою самые тяжкіе годы Англіи, господствовало тамъ всеобщее предубѣжденіе. Сэръ Робертъ Пилъ искусно предложилъ ее только на три года, въ видѣ опыту, какъ временную необходимость. Приверженцы его, выдыхая, согласились. Тогда сэръ Робертъ сталъ постепенно и непримѣтно вовлекать партію свою въ смягченія пенсій, въ уничтоженія запрещеній, объясняя эти новыя мѣры, сначала предстоящую нуждою, а потомъ, съ тонкою улыбкой, ироническимъ признаніемъ, что съ тѣхъ поръ онъ поумнѣлъ и перемѣнилъ свое мнѣніе. Партія спохватилась наконецъ, да уже поздно. Приверженцы запретительной системы взбунтовались противъ вождя и опрокинули коваръ аго измѣнника дражайшимъ ученіямъ своимъ, но

отказывается от того что называло своей наукою, мудростью. Бросивъ блистательныя соображенія своего ума, оно возвращается къ простому аркадскимъ пастушкамъ, у которыхъ не было ни тарифовъ, ни таможенъ, ни пошлинъ, ни кадастровъ, ни налоговъ на движимое имущество и промыслы, — которые, нехитро, отдавали казны осенью часть того, что боги послали имъ лѣтомъ, каждый, по мѣрѣ своего счастья и возможности. Другими словами, наговоривъ столько блестящихъ пустяковъ о капиталахъ поземельныхъ и другихъ, объ оцѣнкѣ этихъ капиталовъ, о податяхъ отъ капиталовъ, и о прочемъ, оно наивно возвращается къ русскому *подушному*, къ *десятилямъ* патриархальныхъ временъ, къ *поголовщину* Золотой Орды. Такъ стоило же труда политической экономіи отыскать намъ своими умствованіями отъ нашего роднаго *подушнаго*, чтобы предлагать намъ его за благодѣтельную новость подъ именемъ «подати отъ личныхъ доходовъ?» Не короче ли было сказать намъ: «Не трогайте своего «мытнаго двора»; это—свободная торговля, почти совершенно свободная; усовершенствуйте только раскладку своего *подушнаго*, и «вы будете умнѣе и богаче всѣхъ народовъ.» Усовершенствованіе же состоитъ въ томъ, что не одни только определенныя сословія или классы, но всѣ безъ исключенія, малые и великіе, молодые и старыя, мужчины, женщины и дѣти, всяческая живая душа, должна, не по установленной общей таксѣ, но по соразмѣрности съ своими доходами, приносить лепту свою государственнымъ нуждамъ и потребностямъ; за что она и освобождается отъ всѣхъ другихъ налоговъ, живетъ вольною птицею, промышленяетъ и торгуетъ какъ хочетъ. Душа приобретаетъ ту великую выгоду, что все обходится ей по настоящей цѣнѣ, не возвышенной искусственно косвенными налогами, и государство получаетъ ту явную прибыль, что упрощаетъ финансовую администрацію, которая такъ сложна, такъ многолюдна и такъ дорога при всякой другой системѣ. Выбѣсть съ такимъ *подушнымъ* надо ужъ по необходимости воротиться и къ приходскому правленію, какъ было въ первыя времена христіанства, когда ма-

ленькая римская община, на общей сборкѣ, подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника, который зналъ подноготную каждаго, при содѣйствіи выборныхъ старостъ (примасовъ) и именитѣйшихъ гражданъ, опредѣляла, по чистой совѣсти и братскому соглашенію, сколько кому заплатить въ тотъ годъ, чтобы составить сумму требуемую правительствомъ съ общины или прихода. Разумѣется, что это нетолько самая простая, тихая, безобидная финансовая администрація, но и самая дешевая, равно благодѣтельная для казны какъ и для частныхъ лицъ. Одинъ казначей въ округѣ или уездѣ достаточенъ для всей сферы финансоваго дѣйствія; счета чрезвычайно просты; если въ уездѣ пятьдесятъ приходоу, въ книгѣ только пятьдесятъ строкъ письма въ треть года, да пятьдесятъ вырѣзанныхъ квитанцій, и все тутъ. Такое финансовое учрежденіе — пообщинный сборъ податей отъ личныхъ доходовъ, — донынѣ существуетъ у насъ за Кавказомъ, въ мусульманскихъ провинціяхъ, и всѣ имъ довольны: ни жалобъ, ни недоимокъ никогда не бываетъ. Тотъ же самый порядокъ водится въ европейской Турціи и во всѣхъ ея азійскихъ владѣніяхъ, нѣкогда подвластныхъ римскому владычеству. Путешественники, умѣющіе вникнуть въ его сущность и практическія удобства, отдають ему дань удивленія: ничего умнѣе не могла и не можетъ придумать мудрость человѣческая. Къ сожалѣнію, все это будетъ вскорѣ испорчено и опрокинуто теоріями европейской образованности и парижской науки, которыя начинаютъ, говорятъ, жестоко свирѣпствовать въ царствѣ Магомета. Наконецъ, этотъ же порядокъ былъ заведенъ Маріею-Терезою въ Ломбардіи. Наполеонъ уничтожилъ его, учредилъ централизацію, и разорилъ кра . Австріицы опять возстановили. И нынче Ломбардія снова самая богатая и самая счастливая страна Италіи.

Частный человекъ въ состояніи съ выгодною для себя заплатить казнѣ гораздо болѣе въ видѣ подати отъ своихъ доходовъ, нежели сколько она получаетъ съ него прямыми и косвенными налогами при дорогой системѣ податей на такъ называемые капиталы, неразлучной подругъ запретительной

торговой системы. Какъ, при этомъ, здѣсь платять подать все безъ исключенія, то государственный доходъ долженъ непременно увеличиться самъ собою. При нынѣшней европейской системѣ податей и торговли, частный человекъ, отъ своей видимой собственности, платитъ немного, да и пошлина на предметы торговли вообще не высока; но какъ каждая покупаемая вещь обходится потребителю по-крайней-мѣрѣ втрое дороже своей настоящей цѣнности, потому что система дѣйствуетъ неимоверно на искусственное возвышеніе всѣхъ цѣнъ вообще, то потребитель, проживающій въ годъ 30,000, изъ которыхъ платитъ онъ казнѣ податями и пошлинами только 3,000 рублей, могъ бы такъ же хорошо жить за 9,000. Безъ пользы и наслажденія для себя онъ лишается Богъ знаетъ какъ и для чего 18,000 рублей, которые по дороговизнѣ всего расходятся по-рукамъ торговцевъ и спекуляторовъ. А эти люди, ворочая милліонами въ азардной игрѣ, называемой коммерціей, получая сотни тысячъ годоваго дохода, разживаясь и разоряясь на чужой счетъ, почти ничего не платятъ государству! Если бы было одно только *подушное*, соразмѣрное съ личнымъ доходомъ cadaго, и ни какихъ другихъ пошлинъ и налоговъ не существовало, этотъ потребитель охотно внесъ бы за себя въ казну 10,000 рублей вмѣсто 3,000, жилъ бы такъ же хорошо, и еще остался бы на 11,000 въ чистомъ барышѣ.

Возьмемъ народъ въ 50,000,000 душъ народонаселенія и положимъ, что, при существованіи единственной подати, именно всеобщаго подушнаго по доходамъ, сто тысячъ человекъ, жертвуя только десятою частью своихъ доходовъ въ пользу отечества, въ состояніи будутъ заплатить круглымъ числомъ по тысячь руб. сереб.: одна уже эта графа представитъ доходу сто милліоновъ руб. сереб. Станемъ умножать число платящихъ все вдвое, уменьшая вдвое ихъ подать:

100,000	человекъ	по	1,000	рублей.	100,000,000.
200,000	—	—	500	—	100,000,000.
400,000	—	—	250	—	100,000,000.
800,000	—	—	125	—	100,000,000.
1,600,000	—	—	62½	—	100,000,000.
					500,000,000.

Этого уже слишкомъ достаточно: ни одинъ народъ въ 50,000,000 душъ, далеко не даетъ на твердой землѣ 500,000,000 рублей серебромъ государственнаго доходу. Между-тѣмъ изъ этихъ душъ доселѣ мы обложили подушнымъ отъ доходовъ только 3,100,000 человекъ, и каждой изъ нихъ достаётся среднимъ числомъ внести въ казну только 390 рублей. Три милліона человекъ, это—едва народонаселеніе большихъ городовъ подобнаго государства. Разумѣется, что расписаніе окладовъ мы начали очень низко, и платящіе классы, для скорого расчета, слишкомъ увеличили: надлежало начать съ оклада въ 10,000 рублей и съ класса въ 1,000 человекъ, увеличивать классы и уменьшать оклады малыми количествами, въ арифметической пропорціи: тогда для третьяго милліона душъ, на одну душу пришлось бы уже только по 7 или 6 рублей, вмѣсто $62\frac{1}{2}$, а итогъ доходу былъ бы все тотъ же, 500,000,000. Остальные 47,000,000 душъ можно почестъ за бездоходные: опредѣливъ для нихъ общій окладъ въ 25 копѣекъ серебромъ, получится еще около 16,000,000 рублей, на издержки финансовой администраціи. При пынѣшней же европейской системѣ многосложныхъ налоговъ, финансовая администрація стоитъ отъ 10 до 20 процентовъ и сборъ въ 500,000,000 рублей повлекъ бы за собою 40 и 50 милліоновъ издержекъ.

Не нужно и говорить, что это блестящее состояніе государственныхъ доходовъ—только ученая мечта, умозрѣніе, теорія. Мы здѣсь, просто, излагаемъ ученіе и надежды *пилистовъ* и теоретиковъ Лиги, идеи, которыя въ эту минуту въ большой модѣ, въ страшномъ ходу, которыя бродятъ въ горлчихъ головахъ и воспаляютъ многія воображенія въ Англии и на твердой землѣ. Онѣ совершенно согласны съ логикою и расчетомъ вѣроятностей, но за практическую ихъ пользу мы отнюдь не ручаемся. Первое, и капитальное, неудобство, которое мы видимъ въ этой системѣ, состоитъ въ томъ, что подушное отъ доходовъ, что, какъ мы видѣли изъ расчета, значить—*подать на богатыхъ*, не ограждаетъ ни кого отъ пошлннъ: найдутся всегда философы, которые падежаютъ кучу новыхъ нуждъ государственныхъ и укажутъ на новые источники

доходовъ, комизг жалко и несправедливо пренебрегать, и звалъ единственной подати мало-по-малу, при всей строгости политической нравственности, утредится множество косвенныхъ сборовъ подъ разными замысловатыми названіями. Конецъ всѣхъ концовъ будетъ непременно тотъ, что подъ сѣню пиллизма подать на богатство увеличится до чрезвычайности, и промышленности за выдумкою новыхъ пошлинъ ничего не выиграють отъ перемены.

Но какъ бы то ни было, идея торжественнаго возврата къ патриархальнымъ финансовымъ системамъ возбуждена въ Европѣ, и чрезвычайно любопытно для каждаго разсматривать приемы блаженной старины въ этомъ отношеніи. «Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи», кромѣ исторической своей занимательности, представляетъ въ настоящую эпоху еще и современный интересъ. Превосходное сочиненіе это, конечно, не рассчитывало на такую прибавку важности и могло бы безъ нея обойтись, но любопытство читателя, увлекаемаго кипучимъ дневнымъ вопросомъ, не можетъ лишить его дани, посылаемой обстоятельствами.

Какъ далеко мы нынѣшніе, которые, въ угодность вѣку, сочиняемъ философію податей и на каждый рубль доходу исписываемъ церемоніально по дести бумаги на счета, отчеты, бюджеты, протоколы, справки, табели, донесенія, запросы, какъ далеко отошли мы отъ того нехитраго времени, когда русскій князь, каждую осень, садился на-конь съ своими «гридни и вяряги» и, шумно, молодецки, объѣзжалъ свои города, пригородки и волости, чтобы покормить лошадей на счетъ подданныхъ, повеселиться съ ними, попить ихъ браги, и взять съ нихъ дань, *подымное или поголовное*. Это было однакъ, въ грубомъ и неустроенномъ видѣ, первая форма общиннаго сбора единственной подати, съ предоставленіемъ раскладки самимъ плательщикамъ. Не доставало только мудраго пилиста, который бы усовершенствовалъ эту натуральную методу собиранія государственнаго доходу, раздѣлилъ край на приличное число приходовъ, далъ благоустройство внутреннему ихъ управленію и, назначивъ областныхъ казначеевъ, опредѣлилъ справедливо количество взносу для каж-

даго прихода, согласно съ нуждами правительства и съ мѣстными средствами, да съ ручательствомъ, со стороны закона, что ни какихъ другихъ податей, налоговъ и пошлинъ взимаемо не будетъ. Мы теперь обладали бы идеаломъ финансоваго управленія и свободно-торговаго блаженства, задуманнымъ теоріей. Мы слушали бы образцомъ сэръ-Роберту Пилю. Его мятежные торы не могли бы сказать ему, что онъ — мечтатель и сочиняетъ утопію. Татары всему помѣшали сложностью податей и сборовъ, которую ввело ихъ жадное владычество. Баскаки ихъ захватили въ свои руки поголовное и дань. Князья принуждены были открывать для себя новые источники доходовъ, облагать промыслы, учреждать пошлины. При соединеніи княжествъ въ одно Московское Государство всѣ эти различныя статьи составляли уже установленную регалию, и центральное управленіе собирало ее по существующимъ, тогда уже стариннымъ, обыкновениямъ. Государя не хотѣли нарушать ихъ. Каждой присоединенной области сохраняли они ея природное финансовое управленіе: только мѣсто пребыванія областного приказа перенесено было въ общую столицу, Москву. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича было еще тридцать такихъ приказовъ.

«Приказъ Большаго Дворца, въ которомъ вѣдомы были дворы Сытенной, Кормовой, Хлѣбной, Житенной и посадскіе люди богѣе чѣмъ сорока городовъ, тяглою и подати, дворцовыя села и черныя волости этихъ городовъ и восемь слободъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, какъ то, котельники, оловяшники, горшечники, печяники и кирпичники; и съ нихъ подати берутъ противъ того жъ, что и съ иныхъ посадскихъ людей. Въ этомъ приказѣ собиралось до ста-двадцати тысячъ тогдашнихъ рублей въ годъ. Въ немъ засѣдали бояринъ, дворецкой, окольникъ, думной человекъ и два или три дьяка. Бояринъ честию бывалъ другой человекъ, подъ конюшимъ первой. Окольникъ заступалъ мѣсто дворецкаго.

«Въ Приказѣ Казанскаго Дворца шли подати съ понизовыхъ городовъ. Денежные доходы казанскаго и астраханскаго царствъ расходывались на мѣстѣ. Въ приказѣ же присылались подати съ ясачныхъ людей, состоявшія изъ лисиць, куницъ, бѣлокъ, горностаевъ, песцовъ, зайцовъ и волковъ, которыя шли изъ него въ

Сибирскій Приказъ. (Въ казанскомъ и астраханскомъ царствахъ читалось тридцать городовъ съ пригородами). Въ этомъ приказѣ засѣдали бояринъ, думной дьякъ и два дьяка.

«Сибирскій приказъ, вѣдавшій сибирскимъ царствомъ, въ которомъ считалось большихъ и среднихъ горддовъ, кромѣ пригородовъ, болѣе сорока. Денежные доходы этого царства употреблялись на мѣстѣ. Въ приказъ присылалась подать, взимавшаяся различными мѣхами, въ цѣну болѣе шести сотъ тысячъ рублей ежегодно. Этимъ приказомъ завѣдывалъ тотъ же бояринъ, что и Казанскимъ Дворцомъ. При немъ находились два дьяка.

«Приказъ *Большіе Казны* собиралъ подати съ гостей, гостинной и суконной сотни и съ торговыхъ людей, крестьянъ и бобылей многихъ городовъ. Приходу въ немъ бывало до трехъ-сотъ тысячъ рублей. Этимъ приказомъ завѣдывалъ тотъ же бояринъ, который управлялъ Стрѣлецкимъ Приказомъ; при немъ находились товарищи его думной дворянинъ и два или три дьяка.

«Въ *Приказъ Новгородская Четверть* поступали подати съ торговыхъ людей Великаго Новагорода, Пскова, Нижняго Новгорода, Архангельскаго города, Вологды и другихъ поморскихъ и пограничныхъ съ Швеціею городовъ. Этимъ приказомъ вѣдалъ посольской думный дьякъ.

«*Приказъ Устюжская Четверть* имѣлъ главное завѣдываніе надъ податями съ посадскихъ людей, волостныхъ и уѣздныхъ крестьянъ города Юстюга Великаго. Въ немъ засѣдали бояринъ и два или три дьяка.

«*Приказъ Костромская Четверть* получалъ подати съ податныхъ людей городовъ: Ростова, Ярославля, Костромы и другихъ. Имъ управлялъ думной дворянинъ, при которомъ находился дьякъ.

Галицкая Четверть вѣдалъ податями жителей города Галича и его уѣзда. Въ немъ засѣдалъ бояринъ, и при немъ находились два дьяка.

Въ *Монастырской Приказъ* поступали подати съ владѣльческихъ и съ монастырскихъ крестьянъ, на сумму больше двадцати тысячъ рублей. Имъ управлялъ окольникъ, при коемъ было два дьяка.

«*Хлебной Приказъ* получалъ ежегодно до двадцати тысячъ рублей въ податяхъ съ какихъ городовъ и уѣздовъ, неизвестно. Въ немъ засѣдали дворянинъ и дьякъ.

«Въ *Каменномъ Приказъ* вѣдомы были податями жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ открывали бѣлой камень и дѣлами известъ.

«Въ Приказъ Малой Россіи вѣдомы были Малая Россія, Войско Запорожское и города Кіевъ и Черниговъ съ товарищи, съ того времени, какъ отлучились они отъ польскаго короля и учинились въ подданствѣ подъ царскою рукою. Приказомъ управлялъ тотъ же бояринъ, который вѣдалъ Галицкою Четвертью.

«Въ Земской Приказъ поступали подати съ московскихъ посадскихъ людей и съ жителей въкоторыхъ небольшихъ городовъ. Въ немъ засѣдалъ тотъ же дворянинъ, что и въ Костромской Четверти; при немъ находились два дьяка.

Эта система до нашихъ временъ сохранилась отчасти въ Великобританіи, гдѣ Англія и Шотландія, княжество Валлійское, Ирландія, имѣють въ центральномъ министерствѣ своихъ отдѣльныхъ казначеевъ и свою отчетность.

Московскіе приказы были только счетные и контрольные столы различныхъ областей, которыхъ доходы получались ими ономъ отъ мѣстныхъ управленій. На мѣсть финансами областей завѣдывали намѣстники и волостели. Эти лица, имѣвшіе при себѣ помощниковъ и дьяковъ, продолжали финансовыя обряды прежнихъ варяжскихъ князей, и объезжая по ихъ примѣру города и волости для сбора податей, пользовались ихъ же привилегіями. При вступленіи въ должность они получали отъ жителей *възъжес*, и, во все время службы—*кормь*. То же самое водилось во Франціи при Франкахъ, и въ Англіи въ норманское время: чиновникамъ финансовъ и юстиціи, при объездѣ областей, назначался на счетъ жителей *кормь*, food, который, для значительнѣйшихъ лицъ, замѣнялся пожалованіемъ, на ихъ содержаніе, *кормовыхъ имѣній*, дѣлавшихся нерѣдко наследственными, какъ и самыя чины. Отъ этого-то слова *кормь*, food, fōd или feud, происходитъ въ средней латыни названіе *феодальныхъ владѣній*, доннынъ затрудняющее европейскихъ филологовъ, но для насъ Русскихъ совершенно ясное изъ сравненія западныхъ летописцевъ съ Несторомъ, у котораго находимъ мы это загадочное слово въ древнемъ славянскомъ переводѣ: *кормь*. Что feud или feod, вмѣсто food, не значило ничего болѣе какъ *кормь*, въ этомъ удостовѣряетъ еще и другой доннынъ извѣстный переводъ его, именно турецкій: въ покоренныхъ Оттоманами

остаткахъ римской имперіи, гдѣ въ послѣднія времена ея заведась было та же система жалованія имѣній важнѣйшимъ должностнымъ лицамъ на ихъ содержаніе, вмѣсто определенной платы отъ казны, такія имѣнія, и даже цѣлые округа этого рода, называются *арпалыкь*, что значитъ «кормъ» для лошадей. Известно, что и у насъ тоже, главные должностныя лица получали нѣкогда такія же вознагражденія за свою службу. Въ Польшѣ, во все время ея существованія, всѣ жалованія замѣнялись доходами съ имѣній, приписанныхъ должностямъ или раздаваемыхъ королевскою милостію. Имѣнія эти назывались въ Польшѣ *староствами*, въ Германіи *графствами*, потому что *графъ* и *староста* — слова однозначація. Наши аренды — послѣдній остатокъ *кормовой* или феодальной системы: онъ уже собственно не жалованіе, но только прибавка къ жалованію.

Кромѣ *вълзжаго* и постоянного *корму*, которыхъ важность и цѣна опредѣлялись грамматами, намѣстники и волостели Русскаго Царства, при объѣздѣ округовъ, имѣли еще право получать пропитаніе, лошадей и подарки отъ жителей. Въ грамматахъ имъ обыкновенно запрещалось ночевать въ томъ же мѣстѣ, гдѣ объѣдали, и объѣдать тамъ, гдѣ ночевали. Сверхъ-того предоставлялись имъ разныя *пошлины*, то есть «обыкновенія», напимѣръ, *новоженный убрूसъ* (скатерть), за который новобрачные вносили намѣстнику деньги. Если дѣвушка выходила замужъ за жителя другаго округа, пошлина эта увеличивалась. Тѣ же самыя «обыкновенія» или «пошлины» встрѣчаемъ мы повсюду, гдѣ только господствовала кормовая или феодальная система.

Основаніемъ податнаго сбора было *тягло*; но, въ противность подушному, которое одинаково и для богатаго и для бѣднаго, податные люди раздѣлялись по зажиточности, на *лучшихъ*, *среднихъ* и *молодчихъ*, что гораздо ближе къ подати отъ доходовъ. Не всѣ сословія участвовали въ приношеніяхъ на общія потребности отечества: дворянство и чиновники были свободны отъ податей; духовенство также, но только лично; съ духовныхъ имѣній подать шла по тягламъ; нерѣдко однакожъ отъ этой *черноты* они *объльались* «объльными грам-

шатами», которыми набожность русских Государей освобождала ихъ отъ всѣхъ податей.

Казна получала немного, но, за немнѣишемъ постоянною арміи, при системѣ содержанія всѣхъ властей и всѣхъ заведеній мнѣтнымъ «кормомъ» отъ жителей или кормовыми мнѣніями, немногого и требовалось. Но и этотъ небольшой сборъ, но алчности тогдашнихъ чиновниковъ, которые думали только о томъ, чтобы поскорѣе «откормиться», подавалъ поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Государямъ, сказано въ одномъ изъ актовъ, изданныхъ Археографической Экспедиціей, отъ крестьянъ челобитья великіе и доука была безпрестанная, что намѣстники.... и волостели и ихъ пошлинныя люди, сверхъ... жалованья указу, чинятъ имъ продажу и убытки великіе; а отъ намѣстниковъ, и отъ волостелей, и отъ ихъ пошлинныхъ людей.... доука и челобитья многіе, что.... посадскіе и волостные люди.... кормовъ имъ не платятъ, и ихъ бьютъ, и въ томъ межъ ихъ поклены и тяжбы великіе; да отъ того на посадяхъ многіе крестьянскіе дворы, а въ уездахъ деревни и дворы запустѣли.... и данн и оброки сходятся несполна.

Царь Іоаннъ Васильевичъ, жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей.... отъ городовъ и отъ волостей отставилъ; и за намѣстники и за волостенины.... доходы.... и за ихъ пошлинныхъ людей пошлыны, велѣли.... посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчити денгами; а того для, чтобы крестьянству продажъ и убытковъ не было и.... отъ нихъ на намѣстниковъ и на волостелей.... и отъ намѣстниковъ и отъ волостелей на посадскихъ и на волостныхъ людей, челобитья и доуки не было, а посады бы и волости отъ того не пустѣли, велѣли во всѣхъ городяхъ и волостяхъ учинити старость излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити и намѣстники и волостелины.... доходы собирать и къ нимъ на срокъ привозити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себѣ излюбятъ и выберутъ всею землею, отъ которыхъ бы имъ продажъ и убытковъ и обиды не было, и разсудити бы ихъ умѣли вправду беспосулно и безво-

докладно, и за малолетничъ бы досады оброкъ собранъ умиаи и къ нашей бы казнь на срокъ привозили безъ надоборы.

Вотъ в римская административная община первыхъ временъ христіанства, съ выборными примасами, или «излюбленными старостами», только безъ участія приходской духовной власти, обязанной руководствовать совѣстью старѣйшинъ при миролюбивой раскладкѣ подати на членовъ прихода. Это мудрое установленіе — одно изъ самыхъ славныхъ дѣяній Царя Іоанна Васильевича. Сужденіе о большихъ или меньшихъ способностяхъ лицъ «излюбляемыхъ» предоставлялось общей сходкѣ. «Излюбленные списки», скрѣпленные избирателями, отсылались въ Москву. Излюбленные старѣйшины обязаны были собирать подати по зажиточности и доходамъ каждаго, но *животомъ и промысломъ, какъ тягли межъ себя разводять* (раскладываютъ), *а лишка оброковъ въ разводѣ* (раскладкѣ) *на деревни не прибавляти ни кошки дѣлы.* Выборные цѣловальники были ихъ помощниками. Старосты не получали жалованья. За неисполненіе долга своего званія *хитростью или небреженіемъ, вслѣдствіе обвиненія и улики,* они подвергались смертной казни *безъ упросу,* и животы ихъ съ недостатками конфисковались, *а досталь тѣмъ людѣмъ, кто на нихъ доведеть.* Если, напротивъ, они исполняли дѣло свое совѣстно, прямо, безволонитно и беспосудно, то тягла ихъ освобождались отъ податей и пошлинъ, и они еще получали награжденія.

Всѣ эти прекрасныя учрежденія, на основаніи которыхъ «комунальное управленіе по части раскладки и сбору податей, говоритъ авторъ, было преобладающимъ въ Россіи», уничтожились постепенно подражаніями западнымъ системамъ, начавшимся съ основанія новой столицы. Судьбу этихъ безчисленныхъ преобразованій, затрудненія и хлопоты, къ которымъ они подали поводъ, неудачи многихъ опытовъ и извѣстнѣйшіе фянансовые проекты, предложенные до исхода царствованія Императрицы Екатерины Второй, — все это вужно читать въ превосходномъ изложеніи автора исторіи нашихъ фянансовъ. О ясности и занимательности этого изложенія при историческомъ развитіи каждой статьи па-

шихъ государственныхъ доходовъ, читатель можетъ судить изъ слѣдующаго отрывка исторіи русской монеты.

Главною русскою монетою всегда были мѣдныя деньги. Серебряной монеты чеканили мало. Непостоянство и несообразность внутренняго достоинства монетъ съ номинальнымъ безпрестанно причиняли Россіи мучительныя кризисы, разоряя казну, частыя состоянія и торговлю.

« Россія уже въ XVI столѣтіи была наводнена фальшивыми деньгами. Мѣдныя деньги серебрили, мѣшали мѣдъ въ серебро на половину или треть, привозили поддѣльныя изъ за границы. Почти отъ каждаго царствованія остались указы о наказаніяхъ денежнымъ ворами, объ отобраніи фальшивыхъ мѣдныхъ и оловянныхъ монетъ. Но подобныя мѣры, по тому самому, что онѣ были только временныя, не могли пересѣчь зло, укорененное въ народѣ недалководнымъ правительствомъ, которое усматривало только свою пользу въ возвышеніи номинальной цѣны монетъ, не понимая, что такая самопроизвольность влечетъ за собою уничтоженіе промышленности, торговли, огромный вредъ казнѣ, мятежи и бунты, слѣдовательно, всеобщее государственное бѣдствіе: «на то не смотрѣли», говоритъ Котошихинъ. Если даже и встречаемъ попытки установленія правильнаго хода и настоящей цѣнности мѣдныхъ денегъ, то такія попытки тотчасъ же оставались, уступая минутной казенной прибыли. Такъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 1656 году, приказано было обратитъ Государевы доходы безразлично серебряною и мѣдною монетою, по той цѣнѣ, по которой онѣ выдавались изъ казны; и въ этомъ же году велѣно взимать $\frac{2}{3}$ податей серебряною, а только $\frac{1}{3}$ часть мѣдною монетою. Такая неуравнительность мѣдныхъ денегъ относительно серебряныхъ, несообразность постановленной имъ цѣны съ дѣйствительною ихъ стоимостью, имѣли слѣдствіемъ совершенный упадокъ первыхъ и наконецъ отобраніе ихъ изъ всеобщаго употребленія. Еще въ 1657 году мѣдныя деньги ходили наравнѣ съ серебряными; въ 1662 году за серебряный рубль давали двѣнадцать рублей мѣдною монетою, а въ послѣдствіи, по удостовѣренію Котошихина, серебряный рубль стоилъ 17 рублей мѣдью. Торговля остановилась, ратные люди, получавшіе жалованье мѣдною монетою, не могли получить за нее самыхъ необходимыхъ потребностей, народъ мятежилъ въ глазахъ Государя, однимъ словомъ, произошло потрясеніе въ самыхъ жизненныхъ органахъ Государства. Возстановитъ упавшую цѣнность

мѣдныхъ денегъ было уже невозможно. Государь рѣшился изъять ихъ вовсе изъ народнаго употребленія, что и было сдѣлано указомъ 1664 года, конемъ повелѣно мѣдныя деньги славить, а не славши, никому у себя не держать, а присылать въ Московскій Приказъ. Правительство перешло такимъ образомъ изъ одной крайности въ другую: «Во многихъ низовыхъ и въ иныхъ городѣхъ», читаемъ въ совѣщенномъ указѣ, «за скудностью денежекъ, на разнѣхъ въ мѣлкихъ торгахъ пересѣкають серебряныя копѣйки на двое, и на трое, и торгуютъ ими вмѣсто денежекъ на разнѣхъ, а въ Калугѣ и въ иныхъ городѣхъ вмѣсто серебряныхъ денежекъ торгуютъ же кожаными и иными жеребьями». По этому въ 1700 году велѣно было начать вводить денешки, полушки и полуполушки. Но удовлетворивъ этой народной потребности въ мелкихъ деньгахъ, правительство, въ 1713 году, снова надѣлало еще мѣдныхъ денегъ на полмилліона рублей. Въ 1721 году, Бергъ-Коллегія, въ представленіи своемъ Государю о мѣдной монетѣ, выражалась такъ: «нѣсть полезно вынѣ много денегъ дѣлать, понеже отъ того въ государствѣ уже великія суммы обрѣтаются, и хотя кажется якобы сіе на Денежномъ Дворѣ великую прибыль чинить, однакожъ коммерціи великой ущербъ содѣлывается, когда пропорція мѣдной противъ серебряной монеты гораздо болѣе будетъ, умалчивая, что мѣдныя деньги великими суммами тяжело возить, и въ пожарной случай оныхъ можетъ много погибнуть, и отъ серебряныхъ денегъ, въ такое время чисто сохранится». По этому Бергъ-Коллегія предлагала дѣлать только десятую часть мѣдныхъ денегъ въ сравненіи съ серебряными, на что и согласился Государь. Петръ Великій весьма понималъ необходимость утвердить мѣдную монету въ дѣйствительной ея стѣнности; вотъ слова его: «О деньгахъ мѣдныхъ, я многократно говорилъ, чтобъ способъ выкачать...; привозныхъ много мѣдныхъ, о чемъ гораздо думать и способъ сыскивать надлежитъ, дабы послѣ не тужить о возвратномъ убыткѣ». Повидимому, и не трудно было упрочить ходъ мѣдныхъ денегъ, съ соблюденіемъ при томъ всей казенной выгоды; ибо разработка мѣды обходилась Правительству довольно дешево: «Самъ изволь разсудить», писалъ въ 1724 году къ Петру Геннигъ, «мѣдъ такъ дешево тебѣ становится, что на свѣтъ нельзя лучше желать. Изъ монхъ сысканныхъ мѣсть нудъ становится со всемъ расходомъ и съ жалованьемъ горныхъ по 1½, по 2 и по-полтретья рубля, а самая добрая по 3 рубля до сего времени». Чѣмъ очевиднѣе дешевизна мѣды въ разсмотрѣ-

ваемое время, тѣмъ разительнѣе тотъ косвенный, скрытый налогъ, который падалъ на бѣдный классъ народа, когда назначаемы были произвольныя цѣны мѣднымъ монетамъ, и съ года на годъ ихъ увеличивали.—Такъ мѣдныя копѣйки и полушки дѣлавы съ 1700 по 1701 годъ по 12 руб. 80 коп., съ 1701 по 1704 годъ по 14 р. 20 к., съ 1704 по 1719 годъ по 20 р. а съ 1719 по 1724 подъ полушки по 40 р. изъ пуда. Такая же цѣна назначена была мѣднымъ пятикопѣечникамъ, которые начали дѣлать въ 1724 году.

«Въ 1723 году опять выбито на полмилліона пятикопѣечниковъ, а въ 1727 еще на два милліона, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи вымѣнять ихъ на серебряныя деньги, ибо «въ серебрѣ имѣется такая нужда, что на монетныхъ дворахъ почитай нѣтъ, «и подрядчики по подрядамъ не поставили; и чтобъ скорѣ какую нарочную сумму получать могли, такой надежды не имѣется, а мѣди какъ своей, такъ и со стороны скорѣ получить можно.» Съ этого времени вновь стало Правительство безъ мѣры выпускать мѣдныя деньги. Императоръ Петръ Второй въ 1727 году велѣлъ сдѣлать два милліона мѣдныхъ пятикопѣечниковъ, милліонъ копѣекъ и полмилліона полушекъ, а въ 1728 году еще на милліонъ мѣдныхъ копѣекъ, для содержанія арміи.

Такой огромный выпускъ мѣдныхъ денегъ долженъ былъ имѣть пагубное вліяніе на ихъ цѣнность, что и понудило Императрицу Анну Иоанновну, тотчасъ по вступленіи на престолъ, учредить комиссію для разсмотрѣнія монетнаго дѣла и опредѣленія на будущее время монетной системы».

Мѣры однакожъ, которыя были придуманы и приняты, оказались столь неудачными, что Правительство, лѣтъ черезъ пятнадцать, увидѣло государственную казну на краю банкротства: монетный кризисъ временъ Царя Алексѣя Михайловича готовъ былъ повториться.

Съ 1744 года предложена была эта задата Сенату. Отысканы разные проекты въ письмахъ Остермана, Миниха, Головкина, графа Ягужинскаго, представлены новыя. Нужно было выбрать изъ нихъ наиболѣе здравый и примѣнительный къ настоящему положенію монетной системы. Замѣчательнѣйшія предположенія о способахъ вымѣна пятикопѣечниковъ были слѣдующія:

«Коммисара Шлеермана, о вымѣнѣ лоттереею.

«На это Сенатъ отозвался такъ: «Лоттерей, здѣсь въ Россіи, дѣло не токмо не заобыкновенное, но и не многимъ свѣдомое,

«почему изъ Россійскихъ подданныхъ, чаятельно, что никто въ оную, за незнаемъ сего дѣла, и подписываться не будетъ, а хотя бѣ бывшіе въ другихъ государствахъ и подписывались, но такой великой суммы, сколько на вымѣнъ тѣхъ пятикопѣечниковъ надобно, набрать и въ многіе годы сомнительно».

«Монетной Канцеляріи Ассессоръ Шлаттеръ и Коммерцъ-Коллегіи Вице-Президентъ Меллисинъ полагали удобнымъ произвести этотъ вымѣнъ посредствомъ выпуска билетовъ или ассигнацій.

«Сенатъ такимъ образомъ опровергалъ этотъ проектъ: Билеты «потому жъ въ Россіи, не токмо не заобыкновенное и незнаемое дѣло, но и самое вредительное и весьма хуже нынѣшнихъ пятикопѣечниковъ; ибо мѣдные пятикопѣечники внутреннюю мѣди доброту имѣютъ, а билеты никакой уже внутренней доброты имѣть не будутъ; и ежели ихъ въ Россіи умножить, то паки вымѣнивать ихъ съ превеликимъ казеннымъ убыткомъ и съ крайнимъ народнымъ раззореніемъ несравненно, противъ уменьшенія цѣны нынѣшнихъ пятикопѣечниковъ, принуждено будетъ. Къ тому жъ сіе весьма предосудительно будетъ, что вмѣсто денегъ, будутъ ходить бумажки, да и опасно, чтобъ не подать причины впредь худымъ разсужденіямъ».

«Ассессоръ Монетной Канцеляріи Мокъевъ предлагалъ сдѣлать изъ сибирской мѣди новыхъ пятикопѣечниковъ на три миліона рублей, по двадцати рублей изъ пуда, и на нихъ вымѣнять старые. Но Сенатъ опровергалъ этотъ проектъ невозможностію достать такое количество мѣди, недостаткомъ денегъ для ея покупки и наконецъ самымъ убыткомъ, который послѣдовалъ бы отъ того для казны.

«Ассессоръ Шлаттеръ предлагалъ начеканить золотыхъ двухъ рублевыхъ монетъ, которыми бы и произвести вымѣнъ. Отдавая преимущество въ обращеніи золотой монетѣ предъ мѣдною, Сенатъ ссылался на совершенный недостатокъ въ казнѣ золота, потому что «ни откуда купить не уповаешь, а здѣсь въ Россіи и малаго числа золота и золотыхъ червонныхъ сыскать неможно».

«Фельдмаршалъ Миннихъ полагалъ возможнымъ перевести мѣдную монету черезъ торговлю въ Китай, Хиву, Бухару и Камчатку, учредивъ для того особую компанію. Невозможность выполненія этого проекта Сенатъ доказывалъ самою невозможностію учрежденія подобной компаніи.

«Найденный въ письмахъ Головкина черновой проектъ состоялъ съ томъ, чтобы вымѣнять пятикопѣечники на прибыльные деньги отъ передѣлки серебряной монеты, и перепечатать

ихъ въ грошевики, по осемнадцати рублей изъ пуда. — Сенать возражалъ на этотъ проектъ какъ тѣмъ, что доставляемая перелѣлкою серебряныхъ денегъ прибыль казнѣ не столь велика, чтобы покрыть подобныя издержки, такъ и тѣмъ, что ожелъ станутъ выдѣлывать изъ пуда мѣди такое значительное число денегъ, то поддѣлка монеты не пресѣчется.

«Отвергнувъ изложенные проекты, Сенать принялъ проектъ покойнаго графа Павла Ивановича Ягужинскаго, не смотря на опроверженіе, представленное противъ него Демидовымъ.

«Проектъ графа Ягужинскаго состоялъ въ томъ, чтобы убавлять цѣну пятикопѣечникамъ постепенно, именно по копѣйкѣ въ годъ, такимъ образомъ, чтобы въ продолженіе четырехъ лѣтъ обратить ихъ въ копѣйки. — Такъ какъ оставлять эту монету въ обращеніи долге было невозможно, а казна не могла принять на себя всѣхъ убытковъ, сопряженныхъ съ ея вымѣномъ, то весьма благоразумно было уменьшать цѣну этихъ денегъ постепенно, дабы не привести въ конечное разореніе бѣдный классъ народа, въ рукахъ коего онѣ преимущественно находились. Въ послѣдующее же время мѣдными монетамъ должно было назначить цѣну, сообразную съ дѣйствительною ихъ стѣимостію, слѣдовательно, несравненно меньшую той, по которой онѣ до того ходили. Проектъ графа Ягужинскаго былъ утвержденъ Императрицею и въ 1744 году вступилъ въ дѣйствіе, но окончательный вымѣнъ пятикопѣечниковъ совершенъ былъ, въ слѣдствіе предложенія и заботъ графа Петра Ивановича Шувалова, только въ 1755 году.

Съ этого времени изъ пуда мѣди, стѣившей казнѣ отъ 5 до 6 рублей, стали выдѣлывать только по 8 рублей, такъ, что русская монета сдѣлалась тяжеловѣснѣе тогдашней англійской и шведской, ходившей по той же цѣнѣ. Но такая уравнительность цѣны мѣдныхъ денегъ съ ихъ внутреннимъ достоинствомъ существовала недолго; въ 1757 году, по предложенію того же графа Шувалова, Императрица повелѣла вновь выдѣлывать изъ пуда мѣди по шестнадцати рублей, «для получаемой такимъ образомъ казнѣ не малой прибыли». Хотя съ податнаго класса народа сложено было на этотъ годъ сборовъ на миллионъ рублей, но такую мѣрою не могли быть вознаграждены потери, которыя должны были понести всѣ сословія государства отъ удвоенной цѣны мѣдной монеты. Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ благодѣтельныя предположенія о преобразованіи монетнаго дѣла,

получивши даже примѣненіе, уступали всегда временнымъ выгодамъ казны; исправленное зло тотчасъ же возвращалось.

« Установленная цѣна мѣднымъ деньгамъ при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, сохранилась во все царствованіе Императрицы Екатерины Второй, хотя и была перемѣнена въ тридцать два рубля изъ пуда, временно, при Императорѣ Петрѣ Третьемъ, въ 1762 году.

« Такова исторія хода мѣдной монеты въ Россіи, нанесшей столько убытковъ казнѣ и такъ часто разорявшей бѣдное податное сословіе. Эта исторія, полная переворотовъ, оставила для будущихъ временъ одинъ благодѣтельный опытъ, тотъ именно, что произвольность въ назначеніи цѣны монетамъ, доставляя мнимыя, минутныя прибыли, влечетъ за собою потери несравненно большія, что польза казны тѣсно связана съ пользою народною, и что вредъ ихъ взаименъ».

Позволено ли ожидать, что ученый авторъ этой «Исторіи финансовыхъ учрежденій Россіи» не остановится на царствованіи Императрицы Екатерины Второй, и доведетъ прекрасный трудъ свѣй до настоящаго времени?... Русскій человекъ не крѣпокъ книжнымъ трудолюбіемъ: онъ скоро утомляется. Но мы надѣемся, что если бы даже, вслѣдствіе блестящаго успѣху первой книги, перо автора затерялось въ академическихъ лаврахъ и лучахъ славы, — что такъ часто у насъ случается, — то, послѣ этихъ страницъ, общее требованіе отечественной читающей публики заставитъ его довершить начатое.

==

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=
ДЕКАБРЬ, 1847.

=
НОВЫЯ КНИГИ.

ОПЫТЪ ПЕРЕЛОЖЕНІЯ ВЪ СТИХИ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТЪ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ. И. Фараонова. (СП.-бурзь, 1847, съ-12., стр. 180.)

Всякій опытъ религіозной поэзіи можетъ быть увѣренъ заранѣе въ хорошемъ приѣмѣ со стороны литературной лѣтописи. Она готова даже не смотрѣть, для почину, на нѣкоторыя негладкости стиха, лишь бы только русская поэзія оставила луны и дѣву въ покоѣ и рѣшилась наконецъ быть настоящею поэзіей, которой безъ религіознаго чувства, безъ образовъ небесныхъ, безъ священныхъ воспоминаній Вѣры, нѣтъ и быть не можетъ. Таково убѣжденіе лѣтописи, глубокое, непоколебимое, всегдашнее. Оно основано не на теоріи, но на исторіи самой поэзіи. На счетъ теоріи довольно замѣтить одно: что такое религіозное чувство, если не высочайшая и самая чистая поэзія духа и жизни?... Можетъ ли быть настоящей поэзіей такая поэзія, которая занимается только происшествіями и предметами внѣшняго міра, страстями и картинами вещественными? Но воро-

Т. LXXXVI. — Отд. VI. 1

тимся къ исторіи поэзіи: свидѣтельство фактовъ — лучшее доказательство въ такихъ вопросахъ. Люди древніе, современные самымъ поэтическимъ вѣкамъ, отъ которыхъ остались намъ ни съ чѣмъ несравнимыя памятники и образцы великаго искусства, называли поэзію *языкомъ боговъ*. Неужели древніе хотѣли сказать этимъ, что боги Олимпа разговариваютъ между собою? Нѣтъ, такая смѣшная мысль противна всѣмъ ихъ понятіямъ, какія только мы знаемъ. Выраженіе *языкъ боговъ* значило — языкъ религіи. Дѣйствительно, вѣра и поэзія у древнихъ были неразлучны. Священныя воззванія, гимны, отвѣты оракуловъ, все облечено было въ чудную музыкальную форму древняго стиха. Трагедія и комедія потому только сочинялись въ стихахъ, что представленія эти были дополненіемъ къ храмовымъ обрядамъ и принадлежали къ религіознымъ праздникамъ. *Иліада* считалась у язычниковъ книгою священною. Гомеръ былъ *божественнымъ* не за стихи свои; не за авторское искусство воздвигали ему храмы: этотъ таинственный слѣпецъ былъ признаваемъ учителемъ язычества. Критика на него почиталась вѣщестіемъ. Поэзія и стихотворное искусство такъ тѣсно были связаны съ вѣрою древнихъ, что христіанство, сначала, должно было совершенно отвергнуть и то и другое, чтобы не имѣть ничего общаго съ язычниками. Съ того времени поэзія потеряла свое настоящее значеніе. Даже классическое стопосложеніе, удивительнѣйшее изъ вдохновеній первобытнаго человѣка, которое нехристіанскій Востокъ сохранилъ свято несмотря на тысячи бурь и переворотовъ, пришло въ новомъ христіанскомъ въ полное и невозвратное забвеніе. Искусство погубило на Западѣ. Когда потомъ явились между христіанами поэты, стихотворное искусство и поэзія еще дотога казались имъ дѣломъ чисто языческимъ, что, желавъ сочинять стихи, они сочли себя обязанными воспѣвать въ нихъ Аполлона, Марса, Юпитера, по примѣру предковъ, и въ христіанскихъ произведеніяхъ возстановили всю религіозную фразеологію язычниковъ. Одинъ изъ латинскихъ епископовъ шестаго столѣтія первый подалъ примѣръ такого возрожденія искусства. Отсюда начало классической школы. Разумѣется, что такая поэзія была только шуткою, потѣхой, забавою. Боги забытой вѣры, выводимыя на сцену для поэтическихъ эффектовъ, встрѣчаемы были улыбкою; тѣ же самыя имена, которыя нѣкогда, являясь въ стихѣ, возбуждали чувство таинственное и благоговѣйное, теперь употреблялись только какъ театральная декорация, унижали поэзію до гаерства. Она была безъ достоинства, безъ силы, безъ

вліянія. Всякое чувство поэзія потерялось. Случались по-временамъ счастливыя исключенія, но они мало производили дѣйствія: и это вообще были или сюжеты богословскіе, представляемые въ формѣ языческихъ поэмъ, или полу историческія повѣствованія, изъ которыхъ и христіанство и язычество устранились нарочно, чтобы дать мѣсто философїи. Школа торжественно продолжалась почти до нашего времени. Въ западномъ христіанствѣ послѣ Французской Революціи, пробудился истиникъ настоящей поэзіи. Впервые поэзія заговорила тогда на западѣ своимъ природнымъ языкомъ. Одушеваясь снова неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ, она поспѣшила назащиту попоранной религіи и спасла ее въ тѣхъ классахъ народа, къ которымъ она обратилась. Всякому извѣстно дѣйствіе, произведенное сочиненіями Шатобриана и такъ блистательно довершенное Ламартиномъ, поэтомъ вовсе не гениальнымъ, но умѣвшимъ попасть на стезю истинной поэзіи, заговорившимъ въ звучныхъ стихахъ языкомъ и чувствами христіанина. Весь секретъ необыкновеннаго успѣху Ламартина заключается въ этомъ обстоятельствѣ: продолжая онъ тѣмъ же стихами морочить читателей фразеологіей классицизма, онъ бы промелькнулъ въ европейской литературѣ незамѣченнымъ. Ламартинъ сталъ колоссомъ. Вліяніе его на сердца и восторги душевные было немовѣрное. Чему онъ обязанъ этимъ какъ не возвращенію къ первобытному характеру поэзіи, къ религіозному отпечатку вдохновенія, какимъ оно было у Гомера и у всѣхъ древнихъ поэтовъ. Примѣръ Ламартина весьма поучителенъ. Къ сожалѣнію, онъ не совершенно былъ понятъ въ свое время, и донынѣ не умѣютъ понять его ясно. Классъ безбожниковъ à la Voltaire былъ въ то время еще многочисленъ во Франціи. Юное поколѣніе, оставлявшее тогда университетскія скамьи, считало за доказательство глубокаго ума выказывать скептицизмъ. Не возможно было однако жъ отвергать силы и торжества Ламартина, явившагося христіаниномъ въ поэзіи. Отсюда начало романтической школы. Заговорили съ энтузіазмомъ о *христіанской поэзіи*, но христіанскія чувстваванія этого поэта замѣнили суевѣрїями набожной старины, отъ которыхъ молодые мудрецы ожидали совершенно того же эффекта. Чтобы лучше понять этотъ переходъ, нужно вспомнить, что у парижской молодежи того времени все христіанское, со включеніемъ сюда и теплыхъ вѣрованій Ламартина, называлось еще конвенціональнымъ терминомъ — *superstitions*. И вотъ явились колдуны, вѣдьмы, мертвецы, ночныя страшилища, видѣнія, гробы, черепа, кости, весь причетъ роман-

титескихъ уродовъ и мерзостей. Средніе вѣка вошли въ моду, потому что были самые суевѣрные изъ всѣхъ и, слѣдственно, самыя поэтическіе. Одно только мрачное, страшное, отчаянное, безобразное, готическое, синекливало уваженіе новыхъ теоретиковъ. Тайна истинной поэзіи была разгадана: *le vrai beau, c'est le laid!* И пошла потѣха.

Эта школа не могла удержаться. Въ десять лѣтъ она успѣла надоесть всѣмъ и рушилась. Романтическая критика, положивъ перо, сказала съ глубокимъ вздохомъ: «Нѣтъ поэзіи! Поэзія въ наше время не возможна. Человѣкъ сталъ слишкомъ вещественъ, сухъ, положителенъ. Холодный расчетъ занялъ мѣсто восторженныхъ чувствъ прекраснаго. Поэзія навсегда исчезла съ лица земли.» И были добрые люди, которые повѣрили этому.

Такова, въ короткихъ словахъ, исторія великаго искусства.

Какъ, нѣтъ поэзіи? Разумѣется, что, въ суевѣріяхъ и ужасахъ, поэзіи нѣтъ! Конечно, для такихъ вздоровъ нынѣшній человѣкъ сталъ слишкомъ положителенъ и холоденъ. Но поэзія есть, и всегда будетъ тамъ, гдѣ есть теплая вѣра и таинственное убѣжденіе. Несмотря на весь свой гений, Викторъ Гюгò далеко не исторгнулъ у читателей тѣхъ восторговъ, которыми былъ увѣнчанъ опытъ Ламартина. Вотъ гдѣ — поэзія:

« Въ стѣнныхъ стѣнахъ Авсиден
Знатиѣ всѣхъ вѣнчаныхъ главъ,
Правдивъ, не злобенъ, не лукавъ,
Былъ Іовъ, житель Идумей.
Красой сторичнаго плода
Ему на нивахъ жатвы стлался;
Въ лугахъ паслись и размножались
Его безсчетныя стада;
Въ дому тѣмочисленные слуги
Предъ нимъ стояли день и ночь;
Блажили недруги и други
Его властительную мощь.
Изъ патріарховъ аравійскихъ,
И изъ Правителей Сирійскихъ,
Изъ тѣхъ, кѣмъ славился Эдомъ,
Никто богатствомъ и добромъ,
Никто съ нимъ мощью не равнялся;
Друзьями онъ шѣлъ царей;
Врагу бессильному смѣлся,
И самъ былъ царь земли своей.
Три дочери — краса Востока,

И семь почтительныхъ сыновъ,
И жизнь святая, безъ порока
Явили Божій въ немъ покровъ.
Онъ чтилъ законъ; заря явилась —
Онъ славилъ Бога своего;
И старость тихая его,

Какъ вечеръ, къ западу склонилась.
Изъ предѣла странъ земныхъ,
Въ твердь небеснаго чертога,
Прилетѣли стать предъ Бога
Сонмы Ангеловъ святыхъ.
Между ними дерзновенный
Духъ отпадшій, Духъ смятенный
Къ Богу Вышнему предсталъ.
« Рабъ Твой Іовъ славенъ долу. »
Такъ онъ Господу вѣщалъ.
« Блескъ и мощь его престолу
« Не вотще ты, Боже, далъ;
« Озлатилъ ему ты дани;
« Хвалитъ онъ въ Тебѣ себя;
« Но коснись его страданій—
« Онъ возлюбитъ ли Тебя? »
И Господь ему вѣщаетъ:
« Все, чѣмъ Іовъ обладаетъ,
« Кромѣ жизни, отдаю
« Въ область полную твою. »

Цирюють дѣти мужа славы
У брата старшаго въ дому.
Отцу пріятны ихъ забавы;
Но вѣстникъ прибѣжалъ къ нему
И говоритъ: « Волось орацнхъ,
« Ослицъ пасомыя стада
« Валла злодѣевъ рать напавшихъ,
« И спасся я одинъ сюда. »
Еще не кончалъ оробѣвшій
Слуга сяхъ горестныхъ вѣстей,
Какъ вновь рабъ Іова применѣвшій
Ему вѣщалъ: « На злакъ полей
« Сошелъ внезапно огонь небесной
« И пожралъ пастырей, овецъ;
« Лишь я спасенъ судьбой чудесной. »
И новаѣ загубнаѣ гонецъ
Гласитъ горчайшую утрату:
« Сыновъ твоихъ и дочерей,

ЛИТЕРАТУРНАЯ АНТОНИСЬ.

« Пришедшихъ веселиться къ бразу,
 « Убилъ жестокой вихрь степей,
 « Забушевавшій отъ пустыни;
 « Погибло все—рабы, рабыни
 « И хранина, гдѣ праздникъ былъ;
 « Меня лишь вихрь тотъ пощадилъ. »

Гдѣ дѣлись Иова надежды?
 Какую старецъ вялъ молву?
 Онъ рветъ въ отчаяннѣ одежды
 И сыплетъ пепелъ на главу.
 Но волю Бога чтя едину,
 Сидяая слезы, онъ сказалъ:
 « Я нагъ родился, нагъ покину
 « Мую страну; все Богъ мнѣ далъ,
 « И Онъ свое обратно взялъ;
 « Благословлю мою судьбину. »

Изъ предѣла странъ земныхъ,
 Въ твердь небеснаго чертога,
 Прялетѣла стать предѣ Бога
 Соммы Ангеловъ святыхъ.
 Между ними дерзновенный
 Повелитель иррачныхъ силъ
 Къ Богу свѣта приступилъ,—
 И вѣщаетъ Бѣсъ смущенный:
 « Иовъ твой великъ душой.
 « Преноситъ онъ смиренно
 « Горе, посланное мной.
 « Но не стало ль искушеній?
 « Всѣхъ ли рабъ Твоихъ выше ихъ?
 « Много скорбей и мученій
 « Есть для грѣшныхъ и Святыхъ.
 « Свой животъ всего дороже
 « Ставить челоуки земной;
 « Порази недугомъ, Вѣже,—
 « Узришь, твердь ли Иовъ Твой?»
 И Господь ему вѣщаетъ:
 « Все, чѣмъ Иовъ обладастъ,
 « Разорай и пощади,
 « Только душу соблюди. »

И вотъ дьяволъ исчезаетъ

Надменъ безъ вѣры и кобца,

И онъ безвѣдноту едина

Богъшию логотъ изрѣкаетъ.

Сирійская проказа—страхъ,
 Бить древности, разбойникъ стени,
 Сквозаа плоть его какъ въ цѣпи,
 И боль кипитъ въ его костяхъ.
 Отъ всѣхъ оставленный, въ градъ,
 На смрадномъ гноищѣ, одинъ,
 Какъ бы въ преддверьи скорбномъ ада,
 Сидитъ отжившій властелинъ.
 Порой идетъ къ одру мученья
 Сжесточенная жена:
 Но мужу, вмѣсто, утѣшенья,
 Несетъ скорбь новую она.
 «Докогда, отмстятъ разумъ,
 « Во снѣдь червямъ ты станешь жить?
 « Не лучше ли единымъ разомъ
 « И жизнь и муку прекратить?
 « Вспомни въ скорбяхъ дѣторожденье,
 « Труды, печаль свогиза я:
 « Погибло наше поколѣнье!
 « Умолкнетъ память здѣсь твоя!
 « Скитаюсь ночи безъ цокрова;
 « Изъ мѣста въ мѣсто прехожу;
 « Рабой день цѣлый я служу
 « И жду, зайдетъ ли солнце снова,
 « Чтобъ отъ трудовъ моихъ почить
 « И одръ твой дойный посѣтить.
 « Увы! терпѣть болѣзнь нѣтъ силъ;
 « Сойду одна во мракъ могилы!»
 Такъ, плача, слабая жена
 Страдальца бѣднаго терзаетъ,
 И вѣще дьявола она
 Святую душу искушаетъ.
 « О ты, безумныхъ женъ чета!»
 Ей говоритъ съ одра мужъ рока.
 « Прошли счастливыя гѣта
 « И нынѣ скорбь моя жестока:
 « Но мы богатство, славу, честь
 « И жизнь отъ Господа приали;
 « Почто жъ земеръ бездѣльны стали
 « Имъ насладное горе съестъ?»
 И цовъ, пресадрав, муку,
 Блажить карающую руку.

II.

Но мука Іова люта,
 Долга година испытанья,
 И умножаетъ язва та
 Невыносимыя страданья.
 И онъ деретъ свои власы,
 Онъ проклинаетъ день рожденья:
 « О вы, злосчастныя часы!
 « Отворили жизнь мнѣ на мученья.
 « Исчезни адская та ночь
 « Съ лица земнаго круга прочь!
 « Да не считается въ дняхъ лѣта!
 « Не воззоветъ ее Богъ свѣта;
 « Но клятвою да проклинаеть!
 « Пускай во прахъ ее низвергнуть!
 « Пусть звѣзды ночи той померкнуты!
 « И въ слѣдъ денница не взойдетъ!
 « Не возмогла она въ утробѣ,
 « Меня носившей, затворить,
 « Или сачавши истребить!
 « Я тамъ истлѣлъ бы какъ во гробѣ.
 « Почто не умеръ у сосновъ?
 « Почто я взятъ былъ на колѣни?
 « Спокойно бы въ могильны сѣни
 « Тогда сошелъ къ душамъ отцовъ,
 « Теперь мнѣ язвы не по силамъ.
 « О! если бы кто взвѣситъ могъ,
 « Или измѣритъ ихъ мѣриломъ!
 « Онѣ безсчетны какъ песокъ.
 « Неутолимою проказой
 « Все тѣло рушится мое;
 « Окрестъ наполнилъ я заразой
 « Жилище смрадное мое.
 « Во мнѣ дыханіе сгорѣло;
 « Огонь въ крови моей течетъ;
 « Ужель я каменное тѣло?
 « Изъ иѣды ль скванъ мой животъ?...
 « Какъ въ зной родникъ пересыхаетъ,
 « Иссохла слава такъ моя.
 « Меня сбъжитъ и презираетъ,
 « Кого рабомъ имѣлъ здѣсь я.
 « Во мнѣ сосѣди друга чтли,—
 « Я чуждъ имъ, ненавистенъ сталъ;

« И тѣ меня не навѣстали,
 « Кого любилъ я и ласкалъ.
 « Бездомный, мучимый, тоскуя,
 « Молю, чтобъ дни скорѣе шли,
 « И слезы горькія точу я
 « На лono хладныя земань.
 « И жизнь моя быстрѣе слова
 « Съ одра бѣдъ моихъ въ адъ течеть.
 « Какъ дара жду зари восходъ;
 « Заря взойдетъ—жду ночи сна.
 « Отравы дни мои полны;
 « Ужасныя видѣнья, сны
 « Меня въ часъ ночи возмущаютъ,
 « И грѣшный ропотъ вытѣсняють
 « Изъ груди страждущей моеи.
 « О! вынь тоскующую душу;
 « Я брелъ лишь землѣ Твоей,
 « Создатель міра! Чѣмъ нарушу,
 « Чѣмъ могъ нарушить твой законъ
 « Я, брешное изчадыя праха?
 « Ужели не прощаешь оны?
 « Ужель Богъ казни Ты и страха?
 « Скажи мой грѣхъ; чѣмъ предъ Тобой
 « Помыселъ ребъ твоихъ столь жестоко?
 « Не Ты ль на небѣ послухъ мой?
 « Не предъ Тобою ль каплетъ око?
 « Я басныя городу служу:
 « Мое жилище лучше ль ада?
 « Могла мнѣ была бѣ отрада;
 « Не смерти я не нахожу!....

« Совлекъ, о Боже, какъ одежду,
 « Вѣнецъ и славу Ты съ меня,
 « И ты срубилъ мою надежду,
 « Какъ древо рубить для огня.
 « О! если бы мнѣ кто мѣданы,
 « Или каменные доски далъ:
 « На нихъ бы я всѣ скорби, раны
 « Мои потомству написалъ,
 « Чтобъ время, сильный разрушитель,
 « Ихъ съ вѣкомъ не могло истлѣть,
 « Чтобы грядущій Утѣшитель
 « Пришелъ животь мой искупить.
 « Прискорбно видѣть, какъ счастливый,

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕГЕНДА.

- « Покойный, въ играхъ и нѣрахъ
 « Проводить время нечестивый.
 « Ему на пѣвахъ и дугахъ,
 « Въ уединеніи чертога—
 « Успѣхъ повсюдный; горе, страхъ
 « Незвѣдомы. Слыть персти, прахъ—
 « Чѣмъ заслужилъ отъ милости Бога?....
 « А нѣтъ мнѣ минувшихъ дней
 « Кто возвратитъ красу и радость?
 « Утрату царства и дѣтей.
 « Богатства, здравья, дружбы сладость?....
 « Въ тѣ дни, какъ шедъ главою моею
 « Еще горѣлъ свѣтальникъ Божій,—
 « Среди старѣйшихъ, богачей,
 « Гроза предательныхъ вельможей,
 « Творилъ я судъ въ землѣ своей;
 « Какъ въ ризу, въ правду облачался;
 « Великъ и славенъ былъ мой родъ;
 « И мой глаголъ здѣсь ожидался,
 « Какъ наша лѣтомъ росу ждеть.
 « Млекою и сокомъ винограда,
 « Князю, пути мои толкаю;
 « Я безпомощныхъ былъ отрада,
 « Я былъ отецъ своей земли.
 « И я мечталъ жить въ лонѣ рай,
 « Какъ пальма при потоцѣ водъ,
 « Главою столбѣтней помавая,
 « Милыя долги осѣнять шаромъ.
 « Не гдѣ же тѣхъ твоихъ мечтала?
 « Мой жребій—вѣчныя страданья!...»

III.

- И се гласъ Бога громовой
 Сквозь тучу бурную вѣщаетъ:
 « Кто ты, здѣсь спорящій со мной?
 « Кто знать судьбы мои дерзаетъ?
 « Я, допроду—мнѣ дай отвѣтъ
 « Ты зрѣлъ, ли, какъ столпы вселенной
 « Я утверждалъ, создавши свѣтъ,
 « Далъ мѣсто тмѣ—и дурновенной

- « Мнѣ былъ ли нуженъ твой совѣтъ?
 « Ты видѣлъ ли, какъ цвѣтъ денницѣ
 « И кругъ лунѣ составилъ я?
 « Онѣ подобно колесницѣ
 « Текуть по лону бытія,
 « Иль при тебѣ, о червь надженной!
 « По безднамъ неба я ходилъ,
 « И звѣзды, свѣточн вселенной,
 « Изъ мрака ночи выводилъ?
 « Или въ сокровищницу града,
 « Снѣговъ и льда и росъ въ тайникъ,
 « Къ цвѣтамъ надоблачнаго сада
 « Стопою брэнной ты проникъ?
 « Ходилъ ли ты по дну морскому?
 « Слѣдилъ ли тяжкій тучъ полеть?
 « И по созданью міровому
 « Круговращаешь ли ты годъ?
 « Союзъ Плеядъ у небосклона;
 « Жилище, гдѣ родится громъ;
 « Восходъ Арктура, Оріона
 « Кичливымъ понялъ ли умомъ?
 « Твой взоръ лукавый искушаетъ
 « Небесъ вечернихъ ясный видъ;
 « Скажи: кто звѣзды поднимаетъ?
 « Скажи мнѣ: сколько ихъ блеснитъ?
 « Ты вналъ ли нуждаамъ челоуѣка?
 « Смотрѣлъ ли солнцу ты въ глаза?
 « Сочель ли протяженье вѣка?
 « Покорна ли тебѣ гроза?
 « Ты можешь ли время уставы
 « Хотя на мгъ перемѣнить?
 « И сочныя деревья, травы
 « Въ пустынѣ знойной насадить?
 « Ты призовешь ли облакъ гласомъ?
 « Пошлешь ли громъ по небесамъ?
 « Продлишь ли жизнь единамъ часомъ?
 « Велишь ли пѣниться морямъ?
 « Леталъ ли ты на крыльяхъ бури?
 « Послушны ли тебѣ часы?
 « Звѣзду косматую съ лазури
 « Ты привлечешь ли за волосы?
 « Твой ли длань, твоя ли сила
 « Кона красною облекла;
 « Во снѣдъ траву ему возрастила;

« Жилищемъ степь ему дала?
 « Далеко рать онъ обоняетъ;
 « На гласъ трубы военной ржетъ;
 « И сѣблю копія встрѣчаетъ
 « И персть копытомъ мощнымъ рветъ;
 « Воложишь ли едаворогу
 « Уаду на неприступный зѣвъ?
 « Пойдетъ ли змѣй съ тобой въ дорогу?
 « Послушаетъ ли гласъ твой лезъ?
 « Твоей ли мудростью взлетаетъ
 « На высь незримую орелъ,
 « Или добычу похищаетъ,
 « Оттолѣ устремля на долъ?
 « Ты усмиришь ли крокодила,
 « Обманешь ли его чутье?
 « На немъ, какъ вервь, тугая жила;
 « А ребра—мѣдное литье;
 « Его глаза, какъ пламя пещи;
 « Кривые зубы—рядъ серповъ;
 « Хребетъ—сплетенію щитовъ;
 « И страхъ и смерть—его предтечи;
 « Ему соннѣ водъ въ раздолѣ данъ;
 « Онъ наводненій не боится,
 « И мнитъ, что цѣлый Іорданъ
 « Въ его утробѣ помѣстится;
 « Стрѣла и молотъ—гниль и прахъ
 « Его неуязвимой кожѣ;
 « Онъ спитъ, какъ на пуховомъ ложѣ,
 « На острыхъ камняхъ и пескахъ.
 « Ты ль кормишь ставъ птицъ небесныхъ?
 « Понятенъ ли тебѣ ихъ зовъ?
 « Ты ль правишь хоромъ безтѣлесныхъ,
 « До вѣка созданныхъ Духовъ?
 « Въ степи единую пылинку
 « Твой разумъ могъ ли истребить,
 « Или лучъ зарницы угасить?...
 « Ты создалъ ли хотя былинку?...
 « Я пролилъ море по земли;
 « Покровомъ иглы его навѣялъ;
 « Пустилъ на волны корабли;
 « Въ оплотъ песокъ ему посѣялъ;
 « И волны твердый берегъ рвутъ,

• Въ подлинникѣ, Левіаана.

« Но мой завѣтъ не преступають;
 « Онѣ, крушася, вспять идутъ
 « И въ нѣдрахъ бездны утихають.
 « Я звѣсилъ тяжести вѣтровъ.
 « Ихъ пустотѣ воздушной ввѣрилъ,
 « И въ сотрясеніи громовъ
 « Я путь блистательный измѣрилъ.
 « Въ часъ ночи множество огней
 « Въ поляхъ небесъ Я возжигаю;
 « Хощу—и съ неба ихъ стираю.
 « Печатствую рукой моею.
 « Я нужды, мысли ваши внемлю;
 « Я умъ и крѣпость далъ мужамъ,
 « Я хитрость ткани далъ женамъ;
 « Я небо преклонилъ на землю.
 « Смирійся же передо мной,
 « О сынъ ничтожества надменной!
 « И вмѣсто рѣчи дерзновенной
 « Да шлетъ молитву голосъ твой!»

IV.

Смятенъ, безгласенъ, уничтоженъ,
 Зря Бога свѣтозарный ликъ,
 Главою Іовъ въ прахъ поникъ.
 Но къ Богу ль доступъ невозможенъ?—
 Смиренье, слезы, муки стонъ—
 Все видитъ, взвѣшиваетъ Онъ.
 Страдальца долготомленье
 Влечетъ ему благословенье,
 - И съ ложа скорби онъ встаєть.
 Господь его прощаєть, любить,
 Его стяжанія сугубить,
 И снова чтить его народъ.
 Вотъ старость Іова юнѣеть;
 Вновь пораждаєть онъ дѣтей;
 Надежду новую легѣть;
 И зрѣть сыновнихъ дочерей—
 Своє второе поколѣнье.
 Такъ Іовъ въ нѣдрахъ утѣшенья
 До позднихъ дней своихъ доживъ,
 Угасъ какъ тихая лампада,
 Властителемъ роднаго града,
 И здоровъ и знатенъ и счастливъ.

Что может сравниться съ этой поэзію?... Не потрясла ли она васъ до глубины сердца?... Не удивляетесь ли неволью ея силъ и величію?... Какъ торжественно звучать въ душѣ эти слова, перенесенныя изъ храма въ стихъ!... который, впрочемъ, могъ бы быть и звучнѣе,—впечатлѣніе было бы тогда еще торжественнѣе. Вѣруйте горячо вмѣстѣ съ читателями въ то что пишете, и вы произведете въ нихъ то же благоговѣніе, тѣ же восторги, какіе Гомеръ вызывалъ у древнихъ, горячо вѣровавшихъ въ его сказанія.

Господинъ Фараоновъ переложилъ въ такіе стихи четыре библейскія повѣствованія, «Сусапна,» «Эсѳирь,» «Іовъ,» которое здѣсь привели для примѣру, и «Іудеи,» нѣкоторыя мѣста изъ Пророковъ; и нѣсколько Псалмовъ. Мы ему душевно благодарны за этотъ опытъ. Онъ найдетъ себѣ читателей — и, что всего лучше — доставитъ имъ такое наслажденіе, какого не доставляли стихи, гораздо изящнѣе благонамѣренныхъ стиховъ его. «Эсѳирь» въ особенности — поэма удивительная.

Какъ жаль, что Пушкинъ, вмѣсто подражанія Байрону, не подражалъ Библии, Евангелію и житіямъ Святыхъ! Онъ бы тогда не былъ подражателемъ. Вѣнецъ русскаго Гомера ждалъ его. Онъ увлекся ничтожною модою!...

Гомеръ тоже почерпалъ изъ преданій своей вѣры, и ни кто не упрекалъ его въ подражаніи или заимствованіи. Этого роду сюжеты — собственность всѣхъ великихъ пѣвцовъ, и тогда-то они дѣлаются «наставниками» человѣчества, его «судьями» Гешій придаетъ имъ святость. Благоговѣнное удивленіе народовъ воздвигаетъ имъ храмы и алтари.

Романтики, какъ извѣстно, вздумали было величать себя «про-роками», воспѣвая суевѣрія и отчаяніе! Не скоро достигнешь этимъ путемъ до такого сана.

Бѣдно оканчивается нашъ 1847-й годъ! Свѣтъ меркнетъ. Звучи стихаютъ. Русская словесность нюхаетъ хлороформъ и сладко засыпаетъ. Нѣтъ книгъ къ новому году!... О чемъ стану я говорить съ вами?

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА, съ *Замѣтками о Даніи, Голландіи, Бельгіи и Германіи*, Н. Греча (СП.-бургъ, 1847, въ-8, стр. 590).

Вы знаете эти письма, вы ихъ читали въ газетахъ и наслаждались ими втеченіи полутора года. Николай Ивановичъ знаетъ всѣ парижскія тайны не хуже господина Сю,—отъ тайнъ министерскихъ до тайнъ грамматическихъ,—и рассказываетъ ихъ такъ

обстоятельно, что, прочитавъ его книгу, вамъ кажется, будто вы круглый годъ прожили въ Парижѣ, и все видѣли, все слышали сами! Отъ Гизо онъ ведетъ васъ къ мамзель Рашели, оттуда на выставку, въ уголовный судъ, въ консерваторію; или къ умирающему Нодіе, на предсмертную грамматическую бесѣду.

Насчетъ этихъ грамматическихъ тайнъ, я замѣчаю одну, которой не могу вдругъ разгадать. Гдѣ говорится о великолѣпной картинѣ, тамъ я нахожу — «эта картина», а гдѣ рѣчь идетъ о монументахъ, тамъ торжественно стоитъ — «сей монументъ». Сей, конечно, я нахожу удивительно приличнымъ монументу, совершенно монументальнымъ; такъ и видишь передъ собою.... сей монументъ! Но зачѣмъ жъ картина, большая, прекрасная, изображающая Тициана пишущимъ Венеру съ натуры, только — «эта картина», а не *сія*? Картина похвалена, но безъ *сія* похвала какъ-то не полна. Николай Ивановичъ ничего не пишетъ безъ тонкаго грамматическаго соображенія: когда о картинѣ, представляющей Венеру въ натурѣ, онъ, по-просту, безъ церемоній, говоритъ *эта*, такъ навѣрное это что-нибудь значить.

Но вы сами будете читать *эти*.... *сія*.... ну, пусть ужъ будетъ по-просту, безъ всякихъ тонкостей, *эти* письма — именно потому что уже разъ ихъ читали. Парижъ — Мекка русскаго сердца, женскаго и мужскаго, куда оно вѣчно оборачивается, для поклоненія, со всѣмъ суевѣріемъ обожанія и надежды, потому что его алкоранъ — французскій романъ. Питаясь съ утра до ночи этимъ назидательнымъ чтеніемъ, оно непримѣтно наполняется чувствами и убѣжденіями правовѣрнаго Галла, и Парижъ становится для него умственною родиною — душевною столицею — раемъ. Многие убѣрены что, послѣ смерти, они будутъ жить въ Парижѣ и, въ награду за свою усердную вѣру во все французское, смотрѣть безконечно какъ Рошагѣе II танцуетъ канканъ въ Jardin Mabille. Какое наслажденіе для такихъ вышенисаныхъ сердець въ ихъ временномъ сѣверномъ изгнаніи — книга Николая Ивановича Греча! Затрудненіе можетъ быть встрѣтится въ томъ, что она писана по-русски, на языкѣ такъ мало извѣстномъ *сиямъ* сердцамъ, буквами такъ непривычными *онимъ* глазамъ русскимъ. Но чего не сдѣлаютъ они для Парижа!... для него, они, пожалуй, готовы вспомнить русскую грамоту — выучиться по-русски — и прочитатъ толстую русскую книгу.

Вотъ еще другія письма — нѣсколько новыхъ писемъ на прилѣчку ко многимъ старымъ:

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ РИМСКИМЪ ПИСЬМАМЪ. (СП.-бургъ, 1847
гъ-12, стр. 200.)

Читавшіе «Римскія Письма» ученаго писателя, которому скромность воспретила обнаружить свое имя, конечно помнятъ ихъ особенный почтенный характеръ — любопытныя изслѣдованія о церковныхъ древностяхъ и христіанскихъ историческихъ вопросахъ. Тотъ же отпечатокъ носить на себѣ и «Прибавленіе» къ «Римскимъ Письмамъ». Венеція и Миланъ представляютъ столько примѣчательнаго въ этомъ отношеніи, и благочестивая ученость автора не пропустила ничего безъ вниманія. Тѣмъ не менѣе она, почти съ такимъ же удовольствіемъ, занимается и мирскими предметами. Венеція осмотрѣна, рассмотрѣна въ этой книгѣ со всѣхъ точекъ, во всѣхъ фантастическихъ ея подробностяхъ. Ахъ, Венеція, Венеція!.... Зачѣмъ не видали вы ея въ нынѣшней году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ! Она вдругъ вынырнула изъ моря на пять саженъ выше; она гордо подняла чело, увѣчанное цвѣтами; она была по прежнему многолюдная, шумная страстная богатая, блестящая, державная. Все прежнее народонаселеніе ея явилось налицо изъ персти. Золото, какъ прежде, плавало по морю. Слава и любовь звучали въ воздухѣ, какъ прежде. Подъ Мостомъ Вздоховъ проплыла вся Италія, поглядывая любопытно изъ гондолъ вверхъ—нѣтъ ли еще—тамъ—высоко—подъ Свинцами—въ этомъ таинственномъ мракѣ—хоть одного политическаго узника, котораго душатъ петлею втихомолку?.... Все что было юности, красоты, самолюбія, мудрости, тщеславія, важности или вражды къ наслажденію отъ Тибра и Бри до Альпъ Траяновыхъ, все это трепетно толпилось на площади Святаго Марка, освѣщенной бальшимъ образомъ, среди ночей тихихъ какъ черное зеркало, среди алюминированнаго моря и глухаго гулу народнаго въ улицахъ, на бережныхъ и на водѣ. То то была Площадь Святаго Марка! То то была Венеція. Вы бы забыли для нея десять Парижовъ, если бы увидали ее въ это время. Бѣлые австрійскіе мудры поблекли въ волнахъ радостнаго свѣту. Тѣни Дандоло и Контарини встали изъ гробовъ, чтобъ полюбоваться на воскресшую волшебницу: они узнали въ ней ту же прекрасную царицу Адриатики, свою старую Венецію, пышную, сладострастную и честолюбивую. Только честолюбіе было теперь ученое: тутъ происходилъ конгрессъ ученыхъ. Никому не хотѣлось покинуть возсозданной счастливымъ случаемъ, ни съ чѣмъ несравненной Венеціи: къ первому октября, послѣ цѣлаго мѣсяца шумныхъ, дѣятельныхъ,

разнообразныхъ удовольствій, еще оставалось тридцать-пять тысячъ привѣзшихъ, прибывшихъ большею частью на одну недѣлю.

Авторъ «Прибавленія къ Римскимъ Письмамъ», вѣрно, будучи ожалѣвъ, что не поѣхалъ на конгрессъ итальянскихъ ученыхъ. Святой Маркъ, съ своими византійскими башнями, смотрѣлъ со сѣбѣмъ иначе на кипучую площадь, на воротившуюся къ жизни Венецію, и другія вызывалъ воспоминанія. При всемъ томъ, ученый взглядъ автора всюду умѣлъ открыть достойное живѣйшаго участія. Изъ церковно-историческихъ изслѣдованій его самыми занимательными покажутся, конечно, тѣ, которыя относятся къ древнему употребленію восточной литургіи въ сѣверной Италіи, сохранившемуся отчасти донинѣ въ миланскомъ соборѣ Святаго Амвросія. Авторъ былъ и въ Англій. По обыкновенію, онъ и тутъ занимался преимущественно религіозными предметами; вслѣдствіе чего мы ему обязаны весьма любопытными подробностями о пьюсензіѣ. На Лондонѣ онъ только взглянулъ мимоходомъ, но умѣлъ увидѣть его хорошо, окинувъ взоромъ умнаго и свѣдущаго.

«Надобно собственными глазами видѣть, что такое Англія! Нельзя довольно надивиться этому нравственному колоссу: все огромно до высшей степени, какой только могло достигнуть человечество, и потому утѣшительно, для чувства человѣческаго достоинства вообще; но сами люди, то есть каждый человѣкъ, взятый отдѣльно, какъ бы теряются и подавлены громадностью цѣлаго ихъ быта: ибо они, личностію своею, представляются слишкомъ ничтожными, въ сравненіи того, что сами создали, и это чувство бываетъ тягостно для сердца. Послѣ колоссальныхъ развалинъ мертваго Рима видѣлъ я живой колоссъ Лондона, и мнѣ казалось, что туда перешла всемірная жизнь великаго народа, хотя и съ нѣкоторыми отбѣнками кареагянскими; ибо гордый Британецъ, съ своего неприступнаго острова, какъ съ форума Римскаго, простираетъ взоры и руки во все концы вселенной, до только жезлъ Меркуріевъ, въ рукахъ его, неразлученъ съ мечемъ Марса.

«Войдите въ Парламентъ, не въ тотъ однако великолѣпный дворецъ, изсѣченный изъ мрамора, въ самомъ прихотливомъ вкусѣ готическомъ, на мѣсто старинныхъ службъ аббатства Вестминстерскаго, гдѣ прежде собирався мужи совѣта; вѣтъ, войдите во временное убогое его помѣщеніе, въ ожиданіи новыхъ

чертоговъ, которые уже теперь стоили до тридцати милліоновъ: вы невольно скажете тоже, что и посланные Пирра о селатѣ римскомъ: «это совѣтъ царей!»—Невыразимое чувство благовѣрія, не смотря на внѣшнюю простоту обѣихъ палатъ, овладѣетъ вами, когда вамъ назовутъ дѣйствующія предъ вами лица, уже принадлежащія потомству, и вы вспомните, что тутъ рѣшаются не судьбы Англій, но цѣлой вселенной, ибо Индія и Америка, Китай и Австралія, какъ тѣни проходятъ, одна за другою, предъ вселенскою думою сановниковъ, столь глубоко проникнутыхъ важностію своихъ преній. А кажется все такъ просто дѣлается и говорится, будто люди знакомые сошлись потолковать между собою и сей-часъ готовы разѣхаться, потому что верховныя лошади лордовъ ожидаютъ ихъ у подъѣзда, для прогулки въ Гейд-паркѣ. Только тронъ королевскій въ верхней палатѣ и дубовое кресло президента въ нижней, съ черными одеждами нотаріевъ и строгими формами древняго учрежденнаго церемоніала, свидѣлствуютъ, что тутъ происходитъ вѣчто болѣе обыкновеннаго; а когда цѣлые дни и даже ночи протекаютъ иногда въ непрерывномъ засѣданіи, можно убѣдиться, что не что либо маловажное озабочиваетъ совѣщающихся.— Что же, когда въ урочные дни открытія и закрытія парламента, являются въ верхней палатѣ королева, въ вѣнцѣ и порфирѣ, со всѣмъ своимъ готическимъ дворомъ, всѣ епископы Англій, въ митрахъ и мантияхъ, и всѣ лорды, герцоги; маркизы и графы, имѣющіе голосъ въ палатѣ, вѣстѣ съ своими супругами, также въ мантияхъ и свойственныхъ каждому коронахъ, во всемъ очарованіи среднихъ вѣковъ? — не есть ли это царственный совѣтъ? Изъ парламента загляните въ мрачное аббатство, уцѣлѣвшее во всей своей готической красотѣ, гдѣ предъ ракою короля исповѣдника Эдуарда доселѣ вѣнчаются его преемники, на камнѣ древнихъ владыкъ шотландскихъ: вы прочтете тамъ мраморную лѣтопись всего царства, на гробовыхъ плитахъ его королей, полководцевъ, министровъ, поэтовъ, философовъ, однимъ словомъ всего, что только сіяло гениемъ своимъ благодарному отечеству; вы увидите, что оно собирало вѣками всю свою народную славу въ сію единственную, неподражаемую сокровищницу, которая есть лучшій источникъ богатствъ, ибо возбуждаетъ къ подражанію великихъ подвиговъ тамъ, гдѣ ни одинъ изъ нихъ не утраченъ. Кто обойдетъ это чудное аббатство, съ глубокою думою останавливаясь надъ гробами Елисаветы и Маріи, всего славнаго дома Плантагенетовъ и горькаго Стуратовъ; кто прочтетъ весь рядъ эпитафій; такъ на-

завоеванаго крыла поэтовъ, тотъ обойметъ однимъ полетомъ мысли: что была и есть великая земля, ихъ воспитавшая и упокоившая подъ одною сѣнію, на память будущимъ поколѣніямъ! А между тѣмъ какая твердость въ соблюденіи предаві!—самое аббатство и парламентъ и сосѣдній дворецъ, стоялъ на землѣ одного частнаго человека, маркиза Вестминстерскаго, сохранявшаго имя свое урочищу, которое никогда не выходило изъ рукъ его! Не надобно однако искать блеска царскаго въ дворцахъ St-James и Букингамъ, гдѣ только временно пребываетъ королева при засѣданіяхъ парламента: въ Виндзоръ вся ея слава! Виндзоръ, вмѣстѣ замокъ и дворецъ, какихъ нѣтъ въ Европѣ; тамъ все еще дышетъ временаи Генриховъ, какъ-будто средніе вѣка не прекращались для Англіи въ рыцарскихъ залахъ Виндзора.

«Теперь посмотрите на мнотекущую Темзу, этотъ великій каналъ новой Венеціи, затмившей прежнюю, который кипитъ жизнію обладательницы уже не морей, но океановъ. Арка за аркой, одна другой смѣлѣе и изящѣе, переброшены черезъ быструю рѣку, усаженную судами: между нихъ великолѣпныхъ мостовъ, связывающихъ исполненскій городъ двухъ милліоновъ жителей, дымятся и скользятъ безчисленные пароходы, безпрестанно причаливающіе и отчаливающіе, посреди шума и крика толпы народной и сигнальныхъ свистковъ. Страшно смотрѣть на это непрестанное движеніе неизсякающей никогда толпы, которая пестро движется передъ вами во всѣхъ направленіяхъ, такъ, что голова можетъ закружиться отъ постоянного вниманія къ мимолетнымъ. «Какая жизнь!» сказалъ я однажды Пальмеру, бросаюсь съ нимъ на отчаливающій пароходъ. «Въ адѣ еще больше!» спокойно отвѣчалъ онъ, и это глубокое слово запало мнѣ въ сердце.

«Спуститесь по царственной Темзѣ, подъ всѣ каменные гребни ея мостовъ, мимо роскошныхъ дворцовъ и общественныхъ зданій, и храма Павлова, который созданъ былъ чтобы состязаться съ Петровымъ въ Римѣ громадностью, не красотою; плывите мимо исполнской таможи и доковъ, куда стекается всемирная дань Англіи, мимо мрачныхъ бойницъ Башни, (Tower) гдѣ произошло столько лѣтописныхъ ужасовъ: вамъ покажутъ наконецъ подземный и вмѣстѣ подводный проходъ, который изобрѣлъ и совершилъ, безъ всякой пользы, предприимчивый геній человека, только ради одной славы. Хотите ли плыть далѣе, чтобы видѣть, гдѣ строятся эти нестоимыя суда, обтекающія вселенную, съ миромъ и войною, и вы не найдете достаточно словъ,

чтобы выразить свое изумленіе. До такой степени поразить и подавить васъ исполднскіе размѣры всего, что представится вашему взору, и вы тогда только поймете, почему такіа страшныя изверженія прорываются изъ жерла сего морскаго Везувія, во всѣ концы земнаго шара.

« Хотите ли заглянуть въ такъ-называемый Сити, или какъ бы у васъ сказали на Москвѣ, въ городъ? Имѣйте терпѣніе, или идите цѣлкомъ, потому что здѣсь на каждомъ шагѣ вашъ экипажъ будетъ останавливаться, въ тѣснотѣ улицъ, непрерываемою цѣпью исполднскихъ колесницъ, влекомыхъ исполднскими лошадьми, какихъ вы встрѣчаете только въ Англіи; да и цѣлкомъ часто будетъ задерживать васъ волна народная, текущая къ биржѣ и къ банкамъ, ибо тутъ сердце всемірной торговли. Здѣсь царствуетъ надъ городомъ лордъ меръ, засѣдающій въ своихъ палатахъ также подъ прикрытіемъ готическихъ формъ; королева должна испрашивать у него позволенія вступить въ его область, послѣ своей коронаціи. Вотъ, кажется, небольшой дошъ Индѣйской Компаніи, а въ немъ нѣсколько купцевъ даютъ законы, не менѣе какъ двумъ-стамъ милліонамъ подвластныхъ имъ жителей Индіи, Гвевровъ, Брамцовъ и Магометанъ, для коихъ назначаемый этими купцами наместникъ замѣнилъ великаго Могола! Страшно давать тутъ просторъ своему воображенію. Вотъ, на краю Сити, обширныя палаты сословія адвокатовъ, ибо въ Англіи все дѣлается общественными средствами и потому такъ огромно: это бывший замокъ ордена Храмовниковъ, столь жестоко истребленнаго въ средніе вѣка. Еще уцѣлѣла рыцарская великолѣпная зала, гдѣ теперь собираются власти адвокатовъ: какое странное наслѣдство! Недавно общество ихъ употребило болѣе милліона рублей на отдѣлку древней церкви Храмовниковъ, строенной по образцу мечети Омаровой въ Іерусалимѣ. Одно общество расходуетъ милліонъ для отдѣлки своей домовою церкви: какъ это выражаетъ характеръ Англіи! Но куда въ ней ни обратитесь, все такіе же размѣры.

« Взойдете ли въ музей Британскій: тамъ, кромѣ остатковъ изящной древности эллинской и египетской, вы пройдетесь по тремъ царствамъ природы, въ такомъ обиліи и разнообразіи предметовъ, что уже кажется ничего болѣе нельзя желать отъ нея, ибо для вашей любознательности истощена вся ея область, и даже допотопный міръ предстанетъ вамъ, въ страшныхъ остаткахъ своихъ, исполднскихъ гадовъ, и животныхъ; вы разгадаете тутъ всѣ легенды о чудовищахъ моря и суши, съ коими боролись

древніе гиганты. Если же часть занимает животный міръ, въ нѣмѣннѣе его бытъ, посѣтите паркъ Регента: тамъ отъ морскаго тигра до тигра и слона, отъ высокой цестрой жирафы до страуса и носорога, вы увидите все что создала рука Божія для человѣка. Съ изумленіемъ ходите вы посреди всѣхъ сихъ животныкъ, искусственно собранныхъ съ концевъ вселенной въ одномъ саду, для потѣхи человѣка, какъ бы нѣкогда въ Эдеѣ, когда человѣкъ еще не утратилъ своего образа: и чудно, и дико, и назидательно!

«Я могу дать эгнѣ только слабое понятіе объ исполненіи объемахъ предметовъ и о чрезвычайности общаго впечатлѣнія англійской столицы. Тотъ, кто однажды видѣлъ Лондонъ и то, что въ немъ, уже не можетъ быть ничѣмъ пораженъ въ другихъ городахъ, исключая искусство, развалины и природы, и весьма податно, почему такъ надменны Бритавцы, вездѣ встрѣчающіе одню слабое и часто смѣшное подражаніе тому, что у нихъ такъ просто и огромно. Даже самая любовь ихъ ко всему родному, которая заставляетъ ихъ пренебрегать чуждые обычаи и языки, и не терпитъ у себя ничего, что не свое, не должна внушать имъ уваженія къ тѣмъ, которые ищутъ неловко подражать имъ; но зато они чрезвычайно радушны и любезны въ своихъ предѣлахъ, ибо чувство ихъ народной гордости утѣшено невольнымъ изумленіемъ великаго иностранца предъ тѣмъ, что у нихъ встрѣчается. Они сами, свято соблюдая свои преданія, готовы уважать ихъ и у другихъ, будучи особенно проникнуты чувствомъ самобытной народности, которая составляетъ основную черту ихъ характера, частнаго и общественнаго, правленія и самой религіи.»

Едва-ли не въ первый разъ встрѣчаемъ мы въ русской книгѣ такое понятливое и безпристрастное сужденіе о Лондонѣ, Англіи и Англичанахъ. Вообще мы Французо-Руссы не жалуемъ этого народа—почему?—да такъ;—безъ причины—начитавшись французскихъ книгъ, наслушавшись сужденій французскихъ губернаторовъ и гувернантокъ. Усвоивъ мало-по-малу всѣ глупости этихъ книгъ, всѣ плоскости этихъ сужденій, мы смотримъ на Англію сквозь предубѣжденія и страсти нашихъ мудрыхъ наставниковъ и невольно одушевляемъ французскимъ патриотизмомъ противъ сыновъ «коварнаго Альбіона». Мы терпѣть ихъ не можемъ—потому-что Французы ихъ не любятъ—потому-что они обижаютъ нашихъ любезныхъ Французовъ. Отсюда почти всѣ русскія кни-

ги, гдѣ рѣчь идетъ объ Англіи или Англичанахъ, наполнены безъ всякой причины тѣми пошлыми выраженіями вражды или бессмысленными насмѣшками, которыя заставляютъ разсудительнаго читателя краснѣть за нашу понятливость. Пусть страницы, выписанныя изъ «Прибавленія къ Письмамъ», послужатъ намъ образцомъ разумнаго безпристрастнаго, самостоятельнаго русскаго сужденія объ этихъ людяхъ и объ ихъ удивительной родинѣ.

Годъ великолѣпно оканчивается четырьмя водевилями и нѣсколькими дѣтскими книжками. А именно:

НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА. *Шутка-водевиль съ однимъ дѣйствіемъ.* (Сп.-бургъ, 1847, съ-16., стр. 80).

Племянники москѣ Кубышкина, для шутки, выдаютъ себя за преподавателей естественной исторіи, по методу «натуральной школы», и, нанявшись въ учителя въ двѣичій пансіонъ, къ одной «матушкѣ-мадамъ», учатъ дѣвочекъ курить папирсы, рисовать каррикатуры изъ «Ермаша» и танцовать польку-транбланъ. Плохая шутка! Водевиль отличается тѣмъ, что въ концѣ, никто не женится: взамѣнъ того всѣ танцуютъ.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ. *Съ чертежемъ для расположенія и устройства ширмоваго театра.*

Собраніе трехъ невинныхъ комедій, которыя въ самомъ дѣлѣ могутъ благопріятному юношеству послужить средствомъ къ пріятному упражненію въ драматическомъ искусствѣ. Двѣ изъ этихъ піесъ—сочиненіе даровитой дамы; третья—передѣлка съ нѣмецкаго. Къ собранію, кромѣ чертежа, о которомъ сказано въ заглавіи, приложено наставленіе въ легчайшихъ средствахъ къ обстановкѣ домашнихъ театровъ.

Эти книжечки уже довольно дѣтскія, но слѣдующія еще прѣжѣ относятся къ дѣтскому міру:

1. СААРДАМСКІЙ ПЛОТНИКЪ. *Повѣсть для дѣтей.* Сочиненіе П. Фурмана. (Сп.-бургъ, 1847, съ-8., Дѣль части).

2. СОВЕСѢДНИКЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ. *Повѣсти и рассказы, переведенные съ французскаго.* П. Ивановымъ (Сп.-бургъ, 1847, съ-12., стр. 200).

3. ГЕОГРАФІЯ ВЪ ЭСТАМПАХЪ, *съ повѣстями и рассказами по предметамъ географіи.* Переводъ съ французскаго. (Сп.-бургъ 1847, съ-8.; стр. 290).

4. ВАЛГОГРАФИКОЕ ДИТЯ, *Нѣмъ какъ должно вести себя. Переводъ съ французскаго.* (СП.-бургъ съ-12, стр. 160).

5. АЛЬМАНАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ. *Архангельскъ. СП.-бургъ, 1847. съ-16).*

Повѣсть господина Фурмана «Сарданскій Плотникъ» сідетъ въ этомъ сборѣ дѣтскихъ твореній какъ луна между звѣздами. Повѣсть мила и картинки изящны. Надо замѣтить, что въ первыхъ двухъ нумерахъ этого списка, картинки прекрасны. «Географія въ эстампахъ» издана на двухъ языкахъ, французскій текстъ, съ русскимъ переводомъ, въ одной книгѣ.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

НОВАЯ ПАЛЬМОВАЯ ОРАНЖЕРЕЯ *Императорскаго Санктпетербургскаго Ботаническаго Сада.* (СП.-бургъ, 1847). — Описание это принадлежитъ перу ученаго и ревностнаго агронома нашего, господина Неронова. Авторъ находитъ, что пулковская обсерваторія, построенная Александромъ Брюлловымъ и которую уже описалъ онъ въ одномъ изъ своихъ твореній, и новая пальмовая оранжерея, произведеніе Фишера-Уральскаго — зданія пре-выспреннныя и усматриваетъ по этому случаю большое сходство между звѣздами на небѣ и растеніями въ горшкахъ. Особенно хорошо описаны въ этомъ описаніи тѣ великолѣпныя пальмы, которыхъ нѣтъ въ оранжерей.

О ЖИЗНИ И ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗАСЛУГАХЪ А. Д. БАЛАНШЕВА. (СП.-бургъ, 1847). — Перепечатка статьи, помѣщенной въ одной изъ здѣшнихъ газетъ.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— По случаю горестной семейной потери, неслытанной даровитымъ и благороднымъ авторомъ «Приключеній изъ моря житейскаго», несчастія, о которомъ всѣ русскіе читатели будутъ соболѣзновать душевно, продолженіе этого романа не могло быть помѣщено въ нынѣшней книжкѣ Б. для Ч.

— Двѣнадцатый томъ «Справочнаго энциклопедическаго словаря», издавнаго господиномъ Крайсомъ, выиска въ теченіи мѣсяца. Въ немъ заключаются послѣднія буквы алфавита, отъ Ц до У. Изданіе продолжается съ большимъ тщаніемъ и волею заслуженнымъ успѣхомъ.

— Два новыя, важныя и любопытныя сочиненія, вышедшія одно въ Кіевѣ, а другое въ Петербургѣ, заслуживаютъ обратить на себя вниманіе любителей серьезнаго чтенія. Первое — «Обзорніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ», твореніе И. И. Фундуклея, кіевского губернатора. Второе — «Исторія финансовъ учреждений въ Россіи», графа Д. Толстаго.

=

ЯНВАРЬ, 1848.

НОВЫЯ КНИГИ.

Пѣсеньникъ — двѣ дѣтскія книжки — три или четыре училищныя руководства — одно или два докторскія разсужденія о самонужнѣйшихъ болѣзняхъ — два или три календаря — и нѣсколько брошюркъ..... Неужели это весь годъ будетъ такъ?.... Что же дѣлаетъ Одесса?.... Одесса, самый литературный русский городъ, гдѣ есть, не только писатели, но даже и издатели?.... Увы! и Одесса, на нынѣшній мѣсяць, прислала намъ только свой календарь. Хорошо, что, на случай надобности въ новыхъ книгахъ, я спряталъ одну старую: а то не о чемъ было бы сегодня мнѣ говорить намъ съ вами.

И такъ, есть у меня старая книга — очень старая — она прожила уже пять мѣсяцевъ, и еще жива — значитъ, книга отличная — нѣкогда тѣ только люди и считались умными, которые читали старыя книги: такъ пріймемся и мы за старую книгу, ради умноженія разума нашего. Книгу эту я усердно вамъ рекомендую. Въ ней встрѣтите вы рѣдкое и чрезвычайно пріятное явленіе, хорошее критическое перо. Авторъ обладаетъ всеми качествами отличнаго судьи литературнаго: онъ знаетъ многое, одаренъ чувствомъ и вкусомъ, выражается изящно и умно; у него есть свои идеи, и нѣрѣдко хорошія идеи, есть достаточное количество точекъ сравненія, и нѣтъ страсти изъясняться формулами новѣйшей философической фразеологій, которая все превращаетъ въ техническія термины и этики термины воеють, за недостаткомъ въ чистомъ умѣ и ясной мысли. Онъ навѣрное примѣтилъ, что всякій техническій терминъ закрываетъ только особенную гипотезу

и служатъ мышеловкой на безочетавыя убѣжденія; и вѣроятно поэтому избѣгаетъ онъ этихъ предательскихъ терминовъ, по возможности. Это уже — большое достоинство. Не каждый можетъ обойтись безъ техническихъ терминовъ: для этого нужно очень ясно мыслить и уметь отдавать себѣ и другимъ вѣрный логическій отчетъ во всемъ, что задумаете и что хотите сказать. Съ двумя люжинами звучныхъ техническихъ терминовъ, особенно новыхъ, не истертыхъ, еще неразгаданныхъ, въ два часа времени изъ пошлаго дурака вы сдѣлаете отличнаго философа по любой части: оттого на свѣтѣ столько философовъ. Штука — въ томъ, чтобы изъ цѣлаго словаря техническихъ терминовъ, извлечь хоть одну свѣтлую идею, хоть одинъ фактъ чистый и несомнѣнный. Конечно, и авторъ старой книги попадаетъ иногда въ западню; иногда и онъ, повѣривъ техническому слову, которое пріятно звучитъ въ его ухахъ, принимаетъ призракъ за дѣйствительность, гипотезу за фактъ, и разсуждаетъ объ ней какъ объ истинѣ: но это несчастіе случается съ нимъ рѣдко — для критика, оно въ самомъ дѣлѣ несчастіе — критикъ долженъ думать и разсуждать собственною своею головою, а не догматами какой-нибудь школы, ея любимыми техническими выраженіями.

Автора старой книги зовутъ господиномъ Милюковымъ, а старую книгу:

«очеркомъ исторіи русской поэзіи». А. Милюкова. (СП.-бургъ, 1847, в. 8, стр. 224).

Онъ строго любитъ и глубоко чувствуетъ поэзію: какъ не любить ея, если она — истинное искусство! Господинъ Милюковъ можетъ быть иногда ошибается въ томъ, что онъ, безъ различія, и простое вдохновеніе фантазіи, и вдохновеніе, отдѣланное мастерствомъ искусства, одинаково называетъ поэзіей, забывая, что поэма значитъ мастера, во всей точности — шайстаго, что поэзія — не мысль болѣе или менѣе живописная, но мастерство, мысль, облеченная искусствомъ въ формы идеальнаго прекраснаго и выраженная музыкаю слова, рѣчью, подведенною подъ законы музыкальнаго времени и музыкальнаго движенія, безъ чего нѣтъ и не можетъ быть «поэзіи». Но чѣмъ болѣе господинъ Милюковъ будетъ думать, и чѣмъ ближе станетъ онъ знакомиться съ исторіей искусства, со старинною, съ древностью, которая была ближе къ природѣ и, следовательно, вещь эту понимала яснѣе, безъ школьныхъ хитросплетеній, тѣмъ менѣе будетъ онъ, и въ томъ увѣренъ, расточительнѣе на слово «поэзія».

Вѣрно, онъ не сообразилъ того, что мысль скульптора, выраженная карандашемъ на бумагѣ, еще не есть скульптура. А поэтическая мысль, необлеченная въ прекрасное музыкальное слово, изложенная только прозою, состоитъ именно въ томъ отношеніи къ поэзій, какъ искусству, въ какомъ состоитъ къ скульптурѣ рисунокъ будущей статуи. Рисунокъ тоже — искусство, но только онъ не скульптура. Нельзя же въ исторіи искусства смѣшивать такъ произвольно различные способы подражанія природѣ, различнымъ искусства! Каждое искусство ограничено сущностью матеріалу, на которомъ оно работаетъ, и изъ котораго производитъ образы. Матеріаль скульптуры камень, металлъ или дерево. Матеріаль поэзій — звукъ, но именно, звукъ членный, звукъ съ согласными, съ опредѣленнымъ значеніемъ: она тѣмъ только отличается отъ музыки, что музыка работаетъ на звукъ безчленный, подражаетъ природѣ и производитъ образы свои изъ звуковъ безъ согласныхъ, изъ звуковъ неопредѣленнаго значенія. Въ естественномъ порядкѣ подражательныхъ искусствъ, поэзія во всей точности соотвѣтствуетъ скульптурѣ: обѣ онѣ работаютъ на матеріаль, способномъ достигнуть высшей степени опредѣленности выраженія въ подражаніи. Та ищетъ формъ прекраснаго въ матеріалахъ самыхъ выразительныхъ, въ массахъ, которыя можно обрабатывать выпукло подобно тому, какъ природа обрабатываетъ живыя существа. Другая старается добыть прекрасное изъ звуку твердаго съ положительнымъ значеніемъ, заживляя могучее впечатлѣніе выпуклости немнѣе могучимъ эффектомъ звуковой мѣры. Каждая изъ нихъ связана строгими законами своего природнаго матеріалу, и не можетъ уклониться отъ нихъ, не переставъ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣла явиться, — одна скульптурой, — другая поэзіей. Каждая можетъ и должна производить прекрасное только своего роду, — скульптура прекрасное выпукло-массивное, — поэзія прекрасное мѣрно-звуковое, — чего, онѣ не скульптура и не поэзія, а Богъ знаетъ что такое.

Есть, теперь, другіе способы подражать природѣ и выражать ея прекрасное, способы менѣе опредѣлительные чѣмъ скульптура и поэзія, но болѣе опредѣлительные чѣмъ музыка: это — живопись и проза: обѣ онѣ работаютъ плоско, безъ стѣпенія въ расположеніи предметовъ, но и безъ сильнаго потрясенія организаціи нашей непреодолимостью эффекта, свойственною только выпуклости массъ и музыкальной мѣрѣ звуку; обѣ свободны въ выраженіи; обѣ достигаютъ цѣли своей итробу красокъ, свѣтовъ и тѣней, — та красокъ вещественныхъ, — другая красокъ умствен-

ныхъ. Матеріалъ здѣсь — дѣло второстепенное; живопись мало заботится о веществе, проза мало хлопотетъ о звукѣ. Обѣ ищутъ дѣйствовать обманомъ чувствъ, одна — оптическимъ, другая — акустическимъ (эффектъ акустическій и эффектъ музыкальный — двѣ совершенно различныя вещи). Смѣшивайте, если такъ вамъ угодно, прозу съ живописью: это еще сносно для логики. Но когда вы поэзію смѣшиваете съ прозой, когда въ прозѣ хотите находить поэзію, безъ метафоры и безъ шутки, когда, сочиняя исторію одного искусства, вы безпрестанно принимаете это искусство за другое, совершенно отличное, тогда читателю съ ясными понятіями о сущности подражательныхъ искусствъ остается только — *ля иллахъ иль Аллахъ!* — возложить упованіе свое на Аллаха.

Тѣмъ, которые не могутъ отвыкнуть отъ этого страннаго смѣшенія понятій, произведеннаго самою смѣшвою школою, которая когда-либо существовала въ литературѣ, трактатъ «Основныя понятія о музыкѣ какъ искусствѣ», начинающійся въ нынѣшней книжкѣ Б. для Ч., могъ бы принести большую пользу опредѣленіемъ тѣсныхъ отношеній музыки къ живой человѣческой рѣчи и показаніемъ музыкальныхъ условій звуку.

Если бы господинъ Милюковъ вспоминалъ, изъ какого источника произошло это смѣшеніе поэзій съ прозой, онъ тотчасъ далъ бы себѣ слово никогда впередъ не впадать въ подобное заблужденіе. Въ славныя времена классицизма, когда поэзія была раздѣлена на девять категорій, начинаясь эпосею и оканчиваясь мадригаломъ, честь каждой литературы требовала непремѣнно, чтобы всѣ категоріи были у нея въ полномъ цѣлѣ. Послѣ неудачи Вольтера доставить Франціи эпосею въ Генриадѣ, народное тѣславіе Французовъ стало доказывать, что у нихъ есть однако жъ эпосея — превосходя эпосея — только эпосея въ прозѣ — «Телемакъ» — котораго нынче и дѣти уже не хотятъ читать. Съ того времени, для поддержанія этой забавной идеи, начались во французской критикѣ жаркія диссертаціи о возможности поэзій въ прозѣ и вопіющее злоупотребленіе словъ «поэзія», «поэма», «эпосея», которыя стали примѣнять ко всему. Мода этихъ злоупотребленій распространилась вскорѣ на всю Европу, и до сихъ поръ еще многіе умы, съ другой стороны совершенно свѣтлые и разсудительные, не могутъ разоблачиться изъ хаоса понятій, произведеннаго нарочно въ пользу «Телемака». Слова «поэзія», «поэма» и «эпосея» перестали представлять ясныя и положительныя идеи, для которыхъ они были созданы, а сдѣла-

лись простыми и техническими терминами школы, масками для самых странвых гипотезъ о сущности дѣла и самыхъ сбивчивыхъ понятій объ искусствѣ.

По обычаю всѣхъ историковъ, господинъ Милюковъ начинаетъ древностью — древнею русскою поэзіей. Тутъ-то всѣ наши народныя сказки принимаютъ пышное заглавіе «эпоей», всѣ сказанія въ плохой прозѣ, каково напримѣръ «Слово о полку Игоревѣ», именуется «поэмами» и «поэзіей». Въ видѣ метафоры, конечно, можно иногда примѣнить къ прозѣ слово «поэзія»: по возможно ли на метафорѣ основывать *исторію искусства*? — потому что, навѣрное, господинъ Милюковъ хотѣлъ написать *исторію искусства поэзіи*, а не чего-то неопредѣленнаго, называемаго поэзіей, но не имѣющаго ни формы, ни матеріалу, ни даже своего собственнаго языка.

Господинъ Милюковъ увлекся примѣромъ, привычкою, желаніемъ выразаться моднымъ образомъ. Очень жаль. Но это не уменьшаетъ достоинства разсужденій его о томъ, что онъ называетъ древней нашей поэзіей. Множество счастливыхъ словъ, удачныхъ наблюденій, разсыпано въ этой части книги. Предметъ изложенъ умно, живо, занимательно.

Признаемся, что, у писателя столь образованнаго и свѣдущаго, мы съ нѣкоторымъ удивленіемъ встрѣтили вслѣдъ за этимъ новое техническое слово, *схоластика*, употребляемое въ значеніи самомъ невѣроятномъ, рѣшительно не литературномъ. *Схоластика* донинѣ означала вездѣ и повсюду философію Аристотеля. Другаго значенія слово это не имѣло и не имѣетъ у хорошихъ писателей всѣхъ народовъ. Какая же связь между *схоластикой* съ среднею русскою поэзіей? Какъ можно представить себѣ какую-нибудь поэзію *схоластическою*? Надо предполагать, что авторъ, по чьему-то не слишкомъ ученому примѣру, придавалъ въ мысляхъ этому слову значеніе гораздо болѣе простаго слова — *школьный*; что поэзію кievскихъ академикомъ только онъ хотѣлъ называть *поэзіей школьною* или *школярскою*. Между *scolaire* и *scolastique* — разница огромная. Оттого только, что въ училищахъ преподается схоластика, стихи учителей еще не становятся *схоластическими*, какъ скоро они чужды формъ и идей Аристотелевой философіи.

Можно было бы еще замѣтить, что господинъ Милюковъ очень произвольно усматриваетъ въ *грубости фантазій* сказокъ о пирахъ Владиміра вліяніе какого-то *Востока*, — не того Востока, который мы знаемъ, — а какого-то Востока, нпкому неизвѣстнаго:

тановъ, въ крайнемъ результатѣ, смыслъ словъ его. Для объясненія *грубости* и *дикости* фантазіи вовсе не нужно предполагать невѣдомыхъ Востоковъ: ничего не можетъ-быть грубѣе и диче фантазіи «Волуспы» и «Локасеппы», священныхъ поэмъ тѣхъ самыхъ Скаддиавовъ, которые основали Россію и составляли дворъ первыхъ князей нашихъ. Неблаговидную *чувственность* этихъ сказокъ авторъ также взваливаетъ на Востокъ: на это довольно замѣтить, что Восточные, описывавшіе Руссовъ, съ ужасомъ удивлялись ихъ чувственности и разврату, которыми заражены были даже ихъ религіозные обряды, и что востокъ всегда слытъ цѣломудреннымъ: читайте разсказъ Геродота о царѣ Гигеѣ; спросите у всѣхъ, которые были на Востокѣ. Язычники Славяне не лучше были Руссовъ въ этомъ отношеніи: стоитъ только вспомнить, какъ объ ихъ благонравіи отзывается Несторъ.

Но пора оставить эти темныя и спорныя времена. Перейдемъ къ новѣйшей эпохѣ, къ настоящему искусству и къ собственной исторіи искусства. Здѣсь мы въ полной и несомнѣнной позіи. Здѣсь готовы мы слушать господина Милюкова не прерывая замѣчаніями, съ наслажденіемъ, съ любопытствомъ. Онъ говоритъ такъ хорошо! Вотъ, напримѣръ, эпоха Екатерины. Я долженъ предупредить васъ, что авторъ особенно любитъ слова *реформа*, *цивилизациа*, и тому подобныя. Это маленькая слабость его — слѣдствіе излишней скромности; онъ бонтсся, что безъ такихъ словечекъ рѣчь его покажется многимъ не довольно умною. Какое заблужденіе!... Напротивъ.

«Реформа Петра, призывъ въ Россію множества иностранцевъ при его преемникахъ, и мѣры Екатерины для образованія народа, произведя благодѣтельныя слѣдствія, должны были повлечь за собою и крайности, неизбежныя при всякомъ крутомъ переломѣ. Съ одной стороны, явилась оппозиція невольства, съ другой — пылкое стремленіе къ сближенію съ иностранцами, сдѣлавшись модою, произвело людей, ложно понавшихъ европейскую цивилизацию и усвоившихъ то обезьянство, которое вредно истинному просвѣщенію неменѣе упорной приверженности къ старинѣ. Общество было самое пестрое. Въ первомъ ряду стояла партія, въ главѣ которой была сама императрица, партія людей, цѣпившихъ всю пользу сближенія съ Европою, всѣ плоды науки и западной цивилизациі, стремившихся усвоить ихъ Россіи и подавить старыя пагубныя предрасудки; за нею слѣдовала толпа, которая, желая подражать людямъ образованнымъ, не понимала между тѣмъ истиннаго образованія

« и принимая сближеніе съ западомъ за одну обезьянскую пере-
 « шивчивость наружныхъ формъ парижской жизни, отказалась отъ
 « всего, что должно быть священо для человѣка, и предалась
 « роскоши и разврату; наконецъ старая фаталга закоснѣлыхъ
 « враговъ просвѣщенія, преданная очами, помыслами и вѣсти
 « чувствамъ старинѣ, и подкрѣпляемая въ своемъ упорствѣ дур-
 « ными примѣрами ложно-понятой цивилизаціи, отстаивала свое
 « азіатское невѣжество. Вотъ какую пестроту должно было пред-
 « ставлять общество, — и такое явленіе было совершенно неиз-
 « бѣжно. Борьба европеизма съ татарщиной кипѣла во всей силѣ,
 « высокое вездѣ сталкивалось съ шутовскимъ и низкимъ. Съ од-
 « ной стороны блескъ побѣдъ и славы, стремленіе къ просвѣ-
 « щенію и цивилизаціи изумляли Европу, и Вольтеръ привѣт-
 « ствовалъ изъ глубины своего удивленія мудрую сочинительни-
 « цу Наказа; съ другой — невѣжество и старые предрассудки
 « ясно говорили о временахъ темнаго варварства, а ябеда и хан-
 « жество поражала своимъ закоснѣлымъ упорствомъ. Здѣсь им-
 « ператрица заводила безпрестанно учебныя заведенія, открывала
 « свободныя типографіи, покровительствовала поэтамъ, сама пи-
 « сала и издавала журналы; тамъ старое барство смотрѣло косо
 « на науку, приглашало на обѣды Фонвизина для того, чтобъ
 « посмотреть, какъ онъ передразнивалъ піяту Сумарокова, и гва-
 « ло Державина, какъ человѣка безпокойнаго и неспособнаго къ
 « дѣламъ. Рядомъ съ героями и великими людьми являлись шуты
 « невѣжды.

« Вся эта пестрота и оригинальность тогдашняго общества, всѣ
 « эти противорѣчія въ правахъ, не коснувшись нисколько школы
 « риторовъ, провозглашавшихъ себя *Гомерами и Пиндарами*, от-
 «разились на истинныхъ представителяхъ Екатеринина вѣка,
 « Державинѣ и Фонвизинѣ. Оба они могли явиться только во
 « время Екатерины, и только ей обязаны были тѣмъ, что вы-
 « сказали вполне свои идеи.

« Державинъ воспиталъ себя на Ломоносовѣ. Въ первые годы
 « своей поэтической дѣятельности онъ подражалъ ему безуслов-
 « но, и хотя въ послѣднихъ пошелъ по новому пути, но (одна-
 « кожъ) никогда не могъ освободиться отъ вліянія своего учи-
 « теля, и въ концѣ жизни опять совершенно подчинился ему.
 « Одаренный необыкновеннымъ талантомъ, могучей поэтической
 « душою, онъ могъ бы завѣщать потомству гениальныя созданія
 « и дать новую жизнь нашей поэзіи. Но судьба судила иначе...

« Въ Европѣ совершался тогда великій переворотъ. Миръ, го-

« товался къ перерожденію, отживалъ свою старую жизнь, и об-
 « щественное зданіе колебалось, готовое рухнуть. Философія по-
 « трясала его своими мощными софизмами, энциклопедисты под-
 « капывались подъ самыя сокровенныя его основы. Между тѣмъ
 « французское высшее общество шумно доканчивало въ немъ свою
 « оргію, не заботясь ни о чемъ, кромѣ наслажденій, и утопало въ
 « самой изысканной чувственности, при званіи бокаловъ и пѣ-
 « сень.

« Въ Россіи образованность сосредоточивалась въ высшемъ
 « классѣ, который старался подражать во всемъ французской
 « аристократіи, а потому современное броженіе европейскихъ
 « умовъ должно было отразиться на немъ, хотя безсознательно и
 « смутно. Такъ и случилось. Блестящая, полная упоеній и рос-
 « коши, жизнь французской аристократіи, привилась къ нашему
 « высшему обществу и, смѣшавшись съ остатками азіатской лѣни
 « и чувственности, проявилась еще въ большихъ размѣрахъ, не-
 « желанно во Франціи. Самыя идеи новой философіи проникли въ
 « него, хотя и понимались поверхностно и превратно.

« Все это не могло не отразиться на Державинѣ....

« Многія изъ нравственныхъ одъ его похожи не на гимны,
 « выражающіе глубокое благоговѣніе сердца, прощкнутого ю-
 « сторгомъ и умиленіемъ, но на отвлеченныя доказательства раз-
 « ныхъ истинъ, выраженные въ поэтической формѣ. Всѣ онѣ
 « происходятъ не столько изъ сердца, одушевленнаго любовью,
 « сколько изъ ума, пораженнаго сомнѣніемъ, — менѣе выражаютъ
 « истинное вдохновеніе, чѣмъ усилія доказать истину. Въ нихъ
 « нѣтъ теплоты, согревающей сердце, а замѣтны только усилія
 « представить твердые доводы для подкрѣпленія убѣжденій, ко-
 « торыя колебались въ то разрушительное время. Стоить срав-
 « нить *Гимнъ Богу* съ *Гимномъ солнцу*, чтобъ увѣриться въ про-
 « исхожденіи духовной поэзіи Державина. Въ томъ и другомъ
 « видны одиѣ и тѣ же мысли и чувства, возникшія только изъ
 « холоднаго размышленія. Нѣкоторые высоко цѣнятъ оду *Без-*
 « *смертіе души* и считаютъ ее лучшимъ произведеніемъ Держа-
 « вина, но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Въ ней, какъ
 « и въ другихъ подобныхъ его одахъ, видимъ не столько чув-
 « ство, вызванное изъ глубины души, сколько риторическія дока-
 « зательства, не совсѣмъ удачно придуманныя, для подкрѣпленія
 « истины, до очевидности несомнѣнной. Для насъ эта пѣснь не
 « имѣетъ ни какого значенія; да едва ли она могла быть важною
 « и въ глазахъ современниковъ, когда Державинъ самъ иногда,

« по видимому, противорѣчилъ высказаннымъ въ ней идеямъ.
 « Какъ согласить съ доказательствами о вѣчной жизни души, съ
 « мыслью, что

- « Безсмертіе стихія наша,
- « Покой и верхъ желаній — Богъ,

« тѣ сомнѣнія въ будущемъ, которыя онъ высказываетъ во мно-
 « гихъ своихъ сочиненіяхъ и между прочимъ въ знаменитой одѣ
 « *На смерть Менцера* :

- « Зѣтъ персть твоя, а духа нѣтъ.
- « Гдѣ онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
- « Мы только плачемъ и взываемъ :
- « О! горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

« Негодованіе на современную французскую философію застави-
 « ло Державина увлечься въ такую сферу, которая предлагала об-
 « ширное поле мыслителю, но не могла дать пищу поэту, не по-
 « лучившему прочнаго воспитанія. Потому лучшія изъ духовныхъ
 « одъ его тѣ, которыхъ содержаніе заимствованное, какъ напримѣръ
 « *Властителю и судіямъ*. Здѣсь видно уже чувство и
 « могучій голосъ потрясенной души.

« Въ аякребоническихъ сочиненіяхъ Державина не замѣтно
 « истинной любви, а является одна сладострастная чувствен-
 « ность и жажда къ наслажденіямъ. Эти стихотворенія отличаются
 « тою же риторическою изысканностію; въ нихъ нѣтъ ничего
 « высказаннаго любящимъ сердцемъ, но все внушено холоднымъ
 « умомъ, все — какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ нашихъ
 « критиковъ — блеститъ, а не грѣетъ. Въ нихъ чувственность
 « иногда доходитъ до цинизма, иногда превращается въ притор-
 « ную чувствительность, близкую къ сантиментальности. Всѣ эти
 « стихотворенія проникнуты идеею о скоротечности жизни, о не-
 « прочности земныхъ наслажденій, объ ужасахъ смерти, которая
 « должна лишить человѣка всѣхъ жизненныхъ благъ, — всѣ онъ
 « служить вариациями на одну тему :

- « Вкушать спѣшите блага свѣта,
- « Теченье кратко нашихъ дней.

« Но эта идея о непродолжительности земныхъ благъ, о неиз-
 « бѣжности смерти, поражающей моварха и узника, сокрушаю-
 « щей звѣзды и солнца, достигаетъ иногда у Державина удивительной
 « высоты, особенно въ одѣ *На смерть Менцера*.

« Торжественныя оды Державина долго считались образцами

«высокой поэзіи, но теперь служатъ только примѣрами изысканной риторикѣ. Онѣ принесли большую пользу тѣмъ, что, развивъ риторическое направленіе въ послѣдней степени совершенства, нанесли ему сильный ударъ. Побѣды, изумившія Европу и прославившія русское оружіе въ царствованіе Екатерины Великой, послужили источникомъ для этихъ одъ; но ложное направленіе поэзіи было причиною, что онѣ потеряли всякое значеніе. Напыщенные возгласы, надутыя метафоры, безпрестанныя повторенія дѣлаютъ ихъ скучными до крайности. Оды *На взятіе Измаила*, *На переходъ Альпійскихъ горъ*, *Водопадъ*, *На взятіе Варшавы*, *На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи*, считавшіяся въ свое время чудомъ поэзіи, отличаются такими преувеличеніями, которыя совершенно уничтожаютъ и тѣ прекрасныя, истинно высокія мѣста, гдѣ поэтъ, изображая природу, является великимъ художникомъ. Въ нихъ нѣтъ ни вѣка, ни его представителей, несмотря на то, что этотъ вѣкъ былъ самою роскошною и оригинальною поэмою.

«Видимъ ли мы въ торжественныхъ одахъ Державина тѣхъ исполнителей великаго царствованія Екатерины, которые, кажется, только и жили для того, чтобъ вдохновлять своими подвигами поэтовъ? находимъ ли тѣ дивные образы, которые являются намъ въ самыхъ изумительныхъ краскахъ, ослѣпленные блестящимъ ореоломъ славы? Гдѣ у него Орловы, Румянцовы, Суворовы, герои чуднаго вѣка побѣдъ и триумфовъ? Одинъ только непостижимый любимецъ судьбы, Потемкинъ, изображенъ великолѣпно и поэтически въ *Водопадѣ*:

- Театръ его былъ край Эвксина,
- Сердца обаянный — храмъ,
- Рука съ вѣнкомъ — Екатерина,
- Гремяща слава — ошніамъ,
- Жизнь — жертвенникъ торжествъ и крови,
- Гробница — ужаса, любви.

«Но этотъ очеркъ не полонъ, а въ описаніи смерти Потемкина много изысканнаго и риторическаго. Что касается до Суворова, то, несмотря на то, что онъ *воспѣвается* во многихъ одахъ, мы ни въ одной не видимъ истиннаго его портрета, и только встрѣчаемъ преувеличенныя метафоры и фигуры, которыми поэтъ хотѣлъ изобразить какого-то сказочнаго богатыря, представляя его подвиги баснословными величностями. Можно ли узнать Суворова въ такихъ возгласахъ:

- Ступить на горы — горы трещать,
- Ляжетъ на воды — воды кипятъ,
- Граду роспелся — градъ упадетъ,
- Башни рукою за облакъ нидаетъ.

• Если странно видѣть, какъ Илья-Муромецъ, схвативъ за ноги Татарина, побиваетъ имъ непріятельское войско, то еще страннѣе встрѣчать такія олицетворенія и напыщенные фразы въ описаніи человѣка, который изумилъ Европу своими побѣдами и страпностями.

• Всѣ прочія оды Державина на побѣды и торжества исполнены тѣхъ же самыхъ недостатковъ, и отличаются отъ подобныхъ ломоносовскихъ одъ только изрѣдка мелькающими искрами поэзіи. Къ самымъ слабымъ піесамъ принадлежатъ тѣ, которыя написаны въ послѣдніе годы его жизни на разные случаи великихъ войнъ съ Французами. Въ нихъ поэтъ является конечно патриотомъ, но онъ никогда не могъ возвыситься надъ толпою и смотрѣть на Наполеона такъ, какъ смотрѣлъ Пушкинъ. Онъ видѣлъ въ немъ *антихриста* и *седьмиглаваго Люцифера*, а въ великой отечественной войнѣ находилъ одну побѣду

• Царя Славянъ надъ Авдакомъ.

• Въ стихотвореніи *Атаману и Войску Донскому* онъ общается даже выдать крестницу, которую любилъ какъ дочь, за того, кто поймаетъ и приведетъ на арканѣ Наполеона. Зная тогдашнее направленіе умовъ, мы не должны строго осуждать Державина, но въ то же время не можемъ не сказать, что онъ раздѣлялъ всегда заблужденія толпы и не умѣлъ надъ нею возвыситься. »

Словомъ, господинъ Милюковъ, который говоритъ такъ хорошо, не признаетъ въ Державинѣ настоящаго поэта. Его *сатирическія оды*, каковы «Фелица», «Вельможа», «Видѣніе мнрзы», и такъ далѣе, называетъ онъ «единственными украшеніями поэтическаго вѣнка Державина». У Державина нѣтъ ни одной поэмы—да и быть не можетъ — настоящая поэма должна непременно быть въ прозѣ. «Герой нашего времени», Лермонтова— вотъ поэма! Подлинно, эпопея!... Господинъ Милюковъ, судя по энтузіазму его къ «Герою нашего времени», ставитъ этотъ романъ, какъ кажется, выше всей нашей поэзіи—такъ сказать—почти рядомъ съ французскимъ «Телемакомъ». Въ дѣлахъ вкусу, эти особенныя, непонятныя для другихъ, предпочтенія нерѣдки. Они заслуживаютъ совершеннаго уваженія, потому что происходятъ изъ искренняго энтузіазма, безъ котораго въ искусствѣ нѣтъ ни жизни ни пре-

лести. Никогда не должно почитать за окончательные приговоры критики по части изящной словесности. Время всегда мѣняетъ вкусъ, взглядъ и сужденіе. То, что сегодня кажется чуждомъ красоты, лѣтъ черезъ десять можетъ показаться вершиною смѣшнаго. Драгоценны жаръ, энтузіазмъ, изящное слово въ критикѣ. Они одушевляють. Они увлекають къ прекрасному. Черезъ нихъ умножаются наши наслажденія и минуты счастья.

Читайте «Очеркъ исторіи русской поэзіи»: будете довольны.

Объ остальной литературѣ мѣсяца не многое остается сказать

РУССКІЙ ПѢСЕННИКЪ. *Собраніе лучшихъ и любимѣйшихъ пѣсенъ, романсовъ и водеvilныхъ куплетовъ извѣстныхъ писателей. Составленный К. Авдѣевой. (СП.-бургъ, 1848, въ-12. Двѣ части, стр. 250—270.)*

Нашъ геній ничего не производитъ. Читать нечего: такъ русский человѣкъ поетъ себѣ со скуки —

«Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!

Ты куда, куда слетѣлъ?
Гдѣ ноченьку просидѣлъ?

Я лечу, лечу, лечу,
Я молчу, молчу, молчу.

Если бѣ кустикъ былъ мнѣ милъ,
Я бы гнѣздушко тутъ свилъ.

Соловей гнѣзда не свилъ,
И дѣтей не выводилъ.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!

И доказательство тому, что русскому читателю остается только пѣть Соловья — почти ежемѣсячное появленіе новыхъ пѣсенниковъ. Этотъ — грамотнѣе всѣхъ прочихъ, и предназначенъ, какъ видно, въ утѣшеніе читателямъ со вкусомъ.

1. МОЯ ЛЕПТА НА ПОЛЕЗУ ОБЩУЮ. М. А. Б. (СП.-бургъ, 1847, въ-12., стр. 210.)

2. ПРАВИЛА ПРАВСТВЕННОСТИ. (СП.-бургъ, 1847, въ-12., стр. 140.)

3. ДРУГЪ МАТЕРЕЙ. *Руководствъ къ распознаванію и леченію наружныхъ дѣтскихъ болѣзней и къ предупрежденію у дѣтей разныхъ недуговъ. Сочиненіе доктора медицины и хирургіи К. Грума. (СП.-бургъ, 1848, въ-8., стр. 240.)*

4. *СОВѢТЫ МОЛОДЫМЪ ДАМАМЪ И ДѢВЦАМЪ касательно сохраненія красоты, сбереженія здоровья, умнѣнія одѣваться и образованія себя.* (СП.-бургъ, 1848, въ-14., стр. 126.)

Дѣтъ первыя книжки — творенія весьма назидательныя, весьма правоучительныя, и которыя матери дадутъ въ руки своимъ прелестнымъ дочерямъ.

Третью книгу — возьмутъ въ руки прелестныя матери сами. Докторъ Грумъ — ихъ старинный другъ. Никто лучше его не научитъ ихъ способамъ истреблять у дочерей лишай и угри, предохранять ихъ отъ зубной боли, купать, чистить, гладить, сберегать такъ, чтобы онѣ были розовыя, свѣжія, красивыя и какъ-можно скорѣе убиралась изъ-дому замужъ. Это, собственно, пятый томъ обширнаго и общепользнаго труда, доставившаго ученому автору, подъ названіемъ «Другъ матерей», громкую знаменитость и необыкновенный вѣсъ въ ихъ интересномъ сословіи.

Но какъ всѣ матери еще молоды и, обыкновенно, только двумя-тремя годами старѣе своихъ дочерей, дѣвицъ, то онѣ, и дочери ихъ, дѣвицы, могутъ всѣ вмѣстѣ взять въ руки капельную книжонку «Совѣты молодымъ дамамъ и дѣвицамъ», и читать ее семейно. Тутъ излагаются испытанныя способы сохранять красоту, правила великаго искусства одѣваться, средства нравиться и побѣждать — съ рисунками о томъ дѣлѣ. Главныя изъ этихъ способовъ и средствъ — не ѣздить на вечера и на балы — ложиться спать въ девять часовъ — не кушать вареньевъ и соусовъ — не пить шампанскаго и мараскину — не открывать груди — не носить корсета — не шить себѣ узкихъ платьевъ — башмаки употреблять какъ-можно пошире и подлиннѣе — волосъ на головѣ не стягивать. Когда все это соблюдете во всей точности, вы будете всегда красивы, всегда чудесно одѣты, всегда очаровательны, милы, образованы. Издатель увѣряетъ, что его книжонка крайне необходима для дамскаго туалета.

1. *ПРОМЫШЛЕННАЯ ХИМІЯ. Публичныя бесѣды о важнѣйшихъ химическихъ производствахъ, читанныя въ залѣ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества Н. Виттомъ, преподавателемъ химіи въ Технологическомъ Институтѣ и Горной Технической Школѣ* (СП.-бургъ, 1847, въ-8., часть первая, стр. 300.)

2. *О ПРОИЗВОДСТВѢ СВѢТЯЩАГО ГАЗА И ГАЗОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.* Того же автора. (СП.-бургъ, 1846, въ-8, стр. 150.)

Химическая литература наша такъ бѣдна, существующія руководства такъ коротки и общи, такъ не соответственны объ-

ему и быстрому ходу науки, что всякое приращеніе по этому предмету — дѣло возжелѣнное, подарокъ полезный. Рѣшительно ни одна литература по части естественныхъ или точныхъ наукъ не страдаетъ на Руси такою непростительною неполнотою какъ химическая. Не странно ли сказать, что вся органическая химія, отрасль получившая въ послѣднее время такое исполинское развитіе, ограничивается у насъ доселѣ нѣсколькими страницами! При такой скудости пособій, русскіе любители химическихъ занятій встрѣтятъ сочиненіе господина Витта съ живѣйшею благодарностью, тѣмъ болѣе что оно — совершенно практическое и содержитъ въ себѣ много свѣжаго, новаго. Чтенія его имѣли примѣчательный успѣхъ въ публикѣ: чѣмъ и доказывается крайняя необходимость хорошихъ, пространныхъ, подробныхъ книгъ химическихъ на русскомъ языкѣ. Трудъ господина Витта общаетъ много полезныхъ наставленій для ежедневныхъ производствъ и приложеній. Это — только начало. Первая, нынче вышедшая, часть его «Промышленной Химіи» обогащена большою тетрадюю рисунковъ. Мы не знаемъ обширности рамы, которою намѣренъ онъ ограничить свои чтенія и промышленную химію вообще, но совѣтовали бы не стѣсняться — включить сюда все, чтѣ только можно — чтѣ только имѣетъ связь съ предметомъ. На химическія книги у насъ теперь большой запросъ. Да и какая статья химіи не *промышленная*! Химія, сама по себѣ, уже есть «промышленность». Органическая химія, въ особенности, обильна богатыми приложеніями, которыя до-сихъ-поръ не испытаны, неизвѣданы, по неприступности этой части науки для большого числа практическихъ производителей, именно за недостаткомъ въ книгахъ, приспособленныхъ къ ихъ потребностямъ.

Руководство къ газовому освѣщенію есть отдѣльный трактатъ тѣхъ же чтеній.

РУКОВОДСТВО КЪ ВОЕННОЙ ИГРѢ. Составилъ А. Кузминскій, гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ. (СП.-бургъ, 1847, въ-8., стр. 180, съ рисунками.)

Сочиненіе это до владѣннн ааанной игры какъ пособіа къ изученію военного дѣла, удостоилось запечатанія по Высочайшему Повелѣнію. Соображенія личной опытности своей въ этомъ занимательномъ и полезномъ упражненіи авторъ старался распространить и пополнить сообщенными ему событіями знаменитѣйшихъ партій, разыгранныхъ въ главномъ штабѣ дѣйствующей арміи и при гвардейскомъ генеральномъ штабѣ. Военная игра,

въ этомъ сочиненіи, приспособлена къ устройству и тактикѣ русскихъ войскъ. Наставленія пояснены таблицою ходовъ и планами сартій.

НОВОРОССИЙСКІЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1848 ГОДЪ. *Изданный отъ Рущицкаго Лицея. (Одесса, 1847, въ 8., стр. 430.)*

La lumière ne vient plus du Nord. Лучезарный Сѣверъ за-тмилъ мрачнымъ Югомъ. Одесса—степь—провинція—береть рѣшительный верхъ надъ нею. Какой богатый, полный, разнообразный календарь составила она себѣ! Какая толстая и красивая книга! Какая изящная печать, отличная бумага! Въ календарѣ этомъ помѣщены четыре христіанскіе мѣсяцослова,—православный, римско католическій, армянскій и реформатскій,—и два нехристіанскіе, еврейскій и магометанскій; таблицы праздниковъ и небесныхъ явленій; статистика Новороссійскаго Края и Бессарабіи, ярмарки, разстоянія, событія, достопримѣчательности; почтовые таксы; указатели пароходныхъ и транспортныхъ сообщеній, маяковъ и страховыхъ конторъ; таблицы монетъ и мѣръ; правила употребленія гербовой бумаги, и прочая, и прочая; и сверхъ-того еще мѣстный адрессъ календарь. Одесса, просто, хочетъ насъ разорить

МЕДИКО-ПОЛИЦЕЙСКІЯ МѢРЫ ПРОТИВЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ СИФИЛИТИЧЕСКОЙ БОЛѢЗНИ ВЪ СТОЛИЦАХЪ ГЕРМАНИИ, БЕЛЬГИИ, ФРАНЦІИ И АНГЛІИ, И СПОСОБЫ ЛЕЧЕНІЯ ЕЯ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ НАРОДНОМУ ЗДРАВІЮ. *Собраны А. Эттеромъ, членомъ врачебна-полицейскаго комитета. (СП.-буржъ, 1847, въ 8., стр. 290.)*

Книга секретная. Авторъ посвятилъ многіе годы изученію таинственнаго предмета. Подобно Улиссу, *тогдашнихъ людей видѣлъ онъ городѣ, и нравъ ихъ узнала* насчетъ-этого непервѣчнаго дѣла. Собранныя имъ свѣдѣнія чрезвычайнѣе любопытны и крайнѣе назидательны. Жаль, что книги читать не удобно.

—

НОВЫЯ КРОШЮРЫ.

ШУТКА, исторія въ родѣ комедіи. (СПб., 1847 г.). — Отдѣльная отпечатка одной журнальной статьи. Ко всѣмъ журнальнымъ статьямъ Литературная Лѣтопись питаетъ безпредѣльное уваженіе.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Мы считаемъ нужнымъ предупредить тѣхъ немногихъ читателей, которые принимаютъ интересъ въ разборѣ стрѣльчатой грамоты и Дарьева манифеста, что продолженіе этой статьи не могло быть напечатано въ нынѣшней книжкѣ по встрѣтившейся необходимости заказать изготовленіе достаточнаго количества шрифтовъ для такихъ алфавитовъ, которые донынѣ были невѣстны нашимъ типографіямъ или мало употребительны въ обычномъ кругу ихъ дѣйствія. Шрифты эти еще не все готовы. Неудобство набору сборными шрифтами достаточно доказано первыми страницами статьи, гдѣ половина греческихъ литеръ не вышла въ печати и, не могла даже быть повѣрена къ корректурѣ.

— Ученый председатель Медицинскаго Совѣта, знаменитый русскій врачъ, докторъ Маркусъ, издалъ новыя изслѣдованія о холерѣ, подъ скромнымъ заглавіемъ: «*Notices sur le Choléra en Russie*». Одинъ онъ и въ состояніи предпринять разсмотрѣніе этой злополучной задачи въ такомъ обширномъ и многостороннемъ видѣ, и только его талантомъ эта огромная масса разнородныхъ данныхъ и темныхъ вопросовъ могла быть обработана и представлена въ томъ свѣтломъ видѣ, который составляетъ одно изъ достоинствъ его книги. Мы будемъ имѣть случай говорить объ этомъ важномъ сочиненіи съ надлежащею подробностью.

— Извѣстное сочиненіе господина полковника Теляковского, «*Фортификація*» (полевая фортификація), увѣнчанное Императорскою Академіею Наукъ, вышло вторымъ изданіемъ. Книга эта принадлежитъ къ числу руководствъ для военно-учебныхъ заведеній.

— Словарь Шмидта появился въ новой передѣлкѣ, въ маленькомъ форматѣ, въ компактномъ изданіи, и съ заглавіемъ: «*Карманный французско-русскій и русско-французскій словарь профессора Шмидта сличилъ съ новѣйшими словарями и дополнилъ по нимъ Н. Кондыревъ.*» Изданіе состоитъ изъ двухъ томовъ, очень хорошо отпечатанныхъ.

— Въ Москвѣ вышелъ, въ русскомъ переводѣ, романъ господина Александра Дюма: «*Графъ Амори, или Два рода любви.*» Переводъ — сплошно-раздирательный.

=

VII.

С М Ъ С Ь.

=

ХЛОРОФОРМИЛЬ, или ХЛОРОФОРМЪ КАКЪ ВРАЧЕВНОЕ СРЕДСТВО И КАКЪ ХИМИЧЕСКОЕ ТѢЛО. Мода, въ которую быстро входитъ хлороформъ, побѣждала и изгоняла сѣрнокислый эфиръ, заставляетъ насъ предложить нѣкоторое свидѣніе объ этой усыпительной жидкости, для предупрежденія преувеличеній. Хлороформъ несомнѣнно дѣйствуетъ гораздо сильнѣе и быстрѣе сѣрнокислаго эфиру, и запахъ его несравненно пріятнѣе. Онъ дѣйствуетъ такъ быстро, и такъ мало его нужно для усыпленія, что вдыханіе ртомъ и носомъ не можетъ имѣть вреднаго дѣйствія на грудь и дыхательные органы: это уже несомнѣнная выгода. Тогда какъ сѣрнокислаго эфиру для усыпленія нужно около двухъ унцій и операція, довольно непріятная, продолжается съ нимъ отъ десяти до пятнадцати минутъ, посредствомъ одного золотника хлороформу можно достигнуть той же цѣли въ одну или двѣ минуты. Довольно вылить на носовой платокъ полъ-золотника хлороформу, что едва составитъ восемь или десять капель, быстро свернуть платокъ, для того чтобы жидкость не такъ скоро испарялась и мокрое мѣсто, коснувшись кожи носомъ, не обожгло ея, стиснуть губы, зажать носомъ платкомъ, и подышать немножко носомъ, втягивая воздухъ черезъ платокъ, и вмѣстѣ съ воздухомъ паръ хлороформу, заключеннаго въ платкѣ, который тогда не должно уже отнимать отъ носа, если вы хо-

тите уснуть. Послѣ нѣсколькихъ вдыханій вы почувствуете легкой шумъ въ ухахъ и въ головѣ, помраченіе мысли, начало отрѣшенія чувствительности. Если опытъ этотъ дѣлаете вы въ то время, когда у васъ что-нибудь жестоко болитъ, напримѣръ зубъ, или кость, пораженная ревматической ломотою, вы еще не лишившись памяти, замѣчаете, что боль совершенно утасла. За отвятіемъ въ ту минуту платка, боль обыкновенно возвращается. За повтореніемъ вдыханія, она опять прекращается, и такъ далѣе. Нужно замѣтить, что то же самое дѣйствіе можно получить иногда и безъ хлороформу, просто выливъ въ платокъ немножко одеколону и вдыхая его поздряи совершенно такимъ же образомъ. Если не станете отнимать платка и будете дышать черезъ него хлороформомъ, доколѣ память позволитъ, то вслѣдъ за помраченіемъ мысли и нѣкоторымъ родомъ шуму въ головѣ, начинаютъ сновидѣнія и легкой сонъ, продолжающійся обыкновенно нѣсколько минутъ. Зубная боль иногда проходитъ отъ этого на нѣсколько сутокъ, болѣе или менѣе. Для крѣпкаго сна, нужно вылить въ платокъ цѣлый золотникъ, а иногда и два золотника хлороформу. Сонъ тогда бѣваетъ каменный, съ сильнымъ храпѣніемъ; чувствительность совершенно остановлена; и можно дѣлать нѣкоторыя хирургическія операціи. Послѣ сна въ головѣ не остается ни какой тяжести ни боли.

Нѣкоторые страдающіе безсонницею отъ нервныхъ разстройствъ получали значительное облегченіе и спокойный сонъ, вдохнувъ паръ нѣсколькихъ капель хлороформу.

Если заставить собаку дышать хлороформомъ, обнаживъ у ней сперва которую нибудь артерію, то вы видите, что цвѣтъ крови въ артеріи, бывшій прежде розово краснымъ, измѣняется, быстро темнѣетъ, и наконецъ становится чернымъ какъ въ венѣ. Какъ-скоро начинается пробужденіе, артеріальная кровь также быстро возвращается къ своему натуральному цвѣту и виду. Тоже самое явленіе происходитъ и при вдыханіи сѣрнокислаго зѣпру.

Хлороформъ есть жидкость свѣтлая, прозрачная, какъ вода, спиртъ или зѣпръ. Откупоренный, онъ скоро улетаетъ въ воздухъ, подобно гофманскимъ каплямъ. Откупоренной стекляночки не должно подносить очень близко къ свѣчѣ, потому что хлороформовый паръ въ такомъ случаѣ можетъ воспламениться точно такъ же какъ зѣпрный.

Не подумайте по странному названію жидкости, будто *хлороформъ* нѣчто весьма затѣйливое и диковинное. Слогъ *формъ* въ этомъ названіи происходитъ не отъ слова французскаго *forme*, форма, но отъ

латинскаго formix, муравей. Это не что иное какъ муравьиная кислота, acide formique, насыщенная хлоромъ. Выжимая муравьевъ, вы получаете изъ нихъ жидкость, очень кислую и терпкую; при химическомъ разложеніи оказывается, что она состоитъ изъ яблочной кислоты и еще другой, особенной, которую согласились назвать *муравьиною*. Разница между двумя кислотами во все незначительная. Какъ всѣ животныя и растительныя вещества, въ которыхъ нѣтъ азоту, та и другая составлены равномерно изъ углероду, водороду и кислороду, только въ различныхъ пропорціяхъ. Въ каждомъ атомѣ яблочной кислоты находится по 4 атома углероду, 4 водороду и 4 кислороду. Въ атомахъ муравьиной кислоты, напротивъ, бываетъ по 2 атома углероду, 2 водороду и 3 кислороду. Эти три атома кислороду и производятъ то, что составъ двухъ атомовъ углероду и двухъ атомовъ водороду имѣетъ видъ и свойства кислоты, именно, муравьиной кислоты. Еслибы отдѣлать отъ него эти три окисляющіе атома, остался бы составъ, который бы можно было назвать просто *муравейщиной*, formule или forme. Въ такомъ случаѣ, муравьиная кислота была бы не что иное, какъ *трехъ кислородная муравейщина*. Очистить составу этого отъ кислороду мы не умѣемъ, но можемъ замѣнить въ немъ кислородъ хлоромъ, перегоняя муравьиную кислоту съ какимъ нибудь хлористымъ веществомъ: хлоръ тогда вытѣсняя кислородъ, займетъ его мѣсто, и составитъ съ двумя атомами углероду и двумя водороду *трехъ-хлористую муравейщину*, perchlorure de formule, или *хлоро-муравейщину*, chloroformule, chloroforme.

Впрочемъ, нѣтъ ни какой надобности давить бѣдныхъ муравьевъ для полученія муравьиной кислоты и хлорной муравейщины. Муравьиная, яблочная, лимонная, уксусная, винная и другія растительныя кислоты, сахаръ, винный спиртъ, эфиръ, крахмалъ, камедь, и прочая, всѣ состоятъ изъ углероду, водороду и кислороду въ различныхъ пропорціяхъ, и, при известныхъ степеняхъ температуры, добровольно измѣняются одна въ другія. Атомъ виннаго спирту состоитъ изъ 2 атомовъ углероду, 10 атомовъ водороду и 1 атома кислороду: если къ нимъ прибавить искусственнымъ образомъ по 2 атома кислороду и убавить по 8 водороду, то и безъ муравьевъ образуется въ ретортѣ чистая трехъ-кислородная муравейщина, или муравьиная кислота. Выгнавъ изъ виннаго спирту по 8 атомовъ водороду и весь кислородъ и прибавивъ къ остатку по 3 атома хлору, получится прямо хлорная муравейщина или хлороформъ. Лѣтъ десять тому назадъ госпо-

днѣ Либихъ получилъ ее такимъ образомъ, перегоняя винный спиртъ съ хлористой известью и водою. Всѣ знали эту жидкость прозрачною, ароматическую, похожую на летучія масла и эфиръ, что никто не замѣчалъ въ ней сильнаго усыпительнаго свойства. Прошедшей весною, когда настала мода на сѣрнокислый эфиръ, многіе, недовольные его запахомъ, стали пробовать другіе эфиръ и эфирныя вещества, и господину Flourens въ Парижѣ удалось усыпить пару собакъ хлороформомъ. Но къ потребностямъ медицины и къ человѣку первый употребилъ его докторъ Симмондъ, выпѣшившій лѣтомъ, въ Эдинбургѣ.

ИСКУССТВЕННОЕ Пониженіе уровня озера Ойеренъ въ Швеціи Въ числѣ чудесъ, совершенныхъ дерзостью новѣйшаго искусства, самыми изумительными можно было почитать доныпѣ дѣя необыкновенныя желѣзныя дороги по горамъ, одну, именно тиганскую, отъ Лондона до Брайтона, другую менѣе огромную, но не менѣе смѣлую отъ Стутгардта до Людвигсбурга: на обѣихъ, вы не по землѣ путешествуете, но или летите по воздуху или зарываетесь въ нѣдра земли; горы слѣдующія одна за другою, въ половинѣ высоты, просверлены тунелями, а долины между этими горами застроены высокими путепроводами на аркадахъ съ ровень съ тунелями. Древніе непремѣнно сказали бы, что это — одинъ изъ подвиговъ божественнаго Геркулеса. Но предпріятіе, которымъ занимаются теперь въ Швеціи, далеко превосходить необыкновенностью обѣ эти дороги и рѣшительно равняется прорытію Гибралтара Геркулесомъ. Для сооружеія желѣзной дороги между Стокгольмомъ и Готенбургомъ, хотѣвъ понизить на двадцать футовъ огромное озеро Ойеренъ, спустивъ его воды въ другое озеро. Слѣдствіемъ этой операціи, кромѣ удобства желѣзной линіи, будетъ приобрѣтеніе по берегамъ пониженнаго озера шести сотъ тысячъ акровъ новой и превосходной почвы для земледѣлія.

ИЗВЕРЖЕНІЕ ВОЛКАНА НА ЛУНѢ. Господинъ Hodgson объявляетъ, что 12 декабря, примѣтивъ на лунѣ рѣзкое измѣненіе блеску въ одномъ мѣстѣ, онъ сталъ наблюдать его въ сильныя телескопы, и совершенно ясно различилъ и увидѣлъ огонь и дымъ вулканическаго изверженія, продолжавшагося до самаго заката луны. Туманная погода не дозволила ему продолжать интересное наблюденіе въ слѣдующія ночи.

РѢЧЬ АНГЛІЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ, *говоренная въ шестидесяти горадахъ одружь посредствомъ электрическихъ телеграфовъ.* Въ «*Athenaeum*» описанъ подробно способъ, употребленный дирекціями электрическихъ телеграфовъ для того, чтобы всѣ подданные ея величества въ Англіи и Шотландіи могли слышать слова ея въ то самое время, какъ она будетъ произносить ихъ. Копію рѣчи заранее получали директоры отъ министерства. Въ два часа времени она была переложена на телеграфическіе знаки, передана по проволокамъ въ шестьдесятъ городовъ, на разстояніе двухъ тысячъ верстъ по разнымъ направленіямъ, и разобрана тамъ дешифрами. Къ часу, назначенному для произнесенія рѣчи, она уже была повсюду отпечатана.

ОТКРЫТИЕ НОВАГО ТВОРЕНІЯ ПЛАТОНА. Нѣкоторые журналы извѣщаютъ, что господинъ Минасъ, странствуя по Востоку, «открылъ въ одномъ монастырѣ донынѣ неизвѣстный трактатъ Платона *о породѣ человѣческой.*» Мы передаемъ это извѣстіе въ томъ же видѣ, какъ его получили, не желая лишить читателей нашихъ того количества правды, которое, случайно, можетъ въ немъ заключаться.

ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА И НЫНѢШНІЕ СОСТОЯНІЕ ОРДЕНА ІОАННА ІЕРУСАЛИМСКАГО. Судьбы мальтійскаго ордена занимаютъ любопытную страничку въ русской исторіи, слѣдовательно для русскихъ читателей могутъ быть двойнѣ интересны. Старинную исторію ордена, со всѣми подробностями, до осьмнадцатаго вѣка, любопытные могутъ найти въ классическомъ сочиненіи по этой части, въ книгѣ кавалера Вертѣ, переведенной въ свое время на русскій языкъ Лабзинимъ. Историческій Альманахъ Раумера сообщилъ очень дѣльную монографію о судьбахъ ордена съ половины прошедшаго вѣка до нашихъ дней. Замышляемъ въ этой монографіи все, что находимъ любопытнаго для нашихъ читателей.

Извѣстно, что духовно-рыцарскій орденъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго первоначально учрежденъ съ цѣлію воставить страннопріимный домъ на пути въ Іерусалимъ и первою обязанностію членовъ братства было провожать и охранять богомольцевъ, странствовавшихъ къ гробу Господню. Начальникъ ордена, великій магистръ пользовался всѣми правами владѣтельнаго князя или самостоятельнаго государя, однакожь власть его надъ орденкомъ и надъ Мальтою была ограничена. Въ силу дарственной грамоты

Карла Пятаго, уступившаго Мальту въ ленное владѣніе рыцарямъ, прогнаннымъ Турками съ Родоса, Мальтійцы должны были управляться по существовавшимъ законамъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правъ и привилегій, данныхъ имъ аррагонскими королями. Но съ теченіемъ времени великіе магистры присвоили себѣ такіа права, которыя едва-едва оставили кое-что изъ стариннаго устройства, да и то больше по имени чѣмъ надѣлѣ. Власть магистровъ надъ орденомъ оговаривалась разными способами: ее ограничивалъ, во-первыхъ, обыкновенный совѣтъ, состоявшій изъ верховныхъ сановниковъ ордена; во-вторыхъ, великій совѣтъ, гдѣ кромѣ верховныхъ сановниковъ засѣдало еще по двое старѣйшихъ рыцарей съ каждаго языка, наконецъ генеральный капитулъ, въ которомъ участвовали всѣ члены трехъ классовъ ордена и которому принадлежала законодательная власть. Но въ послѣднія времена такіе капитулы созывались рѣдко и права ихъ встрѣчали давно большія ограниченія въ разныхъ постановленіяхъ папы, духовнаго главы ордена. Ловкій великій магистръ могъ легко господствовать въ совѣтахъ, и такимъ образомъ права магистерской власти также давно преступили свои первоначальные предѣлы.

Орденъ раздѣлялся на языки (*langues, lingue*), по націямъ, изъ которыхъ состоялъ. Считалось три французскихъ языка, — прованскій, овернскій и собственно французскій; два испанскихъ, — аррагонскій и кастильскій; языки итальянскій, нѣмецкій и англо-баварскій. Каждый языкъ имѣлъ на Мальтѣ свой дворецъ или такъ называемую гостиницу (*auberge*). Языками начальствовали конвентскіе балій, которые были первыми сановниками послѣ великаго магистра и титуловались различно. Главой прованскаго языка былъ великій командоръ; ему принадлежало смотрѣніе за казною и камеральное управленіе. Овернскимъ языкомъ предводительствовалъ великій маршалъ, главнокомандующій военныхъ силъ ордена; французскій языкъ состоялъ подъ начальствомъ великаго госпитальята, попечителя больницъ и богадѣленъ. Начальникомъ итальянскаго языка былъ адмиралъ, предводитель морскихъ силъ и шамѣстникъ великаго маршала. Великій консерваторъ, глава арагонскаго языка, завѣдывалъ обмундировкою, жалованьемъ и поставкою для богадѣленъ. Великій канцлеръ, начальникъ кастильскаго языка, управлялъ канцелярскими дѣлами ордена. Великій балій нѣмецкій завѣдывалъ крѣпостями, а туркопольеръ, какъ называли начальника прежняго англійскаго, потому англо-баварскаго языка, командовалъ кавалеріею и берего-

вою стражей. Кромѣ этихъ верховныхъ сановниковъ, въ каждомъ языкѣ были великіе пріоры, которыхъ число различно распределялось по провинціямъ, также какъ число бальи, командоровъ и рыцарей или кавалеровъ по владѣніямъ ордена въ разныхъ странахъ.

Членовъ ордена было три класса. Первый состоялъ изъ кавалеровъ, которые раздѣлялись на два разряда: на такпхъ; которые представили полныя родословныя и назывались «кавалерами по праву», *chevalier de justice*, и на «кавалеровъ по милости» или «жалованныхъ», *chevaliers de grace*, которые были приняты въ орденъ по особымъ поводамъ, за важныя заслуги или за учрежденіе командорствъ. Высшія степени были доступны только первому разряду. Второй классъ членовъ ордена составляли орденскіе капелланы, изъ которыхъ старшій носилъ званіе пріора. Они могли быть прелатами и кавалерами большого креста. Къ третьему классу принадлежали «братья» *frères* или *servants d'armes*, которые вели военную службу наравнѣ съ кавалерами, но не могли достигать высшихъ должностей. Всѣ носили на груди полотняный бѣлый осьмиконечный крестъ, а кавалеры—золотой съ эмалью. Такой же крестъ носили и почетные кавалеры, дворяне, которые записывались въ орденъ «изъ благочестія», *devotionis causa*, не произнося обѣта.

По подробному отчету о финансахъ ордена, въ 1788 году, оказывалось, что орденъ въ послѣднее десятилѣтіе имѣлъ доходу среднимъ числомъ 2,722,284 франка 54 сентима, расходу 2,523,720 франковъ 20 сентимовъ, слѣдовательно ежегодно въ экономію 198,564 франка 34 сентима. Но сумма на дѣлѣ выходила меньше, потому что для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ безпрестанно дѣлались займы, которые никогда не уплачивались вполнѣ. Острова Мальта и Гоццо давали доходу не болѣе 173,000 франковъ; вся остальная сумма шла съ иностранныхъ владѣній ордена и съ командорствъ. Флотъ ордена въ этомъ году состоялъ изъ 1 шести-пушечнаго линейнаго корабля, 3 фрегатовъ, 2 корветтъ, 4 галеръ, 4 галіотовъ и 1 тартаны; экипажъ флота простирался до 1900 матросовъ и морскихъ солдатъ; содержаніе флота съ экипажемъ обходилось въ 1,091,026 франковъ; военная сила, матеріалы и укрѣпленія стояли до 346,078 франковъ. На посольства къ иностраннымъ дворамъ ежегодно издерживалось около 76,000 франковъ.

Во время этой финансовой ревизіи, въ казнѣ считалось въ приходѣ 8,509,620 франковъ, изъ которыхъ на лицо имѣлась только

небольшая часть. Но также благополучное положеніе финансовъ скоро измѣнилось. Отнятіе имущества ордена во Франціи послѣ-
дло потерю 1,160,812 франковъ ежегоднаго доходу; отнятіе съ-
верныхъ италіянскихъ командорствъ сопряжено было съ потерей
470,668 франковъ. Вообще, вслѣдствіе политическихъ событій
конца прошедшаго вѣка, приходы убавились на 5,734,065 фран-
ковъ. Доходъ ограничился меньше нежели милліономъ франковъ;
а расходы сдѣлались вдвое больше доходу. Пособія, получаемыя
орденомъ отъ Россіи, были далеко недостаточны, и финансовое
положеніе ордена доходило до отчаяннаго.

Въ началѣ второй половины осьмнадцатаго вѣка, орденъ по-
наружности казался еще цѣлымъ и невредимымъ, имѣлъ многочи-
сленныя и прекрасныя помѣстья почти во всѣхъ странахъ Евро-
пы, состоялъ въ тѣсныхъ связяхъ со многими царствующими до-
мами и съ большей частью католическихъ дворянскихъ фамилій,
сіяль всѣмъ блескомъ самодержавнаго владычества на Мальтѣ,
гдѣ стеченіе множества знатныхъ лицъ порождало движеніе,
жизнь и изобиліе во всемъ; наконецъ владѣлъ порядочной воен-
ной силою и крѣпостью, слывшей за неприступную. Но въ сущ-
ности орденъ страдалъ неспѣлимымъ недугомъ. Благодаря пере-
мѣнившемуся порядку вещей въ Европѣ, онъ потерялъ почти
всякій смыслъ, едва-едва соответствовалъ цѣли своего учрежде-
нія, и существованіе его подвергалось неизбѣжной опасности при
первомъ переворотѣ въ европейской политической системѣ.

Въ ноябрѣ 1775 года, въ санѣ великаго магистра вступилъ
Эмануэль де-Рогавъ. Въ первые годы его правленія многія об-
стоятельства стали какъ-будто поблагопріятнѣе; особенно пере-
мѣнились отношенія къ сѣверной Европѣ, имѣвшія важное влія-
ніе на всю послѣдующую судьбу ордена. Императрица Екатери-
на Вторая находилась въ дружественныхъ сношеніяхъ съ вели-
кимъ магистромъ и намѣревалась употребить орденъ для своихъ
видовъ противъ Турціи. Мальтійская эскадра подъ командою
барона фонъ-Флахславдена должна была соединиться съ русскими
флотомъ графа Орлова, посланнымъ для нападенія на Морю.
Исполненію плава помѣшало вліяніе Франціи. Первымъ плодомъ
новыхъ отношеній къ Россіи было возвращеніе ордену богатаго
острожскаго имѣнія на Волынѣ, маіората учрежденнаго въ поль-
зу ордена еще въ семнадцатомъ вѣкѣ, но до-тѣхъ-поръ остав-
шагося во владѣніи фамиліи Сангушко. Въ 1773 году, орденъ
предъявилъ польскому сейму формальное требованіе на этотъ
маіоратъ; вѣнскій, берлинскій и петербургскій дворы подкрѣпили

требованія ордена, и посланникъ великаго магистра, баронъ графъ Саграмосо, заключилъ съ Поляками сдѣлку. 120,000 злотъ ежегоднаго дохода съ имѣнія обращены на учрежденіе великаго пріорства съ шестью командорствами. Въ 1781 и 1782, баронъ фонъ-Флахсланденъ, посланникъ при баварскомъ курфирствѣ Карлѣ Теодорѣ, выхлопоталъ учрежденіе новаго лямки, названнаго англо-баварскимъ. Бывшія іезуитскія имѣнія въ Баваріи, приносящія до 170,000 конвенціонныхъ гульденовъ доходу, составили владѣніе новаго великаго пріорства, отданнаго побочному сыну курфирста, графу фонъ Оттенгейму, впоследствии князю фонъ-Бреценгейму. Въ Пиемонтѣ орденъ заключилъ сдѣлку съ Лазаревымъ орденомъ объ имѣніяхъ кавалеровъ Святаго Антонія, соединившихся съ мальтійскими кавалерами, въ 1768 году. Сдѣлка также сулила значительную сумму доходу.

Но вскорѣ всѣ эти выгоды затмилась ущербами и опасностями отъ французской революціи. Съ 1791 года до самой сдачи Мальты Французамъ, затруднительность положенія ордена увеличивалась ежедневно. Къ этому времени относится тѣснѣйшее сближеніе ордена съ Россіею. Связь эта была для него послѣдней пристанью спасенія. Когда самостоятельность Польши была уничтожена третьимъ раздѣломъ, Роганъ отправилъ въ Петербургъ баронъ графа Джуліо Ренато Литта, изъ знатной миланской фамиліи, который уже за много лѣтъ до того, во время войны Россіи съ Портою, съ разрѣшенія великаго магистра, командовалъ русскою флотиліею и оказалъ значительныя услуги. Графъ Литта имѣлъ порученіе переговорить съ русскимъ правительствомъ о владѣніяхъ ордена въ русской Польшѣ. Императрица имѣла свои виды на Мальту и охотно склонилась на представленія посланника. Вскорѣ на престолъ вступилъ императоръ Павелъ. Онъ еще далѣе простеръ благосклонность къ ордену. По его повелѣнію, русскіе полномочные, графъ Безбородко и вице-канцлеръ князь Куракинъ, 15 января 1797, заключили съ графомъ Литтою договоръ, который доставлялъ ордену блистательныя выгоды. Императоръ съ юныхъ лѣтъ обнаруживалъ большое расположеніе къ мальтійскимъ кавалерамъ, когда изъ исторіи узналъ о геройскихъ подвигахъ старинныхъ членовъ ордена. Читаніе объ этихъ подвигахъ произвело глубокое и сильное впечатлѣніе на сердце государя, открытое для всего благороднаго. По смыслу заключеннаго договора, доходы съ острожскихъ имѣній положено было возвысить до 300,000 злотъ (вмѣсто прежнихъ 120,000) и на эти доходы учредить великое пріорство съ десятью коман-

дорствами и тремя капелланъ-командорствами. Великій магистръ обзывался отдавать ихъ только русскимъ подданнымъ, соблюдал впрочемъ во всей строгости орденскіе статуты. Новое великое пріорство было причислено къ англо-баварскому языку. Императоръ и его четыре августѣйшихъ сына вступили въ число кавалеровъ ордена; великимъ пріоромъ былъ назначенъ принцъ Кондэ; кавалеръ Огара отправленъ на Мальту въ званіи чрезвычайнаго посланника. Недолго прожилъ великій магистръ послѣ этихъ успѣховъ, помраченныхъ впрочемъ счастіемъ французскаго оружія на Рейнѣ и въ Италіи, паденіемъ Венеціи, превращеніемъ Генуи въ демократическую республику и униженіемъ павы по толентинскому договору. Съ давнихъ поръ страдалъ болѣзнію, Роганъ умеръ, 13 іюля 1797.

Правленіе Рогана было однимъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ. Не смотря на то, онъ оставилъ орденъ въ самомъ печальномъ положеніи, конечно не по своей винѣ. Въ послѣдніе годы своего правленія великій магистръ отправилъ на моветный дворъ почти все свое дворцовое серебро; гостиницы, богадѣльня, гамеры послѣдовали его примѣру, обобрали у себя всё излишки, чтобы пополнить опустѣвшую казну. За годъ до смерти Рогана крайность достигла такой степени, что въ соборѣ назначено было публичное трехдневное молебствіе, какъ бывало во времена великихъ бѣдствій. На смертномъ одрѣ великій магистръ не имѣлъ даже утѣшенія видѣть человека, способнаго быть ему хорошимъ преемникомъ среди угрожавшихъ отовсюду несчастій. Достоинѣйшимъ считалъ онъ графа Литта и барона де-Виррѣ, бывшаго нѣсколько времени представителемъ ордена во Франціи; но и тотъ и другой жили за-границей.

Черезъ три дня по кончинѣ Рогана, главою ордена явился баронъ фонъ Гомпешъ, потомокъ старинной ниже рейнской дворянской фамиліи. Это былъ первый Нѣмецъ, взшедшій на магистерскій престолъ.

Не отличаясь особенными дарованіями, Гомпешъ всегда старался прикрывать въ себѣ недостатокъ характера наружными формами, которыя обыкновенно обманываютъ только недалеконравныхъ. Однимъ этимъ достоинствомъ онъ однако же заслужилъ себѣ такую любовь у народа, что избраніе его въ санъ гротмейстера было почти единогласно одобрено всѣми. Зная самъ свою слабость лучше нежели его обманутые приверженцы, онъ вовсе не домогался правленія въ такіа смутныя времена. Кромѣ своихъ престарѣлыхъ лѣтъ, онъ не имѣлъ ни какихъ другихъ средствъ

приобрѣсть голоса важнѣйшихъ предводителей партій, но двое предприимчивыхъ конвентскихъ канцеляровъ, предвидя свои выгоды отъ избранія Гомпеша, успѣли положить первое основаніе сильной и многочисленной партіи. Ихъ стараніямъ помогали интриги аббата д'Орлюа и епископа Геттеллика. Эти господа, ловко соединивъ нѣмецкій и англо-баварскій языки съ тремя французскими, составили большинство въ пользу балія фонъ-Гомпеша.

Многія причины побуждали французскихъ кавалеровъ къ такому союзу. Одни изъ нихъ, принимая въ расчетъ политическія обстоятельства, находили неблаговременнымъ хлопотать объ избраніи своего соотечественника, которому Франція, враждебная всѣмъ привилегированнымъ сословіямъ, могла объявить открытую войну. Гомпешъ всегда показывалъ горячую преданность пользамъ ордена, всегда обнаруживалъ рѣшительное отвращеніе отъ революціонныхъ правилъ, проникшихъ даже въ орденъ. Въ немъ они надѣялись найти усерднаго защитника, который могъ съ помощью Австріи поддержать ихъ въ угрожавшемъ кризисѣ. Другіе, руководясь мелкими личными интересами и уже не ожидая ничего отъ ослабленнаго балія своей націи, подавали голоса въ пользу Гомпеша, потому-что надѣялись отъ него щедрой награды. Многіе же, умышлявшіе сами противъ своего ордена, видѣли въ Гомпешѣ слабого и мелочнаго человѣка, котораго безхарактерность могла ускорить паденіе ордена. Эти послѣдніе рассчитывали вѣрнѣе всѣхъ: баронъ Гомпешъ былъ рѣшительно неспособенъ нести бремя правленія. Въ этомъ соглашались даже всѣ пытавшіе къ нему искреннюю дружбу.

Зловѣщія предзнаменованія усиливались еще суевѣрнымъ народнымъ предрасудкомъ, который многіе раздѣляли. Было какое-то старинное предсказаніе, что ордену суждено пасть подъ управленіемъ нѣмецкаго гротмейстера. Дѣйствительно, никогда еще не бывало главы ордена изъ нѣмецкаго языка. Обстоятельство это, можетъ быть, само подавшее поводъ къ предсказанію, конечно должно приписать не недостатку достойныхъ людей между кавалерами нѣмецкой націи, а только малочисленности нѣмецкихъ членовъ конвента.

Между-тѣмъ договоръ, заключенный баліемъ графомъ Литта съ русскимъ императоромъ, ожидалъ еще ратификаціи. Новый великій магистръ подписалъ его и поднесъ императору Павлу титулъ протектора ордена, титулъ, формально принятый государемъ 29 ноября 1797 года. Графъ Литта, назначенный въ посланники при петербургскомъ дворѣ, поднесъ Павлу Первому также крестъ

Лавалетта. Составили планъ учредить, крохъ помянутаго великаго приорства, еще русскій языкъ съ семьюдесятью двумя командорствами для дворянъ греко-россійскаго исповѣданія. Планъ былъ посланъ въ Италію съ курьеромъ и въ Анконѣ перехваченъ французскимъ правительствомъ. Почти нельзя сомнѣваться, что начатое Роганомъ и продолжаемое Гомпешемъ дѣло присоединенія ордена къ Россіи и виды Россіи на Мальту дали опредѣленное направленіе планамъ Франціи на этотъ счетъ. Бонапартъ первый предложилъ директоріи овладѣть Мальтою, еще при жизни Рогана, немедленно по паденіи Венеціи. Тогда его мысль не нашла отголоску, но онъ не покинулъ ея. Выговоривъ Іоническіе острова по трактату въ Кампо-Форміо (17 октября 1797), онъ повторилъ свое предложеніе, и 26 октября планъ египетской экспедиціи былъ утверждёнъ. Во всѣхъ гаваняхъ Средиземнаго Моря, принадлежавшихъ или подвластныхъ республикѣ, начались вооруженія. По любимому французскому обычаю, на Мальту посланы были агенты для приготовленія умовъ. Между тѣмъ распространи слухъ, будто вооруженія происходятъ для замышляемой войны съ Англіей. Великій магистръ получалъ неоднократныя предостереженія, но не смотрѣлъ на нихъ и какъ будто ни о чемъ знать не хотѣлъ.

Подозрительная демонстрація контръ-адмирала Брюэйса, явившагося, 27 февраля 1797, передъ Мальтою съ сильной французской эскадрою и требовавшаго допуску въ гавань, встревожила весь орденъ, но не увѣрила Гомпеша въ неприязненныя намеренія Франціи. Даже открыто враждебныя дѣйствія республики на раштатскомъ конгрессѣ, не произвели надлежащаго впечатлѣнія на великаго магистра. Гомпешъ отправилъ посломъ на раштатскій конгрессъ барона Вальдбурга; посланникъ не былъ допущенъ до присутствія, подъ предлогомъ, что въ силу статьи кампоформійскаго договора одни имперскіе чины могли присылать своихъ полномочныхъ на конгрессъ. Въмѣсто магистерскаго посла допущенъ былъ посланникъ великаго пріора Германіи, имперскаго князя Гейтерсгеймскаго. Этотъ посланникъ, баронъ фонъ-Шёнау, изъ Раштата прислалъ великому магистру депешу, въ которой сообщалъ точныя, вѣрныя свѣдѣнія о цѣли тулонскихъ вооруженій и совѣтовалъ принять рѣшительныя мѣры предосторожности. Депеша, писанная по французски, дошла до великаго магистра двумя различными путями, а все-таки не произвела желаннаго дѣйствія. Баронъ Гомпешъ боялся увеличивать безпокойства ордена, или, точнѣе сказать, уныніе и не-

согласія его членовъ. Онъ скрылъ дѣшеву и не слушалъ представленій командора де-Роайё, черезъ котораго шла французская переписка и который совѣтовалъ немедленно снабдить крѣпость жизненными и воинскими припасами, созвать народонаселеніе острова въ городъ и приготовиться къ отпору. Приготовленія къ защитѣ стали дѣлать, но отнюдь не съ такой осмотрительностью и быстротой, какъхъ требовали обстоятельства.

Деятнадцатаго мая 1798 года египетская экспедиція высту-пила изъ Тулона; 5 іюня явилось передъ Мальтою первое отдѣленіе флота; 8 іюня прибыло другое отдѣленіе, а 9 третье, въ которомъ находился и адмиральскій карабль *l'Orient*, везшій Бонапарта. Даже въ это время великій магистръ все еще не могъ убѣдиться, что дѣло шло о взятіи Мальты, до тѣхъ-поръ пока Французы не открыли самыя недвусмысленныя враждебныя дѣйствія. Подробности завоеванія острова почти безъ кровопролитія, въ одніи сутки, такъ извѣстны изъ многочисленныхъ описаній египетскаго походу Бонапарта, что было бы излишне повторять ихъ здѣсь. 11 іюня, подъ вліяніемъ коварныхъ совѣтовъ командора де Равизжа и прочихъ предателей, слабый Гомпешъ утвердилъ конвенцію. Содержаніе конвенціи было слѣдующее: 1) Кавалеры ордена Іоанна Іерусалимскаго сдають французскимъ войскамъ городъ и укрѣпленія Мальты и отрѣкаются въ пользу французской республики отъ всѣхъ правъ владѣнія и собственности, какія имѣютъ на острова Мальту, Гѣцо и Комино. 2) Республика обѣщаетъ употребить свое вліяніе на раштатскомъ конгрессѣ, чтобы доставить великому магистру на время его жизни какое-нибудь независимое владѣніе, равняющееся тому, которое онъ уступаетъ. Обязывается также платить ему ежегодную пенсію въ триста тысячъ франковъ, и кромѣ того, въ вознагражденіе за движимость, выдаетъ ему двухгодичный окладъ этой пенсіи. Во все время пребыванія на Мальтѣ великій магистръ продолжаетъ пользоваться по прежнему слѣдующими ему военными почестями. 3) Французскіе кавалеры, которые въ настоящее время находятся на Мальтѣ и явятся къ главнокомандующему, могутъ возвратиться въ отечество, и пребываніе дѣлъ на островѣ зачтется имъ за пребываніе во Франціи. 4) Французская республика платитъ находящимся на-лицо французскимъ кавалерамъ пожизненные пенсіи въ 700 франковъ. Для кавалеровъ старше 60-лѣтняго возраста, пенсіи увеличиваются до 1000 франковъ. Кромѣ того республика будетъ ходатайствовать у Цизальпинской, Лигурійской, Римской и Гельветической респуб-

ликъ, чтобы онѣ назначили такіе же годичные оклады кавалерамъ ихъ республиканскихъ націй. 5) Французская республика будетъ ходатайствовать у прочихъ европейскихъ державъ, чтобы онѣ дозволили кавалерамъ ея націй пользоваться правами во владѣніяхъ ордена, находящихся въ ихъ государствахъ. 6) Кавалеры сохраняютъ въ видѣ частной собственности имѣнія ордена на островахъ Мальты и Гоцо. 7) Жители острововъ Мальты и Гоцо по-прежнему пользуются свободнымъ исповѣданіемъ католической римской религіи; сохраняютъ принадлежащія имъ владѣнія и свои привилегіи и не обременяются ни какими чрезвычайными налогами. 8) Всѣ гражданскіе акты, издаваемые во время правленія ордена, остаются въ полной силѣ.

Позоръ ордена свершился. Началась постепенная сдача укрѣпленій. Тринадцатаго іюня, Бонапартъ прибылъ на острокъ, прошелъ вѣшкомъ по завоеванному городу въ зданіе ратуши, пригласилъ магистратъ продолжать свои занятія, а потомъ удалился въ частный домъ, гдѣ ему приготовили квартиру. Барону Гомешу суждено было до дна осушить чашу своего униженія. Побѣдитель даже не спросилъ объ немъ. Магистръ считъ долгомъ самъ явиться къ нему. 15 іюня, въ сопровожденіи всѣхъ кавалеровъ онъ прибылъ къ главнокомандующему и выслушалъ только приказаніе поспѣшить отъѣздомъ. Въ ночь съ 17 на 18 число великій Магистръ, въ послѣдній разъ окруженный своею гвардіей и всѣми вѣтшинными знаками достоинства, сошелъ съ дворцоваго крыльца и дошелъ по безмолвнымъ улицамъ до гавани, гдѣ стоялъ торговый бригъ, долженствовавшій перевести его въ Триестъ въ сопровожденіи французскаго фрегата. Шестнадцать кавалеровъ послѣдовали за своимъ развѣчанымъ главою.

Такъ безславно пала Мальта, принадлежавшая ордену 267 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 8 дней. Орденъ Іоанна Іерусалимскаго въ третій разъ потерялъ свое владѣніе, потерялъ не послѣ знаменитой, хотя несчастливой битвы, какъ вѣкогда Птоломанду и Родосъ, а безъ бою, по одной угрозѣ, и запыталъ себя упрекомъ въ предательствѣ.

Вѣсть о сдачѣ Мальты разнеслась по Европѣ и наполнила ее удивленіемъ, испугомъ, горестью. Обстоятельства дѣла возбуждали всеобщее неудовольствіе и подозрѣніе. Изъ среды самаго ордена раздались жалобы на измѣну; появились разныя обвиненія и пересуды въ газетахъ и памфлетахъ. За печальной катастрофой послѣдовалъ столько же печальный внутренній раздоръ, обличавшій большую слабость и недолговѣчность ордена.

Русско-Польское великое пріорство, младшее изъ всѣхъ, первое обнародовало манифестъ. Надѣясь на покровительство императора, протектора ордена, 28 августа (9 сентября) оно торжественно протестовало противъ акта, который противорѣчилъ кореннымъ законамъ ордена и проискалъ отъ обмана, измѣны, безчестія людей, запятнавшихъ древнюю славу ордена. Оно отрекалось отъ всякаго сообщенія съ ними, объявляло, что впредь будетъ признавать собратіями только тѣхъ, кто раздѣлитъ его образъ мыслей. Манифестомъ отъ того же числа кавалеры объявили Фердинанда фонъ-Гомпеша виновнымъ въ самой безразсудной слабости или участникомъ въ измѣнѣ продавшихъ орденъ; объявили далѣе, что лишаютъ его сана, въ который возвели, и что, въ силу уставовъ ордена, считаютъ себя разрѣшенными отъ присяги, данной великому магистру; приглашали братьевъ всѣхъ прочихъ великихъ пріорствъ послѣдовать этому примѣру. Императоръ, 10 сентября, утвердилъ протестъ и обѣщавъ сдѣлать все, что будетъ можно, чтобы для блага всего христіанства вообще и каждаго благонамѣреннаго государства въ особенности возстановить орденъ въ прежнемъ его почетномъ положеніи. Въ то же время онъ поручилъ своимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ объявить, что онъ далекъ отъ всякой мысли стѣснять права прочихъ націй, прикосновенныхъ къ ордену. Рѣшительныя, даже рѣзкія выраженія манифеста великаго пріорства согласовались съ общимъ мнѣніемъ Европы о дѣлѣ. Обвиняемый со всѣхъ сторонъ, великій магистръ издалъ оправдательную прокламацію въ Триестѣ, гдѣ по возможности учредилъ временный конвентъ изъ находившихся тамъ кавалеровъ. Потомъ великій пріоръ Германіи въ своей резиденціи Гейтерсгеймѣ, вмѣстѣ съ балій и прочими членами нѣмецкаго языка, издалъ оффиціальныи отвѣтъ на манифестъ русскаго великаго пріорства. Въ отвѣтѣ заключалось согласіе съ правилами, выказанными въ протестѣ 28 августа, изъявлялась благодарность русскому императору и предлагалось созваніе генеральнаго капитула ордена для суда надъ измѣнниками, опозорившими лѣтопись ордена. Въ письмѣ, при этомъ отвѣтѣ, князь говоритъ, что спасенія орденъ можетъ ожидать только отъ Сѣвера, и что вѣнскій дворъ, изъ уваженія къ петербургскому, безъ сомнѣнія сдѣлаетъ все угодное императору. Пока великому магистру предоставится оправдываться предъ генеральнымъ капитуломъ, ордену надлежало дать временное главное управленіе. Пана Пій VI, жившій тогда плѣнникомъ въ Чертозѣ, близъ Флоренціи, въ письмѣ

на нихъ бальи графа Литты, высказавъ, хотя не столь рѣшительно, однако подобныя же мысли. Но русское пріорство поспѣшило рѣшить дѣло само собою. 27 октября (8 ноября) оно избрало императора Павла-Перваго въ великіе магистры ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго. Публичнымъ манифестомъ, 13 (25) ноября, императоръ принималъ избраніе. .

Противъ этой мѣры можно было найти много возраженій въ самыхъ статутахъ ордена; она грозила произвести въ немъ формальный расколъ, тѣмъ болѣе, что русское пріорство было еще очень ново и не признаемо формально всѣмъ орденомъ. Вѣискій дворъ не находилъ большаго интересу видѣть императора Павла главою ордена, но точно имѣлъ важныя причины желать дружественнаго расположенія императора и потому поспѣшилъ уладить дѣло. Надлежало склонить барона Гомпеша къ добровольному отреченію отъ магистерскаго сана. Само собою разумѣется, что Гомпешъ не соглашался, и переговоры затянулись на-долго. Наконецъ, въ іюнь 1799 года, вѣискій кабинетъ прямо далъ знать Гомпешу, что обстоятельства не дозволяютъ долѣе медлить и договариваться, что отъ него ожидаютъ отреченія, и что въ противномъ случаѣ нѣмецкій императоръ поступитъ съ нимъ, какъ съ личнымъ врагомъ и удержитъ его государственнымъ арестантомъ. 9 іюля Гомпешъ произнесъ отреченіе и извѣстилъ объ этомъ особыми письмами вѣискій и петербургскій дворы. Каковы бы ни были вѣны бывшаго великаго магистра, но въ это время поведеніе его было не чуждо достоинства, и письмо его къ императору Францу дышетъ всѣмъ благородствомъ несчастія. Задолго еще до отреченія Гомпеша, вскорѣ по принятіи магистерскаго сана, императоръ Павелъ, въ прокламаціи отъ 29 ноября (14 декабря) 1798, представилъ образчикъ того, что намѣревался сдѣлать для ордена. Возобновляя прежній планъ, онъ учреждалъ второе великое пріорство для кавалеровъ греческой церкви съ 98 командорствами, на которыя опредѣлялось 216,000 рублей ежегоднаго доходу. По мысли императора, орденъ долженъ былъ оставить первое военное заведеніе въ Европѣ, средоточіе для дворянства всѣхъ націй. Не устранялись отъ ордена и не-дворяне, если по воспитанію и образованію принадлежали къ высшимъ сословіямъ. Однимъ словомъ, орденъ подвергался коренному преобразованію. Въ Петербургѣ, новой резиденціи ордена, императоръ предполагалъ учредить военную академію подъ управленіемъ ордена, для приготовленія военныхъ людей, мореходовъ, дипломатовъ и ученыхъ; всѣмъ классамъ предполагались общими ры-

арскія упражненія; особенное вниманіе при воспитаніи слѣдовало обратить на математическія науки; всѣ кавалеры должны были вестн обязанности госпитальной службы; орденъ доступенъ съмъ христіанскимъ исповѣданіямъ; католики по-прежнему должны давать обѣты; командорства жаловались только безбрачными.

Императоръ предлагалъ и другія попеченія о пользахъ ордена. Герцогъ пфальцъ-двейбрикенскій, Максимилианъ-Иосифъ, сдѣлавшись баварскимъ курфирстомъ, уничтожилъ великое пріорство, учрежденное его предѣстникомъ, и далъ иное назначеніе имѣніямъ пріорства. Императоръ Павелъ оскорбился такимъ поступкомъ и уполномоченный его, баронъ фонъ-Флахсланденъ, 12 іюля 1799, въ Мюнхенѣ заключилъ съ министромъ Монжелэ договоръ, по которому орденъ возстановлялся на прежнемъ основаніи въ герцогствахъ Баваріи, Зульцбахъ, Пфальцъ-Нейбургъ и Оберъ-Пфальцъ. Курфирстъ призвалъ императора великимъ магистромъ. Въ силу позднѣйшаго соглашенія, русское и баварское пріорства соединялись въ англо баваро-русскій языкъ, и должны были всегда поручаться принцу курфиртскаго дома. На первый разъ ихъ отдали второму сыну курфирста, принцу Карлу-Теодору.

Пока такимъ образомъ орденъ спасся отъ катастрофы единственно пожертвованіемъ своей самостоятельности, на островѣ Мальтъ происходили событія, имѣвшія самую тѣсную связь съ судьбами ордена. Бонапарте недолго пробылъ на Мальтѣ, формально взятой подъ французское владычество. Французы завели на островѣ свое правительство и свой порядокъ вещей. Главнымъ начальникомъ остался военный командиръ, дивизионный генералъ Вобуа. Законодательная власть поручена комиссіи изъ девяти членовъ, по большей части Мальтійцевъ, подъ предсѣдательствомъ командора Боредона де-Рапжиза. Исполнительная власть отдана комиссару правительства, извѣстному Реньо де-Сенъ-Жанъ д'Анжеди. Муниципальное управленіе получило новую организацію. Распоряженіе касательно духовенства и церковныхъ порядковъ сильно раздражило народъ, особенно сельскихъ жителей, которые съ самаго начала не влюбили Французовъ и едва удерживались отъ возмущенія. При дальнѣйшихъ мѣрахъ французскаго правительства, въ сентябрѣ, вспыхнулъ открытый бунтъ по селеніямъ острова. Инсургенты подняли сицилійскій флагъ, стравили депутатовъ къ королю Фердинанду, котораго признавали своимъ законнымъ государемъ, и дали знать о событіяхъ англійской эскадрѣ на Средиземномъ Морѣ. 18 сентября, португальская эскадра

начала блокировать Мальту, а вскорѣ появился и побѣдоносный флотъ Нельсона. Городъ былъ осажденъ, терпѣлъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, вылазка гарнизона неудалась. Нельсонъ отплывалъ въ Неаполь для починки поврежденныхъ кораблей; 24 октября снова явился у Мальты и передалъ блокаду сирю Александру Беллю. Блокирующая эскадра увеличилась неаполитанскими судами. Положеніе французскаго гарнизона становилось все опаснѣе. Такъ, вышелъ 1798 годъ, въ концѣ котораго большая часть Европы вооружилась противъ Франціи. Въ началѣ слѣдующаго года, Англичане владѣли уже почти всѣмъ островомъ, и сиръ Александръ Белль завѣдывалъ правленіемъ съ титуломъ губернатора его сицилійскаго величества. Русскій кабинетъ объявилъ о намѣреніи послать корпусъ войскъ на помощь осаждающимъ. Къ исходу лѣта крайность осажденныхъ начала преступить всякіе предѣлы, однако жъ Вобуа храбро держался. Въ послѣднихъ числахъ декабря, на островъ прибылъ кавалеръ Италійскій, посланникъ русскій при сицилійскомъ дворѣ, въ качествѣ посла къ національному конгрессу, составившемуся изъ Мальтійцевъ подъ покровительствомъ Англичанъ. Тридцатаго числа, въ торжественномъ собраніи, онъ объявилъ, что баронъ Гомпешъ отрекся, что санъ великаго магистра принять императоромъ Павломъ, что императора признали въ этомъ санѣ Австрія и союзныя державы, что вскорѣ прибудетъ русскій вспомогательный корпусъ, что по взятіи Мальты для мѣстнаго дворянства учредится великое пріорство, а резиденція ордена останется въ Петербургѣ. Конгрессъ составилъ благодарственный адресъ императору и англійскому королю, прося въпрочемъ оставить порядокъ вещей, заведенный командоромъ Беллемъ. Между тѣмъ во Франціи пала директорія и Бонапарте явился первымъ консуломъ. Въ половинѣ 1800, французскій гарнизонъ находился въ отчаянномъ положеніи, а пособія изъ Франціи все не было; 4 сентября Вобуа прекратилъ военныя дѣйствія; 9 сентября гарнизонъ, сдавшійся на капитуляцію, отправленъ въ Тулонъ. Такимъ образомъ послѣ двухъ-лѣтней осады, Мальта досталась Англичанамъ, которые поспѣшили изгладить на ней всѣ слѣды французскаго владычества, и продолжали править островомъ уже не отъ имени сицилійскаго короля, а отъ имени его британскаго величества.

Мальтійцы очень помнили выгоды, какія орденъ доставлялъ имъ островамъ, хотя сами они были устранены почти отъ всѣхъ отличій ордена. При сдачѣ острова Французамъ жители выказали большую преданность ордену. Во время блокады, вскорѣ по

образованіи національнаго конгресса, посланы были два депутата въ Триестъ, къ великому магистру, пригласить его присоединиться съ своими кавалерами къ инсургентамъ и вступить по-прежнему въ управленіе островами. Но или у Гомпеша были руки связаны, или онъ самъ не хотѣлъ пускаться на подобное предпріятіе: только онъ не воспользовался предложеніемъ, и ограничился письменной благодарностью Мальтійцамъ за ихъ вѣрность и приверженность.

Насталъ срокъ серьезныхъ совѣщаній о судьбѣ острововъ и ордена. Вскорѣ послѣ люневильскаго миру, по открытіи непріязни между Англіею и сѣверными континентальными державами, и по кончинѣ императора Павла орденъ остался безъ главы. Императоръ Александръ обнародовалъ прокламацію, въ которой назначалъ графа Салтыкова намѣстникомъ великаго магистра, до тѣхъ-поръ пока возможно будетъ избраніе новаго главы согласно стариннымъ статутамъ и формамъ ордена, для чего онъ, по соглашенію со всѣми прикосновенными державами, намѣревался созвать генеральный капитулъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что принимаетъ орденъ подъ свое покровительство, и что русско-польскій великій пріоратъ въ его государствѣ сохраняетъ прежнія права и основаніе.

Барону Гомпешу обстоятельства показались благопріятными, и онъ предъявлялъ свои притязанія на возстановленіе въ санѣ великаго магистра. Живя въ уединеніи въ анконской маршіи въ Порто-ди-Формо, тѣснимый займодавцами, Гомпешъ, въ первыхъ числахъ мая, обратился къ вѣнскому двору, къ папѣ, къ первому консулу. Онъ старался доказать, что враги предубѣдили императора противъ него; писалъ къ великому пріору Коллоредо и къ министру барону Тугуту, что Пій VII благоволитъ къ нему и только не можетъ высказать намѣреній въ его пользу по причинѣ стѣсненнаго положенія, но что немедленно признаетъ его великимъ магистромъ, какъ скоро Австрія возьметъ его подъ свое покровительство. Вѣнскій дворъ не былъ расположенъ къ безхарактерному главѣ ордена; Бонапарте также, и сверхъ-того видѣлъ въ немъ креатуру Австріи; Англичане рѣшительно не хотѣли уступить острововъ тому, кто не умѣлъ ихъ сберечь. Самые кавалеры по большей части были дурно расположены къ Гомпешу. Между-тѣмъ, 28 марта, во Флоренціи заключенъ миръ между Франціею и Наполеомъ, сицилійскія войска оставили Мальту, островъ остался во власти Англіи и, парламентскимъ указомъ 11 іюня 1801 года, причисленъ къ Европѣ, потому-что до-тѣхъ-поръ

принеслася къ Америкѣ. На Амьенскомъ конгрессѣ предполагалось окончательно рѣшить судьбу острова, Англія предлагалась отдать Мальту ордену, подъ гарантією и покровительствомъ ка-койнибудь третьей державы. Явно было, что подъ этой третьей державой она разумѣла Россію. Когда слухи о возвращеніи острова ордену дошли до Мальтійцевъ, духовенство острова писало англійскому королю и первому консулу, изъявляя радость, что къ нимъ возвратится ихъ отецъ и благодѣтель, законный правитель и государь, Фердинандъ фонъ-Гомпещъ. Но мальтійская депутація изъ представителей большой части мѣстечекъ, 22 октября, писала англійскому правительству совершенно въ другомъ духѣ, формально протестуя противъ отдачи острововъ ордену, и говоря, что отдать ихъ ордену было бы все равно, что отдать Французамъ, которыхъ они не терпѣли. Въ декабрѣ 1801 года, открылся амьенскій конгрессъ, гдѣ представителемъ Англіи былъ маркизъ Корнваллисъ, а Франціи — Юсіеъ Бонапарте. Когда переговоры коснулись вопроса о Мальтѣ, возникло множество затрудненій, Англія очевидно жалѣла, что поторопилась обѣщаніемъ сдать Мальту. Ни одна изъ предложенныхъ сдѣлокъ не была принята. Между прочимъ Юсіеъ Бонапарте предлагалъ совершенно измѣнить устройство ордена, превратить его изъ военнаго въ чисто богодѣнный согласно его первоначальному назначенію, разрушить мальтійскія укрѣпленія и завести на островѣ большой лазаретъ въ пользу всѣхъ мореходныхъ націй. Когда восторжесла миръ въ Амьенѣ, вопросъ о Мальтѣ рѣшился слѣдующимъ образомъ. Острова Мальта, Гозо и Комино возвращались ордену на томъ же основаніи, какъ было до войны. Кавалеры уцѣлѣвшихъ еще языковъ, по размѣнѣ ратификацій, должны были съѣзжаться на Мальту, составить тамъ генеральный капитулъ и приступить къ избранію новаго великаго магистра. Французскій и англійскій языки отиѣнялись въ орденѣ, и ни Французы ни Англичане не могли впредь поступать въ орденъ. Составлялся мальтійскій языкъ, которому положено содержаться на поземельные и таможенные доходы острова, при чемъ дворянскихъ демагоговъ не требовалось. По крайней мѣрѣ половина муниципальныхъ и гражданскихъ должностей занималась туземцами. Англійскія войска должны были очистить островъ втеченіи трехъ мѣсяцевъ по ратификаціи или даже скорѣе. Половина гарнизона составлялась изъ Мальтійцевъ, а остальная половина изъ урожденной стражи, которая будутъ имѣть свои языки въ орденѣ; высшее начальство принадлежитъ магистру. Независимость остро-

вомъ состояла подъ покровительствомъ Франціи, Великобританіи, Австріи, Испаніи, Россіи и Пруссіи. Орденъ и островъ были нейтральными, гавани ихъ открыты для всѣхъ націй, исключая Варварійцевъ. Статуты ордена оставались старинныя, кромѣ перемѣнъ, обозначенныхъ въ договорѣ. Сицилійскій король долженъ былъ поставить на Мальтѣ гарнизонъ въ 2,000 человекъ и занять всѣ укрѣпленныя мѣста острова на годъ, и если по истеченіи года военная сила ордена не составитъ надлежащимъ образомъ, держать гарнизонъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

Статьи аміенскаго договора возбудили въ Англіи всеобщій ропотъ, и мѣры британскаго правительства скоро заставили Европу усомниться въ соблюденіи Англіею договорныхъ пунктовъ. Между-тѣмъ орденъ съ своей стороны не оставался въ бездѣйствіи. Какъ скоро аміенскія статьи пришли въ извѣстность, разныя великія пріорства занялись назначеніемъ кандидатовъ въ званіе великаго магистра. По затруднительности собрать на островѣ генеральный капитулъ ордена, согласились предоставить избраніе на волю папы, чего желало и французское правительство. Предполагалось испросить согласія Австріи, Россіи и Пруссіи; объ Испаніи даже не упоминали и эта держава съ своими двумя языками воздерживалась вообще отъ всякаго участія въ дѣлахъ ордена. Въ 1802, курьеръ русскаго правительства привезъ въ Римъ списки кандидатовъ разныхъ великихъ пріорствъ, кромѣ итальянскаго, и русскій посланникъ, графъ Кассини, старался, чтобъ избраніе согласовалось съ видами петербургскаго двора. Гомпешъ все еще не отказывался отъ надежды возвратити свой санъ, и искалъ себѣ покровительства Франціи; но, кажется, никто и не думалъ о сбыточности его притязаній. Бонапарте обѣщалъ ему только позаботиться о безбѣдномъ содержаніи. Искательство кардинальской шляпы также не удалось экс-магистру, какъ по странности самой мысли, такъ и потому что шляпъ едва достало на удовлетвореніе всѣхъ требованій Франціи. За Гомпеша ходатайствовалъ передъ французскимъ правительствомъ также кардиналъ Спино, по желанію Генуи. Ходатайство осталось безуспѣшнымъ. При этомъ случаѣ имя барона Гомпеша въ послѣдній разъ упоминается въ исторіи ордена. Баронъ прожилъ нѣсколько времени въ папскихъ владѣніяхъ и когда уже нечѣмъ было содержаться долѣе, рѣшился ѣхать во Францію. Тамъ наконецъ правительство положило ему годичную пенсію въ 300,000 франковъ, съ обязательствомъ залѣ-

лать свое жителство каждые полгода. Но онъ недолго пользовался обезпеченнымъ положеніемъ: 12 мая 1805 Фердинандъ Сошъ-Гомпешъ умеръ въ Монпелье.

Бонапартъ вовсе не хотѣлъ видѣть главою ордена ни Русскаго ни Нѣмца, значить свобода избранія была стѣснена. Политическое и финансовое положеніе ордена было очень незавидно, и Пій VII съ большою неохотою приступилъ къ избранію. «Печальный будетъ подарокъ тому, на кого падеть выборъ», говорилъ онъ французскому посланнику, который просилъ поторопиться. Созвали конгрегацию кардиналовъ, и по собраніи ихъ голосовъ, папа назначилъ великимъ магистромъ бальи Русполи, потомка знатной римской фамиліи. Россія и Португалія остались недовольными избраніемъ; Талейранъ изъяснилъ совершенное удовольствіе перваго консула. Русполи съ самаго начала обнаружилъ неохоту принять званіе магистра, и вскорѣ рѣшительно отказался. Нѣтъ сомнѣнія, что проживая въ Англии онъ имѣлъ случай знать о тайныхъ намѣреніяхъ лондонскаго кабинета насчетъ Мальты, и что отсюда простекало его нежеланіе принять магистерскій санъ. Какъ скоро Бонапартъ свѣдалъ объ его отказѣ, немедленно потребовалъ отъ папы новаго избранія. Пуще всего ему хотѣлось принудить Англію къ открытому объявленію своихъ плановъ.

Сама судьба, казалось, благопріятствовала Англии. Россія, въ нотѣ британскому кабинету вице-канцлера графа Воронцова, отъ 12 (24) ноября, отказала въ желанной гарантіи и предложила слѣдующія дополнителныя статьи: «Господство ордена надъ Мальтою, великій магистръ и его гражданское правленіе островомъ признаются по стариннымъ статутамъ, и отъ воли великаго магистра зависитъ опредѣлить внутреннее устройство ордена. Неаполь по-прежнему имѣетъ верховное владычество надъ Мальтою. Независимость и нейтралитетъ острова гарантируются на всевозможные военные случаи, даже если бъ самъ Неаполь былъ замѣшанъ въ войну. До-тѣхъ-поръ, пока орденъ составитъ свою собственную военную силу, крѣпости поручаются королю Обѣихъ Сицилій, котораго войска на Мальтѣ зависятъ отъ великаго магистра.» Франція, вѣрная своей системѣ, изъяснила согласіе на эти измѣненія договорныхъ статей; Пруссія также черезъ своего посланника въ Парижѣ, маркиза Люкезини. Но англійскій кабинетъ упорствовалъ и старался протянуть время. Въ парламентѣ со всѣхъ сторонъ слышались требованія не уступать Мальту. Въ исходѣ 1802, Франція значительно усилила свои военныя

приготовленія въ гаваняхъ Ротфора и Гельветлюн. Война казалась неминуемою. Между тѣмъ избраніе новаго великаго магистра встрѣтило важныя затрудненія. Россія объявила, что при настоящихъ обстоятельствахъ всего приличнѣе оставить временное управленіе подъ начальствомъ намѣстника великаго магистра, что пана послѣ однократнаго выбора уже потерялъ право избранія, предоставленное ему орденомъ. Орденъ понесъ новыя потери: имѣнія кастильскаго и арагонскаго языковъ были причислены къ короннымъ и испанскій король провозгласилъ себя главою этихъ языковъ. Занятіе Французами герцогства Пармы и присоединеніе Пиемонта къ Франціи лишило орденъ тамошнихъ его командорствъ. Однако жъ Австрія, Франція и Неаполь требовали отъ папы новаго избранія, и оно пало на бальи Томмази, потомка дворянской тосканской фамиліи. Томмази принялъ выборъ, сообщалъ объ немъ иностраннымъ дворамъ и былъ признанъ. Еще въ октябрѣ 1802, 2,000 неаполитанскаго войска, по силѣ договора, прибыли на Мальту, но всѣ укрѣпленія оставались еще занятыми англійскимъ гарнизономъ. На требованіе очистить крѣпости сиръ Александръ Белль отзывался, что не имѣетъ объ этомъ предписаній отъ своего правительства, и совѣтовалъ великому магистру остаться въ Мессинѣ, отложить пріѣздъ на Мальту. На дальѣйшія настоянія англійскій губернаторъ отвѣчалъ, что безъ приказанія своего короля не оставитъ Мальты, что дворецъ въ Лавалеттѣ нуженъ для англійскаго правительства, что можно предоставить великому магистру дворецъ Иль-Боскетто (загородный, въ осьми миляхъ отъ города), но какъ онъ не меблированъ, то магистру лучше еще повременить въ Сициліи. Нота французскаго уполномоченнаго при орденѣ, генерала Віалы, осталась, разумѣется, безъ успѣху. Надежды ордена и всѣхъ друзей мира явно разрушались. Въ апрѣлѣ англійскій посланникъ, лордъ Уайтвортъ, предложилъ Талейрану, что Великобритавія согласна отказаться отъ владѣнія Мальтою, если допустить, чтобъ англійскій гарнизонъ занималъ островъ по крайней-мѣрѣ втеченіи десяти лѣтъ; что тогда она сдастъ островъ въ видѣ самостоятельнаго государства жителямъ, и позаботится объ удовлетвореніи ордена другимъ путемъ. Талейранъ отвѣчалъ, что Франція не можетъ согласиться на такое нарушеніе аміенскаго трактата, не спросясь у прочихъ гарантировавшихъ державъ. Вслѣдъ за тѣмъ французскій министръ предложилъ сдать Мальту одной изъ трехъ главныхъ державъ, Австріи, Россіи или Пруссіи, если неаполитанскій гарнизонъ считаютъ ненадежнымъ. Британскій ка-

бинеть отвергъ предложеніе, потому что Россія, единственная держава которой онъ соглашался сдать Мальту, уже отказалась содержать на ней свой гарнизонъ. Въ маѣ уже посланники Англіи и Франціи оставили одинъ Парижъ, а другой Лондонъ, и король объявилъ парламенту объ угрожающей войнѣ. Въ парламентскихъ преніяхъ лордъ Мельвилъ говорилъ: «Цѣль войны занять Мальту британскими войсками не на нѣсколько лѣтъ, а навсегда. Для Мальты нѣтъ другаго покровительства, кромѣ Великобританіи, которая одна можетъ исполнять эту обязанность, благодаря своимъ морскимъ силамъ. Мы начали войну, для того чтобъ удержать Мальту.» Война продолжалась, какъ извѣстно, съ 1803 по 1814 годъ. Мальта осталась подъ властью Англіи.

Съ утратой самодержавія орденъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго утратилъ и свое положеніе и свою настоящую цѣль. Нѣсколько времени еще его поддерживало участіе въ немъ Россіи, но когда открылась война между Россією, Австрією и Англією съ одной стороны, и Францією съ подвластными ей государствами съ другой; когда пала конституція вѣмецкой имперіи; когда наконецъ вся Италія подпала власти Французовъ, — тогда у ордена остались почти только его командорства въ австрійскихъ земляхъ, въ Сициліи и Сардиніи.

Владѣнія ордена были еще довольно значительны на югѣ Германіи, въ Богеміи, въ Бризахѣ, отчасти на Рейпѣ. Въ Бризахѣ въ Гейтерсгеймѣ жилъ великій пріоръ Германіи, носившій титулъ *Johannitermeister*, и засѣдавшій на имперскомъ сеймѣ съ правомъ голоса на скамьѣ духовныхъ князей верхне-рейнскаго округа. Въ прусскихъ земляхъ находилось grosбалейство Бранденбургъ, протестантское со времени реформаціи, съ титуломъ *Herrenmeisterthum* и съ богатыми доходами. Когда вслѣдствіе французской революціонной войны духовныя имущества частію отошли отъ имперіи, частію обращены были на удовлетвореніе свѣтскихъ владѣтелей, орденскимъ имѣніямъ грозила большая опасность. Правда, рѣшеніе имперскаго сейма, 27 апрѣля 1803 года, избавляло орденъ отъ секуляризаціи и назпачало ему вознагражденія за потери на лѣвомъ берегу Рейпа; вслѣдствіе Люневильскаго мира орденъ даже получилъ 9 квадратныхъ миль съ 14,000 жителей и 180,000 гульденовъ дохода, но это снисхожденіе къ ордену было только временное и продолжалось до тѣхъ поръ, пока Франція находила нужнымъ уважать покровительство Россіи ордену. Во время австрійско-русской войны, окончившейся пресбургскимъ миромъ (1805), часть орденскихъ вла-

двіні отошла къ Виртембергу и Бадену. Орденъ прибѣгнулъ къ защитѣ Баваріи и, 28 января 1806 года, заключилъ черезъ Флакс-ландена договоръ съ баварскимъ королемъ, принявшимъ его подъ свое покровительство. Санъ великаго пріора Германіи и великаго пріора Баваріи положено соединить въ особѣ принца Карла Теодора, оставивъ однако въ раздѣльности оба языка и оба капитула. Въ Гейтерсгеймѣ предположено жить, вмѣсто принца, губернатору, одному изъ трехъ великихъ сановниковъ ордена, какими были великіе пріоры Венгрии, Дакіи и Бранденбурга. Этотъ порядокъ вещей длился не долго. 12 іюля 1806 года въ Парижѣ подписанъ актъ Рейнскаго Союза и конституція имперіи пала прежде чѣмъ императоръ Францъ успѣлъ сложить съ себя римско-нѣмецкую корону. Вслѣдъ за тѣмъ Гейтерсгеймъ отданъ новому герцогу баденскому. 8 сентября 1808 года, баварскій король уничтожилъ орденъ въ своихъ владѣніяхъ, давъ его вмѣ- нямъ другое назначеніе. Въ 1810, тому же примѣру послѣдова- ла Пруссія, гдѣ уже послѣ, въ 1812, король учредилъ іованнит- скій орденъ для протестантскаго дворянства своихъ и чужихъ владѣній. Дѣдъ короля, бывшій бранденбургскій герренмейстеръ, принцъ Фердинандъ Пруссскій, былъ назначенъ великимъ магистромъ новаго ордена, а наслѣдовать ему долженъ былъ братъ короля, принцъ Генрихъ.

Получивъ отъ балій Бусси извѣщеніе объ отказѣ Англичанъ сдать Мальту, великій магистръ продолжалъ жить въ Сициліи до своей смерти 13 іюня 1805 года. Черезъ два дня по его кончинѣ, балій Иниго Марія Гевара Суардо, Неаполитанецъ, былъ избранъ въ временные намѣстники магистерства, пока члены ордена собрались въ Катаніи для выбора новаго кандидата, котораго слѣдовало представить на папское утвержденіе. Въ избраніи произошло разногласіе. Часть кавалеровъ подала голоса въ пользу балій Маріи, временнаго вице-канцлера и впоследствіи полномочнаго посланника на вѣнскомъ конгрессѣ; большинство избрало балій Караччоло ди Санъ-Эльмо. Пій VII не утвердилъ ни того ни другаго выбора, какъ потому что на катанійскомъ собраніи, языки ордена не были представлены надлежащимъ образомъ, такъ и потому что званіе великаго магистра въ тогдшнемъ положеніи ордена потеряло всякое серьезное значеніе. Такимъ образомъ управленіе орденомъ находилось въ рукахъ Гевары до 25 апрѣля 1814 года. Преемникомъ его въ намѣстничествѣ былъ балій Андреа ди-Джованни-и-Центеллесъ. Между тѣмъ, въ 1806 году, занятіе Французами Неаполя лишило орденъ

его тамошнихъ командорствъ; въ 1809 году, погибли отъ такой же причины командорства на югѣ Церковной Области; русское великое пріорство, въ 1810 году, отмишено; орденъ влчлтъ жалкое существованіе только въ австрійскихъ земляхъ и на островахъ Сициліи и Сардиніи. Въ такомъ униженіи засталъ его парижскій миръ, который даже не упомянулъ объ немъ и не далъ ему ни малѣйшаго вознагражденія за острова, оставленные во власти Великобританіи.

Собрался вѣискій конгрессъ. Бальи Міара и командоръ Берлингъери, бывшій послѣ тосканскимъ посломъ при французскомъ дворѣ, явились уполномоченными отъ ордена и, 20 сентября 1814 года, подали записку, въ которой излагались основаніе, цѣль, исторія ордена, его заслуги всему христіанскому міру, исчислялись уцѣлѣвшія у него владѣнія и испрашивалась новая резиденція, гдѣ бы орденъ могъ снова утвердиться. Требованія ордена вообще были чрезвычайно скромны и можетъ-быть лучше было бы, еслибѣ онъ требовалъ гораздо больше. Орденъ имѣлъ въ виду получить въ вознагражденіе за свою Мальту островъ Эльбу или Корфу. Бывшіе французскіе язъики особенно желали получить Корфу и орденъ надѣялся въ этомъ случаѣ на поддержку со стороны Франціи, несмотря что французскій уполномоченный, князь Талейранъ, оказывался очень равнодушнымъ къ пользамъ ордена. Но орденскіе уполномоченные не рѣшались предъявить формальнаго требованія. Отъ надежды на Эльбу они отказались, потому что островъ былъ отданъ Бонапарту, а когда Бонапартъ покинулъ его, всё-таки отказались, потому что боялись оскорбить права Тосканы, которая имѣла самыя основательныя притязанія по-крайней-мѣрѣ на одну часть острова съ городомъ Порто-Ферраіо. Въ особенноти этого избѣгалъ Берлингъери, сіэнскій уроженецъ, слѣдовательно тосканскій подданный. Требовать Корфу, старинное венеціанское владѣніе, занятое въ то время авглійскими войсками, не допустилъ одинъ изъ русскихъ полномочныхъ, графъ Каподистрія, урожденный Корфиотъ, пламенно желавшій своей родинѣ независимости. Онъ убѣдилъ бальи Міари, что императоръ Александръ ни-за-что не согласится отдать островъ ордену и сдѣлать греческихъ христіанъ подданными католическому правительству. Ни то, ни другое изъ опасеній орденскихъ полномочныхъ не оказалось основательнымъ: за Эльбу никто бы не постоялъ, потому что ей не придавали большой важности, а Корфу императоръ Александръ согласился же оставить за Англіей, по договору 5 ноября 1815 года. Орденскіе пол-

помочные подали консулу вторую записку, но всё-таки ничего не выиграли, благодаря нерешительности своего поведения. Сами они говорили, въ циркулярной нотѣ, присланной во время раз'ѣзду конгресса представителямъ разныхъ дворовъ: «Высокое собрание не дало ни какого официальнаго свидѣтельства, что хотя сколько-нибудь занималось интересами ордена.» Такъ окончилась послѣдняя попытка ордена возстановить свое самодержавіе. Въ то же время въ самомъ орднѣ послѣдовалъ родъ раскола. Оставшіеся еще въ живыхъ члены французскихъ языковъ, нѣкогда столь многочисленныхъ и сильныхъ, пожелали участвовать въ совѣщаніяхъ, и бальи д'Анновиль былъ отправленъ въ Вѣну съ этой цѣлью, въ сопровожденіи аббата Віз-Чезарини. Полномочные, нажатые катанейскимъ конвентомъ, отказались признать этихъ депутатовъ и дѣйствовать въ совокупности съ ними. Д'Анновиль уѣхалъ, а Чезарини остался и съ своей стороны подалъ конгрессу записку. Изъ-за поданной записки у него вышли непріятные споры съ Берлингьерни и Міари. Новый посланникъ французскихъ языковъ, командоръ де Діеннъ, сохранялъ чисто страдательную роль. Катанейскихъ уполномоченныхъ очень упрекали за ихъ упорство, повредившее успѣху, весьма вѣроятному при содѣйствіи французскихъ языковъ, потому что герцогъ Беррійскій, великій пріоръ Франціи, былъ очень расположенъ въ пользу ордена, а князь Камилль-де-Роганъ, великій пріоръ Аквитаніи, по семейнымъ связямъ имѣлъ большую силу при австрійскомъ дворѣ. Какъ бы то ни было, по домогательства ордена окончилась полвой неудачей; онъ не добился ни малѣйшаго даже денежнаго вознагражденія, тогда какъ напримѣръ мелкій итальянскій князь Буонкомпанни успѣлъ выхлопотать возвращеніе своей лены Піомбино.

Кстати, по поводу вопроса о самодержавныхъ правахъ ордена, не излишнимъ будетъ исторически взглянуть на положеніе ордена относительно европейскихъ державъ. Подобно всѣмъ прочимъ духовно-рыцарскимъ орденамъ, кавалеры Святаго Іоанна признавали надъ собою верховную власть папскаго престола. Въ Палестинѣ положеніе этихъ монаховъ-рыцарей было одинаковое съ возникшими около того же времени Тамплиерами и Маріанами или нѣмецкими рыцарями. Въ странѣ, гдѣ феодальныя формы воинскаго устройства не могли такъ прочно образоваться, какъ на Западѣ, подобныя дворянскія дружины были чрезвычайно полезны. Но собственно высочества, самодержавнаго права онѣ не имѣли, хотя пользовались на дѣлѣ большою независимостью. Лишась съ по-

терю Шломанды своихъ замковъ и владѣній на твердой землѣ, рыцари Иоханна Иерусалимскаго, во время пребыванія своего на Кипрѣ, завоевали Родосъ, и съ владѣнїи этихъ острововъ началось ихъ дѣйствительное самодержавіе и дружина ихъ образовалась въ независимое государство. Самостоятельность ихъ государства не нарушалась тѣмъ, что большая часть имѣній ордена находилась въ чужихъ земляхъ, вслѣдствіе подарковъ и завѣщаній во время крестовыхъ походовъ и въ послѣдующіе вѣка. Урожденцы чужихъ государствъ, вступая въ орденъ, становились неподвластными своимъ прежнимъ правительствамъ и считались уже за иностранцевъ. Духовная верховная власть папы надъ орденомъ продолжалась, и Римъ не разъ вмѣшивался во внутреннїя дѣла ордена. Кардинальство могло совмѣщаться съ саномъ великаго магистра.

Двѣсти-тринадцать лѣтъ пребыванія ордена на Родосѣ были самымъ блестящимъ и самымъ счастливымъ его періодомъ. По потерѣ острова, положеніе ордена потерпѣло существенныя перемѣны. Въмѣсто того чтобы завоевать себѣ новую землю и держаться въ совершенной независимости, орденъ получилъ Мальту уступкою и въ видѣ лены. Правда, условія и выраженія въ дарственной грамотѣ императора Карла V были столько благопрїятны, сколько почетны. Императоръ, по званію испанскаго короля, отдавалъ великому магистру и ордену Мальту и Гоцо, равно какъ и Триполи, со всѣми имѣніями и правами, на вѣчныя времена въ дворянскую вольную лену, на условїи представлять въ видѣ ленной повинности сокола, который ежегодно подписился вице-королю Сициліи въ праздникъ всѣхъ святыхъ. Инвеститура возобновлялась при каждой перемѣнѣ испанскаго престола. Орденъ оставался свободнымъ отъ всякой воинской и другой службы, на какую повинны вассалы предъ своимъ государемъ. Зато орденъ обязывался не допускать въ своихъ владѣніяхъ ни дѣла ни умысла во-вредъ императору, его государству и подданнымъ. Въ случаѣ возвращенія себѣ Родоса или по другому поводу, орденъ не могъ уступить острововъ никому безъ открытаго дозволенія государя, отъ котораго состоялъ въ ленной зависимости. Въ силу вошла эта дарственная грамота только чрезъ папскую буллу, 25 апрѣля 1530 года. Явно, что по этой грамотѣ самодержавіе ордена было неполное. Императоръ король не далъ ордену даже права чеканить монету, права, которымъ орденъ пользовался на Родосѣ и которое возвратилъ уже третій мальтійскій великій магистръ, Хуанъ д'Омедесъ. Но и на монетахъ, чеканенныхъ при

докъ, до видна на малтійскаго намска на самодержавіе надъ Маль-
 тороу. Золотыя монеты началъ чеканить только Грегоріе Карафа,
 въ исходѣ семнадцатаго столѣтія. Изъ права оградженнаго са-
 модержавія слѣдовало право ордена посылать и принимать по-
 слодъ. Какъ бы то ни было, но еще при первомъ малтійскомъ
 магистрѣ, Д'Иль-Адамѣ, кавалеры испанскихъ языковъ, которые
 начали тогда уравновѣшивать своимъ вліаніемъ преобладавшее
 дотолѣ вліаніе Французовъ, утверждали, что орденъ состоитъ въ
 подданствѣ у ихъ короля. Первымъ важнымъ вмѣшательствомъ
 чужаго государя въ права ордена былъ секвестръ англійскаго
 короля Генриха VIII на орденскія командорства, лежавшія въ
 его владѣніяхъ. Секвестръ былъ снятъ королевою Маріею, но
 при королевѣ Елизаветѣ, во время магистерства Лавалетта, нѣ-
 нкія совершенно присоединены къ коронѣ и англійскій языкъ уни-
 чтожился въ орденѣ. Когда орденъ желалъ учредить новыя по-
 дати, то долженъ былъ испрашивать согласія папы. Когда со-
 вѣтъ хотѣлъ ограничить права великаго магистра или преимуще-
 ства языковъ, то опять вуждался къ папскому разрѣшенію.
 Папская власть простиралась до такой степени, что по смерти
 великаго магистра Лавасьера Григорій XIII предложилъ трехъ
 кандидатовъ на магистерство, изъ которыхъ выбранъ былъ Гюгъ
 де-Вердаль, и папа буллою, 3 сентября 1582, отнялъ у рыцарей
 присвоенное ими право поступать въ извѣстныхъ случаяхъ во-
 прекъ великому магистру, и предоставилъ это право единственно
 римскому престолу. Папы пользовались своею верховною властью
 и другимъ образомъ, не слишкомъ пріятнымъ для великихъ ма-
 гистровъ. Со второй половины шестнадцатаго вѣка они начали
 все больше и больше своевольно раздавать чины и командорства
 кавалерамъ, безъ предварительнаго согласія магистра. Только
 Иннокентій XII, по прошенію Перелло, прекратилъ это злоупо-
 требленіе, возвративъ магистру нѣсколько вакантныхъ коман-
 дорствъ, которыми дотолѣ распорядился римскій дворъ. Григорій
 XIII учредилъ на Мальтѣ инквизиціонный трибуналъ съ обшир-
 ною и исключительной судною властію, поводъ ко множеству не-
 удовольствій. У великаго магистра де-Поля папа Урбанъ VIII
 отнялъ титулъ свѣтлѣйшаго высочества, (*Altezza serenissima*) дан-
 ный ему императоромъ Фердинандомъ II, и въ замѣнъ далъ ти-
 тулъ Еminentіза, имѣющій вполнѣдствіи на *Altezza eminentis-
 sima*. При томъ же великомъ магистрѣ папа запретилъ генераль-
 нымъ капитуламъ дѣлать какія-либо постановленія, безъ согласія
 на то римскаго престола. Между тѣмъ и другія державы неоднो-

кратно нарушали привилегіи ордена. Напримѣръ, въ магистерство де-Поля испанскій король присвоилъ себѣ право исключительно распорядиться кастильскими и арагонскими языками и ихъ доходами. Когда орденъ не соглашался на подобныя уступки, сицилійскіе короли обыкновенно запрещали отпустить хлѣба на Мальту и великіе магистры не разъ принуждены бывали посылать свои галеры силою брать у береговъ Сициліи суда, нагруженныя провіантомъ. Такъ случалось съ де-Вердалемъ и съ Алофомъ де-Виньякуромъ. При подобныхъ требованіяхъ иностранныхъ державъ часто нарушался нейтралитетъ, который орденъ присвоивалъ себѣ. Всего труднѣе было сохранять нейтралитетъ въ долговременныя войны Франціи съ Испаніей, окончившіяся пиренейскимъ миромъ. При великомъ магистрѣ Ласкарисѣ папа Урбанъ VIII потребовалъ, чтобы галеры ордена помогали ему противъ союзныхъ италіянскихъ государствъ въ войнѣ, возгорѣвшейся за фарнезское герцогство Кастро и Ровчильоне. Слѣдствіемъ было секвестрованіе орденскихъ имѣній въ венеціанской области, въ великомъ герцогствѣ тосканскомъ и въ герцогствахъ Пармѣ и Моденѣ. При магистрѣ Николаѣ Котонерѣ кавалеры должны были отдать свои галеры Сицилійскому вице-королю для дѣйствій противъ возмутившейся Мессины, которую поддерживала Франція. Давное кавалерамъ позволеніе сражаться въ войскахъ государей, которыхъ они были природными подданными, часто служило поводомъ къ неудовольствіямъ. Таковы-то были самодержавіе ордена Іоанна Іерусалимскаго, духовная верховная власть Рима и ленная верховная власть Испаніи, которая оказывалась даже въ избраніи епископовъ острова,—орденъ назначалъ трехъ кандидатовъ, и король утверждалъ котораго-нибудь изъ нихъ. Всѣ признаки вассальства давно пали въ забвеніе, когда, въ 1748, неаполитанскій король Карлъ-Третій вздумалъ возобновить права, доставшіяся сицилійской коронѣ по раздѣлѣ испанской монархіи. Великій магистръ воспротивился; всѣ сношенія съ Мальтою были прекращены; командорства ордена въ королевствѣ секвестрованы. Манозъ Пинто, тогдашній великій магистръ, прибѣгнулъ къ защитѣ папы, по ходатайству котораго король восстановилъ дружелюбныя отношенія съ орденомъ. Тѣмъ не менѣе король торжественно обнародовалъ свою верховную власть надъ Мальтою. Слѣдующія за тѣмъ ленныя отношенія ордена къ Сициліи и отношенія къ прочимъ державамъ видны вообще изъ нашего разсказа.

Резиденція ордена оставалась въ Катаніи. 11 іюня 1821 года

Бальи Арменин, фра Антонио Буска, Миланецъ, былъ избранъ въ намѣстники великаго магистра. Онъ, въ 1826 году, перенесъ конвентъ въ Феррару. Поводомъ къ этому послужило рѣшеніе неаполитанскаго правительства, состоявшееся въ 1825 году, объ отобраніи имѣній ордена въ Сициліи по смерти пользовавшихся ими кавалеровъ, и о повременномъ употребленіи ихъ доходовъ на государственныя надобности, впредь до распоряженія. Указъ сицилійскому вице-королю, извѣщавшій его объ этомъ постановленіи государственнаго совѣта, запрещалъ также ордену раздавать командорства, жаловать въ кавалеры безъ дозволенія короля и требовать съ нихъ денежные взносы; далѣе предписывалъ сдѣлать подробный осмотръ и точную оцѣнку имѣній ордена въ королевствѣ. При такомъ положеніи дѣлъ конвентъ не могъ долѣе оставаться въ Катаніи, прибѣгнувъ подъ защиту папы Льва XII, и получилъ позволеніе перемѣститься въ Феррару, гдѣ ему отведены монастырь и церковь целестинцевъ. 31 іюля 1826 года кавалеры съ архивомъ и прочимъ имуществомъ оставили сицилійскій берегъ. Въ началѣ сентября бальи Буска, поселившійся во дворцѣ Бевплакка, и вице-канцлеръ командоръ Велла (Vella) учредили новый конвентъ.

Орденъ пробылъ въ Феррарѣ до 1834 года, когда перенесъ свою резиденцію въ Римъ. Въ тоже время формально отобраны въ казну его командорства въ Португаліи. Бальи Буска умеръ въ Миланѣ, 19 мая 1834. Въ преемники ему избранъ бальи фра Карло-Кавидда, правящій до сихъ поръ должность намѣстника великаго магистра. При немъ ордену открылись новыя надежды и продолженіе существованія ордена, кажется, обезпечилось, крайней-мѣрѣ въ Италіи.

Указомъ на имя эрцгерцога вице-короля Ломбардіи; отъ 15 Января 1839 года, австрійскій императоръ воззвалъ снова къ жизни въ своихъ владѣніяхъ орденъ, «оказавшій столько заслугъ разнымъ странамъ Европы во время своего долгаго существованія и постигнутой превратностями времени.» Церковь Мальтійскихъ кавалеровъ и старинный домъ пріорства въ Венеціи назначены въ собственность новаго ломбардо-венеціанскаго пріората, съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 2000 флориновъ изъ государственнаго казначейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстному дворянству дозволено для надлежащаго распространенія пріорства войти въ сношенія съ орденскимъ начальствомъ объ учрежденіи потребныхъ командорствъ. Многія ломбардо-венеціанскія фамиліи дѣйствительно основали командорства съ приличными помѣстьями.

Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій орденъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго возстановленъ въ своихъ старинныхъ правахъ королевскимъ указомъ, 7 декабря 1839 года. Ордену отданы и признаны его собственностью осемь командорствъ, отобранныхъ за нѣсколько лѣтъ до того и управлявшихся во все это время отдѣльно отъ прочихъ коронныхъ имуществъ. Здѣсь также частныя лица получили разрѣшеніе заводить командорства, только съ условіемъ, что этими командорствами будутъ пользоваться королевскіе подданные. Модена послѣдовала тому же примѣру. Указомъ отъ 15 июня 1841 года герцогъ Моденскій учредилъ два командорства, предоставивъ себѣ право жалованія однимъ изъ нихъ. Объявленіе, отъ 14 июня 1842 года, пригласило предъавить прошеніе съ законными доказательствами тѣхъ лицъ, которыя пожелають получить эти командорства, какъ *cavalieri professi di giustizia*.

Резиденція магистерства, или такъ называемый конвентъ ордена, находится, съ 1834 года, въ Римѣ, во дворцѣ на Віа-Кондотта, неподалеку отъ Испанской Площади. Тутъ проживаетъ намѣстникъ великаго магистра, избираемый нынче папою, духовнымъ главою ордена. Кромѣ того въ конвентѣ живутъ слѣдующіе члены ордена, составляющіе правительственный совѣтъ: вице-капцлеръ, секретарь казначейства, сборщикъ, директоръ богадѣльни и библіотекаръ. Всѣ эти должности заняты Итальянцами. Назначенія на командорства бывають обыкновенно по старшинству. Впрочемъ, намѣстникъ нынче имѣеть весьма обширную власть надъ орденомъ, ограниченную только законами тѣхъ странъ, гдѣ лежатъ командорства, а не членами ордена. Въ королевствѣ Богеміи орденъ имѣеть отъ осьми до десяти командорствъ, въ австрійской Италіи четыре, въ Церковной Области отъ пятнадцати до двадцати, въ герцогствахъ Пармѣ и Моденѣ пять, въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій двѣнадцать. Тутъ не считаются командорства, учрежденныя частными лицами въ ихъ семействахъ. Богемія и Церковная Область имѣють великихъ пріоровъ. Ломбардія пріоровъ; къ Ломбардіи же причисляются Модена и Парма; въ сицилійскомъ королевствѣ также пріоры. Римскій пріоратъ, доставляющій болѣе 5,000 скуди дохода, папа *ex jure* *autogitate*, обыкновенно даетъ которому-нибудь кардиналу. Въ Римѣ орденъ имѣеть трехъ капеллановъ, изъ которыхъ одинъ пріоръ и священникъ церкви; при прочихъ пріорствахъ также есть капелланы. При вѣнскомъ дворѣ орденъ держитъ посланника; до перемѣщенія конвента въ Римъ при папскомъ дво-

рѣ также былъ уполномоченный посолъ ордена, въ Парижѣ до июльской революціи также. Въ Моденѣ въ послѣдніе годы живеть повѣренный въ дѣлахъ ордена.

На Авентинской горѣ, высочайшемъ изъ холмовъ Рима, у самага югозападнаго склона, стоить церковь пріорства, Santa Maria Aventina, или del Priogato, съ примыкающимъ къ ней монастыремъ, нынѣ покинутымъ. Неизвѣстно, когда она досталась ордену. Пій-Пятый велѣлъ возобновить ее; кардиналъ Реццоццо, племянникъ Клементя Тринадцатаго и великій пріоръ Римскій, совершенно перестроилъ ее, по рисункамъ и планамъ славнаго рисовальщика и гравера Пиранези, который начертилъ странное, очень безкусное зданіе, обремененное орнаментами всякаго роду. Вездѣ видѣется іоанновскій крестъ; монументъ великаго магистра Караччоло и многихъ кавалеровъ напоминають о старинѣ. Въ тщательно содержимомъ саду, котораго высокая частая лавровая изгородь составляетъ тѣнистую аллею, ведущую къ собору Петра, высокая стройная пальма качаетъ свои грузныя вѣтви. Съ платформы передъ церковью или съ садовой балюстрады, гдѣ далеко внизу катится Тибръ, составляющій тутъ вѣчно покрытую судами пристань Ринагранде, видны таможня и большая богадѣльня Санъ-Микеле, открывается обширный видъ на Ватиканъ, на длинный Яникуль съ его церквами, монастырями и вилами, на южный пустынный конецъ Рима, Черепичную Гору и Пирамиду Цестія, и на широкую равнину, гдѣ подлѣ берега желтой рѣки, церковь Святаго Павла возстаетъ изъ развалинъ въ новомъ великолѣпіи.

Современный порядокъ вещей не дозволяетъ ордену соблюдать его четвертый обѣтъ, вести борьбу съ невѣрными; зато орденъ снова посвятилъ себя главной и первоначальной цѣли учрежденія, хожденію за больными. Бальи Кандида воспользовался благоприятными обстоятельствами послѣднихъ лѣтъ и основалъ огромное заведеніе, открывшее ордену новое поле дѣятельности. 1 сентября 1841 года открытъ въ Римѣ, въ присутствіи папы, военный госпиталь ордена Іоанна Іерусалимскаго. У Сикстова Моста стоить обширное зданіе, бывшее некогда богадѣльнею для немущихъ духовныхъ лицъ и извѣстное подъ названіемъ Sento preti. Это зданіе уступлено ордену для устройства госпиталя, гдѣ должны приниматься военнаго званія больные, которые прежде распредѣлялись по гражданскимъ больницамъ. Зданіе совершенно перестроено согласно новому назначенію: въ 14 залахъ поста-

вмѣсто 500 желѣзныхъ кроватей, заведены вавны, кухни, жилья для чиновниковъ, прислуги, и прочая. Начальникъ заведенія — командоръ ордена, живущій тутъ же. Его помощники: вице-суперіоръ, кавалеръ экономъ, два капеллана ордена, пріоръ и вице-пріоръ. При госпиталѣ находятся разные врачи и хирурги, значительное число прислуги для сидѣнія при больныхъ и для прочихъ надобностей. Орденъ завѣдываетъ содержаніемъ, леченіемъ и получаетъ отъ правительства по 2 паоли въ день платы за каждаго больного. Въ первые четыре мѣсяца заведеніе приняло 1,595 больныхъ; наибольшее число больныхъ было въ немъ 325, наименьшее 184 человека. Цѣлую треть больныхъ составляютъ используемые хирургическимъ леченіемъ.

Прошло почти осемь столѣтій съ тѣхъ-поръ какъ основанъ Іоанновъ орденъ, 538 лѣтъ съ тѣхъ-поръ какъ онъ завоевалъ Родосъ, 317 лѣтъ съ тѣхъ-поръ какъ приобрѣлъ Мальту, и 49 лѣтъ со времени потери острова. Онъ раздѣлилъ судьбу всѣхъ рыцарскихъ орденовъ, которыхъ существованіе было связано съ особой цѣлью и которые становились несообразностями въ европейской системѣ государствъ, какъ скоро утрачивалась ихъ цѣль. Только двумъ орденамъ удалось собственной храбростью и стеченіемъ благоприятныхъ обстоятельствъ достигнуть самостоятельности, именно въ то время, когда потеря Палестины, для защиты которой они были основаны, угрожала имъ конечнымъ паденіемъ. То были іоанниты и маріанцы: одни служили сѣвернымъ, другіе южнымъ форпостомъ христіанскаго міра. Всѣ прочіе ордена уничтожились: прежде всѣхъ пали тамплиеры, отъ наслія; ишанскіе и португальскіе ордена, по изгнаніи Мавровъ съ полуострова, потеряли всякое значеніе и великое магистерство ихъ стало простой прибавкою къ королевскому титулу. Долговѣчность ордена Іоанна Іерусалимскаго, пережившаго всѣ прочіе ордена, объясняется многими причинами. Во первыхъ тѣмъ, что почти все католическое дворянство Европы состояло въ связи съ орденомъ; во-вторыхъ уединеннымъ положеніемъ и прославленною неприступностью Мальты. Въ третьихъ же тѣмъ, что по множеніи опасностей XVI вѣка морская сила кавалеровъ всё-еще оказывала важныя услуги безопасности Средиземнаго Моря, охраняла его въ особенности отъ Варварійцевъ, утвердившихся въ половинѣ XVI вѣка съ большой силою на берегу Африки. Какъ это обстоятельство было важно для южныхъ европейскихъ государствъ, показываютъ двѣ экспедиціи Карла V, и учрежденный въ 1562, тосканскій орденъ Святаго Стефана, который имѣлъ

резиденцію въ Пизѣ и котораго галеры соперничали съ галерами Іоаннитовъ, неутомимо воюя съ пиратами, завоевавъ Бону и распространявъ свои военныя дѣйствія на мало-азійскіе берега еще въ началѣ семнадцатаго вѣка.

Такимъ образомъ, не смотря на перемѣну вѣдншаго положенія и на внутренній упадокъ, орденъ могъ держаться долго. Но онъ былъ не въ состояніи выдержать сильныя вѣдншія буря. Уже разстройство финансовъ должно было повлечь за собою его погибель. Еслибъ островъ не попалъ въ руки Бонапарте, всё-таки въ продолжительной борьбѣ монархическаго начала съ революціоннымъ онъ неминуемо сдѣлался бы добычею могущественной морской державы, которая такъ скоро отняла его у Французовъ. Мальта такъ важна на Средиземномъ Морѣ, что необходимо прельщала собою мореходныя державы. Можно сказать утвердительно, что безъ мальтійскаго вопроса аміенскій миръ не былъ бы нарушенъ, и еслибъ не Мальта, то можетъ-быть Наполеонъ и Англія не вступили бы въ ожесточенную борьбу между собою.

Всего удивительнѣе, что орденъ, съ 1803 года, еще уцѣлѣлъ до-сихъ-поръ. Сохраненіемъ своимъ онъ обязанъ опасенію австрійской политики разрушать существующій порядокъ, если только онъ не приносить явнаго вреда. Въ самомъ печальномъ положеніи орденъ былъ въ 1826 году, когда потерялъ сицилійскія командорства. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ орденъ отчасти поправился. Можетъ быть, этому содѣйствовала ощутительная потребность помочь дворянству въ новой организаціи. Но, кажется, до-сихъ-поръ не рѣшенъ отчетливо вопросъ, на какомъ именно основаніи всего приличнѣе продолжаться ордену. Его прежняя важная цѣль — обезпеченіе Средиземнаго Моря отъ варварійскихъ пиратовъ, уже достигнута иными путями, однако, при всей неопредѣленности высѣйшей роли ордена, благое дѣло было воскресить отъ смертнаго одра учрежденіе, котораго уже одно имя пробуждаетъ такія прекрасныя воспоминанія.

ЖУЧОКЪ И СВЕРЧОКЪ. *Сантиментальная басня въ прозѣ.* На одной нивѣ въ Германіи жили связанные узами тѣсной дружбы, италіанскій жучокъ и сверчокъ. Жучокъ, пожившій уже на своемъ вѣку, обладалъ тѣмъ двойственнымъ зрѣніемъ, которое называется опытною, и которое даетъ возможность съ перваго взгляду проникать въ глубину вещей — видѣть, однимъ словомъ, дно подъ прозрачною водою — дѣйствительность подъ иллюзіею. Ита-

ливецъ сверхъ-того былъ еще записнымъ волокитой, и не проходило дня, чтобъ онъ не записалъ въ приходъ какой-нибудь новой побѣды. Чтò же касается до обстоятельства, бывшаго причиною его изгнанія изъ отечества, то вотъ въ немногихъ словахъ то, что онъ самъ объ этомъ рассказывалъ другу своему, сверчку въ первое время ихъ дружественнаго союза.

Разъ ночью, на свиданіи съ однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ цвѣтковъ, я, очнувшись, былъ внезапно изумленъ шумной гармоніей и жаркой атмосферой бала и, вбродивъ о моемъ удивленіи, очутился среди букета, украшавшаго грудь одной молодой женщины. Вотъ какъ это случилось: любовникъ этой красавицы вышелъ въ садъ, чтобъ набрать ей букетъ, и между выбранными цвѣтами, находился именно тотъ, котораго въ эту ночь я былъ счастливымъ обладателемъ. Тренда отъ мыслей поддастся въ руки какому-нибудь любителю автомодогія, я спрятался въ самой серединѣ своей цвѣтистой темницы. Но опасенія мои оказались напрасными: молодой человекъ вовсе не о томъ думалъ. Предлагая букетъ своей прекрасной, онъ спряталъ въ цвѣты бумажку, которая съ перваго разу поразила меня любовнымъ ароматомъ. Какъ я очень скучалъ, то и принудился читать ее. Я не ошибся, то былъ сонетъ.

— Чтò это такое, сонетъ? спросилъ сверчокъ.

— Сонетъ, это цвѣтокъ поэзіи, разцвѣтающій только подъ солнцемъ моей родины, отвѣчалъ ему Италіецъ. У васъ сочиняютъ баллады съ вѣсьнянками и мертвецами, какающіи въ галоцъ: это можетъ быть вліяніе луды. Стихи мнѣ показались бойкими, гладенькими и начинались воспоминаніемъ о Петраркѣ, чтò было очень не дурно; но затò послѣдній терцетъ мнѣ отдался платоническою умѣренностію и предлагалъ похищеніе. Сонетъ этотъ, который я тогда на досугѣ выучилъ наизусть, часто способствовалъ впоследствии успѣху моихъ любовныхъ похощеній и, надѣюсь, долго еще прослужитъ мнѣ. Красавица только-что прочла его, сдѣлала молодому человеку знакъ, и оба ускользнули съ бала. Три часа спустя, мои любовники скакали на nocturnыхъ по дорогѣ въ Германію. Въ припадкѣ сантиментальности, она взяла съ собой этотъ букетъ съ тѣмъ, чтобъ онъ напоминалъ имъ отечество. Но пока они ѣхали сюда, букетъ завялъ. Его бросили на эту ниву, гдѣ я тебя встрѣтилъ, прибавилъ жучокъ, окончивая рассказъ.

Сверчокъ былъ допущеннымъ адъютантомъ своего товарища. Будучи поэтомъ, какъ большая часть свертковъ, онъ ждалъ какъ живуть

поэты, скорѣе въ мечтательномъ чинѣ въ дѣйствительномъ мѣрѣ. Онъ остался круглымъ сиротомъ почти при самомъ рожденіи, потому что спустя два дня, отецъ его былъ раздавленъ ногою одной маленькой дѣвочки, рвальной незабудей, а мать унесла ласочка, искавшая корму своимъ малюткамъ. Воспоминаніе объ этомъ двойномъ событіи измѣнило въ тоску врожденную въ душѣ сверчка меланхолію и онъ цѣлые дни просиживалъ на днѣ своей норки. Въ жаркіе часы полудня, когда его братья по нѣмъ наполняли воздухъ своими металлическими криками, онъ не вѣшивался въ ихъ игры и продолжалъ мечтать въ своемъ уединеніи. Вечеромъ, когда начиналась ночная симфонія, въ которой принимали участіе и лягушки съ босѣднато болота, онъ оставался въ сторонѣ, и все мечталъ и мечталъ. Только къ утру выходилъ онъ тихохонько, чтобъ не разбудить своего друга, когда тотъ не былъ на какомъ-нибудь любовномъ свиданіи, и вскарабкался на самую верхушку ржаного колоса; обыкновенно служившаго ему обсерваторіей. Тамъ проводилъ онъ цѣлые часы въ созерцаніи неба.

Что жъ касается до жучка, который былъ въ своемъ родѣ лѣхой подлиншало, то онъ употреблялъ во зло свои личныя преимуществы и въ особенности знаменитый сонетъ, служившій ему темой при ночныхъ серенадахъ; впрочемъ, иногда ему случалось и жаловаться на жестокость своихъ любовницъ.

— Здѣсь не то, что на моей родинѣ, говаривалъ онъ сверчку: съ вашими нѣмецкими цвѣтами я развѣ въ два присѣвета успѣваю поцѣловать только кончикъ лепестка. Въ Италіи при первомъ стихѣ моего сонета послѣдній цвѣточекъ сбрасывалъ мнѣ лѣстницу, чтобъ я могъ достигнуть его чашечки и ближе говорить съ нѣю о любви моей. У васъ любовь — вѣчное анданте; у насъ оно — живое аллетро.

Однажды Итальянецъ подшучивалъ надъ своимъ другомъ касательно его упорной меланхоліи.

— Бьюсь объ закладъ, что ты грустишь отъ жестокостей своей возлюбленной! сказалъ онъ ему.

— Я слишкомъ молодъ для любви и слишкомъ черенъ, чтобъ имѣть возлюбленную, отвѣчалъ поэтъ, подавая вздохъ.

Несмотря на это, жучокъ скорѣе замѣтилъ утреннія прогулки своего товарища, и возвратился къ мысли, что тутъ непременно кроется какая-нибудь шутривка. «Нужно въ этомъ увѣряться», сказалъ онъ однажды самъ себѣ. Я постараюсь устроить такъ, чтобъ съ моей стороны не было соперничества, которое во вся-

комъ случаѣ будетъ для него опаснымъ.» И разсуждая такимъ образомъ, Италіанецъ смотрѣлъ въ крупную каплю росы и сравнивалъ свою блестящую, лазурную талию съ черными крыльями и скромной наружностью своего товарища.

И такъ однажды утромъ онъ прокрадывался за сверчкомъ, шедшимъ по обыкновенію къ своей обсерваторіи. Спрятавшись подъ травкой, онъ сталъ наблюдать за другимъ, который, качаясь на маковкѣ колоса, казалось, погруженъ былъ въ восторженное ожиданіе, и пристально смотрѣлъ на облако, несшееся отъ запада къ востоку. Но облако прошло и «Stella matutina», которую оно до-сихъ-поръ скрывало, глянула вдругъ своимъ золотымъ взоромъ. При этомъ явленіи сверчокъ затрепеталъ на колосѣ и началъ пѣть звучнымъ голосомъ. Вотъ, что пѣлъ онъ:

«— Кто же ты, кроткое свѣтило? Можетъ-быть цвѣтокъ, распустившійся въ райскихъ садахъ, и дѣвы приходятъ срывать тебя, прежде нежели ты удаешь отъ лучей солнечныхъ. Если твой запахъ не достигаетъ до насъ, то это потому только, что далеко отъ неба до земли. Увы! да, слишкомъ далеко отъ тебя до меня.

«— Кто же ты, кроткое свѣтило? Облако, скрывавшее тебя сейчасъ розовымъ крыломъ своимъ, и казавшееся странствующимъ серафимомъ по лазурнымъ пространствамъ, оставило тебя за собою. Не алмазь ли ты, выпавшій съ ризы божественнаго странника? Какъ свѣтла ты, звѣзда моя, и какъ я черенъ! О! какъ далеко отъ тебя до меня.

«— Кто же ты кроткое свѣтило? Не перлъ ли росы, трепещущей на прекрасной лиціи Гавріила? Ты, блестящее только утромъ, и не видное вечеромъ, не то ли ты наконецъ, что мы называемъ надеждою? Не улыбка ли ты Бога, благословляющаго пробужденное твореніе? Можетъ-быть, ты сама поэзія, и всѣ утреннія гармоніи не что иное какъ ослабѣвшее эхо твоего голоса, потому что пѣснь твоя слишкомъ высока для того чтобы мы ее поняли, и далеко отъ тебя до меня.

«— О! тѣмъ бы ты ни было, кроткое свѣтило,—я люблю тебя! Прежде нежели я увидѣлъ на небѣ, я уже видѣлъ тебя въ душѣ моей; свѣтъ твой озарилъ мое уединеніе, и когда взоры мои встрѣтили тебя, я тихо промолвилъ: не мечта ли ты, улетѣвшая изъ моего сердца, чтобы блистать въ небесныхъ пространствахъ? О! пусть и далеко отъ тебя до меня.... кроткое свѣтило, я люблю тебя....»

Когда онъ окончилъ, звѣзда померкла передъ солнечнымъ бле-

скомъ, и жаворонокъ, взлетая къ нему на встрѣчу, посылашь ему тоже громкія привѣтствія.

— Увы! прошепталъ жучокъ, озадаченный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, мой несчастный другъ — поэтъ, и поэтъ пѣвецкій, худшій изъ всѣхъ по вступленію и безумству; влюбленъ въ звезду!.... Ты не довѣряешь мнѣ, сказалъ онъ сверчку, встревоженному тѣмъ, что его застали въ-расплохъ: это дурно. Скажи ты мнѣ сначала объ этой страсти, я постараюсь бы тебя отъ нея вымечить. Расскажи-ко, какъ эта прекрасная любовь вошла тебѣ въ голову или въ сердце, если хочешь, сказалъ жучокъ, выражая мысль, проявившуюся въ жестѣ его друга. — Чего же ты надѣешься, наконецъ?

— Ничего не надѣюсь, я люблю.

— Полно, пожалуйста! возразилъ жучокъ: когда любишь, всегда надѣешься, чего бы то ни было. Въ твоей же любви всего хуже то обстоятельство, что и малѣйшая надежда — уже страшная глупость. Въ самомъ дѣлѣ, давай разсуждать здраво. Ты поэтъ, какъ и всякій сверчокъ. Твой гимнъ къ звѣздѣ, заставляетъ меня предполагать, что ты принадлежишь къ тѣмъ, которые больны, а это очень плохо. Ваша поэзія сантиментальная.... конечно, что городъ, то воровъ. Вотъ я такъ сочиняю сонеты, продолжалъ ораторъ, окончательно убѣдившійся въ томъ, что онъ и есть авторъ того сонета, о которомъ рассказывалъ. Я давно уже живу съ тобою и сколько тебя знаю, могу заключить, что любовь твоя похожа на твою поэзію: ты любишь «задушевную» любовью, готовъ ограничиваться вздохами, слезами; у всякаго свой вкусъ. Но по-крайней-мѣрѣ поклоняйся идолу, который могъ бы слышать тебя и отвѣчать. Есть здѣсь ж блѣдный желѣзникъ и дѣвственная мочильница, которые будутъ очень рады испытать совершенную любовь и отвѣтить увы! на твое увы! Сочиняй для нихъ стихи, если хочешь; они принесутъ тебѣ ожидаемые плоды. Любовь, кака-бы она ни была, всегда — дуэтъ: нужно быть вдвоемъ, чтобъ производить ее. Следовательно, твоя любовь не можетъ быть любовью, потому что звѣзда не отвѣтитъ тебѣ ни на плачь твой, ни на улыбку.

— Не правда, отвѣчалъ сверчокъ. Во-первыхъ, моя поэзія услышана; вѣтерокъ ловитъ стихи мои и уноситъ ихъ на крыльяхъ своихъ къ моей звѣздѣ, которая останавливается при звукахъ моихъ пѣсень. Когда я печаленъ, мнѣ кажется, что и ея взглядъ влаженъ отъ такихъ же слезъ, какъ и мои собственные.

и вчера еще, мнѣ показалось, она затеплилась улыбкою среди яркаго мерцанія.

— Кажется, доказалось; все это ничего не доказываетъ, развѣ только то, что ты съ ума сошелъ, что я уже сейчасъ и скажешь тебѣ. Знаю самъ, что въ любви не умствують, а напротивъ безумствуютъ. Но ты, наконецъ, уже слишкомъ далеко заходишь.

«Нужно его вылетить однако отъ этой глупости», прибавилъ жучокъ про себя, и слова продолжалъ вслухъ: — Что, это твоя жерная любовь?

— Да и дѣтъ, отвѣчалъ сверчокъ. Прежде я былъ влюбленъ въ струйку ручья. Она-то меня и научила пѣть, и ночью при лунномъ блескѣ у насъ были съ нею очень нѣжные разговоры.

— Какъ же прошла у тебя эта любовь?

— Я замѣтилъ, что моя такъ сладко нѣвшая струйка, ласкала трясинный берегъ и это разочаровало меня.

— Влюбленъ въ струйку! вотъ еще идея, подумалъ Италиянецъ. Онъ только и любитъ что невозможное. По-крайней мѣрѣ, кажется, у него есть склонность къ ревности; попробуемъ же тронуть эту струну.

— Ты утверждаешь, сказалъ онъ сверчку, что Стелла слушаетъ пѣсни; кто же сказалъ тебѣ, что она тебя слушаетъ? Ты говоришь, что она улыбается и плачетъ; а чѣмъ ты докажешь, что ея улыбки и слезы обращены къ тебѣ? Здѣсь есть одинъ поэтъ, то есть чудакъ въ твоемъ родѣ, тоже какъ и ты влюбленный въ звѣзду.

— Кто такой? спросилъ испуганный сверчокъ.

— Соловей. Въ то самое время какъ ты пѣлъ, онъ тоже разливался трелями; ну, право, не говоря ничего дурнаго о твоихъ пѣніи, и его романсъ былъ очень хорошъ. А кромѣ того, у него есть крылья и онъ можетъ на сколько угодно приблизиться къ Стеллѣ.

— Знаю я этого соловья. Безспорно, у него больше дарованія чѣмъ у меня. Но онъ избалованъ похвалами всего околотка; его слишкомъ высоко цѣнить и любовь къ славѣ заглушила всякое чувство въ его сердцѣ. Онъ не для Стеллы поетъ, а самъ для себя; ему хочется послушать, какъ эхо будетъ повторять его пѣсни. Онъ гордецъ и эгоистъ. Стелла не любитъ его.

— Отчего жъ такъ?

— Потому, что я люблю ее.

— Такъ ты думаешь, что она тебя любитъ? И ты надѣшься-

«Я, что она сойдетъ съ высоты, чтобы сказать тебѣ это, или, что, можетъ-быть, ты самъ какъ-нибудь воспользуешься къ ней туда?»

— Зачѣмъ? Когда мнѣ хочется видѣть ее поближе, я захожу въ мою норку и закрываю глаза; тогда я вижу ее какъ-нибудь лучше. Но чему столько разговоровъ объ этомъ; ты не понимаешь меня; ты никогда не любишь.

— Какъ никогда не любишь! закричалъ мушкетъ. Чтò съ тобой? Да чтò же я дѣлаю другаго съ-тѣхъ-поръ какъ жить началъ? Да, другъ мой, я былъ влюбленъ, и могу понимать тебя. Моя первая любовь даже нѣсколько походила на твою. Пожалуй, я тебѣ расскажу про нее; это очень грустная исторія.

«Въ саду, въ которомъ я родился, въ Римѣ, была одна роза — царица всей клумбы, красавица передъ подружками-розами; и сколько было у нея поклонниковъ и обожателей! Самыя блестящія бабочки дѣлами роями слетались къ ней; но всѣ были съ презрѣніемъ отвергнуты. Даже самъ гордый Паонъ, царь сумерекъ, который блескомъ крыльевъ своихъ похожъ на крыматый цвѣтокъ, — даже и онъ не имѣлъ успѣху. Ну, другъ, я влюбился въ розу, также точно влюбился какъ и ты теперь въ звѣздочку; разница въ томъ, что я сознавалъ шлолиѣ свое сумасбродство, хотя оно было гораздо менѣе твоего, потому что я всё-таки могъ хоть подойти къ своей любезной. Увы! говорилъ я про себя: куда заведетъ меня эта страсть? Какъ привлечь къ себѣ эту недоступную красоту, которая, кажется, ничего не любитъ, кромѣ небесной росы, зато, что каждое утро она осыпаетъ ее своими свѣтлыми перлами? Въ ясныя минуты сознанья, когда я рассуждалъ такимъ образомъ самъ съ собой, я уже рѣшался погасить любовь мою и какъ-нибудь позабыть мою обожаемую; но часъ спустя я опять забывалъ все благоразуміе и становился все влюбленнѣе и влюбленнѣе прежняго. Къ-тому же я былъ въ томъ возрастѣ, когда надежда нарить надъ сомнѣніями, когда пресатствія только усиливаютъ желаніе, раздражаютъ его, придаютъ ему крылья отчаянной рѣшимости и надежду достать невозможное. Ты знаешь, что между всѣми священными глупостями первой любви одна изъ первыхъ — самоубійство, въ случаѣ неудачи. И я рѣшился слѣдовать примѣру всѣхъ юныхъ дебитантовъ, если буду отсерженъ; но, по крайней-мѣрѣ, я рѣшился попробовать счастья. Въ одинъ вечеръ я собрался съ духомъ и пошелъ къ предмету моей страсти. Дорогою я шепталъ себѣ подъ носъ предстоящее объясненіе въ любви. Съ чего начать: съ мадригала или прямо съ адегів? думалъ я. Наконецъ я рѣшился вѣтриться вдохнове-

нію моего чувства, когда прійдетъ время, и въ такомъ состояніи духа доползъ до моей возлюбленной. Но, увы! что я увидѣлъ! Она клонила свою головку къ землѣ, она была блѣдна, она вяла; смерть стояла надъ нею.

— Боже мой! сказалъ я тихо: что съ вами?

— Увы! отвѣчала она слабымъ голосомъ: нынче утромъ роса позабыла сойти на меня, и я умираю. Я отвергла любовь Сильфа, который приноситъ намъ росу, и онъ изъ мщенія убилъ меня.

— И нѣтъ ни какой надежды! вскричалъ я въ-отчаяніи.

Вдругъ я замѣчаю при свѣтѣ луны что-то блестящее, словно алмазъ повисшее на листкѣ. Я ползу туда, раздираю дорогою тѣло мое колючими тернами, и, о Провидѣніе! то, что блестяло какъ драгоценный алмазъ, было нѣсколько капель чистѣйшей воды, которая дрожала въ углубленіи листка, завернувшего свои края кверху чашечкой.

— Надежда! закричалъ я моей нѣжной возлюбленной: я ожилъ васъ.

Но только-что я приготовился осыпать ее благодѣтельными росинками, какъ ревнивый вечерній Сильфъ налетѣлъ, дунулъ, сорвалъ листочекъ крыломъ своимъ, и далеко отнесъ его вострому. Да! Когда я кричалъ: «Надежда!» онъ уже приговорилъ ее къ смерти. Роза отринула его какъ и утреннаго Сильфа и онъ тоже поклялся ей ненавистью. Я сползъ внизъ къ умирающей розѣ; листки ея были сочтены!

— Увы! сказала она: я умираю; да будетъ! Тѣ, которые еще вчера мнѣ клялись въ любви, меня же умерщвляютъ сегодня. Смотри, уже свѣжительный сокъ изсякъ въ моей чашечкѣ; листки мои вянутъ, сохнутъ и Зефиръ рветъ ихъ безжалостно какъ суровый, безчувственный Авиловъ. Онъ ихъ разбрасаетъ тамъ, по грязному болоту. О! не такой смерти я ожидала! Зачѣмъ не сорвала меня эта дѣвушка, которая такъ часто приходила сюда! Я бы умерла на ея дѣвственной груди. Можетъ-быть, при первомъ признаніи въ любви, она бы отдала меня тому прекрасному ювшѣ, который приходитъ сюда ждать ея по вечерамъ. Онъ пересыпалъ бы мои листочки листы какой-нибудь прекрасной поэмы и потомъ каждый разъ, отрывая книгу и вдыхая мой аромат, который остался бы надолго роскошнымъ воспоминаніемъ обо мнѣ, вспоминалъ бы другую болѣе роскошную поэму, поэму первой любви....

Но тутъ ослабѣлъ голосъ умирающей и Зефиръ сорвалъ по-

слѣдній листикъ ея. Торжественная минута приближалась. Наконецъ раскрылось сердце ея и послѣдняя капля аромата, душа моей розы, готова была излетѣть изъ ея осиротѣвшей чашечки.

— О! проговорила она такъ тихо, что я едва слышалъ слова ея: если бъ я жила, я, можетъ-быть, полюбила бы тебя!

Ея не стало.

Такое признаніе, теперь, и въ такую минуту! Богъ мой! сердце мое разорвалось отъ горести.

— Что жъ, тѣмъ лучше, сказалъ я: я тоже умру!

Цѣлую минуту я не чувствовалъ ничего. Отчаяніе погрузило меня въ какое-то летаргическое оцѣпенѣніе, впрочемъ, не лишённое нѣкотораго сладострастія. Я уже думалъ, что живѣйшая надежда моя исполнилась, что смерть уже разверзла надо мною свои холодныя объятія и поразила меня какъ и мою возлюбленную. Но, увы! я очень скоро очнулся и холодный разсудокъ опять вступилъ въ права свои.

— Ну, сказалъ я самъ себѣ, на этотъ разъ я ужъ навѣрное усну безъ пробужденія. Увѣраю тебя, что рѣшеніе мое было искреннее и серьёзное. Я далъ клятву не пережить той, отъ которой я принялъ единственный поцѣлуй, данный и полученный ею; а я намѣревался немедленно приступить къ исполненію своего обѣта. Планъ мой состоялъ въ томъ, чтобъ поссориться съ скорпиономъ, который однимъ ударомъ своего жала навсегда вылечилъ бы меня отъ жизни. Но когда я направился къ тому мѣсту, гдѣ думалъ его навѣрное встрѣтить, то услышалъ, что меня зоветъ бѣлая тубероза, которая только-что проснулась и зѣвала отъ пустоты сердца.

— Такъ поздно идете? сказала мнѣ она, Мнѣ скучно; давайте, поболтаемъ.

Я притворился, что не слышу, и продолжалъ идти своей дорогой. Но тутъ мнѣ пришли на память странные слухи объ этомъ цвѣткѣ. Тубероза слыла за отъявленную кокетку. Горе тому, кто ее слушалъ! Сва ея благоуханія усыпляла любовниковъ на груди ея и ни одинъ изъ нихъ не пробуждался.

— Вотъ, гдѣ мое самоубійство! подумалъ я: не зачѣмъ идти мнѣ дальше.

И такъ, воротившись, я приблизился къ кокетливой туберозѣ.

— А! ты одумался! сказала она: но ты весь продрогъ, бѣдное дитя мое! погоди, я тебя согрѣю.

И она безъ дальнихъ околичностей раскрыла мнѣ свою чашечку и замкнула ее потомъ ладо мною.

— Теперь прощай миръ, подумалъ я: завтра я перебуду жить.

Однако я не умеръ. Часъ спутя *благовуханный* ладъ началъ дѣйствовать. Она раскрыла свою чашечку и я упалъ на землю задохшись, угорѣлымъ, полумертвымъ. Я вдохнулъ въ себя сѣвшаго воздуха, испилъ капельку росы, оставшейся на парфимной *сладости*; посмотрѣлъ на небо, наливъ звѣздъ, на траву, испещренную цвѣтами и, нѣсколько опаматовавшись, спрашивалъ самъ себя, какъ могъ я подумать о смерти, когда въ жизни есть столько прекрасныхъ вещей. Призвалъ тебя ужъ во всемъ: тубероза — цвѣтокъ съ сильно развитыми страстями. Она навела меня на мысль, что любовь состоитъ не въ одномъ созерцательномъ обожаніи, и что есть другія наслажденія кромѣ тѣхъ, которыя, по-видимому, ощущаешь, орочая слезами ноги своей любовницы.

— Чему же научила тебя тубероза? спросилъ сверчокъ

— Она научила меня сладости ласкъ, а это также что нибудь значить.

Подобныя отировавія матеріальной любви оскорбили свѣрка-спиритуалиста, какъ оскорбили бы всякаго честнаго Нѣмца.

— Это не оуклонило бы меня отъ самоубійства, снизалъ отъ шучку.

— Вѣрю, трижды вѣрю; иначе ты не былъ бы Нѣмцемъ. Ты родился, при лунномъ сіяніи, а при полномъ солнечномъ блескѣ. Кажется и вся разница, но она огромна по своему вліянію на темпераменты. Притомъ же любовь моя не умерла вмѣстѣ съ любовницей и я сдѣлалъ такую посылку, что если я люблю одиъ розы, то ихъ еще довольно въ саду.

— Что жъ изъ этого, возразилъ поэтъ, все что ты наеказалъ мнѣ, доказываетъ только, что твоя любовь не похожа на мою любовь, и что ты ее не понимаешь....

— Совершенно понимаю, мой милый.... Какъ у всѣхъ больныхъ по-звсію, у тебя *лунорадочная* жажда невозможно. Это далеко можетъ повести тебя, до самоубійства быть можетъ. Но я надѣюсь, что ты одумаешься. Потомъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, ты, ослѣпленный своею поэзіей, встрѣтишь на пути также какую-нибудь туберозу, которая научитъ тебя тому, чего ты еще не знаешь. Ты поступишь также какъ и я, будешь переходить отъ туберозы къ жонккію, отъ жонккія къ тюльпану, и тамъ далѣе. Тогда ты взлетишься, станешь пить, какъ и всѣ оверчки, и забудешь объ элегіяхъ,— чего тебѣ отъ всего сердца желаю. Вотъ и весь твой гороскопъ.

— Я думаю, ты ошибаешься, отвѣчалъ поэтъ.

— Въ такомъ случаѣ тѣмъ хуже для тебя, и — довольно объ этомъ, прибавилъ жучокъ.

Нѣсколько времени спустя, сверчокъ впалъ въ страшную тоску. Болѣе недѣли онъ не видалъ своей звѣздочки. Да и все какъ-то измѣнилось. Небесная лазурь исчезла за пушистыми тучами, похожими на черныя пологи, и солнце съ трудомъ разрывало ихъ по утрамъ, чтобъ показать землѣ свое поблѣднѣвшее лицо. Лѣса пожелтѣли, на кустахъ не видно было уже почекъ, нива вздрагивала, корчилась отъ частыхъ морозовъ, потому что холодный порывистый вѣтеръ смѣнилъ лѣтнюю прохладу и забкія ласточки стаями улетали на востокъ. Сверчокъ увидѣлъ однажды, что колосъ его сломенъ и что солнце въ послѣдній разъ улыбается, уходя вмѣстѣ съ ласточками. Давно уже не пѣлъ соловей; бабочки исчезли вмѣстѣ съ цвѣтами и листья сыпались съ деревьевъ.

Сверчокъ однако всё-еще ходилъ по утрамъ смотрѣть, не выйдетъ ли Стелла на свой небесный балконъ; но онъ тщетно ждалъ ея появленія и возвращался еще печальнѣе.

Разъ, ночью, лежа въ своей норкѣ, онъ услышалъ на дворѣ страшный шумъ, ураганы ударами своихъ широкихъ крыльевъ ложили тростяникъ, и древесныя вѣтви качались и кричали: «Зима! зима!» На другой день онъ увидѣлъ, что все поблѣдо. Выпадетъ снѣгъ.

— Увы, мой милый! сказалъ ему жучокъ: все кончено; зима! все мретъ и мы умремъ также; я по-крайней-мѣрѣ чувствую, что часъ мой настаетъ. Ты еще привыкъ къ холодному климату своей родины, ты можешь еще остаться въ живыхъ, уходи только какъ можно скорѣе съ этого поля, постарайся дотрагиваться какъ-нибудь вонъ до той хижинки; тамъ на чергѣ приютятъ тебя и такимъ образомъ ты опять дождешься хорошей погоды. Можетъ-быть, и звѣздочка твоя возвратится къ этому времени; но я всё-таки надѣюсь, что ты позабудешь эту глупую и невозможную любовь. Ступай же скорѣе, не то на дворѣ сдѣлается еще хуже.

— А ты? развѣ не пойдешь со мною? спросилъ сверчокъ.

— Нѣтъ, это невозможно. Мнѣ уже болѣе семнадцати мѣсяцевъ отъ роду; я отжидаю свой жучій вѣкъ; пора подумать и о духовномъ завѣщаніи. Еслибъ мы были въ Италіи, то я, пожалуй, былъ бы, и не побоялся бы зимы. Тамъ зима не такъ холодна, какъ здѣсь, и не жалуется на горы, высоко надъ землею. Но, что жъ дѣлать, я не жаждуся: если и были ирраціональныя минуты въ моей жизни, то

взглядъ ихъ были и свѣтлыя, и воспоминаше о нихъ освѣтитъ темноту норы, въ которой мнѣ приходится замерзнуть. А теперь простимся.

Сверчокъ плакалъ; бѣдная была очень привязанъ къ своему товарищу, несмотря на то, что часто имъ приходилось во многомъ спорить и не соглашаться, но надежда увидѣть весною опять свою звѣздочку, вдохнула въ него рѣшимость, и, прижавъ въ послѣдній разъ къ сердцу жучка, онъ поскакалъ къ бѣдой хижины, куда наконецъ прибылъ вечеромъ. «Вотъ и счастье въ домъ просится! сказалъ хозяинъ, увидя сверчка: нужно печку топить». Сказавъ это, онъ бросилъ на очагъ вязанку сырыхъ еловыхъ вѣтвей, отъ которыхъ, правду сказать, было больше дыму, чѣмъ огня.

Наконецъ, нашъ поэтъ выбралъ одну шелку, въ трещинѣ камня, и заползъ туда посмотреть свое новое убѣжище. Мрачный видъ черныхъ закоптѣлыхъ стѣнъ, разумѣется, не разогналъ его грусти; онъ даже пожалѣлъ мимоходомъ о своей равнинѣ, покрытой пушистымъ снѣгомъ; теперь она казалась ему привлекательнѣе этой темницы, полной всегда дыму и копоти.

— Увы! что будетъ со мной? сказалъ онъ все глубже и глубже заползая въ щель; какъ дождусь я весны въ этомъ мрачномъ уединеніи?

Нагрустившись вдоволь, что бываетъ всегда съ чувствительными сердцами при перемѣнѣ квартиры, онъ послѣдовалъ примѣру всѣхъ тѣхъ, которые не видя ничего хорошаго въ настоящемъ, невольно улетаютъ мечтою въ прошедшее, если случилось, что тамъ было чтонибудь лучше, и даже, чтобъ удобнѣе мечтать, закрываютъ какъ можно плотнѣе глаза отъ окружающей дѣйствительности. Всѣ минувшіе дни прошли передъ глазами его, каждый своей чередой: первые дни были мрачны; онъ припомнилъ свое сиротство застигшее его при первомъ скакѣ на жизненномъ поприщѣ; припомнилъ первые слезы свои. Припомнивъ все свое дѣтство, на доброй нѣмецкой землѣ, гдѣ меланхолія, какъ-будто сродни каждому предмету, каждому существу, онъ посмотрѣлся вновь въ это сѣрое небо, по которому изрѣдка прокрадывался блѣдный, солнечный лучъ. Онъ вслушивался вновь въ ночныя дуо вѣтра съ стружкой ручья, и вспоминалъ эту гармонію, впервые разбудившую звуки въ душѣ его. Онъ вспомнилъ свои первые пѣсни, взмелѣяныя молодымъ неопытнымъ вдохновеніемъ, пѣсни, которыя онъ пѣлъ, не зная самъ для кого, не зная самъ зачѣмъ. Онъ сталъ думать

о своей встрѣчѣ съ жучкомъ, этимъ травянымъ философомъ, любезнымъ эпикурейцемъ, который любилъ наслажденіе и обладалъ такимъ вѣрнымъ тактомъ дѣйствительности. Онъ думалъ тоже и о рѣзкой, скептической логикѣ своего друга, которая такъ часто подрѣзывала золотыя крылья мечтамъ его. Потомъ, внезапно, въ тускломъ зеркалѣ воспоминаній, опять начинала сіять, привѣтливимъ блескомъ своимъ утренняя звѣздочка. Тогда бѣдный поэтъ вполнѣ, весь, отдавался мечтѣ своей; наконецъ онъ весь сосредоточился въ ней, въ этой мечтѣ, около которой сгруппировались всѣ надежды, всѣ стремленія его и — былъ счастливъ. Онъ забывалъ о бѣдности своего жилища, въ которомъ никогда не разводили огня, о всегдашнемъ мракѣ въ поркѣ — и темный очагъ терялъ въ его глазахъ свою темноту, и обращался въ свѣтлый необъятный куполъ лазури, въ которомъ горѣла его утренняя звѣздочка, и какъ прежде на хлѣбномъ колосѣ, сверчокъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ пригорюнясь въ утолку камня и пѣлъ своимъ тоненькимъ голоскомъ пѣсню къ ней.

Между-тѣмъ, крестьянинъ, жившій въ хижинѣ, уже не разъ замѣчалъ, что пріютилъ у себя весьма печальнаго гостя, и готовъ былъ предпочесть звучному стрекотанью обыкновенныхъ сверчковъ жалобныя элегіи влюбленнаго.

Вечеромъ, 24 декабря, онъ пригласилъ двоихъ добрыхъ соседей встрѣтиться съ нимъ Рождество, и по этому случаю зажегъ у себя въ каминѣ *рождественское полено*, доброе дубовое полено, съ сухою и толстою корой, которая вскорѣ зацѣла на огонь и озарила хижину. Согрѣтый такою необыкновенною теплою, сверчокъ, спавшій въ своей поркѣ и мечтавшій какъ и на яву о своей любовницѣ, подошелъ къ краю очага съ намѣреніемъ поблагодарить хозяина, который доставилъ ему такое удовольствіе, но въ ту самую минуту соседъ сталъ верочать полено на очагъ; оно затрещало и брызнуло искрой. — Боже! вскричалъ сверчокъ: вотъ моя возвратившаяся звѣздочка. Но огненная пылинка уже улетѣла, за нею послѣдовала другая, тоже взлетѣвшая и погасшая въ воздухѣ; потомъ третья, потомъ тысячи другихъ, такъ что поэтъ не успѣвалъ наконецъ слѣдить за ними. Онъ было подумалъ что это ему такъ чудится въ просонкахъ; но повал искорка пролетѣла такъ близко возлѣ него, ослѣпивъ ему, такъ сказать, и глаза и сердце, что онъ не могъ долѣе сомнѣваться. Сонъ его сдѣлался дѣйствительностію и онъ увидѣлъ передъ собою свою любовницу—звѣздочку. Тогда, чтобы

остановить ее на минуту, поэтъ натянулъ самца пѣвчихъ струны своей поэзіи, и пропѣлъ призывный гимнъ крылатой бѣглицѣ!

Строфы, вытекавшія изъ его сердца, казалось, среди своего полета отряхали съ себя слезы, въ которыхъ были смочены, и искорка улетала и улетала и становилась ярче и красивѣе.

Пѣвецъ перебралъ одну за другой всѣ свои грезы, и бросилъ ихъ всѣ въ свое вдохновеніе, и строфы множились въ страстномъ безпорядкѣ и, казалось, преслѣдовали искорку, а она все улетала и улетала.

Онъ заставилъ говорить всѣ надежды, расцвѣтшія во время его уединенія, и стихи множились, а искорка все улетала и улетала.

И вдругъ поэтъ объялъ одинъ изъ тѣхъ бредовъ, посвящающихъ человѣка развѣдножды въ цѣлую жизнь. Всѣ меланхолическія желанія, грезы, отличавшіяся одна отъ другой только различными оттѣнками, всѣ мысли, наконецъ всѣ эти безыменные предметы живущіе сердцемъ и живящіе сердце и выбѣгающіе изъ него разомъ когда взорветъ ихъ страсть — все это вышло изъ сердца съ шумомъ рыданій, и поэтъ обозрѣвая любовь свою въ послѣднемъ стансѣ, кончилъ гимномъ молитвъ и заклинаній.

Усѣвшись на самомъ таганѣ, который разгорячился болѣе и болѣе, и не чувствуя боли отъ жару, онъ выжидалъ какъ полетитъ его искорка.

— Увы! неужели она еще разъ улетитъ? сказалъ онъ со вздохомъ. Искорка остановилась въ одномъ изъ угловъ каминя.

— Она останавливается! воскричалъ поэтъ, останавливается! она меня любитъ; и робкій какъ всегда передъ счастьемъ, онъ приблизился къ своей возлюбленной. Искорка блестя на черномъ фонѣ очага, какъ алмазъ на темномъ бархатѣ, и свертокъ, вспоминая сверкающія улыбки своей звѣздочка, говорилъ:— Она, она сама! Вотъ такою, кумиръ мой, я видѣлъ тебя сперва въ грезахъ, а потомъ на небѣ, гдѣ ты такъ далеко отъ меня горѣла, а теперь такъ близко, близко! И онъ началъ пѣть гимнъ счастья; вторъ врывавшійся въ трубу останавливалъ на лету его стансы, и раздиралъ ихъ въ клочки. А искорка оставалась все еще въ углу очага и, казалось, начала блѣднѣть. Любовникъ молоткомъ подходилъ къ ней, пѣлъ свои строфы и въ припадкѣ вдохновенія перебралъ всѣ новыя надежды, бѣжавшія черезъ край его сердца въ присутствіи такъ долгожданнаго идола.

Но искорка блѣднѣла и блѣднѣла. Разъ на страстную рѣчь своего любовника она собралась было отвѣтить болѣе живыми

мерцаиёмъ, и по мѣрѣ того какъ подходилъ онъ, блескъ ея становился ярче. Сама *Stella matutina* такъ вѣжно не глядѣла золотымъ зрачкомъ своимъ, когда слушала серенады сверчка, возсѣдавшаго на кѣлосѣ. Любовникъ все подходилъ ближе и ближе и глядѣлъ на свою возлюбленную, которая, казалось, згла его необыкновеннымъ трепетомъ своего сіянія. Онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ и очутился такъ близко отъ нея, что тронулъ ее. Вдругъ какъ-будто какая слѣпота поразила его — искорка погасла. Сверчокъ посмотрѣлъ на мѣсто, гдѣ она за минуту еще такъ блистала — и нашелъ только крупинку пеплу.

— О любовь моя! вскричалъ любовникъ: о мои грезы! вскричалъ поэтъ.

И онъ убрался въ свою норку и замолчалъ тамъ на долго.

ЧОРТЬ ЕГО ВОЗЬМИ! *Истинное происшествіе.* Во время онъ былъ въ Толедѣ студентъ, большой повѣса. А звали его донъ-Кристіано. Студенты, толедскаго-университета, не въ примѣръ прочимъ студентамъ, по свидѣтельству исторіи, были очень распутны, но этотъ даже и между ними славился дурнымъ поведеніемъ. Изъ наукъ онъ любилъ только «Мертвыя души» и въ подражаніе этому испанскому шедёвру, для красоты и энергій слогу, при всякомъ случаѣ говаривалъ: *Чортъ его возьми!* Изъ прохладительныхъ онъ употреблялъ одну только дрей-мадеру; изъ историческихъ героев выше всѣхъ почиталъ донъ-Жуана. Когда ему случалось одинъ день не подражаться, онъ говорилъ что у него кулаки ржавѣютъ, а если бы случилось три дня не мѣнять любовницъ — умаръ бы съ тоски.

Родные не мало горевали объ этомъ молодецкомъ поведеніи. Отецъ совѣтами, мать вѣжностью старались поукротить его, но донъ-Кристіано, нечувствительный и къ гнѣву отца и къ слезамъ матери, продолжалъ свою разгульную жизнь беззаботно, губя и тѣло и душу вообще и родительское достоинствіе въ особенностн.

Наконецъ родители, въ отчаяніи, созвали семейный совѣтъ, чтобы примскать средство, какъ бы воротить заблудшую ослицу, лучше сказать, козла на путь истины. Мать предлагала строгія мѣры, отецъ строгія, и оба не соображали, что уже двадцать лѣтъ каждый изъ нихъ слѣдовалъ своей методѣ съ равнымъ на обѣихъ сторонахъ успѣхомъ. Одинъ старый дядя, мальтійскій кавалеръ, былъ того мнѣнія, что нужно предоставить молодого человѣка самому себѣ и онъ въ свое время самъ остене-

шится,—то есть, почтенный дядюшка держался древняго правила, что «быль молодцу не укоръ» и на этомъ основаніи, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, самъ еще продолжалъ умножать «быль», иногда даже вмѣстѣ съ племянничкомъ. Дядюшкино правило не поправилось судилищу.

Одна сухая, злая, старая дѣва утверждала, что повѣсу нужно заключить въ монастырь; другаго спасенія нѣтъ, потому что человекъ, который не думаетъ жениться, годенъ только въ монахи.

Одна молоденькая, хорошенькая кузина, которая тоже тутъ находилась, неизвѣстно, зачѣмъ, вздернула голову и покрасѣла при этомъ мнѣніи: она находила, что кузенъ еще годится въ мужья. Другой родственникъ, жившій въ молодости очень скромно и женившійся рано, безъ «былей», — потому что, вѣроятно, предоставлялъ себѣ надѣлать ихъ послѣ, — рѣшительно объявилъ, что молодца нужно женить, и донна-Кармина, — молоденькая кузина, — еще больше покрасѣла. Отецъ донны-Кармины, человекъ очень богатый и, слѣдовательно очень уважаемый, поддерживалъ это мнѣніе и оно было тотчасъ же принято.

Приступили къ совѣщанію о выборѣ невѣсты. Требовалась хорошенькая, чтобы привязать вѣтренное сердце подсудимаго. Кузина взглянула въ зеркало, чтобы поправить волосы, которые не думали разсыпаться. Требовалась женщина кроткая и скромная, чтобы заставить его полюбить добродѣтель. Донна-Кармина потупила глаза и положила руку на руку у груди. Отецъ, глядя на дочку, улыбнулся, и совѣтъ разошелся очень довольный рѣшеніемъ. Всѣ другъ друга поняли, кромѣ старой дѣвы, которая продолжала твердить:

— Но гдѣ жъ найти дѣвицу, которой бы удалось привязать этого вертопраха?

Что слыша, донна-Кармина съ нетерпѣніемъ пожимала плечами, къ великому ущербу требуемой скромности.

На другой день отецъ призвалъ молодаго человека въ кабинетъ и прочиталъ ему длинное наставленіе, котораго донъ-Кристиано не слышалъ, потому что во все время разсматривалъ адвѣнскую на стѣнѣ между другимъ оружіемъ великолѣпную шпаку, которую ему страхъ хотѣлось подарить себѣ, не спрашивая отцовскаго позволенія. Вдругъ отецъ въ третій разъ повторилъ ему прямо въ ухо:

— Мы опредѣлили женить тебя!

На этотъ разъ извѣстіе было сообщено необыкновенно громъ:

на: отецъ удивлялся, отчего оно въ два первые раза не произвело ни какого дѣйствія.

Пробудившійся отъ думы донъ-Кристіано, вѣроятно, всё-еще не хорошо понялъ, въ чемъ дѣло, и очень простодушно спросилъ:

— Меня женить?... На что же?

Старикъ припрыгнувъ на креслѣ отъ этого замысловатаго вопроса и послѣ нѣсколькихъ минутъ остолебѣнія приготовился было снова начать разсужденіе, когда донъ-Кристіано, взглянувъ на столовые часы, вспомнилъ, что у него есть назначенное свиданіе, и затрепеталъ.

— Чортъ возьми! я опоздаю! подумалъ онъ и объявилъ отцу, что еще не намѣренъ заковывать своей свободы въ кандалы супружества.

Сказавъ и очень непочтительно поворотилъ на лѣво кругомъ.

Такимъ образомъ семейный совѣтъ только увеличилъ отчаяніе матери и досаду отца. Что же касается до донъ-Кристіано, то въ открытомъ нападеніи на его независимость онъ увидѣлъ новое право некая вознагражденія въ обществѣ неселыхъ товарищей и безкорыстно преданныхъ любовницъ. Весь городъ изъ конца въ конецъ гремѣлъ славою подвиговъ донъ-Кристіано.

Донна-Кармина плакала. Но когда донъ-Кристіано узналъ, что она была выбрана ему въ навіеты, онъ старался доказать ей, что отвергъ предложеніе не по нерасположенію собственно къ ней, красавицѣ изъ всѣхъ толедскихъ дѣвушекъ, но просто по безотчетной ненависти къ оковамъ вообще и къ супружескимъ оковамъ въ особенности. Донна-Кармина слушать не хотѣла. Донъ-Кристіано ушелъ съ сожалѣніемъ объ упрямствѣ своей кузины. Между тѣмъ кузина продолжала любить своего кузена.

Наконецъ донъ-Кристіано самъ утомился отъ удовольствій своей независимости. Онъ одержалъ уже столько побѣдъ, блестящихъ, и не блестящихъ, поклянулъ столько любовницъ, возмутилъ спокойствіе столько семействъ, поколотилъ столько пріятелей, что все это дѣлалось великой прелестью близины. Надобно также признать, что очень немногія сердца способны были противустоять ловкому, любезному и милому донъ-Кристіано, такъ, что глядя на стараніе прекрасныкъ дамъ привлечь его вниманіе, можно было подумать, что они очень желаютъ имѣть честь попасть въ обманутыя.

Легкія побѣды прискучили молодому человѣку; для развлеченія и разнообразія, онъ рѣшился остепениться, потомъ вспомнилъ о

донвѣ Карминѣ, которая въ самомъ дѣлѣ заслуживала того, чтобы бросить для нея какую-нибудь прискучившую привычку.

Однажды, погрузившись въ подобныя размышленія и въ скуку, донъ-Кристіано прогуливался одинъ и примѣтилъ мимоходомъ молоденькую дѣвушку поразительной красоты и, по всему видимо-му, принадлежащую къ высокой породѣ. Она шла изъ церкви со своею дуэньей, и, проходя мимо донъ-Кристіано, обратила на него свои большіе, черные, бархатные глаза, потомъ тотчасъ же потупила ихъ и покрасѣла подъ страстнымъ взоромъ скучающаго.

— Чортъ возьми! сколько прелести, сколько скромности въ этой красавицѣ! подумалъ донъ-Кристіано: только развѣ донна-Кармина можетъ сравниться съ нею.

На эту пору донъ-Кристіано не шутя воображалъ себя влюбленнымъ въ кузину. Но ея, по несчастію, тутъ не было и незнакомка тотчасъ же одержала верхъ. Донъ-Кристіано, забывъ, что похождения уже наскучили ему, пошелъ слѣдомъ за красавицей и удивлялся гибкости ея стана и плавности движеній. Чтобы перешагнуть черезъ лужу, красавица приподняла подолъ и обнаружила такую крошечную, кокетливую ножку, съ такимъ кругленькимъ, бѣленькимъ, привлекательнымъ продолженіемъ вверхъ, что у донъ-Кристіано голова закружилась.

Онъ, разумѣется, подошелъ бы къ красавицѣ, но старая дуэнья слишкомъ хорошо исправляла свою должность. Степенный молодой человѣкъ узналъ только, гдѣ живетъ. Онъ провелъ остальную часть дня и большую часть ночи, бродя около этой крѣпости въ напрасной надеждѣ видѣть выходящую на прогулку. Донъ молчалъ какъ могила. На другой день уже донъ Кристіано узналъ отъ вышедшей изъ того дому служанки, что червоглазую красавицу зовутъ донвой Изолиной, что она сирота и невѣста нѣкоего донъ-Родриго. А донъ-Родриго былъ ему другъ и пріятель и притомъ въ отсутствіи, такъ, что не могъ защищать своего соперника. На мигу донъ-Кристіано поколебался:

— Не хорошо будетъ, чортъ возьми! нарушать законы чести и пріязни, думалъ онъ, но потомъ надумался и продолжалъ; а чортъ его возьми! Вѣдь онъ у меня однажды отбилъ же любовницу, которую я хотѣлъ бросить! Нужно отомстить.

Донъ-Родриго притомъ по красотѣ и ловкости ни сколько не уступалъ ему и онъ сталъ думать, какъ славно будетъ, кромѣ справедливаго отмщенія, одержать такую побѣду. Притомъ отъ скуки надо же что-нибудь дѣлать.... этого побужденія для ослепеннаго донъ Кристіано было уже совершенно достаточно.

Не было ничего проще какъ войти въ домъ къ родственникамъ донъ-Родриго, куда только и выходила донна Изоллина. Въ качествѣ друга донъ-Родриго, гостя приняла радушно, донна Изоллина была въ восхищеніи, что нашла новый случай поговорить о своемъ женихѣ, хотя донъ-Кристіано, несмотря на свою степенность, вѣроятно не за тѣмъ искалъ этого случая. Мало-по-малу однакожъ и сама донна Изоллина стала по-рѣже произносить имя донъ-Родриго и въ одинъ прекрасный день донъ Кристіано вдругъ очутился у ея ногъ, и красавица слушала его безъ особеннаго гнѣву. Не нужно объяснять, какъ именно это случилось: дѣло слишкомъ многимъ извѣстно. Донъ-Кристіано былъ такъ счастливъ, какъ только позволяли ему строгія правила донны Изоллины и довольно зоркая стража старой дуэньи.

Давали большой праздникъ. Донъ-Кристіано такъ ловко устроилъ, что донну Изоллину повезли туда, не смотря на мудрую осторожность родственниковъ, не смотря и на обѣщаніе, которое невѣста дала жениху, — не ѣздить безъ него никуда.

Донна Изоллина, стало-быть, поѣхала неможко противъ совѣсти. Посерединѣ праздника, донъ-Кристіано непримѣтно увелъ ее въ такую часть сада, которая была освѣщена меньше другихъ. Сначала красавица не соглашалась было оставаться въ такомъ уединенномъ мѣстѣ, но степенный донъ-Кристіано умаливалъ ее такими трогательными и почтительными выраженіями, что донна Изоллина не могла не выслушать. При этомъ она, вѣроятно, со страху въ полумракѣ, оперлась на руку своего кавалера] неможко крѣпче нежели было нужно, какъ вдругъ на поворотѣ въ другую аллею хлынулъ въ глаза свѣтъ. Это была свѣча, съ которою дуэнья искала Изоллины по всему саду, примѣтивъ, что ея вѣтъ между танцующими.

— Что это?... откуда взялся этотъ свѣтъ? чортъ его возьми! вскричалъ студентъ.

И оба молодые люди пустились бѣжать.

Когда дуэнья воротилась, донна Изоллина уже ожидала ее и попросилась домой, говоря что танцы и жаръ утомили ее.

Правду сказать, она еще трепетала отъ страху опасности, которой едва избѣжала, и отъ воспоминанія о донъ-Родриго, которое на бѣгу пробудилось въ ея сердцѣ. Донна Изоллина дала себѣ честное слово не видѣться больше съ донъ-Кристіано или по крайней-мѣрѣ на другой же день, когда онъ придетъ, попросить его, чтобы прекратилъ свои посѣщенія. Но на другой день донъ-Кристіано, натурально, явился такимъ скромнымъ и съ такимъ

искреннимъ раскаяніемъ, что нельзя было не простить, и онъ тутъ же получилъ позволеніе явиться на свиданіе, — въ вознагражденіе за помѣху отъ нектати безпокойной дуаши.

Вечеромъ донъ-Кристіано перелѣзъ черезъ садовый заборъ и очутился въ комнатѣ у донны Изоліны и у ея ногъ.

Красавица очень трепетала. Степенный молодой человекъ усадилъ ее на диванъ и скоро успокоилъ бы совѣсть, но вдругъ Изоліна подняла потушенный взоръ и съ ужасомъ вскрикнула, оттолкнула студента и закрыла лицо обѣими руками. Взоръ упалъ на портретъ донъ-Родриго, ярко освѣщенный двумя свѣчами, которые горѣли на столѣ.

— Проклятый свѣтъ! сказалъ про себя студентъ; такое канальство!... такъ и освѣщаетъ, чортъ его возьми!

Оно и въ самомъ дѣлѣ обидно было: все краснорѣчіе пропало даромъ; надобно было снова начинать.

Мало-по-малу донна Изоліна однакожь снова стала успокаиваться и даже сдѣлалась вѣжною. Студентъ хотѣлъ поцѣловать ея бѣленькое плечо. Донна Изоліна быстро отодвинулась. Донъ-Кристіано прикинулъ поближе, взялъ за руки и чуть-чуть не поцѣловалъ въ самыя губки. Донна Изоліна уклонилась. Поцѣлуй лопнулъ на воздухѣ.

— Ахъ, Боже мой! чтѣ вы дѣлаете!... какъ это можно!... Здѣсь такъ свѣтло.... если кто вибудъ увидитъ?

Студентъ хотѣлъ потушить свѣчи. Донна Изоліна не позволила.

— Экое глупое изобрѣтеніе, эти свѣчи! сказалъ студентъ съ досадою: горѣли бы, канальство, сколько угодно, да по-крайней-мѣрѣ ничего не освѣщали бы.... Житія нѣтъ отъ ихъ свѣту, чортъ его возьми!

Едва онъ сквозь зубы пробормоталъ эти слова, въ комнатѣ стемнѣло; пламя осталось на свѣчахъ, но свѣту отъ нихъ не вышло уже ни одного луча. Опѣ блеснули какъ два сътящіяся червячка посреди глубокаго мраку.

Черезъ короткое время потомъ въ Толедѣ рассказывали, что донъ Родриго убитъ на дуэли и что донна Изоліна ушла въ монастырь, вѣроятно, съ горя по смерти жениха.

Донъ-Кристіано скоро утѣшился отъ этого приключенія и забылъ его какъ забылъ много другихъ, тѣмъ болѣе что онъ уже начиналъ остепеняться. Ухаживая за донной Изоліной, онъ совѣсьмъ запалъ у старыхъ друзей и теперь съ радостью посвѣшивалъ воротиться. Возвращаясь, онъ былъ неможно раздосадованъ, что не получилъ еще отвѣту отъ одной свѣторы, которая

объщала назначить ему свиданіе. Хотя это развлеченіе было до такой степени «между-прочимъ», что его и въ счетъ не стоило ставить, однако жъ студентъ всё-таки досадовалъ на неуваженіе къ его неодолимости. Когда онъ пришелъ домой, ему подали желанную записку и двѣ свѣчи. Онъ распечаталъ.... по свѣчи горѣли, а не освѣщали; пламя видать, а свѣту на какого. Студентъ поднесъ записку къ самому огню и чуть не сжегъ, а рассмотрѣвъ всё-таки не могъ ни одной буквы: мракъ былъ совершенный, какъ нѣкогда въ комнатѣ доны Изолины. Студентъ, ни мале не развлекался этимъ воспоминаніемъ, взялъ коробку со спичками, изобрѣтенными и усовершенствованными съ дозволенія правительства нѣсколькими толедскими химиками; сжегъ полкоробки и наконецъ досталъ огня, но.... и этотъ огонь горитъ, только не освѣщаетъ. Разбросанныя по полу спички какъ будто шептались и подсмѣивались надъ разсерженнымъ студентомъ.

— Что жъ это такое? чортъ возьми! вскричалъ студентъ: въ самомъ дѣлѣ самъ дьяволъ тутъ замѣшался!

На это кто-то расхохотался.

— Сатана! вскричалъ донъ-Кристіано съ гнѣвомъ: если это ты шутишь, такъ признавайся и выходи на чистоту, канальство!

— Я здѣсь, сеньоръ эстуденте, отвѣчалъ чортъ: извольте, по толкуемъ.

И тутъ Кристіано увидѣлъ на краю каминна фигуру въ аршинъ росту. Въ рукахъ она держала свиной пузырь, наполненный яркимъ свѣтомъ, при помощи котораго студентъ могъ различить фигуру. Она была одѣта Нѣмчикомъ, какъ испанскій кавалеро снарядившійся на балъ. Между-тѣмъ на пальцахъ одной руки, безъ перчатки, видѣлись немножко крючковатые ногти, а на головѣ, несмотря на чрезвычайно искусную прическу, красовались рожки, но такіе хорошенькіе, такъ мило посаженные, что въ этомъ украшеніи не было ничего непріятнаго.

Донъ-Кристіано тотчасъ узналъ чорта, потому что часто видывалъ его, намалеваннаго на лубочныхъ саламанкскихъ картинкахъ. Сначала онъ немножко удивился этому явленію, но скоро оправился.

— А! ты чортъ? вскричалъ студентъ: ну, тѣмъ лучше! Мнѣ очень пріятно знать, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Но прежде нежели потребую объясненія насчетъ твоего страннаго поведенія въ отношеніи ко мнѣ, я воспользуюсь твоимъ свѣтомъ, чтобы прочесть эту записку.

И студентъ хладнокровно расправилъ записку.

— Позвольте, позвольте, сказалъ чортъ, пряча пузырь въ карманъ: я не такъ легко одолжаю мой свѣтъ всякому встрѣчному.

— Это еще что за извѣстіе? чортъ.... канальство! вскричалъ студентъ съ досадою: пришелъ ко мнѣ и еще смѣетъ грубіянить, мошенникъ!

— Помилуйте, сеньоръ эстуденте, я совсѣмъ не грубіяню, отвѣчалъ чортъ учтиво: я, однако жъ, имѣю право обращаться съ вашею милостью за-просто.

— Это что значить, канальство? Какое ты имѣешь право? Развѣ я тебѣ товарищъ или братъ, что ли?

— Помилуйте, сеньоръ эстуденте, какъ можно?

— Что жъ ты, душу что ли мою хочешь купить? Ну, возьми ее и чортъ.... провалъ тебя возьми! Дай мнѣ только прочтаты записку.

— Помилуйте, что я за дуракъ, чтобы покупать собственныя свои вещи, отвѣчалъ чортъ: вашу душу я давно даромъ взялъ.

— Какъ такъ? вскричалъ студентъ: какъ даромъ?

— Безъ сомнѣнія: вѣдь вы тысячу и тысячу разъ говорили: «Чортъ меня возьми!» а я никогда не отказываюсь отъ того, что мнѣ даютъ.

— Да это только такъ говорится! Лучшіе наши писатели такъ выражаются.... Такъ принято въ изящномъ слогѣ.... такъ говорить ваши поэты. Ну, подай-ка свой фонарь.

— Это, извольте видѣть, совсѣмъ не фонарь.

— Такъ что же это?

— Такъ.... пузырекъ, въ который я собираю свѣтъ, разлитый въ воздухъ.... Онъ мнѣ пригодится.... У насъ, въ преисподней, изволите видѣть, газовое освѣщеніе еще не заведено.... Вы говорили о вашей душѣ, сеньоръ эстуденте: вы сами изволили отдать мнѣ ее....

— Ну, такъ чего жъ тебѣ еще? Я вѣдь не спорю. Зачѣмъ же ты мѣшаешь мнѣ прочтаты записку? Въ ней заключается моя судьба. Какое тебѣ дѣло до моей судьбы?

— Ги ги-ги! отвѣчалъ чортъ, кривляясь.

— Ты насмѣхаешься падо мной?... канальство!

— Если вы не перестанете браниться, я сейчасъ уйду и навсегда оставлю васъ безъ свѣту и безъ души, отвѣчалъ чортъ серьезно: я не привыкъ къ слогу вашихъ поэмъ.

Студентъ съ досадою бросился въ кресла и сталъ грызть ногти.

— Вотъ такъ-то лучше, сказалъ чортъ: садомте; я не люблю разговаривать стоя.

И онъ сѣлъ на колѣни къ бронзовой статуѣ Венеры, которую былъ украсенъ кабинетъ студента.

— Вы изволили запоминать вашу любовь къ Изолинѣ, продолжалъ чортъ, и извѣстный вечеръ, когда....

— Это еще къ чему напоминать? Неужели ты хочешь читать мнѣ наставленія? вскричалъ студентъ.

— Ни мало, я совѣмъ не то думаю....

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— А вотъ въ чемъ. Вы тогда изволили сказать: «Чортъ возьми этотъ свѣтъ!» Ну, я и взялъ! Я собралъ себѣ въ воздухѣ весь этотъ свѣтъ, и вотъ онъ у меня въ пузырь....

— Неужели? вскричалъ студентъ, принимая за правду это поэтическое сравненіе.

— Какъ же было не принять? продолжалъ чортъ весело: тѣмъ болѣе, что это уже въ третій разъ было сказано вами. А я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что я никогда не отказываюсь отъ того, что мнѣ даютъ.

— Ну, такъ возьми же и это! вскричалъ студентъ и, забывъ свойство чорта, ударилъ книжаломъ въ бронзовую Венеру.

Книжалъ вонзился по самую половину клинка.

— Къ чему сердиться? возразилъ чортъ насмѣшливо, выглядывая изъ зеркала, за которое спрятался: вѣдь вы сами изволили къ чорту послать весь свѣтъ отъ свѣчь.

— Да, конечно, я послалъ, отвѣчалъ студентъ въ замѣшательствѣ.

— Вотъ видите! Я только изъ снисхожденія одолжаю вамъ немножко свѣту, когда мнѣ вздумается, а потомъ опять прячу его, вотъ и все.

— Но вѣдь это ужасно! это просто....

Студентъ опять хотѣлъ заговорить раздражительнымъ слогомъ, но чортъ сдѣлалъ мину, будто хочетъ отворотиться, и донъ-Кристіано продолжалъ плачевнымъ голосомъ:

— Какъ же мнѣ послѣ этого жить на свѣтѣ? Неужели я долженъ отказаться и отъ баловъ, и отъ игры и ото всего? Вѣдь я такимъ образомъ сдѣлаюсь добродѣтельнымъ Катономъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ чортъ успокоивающимъ тономъ: этого я вовсе не предполагаю: вы будете пользоваться свѣтомъ довольно....

— Да; но ты вдругъ отнимешь его у меня, когда онъ мнѣ будетъ всего нужнѣе!

— Можетъ-быть.

— Ну, полно же, чортъ! Поладимъ какънибудь! сказалъ студентъ, вспомнивъ, что ему нужно прочесть записку.

— Я только это и хотѣлъ предложить, когда вы изволили напрасно ранить эту бѣдную женщину, сказалъ чортъ протянувъ руку и вытаскивая книжаль изъ бронзовой статуи: я буду давать вамъ свѣту отъ свѣчи, но съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Вы отдадите мнѣ вашу жизнь?

— Мою жизнь! вскричалъ студентъ въ испугѣ.

— Успокойтесь, успокойтесь. Я не тотчасъ возьму ее. Но..... между нами сказать, душа ваша, правда, принадлежитъ мнѣ, однако жъ, я не знаю еще что можетъ случиться съ вами, прежде нежели вы умрете..... вы можете раскаяться, что отдали мнѣ ее.

— Что отдашь?

— Душу.

— Будто я отдашь? Я и не думалъ отдавать!

— Ну, вотъ! вотъ, вы и пытаться! какъ вамъ не стыдно? Впрочемъ душа-то теперь ужъ у меня. Мнѣ нужна ваша жизнь, говорю я вамъ.

— А я вамъ, господинъ чортъ, объявляю, что вамъ не видѣть моей жизни, какъ своихъ ушей.

— Полноте же, полноте сердиться. Вѣдь я вамъ говорю, что она не сейчасъ нужна мнѣ. Если вы мнѣ не уступите, вы будете жить безъ свѣту.

— Но это ужасно невыгодный торгъ для меня? вскричалъ студентъ.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ чортъ. Если я и предоставляю себѣ право отнимать у васъ свѣтъ, когда мнѣ заблагоразсудится, то вы всё-таки всегда можете опять воротить его. Для этого вамъ будетъ стоить только кликнуть Жги-Огня, моего слугу. Только помните, что когда вы три раза кликнете, вы мой..... развѣ только другой кто-нибудь согласится заступить ваше мѣсто.

Студентъ согласился. Онъ хотя и любилъ вечернія собранія, однако жъ былъ еще больше привязанъ къ жизни и рассуждалъ, что въ случаѣ нужды можно ограничиться и тѣми удовольствіями, которыми люди пользуются при дневномъ свѣтѣ. Чортъ притомъ обѣщалъ, что будетъ пользоваться своимъ правомъ такъ

рѣдко, какъ только возможно, и контрактъ заключили. Чортъ развязалъ свой свиной пузырь, засвѣтилъ свѣчу и исчезъ.

Кристіано, оставшись одинъ, не теряя времени прочиталъ записку.

«Непредвидѣнные обстоятельства иѣшали мнѣ извѣстить васъ раньше. Но въ эту ночь приходите въ три часа. Вы найдете на моемъ окнѣ веревочную лѣстницу.»

Кристіано поцѣловалъ записку и бросился за шляпой и плащомъ. Въ эту минуту часы пробили четыре.

— Проклятый чортъ! вскричалъ студентъ топнувъ ногой: и изъ-за него опоздалъ на свиданіе!.... Этакой мошенникъ!

Онъ однако жъ тѣмъ-не-менѣе побѣжалъ къ назначенному окну. Оно было плотно заперто. На другой день студентъ также не получилъ доступа къ сеньорѣ и когда увидѣлъ ее вечеромъ въ театрѣ, она опиралась на руку молодого кавалера и слушала его съ большимъ вниманіемъ.

— А! если такъ, господи чортъ! вскричалъ довѣ Кристіано: если ты такъ думаешь шутить со мной..... увидишь что я сдѣлаю! Я запрусь въ уединеніи и буду ложиться спать какъ только закатится солнце, *(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)*

ВИКОНТЪ ДЕ-ВРАЖЛОНЪ. Романъ Александра Дюма. Часть вторая.

Д'Артаньянъ не успѣлъ сойти съ лѣстницы, какъ король позвалъ держурнаго камергера и приказалъ дожидаться порученія, а самъ сѣлъ писать слѣдующее письмо. Оно не одного вздоху стоило ему, однако жъ при всемъ томъ въ глазахъ свѣтилось что-то въ родѣ торжества.

«Кардиналъ,

«Благодаря вашимъ добрымъ совѣтамъ и въ особенности благодаря вашей твердости, мнѣ удалось побѣдить и уничтожить слабость, недостойную короля. Вы такъ искусно устроили мою судьбу, что признательность моя не могла не удержать меня отъ покушенія разрушить ваше произведеніе. Я понялъ, что непростительно бы было мнѣ уклоняться съ пути, который вы мнѣ проложили. Конечно, пагубно бы было для Франціи и для моего дому, если бы между мною и моимъ министромъ возникло несогласіе. А это, безъсомнѣнія, случилось бы, если бъ я женился на вашей племянницѣ. Я понимаю это въ совершенствѣ и отнынѣ нѣсколько не буду противиться довершенію моей судьбы. Я

готовъ жениться на инфантѣ Марин Терезѣ и вы теперь же можете опредѣлить начало переговоровъ.

«Вашъ преданный *Людвигъ.*»

Король перечиталъ письмо и самъ запечаталъ.

— Отнеси это къ кардиналу, сказалъ онъ.

Камергеръ поклонился и вышелъ. Въ передней у Мазарина онъ встрѣтилъ Бернуэна, нѣсколько взволнованнаго.

— Съ чѣмъ пожаловали? спросилъ онъ любопытно.

— Съ письмомъ къ его эминенціи.

— А! такъ и есть. Мы ожидали этого послѣ сегодняшней ранней прогулки.

— Такъ вы знаете, что его величество.....

— Въ качествѣ перваго министра мы обязаны все знать. Чтò же, его величество проситъ, умоляетъ, небойсь?

— Не знаю, но онъ нѣсколько разъ вздыхалъ, когда писалъ.

— Такъ, такъ, такъ! Мы знаемъ, чтò это значить. Отъ счастья вздыхаютъ точно такъ же какъ и отъ горя.

— Однако жъ король казался не очень счастливымъ, когда возвратился.

— Вы, вѣроятно, не хорошо разглядѣли. Впрочемъ, вы видѣли его, когда онъ уже воротился, утомленнаго, а я былъ вооруженъ телескопомъ его эминенціи и былъ свидѣтелемъ прогулки. Оба плакали, я увѣренъ, хотя не могъ разглядѣть этого обстоятельства.

— Вы полагаете, что они плакали отъ счастья?

— Если не отъ счастья, такъ по-крайней-мѣрѣ отъ любви. Они клялись другъ другу во всемъ, въ чѣмъ можно клясться въ такихъ случаяхъ, и вотъ вы принесли письмо, которое доказываетъ, что король намѣренъ сдержать свои клятвы.

— А чтò думаетъ кардиналъ объ этой любви? Вѣдь ее, разумѣется, уже нельзя называть тайною.

— Чтò думаетъ кардиналъ? возразилъ камердинеръ и понизилъ голосъ: а вотъ чтò. Его эминенція полагаетъ, что король съумѣетъ поставить на своемъ. У насъ за это будетъ война съ Испаніей, ну, такъ что жъ! Война понравится дворянству. Притомъ кардиналъ дастъ племянницѣ хорошее приданое. У насъ будутъ деньги, праздники и битвы; всѣ останутся довольны.

— А я, съ моей стороны, полагаю, что это письмо слишкомъ легко и не можетъ заключать въ себѣ всего этого.

— Почему вы такъ думаете? Вѣрьте, что я вамъ говорю; я все знаю: д'Артаньялъ все рассказалъ мнѣ.

— Что же онъ разсказалъ?

— Я ходилъ къ нему по порученію кардинала узнать, что намъ нужно... разумѣется, не открывая нашихъ видовъ, потому что поручикъ мушкетеровъ штука довольно тонкая. «Любезнѣйшій мосьё Бернуэнь, отвѣчалъ онъ: король безъ памяти влюбленъ въ мадмоазель Манчини.»— Неужели! говорю я: неужели до того что готовъ пойти наперекоръ волѣ кардинала?— «Пожалуйста, не спрашивайте меня, говорить онъ: король на все способенъ. У него желѣзная голова; если ужъ чего захочетъ, такъ не отступится. Если ужъ онъ захотѣлъ жениться на мадмоазель Манчини, такъ женится, можете быть увѣрены.» Съ этимъ словомъ мушкетеръ пошелъ въ конюшню, самъ осѣдлалъ свою лошаадь, вскочилъ и помчался, какъ-будто за нимъ черти въ погоню.

— И по этому вы полагаете?...

— Я полагаю, что поручикъ мушкетеровъ знаетъ больше чѣмъ говорить.

— Такъ, по вашему мнѣнію, д'Артаньянъ....

— Поскакалъ вслѣдъ за изгнанницей, разумѣется: это ясно!

Разговаривая такимъ образомъ, повѣренные пришли къ дверямъ кабинета.

У кардинала подагры какъ не бывало: онъ съ безпокойствомъ похаживалъ по комнатѣ, прислушивался у дверей и выглядывалъ за оѣна.

Бернуэнь ввелъ камергера. Мазаринъ принялъ письмо и, прежде нежели распечаталъ, составилъ себѣ притличную улыбку, которою слѣдовало прикрыть приближавшееся впечатлѣніе, какого бы роду оно ни было, чтобы ни какой слѣдъ не отразился на лицѣ.

— Очень хорошо, очень хорошо, сказалъ онъ прочитавъ: доложите его величеству, что я очень благодарю его за повиновеніе королевѣ матери и сдѣлаю все, что нужно для исполненія общей воли ихъ величествъ.

Камергеръ вышелъ.

Едва дверь затворилась за нимъ, Мазаринъ не носившій личный передъ своимъ камердинеромъ сбросилъ ту, которою только-что прикрывался, и съ самымъ мрачнымъ выраженіемъ сказалъ:

— Позови Бріена.

Черезъ пять минутъ секретарь явился.

— Мосьё де-Бріенъ, сказалъ Мазаринъ: я сейчасъ оказалъ го-

сударству важную услугу, одну изъ самыхъ важныхъ, какия когда-либо оказывалъ. Вотъ письмо, которое служитъ тому подтвержденіемъ. Отнесите его къ королеви-матери и, когда она возвратитъ, спрячьте въ картонъ подъ литерою В, гдѣ хранятся всѣ документы, относящіеся къ моей службѣ.

Бріенъ пошелъ и, какъ письмо было распечатано, не преминулъ прочесть это любопытное доказательство рвенія кардинала Мазарина къ службѣ государству. Само собою разумѣется, что Бернуэиъ, который жилъ въ ладахъ со всѣми, подошелъ къ секретарю довольно близко, чтобы прочесть у него черезъ плечо. Въѣтъ разнеслась по замку съ такою быстротою, что Мазаринъ сталъ ужъ опасаться, чтобы она не дошла до королевы прежде нежели Бріенъ подастъ письмо. Черезъ минуту потомъ отдавъ приказъ отправляться въ дорогу и привиць Кондэ, явившись къ королю на выходъ, отиѣдилъ въ своей записной книжкѣ—городъ Поатье.

Такъ въ нѣсколько минутъ развязалась интрига, которая въ тишинѣ занимала всѣ дипломатіи Европы. Единственнымъ явнымъ и видимымъ результатомъ ея было то, что одинъ бѣдный мушкетерскій поручикъ лишился своего мѣста и состоянія. Правда, что поручикъ зато приобрѣлъ независимость.

Скоро мы узнаемъ, на что д'Артауанъ употребилъ эту независимость, а теперь покуда, если читатель позволитъ, мы возвратимся въ гостиницу Медичей, въ которой отворилось одно окно въ ту самую минуту, когда въ замкѣ отдавался приказъ объ отъѣздѣ.

Окно отворилось въ комнатѣ Карла. Несчастный король провелъ ночь въ раздумьѣ, опустивъ голову на руки и облокотивъ на столъ, между тѣмъ какъ Парри, старый и дряхлый, утомленный въ душѣ и въ тѣлѣ, уткнулся въ уголъ и заснулъ.

Страшна была участь этого вѣрнаго слуги: онъ видѣлъ, какъ во второмъ поколѣніи начинается страшный рядъ бѣдствій, уже тяготѣвшихъ надъ первымъ.

Поразмысливъ о новой неудачѣ, которую, исцѣпалъ, подвѣвъ себя совершенное одиночество и безнадежность положенія, Карлъ Второй въ изнеможеніи опрокинулся на спинку кресла, къ которому сдѣлалъ, и разсудокъ его на время помрачился въ вихрѣ этой бури: онъ обезпамятѣлъ.

Тогда небо сжалялось надъ несчастнымъ и, послало ему утѣшителя: его посѣтилъ сонъ, младшій братъ смерти.

Карлъ проснулся въ половинѣ седьмого, когда солнце уже за-

идо его комнату ярить свѣтомъ, а Парри, не сделавъ; чтобы не разбудить, пристально и съ глубокою скорбью смотрѣлъ на своего молодого господина, на нѣжныя вѣки, уже покрасѣвшія отъ бессонницы, и на щеки, уже впалыя и блѣдыя отъ страданій и лишеній.

Стукъ нѣсколькихъ грузныхъ телегъ разбудилъ Карла. Онъ всталъ, осмотрѣлся вокругъ, какъ-будто забывъ, гдѣ находится; примѣтилъ Парри, пожалъ ему руку и приказалъ расчитаться съ трактирщикомъ, Крополъ,—надобно отдать ему справедливость,—представилъ счетъ какъ слѣдовало, честно и добросовѣстно,—не потребовалъ ничего сверхъ условія. Онъ только сожалѣлъ, что путешественники ничего не ѣли, и тѣмъ, во-первыхъ, оказали гостиницѣ Медичей незаслуженное пренебреженіе, а во-вторыхъ его, Крополя принудили брать деньги за блюда, оставшіяся безъ употребленія, но все таки израсходованныя. Парри на это ничего не могъ возразить и заплатить.

— Надѣюсь, что мои лошади не оскорбятъ васъ такимъ же пренебреженіемъ, замѣтилъ Карлъ; имъ предстоитъ довольно долгій путь и имѣ было бы очень неприятно, если бы у нихъ не достаю силъ.

На это сомнѣніе Крополъ, присаннившись, отвѣчалъ, что его конюшня столько же гостеприимна, сколько кухня, и что гостиница Медичей себя не посрамитъ ни передъ людьми ни передъ скотиной.

Путешественники сѣли на коней и выѣхали на царжскую дорогу.

Для Карла этотъ отъѣздъ былъ новымъ извѣстіемъ. Несчастныя привязываются къ малѣйшимъ надеждамъ, и какъ скоро нужно оставить мѣсто, гдѣ эта надежда ласкала ихъ сердце, они страдаютъ точно столько же, сколько подъ чернымъ ударомъ бѣдствія.

На минуту надежда Карла-Второго была даже больше нежели юнцомъ радостью; это — когда его такъ хорошо принялъ братъ Людовикъ. Тогда надежда воплотилась и стала существомъ. Потомъ отказъ Мазарина вдругъ снова обратилъ существомъ въ сповиданіе. Общаніе Людовика оказалось обманомъ, обманомъ какъ корона Карла, обманомъ какъ его скитанья, какъ его друзья, какъ все, что окружало его, царственное дѣтство и что потомъ покинуло его въ юности, въ изгнаніи. Обманъ! для Карла все было обманъ, кромѣ холоднаго пощоя, который ему сулила смерть.

Таковы были мысли несчастнаго короля, когда онъ, опустивъ поводья на произволъ лошади, ѣхалъ подъ свѣтлымъ и жаркимъ майскимъ солнцемъ, въ которомъ его мрачное уныніе видѣло новое оскорбленіе его горю.

Навстрѣчу путникамъ, по дорогѣ въ Блоа ѣхалъ всадникъ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, который, поравнявшійся съ ними, снялъ шляпу. Король не обратилъ вниманія. Молодой человѣкъ нѣсколько разъ оглядывался и дѣлалъ дружескіе знаки человѣку, стоявшему передъ рѣшеткою одного прекраснаго каменнаго дома, съ шиферною кровлей.

Человѣкъ этотъ, то есть, стоявшій у рѣшетки, огромнаго роста, худощавый, сѣдой старикъ, отвѣчалъ на знаки молодаго человѣка нѣжными, почти отцовскими прощальными знаками. Молодой человѣкъ скоро скрылся за первымъ поворотомъ усаженной густыми деревьями дороги и старикъ уже собирался войти въ домъ, когда два путника, поравнявшіеся въ то время съ рѣшеткою, обратили на себя его вниманіе.

Король ѣхалъ, какъ мы уже говорили, опустивъ голову и руки, почти шагомъ, отдавая себя на произволъ лошади; Парри ѣхалъ за нимъ, снявъ шляпу, чтобы полнѣе насладиться благотворною теплотою солнца и водилъ взоромъ по правой и по лѣвой сторонѣ дороги. Онъ встрѣтился взоромъ со старикомъ, опершимся на рѣшетку, и старикъ, будто пораженный какимъ-то неожиданнымъ зрѣлищемъ, испустилъ глухое восклицаніе и сдѣлалъ шагъ къ путникамъ.

Взоръ его перешелъ съ Парри на короля и на мгновеніе остановился на немъ. Какъ ни быстръ былъ этотъ осмотръ, онъ очевидно отразился на лицѣ старика. Едва онъ узналъ младшаго изъ путниковъ, а что онъ узналъ его, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, потому что этимъ только объясняется послѣдующее его дѣйствіе, и такъ, едва онъ узналъ младшаго изъ путниковъ, онъ сначала скрестилъ руки съ выраженіемъ изумленія и благоговѣнія, потомъ снялъ шляпу и такъ низко поклонился, какъ будто хотѣлъ преклонить колѣно.

Какъ ни разсѣянъ былъ король или какъ ни погруженъ въ свою думу, этотъ поступокъ не могъ не обратить на себя его вниманіе.

Карлъ немедленно остановилъ лошадь и обернулся къ Парри.

— Парри, сказалъ онъ: кто бы могъ быть этотъ старикъ, который такъ почтительно кланяется мнѣ? Неужели онъ знаетъ меня?

Парри блѣдный, встревоженный, уже направилъ свою лошадь къ рѣшеткѣ.

— Государь! сказалъ онъ, осадивъ вдругъ лошадь шагахъ въ пять или шести отъ старика: государь, я и самъ не опомнюсь отъ изумленія; этотъ человѣкъ, кажется, знакомъ мнѣ. Такъ и есть! это онъ. Ваше величество, вы позволите мнѣ поговорить съ нимъ?

— Разумѣется.

— Ты ли это, любезный Гримѣ? спросилъ Парри.

— Такъ точно, я Гримѣ, отвѣчалъ старикъ почтительно.

— Я не ошибся, сказалъ Парри королю; этотъ старикъ слуга графа де-ла-Фера, а графъ де-ла-Феръ, ваше величество изволите, вѣроятно, помнить, — тотъ почтенный дворянинъ, о которомъ я столько разъ имѣлъ честь разказывать вашему величеству, тотъ, котораго имя должно было врезаться не только въ памяти, но и въ сердца вашего величества.

— Помню; тотъ, который былъ при моемъ отцѣ въ послѣднія минуты его жизни, сказалъ Карлъ, и затрепеталъ при этомъ воспоминаніи.

— Тотъ самый, ваше величество.

Карлъ вздохнулъ и потомъ обратился къ Гримѣ, котораго живые, пронзительные глаза очевидно старались угадать его мысль.

— Послушай, любезный, сказалъ онъ: твой господинъ, графъ де-ла-Феръ, вѣроятно, живетъ гдѣ-нибудь въ здѣшнихъ окрестностяхъ?

— Здѣсь, отвѣчалъ Гримѣ.

— А дома графъ теперь?

— Дома; онъ тамъ, подъ каштанами.

— Парри, сказалъ король, я не хочу упустить этого дорогаго для меня случая поблагодарить дворянина, которому домъ нашъ обязанъ такимъ примѣромъ преданности и великодушія. Подержи, пожалуйста, мою лошадь, любезный.

И отдавъ Гримѣ поводья, король вошелъ одинъ къ Атосу, какъ равный къ равному. Карлу достаточно было короткаго указанія Гримѣ — тамъ, подъ каштанами; — онъ оставилъ домъ влѣвъ и пошелъ прямо къ назначенной аллеѣ. Найти ее было не трудно; вершины огромныхъ каштановъ, покрытыхъ уже листьями и цвѣтами, возвышались посреди всѣхъ прочихъ деревьевъ.

Подойдя къ свѣтлымъ и темнымъ кѣткамъ, попеременно по-

персправивши аллею по прихоти богѣ или мѣнѣ густаго свода листьевъ, молодой король увидѣлъ человѣка, ходившаго по аллеѣ, закинувъ руки за спину и погруженнаго, повидимому, въ пріятную тихую думу. Много разъ, вѣроятно, онъ разспрашивалъ о наружности этого человѣка, потому что, увидѣвъ его, Карлъ Второй, безъ малѣйшаго колебанія, тотчасъ пошелъ къ нему. Услышавъ шаги, графъ де-ла-Феръ подвинулъ голову и увидѣлъ стройнаго, красиваго молодаго человѣка, шедшаго къ нему, приподнял шляпу и остановился. Карлъ-Второй подходя также снялъ шляпу. Потомъ, будто отвѣчая на нѣмой вопросъ графа, сказалъ:

— Графъ, я пришелъ къ вамъ исполнить долгъ свой. Я давно обязанъ изъявить вамъ мою безграничную благодарность. Я — Карлъ-Второй, сынъ Карла Стюарта, бывшаго короля англійскаго и погибшаго на эшафотѣ.

При этомъ незабвенномъ имени, морозъ пробѣжалъ по всѣмъ жиламъ Атоса, но онъ увидѣлъ передъ собою молодаго государя, съ непокрытою головою, протягивающаго къ нему руку, и двѣ слезы отуманили на мгновеніе чистую лазурь его глазъ.

Онъ почтительно поклонился. Но Карлъ взялъ его за руку.

— Посудите о моемъ несчастномъ положеніи, любезный графъ, сказалъ Карлъ: одинъ только случай привелъ меня къ вамъ. Увы! я долженъ бы окружить себя тѣми, кого люблю и уважаю, а вмѣсто того, я принужденъ хранить только услуги ихъ въ сердцѣ и имена ихъ въ памяти; такъ, что не узнай вашъ слуга моего слуги, я проѣхалъ бы мимо вашего дому, будто мимо дому чужаго мнѣ человѣка.

— Правда, сказалъ Атосъ, отвѣчая словами на первую часть фразы Карла, а на вторую поклономъ; правда, ваше величество изволили видѣть много тяжкихъ дней.

— И еще болѣе тяжкіе, подхватилъ Карлъ, ждуть меня впереди.

— Будемъ надѣяться на свѣтлые дни, государь!

— Графъ! воскликнулъ Карлъ, качая головой: я надѣялся до вчерашняго вечера, какъ долженъ надѣяться каждый добрый христіанинъ, клянусь вамъ!

Атосъ взглянулъ на короля, будто не смѣя просить объясненія.

— О! повѣсть будетъ не долга, продолжалъ Карлъ-Второй; въ изгнаніи, лишенный отцовскаго достоинства, всѣми презираемый, я рѣшился заглушить гордость своей души, и еще разъ попытать счастья. Видѣть опредѣлено будто свыше, что изъ Франціи вѣчно

будутъ исходить нашему дому и радости и горе! Вы это сами знаете, графъ, потому что вы были изъ числа тѣхъ Французовъ, которыхъ отецъ мой нанесъ въ день смерти, у подножія эшафота, какъ прежде всегда видѣлъ ихъ по правую свою руку, въ два битва.

— Государь, скромно замѣтилъ Атосъ, я былъ не одинъ; мы всѣ, мои товарищи и я, исполнили въ этомъ случаѣ только свой дворянскій долгъ, и болѣе ничего. Но ваше величество хотѣлъ разсказать мнѣ....

— Да. Я снискалъ покровительство.... извините, графъ, мое колебаніе; вы понимаете все благородное, вы поймете также, какъ тяжело это слово для Стурта; братъ мой, штатгальтеръ голландскій, общалъ мнѣ свое покровительство; но штатгальтеръ не рѣшался приступить къ дѣлу безъ содѣйствія, или по крайней-мѣрѣ безъ согласія Франціи. Я пріѣхалъ просить согласія короля французскаго, и получилъ отказъ.

— Король отказалъ?

— Нѣтъ, не онъ; надобно отдать полную справедливость моему брату Людовику; не онъ, а кардиналъ Мазаринъ.

Атосъ закусилъ губы.

Король замѣтилъ это и сказалъ:

— Вы, можетъ-быть, скажете, что я долженъ былъ ожидать этого?

— Да, государь, я такъ думаю, почтительно отвѣчалъ графъ, я знаю этого Итальянца уже съ давнихъ поръ.

— Послѣ этого я рѣшился кончить дѣло и разомъ рѣшить свою судьбу; я сказалъ брату Людовику, что, не желая подвергать опасности ни Францію ни Голландію, я намѣренъ самъ, лично, попытаться счастья, и прошу его дать мнѣ для того двѣсти человѣкъ отважныхъ дворянъ, и дать займы миллионъ франковъ.

— И что же?

— Да то, графъ, что я въ настоящее время ощущаю какое-то странное, рѣдкое чувство; спокойствіе отчаянія. Для нѣкоторыхъ душъ,—и я сегодня убѣдился, что моя душа-изъ того числа,— есть дѣйствительное блаженство въ увѣренности, что все кончено, и что наступилъ часъ рѣшительно пасть.

— О, я надѣюсь, возразилъ Атосъ, что ваше величество еще не дошли до такой крайности.

— Когда вы можете еще говорить мнѣ это, графъ, когда вы думаете еще воскресить надежду въ моемъ сердцѣ, значитъ, вы не вполне поняли то, что я вамъ сейчасъ говорилъ. Я пріѣхалъ въ Блоа,

просить брата Людовика, подать мнѣ какъ нищему милліонъ франковъ, съ помощію которыхъ я надѣялся поправить свои дѣла; а Людовикъ мнѣ отказалъ. Видите теперь, что все пропало.

— Простите меня, государь, если я не соглашусь съ мнѣніемъ вашего величества!

— Какъ, графъ? неужели вы считаете меня неспособнымъ обсудить свое положеніе?

— Государь, я изъ многихъ примѣровъ убѣдился, что всегда только въ самыхъ отчаянныхъ обетательствахъ совершается быстрый рѣшительный оборотъ счастья.

— Благодарю васъ, графъ; отрадно встрѣчать сердца, подобныя вашему, довольно уповающимъ на Бога и на святость монархической власти, чтобы не усомниться въ счастьи царской особы, въ какую бы бездну горя она ни упала. Къ сожалѣнію, графъ, слова ваши подобны тѣмъ цѣлительнымъ средствамъ, которыя врачи называютъ несомнѣнными, и которыя могутъ цѣлить только излечимыя язвы и бессильны противъ смерти. Благодарю васъ за желаніе утѣшить и ободрить меня; благодарю за участіе и память; но я знаю, что мнѣ остается ждать. Ни что уже не спасетъ меня. Я такъ уже убѣдился въ своей безнадежности, что спокойно ѣхалъ обратно въ свое изгнаніе со старикомъ Парри; ѣхалъ упиваться своимъ безнадежнымъ горемъ въ убѣжищѣ, которое далъ мнѣ штатгальтеръ голландскій. Повѣрьте, графъ, тамъ придетъ скоро всему конецъ; смерть выручитъ меня изъ юдоли страданія; слишкомъ давно зовутъ ее мое тѣло, источенное душою, и душа, жаждущая небеснаго жилища!

— У вашего величества есть мать, сестра, братья; вы глава семейства, и должны молить Бога даровать вамъ долгую жизнь, а не просить смерти. Вы скитаетесь безпріютнымъ изгнанникомъ, но за васъ ваше священное право; вы должны стремиться къ битвамъ, опасностямъ, борьбѣ, а не желать спокойствія вѣчности.

— Графъ, сказалъ Карлъ съ невыразимо-грустною улыбкой, слышали вы когда, чтобы сверженный король завоевалъ вновь свое царство съ помощію старика слуги, какъ мой Парри, и съ тремя-стами экю въ кошелькѣ?

— Нѣтъ, государь; но слыжалъ, и не разъ, что сверженный король завоевывалъ свой престолъ съ помощію твердой воли, терпѣнія, друзей, и искусно употребленнаго милліона.

— Такъ вы меня, видно, опять не поняли? Я вамъ говорю, что я просилъ у Людовика взаймы одного милліона франковъ, и что онъ мнѣ отказалъ.

— Государь, отвѣчайте Атосъ, прошу ваше величество прекратить свое вниманіе еще на вѣсколько минутъ, и выслушать меня до конца!

Карлъ-Второй пристально взглянулъ на Атосъ.

— Говорите, графъ, я слушаю.

— Прошу ваше величество идти за мною, продолжалъ графъ, обращая шаги къ дому.

Онъ привелъ короля въ свой кабинетъ, и просилъ сѣсть.

— Государь, сказалъ онъ, ваше величество изволили говорить, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Англіи, одного милліона достаточно для возвращенія вамъ отцовскаго престола?

— Съ нимъ можно по-крайней-мѣрѣ попытаться, а не удастся, такъ умереть, какъ слѣдуетъ королю!

— Въ такомъ случаѣ, государь, помните свое слово, и выслушайте до конца, что я хочу сказать вашему величеству.

Карлъ кивнулъ утвердительно головою. Атосъ подошелъ къ дверямъ, заперъ ихъ на задвижку, посмотрѣвъ сначала, не слушаетъ ли кто по близости, и возвратился на мѣсто.

— Государь, сказалъ онъ, ваше величество изволите помнить, что я служилъ вашему несчастному родителю, королю Карлу-Первому, когда палачи вели его изъ Сентъ-Джемскаго дворца въ Уайтъ-Голь.

— Разумѣется поймю; я никогда этого не забывалъ и не забуду.

— Я понимаю, ваше величество, что тяжело слушать эту горестную повѣсть родному сыну, который, безъ сомнѣнія, много разъ уже слушалъ ее; однако же и принужденъ еще разъ пересказать ее вашему величеству, не опуская ни малѣйшихъ подробностей.

— Говорите.

— Когда державный родитель вашего величества взомелъ на эшафотъ, или точнѣе, переступилъ изъ своей комнаты на эшафотъ, воздвигнутый за его окномъ, все было готово къ бѣгству. Палачъ былъ удаленъ; подъ поломъ его комнаты сдѣланъ выходъ; самъ я стоялъ подъ роковыми подмостками, когда они затрещали подъ стопами короля.

— Паря рассказывалъ мнѣ всѣ эти страшныя подробности.

Атосъ поклонился, и сказалъ:

— Но вотъ чего онъ не могъ рассказать вамъ, государь, потому что это происходило между Богомъ, вашимъ родителемъ и мною, и никто, даже изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей, не

слыхалъ этого отъ меня: «Отойди, сказалъ державный страдалецъ, замаскированному палачу; отойди на одно мгновеніе, я знаю твои права, и смотри, не руби, пока я не подамъ тебѣ знака. Дай мнѣ помолиться на свободѣ.»

— Позвольте, графъ, прервалъ Карлъ-Второй, блѣднѣя: вы знаете столько подробностей этого ужаснаго событія, подробностей, какъ вы сами сейчасъ говорили, неизвѣстныхъ никому, кромѣ васъ; знаете вы имя безбожнаго палача, имя того изверга, который скрылъ свое лицо, чтобы безнаказанно умертвить короля?

Атось нѣсколько поблѣднѣлъ.

— Имя его? сказалъ онъ; знаю, но не могу открыть.

— Куда дѣвался онъ?... никто въ Англіи не знаетъ, что съ нимъ стало.

— Умеръ.

— Неужели умеръ не отъ меча, умеръ тихо и спокойно, смертью честнаго человѣка?

— Нѣтъ, онъ умеръ насильственною смертью, среди страшнаго мраку ночи, среди грома Божіаго и мести людской! Тѣло его, азрубленное кинжаломъ, покатилося въ бездну океана. Да простятъ Господь убійцъ его!

— Такъ продолжайте, сказалъ Карлъ-Второй, видя, что отъ графа болѣе нельзя добиться.

— Сказавъ эти слова замаскированному палачу, король прибавилъ: «Замѣть; ты долженъ ударить, когда я протяну руки и скажу: Remember! (помни!)».

— Такъ, сказалъ Карлъ глухимъ голосомъ, знаю, что это было послѣднимъ словомъ моего несчастнаго отца. Но, что оно значило, къ кому оно обращалось?

— Къ французскому дворянину, стоявшему подъ эшафотомъ.

— Стало-быть, къ вамъ, графъ?

— Ко мнѣ; и каждое слово, произнесенное имъ сквозь обитыя чернымъ сукномъ доски эшафота, донинѣ раздаются въ моей памяти. Король сталъ на одно колѣно. «Графъ де-ла-Феръ, сказалъ онъ, ты здѣсь?» — Здѣсь, государь, отвѣчалъ я. И король наклонился.

Карлъ-Второй, дрожа отъ любопытства и горестнаго воспоминанія, также наклонился къ Атосу, чтобы не проронить ни одного слова. Голова его почти касалась головы Атоса.

— Тутъ, продолжалъ графъ, король наклонился. «Графъ де-ла-Феръ, сказалъ онъ, ты не успѣлъ спасти меня. Мнѣ, видно, опредѣлено было не быть спасеннымъ. Теперь, хотя бы это бы-

до преступленіемъ противъ неба, я скажу тебѣ: я кончилъ свою бесѣду съ людьми, кончилъ бесѣду съ Богомъ, съ тобою хочу пообесѣдовать съ послѣднимъ. Для поддержанія дѣла, которое я считалъ правымъ и священнымъ, я принесъ въ жертву престолъ отцовъ, растратилъ достоинствѣ дѣтей.»

Карлъ-Второй закрылъ лицо руками; жгучая слеза скатилась между его бѣлыхъ, исхудалыхъ пальцевъ.

«У меня остается одинъ милліонъ золотомъ, продолжалъ король. Я зарылъ его въ подвалахъ ньюкэстльскаго замка, передъ выѣздомъ своимъ оттуда.»

Карлъ поднялъ голову съ выраженіемъ печальной радости, отъ которой каждый зарыдалъ бы, кто зналъ всѣ испытанныя имъ горести.

— Милліонъ, воскликнулъ онъ, о! графъ!

— «Эти деньги, о существованіи которыхъ извѣстно тебѣ одному, ты употребишь въ дѣло, когда найдешь, что будетъ пора употребить ихъ для пользы моего старшаго сына. Теперь же, графъ де-ла-Феръ, простиись со мною!»

— Простите, простите, государь! вскричалъ я.

Карлъ Второй всталъ, и прислонилъ горячій лобъ къ окну.

— Тогда-то, продолжалъ Атосъ, король произнесъ таинственное слово Remember (помни!), обращавшееся ко мнѣ. Видите, государь, что я помню.

Король не могъ болѣе удерживать своего волненія. Атосъ видѣлъ судорожное движеніе его плечъ; слышалъ глухія рыданія, силою вырывавшіяся изъ его груди. Самъ онъ умолкъ, переполненный потокомъ горькихъ воспомнаній, вызванныхъ имъ на эту державную голову.

Карлъ-Второй, сдѣлавъ надъ собою усміе, отошелъ отъ окна, подавилъ слезы и сѣлъ подлѣ Атоса.

— Государь, сказалъ графъ, донынѣ я находилъ, что еще не наступило время употребить въ дѣло это послѣднее средство; но я не спускалъ глазъ съ Англій, и чувствовалъ, что часъ близокъ. Завтра я собирался итти узнавать, въ какомъ концѣ свѣта вы скрываетесь, и явиться къ вамъ. Вы сами пришли ко мнѣ; въ этомъ несомнѣнно проявляется перстъ Божій.

— Графъ, сказалъ Карлъ, дрожащимъ еще отъ волненія голосомъ, вы для меня ангелъ, ниспосланный Богомъ; вы мой спаситель, воздвигнутый изъ могилы самимъ отцомъ моимъ; но погубите мнѣ, въ десять междоусобій, разорвавшихъ мое отечество, косившихъ людей и изрывшихъ землю, слишкомъ невѣроятно,

чтобы въ нѣдрахъ земли моей осталось болѣе золота, чѣмъ лежи въ сердцахъ моихъ подданныхъ.

— Государь, мѣсто, гдѣ родителъ вашъ зарылъ деньги, мнѣ корошо извѣстно, и я могу ручаться, что никто не могъ отыскать ихъ. Притомъ, развѣ Ньюкастльскій замокъ весь разрушенъ? развѣ его разобрали до послѣдняго камня, вырыли до послѣдняго слѣда изъ земли?

— Нѣтъ, онъ еще стоитъ; но его занимаетъ теперь генералъ Монкъ съ своимъ войскомъ. Какъ видите, единственное мѣсто, гдѣ я могу найти помощь и средства, занято врагами.

— Генералъ Монкъ не могъ открыть клада, о которомъ я говорилъ вашему величеству.

— Пожалуй, что и такъ; но неужели мнѣ отдаваться въ руки Монку, чтобы достать этотъ кладъ? Вы видите, графъ, что мнѣ надо уже отказаться отъ борьбы съ судьбою; едва я стану на ноги, она наноситъ мнѣ новые, еще сильнѣйшіе удары. Что мнѣ дѣлать съ однимъ своимъ слугою Парри, котораго Монкъ одинъ разъ уже выгналъ? Нѣтъ, графъ, лучше покориться злой судьбѣ.

— Чего не могутъ сдѣлать ни ваше величество, ни Парри, отчего бы не сдѣлать мнѣ?

— Вамъ, графъ? вы поѣдете?

— Когда вашему величеству будетъ угодно, отвѣчалъ Атосъ, съ почтительнымъ поклономъ; поѣду, государь!

— Вамъ здѣсь такъ спокойно, графъ!

— Мнѣ не можетъ быть спокойно, государь, пока еще остается исполнить долгъ, а это непреложный долгъ, завѣщанный мнѣ вашимъ родителемъ; онъ поручилъ мнѣ пещись о вашемъ достоинствѣ, и употребить его деньги, какъ слѣдуетъ государю. Пусть ваше величество сдѣлаете мнѣ только знакъ, и я ѣду съ вами.

— Ахъ, графъ, вскричалъ Карлъ, забывая всякій этикетъ и бросаясь на шею Атосу; вы убѣждаете меня въ томъ, что есть Богъ на небесахъ, и что онъ ниспосылаетъ иногда своихъ вѣстниковъ и утѣшителей страждущимъ на землѣ.

Атосъ тронутый признательностью молодаго человѣка, по благодарилъ его съ благоговѣніемъ, и, подойдя къ окну, закричалъ:

— Гримб, лошадей!

— Какъ! сказалъ король: такъ скоро? Да вы, графъ, непостижимый человѣкъ.

— Государь, отвѣчалъ Атосъ, для меня ничто не можетъ быть важнѣе и ничто не можетъ требовать большей поспѣшности какъ

служба вашего величества. Впрочемъ, продолжалъ онъ, улыбаясь, это старая привычка, сохранившаяся еще съ того времени, когда я служилъ королеви тетушкѣ вашей и родителю вашему. Неужели итъ въ первый разъ отстать отъ нея, когда польза нашего величества требуетъ всего моего усердія?

— Вотъ человѣкъ! прошепталъ про себя король.

— Но итъ, графъ, продолжалъ Карлъ, послѣ нѣкотораго размышленія, я же хочу подвергать васъ такимъ трудамъ. Мнѣ нечѣтъ награждать васъ за такія услуги.

— Полноте, отвѣчалъ Атось, смѣясь; ваше величество изводитъ шутить; у васъ есть цѣлый миллионъ. Будь у меня только половина этихъ денегъ, я набралъ бы цѣлый полкъ. Но, благодаря Богу, у меня отъщется еще нѣсколько свертковъ золота, и кой какія фамильные брилліанты. Надѣюсь, что ваше величество благоволите подѣлиться съ своимъ преданнымъ слугою.

— Съ вѣрнымъ другомъ. Согласенъ, чтобы этотъ другъ потомъ не отказался подѣлиться и со мной.

— Государь, сказалъ Атось, открывая небольшую шкатулку и вынимая изъ нея свертки золота и брилліанты; теперь мы, пожалуй, слишкомъ богаты; къ счастью, насъ будетъ четверо въ случаѣ если на насъ нападутъ разбойники.

Румянецъ радости завралъ на блѣдныхъ щекахъ Карла. Къ крыльцу подвели двухъ осѣдланыхъ лошадей Атоса; въ вѣль Гримо, уже совершенно снарядившійся въ походъ.

— Блезо! эту записку отдай Виконту Бражлону. Кто бы меня ни спрашивалъ, отвѣчай, что я уѣхалъ въ Парижъ. Да поручаю тебѣ присмотрѣть за домомъ.

Блезо поклонился, обнялъ Гримо, и заперъ ворота.

Не прошло двухъ часовъ съ отъѣзду хозяина, который, на глазахъ Блезо, поѣхалъ по парижской дорогѣ, какъ у воротъ остановился всадникъ на хорошей сѣрой лошади, и громовымъ «Гей, люди!» позвалъ конюховъ, которые вмѣстѣ съ садовниками собрались было въ кружокъ около Блезо, обычнаго историка дворовой челяди. Голосъ повидному былъ знакомъ Блезо; онъ тотчасъ обернулъ голову, и закричалъ:

— Мосьё д'Артаньянъ!... Бѣгите же вы, ротозѣи, отворите ворота!

Съ полдюжины конюховъ бросились къ тяжелымъ воротамъ, и всѣ стали рассыпаться въ вѣжливостяхъ, потому что знали, какъ принималъ этого гостя хозяинъ; гдѣзъ прислуживъ на этотъ счетъ ни когда не ошибется.

— Граеъ у себя? спросилъ д'Артаньянъ съ пріятливомъ улыбкаю, качаясь на стременахъ, чтобы соркочить на землю.

— Ахъ, сударь, надо же быть такой неудачѣ! отвѣчалъ Блезозъ, и баринъ какъ будто сожалѣть, когда узнаеть, что вы позволнн пріѣхать! Вѣдь какъ нарочно, граеъ только что уѣхалъ; двухъ часовъ еще не будетъ!

д'Артаньянъ долго не горевалъ о томъ, что хозяина нѣтъ дома.

— Ну, ничего! сказалъ онъ; ты, какъ я вижу, мастеръ говорить; поучусь у тебя грамотнйству и краснорѣчью, пока не веротится граеъ.

— То-то и есть, сударь, что нельзя, возразилъ Блезозъ; не дождетесь.

— Такъ онъ сегодня домой не будетъ?

— Не будетъ, сударь, и завтра не будетъ и послѣ завтра. Граеъ уѣхалъ надолго.

— Надолго! вскричалъ д'Артаньянъ, въ изумленіи; ты, братъ сказку сказываешь.

— Не сказка, сударь, а сущая правда. Баринъ наказалъ мнѣ прнсмотреть за домомъ, да потомъ сказалъ своимъ строгимъ и пріятливымъ голосомъ.... оно почти одно и то же по моему: «Всѣмъ говори, что я уѣхалъ въ Парижъ».

— Въ Парижъ! воскликнулъ д'Артаньянъ; такъ чтожъ ты давно не скажешь? нѣтъ того только и надо; съ того бы начать тебѣ, болванъ.... Часа два какъ уѣхалъ?

— Точно такъ сударь.

— Я его нагоню. Одинъ?

— Нѣтъ, сударь, не одинъ.

— Съ кѣмъ же?

— Съ какимъ-то господиномъ, котораго я никогда не видывалъ, да съ какимъ-то старичкомъ, да съ Гримо.

— Ну, всѣ они скоро не ускачутъ... нагоню.

— Позвольте, сударь, сказать вамъ одно слово, сказалъ Блезозъ, удерживая лошадь подъ уздцы.

— Говори, да пожалуйста, братецъ, не такъ кудряво, а поскорѣе.

— Кажется, сударь, Парижъ тутъ служить просто для прикрытія.

— Какъ такъ! вскричалъ д'Артаньянъ, для прикрытія?

— Да такъ же, сударь; я готовъ дать руку на отвѣченіе, если граеъ поѣхалъ въ Парижъ?

— А почему ты думаешь, что онъ не въ Парижъ поѣхалъ?

— Вотъ почему. Гримѣ всегда знаетъ, куда ѣдетъ баринъ, а онъ обѣщалъ мнѣ, въ первый разъ какъ поѣдетъ въ Парижъ, взять у меня деньжонокъ, чтобы передать моей женѣ.

— Такъ у тебя и жена есть?

— Была, сударь, и здѣшняя; да баринъ нашелъ, что она слишкомъ много болтаетъ, такъ я и отправилъ ее въ Парижъ; подчасъ скучно безъ нея, а въ другой разъ бываетъ и лучше.

— Знаю. Но къ дѣлу; стало-быть, ты думаешь, что графъ не въ Парижъ уѣхалъ?

— Нѣтъ, не въ Парижъ; иначе значило бы, что Гримѣ обманулъ меня, измѣнилъ своему слову, а это дѣло невозможное.

— Невозможное! повторилъ д'Артаньянъ задумчиво, что значило, что онъ вполне убѣдился. Ну, спасибо тебѣ, Блезоя!

Блезоя поклонился.

— Да скажи-ка, братъ, вѣдь ты знаешь, что я не любопытствую.... только мнѣ непремѣнно надо видѣться съ твоимъ баринномъ.... не можешь ли... такъ только намекнуть... Ты такой мастеръ говорить и все растолковать.... только полслова.... остальное я самъ разгадаю.

— Ей Богу, сударь, не могу.... я рѣшительно не знаю, куда баринъ поѣхалъ.... а за дверями подслушивать я не охотникъ; да у насъ же оно настрого запрещено.

— Ну, любезный, сказалъ д'Артаньянъ, это для меня не больно утѣшительно. Впрочемъ, всё равно, не знаешь ли по крайней-мѣрѣ, когда графъ возвратится.

— И того не знаю, сударь.

— Полно Блезоя, подумай; авось припомнишь.

— Вы во мнѣ сомнѣваетесь, сударь; вы чувствительно огорчаете меня.

— Чортъ бы его побралъ съ его медовымъ языкомъ! проворчалъ д'Артаньянъ. По моему лучше мужикъ, да съ прямымъ словомъ!... Прощай.

— Честь имѣю свидѣтельствовать мое почтеніе, сударь.

— Болванъ! подумалъ д'Артаньянъ. Проклятый плутъ!

Онъ въ послѣдній разъ взглянулъ на домъ, поворотилъ лошадь и отправился такъ весело и беззаботно, какъ-будто ничто ему не досаждало.

Проѣхавъ заборъ, и скрывшись изъ виду слугъ, онъ вздохнулъ и сталъ разсуждать про себя.

— А что, если Атосъ дома?.... Нѣтъ, всё эти бездѣльники не

сродни бы на дворѣ, сложа руки, если бы баринъ былъ дн. Атось ухажь.... непонятно. Ба! у него всегда и во всея книто тайны.... Къ тому же, въ сапожъ дѣлѣ, не такого человека мнѣ надо; мнѣ нуженъ малый хитрый, тортильвый. Есть у нас одякъ на примѣтѣ, въ Мелювѣ, въ известномъ мнѣ приходскомъ домѣ. Сорокъ-пять лѣ! четыре дня съ половиною! Ну, когда хороша, дѣлать мнѣ нечего, поѣду!

И онъ пустилъ лошадь рысью, по парижской дорогѣ. На четвертый день онъ былъ въ Мелювѣ.

Д'Артаньянъ положилъ себѣ за правило никогда не разсиривать о дорогѣ, или другихъ подобныхъ пустякахъ. Онъ на этот счетъ, исключая важныхъ случаевъ, вполнѣ полагался на собственную догадливость, которая никогда не обманывала его, и тридцати-лѣтній опытъ и на рѣдкое умѣнье разгадывать физиономіи домовъ точно такъ же, какъ физиономіи людей.

Д'Артаньянъ тотчасъ отъѣскалъ въ Мелювѣ приходскій домъ, щегольской, оштукатуренный домикъ, обсаженный виноградными лозами, вившимися по жолобамъ, и съ каменнымъ рѣзнымъ престомъ на верхушкѣ крыши. Изъ нижняго этажа дома раздавалось щебетаніе множества голосовъ, будто изъ гнѣзда нововылупившихся птенцовъ. Одинъ голосъ внятно читалъ складъ; другой, тоненькій и заплывшій жиромъ голосъ попеременно бранилъ болтуновъ, и поправлялъ читавшаго.

Д'Артаньянъ узналъ этотъ голосъ и, какъ окно было открыто, не сходя съ лошади, просунувъ голову между листьевъ и кистей винограду, и крикнулъ:

— Эй, Базенъ! здорово, пріятель.

На крикъ д'Артаньяна всталъ, или точнѣе, вскочилъ небольшой, толстый человѣчекъ, плосколицый, сѣдой, коротко остриженный вѣничкомъ, какъ католическіе монахи, въ засаленной черной бархатной скуфейкѣ. Базенъ дѣйствительно вскочилъ, опрокинувъ свои кресла, которыя дѣти бросились поднимать, причемъ между ними возгорѣлось сраженіе жарче боя Грековъ и Троянъ за Патроклово тѣло. Базенъ не только вскочилъ, но выронилъ даже изъ рукъ букварь и хлопущку.

— Вы, д'Артаньянъ? какими судьбами?

— Да, я. Гдѣ Арамисъ.... тотъ бишь, шевалье д'Эрблѣ.... тѣю пронасть, опять не то, генераль-викарій?

— Его преосвященство у себя въ епархіи, отвѣчалъ Базенъ торжественно.

— Гдѣ? спросилъ д'Артаньянъ.

Базѣнъ повторилъ.

— Вотъ что! такъ у Арамиса есть уже епархія?

— Есть епархія. Отчего же бы нѣтъ?

— Онъ, стало-быть, епископъ?

— Да, откуда вы явились, спросилъ Базѣнъ, довольно нескѣпно, что даже этого не знаете?

— Любезный Базѣнъ, мы, язычники, люди военные, знаемъ кто пожалованъ въ полковники, въ воеводы, въ маршалы; чтоже касается до епископовъ, архіепископовъ, такъ чортъ меня побери если эти вѣсти дойдутъ до насъ прежде, чѣмъ три четверти земли успѣютъ ими попользоваться!

— Тс! сказалъ Базѣнъ, выпучивъ глаза: вы соблазните всѣхъ этихъ малютокъ, которыми я такъ старался внушить строгія понятія нравственности.

Дѣти дѣйствительно вертѣлись около д'Артаньяна, любовались его лошадейю, мечемъ, шпорами, воинственными видомъ; въ особенности же дивились его басистому голосу; и едва онъ успѣлъ отнестись это непозволительное выраженіе, вся школа возгласила: чортъ меня побери! среди оглушительнаго хохоту, крику, топоту, которые восхищали мушкетера, и приводили въ отчаяніе стараго воспитателя.

— Молчать, вы, канальи!.... Только что вы явились, господинъ д'Артаньянъ, и прощай всѣ мои труды.... Гдѣ вы, тамъ всегда безпорядокъ, буйство.... ну, смотрите: Вавилонское столпотвореніе!.... Боже, Боже мой! постоите, я васъ, сорванцы!

И почтенный Базѣнъ сталъ усердно шелкать вправо и влево своею хлопущою, что дало крикамъ другую причину и другой поводъ, но несколько не умирило ихъ.

— По-крайней-мѣрѣ, вы уже никого у меня не испортите, сказалъ онъ д'Артаньяну.

— Ты думаешь? возразилъ д'Артаньянъ, съ улыбкой, отъ которой морозъ пробѣжалъ по плечамъ Базѣна.

— Отъ него все станется, проворчалъ онъ.

— Гдѣ епархія твоего господива?

— Его преосвященство епископъ Ванскій.

— Кто выхлопоталъ ему епископство?

— Нашъ сосѣдъ, господинъ главноуправляющій.

— Какъ, Фуке?

— Да, Фуке.

— Арамисъ хорошъ съ нимъ?

— Его преосвященство изволило каждое воскресенье говорить

проповѣдь у господина главноуправляющаго, въ Во, а потому они ходили вѣстѣ на охоту.

— Вотъ что!

— Его преосвященство часто сочиняли свои нѣсни, то баша, свои слова, вѣстѣ съ господиномъ главноуправляющимъ.

— Такъ преосвященный говоритъ проповѣди въ стихахъ?

— Такими вещами не шутятъ, сударь.

— Ну полно, полно, Базѣнъ. Стало быть Арамисъ въ Ванкѣ.

— Въ Ванкѣ, въ Бретани.

— Хитришь, Базѣнъ, все это вздоръ.

— Да посмотрите сами; приходскій домъ стоять пустой.

— И то правда, сказалъ д'Артаньянъ осматривая домъ, въ которомъ все свидѣтельствовало о запущеніи.

— Неужели его преосвященство не писалъ вамъ о своемъ назначеніи?

— Да давно ли онъ получилъ епархію?

— Съ мѣсяць.

— Ну, такъ еще успѣеть. Арамису пока нѣтъ нужды во мнѣ. Но скажи мнѣ, Базѣнъ, зачѣмъ ты не отправился вслѣдъ за своимъ пастыремъ?

— Нельзя, у меня есть здѣсь занятія.

— Букварь?

— И духовные дѣти.

— Ты развѣ исповѣдуешь? развѣ ты священникъ.

— Почти; по призванію.

— А не посвященъ?

— О, отвѣчалъ Базѣнъ съ самоувѣренностью, потирая руки; теперь его преосвященство епископъ; я скоро буду посвященъ, или по-крайней-мѣрѣ получу разрѣшеніе.

— Этого народу не искоренить, подумалъ д'Артаньянъ. Дай мнѣ закутить, Базѣнъ.

— Сейчасъ, сударь.

— Цыпленка, бульону и бутылку вина.

— Сегодня пятница, сказалъ Базѣнъ, постный день.

— У меня есть разрѣшеніе, отвѣчалъ д'Артаньянъ.

Базѣнъ взглянулъ на него недоувѣрчиво.

— Ахъ, ты, старый лицецѣрь, за кого ты меня принимаешь, сказалъ д'Артаньянъ; если ты, слуга, надѣешься получить разрѣшеніе на преступленіе, неужели мнѣ, другу епископа, не позволить разрѣшенія отъ постовъ? Будь ко мнѣ поласковѣе, Ба-

збѣтъ; нѣтъ, смотри, я понажуюсь королю, и не быть тебѣ дубинникомъ. Со мной король, я слышьѣ.

Базенъ лукаво улыбнулся.

— А съ нами господи́нь главноуправляющій, сказалъ онъ.

— Ты, стало-быть, не ставишь короля ни во что?

Базенъ не отвѣчалъ, но улыбка его стоила самого краснорѣчиваго отвѣту.

— Чтѣ же мнѣ ужинать? сказалъ д'Артаньянъ. Ужъ скоро семь часовъ.

Базенъ обратился къ старшему изъ учениковъ и велѣлъ отдать приказанія кухаркѣ. Между-тѣмъ д'Артаньянъ осматривалъ приходскій домъ.

— Преосвященный мѣлъ здѣсь незавидную квартиру, сказалъ онъ съ пренебреженіемъ.

— У насъ былъ подъ рукою замокъ Вѣ.

— Который, пожалуй, стоить Лувра? возразилъ д'Артаньянъ насмѣшливо.

— И даже лучше Лувра, отвѣчалъ Базенъ хладнокровно.

— Въ самомъ дѣлѣ! подхватилъ д'Артаньянъ.

Онъ можетъ быть продолжалъ бы споръ о преимуществѣ Лувра передъ Вѣ, но замѣтилъ въ это время, что лошадь его была привязана къ калиткѣ.

— Чортъ возьми! да вели же позаботиться о моей лошади. У твоего епископа не найдется подобной во всей конюшнѣ.

Базенъ нескоса взглянулъ на лошадь и отвѣчалъ:

— Господи́нь главноуправляющій подарилъ ему четверню съ своихъ конюшенъ, и каждая лошадь изъ этой четверни стоитъ вашихъ четырехъ.

Кровь бросилась въ лицо д'Артаньяну; глаза его искали на головѣ Базена мѣста, куда бы опуститься кулаку. Но этотъ взрывъ скоро утихъ. Онъ одумался, и сказалъ только:

— Чортъ возьми! хорошо, что я уже не въ службѣ королевской! Скажи же мнѣ, почтеннѣйшій Базенъ, продолжалъ онъ, сколько у главноуправляющаго мушкетеровъ?

— Онъ на свои деньги купитъ всѣхъ мушкетеровъ во всемъ королевствѣ, отвѣчалъ Базенъ, закрывая книгу, и прогоняя учениковъ хлопнушкою.

— Чортъ поберн! пробормоталъ опять д'Артаньянъ.

Въ это время доложили, что ужинъ на столѣ; д'Артаньянъ поспѣдовалъ за кухаркою въ столовую, сѣлъ за столъ и усердно принялся за цыпленка.

— Кажется, сказалъ д'Артаньянъ, лоная зубы надъ своимъ обширнымъ пылающимъ, чѣмъ кажется, я напросилъ дадо и вступилъ въ службу къ этому господину. Пророкъный даждь долженъ быть этотъ главноуправляющій; да мы, пророкъный даждь, ничего не знаемъ; лучи солнца не даютъ намъ видѣть бѣшія звѣзды, которыя тамъ же сажда, только что немножко даде отоготыть отъ земли, и все тутъ.

Д'Артаньянъ любилъ, и по склонности, и по расчету, выдѣваться отъ наждаго размыа, занимавшія его воиди; раздумется, он пытался разшевелить и Базена, но безъ успѣху; кромѣ скучныхъ вычурныхъ похвалъ господину главноуправляющему «низакси» Базенъ осторожный не выболталъ ничего, стромавшего вниманія, такъ, что д'Артаньянъ, съ досады, какъ скоро поуживалъ, обдѣлывалъ намѣреніе тутъ спать.

Базенъ отвелъ его въ довольно незамѣдную комнату съ жесткою постелью, но д'Артаньянъ былъ не прихотливъ. Ему сказали, что Аранисъ увезъ съ собою ключъ отъ своихъ икоевъ, а какъ онъ зналъ, что Аранисъ любилъ порядокъ, и что въ его покояхъ было много такого, что нужно было ипирать, то это его ни сколько не удивило. Онъ мужественно легъ на жесткую постель, хотя она показалась ему сравнительно еще жестче цыпленка, и заснулъ безъ дальнѣйшихъ окомчностей.

Съ тѣхъ поръ какъ не состоялъ ни въ чьей службѣ, д'Артаньянъ рѣшился спать такъ же крѣпко, какъ прежде легко спалъ; не смотря однако жъ на это обѣщаніе самому себѣ и на твердое намѣреніе сдержать слово, онъ былъ пробужденъ среди ночи стукомъ колесъ, топотомъ лошадей и криками людей. Яркій свѣтъ внезапно озарилъ стѣны его комнаты; онъ вскочилъ съ постели, и въ одной сорочкѣ подбѣжалъ къ окну.

— Ужъ не король ли ѣдетъ? подумалъ онъ, протирая глаза: вотъ свита, какую можетъ имѣть только развѣ царственнымъ оеоба.

— Да здравствуетъ главноуправляющій! пророкъ изъ окна нижняго этажа голосъ, въ которомъ д'Артаньянъ узналъ Базена, стоявшаго въ оникъ, держа въ одной рукѣ свѣчу, а другою держа бѣлый платкомъ.

Въ это время д'Артаньянъ замѣтилъ блестящій человѣческій образъ, высунувшійся изъ дверецъ главной кареты; и въ то же время онъ услышалъ громкій хохотъ, возбужденный вѣроятно

кой фигурою Базенъ, и пролетѣвшій радостною струей отъ тавной кареты по всему ряду экипажей.

— Я долженъ бы догадаться, что это не король, подумалъ 'Артаньянъ: когда проѣзжаетъ король, такъ весело не смѣются.

— Эй, Базенъ, крикнулъ онъ сосѣду, который вывѣсился до рехъ четвертей за окно, чтобы долѣ слѣдить за каретою: что то такое?

— Господинъ главноуправляющій, отвѣчалъ Базенъ, тономъ юкровительства.

— А весь этотъ народъ?

— Дворъ господина главноуправляющаго.

— Ого! что-то сказалъ бы Мазаринъ, если бы подслушалъ?

Потомъ онъ снова легъ, помышляя, по какому случаю Арамисъ всегда имѣетъ покровителемъ сильнѣйшее лицо въ королевствѣ.

— Отъ того ли что онъ счастливѣе меня, или оттого что я глупѣе его? Ба!

Убѣдившись въ дѣйствительномъ отсутствіи генераль-викарія д'Эрблѣ, и въ томъ, что ему не отыскать своего друга ни въ Мелюнѣ, ни въ окрестностяхъ, д'Артаньянъ безъ сожалѣнія простился съ Базенномъ, искоса посмотрѣлъ на замокъ Вб, и закусивъ губы, какъ человекъ брюзгливый и недовѣрчивый, далъ шпоры своей сѣрой лошади, говоря:

— А вѣдь самый полезный для меня человекъ въ Пьерфонѣ! настоящій сундукъ. А мнѣ того только и надо; мысль-то у меня есть у самого.

Мы не станемъ надѣдать читателямъ прозаическими подробностями путешествія д'Артаньяна, который прибылъ въ Пьерфонъ на третій день утромъ. Онъ шелъ черезъ Нантѣль-ле-Годуанъ и Крепи и видѣлъ издали замокъ Людовика Орлеанскаго, который, ставъ государственнымъ имуществомъ, находился въ завѣдываніи стараго смотрителя. Это былъ одинъ изъ чудесныхъ остатковъ среднихъ вѣковъ, со стѣнами въ двадцать футовъ толщины, съ башнями во сто футовъ вышины.

д'Артаньянъ объѣхалъ стѣны, измѣрилъ глазами вышину башенъ, и спустился въ долину. Вдали видѣлъ онъ замокъ Портеса, расположенный на берегу большаго пруда, близь великолѣпнаго лѣсу. Первое, что замѣтилъ д'Артаньянъ послѣ роскошныхъ деревьевъ и майскаго солнца, золотившаго зеленые холмы, былъ огромный ящикъ на колесахъ, который тащили

двое лакеевъ, а двое другіе пихали сзади. Въ этомъ ящикѣ была какая-то зеленая съ золотомъ масса. Издали эта масса не имѣла ни какихъ опредѣленныхъ формъ, и ни на что не была похожа; ближе, она являлась бочкою, обитою зеленымъ сукномъ съ галунами; еще ближе, человѣкомъ, котораго нижніе оконечности расплылись въ ящикъ и наполняли его; еще ближе, это оказывался Мускетонъ, бѣловолосый и краснолицый, какъ Полишинель.

— Ахъ! прости Господи, вскричалъ д'Артаньянъ; это ты, любезный Мускетонъ?

— Ахъ!... вскричалъ толстякъ, какое счастье, какая радость! мосьё д'Артаньянъ!... Стойте же, канальи!

Последнія слова обращались къ лакеямъ, шедшимъ въ тѣгѣ. Ящикъ останоился, а лакеи, съ волею выправкой спали шпаны и выткнулись за ящикомъ.

— О, мосьё д'Артаньянъ, сказалъ Мускетонъ, еслибъ могъ, я обнялъ бы ваши ноги! Но я, какъ видите, не могу тронуться съ мѣста.

— Что дѣлать, любезный Мускетонъ, старость!

— Нѣтъ, сударь, не старость, болѣзни и горести!

— Горести! у тебя горести, Мускетонъ! вскричалъ д'Артаньянъ, обходя вокругъ ящика: ты съума сошелъ, любезный? Ты, слава Богу, здоровъ, какъ трехъ-сотъ-лѣтній дубъ.

— Ахъ, сударь, ноги, ноги! простоналъ вѣрный слуга.

— Чтожъ ноги?

— Да вотъ, отказались служить.

— Смотри, пожалуй, какія неблагодарныя! А вѣдь ты ихъ откармливаешь, кажется, на славу.

— Они не могутъ жаловаться на меня въ этомъ отношеніи, отвѣчалъ Мускетонъ, вздыхая: я всегда пекся сколько могъ о своихъ членахъ; я не эгоистъ.

И Мускетонъ еще разъ вздохнулъ.

— Мускетонъ не мѣтитъ ли также въ бароны, что онъ беспрестанно вздыхаетъ? подумалъ д'Артаньянъ.

— Боже мой, сударь, сказалъ Мускетонъ, вырывается изъ грустной думы; какъ обрадуется его сіятельство, когда узнаетъ, что вы вспомнили о немъ!

— Добрый Портосъ, воскликнулъ д'Артаньянъ, съ восторженіемъ жду его, чтобы обнять!

— О, я все непременно напишу ему, сказалъ Мускетонъ, растроганный.

— Напишешь? вскричалъ д'Артаньянъ.

- Сегодня же напишу непремѣнно.
- Развѣ его здѣсь нѣтъ?
- Нѣтъ, сударь.
- Гдѣ же онъ? близко? далеко?
- Не знаю, сударь, не знаю, отвѣчалъ Мускетонъ.
- Чортъ возьми! вскричалъ д'Артаньянъ, топнувъ ногой, надо же быть такой неудачѣ! Портосъ, такой домохозяин!
- Да, сударь, другаго такого домохозяина не сыскать, какъ его сѣятельство; но....
- Но что же?
- Когда другъ зоветъ....
- Другъ!
- Да, сударь, другъ; почтенный господинъ д'Эрблѣ.
- Такъ это Аранисъ отозвалъ Портоса?
- Вотъ, сударь, какъ все было: господинъ д'Эрблѣ написалъ къ его сѣятельству письмо....
- Въ самомъ дѣлѣ?
- Точно, сударь, письмо, и такое настоятельное, что оно у насъ все перевернуло вверхъ дномъ.
- Расскажи-ко мнѣ все, любезный, сказалъ д'Артаньянъ, по сличала отиравъ этихъ молодцовъ по дальше.
- Убирайтесь, вы, ротозѣи, крикнулъ Мускетонъ съ такою силой, что, казалось, ему стоило дунуть, чтобъ снести всѣхъ четверыхъ съ мѣста. д'Артаньянъ сѣлъ на передокъ тележки и сталъ слушать.
- И такъ, сударь, сказалъ Мускетонъ, его сѣятельство получилъ письмо отъ господина генераль-викарія д'Эрблѣ, тому назадъ дней осемь или девять; такъ точно — это было въ день — сельскихъ удовольствій; следовательно въ среду.
- Какъ, въ день сельскихъ удовольствій, спросилъ д'Артаньянъ, что это значитъ?
- Вотъ видите, сударь, въ нашемъ чудномъ краѣ, столько представляется намъ наслажденій, что мы принуждены были распредѣлять ихъ по днямъ.
- Сейчасъ видѣвъ Портосъ съ своею страстью къ порядку. Мнѣ такая мысль ни какъ бы не вспала на умъ! Правда что у меня длинныхъ наслажденій нѣтъ. Ну, какъ же вы ихъ распредѣлили?
- Долго будетъ рассказывать, сударь.
- Ну, не бѣда; сѣшнито намъ пезачѣмъ, ты же, любезный Мускетонъ, такъ хорошо говоришь, что любо слушать.

— Правда, сказалъ Мускетонъ, явно обрадованный отдавшею ему справедливостью: правда, что я много усовершенствовался, бесѣдуя съ его сіятельствомъ.

— А я вѣдь жду распредѣленій удовольствій, перебилъ д'Артаньянъ, и съ нетерпѣніемъ; я хочу знать, въ хорошей ли день попалъ.

— О, сударь, съ тѣхъ-поръ какъ его сіятельство уѣхали, всѣ удовольствія исчезли! отвѣчалъ Мускетонъ плаксиво.

— Все равно, любезный Мускетонъ, буди свои воспоминанія.

— Съ какого дня прикажете начать?

— Да съ какого хочешь; ну, хоть съ воскресенья; это день Господень.

— Съ воскресенья, сударь?

— Ну, да, съ воскресенья.

— Воскресенье; день религіозныхъ занятій; его сіятельство изволятъ ходить къ обѣднѣ, кушаютъ освященный хлѣбъ, слушаютъ проповѣди и наставленія своего капеллана. Мы ждемъ изъ Парижа кармелита, который будетъ служить обѣдню въ часовнѣ, и, говорятъ, славно проповѣдуетъ. И такъ воскресенье день религіозныхъ занятій. Въ понедѣльникъ — удовольствія.

— Что же ты разумѣешь подъ удовольствіями, любезный Мускетонъ? объясни мнѣ.

— Въ понедѣльникъ, сударь, мы выѣзжаемъ; принимаемъ гостей, ходимъ въ гости, играемъ на лютнѣ, танцуемъ, играемъ въ ромы, въ фанты, немножко воскуриваемъ свѣчій прекрасному полу.

— Вотъ, что мило; да это просто очарованіе! сказалъ д'Артаньянъ, едва удерживаясь отъ хохоту.

— Во вторникъ, ученія удовольствія.

— Что же это такое? рассказывай по-подробнѣе, любезный Мускетонъ.

— Его сіятельство купилъ глобусъ, который я вамъ потомъ покажу; онъ занимаетъ почти все пространство большой башни, за исключеніемъ галерей, построенной надъ нимъ; на ниточкахъ и проволокахъ висятъ солнце, луна, звѣзды. Все это вертится; чудесная вещь! Его сіятельство показываетъ мнѣ моря и далекіе края; и мы даемъ себѣ слово никогда туда не ѣздить. Это чрезвычайно занимательно.

— Презанимательно, въ самомъ дѣлѣ, повторилъ д'Артаньянъ. Ну, а въ среду?

— Въ среду, какъ я уже имѣлъ честь сказывать вамъ, сель-

скія удовольствія; мы смотримъ стада его сѣтельства; смотримъ пляски пастушекъ подъ звуки свирѣлей и рожковъ, какъ писано о томъ въ одной книгѣ, которая находится въ нашей библіотекѣ: «Пастушескія стихотворенія». Авторъ этой книги умеръ тому назадъ съ мѣсяць.

— Раковъ, что ли?

— Именно Раковъ. Потомъ мы удимъ рыбу въ канавкѣ, и объедемъ въ цвѣточныхъ вѣнкахъ. Вотъ на среду.

— Богата середка, нечего сказать. Что же останется послѣ того бѣдному четвергу.

— И четвергъ, сударь, не можетъ жаловаться, отвѣчалъ Мускетонъ, улыбаясь. Въ четвергъ олимпійскія удовольствія. Это, сударь, чудо! Сходятся все молодые крестьяне его сѣтельства, играютъ въ свайку, борются, бѣгаютъ. Его сѣтельство уже не можетъ бѣгать, но въ свайку онъ играетъ, какъ ни кому не сыграть. А когда даетъ онъ кулака, такъ только держись! Просто бѣда.

— Какъ, бѣда?

— Да такъ же, что пришлось отмѣнить кулачный бой; разобьютъ, бывало, голову, скулы, грудь.... Игра была славная, но ужъ никто не хотѣлъ съ нимъ драться.

— Слѣдовательно, у него кулакъ....

— Крѣпче, чѣмъ когда-либо. Ноги у него стали чувствительно слабѣть; онъ и самъ сознается; за то вся сила уходитъ въ руки, такъ что....

— Что онъ можетъ по-прежнему убить до смерти быка?

— И не то еще, сударь; стѣны проламываетъ. Намедни онъ объедалъ у одного изъ своихъ фермеровъ, — вамъ извѣстно что онъ добрый, пріятливый господинъ, — вотъ, послѣ ужина, и предложилъ, такъ, шутки ради, попробовать свой кулакъ на стѣнѣ. Чтожъ вы думаете? стѣна осѣлась, потолокъ обрушился; убило троихъ мужчинъ и старуху.

— Славно, Мускетонъ, а твой господинъ?

— Немножко голову оцарапало; мы приложили примочку, что у монахинь. А кулаку ничего.

— Ничего?

— Ровно ничего.

— Вотъ каковы олимпійскія удовольствія; дорого, я думаю, обходятся? вѣдь вдовъ и сиротъ....

— Имъ даютъ пенсію; одна десятая доходовъ его сѣтельства опредѣлена на это.

— Что же въ пятницу? спросилъ д'Артаньянъ.

— Въ пятницу благородныя воинскія удовольствія; охота, сехтованіе, обученіе соколовъ, обвязжаніе лошадей. Наконецъ в субботу, умственныя удовольствія, обогащаются умъ, смотрят картины и статуи ево сіятельства, — сами ценятся и составляютъ планы, наливъ изъ пушекъ.

— Составляете планы, наливъ изъ пушекъ....

— Точно такъ, сударь.

— Другъ мой, сказалъ д'Артаньянъ, баринъ твой преуспѣлъ! прелюбезный человѣкъ, но мнѣ кажется, что вы забыли одинъ родъ удовольствій.

— Какой, сударь? спросилъ Мускетонъ, съ безпокойствомъ.

— Матеріальныя удовольствія.

Мускетонъ покраснѣлъ.

— Что вы подъ этимъ разумѣете, сударь? спросилъ онъ шутливымъ глазомъ.

— Столъ, хорошее вино, бесѣду за бутылкою.

— Эти удовольствія, сударь, не въ счетъ; они распределены на каждый день.

— Любезный Мускетонъ, извини; но я такъ увлекся твоимъ занимательнымъ рассказомъ, что забылъ главный предметъ нашего разговору, именно, что генералъ-викарій д'Эрблѣ писалъ къ твоему барину?

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Мускетонъ: удовольствія совершенно отмакли насъ. Вотъ, сударь, въ чемъ все дѣло.

— Слушаю, любезный Мускетонъ.

— Въ среду....

— Въ день сельскихъ удовольствій?

— Именно. Пришло письмо; я подаю его; я узнаю руку.

— И что же?

— Баринъ читаетъ и говоритъ: «Поскорѣе, лошадей! оружіе!»

— Боже милостивый! сказалъ д'Артаньянъ: не дуэль ли?

покажу; онъ, сударь, въ письмѣ было написано только: «Любезна исключеніемъ скорѣе въ путь, если хочешь быть у меня прежде проволока въ. Жду тебя.»

чудесная вещь! Его сказалъ д'Артаньянъ, задумавшись: видно къ краю; и мы даемъ себѣ занимательно.

образомъ, продолжалъ Мускетонъ, баринъ

— Презанимательно, идетъ съ своимъ секретаремъ, чтобы по-Ну, а въ среду?

— Въ среду, какъ я уже.

— Надѣюсь. Его сіятельство, какъ вамъ извѣстно, горячъ; онъ въ время твердилъ: «Фортъ возьми! это еще что за чучело, равенствіе? Все-равно; на лихомъ конѣ паде ему ѣхать, чтобы ѣхать прежде меня.»

— И ты думаешь, что Портосъ пріѣхалъ первый? спросилъ Артаньянъ.

— Нѣтъ сомнѣнія. Какъ ни богатъ этотъ равенствіе, у него, навѣрное, нѣтъ такихъ лошадей какъ у моего барина!

Если д'Артаньянъ не раскохотался, то потому только, что его много беспокоилъ лаконизмъ письма Арамиса. Онъ послѣдовалъ за Мускетомъ или, точнѣе, за его телѣжкой въ домъ и сѣлъ за роскошный столъ; за нимъ ухаживали какъ за царемъ, но онъ ничего не могъ добиться отъ Мускетона. Вѣрный слуга плакалъ и только.

д'Артаньянъ, проведя спокойно ночь на мягкихъ пуховикахъ, призадумался о смыслѣ письма Арамиса; онъ нѣсколько беспокоился объ отношеніи равенствія къ дѣламъ Портоса и ничего не могъ разобрать въ этой путаницѣ, кромѣ того развѣ, что дѣло шло о какой-либо новой любвишкѣ, для которой требовалось, чтобы ночь была равна дню. Наконецъ онъ уѣхалъ изъ Пьерфона, но не безъ грусти; эту четверть часа можно даже причислить къ самымъ тяжелымъ, къ самымъ мрачнымъ часамъ его жизни. Опустивъ голову, вперивъ глаза въ пустоту, онъ отвѣсилъ ноги по бокамъ лошади, и думалъ въ своей туманной душѣ:

— Ни друзей, ни цѣли, ничего! Силы мои изветшали, какъ наша старая дружба! Подходить холодная, неумолимая старость, закутываетъ въ свой похоронный крѣпъ все что сіяло, что благоухало въ моей молодости, беретъ эту легкую пошу за спину, и несетъ со веѣмъ остальнымъ въ бездонную пучину смерти.

Защемило сердце нашему Гасконцу, столь мужественному и бодрому во всѣхъ бѣдствіяхъ жизни; черны показались ему въ это время тучи; земля — толкою и скользкою какъ на кладбищѣ.

— Куда же я ѣду?... подумалъ онъ: зачѣмъ?... одинъ.... одинъ, безъ семейства, безъ друзей.... Ва!

И онъ вонзилъ шпоры въ бока коня, который, плотно поѣвъ овса въ Пьерфонѣ, вовсе не расположенъ былъ къ раздумью и радъ былъ доказать всаднику свое веселое расположеніе духа; проскакавъ двѣ мили галопомъ.

— Въ Парижъ! вскричалъ д'Артаньянъ.

На слѣдующій день онъ явился въ Парижъ.

Это случилось на десятый день его путешествія.

Д'Артаньянъ сошелъ съ лошади передъ одною лавкою, или вытѣскою «Золотой Ступки». Видный мужчина, въ бѣломъ ирландикѣ, гладившій рукою сѣдые усы, какъ только завидѣлъ струю лошадей, радостно вскричалъ:

— Мосьё д'Артаньянъ, вы ли?

— Здорово, Планшэ, отвѣчалъ д'Артаньянъ, сгибаясь, чтобы войти въ лавку.

— Поскорѣе, примите лошадь мосьё д'Артаньяна; приготовьте комнату, подайте ужинъ!

— Спасибо, Планшэ. Здорово ребята, сказалъ д'Артаньянъ сътившимся около него мальчикамъ.

— Позвольте мнѣ только отправить кофе, патоку и изюмъ, сказалъ Планшэ: это все для господина главноуправляющаго.

— Отправляй, отправляй.

— Мигомъ будетъ кончено, а потомъ мы поужинаемъ.

— Да распорядись такъ, чтобы намъ съ тобою ужинать однимъ; мнѣ вужно съ тобою поговорить.

Планшэ бросилъ многозначительный взглядъ на прежняго своего господина.

— О, не бойся! только хорошія вѣсти, сказалъ д'Артаньянъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!

И Планшэ вздохнулъ свободнѣе. Д'Артаньянъ между-тѣмъ преспокойно утѣлся въ лавкѣ на мѣшокъ пробокъ и сталъ знакомиться съ мѣстностью. Лавка была довольно обильно снабжена товарами; запахъ инбирю, корицы и толченаго перцу безпрестанно заставлялъ чихать д'Артаньяна.

Мальчики, обрадованные посѣщенію такого знаменитаго воина, поручика мушкетеровъ, имѣвшаго доступъ къ королю, принялись работать съ рвеніемъ, походившимъ отчасти на сумасшествіе, и свысока смотрѣли на прочихъ покупателей, что весьма оскорбляло многихъ почтенныхъ мѣщанъ.

Планшэ принималъ деньги и рассчитывался, отпуская по временамъ вѣжливое словцо бывшему своему господину. Планшэ объяснялся съ своими покупателями отрывистою, церемонною рѣчью богатаго купца, который каждому готовъ къ услугамъ, но ни въ комъ не нуждается. Д'Артаньянъ съ удовольствіемъ замѣтилъ эту черту. Мало по малу наступила ночь, наконецъ Планшэ повелъ гостя въ особую комнату, въ нижнемъ этажѣ, въ которой среди разныхъ ящиковъ и тюковъ, былъ накрытъ столъ на два прибора.

Д'Артаньянъ воспользовался минутою отдыха, чтобы разсмо-

трѣть лицо Планшѣ, котораго онъ уже не видалъ цѣлый годъ. Умный Планшѣ начиналъ толстѣть въ тѣлѣ, но лицо его ничуть не раздувалось. Глаза также свободно играли какъ и прежде, и жиръ, уравнивающийъ все черты, еще не касался его выпуклыхъ скулъ, признаку хитрости и корыстолюбія, ни его острого подбородка, признаку тонкости и терпѣнія. Планшѣ былъ такъ же величественъ въ своей столовой, какъ и въ лавкѣ. Онъ предложилъ гостю простой, но совершенно парижскій ужинъ; жаркое, изготовленное въ хлѣбной печкѣ, съ зеленью, салатомъ, и десертъ, изъ своей же лавки. Д'Артаньянъ безъ труда согласился на предложеніе Планшѣ, отрыть изъ подъ дровъ старую бутылку его любимаго анжуйскаго вина.

— Во времена оныя, сказалъ Планшѣ съ умною усмѣшкою, я выпивалъ ваше вино; теперь я имѣю счастье пить васъ моимъ виномъ.

— И благодаря Бога, любезный Планшѣ, я долго еще надѣюсь пить у тебя вино, потому что я теперь вольная птица.

— Вы въ отпуску?

— Въ безсрочномъ.

— Какъ, неужели вы вышли въ отставку? спросилъ Планшѣ въ изумленіи.

— Вышелъ въ отставку, на покой.

— А король? спросилъ Планшѣ, не постигая, чтобы король могъ обойтись безъ услугъ такого человѣка, какъ д'Артаньянъ.

— Король пускай ищетъ себѣ другаго.... Но мы поужинали, ты разострелся, и напоминаешь мнѣ о томъ, что я хотѣлъ тебѣ открыть. Слушай же.

— Слушаю.

И Планшѣ, смѣясь болѣе чистосердечно, чѣмъ умно, откупорилъ еще бутылку блага вина.

— Побереги мою голову, братъ.

— Да что жъ, если и вскружится....

— Нѣтъ Планшѣ, теперь голова-то моя, я долженъ ее приберегать. Поговоримъ сначала о финансахъ. Каково поживаютъ наши денежки.

— Слава Богу, сударь. Ваши двадцать тысячъ франковъ обращаются въ моей торговлѣ, и даютъ по девяти процентовъ; я вамъ плачу по семи, слѣдовательно въ барышѣ имѣю по два.

— И ты по прежнему доволенъ?

— И какъ доволенъ! Не привезли-ли еще денегъ?

— Нѣтъ, привезъ вѣчто по-лучше.... А тебѣ нужны?

— Не то, что нужны. Теперь мнѣ всякій готовъ дать свои деньги, только бери. Я намѣренъ расширить свои дѣла.

— Ты всегда это затѣвалъ.

— Занимаюсь отчасти банкирскими дѣлами.... Скупилъ товаръ у нуждающихся собратьевъ, даю деньги займы для расплаты.

— Безъ лихвы.

— О, сударь, я на прошлой недѣлѣ имѣлъ два свиданія на бульварѣ изъ-за этого слова.

— Какъ такъ?

— Да вотъ видите; все вышло изъ-за залогу.... Я далъ денегъ въ займы, тысячу франковъ, подъ залогъ сахарнаго песку, съ тѣмъ чтобы мнѣ продать его въ случаѣ неуплаты долгу въ назначенный срокъ. Должникъ денегъ не заплатилъ, я продалъ песокъ за 1300 франковъ, а онъ давай требовать съ меня трехъ сотъ франковъ. Я разумѣется не согласился; вѣдь могло бы случиться, что я продалъ бы залогъ и за девять сотъ франковъ. Онъ и скажи мнѣ, что я лихоимствую; я его пригласилъ объясниться со мною за бульваромъ; онъ пришелъ какъ старый солдатъ; я ему проткнулъ лѣвую ногу насквозь вашу шпагой.

— Такъ вотъ какъ ты ведешь банкирскія дѣла! чортъ возьми!

— Свыше тринадцати процентовъ, не угодно-ли на шпагахъ? ужъ я таковъ.

— Бери только двѣнадцать, а остальное назови премією или куртажемъ, сказалъ Д'Артаньянъ.

— И то правда! Ну, а ваше-то дѣло?

— Долго будетъ, и трудненько его сказать тебѣ.

— Однако жъ говорите.

Д'Артаньянъ почесалъ усы, будто не рѣшаясь на откровеніе, и не довѣряя своему слушателю.

— Также какой-нибудь денежный оборотъ?

— Разумѣется.

— Выгодный?

— Выгодный; четыреста на сто.

Планшѣ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что всѣ бутылки зашлясали.

— Возможно-ли?

— Я думаю, будетъ и болѣе, сказалъ Д'Артаньянъ хладнокровно: да ужъ лучше поменьше общать.

— Чортъ возьми! сказалъ Планшѣ, приближаясь къ нему: да это просто кладъ!... А много можно взнести денегъ?

— По двадцати тысячъ франковъ съ каждаго.

- Это все ваше добро. А на какой срокъ?
- На мѣсяць.
- А получимъ?
- Пятьдесятъ тысячъ франковъ на брата.
- Это кладъ... а крѣпко придется подрагаться за такіе проценты!
- Да, я думаю, подрагаться надо будетъ порядкомъ, отвѣчалъ д'Артаньякъ съ тѣмъ же хладнокровіемъ: но на этотъ разъ, насъ двое; любезный Планшѣ, и я принимаю на себя всѣ удары.
- Нѣтъ, сударь, я не потерплю.
- Ты не можешь, Планшѣ, потому что тебѣ пришлось бы бросить торговлю.
- Дѣло, стало-быть, не въ Парижѣ?
- Нѣтъ.
- За границею?
- Въ Англіи.
- А, въ странѣ спекуляцій, сказалъ Планшѣ; я съ этою страшною знакомъ.... А какого рода дѣло, позвольте спросить?
- Реставрація.
- Какого нибудь памятника?
- Именно; мы намѣрены реставрировать Уайтъ-Галль.
- Это большая работа.... И вы думаете успѣть въ одинъ мѣсяць?...
- Отвѣчаю.
- Ну это ужъ ваше дѣло.... я съ нимъ не хорошо знакомъ....
- Однако жъ мнѣ хотѣлось съ тобою посоветоваться.
- Слишкомъ много чести.... я ничего не смыслю въ архитектурѣ.
- Ошибаешься, Планшѣ.... ты на это дѣло превосходный архитекторъ, не хуже меня.
- Благодарю....
- Признаюсь, я хотѣлъ было предложить это дѣло нѣсколькимъ архитекторамъ, да не засталъ ихъ дома.... жаль, потому что это люди смѣлые и искусные.
- А, такъ, видно, дѣло не обойдется безъ опоры, и даже жаркаго?
- Разумѣется, безъ того нельзя....
- Желалъ бы я узнать подробности.
- Вотъ тебѣ подробности, Планшѣ, но запри сначала всѣ двери.
- Планшѣ заперъ двери на два оборота ключа.

— Хорошо; теперь подвинься ко мнѣ.

Планшѣ подвинулся.

— Теперь отвори окно, чтобы уличный шумъ оглушалъ всѣхъ, кто бы могъ насъ подслушать.

Планшѣ отворилъ окно, и шорохъ шаговъ, скрипъ колесъ, лай, крики, наполнивъ комнату, оглушили самого д'Артастьяна, какъ онъ самъ желалъ. Тогда онъ выпилъ рюмку блага вина, и началъ слѣдующимъ образомъ:

— Мнѣ пришла мысль, Планшѣ.

— Это ужъ по вашему; вамъ всегда приходятъ всякія мысли, отвѣчалъ лавочникъ, дрожа отъ любопытства и напряженія

Послѣ молчанія, которымъ д'Артастьянъ воспользовался, думая то чтобы собраться не съ одною мыслью, а со всѣми своими мыслями, онъ началъ:

— Ты вѣроятно слыжалъ, любезный Планшѣ, о его величествѣ; Карлъ-Первомъ, королѣ англійскомъ.

— Какъ не слыжать, сударь? Я помню какъ вы покинули Францію, чтобы идти къ нему на помощь; какъ онъ, не смотря на вашу помощь, палъ, и едва васъ не погубилъ вмѣстѣ съ собою.

— Такъ точно, Планшѣ; я вижу, что у тебя хорошая память.

— Ну, ужъ, какая бы память ни была, а забыть этого нельзя. Кто слыжалъ отъ Гримѣ,— вы знаете, что онъ неохотникъ рассказывать,— но кто слыжалъ отъ него, какъ скатилась голова короля Карла, какъ вы цѣлыя полночи плыли на набитомъ порохомъ кораблѣ, какъ бѣдный Мордоунтъ возвратился на поверхность воды съ золотымъ кивчаломъ въ груди; тотъ этого вѣкъ не забудетъ.

— Есть однако жъ люди, которые забываютъ, Планшѣ.

— Да, тѣ, которые сами не видали, и не слыжали, какъ все это рассказываетъ Гримѣ.

— Гѣмъ лучше, впрочемъ, если ты все это помнишь; мнѣ не нужно будетъ тебѣ рассказывать; напомнимъ только, что у короля Карла-Перваго былъ сынъ.

— И даже два, сударь, съ позволенія вашего, сказалъ Планшѣ; я видѣлъ втораго его сына въ Парижѣ, того, что называютъ герцогомъ Юркскимъ; онъ шелъ въ Палерояль, и меня уверяли, что это второй сынъ короля Карла-Перваго. Старшаго я ниѣю честь знать только по имени, а никогда даже не видѣлъ въ лицо.

— О немъ-то и идетъ рѣчь, Планшѣ; о старшемъ сынѣ, ко-

терый прежде назывался принцем Валлисскимъ, и теперь называется Карломъ-Вторымъ, королемъ Англійскимъ.

— Король безъ королевства, важно замѣтилъ Планшѣ.

— Такъ, Планшѣ, и можешь прибавить, несчаствѣйшій изъ государей, потому что онъ несчаствѣе послѣдняго простолюдина изъ самаго бѣднаго квартала въ Парижѣ.

Планшѣ сдѣлалъ рукою знакъ презрительной жалости, какого обыкновенно удостоиваютъ иностранцевъ, которые кажутся слишкомъ ничтожными, чтобы возможно было какини-нибудь судьбами прийти съ ними въ соприкосновеніе. Притомъ, онъ еще не видѣлъ политико-сантиментальной затѣи д'Артаньяна, ни его торговой цѣли, а эта торговая цѣль одна занимала его. Д'Артаньянъ, хорошо понимавшій людей и вещи, понялъ Планшѣ.

— Сейчасъ прийдемъ къ цѣли, сказалъ онъ. Этотъ голый принцъ Валлисскій, король безъ королевства, какъ ты его очень удачно называлъ, интересуеть меня. Я, д'Артаньянъ, былъ свидѣтелемъ, какъ онъ вымаливалъ помощи у скряги Мазарина, и у ребенка Людовика; и мнѣ показалось, что въ этомъ умномъ взглядѣ сверженнаго короля, въ этомъ благородствѣ, не подавленномъ его многолѣтнею нищетой, есть изъ чего скронтъ благороднаго чловѣка и короля.

Планшѣ безмолвно одобрилъ мнѣніе собесѣдника; все это, однакоже, въ глазахъ его, не объясняло мысли д'Артаньяна, который продолжалъ:

— Вотъ какъ я рассуждалъ про себя. Слушай со вниманіемъ, Планшѣ, мы приходимъ къ заключенію.

— Слушаю.

— Королей не такъ много посѣяно на землѣ, чтобы народу стоило только протянуть руку и взять любаго. А этотъ король безъ королевства, мнѣ кажется, отборное сѣмя, которое должно въ свое время процвѣсть, только бы смышленная и крѣпкая рука носѣяла ее какъ слѣдуетъ, на хорошей почвѣ и при благопріятной погодѣ.

Планшѣ на все кивалъ головою, что доказывало, что онъ еще ровно ничего не понималъ.

— Бѣдное ты мое царское сѣмячко, подумалъ я про себя, и чувствовалъ себя растроганнымъ, Планшѣ, изъ чего заключилъ, что затѣваю глупость. Поэтому я и пришелъ посоветоваться съ тобою.

Планшѣ покраснѣлъ отъ самодовольствія.

— Бѣдное мое царское сѣмичко! подберу я тебя и посажу въ хорошую землю.

— Боже милостивый! воскликнулъ Пляшнѣ въпервъ глаза на своего бывшаго господина, будто сомнѣваясь въ здоровомъ состоянн его разсудка.

— Что тебя смущаетъ? спросилъ д'Артаньянъ.

— Меня? ничего.

— Что же значило твое восклицанн, Боже милостивый?

— Развѣ я это говорилъ?

— Разумѣется, или ты начинаешь уже смеяться, въ чемъ дѣло?

— Признаюсь, господинъ д'Артаньянъ; я боюсь....

— Понять?

— Да.

— Понять, что я хочу возвести на престолъ Карла-Второго, короля безъ королевства? такъ, что ли?

Пляшнѣ вспрыгнулъ на стулъ.

— А! сказалъ онъ, съ трудомъ онемаясь; такъ вотъ что вы называете реставраціею!

— Именно, Пляшнѣ, да развѣ оно не такъ называется?

— Такъ, дѣйствительно. Но обдумали ли вы хорошенько?

— Что?

— Что встрѣтите тамъ.

— Гдѣ?

— Въ Англіи.

— А что же я тамъ встрѣчу, Пляшнѣ?

— Во-первыхъ, прошу извинить, сударь, если я пускаюсь въ эти предметы, которые не по моей торговлѣ, но какъ это оборотъ, который вы предлагаете мнѣ... вѣдь вы мнѣ предлагаете денежный оборотъ, не такъ ли?

— И какой еще оборотъ, Пляшнѣ!

— И такъ, если вы мнѣ предлагаете оборотъ, то я вѣрю право разсуждать о немъ.

— Разсуждай, Пляшнѣ; изъ разсужденн рондается снѣть.

— И такъ, съ вашего позволенн, я скажу вамъ по-первыкъ, что въ Англіи есть парламентъ.

— Далѣе?

— И армія.

— Хорошо; еще что есть?

— Есть народъ.

— И все тутъ?

— Народъ, который согласился на низверженіе и смерть покойнаго короля, отца нынѣшняго, и не захочетъ отречься отъ собственныхъ дѣйствій.

— Планшѣ, любезный другъ, сказалъ д'Артаньянъ, ты судишь какъ баба! Народъ.... будто народъ когда-нибудь знаетъ, что дѣлаетъ? Вспомни самъ Фронду. Зналъ ли народъ, чего хотѣлъ? славное время!

— Ну, славное не славное; меня чуть было не повѣсили!

— Чуть было! да не повѣсилъ же?

— Нѣтъ.

— А развѣ не среди Фронды родилось твоё богатство?

— Правда.

— Болѣе тебя нечего и возражать?

— Постойте! а парламентъ? а армія?

— Я тебя говорилъ, что я занимаю у тебя двадцать тысячъ франковъ, и самъ кладу столько же; на эти сорокъ тысячъ франковъ я наберу армію.

Планшѣ скрестилъ руки, д'Артаньянъ не шутилъ; не было сомнѣнія, что онъ не въ своемъ умѣ.

— Армію?... помилуйте, сударь, сказалъ онъ съ самою любезною улыбкой, чтобы не разгнѣвать сумасшедшаго и не привести его въ бѣшенство. Армію.... во сколько человѣкъ?

— Въ сорокъ человѣкъ, отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Сорокъ человѣкъ, чтобъ идти на сорокъ-тысячъ; этого маловато. Вы одинъ, гоеводина д'Артаньянъ, состоите за тысячу человѣкъ, знаю; но гдѣ же вы наберете еще тридцать девять человѣкъ вамъ на плечу? а если наберете, откуда возьмете деньги, чтобы платить имъ?

— Славно, Паридъ.... Чортъ наберетъ, да ты и лѣстать улылся.

— Нѣтъ, я говорю, что думаю, а потому и говорю, что при первомъ правильномъ сраженіи, которое вы дадите съ своею армією изъ сорока человѣкъ...

— Да какой же чортъ позанетъ меня давать сраженіе, любезный Планшѣ? возразилъ Гасконецъ, разколотавшись. Довольно примѣровъ въ исторіи, отступленій и искусныхъ маневровъ, да побѣдилъ встрѣчи съ многочислѣннѣйшимъ непріателемъ. Ты самъ долженъ знать это; вѣдь былъ же ты командиромъ Парижанъ въ тотъ день, какъ имъ слѣдовало драться съ мушкетерами, и такъ хорошо рассчиталъ марши и контрмарши, что не сходилъ съ королевской площади.

Планшѣ захохоталъ.

— Разумѣется, сказалъ онъ, если ваши сорокъ человѣкъ будутъ умѣть ловко уходить отъ непріятеля, они не будутъ разбиты; но вѣдь вы имѣете же въ виду какой-нибудь результатъ?

— Безъ сомнѣнія. Вотъ тебѣ планъ, по которому я надѣюсь въ самое короткое время возвратить престолъ Карлу Второму.

— Послушаемъ, сказалъ Планшѣ, удвоивъ вниманіе; посмотримъ, что это за планъ. Но сначала мы забыли другое обстоятельство.

— Какое?

— Мы устранили народъ и армию, отказавшись отъ сраженія; остается парламентъ, который до пѣсенъ не охотникъ.

— И не охотникъ до сраженій. Ахъ ты, Планшѣ, умная голова, а заботишься объ этихъ враляхъ! Я и знать не хочу парламента!

— Если вы ихъ знать не хотите, такъ оставимъ ихъ въ покоѣ.

— И перейдемъ скорѣе къ результату. Помнишь ты Кромвеля, Планшѣ?

— Слыхалъ.

— Лихой былъ рубака.

— И лихой объѣдала.

— Какъ такъ?

— Да, говорятъ, онъ въ одинъ глотокъ съѣлъ Англію.

— Ну, а если бы наканунѣ того дня, какъ онъ съѣлъ Англію, кто-нибудь съѣлъ Кромвеля?..

— О, сударь, разумѣется, содержащее больше содержимаго: это математическая аксіома.

— Такъ вотъ и дѣло въ шляпѣ, любезный Планшѣ!

— Да вѣдь Кромвель умеръ, и его теперь содержатъ въ себѣ ногла.

— Мнѣ очень пріятно видѣть, любезный другъ, что ты не только сталъ лихимъ математикомъ, но и славнымъ философомъ.

— Не мудрено, сударь; въ овоенной торговлѣ у насъ употребляется много печатной бумаги; по неволѣ кой-чего наберешься.

— Молодецъ! Зная математику и философію, какъ же знать немножко исторіи; а знаешь исторію — знаешь, что вслѣдъ за великимъ Кромвелемъ былъ крошечный Кромвельчикъ.

— Знаю: Ричардъ, тотъ, что подобно вамъ вышелъ въ отставку.

— Хорошо; и такъ послѣ большаго Кромвеля, что умеръ, послѣ маленькаго, что вышелъ въ отставку, явился третій; этотъ называется Монкомъ; онъ пренкусный полководецъ, потому что никогда не сражался; пренкусный дипломатъ, потому что никогда не говоритъ, а когда хочетъ человѣку сказать добраго утра, раздумываетъ спачала полсутки, да и скажетъ доброй ночи; а добрый людъ и ну дивится его премудрости, что такъ мѣтко угадалъ.

— Мудрено, нечего сказать, отвѣчалъ Планшѣ; знаю и я политика въ такомъ же родѣ.

— Не Мазарина ли?

— Онъ самъ.

— Ты правъ, Планшѣ; только Мазаринъ не гонится за французскимъ престоломъ; поэтому тутъ совѣтъ другое дѣло! Такъ видишь, этотъ Монкъ уже открываетъ ротъ, чтобы проглотить Англію, которая лежитъ изжаренная передъ нимъ на тарелкѣ; и говорить онъ друзьямъ Карла-Второго и самому Карлу-Второму: *Nescio vos...*

— Я по-англійски не знаю, сказалъ Планшѣ.

— Но я знаю; *Nescio vos* значить: я васъ знать не знаю. И такъ, этотъ Монкъ будетъ самымъ важнымъ человѣкомъ въ Англіи, когда ее проглотитъ.

— Ну такъ что же?

— Ну, а если я отправлюсь туда съ своими сорока человѣками, да схвачу его, скручу, и перевезу во Францію; вѣдь тогда я могу пользоваться имъ двойнымъ средствомъ, только выбирай!

— Въ самомъ дѣлѣ, вскричалъ Планшѣ въ порывѣ восторгу. Во первыхъ, можно посадить его въ кѣтку, и показывать за деньги.

— Это, братецъ, ужъ третье средство, которое мнѣ и въ голову не приходило.

— А можетъ оно пригодится, какъ вы думаете?

— Пожалуй; только мой лучше.

— Давайте же ихъ сюда.

— Во-первыхъ, взять съ него выкупъ.

— Сколько?

— Ну, за такого молодца не грѣхъ взять и триста тысячъ франковъ.

— Разумѣется.

— И такъ, во-первыхъ, взять съ него триста тысячъ выкупу.

Т. LXXXVI. — Отд. VII.

— Или....

— Или еще лучше, отдать его Карлу, который, избавившись отъ страшнаго генерала и дипломата, тотчасъ возвратитъ себѣ престолъ, а потомъ охотно заплатитъ мнѣ тѣ же триста тысячъ. Вотъ моя мысль, Планшѣ; что скажешь?

— Превосходно, чудесно! воскликнулъ Планшѣ, дрожа отъ восторгу. Какъ-то она могла прійти вамъ въ голову?

— Она мнѣ вспала на умъ въ одно прекрасное утро, на берегу Лоары, пока нашъ возлюбленный король Людовикъ Пятнадцатый хныкалъ гуляя съ Маріей Манчини.

— Мысль ваша чудесна, вѣтъ спору, но....

— Опять но!

— Позвольте; она вѣдь похожа на ту медвѣжью шкуру, что одинъ плутъ продавалъ, предоставляя покупщику поймать медвѣдъ. Взять Монка не шутка.

— Знаю, но на что жъ у меня будетъ армія?

— А! понимаю; похитить его! О, въ такомъ случаѣ успѣхъ неперемѣнный; никто не сравнится съ вами въ подобныхъ дѣлахъ.

— Да, мнѣ въ нихъ была всегда удача, сказалъ д'Артаньянъ съ благороднымъ простодушіемъ; если бы при мнѣ были мой шріатель Атосъ, храбрый Портосъ и хитрый Арамисъ, дѣло можно было бы считать сдѣланнымъ; но они всѣ трое пропали, и гдѣ ихъ не отыщешь; прійдется мнѣ идти одному. Что же, дѣло надежное? оборотъ выгоденъ?

— Слишкомъ выгоденъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ же, что слишкомъ богатая надежда никогда не сбывается.

— Непремѣнно сбудется, Планшѣ, а доказательство то, что я беруся за дѣло. Для тебя будетъ славная пожизна, а для меня чудесный подвигъ. Станутъ говорить: вотъ каковъ былъ на старости лѣтъ д'Артаньянъ! Имя мое сохранится въ сказкахъ и даже въ исторіи; а противъ славы, Планшѣ, я не устою.

— Послушайте, господинъ д'Артаньянъ, когда я подумую, что это исполненное предпріятіе созрѣваетъ здѣсь, у меня, въ моей лавкѣ, среди моей корицы, черносливу, и прочаго, лавка моя является мнѣ дворцомъ.

— Берегись, Планшѣ, разнесись только объ этомъ слухъ, и обонихъ нашъ упрячутъ въ Бастилію; берегись! Монкъ софизмъ Мазарина; будь же остороженъ!

— Кто имѣлъ честь служить у васъ, не знаетъ страху; а кто имѣетъ счастье участвовать съ вами въ одномъ дѣлѣ, съумѣетъ промолчать.

— Хорошо, это для тебя еще важнѣе, чѣмъ для меня; потому что черезъ недѣлю я буду въ Англію.

— Побѣждайте, побѣждайте; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— А деньги готовы?

— Завтра будутъ готовы; получите ихъ отъ меня самого. Желаете золотомъ или серебромъ?

— Золото удобнѣе; но какъ же мы это уладимъ.

— Да просто, безъ всякихъ хлопотъ; вы дадите мнѣ расписку.

— Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ д'Артаньянъ, дѣла любятъ порядокъ.

— Я тоже думаю.... но съ вами, господинъ д'Артаньянъ....

— А если я тамъ умру; если меня хватитъ пуля, или я око-
лѣю отъ стакана пива?

— О, сударь, повѣрьте, ваша смерть такъ огорчитъ меня, что мнѣ будетъ уже не до денегъ.

— Спасибо, любезный Планшѣ; а всё-таки не мѣшаетъ принять мѣры. Мы сочинимъ двоемъ условіе, актъ товарищества.

— Пожалуй.

— Знаю, что они какъ-то мудрено пишутся, да попытаемся.

— Попробуемъ.

Планшѣ принесъ перо, чернила и бумагу.

д'Артаньянъ взялъ перо, обмокнулъ и написалъ:

«Мы, мессиръ д'Артаньянъ, отставной поручикъ королевскихъ мушкетеровъ, жительствующій нынѣ въ Тиктонской улицѣ, въ гостиницѣ «Козочки», и Планшѣ, овощенный торговецъ, въ Ломбардской улицѣ, подъ вывѣскою «Золотой Ступки», заключили слѣдующее условіе:

«Мы учреждаемъ общество съ капиталомъ въ сорокъ тысячъ франковъ для приведенія исполненія мысли предложенной мною д'Артаньяномъ.

«Я, Планшѣ, зная эту мысль и одобряя ее во всѣхъ пунктахъ, обязываюсь вручить господину д'Артаньяну двадцать тысячъ франковъ и не требовать ни возвращенія этой суммы, ни уплаты процентовъ до возвращенія изъ предпринимаемаго нынѣ, д'Артаньяномъ, путешествія въ Англію.

«Я, д'Артаньянъ, употреблю эту сумму въ сорокъ тысячъ франковъ какъ разсужу полезнѣе, обязываюсь однако жъ исполнить слѣдующее условіе:

«Какъ-скоро я, д'Артаньянъ, возстановлю на престолѣ англій-

скомъ его величество короля Карла-Второго, я долженъ выдать господину Планшѣ сумму въ.....»

— Полтораста тысячъ, простодушно сказалъ Планшѣ, видя, что д'Артаньянъ вдругъ остановился.

— Нѣтъ, чортъ возьми! возразилъ д'Артаньянъ: дѣлать пополамъ несправедливо!

— Однако жъ, вѣдь мы вкладываемъ по ровну, боязливо замѣтилъ Планшѣ.

— Она такъ, любезный Планшѣ, но выслушай оговорку, и если она тебѣ покажется несправедливою, то мы ее вымараемъ.

Д'Артаньянъ написалъ.

«Однако жъ, такъ какъ господинъ д'Артаньянъ участвуетъ въ предпріятіи кромѣ капитала въ двадцать тысячъ франковъ, еще мыслью, временемъ, трудомъ и своею наследственной шкурою, каковыя предметы, въ-особенности послѣдній, онъ высоко цѣнитъ, то онъ изъ трехъ сотъ тысячъ удержитъ двѣсти тысячъ, то есть, доля его будетъ составлять двѣ трети всей суммы.»

— Превосходно, сказалъ Планшѣ.

— Вѣдь справедливо? спросилъ д'Артаньянъ.

— Совершенно справедливо.

— И ты будешь доволенъ своею третью?

— Еще бы не быть довольнымъ? Сто тысячъ на двадцать!

— И въ одинъ мѣсяцъ, не забудь.

— Какъ, въ одинъ мѣсяцъ?

— Я болѣе мѣсяца не требую.

— Я вамъ даю полтора, великодушно сказалъ Планшѣ.

— Благодарю, сказалъ мушкетеръ.

Затѣмъ товарищи перечитали условіе.

— Превосходно, сударь, самъ господинъ Кокнаръ, первый мужъ баронессы де-Валлонъ, не написалъ бы лучше.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ подпишемъ.

И оба подписались.

— Такимъ образомъ, я никому ничѣмъ не обязанъ, сказалъ д'Артаньянъ.

— Но я вамъ буду обязанъ, сказалъ Планшѣ.

— Нѣтъ, потому что какъ мнѣ ни дорога моя шкура, я могу ее оставить тамъ, и тогда ты всего лишаешься. Кстати, и забылъ еще весьма важную оговорку, надо ее написать.

«Въ случаѣ если я, д'Артаньянъ, погибну въ предпріятіи, долгъ мой торговцу Планшѣ уничтожается, и онъ, Планшѣ, дастъ мнѣ

впередъ на такой случай квитанцію, въ двадцать тысячъ франковъ внесенныхъ имъ въ кассу товарищества».

Эта оговорка нахмурила нѣсколько лицо Планшѣ, но взглянувъ на блестящіе глаза, жилистую руку, гибкій крѣпкій станъ своего товарища, онъ ободрился и твердою рукою приложилъ свою подпись. Тоже сдѣлалъ съ нимъ и д'Артаньянъ.

— Теперь, сказалъ Планшѣ, наливая д'Артаньяну еще стаканъ вина, теперь, любезный господинъ д'Артаньянъ, ступайте спать.

— Нѣтъ, вскричалъ д'Артаньянъ, еще остается самое трудное, о чемъ я и хочу подумать.

— Ба! отвѣчалъ Планшѣ, я такъ твердо полагаюсь на васъ, господинъ д'Артаньянъ, что не отдамъ своихъ ста тысячъ за девяносто наличными.

— И чортъ меня поберетъ, я думаю, что ты правъ, сказалъ д'Артаньянъ.

Затѣмъ д'Артаньянъ взялъ свѣчу, отправился въ свою комнату и легъ спать.

д'Артаньянъ строилъ такіа прекрасныя грезы въ продолженіе цѣлой ночи, что планъ его къ утру окончательно созрѣлъ.

— Рѣшено! сказалъ онъ, садясь на край постели, опершись локтемъ на колѣно и положивъ подбородокъ на ладонь: рѣшено! Я наберу изъ своихъ рекрутовъ сорокъ человекъ надежныхъ и отважныхъ, которые хоть и потерпѣли кой-какія неудачи въ жизни, однако при всемъ томъ люди привыкшіе къ дисциплинѣ. За пять сотъ ливровъ жалованья въ мѣсяцъ они будутъ согласны воротиться; если же не воротятся, не получатъ ровно ничего, или ихъ наследники получаютъ половину. Что касается до пищи и помѣщенія,—это дѣло Англичанъ; у нихъ довольно быковъ на паствѣ, куръ въ курятникахъ и хлѣба въ житницахъ. Я представляюсь генералу Монку съ моимъ войскомъ; онъ, безъ сомнѣнія, приметъ меня; я воспользуюсь, съизу его довѣріе, и употреблю его во зло какъ можно скорѣе.

Но тутъ д'Артаньянъ остановился, опустилъ голову и сказалъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ, я не посмѣю рассказать этого Атосу; такое средство не совсѣмъ честное. Надо употребить силу, продолжалъ онъ: надо непременно, и не принимать на себя ни какихъ обязательствъ вѣрности. Имѣя подъ рукою сорокъ человекъ, я могу дѣйствовать, какъ партизанъ. Да, но если я встрѣчу не сорокъ тысячъ Англичанъ, какъ говорилъ Планшѣ, а просто на просто четыреста: буду разбитъ,—разумѣется, если въ числѣ моихъ со-

рока войновъ найдется по-крайней мѣрѣ десятокъ негодяевъ, десятокъ трусовъ, которые по глупости позволятъ убитъ себя. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ невозможно найти сорокъ человекъ надежныхъ; надо удовольствоваться тридцатью. У меня будетъ десятью меньше, но зато эта малочисленность дастъ мнѣ право избѣжать встрѣчи съ вооруженнымъ войскомъ, а если бы мнѣ и пришлось встрѣтиться съ нимъ, во всякомъ случаѣ я больше могу положиться на тридцать, нежели на сорокъ человекъ. Притомъ еще, у меня останется въ карманѣ пять тысячъ франковъ, то есть осьмая доля моего капитала; значить, тутъ стѣнитъ изъ чего трудиться. И такъ, рѣшено; у меня будетъ тридцать человекъ; я раздѣлю ихъ на три отряда; мы разбредемся по странѣ, съ условіемъ собраться въ назначенное время. Такимъ образомъ, десятокъ за десяткомъ, мы пройдемъ незамѣченными, не дадимъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Да, именно тридцать: это чудесное число. Въ мѣсяцъ тридцать дней, то есть три десятка; три—священное число. И притомъ, тридцать человекъ, дѣйствуя вмѣстѣ, право, наведутъ порядочный страхъ: въ такой компаніи есть что-то величественное.

Боже мой, какой я глупецъ! продолжалъ д'Артаньянъ: вѣдь понадобится тридцать лошадей. Разоренье, просто разоренье! Чортъ возьми! да гдѣ же была у меня голова, что я позабылъ о лошадяхъ? А впрочемъ, замышляя подобный подвигъ, все таки нельзя обойтись безъ лошадей. Не лучше ли будетъ ограничить мнѣ свою армію двадцатью человекъми?... Правда, оно шаловато; что могутъ сдѣлать двадцать человекъ?... Но если я рѣшился избѣгать схватки, то еще благоразумнѣе будетъ держаться этого плана, нѣтъ только двадцать человекъ! Двадцать—число круглое, и гораздо легче для счету; къ тому же и лошадей понадобится десятью меньше, что очень значительный выигрышъ; расцѣтъ великое дѣло; подъ командою хорошаго начальника....

Чортъ побери! Вотъ, что значитъ расцѣтъ и терпѣніе! Давно ли я хотѣлъ набрать сорокъ человекъ — и вотъ я довольствуюсь только двадцатью, и буду имѣть совершенно такой же успѣхъ.... Сбережъ десять тысячъ ливровъ, сбережъ разомъ, и притомъ въ совершенной увѣренности, — вотъ это дѣльно! Остается только найти хорошаго адъютанта, а тамъ.... Впрочемъ, дѣло-то не совсѣмъ легкое выбрать адъютанта.... Но вѣдь мнѣ надо человека храбраго и честнаго, словомъ, второе я. Но какъ этотъ адъютантъ долженъ строго хранить мою тайну, и какъ эта великая тайна стоитъ милліона, а я заплачу своему прите-

лю тысячу, много полторы тысячи ливровъ — то, пожалуй онъ еще продасть мою тайну Мовку. Не нужно адъютанта, чортъ возьми! Да вотъ еще обстоятельство: хотъ бы этотъ человѣкъ былъ иѣтъ, какъ ученикъ Пифагора, онъ, навѣрно, будетъ благоволять къ какому-нибудь солдату въ своей трунѣ, сбѣгаетъ его сержантомъ, а сержантъ проникаетъ въ тайну своего командира, даже если бы этотъ, по честности, и не захотѣлъ продать тайну.

Сержантъ, какъ человѣкъ не очень самолюбивый и расчетливый, продасть все за пятьдесятъ тысячь ливровъ.... Иѣтъ, иѣтъ! это не годится! Рѣшительно, адъютантъ вещь лишняя и даже вредная. По въ такомъ случаѣ, мнѣ нельзя дробить армію, дѣлить ее на двое, и дѣйствовать на двухъ пунктахъ, когда надо захватить только одного человѣка? Зачѣмъ разслаблять корпусъ, пуская его въ разсыпную, направо и налево?

Одинъ, цѣлый, нераздѣльный корпусъ, подъ личнымъ предводительствомъ д'Артаньяна!... Прекрасно!.. Однакожь, труппа изъ двадцати человѣкъ, неволью поселитъ подозрѣніе; двадцать человѣкъ не должны идти вмѣстѣ, иначе ихъ замѣтятъ, вышлютъ противъ нихъ отрядъ, спросятъ пароль, и если несчастные начнутъ запкаться, не зная, что отвѣчать, исторія то выйдетъ скверная: разстрѣляютъ и д'Артаньяна и его армію, какъ зайцевъ.

Иѣтъ, лучше набрать десять человѣкъ; съ такимъ отрядомъ мнѣ будетъ гораздо легче дѣйствовать и соблюдать единство; я буду поступать осторожнѣе, а благоразуміе въ подобномъ предпріятіи — половина успѣху: многочисленность, чего добраго, не толкнула бы меня еще на какую-нибудь глупость. Значить, десятью лошадьми меньше. О, превосходная мысль, какое спокойствіе вложила ты въ мою душу! Иѣтъ больше ни подозрѣній, ни пароля, ни опасности. Десять человѣкъ послушны, какъ слуги и приказчики. Десять человѣкъ на лошадяхъ, съ товарами, будутъ вездѣ приняты и терпимы. Десять человѣкъ путешествуютъ на счетъ французскаго торговаго дома Плавшѣ и компанія. При каждомъ изъ этихъ десяти человѣкъ будетъ въ запасъ хорошей охотничій ножъ, добрый мушкетонъ и пистолетъ за сѣдломъ. Такіе люди не возбуждаютъ ни въ комъ подозрѣнія, какъ люди благонамѣренные. Можетъ-быть, въ душѣ они и не прочь отъ занятія контрабандою, но что за бѣда? Контрабанда не многоженство, не смертній грѣхъ. При самой несчастной развязкѣ, у насъ отнимутъ товары: дѣло тѣмъ и кончится. Bravo! bravo! чудес-

ный планъ. Десять человѣкъ, ни какъ не больше. Я найму только десять человѣкъ, рѣшительныхъ, какъ сорокъ, и которые обойдутся мнѣ дешевле чѣмъ сорокъ, и будутъ для меня гораздо вѣрнѣе, потому-что я не развину рта, чтобы ввѣрить имъ свою тайну; они услышать отъ меня только одно: «Друзья, теперь пора!»

Да, сатана долженъ быть слишкомъ хитеръ, чтобы теперь сыграть со мною шутку! Сберечь изъ двадцати тысячъ пятнадцать — превосходно!

Послѣ такихъ индустриальныхъ вычислений, д'Артаньянъ остановился на этомъ планѣ, рѣшился не дѣлать въ немъ никакихъ измѣненій, и въ списокѣ, который замѣняла ему нестоимая память, онъ отмѣтилъ десять знаменитыхъ искателей приключеній, десять молодцовъ, обреченныхъ судьбою или тревожными правосудіемъ.

Послѣ того, д'Артаньянъ всталъ и немедленно приступилъ къ дѣлу, сказалъ Планшѣ, чтобы его не ждали къ завтраку и, можетъ быть, даже къ обѣду. Въ полтора дня онъ обѣгалъ парижскіе закоулки, и не давая своимъ рекрутамъ сходиться другъ съ другомъ, не болѣе, какъ въ тридцать часовъ, собралъ прекрасную коллекцію страшныхъ лицъ, говорившихъ по французски не лучше, чѣмъ по-англійски.

Коллекція эта состояла большею частію изъ молодцовъ, въ достоинствахъ которыхъ д'Артаньянъ могъ убѣдиться при разныхъ случаяхъ. Пьянство, несчастные удары шпагою, карточная игра или экономическія реформы Мазарина принудили ихъ искать неизвестности и удивленія, этихъ двухъ великихъ утѣшителей для душъ непонятыхъ и оскорбленныхъ.

На лицахъ и въ одеждѣ этихъ десяти волонтеровъ выражались ихъ душевныя страданія; всѣ они были въ лохмотьяхъ; у многихъ лица были испараны. Д'Артаньянъ утѣшилъ наиболѣе угнетенныхъ нищетою, мудро раздѣлилъ между ними деньги, принадлежавшіе обществу, и наблюдая, чтобы эти деньги были употреблены на физическое улучшение трупы, назначилъ своимъ рекрутамъ сойтись на сѣверѣ Франціи, между Бергесомъ и Сент-Омеромъ. Д'Артаньянъ далъ имъ шесть дней срока, и очень хорошо зная относительную честность этихъ славныхъ рекрутовъ, былъ увѣренъ, что ни одинъ изъ нихъ не измѣнитъ своему обѣщанію.

Сдѣлавъ нужныя распоряженія и опредѣливъ мѣсто свиданія, онъ пошелъ проститься съ Планшѣ, который ожидалъ извѣстій о

новой арміи. Д'Артаньянъ разсудилъ, что совершенно не къ чему говорить объ уменьшеніи войска, и что такую откровенностью очень не кстати можно уронить довѣріе своего сотоварища. Планшѣ крайне обрадовался, узнавъ, что армія совершенно готова, и что онъ, Планшѣ, изъ-за своей конторки, будетъ, какъ маленькій царикъ, повелѣвать войскомъ, назначеннымъ громить коварный Альбионъ, этого врага всѣхъ сердець истинно-французскихъ.

Планшѣ отсчиталъ д'Артаньяну двойными лундорами двадцать тысячъ ливровъ, которые приходились на долю его самого, то-есть Планшѣ, да еще другія двадцать тысячъ ливровъ, тоже двойными лундорами, которые приходились на долю д'Артаньяна. Д'Артаньянъ всыпалъ по двадцати тысячъ ливровъ въ два мѣшка, и взвѣсивъ каждый изъ нихъ на рукѣ, сказалъ:

— Знаешь, вѣдь эти деньги вѣсятъ больше тридцати фунтовъ, любезный Планшѣ.

— Большая бѣда! ваша лошадь свесетъ ихъ, какъ перышко.

Д'Артаньянъ опустилъ голову.

— Нѣтъ, не говори, Планшѣ: лошадь, подъ тяжестью тридцати фунтовъ, да еще съ чемодавомъ и ѣздокомъ, не такъ-то легко переплываетъ рѣку, не такъ легко перескакиваетъ черезъ стѣну или ровъ. Впрочемъ, и то сказать, вѣдь ты не знаешь этихъ вещей, Планшѣ; ты всю жизнь служилъ въ пѣхотѣ.

— Такъ что же дѣлать? спросилъ Планшѣ, поставленный въ затрудненіе.

— А вотъ что, сказалъ д'Артаньянъ: я заплачу своему войску, когда прїѣду назадъ. А до-тѣхъ-поръ, ты оставь у себя мою половину, то-есть двадцать тысячъ ливровъ, и заплати мнѣ проценты.

— А чтò же дѣлать мнѣ съ моею половиной? спросилъ Планшѣ.

— Я беру ее съ собою.

— Такое довѣріе дѣлаетъ мнѣ большую честь, отвѣчалъ Планшѣ: но если вы не возвратитесь?

— И то возможно, хотя не совѣмъ правдоподобно. И такъ, Планшѣ, на случай, если бы я не воротился, я сдѣлаю завѣщаніе.

Д'Артаньянъ взялъ перо и написалъ на листѣ простой бумаги:

«Я, д'Артаньянъ, владѣю двадцатью тысячами ливровъ, кото-

рые скопилъ я въ продолженіе своей тридцати-трехъ лѣтней службы его величеству, королю Франціи, даю пять тысячъ Атосу, пять тысячъ Портосу, пять тысячъ Арамису, чтобы они передали эти деньги, отъ моего и своего имени, моему молодому другу, Раулю, виконту де-Бражлону. Остальные пять тысячъ я даю Планшѣ, чтобы онъ съ меньшимъ сожалѣніемъ роздалъ своимъ друзьямъ прочія пятнадцать тысячъ.

«Въ свидѣтельство чего, подписываюсь —

Д'Артаньянъ.

Планшѣ, казалось, съ большимъ любопытствомъ слѣдилъ за перомъ д'Артаньяна.

— Читай, сказалъ ему мушкетеръ.

Когда Планшѣ дошелъ до послѣднихъ строчекъ, на глазахъ у него навернулись слезы.

— Неужели вы думаете, что я не отдалъ бы денегъ? Въ такомъ случаѣ, не надо мнѣ вашихъ пяти тысячъ ливровъ.

Д'Артаньянъ улыбаулся.

— Возьми, Планшѣ, возьми, и такимъ-образомъ ты потеряешь только пятнадцать тысячъ ливровъ вмѣсто двадцати, и не будешь стараться сдѣлать подлогъ въ подписи твоего хозяина и друга.

Д'Артаньянъ хорошо зналъ сердца людей и лавочниковъ.

Тѣ, которые называли донъ-Кихота безумцемъ, зато что онъ шелъ на завоеваніе цѣлаго царства съ помощію одного Санчо, своего конюшаго, и называли глупцомъ Санчо, зато что онъ шелъ съ своимъ господиномъ брать это царство, — навѣрное, произнесли бы такой же приговоръ и надъ д'Артаньяномъ и Планшѣ.

Между-тѣмъ, первый слылъ за одного изъ самыхъ утонченныхъ и хитрыхъ умовъ французскаго двора; а второй по прану пріобрѣлъ репутацію одного изъ самыхъ умныхъ между мелочными лавочниками улицы Ломбардовъ, слѣдовательно всего Парижа, слѣдовательно всей Франціи, слѣдовательно всего свѣта.

Впрочемъ, если разсматривать этихъ обомъ друзей, какъ и всѣхъ прочихъ людей, а средства, какими они надѣялись возвратить королю его престолъ разсматривать сравнительно съ прочими средствами, то самый тощій мозгъ стравы, въ которой мозгъ самый тощій въ мірѣ, возмущался бы противъ дерзости начальника и глупости его товарища.

Къ счастью, д'Артаньянъ не слушалъ толковъ, жужжавшихъ вокругъ него, ни примѣней, которыя дѣлали на его счетъ. Онъ

принять за правило «хорошо поступать и не слушать бредней». Планшэ, въ свою очередь, руководствовался девизомъ: «пускай дѣлаютъ, какъ хотятъ, а мы не будемъ говорить ни слова». Слѣдствиемъ этого было, что, по обычаю всѣхъ возвышенныхъ умовъ, эти два человѣка душевно насладились увѣренностью въ своей справедливости ко всѣмъ, которые обвиняли ихъ въ глупости.

Д'Артаньянъ пустился въ путь въ самую восхитительную погоду; ни облачка не было на небѣ; ни облачка на мушкетеровъ душѣ, радостной и сильной, спокойной и рѣшительной, и слѣдовательно, д'Артаньянъ несъ съ собою порядочный запасъ потусторонней жидкости, которая отъ душевныхъ волненій брызжетъ искрами изъ перловъ и придаетъ механизму человѣка силу и крѣпость, еще не вычисленные теперь, но которые, по всей вѣроятности, будутъ ариметически вычислены послѣдующими вѣками. Д'Артаньянъ, выѣхавъ на дорогу, богатую разными воспоминаніями, которая вела къ Булюню, и развернулась передъ нимъ уже въ четвертый разъ. Онъ почти узнавалъ слѣды своихъ шаговъ на мостовой и слѣды своихъ кулаковъ на дверяхъ гостиницы; въ памяти его, по прежнему дѣятельной, воскресала молодость, которая, спустя тридцать лѣтъ, доказала его великое сердце и желѣзную руку.

Какую богатую натурой былъ надѣленъ этотъ человѣкъ! Въ немъ были всѣ страсти, всѣ недостатки, всѣ слабости, и умъ его свободно превращалъ всѣ эти несовершенства въ противоположныя имъ качества. Безпрерывно блуждающее воображеніе д'Артаньяна заставляло его бояться тѣни, и, пристыженный своимъ страхомъ, онъ прямо шелъ къ этой тѣни, и дѣлался смѣль до дерзости, хотя бы даже ему грозила дѣйствительная опасность. Такимъ образомъ, все въ немъ было въ движеніи и кончалось удовольствіемъ. Онъ очень любилъ сообщество съ другими, но никогда не скучалъ съ самимъ собою, и если можно было изучить д'Артаньяна, такъ это тогда, когда онъ оставался одинъ,—не разъ онъ хохоталъ отъ своихъ шутокъ и создавалъ воображеніемъ самыя смѣшныя грезы ровно за пять минутъ до того, какъ имъ овладѣвала страшная тоска.

Но и въ этотъ разъ, д'Артаньянъ не былъ, можетъ быть, такъ веселъ, какъ въ ту минуту, когда надѣялся найти въ Калé вѣсколько добрыхъ пріятелей вмѣсто того, чтобы встрѣтить тамъ десятерыхъ хвастуновъ; однако жъ задумчивость навѣщала его не болѣе одного раза въ день, и онъ видѣлся только пять разъ

съ этою мрачною богиней прежде, чѣмъ достигъ до булонскаго моря.

Доѣхавъ до булонскаго моря, д'Артаньянъ увидѣлъ вблизи свою цѣль, и всѣ чувства, кромѣ увѣренности въ достиженіи исчезли въ немъ безвозвратно. Отъ Булоня онъ ѣхалъ берегомъ до Калѣ.

Калѣ былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ, и д'Артаньянъ за-равнѣ велѣлъ своимъ рекрутамъ остановиться въ этомъ городѣ въ гостинницѣ подъ вывѣскою «Великаго-Монарха», потому-что жизнь здѣсь была дешевле, матросы сами варили себѣ кушанье въ котлѣ, и военные люди, разумѣется, съ шпагою въ ножнахъ, получали квартиру, столъ. — словомъ, всѣ наслажденія жизни, — за тридцать су въ сутки.

д'Артаньянъ думалъ захватить своихъ рекрутовъ върасплохъ, на мѣстѣ преступленія, чтобы, съ перваго взгляду, рѣшить, можно ли положиться на нихъ, какъ на добрыхъ товарищей.

Онъ прибылъ въ Калѣ вечеромъ, въ половинѣ пятаго.

Гостинница «Великаго-Монарха» находилась въ узенькой улицѣ, которая шла параллельно съ портомъ. Нѣсколько темныхъ переулковъ перерѣзывали прямыя длинныя линіи улицы къ порту, такъ-что этими переулками можно было незамѣтно пройти отъ пристани въ улицу и обратно.

д'Артаньянъ вошелъ въ одинъ изъ узкихъ и темныхъ переулковъ и вдругъ очутился передъ гостинницей Великаго-Монарха.

Онъ попалъ туда въ самую удобную минуту, потому-что матросы, игравшіе въ кости, шумѣли и ссорились. Трактирщикъ, его жена и двое праслужниковъ съ безпокойствомъ наблюдали надъ буйной толпой опьянѣвшихъ игроковъ, которые, казалось, уже готовы были схватиться за ножи.

Игра подходила къ концу.

Двое высокихъ мужчинъ, сидѣвшіе поодаль отъ матросовъ на каменной скамейкѣ, внимательно слѣдили за возникавшей распрей. Четыре стола, въ глубинѣ комнаты, заняты были осьюю людьми, довольно подозрительной наружности. Ни тѣ ни другіе не принимали участія ни въ ссорѣ ни въ игрѣ.

д'Артаньянъ тотчасъ узналъ въ этихъ равнодушныхъ, спокойныхъ зрителяхъ, своихъ молодцовъ.

Между-тѣмъ распря все болѣе и болѣе усиливалась. Страсти, подобно морю, имѣютъ свой приливъ и отливъ. Такимъ образомъ, одинъ матросъ, рѣшительно вышедшій изъ себя, опрокинулъ столъ и деньги покатались по полу. Въ минуту трактир-

щикъ, его жена и вся прислуга, остававшаяся дотолѣ равнодушной, бросились подбирать серебряные кружечки.

Двое сидѣвшихъ на скамѣхъ и осмеро расположившихся за столами, спокойно смотрѣли на драку и повидимому согласились не обращать на нее ни какого вниманія. Только двое изъ нихъ равнодушно оттолкнули двухъ матросовъ, которые, въ борьбѣ, упали вѣтъ подъ-ноги.

Двое другихъ вынули руки изъ кармановъ и наконецъ еще двое вскочили на столъ, какъ будто преслѣдуемые внезапнымъ разлитіемъ воды.

Д'Артаньянъ не потерялъ изъ виду ни одной изъ этихъ подробностей.

— Молодцы! подумалъ онъ: спокойны, привычны къ шуму и къ дракѣ; чортъ возьми! мнѣ посчастливилось!

Вдругъ его вниманіе обращено было въ темный уголъ комнаты.

Помирившіеся бойцы придрались къ двоимъ, которые толкнули ихъ.

Одинъ изъ матросовъ, едва стоявшій на ногахъ, съ угрожающимъ тономъ спрашивалъ у того изъ двоихъ зрителей, который былъ поменьше, по какому праву онъ толкнулъ ногой Божіе созданіе, какъ собаку. Матросъ для большаго доказательства, поднялъ свой огромный кулакъ прямо подъ носъ д'Артаньянову рекруту.

Незнакомецъ поблѣднѣлъ, но нельзя было узнать, отъ страха или отъ гнѣву эта блѣдность появилась на его щекахъ. Матросъ заключилъ, что онъ струсилъ, и подвинулъ кулакъ съ намѣреніемъ разгромить своего непріятеля, но этотъ предупредилъ его такимъ ловкимъ и сильнымъ ударомъ въ животъ, что зачинщикъ ссоры съ страшнымъ крикомъ покатился по-полу. Въ минуту товарищи побѣжденнаго единодушно кинулись на побѣдителя.

Незнакомецъ съ величайшимъ хладнокровіемъ и не хватаясь даже за оружіе, которое имѣлъ при себѣ, взялъ мѣдную пивную кружку и свалилъ трохъ изъ наизадавшихъ. Однако жъ число непріятелей угрожало ему. Тогда семеро остальныхъ спокойныхъ зрителей этой сцены, бросились къ нему на помощь.

Въ то же время и двое сидѣвшихъ на скамѣхъ встали съ намѣреніемъ напасть на непріятелей, если они не отступятъ.

Трактирщикъ, его прислужники и двое ночныхъ стражей, которые, прѣходя мимо, изъ любопытства вошли въ комнату, тоже попали въ общую сумятицу.

Парижане слышали удары, какъ диклопы, съ удивительнымъ искусствомъ. Наконецъ, принужденные отступить 'передъ большинствомъ, они, вчетверомъ, приподняли огромный столъ, между тѣмъ какъ двое изъ нихъ схватили скамьи, и разомъ опрокинули осьмерыхъ матросовъ, на головы которыхъ обрушили свои страшныя орудія.

Уже многіе раненые валялись по-полу. Комната была полна дыма. Шумъ не умолкалъ. Д'Артаньянъ, довольный этимъ опытомъ, съ обнаженной шпагою, бросился впередъ и страшнымъ голосомъ закричалъ: смирно! Это магическое слово остановило драку. Всѣ отступили и д'Артаньянъ остался одинъ посреди сцены.

— Что это значитъ? спросилъ онъ съ величественнымъ тономъ Нептуна, произносящаго свое quos ego.

Рекруты д'Артаньяна тотчасъ же узнали голосъ своего господина и, такъ сказать, положили въ ножны свои чудовищныя орудія.

Матросы, съ своей стороны, видя обнаженную шпагу д'Артаньяна, его величественный видъ, который, казалось, привыкъ повелѣвать, примолкли и стали собирать раненыхъ товарищей и разбросанныя пивныя кружки.

Парижане отдали честь своему начальнику.

Трактирщикъ тоже униженно кланялся передъ почтеннымъ господиномъ.

Д'Артаньянъ принялъ всѣ эти знаки уваженія, какъ челоуѣкъ, слишкомъ привыкшій къ нимъ, и сказалъ, что въ ожиданіи ужина пойдетъ прогуляться по порту.

Рекруты поняли призывъ д'Артаньяна и, надѣвъ куртки, вышли вслѣдъ за нимъ.

Д'Артаньянъ, не останавливаясь, шелъ прямо къ плотинамъ. Десятеро его спутниковъ съ безпокойствомъ посматривали другъ на друга, видимо не довѣряя одинъ другому.

Наконецъ, дойдя до одной изъ самыхъ дальнихъ плотинъ, д'Артаньянъ остановился, съ улыбкой посмотрѣлъ на своихъ спутниковъ, и поджалъ дѣть рукою знакъ молчанія, сказавъ:

— Полноте, господа. Къему такіе страшные взгляды. Вы какъ будто хотите съѣсть другъ друга, а между тѣмъ вы съ тѣмъ созданы, чтобъ жить вмѣстѣ и жить согласно.

Рекруты молча, но дружелюбно, переглянулись. Казалось, у каждого съ души спала страшная, томительная тяжесть. Подошли они всѣ устроили глаза на своего начальника, который, не

давна научившись великому искусству говорить съ людьми этого разряду, импровизировалъ имъ маленькую рѣчь съ истинно гасконской энергіей.

— Господа, вы всё знаете, кто я. Я съ своей стороны знаю ваше мужество и потому собралъ васъ, чтобы совершить съ вами славную экспедицію. Представьте себѣ, что трудясь со мною, вы трудитесь для короля. Я только предупреждаю васъ, что если вы обнаружите скольконибудь это сознание, я буду принужденъ немедленно разбить вамъ голову, чѣмъ мнѣ покажется удобнѣе. Вы знаете, что государственныя тайны подобны смертельному яду: пока этотъ ядъ въ банкѣ и банка закупорена, онъ не вредитъ никому, но какъ только выльешь изъ банки, онъ умерщвляетъ. Теперь подойдите ко-мнѣ и вы узнаете то, что я могу открыть вамъ изъ этой тайны.

Всѣ приблизились съ видимымъ выраженіемъ любопытства.

— Подойдите, продолжалъ д'Артаньянъ: [я чтобы ни птица, пролетающая надъ нашими головами, ни кроликъ, играющій у этихъ плотинъ, ни рыба всплывающая на поверхность воды не могли васъ услышать. Дѣло заключается въ томъ, чтобы уздать и увѣдомить господина помощника министра финансовъ о ардеѣ, какой англійская контрабанда наноситъ французскому кудечеству. Я войду всюду и все увижу. Мы, бѣдные пикардійскіе рыбаки, заброшенные на берегъ бурей. Разумѣется, мы станемъ продавать рыбу какъ настоящіе рыбаки, ни больше, ни меньше; могутъ однакожь догадаться, кто мы дѣйствительно, и могутъ побеспокоить насъ; слѣдовательно мы необходимо должны быть въ состояніи обороняться. Вотъ почему я избралъ васъ, какъ людей смѣлыхъ и смысленныхъ. Жизнь наша будетъ чудесная, опасностей мало, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ могущественнаго покровителя. Есть, правда, одна вещь, которая меня нѣсколько безпомощитъ, но можетъ быть вы выпутааете меня изъ этой бѣды. Дѣло вотъ въ чемъ. Мнѣ очень бы не хотѣлось брать съ собою безтолковыхъ рыбаковъ, которые только помѣшали бы намъ. Между тѣмъ, какъ, еслибъ нашелся между вами человѣкъ, знакомый съ моремъ...

— О, за этимъ дѣло не станетъ! вскричалъ одинъ изъ рекрутовъ: я цѣлые три года пробылъ въ плѣну у тунисскихъ пиратовъ, и знаю морскіе маневры, какъ адмиралъ.

— Превосходно! вотъ что значитъ случай!

д'Артаньянъ произнесъ эти слова съ чрезвычайною неподдельнымъ простодушіемъ, а между-тѣмъ онъ зналъ напередъ, что

жертва тупяскихъ пиратовъ вѣкогда самъ былъ морскимъ разбойникомъ. По этому-то онъ и выбралъ стараго корсара. Д'Артаньянъ всегда говорилъ только то, что ему было нужно.

— Я тоже, сказалъ другой, по счастью, жилъ у дяди, который управляетъ работами въ ларошельскомъ портѣ; такъ еще мальчишкой, бывало, игралъ на судахъ. Поэтому умѣю управлять рулемъ и парусомъ не хуже любого матроса.

Этотъ тоже солгалъ не хуже своего собрата, потому что онъ шесть лѣтъ грѣлъ на галерахъ въ Цюдадѣ.

Двое другихъ были откровеннѣе. Они просто признались, что служили на кораблѣ, какъ сосланные за наказаніе. Д'Артаньянъ такимъ образомъ находился въ главѣ десяти воиновъ и четырехъ матросовъ, имѣя разомъ армію и флотъ, чѣмъ, конечно, въ высшей степени возгордился бы Планшѣ, еслибъ ему были извѣстны всѣ эти подробности.

Д'Артаньяну оставалось только все привести въ порядокъ и отдать приказанія. Онъ велѣлъ своимъ людямъ быть на готовѣ ѣхать въ Гагу, — однимъ черезъ Брескенсъ, другимъ черезъ Антверпенъ.

Свиданіе было назначено, по маршруту, черезъ пятнадцать дней, считая отъ настоящаго времени, на главной площади въ Гагѣ.

Д'Артаньянъ совѣтовалъ рекрутамъ раздѣлиться по двое. Самъ онъ избралъ себѣ въ тѣлохранители только двоихъ, которыхъ зналъ прежде и за которыми водилась только маленькая страсть къ игрѣ и пьянству. Эти люди не лишены были нѣкотораго образованія и подъ опрятной одеждой сердца ихъ навачивали снова биться. Д'Артаньянъ послалъ остальныхъ впередъ, чтобы они не завидовали фаворитамъ.

Этимъ-то двумъ человекамъ, которыхъ д'Артаньянъ, казалось, хотѣлъ отличить совершеннымъ своимъ довѣріемъ, онъ пересказалъ на оборотъ цѣль своей экспедиціи, чтобы такимъ образомъ обезпечить успѣхъ ея. Онъ сказалъ имъ, что дѣло шло не о томъ, чтобы узнать, какой вредъ англійская контрабанда приноситъ французскому купечеству, а напротивъ о томъ, чтобы вывѣдать, въ какой мѣрѣ французскіе контрабандисты могли вредить англійской торговлѣ. Фавориты д'Артаньяна совершенно убѣдились въ словахъ его. Эта довѣренность казалась ему необходимою, потому что при первомъ же удобномъ случаѣ, двое молодцовъ, напившись пьяными, или тотъ или другой испремѣнно выдали бы секретъ всей шайкѣ.

Черезъ пятнадцать дней, послѣ событій происшедшихъ въ Калѣ, всѣ рекруты и д'Артаньянъ собрались въ Гагу.

д'Артаньянъ замѣтилъ, что всѣ люди его уже переодѣлись въ матросовъ.

Онъ оставилъ ихъ на ночь въ небольшой лачужкѣ въ Ньюкеркъ-Стратѣ, а самъ помѣстился въ опрятной комнаткѣ, въ одномъ изъ домовъ на большомъ каналѣ.

Онъ узналъ, что англійскій король прибылъ къ своему союзнику Вильгельму Второму Нассаускому, штатгальтеру Голландіи; что отказъ Людовика-Четырнадцатаго нѣсколько охладилъ расположеніе, которею ему доселѣ оказывали, и что въ слѣдствіе этого Карлъ-Второй поселился въ небольшомъ домикѣ въ деревнѣ Шленнингенъ, находившейся на берегу моря, на разстояніи одной лѣ отъ Гаги.

Въ этомъ скромномъ жилищѣ несчастный изгнанникъ находилъ утѣшеніе въ томъ, что съ грустью смотрѣлъ на темную синеву моря, которое отдѣляло его отъ Англіи, какъ нѣкогда Марію Стуртъ отъ Франціи. Здѣсь, на этой песчаной почвѣ, на которой щедро росъ мелкій кустарникъ, Карлъ-Второй прозябалъ, подобно ему, но былъ несчастливѣе богѣе, нежели онъ, потому что жилъ мыслию, потому что надѣяся и отчаяваясь поочередно.

д'Артаньянъ однажды нарочно пошелъ въ Шленнингенъ, чтобы увѣриться въ слухахъ, которые до него доходили. Въ самомъ дѣлѣ, онъ увидѣлъ, какъ блѣдный король, въ задумчивости, выйдя изъ своей хижины, пошелъ вдоль берега, даже не обращая на себя вниманія рыбаковъ, которые вытаскивали лодки на песчаную отмель.

д'Артаньянъ узналъ короля. Карлъ Второй мрачно смотрѣлъ на обширную равнину водъ; на блѣдномъ лицѣ его отражались багряные лучи солнца, уже въ-половину закатившагося за горизонтъ. Потомъ король воротился къ своему домику, съ грустью прислушиваясь къ шороху песка, который хрустѣлъ подъ его ногами.

Въ тотъ же вечеръ д'Артаньянъ нанялъ за тысячу ливровъ рыбацью барку, стѣившую четыре тысячи. Тысячу онъ отсчиталъ тотчасъ же, остальные три отдалъ за сохраненіе бургомистру. Устроивъ дѣло, онъ посадилъ въ барку шесть человѣкъ, составлявшихъ его армію и, пользуясь темнотою ночи и приливомъ, около трехъ часовъ утра, достигъ до середины моря, наеввернувшись

въ четырема другими спутниками и совершенно полагаемъ и искусство своего корабля, какъ полагался бы на знаніе вернаго пилота тамешняго порта.

Между тѣмъ какъ короли и простые люди хлопотали въ Англіи, которая управлялась сама собою, хотя, надо отдать справедливость, она никогда еще не была такъ дурно управляема, — человекъ, на котораго Богъ устремилъ свой взоръ и положилъ свой перстъ, человекъ, которому предназначено было завѣсть свое имя яркими буквами на страницахъ исторіи, продолжалъ среди лицомъ всего міра дѣло, исполненное таинственнаго сѣтлости. Онъ шелъ, и никто не зналъ, куда онъ хотѣлъ ити, хотя, не только Англіи, но и вся Франція, вся Европа видѣла, какъ онъ шелъ твердымъ шагомъ отъ подножія вверхъ головы. Что знали объ этомъ человекѣ, мы сейчасъ скажемъ.

Монкъ только что объявилъ себя въ пользу освобожденнаго *генер парламент*, или, если угодно, гузеннаго парламента, какъ его называли, парламента, который генераль Ламбертъ, въ вѣржаніе Кромвеля, стѣснилъ до такой степени, желая принудить его къ исполненію своихъ требованій, что ни одинъ членъ, во все продолженіе этой блокады, не могъ выйти изъ него, и только Уэллсвортъ и успѣлъ войти.

Ламбертъ и Монкъ, управившіе рѣшительно всѣмъ, представляли, первый — воинскій деспотизмъ, второй — чистый республиканизмъ. Эти два человека были единственныя политическія представители переломета, въ которомъ Карлъ Первый потерялъ сначала корону, а потомъ и голову.

Впрочемъ, Ламбертъ не скрывалъ своихъ наміреній; онъ старался утвердить правленіе чисто-воинское и сдѣлаться самому главою этого правленія.

Монкъ, строгій республиканецъ, какъ говорили одни, хотѣлъ поддерживать парламентъ, это видное, хотя уже переродившееся, представительство республики. Монкъ, ловкій честошбецъ, какъ говорили другіе, хотѣлъ просто этия наружныя конроизельствоу парламенту сдѣлать изъ него твердую опору къ трону, опустѣвшему послѣ Кромвеля, но на который онъ не осмѣливался сѣсть.

Итакъ Ламбертъ, преслѣдовавшій парламентъ, и Монкъ, объявившій себя въ его пользу, взаимно объявляли себя врагами между собою.

Поэтому Ламбертъ и Монкъ прежде всего заботились завести каждый свою особенную армію: Монкъ въ Шотландіи, гдѣ находи-

лись пресвитеріане и родлисты, то-есть недовольные; Ламбертъ въ Лондонѣ, гдѣ по прежнему была самая сильная оппозиція противъ власти, которую она видѣла передъ своими глазами.

Монкъ усмирилъ Шотландію, сформировалъ въ ней войско и выбралъ ее своимъ убѣжищемъ; Монкъ зналъ, что еще не пришелъ день, назначенный Богомъ для великой перемѣны, и шпага его, казалось, была приклеена въ ножнахъ. Непрístupный въ своей суровой и гористой Шотландіи, самовластный полководецъ, предводитель одиннадцати тысячъ закаленныхъ въ бою солдатъ, которыхъ онъ не разъ водилъ къ побѣдѣ, и зная о дѣлахъ Лондона лучше нежели самъ Ламбертъ, содержавшій гарнизонъ въ Сити, Монкъ объявилъ себя за парламентъ, находясь во стѣлѣ отъ Лондона. Ламбертъ напротивъ, какъ уже сказано, жилъ въ столицѣ, въ центрѣ всѣхъ предпріятій и собиралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ друзей и всю чернь, всегда готовую идти за прагавъ установленной власти.

Такимъ образомъ, въ Лондонѣ Ламбертъ узналъ, что на границахъ Шотландіи Монкъ готовитъ защиту парламенту. Ламбертъ разсудилъ, что не надо терять времени, и что Твидъ не такъ далеко отъ Темзы, чтобы армія, особенно съ хорошимъ предводителемъ, не перешагнула съ одной рѣки на другую. Онъ зналъ еще, что по мѣрѣ того, какъ солдаты Монка будутъ вступать въ Англію, они образуютъ на дорогѣ свѣжнѣйшій шаръ, эмблему шара фортуны, который для честолюбца будетъ только безпрестанно возрастающею ступенью къ его цѣли. Сообразивъ все это, Ламбертъ собралъ армію, ужасающую въ одно время и своимъ числомъ и составомъ, и отправился на встрѣчу къ Монку, который, подобно благоразумному мореплавателю, искусно лавирующему между подводными камнями, подвигался впередъ, прислушиваясь къ шуму и нюхая воздухъ, струившійся изъ Лондона.

Двѣ арміи замѣтили одна другую на высотѣ Ньюкэстл; Ламбертъ пришелъ первый и расположился лагеремъ въ самомъ городѣ.

Монкъ, постоянно обшительный, остановился, гдѣ былъ, и расположилъ свою главную квартиру въ Кольдстримѣ, на Твидѣ.

Армія Монка обрадовалась, увидѣвъ Ламберта, между тѣмъ какъ, при видѣ лагера Монка, въ арміи Ламберта распространился какой-то страхъ. Можно было подумать, что эти безстрашные бойцы, производившіе шумъ въ лондонскихъ улицахъ, пошли въ путь, въ надеждѣ, что имъ никто не встрѣтится, и что теперь,

увидѣвъ передъ собой армію, и притомъ армію, которая водружала передъ ними не только знамя, но еще право и идею,—можно было подумать, что эти безстрашные бойцы начали размышлять о себѣ, что они не такіе хорошіе республиканцы, какъ солдаты Монка, потому что тѣ поддерживали парламентъ, между-тѣмъ какъ Ламбертъ не поддерживалъ ничего, даже не поддерживалъ самого себя.

Что касается до Монка, если онъ думалъ, то вѣрно думалъ очень печально, потому что исторія рассказываетъ, — а эта стыдливая особа, какъ извѣстно, не привыкла лгать, — исторія рассказываетъ, что въ день прибытія Монка въ Кольдстримъ не нашли въ цѣломъ городѣ ни одного барана.

Если бъ Монкъ командовалъ англійскою арміею, она разбѣжалась бы при одной мысли о подобной бѣдности, но Шотландцы не то, что Англичане, и жаждутъ текучаго мяса, называемаго кровью; Шотландцы—племя бѣдное и воздержное, живутъ шепоткою ржи, истертой между двумя камнями, распушенной въ водѣ крошечнаго ручья и скипяченной въ глиняномъ горшкѣ.

Шотландцы, утоливъ голодъ горстью ржи, не заботились, есть ли мясо въ Кольдстримѣ или нѣтъ.

Монкъ, не очень привышкій къ ржанымъ пирогамъ, былъ голоденъ, и главный штабъ его, проголодавшись по-крайней мѣрѣ столько же какъ онъ самъ, съ безпокойствомъ посматривалъ по сторонамъ и спрашивался, что готовится къ ужину.

Посланные Монка нашли городъ и лавки совершенно-пустыми; значитъ, на мясниковъ и булочниковъ не должно было рассчитывать въ Кольдстримѣ. Для генеральскаго стола не съискали ни куска хлѣба.

По мѣрѣ того, какъ слѣдовали рассказы, одинъ не утѣшительнѣе другаго, Монкъ, видя на всѣхъ лицахъ ужасъ и отчаяніе, сказалъ, что онъ голоденъ, а поѣсть надѣяться завтра, потому что Ламбертъ, вѣроятно, намѣревается начать сраженіе, и слѣдовательно оставить свои съѣстные припасы, если онъ заберется въ Ньюкэстлѣ, или положительно избавитъ солдатъ Монка отъ голодной смерти, если останется побѣдителемъ.

Такое утѣшеніе подѣйствовало на очень немногихъ, но Монку было все равно, потому что онъ, подъ видомъ совершенной устучивости, скрывалъ непреклонный характеръ.

Каждый принужденъ былъ удовольствоваться утѣшеніемъ, или по-крайней-мѣрѣ казаться довольнымъ. Монкъ, не меньше своихъ людей чувствуя голодъ, но стараясь сохранить притворное рав-

подушіе къ убѣжавшему барану, отрѣзалъ у сержанта листь табаку толщиною въ полъ-пальца, и началъ жевать его, увѣряя о-фицеровъ, что голодь—пустая мечта, и что человекъ еще не голоденъ, когда у него есть что положить на зубъ.

Эта шутка удовлетворила нѣкоторыхъ, находившихъ невыгодною позицію Монка вблизи Ламберта; число недовольныхъ уменьшилось; часовые стали по мѣстамъ, начался обходы, и генераль продолжалъ свой скудный ужинъ подъ открытою палаткой.

Между его лагеремъ и непріятельскимъ возвышалось древнее аббатство, отъ которато теперь остались бѣдныя развалины, но которое въ то время еще стояло и называлось ньюкэстльскимъ аббатствомъ. Оно было построено на обширной плоскости, не относящейся ни къ водамъ ни къ сушѣ, потому что эта плоскость почти болото, наводняемое ручьями и дождемъ. Однако жъ, посреди этихъ маленькихъ болотъ, покрытыхъ высокою травою, тростянкомъ и камышемъ, выдавалась и твердая земля, на которой, въ прежнее время, былъ разведенъ огородъ, лугъ, паркъ, садъ, и другія принадлежности аббатства, такъ, что аббатство походило на большаго морскаго паука, у котораго туловище круглое, а лапы расходятся въ разныя стороны.

Огородъ, самая длинная лапа аббатства, тянулся до лагеря Монка. Къ-несчастью, какъ мы сказали, июнь мѣсяць тогда только начинался, и огородъ, уже давно заброшенный, представлялъ мало выгоды.

Монкъ приказалъ стеречь это мѣсто, какъ самое удобное. Съ вершины аббатства были видны непріятельскіе огни, но между этими огнями и аббатствомъ тянулся Твидъ, сверкая серебряной чешуею въ густомъ сумракѣ огромныхъ дубовъ.

Монкъ прекрасно зналъ эту позицію; Ньюкэстль и его окрестности не разъ служили ему главною квартирой. Онъ зналъ, что днемъ непріятель, безъсомнѣнія, можетъ послать лазутчиковъ въ эти развалины и завязать тамъ схватку, но что ночью онъ не рѣшится на такую попытку. Значить, здѣсь Монкъ былъ въ совершенной безопасности.

И солдаты могли заключить это изъ того, что послѣ своего громко называемаго ужина, состоявшаго изъ табачнаго листа, Монкъ, подобно Наполеону, заснулъ сидя на камышевомъ стулѣ, освѣщаемомъ частию блескомъ лампы, частию сіяніемъ восходящей луны.

Слѣдовательно, было уже около половины десятаго.

Вдругъ Монкъ былъ выведенъ изъ этого полусна, можетъ быть,

притворнаго, толпою солдатъ, которые, приближавъ съ веселымъ крикомъ, начали стучать ногами въ подпоры его палатки, стараясь разбудить его.

Этотъ шумъ былъ вовсе ненуженъ; генералъ и безъ него открылъ глаза.

— Что, дѣти, что у васъ тамъ дѣлается? спросилъ Монкъ.

— Генералъ, вскричало нѣсколько голосовъ: вы будете ужинать.

— Я поужиналъ, господа, спокойно отвѣчалъ генералъ: и, какъ видите, спокойно отдыхаю. Впрочемъ, войдите. Что заставило васъ прийти ко мнѣ?

— Добрыя вѣсти, генералъ.

— Ба! уже не Ламбертъ ли желѣлъ сказать, что завтра дастъ вамъ сраженіе?

— Нѣтъ; мы захватили въ плѣнъ рыбацью лодку, которая везла рыбу въ ньюкэстльскій лагерь.

— Напрасно, друзья мои: эти лондонскіе нѣженки любятъ хорошо покушать; вы разсердите ихъ, и пожалуй, сегодня и завтра они разгнѣваются не на шутку. Повѣрьте, лучше было бы отослать къ Ламберту и рыбу и рыбаковъ.

Генералъ задумался на минуту.

— Скажите, продолжалъ онъ: что это за рыбаки?

— Пикардійскіе матросы; они ловили рыбу у береговъ Франціи и Голландіи и занесены сюда бурейю.

— Говорить ли кто изъ нихъ по-англійски?

— Кормчіе понимаютъ нѣсколько словъ.

Недовѣрчивость генерала пробуждалась по мѣрѣ разсказа.

— Хорошо, сказалъ онъ: приведите ихъ сюда.

Офицеръ побѣжалъ исполнить приказаніе.

— А сколько ихъ? продолжалъ Монкъ, и какая у нихъ лодка....

— Человѣкъ десять или двѣнадцать, генералъ. Лодка, кажется, голландская.

— Вы говорите, что они везутъ рыбу въ лагерь Ламберта.

— Точно такъ, генералъ, и ловля-то, кажется, была счастливая.

— Посмотришь, сказалъ Монкъ.

Дѣйствительно, черезъ минуту офицеръ воротился, ведя за собой начальника рыбаковъ, человѣка лѣтъ пятидесяти или пятидесяти пяти, съ довольно пріятной наружностью. Онъ былъ средняго росту и одѣтъ въ толстую шерстяную куртку; на глаза

то у генерала Монка двѣ руки, одна англійская, другая шотландская; что дастъ его англійская рука, то отниметь шотландская.

— Будьте спокойны, милордъ, я поѣду, куда вамъ угодно. Я даже, пожалуй, останусь здѣсь, если вы хотите, чтобы я остался.

— Вѣрю, отвѣчалъ Монкъ, съ неувловимой улыбкой: но не могу оставить тебя въ моей палаткѣ....

— У меня и въ головѣ не было этой претензіи.... я желаю голько, чтобы ваше превосходительство назначили мнѣ, гдѣ я долженъ остаться.... Не извольте стѣснять себя.... Для насъ ночь духомъ проходить....

— Въ такомъ случаѣ, я велю тебя проводить на твою барку.

— Какъ угодно вашему превосходительству. Только теперь ужъ я осмѣлюсь попросить васъ дать мнѣ въ провожатые плотника.... Я буду очень признателенъ вашему превосходительству.

— Зачѣмъ?

— Да вотъ видите ли, генералъ, ваши солдаты тянули лошадыми мою барку и порядочно таки поободрали ей бока о камни, такъ, что теперь въ трюмѣ налилось воды фута на два....

— Стало-быть тебѣ необходимо заняться своей баркой?...

— Какъ вамъ угодно, милордъ. Я пойду опорожнию мои корзины куда вы прикажете; потомъ вы заплатите, если милость будетъ, и отпустите меня домой, если это ни сколько васъ не обезпокоитъ. Видите ли, ваше превосходительство, какой я сговорчивый человѣкъ....

— Ну, да, ты малый добрый, отвѣчалъ Монкъ, котораго пыливый взглядъ не находилъ и тѣни смущенія въ глазахъ рыбака. Эй, Дэйби?...

Адъютантъ генерала вошелъ въ палатку.

— Проводите этого молодца и его товарищей въ тѣ палатки, которыя поближе къ болоту.... Имъ будетъ недалеко дойти до своей барки, а между-тѣмъ они перешочуютъ всё-таки не на водѣ.... Что ты, Спайтедъ?...

Спайтедъ былъ тотъ самый сержантъ, у котораго Монкъ попросилъ займы табаку.

Войдя въ палатку генерала безъ зову, сержантъ по необходимости вызвалъ Монка на этотъ вопросъ....

— Какой-то французскій джевлъменъ проситъ позволенія говорить съ вашимъ превосходительствомъ.... Онъ дожидается у аван-постовъ.

Все это, разумѣется, было сказано по англійски; однако жъ

рыбакъ слегка вздрогнулъ. Монкъ, разговаривая съ сержантомъ, не замѣтилъ этого быстрого движенія.

— Кто жъ онъ такой, этотъ господинъ? спросилъ Монкъ.

— Онъ сказалъ мнѣ свое имя, милордъ; но эти проклятыя французскія имена такъ трудно произносить, что я позабылъ. Но, кажется, что это тотъ же самый господинъ, котораго вчера вашему превосходительству не угодно было принять.

— Да, у меня былъ тогда военный совѣтъ....

— Что же прикажете съ нимъ дѣлать теперь?...

— Введи его ко мнѣ....

— Прикажете принять какія предосторожности?

— Какія же?

— Напримѣръ, завязать глаза?

— Зачѣмъ? Тогда онъ не увидитъ того, что я хотѣлъ бы показать ему; онъ не увидитъ монхъ одиннадцати тысячъ храбрецовъ, которые готовы умереть за честь парламента, Шотландіи и Англіи.

— А этотъ что же, генералъ? спросилъ Спайтедъ, указывая на рыбака, который во все продолженіе этого разговору стоялъ неподвижно, какъ человѣкъ который видитъ, но ничего не слышитъ.

— Ахъ, да! сказалъ Монкъ и, обратившись къ рыбаку, прибавилъ: прощай, молодецъ! Я тебѣ назначилъ жилище. Дэйби, проводите его. Не бойся ничего, мой другъ. Деньги тебѣ принесутъ...

— Покорнѣйше благодарю, милордъ, отвѣчалъ рыбакъ.

И, поклонившись, онъ вышелъ за Дэйби.

Во ста шагахъ отъ палатки онъ нашелъ своихъ товарищей, которые тихо разговаривали, но не безъ нѣкотораго безпокойства. Знакъ рыбака тотчасъ же успокоилъ ихъ.

— Эй, вы! вскричалъ патронъ: подите-ко сюда. Его превосходительство, генералъ Монкъ, такъ великодушенъ, что платитъ намъ за рыбу, и такъ добръ, что позволяетъ намъ переночевать нынче у него въ лагерѣ.

Рыбаки собрались вокругъ своего начальника и, въ сопровожденія адъютанта Дэйби, отправились въ палатки, которые генералъ Монкъ назначилъ имъ для ночлега.

Дорогою они прошли мимо стражи, провожавшей французскаго дворянина къ Монку.

Незнакомецъ былъ верхомъ. Широкій плащъ такъ закрывалъ его, что начальникъ рыбаковъ, несмотря на свое любопытство, не могъ рассмотреть его. Что же касается до дворянина, то онъ,

не зная что встрѣтился съ своими соотечественниками, не обратил ни малѣйшаго вниманія на ихъ небольшую толпу.

Адъютантъ ввелъ своихъ гостей въ довольно опрятную палатку, въ которой жила ирландская маркитантша съ шестью дѣтьми. Она принуждена была уступить свою квартиру чужеземцамъ и искать себѣ ночлега гдѣ угодно. Огромный костеръ пылалъ передъ палаткой, бросая яркіе лучи свои на болото, которое слегка волновалось отъ свѣжаго вѣтерка. Помѣстивъ такимъ образомъ рыбаковъ, адъютантъ пожелалъ имъ спокойной ночи, и указалъ на мачты ихъ барки, которая тихо покачивалась на Твидѣ, доказательство, что она еще не пошла ко дну. Видъ ея безконечно обрадовалъ начальника рыбаковъ.

Французскій дворянинъ, о которомъ Спейтедъ доложилъ Монку, прошелъ мимо различныхъ постовъ, завернувшись въ плащъ, даже несмотря по сторонамъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Какъ приказаніе было уже отдано, то его привели къ палаткѣ генерала. Дворянинъ остался въ прихожей, передъ палаткою, и ждалъ Монка. Генералъ вышелъ ровно черезъ столько времени, сколько было нужно, чтобы выслушать донесеніе, и въ отверстіе, сдѣланное въ холстинной перегородкѣ, рассмотрѣть лицо посетителя.

Кажется, что донесеніе это было благопріятно для французскаго дворянина; вѣроятно также, что солдаты хорошо отнеслись о скромности, съ какою онъ проходилъ мимо лагеря; по крайней мѣрѣ, Монкъ встрѣтилъ незнакомца очень привѣтливо, чего тотъ не ожидалъ въ такое время и отъ такого недовѣрчиваго человѣка. Однако жъ, видя передъ собою лицо незнакомое, Монкъ, по привычкѣ, окинулъ его быстрымъ и испытующимъ взоромъ, который, съ своей стороны, незнакомецъ выдержалъ безъ малѣйшаго замѣнательства.

— Милордъ, сказалъ дворянинъ прекраснымъ англійскимъ языкомъ: я просилъ свиданія съ вами по одному важному дѣлу.

— Вы говорите по-англійски слишкомъ хорошо для человѣка, рожденнаго на материкѣ, отвѣчалъ Монкъ по-французски. Извините вопросъ, конечно не совсѣмъ скромный: не такъ ли хорошо владѣете вы и французскимъ языкомъ?

— Не удивительно, милордъ, что я свободно говорю по-англійски: я провелъ молодость въ Англіи, а потомъ еще два раза по ней путешествовалъ.

Слова эти, сказанныя чистымъ французскимъ языкомъ, обнару-

жили въ незнакомцѣ Француза, и притомъ Француза изъ окрестностей Тура.

— А въ которой части Англии вы жили, сударь?

— Въ молодости, милордъ, я жилъ въ Лондонѣ; потомъ, около 1635, путешествовалъ, для своего удовольствія, по Шотландіи; наконецъ, въ 1648, жилъ нѣкоторое время въ Ньюкастлѣ, и большею частію въ монастырѣ, котораго сады заняты теперь вашею арміею?

— Извините, милостивый государь, но при моемъ положеніи, вы понимаете необходимость такихъ вопросовъ.

— Я удивился бы, милордъ, еслибы вы не предложили ихъ мнѣ.

— Теперь, милостивый государь, чѣмъ я могу услужить вамъ, и чего желаете вы отъ меня?

— Сейчасъ, милордъ; но прежде скажите, одни ли мы здѣсь?

— Совершенно одни, милостивый государь, кромѣ часоваго, который охраняетъ насъ.

Сказавъ это, Монкъ откинулъ рукою пологъ палатки и указалъ дворянину на часоваго, который стоялъ въ десяти шагахъ отъ нихъ, и по первому призыву могъ явиться на помощь, въ одну секунду.

— Въ такомъ случаѣ, милордъ, сказалъ дворянинъ съ такимъ спокойнымъ выраженіемъ, какъ-будто былъ давнишній другомъ собесѣдника: въ такомъ случаѣ я могу смѣло говорить съ вами, потому что знаю васъ, какъ честнаго человѣка. Впрочемъ, то, что я намѣренъ сообщить вамъ, докажетъ мое къ вамъ уваженіе.

Монкъ, удивленный этимъ тономъ, аводившимъ по меньшей мѣрѣ совершенное равенство между нимъ и французскимъ дворяниномъ, устремилъ острый взглядъ на незнакомца съ кривіею, которую можно было увидѣть только изъ перемѣны голоса, потому что ни одинъ мускулъ его лица не пошевелился:

— Благодарю васъ, милостивый государь, сказалъ генералъ: но прежде позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— Я уже сказалъ свое имя серванту, милордъ.

— Извините, милостивый государь: онъ Шотландецъ; ему трудно запомнить.

— Меня зовутъ графъ де-ла-Фэръ, милостивый государь, сказалъ Атосъ, съ почтительнымъ поклономъ.

— Графъ де-ла-Фэръ? повторилъ Монкъ, стараясь собраться съ памятью: извините, милостивый государь, но кажется, что въ первый разъ я слышу эту фамилію. Занимаете вы какую-нибудь должность при французскомъ дворѣ?

— Ни какой; я простой дворянинъ.

— Есть у васъ особенные знаки отличія?

— Король Карлъ-Первый сдѣлалъ меня кавалеромъ Подвязки, а королева Анна Австрійская пожаловала мнѣ орденъ Святаго Духа. Вотъ всѣ мои знаки отличія, милордъ.

— Орденъ Подвязки! Святаго Духа! вы кавалеръ обоихъ этихъ орденовъ?

— Да.

— А нельзя ли узнать, по какому случаю даны вамъ оба эти ордена?

— За разные услуги ихъ величествамъ.

Монкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на незнакомца, казалось, соединявшаго въ себѣ пустоту съ величіемъ; и потомъ, какъ будто отказываясь отъ желанія проникнуть въ тайну пустоты и величія, въ которыхъ незнакомецъ, по видимому, не желалъ отдавать дальнѣйшихъ отчетовъ, Монкъ обратился съ вопросомъ:

— Это вы являлись вчера къ аван-постамъ?

— Да, милордъ, и мнѣ еще отказали....

— Многіе офицеры, милостивый государь, не пускаютъ никого въ свой лагерь, особенно наканунѣ вѣроятнаго сраженія. Но я нѣсколько отличаюсь отъ своихъ товарищей и не люблю оставлять дѣло недоконченнымъ. Всякое извѣстіе пригодится; всякая опасность посылается мнѣ Богомъ. Вамъ отказали вчера, потому что я держалъ свѣтъ; но сегодня я свободенъ; говорите.

— И вы тѣмъ лучше поступили, допустивъ меня сюда, что дѣло идетъ вовсе не о сраженіи, которое вы хотите дать Ламберту, ни о вашемъ лагерѣ; въ подтвержденіе своихъ словъ скажу только, что я отвернулся, не желая видѣть вашихъ людей, и зажмурилъ, чтобы не считать вашихъ палатокъ. Нѣтъ, милордъ, я пришелъ говорить лично за себя.

— Говорите, графъ, сказалъ Монкъ.

— Сейчасъ я имѣлъ честь сказать вамъ, продолжалъ Атосъ, что я долгое время жилъ въ Ньюкастлѣ: это было при королѣ Карлѣ-Первомъ, когда Шотландцы выдали покойнаго короля Кроуваля.

— Знаю, холодно отвѣчалъ Монкъ.

— Въ то время у меня была значительная сумма золотомъ, и наканунѣ сраженія, можетъ быть, предчувствуя событія слѣдующаго дня, я спряталъ ее въ главномъ погребѣ ньюкестльскаго аббатства, въ башнѣ, которой вершина видна отсюда, освѣщенная луною. Тамъ я зарылъ свое богатство, и теперь пришелъ просить у васъ, милордъ, позволенія, вынуть эту сумму, пока еще мина, взрывъ или другая военная забава не разрушила зданія и не истребила моего золота, или не прельстила имъ солдатъ и руки.

Монкъ понималъ людей, и видя въ лицѣ незнакомца энергію, полный разсудокъ и чрезвычайную осмотрительность, могъ приписать признаніе французскаго дворянина только великодушной довѣрчивости. Монкъ, казалось, былъ глубоко растроганъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, графъ, вы показали большое довѣріе ко мнѣ. Но эта сумма стѣнитъ ли опасностей, которымъ вы подвергали себя? И увѣрены ли вы что она еще лежитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вы ее оставили?

— Ея никто не тронулъ, милордъ; можете быть увѣрены.

— Это одинъ вопросъ; но вотъ другой..... Я спрашиваю, неужели эта сумма такъ велика, что стоило для нея подвергать себя опасности?

— Да, милордъ: сумма въ самомъ дѣлѣ порядочная: въ двухъ боченкахъ милліонъ.

— Милліонъ! вскричалъ Монкъ, на котораго Атосъ, въ свою очередь, устремилъ взглядъ пристальный и долгій....

Монкъ примѣтилъ этотъ взглядъ; недоувѣрчивость его возвратилась.

— Эге! подумалъ онъ: онъ разставляетъ мнѣ сѣти. — И такъ, графъ, продолжалъ Монкъ, кажется вы хотите взять свои деньги?

— Если позволите, милордъ.

— Сегодня?

— Нынче вечеромъ; я уже объяснилъ вамъ побудительную причину.

— Но, возразилъ Монкъ, генералъ Ламбертъ не дальше меня отъ аббатства; отчего вы не обратились къ нему?

— Потому, милордъ, что при важныхъ обстоятельствахъ надо прежде всего слѣдовать своему инстинкту. Генералъ Ламбертъ не поселаетъ во мнѣ довѣрія, какое внушаете вы, милордъ.

— Хорошо; я прикажу отыскать ваши деньги, если только они еще тамъ, потому что вѣдь, наконецъ, ихъ можетъ и не быть. Съ 1648 года прошло двѣнадцать лѣтъ и совершилось не мало событій.

Монкъ опирался на это обстоятельство, желая видѣть не попадетъ ли французскій дворянинъ въ ловушку, приготовленную подъ его ногами; но Атосъ даже не мигнулъ.

— Увѣряю васъ, милордъ, сказалъ онъ смѣло, я убѣжденъ, что боченки не перемѣнили ни мѣста, ни хозяина.

Такой отвѣтъ уничтожилъ одно подозрѣнiе, но у Монка тотчасъ же родилось другое.

Навѣрное, этотъ Французъ—агентъ, подосланный подкупить президента парламента; золото этого искателя приключеній— одна пустая мечта, и этою-то мечтою онъ, безъ сомнѣнiя, хотѣлъ возбудить алчность генерала. Золота навѣрное нѣтъ, и Монку оставалось только поймать обманъ и хитрость французскаго дворянина на дѣлѣ, и торжественно извлечь себѣ славу тамъ, гдѣ враги ему готовили паденiе. Монкъ, составивъ планъ своимъ дѣйствiямъ, сказалъ Атосу:

— Надѣюсь, графъ, вы не откажете мнѣ въ чести поужинать со мною.

— Съ удовольствiемъ, милордъ, отвѣчалъ Атосъ: вы дѣлаете мнѣ честь, которой я достоинъ за свое расположенiе къ вамъ.

— Откровенность ваша тѣмъ любезнѣе, что мои повара не отличаются особеннымъ искусствомъ; притомъ, люди ходившiе вчера въ городъ за провiзiей, воротились съ пустыми руками, такъ, что генералъ Монкъ легъ бы спать безъ ужина, если бы случайно не зашелъ, къ намъ въ лагерь, французскій рыбакъ. У меня есть свѣжая рыба, по-крайней-мѣрѣ онъ хвалилъ ее за свѣжесть.

— Я остаюсь, милордъ, собственно изъ желанiя пробить у васъ нѣсколькоми минутами подольше.

Послѣ такого обмѣна любезности былъ поданъ ужинъ или что-то подъ именемъ ужина. Монкъ подалъ знакъ графу де-ла-Феру и они усѣлись вдвоемъ, одинъ противъ другаго, за сосновый столъ, на которомъ было поставлено для двухъ знаменитыхъ собесѣдниковъ только одно блюдо — вареная рыба.

За ужиномъ, то есть за блюдомъ рыбы, и дурнымъ элемъ, Монкъ разспрашивалъ о послѣднихъ происшествiяхъ Фронды, о приреченiи Конде съ королемъ, о предполагаемомъ бракѣ его вели-

чества съ святою Маріей-Терезіей, — но, подобно Атосу, не бѣгалъ всякаго наемку на политическіе интересы, которые онъ единили или раздѣляли въ то время Францію и Голландію.

При этомъ разговорѣ, Монкъ съ первыхъ словъ убѣдился, что нѣтъ дѣла съ человѣкомъ высокаго происхожденія. Онъ не могъ быть убійцей; Монкъ не хотѣлъ даже вѣрить, что это шпіонъ, но, видя въ Атосѣ довольно тонкости и рѣшимости, пришелъ къ заключенію, что онъ, вѣроятно, заговорщикъ.

— И такъ, вы еще вѣрите въ свое сокровище? спросилъ Монкъ, когда они встали изъ-за стола.

— Да, милордъ.

— Серьезно?

— Очень серьезно.

— И вы надѣетесь отыскать мѣсто, куда зарыто ваше богатство?

— Съ перваго взгляду.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Монкъ, и я пойду съ вами, изъ любопытства; впрочемъ, это еще лучше для васъ: вы заблудились бы въ лагерьъ безъ меня или моего адъютанта.

— Повѣрьте, генераль, я не потерпѣлъ бы, чтобъ вы безконечно для меня, еслибъ дѣйствительно не нуждались въ вашей помощи; но теперь, принимая ваше предложеніе, потому что оно не только дѣлаетъ мнѣ честь, но, въ то же время, необходимо.

— Не хотите ли взять съ собою нѣсколько человѣкъ? спросилъ Монкъ у Атоса.

— Я думаю, это будетъ напрасно, генераль, если вы сами не находите это необходимымъ. Двухъ человѣкъ и лошади довольно, чтобы перенести два боченка въ лодку, въ которой я прѣхалъ.

— Но вѣдь понадобится рыться, копать землю, разбивать кирпичи, а гдѣ вамъ одному справиться съ работою, не такъ ли?

— Ни рыться, ни копать землю вовсе не надо. Кладъ положенъ въ монастырскомъ склепѣ; подъ камнемъ, въ который вѣдливо желѣзное кольцо, открывается углубленіе ступени на четыре, и тамъ лежатъ два боченка, сложенные днами и покрытые слоемъ алебастру въ видѣ гробницы. Крімъ того, надлежитъ помочь мнѣ узвать камень. Какъ я не хочу скрывать отъ васъ тайну въ дѣлѣ довѣренности, то вотъ вамъ и самая надпись:

Hic jacet venerabilis Petrus Guillelmus Scott. Canon. Honorab. Conventus novi castelli. Obiit quartâ et decimâ die. Feb. ann. Dom. MDCXCVIII. Requiescat in pace.

Монкъ не проронилъ ни слова. Онъ не зналъ, чему удивляться,

изумительному ли искусству, съ какимъ этотъ человѣкъ разыгрывалъ свою роль, или откровенности, съ какою онъ объявлялъ тайну, рискуя потерять миллионъ отъ одного удара кинжаломъ среди жадной толпы солдатъ, которые смотрѣли бы на воровство, какъ на возстановленіе своего права.

— Хорошо, сказалъ Монкъ: я пойду съ вами; похождения ваши такъ чудесны, что я самъ хочу нести факель.

Сказавъ это, онъ вооружился коротенькою шпагой, заткнулъ за поясъ маленькій пистолетъ, и какъ-будто нечаянно, распахнувъ при этомъ движеніи камзолъ, показалъ тонкую кольчугу, которая спасала его отъ перваго удара кинжаломъ.

— Готовы ли вы? спросилъ Монкъ, обращаясь къ Атосу: я готовъ.

Атосъ, напротивъ, снялъ съ себя кинжалъ, отстегнулъ шпагу, положилъ ее на столъ; потомъ, какъ-будто отъискивая носовой платокъ въ камзолѣ, отстегнулъ золотую петлю, и сквозь тонкую батистовую рубашку показалъ, что на груди его нѣтъ никакого оружія, ни наступательнаго, ни оборонительнаго.

— Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, страшный человѣкъ, подумалъ Монкъ: онъ вовсе безъ оружія; но, вѣрно, у него тамъ притотворена засада...

— Генераль, сказалъ Атосъ, будто угадавъ мысль Монка: вы хотите идти безъ провожатыхъ, это прекрасно, однако жъ великій полководецъ не долженъ безразсудно жертвовать собою; теперь ночное время, переходить черезъ болота опасно; возьмите съ собою нѣсколько проводниковъ.

— Правда ваша, отвѣчалъ Монкъ.

И потомъ закричалъ:

— Дэйби!

Адъютантъ явился.

— Пятьдесятъ человѣкъ со шпагами и мушкетонами!

И послѣ такого приказанія, взглянулъ на Атоса.

— Не много, замѣтилъ Атосъ, если есть опасность, и много — если вовсе нѣтъ ни какой опасности.

— Я пойду одинъ, сказалъ Монкъ: не надо ни кого, Дэйби. Пойдемте.

Атосъ и Монкъ, идя изъ лагеря къ Твнду, проходили тѣ самыя мѣста, чрезъ которыя Дэйби велъ рыбаковъ отъ рѣки въ лагерь. Видъ этихъ мѣстъ, видъ перемѣнъ, которыя произвели въ нихъ присутствіе людей, были таковы, что могли сильно подействовать на живое воображеніе Атоса; онъ, казалось, только

и обращалъ вниманіе на ихъ пустынный характеръ. Въ свою очередь Монкъ только и смотрѣлъ на Атоса, который шел и думавшись, по временамъ обращая глаза, то къ небу, то опять къ землѣ, какъ-будто ища чего-то.

Дѣйствіе, котораго послѣднее приказаніе генерала и особенно голосъ, съ какимъ оно было произнесено, сначала немножко смутили, слѣдовавъ, шагахъ въ двадцати, за ночными путниками. Монкъ обернулся и какъ-будто удивился, что приказаніе его и исполнено. Адъютантъ понялъ свою нескромность и воротился въ палатку.

Онъ предполагалъ, что генералъ хотѣлъ никогдѣ не сдѣлать осмотра своего лагеря, осмотра, который каждому опытному полководцу не мѣшало сдѣлать наканунѣ рѣшительнаго дня. Дѣйствіе объяснилъ по-свѣдѣму присутствіе Атоса. Адъютанту казалось, что Французъ непременно былъ какой нибудь шпионъ, въ свѣдѣніяхъ котораго генералъ имѣлъ большую нужду.

Минуть черезъ десять, Монкъ и Атосъ вышли изъ лагеря на дорогу, которая расходилась на три стороны. Лѣвая вела къ рѣкѣ, средняя къ вьюкэстльскому аббатству, наконецъ правая проходила по передовымъ линіямъ Монкова лагеря, то есть тѣмъ которыя были ближе всѣхъ къ лагерю Ламберта. За рѣкой стояли часовые, поставленные Монкомъ для наблюденія за непріятелемъ. Это былъ отрядъ изъ ста-пятидесяти Шотландцевъ, которые переплыли Твидъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ атаки, тотчасъ же переплыть снова въ лагерь и сдѣлать тревогу. Впрочемъ Монкъ не очень боялся нападенія съ этой стороны, потому что тутъ не было мосту и потому что солдаты Ламберта не были приготовлены переплыть рѣку съ такою скоростью, какъ Шотландцы, поставленные генераломъ на стражѣ.

По-сю сторону Твида, въ пяти-стахъ шагахъ отъ вьюкэстльскаго аббатства, находилось жилище рыбаковъ, посреди множе-ства маленькихъ палатокъ, выстроенныхъ солдатами, которые имѣли съ собою женъ и дѣтей своихъ.

Весь этотъ беспорядокъ, освѣщаемый луннымъ сіяніемъ, представлялъ какой-то мрачный характеръ: полутѣнь придавала чудный видъ каждой подробности, а лунные лучи отражались на концахъ ружей, на каждомъ чистомъ, бѣломъ доскуткѣ палатокъ.

Монкъ и Атосъ вышли на дорогу, пройдя этотъ мрачный пейзажъ, освѣщаемый двойнымъ сіяніемъ, серебрястыми лучами луны и красноватымъ отблескомъ огня, угасавшихъ въ кострахъ. Здѣсь Монкъ остановился.

— Узнаете ли вы путь вашъ, графъ? спросилъ Монкъ.

— Если не ошибаюсь, средняя дорожка ведетъ прямо къ аббатству.

— Именно, но намъ нуженъ факель, чтобы пройти чрезъ подземный ходъ.

Монкъ обернулся.

— Ахъ, Дэйби кажется слѣдовалъ за нами, сказалъ онъ; тѣмъ лучше, онъ доставитъ намъ все, что нужно.

— Да, генераль, дѣйствительно, какой-то человекъ шелъ въ слѣдъ за нами.

— Дэйби? вскричалъ Монкъ: Дэйби, полите сюда.

Но тѣнь, какъ будто испуганная бросилась бѣжать и исчезла на лѣвой дорожкѣ, которая вела къ палаткѣ рыбаковъ.

— Вѣроятно, это не Дэйби; замѣтилъ Монкъ.

Оба путника слѣдовали глазами за тѣнью, но ни сколько не обезпокоились, потому что такое явленіе очень легко могло случиться въ лагерѣ, въ которомъ находилось до двѣнадцати тысячъ человекъ.

— Однако жъ намъ надо найти или лампу или факель или что-нибудь подобное, чтобъ видѣть, какъ ступить....

— Первый попавшійся солдатъ можетъ посвѣтить намъ....

— Нѣтъ, сказалъ Монкъ, желая узнать, не имѣлъ ли графъ де-ла-Феръ какихъ-нибудь сношеній съ рыбаками. Мнѣ бы хотѣлось лучше позвать кого-нибудь изъ французскихъ матросовъ, которые привезли рыбу. Они завтра уѣзжаютъ, такъ наша тайна будетъ ими лучше сохранена. Между тѣмъ какъ если въ шотландскомъ войскѣ пройдетъ слухъ, что въ ньюкэстльскомъ аббатствѣ нашли сокровища, мои Гэйлендеры подумаютъ, что тамъ подъ каждой плитой зарыто по милліону и разрушатъ все зданіе.

— Дѣлайте, какъ вамъ угодно, генераль, отвѣчалъ Атосъ, голосомъ, который ясно выражалъ, что ему все равно — солдатъ или рыбакъ будетъ свѣтить.

Монкъ подошелъ къ дорожкѣ, на которой пропала тѣнь, и встрѣтилъ патруль, возвращавшійся послѣ обходу къ главной квартирѣ. Генераль сказалъ лозунгъ и двоихъ спутниковъ пропустили.

Одинъ солдатъ, разбуженный шумомъ, всталъ посмотрѣть, что дѣлалось.

— Спросите у него, сказалъ Монкъ Атосу: гдѣ живутъ рыбаки... меня онъ узнаетъ по-голосу...

Атось подошелъ къ солдату и тотъ указалъ ему палатку рыбаковъ.

Генералу показалось, что тѣнь, подобная той, которую онъ видѣлъ, тихонько проскользнула въ палатку; но войдя въ нее, онъ подумалъ, что ошибся, потому-что тамъ всѣ спали гаубочникъ своимъ...

Атось, боясь, чтобъ генераль не сталъ подозрѣвать его въ сообществѣ съ рыбаками, не вошелъ въ палатку.

— Эй, проснитесь, вскричалъ Монкъ по-французски.

Двое или трое изъ спавшихъ поднялись.

— Пускай кто-нибудь изъ васъ посвѣтитъ мнѣ, продолжалъ генераль.

Рыбаки поднялись... Ихъ начальникъ всталъ первый.

— Куда прикажете идти, милордъ? спросилъ онъ голосомъ, который заставилъ Атоса вздрогнуть.

— Увидишь послѣ, скорѣй огня...

— Слушаю, ваша честь. Прикажете мнѣ проводить васъ, милордъ?...

— Все равно, ты или другой кто, лишь бы кто-нибудь мнѣ посвѣтилъ...

— Странно, думалъ Атось: какой голосъ у этого рыбака...

— Огня! эй вы, проворитѣ! вскричалъ рыбакъ.

Потомъ онъ обратился къ тому изъ своихъ товарищей, который ближе стоялъ къ нему и тихо сказалъ:

— Засвѣти огонь, Мэнвилъ, да будь на-готовѣ...

Рыбакъ выскѣкъ огня и палатка вдругъ освѣтилась.

— Готовы ли вы, графъ? спросилъ Монкъ у Атоса, который отвернулся, чтобы скрыть отъ свѣту лицо...

— Готовъ, генераль, отвѣчалъ Атось.

— А, это французскій дворянинъ! сказалъ тихо начальникъ рыбаковъ: я хорошо сдѣлалъ, Мэнвилъ, что велѣлъ тебѣ провожать ихъ.... Этотъ дворянинъ могъ бы узвать меня.... Свѣти же....

Эти слова были сказаны такъ тихо, что Монкъ ничего не услышалъ. Притомъ онъ самъ разговаривалъ съ Атосомъ.

Мэнвилъ въ это время принималъ приказанія своего начальника.

— Ну, готовъ ли? спросилъ Монкъ.

— Готовъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ рыбакъ.

Монкъ, Атось и рыбакъ вышли.

— Нѣтъ, это невозможно, думалъ Атосъ: это просто игра моего воображенія.

— Иди впередъ, вотъ по этой средней дорожкѣ, да проворнѣй, сказалъ генералъ.

Едва трое путниковъ отошли отъ палатки шаговъ на двадцать, какъ изъ нея вышла прежняя тѣнь и, подъ прикрытіемъ изгороди, которая стояла по обѣимъ сторонамъ дороги, съ любопытствомъ замѣчала за ними.

Монкъ, Атосъ и рыбакъ шли къ аббатству, котораго бѣлые развалившіяся стѣны, подобно гробницамъ, видѣлись изъ дали.

Дойдя до воротъ аббатства, они остановились.

Тамъ четверо солдатъ, составлявшіе постъ, преспокойно спали, въ совершенной увѣренности, что нельзя было ожидать нападенія съ этой стороны.

— Эти люди не помѣшаютъ вамъ? спросилъ Монкъ у Атоса.

— Напротивъ, отвѣчалъ тотъ: они помогутъ намъ выкатить бочки, если только вы позволите, генералъ.

— И прекрасно....

Часовые, однакожь, проснулись при первомъ шумѣ шаговъ. Графъ сказалъ лозунгъ и прошелъ во внутренность монастыря за рыбакомъ, который несъ факелъ. Генералъ шелъ позади, наблюдая за каждымъ движеніемъ Атоса и готовый вонзить свой книжалъ въ грудь Французу, при малѣйшей измѣнѣ. Но Атосъ твердымъ и спокойнымъ шагомъ проходилъ корридоры и внутренніе дворы аббатства.

Въ монастырѣ не было ни одного цѣлаго окна, ни одной двери: двери были сожжены и еще видѣлись слѣды углей, которые, вѣроятно, угадли въ безсиліи испепелить до тла массивныя дубовыя связи, скрѣпленныя желѣзными полосами. Въ окнахъ всѣ стекла были перебиты. Изъ нихъ вылетѣла стая ночныхъ птицъ, встревоженныхъ свѣтомъ факела. Огромныя летучія мыши начали крутиться надъ головами дерзкихъ гостей, тѣни которыхъ при мрачномъ освѣщеніи отражались на высокихъ стѣнахъ. Это зрѣлище всякаго убѣждало бы въ безопасности, и Монкъ дѣйствительно заключилъ, что въ монастырѣ не было живой души, потому-что птицы еще мирно гнѣздились въ окнахъ и залахъ комнатъ, и улетѣли только при появленіи троицъ путниковъ.

Перейдя черезъ обломки камней, Атосъ дошелъ наконецъ до подземныхъ погребовъ, находившихся подъ большою залой. Тутъ онъ остановился.

— Здѣсь, генералъ, сказалъ онъ.

— Эта плита?...

— Да.

— Въ самомъ дѣлѣ, я узнаю кольцо, но оно утверждено наглухо.

— Намъ нуженъ рычагъ.

— Его легко найти....

Осматривая вокругъ себя, Монкъ и Атось замѣтили небольшой дюйма въ три толщиной дубокъ, который выросъ въ углу стѣны и своими вѣтвями выбилъ стекла у ближнихъ оконъ.

— Есть съ тобой ножъ? спросилъ Монкъ у рыбака.

— Есть, сударь.

— Ну такъ, срѣжь это деревцо.

Рыбакъ исполнилъ приказаніе.

Когда, такимъ образомъ, дубокъ былъ срѣзанъ и обтесанъ въ видѣ рычага, трое путяниковъ вошли въ подземелье.

— Остановись здѣсь, сказалъ Монкъ рыбаку: мы должны отрыть боченки съ порохомъ. Твой факелъ можетъ быть намъ спасень.

Рыбакъ съ нѣкоторымъ испугомъ отодвинулся и всталъ въ уголокъ погреба, между-тѣмъ какъ Монкъ и Атось зашли за колонну, у подошвы которой лунный лучъ какъ разъ упалъ на плиту, которой графъ де-ла-Феръ искалъ.

— Это она, сказалъ Атось, указывая на латинскую надпись плиты.

— Да, отвѣчалъ Монкъ: но не замѣчаете ли вы, что въ это подземелье уже входили.... многія статуи разбиты.

— Вы конечно знаете, милордъ, что Шотланды имѣютъ предрасудокъ отдавать подлѣ сохраненіе статуямъ умершихъ, драгоценности, которыми они обладали во время жизни. Очень естественно, что солдаты зная это и падѣясь на добычу, разбили многія статуи и разрушили пьедесталы. Но гробница почтеннаго канонника, съ которымъ мы должны имѣть дѣло, не отличена ни какими памятникомъ. Она очень проста, и притомъ же ваши ирландцы боятся святотатства. Это спасло бѣдную гробницу. Посмотрите, она совершенно цѣла.

— Да, правда.

Атось взялся за рычагъ.

— Помочь вамъ? сказалъ Монкъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ; я не хочу, чтобы ваше превосходительство утруждали себя работой, за которую, можетъ быть, вамъ

вовсе не хотѣлось бы брать на себя отвѣтственности, еслибы вы знали послѣдствія....

Монкъ поднялъ голову съ выразительнымъ видомъ.

— Что вы хотите этимъ сказать ?

— Я хочу сказать... но этотъ человѣкъ....

— А, понимаю, вы опасаетесь его.... Я сдѣлаю онытъ.

Монкъ обернулся къ рыбаку.

— Come here, friend, сказалъ онъ ему повелительнымъ тономъ.

Рыбакъ и не пошевелился.

— Видите ли, онъ не знаетъ по-англійски, замѣтилъ генералъ: говорите со мной по-англійски.

— Извините, милордъ, я часто встрѣчалъ людей, которые въ извѣстныхъ обстоятельствахъ были удивительное присутствие духа и не отвѣчали на подобные вопросы. Рыбакъ, можетъ быть, гораздо ученѣе, чѣмъ мы предполагаемъ. Сдѣлайте милость, милордъ, отошлите его.

— Рѣшительно, думалъ Монкъ, онъ хочетъ, чтобы я остался съ нимъ одинъ.... Но что нужды, идемъ до-конца. Человѣкъ стоитъ человѣка, и насъ только двое....

— Взойди, пожалуйста, на лѣстницу, сказалъ генералъ рыбаку, и смотри, чтобы кто-нибудь не потревожилъ насъ.

Рыбакъ хотѣлъ итти.

— Оставь здѣсь твой факелъ, прибавилъ Монкъ: а то, пожалуй, тебя замѣтятъ на верху и еще выстрѣлятъ.

Рыбакъ поставилъ факелъ на землю и исчезъ подъ сводами лѣстницы.

Монкъ взялъ факелъ и поставилъ у подножія колонны.

— Такъ въ этой гробницѣ, дѣйствительно, скрыты деньги? сказалъ онъ.

— Да, милордъ; и черезъ пять минутъ вы сами перестанете сомнѣваться въ этомъ.

Атось изо всей силы ударилъ по смазкѣ и пробилъ ее насквозь. Онъ просунулъ свой рычагъ въ это маленькое отверстіе и скоро цѣлые куски глины начали отламываться.

— Не правду-ли я говорилъ вамъ? сказалъ Атось.

— Правду, но я еще не вижу боченковъ, отвѣчалъ Монкъ.

— Еслибы у меня былъ книжалъ, вы бы сейчасъ ихъ увидѣли. Къ несчастію, я забылъ свой въ палаткѣ вашего превосходительства.

— Я предложилъ бы вамъ мой кинжалъ, сказалъ Монкъ, но онъ слишкомъ тонокъ для подобной работы.

Атось, казалось, искалъ вокругъ себя какогонибудь предмета, который могъ бы замѣнить кинжалъ.

Монкъ не терялъ изъ виду ни одного движенія Атоса, ни одного выраженія его глазъ:

— Отчего вы не спросите у рыбака его ножа? сказалъ генералъ: вѣдь у него есть ножъ....

— Ахъ, да! дѣйствительно, отвѣчалъ Атось: онъ имъ срѣзаль это деревцо.

И онъ, подойдя къ лѣстницѣ, вскричалъ:

— Брось мнѣ, пожалуйста, твой ножъ; мнѣ онъ очень нуженъ....

Ножъ, стукаясь о ступени лѣстницы, упалъ къ ногамъ Атоса.

— Ну, вотъ, сказалъ Монкъ: крѣпкій инструментъ.... твердая рука можетъ съ нимъ сдѣлать многое....

Атось понялъ эти слова въ ихъ настоящемъ, простомъ значеніи, и даже, казалось, не замѣтилъ того, что, когда онъ подходилъ къ генералу, тотъ послѣдній отодвинулся отъ него и схватился правой рукой за кинжалъ, а лѣвой за пистолетъ. Атось принялся за трудную работу, ставъ спиной къ Монку, и такимъ образомъ былъ совершенно беззащитенъ. Онъ такъ ловко, такъ искусно разбивалъ глиняную смазку, что черезъ нѣсколько минутъ она разлетѣлась въ дребезги и глазамъ Монка представились два боченка.

— Видите, милордъ, что мое убѣжденіе не обмануло меня.

— Да, отвѣчалъ Монкъ, и я думаю, что вы очень довольны, не правда ли?

— Очень, милордъ; потеря этихъ денегъ была бы для меня очень чувствительна; но я былъ увѣренъ, что Богъ, покровительствуя правому дѣлу, поможетъ мнѣ отыскать сокровище, которое должно быть употреблено въ пользу его....

— Клянусь честью, сказалъ Монкъ: вы столько же таинственны въ вашихъ словахъ, сколько въ дѣйствіяхъ. Съ минуту назадъ вы мнѣ сказали, что не хотите наложить на меня отвѣтственности того, что мы дѣлаемъ....

— Я имѣлъ причину сказать это, милордъ....

— Теперь, вы мнѣ говорите о какомъ-то правомъ дѣлѣ. Что это значитъ? Въ настоящее время мы отстаиваемъ въ Англіи нять или шесть разныхъ дѣлъ и каждый считаетъ свое лучше и справедливѣе всѣхъ другихъ. Какое же ваше дѣло? говорите

смѣлю. Вѣдь надо-же узнать, согласны ли мы еще въ томъ, чему вы, кажется, приписываете огромную важность.

Атось бросилъ на Мовка проникательный глубокий взглядъ. Потомъ онъ снялъ шляпу и началъ говорить торжественнымъ голосомъ, между-тѣмъ, какъ генералъ сжалъ своей длинной, жилистой рукой усы и бороду и задумчиво блуждалъ глазами въ тайной глубинѣ подземелья.

— Милордъ, сказалъ графъ де-ла-Феръ, вы благородный Англичанинъ и честный человекъ; вы говорите съ благороднымъ Французомъ и человекомъ, у котораго есть сердце. Это золото не принадлежитъ мнѣ. Я солгалъ, сказавъ вамъ, что оно мое, но солгалъ въ первый разъ во всей моей жизни. Это золото принадлежитъ королю Карлу Второму, изгнанному изъ отечества, выгнанному изъ дворца, бѣдному сиротѣ, котораго разомъ лишили и престола, и отца; сиротѣ, который даже не можетъ съ грустью преклониться на могилѣ своего родителя, предъ тѣмъ простымъ памятникомъ, на которомъ рука убійцы его начертала слова: «Здѣсь лежитъ король Карлъ Первый». Эти слова вѣчно будутъ вопиать объ отщепеніи...

Мовкъ слегка поблѣднѣлъ и вздрогнулъ.

— Да, милордъ, продолжалъ Атось: я, графъ де-ла-Феръ, единственный человекъ, оставшійся вѣрнымъ бѣдному изгнанному монарху, я предложилъ ему отыскать того, отъ котораго зависить теперь судьба царственной власти въ Англіи, и я пришелъ и предсталъ предъ лицомъ этого человека, безоружный, совершенно предаваясь во власть его. На васъ, милордъ, послѣдняя надежда государя, котораго Богъ сдѣлалъ вашимъ властителемъ, рожденіе сдѣлало вашимъ королемъ. Отъ васъ однихъ зависить и его жизнь, и его будущность. Хотите ли вы употребить это золото въ пользу Англіи, залечить имъ ея раны, которыми она страдаетъ во время анархій; если нѣтъ, такъ хотите ли, по крайней-мѣрѣ, не мѣшать королю Карлу Второму самому сдѣлать это? Вы человекъ могущественный, вы почти король, потому-что случай часто уничтожаетъ твореніе временъ. Я одинъ съ вами, милордъ; если вы боитесь моего сообщества, вы вооружены.... и вотъ готовая могила. Если, напротивъ, васъ увлекаетъ ваша цѣль, если ваша рука повинуется вашему уму, а умъ сердцу, вотъ вамъ средство навсегда уничтожить правое дѣло вашего врага Карла Второго. Убейте меня, потому-что я не возвращусь къ тому, который послалъ меня, не представивъ сокровища, которое мнѣ довѣрилъ Карлъ Первый.

Тогда вы можете воспользоваться этимъ золотомъ для поддержа-
вія междоусобныхъ войнъ. Безъ этихъ сокровищъ несчастный из-
гнанникъ ничего не сдѣлаетъ. Ему остается только подкупъ или
убійство, потому что ему все противится, все его ненавидитъ,
все ему враждебно, а между тѣмъ онъ отмѣченъ божественной
печатью и ему необходимо — или взойти на престолъ, который
ему принадлежитъ, или по крайней мѣрѣ, умереть на святой зе-
млѣ своей отчизны.

Вы слышали меня, милордъ; всякому другому, а не вамъ, я
сказалъ бы: вы бѣдны, милордъ; король предлагаетъ вамъ это
золото, какъ задатокъ. Возьмите его и служите Карлу Второму,
какъ я служилъ Карлу Первому; и я увѣренъ, что Богъ, кото-
рый насъ слушаетъ, видитъ, читаетъ въ вашемъ сердцѣ, закры-
томъ для всѣхъ, — я увѣренъ, что Онъ пошлетъ вамъ блаженную
на вѣки жизнь; тихій, спокойный конецъ. Но генералу Монку,
человѣку знаменитому, я говорю такъ:

Милордъ, исторія царей и народовъ готовитъ вамъ на страни-
цахъ своихъ блестящее мѣсто, она покроетъ имя ваше вѣчною,
незабвенною славой, если вы, для блага родины, по одной спра-
ведливости, сдѣлаетесь опорой вашего короля. Множество было
завоевателей и похитителей престоловъ. Вы, милордъ, вы удо-
вольствуетесь только тѣмъ, что будете самымъ добродѣтельнымъ,
самымъ честнымъ, самымъ чистымъ, неподкупнымъ человѣкомъ.
У васъ въ рукахъ короца, и вмѣсто того, чтобы надѣть на се-
бя, вы возложите ее на голову того, кому она принадлежитъ.
О, милордъ, сдѣлайте такъ, и вы завѣщаете потомству одно изъ
самыхъ завидныхъ имевъ, которымъ когда-либо гордился чело-
вѣкъ.

Атосъ замолчалъ. Монкъ, во все продолженіе рѣчи, не вы-
разилъ ни одобренія, ни противорѣчій. Даже въ глазахъ его ни
на минуту не появлялся огонь чувства. Графъ де-ла-Феръ печаль-
но посмотрѣлъ на генерала и, видя его суровое, мрачное лицо,
чувствовалъ, какъ безнадежность проникла въ его доброе сердце.
Наконецъ Монкъ, казалось, одушевился.

— Я воспользуюсь, сказалъ онъ, вашими собственными слова-
ми и скажу, что всякому другому, а не вамъ, я отвѣчалъ бы из-
гнаніемъ, темницей или тѣмъ нибудь еще хуже.... Потому что
вы искушаете меня и вмѣстѣ употребляете, нѣкоторымъ обра-
зомъ, насиліе. Но вы одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ нельзя
отказывать во вниманіи. Вы человѣкъ достойный, благородный, му-
жественный. О, я знаю это. Сейчасъ вы сказали мнѣ, что покой-

ный король довѣрилъ вамъ сокровище для передачи своему сыну; вы не одинъ ли изъ тѣхъ Французовъ, которые, какъ я слышалъ, хотѣли похитить Карла изъ Уайтъ-Галля?

— Да, милордъ, это я стоялъ подъ эшафотомъ, во время казни, я принялъ на голову брызнувшія капли крови короля-мученика; ко мнѣ было обращено послѣднее слово Карла-Перваго; мнѣ онъ сказалъ: *Remember....* подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ сокровище, которое находится у ногъ вашихъ, милордъ....

— Мнѣ многое рассказывали о васъ, сказалъ Монкъ, но я очень радъ, что могъ увидѣть васъ и угадать душою ваши достоинства. Я объясню вамъ то, чего не сказалъ бы ни кому другому, и вы оцѣните, какое различіе я дѣлаю между вами и тѣми, которыхъ до-сихъ поръ присылали ко мнѣ.

Атосъ поклонился и со вниманіемъ слушалъ слова, которыя медленно, одно-за-другимъ, падали изъ устъ Монка, слова рѣдкія и драгоценныя, какъ роса въ пустынѣ.

— Вы говорите мнѣ, сказалъ Монкъ, о королѣ Карлѣ-Второмъ; но скажите, пожалуйста, что мнѣ за дѣло до этой тѣни короля? Я состарѣлся въ битвахъ и политикѣ.... нынче онъ такъ тѣсно связанъ, что всякій солдатъ долженъ сражаться и за свое право, за свой личный интересъ, а не только слѣпо идти за своимъ офицеромъ, какъ въ обыкновенныхъ войнахъ. Я, пожалуй, можетъ-быть, ничего не желаю, но зато боюсь многого. Нынче, въ войнѣ главную роль играетъ свобода Англіи и можетъ быть всякаго Англичанина. Зачѣмъ же вы хотите, чтобы, свободный въ своихъ правахъ, я наложилъ на себя оковы чужеземца, — именно такъ, потому что для меня Карлъ-Второй не кто иной, какъ чужеземецъ. Да и къ чему?... Онъ плохой полководецъ, потому что далъ нѣсколько сраженій и не выигралъ ни одного; во всѣхъ своихъ политическихъ сношеніяхъ онъ не имѣлъ успѣху, — стало-быть онъ плохой дипломатъ.... Не передъ всѣми ли европейскими дворами онъ выказалъ свою нищету, стало-быть онъ человѣкъ слабый, безъ сердца, безъ энергій: чтѣ благороднаго, чтѣ высокаго проявилъ этотъ гевій, который хочетъ царствовать въ одномъ изъ величайшихъ королевствъ въ свѣтѣ? И вы хотите, чтобы я, человѣкъ здраво-мыслящій, сдѣлался вдругъ рабомъ существа, которое ниже меня по своимъ достоинствамъ.... Если Карлъ-Второй совершитъ какое-нибудь великое предпріятіе и я долженъ буду признать въ немъ челоуѣка съ достоинствами, я, можетъ-быть, и признаю его права на престолъ. Но до-сихъ поръ я признаю только свои

общественныя права: революція сдѣлала меня генераломъ, шлага моя сдѣлаетъ меня протекторомъ, если мнѣ будетъ угодно Пускай Карлъ явится на сценѣ и выдержитъ испытаніе, назначенное генію; но пускай не забываетъ, что онъ принадлежитъ къ той династїи, отъ которой потребуютъ больше, чѣмъ отъ всякой другой. Но оставимъ этотъ разговоръ. Я не отказываюсь, во и не принимаю, я жду....

Атось и самъ не находилъ болѣе нужды продолжать.

— Милордъ, сказалъ онъ, мнѣ остается только благодарить васъ.

— За что же? Не за то ли, что вы меня оцѣнили, какъ слѣдуетъ, и что я оправдалъ ваше мнѣніе? стоитъ труда! Это золото, которое вы отвезете Карлу-Второму, будетъ служить мнѣ средствомъ испытать его. Можетъ-быть, послѣ я перемѣню о немъ мое мнѣніе.

— Однако жъ, генералъ, можетъ-быть, ^{бл} онъ бонтесь поведетъ себя, отпустивъ сумму, назначенную для арміи врага вашего?

— Моего врага? О! у меня нѣтъ враговъ. Я служу парламенту, который повелѣваетъ мнѣ сражаться съ генераломъ Ламбертомъ и съ Карломъ-Вторымъ, его врагами, а не монахи. Если бъ парламентъ, напротивъ, приказалъ мнѣ собрать солдатъ въ лондонскомъ портѣ и принять Карла-Второго....

— Вы повиновались бы? спросилъ Атось съ радостію.

— Извините, отвѣчалъ Монкъ, улыбаясь: я хотѣлъ было.... право, не знаю что со мной?.... я хотѣлъ было сказать чисто ребяческую глупость....

— Такъ вы не стали бы повиноваться? спросилъ Атось.

— Не скажу этого.... Прежде всего благо и спокойствіе моей родины. Господь, которому угодно было даровать мнѣ силу, безъ сомнѣнія, хотѣлъ, чтобы я употребилъ ее на пользу.... Если бъ парламентъ приказалъ мнѣ подобную вещь, я подумалъ бы....

Лицо Атоса омрачилось.

— Я вижу, сказалъ онъ, вы рѣшительно не расположены къ королю Карлу-Второму.

— Вы все задаете мнѣ вопросы, графъ; позвольте же и мнѣ задать въ мою очередь....

— Сдѣлайте милость, милордъ; и дай Богъ, чтобы вы спрашивали меня съ тою же откровенностію, съ какой я буду отвѣчать вамъ.

— Когда вы отдадите Карлу эти деньги, графъ, какой совѣтъ вы дадите ему?

Атось устремилъ на генерала гордый и рѣшительный взглядъ.

— Милордъ, сказалъ онъ, съ этимъ сокровищемъ я посоветовалъ бы королю собрать два полка, войти въ Шотландію, которую вы уже усмирили, дать народу нѣкоторыя льготы, которыя революція обѣщала, но не дала. Я посоветовалъ бы Карлу лично предводительствовать надъ этой небольшою арміею, которая непременно увеличилась бы, и, съ знаменемъ въ рукѣ, безъ оружія, заставить убить себя, говоря: «Англичане! вы умерщвляете третьяго короля изъ моего роду: берегитесь правосудія Божія.»

Монкъ опустилъ голову на грудь и на минуту задумался.

— Если же бы Карлъ успѣлъ, замѣтилъ генералъ: что не вѣроятно, но возможно, потому что на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго, — что бы вы тогда посоветовали ему?

— Я посоветовалъ бы думать, что властію судьбы онъ потерялъ корону, но что добрая воля людей ее возвратила ему...

Ироническая улыбка мелькнула на губахъ Монка.

— Къ-несчастью, сказалъ онъ, Карлъ не умѣетъ слѣдовать добрымъ совѣтамъ. Но кончите, графъ.... Вы, желали этого, не такъ ли?...

Атось поклонился.

— Я прикажу, продолжалъ Монкъ, перенести, куда вамъ угодно, эти два боченка. Гдѣ вы живете, графъ?

— Въ небольшомъ селеніи, на самомъ устьѣ рѣки, милордъ.

— Знаю.... оно состоитъ изъ пяти-шести домиковъ?...

— Да, милордъ, то самое.... Я живу въ крайнемъ изъ этихъ домиковъ, вмѣстѣ съ двумя рыбаками, которые плетутъ сѣтя.... Въ ихъ то лодкѣ я и пріѣхалъ къ вамъ....

— Но гдѣ же ваше собственное судно.

— Она стоитъ на якорѣ, въ четверти миль отъ устья.... Оно меня ожидаетъ ...

— Однако жъ вы не рассчитываете тотчасъ же уѣхать?

— Я желаю еще разъ попробовать убѣдить васъ, милордъ.

— Вамъ это, не удастся, возразилъ Монкъ: но необходимо, чтобы вы уѣхали изъ Ньюкестля, не оставивъ ни какого подозрѣнія, которое бы могло повредить или вамъ или мнѣ.... Мои офицеры думаютъ, что Ламбертъ завтра сдѣлаетъ нападеніе; но я увѣренъ, что онъ этого не сдѣлаетъ. По моему это невозможно. Армія Ламберта состоитъ изъ осьмнадцати тысячъ бѣг-

лыхъ солдатъ и въ ней царствуетъ страшный безпорядокъ. Я же научилъ своихъ солдатъ повиноваться не только моеѣ власти, но вообще власти высшей, такъ, что кромѣ меня они находятся подъ начальствомъ офицеровъ; и если бѣ я случайно умеръ, — что легко можетъ быть, — мое войско вовсе не разстроилось бы. Или, если бѣ я вздумалъ отлучиться изъ лагеря, какъ я иногда дѣлаю, въ моеѣ войскѣ не оказалось бы и тѣни безпорядка. Если мои офицеры думаютъ, что Ламбертъ хочетъ сдѣлать нападеніе, тѣмъ лучше: это заставляетъ ихъ и солдатъ быть на сторожѣ. Я говорю вамъ это длительно, чтобы вы жили спокойно, безъ боязни. Не спѣшите отъѣздомъ. Черезъ недѣлю случится что-нибудь новенькое, или сраженіе или перемиріе. Тогда, такъ вы почли меня честнымъ человѣкомъ и доверили мнѣ свою тайну, я приѣду къ вамъ поблагодарить васъ, или попрошу къ себѣ. И такъ не уѣжайте, не давъ мнѣ объ этомъ знать.

— Общаю, генералъ, вскричалъ Атосъ чрезвычайно довольный, и глаза его блеснули чистой радостью.

Монкъ замѣтилъ эту радость, которая съ такоѣ искренностью выразилась въ глазахъ графа де-ла-Фера и погасилъ ее своеѣ холодной улыбкой.

— Такъ вы, милордъ, отсрочиваете мой отъѣздъ на недѣлю?

— Да.

— Но что же я стану дѣлать во все это время?

— Если случится сраженіе, пожалуйста, будьте отъ него подалше. Я знаю, что Французы любятъ этого роду развлеченія. Вы захотите взглянуть, какъ мы деремся, а между-тѣмъ какая-нибудь блудящая пуля можетъ задѣть васъ. Наши Шотландцы плохо стрѣляютъ, и я не хотѣлъ бы чтобы такой достойный дворянинъ, какъ вы, воротился на родину раненый. Кромѣ-того, я вовсе не хочу самъ отсылать вашему Карлу-Второму деньги, оставленныя вами, потому что тогда могъ бы не безъ основанія сказать, что я помогаю претенденту воевать съ парламентомъ.... Ну, графъ, дѣлайте какъ я прошу васъ....

— Ахъ, милордъ! сказалъ Атосъ: какъ бы я былъ счастливъ, если бѣ могъ проникнуть въ благородное сердце, которое бьется подъ этимъ плащемъ!

— Такъ вы рѣшительно думаете, что у меня есть тайны?... Какія могутъ быть тайны въ головѣ солдата?... Но уже поздно и факелъ гаснетъ. Позовемъ-те нашего провожатаго.

— Эй, вскричалъ Монкъ по-французски: эй, рыбакаъ!...

Рыбакъ спросилъ, что угодно.

— Поди къ посту и скажи сержанту, что генераль Монкъ приказалъ ему сейчасъ прійти сюда.

Рыбаку это легко было сдѣлать, потому что сержантъ, любопытствуя знать что привлекло генерала въ пустынное аббатство, былъ только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подземелья.

По приказанію Монка сержантъ немедленно явился.

— Возьми лошадь и двохъ людей, сказалъ Монкъ.

— Лошадь и двохъ людей? повторилъ сержантъ.

— Да.... Можешь ли ты достать лошадь съ вьючнымъ сѣдломъ?

— Могу, въ шотландскомъ лагерѣ.

— Хорошо.

— Чтò жь прикажете дѣлать съ лошадью?

— Вотъ смотри... видишь, эти два боченка?...

— Вижу, генераль.

— Одинъ изъ нихъ съ порохомъ, другой съ пулями. Мнѣ нужно перенести ихъ въ то селеніе, которое находится на устьѣ рѣки? Завтра я думаю послать туда роту солдатъ. Ты понимаешь, что это надо сдѣлать тайно, потому что отъ этого много зависитъ успѣхъ сраженія...

— О, понимаю, генераль...

— Хорошо! Эти боченки отвези въ домъ вотъ этого господина; онъ мнѣ другъ... Да смотри же, чтобъ никто не зналъ...

— Я знаю дорогу, замѣтилъ Атосъ: она не широка, но безопасна, потому что утверждена на сваяхъ...

— Ну, такъ вотъ, сказалъ Монкъ, дѣлай то, что тебѣ прикажетъ этотъ господинъ...

— О, о! да боченки такъ тяжеленьки! замѣтилъ сержантъ, пробуя поднять одинъ изъ нихъ: я думаю есть фунтовъ по четыреста въ каждомъ?

— Да, около того, отвѣчалъ графъ де-ла-Феръ.

Сержантъ отправился некатъ лошади и людей. Монкъ, оставшись снова одинъ съ Атосомъ, старался говорить о вещахъ совершенно постороннихъ, разсѣянно разсматривая подземелье.

Потомъ генераль, услыжавъ топотъ копытъ и шаги, сказалъ Атосу:

— Я оставляю васъ, графъ, и возвращаюсь въ лагерь... Вы совершенно въ безопасности.

— Такъ я васъ еще увижу, милордъ?

— О да, какъ сказано...

И генералъ протянулъ Атосу руку.

— О, милордъ, еслибъ вы согласились, сталась графъ де-ла-Феръ...

— Ни слова объ этомъ, отвѣчалъ Монкъ, и поклонившись Атосу, вышелъ.

Едва генералъ успѣлъ отойти шаговъ на двадцать отъ аббатства, какъ вдругъ услышалъ продолжительный свистъ...

Монкъ сталъ прилаживаться, но ничего болѣе не слыша и не видя, спокойно продолжалъ свой путь. Тутъ онъ вспомнилъ о рыбацкѣ, но его уже не было. Впрочемъ, еслибъ генералъ смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ, онъ увидѣлъ бы какъ рыбацкіе волазъ между камней и вдругъ исчезъ въ туманѣ, который стоялъ надъ болотомъ. Точно также, при большемъ вниманіи, онъ увидѣлъ бы, что барка рыбаковъ уже перенѣлана нѣсто, и стояла почти у самаго берегу рѣки.

Но Монкъ ничего не замѣтилъ, и ничего не опасаясь, спокойно шелъ по пустынной дорожкѣ, которая вела въ лагерь. Но тутъ ему показалось страннымъ, почему и куда вдругъ пропалъ рыбацкіе, и изъ головъ его родилось подозрѣніе. Онъ отдалъ Атосу единственныхъ людей, которые могли бы охранять его, а между-тѣмъ ему оставалось далеко идти до лагеря...

Тунацъ становился все гуще и гуще, такъ, что наконецъ, на разстояніи десяти шаговъ, трудно было различить предметы.

Монку вдругъ послышался плескъ весель, и казалось, что гребли очень недалеко отъ него.

— Кто тамъ? спросилъ онъ.

Отвѣту не дали. Генералъ зарядилъ пистолеть, вынулъ шапку и ускорилъ шаги.

Было семь часовъ утра. Первые лучи солнца отражались въ болотѣ. Атосъ проснулся. Онъ отворилъ окно своей комнаты, выходившей на рѣку, и замѣтилъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего домика, сержанта и солдатъ, которые проводили его вчеронъ, и которые, поставивъ боченки, воротились въ лагерь.

Зачѣмъ воротились они? подумалъ Атосъ.

Сержантъ, казалось, именно ожидалъ отъ него этого вопроса. Графъ де-ла-Феръ, удивленный, дѣйствительно спросилъ сержанта о причинѣ, которая призвала его опять къ нему.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, отвѣчалъ солдатъ: генералъ вчера приказывалъ мнѣ заботиться о вашей безопасности и я повиновуюсь его приказанію...

— Генералъ въ лагерь? спросилъ Атосъ.

— Конечно, сударь; вѣдь вы знаете, что онъ пошелъ въ лагерь, когда вы его оставили....

— Ну, такъ подождите меня; я пойду къ нему отдать отчетъ точности, съ какой вы исполнили его приказаніе и взять мою шагу, которую я позабылъ на столѣ, въ палаткѣ генерала.

— И прекрасно, сказалъ сержантъ, потому что мы именно ишли сюда съ тѣмъ, чтобы просить васъ въ лагерь.

Атосу показалось страннымъ выраженіе, съ которымъ сержантъ произнесъ эти слова, но приключеніе въ подземельѣ могло возбудить любопытство этого человѣка, и въ такомъ случаѣ было очень естественно, если въ словахъ его и на лицѣ отражалось утство, которое занимало его умъ.

Графъ де-ла-Феръ тщательно заперъ двери своей комнаты и тдалъ ключъ отъ нея Гримб.

Сержантъ проводилъ графа до самаго лагеря; тамъ его пригналъ новый конвой подъ предводительствомъ Дэйби, который, во время пути, смотрѣлъ на Атоса такъ неласково, что тотъ задумался, отчего его ведутъ съ такой строгостью, тогда какъ вчера еще онъ пользовался совершенной свободой....

Съ этой мыслью, онъ продолжалъ свой путь и наконецъ вошелъ въ палатку генерала. Тамъ онъ нашелъ Монкова адъютанта и двухъ полковниковъ. Атосъ тотчасъ узналъ свою шагу; она лежала на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ положилъ ее.

Ни одинъ изъ троиухъ офицеровъ прежде не видалъ графа де-ла-Фера и потому не зналъ его. По этому, когда онъ вошелъ въ палатку, адъютантъ спросилъ, точно ли это тотъ самый французскій дворянинъ, съ которымъ генераль вчера вышелъ изъ палатки.

— Тотъ самый, ваша честь, отвѣчалъ сержантъ.

— Но, кажется, возразилъ Атосъ съ гордостью, я и не отрицаю этого. Теперь, позвольте мнѣ, въ свою очередь спросить васъ, что значать ваши вопросы и особенно, почему вы дѣлаете ихъ такимъ тономъ?

— Милостивый государь, если мы дѣлаемъ вамъ вопросы, такъ это потому, что имѣемъ на то право, а если мы дѣлаемъ ихъ такимъ тономъ, такъ это потому, что этотъ тонъ, повѣрьте, очень приличенъ въ настоящемъ случаѣ.

— Позвольте, господа, возразилъ графъ де-ла-Феръ: вы не знаете кто я; но я долженъ вамъ замѣтить, что я не признаю изъ васъ никого мнѣ равнымъ, да, никого, кромѣ генерала Монка. Но гдѣ онъ? Ведите меня къ нему, и если онъ желаетъ сдѣлать мнѣ

какойнибудь вопросъ, такъ я буду отвѣчать ему и, надѣясь, вѣщу удовлетворительно. Гдѣ генераль?

— А, чортъ возьми! вы знаете лучше, чѣмъ мы, гдѣ онъ, вѣчалъ адъютантъ.

— Я?

— Конечно, вы,

— Я, сударь, не понимаю васъ, сказалъ Атосъ.

— А вотъ сейчасъ вы поймете меня; но говорите, пожалуйста не такъ громко. Что сказалъ вамъ вчера генераль?

Атосъ съ презрѣніемъ улыбулся.

— Нечего улыбаться, вскричалъ одинъ изъ полковниковъ, и себя: надо отвѣчать.

— Но я уже сказалъ вамъ, что не буду отвѣчать никому кромѣ генерала

— Но вы знаете, что требуете невозможнаго....

— Вотъ ужъ два раза мнѣ дають этотъ странный отвѣтъ, возразилъ Атосъ: да развѣ генерала нѣтъ въ лагерь?

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ съ такимъ простодушнымъ удивленіемъ, что три офицера обмѣнялись взглядами.

— Генераль оставилъ васъ у монастыря? сказалъ лейтенантъ.

— Да.

— И вы пошли....

— Вамъ нечего у меня объ этомъ спрашивать. Ваши солдаты провожали меня; они вамъ и отвѣтятъ.

— Но если намъ угодно спросить васъ?

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ не угодно вамъ отвѣчать.... Повторю вамъ, что я буду отвѣчать только человѣку мнѣ равному; стало быть только генералу Монку.

— Хорошо, сударь; но какъ мы представляемъ собою военный совѣтъ, то вы должны отвѣчать своимъ судьямъ.

Атосъ съ презрѣніемъ улыбулся и на лицѣ его ни сколько не было видно страха, на который рассчитывали офицеры.

— Какъ! шотландскіе или англійскіе судьи хотять судить меня, французскаго подданнаго, меня, котораго охраняетъ право гостепріимства, британская честь? Да вы, господа, съума сошли, — сказалъ Атосъ, пожимая плечами.

Офицеры снова переглянулись.

— Такъ вы утверждаете, сударь, сказали они, что не знаете, гдѣ генераль?

— Я уже отвѣчалъ вамъ на этотъ вопросъ....

— Да, но вы сказали то, чему нельзя вѣрить....

— Однакожъ, это справедливо. Люди моего состоянія обыкновенно не лгутъ. Я дворянинъ, и когда пишу при себѣ шпату, которую я изъ деликатности оставилъ вчера на этомъ столѣ, на которомъ она еще и теперь лежитъ, никто, повѣрьте, не смѣетъ мнѣ сказать того, чего я не хочу слышать. Сегодня я безоруженъ.... Судите меня, если хотите.... даже убейте, если вы пачки....

— Но, милостивый государь.... сказалъ болѣе вѣжливымъ тономъ адъютантъ, пораженный величіемъ и хладнокровіемъ Атоса.

— Господа, я пріѣхалъ сюда поговорить съ вашимъ генераломъ объ очень важномъ дѣлѣ. Ваши солдаты могутъ сказать вамъ, какъ онъ меня принялъ: стало-быть, генералъ знаетъ и мой титулъ и мое званіе. Теперь, вы поймете, что я не открою вамъ своихъ тайнъ, и еще болѣе тайнъ генерала.

— Но наконецъ, что же содержалось въ этихъ боченкахъ?

— Развѣ вы не спрашивали объ этомъ у солдатъ? что они отвѣчали вамъ?

— Что въ нихъ былъ порохъ и пули....

— А кто сказалъ мнѣ это?

— Генералъ.... но мы не такъ глупы....

— Берегитесь, господа, дѣло идетъ уже не обо мнѣ, а о вашемъ начальникѣ!

Офицеры еще разъ переглянулись.

— Передъ вашими солдатами, продолжалъ Атосъ, генералъ сказалъ мнѣ, чтобы я подождалъ недѣлю, что черезъ недѣлю онъ мнѣ дастъ отвѣтъ. Надѣюсь, что это правда.

— Онъ сказалъ вамъ, чтобы вы подождали недѣлю?... спросилъ адъютантъ.

— Такъ онъ сказалъ.... Иначе я могъ бы уѣхать еще вчера, потому что моя шлюпка стоитъ на якорѣ въ устьѣ рѣки. Если я остался, то единственно для генерала. Онъ просилъ, чтобы я не уѣзжалъ, не повидавшись съ нимъ еще разъ, и отложилъ это свиданіе на недѣлю....

Адъютантъ обернулся къ полковникамъ и шепотомъ сказалъ:

— Если этотъ господинъ говоритъ правду, еще есть надежда. Можетъ быть, генералъ захотѣлъ что-нибудь сдѣлать такъ тайно, что даже не почелъ нужнымъ предупредить и насъ. Въ такомъ случаѣ, будемъ ждать недѣлю.

Потомъ онъ снова обратился къ Атосу.

— Ваше объявленіе очень важно, сказалъ онъ; угодна вамъ подпорить его подъ клятвой?

— Я всегда жилъ въ обществѣ, въ которомъ мое простое слово считалось самой священной клятвой.

— Въ настоящемъ случаѣ, однакожъ, возрадцъ адъютантъ, обстоятельства гораздо важнѣе, чѣмъ тѣ, въ которыхъ вы, можетъ-быть, находились,... Дѣло идетъ о спасеніи цѣлой арміи. Подумайте, генералъ исчезъ, неизвестно куда. Естественно ли это? Не совершилось ли преступленіе? Должны ли мы вслѣдъ искать его, или ожидать спокойно? Теперь все зависитъ отъ одного слова, которое вы можете сказать....

— Если вы будете спрашивать меня подобнымъ образомъ, я безъ замедленія отвѣчу вамъ, сказалъ Атось. Да, я дѣйствительно пріѣхалъ къ генералу поговорить о важномъ дѣлѣ, но генералъ, вѣроятно, не могъ дать мнѣ рѣшительнаго отвѣту до битвы, которой ожидаютъ, и просилъ подождать недѣлю, обѣщая по истеченіи этого времени увидѣться со мной. Все это справедливо и я клянусь въ томъ Богомъ, владыкою жизни моей и вашей.

Атось произнесъ эти слова съ такой торжественностью и съ такимъ величіемъ, что офицеры почти убѣдились. Однако жъ одинъ изъ полковниковъ сдѣлалъ еще попытку.

— Хотя мы теперь и вѣримъ словамъ вашимъ, сказалъ онъ, однако жъ нельзя не сознаться, что во всемъ этомъ есть что-то непостижимое. Генералъ человекъ слишкомъ благоразумный для того, чтобы оставить свое войско на кануѣ битвы, и даже не уведомивъ о томъ никого изъ насъ. Я увѣренъ, что причина этого страннаго событія очень важна. Вчера иностранные рыбаки привезли къ намъ на продажу рыбу. Ихъ помѣстили въ шотландскомъ лагерѣ, то есть на той самой дорогѣ, по которой вы шли вчера съ генераломъ въ аббатство. Одинъ изъ этихъ рыбаковъ несъ передъ вами факелъ.... Сегодня утромъ, нѣтъ ни барана, ни рыбаковъ.

— Я въ этомъ не вижу ничего страннаго, возрадилъ лейтенантъ; рыбаки были не плѣнники.

— Нѣтъ, но одинъ изъ нихъ превозмалъ генерала и Дайби говорить, что генералъ что-то очень подозрѣвалъ ихъ. Кто же теперь можетъ доказать намъ, что рыбаки не были въ сношеніяхъ съ дворяниномъ, который теперь находится передъ нами. Какъ человекъ мужественный, онъ остался, чтобы разукрѣпить насъ своимъ присутствіемъ....

Эти слова сдѣлали впечатлѣніе на двухъ другихъ офицеровъ.

Передать вамъ записка, отвѣчалъ Атосъ, что ваше мнѣніе относительно меня не имѣетъ ни какого основанія. Вы говорите, что я остался за тѣмъ, чтобы отвратить подозрѣнія; напротивъ, мнѣ самому приходитъ въ голову мысль, что генералъ не могъ уѣхать на-кавуи битвы не сказавъ о томъ никому ни слова. Во всемъ этомъ есть, дѣйствительно, что-то неестественное, и я соѣтую вамъ не терять времени, употребить всю свою бдительность на розыски. Я вашъ пѣнникъ. Честь моя требуетъ того, чтобы узнали, что стало съ генераломъ. Въ этомъ случаѣ, еслибы вы сказали мнѣ: поѣзжайте; я отвѣчалъ бы: нѣтъ, я остаюсь. Еслибы вы спросили моего мнѣнія, я тотчасъ сказалъ бы, что генералъ сдѣлался жертвой какого-нибудь заговору, потому что онъ сказалъ бы мнѣ, еслибы хотѣлъ оставить лагерь. Ищите повсюду; генералъ не уѣхалъ, или по-крайней-мѣрѣ уѣхалъ не по своей волѣ.

Адъютантъ сдѣлалъ знакъ ошцерамъ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ Атосу: вы тоже заходите слишкомъ далеко. Генералъ, вѣроятно, не пострадаетъ отъ какого-нибудь случая, а, напротивъ, самъ все подготовилъ. Онъ не въ первый разъ отлучается изъ лагеря, и мы напрасно тревожимся. Онъ, конечно, скоро вернется, и потому будемъ хранить эту тайну, чтобы армія не пришла въ безпорядокъ. Пусть глубокое молчаніе покроетъ все это непроходимымъ покровомъ. Мы удержимъ васъ, милостивый государь, прибавилъ адъютантъ: не потому чтобы подозрѣвали васъ въ преступленіи, но для того чтобы ваша тайна была обезпечена. Итакъ, сударь, вы будете теперь жить въ главной квартирѣ.

— Господа, вы забываете, возразилъ Атосъ, что генералъ вѣрилъ мнѣ сокровище, которое я долженъ хранить. Поставьте около меня какую угодно стражу, пожалуй, прикуйте меня, но позвольте мнѣ жить въ томъ домѣ, гдѣ я живу теперь. Клянусь вамъ, генералъ, по возвращеніи, упрекнетъ васъ за всякое своевольное распоряженіе.

Ошцеры нѣсколько минутъ посоветовавшись, потомъ адъютантъ, обращаясь къ графу, сказалъ:

— Хорошо, сударь, возвратитесь въ вашъ домъ.

Стража изъ пятидесяти человекъ окружила домъ Атоса, не зная его ни на минуту изъ виду.

Тайны никто не угадывалъ, но проходили часы, дни, а генералъ не возвращался, и не было о немъ ни какихъ слуховъ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ НАРИЖѢ. 1. Le château de sent, Карточный домикъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, господинъ Баяра.

Амилъ Дюранъ, энциурецъ, если принять это слово какъ принимаетъ его современное общество. Онъ курить, ѣздитъ въ клубъ, катается верхомъ, и оканчиваетъ свой день въ театрѣ. До политики ему мало дѣла. Почести и мѣста не имѣютъ въ глазахъ его никакой цѣны, онъ ими рѣшительно пренебрегаетъ. Въ петличкѣ у него не то роза не то камелія. Но мадамъ Дюранъ—женщина другого рода. Въ ней есть все, чего недостаетъ ей мужу. Честолюбіе, духъ вятриги не даютъ ей покою. Она во что бы то ни стало хочетъ сдѣлаться першей или префектшею, и употребляетъ все силы, чтобы извлечь своего Ахилла изъ усыпленія. Но онъ и въ усъ не дуетъ, какъ говорится. Едва проглянетъ солнышко, онъ отправляется гулять на Елисейскія Поля. Вдругъ неожиданная буря разразилась надъ его безпечной головой. Къ нему прѣѣзжаетъ гостить какой то старый, отставленный префектъ съ дочерью. Онъ подстрекаетъ мадамъ Дюранъ; къ нему присоединяется еще жена какого-то префекта; словомъ бѣднаго Амилъ осаждаютъ со всѣхъ сторонъ, и онъ наконецъ, желая переиміа, рѣшается уступить. Къ тому же онъ находитъ случайно любовную записку, адресованную къ жемъ кузеномъ. Жена пользуется этимъ обстоятельствомъ и увѣряетъ Дюрана, что она дѣйствительно влюблена и что не ручается за себя, если онъ не предупредитъ бѣду и не увезетъ еѣ въ свою префектуру. Что дѣлать! нужно сдѣлаться префектомъ. Но отчего же непременно нужно? Нельзя ли это уладить какъ-нибудь иначе? Счастливая мысль! Выхлопотать мѣсто префекта любовнику и удалить его, вмѣсто того чтобы удалиться самому. Кузенъ очень доволенъ такимъ назначеніемъ и съ радости женится, а мадамъ Дюранъ убѣждается окончательно, что изъ ея мужа толку никогда не выйдетъ.

Пьеса довольно забавна и имѣла успѣхъ.

2. *Suzanne de Croissy, Сусанна де-Кроасси*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господинъ де-Марвиля.

Мы въ 1762 году. Нѣсколько молодыхъ людей упииваются шампанскимъ. Они всѣ уже пьяны, въ особенности де-Кроасси и де Шамальякъ, которые за нѣсколько минутъ передъ этимъ хотѣли драться. Теперь дуэль между ними возможна во нначе какъ въ креслахъ. Но зачѣмъ дуэль, когда можно кончить ссору по-любовной сдѣлкой. Сдѣлка эта вотъ какого рода. У Шамальяка

есть любовница Гримаръ, въ которую влюбленъ Кроасси. У Кроасси есть жена Сусанна, которая еще въ монастырѣ, и которую онъ не знаетъ, хотя женатъ на ней два года. Но зато Шамальякъ очень хорошо знаетъ Сусанну. Онъ позволяетъ Кроасси волочиться за Гримаръ, съ тѣмъ чтобы тотъ въ свой чередъ разрѣшилъ ему волочиться за Сусанной. Сказано, сдѣлано. Заключение контрактъ. Шамальякъ перестанетъ ходить къ Гримаръ; но онъ имѣетъ свободный входъ къ мадамъ де-Кроасси, и это въ продолженіи двухъ недѣль. Де-Кроасси спокоенъ. Жены его нѣтъ, и онъ будетъ себѣ посѣщать хорошенькую Гримаръ. Но дѣвушки легко оставляютъ монастырь, въ особенности если имѣютъ въ виду молодого мужа. Сусанна прѣзжаетъ. Къ несчастью мужа, она мила какъ ангелъ. Кроасси старается удалить Шамальяка, оскорбляетъ его, вызываетъ на дуэль. Все тщетно. Контрактъ въ рукахъ Шамальяка и онъ не станетъ драться. Къ тому же Сусанна кокетничаетъ съ нимъ, благоволяетъ къ нему. Накопецъ бѣдный мужъ на колѣняхъ умоляетъ своего противника сжалятся надъ нимъ и разорвать условіе. Сусанна спрятанная за дверью, слышала эту сцену. Довольная разкаяніемъ мужа, она улаживаетъ все дѣло, какъ нельзя лучше.

Пьеска эта напоминаетъ нѣсколько маркизу Сенпьеръ. Мысль ея не нова, но интрига ведена живо. Авторъ ея, господинъ де-Марвилъ, молодой человѣкъ, въ первый разъ выступающій на сценическое поприще.

3. *Une dernière conquête, Последняя побѣда*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, господина Разе.

Пожилой баронъ и юный кавалеръ вѣззались, что называется, въ уши въ молоденькую мамзель Елену. Мамзель Елена благоволитъ къ кавалеру. Но хитрости барона удаляютъ счастливица и онъ съ отчаянія ищетъ порученія въ армию. Но передъ отъѣздомъ онъ посылаетъ свое порученіе къ Еленѣ и говоритъ, что если оно будетъ возвращено ему, онъ приметъ это за отказъ. Баронъ получивъ изъ рукъ Елены бумагу, препровождаетъ ее къ кавалеру, который, увѣрившись положительно въ своемъ несчастіи, уже не медлитъ отъѣздомъ. Елена пишетъ къ нему письмо, гдѣ признается, что она его любитъ и умоляетъ остаться, но напрасно; письмо не доходитъ до кавалера. Куда оно дѣвалось, вы узнаете послѣ.

Проходитъ два года. Баронъ женатъ на Еленѣ. Супруги живутъ въ деревнѣ. Офицеръ возвращается. Онъ сильно беспокоитъ своего друга, который боится сознаться ему въ своемъ бракѣ,

нѣсколько вѣроподобно. Но едва карьеры приближалъ къ концу, писалъ письмо, писанное къ нему женой два года тому назадъ. Оно находилось у служанки Фюривы, которой баронъ подарилъ, зато чтобы она не отравила рокового письма. Онъ вальеръ думаетъ, что Елена еще вѣрна ему, но все отарлыванъ и онъ съ отчаяніемъ уже не вѣдетъ въ армию съ порученіемъ, ни въ первый разъ, а просто женится на хорошеицкой племянницѣ барона.

Пьеска мила, остроумна, игрива. Языкъ напоминаетъ свои сматостью и вѣстѣ съ тѣмъ быстротой, языкъ Бомарше. Последняя побѣда — лучше всего, что появилось въ послѣдній мѣсяцъ на парижскихъ сценахъ, или почти лучше, потому что вотъ еще пьеска, которая не уступаетъ ей ни въ остроуміи, ни въ живости. Она называется:

4. L'Enfant de quelqu'un, *Чье-то дитя*, воденный въ дѣйствіяхъ, господина Лефрана.

Анжелъ и Леонаръ нажились въ Бразиліи, и возвратясь въ Парижъ не хотятъ разставаться. Они женятся оба въ одинъ день. Сосѣди и гости собраны. Свидѣтели натянули бѣлыя перчатки, кареты поданы. Вдругъ раздается восклицаніе въ устахъ нѣкоего господина Дюталяма, дяди обѣихъ нечѣсть, церковнаго старосты съ претензіями на засѣданіе въ верховномъ совѣтѣ и на крестъ почетнаго легіона. Читали ли вы Томъ-Джонса? Видѣли ли вы драму Антони? Безъ сомнѣнія! Ну, такъ вы поймете положеніе Леонара. Его свидѣтельство о рожденіи — украино-законоической фразой: отецъ и мать неизвѣстны.

Дютальмъ, который читаетъ только Сенеку, Массильона и Ларошеуку, не можетъ принять въ свое семейство Антони. Все краснорѣчіе Анжела, Леонарова друга — напрасно. Вамъ же лучше! Ваша племянница не будетъ имѣть тещи, этого страшнаго бича не различнаго съ Гимонеемъ, вопіетъ Анжелъ церковному старостѣ; но староста неумолчивъ. Онъ требуетъ, чтобы Леонаръ въ два часа отыскалъ себѣ дражайшихъ родителей и явился съ полнымъ комплектомъ. Иначе все пропало. Разрывъ неминуемъ. Анжелъ готовъ даже пожертвовать пятьюдесятью тысячами франковъ, чтобы найти отца и мать своему другу. Чего не найдемъ за такую сумму. Бездѣтная чета Барильоновъ рѣшается усыновить Леонара. Мужъ и жена признаются, что они грѣшили до брака, и что плодъ ихъ незаконныхъ связей — Леонаръ. Дѣло улаживается. Но едва процессія двинулась, какъ раздается опять восклицаніе! Новые проклятія! новые вопли! Леонаръ — дѣвушка! Добравасо

дти надамъ Барильонъ — одного съ нею пола. Что дѣлать? а остается только часть съ четвертью. Леонаръ не отчаивается. Онъ находитъ новыхъ родителей, гораздо дешевле — за двѣнадцать тысячъ франковъ. Но еще бѣда! Эти родители оказываютъ милое его! Отчаяніе все увеличивается.

Наконецъ одно письмо развязываетъ всю эту исторію. Изъ него оказывается, что Леонаръ сынъ церковнаго старосты. Это уже не помѣшаетъ ему жениться, и Дюталымъ вручаетъ ему свою племянницу.

Эта комедійка изобилуетъ комическими положеніями, остротами, веселыми сценами. Она имѣла блистательный и вполне заслуженный успѣхъ. Это типъ французскаго водевиля.

5. *Le trésor du ravin*, *Сокровище бѣдняка*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, господъ Шарля Денойе и Нью.

Голова герцога де Моранжа оцѣнена. Онъ изгнанникъ. Но однажды ночью, когда вѣтеръ пронзительно свистѣлъ, когда снѣгъ валялъ хлопьями, герцогъ снялъ съ себя послѣднюю одежду, чтобы прикрыть ею бѣднаго крестьянина, умиравшаго отъ холоду. Пьеръ Бертенъ (имя крестьянина), въ благодарность за это великодушіе, хочетъ явиться вмѣсто своего благодѣтеля, пользуясь его одеждой. Но эта преданность скоро дѣлается ненужною. Бертенъ попадаетъ въ замокъ къ одной баронессѣ Мерендорфъ, которая укрываетъ его. Онъ рассказываетъ Моранжу свое приключеніе; герцогъ смѣется и обѣщаетъ скоро замѣнить его мѣсто. Вдругъ Бертенъ получаетъ письмо, извѣщающее его, что у него родилась дочь. Между-тѣмъ палятъ пушки и бьетъ барабаны. Непріятель на границѣ. Герцогъ и крестьянинъ обнимаются и идутъ драться, поклявшись другъ другу въ вѣчной дружбѣ.

Прошло двадцать лѣтъ. Бертенъ уже не богатъ. Но у него есть сокровище — дочь его Луиза. Съ нимъ живетъ еще молодой человѣкъ, порученный Бертену герцогомъ Моранжемъ. Марсель тайно любитъ Луизу и уже осмѣливается писать къ ней. Вдругъ является незнакомецъ, поддерживаемый слугою. Онъ проситъ помощи, онъ раненъ, но это оказывается баснею, выдуманною незнакомцемъ для того, чтобы овладѣть Луизой. Слуга подливаетъ въ питье Бертена варіотическаго. Бертенъ засыпаетъ. Раздается крикъ, это похищаютъ Луизу.

Передъ своимъ своимъ Бертенъ получилъ отъ Моранжа ящикъ, заключающій въ себѣ все богатство герцога, и духовное завѣщаніе, по которому это богатство переходитъ къ Марселю. Сонъ Бертена продолжался сутки; когда онъ, проснувшись, хочетъ

объявить Марселию, что онъ отдастъ ему дочь свою, — Луизы не находятъ въ домѣ. Похищеніе это сдѣлано было по прощанью баронессы Мерендорфъ, кухни герцога, претендующей на его наслѣдство. Марсель приводитъ назадъ Луизу. Пьеръ Бертенъ заставляетъ баронессу отказаться отъ своихъ исканій, потому что въ рукахъ его — тайна этой женщины. Марсель — побочный сынъ ея. Пребезтолковая вещь.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Шестое квартетное утро господина Вьѣтана было такъ же любопытно и многолюдно, какъ и предыдущія. Оно открылось однимъ изъ лучшихъ квартетовъ Гайдна, (№ 33, e-dur). Какимъ кроткимъ, успокоивающимъ душу духомъ проникнуты всѣ произведенія добродушнаго старика Гайдна! Какъ онъ радуется каждому луговому цвѣточку, въ чашечкѣ котораго блеститъ росинка, прислушивается къ шелесту вѣтра въ вѣтвяхъ лѣса, къ веселому пѣнію птицъ; вездѣ и во всемъ глаза его отыскиваютъ истинно-прекрасное. Но и великое и высокое такъ же доступно ему; онъ сознаетъ его въ дѣйствительномъ его видѣ; онъ представляетъ его въ строгихъ, высокихъ формахъ, не дикимъ и чудовищнымъ, какъ изображаютъ его въ некоторые мелкіе, разстроенные умы. Куда дѣвался нынче этотъ свѣжій, здравый смыслъ? Въ новѣйшей музыкѣ только изрѣдка встрѣчаются слѣды его. Нынѣшніе композиторы, кажется, считаютъ недостойнымъ себя изображать и передавать природу и чувства. Они изображаютъ природу несуществующую, выражаютъ чувства, которыхъ сами толкомъ не понимаютъ. Отсюда происходитъ безпорядокъ, темнота, нестройность, музыка, которая можетъ въ первое мгновеніе увлечь насъ въ своемъ необузданномъ стремленіи, по которой непріязненно дѣйствуетъ на нашу душу, не грѣетъ намъ сердца, потому что сама не изливается изъ сердца, не есть результатъ дѣйствительно ощущаемаго чувства, не есть плодъ истиннаго вдохновенія. Многіе новѣйшіе артисты съ пренебреженіемъ смотрятъ на мотивы Гайдна; они для нихъ не довольно глубоки. Но кто же, кромѣ Моцарта и Бетгоvena, создавалъ такіе анданте, какъ Гайднъ, полные такого чистаго, свѣтлаго чувства, въ такой степени соединяющіе въ себѣ вѣжность, граціозность, одушевленіе съ оригинальнымъ, остроумнымъ, художественнымъ развитіемъ?—Никто!—Пользуйтесь сколько душѣ угодно, новѣйшіе герои, многоразличными преимуществами, которыя успѣхи искусства даютъ вамъ передъ старикомъ Гайдномъ, но производите на насъ своими твореніями такое же прекрасное, такое же усладитель-

ное впечатлѣніе, а тамъ уже разсуждайте себѣ о глубинѣ чувствъ и мыслей!

За квартетомъ Гайдна слѣдовала *чіакона* Баха, та же самая, которую мы уже слышали въ одномъ изъ предшествовавшихъ концертовъ. Это произведеніе можетъ служить полезнымъ напоминаніемъ пылѣвшимъ скрипачамъ, доказывая имъ, что за столѣтъ назадъ умѣли уже выдѣлывать на скрипкѣ ипогія трудности, которыя нынѣ считаются почти непреодолимыми. Что для господина Вьѣтана нѣтъ ничего непреодолимаго, онъ уже доказалъ первымъ своимъ исполненіемъ *чіаконы*; на этотъ разъ совершенству его игры препятствовала роковая, строптивая квинта.

Въ заключеніе былъ сыгранъ квинтетъ Бетгоvena, (с-dur, съ двумя альтами), въ которомъ участвовалъ и Лудвигъ Мауреръ. Самыя раннія даже сочиненія Бетгоvena поражаютъ классическимъ достоинствомъ ствля и опредѣленностью и полнотою, съ которыми онъ осуществляетъ предположенную свою цѣль. Другіе композиторы на глазахъ нашихъ, шагъ за шагомъ, достигали верху своего искусства; Бетгоvenъ же принадлежитъ къ небольшому числу тѣхъ исключительныхъ существъ, которыя уже рождаются вполне художниками: онъ въ самомъ началѣ своего поприща является на такой высокой ступени, что едва ли можно сказать, чтобы онъ впоследствии достигнулъ еще выше. Правда, что онъ потомъ росъ и развивался все съ большимъ и большимъ могуществомъ, но съ самаго начала онъ стоялъ на недоступной никакой желѣзной волѣ высотѣ генія. его Квинтетъ с-dur и по характеру и по времени совпадаетъ съ его второю симфонією, то есть, принадлежитъ къ тому періоду, когда грудь композитора начала воздыматься болѣе смѣлыми помыслами. На ясномъ и свѣтломъ доселѣ горизонтѣ его начинаютъ показываться туманные полосы; являются тамъ и сямъ далекія, черныя тучи, будто предчувствіе будущаго романческаго направленія.

Исполненіе этого дивнаго творенія было превосходно. Иногда казалось, что играли не пять инструментовъ, а цѣлый оркестръ. Жаль только, что непокорная квинта и тутъ нѣсколько разъ издавала не совсѣмъ пріятные звуки.

— Въ предыдущихъ нумерахъ нашего журнала мы извѣщали читателей о предполагаемой поѣздкѣ въ Россію знаменитой нѣмецкой пѣвицы Шрёдеръ-Девриентъ. Изъ Риги пишутъ, что она уже тамъ, и намѣрена въ теченіи декабря ѣхать въ Петербургъ, чтобы дать нѣсколько концертовъ. Надѣмся, что мы будемъ

имѣть удовольствіе слушать великую драматическую артистку не въ однихъ концертахъ.

— Наша старая знакомка, госпожа Альбони, опять въ Парижѣ, и дебютировала въ итальянской оперѣ «Семирамидою». После того какъ вскружила голову Парижанамъ концертами своими въ Большой-Оперѣ, она успѣла уже побывать въ Пештѣ и въ Вѣнѣ; въ первомъ городѣ она явилась два раза на театрѣ, въ «Лукреціи Борджіи» и въ «Маріи де-Роганъ»; во-второмъ далъ только одинъ концертъ, на театрѣ an der Wien; всѣ нѣмецкія газеты наполнены самыми лестными отзывами о ея талантѣ. Въ вѣнскомъ концертѣ своемъ она пѣла между прочимъ знаменитую арію изъ «Орфея» Глука «she farò se za Euridice», съ аккомпаниментомъ одного фортепiano, какъ пѣвала и въ своихъ концертахъ знаменитая Паста, и съ тою же простотою стила, и съ тѣмъ же неподдѣльнымъ чувствомъ. Кромѣ этой дивной арии, она пѣла каватину изъ «Шюбы», рондо изъ «Ченерентолы», и застольную пѣсню изъ «Лукреціи Борджіи»; послѣднюю она была принуждена два раза повторить, несмотря на ничтожность этой мелодіи. Озаривъ Вѣнцевъ, какъ мимолетный метеоръ, Альбони поѣхала въ Парижъ, гдѣ уже былъ назначенъ день для ея дебюта, въ роли Арзаце. Наша публика вѣроятно еще помнитъ ее въ этой роли; потому не распространяясь о ея достоинствахъ, скажемъ только, что успѣхъ ея въ этой роли, въ Парижѣ, былъ самый блистательный; въ особенности два дуэта съ Семирамидою, и арія второго дѣйствія, когда Арзаце узнаеть, что онъ сынъ Нипа, и долженъ отомстить за отца, произвели всеобщій, неистовый восторгъ. Это представленіе, по отзывамъ парижскихъ газетъ, принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ и достопамятныхъ въ лѣтописяхъ парижской итальянской оперы; госпожа Гризи, вдохновленная содѣйствіемъ и соперничествомъ юной талантливой артистки, превзошла самое себя въ «Семирамидѣ», одной изъ лучшихъ ролей ея репертуара. Колетти прекрасно исполнилъ партію Ассура, а Тальяфико партію главнаго жреца.

— Присутствіе Мейербера въ Парижѣ опять мутитъ всѣ парижскія головы; давно уже ненасытная столица добивается одной изъ новыхъ партитуръ, хранящихся у великаго маэстро; она не можетъ ему простить, что онъ далъ Берлину «Вельку» и «Струазе», а о ней, столицѣ столицъ, и знать не хочетъ; въ каждый пріѣздъ его возобновляются толки и догадки о томъ, дастъ ли онъ дирекціи Большой Оперы своего *Пророка* или *Афри-*

какому? Увидитъ, ослѣдствіе ли она будетъ на этотъ разъ, и оправдаются ли ея надежды?

— За коммѣнсъ новой оперы Мейербера, Парижъ довольствуется, пока quasi-новою оперою Верди, «Іерусалимъ»; это не что иное какъ передѣланные и поновленные *Ломбарды*. Объ успѣхѣ этой оперы, являющейся въ Парижѣ въ первый разъ, трудно судить, потому что явленіе ея, какъ и всѣхъ произведеній моднаго итальянскаго маэстро, возбуждало обычные споры и перебранки между журналами; одни его возводять до небесъ, другіе топчуть въ грязь; публика же слушаетъ и зѣваетъ.

— Другой театр, Комическая-Опера, обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени новую комическую оперу Обера подъ названіемъ *Aïde*, въ трехъ дѣйствіяхъ; либретто знаменитаго поставщика подобнаго товара, Скриба.

— Одинъ парижскій маэстръ (маэстро назвать его не смѣемъ), задумалъ прекуріозную вещь: онъ затѣялъ передѣлать Бетговенова «Фиделію», и велитъ въ него его же симфонію *a-dug*, распредѣливъ ее на голоса и оркестръ. Это знаменитое твореніе будетъ дано на брюссельскомъ театрѣ; авторъ его одинъ изъ извѣстнѣйшихъ парижскихъ музыкальныхъ критиковъ, Кастиль-Блазъ!

— Фелисьель Давидъ, творецъ «Пустыни» и «Христофора Колумба» поскромнѣе почтеннаго парижскаго критика; онъ передѣлываетъ только собственныя свои произведенія, не касаясь чужаго добра. Читатели наши помнятъ, вѣроятно, что года два назадъ явилась въ свѣтъ библейская ораторія его «Моисей на горѣ Синаѣ», которой даже усилія многочисленныхъ друзей и единомышленниковъ композитора, какъ въ музыкѣ, такъ и въ другихъ предметахъ, не могла снасти отъ блистательнаго паденія; господинъ Давидъ передѣлалъ эту ораторію и грозитъ въ скоромъ времени вторично поподчивать ею Парижанъ. Въ концертѣ его будутъ участвовать нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ артистовъ парижскихъ театровъ, Ализаръ, Роже, госпожа Гриммъ, и полтораста музыкантовъ. Между-тѣмъ его «Христофоръ Колумбъ» производитъ фуроръ въ Брюсселѣ.

— Готовится еще новое музыкальное произведеніе во вкусѣ господъ Давида, Дуэ, Лакомба и прочихъ; это—ораторія или одасимфонія Варнея, капельмейстера Историческаго-Театра господина Дюна; симфонія уже совершенно окончена и называется «Атала»; текеть передѣланъ изъ знаменитаго творенія Шатобриана Александромъ Дюна, сыномъ.

— Виолончелистъ Александръ Батта намѣренъ скоро оставить Парижъ и ѣхать чрезъ Голландію, Ганноверъ, Пруссію, Данію и Швецію въ Россію, гдѣ намѣренъ провести всю зиму и дать нѣсколько концертовъ въ Ригѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.

— Госпожа Марра, бывшая въ прошлый сезонъ въ нашей итальянской труппѣ, поетъ теперь съ большимъ успѣхомъ въ Кёльнѣ. Всѣ нѣмецкія газеты наполнены сужденіями о ней; большая часть признаетъ въ ней дѣйствительный, оригинальный талантъ, но не полный; они, пожалуй, правы!

— Другой нашъ знакомецъ, горнистъ Виввѣ, объѣзжаетъ Голландію и разжигаетъ своею мастерскою игрою полузастывшую кровь «легматиковъ» Голландцевъ; послѣ перваго концерта его въ Гагѣ, король и королева, и принцъ и принцесса Оранскіе прислали ему богатые подарки, въ знакъ своего удовольствія.

— Въ Лондонѣ открылся новый оперный театръ. Мы уже говорили, въ одной изъ прошедшихъ книжекъ нашего журнала, что Французъ Жюльенъ, нѣсколько лѣтъ дирижировавшій оркестромъ въ Café-luce, авторъ множества кадрили, вальсовъ и прочаго, поощренный примѣромъ господъ Миркура и Адама, вздумалъ основать въ Лондонѣ «національную» оперу. Для того опъ ангажировалъ капельмейстера Француза, Берлиоза, примадонну, Француженку, госпожу Дорюсъ-Гра, баритона Нѣнца, Пешека, набралъ цѣлую толпу вторыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, хористовъ, музыкантовъ и танцовщицъ всѣхъ племенъ и націй и открылъ свой національный театръ Итальянскою Оперою съ англійскимъ текстомъ. Но какъ бы то ни было, это первое представленіе было чрезвычайно блистательно: давали «Лучію ди-Ламермуръ». Госпожа Дорюсъ-Гра, исполнявшая роль Лучіи, была принята публикою какъ старая знакомка; она уже года два какъ стяжала любовь Англчанъ своими концертами, и любовь эта обратилась въ энтузіазмъ, когда они увидѣли свою любимицу на доскахъ театра и услышали изъ устъ ея англійскія рѣчи. Знаменитая артистка въ полгода выучилась англійскому языку и очень чисто его выговариваетъ. Не такъ счастлива была въ этомъ отношеніи англійская пѣвица миссъ Бёрчъ, ангажированная въ Парижскую Большую Оперу; она должна была дебютировать въ роли Матильды, въ Россиниевомъ «Вильгельмѣ Теллѣ»; но послѣ первой общей репетиціи тайно уѣхала изъ Парижа и возвратилась на родину: потомъ въ Galibanis Messenger было напечатано ея письмо, въ которомъ она оправдываетъ свой побѣгъ тѣмъ, что отчаялась когда-либо вы-

читься чисто выговаривать по-французски. На репетиціи, говорить она, всё расхохотались, когда она пропѣла: «*Mon œuil n'a pas trompé mes yeux*» (mes yeux); послѣ того она совсѣмъ ушла духомъ и уѣхала. Англійскій языкъ, видно, легче дается Французамъ, чѣмъ французскій Англичанамъ. Роль Эдгара въ «*Lucie*» занималъ молодой теноръ Ривзъ, также знакомый лондонской публикѣ по концертамъ, которые онъ давалъ года три назадъ; съ-тѣхъ-поръ онъ являлся на нѣкоторыхъ изъ лучшихъ театровъ Италіи; голосъ у него, говорятъ, не очень сильный, но свѣжій, пріятный и хорошо образованный: онъ былъ принятъ самымъ достойнымъ образомъ. Роли Анстона и Раймува исполняли Витвортъ и Вейссъ; второй въ-особенности имѣеть превосходный голосъ, но, къ-сожалѣнію, безъ всякаго образованія. Что оркестръ и хоры прекрасны, по-крайней-мѣрѣ лучше всего, что было доселѣ слышано въ Лондонѣ, зато можетъ служить порукою нмѣ капельмейстера, Берліоза. Кромѣ «*Lucie*» для перваго представленія данъ былъ дивертиссементъ, подъ названіемъ «*Духъ земнаго шара*»: это рядъ аллегорическихъ картинъ, въ которыхъ олицетворены всё народы земли, война, раздоръ, опустошеніе, миръ, счастье, обиліе и прочая. Джонъ Буллъ большой охотникъ до такихъ хореографическихъ очерковъ. Въ «*Духъ земнаго шара*» отличался танцовщицы Меланія Дюваль, Джубилен и Луиза; музыку написалъ учитель пѣнія Дрюриленскаго театра, Маречекъ.

— Опера Литольфа, «*Кинастская невѣста*», ставится на галверскомъ театрѣ; публика ждетъ ея съ нетерпѣніемъ; даровитый композиторъ являлся съ блистательнымъ успѣхомъ въ концертѣ французскаго скрипача Леонара; онъ игралъ свой прекрасный концертъ-симфонію для фортепіано и оркестра.

— Гамбургскій музыкальный торговецъ Кранцъ объявилъ, что онъ приобрѣлъ въ рукописи нѣсколько неизданныхъ сочиненій Моцарта: двѣнадцать симфоній для оркестра, большой концертъ для двухъ скрипокъ съ оркестромъ и маршъ для оркестра. Подлинность этихъ сочиненій засвидѣтельствована оффиціальнымъ документомъ отъ девятаго іюня 1747 года, подписаннымъ господами Кизеветтеромъ, Визебруномъ, Зонлейтнеромъ, Гирветцомъ, Черни, Шмидомъ и Фуксомъ.

— Въ Гейдельбергѣ умеръ недавно одинъ изъ самыхъ ученыхъ нѣмецкихъ музыкантовъ, Фольвейлеръ. Сынъ его, молодой артистъ съ огромнымъ талантомъ, жившій уже нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, уѣхалъ на родину.

Т. LXXXVI. — Отд. VII.

— Новая опера Фердинанда Гиллера, «Коррадинъ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ», представленная недавно въ Дрезденѣ, кажется, не совсѣмъ понравилась публикѣ; говорятъ, что партитура болѣе похожа на ораторію, чѣмъ на оперу, непонятно дѣлана и бѣдна мелодіею.

— По смерти Мендельсона-Бартольди, разумеется, какъ водится всегда въ подобныхъ случаяхъ, отовсюду отрываютъ разные истинные и вымышленные, умные и глупые анекдоты изъ его жизни. Между прочимъ, одинъ извѣстный вѣмецкій журналистъ, Лизеръ, рассказываетъ, что Мендельсонъ пользовался въ Лейпцигѣ чрезвычайною благосклонностью высшаго круга, въ особенности же прекраснѣйшей половины его; дамы дотогу любили его, что знаменитая лейпцигская модистка Гисмунда Розенлаубъ составила себѣ огромную славу и очень хорошее состояніе, придумавъ головные уборы подъ названіемъ «Мендельсоновыхъ очей». Мендельсонъ, разумеется, самъ первый смѣялся надъ этими дурачествами, но они тѣмъ не менѣе имѣли въ то время свою пользу, потому что у него еще было въ Лейпцигѣ довольно много противниковъ и недоброжелателей; мелкіе журналы не упустили ни одного случая погрызться на великаго маэстро. Тотъ же Лизеръ рассказываетъ далѣе любопытный примѣръ музыкальнаго вкуса лейпцигской публики: «Когда Оле-Булъ давалъ концертъ въ Лейпцигѣ, говоритъ Лизеръ, Мендельсонъ-Бартольди взялся дирижировать оркестромъ, и выбралъ увертюру «Волшебной флейты»; Мендельсонъ любилъ дирижировать эту увертюру, но едва ли когда дирижировалъ ее такъ хорошо, и съ такою любовью, какъ въ этотъ вечеръ; она было такъ хорошо сыграна, что оркестръ долженъ былъ повторить; по окончаніи Мендельсонъ въ восторгѣ сошелъ въ залу; я стоялъ подлѣ самаго оркестра, и вдругъ почувствовалъ, что меня кто-то сзади схватилъ за плечи; я обернулся, и увидѣлъ передъ собою сіяющее радостью и восторгомъ лицо Мендельсона; я готовъ бы въ эту минуту броситься ему на шею и ударить его въ объятія. «Ну что, мой любезный, каково?» спросилъ онъ. Въ то же время, какой-то знатный господинъ, стоявшій подлѣ насъ, сказалъ съ досадою своему сосѣду: «Могъ бы Мендельсонъ выбрать что-нибудь получше этого несноснаго старья! что бы ему сыграть хорошенькій вальсъ Штрауса?» — Можете себѣ представить какія холодныя это замѣчанія обдало Мендельсона и меня, и съ какими дѣльными лицами мы взглянули другъ на друга; Мендельсонъ уже осьмой годъ былъ канцелярскимъ сторожемъ въ Лейпцигѣ! Не въ одномъ Лейпцигѣ, мы думаемъ,

найдутся люди, предпочитающіе вальсъ Штрауса Моцартову «старью!» Да добро бы еще одного Штрауса! мало ли творцовъ полекъ и подобнаго товару, играютъ свои произведенія между симфонією Моцарта и мелодією Шуберта?

— Отто Николай, бывшій нѣсколько лѣтъ капельмейстеромъ вѣнскаго театра, перѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ получилъ должность дирижера хора придворной церкви и капельмейстера королевской оперы, вмѣсто Геннинга, который по преклонности лѣтъ вышелъ въ отставку; это весьма полезное приобрѣтеніе для Берлина; потому что Николай всеми признанъ однимъ изъ лучшихъ существующихъ выигъ капельмейстеровъ, неутомимый ревнитель успѣховъ своего искусства; его таланту и дѣятельности обязана Вѣна превосходными своими филармоническими концертами.

— Известный скрипачъ Моликъ, изъ Штутгарта, приглашенъ Лондонскимъ Beethoven Society, на будущій сезонъ, на восемь концертовъ.

— Въ Пештѣ была недавно представлена новая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, «Графъ Бельовскій». Текстъ заимствованъ изъ Коцебу, музыка двадцати-двухъ лѣтняго флейтиста театрального оркестра, Дюллера. Она имѣла огромный успѣхъ.

— Въ Аугсбургѣ также была дана новая опера, «Подмосковная хижина»; текстъ Лакруа, музыка рижскаго капельмейстера Шрамека; она рѣшительно упала.

— Женни Лвидъ, на обратномъ пути изъ Берлина, дала блистательное представленіе въ Гамбургѣ; она играла въ «Дочери полка». Не смотря на удвоенную цѣну мѣстъ, въ театрѣ не было ни одного пустаго мѣста, даже въ ложахъ, пристроенныхъ нарочно на этотъ случай между кулисами. Она въ настоящее время въ Стокгольмѣ, гдѣ со дня на день ждутъ ея представленій.

— Кстати о Женни-Лвидъ, одна англійская газета пресеріозно разсказываетъ, что она родилась объ одномъ ухѣ. Какая-то знатная дама, въ Лондонѣ, пригласила ее къ себѣ, подарила ей богатый брилліантовый уборъ, и хотѣла сама надѣть ей серьги; но одинъ молодой человекъ замѣтилъ тихонько миледи, что у знаменитой пѣвицы только одно ухо. Этимъ объясняется, прибавляетъ газета, странная прическа, которой она никогда не измѣняетъ. За истинну этого факта не ручаемся.

— Въ Стокгольмѣ недавно былъ спущенъ линейный корабль, подъ названіемъ «Женни-Лвидъ». Въ Бременѣ есть два корабля, «Ганди» и «Моцартъ».

— Въ Лейпцигѣ явился недавно молодой пианистъ и компози-торъ, Гутманъ, ученикъ Шопена. Онъ далъ концертъ, на которомъ посѣтителей было немного, потому что имя его вовсе неизвѣстно, и ему нечѣмъ было замануть публику; успѣхъ его былъ тѣмъ не менѣе самый блистательный; онъ игралъ концертъ Шопена, сонату Вебера и нѣсколько своихъ собственныхъ сочиненій. Онъ владѣеть всѣми извѣстными трудностями новѣйшей бравурной игры, и сверхъ того многими новыми; но съ тѣмъ вѣстѣ въ его игрѣ много силы, выраженія, мысли и нѣжности; знатоки говорятъ, что никогда не слыхивали такого нѣжного и вѣстѣ одушевленнаго «пiano». Гутманъ началъ свое поприще блистательнымъ образомъ; нѣтъ сомнѣнйя, что этотъ молодой художникъ станетъ въ первомъ ряду новѣйшихъ пианистовъ.

— Въ лейпцигскихъ концертахъ являлись также съ блистательнымъ успѣхомъ два другіе пианиста, которые, впрочемъ, уже давно упрочили свою славу. Одинъ изъ нихъ, Рудольфъ Вильмерсъ, еще человѣкъ молодой, двадцати-шести лѣтъ, но уже объѣхалъ Англію, Францію, Германію, Италію, Швецію, и вездѣ производилъ неистовый восторгъ. Онъ, говорятъ, въ будущей веснѣ, посѣтитъ и нашу сѣверную столицу. Другой пианистъ, украшающій лейпцигскіе концерты, нашъ многолѣтній знакомецъ, Карлъ Майеръ.

— Госпожа Віардо-Гарсія возобновила свое прошлогоднее торжественное шествіе по германскимъ театрамъ. Она играла въ Дрезденѣ въ «Гугенотахъ», въ «Робертѣ», въ «Нормѣ» и въ «Севильскомъ цирюльничкѣ». Изъ Дрездена ждутъ ее скоро въ Гамбургъ, а потомъ въ Берлинъ.

— Берлинцы дождались наконецъ знаменитой оперы Рихарда Вагнера «Ріэнци»; она однако же не произвела того эффекта, какого можно бы ожидать; знатоки ее хвалятъ, а посѣщаютъ мало.

— Вся Германія даетъ концерты въ память Мендельсона Бартольди; въ Берлинѣ, въ Бранденбургѣ, въ Бреславлѣ, въ Магдебургѣ, во Франкфуртѣ, въ Лейпцигѣ, въ Дрезденѣ, въ Гамбургѣ, въ Касселѣ, въ Бауценѣ, въ Аугсбургѣ, въ Гагѣ, въ Любекѣ, были устроены музыкальныя торжества въ честь великаго покойника. Вездѣ играли его произведенія, и кромѣ ихъ, то погребальный маршъ Бетгоvena, то «Реквиемъ» Моцарта, то «Реквиемъ» Керубини. Въ Лондонѣ играли превосходный погребальный маршъ изъ Генделева Саула. Въ Лондонѣ открыта также подписка для сооруженія памятника Мендельсону въ Вестминстерскомъ Соборѣ.

авскій Музей намѣренъ также поставить у себя его бюстъ.

Опера Кюкена «Претендентъ» имѣла огромный успѣхъ въ Бургѣ; она дана три раза на одной недѣлѣ. Въ Берлинѣ счастливо молодому композитору: опера его, говорятъ, рѣшительно упала.

— Въ Лейпцигѣ недавно умеръ одинъ страстный любитель музыки, купецъ Эмиль Фридрихъ Марксъ; онъ завѣщалъ пять-сотъ зрелъ пенсіонному фонду лейпцигскаго театра и столько же сіонному фонду оркестра.

— Въ Вѣнѣ поставлена новая опера талантливаго молодого композитора Флотова, «Марта»; она имѣла блистательный успѣхъ; композиторъ былъ вызванъ шестнадцать разъ.

— «Евгеній, благородный рыцарь», Густава Шиндта, перешелъ веймарскій театръ и имѣлъ тѣмъ блистательнѣйшій успѣхъ, что имаръ родной городъ композитора.

— Извѣстный скрипачъ Баццини производитъ фуроръ на своей днѣ, въ Бресчѣ; онъ намѣренъ въ скоромъ времени объѣхать раницію и Англію.

— Маститый поставщикъ итальянскихъ оперъ, Пачини, написалъ хоры къ «Софоклову Эдипу»; эта превосходная трагедія съ ошлю Пачиніевскою музыкою была дана въ Виченцѣ, на большомъ праздникѣ по случаю девятаго собранія итальянскихъ эстетвоиспытателей. Въ представленіи участвовалъ первый итальянскій трагикъ Модена.

— Другой итальянскій композиторъ Коппола поставилъ въ Пармѣ оперу «Фингалъ», которую наполнилъ подражаніями дождю, грому, вѣтру, и прочему оссіановскому хламу; публика, впрочемъ, нашла, что собственный ея свистъ гораздо лучше напоминаетъ вѣтеръ и бурю чѣмъ скрипки и флейты.

— Въ Смирнѣ заводится итальянская опера, на которой, говорятъ, есть очень хорошіе артисты, но для которой нѣтъ публики.

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской Библиотски на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

ALMANACH de GOUTA pour 1849. 1 vol. in-18, cartonné 1 r.

— Le même ouvrage, relié en maroquin plein, avec tranches dorées et étoi. 2 rbl.

- ANGLAIS (les) peints par eux-mêmes, par les sommités littéraires de l'Angleterre, avec dessein par Henry Meadon. Paris 1840. 3 vol. gr. in-8. 12 r.
- ARIOSSE Roland vertueux traduit par Mény. Paris. 1839. 3 vol. in-8. cartonnés avec gravures. 10 r.
- BARTHÉLEMY Voyage de jeune Alcibiade en Grèce. Paris. 1843. 2 vol. in-12. 3 r.
- BONIFACE Une lecture par jour. Bruxelles. 1844. 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.
- Le même ouvrage relié. 2 r. 50 c.
- BOUILLY L'ami des enfants. Paris. 1846. 1 vol. gr. in-8. cartonné, avec gravures et ornements en or. 4 r.
- CERVANTES SALVEDRA L'ingénieur hispalgo Don Quichotte de la Manche, tracé par Vissodot et illustré par T. Johannet. Paris. 1845. 1 vol. gr. in-8. cartonné avec tranches dorées et ornements en or. 8 r.
- CHATEAUBRIAND. Oeuvres complètes. Paris 1843. 5 vol. gr. in-8. avec gravures. 15 r. 70 c.
- CONTES DU GRAND-PAPA. Paris 1845. 1 vol. gr. in-8. cartonné, avec gravures, tranches dorées et ornements en or. 8 r.
- FOA (Mme). Mémoires d'une petite fille devenue grande. Paris. 1846. 1 vol. in-4. cartonné, avec gravures anglaises et ornements en or. 3 r. 25 c.
- BIOGRAPHIE universelle, ou dictionnaire historique, depuis le commencement de monde jusqu'à nos jours, publié sous la direction de Weiss Nouvelle édition. Paris. 1841. 6 vol. gr. in-8. 17 r. 15 c.
- Le même ouvrage relié. 28 r. 55 c.
- HISTOIRE des villes de France, avec une introduction pour chaque province, par Guilbert. Paris. 1844—1847. Tomes 1 à 4. gr. in-8. chaque vol. à 4 r. 55 c.
- LESSON. Histoire naturelle des oiseaux-mouches.
- Les trochilidées, ou les colibris et les oiseaux-mouches.
- Histoire naturelle des oiseaux de paradis et des épimaques.
- Histoire naturelle des colibris, suivie d'un supplément à l'histoire naturelle des oiseaux-mouches. Paris. 4 vol. in-8. ornés de planches colorées. 23 r.
- LIVRE (le) d'or des familles, ou la Terre-Sainte illustrée. Bruxelles 1847. 1 vol. gr. in-8. 7 r.
- LYELL. Principes de géologie, traduit de l'anglais, par Mme Meulien. Paris. 1843 3 vol. in-12. cartonnés. 6 r. 45 c.
- Elements de géologie, traduit de l'anglais, par Mme Meulien. Paris. 1839. 1 vol. in-12. 2 r. 25 c.
- MONUMENTS anciens et modernes, collection des vues, plans, coupes, etc.

formant une histoire de l'architecture; publiée sous la direction de Gailhabaud. Paris 1847. Riv. 1 à 121. in-4. chaque livraison. 45 c.

STUCKLE. Voies de communication aux Etats-Unis. Paris. 1847. 1 vol. in-8. 2 r. 30 c.

EMPIRE (P) CHINOIS, illustré par Allom, avec les description des mœurs et coutumes du peuple chinois par Pelle. Londres 1846. 4 vol. in-4 cartonnés, avec ornements en or et tranches dorées. 30 c.

FROISSENT. L'art d'élever les enfants. Paris 1833. 1 vol. in-8. 1 r.

FRUCTULE. Traité des cinq ordres d'architecture d'après les règles établies par Vignole et Palladio. Paris. 1847. 1 vol. in-folio relié. 17 r. 15 c.

GRANDVILLE. Les fleurs animées. avec une introduction par Karr et un texte par Delord. Paris. 1847. 2 vol. gr. in-8. 7 r. 15 c.

GRENIER. Album des chasses au tir et au chien d'arrêt. Paris. 1846. 1 vol. in-4. 4 r.

HALLAM. Histoire de la littérature de l'Europe pendant les XVe, XVIe et XVIIe siècles; traduit par Borghers. Paris. 1839. 4 vol. in-8. 4 r.

NOUVELLES morales et historiques en français et en russe. Moscou 1847. 1 vol. in-12. 1 r. 50 c.

SIMONDE de SISMONDI. Histoire de la chute de l'empire romain. Paris 1835. 2 vol. in-8. 2 r. 25 c.

SOMMERARD. Les arts au moyen-âge. Paris 1839. 4 vol. in-8. et atlas in-folio cartonné. 55 r.

BOUSSINGAULT. Economie rurale considérée dans ses rapports avec la chimie, la physique et la météorologie. Paris 1813. 2 vol. in-8. 4 r. 30 c.

CRUNET de PRESLE. Recherches sur les établissements des Grecs en Sicile. Paris 1845. 1 vol. gr. in-8. 4 r. 30 c.

CAPEFIGUE. L'Europe depuis l'avènement du Roi Louis-Philippe. Bruxelles. 1847. 2 vol. gr. in-8. 7 r.

CICÉRON. Oeuvres complètes, avec la traduction en français, publiées sous la direction de Nisard. Paris 1843. 5 vol. gr. in-8. 19 r.

DICTIONNAIRE PITTORESQUE d'histoire naturelle et des phénomènes de la nature, rédigé par une société des naturalistes, sous la direction de Guérin. Paris 1833—1840. 9 vol. en 18 parties gr. in-8. ornés de 400 planches. 14 r.

MICHEL. Histoire des idées littéraires en France au XIX siècle. Paris 1842. 2 vol. gr. in-8. 4 r.

PECAR. Histoire de la littérature allemande, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris 1836. 2 vol. in-8. 4 r.

SAINT-FIEUX (J. H. Bernardin). Oeuvres complètes. Paris 1840. 2 vol. gr. in-8. 5 r. 70 c.

SELARD. Histoire de l'Hôtel Royal des Invalides depuis sa fondation jusqu'à nos jours. Paris 1845. 2 vol. in-8. 40 r. 30 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Мещской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Пьесы для всего оркестра.

CASSINO, choix de pot-pourris et pièces favorites d'opéras nouveaux pour 8 instruments: deux violons, alto, basse, flûte, clarinettes et deux cors (violoncelle, trompette et timbales ad libit.) liv. 11. Pièces favorites de l'opéra Belisario (6 r.) liv. 13. Pot-pourri de l'opéra Alessandro Stradella (1 r. 72 c.).

DONIZETTI. Ouverture de l'opéra Anna Bolena (2 r. 58 c.).

DREYSHOCK. Ouverture de concert. op. 50 partition (2 r. 85 c.).

FLOTOV. Ouverture de l'opéra Alessandro Stradella (2 r. 29 c.).

GADE. Ouverture No 3 (Cdur). op. 14 (5 r. 15 c.).

CUNGL. Wiener Sperr-Lust-Klänge. Walzer. op. 60 (2 r. 85 c.).

— Grasion-Polka. op. 61 et Elite-Quadrille. op. 62 (3 r. 43 c.) Venus Reigen. Walzer. op. 63 (2 r. 85 c.). Illustrierte Polka. op. 65 et Waffen-Ruf, Marsch. op. 66 (3 r. 43 c.).

LABITZKY. Cambridge-Walzer. op. 133 (2 r. 85 c.). Grass an London. Drei Polkas. op. 134 (2 r. 85 c.) Seraphinen-Quadrille. op. 145 et Chinesen-Galop. op. 137 (2 r. 85 c.). Victoria-Walzer. op. 136 (2 r. 85 c.).

LUMBYE. Carolinen-Galop (2 r. 29 c.).

MEHUL. Jagd-Ouverture. Nouvelle édition (2 r. 85 c.).

MEYERBEER. Ouverture de la tragédie; Struensee. Partition et parties séparées (13 r. 72 c.).

— La revolte. Fanfare, marche et chœur pour le grand orchestre de la tragédie; Struensee, partition et parties séparées (8 r. 58 c.).

— Grande polonaise de la tragédie; Struensee pour l'orchestre. Partition et parties séparées (7 r. 72 c.).

— Marsch aus der Oper: Ein Feldlager in Schlesien (1 r. 72 c.).

STRAUSS. Herz-Töne. Walzer. op. 203 (3 r. 43 c.). Helonen-Walzer. op. 204 (3 r. 15 c.). Triumph-Quadrille op. 205 (2 r. 85 c.). Najaden-Quadrille. op. 206 (2 r. 85 c.). Schwedische Lieder. Walzer. op. 207 (2 r. 85 c.). Die Schwalben. Walzer. op. 208 (3 r. 15 c.).

Пьесы для фортепиано.

BEYER. Fleurs italiennes. Douze amusements sur les motifs favoris des opéras. op. 87 № 1—12 (chaque 72 c.).

— Les nouveautés. Morceaux agréables sur les motifs favoris: op. 19 № 1—6 (chaque 1 r.).

- BERNARD.** Trois mazurkas de salon (85 c.).
 — Collection d'airs favoris de l'opéra italienne à St. Pétersbourg. №26.
 Cavatine de Ricci, chantée dans *Félicie d'amor* par Mme Fressolini (60 c.).
- BURGMUELLER.** Pas des manteaux du ballet Paquita, Valse de salon (75 c.).
 — Fantaisie brillante sur Ernani (85 c.).
- CHOPIN.** Trois mazurkas. op. 63 (1 r. 15 c.). Trois valses op. 64 (1 r. 72 c.) Valse favorite tirée de l'op. 64 (50 c.).
- DAMCKE.** Gage d'amitié (50 c.). Minuit. Réverie (50 c.).
- DOEHLER.** Une promenade en gondole. Nocturne. op. 64 (75 c.).
 — Grande fantaisie brillante sur le *Sonnambula* de Bellini. op. 66(24).
- FESCA.** Fantaisie sur i Lombardi de Verdi (1 r. 72 c.).
 — Réverie. Morceau de salon. (1 r. 29 c.).
- GORIA.** Fantaisie brillante sur l'opéra: *Ne touches pas à la reine.* op. 61 (1 r. 72 c.).
- HERZ.** Les célébrités du Jour. Grandes valses brillantes. op. 157 (1 r. 43 c.). Grande fantaisie sur des airs nationaux américains. op. 158. (1 r. 72 c.).
- HUENTEN.** Une fleur. Valse brillante (1 r.). Le désir du pays. Air allemand varié (1 r.). Rouleau sur un thème de l'opéra: le bouquet de l'Infante. op. 152 (1 r.).
- LEVY.** Les bohémiens. Mélodies russes (На зарѣ ты ея не буди «Варламова» и икъся: Вотъ по улицѣ молодецъ идетъ) variées. op. 27 (1 r.).
- LITOLFF.** Souvenir de la Lucia di Lammermoor. Fantaisie. op. 19 (1 r.).
- OSBORNE.** La pluie de perles. Valses brillante (75 c.).
- ROSELLEN.** Les illustrations de la scène italienne. Cinq fantaisies élégantes. op. 88. № 1 à 5 (chaque 85 c.).
 — Fantaisie brillante sur l'opéra: le Barbier de Seville. op. 91 (1 r. 72 c.). Fantaisie brillante sur l'opéra: *l'Éclair* de Halevy. op. 96. (1 r. 72 c.).
 — Fantaisie sur l'opéra: *Ne touches pas à la reine.* op. 97 (1 r. 43 c.).
 Fantaisie brillante sur *Christophe Colomb* de David. op. 98 (1 r. 72 c.).
- THALBERG.** Décameron № 5. Fantaisie sur des mélodies de Schubert. op. 57 (1 r. 15 c.).
- VOSS.** Fantaisie sur l'opéra: les Huguenots (1 r.).

Наше ташицъ для фортепiano.

- LES FLEURS.** Second Album de danses nouvelles pour 1848; contenu
 № 1 Gungl. Polonaise. — № 2 Lumbye. Seraphinen-Walzer
 № 3 Hillmann. Espérance-Quadrille. — № 4 Kunze. Yre-
 T. LXXXVI. — Озд. VII.

non-Galop. — № 5. Кѣльнер. Polka-Mazurka. — № 6. Strauß Schwedische Lieder, Walzer. — № 7. Казинскы. Orgie à la bigal, grand quadrille triomphal. — № 8. Гуангл. Czardas Polka. — № 9. Лумбве. Ornithobolais-Galop. — № 10. 11. Беруард. Deux mazurkas — № 12. Бѣрс. Gitana-Polka. — Съ предельными заглавными листами въ переплетѣ (3 г.).

BEYER. Camelia-Polka (30 с.).

HILLMANN. Concordia-Polka (40 с.).

KAZINSKY. Olga-Polka (50 с.).

LUMBVE. Krolls Ball-Klänge. Walzer (85 с.).

PRUELLER. Souvenir de la petite Russie. Polka (45 с.).

STRAUSS. Herz-Töne. Walzer. (85 с.). Helonen-Walzer (85 с.). In Schwalben. Walzer. op. 208. (85 с.).

ЛАВИЦКЫ. Elisabeth-Walzer (85 с.). Polka-Mazurka (43 с.).

Для паниа русскаго.

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА для одного голоса съ аккомпаниментом фортепиано въ четыре отдѣленія, числомъ 136, аранжированнымъ М. Бернгардомъ (цѣна 6 р. с.).

ВАРЛАМОВА. Романсъ: Ты скоро меня забудешь (50 к.).

(Выписывающіе нотъ на сумку не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не платятъ на пересылку. Выгоды эти пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернгарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать чрезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла первая тетрадь «Нувеллетта», которая содержитъ въ себѣ: Lewy. Les bohémions. Mélodies russes variées. op. 27 — Prudent. Impromptu. — Czerny. Feuillet d'Album. — Wolff. Chanson polonaise. — Herz. La coquette, valse brillante. — Kazinsky. Olga-Polka. — Lemoine. Le myrthe, Rondino. — Le carpentier. Le corbeau et le renard. Rondoletto. — Beyer. Petite fantasia sur Lucrezia Borgia. — Варламовъ. «Весною передъ розой» Романсъ. — Masini. Romance. —

МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.).

МОДЫ.

Фасоны и уборы платьевъ визитныхъ и бальныхъ дошли до такого разнообразія и совершенства, что ожидать извѣстій совершенно новыхъ по части этого важнаго предмета въ настоящее время почти невозможно. Корсажи греческіе, драпированные, сборчатые, убранные бертой или кружевомъ нашитымъ по вырѣзу лѣва сзади, и впереди свущеннымъ отъ плечъ къ шнипу, все это не ново; все это дѣлаютъ, носятъ, и все это надолго останется прекраснымъ для бальнаго туалета. Рукава полукороткіе, покрывающіе руку до локтя въ нѣсколько рядовъ нашитымъ кружевомъ, и очень коротенькіе убранные соответственно уборы корсажа и юбки по-прежнему всѣмъ нравятся; оборки на юбкѣ въ пять, шесть, десять, если угодно сдѣлайте и въ пятнадцать рядовъ будетъ очень красиво; также буфы бѣлые изъ газу и тюлю, нашитые въ нѣсколько рядовъ на розовомъ голубомъ и палевомъ; а на бѣломъ съ продернутыми лентами яркаго розоваго цвѣту — уборка чрезвычайно милая. Платья въ двѣ три юбки дѣлали и дѣлаютъ по большой части изъ очень легкихъ и прозрачныхъ матерій. Къ этому, вотъ два очень хорошенькіе образа: платье изъ розоваго крепу, въ три юбки, каждая съ широкимъ рубцомъ, на верхней съ лѣвой стороны верхковъ на пять отступя отъ корсажа, приколота двойная вѣтка каприфоліи; цвѣты и зелень, падая, расходятся и вѣтвями своими какъ бы приподнимаютъ ее въ двухъ мѣстахъ на небольшомъ одна отъ другой разстояніи; корсажъ драпированный, рукавчики крошечные; на нихъ и у груди по букету тѣхъ же цвѣтовъ; на головѣ такая же гирлянда. Платье бѣлое, креповое въ двѣ юбки, каждая съ широкимъ рубцомъ; изъ подъ шнипа выходятъ два длинныя конца широкихъ розовыхъ лентъ, которые, крутятся и завиваясь, приподнимаютъ верхнюю съ правой и лѣвой стороны; корсажъ убранный бертой; рукавчики очень маленькіе, убранные плоскими петлями изъ такихъ же лентъ, покрыты бертой; на головѣ гирлянда изъ мелкихъ розъ. На нѣкоторыхъ платьяхъ этого роду, верхняя юбка съ лѣвой стороны, а иногда и съ обѣихъ сторонъ, разрѣзается на половину всей длины, и, потомъ, эти расходящіяся полы соединяютъ букетами цвѣтовъ и бантами изъ широкихъ лентъ. Лентами теперь щеголяютъ, и онѣ составляютъ роскошь бальныхъ нарядовъ. На кушаки съ длинными концами

употребляютъ ленты шириной въ три, даже въ четыре вершка. Можно прибавить какъ новость, что при корсажахъ безъ шиповъ банты съ длинными концами прикрѣпляются сзади.

— Визитные платья дѣлаютъ очень просто съ совершенно глухими корсажами, и при явкѣ гладкіе длинные рукава пользуются неизмѣннымъ предпочтеніемъ. Воротники маленькіе; а манжеты замѣненъ кружева сущесныя на кисть руки. Юбки этого роду платьевъ убираютъ преимущественно впереди аграмантными, металлическими или изъ блестящихъ камней пуговками.

— Шелковыя платья изъ пу-де-соа, итальянской тафты и гроденасевыя очень хороши и много дѣлаютъ ихъ въ двѣ юбки; верхнюю обшиваютъ широкой бахромой; нивы надъ рубцомъ вышиваются суташками: это — самый узелкѣй аграмантъ въ родѣ снурка, который очень удобно изображаются разныя мелкіе разводы въ родѣ тамбурныхъ узоровъ. Но чаще верхняя юбка дѣлается съ однимъ рубцомъ безъ всякихъ украшеній. Очень много сдѣлать, вѣсто рубца, на верхней юбкѣ выстѣчку, но крупнымъ фестономъ. Платья же изъ матерій плотныхъ, тяжелыхъ, каковы: атласъ, гро-гро, шваръ, неразрѣзной и обыкновенный бархатъ; внизу не убираются ничѣмъ, развѣ широкими воланами изъ чернаго кружева.

— Прелестныя платья изъ бѣлыхъ шелковыхъ матерій, пу-де-соа, гро-гро и неразрѣзнаго бархату; они дѣлаются совершенно просто, съ глухимъ шедъ горло корсажемъ и съ длинными рукавами. Такія платья еще довольно рѣдки, но привлекаютъ общее вниманіе красотой и простотой своею.

— Изъ шарфовъ и мантилій лучшими считаются кружевыя; бѣлые и черныя. Кружева вообще въ большомъ употребленіи и уваженіи.

==

ОПАСНОСТИ УПОТРЕБЛЕНІЯ ХЛОРОФОРМУ. *Опыты господъ Плувиэ и Седильо.* Мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ о хлороформѣ, или хлористой муравенинѣ, только какъ о химическомъ веществѣ, и описали тѣ свойства, которыя обнаруживаетъ онъ при поверхностномъ употребленіи, въ чрезвычайно малыхъ приѣмахъ. Для произведенія хирургическаго сна, сказали мы, нужно втянуть въ себя гораздо большее количество испареній этой жидкости. Еще и въ эту минуту, какъ мы пишемъ, сдѣлано слишкомъ мало опытовъ съ такими количествами хлороформу, какія необходимы для сна довольно продолжительнаго, и до того крѣпкаго, чтобы важная хирургическая операція могла въ это время совершиться безъ боли для страдающаго. Энтузіазмъ нѣкоторыхъ врачей, надѣявшихся убить хлороформомъ сѣрникоислый зѣбрь, который доставлялъ славу не имъ, приписалъ новой жидкости свойства самыя великолѣпныя. Но кажется, что зѣбрь удержится въ хирургіи несмотря на соперничество, зависть и гоненіе. Медленность дѣйствія зѣбру, особенно при введеніи его въ тѣло по методѣ Н. И. Пирогова, представляетъ несравненно менѣе неудобствъ чѣмъ это молнійное уничтоженіе чувствительности, которое составило славу хлористой муравенины. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ послѣдніе два мѣсяца, благодаря опытамъ съ хлороформомъ, смертность между собаками была ужасная; почти всѣ эти несчастныя животныя, которыхъ заставили вдохнуть побольше паровъ хлорной муравенины, погибли во время опытовъ или вскорѣ потомъ. Особенно печальна судьба одной прекрасной болонки, которой докторъ Plouviez, въ Лиллѣ, далъ понюхать хлороформу, который онъ привнесъ было для ея госпожи, страдавшей зубною болью: въ *пятнадцать секундъ* времени прекрасной болонки не стало. Госпожа чуть не умерла съ отчаянія. Правда, докторъ Plouviez, въ испугѣ, схватилъ раздувательный мѣшокъ, стоявшій у камина, и тихо, прерывисто вдывая имъ воздухъ въ горло покойницы, подобно

тому какъ дѣлають съ умершими отъ угару, возвратилъ ее къ жизни, но съ тѣхъ поръ прекрасная болонка впала въ меланхолю и жестоко страдаетъ нервами вмѣстѣ съ госпожей. Докторъ Rouvriez повторялъ этотъ опытъ со многими животными, собаками, кроликами, курицами, которыя и погибали жертвами хлороформу: онъ вдувалъ имъ воздухъ въ легкія, прерывисто, подражая натуральному дыханію, и увѣряетъ, что всѣ онѣ, скончавшись совершенно, оживали послѣ трехъ или четырехъ минутъ такой операціи. Хорошо знать это, на случай внезапной кончины человѣка, вздумавшаго усмирить свою зубную боль хлороформомъ. Однако жъ нельзя не видѣть въ опытахъ лпльскаго врача положительной опасности прибѣгать къ такой жидкости, отъ которой въ четверть минуты можно уснуть навсегда.

Профессоръ Sédillot, въ Страсбургѣ, упрекаетъ хлороформъ въ возбужденіи разныхъ болѣзненныхъ припадковъ, которые, по его наблюденіямъ, почти всегда слѣдуютъ за твердымъ, хирургическимъ сномъ, въ человѣкѣ: отягощеніе головы, продолжительная слабость во всемъ тѣлѣ, разстройство въ кишкахъ, довольно сильныя воспаленія, и прочая. Послѣ вдыханій эфиру, нечувствительность иногда продолжается болѣе чѣмъ нужно, но она не усиливается. Съ эфиромъ, когда видишь, что дыханіе ослабѣваетъ, можно преградить усыпительному пару входъ въ тѣло, и все мгновенно приходитъ въ должный порядокъ; несчастіе предупреждено. При употребленіи хлороформу — совсѣмъ другое: блѣдность, ничтожность пульса, слабость дыханія, холодъ тѣла усиливаются иногда съ ужасающей постепенностью даже и послѣ удаленія усыпительной жидкости отъ воздрей. Господинъ Sédillot, для сравненія, усыплялъ и эфиромъ и хлороформомъ однихъ и тѣхъ же пациентовъ: опыты, разумѣется, дѣлались *in anima vili*, на *подлой душѣ*, на душѣ собачьей. Собаки, превосходно выносившіе пары сѣрпюкислаго эфиру втеченіи десяти минутъ, быстрые и веселые послѣ эфирнаго сна, умирали въ двѣ минуты отъ паровъ хлористой муравейны. Двѣ изъ нихъ, послѣ двухъ съ половиною минутъ, были еще совершенно живы; онѣ дышали свободно; сердце у нихъ билось сильно и правильно: тогда отняли хлороформъ; присутствовавшіе не сомнѣвались, что, выспавшись, собаки встанутъ и будутъ прыгать отъ радости, что спаслись отъ чудесъ волшебнаго сна хлорно-муравейнаго. Но вскорѣ дыханіе ихъ стало ослабѣвать, сердце остановилось, и минутъ черезъ пять онѣ окопали.

Все это доказываетъ, что употребленіе хлороформу въ нѣсколь-

ко значительномъ приемѣ сопряжено съ большими опасностями и должно быть допускаемо очень рѣдко, съ величайшею осторожностью.

ПРИСУТСТВИЕ МНОЖЕСТВА МЕТАЛЛОВЪ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КРОВИ.
Исслѣдованіе господина Миллона. О нахожденіи желѣза въ нашей крови давно извѣстно всякому. Этого металла въ иной крови находится столько, что владѣльца ея можно было бы назвать желѣзнымъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ тому, утверждали, что въ крови есть также мышьякъ; но, по надлежащей справкѣ, мышьяку въ насъ не оказалось. Зато господинъ Миллонъ открылъ въ крови нашей теперь всѣ другіе металлы, свинецъ, мѣдь, марганецъ, серебро, золото, платину, всѣ уральскіе и алтайскіе рѣдкіе. Для отдѣленія ихъ прибѣгнулъ къ новому способу: кровь, выходящую изъ жилы, при кровопусканіяхъ, онъ принималъ въ сосудъ наполненный водою, смѣшивая одинъ объемъ крови съ тремя объемами воды; потомъ жидкость эту ставилъ въ хлорвый газъ, который совершенно растворяетъ кровяные шарикки, позволяя минеральнымъ частямъ крови свободно отдѣлаться отъ органическихъ веществъ ея; наконецъ, процѣживалъ жидкость, и прожигалъ въ огнѣ этотъ минеральный осадокъ. Оказалось, что, кромѣ желѣза, въ минеральномъ осадкѣ крови находится:

Марганцу, отъ 10 до 24 процентовъ.				
Свинцу.....	—	1	—	3
Кремнія....	—	1	—	3
Мѣди.....	$\frac{1}{2}$	—	—
Кальція.....	$\frac{3}{4}$	—	—
Содія.....	1	—	2
Золота.....	$\frac{1}{4}$	—	—
Серебра.....	слѣдъ.		
Золота.....	слѣдъ		
Платины.....	слѣдъ		

Изъ минеральнаго осадка трехъ кровопусканій господинъ Миллонъ получилъ 83 миллиграмма свинцу и мѣди, которыя и представлены парижской академіи наукъ. По его мнѣнію, они были заключены въ красныхъ шарикахъ крови, которые хлоръ растворилъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ человѣкѣ, содержащемъ въ себѣ сто фунтовъ крови, находится болѣе полу-пуда марганцу, металла тяжестью почти равнаго олову, пол-фунта мѣди, около трехъ фунтовъ свинцу, и такъ далѣе. Немудрено, что «тяжелые люди»

Свинцовыя сердца, о которыхъ говорятъ романисты, становятся поэтому физиологическою возможностью. Изъ полу-фунта мѣди можно вылить отличный лобъ. Все легко объясняется этимъ удивительнымъ открытiемъ. Присутствiе слѣдовъ золота въ крови весьма понятно: въ каждой рѣчной водѣ есть золото; многiе при томъ пьютъ еще и давцигскую водку, — такъ, что иной можетъ вправду сдѣлаться «золотымъ человѣкомъ». Происхождение серебра и платины менѣе ясно; но гдѣ есть золото, тамъ почти всегда бывають и эти два металла.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ГОСПОДИНА ВЕКЛАРА О ПОРЯДКѢ КРОВООБРАЩЕНІЯ. Рѣчь о кровяныхъ шарикахъ напоминаетъ намъ о послѣднихъ наблюденiяхъ надъ ними господина *Véclard'a*. Этотъ ученый физиологъ заключаетъ изъ своихъ опытовъ, что между тѣмъ, какъ красная кровь кажется одинаковою во всѣхъ артеріяхъ, черная кровь венъ представляетъ значительныя различiя въ различныхъ венахъ. Кровь, возвращаясь изъ селезенки, содержитъ въ себѣ гораздо менѣе красныхъ шариковъ, но болѣе бѣлковины и фибрины; тѣмъ кровь всѣхъ прочихъ венъ вообще. Кровь воротной жилы (*vena mesenterica*) не одинакова въ разные часы пищеваренiя: при началѣ его въ ней преобладаетъ бѣлковина, при концѣ — бѣлковины очень мало, но зато большое изобиліе шариковъ. Въ этой венѣ бѣлковина преобразуется въ шарики, которые въ селезенкѣ уничтожаются. Слѣдовательно, въ одномъ и томъ же приборѣ шарики, и образуются и исчезаютъ; тогда какъ брюшная вѣтвь воротной вены мчитъ въ общій стволъ новые кровяные шарики, селезенковая вѣтвь той же жилы приноситъ туда же слѣды бывшихъ шариковъ, которые въ ней сгладились и разрушились. Кровь, обращающаяся въ приборѣ воротной вены, не повинуется общимъ законамъ кровообращенiя.

КОЛИЧЕСТВО КИСЛОРОДУ ПОГЛОЩАЕМАГО ПРИ ДЫХАНІИ.
Ислѣдованiя господъ Реньо и Резе. Опыты Спаланцани, Эдуарда, Дюлова, Аллена и Пеписа, Дебрѣ и Маршана, по этому любопытному вопросу представляютъ такіа противорѣчiя, что задача о процессѣ дыханiя была доселѣ болѣе запутана, тѣмъ объяснена учеными трудами. Ислѣдованiя *Despretz* и *Marchand'a*, считаемыя за самыя вѣрныя, приводили къ заключенiямъ ни съ чѣмъ несообразнымъ. Воздухъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ 79 частей азоту и 21 части кислороду. Вдыхая воздухъ, легкія поглощаютъ одниъ только кислородъ; азотъ обратно выдыхается въ

атмосферу, вмѣстѣ съ извѣстнымъ количествомъ угольной кислоты, выгоняемымъ изъ тѣла при столь удобномъ случаѣ. По этимъ изслѣдованіямъ изъ 100 частей кислорода, поглощаемаго вдыханіемъ, 25 пропадаетъ въ крови, гдѣ они, вѣроятно, служатъ къ образованію воды съ водородомъ, отдѣляющимся въ разныхъ частяхъ организма, а 75 частей извергаются ртомъ обратно, въ видѣ угольной кислоты, послѣ соединенія своего съ углеродомъ крови. Но можно ли полагаться на этотъ расчетъ, когда тѣ же изслѣдованія показываютъ, будто, при выдыханіи, легкія возвращаютъ атмосферѣ азоту несравненно больше, нежели какъ было его въ вдохнутомъ воздухѣ и принятой пищѣ. И несоразмѣрность такъ велика, что въ три дня человекъ изгналъ бы изъ себя весь азотъ, находящійся въ его тѣлѣ, и на четвертый нужно было бы ограничиться полу-дыханіемъ! Господинъ Regnault, котораго замысловатые приборы для измѣренія газовъ находятся въ рукахъ всѣхъ физиковъ, соединился съ господиномъ Reiset, чтобы переслѣдовать эти показанія при помощи болѣе вѣрныхъ инструментовъ и съ болѣе рациональными предосторожностями. Они заперали животныхъ на долгое время въ ящики, плотно закрытые, гдѣ воздухъ, изиѣняемый дыханіемъ былъ совершенно обезпеченъ отъ смѣшенія съ наружнымъ воздухомъ, постарались предварительно опредѣлить съ точностью химическій составъ пищи, оставляемой узникамъ, подвергали потомъ воздухъ ящичковъ тщательному анализу, и вотъ результаты, которые получили они:

Собака, въ часъ времени, потребляетъ $7\frac{1}{2}$ граммъ кислорода.

Изъ 100 граммъ поглощеннаго кислорода, 74 найдены въ угольной кислотѣ, изгнанной въ воздухъ выдыханіемъ, а 24 исчезли въ тѣлѣ животнаго. Почти тѣ же количества показывали Депрё и Маршанъ.

Но лишняго азоту въ воздухѣ ящичковъ найдено только 5 процентовъ, противъ того, который долженъ находится въ такомъ же объемѣ чистаго атмосфернаго воздуха. Этотъ излишекъ азоту можетъ происходить изъ разложенія азотныхъ веществъ пищи.

Нельзя однако жъ быть вполне довольнымъ и этими опытами. Зачѣмъ ученые изслѣдователи не взвѣшивали собакъ, сажая ихъ въ ящики, и потомъ выпуская изъ ящичковъ? Зачѣмъ не показываютъ они количество углероду, азоту, водороду и кислороду, заключавшихся въ пищѣ и питьѣ узниковъ, чтобы можно было сравнить угольную кислоту, найденную въ воздухѣ ящичковъ, съ углеродомъ, принятымъ въ пищѣ и съ вѣсомъ животныхъ при выходѣ? Былъ случай бросить нѣкоторый свѣтъ на важный и доны-

этѣ весьма сомнительный вопросъ о томъ, не образуется ли углеродъ въ самомъ организмѣ. Этотъ случай упущенъ. То же сомнѣніе относится къ кислороду и водороду. Испаренія живыхъ черезъ кожу вошли въ составъ воздуха ящичковъ: какъ и дѣлать кислородъ и углеродъ этихъ испареній отъ угольной кислоты, изверженной дыханіемъ? Между тѣмъ, кожей мы постоянно дышимъ, и объемъ этого непримѣтнаго дыханія, по обширности поверхности тѣла, навѣрное будетъ равенъ объему дышя одного изъ его отверстій, рта.

Мы не думаемъ, чтобы отъ этого переслѣдованія, какъ оно замысловато, знаніе наше таинственнаго процесса дыханія выиграло очень много.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Сундерландское Общество Ученыхъ, одно изъ извѣстѣйшихъ и самыхъ цвѣтущихъ въ Англіи, дало въ ноябрѣ мѣсяцѣ вечернее публичное засѣданіе для представленія любопытнымъ прекраснаго изобрѣтенія одного изъ своихъ членовъ, господина Стета (Stait), которому наконецъ удалось произвести сильное электрическое освѣщеніе просто и дешево. Съ помощью гальванической батареи въ сорокъ глянчатыхъ стаканчиковъ полученъ свѣтъ удивительной красоты и силы, равный свѣту трехъ-сотъ-осмидесяти свѣчъ или шестидесяти четырехъ кубическихъ футовъ газу. Горѣніе, вѣроятно углей происходило подъ стекляннымъ колпакомъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Огромная зала была освѣщена совершенно дневнымъ свѣтомъ. Объ устройствѣ прибора не сообщаютъ ни какихъ подробностей; онѣ замѣнены вычисленіемъ выгодъ: электрическое освѣщеніе этой залы стоить въ часъ 3 копѣйки серебромъ; газовое отъ 18 до 24 копѣекъ; сальными свѣчами 2 рубля 50 копѣекъ серебромъ, стеаряновыми 3 рубля 80 копѣекъ, восковыми 4 рубля 30 копѣекъ.

Но выгода, для здоровья, для безопасности и для опрятности драгоцѣннѣе всякой дешевизны, состоитъ несомнѣнно въ томъ, что электрическое освѣщеніе вовсе не портитъ воздуху въ комнатахъ: оно не производитъ ни угару, ни копоти, и пожаръ отъ него рѣшительно невозможенъ. Усовершенствованіе этого способа освѣщенія составитъ для человѣчества благодѣяніе едва ли уступающее въ важности тому, которымъ оно обязано парамъ.

Господинъ Staitе года два тому назадъ получилъ привилегію на свой способъ электрическаго освѣщенія, но, какъ кажется,

онъ оставилъ прежнюю методу и вывѣщенный его способъ—совершенно новый.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ КОНЦЕРТЫ. Всѣ путешествующіе по царско-сельской желѣзной дорогѣ видѣли двѣ мѣдныя проволоки, протянутыя отъ Петербурга до Павловска на шестахъ возлѣ дороги. Это электрическій телеграфъ, изобрѣтенный профессоромъ Витстовомъ. Электрическій токъ, пущенный по этимъ проволокамъ съ одного конца въ другой, дѣйствуя на магнитную стрѣлку, поставленную у другаго конца, поворачиваетъ ее болѣе или менѣе, и передаетъ условенные сигналы. Четырехъ или пяти проволокъ совершенно достаточно чтобы съ быстротою мысли передавать всѣ буквы алфавита на огромныя разстоянія. Къ одному концу проволоки придѣлывается тогда клавиатура, которой каждый клавишъ означаетъ одну букву и, за прижатіемъ, мгновенно приводитъ въ сообщеніе проволоки съ гальванической батареей, стоящей подъ нею. На другомъ концѣ проволоки находится родъ циферблата, движущагося на шпиль съ помощію магнитныхъ стрѣлокъ, и показываетъ букву соответствующую прижатому клавишу. Передъ начатіемъ дѣйствія, электрическій токъ, чтобы обратить на циферблатъ вниманіе присматривающихъ за телеграфомъ, приводитъ въ движеніе желѣзный молотокъ, который ударяетъ въ колокольчикъ.

Профессоръ Витстовъ измѣнилъ теперь систему своихъ телеграфовъ: вмѣсто буквъ, электрическій токъ подаетъ сигналы колокольчиками. Такіе телеграфы называетъ онъ *акустическими*. Но, вмѣсто колокольчиковъ, у обоихъ концовъ проволоки могутъ быть поставлены фортепiano или органы: самый простой механизмъ приведетъ тогда въ движеніе, въ другомъ концѣ проволоки, клавишъ прижатый въ первомъ: тотъ же самый звукъ, мгновенно, съ той же силой, и съ тѣмъ же выраженіемъ, раздается за триста, пятьсотъ или тысячу верстъ, который вы произведете на клавиатурѣ, сообщающейся непосредственно съ гальваническою батареей. Какое обширное поле для музыкальных потѣхъ, для меломанчскихъ спекуляцій! Нѣкто мистеръ Hyde Clark предполагаетъ составить компанію на акціяхъ, которая заключить контрактъ съ Листомъ; великій виртуозъ будетъ играть въ Лондонѣ, и всѣ города Англіи и Шотландіи будутъ слушать его тождественно отъ Сутгемптова до Эдинбурга. Въ трехъ такихъ концертахъ можетъ быть до десяти милліоновъ слушателей, что доставитъ, по самой умѣренной цѣнѣ, де-

сятъ миллионѣвъ рублей серебромъ. Потому компанія перенесеть дѣйствія свои на твердую землю и гениальная игра Францъ-Адамовича Листа станеть въ одно и то же время раздаваться въ Парижъ, Брюссель, Вѣнъ, Венеція, Миланъ, Флоренція, Генуя, Туринъ, Римъ, Люпъ, Марсели, Мадридъ, Лисабонъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Гамбургъ, Копенгагенъ, Петербургъ, Москвѣ, Казани, Саратовъ и Астрахани. По исчисленію, три такихъ концерта должны доставить девяносто миллионѣвъ рублей серебромъ. Сто миллионѣвъ рублей въ шесть концертовъ!... Успѣхъ компаніи не подлежитъ сомнѣнію: всѣ дамы и дѣвицы возьмутъ акціи. Но какъ для полнаго очарованія, въ концертахъ Листа совершенно необходима его особа, то мистеръ Hyde Clark беретъ устроить автоматы совершенно похожіе на восхитительнаго Франца: ихъ посадятъ у всѣхъ фортепианъ и тотъ же самый электрическій токъ будетъ приводить въ дѣйствіе эти манекны, съ математически точнымъ повтореніемъ всѣхъ движеній играющаго виртуоза, такъ, что никто не угадаетъ, гдѣ живой настоящій Листъ, а гдѣ его изображеніе: зрительницы всѣхъ столицъ и городовъ будутъ увѣрены, что онъ здѣсь, самъ, лично, а въ другихъ мѣстахъ только болваны.

Чудеса чудесь, и всё — чудеса электрическія!...

НОВАЯ АТМОСФЕРИЧЕСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. Въ первый разъ, послѣ многихъ попытокъ, является воздухогонная желѣзная дорога на протяженіи цѣлой станціи въ двадцать-двѣ версты длиною, отъ Эксетера до Тинмоута. Ее будутъ продолжать далѣе въ этомъ направленіи. Начатая близъ Лондона этого роду дорога в бывшая уже въ дѣйствіи отъ Лондона до Кройдона оставлена акціонерами, какъ убыточная. Дублинская не подвигается. Сень-жерменская будетъ имѣть семь верстъ длины, если достигнетъ благополучнаго окончанія: здѣсь, какъ извѣстно, она составляетъ только часть обыкновенной пароговнѣй дороги и служитъ единственно для подъему на сень-жерменское возвышеніе. Какъ кажется, это самое естественное и самое выгодное назначеніе атмосферическихъ дорогъ: онѣ должны служить подмогою паровознымъ дорогамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пары не въ состояніи встать поѣздовъ на высоту; въ другихъ случаяхъ онѣ обходятся слишкомъ дорого, въ сравненіи съ паровозными, по крайней-мѣрѣ обходились доселѣ. Онѣ представляли несомнѣнную выгоду только тамъ, гдѣ мѣстность сопротивляется силѣ подвижныхъ паровыхъ машинъ. Напримѣръ ахенскій и литтисскій

аровозные подъемы, которыхъ устройство стоило такнхъ издержекъ и которые всё-таки чрезвычайно затруднительны, могли бытъ удивительно легко преодолены отрубками воздухогонныхъ дорогъ безъ всякой остановки для поѣздовъ. Компания эксетерской дороги напротивъ нахвалиться не можетъ дешезизною постройкн и своимъ успѣхомъ: новая дорога дѣйствуетъ съ ноября мѣсяца; ежедневно ходятъ четыре пассажирскіе поѣзда, и три поѣзда съ товарамн. Эксетерская дорога отличается отъ сентъ-жерменской, тѣмъ что не нужно тащить поѣзда цѣлью отъ эмбакадера до трубы, лежащей между рельсамн: особенная вспомогательная труба сдвнгаетъ поѣздъ съ мѣста и ведетъ его безъ всякаго сотрасенія до входу шомпола въ чугунный цилиндръ.

Скнпидарныя и зѣирныя паровыя машины. Въ Нью-Йоркѣ, въ заведеніи господина Самуила Перри, дѣйствуетъ нынче паровая машина особеннаго роду, изобрѣтенная другимъ какимъ-то господиномъ Перри, жителемъ одного изъ западныхъ штатовъ. Сила ея удивительна въ сравненіи съ ничтожностью горячаго матеріалу, но устройство то же какъ и обыкновенной паровой машины. Котель замѣненъ особеннымъ приборомъ, въ которомъ нѣсколько бутылокъ скнпидарнаго масла нагрѣвается посредствомъ маленькой спиртовой лампы и паръ скнпидару смѣшивается съ пятидесятью объемами атмосфернаго воздуха. Неможко этого углеводороднаго воздуху входить въ цилиндръ при каждомъ ударѣ погшня и, воспламеняясь тамъ дѣйствіемъ механизма, разгорячаетъ воздухъ цилиндра до того, что овъ, своимъ расширеніемъ, съ необыкновенною силою отталкиваетъ поршень.

Въ Лионѣ, на одномъ стеклянномъ заводѣ, дѣйствуетъ съ октября мѣсяца зѣирная машина, построенная господиномъ du Tremblay, вѣроятно на тѣхъ же началахъ какъ и ньюіоркская скнпидарная: только, вмѣсто скнпидарнаго масла употребленъ здѣсь сѣрнокислый зѣиръ, въ доказательство той истины, что съ помощью его можно такъ же хорошо работать какъ и спать. Она работаетъ рядомъ съ паровой машиной въ двадцать силъ, и ни въ чемъ ей не уступаетъ, но относительно къ содержанію, стоитъ въ нѣсколько разъ дешевле.

Пароходы съ горизонтальными колесами. Неудобства подводнаго архимедова винта стараются съ нѣкотораго времени устранишь употребленіемъ подводныхъ колесъ. Изъ всѣхъ этого роду опытовъ самымъ удачнымъ кажется тотъ, на который вы-

дава въ Англіи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, привилегія господину Спенсону. По системѣ этого инженера, колеса устраниваются горизонтально, у самого дна парохода. Большая половина колеса вмѣстѣ съ перпендикулярными осями, на которыхъ они вертятся, скрыта въ корпусѣ судна; изъ стѣнъ его выдается только треть колеса. Первый такой пароходъ, по имени «Альбионъ», спустилъ на Темзу въ послѣднихъ числахъ сентября, и хотя корпусъ его построенъ весьма неуклюже, отнюдь не для быстрого хода, судно однакожъ, при первомъ опытѣ, прошло тридцать морскихъ миль въ часъ. На поверхности воды не замѣтно было ни малѣйшаго волненія отъ колесъ, вращающихся подъ водою, гдѣ они въ то же время производятъ два боковыя теченія, параллельныя судну, которыя значительно ускоряютъ ходъ. Судно такъ же удобно движется и вспять, по желанію машиниста.

СОСТАВЫ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ ВОНИ. Одно изъ главныхъ благотворительныхъ заведеній въ Лондонѣ назначило ученый комитетъ для изслѣдованія разныхъ составовъ, предложенныхъ въ наше время химіей какъ несомнѣныя средства къ уничтоженію убійственной вони отхожихъ мѣстъ, ощущаемой постоянно въ домахъ и особенно во время чистки. Комитетъ этотъ представлялъ свое доведеніе, въ которомъ разсмотрѣны всѣ составы и сравнены ихъ относительныя дѣйствія, цѣны, выгоды и неудобства. Главныхъ составовъ этого роду четыре:

Хлористая известь, или хлоршва. Она дѣйствуетъ довольно хорошо, но неудобна тѣмъ, что одну волю замѣняетъ другою. Хлорный запахъ весьма непріятенъ и нерѣдко производитъ сухой кашель.

Хлористый цинкъ, обладающій въ то же время свойствомъ предохранять отъ гнили дерево, веревки, холстъ и прочая. Для уничтоженія отвратительныхъ запаховъ онъ годится еще менѣе хлористой извести.

Ледоисповская жидкость состоитъ изъ раствора азотнокислаго свинцу. Свойство ея уничтожать запахъ амміаковый и сѣрнисто-водородный, сопровождающій гніеніе органическихъ остатковъ и изверженій, не всегда оправдывается на опытѣ въ большомъ видѣ.

Комитетъ отдаетъ, передъ всѣми составами, преимущество эллермановой жидкости. Сколько извѣстно, это — препаратъ желѣза: изобрѣтатель, еще не взявшій привилегіи, скрываетъ сущность своего изобрѣтенія. Эллерманова жидкость дѣйствуетъ скорѣе, сильнѣе и вѣрнѣе всѣхъ прочихъ средствъ. Уничтожая

Вонь, она распространяетъ легкій запахъ кислоты, вовсе не противный обонянію. Она отличается еще и тѣмъ преимуществомъ, что не дѣлаетъ сокровищъ, вывозимыхъ ночью со двора, негодными къ удобренію полей: напротивъ, онѣ приобретаютъ новыя и драгоценныя качества для туковъ.

Доходъ съ чистоплотности. Неоднократно разные журналы и газеты съ отличнымъ филантропическимъ восторгомъ описывали удивительную чистоту заведенія и работниковъ въ большой фабрикѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей, принадлежащей господамъ Мордену и Комп., въ Лондонѣ, у City-Road. Работники одѣты прекрасно, на хозяйскій счетъ, каждый годъ въ новыя платья; они безпрестанно умываютъ руки и лицо; здоровье, лилии и розы, цвѣтутъ на ихъ лавитахъ. Въ описаніяхъ этихъ пропущено только одно обстоятельство. Хозяева фабрики пережигаютъ ихъ поношенныя платья, а воду, остающуюся послѣ омовеній, обдѣлываютъ химическимъ реактивомъ: изъ золы платьевъ и изъ осадковъ умывальной воды получается чистаго золота и серебра ежегодно на тысячу-двѣсти червонцевъ. Нечистоплотные работники вынесли бы вонь изъ заведенія на кожѣ и на одеждѣ своей эти драгоценныя, но непримѣтныя глазу, пылинки, безъ всякой пользы для себя, и съ убыткомъ для хозяевъ фабрики.

ЧОРТЬ ЕГО ВОЗЬМИ! *Истинное происшествіе. (Окончаніе).* Чортъ несколько не оскорбился тѣмъ, что студентъ, казалось, сомнѣвался въ его честности. Мало того, онъ явился истинно великодушнымъ: сначала онъ даже вовсе не тревожилъ молодаго человѣка, едва отъ времени до времени напускалъ на него минутное затмѣніе посреди удовольствій, потомъ даже совсѣмъ оставилъ. Но это, разумѣется, было только адское коварство: чортъ хотѣлъ ублажать студента безопасностью и успѣлъ какъ-нельзя лучше. Донъ-Кристіано забылъ о своемъ свиданіи съ чортомъ, всячески даже старался забыть и рѣшительно пересталъ говорить раздражительнымъ слогомъ.

Черезъ нѣсколько времени однако жъ донъ-Кристіано увидѣлъ, что чортъ не забылъ о немъ. Однажды, между прочимъ, донъ-Кристіано сидѣлъ за пышнымъ столомъ, по которому похаживали бутылки съ самыми дорогими винами, а онъ, пораженный затмѣніемъ, схватилъ нечаянно заблудившійся тутъ графинъ, налилъ полный стаканъ и, къ общему удивленію и къ крайнему своему неудовольствію, выпилъ за одинъ духъ. Хозяинъ дому

вообразилъ, что молодой человекъ поступилъ такимъ образомъ по какой-нибудь особенной уважительной причинѣ и не сталъ неволять, а донъ-Кристіано не смѣлъ ни открыть настоящей причины, ни покуситься на новую попытку, и ставая его простоялъ все время обѣда въ отчаянномъ, заустѣвнн. На другой день по городу разнеслись два слуха: одинъ говорилъ, что донъ-Кристіано сошелъ съ ума; другой, что онъ не шутя боленъ..... за обѣдомъ ничего \ не выпилъ кромѣ одного стакана воды! Это явленіе было такое чрезвычайное, что всякій желалъ убедиться въ очію и новый анахоретъ получилъ множество приглашеній, которымъ однако жъ не могъ послѣдовать, потому что не шутя заболѣлъ — съ досады и отъ негоднаго напитку, отъ котораго его страшно тошнило.

Наконецъ донъ-Кристіано оправился и, съ лихвою вознаградивъ себя за роковую ошибку, явился на большой балъ, куда собрались всѣ толедскія красавицы. Донъ-Кристіано пустился въ плясъ, но, по тяготѣвшему надъ нимъ адскому затмѣнію, вмѣсто молоденькихъ, хорошенькихъ дамъ, выбиралъ на танцы все старыхъ и безобразныхъ. Какъ между ними было много богатыхъ, хотя и беззубыхъ, перезрѣлыхъ дѣвъ, то въ собраніи начали посмѣиваться, шушукаться и говорить, что донъ-Кристіано, видно, промотался и намѣренъ поправить состояніе женитьбой на сундукѣ.

Студентъ вышелъ изъ себя и, чтобы доказать злымъ языкамъ, что у него еще есть золото въ карманѣ, созвалъ пріятелей, задалъ обѣдъ на славу, съ обильными возліявіями во искупленіе несчастнаго стакана воды, и потомъ открылъ игру. Въ самый разгаръ игры, когда золото полилось ручьями со всѣхъ сторонъ, на студента вдругъ опять нашло затмѣніе, онъ сталъ различать предметы съ большимъ трудомъ, какъ будто сквозь густой туманъ, однако жъ продолжалъ играть, игралъ какъ безумный, ходилъ съ пикъ вмѣсто червей, и бубенъ вмѣсто трефъ, валялъ одинъ промахъ черезъ другой, такъ, что изумленные пріятели столпились около него и въ недоумѣніи смотрѣли на странную схватку. Многие, изъ подтишка поглядывая другъ на друга, съ состраданіемъ указывали себѣ пальцемъ на лобъ.

Донъ-Кристіано страдалъ невыразимо. Крупныя капли поту струились у него по вискамъ. Онъ напрасно старался разбирать масти и достоинство картъ: осязаніе у него далеко не было такъ развито какъ у слѣпыхъ и у играющихъ всегда счастливо. Бѣдный студентъ проигралъ сперва всѣ свои деньги, потомъ лошадь,

потомъ домъ , потомъ любовницу , все, все; ничего не осталось кромѣ доброй шпаги, которую онъ уже выхватилъ до половины изъ ноженъ и непремѣнно всадилъ бы въ счастливаго противника, если бы надѣялся попасть куда слѣдуетъ.

Онъ не хотѣлъ однако жъ уступить , думалъ отыграться и съ бѣшенствомъ бросилъ на столъ послѣднее, свою шпагу.... Но что если и шпага пойдетъ вслѣдъ за деньгами? Студентъ погибъ, опозоренъ невозвратно! Что будетъ студентъ безъ шпаги? Мальчишка, школьникъ , которому всякій безнаказанно можетъ наступить на ногу , задѣть локтемъ.... У студента вся внутренность перевернулась. Оставалось , правда, еще средство , стоило только сказать — *чортъ меня возьми!*.... но жизнь студенту была дорога и онъ страшился ступить первый шагъ къ смерти. Первый шагъ всегда труденъ. До-сихъ-поръ донъ-Кристіано какъ человекъ съ характеромъ, крѣпко держался слова, которое далъ себѣ: онъ даже совсѣмъ почти забылъ о существованіи чорта и если тотъ наvertsывался ему на память, онъ никогда не думалъ объ немъ вслухъ и въ умѣ даже старался обозначать этого нечистаго другими учтивыми словами «незнакомецъ , печальный гость, тотъ господинъ» и мѣстоименіями «тотъ, онъ» и такъ далѣе. Однако жъ на этотъ разъ пришлось назвать чорта чортомъ и пригласить на выручку: надобно же было спасти изъ всего имущества по крайней-мѣрѣ шпагу. Донъ-Кристіано скрѣпилъ сердце и вскричалъ:

— *Чортъ меня возьми, если я не отыграюсь!* и про себя прибавилъ: эй! ты, дьяволенокъ, Жги Огонь, сюда!

Такъ было сказано въ условіи звать чортову помощь , но въ сущности совершенно достаточно было только прозвезсти вслухъ «чортъ меня возьми» или «чортъ его возьми», хотя бы даже во-все не кстати. Чортъ готовъ былъ довольствоваться самыми нелѣпыми лаконизмами и несообразностями, лишь бы при помощи поэтического подражательнаго слогу овладѣть жизнью студента.

Чортовъ сынъ , Жги Огонь, въ тотъ мигъ явился и сѣлъ у студента на плечѣ. Самъ чортъ былъ на ту пору занятъ другимъ важнымъ дѣломъ , да и не считалъ нужнымъ лично дѣлать пустяки, помогать студенту играть, когда онъ самъ призывалъ помощь. Виѣсть съ чертенкомъ къ студенту, разумѣется, явился и свѣтъ, да такой, что донъ-Кристіано чуть не ослѣпъ. Притомъ его немножко смутило неприятное ощущеніе на плечѣ, однако жъ онъ скоро оправился и продолжалъ игру, которая тотчасъ же приняла другой оборотъ: чертенышъ исполнилъ свою обязанность такъ

добросовѣство, давалъ студенту такіе полезныя совѣты, что обигравшій не только воротилъ все свое, но еще и противника къ своей очереди, обыгралъ до нитки.

Между тѣмъ донъ Крестіано ломалъ голову и не понималъ, отчего чортъ съ нѣкотораго времени вдругъ напалъ на него съ такимъ ожесточеніемъ, что сталъ преслѣдовать затмевіемъ почти ежедневно? Наконецъ дѣло объяснилось: мать студента куда-то не сказавшись уѣхала и донъ Крестіано потомъ уже узналъ, что она пошла на богомолье къ Святому Якову Компостельскому, чтобъ вымолить обращеніе сына къ порядочной женатой жизни. Студентъ ужаснулся увидѣвъ себя между двухъ огней: ему предстояло или еще два раза призвать чорта или не шутя остепениться. Онъ былъ въ отчаяніи. Оставалось только одно средство — опять отказаться отъ вечерняго освѣщенія и веселиться только при дневномъ свѣтѣ, которымъ чортъ не могъ завладѣть, или въ совершенномъ ночномъ мракѣ, который иногда также представляетъ свои выгоды. Чтò касается до чортовой помощи, донъ Крестіану было ужасно досадно, студентское его самолюбіе жестоко страдало, оттого что чортъ уже взялъ одинъ разъ верхъ надъ нимъ, заставилъ просить помощи. Это приводило его въ такое раздраженіе, что прежняя привычка выражаться подражательно, слогомъ поэмъ, на время подавленная, пробудилась во всей силѣ; студентъ покинулъ принужденную учтивость и опять сталъ нещадно ругаться, избѣгая только роковаго имени чорта. Но, во первыхъ, привычка, говорить, вторая натура, а во вторыхъ, заговоривъ слогомъ поэмъ въ какомъ бы то ни было родѣ, чрезвычайно легко сбится на *чортъ его возьми и чортъ его знаетъ*.

— Онъ думаетъ, кажется, форсированнымъ маршемъ принудить меня къ сдачѣ, говорилъ про себя донъ Крестіано: одинъ разъ уже заставилъ просить помощи..... скверно, досадно, да чтò теперь возьмешь? И остережся то не догадался, такое затмевіе напустилъ, подлець! каналья..... ч..... тѣу! этакая привычка!.... Да, нѣтъ, мошенникъ, нѣтъ не поймашь..... не скоро я призову тебя на помощь, ни зачтò не призову; я докажу тебѣ, что обойдусь безъ тебя и ты грибъ съѣшь. Не видать тебѣ моей жизни, сколько ты ни хлопочи. Ты думалъ сдѣлать меня чорпнымъ пошлякомъ, стыдливою, робкою дѣвушкой; думалъ лишить всякой возможности выражаться энергически; ты хотѣлъ обокрасть мой ловкій живописный слогъ, которому я научился у новѣйшихъ толедскихъ Гомеровъ..... Шутнишь, любезный. Ты

забылъ, что въ ихъ безсмертныхъ поэмахъ еще много остается элементовъ изящнаго кромѣ твоего имени. Ты не догадался, что поэзія ихъ неистощаема, кавальство! средства неистощимы, ч..... теу! бестія! все подвертывается..... Но вѣтъ, рѣшительно — вѣтъ! честное слово даю себѣ, что никогда не упомяну его.

Донъ Кристіано дѣйствительно избѣгалъ всякаго малѣйшаго нововоду произвѣсти «Чортъ возьми», для того чтобы коварный адскій духъ не принялъ простаго украшенія поэтическаго слогу за призывъ на помощь и, пожалуй, не помогъ бы въ чемънибудь вовсе безъ нужды. Намѣреніе это было твердое.

Чортъ однако жъ не унывалъ. Примѣтивъ, что нельзя поймать студента на свѣчной свѣтъ, онъ сталъ ухаживать за нимъ днемъ, въ надеждѣ оказать молодцу безкорыстную услугу.

Между тѣмъ въ Толедо прибылъ одинъ молодой человекъ, саламанкскій студентъ, съ гитарою за плечами и со шпагою при бедрѣ, предшествуемый блестящею репутациею поэта и отличнаго фехтовальщика. Многіе молодые люди стали состязаться съ нимъ, какъ въ поэзіи такъ и въ рыцарскомъ искусствѣ. Что касается до поэзіи, то школа новѣйшихъ Гомеровъ какъ разъ заткнула Саламанка за поясъ: гдѣ ему было тягаться съ гомеровскою школою! передъ нею онъ ровно ничего не смыслилъ ни въ изящномъ ни въ поэзіи. Зато онъ взялъ свое на шпагѣ: кто ни схватывался съ нимъ, всѣмъ онъ изцарапалъ носы и уши, искололъ бока, такъ, что никто ужъ и подступиться не смѣлъ. Осрамилась толедскіе дуэлисты. Наконецъ ихъ досада взяла; рѣшились, во что бы то ни стало проучить наглеца, отъ котораго на улицахъ ни кому проходу не стало, — всякаго локтемъ толкаетъ, никому шляпы не ломаетъ, всѣмъ красавицамъ безъ церемоніи подъ бровь такъ и заглядываетъ. Толедцы собрались на совѣщаніе и, отложивъ всякое самолюбіе, единогласно выбрали и признали донъ-Кристіано достойнѣйшимъ противникомъ страшному саламанкскому студенту и болѣе всѣхъ способнымъ наказать дерзкаго.

Донъ-Кристіано, гордясь такимъ почетнымъ избраніемъ, тотчасъ же вызвалъ Саламанка на дуэль и, чтобы придать этому состязанію какъ можно больше торжественности, устроили родъ цирка въ большой залѣ, отвели мѣста для многочисленныхъ зрителей, однимъ словомъ, приготовили настоящій турниръ. Противъ нихъ выступили на арену. Условлено было разойтись при пер-

вой крови и бить не до смерти, потому что дѣло шло только о торжествѣ того или другаго города въ фехтовальномъ искусствѣ.

Сначала оба студента дрались съ одинаковымъ счастьемъ; потомъ, на минуту, казалось, что донъ-Кристіано возьметъ верхъ, но вдругъ саламанкскій студентъ выкинулъ своею шпагой двѣ или три такія ловкія штуки, что восхитилъ даже своихъ заклятыхъ враговъ, которыми впрочемъ почти вся зала была наполнена. Это взбѣсило донъ-Кристіано; гнѣвъ и чортово коварное наущеніе совершенно подорвали его хладнокровіе и навели на него затѣвнѣе, хотя дѣло происходило среди бѣлаго дня. Кровь бросилась несчастному въ голову и совѣтъ помрачила зрѣніе, такъ, что онъ лишился возможности предупреждать удары противника. Отъ этого раздраженіе стало возрастать еще больше. Донъ-Кристіано сталъ нападать какъ бѣшеный; забылъ, что дѣло идетъ только объ искусствѣ, о поверхностной побѣдѣ, и сталъ мѣтить въ самое сердце противника. Разумѣется, онъ не попадалъ и самъ поминутно подвергался большей и большей опасности.

— Этакое шельмовство! вскричалъ онъ наконецъ въ ярости: бестія! у тебя, видно, сердца нѣтъ!... *Чортъ его знаетъ, гдѣ оно у тебя!*...

Въ это самое время, какъ-будто кто повернулъ сзади руку толедскаго студента и толкнулъ въ локоть. Шпага его вонзилась въ грудь саламанкскаго героя по самую рукоятку. Сталь пронзила сердце насквозь. Противникъ упалъ наземь бездыханнымъ. Смертоубійство!... Все собраніе вздрогнуло отъ ужасу. Однако жъ громъ рукоплесканій поколебалъ стѣны залы и друзья донъ-Кристіано окружили побѣдителя съ поздравленіями.

Побѣдитель между-тѣмъ принималъ поздравленія очень разсѣянно, не обращалъ ни какого вниманія на лестныя похвалы. Онъ спохватился, что чортъ ему помогъ одержать эту побѣду; онъ увидѣлъ, что сгоряча ступилъ второй шагъ къ смерти и, въ добавокъ, еще попалъ въ бѣду, убилъ человѣка въ публичномъ собраніи. Отчаяніе овладѣло несчастнымъ. Онъ отъ всей души проклялъ бы чорта и его непрощенную помощь, еслибъ не боялся третьяго, послѣдняго шагу къ смерти. Онъ былъ такъ разстроены, такъ упалъ духомъ, что въ эту минуту даже подумалъ, не лучше ли будетъ жениться, чтобы на всегда избавиться отъ всякаго соблазну.... до такой степени любовь къ жизни властвовала надъ его сердцемъ.

Впрочемъ, и жениться уже было невозможно. Донъ-Кристіано взглянулъ на побѣжденнаго противника, котораго знакомцы еще

старались привести въ чувство, но напрасно. Убіиство было совершено при помощи чорта вполне, какъ слѣдуетъ. Донъ-Кристіано увидѣлъ, что полція этого не проститъ и сами родители убійцу не примутъ. Оставалось только бѣжать изъ Толедо.

Черезъ полчаса студента побѣдителя уже не было въ городѣ. Нѣкоторое время онъ скрывался въ горахъ; потомъ, проселками, добрался до Севильи, въ надеждѣ найти тамъ какое-нибудь занятіе и пропитаніе, пока въ Толедо не пройдетъ гроза и произшествіе не будетъ забыто. Нищета, голодъ, страданія скитальческой жизни образумили наконецъ повѣсу. Онъ почувствовалъ спасительныя угрызения совѣсти и рѣшился быть добродѣтельнымъ. Чортъ ходилъ за нимъ печально повѣсивъ носъ: не было возможности ни къ чему придратъся.

Но что дѣлать въ Севильи? Донъ-Кристіано не зналъ ни какого ремесла. Учился онъ плохо. На этомъ основаніи онъ, пожалуй, могъ бы опредѣлиться въ Гомеры и писать отличныя поэмы въ натуральномъ родѣ, изображать человѣчество какъ оно есть. Но тутъ безъ чорта его знаетъ и чортъ его возьми и шагу ступить нельзя, а этими поэтическими фигурами шутить долѣе было не возможно: пожалуй, чего добраго! нечистый придрагся бы къ нимъ и на бумагѣ. Донъ-Кристіано бросался во всѣ стороны, пробовалъ всего, хотѣлъ даже вступить въ сословіе почтенныхъ отцовъ езуитовъ, — тѣмъ чортъ былъ весьма обрадованъ, но ничто ему не удавалось. Онъ терпѣлъ горе, бился какъ рыба объ ледъ; ничѣмъ не наслаждаясь, надѣлалъ долговъ и попалъ въ тюрьму. Сначала онъ даже радъ былъ этому обстоятельству: оно по-крайней-мѣрѣ давало ему квартиру и столъ даромъ. Но вскорѣ уныніе и отчаяніе снова овладѣли душою студента. Онъ непремѣнно проклиналъ бы часъ своего рожденія и послалъ бы къ чорту все на свѣтѣ, если бъ не боялся чорта и послѣдней его помощи.

Въ эту мрачную минуту донъ Кристіано случайно засунулъ руку въ карманъ своего стараго взорваннаго жилета и нащупалъ въ немъ что-то мягкое. Онъ съ разсѣяннымъ любопытствомъ вытащилъ и развернулъ: это была ленточка, данная ему вѣкогда доброю донной Карминой. Съ горькою усмѣшкой посмотрѣлъ онъ на эту незабудку, сидя на своей тюремной кровати и съ гнѣвомъ произнесъ:

— Вотъ все мое достояніе!... Ленточка!... чортъ ли мнѣ въ ней теперь!... Нашелъ бы лучше веревку въ карманѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ повѣсился бы!...

Едва студентъ выговорилъ это, ленточка исчезла изъ рукъ. Узнйку показалось, -будто она упала на полъ. Ему стало жаль этого доскутка, вѣкогда дорогаго сердцу.... Отъ времени до времени донъ-Кристіано бывалъ очень чувствителенъ.... Онъ наклонился, чтобы отыскать потерю. Но ленточки нигдѣ не было видно: вмѣсто ея изъ-подъ кровати торчалъ конецъ крѣпкой пеньковой веревки. Донъ-Кристіано зналъ всѣ углы, всѣ пылинки своей конуры и, увидѣвъ веревку, которой тутъ прежде не было, могъ бы по-крайней-мѣрѣ удивиться, если не въ силахъ былъ примѣтить явное коварство сатаны. Дѣло въ томъ, что чортъ, сдѣлавшій подъ кроватью студента, припряталъ ленточку и вмѣсто ея высунулъ конецъ своего хвоста, которому придалъ видъ крученой пеньковой веревки.

Довольно непостижимо также, какимъ образомъ студенту, который такъ боялся смерти, могла прийти въ голову мысль о самоубійствѣ, или по крайней-мѣрѣ о петлѣ. Но отчаянное безотрадное положеніе, при адской услужливости чорта, который всячески старался напустить какое-бы то ни было затменіе, вконецъ помрачило разсудокъ бѣднаго донъ-Кристіано. Онъ совсѣмъ забылъ даже разсудить, что повѣситься значитъ умереть; съ звѣрскою радостью бросился на веревку и сталъ тащить ее на середину конуры. Веревка казалась безконечною. Онъ наматалъ ее сажень десять и все еще другаго конца не видно было: чортъ хвостъ — вещь удивительно эластическая. Но къ чему другою концемъ? Развѣ этого недовольно, чтобы сдѣлать петлю и удавиться?

Въ конурѣ заключеннаго студента была подъ сводомъ желѣзная перекладина. Донъ-Кристіано перекинулъ черезъ нее вдвое сложившую веревку, сдѣлавъ петлю, всталъ на стулъ и продѣвъ шею въ гибельный узелъ сбирался уже оттолкнуть стулъ ногою. Чортъ, подъ кроватью, потиралъ руки отъ радости.

— Славно ведено дѣло! говорилъ онъ про себя: славно одуралъ хвастунишку, кошуна, ругателя.... Думалъ надуть меня.... Нѣтъ, голубчикъ, ты мой былъ ужъ тогда какъ только впервые научился все и всѣхъ ко мнѣ посылать. И наставники-то твои, Гомеры, почти всѣ у меня въ аду въ печуркахъ сидятъ.... Остальные очереди дожидаются.

И, говоря это, чортъ самъ потихоньку вытаскивалъ стулъ изъ-подъ ногъ студента и вѣжно сжималъ свой хвостъ около шеи, чтобы удавить свою жертву сладко, отрадно, упокательно.

Донъ-Кристіано почувствовалъ, что ему помогаютъ, взглянулъ,

увидѣлъ чорта, образумился, хотѣлъ вырваться изъ петлн, но уже было поздно.

Стулъ вдругъ опрокинулся со стукомъ. Донъ-Кристіано повисъ. Чортъ выскочилъ изъ-подъ кровати собирать его душу въ свиной пузырь.

Вдругъ дверь темницы отворилась и въ конуру студента вошелъ толстый патеръ доминиканецъ, предсѣдатель севильской святой инквизиціи, молодая женщина, черезъ голову закутанная въ мантилью, и тюремный сторожъ.

Всѣ трое окаменѣли при видѣ повисшаго студента, который, выпуская духъ, судорожно метался въ воздухѣ. Они пришли освободить его изъ тюрьмы. Долги донъ-Кристіано были заплачены молодою женщиной. Но ихъ ужасъ могъ сравниться только съ ужасомъ чорта, неожиданно увидѣвшаго передъ собою предсѣдателя святой инквизиціи. Бѣдный бѣсъ не зналъ куда дѣваться: онъ бросался во всѣ стороны, прятался, въ замѣшательствѣ забылъ о душѣ студента, думалъ только о томъ, какъ бы освободить свой хвостъ и поскорѣе провалиться сквозь землю. Въ попыткахъ онъ дернулъ такъ шибко, что оторвалъ конецъ хвоста на желѣзной перекладинѣ, но не погвадся за такую бездѣлицей и шмыгнулъ въ преисподнюю.

Между-тѣмъ, оторванный конецъ чортова хвоста, сохранившій видъ веревки, развязался и донъ-Кристіано бухнулъ наземь. Въ немъ оставались признаки жизни, но паденіе было ужасно. Голова разшиблась о каменный полъ темницы и кровь полилась ручьями.

Молодая женщина съ пронзительнымъ крикомъ кинулась на несчастнаго. Доминиканецъ, другъ семейства родителей донъ-Кристіано, взявшійся возвратить блуднаго сына, послалъ за врачомъ и приказалъ перенести студента въ болѣе удобное помѣщеніе. Несчастный ничего не помнилъ: онъ былъ безъ чувствъ.

Чортъ, опомнившись отъ перваго страху, между-тѣмъ опять явился на землѣ, хотя и не посмѣлъ близко подойти къ инквизитору. Провѣдавъ, что студента хотять куда-то нести, онъ встревожился и сталъ изъ-за угла тюрьмы наблюдать, что будетъ. Онъ былъ совершенно убѣжденъ, что донъ-Кристіано скоро умретъ и что доктора, съ своей стороны, помогутъ ему въ этомъ. Весь вопросъ состоялъ только въ томъ, куда больнаго перевесутъ, — если въ домъ къ инквизитору, то всѣ хлопоты чорта пропали: самъ онъ не посмѣетъ туда явиться и студентъ, хотя умретъ, не достанется ему, потому что почтенный патеръ овладѣетъ имъ и выручитъ совсѣмъ запродавшую душу. Но къ счастью чорта,

студента отвѣсли на особенную квартиру, которую для него наняла незнакомая молодая женщина.

Молодой человѣкъ долго боролся со смертію, самъ того не зная. Въ бреду горячки онъ говорилъ о чертяхъ такия страшныя вещи, что нанятая снѣлка то и дѣло отмазывалась. Студентъ обрывками самъ разсказалъ всю свою исторію съ несчастнымъ, и даже послѣднее приключеніе въ тюрьмѣ.

Бредъ этотъ впрочемъ совершенно сливался съ дѣйствительностью, потому что въ короткія минуты, когда несчастный студентъ приходилъ въ себя, чортъ безпрестанно вертѣлся у него передъ глазами, то выглядывая изъ зеркала, откуда наемѣшливо дразнилъ его разными гримасами, то садился на цепецъ старухи-снѣлки, кривлялся, высовывалъ языкъ, протягивалъ свой свиной пузырь, развязывалъ и завязывалъ его часто, какъ бы для того, чтобъ спрятать туда грѣшную душу студента, лишь только она станетъ отдѣляться отъ тѣла.

Въ первый разъ, когда донъ-Кристіано, послѣ выдержавшаго на зло чорту кризиса, дѣйствительно пришелъ въ себя, онъ увидѣлъ стоящую передъ нимъ молодую женщину, которая съ участіемъ наклонилась надъ нимъ, и притомъ такъ близко, что коснулась его лица своими шелковистыми локонами. Это обстоятельство собственно и было настоящею причиною пробужденія отъ горячечнаго бреда.

Видъ прелестной дѣвушки подѣйствовалъ на студента цѣлительнѣе всѣхъ возможныхъ микстуръ. Помутившіеся въ болѣзни глаза его постепенно просіяли радостью. Онъ узналъ свою кухню донну Кармину, которая покраснѣла, вѣроятно, также отъ радости, что спасла человѣка отъ смерти.

Узнавъ отъ кухни, какимъ образомъ очутился на другой квартирѣ, и припоминая все прошедшее, донъ-Кристіано вспомнилъ также постоянную, нѣжную любовь Кармины, ея доброе сердце, всѣ ея прекрасныя качества и далъ себѣ слово непременно жениться на ней, какъ только выздоровѣетъ. Но только-что эта мысль сложилась въ умѣ студента, а чортъ ему на ухо.

— Шутить, голубчикъ! ты забылъ, что ты мой? Развѣ ты можешь не умереть? Ты уже три раза пользовался моею помощью и вотъ нашъ контрактъ. Я только не хотѣлъ брать тебя въ состояніи безпамятства, чтобы ты послѣ не сказалъ, что я идулъ тебя. Я дѣйствую на чистоту, въ буквальный смыслъ законнаго условія. Ты видишь, что возражать на мое требованіе нечего. Приготовляйся же отправиться со мной въ преисподнюю.... Ужъ

я тебя не вынужу изъ моихъ когтей. Не даромъ же я помогала тебѣ! Простая же добро, со своею кузницей и изволь садиться воть сюда, въ мой пузырь. Пора тебѣ умереть.

— Умереть! умереть! вскричалъ донь-Кристіано.

Донна Кармина ужаснулась. Она не понимала страннаго волненія своего кузена, потому что чортову рѣчь, разумеется, могъ слышать только самъ больной.

— Умереть! умереть такъ рано! повторилъ съ отчаяніемъ студентъ.

Донна-Кармина со страхомъ и скорбію упала на колѣни передъ постелью и простирая руки къ больному вскричала:

— Нѣтъ, нѣтъ, милый Кристіано! ты не умрешь, ты не можешь умереть! Я спасу тебя! Я сама пожертвую жизнью для тебя! Возьми мою жизнь и живи!

Чортъ раскрежеталъ зубами и съ отчаявія вырвалъ у себя одинъ рогъ. Всѣ труды его пропали: нашлось существо, которое, продавъ всякаго чайшя, исполнило весьма сомнительную оговорочную статью контракта его со студентомъ. Донъ-Кристіано могъ жить, какъ скоро нашелся кто-нибудь искренно изъявившій желаніе умереть за него. Контрактъ разрушился и чортъ не имѣлъ даже утѣшенія овладѣть донной-Карминой. По совѣсти онъ не могъ этого требовать, потому что самъ составилъ эту статью по самонадѣянности слишкомъ небрежно, — не сказалъ, что смерть желающаго дѣйствительно должна послѣдовать. Онъ съ яростью ударился головою въ полъ и исчезъ. Послѣ него въ комнатѣ остался только легкій запахъ сѣрныхъ спичекъ.

Вскорѣ донь-Кристіано дѣйствительно женился на доннѣ Карминѣ. Хорошо, что это такъ кончилось. Случай совершенно необыкновенный. Не у всякаго, кто говоритъ «чортъ меня возьми» и «чортъ его знаетъ», есть донны-Кармины.

Въ Севильѣ, тюремные сторожа до сихъ-поръ за рѣдкость показываютъ путешественникамъ обрывокъ чортова хвоста, на которомъ чуть не утонулъ толедскій студентъ донь-Кристіано.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. ФРАНСОА ПОДКИДЫШЪ, François le Champi, романъ Жоржъ-Санда. Честь имѣемъ поздравить съ новостью: знаменитый и многопрославленный бичъ мужей перемѣняетъ манеру писать!... Погодите, погодите, о мужья! не радуйтесь слишкомъ опрометчиво, не подумайте, будто злодѣйка ваца, мадамъ д'Юдеванъ, унялась или даже примирилась съ вами. Нѣтъ, она въ этомъ отношеніи все та же, — она

въ гробъ ляжетъ съ вѣчною, непримирною ненавистью къ вредной породѣ вашей; она не положитъ меча своего, доколѣ не сотретъ васъ всѣхъ до единого съ лица земли! Не подумайте также, будто она отказалась отъ своихъ утопій, отъ своей фантастической общины, коммуны, логичность которой такъ восхищаетъ васъ.... особенно, если у васъ ничего нѣтъ,—ни деревни, ни дарованія, ни охоты трудиться,—и вы представляете себѣ, какъ пріятно вамъ будетъ жить вмѣстѣ и дѣлить все пополамъ, поровну съ ревностною поборницей великаго ученія,—нѣтъ, успокойтесь, вы еще можете надѣяться погулять на ея счетъ: идея она еще не перемѣняла, она перемѣняетъ только форму въ своемъ искусствѣ,—она намѣревается быть *естественною*. Вотъ какъ это случилось. Однажды, въ вычурно описанный осенній вечеръ, при свѣтѣ луны, она возвращалась съ прогулки съ какимъ-то господиномъ Р***, которому вдругъ ужасно захотѣлось избавиться отъ «поддѣльной жизни», отъ званія, отъ разсужденія, отъ искусства, и сдѣлаться «первобытнымъ человѣкомъ», то есть мужикомъ, и притомъ мужикомъ безграмотнымъ, для того, чтобъ быть ближе къ природѣ, въ которой все выше и лучше, чѣмъ въ искусствѣ,—въ которой «шумъ каскада благозвучнѣе сонета Петрарки, соловей поетъ лучше Моцарта, холмы и рощи сами рисуются лучше, чѣмъ у Рюйдэля, и въ глазахъ ревниваго мужика, колотящаго жену, выражается гораздо больше страсти, чѣмъ у Шекспира». Ему кажется, что избавившись отъ безполезной своей способности мыслить и безпрестанно отдавать себѣ отчетъ въ впечатлѣніяхъ; онъ будетъ счастливъ, потому что больше будетъ *чувствовать* (хорошъ психологъ, нечего сказать!). Однимъ словомъ, ему хочется быть «первобытнымъ человѣкомъ», о которомъ мечталъ Жанъ-Жакъ Руссо. «Кто жъ объ этомъ не мечталъ!» отвѣчаетъ авторъ: «и я часто мечталъ. Однакожъ, нужно замѣтить, что этимъ еще не истребишь искусства, потому что самый простой мужикъ все еще остается художникомъ, и вся разница въ томъ, что его искусство выше нашего.»—Вотъ то то и есть! вскричалъ торжествуя господинъ, желающій чувствовать, не понимая, что чувствуетъ: затѣмъ-то я и хочу чувствовать по мужицки. Мужикъ непосредственно вдохновляется природой; оттого бретонскій нищій поетъ *лазаря* (*complainte*), котораго три куплета стоютъ всего Байрона и всего Гёте и избражаютъ истинное и прекрасное полнѣе и скорѣе, чѣмъ величайшіе ваши поэты. А музыка! дивныя народныя мелодіи! Живописен у мужика нѣтъ, зато есть языкъ, который во сто разъ

ивописаѣе, выразительнѣе и логичнѣе вашего литературнаго языка!» Авторъ совершенно согласился въ особенности съ пѣднимъ доказательствомъ; объявилъ, что онъ самъ давно въ пчаяннѣ оттого, что принужденъ былъ писать языкомъ «почти академическимъ», тогда какъ знаетъ другой, который несравненно выше и несравненно лучше выражаетъ истинныя чувства и мысли.... и прочая, и прочая.... Вслѣдствіе этого, господинъ, жающій чувствовать, не понимая что чувствуетъ, задаетъ автору рассказать повѣсть этимъ лучшимъ, высшимъ, естественнымъ языкомъ. И вотъ Жоржъ-Сандъ, которому вы, о мужа! за прекрасный, истинно (по вашему мнѣнію) изящный языкъ и слогъ, свѣтлый, блестящій, звучный, пластическій, такъ часто прощали воздвигнутыя на васъ ожесточенныя гоненія, — Жоржъ-Сандъ, на котораго вы, даже не сочувствуя его нелѣпымъ утопіямъ и склеенной изъ противорѣчій философіи, всегда смотрѣли какъ на умнаго человѣка, умѣющаго даже дикій вздоръ сказать ловко, поразительно и пріятно, и какъ на мастера-художника, восхищавшаго и увлекавшаго васъ своею живописью и поэзіей въ самыхъ странныхъ своихъ картинахъ, — Жоржъ-Сандъ, подобно одному русскому Гомеру, вдругъ объявляетъ, что вы, мужа и читатели, ничего не смыслите въ изящномъ; что самъ онъ, авторъ, прежде вовсе не умѣлъ писать и восхищать какъ слѣдуетъ; что онъ только по неволѣ восхищалъ васъ ложнымъ изяществомъ, и что теперь онъ начнетъ снова, заговоритъ другимъ, настоящимъ изящнымъ языкомъ, языкомъ природы и первобытнаго человѣка и напишетъ настоящую естественную картину.

Общаніе это выполняется повѣстью «Франсоа-Подкидышъ», которая хотя еще не кончена, однакожъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, такъ интересна, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи рассказать содержаніе, сколько сами видѣли.

На первый разъ, опасаясь со своимъ искусствомъ погрѣшить противъ естественности, авторъ не отъ своего лица рассказываетъ, а заставляетъ рассказывать деревенскую бабу, служанку, и мужика, работника. Исторія или, лучше сказать, идиллія состоитъ въ томъ, что мельничиха Магдалина, вышедши на рѣку полоскать бѣлье, нашла на берегу мальчишку съ виду очень глупаго, которому имя Франсоа, а отчества и прозванія нѣтъ, потому что недавно поселившаяся съ нимъ въ этой деревнѣ мать его, Забелла, вовсе ему не мать, а просто сострадательная, хотя и нищая душа, подобравшая сироту на улицѣ. Забелла такъ бѣдна, что ей самой нечего ѣсть и нечѣмъ одѣться, такъ, что она до-

волью равнодушно смотритъ на голодъ и дрожь своего питомца. Мельничиха Магдалина сжалась и взяла подкидыша къ себѣ, обмыла его, одѣла, и мальчишка оказался не только не глухимъ, но даже удивительною умницей, — разсуждаетъ о причинахъ вещей такъ, что любо слушать. Несмотря на это, онъ, однакожъ, не поправился мельничихиной тещѣ. Скупая и злая старуха погрозила отнять у Забеллы послѣдній кусокъ хлѣба, работу при мельницѣ, если она не спровадитъ своего мальчишку изъ деревни, чтобъ и духу его не пахло. Забелла по-неволѣ согласилась отправить подкидыша въ ближайшій городъ, въ воспитательный домъ, и уже повела къ дилижансу, но молодая мельничиха, Магдалина, подоспѣла и отняла. Къ счастью подкидыша, злая теща Магдалины скорострѣжно умерла и все устроилось. Самъ мельникъ Бланшэ тоже былъ человѣкъ не очень гостепріимный, однакожъ мальчишка кое-какъ выросъ и скоро оказался полезнымъ работникомъ, преисполненнымъ всякихъ добродѣтелей. Бланшэ, напротивъ, былъ *мужъ*, стало-быть, вы уже знаете, что это за существо, — пьяница, развратникъ, буйнъ, мерзавецъ, какіе только между женатыми встрѣчаются. У Бланшэ есть любовница, по имени Севѣръ, на которую онъ разоряется и съ которою веселится на ярмаркахъ, между тѣмъ, какъ все это знающая, кроткая, терпѣливая, добродѣтельная и нѣжная жена дома трудится и философствуетъ со своимъ питомцемъ, умнымъ, любящимъ, чувствительнымъ молодымъ человѣкомъ, которому минуло уже семнадцать лѣтъ.

Къ несчастію своему, подкидышъ въ эти лѣта оказался не только умницей, но и красавцемъ, такимъ красавцемъ, что мадамъ Севѣръ, которой пьяный Бланшэ уже надоѣлъ, вздумала завербовать молодого работника на смѣну хозяйну. Для этого она, на ярмаркѣ, напоила Бланшэ за мертво и оставила гостить, а сама принудила подкидыша отвести ее домой, усѣвшись съ нимъ на одну лошадь верхомъ. Это приказаніе работникъ принужденъ былъ исполнить, но обольстительница напрасно старалась заблудиться съ добродѣтельнымъ юношей въ лѣсу, напрасно употребляла всѣ уловки естественнаго деревенскаго кокетства, онъ остался непоколебимъ, благополучно донесъ ее до дому и, несмотря на позднюю пору, не согласился остаться ночевать. За это мадамъ Севѣръ очень естественно отомстила ему способомъ, который былъ извѣстенъ уже при Фараонахъ. Она пожаловалась Бланшэ на дерзкаго обольстителя и возбудила двойную ревность, указавъ на опасность, какой и дома подвергается супружеская

честь мельника. Возбѣшенный Бланшэ пришелъ домой съ дубиной, но, къ счастью, не засталъ подкидыша, который въ это время былъ на работѣ. Жена урезонила буяна, доказала ему что онъ... мужъ, и общала, что подкидыша съ того же дня не будетъ въ домѣ. Бланшэ успокоился, а Магдалина объяснила своему питомцу, что онъ для ея спокойствія долженъ покинуть ее, свою лучшую мать.... Первая мать бросила его при самомъ рожденіи, вторая, хотя и подвела, однако не очень любила и готова была бросить; третья, Магдалина, воспитала и любила, а покидала только по необходимости, слѣдовательно могла назваться лучшею матерью.

Франсоа прожилъ три года въ другой деревнѣ, у другаго мельника, челоуѣка добродѣтельнаго (онъ былъ вдовъ) и признательнаго, который, чтобы наградить смышленнаго и трудолюбиваго работника, предложилъ ему руку своей единственной дочери, богатой наслѣдницы. Но Франсоа рѣшительно отказался отъ этой чести и объявлялъ, что никогда не намѣренъ жениться, потому что у него есть мать, Магдалина, и братъ, Жанин, которые, вѣроятно, современемъ будутъ имѣть нужду въ его помощи. Около того же времени мѣстный приходскій пасторъ, призвавъ однажды молодаго работника къ себѣ, вручилъ ему четыре тысячи франковъ, которые неизвѣстная, первая мать, зная повидному о его мѣстопребываніи, послала ему для обезвѣденія своимъ домомъ. Франсоа довольно равнодушно, какъ слѣдуетъ философу, согласился имѣть деньги, но оставилъ ихъ, до надобности, на сохраненіи у пастора. Вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе о смерти спившагося и промотавшагося Бланшэ. Франсоа тотчасъ простился съ новымъ хозяиномъ и отправился къ Магдалинѣ, которую нашелъ больную, разоренную,—мадамъ Севѣръ, любовница ея мужа, отягиваетъ у нея даже мельницу, не смотря что эта мельница въ жалкомъ запустевіи. Франсоа прежде всего принимается чинить разрушенное и заводитъ снова работу. Въ домѣ своей нарѣченной матери онъ находитъ между-прочимъ новое лицо, молодую сестру бывшаго своего хозяина.

Въ такомъ положеніи дѣла до-сихъ-поръ. Чтò дальше будетъ, не преминемъ извѣстить. Чтò касается до исполненія этой картины и до естественнаго новаго слогу Жоржъ-Санда, мы въ восхищеніи. Онъ сдержалъ слово: прежняго искусства и слѣда нѣтъ. Особенно разговоры первобытныхъ людей понравились намъ своею естественностью: мельничиха скажетъ рѣчь въ полъ-страницы, и питомецъ-работникъ въ полъ-страницы; она въ страницу, и онъ въ

страницу.... прелесть какъ естественно! настоящіе первобытные люди.

СЕМЬ СМЕРТНЫХЪ ГРѢХОВЪ, *Le Sept péchés capitaux, романъ Евгенія Сю*. Этотъ тоже утопистъ и порою даже коммунистъ, но только совсѣмъ въ другомъ родѣ. Весь коммунизмъ Сю состоитъ въ одномъ словѣ: «возлюбите другъ друга». Если бы коммунизмъ прочихъ теоретиковъ и мечтателей по части социальности состоялъ въ томъ же самомъ, то, конечно, они не породили бы столько уродливыхъ нецѣлостей, столько горячечнаго бреда, столько противорѣчій самимъ себѣ и здравому смыслу, и заслужили бы всеобщее уваженіе какъ проповѣдники идеи великой, святой, евангельской, безпредѣльно плодотворной прекраснымъ и истиннымъ. Сю не говоритъ имѣющимъ: вы не вправѣ владѣть тѣмъ, что имѣете; отдайте, раздѣлите, да будетъ все общее достояніе, да владѣютъ всѣ поровну; онъ очень хорошо понимаетъ, что при такомъ уравниніи достоянія уничтожилось бы лицо и всякая возможность самостоятельности человѣка, а слѣдовательно и всякій талантъ, и умъ, и трудъ, и заслуга, и знаніе, и искусство; чело-вѣчество обратилось бы въ сплошную массу, сложенную изъ автоматовъ совершенно одинаковыхъ размѣровъ, и, — въ самомъ счастливомъ случаѣ, — заглохло бы въ апатіи, заснуло бы совсѣмъ, или, что всего вѣроятнѣе, — потому что всякій автоматъ всё-таки сохранилъ бы свой эгоизмъ, — погрязло бы въ лѣни, въ невѣжествѣ и дожило бы наконецъ до блаженнаго состоянія грубой, бессмысленной и свирѣпой орды дикарей. Не этого хочетъ Сю, когда говоритъ человѣку: развивайся, облагороживайся, употреби съ пользою все данное тебѣ природою и судьбой; трудись и уважай, награждай по справедливости трудъ ближняго твоего; а наградою тебѣ будетъ жизнь, украшенная заслуженнымъ наслажденіемъ и сознаниемъ, что ты исполнилъ свой долгъ какъ человѣкъ. Когда же ты палъ, — ты падаешь ббльшею частью по винѣ отцовъ, — не черяй надежды, доколѣ въ тебѣ еще осталось хоть одно человѣческое чувство, возстань и исправься. Вотъ коммунизмъ Евгенія Сю, вотъ какимъ идеямъ посвятилъ онъ талантъ свой, и зато — слава ему; зато, раскрывая всякую новую книгу его, вы впередъ знаете, что найдете что-нибудь прекрасное, высокое, утѣшительное и возвышающее васъ въ собственныхъ глазахъ вашихъ; зато вы всегда охотно простите ему всѣ его недостатки, всѣ его невѣроятности и преувеличенія.

Послѣднее его сочиненіе «Семь смертныхъ грѣховъ» будетъ

чень обширно: оно, какъ видно по началу, раздѣлится на семь частей, или на семь отдѣльныхъ романовъ. Первая часть носитъ заглавіе — *l'Orgueil*, «Самолюбіе». Этой части, или этого перваго романа, до сихъ-поръ вышло два тома. Не находя удобнымъ переводить его, мы по-крайней мѣрѣ расскажемъ содержаніе и постараемся указать на все, что найдемъ въ немъ лучшаго. Изъ недостатковъ, кромѣ общаго всѣмъ вышѣшнимъ французскимъ фельетоннымъ романамъ — многословія, въ этомъ романѣ, къ сожалѣнію, съ перваго взгляду въ глаза бросается разсѣянность, безсвязность сценъ, увеличенная еще множествомъ дѣйствующихъ лицъ и, слѣдовательно, запутанностью дѣйствія, что все можетъ выкупить только необыкновенное искусство автора заинтересовывать на всякомъ шагу и увѣренность читателя вездѣ найти какую-нибудь живую, плодотворную мысль. По причинѣ этого самаго раздробленія мы на первый случай, до выхода слѣдующихъ томовъ, — чтобы не запутаться въ слишкомъ подробный разсказъ, — принуждены ограничиться только самымъ бѣглымъ обзорѣніемъ и предоставляемъ себѣ болѣе точный отчетъ сообщать послѣ.

Дѣло собственно состоитъ вотъ въ чемъ. Съ одной стороны на сцену являются два друга, двое молодыхъ людей, подпорщикъ Оливье и герцогъ Жеральдъ де-Сентерръ, сослуживцы по африканской арміи. Оливье пошелъ въ солдаты, какъ бѣднякъ, которому надо искать какого-нибудь пути и попалъ на этотъ прежде всего потому, что его дядя Берваръ — отставной, израненный морской офицеръ; а Жеральдъ, несмотря на знатность рода, не захотѣлъ нанять за себя другаго, и наравнѣ со всякимъ простымъ гражданиномъ понесъ службу по обязанности, когда пришла очередь. Въ этой одной чертѣ уже высказывается весь характеръ молодаго герцога, который, впрочемъ, не очень богатъ. Съ другой стороны — умиряющая графиня де-Боменль, у которой двѣ дочери, одна законная наследница трехъ милліоновъ дохода, другая побочная и поневолѣ покинутая, одинокая сирота, которая кормится собственнымъ трудомъ. Законная дочь графини, Эрнестина, по слабости здоровья отправилась съ отцомъ въ Италію и тамъ по несчастному случаю, вдругъ лишилась отца, между тѣмъ какъ мать ея въ Парижѣ также лежала уже на смертномъ одрѣ. Графиня де-Боменль передъ смертью, по совету доктора, искала облегченія страданій въ музыкѣ; ей привели артистку, учительницу, которая утѣшала и занимала большую свою игрою. Эта артистка — Эрминія, незаконная дочь графини.

Объ знаютъ, какія узы ихъ связываютъ, и объ не смѣютъ открыться. Матери нѣмаетъ никакой-то, еще неизвѣстная клятва, которую очень настойчиво напоминаетъ ей духовникъ; дочери — страхъ обнаружить позоръ родной матери. Объ страдаютъ жестоко, но объ исполняютъ свой долгъ и глубоко драматическая сцена послѣдняго ихъ свиданія до конца естественна и вѣроятна. Умирая, графиня призываетъ своего стариннаго друга, маркиза де-Мейльфора, которому поручаетъ всѣ свои материнскія заботы сперва о наследницѣ, которая по семейнымъ обстоятельствамъ должна поступить подъ опеку родственниковъ, очень мало заслуживающихъ довѣрїя и очень способныхъ во зло употребить свое вліяніе; потомъ — о неизвѣстной дѣвушкѣ, сиротѣ, для которой вручаетъ другу нѣкоторую сумму денегъ и которой одинакожъ, въ борьбѣ со стыдомъ, съ данной клятвой и со смертельнымъ томленіемъ, не успѣваетъ назвать по имени. Маркизъ долженъ самъ отыскать бѣдную сироту и только догадывается, что она — побочная дочь графини, догадывается съ огорченіемъ, съ страданіемъ разочарованія, потому что самъ много лѣтъ обожалъ покойницу и чтилъ какъ святую.

Эрлестина, скромная, кроткая и добрая дѣвушка, «богатѣйшая невѣста во всей Франціи,» какъ всѣ ее называютъ, возвращается въ Парижъ и поступаетъ подъ опеку тщеславной баронессы де-Ларошгю и ея супруга, который увѣренъ, что онъ краснорѣчивъ, что онъ второй Квинтъ и будетъ современемъ министромъ. Около богатѣйшей невѣсты, разумѣется, тотчасъ завязывается тѣмъ интригъ. Опекуны, баронъ и баронесса де-Ларошгю и сестра барона, старая святоша, мамзель Елена, даютъ себѣ честное слово дѣйствовать съобща, согласно, и, только что разошедшись по своимъ комнатамъ, начинаютъ интриговать каждый и каждая про себя. Елена хлопочетъ за нѣкоего де-Макрѣза, ханжу и лицемеръ, которому покровительствуетъ ея духовникъ аббатъ Леду; баронъ со своимъ прїателемъ де-Равилемъ, за члена палаты перовъ, пошлаго и корыстолюбиваго Морнана; а баронесса со своею прїятельницей, мадамъ де-Миркуръ, за сына герцогини де-Сентерръ, за Жеральда, котораго женитьба вовсе не прѣщаетъ и который не намѣренъ влюбляться въ милліоны, а влюбляется въ бѣдную артистку Эрминію, которая, хотя сама любила молодаго человѣка, не зная его титула, отказывается одинакожъ отъ него — изъ самолюбія. Во второмъ томѣ всѣ эти интриги только что завязаны и потому откладываемъ дальшійшее до слѣдующей книги.

ВЕНКОНГЪ ДЪ ВРАНЛОУЪ. Романъ Александра Дюма. Часть третья.

Черезъ два дни послѣ происшествій, которыя мы рассказали, и между тѣмъ какъ генерала Монка напрасно поджидали въ его лагерь, маленькая голландская фелюка съ десятью человѣками ящиками, бросила якорь у Схевелингена, на одинъ шумотый выстрѣлъ отъ берега. Ночь была глухая, мракъ такой, что зги не видно, и только морской приливъ шумѣлъ, — шора удобная высаживать пассажировъ и сгружать товаръ.

Схевелингенскій рейдъ образуетъ огромный полумѣсяцъ. Онъ не глубокъ и не очень надеженъ; зато на немъ и стоять только голландскія и голландскія барки, которыя рыбаки тѣснятъ по песку на валькахъ, какъ, по словамъ Вергилія, дѣлали древніе. Во время приливу, при свѣжѣмъ вѣтрѣ, неблагоразумно было бы подойти къ судамъ слишкомъ близко къ берегу: песокъ тутъ жаденъ какъ губка, — легко забираетъ себѣ киль, но не легко отдаетъ. Вѣроятно, соображая это, вновь прибывшее судно остановилось на такомъ большомъ разстояніи. Когда якорь упалъ на дно, отъ судна отчалила шлюбка съ осмью человѣками и съ длиннымъ ящикомъ или тюкомъ.

На берегу все было пусто: рыбаки спали въ своихъ лачугахъ около плотинъ; единственный часовой подражалъ имъ сколько позволяло удобство его тѣсной будки, и только ночью вѣтеръ шумѣлъ въ камышѣ. Но прибывшіе, вѣроятно, были люди подозрительные: тишина и безлюдность берега не совѣсь усложняли ихъ. Они не гребля, а отдались на волю приливу и шлюбка какъ тѣнь тихо скользила по темной водѣ.

Когда она съѣла на мели у берега, одинъ изъ пассажировъ выскочилъ и отдалъ отрывистое приказаніе; въ темнотѣ сверкнули стволы мушкетеновъ и матросы съ величайшею осторожностью вынесли ящикъ съ контрабандой на берегъ.

Предводитель шайки, или хозяинъ товару, поспѣшно пошелъ впередъ прямо къ деревнѣ Схевелингенъ, съ краю форси, гдѣ мы мимоходомъ уже видѣли между деревьями сиропный домикъ короля Карла-Втораго.

Тамъ тоже всѣ спали, только большая собака изъ тѣхъ, которыя схевелингенскіе рыбаки запрягаютъ въ телѣжки и возятъ рыбу на рынокъ, страшно залаяла, какъ-только незнакомецъ подошелъ къ окнамъ. Но этотъ сторожъ не испугалъ госта, а напротивъ обрадовалъ, потому что человѣческаго голоса, можетъ быть, недостаточно бы было, чтобъ разбудить спавшихъ. Четве-

роногій совѣтникъ избагивалъ его отъ хлопотъ. Обождавъ нѣсколько времени и видя, что не отворяютъ, онъ однакожь кликнулъ. При этомъ голосѣ, собака взвыла и заметалась еще сильнѣе и скоро послышался другой человѣческій голосъ, который сталъ унимать собаку.

— Кто тамъ? протко спросилъ слабый стариковскій голосъ, когда собака смолкла.

— Мнѣ нужно видѣть его величество короля Карла-Второго.

— Зачѣмъ?

— Нужное дѣло для его величества.

— Кто же вы?

— *Мордю!* вы слишкомъ много спрашиваете. Я не люблю бѣсѣдовать сквозь затворенныя двери.

— Скажите только ваше имя.

— Я не люблю также бросать мое имя на вѣтеръ. Будьте спокойны, я не съѣмъ вашей собаки и только молю Бога, чтобы она была столько же учтивая въ отношеніи ко мнѣ.

— Вы съ вѣстями, чтѣ ли? продолжалъ любознательный голосъ.

— Да, съ вѣстями, и притомъ съ совершенно неожиданными. Да отворите вы или нѣтъ?

— Извините, но.... заклинаю васъ, скажите по душѣ и совѣсти, стоить ли ваши вѣсти того, чтобы разбудить короля?

— А я васъ заклинаю всѣми святыми, отодвиньте ваши задвижки, и увѣрю честнымъ словомъ, что не раскаетесь. Я стою моего вѣсу золота, увѣрю васъ.

— Вѣрю, но я не могу впустить, если вы не скажете своего имени.

— Неужели нельзя?

— Такъ приказано.

— Ну, пожалуй; только вы увидите, что мое имя ничего не объяснитъ вамъ.

— Всё-равно, скажите.

— Я кавалеръ д'Артаньянъ.

Старикъ вопрекнулъ.

— Ахъ, Боже мой! мосье д'Артаньянъ!... Какое счастье! То-то я стою да и думаю: чей это знакомый голосъ!

— О! мой голосъ здѣсь знакомъ? Это очень лестно, сказалъ д'Артаньянъ.

— Какъ же ему быть незнакомымъ! продолжалъ старикъ, отворяя дверь.

Д'Артаньянъ вошелъ и при свѣтѣ фонаря узналъ любопытнаго.

— А! *мордыю!* да это Парри! какъ это я не догадался!

— Да, любезнѣйшій мосьё д'Артаньянъ, это я, Парри. Какъ я радъ, что вижу васъ!

— И я тоже очень радъ, мистеръ Парри, отвѣчалъ д'Артаньянъ пожимая старикку руку. Ну, что теперь вы доложите королю?

— Да не знаю, какъ быть. Король спитъ.

— Разбудите; не разсердитесь: за это вамъ отвѣчаю.

— Вы, вѣроятно, отъ графа?

— Отъ какого графа?

— Отъ графа де-ла Фера.

— Отъ Атоса? Нѣтъ; я просто отъ себя. Ступайте же, ступайте, мистеръ Парри, поскорѣ разбудите короля.

Парри рѣшился. Онъ давно зналъ д'Артаньяна, который не смотря что былъ Гасконецъ, никогда не обѣщалъ больше чѣмъ готовъ былъ сдержать. Старикъ прошелъ черезъ дворъ и маленькій садъ, усмирилъ цѣпную собаку, которая не шутя хотѣла отвѣдать мушкетера, и постучалъ въ ставню крайняго окна.

На этотъ стукъ залаяла другая маленькая собака.

— Бѣдный король! подумалъ д'Артаньянъ: вотъ его тѣлохранитель... Правда, впрочемъ, что они охрапляютъ его не хуже другихъ.

— Что тамъ такое? спросилъ король въ комнатѣ.

— Кавалеръ д'Артаньянъ прибылъ съ вѣстями, ваше величество.

Въ комнатѣ послышался шумъ; дверь отворилась и яркій свѣтъ разлился въ коридоръ и въ садъ.

Король работалъ при лампѣ. На столѣ у него было разложено множество бумагъ; онъ только началъ письмо, которое, судя по помаркамъ, стоило ему большаго труда.

— Войдите, кавалеръ, сказалъ король, но увидѣвъ рыбака, обратился къ Парри и прибавилъ: гдѣ же кавалеръ д'Артаньянъ... ты сказалъ?

— Здѣсь, ваше величество, отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Въ такомъ нарядѣ?

— Точно такъ, ваше величество. Вы изволите помнить, что видѣли меня въ прихожей короля Людовика Четырнадцатаго?

— Помню, и помню также, что вы очень обязательно услужили мнѣ.

Д'Артаньянъ поклонился.

— Я исполнилъ мой долгъ, ваше величество.

— Вы принесли мнѣ вѣсти, говорите вы?

— Точно такъ, ваше величество.

— Отъ короля Франціи, вѣроятно?

— Нѣтъ. Ваше величество изводили видѣть, что король Франціи заботится очень много о себѣ и очень мало о другихъ.

Карлъ взглянулъ на небо.

— Нѣтъ, ваше величество, продолжалъ д'Артаньянъ, я принесъ вѣсти и дѣло по собственному побужденію и отъ себя самого, однакожъ надѣюсь, что вы и вѣсти и дѣло примете не безъ благосклонности.

— Говорите, кавалеръ.

— Если я не ошибаюсь, ваше величество изводили въ Блоа много говорить о замѣшательствѣ дѣлъ въ Англіи.

Карлъ покраснѣлъ.

— Я говорилъ объ этомъ только съ королемъ Франціи, сказалъ онъ.

— О! не беспокойтесь, ваше величество, холодно возразилъ мушкетеръ: я умѣю говорить съ несчастными королями. Короли только тогда и говорятъ со мной, когда они въ несчастіи; воротилъ счастье, они уже не смотрятъ на меня. Я къ вашему величеству питаю не только совершеннѣйшее почтеніе, но и безусловную преданность, а это у меня, повѣрьте, стѣнитъ чего нибудь. Услыхавъ, какъ вы жаловались на свою судьбу, я нашелъ, что Карлъ Второй благороденъ, великодушенъ и съ достоинствомъ переноситъ бѣдствіе.

— Право, я не знаю, что мнѣ предпочесть, ваше почтеніе или ваши вольности, сказалъ Карлъ посмотрѣвъ на мушкетера-рыбака.

— Это вы сейчасъ выберете, ваше величество, продолжалъ д'Артаньянъ. Вы изволили описывать вашему брату Людовику-Четырнадцатому ваше затрудненіе воротиться въ Англію и взойти на отцовскій престолъ безъ людей и безъ денегъ.

Карлъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— И главное препятствіе, продолжалъ д'Артаньянъ, составляетъ для васъ генералъ, который командуетъ войскомъ парламента и разыгрываетъ тамъ роль втораго Кромвеля. Такъ ли вы изволили говорить, ваше величество?

— Да, но я повторяю вамъ, что это было сказано только королю.

— Знаю, но вы сейчасъ увидите, какъ хорошо было, что ва-

не рѣчи слышалъ также поручикъ муншкетеровъ его французскаго вѣличества. Такъ помѣху вашему вѣличеству зовутъ генерала Монкомъ? Точно ли я хорошо разслышалъ имя?

— Да, но къ чему всё эти вопросы?

— О! я знаю, ваше вѣличество, что этикетъ не дозволяетъ прашивать королей, однакожь надѣюсь, что вы не взыщете съ меня за это упущеніе. Рассказывая, вы изволили прибавить, что, если бы вы могли видѣться, говорить съ этимъ генераломъ, вы охотржествовали бы надъ препятствіемъ силою или убѣжденіемъ.

— Все это правда: вся моя будущность, вся моя участь зависить отъ этого человѣка, но что же вы заключаете изъ этого?

— Я заключаю, что если генералъ Монкъ до такой степени грезовитъ ваше вѣличество, то хорошо было бы или избавить васъ отъ него или сдѣлать его вашимъ союзникомъ.

— Что я могу безъ денегъ и безъ войска сдѣлать противъ такого человѣка какъ Монкъ?

— Я знаю, ваше вѣличество, таково было ваше мнѣніе, но къ счастью, не таково было мое.

— Что вы хотите сказать?

— Что я безъ арміи и безъ милліона сдѣлалъ то, на что вашему вѣчеству нужны были армія и милліонъ.

— Какъ! что вы говорите? что вы сдѣлали?

— Я пошелъ и взялъ генерала Монка, который вамъ такъ нѣнасть.

— Вы взяли его, въ Англій?

— Такъ точно, ваше вѣличество, пошелъ въ Англію и взялъ.

— Вы съума сошли!

— Ничуть, ваше вѣличество.

— Вы взяли генерала Монка?

— Такъ точно, ваше вѣличество.

— Гдѣ же? откуда?

— Изъ его лагеря....

Король нетерпѣливо вздернулъ плечи.

— На ньюкэстльской дорогѣ, просто продолжалъ д'Артаньянъ: и теперь онъ здѣсь: я привезъ ^{ка} его вашему вѣчеству.

— Вы привезли его! вскричалъ король, негодуя на мистификацію.

— Точно такъ, ваше вѣличество, продолжалъ д'Артаньянъ въ томъ же тонѣ: я привезъ его. Онъ тамъ, за воротами, въ деревянномъ сундукѣ.

Т. LXXXVI. — Отд. VII.

— *Боже мой!*

— *Будьте спокойны, ваше величество: снѣ жваковетъ я въ совершенно добромъ здоромѣ. Длиннѣ ему было легко черезъ рѣшетку и взяли мы его березкою. Теперь какъ изволите приказати, ваше величество, причислить его сюда или въ воду бросить?*

— *Ахъ, Боже мой! вскрикнулъ Карлъ: что вы! вступили это предъ?... Не оскорбляйте мои недосройные мутой... Неужели вы спрашиваете такой отвѣтъ, послышавши шедивъ?... Возвратите ми!*

— *Позвольте отворить окно, ваше величество? спросилъ д'Артаньянъ и, не дожидаясь отвѣту, отворилъ и сѣчетнулъ, потому что прѣбывалъ: сѣчаетъ его привокуть.*

— *Карлъ не могъ вѣйти въ себя отъ изумленія и смотрѣлъ въ на печальное лицо мункетера, то въ темное окно. Черезъ минуту шестеро рыбковъ въ сопровожденіи Гарри внесли длинный сундукъ, въ которомъ заключались судьбы Англій.*

Передъ отъездомъ изъ Калѣ д'Артаньянъ заказалъ сундукъ довольно длинный и глубокий, такъ, чтобы всесокъ могъ удобно повертнуться въ немъ. Бока и дно были мягко обиты для предохраненія отъ толчковъ, а въ крышкѣ, на высотѣ шпца устроена рѣшетка для воздуха, такъ, что при первомъ крикѣ захлопулась бы и въ слухахъ нужды даже садунна бы крикнула.

д'Артаньянъ такъ хорошо зналъ и своею лѣвшинка и своей оканчкѣ, что предоложили нуи опасали только двумъ вещамъ, — чтобы генералъ не предпочелъ плѣну смерть отъ удуща или чтобы стража не прельстилась выкупомъ и не посадила бы само го лангата мункетеровъ въ сундукъ на мѣсто генерала Мовка.

Поэтому д'Артаньянъ двое сутокъ не спалъ и не отходилъ отъ шлвинка, самъ предлагалъ ему пища и вина, — отъ которыхъ тотъ упрямо отказывался, — и старался успокоить его насочъ слѣдствій необыкновеннаго заточенія, — на что словъ ни слова не хотѣлъ отвѣчать. Два пистолета и обнаженная шпага лежали подле на столѣ, для безопасности извнѣ.

Прибывъ въ Схевелнигетъ, д'Артаньянъ совершенно успокоился. Въ дѣди его очень болащъ всякаго столкновенія съ сильными руками, а въ-особенности лейтенантъ, или исправлявшій дѣшность лейтенанта, Менриль, которому было довѣрено больше другихъ, какъ человѣку болѣ ловкому и болѣ совѣстливому, — что есть, болѣ не чистому на совѣти. Его-то д'Артаньянъ и сѣзавилъ при сундукѣ, когда подошли къ дому. На свистокъ конвой явился.

Когда сундукъ вышелъ въ переднюю къ королю Карлу, д'Артаньянъ смутивъ своихъ людей и приказавъ имъ дожидаться въ залобѣ, а самъ заперевъ двери, отворилъ сундукъ и почти тѣло сжегъ:

— Тысячу разъ прошу извиненія, генераль. Я знаю, что я обошелся съ вами очень не деликатно, но мнѣ нужно было доставить весь обидъ, а транспортъ изъ Англiи не совсѣмъ удобенъ. Надѣюсь, что вы примете это въ соображеніе. Теперь вы можете встать, если вамъ угодно.

Монкъ всталъ съ рѣшимостью человѣка, который ожидаетъ смерти.

д'Артаньянъ отворилъ дверь въ кабинетъ къ королю и сказалъ:

— Ваше величество, вотъ вашъ врагъ, генераль Монкъ. Я привезъ его, чтобы угодить вашему величеству и ожидаю дальнѣйшихъ приказаній.... Генераль, вы стоите передъ его величествомъ Карломъ-Вторымъ, королемъ и государемъ Великобританiи.

Монкъ холодно взглянулъ на Карла и отвѣчалъ:

— Я не знаю никакого короля въ Великобританiи. Я даже не вижу здѣсь никого, кто бы заслуживалъ званія дворянина. Отъ имени Карла, который зоветъ себя королемъ, ко мнѣ пришелъ посланный. Я считалъ этого посланнаго честнымъ человѣкомъ, а онъ поставилъ мнѣ подлую западню. Я вдался въ обманъ, тѣмъ хуже для меня. Теперь вы, зачинщикъ, и вы, исполнитель, выслушайте внимательно, что я вамъ скажу. Вы захватили мое тѣло и можете убить, убейте пожалуй, но души я воли моей никогда не захватите. Больше я вамъ ничего не скажу, я даже не открою рта, чтобы кричать. Я все сказалъ.

Онъ произнесъ эти слова съ суровою, непоколебимою рѣшимостью заклятаго пуританина. д'Артаньянъ посмотрѣлъ на своего пѣнника съ видомъ человѣка, который знаетъ цѣну словамъ и тону.

— Нужно замѣтить, что генераль человѣкъ рѣшительный, шепнулъ онъ королю: онъ впродеженіи двухъ сутокъ ни крошечки и ни капли въ ротъ не бралъ. Но какъ съ этой минуты судьба его въ рукахъ вашего величества, то я умываю руки.

Монкъ, блѣдный, но на все готовый, стоялъ, скрестивъ руки на груди, и молчалъ.

д'Артаньянъ обратился къ нему.

— Вы понимаете, генераль, что ваша фраза,—какъ она ни краснорѣчива,—никого не удовлетворитъ, ни даже васъ самихъ. Его

величеству угодно было поговорить съ вами, вы отказывались отъ свиданія, а я сдѣлалъ это свиданіе неизбежнымъ. Затѣмъ же теперь, когда вы стоите передъ его величествомъ по случаю независѣвшему отъ вашей воли, вы станете принуждать насъ къ насильственнымъ мѣрамъ? Говорите же, чортъ возьми! Скажите что-нибудь, скажите хоть нѣтъ.

Монкъ ни слова, и глазами не повелъ, только покручивалъ усы съ выраженіемъ, которое ничего добраго не обѣщало.

Между-тѣмъ Карлъ погружался въ раздумье. Онъ впервые стоялъ лицомъ къ лицу съ Монкомъ, котораго такъ давно желалъ видѣть, и взоромъ, какой Богъ далъ орламъ и царямъ, проникалъ въ бездну его сердца.

Онъ видѣлъ, что Монкъ скорѣй умретъ чѣмъ заговорить, и такая рѣшимость была вовсе не удивительна у человѣка подобаго Монку, и притомъ такъ жестоко оскорбленнаго по милости изобрѣтательнаго мушкетера. Карлъ въ ту же минуту принялъ одно изъ тѣхъ намѣреній, въ которыхъ обыкновенный человѣкъ рискуетъ своею жизнью, полководецъ побѣдой, государь короной.

— Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вы совершенно правы, генералъ, сказалъ онъ; я и не прошу у васъ отбѣту, я прошу только выслушать меня.

Послѣдовало минутное молчаніе, въ продолженіи котораго король пристально смотрѣлъ на неподвижнаго Монка.

— Вы сейчасъ сдѣлали мнѣ прискорбный упрекъ, генералъ, продолжалъ король: вы сказали, что одинъ изъ моихъ довѣренныхъ пришелъ къ вамъ въ Ньюкэстль и поставилъ западню. Этого, вѣроятно, не попалъ присутствующій здѣсь кавалеръ д'Артастьянъ, котораго я прежде всего обязанъ искренно благодарить за великодушную, геройскую преданность.

д'Артастьянъ почтительно поклонился, Монкъ не моргнулъ.

— Потому что д'Артастьянъ..... замѣтите, генералъ, что я говорю вамъ это не съ тѣмъ, чтобы оправдываться..... д'Артастьянъ отправился въ Англію по собственному своему побужденію, безъ порученія, безъ корысти, безъ надежды, какъ истинный дворянинъ, только съ намѣреніемъ услужить несчастному королю и прибавить еще одинъ подвигъ къ полезнымъ и славнымъ дѣламъ, которыми наполнена его жизнь.

д'Артастьянъ покраснѣлъ и закашлялъ, чтобы оправиться. Монкъ не шевельнулся.

— Вы не вѣрите мнѣ, генералъ? продолжалъ король: я пони-

нию это. Недобрые прищѣры преданности такъ рѣдки, что очень позволительно сомнѣваться въ возможности ихъ.

— Я удивляюсь какъ генералъ не вѣрнѣе вашему величеству! вскричалъ д'Артаньянъ: вы сказали правду, такую правду, что кажется я совсѣмъ не хорошо сдѣлалъ, захвативъ генерала.... я, кажется, все дѣло испортилъ..... Если такъ, я буду въ отчаяніи....

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ король съ живостью, взявъ мушкетера за руку: повѣрьте, д'Артаньянъ, вы обязали меня много, столько же, сколько обязали бы, если бъ помогли выиграть дѣло.... Вы показали мнѣ неизвѣстнаго друга, которому я всегда буду признателемъ и котораго всегда буду любить.

Король крѣпко пожалъ мушкетеру руку и, обратясь къ Монку съ поклономъ, прибавилъ:

— И непріятеля, котораго я впередъ буду умѣть цѣнить по достоинству.

Въ глазахъ пуританина сверкнула молнія, но только одна: взоръ тотчасъ же опять принялъ выраженіе мрачнаго безстрастія.

— Нужно вамъ сказать, кавалеръ, что случилось, въ то же время, какъ вы были въ Англии, продолжалъ король: графъ де-ла-Феръ, котораго вы, кажется, знаете, отправился въ Нью-кэстль....

— Атосъ! вскричалъ д'Артаньянъ.

— Да, это его походное имя, кажется. Графъ де-ла-Феръ отправился въ Ньюкэстль и, можетъ-быть, склонилъ бы генерала къ переговорамъ со мной, когда вы насильственно вступились въ это дѣло.

— Мордю! вскричалъ д'Артаньянъ: такъ это онъ прибылъ въ лагерь въ тотъ вечеръ, когда я проникъ туда съ моими рыбаками!

Чуть замѣтное движеніе въ бровяхъ Монка показало д'Артаньяну, что онъ угадалъ.

— Да, да! продолжалъ онъ: вѣдь я тогда же узналъ его станъ, его голосъ. Ахъ, чортъ меня возьми! Ваше величество, простите!... А мнѣ казалось, что я такъ ловко разсчиталъ....

— Вы ни въ чемъ не виноваты, развѣ только въ томъ, что генералъ обвиняетъ меня, будто я разставилъ ему сѣти. Нѣтъ, генералъ, я не такое оружіе полагаю употребить противъ васъ, вы скоро увидите. Между-тѣмъ, даю вамъ честное слово дворя-

знаю, что я не знаю о дѣлѣхъ кавалера д'Артагьянъ, повѣривъ мнѣ. Теперь — одно слово, кавалеръ.

— Я слушаю, ваше величество, ваше величество, оштрафуйте д'Артагьянъ.

— Вы предадите мнѣ, неправда ли?

— Вы это видите, ваше величество, — слышимъ преданья.

— Хорошо. Отъ такого человѣка одного слова достаточно. Генералъ, потрудитесь пойти со мною, и вы тоже, кавалеръ.

Удивленный д'Артагьянъ приготовился. Карлъ Второй выслушалъ за имя Монкъ, и за Монномъ мушкетеръ. Карлъ пошелъ той дорогой, по которой мѣрные рыбаки принесли свою добычу, и скоро они очутились на плотнѣхъ передъ маранъ, съ котораго дуетъ свѣжій ночной вѣтеръ. Приливъ пересталъ подыматься; утомленный великанъ прилегъ къ берегу на отдыхъ.

Карлъ, замучивъ склоня голову, и завернувшись въ плащъ, шелъ впередъ. Монкъ безпокойно поглядывалъ по сторонамъ д'Артагьянъ, положивъ руку на оесть шпаги, закрывалъ щель.

— Гдѣ лодка, на которой вы прѣехали, господа? спросилъ Карлъ у мушкетера.

— Тамъ, ваше величество, у меня семь человѣкъ въ шлюбкѣ, которая, какъ видите, освѣщена огонькомъ.

— Эта, что на берегъ вытащена? Но вы, конечно, не въ этой шлюбкѣ пришли изъ Ньюкэстля?

— Нѣтъ, ваше величество, я на свой счетъ нанялъ ослюку, которая стала на якорѣ на разстояніи пущаго выстрѣла отъ плотнѣхъ.

— Генералъ, сказалъ тутъ король обращаясь къ Монку; вы свободны.

Монкъ, какъ ни твердъ былъ, не могъ удержаться отъ восхваления. Король утвердительно кивнулъ головой и продолжалъ:

— Мы въ этой деревнѣ разбудимъ рыбака. Отъ тотчасъ же отвезетъ васъ, куда прикажете. Кавалеръ д'Артагьянъ проводить васъ.... Я поручаю его великодушію генерала Монна.

Монкъ отъ удивленія пробормоталъ что-то невнятное, а д'Артагьянъ глубоко вздохнулъ. Король, по-видимому, ничего не примѣчая, сталъ стучаться въ лачугу рыбака.

— Эй! Кейзеръ! вставай! вскричалъ онъ.

— Кто тамъ? откликнулся рыбакъ.

— Я, король Карлъ.

— Ах, шлюбка! вскричал Кейзеръ вставая и выходя изъ невода на которомъ спалъ: что изволите приказать?

— Собирайся въ море, хозяинъ, да поторонись. Вотъ путешественникъ, который надинасть твою лодку и хорошо заплатитъ. Служи ему усердно.

И король отпустилъ на свободу шлюбку, чтобы Менкъ свободно могъ поговорить съ рыбакомъ.

— Мнѣ нужно переехать въ Англию, сказала Менкъ, который норвежландски знаетъ достаточно, чтобы объясниться въ необходимости.

— Извольте, а сейчасъ изготовлюсь, отвѣчалъ рыбакъ.

— Пожалуйста, не вѣтай.

— Въ минуту посѣтю; получасу не пройдетъ, ваша честь. Сынъ мой уже готовится, потому что мы въ три часа утра свѣбрались на ловъ.

— Ну, что, норѣшилъ?

— Норѣшилъ, кроме цѣны, ваше величество, отвѣчалъ рыбакъ.

— Цѣна мое дѣло, сказала морозъ: этотъ господинъ мнѣ другъ:

Менкъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на Карла.

— Слушаю ваше величество, отвѣчалъ рыбакъ.

Въ эту минуту сынъ рыбака съ берега затрубилъ въ рогъ.

— Вотъ лодка и готова! прибавилъ Кейзеръ.

— Ну, такъ повзжайте, господа, сказалъ король.

— Ваше величество, сказала д'Артаньянъ, позвольте мнѣ бѣжать... У меня папаты люди. Я отправляюсь безъ вѣхъ... пужно увѣдомить.

— Ну, свистните вѣхъ, отвѣчалъ Карлъ съ улыбкой.

д'Артаньянъ свистнулъ, между-тѣмъ какъ Кейзеръ отвѣчалъ своему сыну; и Менкъ съ четырьмя товарищами приближалъ

— Вотъ вамъ еще въ счетъ уплаты, сказала д'Артаньянъ отдавая кошелекъ съ двумя тысячами-пятью-стами ливровъ золотомъ: отправьтесь все въ Калѣ и ждите меня тамъ, — какъ известно; гдѣ.

И д'Артаньянъ тяжело вздохнулъ опуская полповѣсный кошелекъ въ руку Менкъ.

— Какъ! вы покидаете насъ, капитанъ? вскричали мореходы:

— Не надолго, а можетъ-быть и надолго, не знаю. Впрочемъ съ этими деньгами и тѣмъ, которые вы уже получили, ула-

ча вамъ произведена впелѣ по условію. Тамъ расстанитесь, друзья.

— А судно?

— Не беспокойтесь объ немъ.

— Однако жъ тамъ наши вещи.

— Возьмите ваши вещи и тотчасъ же отправляйтесь.

— Слушаемъ, капитанъ.

Д'Артаньянъ воротился къ Монку и сказалъ:

— Генералъ, я ожидаю вашихъ приказаній, потому что мы идемъ вмѣстѣ, если только мое общество не будетъ вамъ не-пріятно.

— Напротивъ, мосьё д'Артаньянъ, отвѣчалъ Монкъ.

— Пожалуйте господа! лодка готова! кликнулъ молодой рыбакъ.

Карлъ съ достоинствомъ поклонился Монку и сказалъ:

— Вы переставете досадовать на меня за неприятности, которыми подверглась, когда убѣдитесь, что не я былъ причиною ихъ.

Монкъ молча низко поклонился. Карлъ съ своей стороны видимо избѣгалъ случая говорить особо съ д'Артаньяномъ и сказалъ громко.

— Еще разъ благодарю васъ, кавалеръ, за вашу преданность. Васъ наградитъ Богъ и я надѣюсь, что испытанія и скорби предназначены мнѣ одному.

Монкъ сталъ съ рыбаками садиться въ лодку. Д'Артаньянъ шелъ слѣдомъ и ворчалъ:

— Бѣдлужка Плавшѣ! мы, кажется, плохую спекуляцію предприняли.

Во время переѣзду Монкъ говорилъ съ д'Артаньяномъ только въ случаяхъ крайней необходимости. Такъ, когда Французъ мѣш-калъ явиться къ обѣду и завтраку, которые безъ различія состояли изъ соленой рыбы, сухарей и джину, генералъ говорилъ:

— Пожалуйте кушать, капитанъ.

И только. Изъ этой сжатости слогу д'Артаньянъ не могъ вывести благоприятныхъ заключеній, потому что въ важныхъ случаяхъ и самъ всегда выражался сжатымъ слогомъ. Свободнаго времени у него оставалось много и онъ употреблялъ его только на ломанье головы, какимъ образомъ Атосъ видѣлся съ Карломъ-Вторымъ, какъ поѣхалъ въ Англію и какъ проникъ въ лагерь Монка. Бѣдный мушкетеръ вырывалъ себѣ по волосу изъ усовъ

каждый разъ, когда вспоминалъ, что человекъ, сопровождавшій Монка на ночной прогулкѣ въ аббатство, былъ Атось.

Наконецъ, черезъ двое сутокъ, Кейзеръ по указанію Монка присталъ къ берегу въ устьѣ рѣчки, гдѣ Атось избралъ себѣ квартиру.

День склонялся къ вечеру; солнце, подобное раскаленной стальной булавѣ, нижнимъ краемъ погружалось уже за синюю черту горизонта. Едва лодка остановилась въ прошумѣвшемъ прибрежномъ тростникѣ, петербургскій Монкъ выскочилъ и пошелъ скорыми шагами. Можно было думать, что онъ еще несовсѣмъ увѣренъ, дѣйствительно ли воротился въ Англію. Вдали видѣлись разсыпанныя хижины матросовъ и рыбаковъ. Вдругъ д'Артаньялъ вскрикнулъ:

— Ахъ! тамъ пожаръ! Какой-то домъ горитъ.

Монкъ взглянулъ. Въ самомъ дѣлѣ, близъ гавани какой-то домъ только-что загорѣлся отъ пылавшаго подлѣ него сарая. Пламя уже лизало края крыши и свѣжій вѣтеръ помогалъ пожару.

Путешественники прибавили шагу, услышали громкіе крики и скоро увидѣли толпу солдатъ, которые оружіемъ и кулаками грозились на горящій домъ.

Монкъ вдругъ остановился на минуту и въ первый разъ выразилъ свою мысль вслухъ.

— Да это, можетъ-быть, уже не мои солдаты, а Ламбертовы! сказалъ онъ.

Въ этихъ словахъ заключались вмѣстѣ и огорченіе и опасеніе и упрекъ, которые д'Артаньялъ понималъ какъ нельзя лучше. Въ самомъ дѣлѣ, въ отсутствіе Монка Ламбертъ могъ дать сраженіе, побѣдить, разсѣять парламентскихъ и съ своею арміею занять выгодную позицію. При этомъ соображеніи, перешедшемъ изъ головы Монка въ голову мушкетера, д'Артаньялъ разсудилъ слѣдующее.

— Будетъ одно изъ двухъ: или Монкъ угадалъ правду и Пьюкэстль завялъ ламбертовцами, то есть непріятелями Монка, которые примутъ меня какъ нельзя лучше, потому что обязаны мнѣ своею побѣдой; или ничто не перемѣнилось и Монкъ, найдя все въ добромъ порядкѣ, на радости не будетъ слишкомъ строго взыскивать за прошлое.

Размышляя такимъ образомъ, каждый свое, путешественники подошли къ группѣ рыбаковъ, которые съ прискорбіемъ смотрѣли на пожаръ и не смѣли вступить, потому что боялись солдатъ. Монкъ обратился къ одному изъ рыбаковъ и спросилъ:

— Что тут делается? отчего дверь закрыта?

— Да вот, отбили рыбки, въ этомъ домѣ живете иностранцы, Французъ что ли. Солдатамъ онъ показался подозрительнымъ. Они хотѣли войти въ комнату, вѣсти его въ лагерь, а онъ погрозился убить перваго, кто посмѣетъ сунуться къ нему на порогъ. Одинъ храбрецъ выскочилъ, хотѣлъ проскочить, а Французъ в помянулъ его тутъ же на порогахъ, нулей голову пробилъ.

— А! это Французъ! вскричалъ д'Артаньянъ, потирая руки молодцы!

— Намъ молодцы? спросилъ рыбакъ.

— Нѣтъ... то есть... я хотѣлъ спросить, что жь готовъ?... такъ, языкъ захлестнулся.

— Потому? продолжалъ рыбакъ: потому солдаты ослѣбились вдали выстрѣловъ сто по однимъ, но Французъ стоитъ себя въ стѣнѣ и каждый разъ коня только кто-нибудь сунется въ дверь, тамъ какой хватитъ пуль въ лобъ... Мѣтко бьетъ, разбойникъ.... А кто въ окно вздумаетъ, подь пулеметы самого господина попадетъ.... Онъ вдвоемъ вотъ ужъ семерыхъ молодяли.... Считайте.

— Ай-да, земляки! молодцы! ей-Богу, молодцы! вскричалъ д'Артаньянъ: погодите, я вамъ помогу уравняться съ этой сволочью.

— Погодите, погодите немножко, сказалъ Монкъ.

— Долго?

— Нѣтъ, вотъ я только спрошу.... А что, любезный, продолжалъ Монкъ съ нѣкоторымъ зашкательствомъ обращаясь къ рыбаку: чьи это солдаты?

— Да чьи жь быть, какъ не Монковыми?

— Такъ развѣ здѣсь не было сраженія?

— Какое тутъ сраженіе! Ламбертова армія таятъ какъ свѣтъ въ апрѣлѣ. Все передается Монку, и солдаты и офицеры. Еще недѣльку подождать, такъ у Ламберта пяти человекъ не останется.

Рыбакову рѣчь перебилъ новый залпъ ружейныхъ выстрѣловъ и передъ окномъ еще одинъ храбрецъ повалился съ пробитой головой. Ярость солдатъ доходила до высшей степени.

Между-тѣмъ пламя широкими языками обвивалось около угловъ дома. Д'Артаньянъ не могъ долѣе выдержать.

— Мордю! сказалъ онъ изкоса глядя на Монка: вы генералъ и позволите нашимъ солдатамъ жечь домъ, убивать человека и

защиты, а сами оковы и грубые руки у пожару! Морозно! как человекъ безъ сердца!

— Пожарные, закидали, погасили, сказали Монкъ съ улыбкой.

— Пожарные! вы не смарать этого краброго Француза!

И д'Артаньянъ приближалъ.

— Оставайтесь, сударь! сказалъ Монкъ повелительно и самъ пошелъ къ пожару.

Въ это время офицеръ, командовавшій отрядомъ, подошелъ къ окнамъ и говорилъ осажденному:

— Дома горятъ; черезъ часъ ты самъ огоршишь. Пока еще есть время, говори, что ты знаешь о нашемъ генералѣ, и мы даруемъ тебѣ жизнь. Говори намъ, ильзусь Богемъ....

Осажденный не отвѣчалъ. Онъ, вѣроятно, свое зарычалъ своей престелезь.

— Я послалъ за подкрѣпленіемъ, продолжалъ офицеръ: черезъ четверть часа насъ будетъ сто человекъ передъ этимъ домомъ.

— Чтобы отвѣчать, возразилъ Французъ, я хочу выйти свободно. Я самъ, одинъ приду въ лагерь, вы и позволите убить себя здѣсь, но не сдамся насилью.

— Милліонъ бомбъ! вскричалъ д'Артаньянъ: да это голосъ Атоса! Ахъ, сволочь проклята! Вотъ она въ него вырвалась!

И д'Артаньянова шпага сверкнула надъ головой.

Монкъ опять останавливалъ его и громко кричулъ:

— Гей! что это такое? Дѣйби! чѣмъ значить этотъ пожаръ, этотъ крикъ?

— Генералъ! вскричалъ Дѣйби и уронилъ шпагу.

— Генералъ! повторили солдаты.

— Да, я, что жъ тутъ удивительнаго? сказалъ Монкъ спешно: Потому, когда тишина возстановилась, онъ прибавилъ:

— Чтò это значить? кто поджегъ этотъ домъ?

Солдаты склонили головы.

— Какъ! я спрашиваю и вы не отвѣчаете! продолжалъ Монкъ: я даю выговоръ и дѣла не исправляются! Пожаръ еще продолжается, выжестъ!

Вмигъ всѣ солдаты бросились искать ведеръ, ушатовъ, воды и прилагались тушить огонь съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ прежде разводили его. Но д'Артаньянъ черныи приближалъ и кричалъ:

— Атосъ! Атосъ! это я, д'Артаньянъ; но безъ меня, другъ!

Черезъ минуту онъ душалъ графа въ объятіяхъ.

Между тѣмъ, Гринъ, убравъ укрѣпленія и баррикады отъ дверей, вышелъ на крыльцо и спокойно скрестилъ руки.

Когда огонь погасъ, солдаты съ смущеніемъ собрались около Дэйби, который подошелъ къ Монку и сказалъ:

— Генералъ, простите насъ; мы провинились изъ любви къ вамъ. Мы опасались за жизнь вашей чести; мы думаемъ, что вы прощали.

— Вы съума сошли! Развѣ такой человѣкъ, какъ я, можетъ пропасть? Развѣ я не имѣю права отлучиться безъ вашего позволенія? Развѣ позволительно осаждать, преслѣдовать, грозить смертью благородному человѣку, моему пріятелю, зато только что онъ вамъ кажется подозрительнымъ? Чтò значить слово подозрительный? Годдемъ! я разстрѣлю всѣхъ, кого мой храбрый гость оставилъ въ живыхъ.

— Генералъ, насъ было двадцать-осемъ человѣкъ, а осталось двадцать, жалобно замѣтилъ Дэйби.

— Я даю графу де-ла-Феру право отправить и остальныхъ туда же, куда онъ отправилъ этихъ, сказалъ Монкъ и подалъ Атосу руку. Маршъ въ лагерь! прибавилъ онъ потомъ: мастера Дэйби, вы подъ арестомъ на мѣсяць.

— Генералъ....

— Это вамъ урокъ. Впередъ будьте осторожнѣй.

— Миѣ приказалъ адъютантъ.

— Адъютантъ не имѣетъ права давать вамъ такихъ приказаній. Если онъ велѣлъ съечь этого господина, такъ онъ за васъ посидитъ подъ арестомъ.

— Онъ не приказывалъ съечь, генералъ: онъ приказалъ только привести графа въ главную квартиру, но графъ не послушался.

— Я не желалъ, чтобы мою квартиру ограбили, возразилъ графъ, значительно взглянувъ на Монка.

— Н хорошо сдѣлалъ. Маршъ въ лагерь!

Смущенные солдаты отправились.

— Скажите миѣ, графъ, спросилъ Монкъ обращаясь къ Атосу, зачѣмъ же вы остались здѣсь, когда ваша фелюка стоитъ на готовѣ?....

— Я дождался васъ, генералъ. Вы назначили миѣ свиданіе черезъ педѣлю.

Монкъ посмотрѣлъ на Атосу и на д'Артаньяна и убѣдился, что они не сообщники по дѣлу о похищеніи.

— Вы говорили правду, сказала ей д'Артаньяну: позволите мнѣ теперь поговорить съ графомъ де-ла-Феромъ наследнѣ.

д'Артаньянъ воспользовался этимъ случаемъ и пошелъ поговориться съ Гриню.

Монкъ пошелъ съ Атосомъ въ его комнату, которая еще была наполнена дымомъ и осколками. Больше пятидесяти пуль пролетѣли въ окна и избили стѣны.

Монкъ сѣлъ за письменный столъ, взялъ перо и листъ бумаги, написалъ одну строчку; подписалъ, запечаталъ своимъ перстнемъ и вручилъ Атосу съ словами:

— Графъ, сдѣлайте одолженіе, отдайте это письмо Карлу Второму. Отправьтесь сейчасъ же, если можете.

— А боченки?

— Рыбаки, съ которыми я прѣѣхалъ, могутъ вамъ снести ихъ на судно. Распорядитесь, чтобы вы черезъ часъ отплыли.

— Хорошо.

— Капитанъ д'Артаньянъ! крикнулъ Монкъ за окно.

д'Артаньянъ успѣшно явился.

— Проститесь съ вашимъ другомъ, продолжалъ генералъ: онъ ѣдетъ въ Голландію.

— Въ Голландію! А я?

— Вы можете проводить его, если вамъ угодно, но я прошу васъ остаться. Вы откажете?

— О! нѣтъ, генералъ. Я жду вашихъ приказаній.

д'Артаньянъ едва успѣлъ проститься съ Атосомъ. Монкъ не спускалъ глазъ съ обоихъ. Онъ наблюдалъ за отправленіемъ боченковъ на судно, присутствовалъ при входѣ самого Атоса на бортъ, выждалъ снятіе съ якоря и потомъ, взявъ д'Артаньяна подъ руку, пошелъ къ Ньюкэстлю.

д'Артаньянъ, научи такимъ образомъ подъ руку съ Монкомъ, бормоталъ про себя:

— Ну, акціи торговаго дому Планшѣ и компаніи, кажется, повышаются!

д'Артаньянъ хотя надѣялся на хорошій успѣхъ, однако жъ не совсѣмъ вѣрно угадалъ положеніе дѣлъ. Онъ не могъ надумать о путешествіи Атоса въ Англію, о сообществѣ его съ Карломъ и о встрѣчѣ ихъ предпріятія съ его собственнымъ. Понять было трудно и д'Артаньянъ разсудилъ, что лучше оставить какъ есть. Одна глупость уже была сдѣлана; успѣхъ достигнуть, а выгоды ни какой. Притомъ, онъ думалъ, если все погибло, то и рисковать нечѣмъ.

Директоръ въшелъ въ Монкинъ къ адъютанту квартирн. Военное генерале френеско селеное вичетиване на вѣкъ скареры: они считали его погибшимъ. Монкъ между тѣмъ, въ своемъ важномъ и равнодушномъ видомъ, казалось, скрывалъ, чему они рады. Когда адъютантъ подошелъ и сталъ рассказывать, какъ она все трескалось, боскокалось, генералъ вскричалъ:

— Отчего же такъ? Развѣ я обязанъ отдавать отчетъ кому-нибудь?

— Нѣтъ, генералъ, но считали протисленно трепетать въ отсуствіи вичетера.

— Трепетать? возразилъ Монкъ строго: ого! какое слово!... Годами! если у монкъ агнать нѣтъ кыковъ и кетей, я не хочу быть ихъ вичетеромъ. Такъ вы трепетали, господа?

— За всеъ, генералъ....

— Не извольте мѣшаться не въ свое дѣло.

Адъютантъ не отвѣчалъ. Монкъ чинилъ образомъ всехъ своихъ подчиненныхъ заставлялъ молчать и все оставилъ убѣжденнымъ, что генералъ или совершилъ во время своей отлучки какое-нибудь важное дѣло, или хотѣлъ только помучить ихъ. Въ душѣ однако жъ Монкъ, вѣроятно, возблагодарилъ Бога, избавившаго его изъ д'Арташиана сундука.

Д'Арташианъ съ своей стороны молчалъ:

— Дай Господи, чтобы у Монка не нашлось столько самолюбія, сколько его нѣдется у меня, грѣшнаго! Если бы меня кто-нибудь заперъ въ сундукъ съ рѣшеткой надъ носомъ и повелъ бы такимъ образомъ за море какъ томена, я никогда не забылъ бы жалкой гренады, какую шортилъ въ этомъ интересномъ положеніи.... Я безпрестанно боялся бы, что увижу на лицѣ моего злодѣя насмѣшливую улыбку или въ движеніяхъ его — подражаніе моей позы въ сундукъ, такъ, что при первомъ подозрѣніи всадалъ бы ему добрый кинжалъ въ горло и умолилъ бы въ настоящій гробъ.

Д'Арташианъ генерилъ это не покровному убѣжденію: вичъ Гаконоца былъ человекъ чрезвычайно щекотливый. Къ счастью, у Монка не то было на умѣ. Онъ ни слова не говорилъ своему емирному побѣдителю о прошедшемъ, зато посвящалъ его почти во все свои работы и бралъ съ собою на рекогносцировки, вѣроятно, для того чтобы внушить болѣе довѣрія. Д'Арташианъ велъ себя какъ замкнотой летець, удивлялся всей тактикѣ Монка, даже расположенію его лагеря, и очень ловко сиблялся надъ

генералъ Ламберта, засѣдѣлъ между прочимъ, что не сподобитрудно охранять один лагерь на двѣнадцать тысячъ человекъ, когда въслѣдствіи квадратныкъ египтовъ было бы достаточно для помѣщенія одного корпуса и пяти десятковъ солдатъ, которые, можетъ быть, останутся вѣрными ему.

Монкъ взглянулъ же на шербетинъ принялъ вѣнзавушъ одѣланное Ламбертомъ предложеніе поидаться, предложеніе, отпернутое его офицерами подъ предлогомъ бытвѣя генерала. Это свиданіе было непродолжительно и не интересно. Ламбертъ модалъ звать политическое исповѣданіе Монка; хотя отвѣчалъ, что не имѣетъ друзей мнѣйшій ерѣмъ тѣхъ, которыхъ держатся большаишкоро. Ламбертъ спросилъ, не лучше ли будетъ кончить ссору кончить тѣмъ сраженіемъ; Монкъ попросилъ недѣлю сроку на размышленіе. Ламбертъ въ этомъ не могъ отказавъ, хотя, подступая къ Нирвезетю, и объявилъ, что предложитъ Монкову армію. Когда же его солдаты увидѣли, что это свиданіе не оказалося ни какого толку, ни примиренія, ни сраженія, они предпочли вѣрнее дѣло самителѣному и парламентъ благовѣщавъ имълимакъ пузырямъ генерала Ламберта. Они вспомнили шербетинъ о сывыльхъ лондонскихъ обѣдахъ и объ обѣдахъ мя и хероу, которыми добрыя горожане подчивали своихъ друзей солдатъ; съ содроганіемъ смотрѣли на черствыя, черныя походныя сухари и на мутную воду Тивда, слившемъ росовую для ступана, единкомъ рѣшеную для шери, и говорили себѣ: «Не лучше ли намъ будетъ съ той стороны? Не поспѣваетъ ли въ Лондонѣ шербетинъ для Монка?»

И прежде уже оказывавшіеся перебѣжники умножились съ каждымъ днемъ: ихъ увеличало могущество иден, что на сторонѣ Монка — смѣтлѣй, а иден, особенно новыя, какъ извѣстно, чрезвычайно увлекаютъ.

Монкъ рассчитывалъ, что перебѣжничковъ у Ламберта станеть дией на двадцать, но въ вѣщахъ, которыя обрушиваются, шѣсъ и скорость въ стремленіи прешычайно возрастаютъ: въ первый день перебѣжало сто человекъ, во второй пятьсотъ, въ третій тысяча. Монкъ вообразилъ, что достигъ средней величины, но съ тысячи дѣло быстро дошло до двухъ тысячъ, потомъ до четырехъ, такъ, что Ламбертъ прежде исполенія вѣдѣли увидѣлъ рѣшительную невозможность принять сраженіе и ночью отретировался поскорѣе въ Лондонъ, чтобы по крайней мѣрѣ тамъ предупредить Монка и составить себѣ какую-нибудь партію.

Монкъ спокойно пошелъ на Лондонъ какъ побѣдитель, увели-

чивая свою армию вѣдши шатавшинися партіями, камія встрѣчалъ по дорогѣ. Онъ остановился на бивуакахъ въ Барнетъ, то есть въ четырехъ миляхъ отъ столицы, любимый парламентомъ, который видѣлъ въ немъ протектора, и нетерпѣливо ожидаемый народомъ, который хотѣлъ видѣть, какъ онъ будетъ рисоваться, чтобы оцѣнить его. Даже д'Артаньянъ ничего положительнаго не могъ сказать объ его тактикѣ: онъ только наблюдалъ и дивился. Монкъ, по-видимому, не могъ вступить въ Лондонъ, не встрѣтивъ тамъ междоусобной войны. Онъ медлилъ.

Вдругъ, совершенно неожиданно, онъ выгналъ военную партію парламентскимъ указомъ, водворился посерединѣ гражданъ; потомъ, между-тѣмъ какъ почтенное гражданство вопіяло противъ Монка, между-тѣмъ какъ даже солдаты начинали негодовать на своего главнокомандующаго, Монкъ объявилъ парламенту, что слѣдуетъ отрѣчься и уступить мѣсто правительству нешуточному.

Монкъ произвесь это объявленіе опирался на пятьдесятъ тысячъ войска, къ которому въ тотъ же вечеръ, съ неистовыми криками «ура», присоединилось пятьсотъ тысячъ обывателей добраго города Лондона.

Наконецъ, когда народъ посреди торжества и пиршества на улицахъ сталъ поглядывать, кого бы поставить себѣ господиномъ, разнеслась вѣсть, что изъ Гааги отправилось судно, которое везло Карла-Второго и все его богатство.

— Господа, сказалъ Монкъ своимъ офицерамъ, я иду навстрѣчу къ законному государю. Кто меня любить, тотъ со мной!

Неизмѣримое «ура» было отвѣтомъ на это слово и д'Артаньянъ затрепеталъ отъ удовольствія.

— Мордю! это снѣлая штука! сказалъ онъ Монку.

— И вы со мной, не правда ли? спросилъ Монкъ.

— Разумѣется! Но скажите мнѣ, генералъ, сдѣлайте одолженіе, что вы писали съ Атосомъ, то есть съ графомъ де-ла-Феромъ.... помните.... когда мы пріѣхали?

— У меня нѣтъ тайнъ отъ васъ, отвѣчалъ Монкъ. Я писалъ: «Ваше величество, я ожидаю васъ черезъ шесть недѣль въ Дувръ.»

— А! ну, теперь я уже не скажу что это штука снѣлая: я скажу — это штука славно сыгранная, чудесная штука!

— Вы знатокъ на штуки, отвѣчалъ Монкъ.

Это былъ единственный его намекъ на путешествіе въ Голландію.

Король англійскій съ пышною церемоніей вступилъ въ Дувръ,

потомъ въ Лондонъ; призвалъ братьевъ, привезъ мать и сестру. Англія такъ долго была предоставлена самой себѣ, то есть тиранству, посредственности и безсмыслию, что возвращеніе короля Карла-Второго, котораго, впрочемъ, Англичане знали только какъ сына челоѣка, которому они сняли голову, одѣлалось великимъ торжествомъ для всѣхъ трехъ королевствъ. Всѣ привѣты, всѣ восклицанія радости при встрѣчѣ такъ поразили молодого короля, что онъ наклонился къ уху своего брата Жака Йоркскаго и сказалъ:

— Право, Жакъ, мнѣ кажется, что мы сами виноваты, зачѣмъ такъ долго не возвращались въ страну, гдѣ насъ такъ любятъ.

Поѣздъ былъ великолѣпный. Чудесная погода благопріятствовала торжеству. Карлъ помолодѣлъ, повеселѣлъ, такъ, что казался преобразеннымъ: и солнце и сердца улыбались ему.

Въ шумной блестящей толпѣ ласкателей и поклонниковъ, которые, казалось, не помнили, что въ Уитголлѣ провожали одного Карла на эшафотъ, одинъ всадникъ, въ мундирѣ французскаго мушкетерскаго поручика, съ улыбкой на маленькихъ умныхъ губахъ посматривалъ то на бѣсновашійся отъ радости народъ, то на взволнованнаго короля, который кланялся въ особенности женщинамъ въ отвѣтъ на букеты, сыпавшіеся подъ ноги его лошади.

— Какое славное ремесло быть королемъ! говорилъ про себя мушкетеръ, дотога погрузившись въ размышленіе, что остановился посреди дороги, между-тѣмъ какъ поѣздъ подвигался мимо его: вотъ вѣдь какой счастливецъ, зашитый въ золото и въ алмазы какъ Саломонъ, осыпанный цвѣтами какъ лугъ весной.... Вотъ онъ пойдетъ себѣ обѣими руками рыться въ огромномъ сундукѣ, въ который его вѣрные, нѣкогда очень невѣрные, подданные навалили нѣсколько возовъ золота.... Теперь его чуть не закидываютъ цвѣтами, а два мѣсяца тому назадъ, вѣрно, закидали бы картечью. Чтò ни говори, а право не все равно, какинъ матеромъ челоѣкъ родится.

Поѣздъ продолжалъ тянуться и вмѣстѣ съ королемъ удалялись крики по направленію къ дворцу. Остановившійся философъ подвергался довольно частымъ нечаяннымъ толчкамъ отъ движущейся толпы.

— Мордю! продолжалъ онъ: сколько тутъ господъ, которые преспокойно наступаютъ мнѣ на ноги и считаютъ меня очень мелкою ял, лучше сказать, совершенно ничтожной синцей, на

томъ основаніи, что они Англичане, а я Французъ. Если спросить у нихъ: кто кавалеръ д'Артаньянъ? они отвѣтятъ: а кто его знаетъ! Скажи имъ: вотъ ѣдетъ король, вотъ ѣдетъ Монкъ, они заревутъ «Ура! король! Ура! Монкъ!» а того не знаютъ, что сдѣлалъ король и что сдѣлалъ д'Артаньянъ, котораго никто не знаетъ! Впрочемъ, это не мѣшаетъ Карлу-Второму быть великимъ королемъ, точно такъ же какъ не мѣшаетъ Монку быть великимъ полководцемъ, хотя онъ и путешествовалъ въ Голландію въ сундукѣ. Ну, коли ужъ рѣшено, что они великіе, такъ — ура, король Карлъ-Второй! ура, генералъ Монкъ!

Громовый голосъ мушкетера на минуту покрылъ весь гулъ криковъ толпы и чтобы придать еще больше выраженія, д'Артаньянъ замахалъ шляпой надъ головою.

Кто-то на самой полевинѣ восторгу остановилъ его за руку.

— Атось! вскричалъ д'Артаньянъ, оглянувшись: вы здѣсь!

— Какъ видите.

— И будучи здѣсь, вы не въ толпѣ придворныхъ, графъ? Вы, герой праздника, вы не у боку его возстановленнаго величества гарцуете? Вы не слѣдуете прищѣру Монка? Право, вы удивляете меня: это не сообразно ни съ вашимъ настоящимъ значеніемъ, ни съ вашею заслугой королю.

— Вѣчно насмѣшливъ, любезный д'Артаньянъ. Неужели вы никогда не исправитесь отъ этого недостатку?

— Да скажите же, вы въ самомъ дѣлѣ не принадлежите къ походу?

— Я не принадлежу къ нему, потому что не захотѣлъ.

— А отчего же вы не захотѣли?

— Оттого, что я ни посланникъ, ни представитель короля Франція и мнѣ не слѣдуетъ являться подлѣ другаго короля, не моего государя.

— Мордю! вѣдь вы являлись же подлѣ его отца.

— То иное дѣло, тотъ шелъ на смерть.

— Однако жъ, то, что вы сдѣлали для этого....

— Я сдѣлалъ столько, сколько обязанъ былъ сдѣлать. Вы знаете, что я не люблю тщеславія. Карлу-Второму я теперь уже не нуженъ. Пусть онъ оставитъ меня въ покоѣ и въ тѣни, больше я и не требую.

д'Артаньянъ вздохнулъ.

— Что съ вами? спросилъ Атось: васъ какъ-будто ошечаниваетъ это возвращеніе короля въ Лондонъ, между-тѣмъ, вы сдѣлали для его величества по-крайней-мѣрѣ столько же сколько я.

— Да? неправда ли? возразилъ д'Артаньяль съ улыбкой: неправда ли, что я кое-что сдѣлалъ для его величества, хотя объ этомъ никто не знаетъ?

— О, конечно! При томъ, король очень хорошо знаетъ, что вы сдѣлали.

— Да, знать! оказалъ д'Артаньяль съ горечью: я думаю, что знаетъ, однако жъ самъ постараюсь какъ-можно поскорѣй забыть.

— Но онъ не забудетъ, мой другъ: за это я вамъ ручаюсь.

— Вы хотите утѣшить меня, Атосъ.

— Въ чемъ же утѣшить?

— Мордю! во всѣхъ издержкахъ, которыя я понесъ. Я разорился, мой другъ, совершенно разорился на восстановленію короля, который сейчасъ прогарцовалъ здѣсь на бѣломъ жеребцѣ.

— Король, конечно, не знаетъ, что вы разорились на него, любезный другъ, но онъ знаетъ, чѣмъ обязанъ вамъ.

— Какая же мнѣ оттого польза? Вы, Атосъ, — я отдаю вамъ справедливость, — вы благородно работали и всѣмъ извѣстно, что вы сдѣлали. Но я, я, который, повидимому, только испортилъ ваше дѣло, я-то собственно и помогъ кончить его. Сами посудите: очень вѣроятно, что вы ничего не сдѣлали бы съ Монкомъ кротостью и убѣжденіями, тогда какъ я упаковалъ любезнаго генерала, поставилъ на лицо и далъ королю случай явиться великодушнымъ, а за это великодушіе Монкъ отдалъ ему королевство.

— Все это поразительная истина, любезный другъ, отвѣчалъ Атосъ.

— Ну, какъ-бы поразительна ни была эта истина, а вѣрно и то, что я возвращусь на родину очень любимымъ генераломъ Монкомъ, который сто разъ на день называетъ меня дорогимъ капитаномъ, my dear captain, и очень оцѣненный королемъ, который уже забылъ, какъ меня звали, — не менѣе вѣрно и то, говорю я, что я возвращусь на милую родину проклятымъ солдатами, которыхъ завербовалъ для экспедиціи въ надеждѣ на знатную добычу, трижды проклятымъ добрымъ Планшѣ, у котораго занялъ часть его имущества.

— Какъ такъ? какимъ образомъ тутъ вмѣшался Планшѣ?

— Да такъ! Мы сейчасъ видѣли здѣсь короля, любезнаго, веселаго, обожаемаго, счастливаго, и Монкъ воображаетъ, что онъ призвалъ этого короля; вы воображаете, что поддерживали его; я воображаю, что выручилъ его; весь этотъ народъ вообража-

отъ, что воротилъ его; самъ онъ воображаетъ, что переговоры устроилъ себѣ возвращеніе, а между-тѣмъ все это пустяки. Карлъ Второй, король Англіи, Шотландіи и Ирландіи, возстановленъ и возведенъ на престолъ своихъ предковъ французскимъ лавочникомъ, который живетъ въ Ломбардской улицѣ и зовется Пляши. Вотъ тебѣ и величіе! Суета суеть, вселочская суета!

Атось разсѣялся.

— Любезный д'Артаньянъ, сказалъ онъ пожимая другу руку, неужели вы утратили вашу философію? Неужели вамъ не довольно того, что вы спасли мнѣ жизнь, когда воротились съ Моккомъ въ Ньюкэстль и когда оказанные парламентцы хотѣли мнѣмъ сжарить меня?

— Да вы, любезный другъ, кажется, немножко заслужили, чтобъ васъ оналили.

— Какъ! зато, что я спасъ Карлу миллионъ?

— Миллионъ? какой миллионъ?

— Ахъ! правда, вы еще не знаете. Но вы за это не должны сердиться: это не моя была тайна. Слово Remember, которое Карлъ-Первый произнесъ на знаменѣ....

— И которое значитъ *вспомни*....

— Именно. Это слово значило: вспомни, что въ ньюкэстльскихъ подвалахъ схороненъ миллионъ и что этотъ миллионъ принадлежить моему сыну.

— А! теперь я понимаю! Но.... я понимаю также, что каждый разъ, когда Карлъ-Второй вспомнитъ обо мнѣ, онъ скажетъ себѣ: «Вотъ человекъ, который чуть-чуть не лишилъ меня возможности возвратиться на мой престолъ. Ксчастію, я былъ великодушенъ, великъ, исполненъ присутствія духа». Вотъ, что скажетъ обо мнѣ молодой человекъ, который въ весьма попомощенъ черномъ бархатномъ камзолѣ приходилъ ко мнѣ въ Блоа и просилъ впусти его въ кабинетъ къ королю Франціи.

— Д'Артаньянъ, д'Артаньянъ! вы несправедливы! сказалъ Атось, положивъ руку ему на плечо.

— Я ни въ право быть и несправедливынъ.

— Нѣтъ, потому что вы не знаете будущаго.

Д'Артаньянъ посмотрѣлъ другу въ глаза и захохоталъ,

— Право, Атось, сказалъ онъ, у васъ срываются фразы, какъ я ни отъ кого не слыхивалъ кромѣ васъ, да еще отъ кардинала Мазарина, — чудесныя фразы.

Атось сдѣлалъ движеніе.

— Извините, любезный другъ, поспѣшно прибавилъ д'Артаньянъ.

анъ со смѣхомъ: извините, я оскорбилъ васъ сближеніемъ. Будущность! у-у! какія чудесныя слова — обѣщанія! Какъ они прекрасно наполняютъ ротъ, за неимѣніемъ лучшаго! Мордю! и столько находилъ обѣщающихъ..... Когда же я найду хоть одного дающаго?..... Но оставимъ это. Чтѣ вы здѣсь дѣлаете, любезный Атосъ? Вы королевскій казначей чтѣ ли?

— Какъ казначей?

— Да коли у него есть миллионъ, такъ ему, разумѣется, нуженъ и казначей. У короля Франціи ни копѣйки нѣтъ за душой, а всё таки есть главноуправляющій финансами, мосьё Фуке. Правда, что зато у мосьё Фуке есть нѣкоторое количество миллионъ.

— Чтѣ касается до нашего миллиона, сказалъ смѣясь Атосъ, тотъ давно истраченъ.

— Понимаю: онъ обратился въ атласъ, въ брилліанты, въ бархатъ и въ перья разныхъ цвѣтовъ и отливовъ. Всѣ эти принцы и принцессы очень нуждались въ портныхъ и въ швеляхъ. Вы еще помните, я думаю, чего намъ стоило экипироваться передъ походомъ на Ларошель и для выѣзду на коняхъ?.... Двѣ или три тысячи ливровъ, кажется. А королевскій камзолъ, разумѣется, шире; по-крайней-мѣрѣ на миллионъ матеріи пойдетъ. Но послушайте, Атосъ, если вы не казначей, такъ по-крайней-мѣрѣ вы хорошо приняты при дворѣ?

— Честное слово, не знаю, простодушно отвѣчалъ Атосъ.

— Полноте! какъ же не знать?

— Не знаю. Съ пріѣзду въ Дувръ я не видалъ короля.

— Стало-быть, онъ и васъ забылъ. Мордю! это очень много!

— Король теперь такъ занятъ.....

— О! вскричалъ д'Артаньянъ съ забавною гримасой, какія только онъ одною умѣлъ дѣлать: право, я опять начинаю влюбляться въ монсеньора Джуліо Мазарина. Какъ, любезный Атосъ! такъ король не видался съ вами?

— Нѣтъ.

— И вы не взбѣшены?

— Я? за что же? Неужели вы воображаете, что я для короля дѣйствовалъ такимъ образомъ? Я вовсе не знаю этого молодого человѣка. Я защищалъ его отца, который былъ представителемъ священнон для меня идеи, и я пошелъ къ сыну только ради отца. Вы помните, вы знаете его, какой это былъ благородный и достойный человѣкъ.

— Правда, хорошій былъ человекъ... Плохо жила, зато умиръ добро умереть.

— Этому королю, этому благородному человеку, этому другу мой миледи я въ страшный часъ далъ клятву сохранить тайну влады, который долженъ былъ при случаѣ послужить пособіемъ его сыну. Этотъ сынъ пришелъ ко мнѣ и разсказалъ свое бѣдство. Во мнѣ онъ видѣлъ только живое воспоминаніе объ отцѣ, а я исполнялъ Карлу-Второму то, что обѣщалъ Карлу-Первому, хоть и всѣ. Стало-быть, мнѣ всё равно, будетъ онъ признателемъ или нѣтъ: я не ему оказалъ услугу, а себѣ: я себя избавилъ отъ отвѣтственности, отдалъ долгъ.

— Я всегда говорилъ, что безкорыстіе прекраснѣйшая вещь въ мірѣ, сказалъ д'Артаньянъ со вздохомъ.

— Чтò же? развѣ вы не въ такомъ же положеніи какъ я? Если я хорошо повялъ ваши слова, васъ тронуло несчастіе молодого приваца и вы поступили великодушнѣе нежели я: меня обязывалъ долгъ, тогда какъ васъ ничто не обязывало. Вы не были должны заплатить за драгоценную каплю крови, которая упала мнѣ на голову сквозь подмостки эшафота. Вы дѣйствовали единственно по побужденію вашего добраго, благороднаго сердца, которое у васъ кроется подъ шаржуватымъ скептицизмомъ и подъ язвительною насмѣшкой. Вы истратили состояніе вашего вѣрнаго слуги и, конечно, ваше собственное тоже, я знаю васъ, благотворительный суряга. Вашего пожертвованія не признаютъ, ну, такъ что жъ! Вы хотите возратить Пляшѣ его деньги? Это повято: дворянинъ, завлавъ деньги у подчиненнаго, долженъ возратить ихъ съ процентами. Хорошо, я продамъ замокъ ла-Ферь, если пужно, или которую-нибудь мызу. Вы разсчитаетесь съ Пляшѣ и, повѣрьте, въ моихъ амбарахъ еще довольно останется зеренъ для насъ двоихъ и Рауля. Такимъ образомъ, мой другъ, вы никому ничѣмъ не будете обязаны, а для вашей души, я знаю васъ, не малое будетъ утѣшеніе сказать себѣ: «Я далъ Англій королю!» Неправда ли?

— Атось! Атось! бормочетъ д'Артаньянъ съ смущеніемъ: я такъ-то ужъ говорилъ вамъ, когда вы станете проповѣдывать, я сдѣлаюсь набожнымъ. Вы лучше меня или, лучше сказать, вы лучшій изъ людей, а въ себѣ я признаю только одну добродѣтель, — я не завидую вамъ. Исключая этого пороку, *goodness*! — какъ говорятъ Англичане, — я обладаю всѣми остальными.

— А я не знаю никого, кто бы стѣнилъ д'Артаньяна, отвѣчалъ

Атось: но вотъ мы незамѣтно подѣхали къ дому, гдѣ я живу. Вы зайдете?

— А! да это, кажется, гостиница Оленій Рогъ!

— Да, и признаюсь вамъ, что я нарочно выбралъ ее. Я люблю старинныя знакомства; мнѣ пріятно присѣсть на томъ мѣстѣ, гдѣ я упалъ отъ изнеможенія и отчаянія, когда вы воротились, вечеромъ тридцать-перваго января.

— Когда я отырылъ жилище замаскированного палача.... Да, это былъ ужасный день!...

— Пойдите же, сказалъ Атось прерывая.

Они вошли въ бывшую общую столовую. Гостиница вообще и столовая въ особенности потерпѣли значительныя преобразованія. Бывшій трактирщикъ, разбогатѣвъ, закрылъ прежнее заведеніе и превратилъ свою столовую въ кладовую колониальныхъ товаровъ, а остальные кварталы въ домѣ отдавалъ въ наемъ съ мебелью.

Д'Артаньянъ съ невыразимымъ волненіемъ узнавалъ всякую мебель въ комнатахъ нижняго этажа: онъ нашелъ тутъ тѣ же обои, тѣ же деревянныя обшивки и даже географическую карту, которую Портосъ надосугъ изучалъ съ такимъ пристрастіемъ.

— Одинадцать лѣтъ! вскричалъ д'Артаньянъ: мордю! а мнѣ кажется, будто цѣлый вѣкъ прошелъ.

— А мнѣ — будто одинъ день, возразилъ Атось. Вы видите, мой другъ, какъ я радъ, что вижу васъ здѣсь, что могу пожать вамъ руку и далеко отбросить шпагу и кинжалъ и съ увѣренностью взяться за этотъ хересъ. О! эта радость возрасла бы развѣ тогда только, когда бы и другіе друзья наши были здѣсь, когда бы мы все четверо сидѣли за этимъ столомъ и Рауль, мой милый Рауль, вошелъ бы и остановился бы тамъ на порогѣ, устремилъ бы на насъ свои свѣтлые, кроткіе глаза.

— Да, да, правда! говорилъ д'Артаньянъ съ волненіемъ: мнѣ въ особенности нравится первая половина вашей мысли: отраднo улыбаться тамъ, гдѣ мы такъ справедливо трепетали, съ минуты на минуту ожидая, что тамъ, на порогѣ, явится Мордоуанъ.

Въ это время отворилась дверь и д'Артаньянъ, какъ ни храбръ былъ, не могъ удержаться отъ легкаго содроганія.

Атось пѣнялъ и улыбнулся.

— Это нашъ хозяинъ, сказалъ графъ: онъ несетъ мнѣ какое-нибудь письмо.

— Точно такъ, милордъ, отвѣчалъ хозяинъ.

— Благодарю, сказалъ Атосъ и взялъ письмо не глядя: сминте, любезный хозяинъ, вы не узнаете этого господина?

Старикъ поднималъ голову и пристально посмотрѣлъ на д'Артаньяна.

— Нѣтъ, сказалъ онъ.

— Это одинъ изъ моихъ друзей, о которыхъ я вамъ говорилъ и которые жили здѣсь со мною одиннадцать лѣтъ тому назадъ.

— О! здѣсь такъ много стояло иностранцевъ!

— Но мы стояли здѣсь тридцатаго января 1641 года, прибавилъ Атосъ, полагая разшевелить лѣнливую память бывшего трактирщика.

— Можеть-быть, отвѣчалъ тотъ съ улыбкой: но это было такъ давно!...

Онъ поклонился и вышелъ.

— Спасибо! сказалъ д'Артаньянъ: вотъ, совершай подвиги, производи перевороты, пытайся шаглой начертить свое имя на камнѣ и на бронзѣ! Есть нѣчто по-неподатливѣй, по-упорнѣй и по-забывчивѣй камня, бронзы и желѣза: это человѣческій черепъ. Этотъ свѣдой торгошъ не узнаетъ меня, а между-тѣмъ я узналъ же его!

Атосъ съ улыбкой распечаталъ письмо.

— А! отъ Парри! вскричалъ онъ.

— Чтò такое? Читайте, читайте, Атосъ. Тутъ ужъ, конечно, есть новость.

Атосъ прѣчиталъ.

«Ваше сіятельство,

«Король очень жалѣеть, что не видѣлъ васъ сегодня подлѣ себя, во время выѣзду. Его величество поручилъ мнѣ напомнить вамъ объ немъ и пригласить васъ. Его величество ожидаетъ васъ сегодня въ сен-жемсскомъ дворцѣ, отъ девяти до одиннадцати часовъ вечера.

«Съ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства преданнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою, — Парри.»

— Видите, любезный другъ, въ сердцахъ королей не должно отчаяваться.

— Правда, правда; вамъ и не должно отчаяваться, отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— О! любезный, милый другъ, простите! вскричалъ Атосъ, отъ котораго не укрылась горечь замѣчанія: неужели я неосторожно оскорбилъ моего лучшаго товарища?

— Вы съзна сошли, Атосъ! Чтобы доказать вамъ противное, я провожу васъ до дворца, до самыхъ дверей.

— Вы войдете со мной, мой другъ; я скажу его величеству...

— Что вы, Атосъ! возразилъ д'Артаньянъ съ гордостью, свободно отъ всякой приниженности: если есть что-нибудь хуже личного попрошайства, такъ это безъ-сомнѣнія, попрошайство черезъ другихъ. Полно говорить объ этомъ. Пойдемте, мой другъ. Прогулка будетъ хороша. Дорогой я покажу вамъ домъ Монка, который помѣстилъ меня у себя. Прекрасный домъ, вы увидите. Быть генераломъ въ Англіи гораздо выгоднѣе чѣмъ быть маршаломъ Франціи.

Они ушли.

Атосъ былъ опечаленъ притворною веселостью товарища.

Весь городъ веселился и веселился непритворно. Друзья на каждомъ шагу сталкивались съ восторженными, которые приглашали ихъ кричать: «Вивать, король Карль-Второй!» д'Артаньянъ отвѣчалъ ворчаньемъ, Атосъ улыбкой. Такимъ образомъ они дошли до Монкова дому, мимо котораго надлежало идти во дворецъ.

Дорогой Атосъ и д'Артаньянъ говорили мало, вѣроятно, именно потому что имъ было сказать другъ другу слишкомъ много. Атосъ думалъ, что, заговоривъ, онъ покажетъ, что слишкомъ много радуется, и тѣмъ оскорбитъ д'Артаньяна. д'Артаньянъ, съ своей стороны, опасался заговорить, чтобы не обнаружить досады, которая можетъ неприятно подѣйствовать на Атоса. Однакожъ у д'Артаньяна языкъ зудился сильнѣй: онъ первый нарушилъ молчаніе.

— Вы помните, Атосъ, сказалъ онъ, то мѣсто въ запискахъ д'Обианъ, гдѣ этотъ преданный слуга, Гасконецъ такой же какъ я, и такой же бѣднякъ, — я чуть не сказалъ такой же отважный солдатъ, — рассказываетъ о скряжничествѣ Генриха-Четвертаго? Мой отецъ всегда говаривалъ, я помню, что д'Обианъ лгуя. Однако жъ, посмотрите, какъ всѣ потомки великаго Генриха сохраняютъ признаки породы!

— Полноте! полноте, д'Артаньянъ! возразилъ Атосъ: будто короли Франціи скупы! Вы съ ума сошли, мой другъ.

— О! вы никогда не видите чужихъ недостатковъ, оттого что вы сами совершенны. Но, въ самомъ дѣлѣ, Генрихъ-Четвертый былъ скупъ; его сынъ Людовикъ-Тринадцатый тоже... Мы кое-что знаемъ объ этомъ, неправда ли? Гастонъ доводилъ этотъ порокъ до крайности, такъ, что всѣ окружающіе ненавидѣли его

за это. Бѣдница Генриетта не даромъ-принималась: она не каждый день обѣдала, не каждую зиму топила свои печи. Она подавала примѣръ своему сыну Карлу-Второму, внуку великаго Генриха-Четвертаго, такому же скрагѣ какъ мать и дѣдушка. Соглашались, что родословная скунцовъ полна.

— Любезный другъ, вы слишкомъ строги....

— Погодите, погодите! я еще забылъ самаго лучшаго!.... другаго Беарнцова вюка, Людовика-Четырнадцатаго, моего бывшаго повелителя. Этотъ по крайней-мѣрѣ, я надѣюсь, достаточно скушъ. Онъ не хотѣлъ одолжить милліона своему брату Карлу.... А! вы сердитесь; ну, хорошо, я молчу.... кстати, вотъ домъ моего друга Монка.

— Любезный другъ, вы не сердите, вы печалите меня, возразилъ Атось: мнѣ горько видѣть, что такой заслуженный человѣкъ какъ вы обойденъ всѣмъ, что ему слѣдовало за его достойные труды. Но мнѣ, мой другъ, ваше имя блестяще не меньше самыхъ знатныхъ въ войскѣ и въ дипломатіи. Больше ли нашего, столько ли сдѣлалъ Луины, Бельгарды и Бассомпьеры? Вы правы, вы тысячу разъ правы, д'Артавянъ.

— Д'Артавянъ вздохнулъ.

— Позвольте, сказалъ онъ, я зайду, оставлю дома мой кошелекъ, потому что, если въ толпѣ доккіе мошенники вытаскаютъ у меня послѣднія мои деньги, мнѣ не на что будетъ воротиться во Францію. Отправился я изъ дому довольный, а возвращусь помѣшанный отъ радости: всѣ мои прежнія предубѣжденія противъ Англіи воротились съ придачею нѣкоторыхъ новыхъ.

Атось не отвѣчалъ.

— Одну минуточку подождите, прибавилъ д'Артавянъ: я сейчасъ сбѣгаю.

д'Артавянъ поспѣшно взошелъ на крыльцо. Въ сѣняхъ его остановилъ полу-слуга полу солдата по одеждѣ, девышникъ, который исполнялъ у Монка должность швейцара.

— Позвольте, милордъ д'Артавянъ, сказалъ онъ по-англійски.

— Это что? возразилъ мушкетеръ: развѣ генераль тоже отзывается мнѣ даже отъ дому?.... Мнѣ только этого и не достало.

Эти слова, сказанныя по-французски, ни мало не тронули того, къ кому относились: девышникъ только и понималъ двкую смѣсь англійскаго съ шотландскимъ, посредствомъ которой самъ выражался. Зато Атоса они глубоко поразили: казалось, что д'Артавянъ былъ совершенно правъ.

Англичанинъ показавъ д'Артаньяну письмо и сказалъ:

— Отъ генерала.

— Такъ и есть! Отказъ, прощанье! сказалъ мушкетеръ. Прочтаете? какъ вы думаете, Атосъ?

— Вы, вѣроятно, ошибаетесь, д'Артаньянъ, или я на свѣтъ не знаю больше честныхъ людей кромѣ насъ съ вами.

д'Артаньянъ пожалъ плечами и распечаталъ записку, между тѣмъ какъ Англичанинъ поднесъ большой фонарь, чтобы освѣтить.

— Ну, что? что съ вами? спросилъ Атосъ, видя переизмену въ лицѣ читающаго.

— Вотъ, прочитайте сами, отвѣчалъ Гасковецъ.

Атосъ взялъ записку. Она была такого содержанія:

«Любезный капитанъ, король очень сожалѣлъ, что вы не пришли въ соборъ Святаго Павла вмѣстѣ съ нами. Зачто вы покинули насъ? Чтобы поправить это дѣло, остается только одно средство: его величество ожидаетъ меня въ сенджемскомъ дворцѣ въ девять часовъ вечера. Хотите явиться туда вмѣстѣ со мной? Его величеству угодно дать вамъ аудиенцію и мнѣ очень приятно будетъ видѣть васъ. Вашъ другъ Монкъ.»

— Ну, что? спросилъ Атосъ съ улыбкой, прочитавъ.

— Что жъ! отвѣчалъ д'Артаньянъ, краснѣя отъ удовольствія и неможко отъ стыда, зато что поторопился осудить короля и Монка: это, конечно, учтивость, которая еще не даетъ ни какихъ правъ.... Но все-равно, это всё-таки учтивость по-прайнейшѣмъ.

— Признаюсь, возразилъ Атосъ, мнѣ трудно было представить себѣ, что Карлъ неблагодаренъ.

— Правда, что настоящее его еще очень недалеко ушло отъ прошедшаго, замѣтилъ д'Артаньянъ: но до-сихъ-поръ я былъ правъ, кажется.

— Согласенъ, любезный другъ, согласенъ. Ну, вотъ, слава Богу! вашъ взоръ прояснился. Вы не повѣрите, какъ я радъ.

— Вѣрю. Пойдемте, пойдемте, встанемъ подъ жолобъ, черезъ который сегодня польются милости.

д'Артаньянъ прибавилъ шагу. Они пошли ко дворцу, еще окруженному толпой, которая старалась въ освѣщенныхъ окнахъ уловить тѣни мелькающихъ придворныхъ и отраженіе особы короля. Пробыло осемь, когда два друга завали мѣста въ галлерей, биткомъ набитой придворными и просителями. Каждый изъ присутствовавшихъ въ свою очередь взглядывалъ на простой на-

рядъ иностраннаго покрову и на благородныя выразительныя лица мушкетеровъ. Атось и д'Артаньянъ, окинувъ взглядомъ все собраніе, стали разговаривать между собой.

Вдругъ въ концѣ галлерей зашумѣли. Вошелъ генералъ Монкъ и съ нимъ человекъ двадцать офицеровъ, которые ловили у него благо-склоннаго взгляду. У Монка накануне еще была въ рукахъ вся Англія и можно было предполагать, что и назавтра что-нибудь останется у возстановителя дома СтUARTовъ.

— Господа, сказалъ Монкъ, оборотись: помните, сдѣлайте одолженіе, что теперь я уже ничего не значу. Прежде я командовалъ главною арміею республики; теперь эта армія принадлежитъ королю, которому я, по его приказу, сдаю всю вчерашнюю мою власть.

На всѣхъ лицахъ выразилось изумленіе и кругъ поклонниковъ около Монка мало по-малу расширился и потерялся въ волнахъ толпы. Монкъ, какъ видѣли, самъ пришелъ постоять въ передней. д'Артаньянъ замѣтилъ это графу де-ла-Феру и тотъ нахмурилъ брови. Но тутъ дверь кабинета отворилась и молодой король явился въ сопровожденіи двоихъ камергеровъ.

— Добрый вечеръ, господа! сказалъ онъ: генералъ Монкъ здѣсь?

— Здѣсь, ваше величество, отвѣчалъ старшій генералъ.

Король поспѣшно подошелъ и искренно взялъ его за руки.

— Генералъ, сказалъ онъ громко, я сейчасъ подписалъ грамоту на ваше имя. Вы—герцогъ Альбермальскій? Я хочу, чтобы никто въ этомъ королевствѣ не равнялся съ вами въ могущество и богатствѣ, какъ никто кромѣ благороднаго Монроза не равняется съ вами по честности, мужеству и дарованію. Господа, герцогъ Альбермальскій назначается въ главнокомандующіе нашими арміями и флотомъ. Не угодно ли отдать ему почеть, должную по званію.

Между тѣмъ какъ всѣ столпились около генерала, который принималъ дань удивленія и поздравленій съ обыкновеннымъ оловяннымъ хладнокровіемъ, д'Артаньянъ шепнулъ Атосу.

— Кто бы подумалъ, что всѣ эти титулы герцога и главнокомандующаго арміями и флотомъ недавно помѣщались въ сособномъ сундукѣ въ шесть футовъ длины и въ три ширины!

— Случается и другимъ, по-знатѣе его, ложиться въ сундукъ уже вашего и притомъ навсегда....

Тутъ Монкъ примѣтилъ Французовъ, которые стояли въ сторонѣ и выжидали, чтобы приливъ немножко разсѣялся. Онъ про-

тѣшился и пошелъ прямо къ нимъ, такъ, что засталъ на половинѣ философскаго разсужденія.

— Вы говорили обо мнѣ, сказалъ онъ съ улыбкой.

— Мы говоримъ иногда и о Богѣ, милордъ.

— Хорошо. Поговоримте же и о королѣ. Его величество, кажется, назначалъ вамъ аудіенцію?

— Въ девять часовъ, отвѣчалъ Атосъ.

— Такъ пойдемте теперь въ кабинетъ, сказалъ Мойкъ приглашая обоихъ знакомъ, чтобы пошли впередъ, на чтò тѣ однакожь не соглашались.

Во время этого спору за учтивость король дошелъ до середины галлерей.

— А! мои Французы! вскричалъ онъ съ беззаботною веселостью, которой не утратилъ не смотря на всѣ свои бѣдствія! Французы, мое утѣшеніе!

Атосъ и д'Артаньянъ поклонились.

— Герцога, проводите этихъ господъ въ мой кабинетъ. Я сейчасъ буду къ вамъ, господа, прибавилъ онъ по-французски и скоро отпустилъ дворъ, чтобы воротиться къ «своимъ» Французамъ, какъ онъ говорилъ.

— Мосьё д'Артаньянъ, сказалъ онъ входя въ кабинетъ: я очень радъ видѣть васъ.

— Я съ восхищеніемъ кланяюсь вашему величеству въ вашемъ сенджемскомъ дворцѣ, отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Вы оказали мнѣ важную услугу, продолжалъ король: я обязанъ благодарить васъ. Если бы не опасался нарушить права моего главнокомандующаго, я предложилъ бы вамъ какое-нибудь достойное васъ мѣсто подлѣ меня.

— Ваше величество, я оставилъ службу короля Франціи съ обѣщаніемъ нигдѣ уже не служить.

— О! вотъ это очень жаль! Мнѣ бы хотѣлось много сдѣлать для васъ, вы мнѣ нравитесь.

— Ваше величество....

— Нельзя ли какъ-нибудь? продолжалъ король съ улыбкой: можетъ-быть, мнѣ удастся заставить васъ измѣнить слову. Герцога, помогите мнѣ. Если бы я, напримѣръ, предложилъ вамъ главное начальство надъ моими мушкетерами?

Д'Артаньянъ поклонился ниже прежняго.

— Я съ сожалѣніемъ долженъ былъ бы отказаться отъ такой милости вашего величества, отвѣчалъ онъ: у дворянина только

одне слово, а мое, какъ я дѣлалъ честь докладывать вашему величеству, дано королю Франціи.

— Ну, такъ и не станешь говорить объ этомъ, сказалъ король и обратился къ Атосу.

Д'Артавьянъ усталъ въ бездну самаго прискорбнаго разочарованія.

— О! я очень хорошо зналъ это! говорилъ онъ себѣ: слова! фразы! придворные комплименты! У королей необыкновенное дарованіе на предложенія. Они всегда предлагаютъ то, чего не возьмешь, и слѣдовательно ничѣмъ не рискуютъ. Дуракъ! тройной дуракъ! какъ я могъ хоть минуту вѣрять!

Между-тѣмъ Карлъ взялъ Атоса за руку.

— Графъ, сказалъ онъ, вы были для меня вторымъ отцомъ. Услуга, которую вы мнѣ оказали, не можетъ быть заплачена. Я однакожъ надѣюсь хоть нѣсколько изъяснить вамъ мою благодарность. Отецъ мой пожаловалъ васъ въ кавалеры ордена Подвязки, ордена, который не всѣмъ королямъ дается, а королева-регентша — въ кавалеры не менѣе знаменитаго ордена Святаго Духа. Я прибавлю это Золотое Руно, присланное мнѣ королемъ Франціи, который по случаю своей свадьбы получилъ ихъ два отъ тестя, короля испанскаго. Но за это я попрошу у васъ еще услуги.

— Ваше величество..... Золотое Руно.... мнѣ! проговорилъ Атосъ съ смущеніемъ: мнѣ.... когда во Франціи только король пользуется этимъ знакомъ отличія!

— Я желаю, чтобы вы во Франціи и всюду были равны первымъ изъ отличенныхъ, отвѣчалъ Карлъ, снимая съ себя орденъ и надѣвая на графа.

— Не странно ли, говорилъ себѣ д'Артавьянъ, между-тѣмъ какъ Атосъ преклонилъ колѣно принималъ награду: не странно ли, что я всегда вижу, какъ на всѣхъ окружающихъ меня сдѣлалъ градъ всякихъ благъ, тогда какъ на меня ни одна крупица не попадаетъ! Глядя на это, человѣкъ завистливый могъ бы вырвать себѣ всѣ волосы, честное слово!

Атосъ всталъ. Карлъ нѣжно поцѣловалъ его.

— Генералъ, сказалъ король и потомъ, спохватившись, съ улыбкой прибавилъ: виноватъ, я хотѣлъ сказать герцогу.... Я ошибаюсь, потому что слово герцогу мнѣ все кажется слишкомъ сжатымъ; я все ищу чего-нибудь, чтобы выговорить его подлиннѣй.... Мнѣ бы хотѣлось видѣть васъ такъ близко подлѣ моего трону, чтобы я могъ сказать вамъ какъ говорю Людовику-Четырнадцатому — Братъ мой.... Ахъ! нашелъ, нашелъ! Вы будете почти братомъ

монизъ: я сделаю весь вице-король Шотландіи и Ирландіи, любезный герцогъ.... Тогда я уже не ошибусь.

Герцогъ взялъ короля за руку, но безъ восторгу, безъ радости, какъ дѣлалъ все другое. Между-тѣмъ послѣдняя нилость не могла не расшевелить его сердца. Карлъ искусно шая безкорыстіе старика, далъ ему время пожелать, хотя Монкъ, разунѣтся, не могъ пожелать столько, сколько получилъ.

— Мордю! проворчалъ д'Артаньянъ: ливень и градъ снова начинаютъ. Да тутъ просто съума сойдемъ!

И онъ отвернулся съ такимъ выраженіемъ досады и унынія, что король не могъ удержаться отъ улыбки.

Монкъ готовился отплачивать королю.

— Вы не уйдете безъ мосье д'Артаньяна, я надѣюсь? сказалъ Карлъ.

— Отчего такъ, ваше величество? спросилъ старый вонкъ.

— Вы сами знаете, отчего.

Монкъ посмотрѣлъ на короля съ удивленіемъ.

— Извините, ваше величество.... не знаю, чѣмъ вамъ угодно сказать.

— Какъ! неужели? Но если вы забыли, такъ мосье д'Артаньянъ не забудетъ.

Изумленіе отразилось на лицѣ мушкетера.

— Вѣдь вы, герцогъ, кажется, живете вмѣстѣ съ д'Артаньянъ? продолжалъ король.

— Точно такъ, ваше величество, я нѣмю честь отдавать капитану квартиру въ мосье домѣ.

— Эта мысль пришла вамъ самимъ?

— Мнѣ самому, ваше величество.

— Да, правда, иначе и быть не могло.... Пльванки всегда живутъ подъ одною кровлей съ побѣдителями.

Монкъ въ свою очередь покраснѣлъ.

— Конечно, конечно, сказалъ онъ: я точно плѣнникъ капитана д'Артаньяна.

— Да, Монкъ, вы еще не выкупились. Впрочемъ, не беспокойтесь, это мое дѣло; я васъ выручилъ отъ капитана д'Артаньяна, я долженъ и выкупъ заплатить.

Глаза у мушкетера просіяли: онъ началъ понимать. Карлъ подошелъ къ нему.

— Генералъ не богатъ, сказалъ онъ, и не можетъ заплатить вамъ столько, сколько онъ стѣитъ. Я, конечно, побогаче, но зато теперь Монкъ — герцогъ и вице-король, такъ, пожалуй, и мнѣ

не легко будетъ выкупить его. Не обидьте меня, капитанъ: сколько я вамъ долженъ?

Д'Артавьянъ былъ въ восхищеніи отъ этого обороту дѣла, однако владѣлъ собой и отвѣчалъ:

— Ваше величество напрасно изволите беспокоиться. Когда я имѣлъ счастье поманить его милость, Монкъ былъ генераломъ, слѣдовательно мнѣ и выкупъ слѣдуетъ получить только за генерала. Пусть генералъ отдастъ мнѣ свою шпагу и я сочту себя награжденнымъ, потому что только Монкова шпага стоитъ Монка.

— Odds-fish! какъ говаривалъ мой отецъ, вскричалъ Карлъ: вотъ ловкое предложеніе и любезный человѣкъ, неправда ли, герцогъ.

— Клянусь честью, правда, ваше величество, отвѣчалъ Монкъ и, отстегнувъ шпагу, прибавилъ: капитанъ, дочь моя шпага. У многихъ найдутся клинки по-лучше этого, но какъ ни скромнень мой, я никому еще не отдавалъ его.

Д'Артавьянъ съ гордостью принялъ шпагу, которая вѣчала короля.

— О! о! вскричалъ Карлъ: какъ можно, чтобъ шпага, которая возвратила мнѣ мой престолъ, вышла изъ этого государства и не красовалась между сокровищами моей короны! Нѣтъ, клянусь честью, этому не бывать! Капитанъ д'Артавьянъ, я даю двѣсти-тысячъ ливровъ за эту шпагу. Если этого мало, говорите откровенно.

— Этого мало, ваше величество, отвѣчалъ д'Артавьянъ съ неподражаемою важною: притомъ, я вовсе не желаю продать ее. Но желаніе вашего величества для меня — приказъ. Я повишусь, только, изъ уваженія къ знаменитому воину, я долженъ попросить прибавки еще одной трети предложенной суммы. Я прошу за эту шпагу трехъ-сотъ-тысячъ ливровъ или отдаю ее вашему величеству даромъ.

Онъ взялъ шпагу за конецъ и поднесъ королю.

Карлъ расхохотался.

— Любезный человѣкъ и веселый товарищъ! Odds-fish! неправда ли, герцогъ? Онъ мнѣ нравится, я люблю его. Извольте, кавалеръ д'Артавьянъ, возьмите это.

Король подошелъ къ столу, написалъ записку казначею на триста тысячь ливровъ и вручилъ мушкетеру.

Д'Артавьянъ принялъ и съ важною обратился къ Монку.

— Я знаю, что спросилъ слишкомъ мало, сказалъ онъ, но во-

вѣрите, герцога, что мнѣ легче было бы умереть, чѣмъ автисся жаднымъ.

Король смѣлся какъ самый счастливый шалуунъ въ англійскомъ государствѣ.

— Вы еще побываете у меня передъ отъѣздомъ, капитанъ, сказалъ онъ д'Артаньяну: мнѣ нужно запастись веселостью, когда мои Французы оставляютъ меня.

— Ахъ, ваше величество, веселость не Монкова шпага: за веселость я съ васъ ничего не возьму! отвѣчалъ мушкетеръ, который уже земли не слышалъ подъ собой.

— И вы, графъ, тоже побывайте, продолжалъ король: я желаю дать вамъ важное порученіе. Вашу руку, герцога.

Монкъ пожалъ королю руку.

— Прощайте, господа, сказалъ Карлъ подавая мушкетерамъ объ руки.

И тѣ почтительно поцѣловали.

— Ну, что? спросилъ Атосъ, выходя изъ дворца: довольны ли вы?

— Молчите, отвѣчалъ д'Артаньянъ задыхаясь отъ радости: я еще не воротился отъ казначея.... жолобъ можетъ еще упасть мнѣ на голову.

д'Артаньянъ не терялъ времени. Едва настала возможность, онъ отправился къ казначею его величества.

Тутъ онъ имѣлъ удовольствіе промѣнять клочекъ бумаги, написанный довольно дурнымъ почеркомъ, на значительное количество новенькихъ золотыхъ монетъ съ портретомъ короля Карла Второго.

д'Артаньянъ легко владелъ собой, однако жъ при этомъ случаѣ не могъ не обнаружить радости, которую читатель пойметъ, быть-можетъ, если удостоитъ нѣкоторой снисходительности челоуѣка, отъ рожденія не видавшаго такого множества монетъ, уставленныхъ столбиками въ порядкѣ вѣстнно пріятномъ для глазъ.

Казначей уложилъ все золото въ мѣшки, запечаталъ каждый мѣшокъ гербомъ Англій и безстрастно, но ровно столько учтиво, сколько слѣдовало быть въ отношеніи къ челоуѣку, удостоенному дружбы короля, сказалъ д'Артаньяну:

— Извольте получить ваши деньги.

Ваши деньги! Отъ этого слова у мушкетера зазвучали тысячи жлоковъ, которыхъ онъ никогда прежде не слышалъ въ своемъ сердцѣ.

Онъ нагрузилъ мѣшками телѣгу и воротился домой въ глубокомъ раздумьѣ. Человѣкъ обладающій тремястами тысячъ ливровъ уже не можетъ имѣть гладкаго лба: по морщинамъ на каждой сотню тысячъ не много будетъ.

Д'Артаньянъ заперся въ своей комнатѣ, не обѣдалъ, никого къ себѣ не пускалъ и съ заряженными пистолетами на столѣ всю ночь напролетъ просидѣлъ безъ сна, все обдумывалъ, какъ лучше предупредить, чтобы прекрасныя монеты, перешедшія изъ королевскаго сундука въ его сундукъ, не перешли изъ его сундука въ карманы какихъ нибудь пройдохъ. Лучшимъ средствомъ ему казалось на первый случай запереть деньги въ такой сундукъ съ секретнымъ замкомъ, чтобы ничья рука не могла сломать и ни чей ключъ не подошелъ.

Д'Артаньянъ вспомнилъ, что Англичане мастера на механику, и рѣшился на другой же день съискать слесаря, который бы продалъ ему хорошій сундукъ съ секретнымъ замкомъ.

Не далеко было ходить: мистеръ Уиль Джебсонъ жилъ по соседству. Онъ выслушалъ предложеніе, понялъ желаніе и обѣщалъ сдѣлать замкъ, который навсегда избавитъ хозяина отъ заботъ и опасеній.

— Я вамъ сдѣлаю совершенно новый механизмъ, сказалъ онъ: при первомъ сколько-нибудь нещучномъ покушеніи на вашъ сундукъ откроется непримѣтная бляшка и такое же непримѣтное дуло выплюнетъ мѣдную пульку въ одну марку вѣсу, которая не безъ шума положитъ вора на мѣстѣ преступления. Чѣмъ вы за это скажете?

— Я скажу, что это будетъ штука замысловатая и что мѣдная пулька мнѣ очень нравится. Скажите ваши условія.

— Двѣ недѣли сроку на исполненіе и пятнадцать тысячъ ливровъ за работу по отдачѣ вещи, отвѣчалъ механикъ.

Д'Артаньянъ нахмурился. Двухъ недѣль было слишкомъ достаточно, вѣдь, чтобы всѣ лондонскіе плуты избавили его отъ необходимости покупать сундукъ, а пятнадцать тысячъ дать значило заплатить слишкомъ дорого за то, что при вѣкоторой зоркости можно было имѣть даромъ.

— Хорошо, я подумаю, сказалъ онъ: благодарю васъ, мистеръ Уиль Джебсонъ.

И мушкетеръ бѣгомъ воротился домой. Никто еще не подходилъ къ сокровищу.

Атосъ пришелъ навѣстить друга и нашелъ его дотога озабоченнаго, что изумился.

— Какъ! возразилъ онъ: вы богаты и не веселы! Вы такъ желали богатства....

— Да, другъ мой, непривычныя удовольствія бываютъ тягостнѣй привычныхъ невзгодъ. Дайте мнѣ совѣтъ, пожалуйста. Къ вамъ я могу обратиться за этимъ: вы всегда имѣли деньги. Что люди дѣлаютъ, когда у нихъ есть деньги?

— Это зависитъ отъ вкуса.

— Что вы сдѣлали съ вашими деньгами, чтобъ не быть ни скрягой, ни расточителемъ? Скражничество сунуть сердце, а мотовство топить его, неправда ли?

— Самъ Фабрицій не сказалъ бы ничего мудрѣе. Но, признаться, мои деньги никогда не обременяли меня.

— Вы отдали въ ростъ?

— Нѣтъ, вы знаете, что у меня есть довольно хорошій домъ. Онъ составляетъ лучшую часть моего имуществва.

— Знаю.

— Ну, и вы тоже, если захотите, можете быть столько же богаты какъ я, даже богаче, тѣмъ же средствомъ.

— А доходы вы прячете?

— Нѣтъ.

— У васъ нѣтъ въ стѣнѣ какой-нибудь печурки?

— Нѣтъ.

— Стало-быть, вы имѣете повѣреннаго, какого-нибудь надежнаго маклера, который платитъ вамъ вѣрные проценты?

— Вовсе нѣтъ.

— Какъ же, что жъ вы дѣлаете съ вашими деньгами?

— Я проживаю все, что имѣю, а имѣю не больше того, сколько нужно прожить.

— А! вотъ оно что! Но вы, правда, немножко князь: пятнадцать-шестнадцать тысячъ ливровъ доходу у васъ промежъ пальцевъ уйдутъ незамѣтно. Ктому жъ, у васъ есть должности.... вы обязаны явиться....

— Я вовсе не вижу, чтобы вы были менѣе меня знатны, любезный д'Артагьянъ, и вашихъ денегъ вамъ тоже только-что достанетъ.

— Триста-тысячъ ливровъ!... Да тутъ двѣ трети лишку!

— Извините, но вы, кажется, говорили.... мнѣ послышалось, кажется, что у васъ есть товарищъ....

— Ахъ! мордю! правда, правда! вскричалъ д'Артагьянъ, краснѣя: есть еще Планшѣ. Я и забылъ о Планшѣ, клянусь честью!... Ну, вотъ они, мои сто-тысячъ экю, и початы.... Жаль! Счетъ

былъ такой кругленькой, такой звучный.... Правда, Атосъ, правда, я вовсе не богатъ. Какая у васъ память!

— Да, слава Богу, довольно хорошан.

— Да! мой Планшэ не ошибся въ расчетъ: какая спекуляція, миллионъ бомбъ!... Но что сказано, то сказано.

— Сколько вы дадите ему?

— О! Планшэ не сутяга: я всегда съ нимъ полажу. Я, видите ли, кое что потерялъ и издержки понесъ.... все это у насъ идетъ въ счетъ....

— Я не боюсь за Планшэ, любезный другъ: я совершенно увѣренъ, что его польза въ вашихъ рукахъ вѣрнѣе чѣмъ въ его собственныхъ, спокойно возразилъ Атосъ и потомъ прибавилъ: теперь, кажется, вамъ ужъ больше нечего дѣлать здѣсь. Не пора ли намъ отправляться? Вы бы пошли къ его величеству, проститесь, и черезъ шесть дней мы увидѣли бы потръ-дамскія башни.

— Я горю отъ нетерпѣнія, такъ мнѣ хочется ѣхать, отвѣчалъ д'Артаньянъ: сейчасъ же пойду во дворецъ.

— А я сперва прощусь съ нѣкоторыми знакомцами въ городѣ.

— Ахъ, послушайте, Атосъ, одолжите мнѣ вашего Гримб.

— Съ удовольствіемъ. Что вы хотите сдѣлать изъ него?

— Ничто очень простое и такое, что совсѣмъ не утопится: я попрошу его постеречь мои пистолеты, вотъ, что лежатъ на сундукѣ.

— А! хорошо, спокойно сказалъ Атосъ.

— Онъ не отойдетъ, неправда ли?

— Скорѣе пистолеты сами отойдутъ.

— Ну, такъ я сейчасъ отправлюсь къ его величеству. До свиданія, Атосъ.

Во дворцѣ д'Артаньянъ около часу прождалъ въ галерей. Король былъ занятъ. Прохаживаясь отъ дверей къ окнамъ, отъ оконъ къ дверямъ, мушкетеръ примѣтилъ, какъ въ корридорѣ промелькнуло что-то похожее на Атосовъ плащъ, но когда онъ хотѣлъ удостовѣриться, точно ли видѣлъ, его позвали въ кабинетъ.

Выслушавъ благодарность мушкетера, Карлъ-Второй весело потиралъ руки.

— Вы напрасно благодарите меня, капитанъ, сказалъ онъ: я не заплатилъ и четверти того, чего стоитъ исторія сундука, въ который вы упрятали храбраго генерала.... то есть почтеннаго герцога Альбермальскаго.

И король громко захохоталъ.

Д'Артаньянъ не позволилъ себѣ прервать смѣхъ его-величества и саркастично спорбился, какъ котъ, котораго ласкають.

— Кстати, продолжалъ Карлъ, простить вамъ нашу любезный Монкъ?

— Простилъ ли?... Я видѣюсь, что простилъ, ваше величество.

— Въ самомъ дѣлѣ?... А штука-то была жестокая.... Odds-fish! упаковать какъ селедку первое лицо англійской революціи! На нашемъ мѣстѣ, кавалеръ, а былъ бы не совсѣмъ опомонѣть.

— Однако жъ, ваше величество....

— Я знаю, что Монкъ называетъ васъ своимъ другомъ, но... у него глазъ слишкомъ глубоко: не можетъ-быть, чтобы у него не было памяти; бровь тоже очень высока и горда...

Мухкетеръ пошевелилъ плечами.

— Послушайте, капитанъ, продолжалъ восхищенный король: я думаю, мнѣ нужно будетъ устроить ваше примиреніе. Я возьмусь за это такимъ образомъ....

Д'Артаньянъ прикусилъ усь.

— Ваше величество, позвольте ли вы мнѣ сказать правду?

— Говорите, капитанъ, говорите.

— Вы меня ужасно пугаете, ваше величество.... Если вы станете улаживать это дѣло по способу, какой, кажется, вашему величеству угодно употребить, я — погибшій человекъ: герцога подошлетъ мнѣ убійцу.

Король снова расхохотался, а у д'Артаньяна страхъ обратился въ ужась.

— Ради Бога, ваше величество, позвольте мнѣ самому поладить съ генераломъ и.... если вы уже не изволите нуждаться въ монхъ услугахъ....

— Нѣтъ, капитанъ, благодарю васъ. Вы хотите вѣхать? отвѣчалъ Карлъ съ возрастающею веселостью, которая все больше и больше тревожила мухкетера.

— Вашему величеству ничего не угодно приказать?

— Только одно, отвѣчалъ король почти серьезно: представьтеся моей сестрѣ, Ледѣ Генриеттѣ. Она знаетъ васъ?

— Нѣтъ, ваше величество.... Впрочемъ, я думаю, старый солдатъ для молодой, веселой принцессы — зрѣлище не весьма занимательное.

— Я хочу, чтобъ сестра моя познакомилась съ вами; я хочу чтобы она, въ случаѣ нужды, могла положиться на васъ.

— О! если такъ.... все, что вашему величеству дорого, мнѣ — священно.

— Хорошо.... Парри! поди сюда, мой Парри!

Боковая дверь отворилась, Парри вошелъ и лицо его просіяло, какъ только онъ увидѣлъ мушкетера.

— Гдѣ Рочестеръ? спросилъ король.

— На каналѣ, съ дамами, отвѣчалъ Парри.

— А Буккигамъ?

— Тоже.

— И прекрасно. Ты проводишь капитана къ Вилье.... Это герцогъ Буккигамъ, капитанъ... и попросишь его представить мосье д'Артаньяна леди Генриеттѣ.

Парри поклонился и улыбнулся д'Артаньяну.

— Это ваша прощальная аудіенція, капитанъ, продолжалъ король: вы потому можете ѣхать, если вамъ угодно.

— Покорно благодарю, ваше величество.

— Только смотрите, хорошенько помянитесь съ Монкомъ.

— О! ваше величество....

— Вы знаете, что къ вашимъ услугамъ приготовленъ корабль?

— Вы слишкомъ осыпаете меня милостями, ваше величество... Я не потерплю, чтобы ваши офицеры безпокоились изъ-за меня.

— Они побезпокоятся не изъ-за васъ, капитанъ, а для посланика, котораго я шлю во Францію и котораго вы, я полагаю, охотно проводите, потому что вы знакомы.

д'Артаньянъ удивился.

— Это — графъ де-ла-Феръ.... котораго вы зовете Атосомъ, сказалъ король, окончивая разговоръ тѣмъ же, чѣмъ началъ, — веселымъ смѣхомъ: прощайте, капитанъ, прощайте. Любите меня, какъ я васъ люблю.

Тутъ король знакомъ спросилъ у Парри, не ждетъ ли кто въ сосѣднемъ кабинетѣ, и скрылся туда, оставивъ д'Артаньяна озадаченнаго странною аудіенціей.

Старикъ дружески взялъ мушкетера подъ руку и повелъ въ паркъ.

По мутно-зеленой водѣ канала, оправленного мраморными плитами, на которыхъ время настѣяло черныхъ пятенъ и пучковъ мшистой травы, медленно скользила длинная плоскодонная лодка. украшенная королевскимъ флагомъ, большимъ зонтикомъ и выстланная дорогими коврами, которыхъ концы полоскались въ струяхъ. Осемь гребцовъ, тихо владѣя веслами, давали ей плавный ходъ лебеда, между тѣмъ какъ настоящіе лебеди, встревоженные въ удивленномъ своемъ владѣніи, издали смотрѣли на

вышное и шумное явленіе. На носу лодки сѣдѣло четверо музыкантовъ съ гитарами и лютнями и двое пѣвцовъ, а подлѣ зонта-тикомъ нѣсколько придворныхъ, облитыхъ золотомъ, которые на перерывѣ старались заслужить улыбку леди Генріетты, дочери Карла-Перваго, сестры Карла-Второго.

Молодая принцесса наравнѣ съ своими братьями провела много горькихъ дней, когда, въ Луврѣ, сѣдѣла съ матерью безъ хлѣба и безъ дровъ; потомъ вдругъ пробудилась отъ страшнаго сна и очутилась сядущею на ступеняхъ трона, окруженною придворными и поклонниками. Подобно Маріи Стуртъ, вышедшей изъ темницы, она жадно вдыхала жизнь и свободу, могущество и богатство.

Со времени возстаповленія отцовскаго престола леди Генріетта прославилась своею красотой. Несчастіе отнимало у нея блескъ и гордость, а со счастіемъ все опять воротилось. Она въ своемъ благополучіи и въ радости сіяла какъ тепличный цвѣтокъ, который на одну ночь былъ забытъ на холоду и склонилъ голову, но, потомъ, отогрѣвшись въ родной атмосферѣ, разцвѣлъ пышнѣе чѣмъ когда нибудь.

Лордъ Вилье Буккигамъ, прекрасный мужчина, задумчивый съ дамами и весельчакъ съ товарищами, и Вильмотъ Рочестеръ, весельчакъ съ обонми полами, въ эту минуту стояли передъ леди Генріеттой и оспоривали другъ у друга счастіе занимать принцессу.

Генріетта между-тѣмъ, прислонясь къ шитой золотомъ, бархатной подушкѣ и небрежно опустивъ пальчики въ воду, смотрѣла на музыкантовъ не слушая ихъ музыки и слушала рѣчи поклонниковъ, не подавая виду, что обращаетъ на нихъ вниманіе.

Очаровательная леди Генріетта, которая соединяла въ себѣ всѣ прелести Англіи и Франціи, еще не знала любви и оттого была жестока въ кокетствѣ. Улыбка, простодушная дѣвичья милость, почти вовсе не показывалась на ея губахъ, а взоръ, когда она случайно поднимала его, устремлялся на поклонниковъ такъ упорно, такъ холодно, что вся ихъ любезность и вся ловкость обращались въ смущеніе и робость.

Лодка все плыла, музыканты надеждались и поклонники также, а все прогулка казалась принцессѣ однообразною. Генріетта вдругъ съ нетерпѣніемъ подняла голову и сказала:

— Довольно, господа, довольно; пора воротиться.

— Ахъ, миледи, мы очень несчастны, возразилъ Буккигамъ.

— Идемъ на прогулку въ паркѣ, это будетъ очень приятно вашему высочеству.

— Матушка ждетъ меня, отвѣчала Генриетта: притомъ, я откровенно признаюсь вамъ, господа, я соскучилась.

И, произнося это жестокое слово, она старалась взглядомъ утѣшить молодыхъ людей, которые были въ отчаяніи отъ ея откровенности. Взаглядъ произвелъ свое дѣйствіе: лица кавалеровъ просіяли. Но царственная кокетка тотчасъ же какъ будто спохватилась, что слишкомъ много сдѣлала для простыхъ смертныхъ, оборотилась къ нимъ спиной и погрузилась въ думу, очевидно, далекую отъ нихъ.

Буккигамъ съ гнѣвомъ прикусилъ губу, потому что дѣйствительно былъ влюбленъ и, слѣдовательно, ничего не принималъ въ шутку. Рочестеръ тоже прикусилъ, не только для того чтобъ удержать злую улыбку, потому что у него умъ всегда управлялъ сердцемъ.

Принцесса, блуждая глазами по берегу, издали примѣтила Парри и д'Артаньяна.

— Кто тамъ идетъ? спросила она.

Молодые люди съ быстротою молвіи оборотились въ ту сторону.

— Это Парри, отвѣчалъ Буккигамъ.

— Кажется, съ нимъ еще кто-то идетъ, замѣтилъ Рочестеръ.

— Скажите, пожалуйста, отчего вы такъ небрежно сказали «Парри»? спросила Генриетта довольно строго и небрежно.

— Оттого, миледи, отвѣчалъ съ досадою Буккигамъ, оттого что вѣрный Парри, странствующій Парри, вѣчный Парри, кажется, не важная особа.

— Вы ошибаетесь, герцогъ: Парри, странствующій Парри, — какъ вы говорите, — всегда странствовалъ служа моему дому и мнѣ всегда пріятно видѣть этого старика.

Леди Генриетта переходила обыкновенныя ступени тому хорошенькихъ женщинъ и въ особенности женщинъ кокетокъ: отъ наприза она перешла къ навадкамъ. Обождатель подчинился капризу, придворный долженъ былъ снести нападеніе въ раздражительность. Буккигамъ поклонился, но не отвѣчалъ.

— Правда, миледи, сказалъ Рочестеръ поклонившись въ свою очередь, правда что Парри — образецъ вѣрныхъ слугъ, но онъ уже не молодъ, а насъ веселить только забавныя вещи. Развѣ весело смотрѣть на старика?

— Довольно, милордъ, сухо возразила Генриетта: мнѣ не нравятся этотъ разговоръ.

Потомъ она прибавила, какъ-будто про себя:

— Непостижимо, какъ друзья моего брата мало цѣнятъ его лучшихъ слугъ!

— Ахъ, ваше высочество! вскричалъ Букингамъ: вы поражаете меня въ сердце кинжаломъ, сковааннымъ вашими же руками.

— Что значитъ этотъ французскій мадригалъ, герцогъ? Я не понимаю, что вы хотите сказать.

— Это значитъ, ваше высочество, что вы сами, добрая, очаровательная, чувствительная млада, вы сами иногда смѣялись.... извините, улыбались хвастливой болтовнѣ этого почтеннаго Парри, за котораго теперь являетесь такою взыскательною....

— Если я до такой степени забывалась, милордъ, такъ вамъ не слѣдуетъ напоминать мнѣ объ этомъ.

И она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Парри, кажется, ко мнѣ идетъ. Милордъ Рочестеръ, прикажите пристать къ берегу.

Рочестеръ поспѣшилъ повторить приказаніе и черезъ минуту лодка причалила.

— Выйдемте, господа, сказала Генриетта принимая руку Рочестера, хотя Букингамъ стоялъ ближе и также предлагалъ свою. Рочестеръ съ явною гордостью, которая насквозь пробивала сердце несчастнаго Букингамъ, повелъ принцессу по сходню, перешнутому гребцами съ борту лодки на берегъ.

— Куда прикажете, ваше высочество? спросилъ Рочестеръ.

— Вы видите, къ странствующему Парри, который ищетъ меня глазами, ослабѣвшими отъ слезъ, что онъ проливъ надъ нашими несчастіями.

— Ахъ, Боже мой! какъ печально вы настроены сегодня, ваше высочество, сказалъ Рочестеръ: я боюсь, мы можемъ показаться вамъ смѣшными и жалкими.

— Говорите за себя, милордъ, замѣтилъ Букингамъ съ досадою: я до такой степени не вравлюсь ея высочеству, что, конечно, не кажусь ничѣмъ, совершенно ничѣмъ.

Ни Рочестеръ, ни принцесса не отвѣчали. Генриетта только поспѣшише повлекла своего кавалера впередъ. Букингамъ отсталъ и воспользовался этимъ уединеніемъ, чтобы потѣшиться зубами надъ носовымъ платкомъ. Онъ принялся грызть батистъ съ такою яростью, что въ три приема изодралъ въ клочки.

— Парри! добрый Парри! сказала Генриетта ласково: я вижу, ты ищешь меня; пооди сюда.

— Ахъ, ваше высочество, сказалъ Рочестеръ, милосердію старался помочь товарищу, если Парри не видитъ васъ, такъ зато у его провожатаго глаза какъ пылающія плашки; это просто малякъ съ двумя фонарями...

— Которые освѣщаютъ очень красивое и очень воинственное лицо, перебила принцесса, рѣшившись побивать своихъ кавалеровъ на каждомъ словѣ.

Рочестеръ поклонился.

— Это одна изъ тѣхъ мужественныхъ головъ, какія встрѣчаешь только во Франціи, продолжала Генриетта съ настойчивостью женщины, утѣренной въ безнаказанности.

Рочестеръ и Букингамъ переглянулись, какъ-будто хотѣли сказать:

— Да что же съ нею сдѣлалось сегодня?

— Посмотрите, Букингамъ, что нужно Парри, сказала Генриетта: подите къ нему навстрѣчу.

Молодой человѣкъ почелъ это приказаніе милостью, ободрился и поспѣшилъ на встрѣчу къ старику, который по дряхлости шелъ очень медленно. Д'Артавьянъ шелъ также медленно и съ достоинствомъ, какъ должно было идти д'Артавьяну, подбитому третью милліона, то есть безъ чванства, но и безъ застѣчивости.

Принцесса сѣла въ аллеѣ на мраморную скамью, какъ-будто утомилась отъ вѣсколькихъ шаговъ, которые прошла.

— Ахъ, милордъ, сказалъ запыхавшійся Парри, узнавъ Букингама, я васъ ищу. Угодно вамъ исполнить волю короля?

— Какимъ образомъ, мистеръ Парри? спросилъ герцога среднимъ тономъ между холодною и лаской въ угоду принцессѣ.

— Его величество проситъ васъ, милордъ, представить этого господина ея высочеству леди Генриеттѣ.

— Господина, кого? спросилъ герцогъ надменно.

Д'Артавьяна немудрено было взорвать. Тонъ лорда Букингама не понравился мушкетеру. Онъ посмотрѣлъ герцогу въ глаза и подъ нахмуренными бровями сверкнули двѣ молніи. Но онъ побѣдилъ себя и спокойно сказалъ:

— Господина кавалера д'Артавьяна.

— Извините, сударь, но такимъ образомъ я узналъ ваше имя, и только.

— Это значитъ?

— Это значить, что я не знаю васъ.

— Въ такомъ случаѣ, я счастливѣе васъ, отвѣчалъ д'Артаньянъ; я имѣлъ честь очень коротко знать вашу фамилію и въ особенности лорда Букингама, вашего знаменитаго отца.

— Моего отца? вскричалъ Букингамъ: ахъ! въ самомъ дѣлѣ... мнѣ кажется, я припоминаю.... Кавалеръ д'Артаньянъ, говорите вы?

д'Артаньянъ поклонился.

— Онъ самъ.

— Извините. Вы, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ Французовъ, которые имѣли тайныя сношенія съ моимъ отцомъ?

— Точно такъ, милордъ; я именно одинъ изъ тѣхъ Французовъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте замѣтить.... меня удивляетъ, что мой отецъ при жизни не получалъ отъ васъ ни какого извѣстія.

— Правда, однако онъ слышалъ обо мнѣ въ минуту смерти. Я черезъ лакея Королевы Анны Австрійской предупреждалъ его объ опасности; къ несчастію, вѣсть запоздала.

— Всѣ-равно, я понимаю теперь, что имѣвъ намѣреніе оказать услугу отцу вы не безъ права пришли искать покровительства сына.

— Во-первыхъ, милордъ, я ничего покровительства не ищу, флегматически отвѣчалъ д'Артаньянъ: его величество, король Карлъ Второй, которому я оказалъ нѣкоторыя услуги.... Надобно вамъ знать, что вся моя жизнь прошла въ подобныхъ занятіяхъ.... Король, который благоволитъ оказывать мнѣ нѣкоторыя милости, желаетъ, чтобы меня представили леди Генриеттѣ, которой мнѣ можетъ-быть также еще посчастливится услужить когда-нибудь. Королю извѣстно, что вы находитесь въ эту минуту при ея высочествѣ; затѣмъ онъ и послалъ меня къ вамъ съ Парри. Я у васъ ровню ничего не прошу и, если вамъ не угодно представить меня ея высочеству, я, хотя съ сожалѣніемъ, однакожь обойдусь безъ васъ и осмѣлюсь представиться самъ.

— Однако жъ, возразилъ Букингамъ, которому хотѣлось сказать послѣднее слово, по крайней мѣрѣ вы не отступитесь отъ объясненія, которое сами вызвали?

— Я никогда не отступаю, милордъ, отвѣчалъ д'Артаньянъ.

— Вы имѣли тайныя сношенія съ моимъ отцомъ, слѣдовательно вамъ извѣстны нѣкоторыя подробности его жизни....

— Эти сношенія мы имѣли очень давно, милордъ: васъ еще

не было на свѣтѣ.... Притомъ изъ-за нѣсколькихъ брилліантовъ, которые я получалъ изъ его рукъ и отвезъ во Францію, право, не стоить будить столько воспоминаній.

— Ахъ, такъ это вы! вскричалъ Букингамъ съ живостью, подавая д'Артаньяву руку: это васъ мой отецъ такъ долго и напрасно искалъ.... Вы такъ многого имѣли право ожидать отъ насъ!

— Ожидать? Да, я привыкъ ожидать, я цѣлую жизнь все ожидалъ.

Въ это время принцесса, также соскучась дожидаться, встала и подошла.

— По-крайней-мѣрѣ вы не будете долго ждать представленія, для котораго пришли ко мнѣ, сказалъ Букингамъ мушкетеру и, обратясь съ поклономъ къ принцессѣ, прибавилъ: ваше высочество, король желаетъ, чтобы я имѣлъ честь представить вамъ кавалера д'Артаньяна....

— Чтобы ваше высочество, на случай нужды, знали надежнаго и вѣрнаго друга, прибавилъ Парри.

Д'Артаньявъ поклонился.

— Вы имѣете сказать еще что-нибудь, Парри? спросила Генриетта у старика, обращаясь въ то же время съ улыбкой къ мушкетеру.

— Да, миледи, король желаетъ, чтобы ваше высочество бережно хранили въ памяти имя и достоинства мосьё д'Артаньяна, которому король, по собственному признанію, обязавъ возвращеніемъ на свой престолъ.

Букингамъ, Рочестеръ и Генриетта съ удивленіемъ переглянулись.

— Это, сказалъ д'Артаньявъ обращаясь къ Букингаму, еще одна маленькая тайна, которою я однако жъ, по всей вѣроятности, не похваюсь передъ сыномъ Карла-Второго, какъ похвалялся передъ вами насчетъ брилліантовъ.

— Ваше высочество, сказалъ Букингамъ, кавалеръ д'Артаньявъ во второй разъ напоминаетъ мнѣ событіе, которое до такой степени подстрекаетъ мое любопытство, что я осмѣливаюсь просить позволенія отвести его на минуту всторону, чтобы поговорить наединѣ.

— Извольте, милордъ, только не долго задержите.

И она опять привала руку Рочестера, между-тѣмъ какъ Букингамъ взялъ подъ руку д'Артаньяна.

— Расскажите же мнѣ, сдѣлайте одолженіе, сказалъ герцогъ,

разскажите мнѣ эту исторію брилліантовъ, которой никто въ Англіи не знаетъ, ни даже сынъ того, который въ ней былъ героемъ.

— Только одинъ человѣкъ имѣлъ право разсказать эту исторію, милордъ; только вашъ отецъ. Онъ разсудилъ молчать и я попросилъ позволенія послѣдовать его примѣру.

Д'Артаньянъ поклонился какъ человѣкъ, на котораго, очевидно, ни какія убѣжденія не подѣйствуютъ.

— Если такъ, то извините мою нескромность, продолжалъ Буккигамъ, и позвольте только спросить, когда мнѣ случится быть во Франціи....

Буккигамъ оборотился, чтобы взглянуть на принцессу, которая не обращала на него ни какого вниманія и была или казалась совершенно занятою разговоромъ съ Рочестеромъ.

Буккигамъ вздохнулъ.

— Такъ что же? спросилъ д'Артаньянъ.

— Я сказалъ, что если мнѣ когда нибудь случится быть во Франціи....

— Будете, милордъ, отвѣчалъ д'Артаньянъ съ улыбкой: я вамъ ручаюсь за это.

— Почему вы такъ увѣрены?

— О! у меня странный даръ на предсказанія. Я рѣдко ошибаюсь въ предсказаніяхъ. Такъ, когда вы пріѣдете во Францію?...

— Вашею дружбой, кавалеръ, дорожатъ короли.... вы помогаете имъ возвращать себѣ короны.... позвольте же и мнѣ попросить у васъ хоть нѣсколько того участія, какое вы принимали въ моемъ отцѣ.

— Повѣрьте, милордъ, что я за честь почту, если вы тамъ вспомните, что видѣли меня здѣсь, отвѣчалъ д'Артаньянъ, а теперь позвольте....

Онъ обратился къ Генриеттѣ и сказалъ:

— Вы дочь Франціи, ваше высочество, и поэтому я надѣюсь на участіе еще видѣть васъ въ Парижѣ. Однимъ изъ самыхъ благополучныхъ дней моихъ будетъ тотъ, когда какое-нибудь приказаніе покажетъ мнѣ, что вы не забыли совѣта вашего августѣйшаго брата.

Мушкетеръ почтительно поклонился. Генриетта съ царственною граціей дала ему поцѣловать руку.

— Ахъ, ваше высочество! шепнулъ Буккигамъ, что нужно сдѣлать, чтобы заслужить у васъ подобную милость?

— Спросите у мосьё д'Артаньяна, онъ вамъ скажетъ, отвѣчала Гевриетта.

Рѣчи короля касательно Монкова самолюбія внушили д'Артаньяну не шуточные опасенія. Мушкетеръ впродолженіи всей своей жизни выбиралъ себѣ враговъ очень удачно и тѣмъ больше они оказывались страшными и неумолимыми, тѣмъ болѣе они нравились ему. Но съ годами вкусы измѣняются. Это волшебный фонарь, въ которомъ человѣческій глазъ съ каждымъ годомъ измѣняетъ виды, такъ, что между послѣднимъ днемъ года, въ который вещи представлялись черными, и первымъ днемъ слѣдующаго, въ который они являются бѣлыми, разстоянія — всего одна ночь.

Когда д'Артаньянъ отправлялся изъ Калё со своими повобрапанц, ему схватиться съ Голааомъ, съ Навуходонессоромъ или Олоферномъ было ровно столько же страшно, сколько подраться съ какимъ-нибудь рекрутомъ или побраниться съ хозяйкой дому. Тогда онъ походилъ на ястреба, который на тощакъ нападаетъ на козла. Голодъ ослѣпляетъ. Но д'Артаньянъ сытый, д'Артаньянъ богатый, д'Артаньянъ побѣдитель могъ уже слишкомъ много потерять въ рискѣ и долженъ былъ отъ цѣны до цѣны вычислять вѣроятности бѣды.

Возвращаясь отъ принцессы, онъ думалъ только о томъ, какъ бы поладить съ могущественнымъ Монкомъ, которому самъ король старался угодить. Карлъ, только-что возведенный на престолъ, еще могъ нуждаться въ поддержкѣ и, слѣдовательно, въ случаѣ чего-нибудь, конечно, не отказалъ бы своей опорѣ въ маленькомъ удовольствіи запрятать мосьё д'Артаньяна въ какой-нибудь рудникъ, или немножко утопить на перѣздѣ изъ Дувра въ Булонь. Королю даже не нужно было бы принимать дѣятельнаго участія въ контръ-партіи, въ которой Монкъ вознаграждалъ бы себя за понесенный уронъ: ему стоило бы только зажиуриться, не видѣть, что король Ирландіи сдѣлаетъ со своимъ побѣдителемъ, -- и отставной мушкетерскій поручикъ, кавалеръ д'Артаньянъ пропадетъ какъ муха.

Ктому же предусмотрительнаго мушкетера тревожило сознаніе одиночества. Дружбы Атоса было недостаточно, чтобъ успокоить его на этотъ счетъ. Конечно, если бы дѣло шло о раздатѣ нѣкотораго количества шпажныхъ ударовъ, мушкетеръ сибло могъ рассчитывать на пособіе товарища; но въ товкостяхъ съ королемъ, когда какія-нибудь нектати услуживляя обстоятельства помогутъ оправдать Монка или Карла-Втораго, Атосъ непренѣя

но отдасть всю возможную справедливость оставшемуся въ живыхъ и удовольствуется тѣмъ, что прольетъ обильныя слезы на могилѣ мертвого, а потомъ, если мертвый былъ другъ, сочинить эпитафію съ пышными прилагательными, и конецъ.

— Рѣшительно, сказалъ д'Артаньянъ, выводя заключеніе изъ предшествовавшихъ соображеній: рѣшительно мнѣ необходимо прочнымъ образомъ помириться съ Монкомъ и получить доказательство его совершеннаго равнодушія къ прошедшему. Если, — отъ чего Боже сохрани, — онъ окажется скрытнымъ и злопамятнымъ, я отправлю мои деньги съ Атосомъ, а самъ останусь въ Англии до тѣхъ поръ, пока не открою намѣреній стараго пуританина. Глазъ у меня довольно вѣрный, нога легка на ходу. По первому непріязненному знаку я скроюсь у Букингама, который въ основаніи, кажется, добрый малый. За гостепримство я ему тогда расскажу всю исторію брилльянтовъ, которая уже не можетъ компрометировать никого, кромѣ одной старой королевы... Да, впрочемъ, отчего же и не сказать, что жена такой зеленой ящерицы, какъ Мазаринъ, нѣкогда была любовницею знатнаго красавца Букингама? Мордю! сказано, такъ и сбывается. Монку меня не перехитритъ. Впрочемъ.... вотъ еще идея!...

Извѣстно уже, что у д'Артаньяна вообще не было недостатку въ идеяхъ. Впродолженіи своего монологу онъ застегнулся до подбородку, а у него ничто такъ не возбуждало дѣятельности воображенія, какъ это приготовленіе къ сраженію, что у Римлянъ называлось *accingi*. Онъ прибылъ въ домъ къ герцогу Альбермальскому совѣмъ разгоряченный. Его впустили въ кабинетъ къ вице-королю съ расторопностью, которая показывала, что капитана д'Артаньяна почитаютъ человѣкомъ близкимъ.

— Милордъ, сказалъ мушкетеръ съ выраженіемъ чистосердечія, которое хитрый Гасконецъ такъ хорошо умѣлъ уложить на своемъ лицѣ: я пришелъ просить у васъ совѣту.

Монкъ, столько же застегнутый нравственно, сколько мушкетеръ физически, отвѣчалъ:

— Говорите, любезный капитанъ.

И лицо его представляло выраженіе не менѣе открытое, чѣмъ у д'Артаньяна.

— Прежде всего, милордъ, общайте мнѣ быть снисходительнымъ и хранить тайну.

— Извольте, общаю все, что вамъ угодно. Въ чемъ дѣло?

— Въ томъ, милордъ, что я не совѣмъ доволенъ королемъ.

— О! по какому же случаю, любезный капитанъ?

— По тому случаю, что его величество иногда позволяет себѣ шутки, очень непріятныя для его слугъ. Шутка, насмѣшка — оружіе очень опасное и извѣтельное даже для нашего брата, солдата, милордъ.

Монкъ употреблялъ всѣ силы, чтобы не обнаружить своей мысли, но д'Арташьянъ наблюдалъ слишкомъ пристально и не могъ не замѣтить легкой краски на лицѣ генерала.

— Что касается до меня, возразилъ Монкъ совершенно престоудушно: я не врагъ шутки, любезный мосѣ д'Арташьянъ. Даже мои солдаты скажутъ вамъ, что я нерѣдко очень равнодушно слушаю сатирическія пѣсни на мой счетъ, переходившія изъ Ламбертова лагеря въ мой, — пѣсни, которыя непремѣнно вздрали бы уши всякому другому полководцу.

— О, милордъ! я знаю, что вы человекъ совершенный; я знаю, что вы давно стоите выше человѣческихъ мелочей; но... шутка шуткѣ рознь: есть такія, которыя, — что до меня касается, — раздражаютъ меня выше всякаго выраженія.

— Можно знать, какія это шутки, my dear?

— Тѣ, которыя обращены противъ моихъ друзей, или противъ людей, которыхъ я уважаю, милордъ.

Монкъ сдѣлалъ невольное легкое движеніе, которое д'Арташьянъ также примѣтилъ.

— О! какимъ же образомъ булавочный уколъ другому щеко-титъ кожу вамъ? Расскажите, пожалуйста.

— Милордъ, я объясню вамъ это однимъ словомъ: рѣчь шла о васъ.

Монкъ ступилъ на шагъ ближе къ д'Арташьяну.

— Обо мнѣ? спросилъ онъ.

— Да, и вотъ этого-то я не умѣю объяснить себѣ. Но, можетъ-быть, я не совсѣмъ хорошо понимаю его характеръ. Какъ у Карла-Второго хватаетъ духу смѣяться надъ человѣкомъ, который оказалъ ему столько великихъ услугъ? Какъ понимать, что онъ забавляется стравливаньемъ такого льва, какъ вы, съ такимъ комаромъ, какъ я?

— Я этого вовсе не вижу, отвѣчалъ Монкъ.

— Однакожъ оно такъ. Наконецъ, король, будучи обязанъ награждать меня, могъ сдѣлать это, не изобрѣтая неумѣстной исторіи выкупа, которая коснулась васъ, милордъ.

— Она меня вовсе не касается и не оскорбляетъ меня, пишуъ вамъ, возразилъ Монкъ со смѣхомъ.

— То есть, вы не оскорблены мною, это я понимаю: вы знае-

те меня, милордъ, я столько скромнѣе, что могла почесться болтушкой въ сравненіи со мной; но.... вы цените, милордъ?

— Нѣтъ, возразилъ Монкъ, упорствуя въ непонятливости.

— Если бы другой кто зналъ, что я знаю....

— Что же такое вы знаете?

— А эту несчастную тайну.... дьявольскую!

— А! милліонъ граа де-ла-Фера?

— Нѣтъ, милордъ, нѣтъ; навадеціе на васъ.

— А! что жъ! Это была ловкая штука, капитанъ, и толкъ. Противъ этого ничего нельзя сказать. Вы настоящій солдатъ, отважный и хитрый; это доказываетъ, что вы соединяете въ себѣ достоинства Фабія и Аннибала. Вы употребили ваши средства, отважность и хитрость. Худа тутъ нѣтъ. Миѣ слѣдовало остерегаться.

— О! я знаю васъ, милордъ; я ни сколько не меньше ожидаю отъ нашего безпристрастія. Если бы тутъ случилось только похищеніе само по себѣ, мордью! это бы еще ничего, но тутъ есть....

— Что?

— Обстоятельства похищенія.

— Какія обстоятельства?

— Вы очень хорошо знаете, что я хочу сказать, милордъ.

— Нѣтъ; годдемъ, не знаю!

— Тутъ было.... право, это трудно сказать.

— Что жъ тутъ было?

— Ну, да этотъ проклятый сундукъ!

У Монка выступила краска.

— Этотъ скверный сундукъ, продолжалъ д'Артаньянъ, сосновый сундукъ, вы знаете....

— А! я и забылъ!

— Сосновый сундукъ, продолжалъ д'Артаньянъ, съ рѣшеткой передъ носомъ. Все остальное ничего, но сундукъ! Это скверная была штука.

Монкъ всячески переминался.

— Между тѣмъ, продолжалъ д'Артаньянъ, оно очень просто, что я, мушкетерскій капитанъ, сыгралъ такую легкомысленную штуку: ее нѣсколько оправдываетъ важность обстоятельствъ и недостатокъ иныхъ средствъ. Я же притомъ и тогда уже очень хорошо понималъ, какъ миѣ слѣдовало вести себя послѣ.... Я достаточно разсудителенъ и скромнѣе.

— О! возразилъ Монкъ, пбвѣрите, что я очень хорошо знаю и умѣю обвинить васъ, носёе д'Артаньянъ.

Муншкетеръ глазъ не спускалъ съ Монка, изучалъ все, что происходило въ душѣ генерала по-нѣрѣ-того какъ онъ говорилъ.

— Тутъ дѣло вовсе не обо мнѣ, милордъ, сказалъ онъ.

— О комъ же? спросилъ Монкъ, начиная тревожиться.

— О королѣ, который не слушаетъ смолчать.

— Ну, чтожь, если онъ и раскажетъ? сказалъ Монкъ не особенно рѣшительно.

— Просту васъ, милордъ, возразилъ муншкетеръ, не тантесъ съ челоуѣкомъ, который говоритъ съ вами такъ откровенно какъ я. Вы имѣете право досадовать, какъ бы кротки ни были. Мордыю! такому степенному челоуѣку, какъ вы, челоуѣку, который играетъ коровами и скиптрами какъ фокусникъ мячами и палочками, такому челоуѣку не мѣсто въ сундукѣ лежать подобно какой-нибудь рѣдкости естественной исторiи. Вы понимаете, что отъ этой штуки лопнуть со смѣху все наши враги, а вы такъ славны, такъ благородны, такъ велики, что у васъ ихъ много должно быть; просто половина рода челоуѣческаго умереть отъ хохоту, если васъ представить въ сундукѣ, а я вахожу что неприлично было бы смѣяться надъ вторымъ лицомъ въ этой государствѣ.

Монкъ совершенно потерялся при мысли, что его могутъ представить въ сундукѣ съ рѣшеткой передъ носомъ. Смѣшное, какъ очень вѣрно угадалъ д'Артаньянъ; сдѣлало изъ Монка то, чего не могли сдѣлать ни какiа случайности войны, ни честолюбiе, ни страхъ смерти.

— Ладно! подумалъ Гасконецъ: онъ боится; я спасенъ.

— О! что касается до короля, сказалъ Монкъ, не беззвонитесь, любезный капитанъ; король не станетъ шутить съ Монкомъ, ялянусь вамъ!

д'Артаньянъ палету поймалъ молнией изъ глазъ, но Монкъ тотчасъ же укротился.

— У короля слишкомъ благородная душа, чтобы желать зло тому, кто сдѣлалъ ему добро, прибавилъ Монкъ.

— О, безъ сомнѣнiя! вскричалъ д'Артаньянъ: я совершенно раздѣляю ваше мнѣнiе о сердцѣ короля, но не о головѣ: онъ добръ, однако легкомысленъ.

— Король не будетъ легкомысленъ съ Монкомъ, будьте спокойны.

— Такъ вы спокойны, милордъ?

— От этой стороны по крайней мѣрѣ; да, совершенно спокоенъ.

— А! понимаю; вы спокойны съ стороны короля, но не съѣмъ спокойны съ моей?

— Я, вѣроятно, ужь говорилъ вамъ, что вѣрю вашей честности и искренности.

— Безъ сомнѣнн; безъ сомнѣнн; но вы вспомните еще обо-отомъ....

— О чѣмъ же?

— О томъ, что я былъ не одинъ, что у меня были товарищи, и какіе еще товарищи!

— Да, знаю.

— Къ несчастію, милордъ, они тоже знаютъ васъ.

— Ну, такъ что же?

— Они тамъ, въ Булонѣ, ожидаютъ меня.

— И вы опасаетесь....

— Да, я опасюсь, что въ мое отсутствіе.... Чортъ-возьми! если бы я былъ тамъ, я могъ бы поручиться за ихъ молчаніе.

— Не правду ли я говорилъ, что опасность,—если опасность есть,—не со стороны короля угрожаетъ, какъ бы король ни былъ расположенъ шутить, а скорѣе со стороны вашихъ товарищей, какъ вы ихъ называете.... Быть осмѣяну королемъ, еще сносно, но такою сволочью.... годдемъ!

— Да, я понимаю, что это невыносимо, и затѣмъ собственно хотѣлъ сказать вамъ, милордъ, не лучше ли мнѣ будетъ поскорѣе отправиться во Францію?

— Конечно, если вы полагаете, что ваше присутствіе....

— Уйметъ эту сволочь? О! въ этомъ можете быть увѣрены, милордъ.

— Однакожъ ваше присутствіе не остановитъ слуху, если онъ уже разнесся.

— Онъ еще не разнесся, милордъ, за это я ручаюсь. Во всякомъ же случаѣ будьте увѣрены, что я твердо рѣшился разможить голубу первому, кто пуститъ его, и первому, кто услышитъ. Послѣ этого я порочусь въ Англію нескать убѣжища, и мѣжеть-быть, занятія у вашей милости.

— О! воротитесь, воротитесь, капитанъ.

— Къ несчастію; я не знаю здѣсь никого кромѣ васъ, милордъ, а можетъ случиться, что я уже не найду васъ, или въ своемъ величїи забудете обо мнѣ.

— Выслушайте, капитанъ, возразилъ Монкъ: вы прелюбезный

человѣкъ, умный и мужественный; вы заслуживаете всякаго благополучія на свѣтѣ. Поѣдѣте въ Шотландію, гдѣ я буду вице-королемъ: клянусь вамъ, что я устрою вамъ участь всѣмъ на зависть.

— Это невозможно, милордъ, особенно въ эту минуту. Мнѣ нужно прежде всего исполнить священную обязанность; я долженъ охранять вашу славу; я долженъ предупредить, чтобы какой-нибудь злой или глупый языкъ не запятналъ вашего блестящаго имени въ глазахъ современниковъ, а кто знаетъ, можетъ быть и въ глазахъ потомства.

— Въ глазахъ потомства, капитанъ?

— Безъ сомнѣнія. Нужно, чтобы для потомства всѣ подробности этой исторіи остались тайной, потому что, предположите, что эта несчастная исторія сошнаго сундука откроется, никто не повѣритъ, что вы возстановили короля по собственному вашему честному убѣжденію и по доброй волѣ; скажутъ, что мы или были принуждены или подкуплены въ Схевелингѣ. Я потомъ сколько ни рассказывай, какъ было дѣло, мнѣ тоже не повѣрятъ, скажутъ, что я получалъ свою долю пирога и, подѣдая, похваляю.

Монкъ нахмурился.

— Слава, честь, честность, все пустыя слова! сказалъ онъ.

— Туманъ! прибавилъ д'Артаньянъ: туманъ, сквозь который люди никогда не видятъ ясно.

— Ну, такъ поѣзжайте во Францію, любезный капитанъ, сказалъ Монкъ: поѣзжайте; а чтобы вамъ удобнѣе и пріятнѣе было воротиться въ Англію, примите отъ меня нѣчто на память.

— Ого! это чтò еще? подумалъ д'Артаньянъ.

— На берегу Клейда, продолжалъ Монкъ, у меня есть небольшой домикъ подъ деревьями, коттеджъ, какъ здѣсь называютъ. Къ этому домику принадлежитъ сотня десятинъ земли. Примите его въ подарокъ отъ меня.

— О! милордъ....

— Право. Вы будете тамъ у себя дома; это можетъ служить вамъ убѣжищемъ, о которомъ вы сейчасъ говорили.

— Мнѣ быть до такой степени обязаннымъ вамъ, милордъ! Право, мнѣ стыдно....

— Все нѣтъ, все нѣтъ! возразилъ Монкъ съ улыбкой: напротивъ, я буду обязанъ вамъ.

Онъ пожалъ мушкетеру руку и прибавилъ.

— Я сейчасъ же составлю актъ.

Монкъ ушелъ. Д'Артаньянъ смотрѣлъ ему вслѣдъ задумчиво и даже съ чувствомъ.

— Вотъ! вѣдь храбрый человѣкъ! сказалъ онъ про себя: грустно подумать, что онъ дѣлаетъ это со страху, а не изъ привязанности ко мнѣ. Но я хочу, чтобы онъ почувствовалъ привязанность.... Впрочемъ; къ чему? прибавилъ мушкетеръ, подумавъ: вѣдь онъ Англичанинъ!

И онъ вышелъ также нѣсколько утомленный выдержанными боями.

— Стало-быть, вотъ я и помѣщикъ! говорилъ онъ про себя: но какимъ образомъ я раздѣлю съ Планшѣ этотъ коттеджъ? Развѣ ему отдать землю, а себѣ взять домъ, или ему домъ, а себѣ землю.... Фъ! какъ можно! Монкъ не потерпитъ, чтобы я раздѣлилъ его домъ съ лавочникомъ: на это онъ слишкомъ гордъ. Впрочемъ, затѣмъ же и говорить объ этомъ? Я вѣдь не на компанейскія деньги приобрѣлъ это недвижимое, а на собственный мой умъ: слѣдовательно, оно совсѣмъ мое.... Вотъ и мнѣ наконецъ повезло! Звѣзда, которая хоть однажды въ жизни да сіяетъ всякому, — которая сіяла Юву и Иру, самому несчастному изъ Евреевъ и самому бѣдному изъ Грековъ, — взошла наконецъ и для меня. Я не стану дѣлать глупостей, я воспользуюсь ея свѣтомъ. Пора мнѣ быть разсудительнымъ.

Д'Артаньянъ въ тотъ вечеръ ужиналъ очень весело со своимъ другомъ Атосомъ; ничего не говорилъ объ ожидаемомъ подаркѣ, однакожъ не утерпѣлъ, чтобы не поразспросить о посявахъ, жатвахъ, сѣнокосахъ и другихъ статьяхъ сельскаго хозяйства. Атосъ отвѣчалъ очень охотно, какъ всегда. Онъ думалъ, что Д'Артаньянъ на свои деньги хочетъ купить имѣніе, и одобрялъ намѣреніе, только не разъ сожалѣлъ о прежней беззаботной веселости и забавныхъ выходкахъ своего стараго товарища.

Д'Артаньянъ пользовался застывшимъ на тарелкѣ жиромъ и чертилъ вилкою цифры, сводилъ итоги изумительно круглые.

Приказъ объ отдачѣ корабля въ распоряженіе путешественникамъ пришелъ въ тотъ же вечеръ. Между-тѣмъ какъ графу подавали эту бумагу, другой посланецъ принесъ Д'Артаньяну небольшую связку пергаменовъ, украшенныхъ разными печатями. Это были акты о владѣніи имѣніемъ на берегу Клейда. Благоразумный Монкъ, — другіе сказали бы великодушный Монкъ, — вѣсто дарственной составилъ купчую крѣпость и расписался въ полученіи пятнадцати-тысячъ ливровъ.

Посланецъ давно ушелъ, а Д'Артаньянъ все еще пересматри-

вѣдь документы и Атосъ съ улыбкой смотрѣлъ на это велѣніе. Наконецъ д'Артаньянъ примѣтилъ одну такую улыбку и спря- тать всю связку въ портосъ.

— Извините, сказалъ Атосъ.

— О! пожалуйста, тутъ нѣтъ нескромности, возразилъ д'Артаньянъ, я самъ скажу....

— Нѣтъ, пожалуйста, не говорите. Порученіе—вещи такіа срод- неныя, что повѣренный ни брату ни отцу не долженъ про- молвить ни одного слова. Вотъ и я люблю васъ такъ же нѣжно какъ брата и отца, больше всего на свѣтѣ....

— То есть кромѣ вашего Рауля.

— Я и Рауля буду любить еще больше, когда онъ исполнѣ сдѣ- лается человѣкомъ, когда характеръ его обрисуетса во всѣхъ ое- сахъ жизни, такъ, какъ передо мною обрисовались вы, мой другъ.

— Такъ вы говорите, что и у васъ есть порученіе и что вы ничего не скажете мнѣ объ немъ?

— Да, любезный другъ.

Гаскомецъ вздохнулъ.

— Однако жъ, замѣтилъ онъ, была пора, когда вы положили бы это порученіе вотъ здѣсь, на столѣ, и сказали бы: — Д'Арта- ньянъ, разберите-ка намъ, Портосу, Арамису и мнѣ, эти кара- кули.

— Правда.... То была пора молодости, довѣрчивости, пора сер- ца и страстей и пылкой крови.

— Впрочемъ, правду вамъ сказать, Атосъ, я вовсе не жалѣю объ этой чудесной порѣ довѣрчивости и молодости и пылкой крови, точно такъ же какъ не жалѣю о школьной порѣ, хотя случалось слушать многихъ простаковъ, которые выхваляли зо- лотое время уроковъ, розогъ и черствыхъ корокъ. Я съ моей стороны никогда не любилъ этихъ вещей. Какъ ни дѣтате- лень, какъ ни умѣренъ я былъ,— вы знаете, Атосъ, умѣренъ ли я былъ,— какъ ни просто я казался въ одеждѣ, однако жъ я тѣмъ не менѣе всегда предпочиталъ Портосовы вышитые кам- золы моему худенькому казакину, сквозь который такъ удобно процѣживались и вѣтеръ и солнце. Я никогда не вѣрю филосо- фамъ, которые говорятъ, что имъ очень пріятно мерзнуть и го- лодать. У меня въ прошедшемъ мало было добраго: съ каждымъ мѣсяцемъ я видѣлъ одною дырой больше въ моемъ казакинѣ и въ моей бѣдной кожѣ, однимъ червонцемъ меньше въ тощень кошелькѣ.... скверное было время и ничего мнѣ въ немъ не жаль, ничего, ровно ничего,— жаль только одной дружбы нашей, пото-

му что и у меня есть сердце. Чудо еще, что и это сердце не вышло на вѣтру влѣтеть, который продувал мой казакинъ, и не утѣло въ прорѣхи, подбланные въ моей кожѣ шпагами всѣхъ возможныхъ заводовъ.

— Не жалѣйте о нашей дружбѣ, д'Артаньянъ, возразилъ Атосъ: она не умретъ. Дружба преимущественно составляется изъ воспоминаній и привычекъ, и хотя вы сейчасъ сдѣлали маленькую сатиру на мою дружбу, зато, что я не открываю вамъ даннаго мнѣ во Францію порученія...

— Я? сохрани Богъ!... Нѣтъ, любезный другъ, будьте увѣрены, что теперь я на всѣ въ мѣрѣ порученія смотрю совершенно равнодушно. Я не желаю ни знать, ни принимать на себя ни какихъ порученій.

И онъ спряталъ портфель съ документами въ карманъ.

Атосъ всталъ изъ за стола и позвалъ хозяйна, чтобы расплатиться.

— Съ-тѣхъ-поръ какъ мы друзья, сказалъ д'Артаньянъ, я еще никогда не расплачивался. Это часто дѣлалъ Портосъ, иногда Арамисъ, но почти всегда вы за десертомъ доставали кошелекъ. Теперь я богатъ. Дайте и мнѣ попробовать, сколько нужно храбрости на такую раздѣлку.

— Извольте, расплачивайтесь, сказалъ Атосъ и положилъ свой кошелекъ назадъ въ карманъ.

Друзья отправились въ гавань. Д'Артаньянъ, разумѣется, наблюдалъ за транспортомъ дорогихъ своихъ червонцевъ. Ночь разостлала свой плотный покровъ надъ желтыми водами Темзы. Слышался стукъ вертлюговъ и скрипъ блоковъ, — предвѣстия отправления въ море, — звуки, отъ которыхъ такъ часто трепетали сердца мушкетеровъ, когда бури на морѣ еще почтались самыми пичтожными изъ опасностей, какія ихъ ожидали. На этотъ разъ имъ приходилось сѣсть на большой корабль, который ожидалъ ихъ въ Гревсендѣ, и Карлъ-Второй, всегда любезный и внимательный въ мелочахъ, назначилъ одну изъ собственныхъ яхтъ и двѣнадцать человѣкъ шотландской гвардіи для проводовъ посланника, котораго онъ отправлялъ во Францію. Въ полночь яхта высадила пассажировъ на корабль, а въ семь часовъ утра корабль высадилъ ихъ въ Булонь.

Между-тѣмъ какъ графъ де-ла-Феръ и Гримо хлопотали о лошадяхъ, чтобы отправиться прямо въ Парижъ, д'Артаньянъ пошелъ въ гостиницу, гдѣ должна была ожидать его маленькая армія. Армія сѣла за завтракомъ, за устрицами и настойкой,

когда командиръ явился. Всѣ были веселы, но никто еще не успѣлъ перехватить черезъ край. Командира встрѣтило громкое ура.

— Здорово, ребята! сказала д'Артаньянъ: кампанія кончена. Я пришелъ отдать вамъ обѣщанную сверхъ жалованья прибавку.

Глаза заблестѣли.

— Я готовъ поручиться, что у самаго богатаго изъ васъ уже не остается болѣе сотни ливровъ въ карманѣ.

— Правда, правда! отвѣчалъ хоръ.

— Такъ слушайте же. Торговая сдѣлка, о которой мы хлопотали, заключена, благодаря нашей счастливой экспедиціи, въ которую мы овладѣли самымъ искуснымъ банкиромъ въ Англии.... Теперь я могу открыть вамъ, что господинъ, котораго мы похитили, былъ казначей генерала Монка.

Слово казначей произвело очень выгодное впечатлѣніе на армію. Только Менвилсы глаза смотрѣли не совсѣмъ довѣрчиво.

— Мы привезли этого казначея на нейтральную землю, въ Голландію, продолжалъ д'Артаньянъ: тамъ я заставилъ его подписать условіе и потомъ самъ проводилъ въ Ньюкэстль. Этотъ баринъ, разумеется, остался доволенъ нашимъ обращеніемъ: мы перевезли его безъ толчка и въ сундукъ ему было довольно мягко, покойно. Зато я выпросилъ вамъ награжденіе. Вотъ оно:

Онъ бросилъ на столъ довольно почтенный кошелекъ. Армія невольно протянула руки.

— Стой, ребята! еще не все. Есть награда, но есть и обязательство.

— Слушаемъ.

— Мы, любезные друзья мои, находимся въ положеніи, которое было бы довольно неловко для людей безмозглыхъ. Я выражусь коротко и ясно: мы стоимъ между тюрьмой и вѣнчанцевъ.

— О! о! отозвался хоръ.

— Это очень просто. Нужно было объяснить генералу Монку причину отлучки его казначея. Для этого я дождался возстановленія короля Карла-Второго, который называетъ меня своимъ другомъ.

Армія обмѣняла удивленные и самодовольные взгляды на горделивый взглядъ д'Артаньяна.

— Когда короля возстановили, я отдалъ Монку его казначея, немножко ошпаннаго, правда, но всё-таки отдалъ. Тогда генералъ Монкъ, прощая меня, — онъ меня простилъ, — не могъ однако жъ удержаться, чтобъ не сказать мнѣ слѣдующихъ словъ, которыя я покорнѣйше прошу всѣхъ васъ зарубить себѣ на по-

су, вотъ тутъ, промежду глазъ. «Любезный капитанъ, сказалъ онъ мнѣ, шутку вы сыграли ловкую, но я вообще шутить не люблю. Если когда-нибудь хоть одно слово о вашемъ подвигѣ (вы понимаете, мосѣ Менвилъ)... если когда-нибудь хотя одно слово о вашей продѣлкѣ сорвется съ языка у васъ или у вашихъ товарищей, то прошу помнить, что у меня въ моемъ вице-королевствѣ, въ Шотландіи и Ирландіи, есть семь-сотъ-сорокъ-одна дубовая висѣлица, съ перекладными и желѣзными скрѣпками. Я подарю каждому изъ васъ по такой висѣлицѣ и замѣтите, любезный капитанъ, прибавилъ онъ (замѣтите и вы тоже, любезный мосѣ Менвилъ)... у меня для прочаго расхода останется ихъ еще семь-сотъ-тридцать. Сверхъ-того....»

— О! о! откликнулась армія: еще сверхъ-того!

— Еще бездѣлица. «Любезный капитанъ, прибавилъ Монкъ: я отправлю къ королю Франціи торговый договоръ, о которомъ вы старались, но въ то же время прошу его, въ пужномъ случаѣ, предварительно спрятать въ Бастилію всѣхъ принимавшихъ участіе въ экспедиціи, а потомъ препроводить ко мнѣ. Это такая просьба, которую его величество Людовикъ-Четырнадцатый, безъ сомнѣнія, охотно исполнитъ.»

Храбрая армія очень примѣтно струсила.

— Успокойтесь, успокойтесь, дѣти, прибавилъ д'Артаньянъ: генералъ Монкъ упустилъ изъ виду только одно обстоятельство: онъ никого изъ васъ не знаетъ; я одинъ знаю, а я, конечно, не выдамъ. Чтѣ касается до васъ самихъ, то я не думаю, чтобы между вами нашелся такой дуракъ, который бы самъ себя выдалъ. Король въ такомъ случаѣ, чтобы не тратиться на содержаніе квартиры и стола, разумѣется, какъ можно скорѣе отправитъ васъ въ Шотландію, гдѣ построена семь-сотъ-сорокъ-одна висѣлица. Вотъ и все, господа. Я увѣренъ, что вы поняли меня, какъ слѣдуетъ, не правда ли, мосѣ Менвилъ?

— Совершенно поняли, отвѣчалъ тотъ.

— Теперь золоту чередъ! сказалъ д'Артаньянъ: закройте двери. Онъ сказалъ и высыпалъ деньги изъ мѣшка на столъ. Нѣсколько монетъ упало на полъ. Всѣ невольно наклонились.

— Оставь! скомандовалъ д'Артаньянъ: я самъ найду и сочитаю.

Онъ отсчиталъ каждому по пятидесяти червонцевъ и получилъ по столько же благословеній.

— Теперь, сказалъ онъ, если бы вамъ можно было невоз-

но оспечениться, сдѣлаться честными, добросердочными гѣрцами....

— Трудногого будетъ, замѣтилъ кто-то.

— Да и на что же это, капитанъ? спросилъ другой.

— На то, что я могъ бы опять съискать васъ и дать заработать что-нибудь.

Онъ сдѣлалъ знакъ Менвилю, который слушалъ все это съ степеннымъ видомъ.

— Менвилъ, проводите меня. Прощайте, господа; я не прошу васъ быть скромными.

Менвилъ пошелъ за д'Артаньяномъ, между-тѣмъ какъ прощанья и ласковыя напутствія смѣшались съ пріятнымъ звономъ золота въ карманахъ арміи.

— Послушайте, Менвилъ, сказалъ д'Артаньянъ, вышедши на улицу: васъ не такъ легко провести, какъ тѣхъ молодцовъ, но смотрите, сами себя не надуйте. Вы, сколько я приношу, не испугались ни вписицы генерала Монка, ни Басталинъ короля Людовика-Четырнадцатаго, однако жъ вы сдѣлаете мнѣ такое одолженіе и немножко побойтесь меня. Я вамъ вотъ что скажу: если вы хоть одно слово пророните о нашей экспедиціи, я васъ застрѣлю какъ тетерева. Отпущеніе святѣйшаго отца папы у меня въ карманѣ.

— Увѣрю васъ, что я рѣшительно ничего не знаю, отвѣчалъ Менвилъ: я слѣпо вѣрю тому, что вы скажете, мосье д'Артаньянъ.

— Я былъ увѣренъ, что вы человѣкъ смѣтливый, возразилъ д'Артаньянъ: я уже двадцать-пять лѣтъ тому назадъ оценилъ васъ. Эти пятьдесятъ червонцевъ, которые я прибавляю вамъ противъ другихъ, докажутъ вамъ это. Возьмите.

— Покорно благодарю, мосье д'Артаньянъ.

— Съ этими деньгами вы можете начать жить честно, продолжалъ мушкетеръ: стыдно было бы, еслибъ такая голова какъ ваша, и имя, котораго вы уже не смѣете носить, навсегда исчезли бъ подъ ржавчиной безпутной жизни. Сдѣлайтесь порядочнымъ человѣкомъ, Менвилъ, и проживите годъ этою тысячей червонцевъ. Это хорошая денга, — два ошперскихъ жалованья. Черезъ годъ приходите ко мнѣ и, мордю! я что-нибудь сдѣлаю изъ васъ.

Менвилъ такъ же какъ и его товарищи поклялся, что будетъ ибѣмъ какъ могла. Между-тѣмъ кто-нибудь да проболтался же, — вѣроятно не армія и не Менвилъ, а самъ д'Артаньянъ, у ко-

тараю, какъ у Гаскенса, языкъ лежалъ близко у зубовъ. Больше никому было проболтать, и иначе трудно объяснить, какими образами могла дойти до насъ тайна сусоваго сундука со всеми подробностями, которыя мы рассказали и которыя бросаютъ такой новый и неожиданный свѣтъ на одну изъ важнѣйшихъ эпохъ исторіи Англіи, чего до-сихъ-поръ еще не удалось исполнить ни одному изъ нашихъ собратьевъ-историковъ.

Раздѣлавшись со своею командой, д'Артаньянъ озаботился уже только тѣмъ, какъ бы поскорѣе добраться до Парижа. Атось также желалъ поскорѣй отдохнуть у себя дома. Какъ бы цѣлы ни остались человекъ и его характеръ послѣ трудовъ путешествія, подъ конецъ дня, хотя бы день и хорошъ былъ, путешественникъ всегда съ радостью видитъ приближеніе ночи, которая должна принести съ собою сонъ и отдыхъ. Совершая путь изъ Булоня въ Парижъ, друзья наши не дѣлали и не говорили ничего такого, что заслуживало бы передачи читателю. На четвертый день, у парижской заставы, Атось сказалъ:

- Я поѣду прямо домой, а вы куда, любезный другъ?
- Я прямо къ моему компаньону, отвѣчалъ д'Артаньянъ.
- Къ Плавшѣ?
- Разумѣется.
- Мы еще увидимся, конечно?
- Да, когда вы будете въ Парижѣ.
- Ну, такъ до свиданія; только я не понимаю, отчего бы вамъ не поселиться въ Блоа? Вы теперь богаты и независимы,

д'Артаньянъ. Я, если хотите, прившу вамъ хорошенъкое имѣніе въ окрестности Шверній или Брасьѣ. Съ одной стороны у васъ былъ бы прекраснѣйшій лѣсъ, который простирается до шамборскаго; съ другой чудесныя болота. Вы любите охоту; притомъ вы, волей, неволей, поэтъ; вы нашли бы у насъ множество газавовъ, дергачей, курочекъ, не считая закатовъ солнца и кананя на лодкѣ, такого, что и Немродъ и Аполлонъ замечтался бы. На первыхъ порахъ, пока не обзавелись своимъ домомъ, погостили бы у меня въ ла-Ферѣ; мы ходили бы обкрадывать сорокъ въ виноградищахъ, какъ дѣлывалъ, бывало, Людовикъ-Тринадцатый. Это занятіе очень пріятное и занимательное для такихъ стариковъ, какъ мы съ вами.

— Любезный другъ, отвѣчалъ д'Артаньянъ, взявъ Атоса за руку: я не скажу ни да, ни нѣтъ. Дайте мнѣ сперва въ Парижѣ устроить свои дѣла и дайте мнѣ привыкнуть къ тяжеловѣсной и блестящей мысли, которая поворачивается у меня въ головѣ и

ослабляеть глаза. Я богатъ теперь, какъ видите, и откуда не привыкну къ богатству, я знаю, я буду пренесною лошадью. Однакожь я не столько глупъ, чтобы являться со своєю дурью къ такому другу, какъ вы, Атосъ. Новый мой костюмъ хорошъ, золотомъ шить, да еще не обносился, въ плечахъ живетъ и подъ мышками рѣжетъ.

Атосъ улыбулся.

— Ну, быть по-вашему, сказалъ онъ. Кстати, о новомъ костюмѣ: хотите, я дамъ вамъ совѣтъ?

— Пожалуйста, дайте.

— Вы не разсердитесь?

— Полноте! говорите.

— Когда богатство достается человѣку поздно, онъ, чтобы не измѣниться, долженъ сдѣлаться скупцомъ, то есть тратить денегъ не больше того, сколько прежде тратилъ, или долженъ мотать, то есть распорядиться такъ, чтобы поскорѣй опять нажить долговъ.

— Ого! это что-то похоже на созизмъ, любезный философъ.

— Вы не хотите сдѣлаться скупцомъ?

— Вовсе нѣтъ. Я уже былъ скупъ, когда ничего не нѣтъ; я хочу перемѣниться.

— Такъ начните мотать.

— И этого не хѣчу, мордью! Долги пугаютъ меня. Кредиторы представляются мнѣ чертями, которые поворачиваютъ бѣдныхъ грѣшниковъ на жаровняхъ и вертелахъ, а какъ терпѣніе у меня вовсе не господствующая добродѣтель, то я непременно стану бы колотить чертей.

— Вы человѣкъ самый разсудительный изъ всѣхъ, кого я знаю, и вѣчего мнѣ вамъ совѣты давать. Съумасшедшему только развѣ прійдетъ въ голову научить васъ чему-нибудь. Прощайте, мой другъ. Напомните обо мнѣ вашему Планшѣ. Онъ всё еще по-прежнему малый умный?

— И съ душой, Атосъ. Прощайте.

Они разстались. Впродолженіи всего этого разговору д'Артаньянъ ни на секунду не упускалъ изъ виду нѣкоторой лошади, навьюченной двумя корзинами съ сѣномъ, вѣроятно, потому что подъ сѣномъ скрывались чемаданы.

На церковной колокольнѣ пробило осемь. Мальчики Планшѣ заперли лавку. Д'Артаньянъ остановилъ почтальона, который велъ вьючную лошадь, подъ навѣсомъ на углу Ломбардской улицы и, подозвавъ знакомаго лавочникова мальчика, приказалъ ему

отереть не только обѣихъ лошадей и чемоданы, но и почтальона, а самъ вошелъ къ Планшѣ, который только-что отъужиналъ и соштался съ календаремъ, гдѣ каждый вечеръ вычеркивалъ прожитый день.

Въ ту самую минуту, когда Планшѣ со вздохомъ проводилъ обороченный перомъ обыкновенную ежедневную черту, на порогъ зашелъ шпоры.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ лавочникъ.

Больше онъ ничего не могъ произнести: онъ увидѣлъ своего компаньона. Д'Артаньянъ вошелъ сгорбившись, съ тусклымъ взоромъ. У Гасконца была своя идея насчетъ Планшѣ.

— Господи милосердый! подумалъ лавочникъ, глядя на прѣзжаго: онъ печаленъ!

Мушкетеръ сѣлъ.

— Дорогой мой, почтенѣйшій мосьё д'Артаньянъ, сказалъ Планшѣ съ страшнымъ биеніемъ сердца: вы прѣехали.... Какъ ваше здоровье?

— Здоровье — ничего, слава Богу, Планшѣ, слава Богу, отвѣчалъ д'Артаньянъ со вздохомъ.

— Вы не ранены, я надѣюсь?

— Ба!

— А! я вижу, экзекюція была тяжка, продолжалъ Планшѣ съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— Да, можно было ожидать, отвѣчалъ д'Артаньянъ.

У Планшѣ по вѣснѣмъ жиламъ пробѣжалъ трепетъ.

— Мнѣ хотѣлось бы вынуть чего-нибудь, сказалъ мушкетеръ, жалобно-подымая голову.

Планшѣ побѣжалъ къ шкафу и налилъ стаканъ вина. Д'Артаньянъ посмотрѣлъ на бутылку.

— Какое это вино? спросилъ онъ.

— Это то, которое вы любите, доброе, старое анжуйское, за которое мы всё однажды чуть не заплатились слишкомъ дорого; вы помните?

— Ахъ! возразилъ мушкетеръ съ грустною улыбкой: добрый мой Планшѣ, пить ли мнѣ еще этого дорогаго вина?

— Послушайте, любезный господинъ мой, сказалъ Планшѣ, сдѣлавъ надъ собой сверхчеловѣческое усиліе, между тѣмъ, какъ всё его скорченныя мускулы и блѣдность и трепетъ изобличали страхъ: я старый солдатъ, слѣдовательно у меня есть мужество. Не томите, мосьё д'Артаньянъ. Наши деньги погибли?

Д'Артаньянъ промедлилъ отвѣтомъ столько, что бѣдному ла-

вотнику показалось, какимъ нѣтъ прошелъ. Мысль-тѣмъ мушкетеръ только поворотился на ступи:

— А что, если такъ? спросилъ онъ нерешительно, склонивъ и опять приподнявъ голову: что бы ты сказалъ, бѣдный другъ мой?

Плашнѣ изъ блѣднаго сталъ желтымъ. Можно было ожидать, что онъ проглотитъ языкъ, — такъ шея у него раздулась и глаза покрасѣли.

— Двадцать тысячъ ливровъ! прошепталъ онъ: двадцать тысячъ ливровъ однако жъ!...

Д'Артаньянъ съ опущенной головой, съ вытянутыми ногами и отвислыми руками походилъ на статую унынія. У Плашнѣ изъ самыхъ глубокихъ тайшиковъ груди вырвался болѣзненный вздохъ.

— Что жъ дѣлать! сказалъ онъ: вижу, въ чемъ дѣло. Переименуй какъ-нибудь. Все кончено, не такъ ли?... Ну, главное дѣло, вы сами не крайней-мѣрѣ живы и здоровы.

— Конечно, конечно; жизнь тоже чего-нибудь стоитъ. Но я разоренъ, въ конецъ разоренъ.

— Ну, такъ что жъ! вскричалъ Плашнѣ: и изъ-за этого еще не стоитъ отчаяваться. Давайте вмѣстѣ торговать, мосье Д'Артаньянъ. Я войду съ вами въ долю, будемъ пополамъ дѣлать барыши, а не станеть барышей, будемъ дѣлать миндалъ, изюмъ, сушенныя груши и вмѣстѣ сглажемъ послѣднюю краюшку голландскаго сыру.

Д'Артаньянъ не выдержалъ.

— Мордю! вскричалъ онъ, почти прослезившись: ты добрый мальтъ, Плашнѣ, клянусь честью! Слушай, вѣдь ты тутъ не скитрилъ? Ты не видалъ, что тамъ, на улицѣ, подъ навѣсомъ, стоять лошади съ мѣшками?

— Какая лошадь? съ какими мѣшками? спросилъ Плашнѣ.

И сердце у него сжалось при мысли, что Д'Артаньянъ божелъ съума.

— Съ англійскими мѣшками, мордю! вскричалъ просіявшій мушкетеръ.

— Ахъ, Господи, Боже мой! прошепталъ Плашнѣ, отступая отъ огня въ глазахъ гостя.

— Урады! вскричалъ Д'Артаньянъ: ты воображаешь, что я съума божелъ. Мордю! напротивъ, никогда голова у меня не бывала такою здоровей; никогда на сердцѣ не бывало такъ весело. Привидѣйся за мѣшки, Плашнѣ, за мѣшки!

— Да какіе же мѣшки, ради Господа Бога?

Д'Артаньянъ протолкалъ лавочника къ окну.

- Въѣзъ тамъ; подѣ извѣстномъ, — виднѣтъ, лошади стоятъ?
 — Вижу.
 — Видишь, что они навѣстена?
 — Вижу, вижу.
 — А видиши мальчишка; который разговариваетъ съ почтальономъ?
 — Вижу, вижу, вижу.
 — Ну, ты знаешь какъ этоѣ мальчишки зовутъ; клички его.
 — Абдонъ! Абдонъ! зарѣкъ Плавшѣ эи бико.
 — Приведи лошадей, подсказалъ д'Артаньянъ.
 — Приведи лошадей! рѣвнугъ Плавшѣ не своимъ голосомъ.
 — Теперь — десять ливровъ почтальону, сказалъ д'Артаньянъ такимъ тономъ, какъ-будто командовалъ нѣмощь: двухъ мальчишковъ снять одинъ чемоданъ съ мѣшками, да двоихъ подѣ другой. Живо, мордю! пошевельвайся, чтобы все кипѣло!

Плавшѣ бросился за дверь какъ изъ огня. Черезъ минуту потѣмъ мальчишки пришли, пошатывался подѣ бременемъ. Когда они свалили, д'Артаньянъ высалъ изъ вѣтъ и заперъ дверь на задвину.

— Теперь давай дѣлать! сказалъ онъ обратясь къ Плавшѣ, который въ свою очередь сходилъ съ ума.

д'Артаньянъ разостлалъ на полу большую скатерть и высыпалъ на нее одинъ мѣшокъ. Плавшѣ высыпалъ другой. д'Артаньянъ, въ нетерпѣннѣ, немомъ распоролъ третій. Услышавъ раздражающій звонъ золотыхъ монетъ, увидѣтъ, какъ они брызжутъ и льются изъ мѣшковъ, сверкаютъ и шевелятся какъ рыбы въ неводѣ, ощутивъ, какъ прибывающія червонныя монеты облизываютъ ему ноги по самымъ щекочутн, Плавшѣ обезнамятълъ; голова у него закружилась, онъ задыхался и безъ чувствъ повалился на звонкую, блестящую гряду.

д'Артаньянъ плеснулъ ему стаканъ бѣлаго вина въ лицо и онъ очнулся.

— Ахъ, ты, Господи!... ахъ, ты, Господи!... ахъ, ты, Господи! твердилъ Плавшѣ, отирая усы и бородку.

Въ то время, какъ и шмыче, лавочники щеголяли усамн и бородками, только золотыя банкн, тогда уже рѣднѣ, ничто стало почти совершенно незвѣстными.

— Тутъ твоихъ сто тысячъ ливровъ, любовный компаньонъ, сказалъ д'Артаньянъ: мордю! тащи за свой край, я потащу за свой.

— Охъ! какая славная сумма! охъ! какая сумма!

— Почаза тому поводъ мнѣ, присесться, исподому жадъ было отдать тебѣ такую долю, сказалъ д'Артаньянъ: но теперь я не жалю: ты честный, добрый-малый, Пляшѣ. Ну, давай же расчитываться. Чистый счетъ, говорить, дружбу скрѣпляетъ.

— Расскажете мнѣ сперва всю эту исторію, возразилъ Пляшѣ: она должна стоить дороже денегъ, я воображаю.

— Да, и я то же думаю, отвѣчалъ д'Артаньянъ, поглядывъ усы: если когда-нибудь историкъ вѣдетъ ко мнѣ за справкою, такъ можетъ сказать, что не изъ плохого источника почерпнулъ. Слушай же, Пляшѣ, я стану рассказывать....

— А я столбикъ ставить! подхватилъ Пляшѣ.

д'Артаньянъ откашлялся, чтобъ начать рассказъ, а Пляшѣ застучалъ рукава, чтобы считать монету.

Въ Палѣ Рояль, въ большой помнатѣ, обитой темнымъ бархатомъ, который возвышалъ блескъ нѣсколькихъ золотыхъ ранъ съ дорожки картинами, весь дворъ былъ въ собраніи около амкова кардинала Мазарина. Кардиналъ игралъ въ карты съ королею и королевой.

Король сядѣлъ противъ своей молодой супруги и улыбался ей съ неприятнымъ выраженіемъ счастья. Анна Австрійская играла противъ кардинала, которому карты держала графиня де-Сассонъ, между-тѣмъ какъ самъ онъ, лежа на постелѣ, устремлялъ въ нихъ только жадный и пылливый взоръ.

Берузагъ наружилигъ кардинала, но яркая краска на скулахъ еще рѣзче выказывала синеваую блѣдность лица и лоснящуюся желтизну лба. Только глаза большого загорались сильнѣе и во временахъ привлекали къ себѣ безпокойные взгляды короля, обѣихъ королевъ и придворныхъ.

Глаза синьора Мазарина были двѣ болѣе или менѣе блестящія звѣзды, по которымъ Франція каждое утро и каждый вечеръ читала свою судьбу.

Кардиналъ не проигрывалъ, ни выигрывалъ, слѣдовательно, былъ ни веселъ ни печаленъ. Это былъ застой, въ которомъ полная участія Анна Австрійская не желала оставлять его, но чтобы занять вниманіе большого и прозвезеть какое-нибудь впечатлѣніе, надобно было или выиграть или проиграть. Выиграть было опасно, потому что Мазариново равнодушіе обратилось бы въ скверную гримасу; проиграть такъ же опасно, потому что ле-

вѣстка наблюдала за игрой своей тещи и, безъ сомнѣнія, возопи́ла бы прочтѣзъ ливной метачки.

Нользуясь этими спонействіемъ, придворные разговаривали. Мазаринъ въ хорошемъ расположеніи духа былъ баринъ свиходительный: онъ ни кому не мѣшалъ разговаривать за карты, лишь бы протѣвники ему проигрывали.

Подлѣ, за другимъ столомъ, молодой братъ короля, герцогъ Филиппъ Анжуйскій, разматривалъ свое красное лицо въ зеркальцѣ на коробочкѣ. Его любимецъ, кавалеръ де-Лоррэнъ, опершись на прищипово кресло, съ тайною завистью слушалъ какъ другой Филипповъ любимецъ, графъ де-Гвишъ, въ изысканныхъ выраженіяхъ разсказывалъ о походевіяхъ англійскаго короля Карла Втораго, описывалъ всю его баснословную исторію; его странствованія по Шотландіи среди ужасовъ отъ гонящихся попытамъ враждебныхъ партій; говорилъ о ночахъ, проведенныхъ на деревьяхъ, о голодѣ и нуждѣ, объ онасностяхъ и битвахъ. Мало-по-малу участь несчастнаго короля такъ завала слушателей, что игра замедлилась даже на королевскомъ столѣ; Людовикъ-Четырнадцатый задумался и, неопредѣленно, какъ-будто разсѣянно блуждая глазами, вслушивался въ малѣйшія подробности живописной Одиссеи.

Графиня де-Соассонъ перебыла разсказчика.

— Признайтесь, графъ, что вы вышнваете узоры, сказала она.

— Графиня, я какъ попугай передаю только то, что мнѣ разсказывали многіе Англичане, отвѣчалъ Гвишъ: я, къ стыду моему, признаюсь даже, что передаю текеты какъ точная копія.

— Карлъ Второй непремѣнно умеръ бы, еслибъ подвергся всему этому.

Людовикъ-Четырнадцатый подымалъ свою ушную, гордую голову и съ степеннымъ тономъ, въ которомъ однакожъ еще проглядывала робость воспитанника, сказалъ:

— Кардиналъ вамъ засвидѣтельствуетъ, графиня, что во время моего дѣтства положеніе дѣлъ во Франціи было не многимъ лучше.... и если бъ я былъ тогда постарше, такъ, что могъ бы обннать швагу, я иногда обнажалъ бы ее затѣмъ чтобъ добыть ужинъ.

— Ваше величество, славу Богу, преувеличиваете, сказалъ кардиналъ, который тутъ впервые заговорилъ: вашъ ужинъ всегда во-время поспѣвалъ съ ужиномъ вашихъ слугъ.

Король не раснѣлъ.

— О! вскричалъ Филиппъ, продолжая смотрѣться въ зеркальце: я помню, однакожъ, какъ въ Мелюиѣ случилось, что никому ужина не накрывали, и какъ король, скушавъ двѣ трети ломтя хлѣба, уступилъ мнѣ остальную треть!

Увидя, что Мазаринъ улыбается, все собраніе разсмѣялось. Великимъ и сильнымъ на землѣ можно столько же польстить напоминаніемъ бывшихъ бѣдствій, сколько будущими благами.

— Между тѣмъ по-крайней-мѣрѣ королева Франціи всегда вѣрно держалась на головахъ ея королевей, успѣшила прибавить Анна Австрійская, а съ головы короля англійскаго она упала. Если у насъ и случался смуты, такъ добрая побѣда скоро опять становилась спокойствіемъ.

— Съ прибавкою нѣкоторыхъ листовъ въ вѣнцѣ, дополнилъ Мазаринъ.

Графъ Гвинъ замолчалъ. Король устроилъ себѣ приличное выраженіе; Мазаринъ обитивался взглядомъ съ Анною Австрійскою, чтобы поблагодарить ее за пособіе.

— Все-равно, сказалъ Филиппъ, оправляя волосы: мой кузенъ Карлъ не красавецъ, однако храбрый молодецъ; онъ дрался какъ рейтаръ и, если будетъ продолжать такъ драться, непременно выиграетъ какое-нибудь сраженіе.

— У него нѣтъ войска, замѣтилъ кавалеръ де-Лоррэнъ.

— Его союзникъ, король голландскій, дастъ. И я дамъ бы, если бъ я былъ король Франціи.

Людвигъ чрезвычайно покраснѣлъ.

Мазаринъ все свое вниманіе устремилъ на карты.

— Теперь, продолжалъ графъ Гвинъ, судьба несчастнаго Карла уже рѣшена. Если Моккъ обманулъ его, онъ погибъ. Темница, а быть-можетъ и смерть докончатъ начатое изгнаніемъ, лишеніями и опасностями.

Мазаринъ нахмурился.

— Правда ли, что король Карлъ-Второй выѣхалъ изъ Гаги? спросилъ Людвигъ.

— Совершенная правда, ваше величество, отвѣчалъ молодой человекъ: мой отецъ получилъ очень подробное письмо объ этомъ. Известно даже, что король прибылъ въ Дувръ. Рыбаки видѣли, какъ онъ входилъ въ гавань. Остальное покуда еще — тайна.

— Я желалъ бы знать эту тайну, вскричалъ Филиппъ: вы ее знаете, братецъ?

Людовикъ опять покраснѣлъ, — въ третій разъ впродолженіи одного часу.

— Спросите у кардинала, сказалъ онъ тономъ, отъ котораго и кардиналъ и всѣ присутствовавшіе встрепенулись.

— Это значитъ, сынъ мой, что король не любитъ говорить о государственныхъ дѣлахъ внѣ совѣта, замѣтила Анна Австрійская.

Филиппъ безпрекословно принялъ замѣчаніе и поклонился, улыбнувшись однако жъ сперва брату, потомъ матери.

Мазаринъ, взглянувъ изъ-под-лобья, примѣтилъ, что въ углу комнаты составила группа. Герцогъ Орлеанскій, графъ Гвизшъ и кавалеръ де Лоррэнъ, лишеныя возможности говорить громко, продолжали бесѣдовать вполголоса. Боясь, чтобы они не сказали чего-нибудь лишняго, кардиналъ сталъ метать въ нихъ безпокойными и подозрительными взглядами и побуждалъ Анну Австрійскую разстроить чѣмъ-нибудь этотъ союзъ, когда Бернуэнь вошелъ черезъ заднюю дверь въ альковъ и шепнулъ своему господину:

— Ваша свѣтлость, посланникъ его величества короля англійскаго проситъ свиданія.

Мазаринъ не могъ скрыть нѣкотораго волненія; король замѣтилъ и чтобъ не явиться любопытнымъ или не оказаться лишнимъ, подошелъ къ кардиналу и пожелалъ спокойной ночи.

Все собраніе съ шумомъ поднялось, отдвигая стулья и столы.

— Пусть всѣ понемногу уйдутъ, тихонько сказалъ кардиналъ королю, а вы подарите мнѣ нѣсколько минутъ. Я отправляю дѣло, о которомъ сегодня же желаю поговорить съ вашимъ величествомъ.

Драпировка алькова запахнула и скрыла постель. Кардиналъ между-тѣмъ не упустилъ заговорщиковъ изъ виду.

— Графъ де-Гвизшъ! кликнулъ онъ дребезжащимъ голосомъ за драпировкой, надѣвая шелковый халатъ, который подавалъ ему Бернуэнь.

— Здѣсь, ваша свѣтлость, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Вы такъ счастливы, возьмите мои карты, поиграйте за меня.

— Извольте, ваша свѣтлость.

Де-Гвизшъ сѣлъ за столъ, отъ котораго король отошелъ, разговаривая съ супругой и матерью. Началась довольно серьезная партія между графомъ и нѣсколькими богатыми придворными.

Филиппъ разговаривалъ съ де-Лорреномъ о модахъ, а за дра-

нировкой уже не слышно было шероку кардиналова шелкового халата. Мазаринъ ушелъ съ Бернуэномъ въ сосѣдній кабинетъ.

Тамъ онъ нашелъ графа де-ла-Фера, который въ ожиданіи разсматривалъ превосходнаго Рафаэля.

Кардиналъ подошелъ тихонько, легко, неслышно какъ тѣнь и подѣтилъ физиономію графа, какъ часто дѣлывалъ, чтобы по одному взгляду на выраженіе посѣтителя угадать результатъ свиданія.

Но на этотъ разъ Мазаринъ ошибся въ расчетѣ: онъ ровно ничего не прочиталъ на лицѣ Атоса, ни даже почтенія, какое привыкъ читать на всѣхъ лицахъ.

Этотъ оттѣнокъ не укрылся отъ хитраго старика. Онъ слишкомъ привыкъ понимать людей, чтобы не примѣтить въ холодной, почти надменной вѣжливости графа де-ла-Фера признаковъ враждебнаго положенія, несвойственнаго обыкновенной температурѣ теплицы, называемой дворомъ.

На Атосъ была простая черная одежда шитая серебромъ и ордена Святаго Духа, Подвязки и Золотаго Руна.

Мазаринъ долго рылся въ вѣсколку смущенной памяти, отыскивая имя этому холодному лицу и не находя его.

— Мнѣ докладывали о посольствѣ изъ Англіи, сказалъ онъ наконецъ и сѣлъ, отпустивъ Бернуэна и Бриенна, который, въ качествѣ секретаря, приготовился было писать.

— Да, ваша свѣтлость, отъ его величества, короля Англіи, отвѣчалъ Атосъ.

— Для Англичанина вы очень чисто говорите по-французки, съ любезностью сказалъ Мазаринъ, все поглядывая на важные ордена и въ особенности на лицо посланника.

— Я не Англичанинъ, а Французъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Атосъ.

— Вотъ странно! Англіійскій король выбираетъ Француза въ посланника!... Это прекрасный знакъ. Ваше имя позвольте узнать?

— Графъ де-ла-Феръ, отвѣчалъ Атосъ кланяясь легче чѣмъ бы слѣдовало по церемоніалу и по гордости могучаго министра.

Мазаринъ пожалъ плечами, какъ-будто хотѣлъ сказать: «Я не знаю этого имени».

Атосъ не мигнулъ.

— И вы пожаловали, продолжалъ Мазаринъ, чтобъ сказать мнѣ...

— Я пріѣхалъ по порученію его величества короля Великобританскаго уведомить короля Франціи....

Мазаринъ нахмурилъ брови.

— Увѣдомить короля Франціи, непоколебимо продолжалъ Атосъ, о счастливомъ возстановленіи короля Карла-Второго на престолѣ его предковъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, имѣете грамату? спросилъ Мазаринъ отрывисто и колко.

— Имѣю... ваша свѣтлость.

На этотъ разъ титулъ съ трудомъ сошелъ съ языка у Атоса, какъ будто обдирая его.

— Такъ покажите.

Атосъ взя бархатнаго вышитаго золотомъ кармашка вынулъ депешу; кардиналъ протянулъ руку.

— Извините, кардиналъ, сказалъ Атосъ: эта депеша къ королю.

— Вы Французъ, слѣдовательно должны знать, что значить первый министръ при дворѣ Франціи.

— Было время, отвѣчалъ Атосъ, когда я дѣйствительно обращалъ вниманіе на то, что значать первые министры, но потомъ, съ давнихъ поръ уже, я рѣшился не имѣть дѣла ни съ кѣмъ кромѣ короля.

— Въ такомъ случаѣ, вы не увидите ни короля, ни министра, сказалъ Мазаринъ, начиная обнаруживать раздраженіе.

Онъ всталъ. Атосъ положилъ депешу назадъ въ кармашекъ, важно поклонился и пошелъ къ двери. Это хладнокровіе взбѣсило Мазарина.

— Какіе странные дипломатическіе приемы! вскричалъ онъ: развѣ мы еще живемъ въ тѣ времена, когда мистеръ Кромвель присылалъ къ намъ драгуновъ вмѣсто повѣренныхъ въ дѣлахъ?

— Я никогда не имѣлъ удовольствія подобно вамъ договариваться съ Кромвелемъ и видѣлъ его повѣренныхъ въ дѣлахъ именно только со шпагами въ рукахъ, такъ, что не знаю, какъ они обращались съ первыми министрами. Что же касается до англійскаго короля Карла-Второго, я знаю, что если онъ пишетъ къ его величеству королю Людовику-Четырнадцатому, то письма его не слѣдуетъ отдавать его свѣтлости кардиналу. Въ этомъ отличеніи я не вижу ни какой дипломатіи.

— А! вскричалъ вдругъ Мазаринъ вздернувъ похудѣвшую голову и ударивъ себя рукой по черепу: теперь я вспомнилъ!

Атосъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да, да, именно! продолжалъ кардиналъ всматриваясь въ но-

свѣтлості: такъ точно!... Я узналъ васъ.... А! diavolo! теперь я уже не удивляюсь.

— Да, я, признаюсь, удивлялся, что вы, при вашей превосходной памяти, не узнаете меня, сказалъ Атось съ улыбкой.

— Все та же придирка и воркунъ.... мосьё, мосьё.... какъ же васъ звали?... Имя какой-то рѣки.... Потамось.... вѣтъ.... имя острова.... Наксось.... вѣтъ, per Jove! имя горы.... Атось! нашель! Я въ восхищеніи, что снова вижу васъ, да только не въ Рюэйлѣ, гдѣ вы со своими проклятыми сообщниками заставили меня заплатить выкупъ.... Фронда!... все Фронда! Фронда проклятая! О! какія дрожжи! Скажите, пожалуйста, мосьё Атось, отчего ваша автипатія пережила мою? Если кто и имѣлъ право жаловаться, то ужъ конечно не вы, потому что вы тогда выпутались не только съ чистыми крыльями, но вынесли даже ленту Святаго Духа на шеѣ.

— Позвольте мнѣ не входить въ объясненія подобнаго рода, кардиналъ, возразилъ Атось: я обязанъ исполнить порученіе.... Доставите вы мнѣ средство исполнить его или вѣтъ?

— Меня удивляетъ, продолжалъ Мазаринъ въ восторгѣ, оттого что воротилъ память, и зло подтачивая каждое слово, стрѣляя глазами въ каждомъ движеніи: меня очень удивляетъ, мосьё.... Атось.... что такой фрондистъ какъ вы, принялъ порученіе, относящееся къ Мазарину, — какъ бывало говаривали.

И Мазаринъ расхохотался, несмотря на болѣзненный кашель, который каждое его слово разсѣкалъ на двое и превращалъ во всхлыванья.

— Я принялъ на себя порученіе, относящееся только къ королю, ваша свѣтлость, возразилъ графъ уже не такъ рѣзко какъ прежде, потому что, считая себя въ выгодѣ, хотѣлъ показать умѣренность.

— Невозможно, однако жъ, продолжалъ Мазаринъ, чтобы дѣло, за которое вы взялись....

— Которое мнѣ поручили, кардиналъ. Я не запрашиваюсь на порученія.

— Положимъ такъ. Невозможно, говорю я, чтобы это дѣло не коснулось немножко и моихъ рукъ.... Не станемъ же терять дорогого времени.... Скажите мнѣ условія....

— Я имѣлъ честь увѣрить вашу свѣтлость, что только въ письмѣ короля Карла-Второго заключается выраженіе его желанія.

— Послушайте, вы смѣшите меня вашимъ педантизмомъ, мосьё Атось. Видно, что вы терлись тамъ около пуританъ.... Вашу

тайну я знаю лучше васъ и вы, можетъ-быть, не хорошо сдѣлали, что нѣсколько не уважили человѣка очень стараго и большаго, который много въ жизнь свою поработалъ и храбро бься за свои идеи, какъ и вы за ваши... Вы ничего не хотите сказать?... хорошо, вы не хотите сообщить вашей депеши?... прекрасно. Пойдемте со мною въ мою комнату; вы увидите короля.. . Теперь еще одно слово: кто далъ вамъ Золотое Руно? Я помню, что говорили, вы кавалеръ Подвязки, но что касается до Золотаго Руна, я не зналъ.....

— Недавно, по-случаю бракосочетанія короля Людовика-Четырнадцатаго, король Карлъ-Второй получилъ бляхковую грамоту на этотъ орденъ и висалъ въ нее мое имя.

Мазаринъ всталъ и, опираясь на руку Бернуэза, поротился въ свой альковъ въ ту самую минуту, когда въ комнатѣ доложилъ о принцѣ Кондѣ. Кондѣ, первый принцъ крови, побѣдитель при Рокройѣ, при Левсѣ и Нордлингенѣ, пришелъ со своею свитой навѣстять сибьора Мазарини и уже расклапывался съ королемъ, когда первый министръ приказалъ поднять занавѣсъ передъ альковомъ.

Графъ де-ла Феръ вслѣдъ за докладомъ вошелъ въ то время, когда Рауль пожималъ руку графу Гвишу. Входя, Атосъ успѣлъ еще замѣтить сіяющее лицо кардинала, который, увидѣвъ груду золота, выигранную для него молодымъ графомъ, забылъ и о цо-славникѣ и о принцѣ.

— Какъ! вскричалъ онъ: все это выигрышь?

— Да, ваша свѣтлость, около полутора ста тысячъ ливровъ, отвѣчалъ Гвишъ вставая. Прикажете оставить мѣсто или продолжать?

— Оставьте, оставьте! Вы вѣтренникъ. Вы все опять спустите, diavolo.

— Кардиналъ, сказалъ Кондѣ, кланяясь.

— Здравствуйте, принцъ! отвѣчалъ министръ весело, почти легкомысленно: это очень лѣбезно съ вашей стороны, что вы навѣщаете больнаго друга.

— Друга! повторилъ Атосъ про себя, съ недоумѣніемъ, слыча несообразныя слова другъ, Мазаринъ и Кондѣ.

Мазаринъ угадалъ мысль фрондиста и, пославъ ему торжествующую улыбку, сказалъ королю.

— Ваше величество, имѣю честь представить вамъ графа де-ла Фера, посланника его британскаго величества.... Государствен-

ное дѣло, господа! прибавилъ онъ, отпуская присутствующихъ движеніемъ руки.

По этому знаку министра всѣ придворные, не исключая и принца Ковдэ, вышли. Рауль успѣлъ только издали почтительно поклониться отцу и получалъ въ отвѣтъ привѣтливую улыбку.

Филиппъ Анжуйскій и обѣ королевы также хотѣли встать, но Мазаринъ удержалъ ихъ.

— Семейное дѣло, прибавилъ онъ поспѣшно. Господинъ посланникъ привезъ королю письмо, которымъ Карлъ-Второй совершенно возстановленный на престолѣ, проситъ союза и предлагать принцу Филиппу руку своей сестры, леди Генриетты, внучки Генриха Четвертаго..... Графъ, не угодно ли представить королю вашу граммату?

Атось на минуту остолбенѣлъ. Онъ не понималъ, какимъ образомъ Мазаринъ могъ знать содержаніе письма, которое онъ, Атось, во всю дорогу держалъ у себя на груди. Однако жъ онъ всегда столько владѣлъ собой, что безъ замѣшательства подалъ депешу, которую Людовикъ принялъ краснѣя и сталъ читать. Наступила торжественная тишина. Слышался только звонъ золота, которое кардиналъ своими сухими руками убиралъ въ шкатулку.

Коварство кардинала не много оставило посланнику сказать, однако жъ слово «возстановленіе» поразило короля, который почти не сводилъ глазъ съ графа.

— Сообщите намъ нѣкоторыя подробности о положеніи дѣлъ въ Англіи, графъ, сказалъ Людовикъ: вы пріѣхали оттуда, вы Французъ и ордена, которые я вижу на вашей груди, показываютъ, что вы человекъ не только именитый, но и заслуженный.

— Господинъ посланникъ, сказалъ кардиналъ, обращаясь къ королевѣ-матери, — старинный слуга вашего величества, графъ де-ла-Ферь.

Анна Австрійская была забывчива какъ королева, которая прожила много дней, и бурныхъ и ясныхъ. Она взглянула на Мазарина, котораго злая улыбка обѣщала что-то демонское, потомъ, другимъ взглядомъ, попросила объясненія у посланника.

— Графъ былъ Тревилевскимъ мушкетеромъ на службѣ у покойнаго короля, продолжалъ кардиналъ: онъ превосходно знаетъ Англію, куда въ разное время совершалъ нѣсколько поѣздокъ: графъ — человекъ весьма заслуженный.

Эти слова намекали на всѣ воспоминавія, которыя Анну Австрійскую всегда заставляли содрогаться. Англія, это была ея

ненависть къ Ришельё и ея любовь къ Букингаму; Тревилевскій мушкетеръ, это была цѣлая Одиссея побѣдъ, отъ которыхъ трепетало сердце молодой женщины, и опасностей, которыя до половины подрывли престолъ молодой королевы.

Въ словахъ этихъ заключалось много силы: отъ нихъ всѣ царственныя особы притихли и каждый про себя съ различными чувствованіями сталъ возсоздавать въ воображеніи таинственные годы, которыхъ молодые не видали, а пожилые считали уже навсегда стертыми.

— Говорите, графъ, сказалъ Людовикъ, прежде всѣхъ освободившись отъ смущенія, подозрѣній и воспоминаній.

— Да, говорите, прибавилъ Мазаринъ, которому маленькая злая шутка надъ Анною Австрійской возвратила всю его живость и веселость.

— Разскажите намъ, какимъ чудомъ нашъ братъ Карлъ воротился на свой престолъ? продолжалъ Людовикъ.

Атосъ поклонился.

— Истинно только чудомъ, ваше величество, отвѣчалъ онъ: чего никто изъ людей не могъ сдѣлать, то совершилъ Богъ.

Мазаринъ безпокойно поворотился на постелѣ.

— Король Карлъ-Второй, продолжалъ Атосъ, выѣхалъ изъ Гаги уже не какъ изгнанникъ или завоеватель, а какъ самодержавный государь, который послѣ долгаго путешествія возвращается къ своему народу посерединѣ всеобщихъ благословеній.

— Это въ самомъ дѣло чудо, замѣтилъ Мазаринъ, тѣмъ болѣе что-онъ выѣхалъ посерединѣ ружейныхъ залповъ, если вѣрить разсказамъ.....

Король не обратилъ ни какого вниманія.

Филиппъ, будучи по-моложе и по-легкомысленнѣй, не могъ удержаться отъ улыбки, которая польстила Мазарину какъ одобреніе его остроты.

— Я вѣрю, что тутъ совершилось чудо, сказалъ король. Однакожъ, Богъ всегда употребляетъ людей какъ орудія для исполненія своихъ предопредѣленій. Скажите же, графъ, какимъ людямъ Карлъ-Второй въ особенности обязанъ своимъ возстановленіемъ?

— Развѣ вы не знаете, ваше величество, что все зависѣло отъ Монка, перебилъ кардиналъ, нисколько не заботясь о самолюбіи короля.

— Знаю, рѣшительно возразилъ Людовикъ, однакожъ я прошу

господина посланника объяснить причину перемены, которую мы видимъ въ этомъ Монкѣ.

— Въ этомъ именно и состоитъ все дѣло, ваше величество, отвѣчалъ Атось, потому что безъ чуда, о которомъ я ни въ какую честь говорить, Монкъ, вѣроятно, остался бы непримиримымъ врагомъ Карла Второго. Богу угодно было, чтобы странная, смѣлая и замысловатая идея запала въ голову одному человѣку, между-тѣмъ какъ идея преданная и мужественная зародилась въ душѣ нѣкотораго другаго. Сочетаніе этихъ идей произвело такую перемену въ положеніи Монка, что онъ изъ ожесточеннаго врага сдѣлался другомъ изгнаннаго короля.

— Эти то подробности я и желаю знать, сказалъ король: кто тѣ люди, о которыхъ вы говорите!

— Двое Французовъ, ваше величество.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это мнѣ очень пріятно.

— А двѣ идеи? спросилъ Мазаринъ; идеи интересуютъ меня гораздо больше нежели люди.

— Да, расскажите, графъ, сказалъ король.

— Вторая идея, — преданная и разсудительная, — менѣ важная, — состояла въ томъ, чтобы пойти отыскать въ Ньюкэстлѣ схороненный тамъ королемъ Карломъ-Первымъ миллионъ и купить на эти деньги содѣйствіе Монка.

— О! о! вскричалъ Мазаринъ, котораго оживило слово «милліонъ»: но самый Ньюкэстль былъ занятъ Монкомъ.

— Точно такъ, ваша свѣтлость, оттого-то я и осмѣлился назвать эту идею виѣстѣ и преданною и мужественною. Такимъ образомъ, дѣло состояло въ томъ, чтобы доставить Карлу-Второму этотъ миллионъ, если Монкъ отвергнетъ предложеніе. Это и сдѣлано, несмотря на нѣкоторыя затрудненія. Монкъ поступилъ честно; онъ позволилъ взять деньги.

— Мнѣ кажется, братъ Карлъ не зналъ объ этомъ миллионѣ, когда былъ въ Парижѣ? вѣрнѣе замѣтилъ Людовикъ.

— А я полагаю, подхватилъ съ коварною улыбкой кардиналъ, что его британскому величеству очень хорошо извѣстно было существованіе этого милліона и что онъ только предпочиталъ два милліона одному.

— Король Карлъ-Второй, продолжалъ Атось съ твердостью, былъ во Франціи такъ бѣденъ, ваше величество, что не имѣлъ денегъ на проѣздъ съ почтовыми, и такъ лишенъ всякой надежды, что не разъ дуналъ о смерти. О существованіи этого милліона зналъ только одинъ человѣкъ, подданный вашего величества, ко-

орый былъ нравственнымъ хранителемъ сокровища и, когда пришло время, открылъ тайну, кому слѣдовало.

— Перейдемте къ идеѣ странной, замысловатой и смѣлой, побилъ кардиналъ предчувствуя поражение: что это за идея?

— Вотъ она: какъ Монкъ одинъ составлялъ главное препятствіе возстановленію короля Карла, то одинъ Французъ рѣшился устранить препятствіе.

— О! о! да онъ злодѣй, этотъ Французъ! вскричалъ Мазаринъ: и идея его не столько замысловата, чтобы избавить его отъ колеса и висѣлицы по приговору парламента.

— Вы ошибаетесь, кардиналъ, сухо возразилъ Атось: я не говорилъ, что упомянутый Французъ рѣшился убить Монка; я сказалъ только, что онъ задумалъ устранить его. Слова французскаго языка для французскаго дворянина имѣютъ каждое свой опредѣленный смыслъ. Впрочемъ, тутъ дѣло было военное и когда человѣкъ служитъ королю противъ враговъ, то судья ему не парламентъ, а Богъ. Я повторяю, что нѣкоторый французскій дворянинъ задумалъ овладѣть особою генерала Монка и выполнилъ свой планъ.

Разсказъ видимо одушевлялъ короля, а Филиппъ ударилъ кулакомъ по столу и вскричалъ:

— Славно!

— Онъ похитилъ Монка? спросилъ король: но вѣдь Монкъ былъ въ своемъ лагерѣ...

— А Французъ дѣйствовалъ одинъ, ваше величество.

— Чудеса! сказалъ Филиппъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это чудесно! вскричалъ Людовикъ.

— Ну, такъ! вотъ наши львенки разыгрались! проворчалъ кардиналъ про себя и съ досадою прибавилъ вслухъ: я не зналъ этихъ подробностей. Вы ручаетесь за ихъ достовѣрность, графъ?

— Могу поручиться, потому что былъ свидѣтелемъ событія.

— Вы?

— Я самъ.

Король невольно приблизился къ Атосу; Филиппъ подступилъ съ другой стороны.

— Что жъ потомъ? далѣе? вскричали оба.

— Схваченнаго Монка, ваше величество, Французъ привезъ къ королю Карлу въ Гагу. Карлъ возвратилъ генералу свободу, а тотъ, изъ признательности, возвратилъ королю великобританскій престолъ, за который столько храбрыхъ сражалось безъ всякаго успѣху.

Филиппъ въ восторгѣ захопалъ въ ладоши. Болѣе разсудительный Людовикъ обратился къ графу и спросилъ:

— Это правда, во всѣхъ подробностяхъ?

— Совершенная правда, ваше величество.

— О существованія того милліона зналъ одинъ изъ моихъ дворянъ?

— Точно такъ, ваше величество.

— А какъ зовутъ этого дворянина?

— Это вашъ вѣрноподающий слуга, ваше величество, просто отвѣчалъ Атось.

Говоръ удивленія наполнилъ и поднялъ сердце Атоса. Половинны этого было бы достаточно для его самолюбія. Даже Мазаринъ поднялъ руки къ навѣсу своей постели.

— Графъ, сказалъ король, я постараюсь найти средство наградить васъ.

Атось сдѣлалъ движеніе.

— О! не за честность вашу. Заплатить вамъ за это — значило бы унижать васъ. Но я обязанъ наградить васъ за содѣйствіе возстановленію моего брата Карла-Второго.

— Конечно, подтвердилъ Мазаринъ.

— За содѣйствіе торжеству праваго дѣла, которое весь домъ Франціи наполняетъ радостью, прибавила Анна Австрійская.

— Правда ли также, продолжалъ Людовикъ, что одинъ чело-вѣкъ проникъ въ лагерь къ Монку и похитилъ генерала?

— У этого чело-вѣка было десять подчиненныхъ изъ низшаго класса, государь.

— И только?

— Только.

— И его зовутъ?

— Кавалеръ д'Артаньянъ, отставной поручикъ мушкетеровъ вашего величества.

Анна Австрійская покраснѣла, Мазаринъ пожелтѣлъ отъ стыда, лицо Людовика омрачилось и на блѣдномъ лбу показалась капля поту.

— Какіе люди! прошепталъ онъ.

И онъ невольно бросилъ на министра взглядъ, который попугалъ бы Мазарина, если бы тотъ въ это время не спряталъ головы въ подушки.

— Графъ! вскричалъ молодой герцогъ Анжуйскій, положивъ свою бѣлую женскую руку на руку Атосу, скажите этому храброму поручику, что братъ короля, принцъ Филиппъ, завтра бу-

дети пить за его здоровье въ присутствіи сотни знатнѣйшихъ дворянъ Франціи.

Окончивъ эту рѣчь, молодой человекъ замѣтилъ, что восхищеніе разстроило у него манжетку, и внимательно сталъ исправлять ее.

— Поговорите о дѣлѣ, ваше величество, перебилъ Мазаринъ, который не восхищался и не имѣлъ манжетъ.

— Да, графъ, сказалъ Людовикъ, исполните возложенное на васъ порученіе.

Атось, въ качествѣ посланника его британскаго величества, торжественно предложилъ принцу Филиппу руку леди Генриетты Стуртъ.

Конференція продолжалась цѣлый часъ, послѣ чего двери отворились для придворныхъ и всѣ заняли свои мѣста, какъ-будто ничто не прерывало ихъ занятій.

Атось нашель Рауля: отецъ и сынъ могли наконецъ пожать другъ другу руку.

— Здѣсь намъ неудобно говорить, сказалъ Атось: я сейчасъ отправлюсь домой. Пріѣзжай, какъ только служба позволитъ.

Рауль поклонился. Къ нимъ подошелъ Ковдѣ.

Принцъ обладалъ свѣтлымъ, глубокимъ взглядомъ, какинъ отличаются благородныя хищныя птицы; даже черты лица его наводнили эту породу, — по тонкому, острому, горбтому носу и откинутому назадъ лбу принцъ много походилъ на орла. Проницательный взглядъ и повелительное выраженіе всей физиономіи знаменитаго рокройскаго героя часто смущали тѣхъ, къ кому онъ обращался съ вопросомъ или рѣчью. Впрочемъ огонь такъ легко бросался у него въ выпуклые глаза, что малѣйшее оживленіе его походило на вспышку гнѣву. Все это внушало окружающимъ такое почтеніе, которое у многихъ доходило до страха.

Ковдѣ подошелъ къ графу де-ла-Феру видимо съ тѣмъ чтобы принять поклонъ и сказать что-нибудь Раулю.

Никто не умѣлъ поклониться изящнѣе и разборчивѣе графа де-ла-Фера. Онъ пренебрегалъ обыкновенными средствами придворныхъ, руководимыхъ только желаніемъ нравиться, и всегда сохраняя собственное достоинство умѣлъ и въ принцѣ отдать честь человеку и дарованію.

Принцъ хотѣлъ заговорить съ Раулемъ. Атось предупредилъ его.

— Если бъ виконтъ де-Бражлонъ не принадлежалъ къ числу покорнѣйшихъ слугъ вашего высочества, сказалъ онъ, я попро-

снѣ бы его произвѣсть мое имя передъ вашимъ высочествомъ.

— Я имѣю удовольствіе говорить съ графомъ де-ла-Феромъ? возразилъ Кондѣ.

— Мой покровитель, прибавилъ Рауль, краснѣя.

— Съ однимъ изъ честиѣйшихъ людей въ государствѣ, продолжалъ принцъ: съ однимъ изъ первыхъ дворянъ во Франціи, съ человѣкомъ, о которомъ я такъ много слышалъ, что часто желалъ считать его въ числѣ моихъ друзей.

— Эту честь я могу заслуживать только по моему почтенію и удивленію достоинствамъ вашего высочества, отвѣчалъ Атосъ.

— Викарѣ де-Бражонъ хорошій офицеръ, продолжалъ принцъ, и видно, что онъ былъ въ хорошей школѣ. Ахъ, графъ! въ ваше время у генераловъ были еще солдаты....

— Правда, ваше высочество; зато нынче у солдатъ есть генералы.

Отъ этого комплимента, сказаннаго чрезвычайно естественно, человѣкъ, на котораго вся Европа смотрѣла уже какъ на героя и которому лестъ давно прискутила, затрепеталъ отъ удовольствія.

— Мнѣ очень больно, что вы уже покинули службу, графъ, продолжалъ принцъ: скоро, безъ сомнѣнія, откроется война съ Голландіей или съ Англіей, и такой человѣкъ какъ вы былъ бы очень полезенъ.

— А я полагаю, что мнѣ нечего было бы дѣлать на службѣ, ваше высочество, отвѣчалъ Атосъ съ улыбкой: Франція и Англія отнынѣ будутъ жить въ мирѣ, какъ двѣ сестры, если мнѣ можно положиться на мое предчувствіе.

— Ваше предчувствіе?

— Вслушайтесь, ваше высочество, что тамъ говорятъ, у кардиналова стола.

— За игрой?

— Да, ваше высочество.

Кардиналъ въ самомъ дѣлѣ приподнялся на локтѣ и сдѣлалъ молодому брату короля знакъ, чтобы подошелъ.

— Ваше высочество, сказалъ кардиналъ, прикажите прибрать это золото.

И онъ указалъ на груди блестящихъ червонцевъ, которые выигралъ за него графъ Ганшъ и которые лежали частью въ открытой шкатулкѣ, частью на столѣ.

— Куда же ихъ прибрать?

— Возьмите себѣ.

— Мнѣ? мнѣ все это золото?

— Да; Гвишъ говоритъ, что тутъ полтора-ста-тысячъ ливровъ. Я игралъ на ваше счастье, принцъ, отвѣчалъ кардиналъ, мало-по-малу ослабѣвая, какъ-будто отдача денегъ истощила всѣ его физическія и нравственныя силы.

— Ахъ, какое счастье! вскричалъ Филиппъ внѣ себя отъ радости: славный выигрышъ!

И онъ своеручно сталъ загребать червонцы со стола въ карманъ. Оставалась еще почти полная шкатулка.

— Лоррэнъ! кликнулъ Филиппъ: забери остальное.

На эту странную сцену всѣ присутствующіе смотрѣли, разубѣется, только какъ на трогательный семейный праздникъ. Кардиналъ игралъ роль отца съ сыновьями Франціи; молодые принцы выросли у него подъ крыломъ. По этому никто не приписалъ поступка перваго министра ни чванству ни дерзости, какъ то сдѣлали бы нынче. Придворные ограничились завистью а король отворотился.

— Никогда у меня не бывало столько денегъ! весело говорилъ Филиппъ, уходя со своимъ любимцемъ: какой грузъ — полтора-ста-тысячъ ливровъ!

— Но отчего же кардиналъ отдаетъ всѣ эти деньги? тихонько спросилъ Кондэ у графа де-ла-Фера: любезный кардиналъ, вѣрно, очень болѣнъ?

— Очень болѣнъ, какъ видите, ваше высочество.

— Полтора-ста-тысячъ ливровъ отдалъ ни за что!... Да онъ умретъ отъ этого! Скажите же, графъ, что за причина?

— Благоволяте потерпѣть немножко, ваше высочество. Вотъ принцъ Филиппъ сейчасъ пройдетъ мимо насъ. Я полагаю, онъ избавитъ меня отъ труда провиниться въ нескромности. Послушайте его.

— Ваше высочество, это что-то не натурально, также шепотомъ говорилъ кавалеръ де-Лоррэнъ, спѣша за молодымъ принцемъ и сомнительно поглядывая на деньги, которые несъ, какъ-будто не вѣрилъ въ ихъ подлинность: что это значить, что нашъ кардиналъ такъ разщедрился?

— Свадебный подарокъ, Лоррэнъ, свадебный подарокъ!

— Какъ, свадебный подарокъ?

— Такъ; а жепюсь, отвѣчалъ Филиппъ, не примѣчая, что проходитъ мимо принца Кондэ и графа де-ла-Фера, которые оба почтительно поклонились.

Кавалеръ де-Лорренъ бросилъ на молодого принца такой злой взглядъ, что Атосъ вздрогнулъ.

— Вы женитесь? повторилъ кавалеръ: возможно ли?... неужели вы сдѣлаете такую глупость!

— Вотъ еще! развѣ это я дѣлаю?... Я ничего не дѣлаю.... Но пойдемъ лучше поищемъ, куда дѣвать деньги.

И онъ ушелъ со своимъ товарищемъ, весело разговаривая и смѣясь, между-тѣмъ какъ на пути его всѣ головы преклонялись.

— Такъ вотъ гдѣ тайна! сказалъ Кондѣ Атосу.

— Не я открылъ вамъ ее, ваше высочество.

— Онъ женится на сестрѣ Карла-Второго?

— Кажется, такъ.

Кондѣ задумался и въ глазахъ у него сверкнула молнія.

— Ну, нечего дѣлать! сказалъ онъ потомъ, какъ будто про себя: опять шпаги на гвоздь..... и надолго!

Онъ вздохнулъ и только Атосъ одинъ угадалъ все, что заключалось въ этомъ вздохѣ обманутыхъ надеждъ честолюбія, потому что одинъ слышалъ его.

Принцъ сталъ откланиваться королю, который удалялся. Атосъ сдѣлалъ Бражлону знакъ, которымъ напоминалъ приглашеніе. Мало-по-малу комната опустѣла и Мазаринъ остался одинъ со своими терзаніями, которыхъ уже не нужно было скрывать.

— Бернуэнь! Бернуэнь! закричалъ онъ слабымъ голосомъ.

— Что прикажете, ваша свѣтлость?

— Генд..... позвать Генд!.... Миѣ кажется, я умираю.

Бернуэнь въ испугѣ побѣжалъ отдать приказъ и въдовой носкалъ за докторомъ.

Генд не заставилъ ждать. Онъ нашелъ больного распростертаго на постелѣ, посинѣлаго, съ отекившими ногами, съ вспученнымъ животомъ. Мазаринъ выдерживалъ крутой приступъ подгры. Онъ страдалъ жестоко и съ нетерпѣніемъ челоѣка непри- вычнаго къ сопротивленію.

— А! наконецъ я избавлюсь! вскричалъ онъ, увидѣвъ доктора.

Генд былъ челоѣкъ очень ученый, очень осмотрительный и наживалъ репутацію безъ критикъ Боало. Ставъ передъ лицомъ болѣзни, — хотя бы она проявлялась въ особѣ короля, — онъ обращался съ нею, какъ съ врагомъ. Напрасно Мазаринъ ожидалъ, что онъ скажетъ: — Докторъ здѣсь; прости, болѣзнь. Генд не сказалъ этого; напротивъ, онъ осмотрѣлъ больного очень серьезно и промолвилъ:

— О! о!...

— Чтѣ вы, Генд?... казал у вася гримаса!

— Это огрешеніе вашей болѣзни, кардиналь.... опасной болѣзни.

— Подагры?

— Да, съ нѣкоторыми помолчаливцами.

Мазаринъ приподнялся на локтѣ и устремилъ на доктора, пытливый взглядъ.

— Чтѣ вы говорите? Неужели я опасно болѣю?

— Вы много трудились въ вашей жизни, кардиналь, отлучая докторъ, садясь надъ постелю: вы много перенесли.

— Однако вы я еще не старъ, кажется.... покойный Ришелье умеръ, будучи только семнадцатью лѣтцами моложе меня... Она умеръ отъ неизлечимой болѣзни. Я еще молодъ, Генд; подумайте, вы едва пятьдесятъ два года!

— О! больше, ваша свѣтлость.... Сколько времени продолжалась Фронда?

— Этотъ возрастъ имени?

— Нужно для медицинскаго соображенія.

— Да лѣтъ десять.... съ небольшимъ или безъ-малого.

— Хорошо; такъ позволите считать каждый годъ Фронды за три года.... Это составитъ тридцать; следовательно, двадцать до пятидесяти-два — семьдесятъ-два. Вамъ семьдесятъ-два года, ваша свѣтлость. Это порадочная старость.

Поворя это, докторъ шушалъ пульсъ у больного. Пульсъ представлялъ такъ много неблагоприятнаго, что Генд продолжалъ:

— Будете считать годъ фронды за четыре года; тогда, значитъ, вы прожили осемьдесятъ два.

Мазаринъ очамъ поблѣднѣлъ и слабымъ голосомъ сказалъ:

— Вы не шута говорите, Генд?

— Не шута, ваша свѣтлость.

— Вы дѣлаете намекъ, вы хотите сказать, что я опасно болѣю?

— Да, ваша свѣтлость, и я думаю даже, что съ такимъ умомъ и характеромъ вамъ вы, можно обойтись и безъ намековъ.

Кардиналь дышалъ такъ тяжело, что даже безжалостный докторъ состылся.

— Одноименъ болѣзнь болѣзней разна, сказалъ Мазаринъ: отъ нѣкоторыхъ можно избавиться.

— Правда, ваша свѣтлость.

— Вотъ видите! вскричалъ Мазаринъ почти съ радостью: иначе къ чему же служило бы могущество, сила воли?... къ чему слу-

жило бы дарованіе... ваше дарованіе, Генд? къ чему, наконецъ, выжили бы наука и искусство, если большой, располагающій всѣмъ эгиѣ, не можетъ спастись отъ опасности?

Генд хотѣлъ говорить, Мазаринъ перебилъ :

— Подумайте! я самый довѣрчивый изъ вашихъ пациентовъ; вспомните, что я слѣпо повинуюсь вамъ и что, слѣдовательно...

— Я все это знаю, возразилъ Генд.

— Стало быть, я выздоровлю?

— Ваша свѣтлость, ни сила воли, ни могущество, ни дарованіе, ни наука, ни искусство не одолѣютъ зла, которое Богъ посылаетъ на землю съ полномочіемъ разрушать и истреблять человѣка. Когда болѣзнь смертельна, она убиваетъ, и ничего съ нею не сдѣлаешь.

— Моя болѣзнь.... развѣ.... смертельна? спросилъ Мазаринъ.

— Смертельна, ваша свѣтлость.

Кардиналъ на минуту взнемогъ, какъ раздавленный подъ развалинами зданія. Но у Мазарина душа была закаленная.

— Госд! сказалъ онъ, снова приподнявшись: вы мнѣ позволите надѣяться на вашу разсудительность. Я хочу созвать ученѣйшихъ людей въ Европѣ на совѣтъ.... Я хочу жить; пусть меня лечатъ, чѣмъ угодно.

— Неужели вы, ваша свѣтлость, полагаете, что я одинъ произнесъ приговоръ существованію такому драгоценному какъ ваме? Я уже сзывалъ всѣхъ лучшихъ медиковъ во Франціи и въ Европѣ.... Ихъ было двѣнадцать человекъ.

— И они сказали?

— Они сказали, что болѣзнь вашей свѣтлости смертельна. Подписанная консультація у меня въ карманѣ. Если вашей свѣтлости угодно посмотрѣть, вы увидите названія всѣхъ болѣзней, которыя мы открыли. Тутъ есть, во-первыхъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ Мазаринъ, отталкивая бумагу: я вѣрю, я вѣрю вамъ, Генд!

Настала тишина. Мазаринъ собрался съ силами.

— Есть еще средство, сказалъ онъ: есть эмпирики, шарлатаны. На моей родинѣ тѣ, отъ которыхъ доктора отступаютъ, прибѣгаютъ обыкновенно къ помощи продавцевъ цѣлительныхъ бальзамовъ, которые, правда, десятерыхъ убиваютъ, зато сотни спасаютъ.

— Вы не принѣтили, ваша свѣтлость, что втеченіи послѣднѣго мѣсяца я десять разъ уже перемѣнялъ лекарства?

— Да.... ну, что жъ?

— Я истратилъ пятьдесятъ тысячъ ливровъ на покупку всѣхъ возможныхъ шарлатанскихъ секретовъ. Списокъ ихъ истощенъ, мой кошелекъ также. Вы не выздоровѣли и, не будь моего искусства, давно уже умерли бы.

— Значить, конечно! прошепталъ кардиналъ: конечно!...

Онъ мрачнымъ взглядомъ повеявъ вокругъ себя, обозрѣлъ свое богатство.

— Покинуть все это! вздохнулъ онъ: я умеръ, Генѳ! я умеръ!

— Нѣтъ еще, ваша свѣтлость, возразилъ докторъ.

Мазаринъ схватилъ доктора за руку.

— А сколько остается? спросилъ онъ устремивъ пытливыя взоръ на безстрастное лицо медика.

— Этого никогда не говорятъ, ваша свѣтлость.

— Обыкновеннымъ людямъ, можетъ-быть; но мнѣ... мнѣ, которому каждая минута стоитъ сокровища.... Скажите мнѣ, Генѳ, скажите мнѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, ваша свѣтлость.

— Я хочу, говорятъ тебѣ! вскричалъ Мазаринъ: о! дай мнѣ мѣсяць, одинъ мѣсяць!... за каждый изъ тридцати дней я заплачу тебѣ по сту-тысячъ ливровъ.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ Генѳ съ твердостью, не я, а Богъ дастъ вамъ дни сроку. Богъ дастъ вамъ двѣ недѣли.

Кардиналъ глубоко вздохнулъ и, упавъ на подушки, прошепталъ:

— Благодарю, Генѳ, благодарю.

Докторъ хотѣлъ уйти; больной опять поднялся.

— Молчи! вскричалъ онъ съ сверкающими глазами: молчи!

— Тайна уже два мѣсяца извѣстна мнѣ, ваша свѣтлость, и вы видите, что я хорошо хранилъ ее.

— Хорошо, Генѳ, ступайте; я побочусь о вашемъ состояніи. Ступайте и скажите Бриенну, чтобы онъ послалъ ко мнѣ чиновника, котораго зовутъ Колберомъ.

В. ДЕРИКЕРЪ.

=

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Hortense, Гортензія, по-смертная драма въ трехъ дѣйствіяхъ. *Фредерика Сульѣ.*

Посмертное сочиненіе даровитаго Сульѣ можно отнести къ тѣмъ простымъ, но трогательнымъ исторіямъ сердца, въ которыхъ интересъ занимаетъ второстепенное мѣсто, но гдѣ главная роль принадлежитъ чувству. Кто читалъ Влюбленнаго льва и Маргариту, тотъ знаетъ какъ удавались Фредерикку Сульѣ произведе-

нія этого реду. Но нашему вкусу — эти внутренние драмы стоятъ сравненно выше затѣливыхъ семейственныхъ романовъ того же автора, весьма замѣчательныхъ по интригѣ, но обнаруживающихъ всегда поспѣшность и слѣдовательно небрежность въ отдѣлкѣ. Вотъ сюжетъ Гортензій.

Мы въ Тулонѣ; передъ нами щегольской павильонъ, въ виду рейды. Молодая вдова, мадамъ д'Эспальонъ, смотритъ въ телескопъ на приближающійся корабль. На этомъ кораблѣ предметъ любви ея, господинъ д'Отеривъ, котораго она осудила на двухлѣтнее изгнаніе, чтобы имѣть время достойно оплакать своего перваго супруга. Мадамъ д'Эспальонъ кокетка. Помучить влюбленнаго для нея такое же утонченное наслажденіе, какъ для гастронома съѣсть какую-нибудь птичку безконечно-малой величины. Но она кокетка умная, которая не дастъ окладѣть къ себѣ; въ рѣшительную минуту она тотчасъ сдѣлаетъ отступление и признаетъ себя побѣжденною.

Совсѣмъ иную любовь питаетъ къ господину д'Эрвилью, находящемуся на одномъ кораблѣ съ д'Отеривомъ, нѣжная, добрая Гортензія де-Бланши, также молоденькая вдова. Выданная за мужа за старика, она узнала любовь только во время вдовства своего. Она дѣвственно отдалась любимому человѣку, обвѣщавшему ей свою руку — въ замѣнъ ея пожертвованій и спокойно ждетъ его возвращенія. Но отчего эта блѣдность внезапно покрывшая лицо ея? д'Отеривъ рассказываетъ, что полгода тому назадъ онъ чуть не вызвалъ на дуэль своего пріятеля д'Эрвиля зато, что этотъ осмѣивалъ дураками людей, которые желаютъ на женщинахъ, оболочившихъ ими. Въ этихъ словахъ д'Эрвиля — смертный приговоръ виновной женщины. Гортензія единicomъ благородна, чтобы влюбляясь къ хитроостямъ: она спрашиваетъ прямо своего любовника, говорилъ ли онъ это? да или нѣтъ? Онъ отвѣчаетъ да и даже призывается, что собирается жениться на Амазіи, дочери своего друга Дюперрона.

Дюперронъ, въ свой чередъ, умоляетъ Гортензію защитить въ глазахъ его дочери господина д'Эрвиля, о которомъ она не хочетъ слышать, потому что любить какого-то Виллара. Это еще болѣе растремляетъ рану Гортензій, но не смотра ни на какія страданія она рѣшается взять на себя роль посредницы, для того чтобы устроить счастье любимаго человѣка. Однакожъ Амазія объявляетъ д'Эрвилю рѣшительно, что она не выйдетъ за него; потому что любить другаго. Вилларъ вызываетъ д'Эрвиля, который приписываетъ свои неудачи интригамъ Гортензій; та

считаетъ униженіемъ оправдываться, и удаляется на все-гда, возвращая черезъ д'Отерива нехѣрному его любовныя письма. Они попадаютъ мадамъ д'Эспальонъ, которая узнаетъ такимъ образомъ тайну Гортензій. Скоро эта тайна дѣлается всеобщою тайною. Дюперронъ бросается искать Гортензій и находитъ её въ трактирѣ, гдѣ Вилларъ и д'Эрвилли назначили другъ другу свиданіе, для поединка. Дюперронъ предлагаетъ ей свою руку, тронутый ея благородствомъ. Тогда д'Эрвилли чувствуетъ, что прежняя любовь опять воскресла въ немъ и самъ женится на Гортензій.

Еслибы драма кончилась на томъ мѣстѣ, гдѣ Гортензій удалается, было бы гораздо лучше. Желаніе сдѣлать своихъ героевъ счастливыми, во что-бы-то ни стало, сгубило не одного автора. Впрочемъ драма всё таки хороша. Характеры очерчены искусно. Есть интересъ, есть трогательныя сцены.

Другая капитальная вещь нынѣшняго мѣсяца—

2. *Le Puff. Пуфъ*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, господина Скриба.

Скрибъ доживетъ до ста лѣтъ и всё будетъ писать пятнактыя комедіи, и всё его комедіи будутъ имѣть успѣхъ, даже если бы въ нихъ не было ровно ни какого достоинства. Примѣромъ тому можетъ служить выше-приведенный Пуфъ, въ которомъ нѣтъ ни интересу, ни комическихъ положеній, ни содержанія, и который между тѣмъ не только не упалъ, но даже принятъ публикою Французскаго Театра очень благосклонно. Отчего же это такъ? Да по двумъ причинамъ: во первыхъ, господинъ Скрибъ очень хорошо знаетъ сцену и актеровъ, для которыхъ онъ пишетъ; во вторыхъ, онъ очень хорошо знаетъ французскую bourgeoisie, составляющую большинство публики, и умѣетъ поддѣлаться подъ ея узенькія, пошленькія, понятіяца. Господинъ Скрибъ поэтъ bourgeoisie, и она любитъ, почитаетъ, уважаетъ своего поэта, плачетъ, хохочетъ съ нимъ, осыпаетъ его аплодисментами, расхваливаетъ въ газетахъ. Господинъ Скрибъ можетъ имѣть не полный успѣхъ, но не имѣть не можетъ.

Какой-то аристократъ-литераторъ, господинъ Марцианъ, купилъ за двадцать тысячъ франковъ у книгопродавца Наполеона Бузара рукопись объ Алжирѣ. Эта рукопись принадлежитъ умершему генералу Сентъ-Авольду и продана книгопродавцу вдовствующему генеральшѣ за триста франковъ. Оказывается, что авторъ рукописи, которая есть нѣчто въ родѣ историческаго романа à la Walter Scott, не генералъ, а одинъ изъ его офицеровъ, д'Ангремонъ, написавшій также и томикъ стиховъ. Но онъ и не подо-

зрѣваетъ, что романъ его цѣль; онъ когда-то отдалъ его своему генералу, тотъ куда-то забросилъ его — тѣнь и кончилось дѣло. Теперь генеральша Сентъ-Авольдъ распорядилась этотъ романъ какъ собственностью своего супруга; Мариньянъ, перекупившій его, выдаетъ его за свой и надѣется, что передъ нимъ отворятся двери академій. Между тѣмъ д'Ангремонъ спасаетъ жизнь какому-то старика Гадѣ; большаго скентика, слышащаго Богъ знаетъ почему миллионеромъ, тогда какъ онъ расхаживаетъ вѣшникомъ по парижскимъ улицамъ, попадая подъ ноги лошадей, и не даетъ ни су своей дочери Кориннѣ, покупающей себѣ на деньги, приобретенныя своими трудами, и чепцы и туфли. Мы говоримъ, своими трудами — потому что она Коринна синій чулокъ.

Коринна протезируетъ, въ своемъ журналѣ, господина Мариньяна, на котораго она имѣетъ виды. Но Мариньянъ хочетъ жениться на молодой Антоніи, находящейся подъ опекой старичка Гадѣ. Къ счастью синяго чулка, Антонія любитъ д'Ангремона, и это возвращаетъ надежду Кориннѣ. Однажды въ обществѣ, Мариньянъ проситъ прочесть главу изъ его романа. Онъ соглашается. Д'Ангремонъ тотчасъ же узнаетъ свое произведеніе. Коринна покупаетъ его молчаніе цѣною руки Антоніи, и овладѣвъ такимъ образомъ тайной Мариньяна, заставляетъ его жениться на себѣ.

Вотъ и все. Такой сюжетъ годился бы для маленькаго водевиля; но для комедіи въ пяти дѣйствіяхъ онъ слишкомъ ничтоженъ. Все здѣсь старо, избито, пошло.

3. *Christophe Colomb, Христофоръ Колумбъ*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господина Дашена.

Говорятъ, что господинъ Дашенъ — псевдонимъ. Подъ этимъ псевдемъ скрывается одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ писателей, это ясно выказывается въ пьесѣ, которая ведена очень искусно и обличаетъ руку опытную. Страданія Колумба изображены съ замѣчательною энергіей. Пьеса имѣла большой успѣхъ.

Два человѣка завернутыхъ въ плащи, стоятъ подъ балкономъ. Стало бытъ въ домѣ живеть хорошенькая женщина? Конечно; пифантъ Донъ-Жуанъ не будетъ караулить даромъ. Эта женщина Катерина; она такъ прекрасна, что ее считаютъ колдуньей. Другой человѣкъ, бѣднякъ, сумасшедшій, мечтатель Христюръ Колумбъ. Онъ не обращаетъ вниманія на тайну, которая образуется надъ нимъ. Онъ углубленъ въ свои думы.... ему чудится новый міръ, лежащій далеко за морями.... и только серебряный

голосокъ Катерины порой вызываетъ его изъ задумчивости. Но не всѣ гонять и преслѣдуютъ мечтателя. Герцогъ д'Авила интересуется имъ, общается ему кораблей и онъ не теряетъ надежды осуществить свою мечту. Что же касается до Катерины она должна исчезнуть. Любовь къ ней Донъ-Жуана разстраиваетъ политическіе виды Фердинанда-Католика, и потому сильно не нравится ему. Инквизиція обвинить бѣдную Катерину въ колдовствѣ и конецъ дѣлу. Но у ней есть таинственный покровитель герцогъ д'Авила. Онъ проникаетъ въ ея жилище, подъ маской и въ платьѣ простаго офицера. Тамъ онъ застаётъ Донъ-Жуана, который, видя любовь свою нераздѣленною хотѣлъ прибѣгнуть къ насилию. Герцогъ заставляетъ инфанта удалиться и снимаетъ маску. Катерина узнаетъ своего мужа Антонио, съ которымъ она разсталась вслѣдствіе непопулярной ревности его, по котораго она все еще любитъ. Отышъ единственною мыслью Антонио будетъ спасти жену свою отъ преслѣдованій инквизиціи.

Какимъ образомъ сдѣлать это? Средство представилось скоро. Колумбъ сдѣлавъ адмираломъ; онъ долженъ отправиться въ невѣдомыя страны, къ которымъ влечетъ его призваніе. Онъ уже ступилъ на корабль, какъ герцогъ д'Авила, иначе Антонио, приприводитъ къ нему женщину. Эта женщина Катерина. Колумбъ узнаетъ въ ней дочь свою Терезу. Антонио поручаетъ ее новому адмиралу, который увезетъ ее съ собой. Но Катерина, узнавъ, что мужъ ея не поѣдетъ съ ней, бросается въ воду.

Фердинандъ-Католикъ хочетъ выдать за герцога д'Авиллу инфанту Бланку. Герцогъ, не смѣя признаться что онъ женатъ, и думая притомъ, что жена его уплыла — соглашается. Но Катерину спасли. Только изъ воды ей придется въ пламя. Инквизиція приговариваетъ ее къ костру. Герцогъ не можетъ жениться; имя жены его стоитъ на роковомъ спискѣ Его величества Фердинандъ-Католикъ сердится. Но возвращеніе Колумба открывшаго новый свѣтъ смягчаетъ гнѣвъ его и онъ даруетъ всѣмъ прошеніе. Теперь обратимся къ водевилямъ. Вотъ перечень лучшихъ изъ нихъ.

4. Lavater, *Лафатеръ*, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, *Дюмануара* и *Клервилля*.

5. Le Lion et le Rat, *Левъ и Мышь*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, господь *Л'вена*. и *Поля Вермона*.

6. Le marquis de Lauzun, *Маркизь Лозенъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи господина, *Поля Вермона*.

7. L'art de ne pas donner d'étrennes, *Средство не дѣлать по*

Дарья, надевши въ одномъ дѣйстви, господь *Алфран* и *Ан-блан*.

Алфран, какъ извѣстно, былъ великй энциклопедистъ, основатель замѣчательные ученые труды. Въ одномъ изъ своихъ путешествий онъ встрѣтилъ дѣвушку, которую велъ въ тюрьму, какъ обвиненную въ дѣтубійствѣ. Дѣтская манючка и дѣтскй башмакъ служили ушками несчастной въ этомъ преступленіи. *Алфран*, прочтя на лицѣ ея вѣщность и чистоту, доставалась ей возможность бѣжать, и продолжаетъ свое путешесствіе. Онъ встрѣчаетъ *Луизу* (имя спасенной дѣвушки) въ *Штойбергѣ*, у *Башн*. Она рассказываетъ энциклопедисту, что ребенокъ былъ не ея, а сестры ея, которая умерла опозоренная, и за которую она хотѣла пожертвовать собой. *Луизу* хотѣтъ отдать за маркиза *Траванна*; *Алфран* читаетъ на лицѣ его низость, жестокость и преступленіе, въ чертахъ непонятныхъ для другихъ, но понятныхъ для него. И дѣйствительно *Траваннъ* оказывается разбойникомъ, котораго имя извѣстно въ окрестностяхъ *Штойберга*. Его угодить подъ паролемъ и *Луиза* дѣлается женою секретаря *Башн*, любимаго въ нее и любимаго ею. *Водевиль* этотъ очень милъ. *Ифомонтранъ*, что говорить другой—*Левъ* и *Мышь*.

Левъ де-Варивилъ (*левъ*) когда-то любилъ хорбшенскую гризетку *Альберту* (*мышь*), которую разумѣется скоро бросилъ для новыя любви. *Альберта* вступила на оперную сцену. У ней оказалась талантъ. *Левъ* ведетъ жизнь распутную, полную оргій и наслажденій. Онъ почти каждую недѣлю изнаетъ любовницъ. Только одна пѣтъ маркиза *д'Амегия* такъ успѣла опутать его своими сѣтями, что онъ дѣлается совершенной жертвой ея. *Ще мышь*, которая всё-еще любитъ своего льва, рѣшилась перегрызть эти сѣти и предостеречь его. *Левъ*, тронутый ея добрымъ сердцемъ, предлагаетъ ей свою руку. Последнее пѣсомолько несправдодобро. Когда же *левъ* жонится на *мышь*? Впрочемъ это не мѣшало *водевилью* имѣть успѣхъ, вполне заслуженный.

Маркизь Лозень, пьеска, основанная на переодѣваньи, и написанная для *Дежазе*, которая играетъ здѣсь роль *Лозена*. Чтобы понравиться одной незнакомкѣ, маркизь долженъ выиграть процессъ. Онъ яляется къ тремъ судьямъ, въ трехъ различныхъ видахъ; поддѣлывается къ напризу каждаго судьи, и выигрываетъ процессъ. Въ этихъ пьесахъ главное дѣло хорошенкя актриса. Последний *водевиль*, который учитъ средству не дѣлать подарковъ, забавнѣе и остроумнѣе всѣхъ предъидущихъ.

Это средство, которое пришлось бы по сердцу *Гарцагону*,

тогда печальное предостереженіе; потому что одно изъ величайшихъ наказаній въ жизни — дарить. Думать мужьямъ очень не хочется дарить подарки своимъ женамъ. Женамъ заворотить очень хочется получить отъ мужей своихъ подарки. Одной мужа брильянты, другой мужа шаль. Онѣ заключаютъ между собой договоръ, и рѣшаются каждая обольстить мужа другой. Сказано, сдѣлаю. Можно быть скупымъ къ своей женѣ и очень щедрымъ къ женѣ сосѣда. Первый мужъ, увидѣвъ на своей женѣ брильянты, которые онъ подарилъ женѣ своего пріятеля, понялъ что его одурачили; второй мужъ, увидѣвъ на плечахъ своей жены шаль, подаренную имъ чужой, смѣкнулъ въ чемъ дѣло, и не сказалъ ни слова. Мысль этого водевиля очень комическая, и не могла не имѣть успѣху.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Когда что либо долго пользовалось несправдливомъ, слѣпымъ уваженіемъ, было цѣлкомъ быше заслужить, всегда рано или поздно должно наступить время реакціи, когда оно сдѣлается предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія. Это испытали и виртуозы, преимущественно же пианисты. Непомѣрный успѣхъ, который съ послѣдняго Таубергова перевороту фортепианной игры, имѣли всѣ пианисты, торжество, повсюду совершавшееся даже самыхъ посредственныхъ изъ нихъ, породило цѣлый рой пианистовъ, которые ни о чемъ не думали, кромѣ такихъ же успѣховъ, ни чего не желали, какъ только затмить торжество своихъ вреднѣйшихъ соперниковъ, а теперь стоятъ съ открытыми ртами, дивятся и жалуются на явное къ нимъ неуваженіе и холодность. Давно уже никто не ждетъ отъ виртуозовъ ни какого эстетическаго наслажденія для души; на нихъ смотрятъ только какъ на предметъ любовнѣйшаго, которымъ мы тѣмъ болѣе дивимся, чѣмъ болѣе они отступаютъ отъ нормальнаго ходу природы. Даже дѣтей-виртуозовъ, съ-тѣхъ-перъ какъ мы перевидали ихъ дюжинами, мы уже не считаемъ чудомъ, а развѣ только блестящими результатами механической вышколки, изобрѣтенной въ нѣкѣйшее время. Впрочемъ ребенокъ, порадочно исполняющій концертъ, все-таки любознѣтѣе и удивительнѣе взрослому человѣку, который играетъ его очень хорошо. Что дерево даетъ осенью плодъ, дѣло очень естественно; если же оно даетъ плодъ весной, когда на обыкновенныхъ деревьяхъ едва пробиваются листья, мы подавимся садовнику, который искусственною, тепличною теплою и неутомимымъ попеченіемъ довалъ его до такого противуестественнаго состоянія; но вкуснѣе

плоды, мы тотчасъ узнаемъ, что это тепличныи плоды; въ немъ нѣтъ того вкуса, той сочности, какіе онъ получалъ бы при естественномъ произрастаніи. Тоже можно сказать и о дѣлахъ виртуозахъ, которые по большой части не что иное, какъ искусственныя тепличныя плоды. Мы часто встрѣчаемъ въ нихъ преждевременное механическое развитіе (нерѣдко купленное цѣною тѣлеснаго здоровья и духовнаго развитія), но слѣдъ внутренней, духовной жизни, которая дѣлала бы это преждевременное развитіе необходимымъ, и служила бы въ тоже время ручательствомъ, что это развитіе будетъ въ послѣдствіи не цѣлью, а, какъ слѣдуетъ, однимъ только средствомъ, мы находимъ только въ немногихъ, рѣдкихъ исключеніяхъ.

Къ числу этихъ рѣдкихъ исключеній принадлежитъ, кажется, молодой Николай Губертъ, который давалъ концертъ 30 декабря въ залѣ Университета. Онъ, правда, не обладаетъ ни чрезвычайнымъ механическимъ развитіемъ маленькой Дулькени, которая прошлую зимой взволновала Парижъ и Лондонъ своимъ исполненіемъ Листовыхъ и Тальберговыхъ сочиненій, ни изумительной творческой способностью маленькой Софіи Бореръ, которая въ одномъ концертѣ парижской консерваторіи играла трудный Бетговеповъ концертъ съ dur съ такимъ совершенствомъ, что привела въ восторгъ самыхъ строгихъ критиковъ; но зато онъ моложе своихъ двухъ соперницъ; имъ десять лѣтъ, а ему только семь; слѣдовательно онъ имѣетъ еще три года впередъ, а три года въ этихъ лѣтахъ много значатъ. Впрочемъ и онъ для своего возраста обладаетъ весьма замѣчательнымъ механическимъ искусствомъ; тушь его чиста, тверда, и удивительно сильна; гаммы его быстры и обнаруживаютъ тщательное ученіе. Нельзя не замѣтить съ перваго же разу, что имѣешь дѣло не съ одностороннимъ, пашколеннымъ механизмомъ, а что этотъ механизмъ въ Губертѣ есть результатъ правильнаго логическаго преподаванія, которое каждую ступень развитія выводитъ послѣдовательно изъ предыдущей, и которая можетъ служить твердою порукою за дальнѣйшее здравое развитіе юнаго таланта. Гораздо удивительнѣе механическаго искусства милого мальчика, умѣніе его сродниться съ сочиненіемъ, которое онъ играетъ, усвоить его себѣ; это видно изъ того, съ какимъ вкусомъ и съ какою любовью онъ исполняетъ мелодіи, какъ онъ тонко оттъниваетъ каждый пассажъ, и въ особенности какъ онъ умно фразируетъ музыку, чего напрасно будешь искать у многихъ взрослыхъ виртуозовъ. Этихъ качествъ нельзя вбить въ такой степени ученіемъ: они

несомнѣнный признакъ врожденной, внутренней музыкальной жизни: по этому то отъ маленькаго Губерта можно со временемъ ожидать дѣйствительнаго замѣчательнаго таланта. Что онъ теперь не играетъ ни Листа ни Тальберга, а только сочиненія доступныя его крошечнымъ пальчикамъ и умственному развитію, дѣлаетъ честь его учителю, который могъ въ этотъ день вдвойнѣ гордиться и радоваться, потому что онъ же и отецъ своего даровитаго ученика.

Миниатюрный концертистъ, котораго прелестная курчавая головка съ улыбкою выглядывала изъ малиновой рубашки, какъ едва распускающійся розанчикъ среди цвѣтника, сыгралъ намъ сначала первую часть концерта *f. dur* Мошелеса, сочиненіе написанное для піанистовъ въ его родѣ. Потомъ онъ сыгралъ граціозное, полное вѣжной мелодіи адажіо Фески. Въ заключеніе онъ исполнилъ рондо концерта Мошелеса, и исполнилъ его, какъ и первую часть, съ такою бойкостью, такимъ вкусомъ и такою увѣренностью, что даже нѣкоторые промахи оркестра не могли сбить его. Bravo! брависсимо! — Что нашъ розанчикъ-артистъ былъ встрѣченъ съ самыми живыми изъявленіями удовольствія, и говорить нечего. Дѣти, которые сошлись въ огромномъ числѣ, мигомъ овладѣли оркестромъ; мило было смотрѣть на нихъ, какъ они взбирались на скрипичные ящики, чтобъ поближе посмотрѣть на своего торжествующаго товарища, и въ восторгѣ хлопали рученками. Дамы призывали маленькаго художника и на перерывъ осыпали его конфетами и поцѣлуями. О, счастливый концертистъ! да не оставитъ тебя никогда воспоминаніе объ этомъ сладкомъ торжествѣ! оно будетъ тебѣ утѣшеніемъ во всѣхъ горестяхъ, которые предстоятъ тебѣ на поприщѣ искусства.

Скажемъ еще слово о прочихъ частяхъ концерта. Господинъ Михайловъ очень хорошо и съ выраженіемъ спѣлъ баркаролу Донизетти и превосходную теноровую арію изъ Россиніева *Stabat mater*. Господинъ Штуббе сыгралъ претрудныя варіаціи для скрипки, Гауманна, съ бравурностью, и съ неподдѣльнымъ выраженіемъ въ кантиленахъ. Наконецъ, господинъ Плагманнъ, котораго мы тутъ въ первый разъ имѣли случай слышать, спѣлъ на тромбонѣ *Ständchen* Шуберта и баркаролу Кюкена, съ такимъ совершенствомъ, какое даже у нѣвцовъ встрѣчается только изрѣдка. Инструментъ господина Плагмана звономъ подходитъ къ простой валторнѣ, но онъ гораздо звучнѣе и притомъ не имѣетъ неудобства закрытыхъ звуковъ. Изъ духовыхъ инструментовъ, онъ всѣхъ болѣе приближается

изъ человѣческому голосу. Игра господина Плагмана прекрасна единодушный, искренній восторгъ, и дѣйствительно, мы давно не слышали ничего такого прекраснаго.

Такимъ образомъ концертъ, данный маленькимъ Губертомъ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя болѣе удаченъ; желаемъ такого же успѣху и слѣдующимъ его концертамъ, которые однакоже, для собственной его пользы, мы советуемъ ему давать не прежде какъ черезъ нѣсколько лѣтъ.

— Въ прошедшихъ книжкахъ Б. для Ч., говоря о квартетныхъ утрахъ Вьѣтана, мы, по недосмотру, не упомянули о пятомъ утрѣ, которое, однакоже, было такъ же любопытно, какъ и другія. Спѣшимъ исправить ошибку. Утро началось квартетомъ е-moll Мендельсона-Бартольди. Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ этого даровитаго композитора прекрасно соединяется новѣйшее направленіе съ классическимъ. Съ необыкновеннымъ умомъ и искусствомъ и съ самою строгою послѣдовательностію развиваетъ онъ свои прекрасныя, оригинальныя мелодіи даже въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Всего же болѣе отличаются его произведенія рѣдкимъ единствомъ характера, которому онъ не измѣняетъ ни на одно мгновеніе, ни въ мелодіяхъ, ни въ ихъ разработкѣ, какъ бы она ни была замысловата и сложна. Отсюда происходитъ поразительная сила, съ которою каждое его сочиненіе все болѣе и болѣе овладѣваетъ слушателемъ, и наконецъ совершенно увлекаетъ его, такъ, что онъ невольно переносится вмѣстѣ съ композиторомъ въ міръ звуковъ, и забываетъ все остальное. Въ первой части квартета е-moll встрѣчается нѣсколько быстрыхъ фигуръ, болѣе свойственныхъ фортеціано нежели квартету. Скерцо гениальная, легкая, воздушная картина, въ которой тотчасъ узнаешь автора «Сна въ Ивановскую ночь». Адажіо прелесть канталена съ тихо колышущимся аккомпаниментомъ въ родѣ задумчивыхъ пѣсень безъ словъ, которыми Мендельсонъ въ самомъ еще началѣ своей дѣятельности приобрѣлъ столько почитателей. Внезапный переходъ отъ протяжныхъ нотъ канталены къ быстрымъ пассажамъ и фигурамъ аккомпанимента, въ нѣсколькихъ мѣстахъ вредятъ прекрасному эффекту мелодіи, потому что она отъ того какъ будто лишается воли и успокоивающаго заключенія и обрывается прежде надлежащаго времени. Энергическій, полный страсти финалъ, который былъ взятъ въ чрезвычайно скоромъ, хотя и не преувеличенномъ темпѣ, немало пострадалъ въ эффектѣ отъ промаха, который привудилъ начать

ето снова. *Errare humanum est!* И великіе артисты могут незначай перевернуть разомъ два листа вмѣсто одного.

Ватѣнъ господинъ Фракинъ игралъ фортепильный квартетъ 1-мой, погибшаго въ войнѣ за свободу Германіи, при Зальсбургѣ, принца Людовика Фердинанда Прусскаго. Съ самыхъ древнихъ вѣковъ и до новѣйшаго времени, съ точностью извѣстны всѣ вѣтвоя особы, занимавшіяся музыкою. Англійскій король Ричардъ Львиное Сердце сочинялъ съ своимъ вѣрнымъ Блоддеземъ множество пречувствительныхъ миннелидеровъ, а несчастная Марія Стюартъ съ пѣвцомъ Давидомъ Риціо. Генрихъ Четвертый, король французскій, воспѣвалъ въ своемъ «Vive Henri Quatre» себя самого и свое троякое мастерство «de boire, de se battre et d'être un vert galant». Итальянскій князь Веноза, жившій въ шестнадцатомъ вѣкѣ, оставилъ намъ нѣсколько прекрасныхъ мотетовъ и мадригаловъ. Въ новѣйшее время, съ высшимъ развитіемъ искусства, и художническая дѣятельность вѣнцесныхъ особъ получила большее развитіе. Фридрихъ Великій былъ почти настоящій художникъ. Онъ игралъ на флейтѣ какъ истинный виртуозъ, и сочиненія его ставились очоь высоко. Изъ нихъ нѣ извѣстны только одна увертюра (недавно изданная ученымъ смотрителемъ берлинской библіотеки, С. В. Денааръ) и концертъ для флейты, который хранится въ берлинской библіотекѣ; и то и другое сочиненіе не представляютъ особенной оригинальности, и написаны совершенно въ повседневномъ стилѣ того времени. Преемникъ Фридриха Великаго, Фридрихъ Вильгельмъ Второй, такъ же какъ и современникъ его, Георгъ-Третій король англійскій, былъ усердный виолончельствъ. Племянникъ его, принцъ Людвигъ Фердинандъ, ученикъ Дуссека, не только былъ замѣчательный пианиствъ, но и причислялся къ самымъ талантливымъ композиторамъ своего времени. Время его ипрочеиъ было то печальное время, когда Моцарта забыли, Бетговена еще не знали, и благоговѣли передъ Кожелюхомъ, Штейбелтомъ и Дуссекомъ. Въ наше время множество высокихъ особъ пытаются свои силы съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ на поприщѣ музыки. Чтобы не наскучить читателямъ, я заключу свою коротенькую таблицу именемъ принца Альберта, супруга королевы Викторіи, потомъ, кронпринца ганноверскаго, извѣстнаго нѣсколькими прекрасными пѣснями, которыя явились и въ печати, принца гогенцолернъ-гехингенскаго, котораго такъ мило изображаетъ Берлиозъ, и наконецъ герцога Саксенъ-Кобургскаго.

Сочиненія приида Лудвига Фердинанда, въ свое время справедливо пользовались большимъ уваженіемъ, Квартетъ f-ной своили прекрасными, злегически-нѣжными мелодіями и мрачною задумчивостію, которою онъ проникнуть съ начала до конца, свидѣтельствуеть благородную душу и высокое стремленіе автора; онъ безспорно лучшее его произведеніе.

Пятое квартетное утро заключилось прекраснымъ Моцартовымъ квартетомъ с-dur съ диссонирующимъ вступленіемъ, для объясненія котораго старые теоретики написали столько же листовъ, сколько въ немъ нотъ.

— Вотъ что намъ пишутъ изъ Парижа, о положеніи тамошнихъ оперныхъ театровъ:

«До сихъ поръ Большая Опера не оправдала ожиданій, которыя подавало ея открытіе; удаленія госпожи Штольцъ и Пилъе, для того кажется, было недостаточно. Образование труппы, достойной перваго лирическаго театра Франціи, разумѣется, довольно трудно, но недостатку хорошихъ пѣвцовъ; но репертуаръ по крайнѣйшѣрѣ могъ бы быть поразнообразіемъ и побогаче, если не новыми, то хоть старыми произведеніями. Какъ въ великии господа новѣйшіе композиторы, они однако же позволяютъ сказать, что и между нихъ предшественниками есть великіе художники, и что несправедливо изъ за нѣсколькихъ произведеній лишать публику цѣлой литературы. Не понятно, почему новые директоры, которые при всей своей любви къ искусству, должны всегда имѣть въ виду и кассу, не догадаются сберечь огромныя тѣнѣмы, поставивъ какую нибудь старую оперу; Глукъ или Моцартъ не станутъ требовать съ нихъ денегъ.

«Съ открытія Большой Оперы мы видѣли на ней Жидовку, Карла VI, Царицу Кипрскую, Фаворитку, Гугенотовъ, Фенеллу и нѣкоторыя другія пьесы прежняго репертуара, отчасти поставленныя совершенно вновь и со всевозможною роскошью. Публика всегда съ радостію принимаетъ эти давно ей извѣстныя произведенія, и только желала бы иногда лучшаго исполненія. Пультъ являлся нѣсколько разъ въ роляхъ Дюпре, но не можетъ замѣнить его. Въ басѣ Ализара болѣе силы, чѣмъ пріятности, а хо рошенькій талантъ госпожи Массонъ слишкомъ далекъ отъ таланта госпожи Штольцъ. Госпожа Геберъ-Масси также не можетъ сравниться съ Дорюсъ-Гра въ роляхъ пажей.

«За то новая дирекція доставила намъ счастье слышать въ нѣсколькихъ концертахъ госпожу Альбони, о которой насъ давно уже вѣвѣщали изъ Лондона какъ о какомъ-то новомъ чудѣ пѣнія. Дл-

режція ее сначала даже ангажировала, но она, къ сожалѣнію, не довольно твердо во французскомъ языкѣ, чтобъ удовлетворить разборчивому слуху Французовъ; поэтому она въ Большой Оперѣ дала только нѣсколько концертовъ, и перешла въ итальянскую оперу. Уже въ концертахъ она явилась великою артисткою; могучій голосъ и чисто итальянская метода ставить ее въ число первоклассныхъ пѣвицъ. Дебютъ ее въ Семирамидѣ оправдалъ всѣ ожиданія публики. Но еще блистательнѣе былъ ее второй дебютъ въ Ченерентолѣ; хотя ее ростъ и полнота не совсѣмъ вьжуются съ ролью бѣдной дѣвушки, но чего не простишь ради таланта!

«Другая знаменитость, которую мы обязаны новой дирекціи, есть танцовщица Черрито, дебютировавшая въ новомъ балетѣ, «Мраморная дѣва», который и по содержанію и по музыкѣ (Пульни) ниже всякой посредственности. Не разлучный сверстникъ и мужъ госпожи Черрито, Севъ-Леонъ, также не безъ успѣху дебютировалъ въ Большой Оперѣ.

«Итальянская Опера достойнымъ образомъ закрыла прошлогодній свой сезонъ и открыла нынѣшній, именно «Донъ-Жуаномъ». Исполненіе этого величайшаго изъ музыкальныхъ произведеній на итальянскомъ театрѣ было всегда не совсѣмъ удовлетворительно; это очень понятно, потому что Итальянцы, по врожденному тщеславію, пренебрегаютъ общимъ ходомъ оперы. Гдѣ каждый изъ нихъ не можетъ самъ по себѣ выдѣлывать всякія горловыя чудеса, тамъ имъ нѣтъ спасенія. Послѣ этого немудрено, если у нихъ «Донъ-Жуанъ», котораго величіе заключается преимущественно въ цѣломъ, вялъ и холодеетъ. И публика не слишкомъ честитъ его. Я думаю, что если бы «Донъ-Жуанъ» явился нынче посѣтителемъ итальянской оперы съ именемъ неизвѣстнаго композитора, онъ бы упалъ самымъ блистательнымъ образомъ. Колетти жалкій Донъ-Жуанъ, а Лаблашъ слишкомъ растолстѣлъ для Леопоралло. Его наружность до того уничтожаетъ всякую иллюзію, что даже чудное пѣніе не можетъ возстановить ее; въ героическихъ роляхъ Лаблашъ все таки сноснѣе чѣмъ Леубрелло. Маріо поетъ партію Дона Оттавіо превосходно; у Грвзи донна Анна не отличалась отъ Нормы; Персіани въ роли Церлины лучше играетъ чѣмъ поетъ; всѣхъ добросовѣстнѣе исполняетъ Корбаръ роль Эльвиры. Слабое, небрежное исполненіе этой безсмертной оперы вполнѣ доказало ничтожество труппы; но какая должна быть пустота въ новомъ итальянскомъ репертуарѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ Дондзетти замолчалъ, если эти господа прибѣгаютъ

къ «Донъ-Жуану». Въ последнее время, впрочемъ, они получили сильное подкрѣпленіе въ талантѣ Альбони; для нея поставили «Семирамиду» и «Черевестолу»: а то они стали уже было распивать старый хланъ, и на первый разъ вытащили изъ него нѣстерпимую «Джемму ди Верджи».

«Вновь основанная «Национальная Опера» играетъ попеременно «Гастибельзу» Моллера, «Алину» Бертонна и «Пропащее дитя», Моксини. Недавно поставили также старинную оперетку въ одномъ дѣйствіи Адама, «Любовная продѣлка»; обѣщаютъ также возобновить Мазаниелло Караччи и нѣкоторыя другія старинныя произведенія французской школы. Этотъ театръ начинаетъ свое поприще очень дѣлательно; нельзя же требовать огромнаго репертуара отъ театра, который существуетъ всего третій мѣсяць.

«Изъ всѣхъ даритесныхъ театровъ, въ самомъ блестящемъ положеніи находится Комическая Опера; она безпрестанно даетъ новыя пьесы, и пьесы ея всегда хорошо разыграны. Едва мы успѣли поохладѣть съ успѣхомъ новаго композитора Гюстава Гейнэ, какъ даютъ намъ новую оперу давшинца нашего любимаго Обара, и въ добавокъ на либретто Скриба: «Ганда, или Тайна», въ трехъ дѣйствіяхъ. Не смотря на очень сомнительный успѣхъ послѣдней изъ комической оперы, «Баркаролла», она опять избрала нѣкоторыя дѣйствія страну баркароллы, Венецію, и закладываютъ слушателя баркароллами, но баркароллами долго не удержишь, иными до нельзя.

«По созданной господиномъ Скрибомъ поэтикѣ для оперы въ либреттѣ, можно сказать, что въ составъ его успѣховъ входятъ всѣ четыре стиха, съ приравой революціей и реставраціей. Отсюда у него всегда богатство дѣйствія, которое, при бойкомъ, непринужденномъ и умномъ разговорѣ, всегда занимаетъ слушателя. На этотъ разъ дѣйствіе открывается въ Зурѣ, столицѣ Даванціи. Лоредано, молодой адмиралъ венеціанской республики, только что разбилъ Турокъ, разорилъ Каиръ, и вывезъ оттуда молодую невольницу, Гречанну Ганде, которая полюбила его, какъ Эрцланда полюбила въ Лезбосѣ грознаго Ахиллеса. Но Лоредано пасмуренъ, на сердцѣ его лежитъ тяжелая дума; когда онъ былъ моложе, онъ былъ мотъ и игрокъ; онъ безчестно обыгралъ своего друга Донато, который съ отчаяніемъ застрѣлился, оставивъ сироту племянницу и сына безъ всякихъ средствъ; съ тѣхъ поръ

Лоредано бросилъ игру; искалъ смерти въ сраженіяхъ, но вмѣсто смерти нашелъ адмиральскій чинъ. Онъ взялъ себя на воспитаніе племяннику Донато, и всадъ отъискиваетъ его сына, которому онъ отказалъ духовнымъ завѣщаніемъ все свое имѣніе. Этотъ сынъ скрывающійся подъ чужимъ именемъ, любитъ свою двоюродную сестру Рафаэлу, и вступилъ въ службу къ адмиралу подъ именемъ Андрея.

Несмотря на признательность свою къ великимъ заслугамъ Лоредана, венеціанскій сенатъ приставилъ къ нему начальника бомбардировъ, Малипьера, чтобы за нимъ наблюдать. Этотъ Малипьеръ, настоящій мелодраматическій мерзавецъ, также влюбленъ въ Рафаэлу и проситъ ея руки; Лоредано отказывается, потому что самъ хочетъ жениться на своей воспитанницѣ, не изъ любви, а чтобы вознаградить ее за утрату дяди. Оскорбленный Малипьеръ, рѣшается отомстить адмиралу. Случай приводитъ его къ Лоредану во время припадка лунатизма, въ которомъ Лореданъ рассказываетъ исторію роковой ночи своего преступленія, и отдаетъ злодѣю завѣщаніе, какъ орудіе мести. Во второмъ дѣйствіи побѣдители штурмуютъ; Доменико предлагаетъ развѣдрать послѣднюю бочку рому; адмиралъ запрещаетъ игру. Малипьеръ снова требуетъ руки Рафаэлы, грозясь къ противному случаю открыть тайну Лоредана; адмиралъ отвѣчаетъ, что самъ намѣренъ жениться на Рафаэлѣ; отчаяніе Ганде.

Между тѣмъ Турки обратились отъ пораженія и снова нападаютъ на венеціанскій флотъ; но опять разбиты благодаря мужеству Андрея, который съ двадцатью бомбардирами овладѣлъ турецкими кораблями. Адмиралъ, узнавъ въ немъ сына Донато, отдаетъ ему начальство надъ кораблями, къ крайней досадѣ Малипьера, который просилъ его для себя. Третье дѣйствіе происходитъ въ Венеціи, представляеть витриги Малипьера, рѣшимость Лоредана избѣжить позора самоубійствомъ, усиліе Ганде удержать его, ея признаніе въ любви. Сенатъ предлагаетъ Лоредану санъ дожа; онъ хочетъ сначала отказать, но потомъ принимаетъ, чтобы простить Андрея, который убилъ на дуэли злодѣя Малипьера, и по венеціанскимъ законамъ долженъ подвергнуться смертной казни. Андрей женится на Рафаэлѣ, а Лоредано можетъ быть женится на Ганде, потому что она царской крови.

Многочисленные почитатели таланта Обера не совѣтъ справедливо трубили заранѣе, что авторъ «Фенеллы» и «Фра-Діаволо»

ни въ одной еще партитурѣ не сыналъ такую щедрою рукою своею свѣжія мелодіи и богатства своею замысловатой оркестровкой; однако же новая партитура его достойна своихъ предшественницъ; она жива, свѣжа и ловко инструментована. Исполненіе было превосходно. Рожѣ мастерски созданы роль Лоредана; Германъ-Леонъ (Маллпьері), госпожа Лавуа (Ганде), госпожа Гримъ (Рафазла), Рикье и Одровъ пѣли и играли съ обычною своею отчетливостію и одушевленіемъ. Оберъ можетъ смѣло поставить этотъ трудъ въ числѣ своихъ торжествъ.

— Втеченіи зимы Большая-Опера общается партитуру Розенгайна; всѣ съ петербургскимъ ждутъ этого перваго опыта талантливаго композитора на поприщѣ драматической музыки.

— Говорятъ также, что Мейерберъ заключилъ контрактъ съ дирекціею Большой Оперы, для постановки своего «Пророка». Онъ долженъ быть представленъ въ сентябрѣ; дирекція обязывается ангажировать для него госпозу Виардо-Гарсію, а на теноровую партію — или Рожѣ или Гуаско.

— Оберъ неутомимъ; онъ опять пишетъ новую, большую оперу; либретто опять Скриба, и называется «Блудный сынъ».

— Листъ даетъ блистательные концерты въ Стокгольмѣ; его ждутъ въ Веймарѣ, куда онъ поѣдетъ черезъ Копенгагенъ, Гамбургъ и Берлинъ.

— Кроунъ Листа, Стокгольмъ слушаетъ Жювни Лидъ. Она заключила съ дирекціею Королевской Оперы контрактъ, котораго обязывается играть каждую недѣлю воспроизведеніи трехъ мѣсяцевъ съ тѣмъ, чтобы пѣны мѣстанъ были возвышены на половину, и чтобы ей отдавали половину ебора за каждое ея представленіе. Наканунѣ перваго ея представленія, во всѣхъ газетахъ было напечатано письмо ея, въ которомъ она объявляетъ, что желая оставить своему отечеству воспоминаніе болѣе вѣчное, чѣмъ одно ея временное пребываніе въ Стокгольмѣ, она рѣшилась поевтратить все, что получить за свои представленія на основаніе уѣздаща, въ которыхъ молодые люди обоаго пола, чувствующие призваніе къ искусству, могли бы безденежно обучаться музыкѣ или драматическому искусству. Это благородное намѣреніе еще усилило общій энтузіазмъ къ великой артисткѣ, которая еще не являлась передъ публикою съ пріѣзду своего въ Стокгольмъ. Хотя продажа билетовъ въ кассѣ должна была начаться только въ день представленія, въ десять часовъ утра, однако еще наканунѣ,

въ четыре часа пополудни площадь театра начала покрываться народомъ. Къ одиннадцати часамъ толпа была такъ многочисленна, что полиція, для предупрежденія безпорядковъ, сочла необходимымъ построить ее въ рядъ, что было исполнено съ величайшимъ спокойствіемъ. Но по полуночи, въ соседнихъ улицъ вышла новая, плотная толпа, бросилась на строй, отбѣснила его, и осадила театръ. Отогнанные скоро возвратились, напали въ свою очередь на обидчиковъ и завязали серьезный бой; многіе были опасно разбиты кулаками или затоптаны ногами. Полиція, потерявъ надежду унять противниковъ кротостью, послала за войсками; явился сильный отрядъ пѣхоты, который встрѣтилъ сопротивление, и не безъ труда успѣлъ очистить площадь. Потомъ площадь была занята военною силою, и въ кассѣ допущено только около двухъ тысячъ человекъ, то есть, вдвое болѣе, нежели можетъ помѣститься въ театрѣ. Втеченіи дня билеты перепродавались въ пятьдесятъ разъ дороже цѣны, которой они стоили въ кассѣ. Многіе платили за мѣста въ амфитеатрѣ первого яруса по оту риксдалеровъ, то есть, болѣе ста-пятидесяти рублей серебромъ. Объ успѣхѣ Женни Линдъ скажемъ только, что публика употребила всѣ средства изъявить ей свой восторгъ, не исключая голубей, которые до-сихъ-поръ употреблялись въ одной Италіи.

Во-второе представленіе, Женни Линдъ изъявила желаніе играть оригинальную шведскую пьесу. Но какъ шведскихъ оперъ нѣтъ, то она взяла роль въ комедіи Бланша, «Молодая Лапландка», въ которую авторъ вставилъ множество шведскихъ шельскъ. Для избѣжанія безпорядковъ, бывшихъ при раздачѣ билетовъ на первое представленіе, дирекція объявила, что будетъ давать билеты только по письменнымъ прошеніямъ, и что когда число желающихъ будетъ превосходить число билетовъ, они будутъ продаваться съ публичнаго торга въ театрѣ. И дѣйствительно билеты продавались съ молотка, и платились по сорока-пяти риксдалеровъ, то есть болѣе шестидесяти рублей серебромъ. Весь сборъ составилъ около шестнадцати тысячъ рублей серебромъ.

— Талантливая Катринька Дитцъ, піанистка королевъ французской и баварской, кажется мѣтитъ и въ піанистки королеввы англійской; она даетъ въ Лондонѣ, съ какимъ-то піанистомъ Эмилемъ Альберомъ, блестящіе концерты, на которые съѣзжается вся знать.

— Знаменитый горнистъ Вивье возбуждаетъ всеобщій восторгъ во всѣхъ городахъ Голландіи и Бельгіи. Между прочимъ, изъ Утрехта пишутъ о немъ: мы давно уже слышали, что Вивье человекъ съ необыкновеннымъ талантомъ; теперь же мы само скажемъ, что онъ царь своего инструмента; въ этомъ согласятся всѣ, слышавшіе его у насъ. Превосходство его игры, въжившей, широкой, полной души и выраженія, не только изумило, но привело въ восторгъ всѣхъ слушателей. Говоря безъ преувеличенія, надо слышать Вивье, чтобы имѣть понятіе о красотѣ, о силѣ, и чистотѣ и въживности звуковъ, которые онъ извлекаетъ изъ инструмента; это самый въживный человѣческій голосъ. Вивье сдѣлалъ то, чего не могъ сдѣлать до него ни одинъ артистъ; онъ превратилъ самый скудный инструментъ на одну степень съ самыми великими и совершенными. Не говоря объ акустическихъ качествахъ въ его «Охотѣ на три и на четыре голоса», который превзошелъ всѣ ожиданія, вспомнимъ только, какъ онъ игралъ пѣсню Шуберта *Lob der Thränen*; почти не вѣрилось чтобы эту дивную мелодію игралъ простой видный инструментъ; это были жалобные, трогательные звуки самого въживнаго человѣческаго голоса. Посторонныя, Вивье безспорно величайшій горнистъ, какой когда-либо существовалъ; онъ достигъ послѣднихъ предѣловъ совершенства. После пѣсни Шуберта онъ былъ нѣсколько разъ вызванъ и отпущенъ самыми неистовыми рукоплесканіями.» Кстати, говорятъ очень положительно, что Вивье собирается снова посѣтить насъ великимъ походомъ.

— Молодой пианистъ Альфредъ Зелль, о которой мы не разъ имѣли случай говорить, дастъ блестящіе концерты въ Бресслѣ. Слава его растетъ съ каждымъ днемъ.

— Представленія госпожи Виардо-Гарсинъ въ разныхъ нѣмецкихъ городахъ такъ же блестящи какъ были прошлою зимою; она дала нѣсколько представленій въ Дрезденѣ и въ Гамбургѣ; и являлась поочередно въ «Севильскомъ Цирюльникѣ, въ Робертъ-Дьяволѣ, (въ обѣихъ роляхъ виѣствъ, Изабеллы и Алисы) Жидовкѣ, Гугенотахъ, и Донъ-Жуанѣ.» Ее скоро ждутъ въ Берлинѣ, гдѣ она пробудетъ мѣсяца два, а потомъ въ Лейпцигѣ.

— Въ Гамбургѣ явилось еще музыкальное чудо: одиннадцатилѣтняя пианистка, Лаура Бѣригенъ, изъ Ганновера.

— Рихардъ Вагнеръ, авторъ оперы «Риензи», которая не да-

вно была поставлена въ Берлинѣ, кочила новую оперу «Дец-грийнъ». Сюжетъ заимствованъ изъ средневѣковой легенды о святомъ градѣ.

— На берлинскомъ королевскомъ театрѣ даютъ Расинну «Гололио», съ хорами Мендельсона-Бартольди; до-сихъ-поръ они были исполняемы только при дворѣ, а нынче въ первый разъ являютя на театрѣ; они имѣли блестящій успѣхъ.

— Опера МеркадANTE «Леонора» почти упала на берлинскомъ итальянскомъ театрѣ; музыка этой оперы гладка, пѣвуча, но безъ всякой оригинальности и глубины; вообще это одно изъ слабѣйшихъ произведеній почтеннаго маэстро.

— Племянница знаменитой Тальони, Марія Тальони, кажется хочетъ быть преемницею славы своей тетки; она теперь съ огромнымъ успѣхомъ является въ Берлинѣ, въ новомъ балетѣ Павла Тальони, «Тea, или Фея цвѣтовъ».

— Въ Берлинѣ ждали Словтци, который по приглашенію короля, обещалъ пріѣхать ставить вновь свою «Весталку, Олимпію, и Нурмаголь»; но внезапная болѣзнь, угрожающая ему глухотою, удерживаетъ его въ Парижѣ.

— Берлинскій скрипачъ Августъ Мёзеръ уѣхалъ въ Испанію, гдѣ онъ даетъ блестяще концерты. Мадридскій музыкальный дядей избралъ его въ свои члены.

— Нашъ долготѣвнй знакомецъ Карлъ Мейеръ, не давно участвовалъ въ одномъ концертѣ лейпцигскаго Гевандгауза, еще съ болѣющимъ успѣхомъ, чѣмъ въ прошломъ году. Едва онъ вошелъ въ залу, какъ его встрѣтили громкія рукоплесканія публики, не забышей удовольствіе, которое онъ доставлялъ ей прошлаго дномъ своею прекрасною игрою и оригинальными сочиненіями. Въ этомъ концертѣ онъ сыгралъ свой концертъ-симфонію, и нѣсколько этюдъ.

— По какому-то странному степенію обстоятельствъ «Иль Пророку» Мендельсона суждено было быть свое мутворцу внутреннею молитвою въ могилу. Мы уже говорили, если не ошибаеся, что въ самый часъ его смерти, «Илью» исполняли въ Берлинѣ и въ Гамбургѣ. Во Франкфуртѣ давѣстіе о его смерти врышло во время первой пробы оркестра. Оно тѣмъ болѣе поразило и огорчило исполнителей, что многие изъ нихъ, въ томъ числѣ и дирижеръ, Мессеръ, были искренннми друзьями покой-

наго; не мудро, что нѣкоторыя мѣста гениальной ораторіи явились слушателямъ трогательнымъ, пророческимъ реквиемомъ. На публичномъ исполненіи ея, всѣ члены общества Святой Цециліи, дававшего этотъ концертъ, были въ траурѣ.

Въ Вѣнѣ первое исполненіе «Ильи» также обратилось въ горестное торжество. Мендельсонъ обѣщалъ самъ пріѣхать дирижировать его, и его ждали со дня на день, когда пришла вѣсть его смерти. Въ концертѣ передъ ораторіею была произнесена рѣчь въ честь покойнаго; всѣ слушатели были въ траурѣ; дирижерскій пальметъ былъ обтянутъ дымякою, и на немъ лежалъ лавровый вѣнокъ. Оркестръ и хоръ состояли слишкомъ изъ тысячи человекъ; изъ солистовъ въ особенности были замѣчательны Каролина Мейеръ и Штаудигль.

— Женѣ Лутцерь-Дингельштедтъ, одна изъ лучшихъ пѣвицъ Германіи, пріѣхала въ Вѣну, гдѣ намѣрена дать нѣсколько представлений. Она уже являлась въ роли Адины въ «Любовномъ напитокѣ», и была принята съ живѣйшимъ энтузіазмомъ.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ концертовъ лейпцигскаго Гевандгауза была исполнена новая симфонія престарѣлаго композитора, Фридриха Шнейдера, которая доказываетъ, что въ его старческомъ тѣлѣ живетъ душа, еще полная юношеской силы и свѣжести. Мелодія его свѣжа, одушевлена и мѣстами оригинальна; оркестровка занимательна и замысловата. Успѣхъ былъ самый блистательный.

— Въ Гейдельбергѣ недавно умеръ одинъ изъ ученѣйшихъ нѣмецкихъ музыкантовъ и профессоровъ, Фольвейлеръ, на семьдесятъ-седьмомъ году отъ рожденія. Съ глубокимъ знаніемъ предмета онъ соединялъ въ высшей степени умѣнье передавать свои знанія другимъ, и ревность къ дѣлу. Зато и ученики любили какъ отца этого старика, котораго единственною цѣлью было образовать и развить дарованія молодыхъ художниковъ, обращавшихся къ нему въ его уединеніи. Онъ оставилъ въ рукописи огромное теоретическое сочиненіе, плодъ пятидесятилѣтнихъ трудовъ. Изъ учениковъ его самыя замѣчательныя—его сынъ и Георгъ Аловъ Шмитъ. Сынъ, Карлъ Фольвейлеръ, жившій уже нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, поѣхалъ проститься съ умирающимъ отцомъ, но на пути получилъ извѣстіе о его кончинѣ. Это извѣстіе такъ его огорчило, что онъ самъ опасно заболѣлъ. Онъ теперь въ Гейдельбергѣ.

— Уже нѣсколько разъ возобновлялся споръ о происхожденіи знаменитой французской революціонной пѣсни *la Marseillaise*. Одинъ извѣстный берлинскій музыкантъ и критикъ утверждаетъ, что когда первыя экземпляры ея были привезены въ Берлинъ, всѣ очень удивились, узнавъ въ ней пѣсню, которая уже давно ходила по рукамъ въ рукописи, съ нѣмецкимъ текстомъ, который, по свѣжести и бойкости стиховъ очевидно былъ подлинникомъ французскаго перевода. Слова этой пѣсни приписывались единственно извѣстному ученому «Форстеру», а музыка Іоганну Фридриху Рейхардту: оба извѣстны были своимъ энтузіазмомъ къ французской республикѣ. Этотъ нѣмецкій текстъ былъ потому напечатанъ вмѣстѣ съ французскимъ; но изданіе это стало чрезвычайно рѣдко.

— Изъ Бергама пишутъ, что здоровье Донизетти примѣтно поправляется, но что надежды возвратить ему рассудокъ очень мало.

— Одна итальянская газета сообщаетъ слѣдующую очень ютѣшительную таблицу существующихъ въ наше время пѣвцовъ и пѣвицъ:

Примадонны, поющихъ хорошо	по однимъ 2, по другимъ 3	
— — — — —	сносно	270
— — — — —	слишкомъ громко	250
— — — — —	слишкомъ тихо	250
— — — — —	дурно, полагая что пѣть фальшиво ничего или почти ничего не значить	400
— — — — —	довольно дурно, чтобы беспокоить публику .	35
Басовъ, баритоновъ и теноровъ, поющихъ хорошо		—
— — — — —	посредственно	400
— — — — —	фальшиво	400
— — — — —	ничего не смыслящихъ .	100
Артистовъ, способныхъ вообще выполнить какъ слѣдуетъ «Вильгельма Теля»		0
Итого		2,103

Число хорошихъ басовъ, баритоновъ и теноровъ не выставлено, потому что показанія статистиковъ слишкомъ разнорѣчивы.

— Изъ Лукки пишутъ, что Дёлеръ совершенно оправился отъ тяжелой болѣзни, которая встревожила всѣхъ почитателей его та-

ланта, и что онъ всею собируется вхвать въ Вѣну ставить недавно конченную оперу.

— «Манфредъ» Верди былъ недавно представленъ съ блестящими успѣхами во Венеціи.

— Въ Нью-Йоркѣ съ прошлой осени издается музыкальный журналъ, подъ названіемъ The American Musical Times; редакторъ его — Уатсонъ. Въ послѣднихъ номерахъ между прочимъ говорится о двухъ исполненіяхъ Менделсона «Илья», бывшихъ за нѣсколько дней до его смерти. 8 ноября данъ прекрасный концертъ духовной музыки, подъ управленіемъ Чюба; а на слѣдующій день американскимъ музыкальнымъ обществомъ, подъ управленіемъ Лодера.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммисіонера Императорской Библиотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

ФРАНЦУЗСКІЯ:

COLLECTION DES MANUELS-RORET FORMANT UNE ENCYCLO-
PÉDIE DES SCIENCES ET DES ARTS.

(Format in-18).

MANUEL POUR GOUVERNER LES ANCIENS et en retirer un grand profit, par M. Radouan. 2 vol. 1^r. 70 c.

— ACCORDEUR DE PIANOS, par M. Giorgio di Roma. 1 vol. — 35 c.

— ACTES SANS SIGNATURES PRIVÉES en matières civiles, commerciales, criminelles, etc., par M. Biret, ancien magistrat. 1 vol. 75 c.

- MANUEL AGRICULTURE ÉLÉMENTAIRE**, à l'usage des écoles primaires et des écoles d'agriculture, par V. Rendu. (Autorisé par l'Université. 35 c.
- **ALGÈBRE**, ou Exposition élémentaire des principes de cette science, par M. Terquem. (Ouvrage approuvé par l'Université). 1 gros vol. 1 r.
- **ALLIAGES MÉTALLIQUES**, par M. Hervé, officier supérieur d'artillerie, ancien élève de l'École polytechnique. 1 vol. 1 r.
- **AMIDONNIER et VERNISSEUR**, par M. le docteur Manin. 1 vol. avec figures. 85 c.
- **ANIMAUX NUISIBLES (Destructeur des) à l'Agriculture, au Jardinage, etc.**, par M. Verardi. 1 vol. orné de planches. 85 c.
- **ARCHÉOLOGIE**, par M. Nicard. 3 vol. avec Atlas. Prix de 3 vol. 3 r.; de l'Atlas, 3 r. 45 c., et de l'ouvrage complet: 6 r. 45 c.
- **ARCHITECTE DES JARDINS**, ou l'Art de les composer et de les décorer, par M. Boitard. 1 vol. avec Atlas de 132 planches. 4 r. 30 c.
- **ARCHITECTE DES MONUMENTS RELIGIEUX**, ou Traité d'Archéologie pratique, applicable à la restauration et à la construction des Eglises, par M. Schmit. 1 gros vol. avec Atlas contenant 20 planches. 2 r.
- **ARCHITECTURE**, ou Traité de l'Art de bâtir, par M. Toussaint, architecte. 2 vol. ornés de planches. 2 r.
- **ARITHMÉTIQUE DÉMONTRÉE**, par MM. Collin et Tremery. 1 vol. 75 c.
- **ARITHMÉTIQUE COMPLÉMENTAIRE**, ou Recueil de Problèmes nouveaux, par M. Themery. 1 vol. 50 c.
- **ARMURIER**, Fourbisseur et Arquebusier, par Paulin Désormeaux. 1 vol. avec figures. 85 c.
- **ARPENTAGE**, ou Instruction élémentaire sur cet art et sur celui de lever les plans, par M. Lacroix, de l'Institut. 1 vol. avec figures. (Autorisé par l'Université). 75 c.
- **ARPENTAGE SUPPLÉMENTAIRE**, ou Recueil d'exemples pratiques sur les différentes opérations d'arpentage et de levée des plans, par M. Hogard; avec des Modèles de Topographie, par M. Chartier. 1 vol. avec figures. 75 c.
- **ART MILITAIRE**, par M. Vergnaud. 1 vol. avec figures. 85 c.
- **ARTIFICIER**, Poudrier et Salpêtrier, par M. Vergnaud, capitaine d'artillerie. 1 vol. orné de planches. 85 c.

- MANUEL ASSOLEMENTS, JACHÈRE et SUCCESSION DES CULTURES**, par Victor Yvart, de l'Institut, avec des notes par Victor Rendu, inspecteur de l'agriculture. 3 vol. 3 r.
- **ASTRONOMIE, ou Traité élémentaire de cette science**, de W. Herschel, par M. Vergnaud. 1 vol. orné de planches. 75 c.
- **ASTRONOMIE AMUSANTE**, traduite de l'anglais, par A. Vergnaud avec figures. 75 c.
- **BANQUIER, Agent de change et Courtier**, par MM. Penchet et Tremery. 1 vol. 75 c.
- **BARÈME COMPLET DES POIDS ET MESURES**, par M. Bagilet. 85 c.
- **BIBLIOTHÉCONOMIE, Arrangement, Conservation et Administration des bibliothèques**, par L.-A. Constantia. 1 vol. orné de figures. 85 c.
- **DU BIJOUTIER, Joaillier, Orfèvre, Graveur sur métaux et Changeur**, par Julia de Fontenelle. 2 vol. 2 r.
- **BLANCHIMENT et BLANCHISSAGE, Nettoyage et Dégraissage des fil, lin, coton, laine, soie, etc.**, par Julia de Fontenelle. 2 vol. ornés de planches. 1 r. 45 c.
- **BLASON, ou Traité de cet art sous le rapport archéologique et héraldique**, par Jules Pautet, bibliothécaire de la ville de Besançon. 1 vol. orné de planches. 1 r.
- **BOIS (Marchands de) et de Charbons, ou Traité de ce commerce en général**, par Marie de Lisle. 1 vol. avec figures. 85 c.
- **BOIS (Manuel-Tarif métrique pour la conversion et la réduction des), d'après le système métrique**, par M. Lombard. 1 vol. 75 c.
- **BONNETIER et FABRICANT DE BAS**, par MM. Leblanc et Preaux-Caltot. 1 vol. avec fig. 85 c.
- **BOTANIQUE, Partie élémentaire**, par M. Boitard. 1 vol. avec planches. 1 r.
- **BOTANIQUE, 2e partie, -Flore française, ou Description synoptique de plantes qui croissent naturellement sur le sol français**, par M. le docteur Boisduval. 3 gros vol. 3 r.
- **ATLAS DE BOTANIQUE, composé de 120 planches, représentant la plupart des plantes décrites dans l'ouvrage ci-dessus. Prix: fig. noires,** 5 r. 15 c.
Figures coloriées, 10 r. 30 c.
- **BOTTIER et CORDONNIER**, par M. Morin. 1 vol. avec fig. 85 c.
- **BOULANGER, Négociant en grains, Meunier et Constructeur de Moulins**, par MM. Benoit et Julia de Fontenelle. 2 vol. avec fig. 1 r. 45 c.

MANUEL BOURRELIER et SELLIER, par M. Lebrun. 1 volume orné de figures.	85 c.
———— BOUVIER et SOPHIE, ou l'Art d'élever et de soigner les animaux domestiques, par M. Boyard. 1 vol.	75 c.
———— BRASSEUR, ou l'Art de faire toutes sortes de Bières, par M. Vergnaud. 1 vol.	75 c.
———— DU BRODEUR, ou Traité complet de cet Art, par Mme. Celnart. 1 vol. avec un Atlas de 40 pl.	2 r.
———— CALENDRIER (Théorie du) et Collection de tous les calendriers des années passées et futures, par M. Francœur, professeur à la Faculté des sciences. 1 vol.	85 c.
———— CALLIGRAPHIE, ou l'Art d'écrire en peu de leçons, par M. Tremery. 1 vol. avec Atlas.	85 c.
———— CARTES GEOGRAPHIQUES (Construction et Dessin des), par M. Perrot. 1 vol. orné de pl.	85 c.
———— CARTONNIER, Cartier et Fabricant de Cartonnage, par M. Lebrun. 1 vol. orné de figures.	85 c.
———— CHAMOISEUR, Pelletier-Fourreur, Maroquinier, Mégissier et Parcheminier, par Julia de Fontenelle. 1 vol. orné de pl.	85 c.
———— CHANDELIER, Cirier et Fabricant de Cire à cacheter, par M. Lenormand. 1 gros vol. orné de pl.	85 c.
———— CHAPEUX (Fabricant de), par MM. Cluz, F. et Julia de Fontenelle. 1 vol. orné de planches.	85 c.
———— CHARCUTIER, ou l'Art de préparer et de conserver les différentes parties du cochon, par M. Lebrun. 1 vol. avec figures.	75 c.
———— CHARPENTIER, ou Traité simplifié de cet Art, par MM. Hanns et Biston. 1 vol. orné de 13 pl.	1 r.

Н Ъ М Ъ Ц К І Я :

(Въ книжныхъ магазинахъ Шницдорфа, на Невскомъ проспектѣ, на углу Большой Морской; въ домѣ Чаплина, и въ Третей Мѣшанской въ домѣ Миронова).

(Цѣны на серебро.)

B. C.

ALMANACH, genealog. histor. geographischer, für 1848. 1 Bd. in-8.

Weimar. carton.

4 05

- ANNON, Dr. F. A. v.**, klinische Darstellungen der Krankheiten und der Bildungsfehler des menschl. Auges. IV. (Schluss) Lief. gr. Fol. Berlin. geh. 90 C. Das ganze Werk complet 54 90
- AUSLAND**, das belletristische, herausg. von C. Spindler. Verschiedene neue Bände, die neuesten Romane von Sue, Dumas, Flygare Carlén etc. enthaltend. à Band — 3
- BAGGE, Dr. Harald.** Reise nach dem Orient, der europ. Türkei, Aegypten, Nubien und Palästina. 8. Frankfurt. geh. 1 50
- BARNHAUS, Dr. H.** Die Völker des Erdballs. Nach ihrer Eigenthümlichkeit, Regierungsform, Religion, Sitten und Tracht geschildert. 2 Bde. mit 130 col. Bildern. gr. 8. Leipzig. cart. 23 50
(Auch in Heften à 45 C. zu haben).
- BERZELIUS, J. J.** Lehrbuch der Chemie. 5. Auflage. 5r. Band 2. Lief. gr. 8. Dresden. geh. 1 35
(Der Schluss des Werkes erscheint sehr bald).
- BIEDENFELD, Ferd. Freih. v.** Wörterbuch der Synonymen sämtlicher Pflanzen. 1r. Bd. A—H. kl. 8. Weimar. geh. 2 40
- BILDENBUCH**, italienisches, von der Verfasserin der Clementine und Jenny (Fanny LEWALD). 2 Bde. 8. Berlin. geh. 4 50
- BOCK, Prof. C.** Lehrbuch der patholog. Anatomie, mit Rückzicht auf die Anwendung am Krankenhette. gr. 8. Leipzig. geh. 3 —
(Die 2te Hälfte erscheint in wenig Wochen).
- BRÖNNER, Dr.** Die Blasensteinerpalverung, eine kritische Behandlung etc. Mit 1 Tafel. gr. 8. Erlangen. geh. 1 10
- BRUCH, Dr. C.** Die Diagnose der bösartigen Geschwülste. Mit 5 lithog. Tafeln. 8. Mainz. geh. 3 —
- CANSTATT, Prof. Dr. C.** Die specielle Pathologie und Therapie, vom klinischen Standpunkte aus. 2r. Bd. gr. 8. Erlangen. 9 40
Preis des completeu Werkes 1—4r. Bd. 27 50
- DIEFFENBACH, J. F.** Operative Chirurgie. 10a. Heft. gr. 8. Leipzig. geheftet 1 35
(Das 11e u. 12e Heft; Schluss des Ganzen, erscheinen sehr bald).
- DULLER, Ed.** Das deutsche Volk in seinen Mundarten, Sitten, Gebräuchen, Festen und Trachten, mit 50 col. Bildern. gr. 8. Leipzig. Erscheint in 25 Lieferungen, jede à — 25
- EBBLING, Fr. W.** Angelächsisches Lesebuch. 4. Leipzig. geh. 2 70
- EMMERT, Dr. C.** Lehrbuch der Chirurgie. Mit mehr als 1000 Holzschnitten. 1r. Bd. 1e Lief. gr. 8. Stuttgart. geh. 1 45

ENCYCLOPÄDIE der deutschen Nationallitteratur von Wolf. 8r oder Supplementband. gr. 4. Leipzig. geh. 1—5e Lief. à	— 60
—— Abth. der Wissenschaften u. Künste. 1r Bd. 1e Lieferung: Forstwissenschaft und Landwirthschaft. gr. 8. Stuttg. geh.	1 20
EULER'S; Leonh. Briefe an eine deutsche Prinzessin über verschiedene Gegenstände der Physik und Philosophie. Herausgeg. von Müller. 8. Stuttgart. geh.	2 15
—— Mechanik oder Darstellung etc. Herausgeg. von Wolfers. 1r Bd. mit Kupfern. gr. 8. Gräfenwald. geh.	3 40
FIRMINON; Germain's Völkerthumen, Volkstüder etc. 19r Bd. 3e Lief. gr. 8. Berlin. jede Lieferung	— 70
FLACHAT; Fabricien des Eisens; Atlas von 90 Tafeln mit Text. 1e Lief. (30 Tafeln). gr. Folio. Leipzig. geh.	12 15
FOCKE; Physiologische Studien. 1s Heft mit 3 Abbildungen. 4. Striech. geh.	1 35
FRAUEN DER BIBEL in Bildern mit Text. 1e Abtheilung: Altes Testament. 4. Leipzig. In 20 Heften. à	— 36
FRESSENIUS; Anleitung zur qualitativen chemischen Analyse. 5e Aufl. gr. 8. Braunschweig. geh.	1 80
—— Anleitung zur quantitativen chem. Analyse. 2e Aufl. gr. 8. Eberd. geh.	3 15
—— Lehrbuch der Chemie für Landwirthe, Forstmänner und Cameralisten. gr. 8. Eberd. geh. 1e und 2e Lief.	2 70
GMELIN; Geheim-Rath Lewp. Handbuch der organischen Chemie. (14r Bd. seines Hauptwerks, Handb. d. Chemie). 1—4 Lief. gr. 8. Heidelberg. à	— 90
GOETHE, W. Deutsche Fauna; mit Zeichnungen von Koubach. 12 Lieferungen. 4. Stuttgart. à	1 05
GRABE; Die deutsche Volksschule. 2 Bde. gr. 8. Leipzig. geh.	4 —
GRUBER-OTTO; Lehrbuch der Chemie. 2e Aufl. mit Holzschnitten. gr. 8. Braunschweig. geh. (Erschienen bis 11r Bd. 15e Lief.) à	— 70
GÜTZLAF'S Geschichte von China. Herausgegeben von Neumann. gr. 8. Stuttgart. geh.	4 75
HACKENBENDER; Pilgerzug nach Mekka. kl. 8. Stuttgart. geh.	— 40
HÄXTHAUSEN, Aug. Freiherr v. Studien über die innern Zustände, das Volkthum und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. 2 Bde. gr. 8. Hannover. geh.	7 20

- HEINRICH'S dramatische Schriften. Aus dem Dänischen von Kennegiesser. 2r Bd. 8. Leipzig. — 65
- HERLOSSONN. Die Mörder Wallensteins. Histor. Roman. 3 Bde. 8. Leipzig. 5 40
- HEYNSOLD. Nomenclator botanicus Hortensis. 2 Bde. 8. Leipzig. cart. 9 60
- HOFPLER. Chemie und Mikroskop am Krankenbette etc. gr. 8. Erlangen. geh. 5 10
- HUMBOLDT, Alex. v. Kosmos. 2r Bd. gr. 8. Stuttgart. broch. à 3 20
- HYRTL, Prof. Handbuch der topographischen Anatomie. 1r und 1lr Bd. 1e Abtheilung. gr. 8. Wien. geh. 5 80
- JEAN PAUL'S ausgewählte Werke. Auswahl in 16 Bdn. 8. Berlin. geh. à — 70
- KEYSERLING, Graf, und P. v. KRUSENSTERN wissenschaftl. Beobachtungen auf einer Reise in's Petschora Land im Jahre 1842. gr. 4. mit Holzschn., 22 Kupfertafeln u. 1 Karte. St. Petersburg. geh. 10 —
- KIWIŠCH von Rötterau. Klinische Vorträge über specielle Pathologie und Therapie der Krankheiten des weiblichen Geschlechts. 1e Abtheilung. gr. 8. Prag. geh. 4 50
- KNAPP. Lehrbuch der chemischen Technologie. 1—7e Lieferung. gr. 8. Braunschweig. geh. 4 65
- KLEINEREN'S gesammelte Werke, herausgeg. von PERZ. 1e Folge Geschichte 1—4r Bd. 1le Folge 1r Bd. gr. 8. Hannover. geh. 18 —
- LEONHARD, Ritter Dr. K. G. v. Populaire Mineralogie mit Holzschnitten. 8. Stuttgart. geb. — 85
- LIEBIG, Prof. Dr. Just. Chemische Untersuchung über das Fleisch und seine Zubereitung zum Nahrungsmittel. gr. 8. Heidelberg. geh. 1 15
- LOHR, Hauptmann. Grosses Kriegswörterbuch. 1—7e Lief. gr. 8. Mannheim. à — 60
- LOEWIG, Dr. C. Chemie der organischen Verbindungen. II. Bandes 3e Lief. gr. 8. Braunschweig. geh. Preis des compl. Werkes 15 20
- LOHM. Gräfenberger Aquarelle. 8. Berlin. geh. 1 80
- MACQUELDEY. Systema juris Romani. Nov. edit. ab Hindenburg. 8maj. Lips. br. 4 50
- MENZEL. Künstler-Jugend. Roman aus dem Leben. 3 Bände. 8. Berlin. geh. 3 —

METZGER, E. Bürgerliche Baukunst in Vorlagen. 1r Bd. Maurer-, 2r Band Zimmerwerkkunde. gr. Fol. 60 Tafeln mit Text. München. cart. à Bd.	5 50
MITSCHERLICH, Prof. Lehrbuch der Arzneimittellehre. 1r Band. 2e Aufl. gr. 8. Berlin. geh.	4 75
MOHN, Apoth. Lehrbuch der pharmac. Technik. Mit 300 Holzschn. gr. 8. Braunschweig. geh.	3 40
——— Commentar zur preussischen Pharmacopoea. 1e u. 2e Lief. gr. 8. Ehend. geh. à	— 90
MÜLLER - POUILLET. Lehrbuch der Physik und Meteorologie. 3te umgearbeitete Aufl. Mit mehr als 1200 Holzschnitten und 2 Kupfertafeln. 2 Bde. gr. 8. Braunschweig. geh. Erschienen ist Lief. 1.	2 25
MURCHISON, VERNEUIL und KAISERLING. Geologie des europäisch. Russlands und des Ural, bearbeit. von G. Leonhard. 1e Abth. gr. 8. Stuttgart. geh.	2 70
NATURGESCHICHTE, illustrierte, des Thierreichs. 14e Liefer. gr. 4. geb.	— 45
(25 Lieferungen erscheinen im Ganzen).	
NOEL, R. R. Grundzüge der Phrenologie. 2e Aufl. Mit 44 Abbild. gr. 8. Leipzig. geh.	4 50
NORGERATH, Dr. J. Entstehung der Erde. gr. 8. Stuttgart. geh.	2 10
OESTERLEN (in Dorpat). Handbuch der Heilmittellehre. 2e Auflage. gr. 8. Tübing. cart.	7 40
PANORAMA der deutschen Classiker. Auswahl aus den Meisterwerken deutscher Poesie und Prosa mit Stahlstichen. 2 Bde. gr. 8. Stuttgart. eleg. geb. à 6 R. In 12 Heften à	— 45
PFEINHAUER, Prof. Grammaire turque. Lex-8. Vionne. br.	6 —
PLAGGE. Handbuch der Pharmacodynamik für Aerzte etc. gr. 8. Braunschweig. geh.	2 70
PAUCKER, Dr. C. J. Esthland's Landgüter und deren Besitzer zur Zeit der Schwedenherrschaft. I. Harrien. gr. 8. Reval. geh.	1 40
QUITEMANN, Dr. E. A. Populaire Anatomie und Physiologie des Menschen. 8. Stuttgart. geh.	— 85
RAUMER, Fr. v. Vorlesungen über alte Geschichte. 2e Auflage. 2 Bde. gr. 8. Leipzig. geh.	7 65
REAL ENCYCLOPÄDIE (Brockhaus Conversations-Lexicon. 9e Aufl. 1—112e Lief. (1—14r Bd.). gr. 8. Leipzig. geh. jede Lief. (Der 15e Schlussband, Lief. 113—120 erscheint baldigst).	— 20

Kutsch, Max. Gallerie zu Shakespeares dramatischen Werken in Umriszen. Neue wohlfeile Ausgabe in 1 Bde. 4. Leipzig. geb.

13 50

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Невской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Пьесы для скрипки съ акомпаниментомъ оркестра или форте-пиано.

ALARD. Fantaisie sur l'opéra: Maria Padilla, pour le violon avec orchestre, op. 17 (7 r. 72 c.). La même avec piano (2 r. 15 c.).

— Dix études caractéristiques pour le violon avec piano, op. 18, liv. 1. 2. 3 (chaque 2 r. 29 c.).

BEBIOT. Cinquième grand concerto avec orchestre, op. 55 (5 r. 16 c.). Le même concerto avec piano, op. 55 (2 r. 85 c.).

— Trois duos concertants pour deux violons, op. 57, liv. 1. 2. 3 (chaque 1 r. 72 c.).

DAVID. Introduction et variations brillantes sur un thème original, avec orchestre, op. 19 (4 r.). avec piano (1 r. 72 c.).

DEBAS. Fantaisie sur les motifs de l'opéra: Lucrezia Borgia, avec piano (2 r.).

ERNST. Introduction, caprices et suite sur un thème de l'opéra: Il pirata, op. 19, avec orchestre (3 r. 72 c.), avec quatuor (2 r.), avec piano (2 r.).

— Ronde papagena pour le violon, avec orchestre, op. 20 (4 r. 29 c.), avec piano, op. 20 (3 r. 29 c.).

KALLIWODA. Sixième concertino pour le violon avec piano, op. 161 (2 r.).

— Trois duos brillants et faciles pour deux violons, op. 152, 33 } 2. 3 (chaque 1 r. 43 c.).

LAURIDOT. L'écho de l'opéra: Morceaux choisis et concertans d'une exécution facile et agréable pour violon et piano, liv. 1. 2. 3 (chaque 85 c.).

- LEONARD.** Premier concerto pour le violon avec piano, op. 10 (2 r. 29 c.).
- Romance pour violon avec piano, op. 11 (1 r. 43 c.).
- Elegie pour le violon avec piano, op. 12 (1 r. 15 c.).
- MOESER.** Thème original varié pour la 4me corde du violon avec piano, op. 6 (1 r. 43 c.).
- MOLIQUE.** Fantaisie hongroise pour le violon avec orchestre, op. 26 (4 r. 58 c.), avec piano, op. 26 (2 r. 85 c.).
- PRUME.** La mélancolie. Pastorale pour le violon avec piano, op. 1. Nouvelle édition (1 r. 72 c.).
- STEVENIERS.** La sirène, concertino pour violon avec piano (2 r.).
- VIEUXTEMPS.** Souvenirs de Russie. Fantaisie pour le violon avec orchestre, op. 21 (4 r. 29 c.). La même avec piano (1 r.).
- Troisième morceau de salon. Réverie, adagio pour le violon avec piano, op. 29, № 3. (1 r. 29 c.).
- WUERST.** Deux romances pour violon avec piano, op. 12 (85 c.).

Пьесы для одной скрипки.

- ALARD.** Dix études brillantes pour le violon avec accompagnement d'un 2e violon ad libit., op. 16 (2 r. 85 c.).
- KAYSER.** Terpsichorens Lieblings-Klänge. Sammlung der beliebtesten und neuesten Tänze für Violine. Liv. 1 à 6 (chaque 58 c.).
- KUEFFNER.** Répertoire de nouvelles danses favorites. Polkas, galops, mazurkas, etc. etc. pour le violon seul. Cah. 1. 2. 3. 4, (chaque 58 c.).
- MEERTS.** Le mécanisme du violon devisé en ses divers élémens et appliqué à tous les accens de la musique dans une suite d'études caractéristiques (4 r. 58 c.).
- OPÉRAS ITALIENS** de Bellini, Donizetti etc. Choix d'airs et romances pour le violon seul. № 7. La fille du regiment. № 8. Linda di Chamounix. № 9. I Puritani. № 10. Belisario. № 11. Il barbiere di Siviglia. № 12. I Montecchi ed i Capuletti (chaque 1 r.).

Пьесы для фортепиано.

- BEYER.** Album pour 1848. Six morceaux élégants (3 r.). Petite fantaisie sur Lucrezia Borgia (60 c.).
- BERNARD.** Trois mazurkas de salon (85 c.).
- Cavatine de Ricci, chantée dans l'Elisire d'amore par Mme Frezzolini, transcrite (60 c.).
- CHOPIN.** Trois nouvelles mazurkas, op. 63 (1 r. 15 c.). Trois nouvelles valse, op. 64 (1 r. 72 c.).

Каталогъ, Mus. Gallerie zu Halespurg's dramatischen Werken
in Umriszen. Neue wohlfeile Ausgabe in 1 Bde. 4. Leipzig.
geb.

13 50

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Нев-
ской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

*Пьесы для скрипки съ академическимъ оркестромъ или форте-
пiano.*

ALARD. Fantaisie sur l'opéra: Maria Padilla, pour le violon avec or-
chestre, op. 17 (7 r. 72 c.). La même avec piano (2 r. 15 c.).

— Dix études caractéristiques pour le violon avec piano, op. 18, Nr.
1. 2. 3 (chaque 2 r. 29 c.).

BÉRIOT. Cinquième grand concerto avec orchestre, op. 55 (5 r. 15 c.).
Le même concerto avec piano, op. 55 (2 r. 85 c.).

— Trois duos concertants pour deux violons, op. 57, liv. 1. 2. 3
(chaque 1 r. 72 c.).

DAVID. Introduction et variations brillantes sur un thème original, avec
orchestre, op. 19 (4 r.). avec piano (1 r. 72 c.).

DEBAS. Fantaisie sur les motifs de l'opéra: Lucrezia Borgia, avec piano
(2 r.).

ERNST. Introduction, caprices et finale sur un thème de l'opéra: Il pi-
rate, op. 19, avec orchestre (2 r. 72 c.), avec quatuor (2 r.), avec
piano (2 r.).

— Ronde paragonne pour le violon, avec orchestre, op. 20 (4 r. 29
c.), avec piano, op. 20 (3 r. 29 c.).

KALLIWODA. Sixième concerto pour le violon avec piano, op. 161
(2 r.).

— Trois duos brillants et faciles pour deux violons, op. 153, Nr. 1.
2. 3 (chaque 1 r. 43 c.).

LAURIDT. L'écho de l'opéra: Morceaux choisis et concertants d'une
exécution facile et agréable pour violon et piano, liv. 1. 2. 3
(chaque 85 c.).

- LEONARD.** Premier concerto pour le violon avec piano, op. 10 (2 r. 29 c.).
- Romance pour violon avec piano, op. 11 (1 r. 43 c.).
- Elegie pour le violon avec piano, op. 12 (1 r. 15 c.).
- MOESER.** Thème original varié pour la 4me corde du violon avec piano, op. 6 (1 r. 43 c.).
- MOLIQUE.** Fantaisie hongroise pour le violon avec orchestre, op. 26 (4 r. 58 c.), avec piano, op. 26 (2 r. 85 c.).
- PRUME.** La mélancolie. Pastorale pour le violon avec piano, op. 1. Nouvelle édition (1 r. 72 c.).
- STEVENIERS.** La sirène, concertino pour violon avec piano (2 r.).
- VIEUXTEMPS.** Souvenirs de Russie. Fantaisie pour le violon avec orchestre, op. 21 (4 r. 29 c.). La même avec piano (1 r.).
- Troisième morceau de salon. Réverie, adagio pour le violon avec piano, op. 29, № 3. (1 r. 29 c.).
- WUERST.** Deux romances pour violon avec piano, op. 12 (85 c.).

Пьесы для одной скрипки.

- ALARD.** Dix études brillantes pour le violon avec accompagnement d'un 2e violon ad libit., op. 16 (2 r. 85 c.).
- KAYSER.** Terpsichorens Lieblings-Klänge. Sammlung der beliebtesten und neuesten Tänze für Violine. Liv. 1 à 6 (chaque 58 c.).
- RUEFFNER.** Répertoire de nouvelles danses favorites. Polkas, galops, mazurkas, etc. etc. pour le violon seul. Cah. 1. 2. 3. 4, (chaque 58 c.).
- MEERTS.** Le mécanisme du violon divisé en ses divers élémens et appliqué à tous les accens de la musique dans une suite d'études caractéristiques (4 r. 58 c.).
- OPÉRAS ITALIENS** de Bellini, Donizetti etc. Choix d'airs et romances pour le violon seul. № 7. La fille du regiment. № 8. Linda di Chamounix. № 9. I Puritani. № 10. Belisario. № 11. Il barbiere di Siviglia. № 12. I Montecchi ed i Capuletti (chaque 1 r.).

Пьесы для фортепiano.

- BEYER.** Album pour 1848. Six morceaux élégants (3 r.). Petite fantaisie sur Lucrezia Borgia (60 c.).
- BERNARD.** Trois mazurkas de salon (85 c.).
- Cavatine de Ricci, chantée dans l'Elisir d'amore par Mme Frezolini, transcrite (60 c.).
- CHOPIN.** Trois nouvelles mazurkas, op. 63 (1 r. 15 c.). Trois nouvelles valse, op. 64 (1 r. 72 c.).

- DOEHLER.** Un promenade en gondole. Nocturne, op. 64 (75 c.). Grande fantaisie sur la Sonnambula de Bellini, op. 66 (2 r.).
- ERNST.** Le carnaval de Venise, transcrit pour le piano par M. Bernard (85 c.).
- HERZ.** Les célébrités du jour. Grandes valse brillantes, op. 157 (1 r. 43 c.). Grande fantaisie sur des airs nationaux américains, op. 158 (1 r. 72 c.).
- HUENTEN.** Rondeau sur un thème de l'opéra: Le bouquet de l'Infante, op. 152 (1 r.). Fantaisie sur l'opéra: La fille du régiment, op. 153 (1 r.). Rondino sur une Tyroliense de Donizetti, op. 154 (1 r.). Fantaisie sur l'opéra: Le maçon, op. 155 (1 r.). Rondeau sur Christophe Colomb de F. David, op. 156 (1 r.). Deux fantaisies, op. 157. № 1. Thème de Donizetti. № 2. Thème de Bellini (chaque 1 r.).
- LEWY.** Les bohémiens. Mélodies russes: «На зарѣ ты ся небуди», Варламова, и пѣсня: «Вотъ по улицѣ молодецъ идетъ», transcrites et variées, op. 27 (1 r.).
- MENDELSSOHN-BARTHOLDY.** Sechs Kinderstücke, op. 72 (1 r. 43 c.).
- ROSELLEN.** Fantaisie brillante sur l'opéra: L'Éclair d'Halevy, op. 96 (1 r. 72 c.). Fantaisie sur l'opéra: Ne touchez pas à la reine, op. 97 (1 r. 43 c.). Fantaisie brillante sur Christophe Colomb de David, op. 98 (1 r. 72 c.).
- SCHAD.** La rose des alpes. Romance variée, op. 38 (60 c.).
- THALBERG.** Décameron, № 5. Fantaisie sur des mélodies de Schubert, op. 57 (1 r. 15 c.).

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА, собранныя и аранжированныя для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепiano, М. Бервардъ. Въ четырехъ отдѣленіяхъ 135 пѣсень (6 руб.).

(Выписывающіе ноты на сумку не менѣе трехъ рублѣй серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублѣй, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Берварда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла вторая тетрадь «Новеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Wagner. Air russe favori: «Не одна во полѣ дороженька», varié. — Ravina. Fanfare. — Goria. Barcarolle. — Chopin. Mazurka, op. 63. — Mayer. Rapsodie, op. 104. — Liadoff. Qua-

Grille. — Beyer. Petite fantasia sur l'opéra Beatrice di Tenda. — Wagner. Rondino — Valse. — Глянщикова. Русская пѣсня. — Arnold. Le soldat du Roi, romance. — МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ, № 2. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.).

МОДЫ.

— Какъ моды вновь появились казну, видъ, лучше, спенсеры изъ чернаго кружева! При открытыхъ корсажахъ и короткихъ рукавахъ для выѣздовъ въ театры, концерты и небольшія вечернія собранія, они совершенно закрыты; гладкая сборчатая спинка, передки корсажа драпированные отъ плечъ къ кушаку съ пражкой, которые оставляютъ необходимое условіе этого прелестнаго наряда; кругомъ вырѣза у шевъ обшиваютъ чернымъ рюшемъ или чернымъ кружевомъ шириной не болѣе полутора вершковъ; рукава длинные и гладкіе съ небольшими эпалетками обшитыми въ одинъ или два ряда рюшемъ или кружевомъ; одинаковой ширины кружево легко собранное, также въ два ряда пришивается внизу рукава и спускаясь на кисть руки придаетъ еще болѣе красоты маленькимъ бѣлымъ ручкамъ; кругомъ талія, изъ подъ кушака выходитъ опять черное кружево не менѣе четверти аршина, пришитое частыми сборами въ родѣ коротко или кофты и превосходно обрисовывая талію придаетъ изящность и граціозность всѣмъ движеніямъ стана. Эти спенсеры очень красивы какъ на темныхъ такъ и на свѣтлыхъ шелковыхъ платьяхъ, даже и на бѣлыхъ. Бѣлыя кружевные точно такого же покроя дѣлаютъ съ короткими рукавами обшивая ихъ въ два и три ряда широкимъ кружевомъ. Бѣлые спенсеры или канзу надѣваютъ и на балы. Этотъ легкій нарядъ при балныхъ условіяхъ не только не портитъ роскошной обстановки цѣлаго, напротивъ прибавляетъ изящной простоты своей болѣе прелестно великолѣпно балнаго туалета! Закрытые корсажи въ такомъ уваженіи, что многіе танцующія, какъ и не танцующія красавицы являлись на послѣднихъ большихъ балахъ, при короткихъ рукавахъ съ закрытыми корсажами; но въ такихъ случаяхъ высокіе корсажи дѣлаютъ только для платьевъ изъ самыхъ легкихъ и прозрачныхъ матерій: тюля, газу, барежа и муселина.

вапёръ и исключительно бѣлыя; бѣлыя же шелковыя бальныя платья изъ ну-де-совъ, гро-гро или нуаре почти всѣ встрѣчаются съ высокими корсажами съ длинными гладкими рукавами; при такихъ платьяхъ бриллынты, жемчугъ и всякія золотыя галантерейныя украшенія производятъ эфектъ изумительный; полупороткіе рукава обшитые кружевомъ въ нѣсколько рядовъ о коротенькіе въ два и три ряда обшитые кружевомъ также чрезвычайно красивы.

Голубые и розовые цвѣта для бальныхъ платьевъ не много приглядѣлись, стали очень обыкновенны, хотя всегда будутъ имѣть постоянно приверженныхъ бѣлокуроыхъ красавицъ; но какъ не сказать, что цвѣтъ абрикосовый для бальныхъ платьевъ, который недавно показался въ модномъ свѣтѣ, цвѣтъ прелестный, восхитительный! Много появилось шляпокъ изъ разнаго бархату абрикосоваго цвѣту. Онѣ также прелестны!

=

JAN 24 1951

